

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

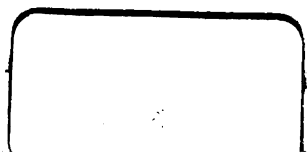
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855832 1

INDEXED

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ Ш.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ III.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

**Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.**

**Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592565
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

О Б Р Ы В Ъ

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

На другой день, въ деревенской церкви Малиновки, съ десяти часовъ, начали звонить въ большой колоколъ, въ обѣднѣ. Въ домѣ была суета. Закладывали коляску, старомодную карету. Кучера одѣлись въ синіе, новые кафтаны, намазали головы коровинымъ масломъ и съ утра напились пьяны. Дворовыя женщины и дѣвочки пестрѣли праздничными, разноцвѣтными, ситцевыми платьями, платками, косынками, ленточками. Отъ горничныхъ за десять шаговъ несло гвоздичной помадой. Егорка явился было неслышаннымъ франтомъ, въ подаренномъ ему Райскимъ коротенькомъ пиджакѣ, влѣтчатыхъ зеленыхъ, почти новыхъ, панталонахъ, и въ купленныхъ имъ самимъ — оранжевомъ галстухѣ и голубомъ жилетѣ. Онъ, въ этомъ нарядѣ, нечаянно попался на глаза Татьянѣ Марковнѣ.

— Это что! строго крикнула она на него: — что за чучело, на кого ты похожъ? Долой! Василиса! Выдать имъ всемъ ливрейные фраки: и Сережкѣ, и Степѣ, и Петрушкѣ, и этому шуту! говорила она, указывая на Егора. — Яковъ пусть черный фракъ да бѣлый галстухъ надѣнетъ: чтобъ и за столомъ служили, и вечеромъ оставались въ ливреяхъ.

* См. выше: янв. 5, февр. 497, мар. 5, апр. 523—617 стр.

Весь домъ смотрѣлъ парадно, только Улита, въ это утро глубже, нежели въ другіе дни, опускалась въ свои холодильники и подвалы и не успѣла надѣть ничего, что дѣлало бы ее непохожею на вчерашнюю или завтрашнюю Улиту. Да повара почти съ зарей надѣли свои бѣлые колпаки и не повладывали руць, готова завтракъ, обѣдъ, ужинъ—и господамъ, и дворнѣ, и пріѣзжимъ людямъ изъ-за Волги.

Бабушка, отдавъ приказанія съ ранняго утра, въ восемь часовъ сдѣлала свой туалетъ и вышла въ залу, къ гостѣмъ и будущей роднѣ своей, въ полномъ блескѣ старческой красоты, съ сдержаннымъ достоинствомъ барыни и съ кроткой улыбкой счастливой матери и радушной хозяйки.

Она надѣла на сѣдые волосы маленькій простой чепчикъ; на ней хорошо сидѣло привезенное ей Райскимъ изъ Петербурга шелковое, свѣтло-коричневое платье. Шея закрывалась шемизеткой, съ широкимъ воротничкомъ изъ стараго пожелтѣвшаго кружева. На креслахъ въ кабинетѣ лежала турецкая большая шаль, готовая облечь ее, когда пріѣдутъ гости къ завтраку и обѣду.

Теперь она собиралась ѣхать всѣмъ домою къ обѣднѣ, и въ ожиданіи, когда всѣ домашніе сойдутся, прохаживалась медленно по залѣ, сложивъ руки крестомъ на груди и почти не замѣчая домашней суеты, какъ входили и выходили люди, чистя ковры, приготавливая лампы, отирая зеркала, снимая чехлы съ мебели. Она подходила, то къ одному, то къ другому окну, задумчиво смотрѣла на дорогу, потомъ съ другой стороны въ садъ, съ третьей на дворы. Командовали всей прислугой и распоряжались Василиса и Яковъ, а Савелій управлялся съ дворней.

Мать Викентьева разодѣлась въ платье gris-de perle, съ отдѣлкой изъ темныхъ кружевъ. Викентьевъ прибѣгалъ уже, наряженный съ осьми часовъ во фракъ и бѣлыя перчатки. Ждали только появленія Марейньки.

И когда она появилась, радости и гордости Татьяны Марковны не было конца. Она сіяла природной красотой, блескомъ здоровья, а въ это утро еще лучами веселья отъ всеобщаго участія, отъ множества — со всѣхъ сторонъ знаковъ вниманія, не только отъ бабушки, жениха, его матери, но въ каждомъ лицѣ изъ дворни свѣтилось непритворное дружелюбие, ласка къ ней и лучъ радости, по случаю ея праздника.

Бабушка уже успѣла побывать у нея въ комнатѣ, когда она только что встала съ постели. Проснувшись и поглядѣвъ вокругъ себя, Марейнька ахнула отъ изумленія и внезапной радости. Пока она спала, ей, всѣ стѣны ея двухъ комнатокъ, чьи-то руки обвѣшали гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. Она хотѣла надѣть свою про-

стенную блузу, а на мѣсто ея, на вреслѣ, подлѣ кровати, нашла уреннее неглиже изъ кисей и кружевъ, съ розовыми лентами.

Не успѣла она ахнуть, какъ на двухъ другихъ вреслахъ увидѣла два прелестныя платья—розовое и голубое, на выборъ, которое надѣть.

— Ахъ! сдѣлала она и, вскочивъ съ постели, надѣла новую блузу, не надѣвъ чулокъ—небогда было—подошла къ зеркалу и остолбенѣла: весь туалетъ былъ уставленъ подарками. Она не знала, на что глядѣть, что взять въ руки. Бросится къ платью, а тамъ тянетъ къ себѣ ведровидный ящикъ розоваго дерева: она открыла его,—тамъ былъ полный дамскій сессеръ, почти весь туалетъ, хрустальные, оправленные въ серебро флаконы, гребенки, щетки и множество мелочей.

Она стала было разсматривать всѣ вещи, но у ней дрожали руки: она схватить одинъ флаконъ, увидить другой, положить тотъ, возьметъ третій, увидить гребенку, щетки въ серебряной оправѣ: — и все съ ея вензелемъ *М.* «Отъ будущей тата», написано было на бумажѣ, наклеенной на ящикѣ. «Ахъ!» сдѣлала она, растерявшись и захлопывая крышку. Подлѣ ящика лежало еще нѣсколько футляровъ, футлярчиковъ. Она не знала, за который взяться, что смотрѣть. Взглянувъ мелькомъ въ зеркало и откинувъ небрежно назадъ густую косу, падавшую ей на глаза и мѣшавшую разсматривать подарки, она кончила тѣмъ, что забрала всѣ футляры съ туалета и сѣла съ ними въ постель. Она боялась открывать ихъ, медлила, наконецъ открыла самый маленькій. Тамъ—перстень съ однимъ только изумрудомъ. «Ахъ!» сдѣлала она, и надѣвъ перетень, вытянула руку и любовалась имъ издали. Открыла другой футляръ побольше — тамъ серьги: она вдѣла ихъ въ уши и, сидя въ постели, тянулась взглянуть на себя въ зеркало. Потомъ открыла еще два футляра и нашла большія массивныя браслеты, въ видѣ змѣи кольцомъ, съ рубиновыми глазами, усѣянной по мѣстамъ сверкающими алмазами, и сейчасъ же надѣла ихъ. Наконецъ открыла самый большой футляръ. «Ахъ!» почти съ ужасомъ, замирая, сдѣлала она, увидя цѣлую рѣку—двадцать одинъ брильянтъ, по числу ея лѣтъ. Тамъ бумажка съ словами: «Къ этому во всему», читала она: имѣю честь присовокупить самый драгоценный подарокъ: лучшаго моего друга—самого себя. Берегите его. Вашъ ненаглядный Викентьевъ».

Она засмѣялась, потомъ поглядѣла кругомъ, поцѣловала записку, покраснѣла до ушей, и спрыгнувъ съ постели, спрятала ее въ свой шкапчикъ, гдѣ у нея хранились лакомства. И опять подбѣжала къ туалету посмотрѣть, нѣтъ ли чего-нибудь еще, и нашла еще футлярчикъ. Это былъ подарокъ Райскаго: часы, съ

эмалевоѣ доской, съ ея шифромъ, съ цѣпочкой. Она взглянула на нихъ большими глазами, потомъ окинула взглядомъ прочіе подарки, поглядѣла по стѣнамъ, увѣшаннымъ гирляндами и цвѣтами — и вдругъ опустилась на стулъ, закрыла глаза руками и залилась цѣлымъ дождемъ горячихъ слезъ.

— Господи! всхлиывая отъ счастья, говорила она: за что они меня такъ любятъ всѣ? Я никому ничего хорошаго не сдѣлала и не сдѣлаю никогда!...

Такъ застала ее бабушка, neodѣтую, необутую, съ перстнями на пальцахъ, въ браслетахъ, въ брильянтовыхъ серьгахъ и обильныхъ слезахъ. Она сначала испугалась, потомъ узнавъ причину слезъ, обрадовалась и осыпала ее поцѣлуями.

— Это Богъ тебя любить, дитя мое, говорила она, лаская ее: за то, что ты сама всѣхъ любишь, и всѣмъ, кто поглядитъ на тебя, становится тепло и хорошо на свѣтѣ!...

— Ну, пусть бы Николай Андреечъ: онъ женихъ, пусть маманъ его, отвѣчала Марейнъка, утирая слезы: а братъ Борисъ Павловичъ: что я ему...

— Тоже, что всѣмъ! одна радость глядѣть на тебя: скромна, чиста, добра, бабушкѣ послушна... («Мотъ! изъ чего тратитъ на дорогіе подарки: вотъ я ужъ ему дамъ!» въ скобкахъ вставляла она.) Онъ уродъ, твой братецъ, только какой-то особенный уродъ!

— Точно угадалъ, бабушка: мнѣ давно хотѣлось синенькіе часики — вотъ этакіе, съ эмалью!...

— А чтожъ ты не спросишь бабушку, отчего она ничего не подарила?

Марейнъка зажала ей ротъ поцѣлуемъ.

— Бабушка, любите меня всегда, воли хотите, чтобъ я была счастлива....

— Любовь — любовью, а вотъ тебѣ мой всегдашній подарокъ! говорила она, крестя ее. — А вотъ и еще, чтобъ ты этого моего креста и послѣ меня не забывала...

Она полѣзла въ карманъ.

— Бабушка! Да вѣдь вы мнѣ два платья подарили!... А это это зелени и цвѣтовъ повѣсилъ?

— Все твой женихъ, съ Полиной Карповной, вчера прислали... отъ тебя таили.... Сегодня Василиса съ Пашуткой и убрали на зарѣ... А платья — твое приданое: будетъ и еще не два. Вотъ тебѣ....

Она вынула футлярчикъ, достала оттуда золотой крестъ, съ четырьмя крупными брильянтами, и надѣла ей на шею, потомъ простой гладкій браслетъ съ надписью: «отъ бабушки внучкѣ»,

годъ и число. Марейнъка припала къ рукамъ бабушки и чуть было не расплакалась опять.

— Все, что у бабушки есть—а у ней кое-что есть—все по ровну раздѣлю вамъ съ Вѣрочкой! Одѣвайся же скорѣй!

— Какая вы нынче красавица, бабушка! Братецъ правду говорить: Титъ Нивоничъ непременно влюбится въ васъ...

— Полно тебѣ, болтунья! полусердито сказала бабушка. — Поди къ Вѣрочкѣ и узнай, что она? Чтобы въ обѣдни не опоздала съ нами. Я бы сама зашла къ ней, да боюсь подниматься на лѣстницу....

— Я сейчасъ, сейчасъ... сказала Марейнъка, торопясь одѣваться.

II.

Вѣра, черезъ полчаса послѣ своего обморока, очнулась и поглядѣла вокругъ. Ей освѣжилъ лицо холодный воздухъ изъ отвореннаго окна. Она привстала, озираясь кругомъ, потомъ поднялась, заперла окно, дошла, шатаясь, до постели, и скорѣе упала, нежели легла на нее, и оставалась неподвижною, покрывшись брошеннымъ туда ею накануне большимъ платкомъ. Обессиленная, она впала въ тяжкій сонъ. Истощенный организмъ отбѣжалъ на время, помимо ея сознанія и воли. Коса у ней упала съ головы и рассыпалась по подушкѣ. Она была блѣдна, и спала, какъ мертвая.

Часа черезъ три, шумъ на дворѣ, людскіе голоса, стукъ колесъ и благовѣстъ вывели ее изъ летаргіи. Она открыла глаза, посмотрѣла кругомъ, послушала шумъ, пришла на минуту въ сознаніе, потомъ вдругъ опять закрыла глаза и предалась снова, или сну, или мукамъ.

Въ это время кто-то легонько постучался къ ней въ комнату. Она не двигалась. Потомъ сильнѣе постучались. Она услышала и встала вдругъ съ постели, взглянула въ зеркало и испугалась самой себя. Она быстро обвила косу около руки, свернула ее въ кольцо, закрѣпила кое-какъ черной большой булавкой на головѣ, и накинула на плечи платокъ. Мимоходомъ подняла съ полу назначенный для Марейнъки букетъ и положила на столъ. Стукъ повторился, вмѣстѣ съ легкимъ царапаньемъ у двери.

— Сейчасъ! сказала она и отворила дверь.

Влетѣла Марейнъка, сіяя, какъ радуга, и красотой, и нарядомъ, и весельемъ. Она взглянула на Вѣру и вдругъ остановилась.

— Что съ тобой, Вѣрочка? спросила она:—ты не здорова!... Веселье слетѣло съ лица у ней, уступивъ мѣсто испугу.

— Да, не совсѣмъ... слабо отвѣчала Вѣра: ну, поздравляю тебя....

Онѣ поцѣловались.

— Какая ты хорошенькая, нарядная! говорила Вѣра, стараясь улыбнуться. Но улыбка не являлась. Губами она сдѣлала движеніе, а глаза не улыбались. Привѣтствію противорѣчилъ почти неподвижный взглядъ, безъ лучей, какъ у мертвой, которой не успѣли закрыть глазъ.

Вѣра, чувствуя, что не одолѣетъ себя, поспѣшила взять букетъ и подала ей.

— Какой роскошный букетъ! сказала Марейнька, тая отъ восторга и нюхая цвѣты.

— А что же это такое? вдругъ прибавила она, чувствуя подъ букетомъ въ рукѣ что-то твердое. Это былъ изящный portebouquet, убранный жемчугомъ, съ ея шифромъ.

— Ахъ, Вѣрочка, и ты, и ты!.... Что это, какъ вы всѣ меня любите!... говорила она, собираясь опять заплакать:—и я вѣдывась всѣхъ люблю.... какъ люблю, Господи!... Да какъ же и когда вы узнаете это: я не умѣю даже сказать...

Вѣра почти умилилась внутренно, но не смогла ничего отвѣтить ей, а только тяжело перевела духъ и положила ей руку на плечо.

— Я сяду, сказала она:—я дурно спала ночь....

— Бабушка зоветъ къ обѣдни....

— Не могу, душечка, скажи что я не такъ здорова... и не выйду сегодня....

— Какъ, ты совсѣмъ не придешь туда? въ страхѣ спросила Марейнька.

— Да, я полежу, я вчера простудилась должно быть: только ты скажи бабушкѣ слегка....

— Мы къ тебѣ придемъ....

— Боже сохрани! Вы помѣшаете мнѣ отдохнуть...

— Ну, такъ пришлемъ тебѣ сюда всего... Сколько мнѣ подарковъ... цвѣтовъ... конфетъ прислали!... Я покажу тебѣ...

Марейнька рассказала все, что и отъ кого получила.

— Да, да—хорошо... это очень мило! покажи... Я послѣ приду, разсѣянно говорила Вѣра, едва слушая ее.

— А это что? Еще букетъ! сказала вдругъ Марейнька, увидя букетъ на полу:—что это онѣ на полу валяется?

Она подняла и подала Вѣрѣ букетъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ. Вѣра поблѣднѣла.

— Кому это? чей? — какая прелесть!

— Это... тоже тебѣ... едва выговорила Вѣра.

Она взяла первую ленточку изъ комода, нѣсколько булавокъ, и кое-какъ, едва шевеля пальцами, приколола померанцовые цвѣты на грудь Марѣинькѣ. Потомъ поцаловала ее и сѣла въ кресло на диванѣ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ нездорова — посмотри, какая ты блѣдная! замѣтила серьезно Марѣинька: — не сказать ли бабушкѣ? Она за докторомъ пошлетъ... Пошлемъ, душечка, за Иваномъ Богдановичемъ.... Какъ это грустно — въ день моего рожденія! Теперь мнѣ цѣлый день испорченъ!

— Ничего, ничего — пройдетъ: ни слова бабушкѣ, не пугай ее!... А теперь поди, оставь меня... шептала Вѣра: я отдохну...

Марѣинька хотѣла поцѣловать ее и вдругъ увидѣла, что у ней глаза полны слезъ. Она заплакала сама.

— Что ты? тихо спросила Вѣра, отирая украдкой, какъ будто воруя свои слезы изъ глазъ.

— Какъ же не плавать, когда ты плачешь, Вѣрочка? Что съ тобой? другъ мой, сестра! У тебя горе: скажи мнѣ...

— Ничего, не гляди на меня: это нервы... Только скажи бабушкѣ осторожно, а то она встревожится....

— Я скажу, что голова болитъ, а про слезы не упомяну, а то она въ самомъ дѣлѣ на цѣлый день разстроится.

Марѣинька ушла. А Вѣра затворила за ней дверь и легла на диванѣ.

III.

Всѣ ушли и уѣхали къ обѣднѣ. Райскій, воротясь на разсвѣтъ домой, не узнавая самъ себя въ зеркалѣ, чувствуя ознобъ, попросилъ у Маряны стаканъ вина, выпилъ и бросился въ постель.

Ему было не легче Вѣры. И онъ, истомленный усталостью, моральной и физической, и долгими муками, отдался сну, какъ будто бросился въ горячкѣ въ объятія здороваго друга, поручая себя его попеченію. И сонъ исполнилъ эту обязанность, унеся его далеко отъ Вѣры, отъ Малиновки, отъ обрыва и отъ вчерашней, разыгравшейся на его глазахъ драмы. Ему снилось все другое, противоположное. Никакихъ «волнъ поэзіи» не видалъ онъ, не была «страсть гѣной» черезъ край, а очутился онъ въ Петербургѣ, дома, одинъ, въ своей брошенной мастерской, и равнодушно глядѣлъ на начатыя и незаконченныя работы.

Потомъ приснилось ему, что онъ сидитъ съ пріятелями у Сен-Жоржа и съ аппетитомъ ѣсть и пить, рассказываетъ и слушаетъ пошлый вздоръ, обыкновенно рассказываемый на холостыхъ обѣдахъ,—что ему отъ этого стало тяжело и скучно, и что во снѣ даже спать захотѣлось. И онъ спалъ здоровымъ, прозаическимъ сномъ, до того охватившимъ его, что когда онъ проснулся отъ трезвона въ церквахъ, то первыя двѣ-три минуты былъ только подъ вліяніемъ животнаго побоя, стѣнной ставшаго между имъ и вчерашнимъ днемъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ — и можетъ быть даже—кто онъ таковой. Природа взяла свое и этимъ вѣрши-кимъ сномъ восстановила равновѣсіе въ силахъ. Никакой боли, пытки не чувствовалъ онъ. Все это—какъ въ воду кануло. Онъ потянулся, даже посвисталъ беззаботно, чувствуя только, что ему отъ чего-то покойно, хорошо, что онъ давно уже не спалъ и не просыпался такъ здорово. Сознаніе еще не воротилось къ нему.

Но слѣдующія двѣ, три минуты вдругъ привели его въ память—о вчерашнемъ. Онъ свѣлъ на постели, какъ будто не самъ, а подняла его посторонняя сила, посидѣлъ минуты двѣ неподвижно, открылъ широко глаза, будто не вѣря чему-то, но когда увѣрился, то всплеснулъ руками надъ головой, упалъ опять на подушку, и вдругъ вскочилъ на ноги, уже съ другимъ лицомъ, какового не было у него даже вчера, въ самую страшную минуту. Другая мука, не вчерашняя, какой-то новый бѣсъ бросился въ него,—и онъ также торопливо, нервно и судорожно, какъ Вѣра наканунѣ, собираясь идти къ обрыву, хваталъ одно за другимъ платья, разбросанныя по стульямъ.

Онъ позвонилъ Егора, и едва съ его помощью кое-какъ одѣлся, надѣвая скурткуъ прежде жилета, забывая галстукъ. Онъ спросилъ, что дѣлается дома, и узнавъ, что всѣ уѣхали къ обѣднѣ, кромѣ Вѣры, которая больна, опѣпенѣлъ, измѣнился въ лицѣ и бросился вонъ изъ комнаты къ старому дому.

Онъ тихо постучался къ Вѣрѣ: никто не отвѣчалъ. Подождавъ минуты двѣ отвѣта, онъ тронулъ дверь: она была не заперта изнутри. Онъ осторожно отворилъ и вошелъ съ ужасомъ на лицѣ, тихимъ шагомъ, какимъ можетъ входить человѣкъ, съ намѣреніемъ совершить убійство. Онъ едва ступалъ на цыпочкахъ, трясясь, блѣдный, боясь ежеминутно упасть отъ душившаго его волненія.

Вѣра лежала на диванѣ, лицомъ къ спинкѣ. Съ подушки падали почти до пола ея волосы, юбка ея сѣраго платья небрежно висѣла, не закрывая ея ногъ, обутыхъ въ туфли. Она не оборачивалась, только будто сдѣлала движеніе, чтобъ оборотиться и посмотреть, кто вошелъ, но, повидимому, не могла.

Онъ подошелъ, сталъ на колѣни подлѣ нея и прильнулъ губы къ ея туфлѣ. Она вдругъ обернулась, взглянула на него въѣжомъ, лице у ней подернулось горькимъ изумленіемъ.

— Что это, комедія или романъ, Борисъ Павловичъ? глухо сказала она, отворачиваясь съ негодованіемъ и пряча ногу съ туфлей подъ платье, которое, не глядя, торопливо оправила рукой.

— Нѣтъ, Вѣра, — трагедія! едва слышно выговорилъ онъ тоскливымъ голосомъ и сѣлъ на стулъ, подлѣ дивана.

Она обернулась на этотъ тонъ его голоса, взглянула на него пристально: глаза у ней открылись широко, съ изумленіемъ. Она видѣла блѣдное лицо, какого никогда у него не видала, и казалась читала, или угадывала смыслъ этого новаго лица, новаго Райслага.

Она сбросила съ себя платокъ, встала на ноги и подошла къ нему, забывъ въ эту секунду всю свою бурю: она видѣла на другомъ лицѣ такое же смертельное страданіе, какое жило въ ней самой.

— Братъ, что съ тобой, ты несчастливъ! сказала она, положивъ ему руку на плечо—и въ этихъ трехъ словахъ, и въ голосѣ ея—отозвалось, кажется, все, что есть великаго въ сердцѣ женщины: состраданіе, самоотверженіе, любовь.

Онъ, въ умилении отъ этой ласки, отъ этого неожиданнаго теплаго ты, взглянулъ на нее съ той же иступленной благодарностью, съ какою она взглянула вчера на него, когда онъ, забывая себя, помогаль ей сойти съ обрыва. Она нечаянно заплатила ему великодушіемъ за великодушіе, какъ и у него вчера вырвался такой же лучъ одного изъ самыхъ свѣтлыхъ свойствъ человѣческой души. Его охватилъ трепетъ смѣшанныхъ чувствъ, и тѣмъ сильнѣе заговорила мука отчаянія за свой поступокъ. Все растопилось у него въ горячихъ слезахъ.

Онъ положилъ лицо въ ея руки и рыдалъ какъ человѣкъ, все утратившій, которому нечего больше терять.

— Что я сдѣлалъ! оскорбилъ тебя, женщину, сестру! вырвались у него вопли среди рыданій.— Это былъ не я, не человекъ: звѣрь сдѣлалъ преступленіе. Что это такое было! говорилъ онъ съ ужасомъ, оглядываясь, какъ-будто теперь только пришелъ въ себя.

— Не мучайся и не мучай меня.... шептала она кротко, ласково.— Пощади—я не вынесу: ты видишь, въ какомъ я положеніи.

Онъ старался не глядѣть ей въ глаза. А она опять прильнула на диванъ.

— Какой ударъ нанесъ я тебѣ! шепталъ онъ въ ужасѣ.—Я

даже прощенья не прошу: оно невозможно! ты видишь мою казнь, Вѣра....

— Ударъ твой.... сдѣлалъ мнѣ боль на одну минуту. Потому я поняла, что онъ не могъ быть нанесенъ равнодушной рукой, и повѣрила, что ты любишь меня.... Тутъ только представилось мнѣ, что ты вытерпѣлъ въ эти недѣли, вчера.... Успокойся, ты не виноватъ: мы евреи....

— Не оправдывай преступленія, Вѣра: ножъ — все ножъ. Я ударилъ тебя ножомъ....

— Ты разбудилъ меня.... Я будто спала: всѣхъ васъ, тебя, бабушку, сестру, весь домъ — видѣла какъ во снѣ, была зла, суха — забылась!...

— Что мнѣ теперь дѣлать, Вѣра? ухъхъ: въ какомъ положеніи я уѣду! Дай мнѣ вытерпѣть казнь здѣсь — и хоть немного примириться съ собой, со всѣмъ, что случилось....

— Полно, братъ: воображеніе рисуетъ тебѣ какое-то преступленіе, вмѣсто ошибки. Вспомни, въ какомъ положеніи ты сдѣлалъ ее, въ какой горячкѣ!... Она замолчала. — У меня ничего нѣтъ, кромѣ дружбы къ тебѣ, сказала потомъ, протягивая ему руку: я не осуждаю тебя — и не могу: я знаю теперь, какъ ошибаются....

Она едва говорила, очевидно дѣлая надъ собой усиліе, чтобы немного успокоить его.

Онъ пожалъ протянутую руку и безотрадно вздохнулъ.

— Ты добра, какъ женщина — и судишь не умомъ, а сердцемъ эту «ошибку»....

— Нѣтъ, братъ: ты строгъ къ себѣ. Другой счелъ бы себя вправѣ, послѣ всѣхъ этихъ глупыхъ шутокъ надъ тобой.... Ты ихъ знаешь: эти записки.... Пусть съ доброй цѣлью — отрезвить тебя, пошутить — въ отвѣтъ на твои шутки. — Все же — злость, смѣхъ! А ты и не шутилъ..... Стало быть, мы, безъ нужды, были только злы и ничего не поняли... Глупо! глупо! Тебѣ было больнѣе, нежели мнѣ вчера....

— Ахъ, нѣтъ! я иногда самъ смѣялся, и надъ собой, и надъ вами, что вы ничего не понимаете и суетитесь. Особенно, когда ты потребовала пальто, одѣяло, деньги для «изгнанника»....

Она сдѣлала большіе глаза и съ удивленіемъ глядѣла на него.

— Какія деньги, какое пальто? что за изгнанникъ? Я ничего не понимаю....

У него лицо немного посвѣтлѣло.

— Я и прежде подозрѣвалъ, что это не твоя выдумка, а теперь вижу, что ты и не знала!

Онъ коротко передалъ ей содержаніе двухъ писемъ, съ просьбою прислать денегъ и платье.

У ней побѣлѣли даже губы.

— Братъ! Мы съ Наташей писали къ тебѣ попеременно, однимъ почеркомъ, три-четыре шутивыя записки, стараясь подражать твоимъ... Вотъ и все. Остальное сдѣлала не я... я ничего не знала.... кончила она тихо, оборачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

Водворилось молчаніе. Онъ задумчиво шагаль взадъ и впередъ по ковру. Она, казалось, отдыхала, утомленная разговоромъ.

— Я не прошу у тебя прощенія за всю эту исторію.... И ты не волнуйся, сказала она.—Мы помиримся съ тобой. У меня только одинъ упрекъ тебѣ — ты поторопился съ своимъ букетомъ: я шла оттуда.... хотѣла послать за тобой, чтобы тебѣ первому сказать всю исторію.... искупить хоть немного все, что ты вытерпѣлъ.... Но ты поторопился!

— Ахъ! вырвалось у него.—Это ударъ ножа мнѣ!

— Оставимъ все это... послѣ, послѣ... А теперь я потребую отъ тебя, какъ отъ друга и брата, помощи, важной услуги.... Ты не откажешь?..

— Вѣра!

Онъ ничего не сказалъ больше, но взглянувъ на него, она видѣла, что можетъ требовать всего.

— Я, пока силы есть, расскажу тебѣ всю исторію этого года....

— Зачѣмъ? Я не хочу, не могу, не долженъ знать....

— Не мѣшай мнѣ: я едва дышу, а время дорого: я расскажу тебѣ все, а ты передай бабушкѣ....

У него глаза остановились на ней съ удивленіемъ и въ лицо хлынуть испугъ.

— Я сама не могу: языкъ не послушается. Я умру, не договорю....

— Бабушкѣ: зачѣмъ! едва выговорилъ онъ отъ страха.—Подумай, какія послѣдствія.... Что будетъ съ ней?... Не лучше ли скрыть все?..

— Я давно подумала: какія бы ни были послѣдствія, ихъ надо—не скрывать, а перенести! Можетъ быть, обѣ умремъ, погнѣшаемся — но я ее не обману. Она должна была знать давно, но я надѣялась сказать ей другое... и отъ того молчала.... «Камая казнь!» прибавила она тихо, опуская голову на подушку.

— Сказать.... все: и вчерашній вечеръ?... спросилъ онъ тихо.

— Да....

— И имя?....

Она чуть замѣтно вивнула утвердительно головой и отвернулась.

Она посадила его подлѣ себя на диванъ и шепотомъ, съ остановками; рассказала исторію своихъ сношеній съ Маркомъ. Кончивъ, она закуталась въ шаль, и дрожа отъ озноба, легла опять на диванъ. А онъ всталъ блѣдный. Оба молчали, каждый про себя переживая минуту ужаса, она — думая о бабушкѣ, онъ — о нихъ обѣихъ.

Ему предстояло — уже не въ горячкѣ страсти, не въ припадкѣ слѣпного мщенія, а по неизбѣжному сознанію долга — нанести еще ударъ ножа другой, нѣжно-любимой женщиной! «Да, это страшное порученіе, въ самомъ дѣлѣ — «важная услуга!» подумалъ онъ.

— Когда связать ей? спросилъ онъ тихо.

— Скорѣй! я замучаюсь, пока она не узнаетъ: а у меня еще много мукъ.... «И это не главная», подумала про себя. — Дай мнѣ спиртъ: тамъ, гдѣ-то.... прибавила она, указывая, гдѣ стоялъ туалетъ. — А теперь поди.... оставь меня.... я устала....

— Сегодня говорить съ бабушкой нельзя: гости! Богъ знаетъ, что съ ней будетъ! Завтра!

— Ахъ! сдѣлала она: — доживу ли я? Ты до завтра какъ-нибудь проди.... условой бабушку, скажи ей, что-нибудь.... чтобы она ничего не подозрѣвала.... не прислала сюда никого....

Онъ подавъ ей спиртъ, спросилъ, не надо ли ей чего-нибудь, не послать ли дѣвушку.

Она нетерпѣливо покачала головой, отсылая его взглядомъ, потомъ закрыла глаза, чтобы ничего не видѣть. Ей хотѣлось бы — непроницаемой тьмы и непробудной тишины вокругъ себя, чтобы глазъ ея не касались лучи дня, чтобы не доходило до нея никакого звука. Она будто искала новаго, небывалаго состоянія духа, нѣмоты и дремоты ума, всѣхъ силъ, чтобы окаменѣть, стать растеніемъ, ничего не думать, не чувствовать, не сознавать.

А онъ вышелъ отъ нея съ новой, болѣе страшной тяжестью, нежели съ какою пришелъ. Она отчасти облегчила ему одно бремя, и возложила другое, невыносимѣе.

IV.

Она встала, заперла за нимъ дверь и легла опять. Ее давила на-
висшая туча горя и ужаса. Дружба Райскаго, участіе, преданность,
помощь — представляли ей на первую минуту легкую опору, на
которую она оперлась, чтобы вздохнуть свободно, какъ утопаю-
щій, вынырнувшій на минуту изъ воды, чтобы глотнуть воз-
духа. Но едва онъ вышелъ отъ нея, она точно оборвалась въ
воду опять. «Жизнь кончена!» шептала она съ отчаяніемъ и ви-
дѣла впереди одну голую степь, безъ привязанностей, безъ семьи,
безъ всего того, изъ чего соткана жизнь женщины. Передъ ней—
только одна глубокая, какъ могила, пропасть. Ей предстояло
стать лицомъ къ лицу съ бабушкой и сказать ей: «вотъ чѣмъ я
заплатила тебѣ за твою любовь, попеченія, какъ наругалась надъ
твоимъ довѣріемъ.... до чего дошла своей волей....» Ей, въ дре-
мотѣ ея отчаянія, снился взглядъ бабушки, когда она узнала все,
брошенный на нее, ея голосъ — даже не было голоса, а вмѣсто
его какіе-то глухіе звуки ужаса и смерти.... Потомъ, потомъ —
она не знала, что будетъ, не хотѣла глядѣть дальше въ страш-
ный сонъ, и только глубже погрузила лицо въ подушку. У ней
подожми-было къ глазамъ слезы и отхлынули назадъ, къ сердцу.
«Еслибъ умереть!», внезапно просіявъ отъ этой мысли, съ улыб-
кой, съ наслажденіемъ, шепнула она — и вдругъ за дверью услы-
шала шаги и голосъ.... бабушки! У ней будто отнялись руки и
ноги. Она, блѣдная, не шевелясь, съ ужасомъ слушала этотъ лег-
кій, но страшный стукъ въ дверь. «Не встану — не могу» шеп-
тала она: стукъ повторился. Она вдругъ, съ силой, которая не-
вѣдомо откуда берется въ такія минуты, оправилась, вскочила
на ноги, отерла глаза и съ улыбкой пошла навстрѣчу бабушкѣ.

Татьяна Марковна, узнавши отъ Марейньки, что Вѣра не-
здорова и не выйдетъ цѣлый день, пришла навѣдаться сама.
Она бѣгло взглянула на Вѣру и опустилась на диванъ.

— Ухъ, устала у обѣдни! Насилу поднялась на лѣстницу!
Что у тебя, Вѣрочка: нездорова? спросила она и остановила
испытующій взглядъ на лицѣ Вѣры.

— Поздравляю съ новорожденной! заговорила Вѣра развязно,
голосомъ маленькой дѣвочки, которую научила нянька — что
сказать мамашѣ утромъ въ день ея ангела, цалуя руку у ба-
бушки, — и сама удивилась про себя, какъ память подсказала ей,
что надо сказать, какъ языкъ выговорилъ эти слова! — Пустое:
мнѣ промочила вчера, голова болить! съ улыбкой старалась до-

говорить она. Но губы не улыбнулись, хотя и показались изъ-за нихъ два, три верхніе зуба.

— Надо было натереть вчера спиртомъ: у тебя нѣтъ? сдержанно сказала бабушка, стараясь на нее не глядѣть, потому что слышала принужденный голосъ, видѣла на губахъ Вѣры какую-то чужую, а не ея улыбку, и чуяла неправду.

— Ты сойдешь къ намъ? спросила она.

Вѣра внутренне ужаснулась этого невозможнаго испытанія, сверхъ силъ, и замѣлась.

— Не принуждай себя, снисходительно замѣтила Татьяна Марковна: чтобъ не разболѣться больше.

Новый ужасъ охватилъ Вѣру отъ этой снисходительности. Ей казалось, какъ всегда, когда совѣсть тревожить, что бабушка уже угадала все, и ея исповѣдь опоздаетъ. Еще минута, одно слово — и она кинулась бы на грудь ей и сказала все! И только силы измѣняли ей и удержали, да еще мысль — сдѣлать весь домъ свидѣтелемъ своей и бабушкиной драмы.

— Къ обѣду только позвольте, бабушка, не выходить, сказала она, едва крѣпясь: а послѣ обѣда я, можетъ быть, приду...

— Какъ хочешь: я пришлю тебѣ обѣдать сюда.

— Да.... да.... я ужъ теперь голодна.... говорила Вѣра, не помня сама, что говорить.

Татьяна Марковна поцѣловала ее, пригладила ей рукой не много косу, и вышла, замѣтивъ только, «чтобъ она велѣла «Маринѣ», или «Машкѣ», или «Наташкѣ», прибрать комнату, — то-де, пожалуй, изъ гостей, изъ дамъ кто-нибудь, зайдетъ», — и ушла. Вѣра вдругъ опустилась на диванъ, потомъ, немного по сидя, достала одеколонъ и намочила себѣ темя и виски. «Ахъ какъ бьется здѣсь, какъ больно!» шептала она, прикладывая руку къ головѣ. — «Боже, когда эта казнь кончится? Скорѣй бы, скорѣй сказать ей все! А тамъ, послѣ нея — пусть весь міръ знаетъ смотреть!...» Она взглянула на небо, вздрогнула и безотрадно бросилась на диванъ.

Бабушка пришла къ себѣ съ скорбнымъ лицомъ, какъ «в воду опущенная». Она принимала гостей, ходила между ними подчивала, но Райскій видѣлъ, что она, послѣ визита къ Вѣрѣ была уже не въ себѣ. Она почти не владела собой, отказывалась отъ многихъ блюдъ, не обернулась, когда Петрушка уронилъ и разбилъ тарелки; останавливалась среди разговора на полусловѣ, пораженная задумчивостью. А послѣ обѣда, когда гости, пользуясь свупыми лучами сентябрьскаго солнца, вышли на широкое крыльцо служившее и балкономъ, пить кофе, ливеръ, и курить, Татьяна Марковна продолжала ходить между ними, иногда не замѣчи

ихъ, и только передергивала и поправляла свою турецкую шаль. Потомъ спохватится и вдругъ заговорить принужденно. Райскій былъ упрямъ, смотрѣлъ только на бабушку, слѣдя за ней.

— Неладно что-то съ Вѣрой! шепнула она отрывисто ему: ты видѣлъ ее? У ней какое-то горе!

Онъ сказалъ, что нѣтъ. Бабушка подозрительно поглядѣла на него.

Полины Барповны не было: она сказалась больною, прислала Марейныѣ цвѣты и деревья съ зеленью. Райскій заходилъ къ ней утромъ самъ, чтобы какъ-нибудь объяснить вчерашнюю свою сцену съ ней и узнать, не замѣтила ли она чего-нибудь. Но она встрѣтила его съ худо-скрываемымъ, подъ видомъ обидчивости, восторгомъ, хотя онъ прямо сказалъ ей, что обѣдалъ наканунѣ не дома, въ гостяхъ — тамъ много пили — и онъ выпилъ лишнюю рюмку — и вотъ «до чего дошелъ!»

Онъ просилъ прощенія и получилъ его съ улыбкой. «А кто упалъ: не говорила ли я?» заключила она. И подъ рукой разсказала всѣмъ свою сцену обоющенія, замѣнивъ слово «упала» словомъ «пала».

Пришелъ къ обѣду и Тушинъ, еще наканунѣ пріѣхавшій въ городъ. Онъ подарилъ Марейныѣ хорошенькую пѣни, для прогулокъ верхомъ: «если бабушка позволитъ», скромно прибавилъ онъ.

— Теперь не моя воля, — вотъ кого спрашивайте! задумчиво отбѣжала она, указывая на Вицентьева и думая о другомъ.

Тушинъ навѣдался о Вѣрѣ и былъ какъ-будто пораженъ ея нездоровьемъ, и тѣмъ, что она не вышла къ обѣду. Онъ былъ самѣнно взволнованъ. Татьяна Марковна стала подозрительно смотрѣть и на Тушина, отчего это онъ вдругъ такъ озадаченъ тѣмъ, что Вѣры нѣтъ. Ея отсутствіе между гостями — не рѣдкость: это случалось при немъ прежде, но никогда не поражало его. «Что стало со вчерашняго вечера съ Вѣрой?» не выходило у ней изъ головы.

Съ Титомъ Никоничемъ сначала она побранилась, и чуть не подалась, за подаркомъ туалета, а потомъ поговорила съ нимъ впродолженіе четверть часа въ кабинетѣ, и онъ сталъ немного задумчивъ, меньше шаркать ножкой, и хотя говорилъ съ дамами, а самъ смотрѣлъ такъ серьезно и пытливо, то на Райскаго, то на Тушина, что они глазами въ недоумѣніи спрашивали его, чего онъ отъ нихъ хочетъ. Но онъ тотчасъ оправлялся и живо принимался говорить дамамъ «пріятности».

Татьяна Марковна была такъ весела, безпечна, праздная послѣ рожденія Марейныи и обдумывая, чѣмъ бы особенно отпраздновать черезъ двѣ недѣли именины Вѣры, чтобы не обойти

внимательностью одну передъ другой, хотя Вѣра и объявила на отрёвъ, что въ именины свои уѣдетъ къ Аннѣ Ивановнѣ Тушиной, или къ Натальѣ Ивановнѣ.

Но съ полудня Татьяна Марковна такъ измѣнилась, такъ во всѣхъ, подозрительно всматривалась, во все вслушивалась, что Райскій сравнивалъ ее съ конемъ, который безопасно жевалъ свой овесъ, уходя въ него мордой по уши, и вдругъ услышалъ шорохъ или почувалъ запахъ каваго-то неизвѣстнаго и невидимаго врага. Онъ поднялъ уши и голову, красиво оборотилъ ее назадъ и неподвижно слушаетъ, широко отърывъ глаза и сильно дохнувъ ноздрями. Ничего. Потомъ медленно оборотился къ яслямъ, и все слушая, махнулъ раза три неторопливо головой, мѣрно ступнулъ раза три копытомъ, не то успокоивая себя, не то допрашиваясь о причинѣ, или предупреждая врага о своей бдительности—и опять запустилъ морду въ овесъ, но хруститъ осторожно, поднимая по временамъ голову и оборачивая ее назадъ. Онъ ужъ предупрежденъ и сталъ чутковъ. Жуетъ, а у самого вздрагиваетъ плечо, оборачивается ухо назадъ, впередъ и опять назадъ.

И бабушка, занимаясь гостями, вдругъ вспомнить, что съ Вѣрой «неладно», что она не въ себѣ, не какъ всегда, а иначе, хуже, нежели какая была; такую она ее еще не видала никогда—и опять потеряется. Когда Марейнька пришла сказать, что Вѣра нездорова и въ церкви не будетъ, Татьяна Марковна разсердилась сначала. «Для тебя и для семейнаго праздника могла бы отложить свои причуды, сказала она: и поѣхать къ обѣдни». Но когда узнала, что она и къ обѣду не можетъ придти, она встревожилась за ее здоровье и поднялась къ ней сама. Отговорка простудой не обманула ее. Она по лицу увидала, а потомъ, поправляя косу, незамѣтно дотронулась до лба и удостовѣрилась, что простуды нѣтъ. Но Вѣра блѣдна, на ней лица нѣтъ, она беспорядочно лежитъ на диванѣ, и притомъ въ платьѣ, какъ будто не раздѣвалась совсѣмъ, а пуще всего мертвая улыбка Вѣры поразила ее. Она вспомнила, что Вѣра и Райскій пропадали долго наканунѣ вечеромъ и оба не ужинали. И она продолжала всматриваться въ Райскаго, а тотъ старался избѣгать ея взглядовъ—и этимъ только усиливалъ подозрѣнія.

У Райскаго болѣла душа пуще всѣхъ прежнихъ его мукъ. Сердце замирало отъ ужаса, и за бабушку, и за бѣдную, трепетную, одинокую и недоступную для утѣшенія Вѣру. Она улыбнулась ему, протянула руку, дала милыя права дружбы надъ собой—и тутъ же при немъ падала въ отчаяніи подъ тяжестью удара, поразившаго ее такъ быстро и неожиданно, какъ молнія.

Онъ видѣлъ, что участіе его было болѣе полезно и пріятно ему самому, но мало облегчало положеніе Вѣры, какъ участіе близкихъ лицъ къ трудному больному не утоляетъ его боли. Надо вырвать корень болѣзни, а онъ былъ не въ одной Вѣрѣ, но и въ бабушкѣ — и во всей сложной совокупности другихъ обстоятельствъ: ускользнувшее счастье, разлука, поблекшія надежды жизни — все! Да, Вѣру не легко утѣшить!

И бабушку жаль: какое ужасное, неожиданное горе нарушить миръ ея души! Что, если она вдругъ свалится! приходило ему въ голову: вонъ она — сама не своя, ничего еще не зная! У него подступали слезы къ глазамъ отъ этой мысли.

А на немъ еще лежитъ обязанность вонзить глубже ножъ въ сердце этой — своей матери!

«Что, если онѣ занемогутъ обѣ! Не послать ли за Натальей Ивановной? рѣшилъ онъ: но надо прежде спросить Вѣру, а она..»

А она вдругъ явилась неожиданно среди гостей, послѣ обѣда, въ сѣломъ праздничномъ платьѣ, но съ подвязаннымъ горюхомъ и въ теплой мантильѣ. Райскій ахнулъ отъ изумленія. Сегодня еще она изнемогала, не могла говорить, а теперь сама пришла! «Откуда женщины берутъ силы?» думалъ онъ, слѣдя за ней, какъ она извинялась передъ гостями, съ обыкновенной улыбкой выслушала всѣ выраженія участія, сожалѣнія, осмотрѣла подарки Марюньки. Она отказалась отъ конфетъ, но съ удовольствіемъ съѣла ломоть холоднаго арбуза, сказавши, что у ней сильная жажда, и предупредивъ, что къ сожалѣнію не можетъ долго остаться съ гостями.

Бабушка немного успокоилась, что она пришла, но въ тоже время замѣчала, что Райскій мѣняется въ лицѣ и старается не глядѣть на Вѣру. Въ первый разъ въ жизни, можетъ быть, она проклывала гостей. А они усѣлись за карты, будутъ пить чай, танцевать, а Вивентьева уѣдетъ только завтра.

Райскій былъ точно между двухъ огней.

— Что такое съ ней? шепчетъ ему съ одной стороны Татьяна Марковна: ты, должно быть, знаешь...

— Ахъ, сворѣй бы связать ей все! выговариваютъ съ другой стороны отчаянные взгляды Вѣры.

Райскому — хоть сквозь землю провалиться!

Тушинъ тоже смотритъ на Вѣру какими-то особенными глазами. И бабушка, и Райскій, а всего болѣе сама Вѣра замѣтили это.

Ее эти взгляды Тушина обдавали ужасомъ. «Не узналъ-ли? не смыхалъ-ли онъ чего?» шептала ей совѣсть. Онъ ставитъ ее такъ высоко, думаетъ, что она лучше всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ!

Теперь она молча будетъ красть его уваженіе.... «Нѣтъ, пусть знаетъ и онъ! Пришли бы хоть новыя мушкетеры на смѣну этой ужасной пытки — вѣзаться обманщицей!» шептало въ ней отчаяніе.

Она тихо, не глядя на Тушина, поздоровалась съ нимъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ и съ какой-то особенной застѣнчивостью потуплялъ глаза.

— Нѣтъ, не могу выносить! Узнаю, что у него на умѣ. Иначе я упаду здѣсь, среди всѣхъ, если онъ еще... взглянетъ на меня не такъ, какъ всегда...

А онъ тутъ, какъ нарочно, и взглянулъ!

V.

Она не выдержала, простилась съ гостями, и сдѣлала Тушину, никому не замѣтный знакъ — слѣдовать за собой.

— У себя я васъ принять не могу, сказала она: а вы пойдите сюда въ аллею и походите немного.

Онъ взглянулъ на часы, сказалъ, что черезъ часъ уйдетъ, и глѣбъ вывести лошадей изъ сарая на дворъ, взялъ свой бичъ (серебряной рукояткой, накиннулъ на руку мекинтошъ и пошелъ за Вѣрой въ аллею.

— Я прямо начну, Иванъ Ивановичъ, сказала Вѣра, дрожа внутренно: что съ вами сегодня? Вы какъ будто... у васъ есть что-то на умѣ...

Она замолчала, кутая лицо въ мантилью и пожимая плечами отъ дрожи.

Онъ молча шелъ подлѣ нея, о чемъ-то думая, а она боялась поднять на него глаза.

— Вы нездоровы сегодня, Вѣра Васильевна, сказалъ онъ задумчиво: я лучше отложу до другого раза. Вы не ошиблись, хотѣлъ поговорить съ вами...

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, сегодня! торопливо перебила она: что у васъ такое? я хочу знать... Мнѣ хотѣлось бы самъ поговорить съ вами... можетъ быть, я опоздала... Не могу стоять я сяду, прибавила она, садясь на скамью.

Онъ не замѣтилъ, ни ея ужаса и тоски, ни ея словъ, что она тоже готовилась «поговорить съ нимъ». Онъ былъ поглощенъ своей мыслью. А ее жгла догадка, что онъ узналъ все и сейчасъ дастъ ей ударъ ножа, какъ Райскій. «Ахъ, пусть: свержи (только всѣ удары разомъ!...)» шептала она.

— Говорите же! сказала потомъ, мучаясь про себя вопросами: какъ и гдѣ могъ онъ узнать?

— Сегодня я шель сюда...

— Что же: говорите! почти крикнула она.

— Не могу, Вѣра Васильевна, воля ваша!

Онъ прошелъ шага два отъ нея дальше.

— Не казните меня! едва шептала она.

— Я люблю васъ... началъ онъ, вдругъ воротаясь къ ней.

— Ну, я знаю. И я васъ тоже... что за новость! что же дальше?... Вы... слышали что-нибудь...

— Гдѣ? что? спрашивалъ онъ, оглядываясь кругомъ и думая, что она слышитъ какой-нибудь шумъ.

— Я ничего не слышу.

Онъ замѣтилъ ея волненіе, и вдругъ у него захватило духъ отъ радости. <Она проникательна, угадала давно мою тайну и раздѣляетъ чувство, волнуется, требуетъ откровеннаго и короткаго слова...>

Все это быстро пронеслось у него въ головѣ.

— Вы такъ благородны, прекрасны, Вѣра Васильевна... такъ чисты...

— Ахъ! вскрикнула она отчаяннымъ голосомъ, хотѣла встать и не могла: вы ругаетесь надо мной... ругайтесь—возьмите этотъ бичъ, я стою... Но вы ли это, Иванъ Ивановичъ! — Она съ горькимъ изумленіемъ и мольбой сложила передъ нимъ руки.

Онъ въ страхѣ глядѣлъ на нее.

«Она больна!» подумалъ онъ. — Вы нездоровы, Вѣра Васильевна, съ испугомъ и волненіемъ сказалъ онъ ей: простите меня, что я не во-время затѣялъ...

— Развѣ не все равно: днемъ раньше, днемъ позже — но все скажете же... говорите же разомъ, сейчасъ!... И я скажу, отъ чего я позвала васъ сюда, въ аллею...

Его опять бросило въ противную сторону.

— Ужели это правда? едва сдерживаясь отъ радости сказалъ онъ.

— Что—правда? спросила она, вслушиваясь въ этотъ внезапный, радостный тонъ.— Вы что-то другое хотите сказать, а не то, что я думала, покойнѣе прибавила она.

— Нѣтъ, то самое... я полагаю...

— Скажите же, перестаньте мучить меня.

— Я васъ люблю...

Она поглядѣла на него и ждала.

— Мы старые друзья; сказала она: и я васъ...

— Нѣтъ, Вѣра Васильевна, люблю еще — какъ женщину...

Она вдругъ выпрямилась и окаменѣла, почти не дышала.

— Какъ первую женщину въ цѣломъ мірѣ! Еслибъ я смѣлъ

Мечтать, что вы хоть отчасти раздѣляете это чувство... нѣ это много, я не стою... если одобряете его, какъ я надѣюсь, если не любите другого, то... будьте моей лѣсной царицей, — и женой, — и на землѣ не будетъ никого счастливѣе меня!.. Вѣ что хотѣлъ я связать — и долго не смѣлъ! Хотѣлъ отложить это до вашихъ именинъ, но не выдержалъ и пріѣхалъ, чтобы сегодня, въ семейный праздникъ, въ день рожденія вашей сестры. Она всплеснула руками надъ головою.

— Иванъ Ивановичъ! простонала она, падая къ нему руки.

— Нѣтъ, — это не радость! свернуло въ немъ — и онъ чувствовалъ, что волосы у него встаютъ на головѣ: — такъ не дуются!

Онъ посадилъ ее на скамью.

— Что съ вами, Вѣра Васильевна: вы, или больны, или васъ большое горе... овладѣвъ собой, почти повоино спросилъ о

— Большое, Иванъ Ивановичъ: я умру!

— Что съ вами, говорите ради Бога: что такое случилось. Вы сказали, что хотѣли говорить со мной: стало быть, я нуженъ нѣтъ такого дѣла, котораго бы я не сдѣлалъ! приказывайте, будьте мою глупость... Что надо... что надо? нетерпѣливо твдилъ онъ въ страхѣ.

— Ничего не надо, шептала она: мнѣ надо сказать вамъ Бѣдный Иванъ Ивановичъ: и вы! За что вы будете пить и чашу? Боже мой! говорила она, глядя сухими глазами на небо: — ни молитвы, ни слезъ у меня нѣтъ! ни откуда облегче и помощи никакой!

— Что вы, Вѣра Васильевна! что это, другъ мой, за слово что за глубокое отчаяніе?

— Зачѣмъ еще этотъ ударъ! Довольно ихъ и безъ него. Знаете ли вы, кого любите? говорила она, глядя на него, тогда спящими, безжизненными глазами, едва выговаривая слова.

Онъ молчалъ, дѣлая и отвергая догадки. Онъ бросилъ и кинтошь и отиралъ потъ съ лица. Онъ изъ этихъ словъ видѣлъ, что его надежды разлетѣлись въ дребезги, понялъ, что Вѣра и бить кого-то... Другого ничего онъ не видѣлъ, не предполагалъ. Онъ тяжело вздохнулъ и сидѣлъ неподвижно, ожидая объясненія.

— Бѣдный другъ мой! сказала она, взявъ его за руку. Въ его сердце сжалось отъ этихъ простыхъ словъ: онъ почувствовалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ «бѣдный». Ему было жаль себя, а еще больше жаль Вѣры.

— Благодарю васъ! прошептала онъ, еще не зная, но при чувствуя одно: что она ему принадлежать не можетъ.

— Простите, продолжалъ потомъ:—я ничего не зналъ, Вѣра Васильевна. Вниманіе ваше дало мнѣ надежду. Я дуракъ—и больше ничего... Забудьте мое предложеніе и попрежнему давайте мнѣ только права друга... если стою, прибавилъ онъ, и голосъ на послѣднемъ словѣ у него упалъ. — Не могу ли я помочь? Вы, кажется, ждали отъ меня услуги?

— Стоите ли! А я стою?

— Вы, Вѣра Васильевна, всегда будете стоять для меня какъ вису...
какъ висуво...

— Я упала, бѣдный Иванъ Ивановичъ, съ этой высоты, и никто ужъ не подниметъ меня... Хотите знать, куда я упала? Пойдите, вамъ сейчасъ будетъ легче...

Она, тихо, шатаясь и опираясь ему на руку, привела его въ обрыву.

— Знаете вы это мѣсто?

— Да, знаю: тамъ похороненъ самоубійца...

— Тамъ похоронена и ваша «чистая» Вѣра: ея ужъ нѣтъ больше... Она на днѣ этого обрыва...

Она была блѣдна и говорила съ какимъ-то рѣшительнымъ отчаяніемъ.

— Что такое вы говорите? Я ничего не понимаю... объясните, Вѣра Васильевна, говорилъ онъ, обмахивая лицо платкомъ.

Она привстала, оперлась ему рукой на плечо, остановилась, собираясь съ силами, потомъ склонила голову, минуты въ три, шепотомъ, отрывисто сказала ему нѣсколько словъ и опустилась на скамью. Онъ поблѣднѣлъ.

Его вдругъ пошатнуло. Онъ какъ будто потерялъ равновѣсіе и сѣлъ на скамью. Вѣра и въ сумерки увидѣла, какъ онъ былъ блѣденъ.

— А я думалъ... сказалъ онъ съ странной улыбкой, будто стыдился своей слабости и вставая медленно и тяжело со скамьи, — что меня только медвѣдь свалитъ съ ногъ!

Потомъ подошелъ къ ней.

— Кто онъ и гдѣ онъ? шепнулъ онъ. Она вздрогнула отъ этого вопроса. Такъ изумителенъ, грубъ и неестественъ былъ онъ въ устахъ Тушина. Ей казалось непостижимо, какъ онъ посягаетъ, безъ пощады женскаго, всякому понятнаго чувства, на такую откровенность, какой женщины не дѣлаютъ никому. «За чѣмъ?» тайнѣ удивлялась она: «у него должны быть какія-нибудь особныя причины — какія?»

— Марья Волоховъ! смѣло сказала она, осиливъ себя.

Онъ остолбенѣлъ на минуту, потомъ вдругъ схватилъ свой бѣлъ за рукоятку обѣими руками и съ трескомъ изломалъ его

въ одну минуту о колѣно въ мелкіе куски, съ яростію бросилъ на землю щепки дерева и куски серебра.

— Тоже будетъ и съ нимъ! прорычалъ онъ, нагибаясь и ея лицу, трясаясь и оцѣгиаясь, какъ звѣрь, готовый скакнуть и врага.

— Онъ тамъ теперь? спросилъ онъ, указывая на обрывъ. Только слышалось его тяжелое дыханіе. Она съ изумленіемъ глядѣла на него и отступила за скамью.

— Мнѣ страшно, Иванъ Ивановичъ, пощадите меня! уйдитъ шептала она въ ужасѣ, протягивая обѣ руки, какъ бы защищаясь отъ него.

— Прежде убью его, потомъ... уйду, говорилъ онъ, едва выдѣя собой.

— Это вы для меня сдѣлаете, чтобъ облегчить меня, или для себя?

Онъ молчалъ, глядя въ землю. Потомъ сталъ ходить большими шагами взадъ и впередъ.

— Что же мнѣ дѣлать: научите, Вѣра Васильевна? спросилъ онъ, все еще трясаясь отъ раздраженія.

— Прежде всего успокойтесь и скажите, за что вы хотитъ убить его, и хочу ли я этого?

— Онъ врагъ вашъ, и слѣдовательно — мой... чуть слыши прибавилъ онъ.

— Враговъ развѣ убиваютъ?

Онъ потупилъ голову, увидалъ разбросанные обломки бича ногъ, наклонился, будто стыдясь, собралъ ихъ и сунулъ въ карманъ мекинтоша.

— Я не жалуясь на него: помните это. Я одна... виновата. а онъ правъ... едва договорила она съ такой горечью, съ такою внутренней мукой, что Тушинъ вдругъ взялъ ее за руку.

— Вѣра Васильевна — вы ужасно страдаете!

— Ничего, ничего... торопливо замаяла она.

А онъ съ участіемъ и удивленіемъ глядѣлъ на нее.

— Я ничего не понимаю, сказалъ онъ: «не виновата», «я жалуется»: въ такомъ случаѣ — о чемъ хотѣли поговорить со мною, зачѣмъ вы звали меня сюда, въ аллею?..

— Я хотѣла, чтобъ вы знали все...

Она, отворотясь, молча глядѣла къ обрыву. И онъ поглядѣлъ туда, потомъ на нее, и все стоялъ передъ ней, съ вопросомъ въ глазахъ.

— Послушайте, Вѣра Васильевна, не оставляйте меня въ потемкахъ. Если вы нашли нужнымъ довѣрить мнѣ тайну... Онъ

на этомъ словѣ съ страшнымъ усиленіемъ перемогъ себя: — которая вслѣдствіе вась одной, то объясните всю исторію...

— Ваше нынѣшнее лицо, особенные взгляды, которые вы ображали ко мнѣ — я не поняла ихъ: я думала, вы знаете все, хотѣла допроситься, что у вась на умѣ... Я поторопилась... Но все равно: рано или поздно — я сказала бы вамъ... Сядьте, выслушайте меня и потомъ оттолкните.

Онъ, положивъ локти на колѣни и спрятавъ лицо въ ладони, слушалъ ее.

Она передала ему въ короткихъ словахъ исторію. Онъ всталъ, минуты три ходилъ взадъ и впередъ, потомъ остановился передъ ней.

— Вы простили его? спросилъ онъ.

— За что? Вы видите, что... я одна виновата...

— И... простились съ нимъ, или... надѣетесь, что онъ опомнится и воротится?

Она покачала головой. — Между нами нѣтъ ничего общаго... Мы разошлись давно. Я никогда не увижу его.

— Теперь я только начинаю немного понимать, и то не все, сказавъ, подумавши, Тушинъ и вздохнуль, какъ волъ, котораго отпиргли. — Я думалъ, что вы нагло обмануты...

— Нѣтъ, нѣтъ — онъ правъ...

— И зовете меня на помощь, — думалъ, что пришла пора медвѣдѣ «сослужить службу» и чуть было не оказалъ вамъ въ самомъ дѣлѣ «медвѣжьей услуги», добавилъ онъ, вынимая изъ кармана и показывая ей обломокъ бича. — Отъ этого я позволилъ себѣ сдѣлать вамъ дерзвѣй вопросъ объ имени... Простите меня, ради Бога, и скажите и остальное: зачѣмъ вы отергли мнѣ это?

— Я не хотѣла, чтобъ вы думали обо мнѣ лучше, чѣмъ я есть... и уважали меня...

— Какъ же вы это сдѣлаете? Я не перестану думать о вась, что думалъ всегда, и не уважать не могу. — Какой-то лучъ блестя у ней въ глазахъ и тотчасъ же потухъ.

— Вы хотите принудить себя уважать меня. Вы добры и великодушны, вамъ жаль бѣдную, падшую... и вы хотите поднять ее... Я понимаю ваше великодушіе, Иванъ Ивановичъ, но не хотю его. Мнѣ нужно, чтобъ вы знали и... не отняли руки, когда я подамъ вамъ свою.

Она подала ему руку, онъ поцѣловалъ ее. Онъ съ нетерпѣніемъ и грустью слушалъ ее.

— Вѣра Васильевна, сказавъ онъ сдержаннымъ, почти оскорбительнымъ тономъ: — я насильно уважать никого не могу. Тушинъ

Не жеть. Если я кому-нибудь кланяюсь съ уваженіемъ, — уважаю, или не поклонюсь. Я кланяюсь вамъ по прежнему люблю — извините, въ слову пришло, — еще больше прежн потому что... вы несчастливы. У васъ большое горе, такое какъ у меня. Вы потеряли надежду на счастье... Напрасно то вы сказыли мнѣ вашу тайну.... прибавилъ онъ съ уныніе почти съ отчаяніемъ.— Еслибъ я узналъ ее и не отъ васъ, я уважать васъ не пересталъ. Этой тайны вы не обязаны повѣривому. Она принадлежитъ вамъ одной, и никто не смѣетъ дѣть васъ...

Онъ едва договорилъ и съ трудомъ вздохнулъ, скрадывая жечь этого вздоха отъ Вѣры. Голось у него дрожалъ прот воли. Видно было, что эта «тайна», тяжесть которой онъ тѣлъ «облегчить для Вѣры, давила теперь не одну ее, но и самого. Онъ страдалъ—и хотѣлъ, во что бы то ни стало, скр это отъ нея.

— Все равно: я должна была сказать вамъ ее сегодня : когда вы сдѣлали предложеніе.... Обмануть я васъ не могла.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— На мое предложеніе вы могли отвѣчать мнѣ коротки нтъ. Но какъ вы удостоиваете меня особой дружбы, то об снили бы ласково, съ добротой, чтобъ позолотить это нтъ, ч вы любите другого—вотъ и все. А тайну... должны были сбер про себя: тутъ не было бы никакого обмана. Вотъ, еслибъ я любя другого, приняли мое предложеніе изъ страха, или други цѣлей.... это былъ бы обманъ, «паденіе», пожалуй, «поте чести». Но вы этого никогда бы не сдѣлали. А то... Онъ гол вой кивнулъ на обрывъ и шепотомъ добавилъ, будто про себя: несчастье.... ошиба...

Онъ едва говорилъ, перемогая съ медвѣжьей силой внутреню муку, чтобъ она не замѣтила, что было въ немъ самомъ

— Несчастье! шепталъ онъ: онъ уйдетъ правъ изъ обрыва, вы виноваты! Гдѣ же правда?...

— Все равно: я сказала бы вамъ, Иванъ Ивановичъ. Э не для васъ нужно было, а для меня самой... Вы знаете... как я дорожила вашей дружбой: скрыть отъ васъ—это было бы му кой для меня.—Теперь мнѣ легче—я могу смотрѣть прям вамъ въ глаза: я не обманула васъ....

Она не могла говорить отъ прихлынувшихъ слезъ и зажал лицо платкомъ. Онъ чуть не заплакалъ самъ, но только вздр гнулъ, наклонился и опять поцѣловалъ у ней руку.

— Вотъ это другое дѣло: благодарю васъ, благодарю! торо пливо говорилъ онъ, скрадывая волненіе.—Вы дѣлаете мнѣ большо

«Дорого, Вѣра Сильевна. Я вижу, что дружба ваша ко мнѣ нестрадала отъ другого чувства, значить, она сильна. Это большое, большое утѣшеніе! Я буду счастливъ и этимъ.... со временемъ, когда мы успокоимся оба....»

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ—еслибъ можно было вычеркнуть этотъ годъ изъ жизни....

— Забыть его скорѣй: это и будетъ все равно что вычеркнуть...

— А гдѣ взять забвенія и силы перенести?

— У друзей—шешнуй онъ—и въ томъ числѣ.... у меня....

Она вздохнула будто свободнѣе—будто опять глотнула свѣжаго воздуха, чувствуя, что подлѣ нея воздвигается какая-то сила, встаетъ, въ лицѣ этого человѣка, крѣпкая, твердая гора, которая способна укрыть ее въ своей тѣни и каменными своими боками оградить—не отъ бѣды страха, не отъ физическихъ опасностей, а отъ первыхъ, горячихъ натисковъ отчаянія, отъ дымящейся еще язвы страсти, отъ горькаго разочарованія.

— Я вѣрю вашей дружбѣ, Иванъ Ивановичъ. Благодарю васъ, говорила она, утирая слезы.—Мнѣ немного легче... и было бы еще легче, еслибъ.... не бабушка!

— Она еще не знаетъ? спросилъ онъ и вдругъ замолчалъ, почувствовавъ, что въ вопросѣ его былъ упрекъ.

Онъ потушилъ голову, представляя себѣ, какъ это поразитъ Татьяну Марковну, но остерегался обнаружить передъ Вѣрой свою боязнь.

— Сегодня, вы видите, гости: нельзя. Завтра она все узнаетъ... Прощайте, Иванъ Ивановичъ: я ужасно страдаю—пойду и лягу.

Онъ глядѣлъ на Вѣру долго. «Боже мой! Какой слѣпой дуралъ этотъ Волоховъ—или какая.... бестія!» думалъ онъ, съ дрожью ярости.

— Не прикажете ли чего-нибудь? не нужно ли вамъ... спросилъ онъ.

— Да, попросите Наташу пріѣхать завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ.

— А мнѣ можно побывать на той недѣлѣ? спросилъ онъ рѣво:—узнать, успокоились ли вы....

— Успокойтесь сами, Иванъ Ивановичъ—и прощайте теперь! Я едва держусь на ногахъ...

Онъ пристился съ ней и такъ погналъ лошадей съ крутой горы, что чуть самъ не сорвался съ обрыва. По временамъ онъ, по привычкѣ, хватался за бичъ, но вмѣсто его подъ руку попадали ему обломки въ кармакъ: онъ разбросалъ ихъ по дорогѣ.

Однако онъ опоздалъ переправиться за Волгу, и бѣжалъ у прѣтѣля въ городъ и уѣхалъ къ себѣ рано утромъ.

VI.

Настало и завтра. Шумно и весело поднялся домъ на во Лавен, повара, кучера — все хлопотало, суетилось: одни готовили завтракъ, другіе закладывали экипажи, и съ утра опять по всѣмъ напились пьяны.

Бабушка отпускала Марейнюку за Волгу, къ будущей род противъ обыкновенія, молчаливо, съ нѣкоторой печалью. Она обременяла ее наставленіями, не вдавалась въ мелочныя прере стереженія, даже, на вопросы Марейнюки, что взять съ собою какія платья, вещи — разсѣянно отвѣчала: «что тебѣ вѣз мается.» И велѣла Василисѣ и дѣвушкѣ Натальѣ, которую сылала съ ней, снарядить и уложить что нужно. Она поручила свое дитя Марьѣ Егоровнѣ, матери жениха, а послѣднему вольно серьезно замѣтила, чтобы онъ тамъ, въ деревнѣ, соблюдалъ тонкое уваженіе къ невѣстѣ, и особенно при чужихъ людяхъ, какихъ-нибудь сосѣдяхъ, воздерживался отъ той свободы, которою онъ пользовался при ней и своей матери, въ обращеніи съ Марейнюкой, что другіе, пожалуй, перетолкуютъ иначе, — с вомъ, чтобъ не бѣгалъ съ ней тамъ по рощамъ и садамъ, въ вѣдѣсь.

Замѣтивъ, что Вицентьевъ нѣсколько покраснѣлъ отъ этого предостереженія, какъ будто обидѣлся тѣмъ, что въ немъ прѣ полагаютъ недостатокъ такта, и что и мать его закусила много нижнюю губу и стала слегка бить тавтъ ботинкой, Татьяна Марковна перешла въ дружескій тонъ, потренила «мил Николеньку» по плечу и прибавила, что сама знаетъ, какъ прасны эти слова, но что говорить ихъ по привычкѣ стар бабы — читать мораль. Послѣ того она, тихо, про себя, вздохнула и уже ничего не говорила до отъѣзда гостей.

Къ завтраку пришла и Вѣра, блѣдная, будто съ невыспимыми глазами. Она сказала, что ей легче, но что у ней еще немного болитъ голова. Татьяна Марковна была съ ней совсѣмъ, а Марья Егоровна Вицентьева бросила на нее, среди разговора, два, три загадочныхъ взгляда, какъ будто допрашивая: что съ ней? отчего эта боль безъ болѣзни? что это она пришла вчера къ обѣду, а появилась на минуту и потомъ ушла, а за ней пошелъ Тушинъ, и они ходили цѣлый часъ въ мерки?... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но хитрая и умная

ни не да... никакого другого хода этимъ вопросамъ, и они
всплыли у ней только изъ глазъ, и на минуту. Вѣра однако
прочла ихъ, хотя та перемѣнила взглядъ сомнѣнія на взглядъ
рѣшительности. Прочла и Татьяна Марковна. Вѣра была равнодушна
къ этимъ вопросамъ, а Татьяна Марковна нѣтъ: она вдругъ по-
кинула головой и стала смотрѣть въ полъ. «И другіе допраши-
ваются, а я не знаю! А она родилась при мнѣ, она—мое дитя!»
Дала она съ печалью.

Вѣра была блѣдна, лицо у ней, какъ камень: ничего не про-
тешь на немъ. Жизнь точно замерзла, хотя она и говоритъ съ
Марьей Егоровной обо всемъ, и съ Марейнкой, и съ Вивентье-
вымъ. Она заботливо спросила у сестры, запаслась ли она теплой
буркой, совѣтовала надѣть плотное, шерстяное платье, предло-
жила свой пледъ и просила, при переправѣ чрезъ Волгу, сидѣть
въ креслѣ, чтобъ не продуло.

Райскій, воротась съ прогулки, пришелъ къ завтраку, тоже
съ какимъ-то страннымъ, рѣшительнымъ лицомъ, какъ будто у
невозвѣрка впереди было сраженіе, или другое важное, роковое со-
бытіе, и онъ приготовился къ нему. Что-то обработалось, выяс-
нилось, или опредѣлилось въ немъ. Вчерашней тучи не было.
Онъ также покойно глядѣлъ на Вѣру, какъ на прочихъ, не из-
мѣняя взглядовъ и Татьяны Марковны, и этимъ поставилъ ее
сидѣть въ недоумѣніе.

«У этого что-то новое: смотреть не по вчерашнему, гово-
рить другое, нежели что говорилъ вчера, на перекоръ себѣ:
Господи, что за омутъ у нихъ!» думала она.

Райскій обѣщалъ Вивентьевымъ пріѣхать къ нимъ дня на
два и очень былъ внимателенъ къ предложеніямъ жениха, по-
пытаться половить рыбу.

Наконецъ гости собрались. Татьяна Марковна и Райскій по-
ехали проводить ихъ до берега. Вѣра простилась съ Марейнкой
и осталась дома.

Тѣсенъ былъ мѣръ, въ которомъ и прежде вращалась жизнь
Вѣры: а теперь сдѣлался еще тѣснѣе. Исключительная, глубокая
натура ея долго довольствовалась тѣмъ запасомъ наблюденій,
жизненныхъ опытовъ, которые она добывала около себя. Нѣ-
сколько человѣкъ замѣняли ей толпу: то, что другой соберетъ
со многихъ встрѣчь, въ многіе годы и во многихъ мѣстахъ, —
мало ея въ двухъ, трехъ углахъ, по ту и другую сторону
Волги, съ пяти, шести лицъ, представлявшихъ для нея весь
жизненный мѣръ, и въ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, съ тѣхъ
лѣтъ, какъ понятія у ней созрѣли и сложились въ болѣе или
менѣе опредѣленный взглядъ. Инстинктъ и собственная воля пи-

сали ей законы ея, пока дѣвической, жизни, а сердце чутко уваживало на тѣхъ, кому она могла безошибочно дать нѣкоторыя симпатіи.

И она давала ихъ осторожно, не тратила, какъ Марейнъ на всѣхъ. Изъ постороннихъ только жена священника была чѣмъ то въ родѣ ея наперсницы, да Тушина она открыто признавала и называла своимъ другомъ, — больше никого.

Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни, и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не мелкіе выводы, практиковала силу своей воли надъ обнаружившею ея застарѣlostью, деспотизмомъ, грубостію нравовъ. Она, по этой простой канвѣ, умѣла чертить широкіи смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идеѣ чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строкамъ простой жизни другія строки, которыхъ жаждалъ ея умъ и требовала натура.

Она смотрѣла вокругъ себя и видѣла — не то, что есть, то, что должно быть, что ей хотѣлось чтобъ было, и такъ какъ этого не было, то она брала изъ простой жизни около себя только одно живое, вѣрное, созидая образъ, противоположный тому, и немногими исключеніями, что было около.

Въ область мысли, знанія, она вступила также недовѣрчивымъ и осторожнымъ шагомъ, какъ была осторожна и скупа и симпатіяхъ. Читала она книги въ библиотекѣ стараго дома, сначала отъ скуки, безъ выбора и системы, доставая съ полки, что попадется, потомъ изъ любопытства, наконецъ нѣкоторыя съ увлеченіемъ. Скоро она почувствовала безцѣльность и бесплодность этого странствія по чужимъ умамъ, безъ руководящей нити. Она хитро наводила на разговоръ Козлова, почти не спрашивая не показывая вида, что слушаетъ, и особенно никогда ни передъ кѣмъ не хвастаясь, что знаетъ то или другое, чего не знаютъ открывающіе. Потомъ, съ повѣркой его взгляда, перечитывала книги опять, и находила въ нихъ больше смысла и интереса. По просьбѣ молодого священника, возила книги ему, и опять слушала, и дѣлаясь семинаристомъ, разсѣянно, его мысли и впечатлѣнія, въ связанная подъ вліяніемъ того или другого автора.

Послѣ всѣхъ пришелъ Марейнъ — и внесъ новый взглядъ во все то, что она читала, слышала, что знала, взглядъ полного и дерзкаго отрицанія всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ. Онъ, съ преждевременнымъ триумфомъ, явился въ ней, предвидя побѣду, и ошибся. Она съ изумленіемъ увидѣла этотъ новый, вдругъ вырвавшійся откуда-то потокъ смѣлыхъ

иногда увлекательныхъ идей, но не бросилась въ него слѣпо и тщеславно, изъ мелкой боязни показаться отсталкою, а также пылко и осторожно стала всматриваться и вслушиваться въ гонимую проповѣдь новаго апостола.

Ей прежде всего бросились въ глаза—зыбкость, односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышенная ложь пропаганды, на которую тратились живыя силы, дарованія, бойкій умъ и ненасытныя жажда самолюбія и самонадѣянности, въ ущербъ простымъ и очевиднымъ, готовымъ уже правдамъ жизни, только потому, какъ казалось ей, что онѣ были готовыя.

Иногда, въ этомъ безусловномъ рвеніи къ какой-то новой правдѣ, шло ей только неумѣнье справиться съ старой правдой, брошающееся къ новой, которая давалась, не опытомъ и борьбой съ внутреннихъ силъ, а гораздо дешевле, безъ борьбы и сразу, и основаніи только слѣпотаго презрѣнія ко всему старому, неразличнаго стараго зла отъ стараго добра, и принималась на вѣру въ непробѣренныхъ ни чѣмъ новыхъ авторитетовъ, нивѣсть отпадавшихъ новыя людей—безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ.

Она добиралась въ проповѣди и увлеченіяхъ Марка чего-нибудь вѣрнаго и живого, на что можно опереться, что можно любить, что было такъ прочно, необманчиво въ старой жизни, второй, во имя этого прочнаго, живого и вѣрнаго, она прощала и слѣпота, вредныя уродливости, ея весь отжившій соръ. Она страдала за эти уродливости и отъ этихъ уродливостей, мѣшавшихъ жить, чувствовала нерѣдко цѣпи и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу, наконецъ.... чѣмъ бы онъ ни былъ для нея,—и идти на борьбу противъ старыхъ враговъ: стирать ложь, мести соръ, освѣщать темныя углы, смѣло, не слушая старыхъ, разбитыхъ голосовъ, и только Тычковыхъ, но и самой бабушки, тамъ, гдѣ она бездумно опирается на старое, вопреки своему разуму,—вывести, если можно, и ее на другую дорогу. Но для этого нужно было глубоко и невозвратно убѣдиться, что истина—впереди.

Она шла не самонадѣянно, а напротивъ съ сомнѣніями, не знаетъ ли она, не правъ ли проповѣдникъ, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ тамъ, куда такъ пылко стремится онъ, чего-нибудь такого чистаго, свѣтлаго, разумнаго, что могло бы, не только избавить людей отъ старыхъ оковъ, но открыть Америку, новый, свѣжій воздухъ, поднять человѣка выше, нежели онъ былъ, дать ему больше, нежели онъ имѣлъ. Она искала, ждала, прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась на старыхъ авторитетамъ, сводила ихъ про себя на очную

ставку,—но не находила, ни новой жизни, ни счастья, ни правды ничего того, что обещалъ, куда звалъ смѣлый проповѣдникъ.

А сама шла все за нимъ, увлекаясь жаждой знать, чуждается за этой странной и отважной фигурой.

Дѣло пока ограничивалось безпощаднымъ отрицаніемъ все, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее большинство. Маркъ клеймилъ это враждой и презрѣніемъ: но Вѣра сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ не знаетъ и видитъ болѣзни: ей нужно знать, гдѣ Америка? ея Колумбъ, вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, казываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ. Это были фараоны тощія и тѣловые, пожиравшія толстыхъ и не дѣлавшіяся сами отъ той толще. Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не животную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій, представляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному. Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за ея конечную цѣль. Разлагая матерію на составныя части, онъ думалъ, что разложитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что выражаетъ матерію. Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, давшую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее, за неимѣніемъ цѣль и свойствъ ума, чтобы разложить ее. Заверывалъ доступъ въ вѣчность и къ безсмертію всѣмъ религіознымъ и философскимъ упованіямъ, разрушая, младенческими химическими и физическими опытами, и вѣчность, и безсмертіе, думая свѣтской тросточкой, какъ рычагомъ, шевелить дальніе міры заставляя всю вселенную отвѣчать отрицательно на религіозныя надежды и стремленія «отжившихъ» людей.

Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душой, правами на безсмертіе, онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлалось ненужнымъ при томъ, указываемомъ имъ, случайномъ порядкѣ бытія гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ мошки въ жаркую пору въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутся, плодятся, таятся, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни чтобы завтра дать мѣсто другому такому же столбу. «Да, это такъ, думала Вѣра: тогда не стоитъ работать надъ собою чтобы въ концѣ жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе. чѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого :

запасись, какъ муравью зернами на зиму, обиходнымъ умѣньемъ жить, такою честностью, которой — синонимъ ловкость, такими зернами, чтобъ хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобъ было тепло, удобно.... Какіе же идеалы для муравьевъ? Нужны муравьиныя добродѣтели... Но такъ ли это? Гдѣ доказательства?»

А онъ требовалъ, не только честности, правды, добра, но и вѣры въ свое ученіе, какъ требуетъ ея другое ученіе, которое за нее обѣщаетъ — безсмертіе въ будущемъ, и въ залогъ этого обѣщанія, даетъ и въ настоящемъ просимое всякому, кто просить, кто стучится, кто ищетъ.

Новое ученіе не давало ничего, кромѣ того, что было до него, ту же жизнь, только съ уничтоженіями, разочарованіями, и впереди обѣщало — смерть и тлѣнъ. Взявши девизы своихъ добродѣтелей изъ книги стараго ученія, оно обольстилось буквою ихъ, не вникнувъ въ духъ и глубину, и требовало исполненія этой «буквы» съ такою злобой и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе. Оставивъ себѣ одну животную жизнь, «новая сила» не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни.

Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго — не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизациі», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи. Отъ этого она только сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что — какъ далеко человѣкъ ни иди впередъ, онъ не уйдетъ отъ него, если только не бросится съ прямой дороги въ сторону, или не пойдетъ назадъ, что самые противники его черпаютъ изъ него же, что наконецъ ученіе это — есть единственнѣйшій, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, вѣ въ бораго остаются только ошибки.

Вѣры подозрительна стала личность самаго проповѣдника — она пятилась отъ него; даже послушавши, въ началѣ знакомства, два два его дерзкихъ рѣчей, указала на него Татьяна Марковнѣ, людямъ поручено было присматривать за садомъ: Волоховъ зашелъ со стороны обрыва, отъ котораго удалялъ людей суевѣрный страхъ могилы самоубійцы. Онъ замѣчалъ недовѣріе Вѣры къ себѣ и поставилъ себѣ задачей преодолѣть его — и успѣлъ.

Вѣра наконецъ, почти незамѣтно для нея самой, повѣрила искренности его одностороннихъ и поверхностныхъ увлеченій, и отъ недовѣрія перешла къ изумленію, участію. У ней даже бы-

вали минуты, впрочемъ рѣдкія, когда она колебалась въ непогрѣшимости своихъ, собранныхъ молча про себя наблюдений надъ жизнью, надъ людьми, правилъ, которыми руководствовалося большинство. Задумывалась она надъ всѣмъ, чѣмъ сама жила — и почувствовала новыя тревоги, новые вопросы, и стала еще жаднѣе и пристальнѣе вслушиваться въ Марка, встрѣчаясь съ нимъ въ полѣ, за Волгой, куда онъ проникалъ вслѣдъ за нею, наконецъ въ бесѣдѣ, на днѣ обрыва.

Гдѣ замѣчала явную ложь, софизмы, она боролась, проясняла себѣ туманъ, вооруженная своими наблюдениями, логикой и волей. Маркъ топалъ въ ярости ногами, строилъ батареи изъ своихъ доктринъ и авторитетовъ — и встрѣчалъ недоступную стѣну. Онъ свирѣпѣлъ, свалилъ зубы, какъ «волеъ», но проводникомъ ея отповѣдей служили бархатные глаза, какихъ онъ не видалъ никогда, и лба его касалась твердая, но нѣжная рука, и онъ, рыча про себя, ложился смиренно у ногъ ея, чуя побѣду и добычу впереди, хотя и далеко.

Гдѣ Вѣра не была приготовлена, тамъ она слушала молча и слѣдила зорко — вѣруеть ли самъ апостоль въ свою доктрину, есть ли у него самого незыблемая точка опоры, опытъ, или онъ только увлеченъ остроумной или блестящей гипотезой. Онъ манилъ впередъ образомъ какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятіемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды — и это будущее видѣлъ чуть не завтра, звалъ ее вкусить хоть части этой жизни, сбросить съ себя старое и повѣрить, если не ему, то опыту. «И будемъ какъ боги!» прибавлялъ онъ насмѣшливо.

Вѣра не шла, боролась, — и незамѣтно, мало-по-малу, перешла сама въ активную роль: воротить и его на дорогу ужъ испытаннаго добра и правды, увлечь, сначала въ правду любви человѣческаго, а не животнаго счастья, а тамъ и дальше, въ глубину ея вѣры, ея надеждъ!... Маркъ понемногу, кое-въ-чемъ уступалъ, поворачался нѣкоторымъ ея требованіямъ: пересталъ дѣлать эксцентрическія выходы, не дразнилъ мѣстныхъ власти сталъ опрятнѣе въ образѣ жизни, не щеголялъ цинизмомъ. Она была счастлива — и вотъ причина ея экстаза, замѣченнаго Татьяной Марковной и Райскимъ. Она чувствовала, что сила ея дѣйствуетъ, пока еще только на внѣшнюю его жизнь, и надѣялась, что, путемъ неусыпнаго труда, жертвъ, она мало-по-малу совершитъ чудо — и наградой ея будетъ счастье женщины — быт любимой человѣкомъ, котораго угадало ея сердце. Она введетъ новаго и сильнаго человѣка въ общество. Онъ уменъ, настойчивъ и если будетъ простъ и дѣятеленъ, какъ Тушинъ, тогда... и е

жизнь угадана. Она не даромъ жила. А тамъ она не знала, что будетъ.

Между тѣмъ она, по страстной, нервной натурѣ своей, увлеклась его личностью, влюбилась въ него самого, въ его смѣлость, въ самое это стремленіе къ новому, лучшему—но не влюбилась въ его ученіе, въ его новыя правды и новую жизнь, и осталась вѣрна старымъ, прочнымъ понятіямъ о жизни, о счастьи. Онъ звалъ къ новому дѣлу, къ новому труду, но новаго дѣла и труда, провъ раздачи запрещенныхъ книгъ, она не видѣла: Соглашаясь въ необходимости труда, она винила себя первая за бездѣйствіе и чертила себѣ, въ недалекомъ будущемъ, образъ простого, но дѣйствительнаго дѣла, завидуя пока Марковнѣ въ томъ, что та приспособила свой досугъ и свои руки къ домашнему хозяйству, и отчасти въ деревнѣ. Она готовилась пока раздѣлить съ сестрой ея труды — лишь только, такъ или иначе, выйдетъ изъ этой тяжелой борьбы съ Маркомъ, которая кончилась наконецъ недавно, не побѣдой того или другого, а взаимнымъ поражениемъ и разлукой навсегда.

Все это пробѣжало въ умѣ Вѣры, пока Татьяна Марковна и Райскій провожали гостей за Волгу. — «Что теперъ онъ дѣлать, этотъ волкъ?» думала она иногда: торжествуетъ ли свою побѣду...» Она не додумывалась и вздрагивала.

Она открыла ящикъ, достала оттуда запечатанное письмо на своей бумагѣ, которое прислалъ ей Маркъ рано утромъ черезъ ябала. Она посмотрѣла на него съ минуту, подумала—и рѣшительно бросила опять нераспечатаннымъ въ столъ.

Всѣ другія муки глубоко хоронились у ней въ душѣ: на очереди стояла страшная битва на смерть съ новой бѣдой: что бабушка? Райскій успѣлъ шепнуть ей, что будетъ говорить съ Татьяной Марковной вечеромъ, когда никого не будетъ, чтобы изъ людей никто не замѣтилъ впечатлѣнія, какое можетъ произвести на нее эта откровенность.

У Вѣры зловѣщей бѣдой заняла грудь, когда Райскій говорилъ ей о своей предосторожности. Она измѣряла этимъ степень бѣды и мысленно желала не дожить до вечера.

Она немного отдохнула, открывъ все Райскому и Тушину. Это стало будто повойниѣ. Она сбросила часть тяжести, какъ янки въ бурю бросаютъ часть груза, чтобы облегчить корабль. Самый тяжелый грузъ былъ на днѣ души; и ладья ея шла въ водѣ глубоко, черпала бортами и могла, при новомъ, издаемомъ шквалѣ, черпнуть и не встать больше.

Она мысленно бросалась на грудь, то Райскому, то Тушину, спихала на часъ, и потомъ опять клонила голову. «Нельзя жить,

нельзя!» шептала она и шла въ свою часовню, въ ужасѣ смотрѣла на образъ, стоя на колѣняхъ. Только вздохи боли показывали, что это стоитъ не статуя, а живая женщина. Образъ глядѣлъ на нее задумчиво, полуоткрытыми глазами, но какъ будто не видѣлъ ее, персты были сложены въ благословеніе, но не благословляли ее. Она жадно смотрѣла въ эти глаза, ждала какого-то знаменія: знаменія не было. Она уходила, какъ убивая, въ отчаяніи.

VII.

Бабушка, воротаясь, занялась - было счетами, но вскорѣ отпустила всѣхъ торговцевъ, швей, и спросила о Райскомъ. Ей сказали, что онъ ушелъ на цѣлый день къ Козлову, куда онъ въ самомъ дѣлѣ отправился, чтобъ не оставаться наединѣ съ Татьяной Марковной до вечера. Она послала узнать, что Вѣра, прошла ли голова, придетъ ли она къ обѣду? Вѣра велѣла отвѣчать, что головѣ легче, просила прислать обѣдъ въ свою комнату и сказала, что ляжетъ пораньше спать.

Тутъ случилось въ дворнѣ не новое событіе: Савелій чуть не перешибъ спину Маринѣ полѣномъ, потому что хватился ея на зарѣ, въ день отъѣзда гостей, пошелъ отыскивать и видѣлъ, какъ она шмыгнула изъ комнаты, гдѣ помѣстили лакея Вивентьевой. Она пряталась цѣлое утро по чердакамъ, въ огородѣ, наконецъ пришла, думая что онъ забылъ.

Онъ исхлесталъ ее возжей. Она металась изъ угла въ уголъ, отпираясь, божаясь, что ему померещилось, что это былъ «дьявольскій образъ» и т. п. Но когда онъ бросилъ возжу и взялъ полѣно, она застонала, и послѣ перваго удара повалилась ему въ ноги, крича «виновата» и просила помилованія. Она клялась всѣмъ, и между прочимъ «своей утробой», что никогда больше не провинится, а если провинится, то пусть тогда Богъ убьетъ ее и покараетъ навсегда. Савелій остановился, положилъ полѣно и отеръ рукавомъ лобъ. «Ладно, сказалъ онъ: пушай будетъ по твоему, коли ты повинилась и Бога призываешь! не стану бить, отступлюсь отъ тебя!» Онъ махнулъ на нее рукой.

Все это донесли Татьянѣ Марковнѣ, но она только поморщилась съ отвращеніемъ и махнула Василисѣ рукой, чтобъ не доучала ей.

Приѣзжали нѣкоторые барыни съ визитомъ, приѣхалъ заволжскій помѣщикъ, и еще двое гостей изъ города, и остались обѣдать. Всѣ слышали, что Вѣра Васильевна больна и пришли на

видѣли. Татьяна Марковна объявила, что Вѣра наканунѣ про-
забыла и на два дня осталась въ комнатѣ, а сама внутренно
страдала отъ этой лжи, не зная, какая правда кроется подъ этой
молочной болѣзнию, и даже не смѣла пригласить доктора, ко-
торый тотчасъ увидалъ бы, что болѣзни нѣтъ, а есть моральное
разстройство, которому должна быть причина.

Она не ужинала, и Титъ Никоничъ изъ вѣжливости сказалъ,
что «не имѣетъ аппетита». Наконецъ явился Райскій, нѣсколько
блѣдный, и тоже отказался отъ ужина. Онъ молча сидѣлъ за
столомъ, съ какимъ-то сдержаннымъ выраженіемъ въ лицѣ, и
будто не замѣчалъ изрѣдка обращаемыхъ на него Татьяной
Марковной вопросительныхъ взглядовъ.

Наконецъ Титъ Никоничъ расшаргался, поцѣловалъ у ней
руку и уѣхалъ. Бабушка велѣла готовить постель и не глядѣла
за Райскаго. Она сухо пожелала ему «покойной ночи», чувствуя
себя глубоко оскорбленной и въ сердцѣ и въ самолюбіи. Около
нея происходитъ что-то таинственное и серьезное, между близ-
кими ей людьми, а ее оставляютъ въ сторонѣ, какъ чужую, или
какъ старую, отжившую, ни на что неспособную женщину. Она
не подозрѣвала уваженія, боязни и пощады, мѣшавшихъ имъ
открыться.

Райскій вполголоса сказалъ ей, что ему нужно поговорить
съ ней, чтобъ она какъ-нибудь незамѣтно отослала людей. Она
остановила на немъ неподвижный отъ ужаса взглядъ. У ней по-
бѣдѣ даже постъ.

— Бѣда? спросила она отрывисто.

Онъ мялся.

— Нѣтъ... отвѣчалъ онъ нерѣшительно: съ моей точки зрѣ-
нія—нѣтъ бѣды...

— А если съ моей—есть, то значить и бѣда! замѣтила она
тихо.—Да вонъ ты блѣденъ, стало быть, знаешь и самъ, что бѣда.

Она мало-по-малу удалила людей, сказавши, что еще не ля-
жетъ спать, а посидитъ съ Борисомъ Павловичемъ, и повела
его въ кабинетъ.

Она сѣла въ свое старое вольтеровское кресло, поставивъ лампу
дальше на бюро и закрывъ ее колпакомъ.

Они сидѣли въ полумракѣ, она поникнувъ головой, не глядя
на него и ожидая. Райскій началъ свой разговоръ, стараясь по-
йти «къ бѣдѣ» какъ можно мягче и осторожнѣе. У него дро-
жали губы и языкъ не рѣдко отказывался говорить. Онъ оста-
навливался, давая себѣ отдыхъ, потомъ собирался съ силами и
продолжалъ. Бабушка не пошевелилась, не сказала ни слова.
Тотъ вонецъ онъ шепталъ едва слышно.

Онъ вышелъ отъ нея, когда сталъ брезжить день. Когда онъ кончилъ, она встала, выпрямилась медленно, съ напряженіемъ, потомъ также медленно опустила опять плечи и голову, стоя, опершись рукой о столъ.

— Бабушка! говорилъ Райскій, пугаясь выраженія ея лица и становясь на колѣни передъ ней: спасите Вѣру...

— Поздно послала она къ бабушкѣ, шептала она: Богъ спасетъ ее! Береги ее, утѣшай, какъ знаешь, а я... Бабушки нѣтъ больше!

Она ступила шагъ, онъ загородилъ ей дорогу.

— Бабушка, что вы, что съ вами? говорилъ онъ въ страхѣ

— Бабушки нѣтъ у васъ больше... твердила она разсѣянно стоя тамъ, гдѣ встала съ кресла, и глядя внизъ.— Поди, поди почти гнѣвно крикнула она, видя, что онъ медлитъ:— не ходи ко мнѣ... не пускай никого, распорядись веѣмъ... А меня оставьте всѣ... всѣ!

Она стояла все на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная, съ безжизненнымъ, точно спящимъ взглядомъ. Онъ хотѣлъ ей что-то сказать. Она нетерпѣливо махнула ему рукой.

— Уйди къ ней, береги ее: бабушка не можетъ, бабушки нѣтъ! шептала она.

И сдѣлала повелительный жестъ рукой, чтобъ онъ шелъ. Онъ вышелъ въ страхѣ, блѣдный, сдалъ все на-руки Якову, Василисѣ и Савелью, и самъ изъ-за угла старался видѣть, что дѣлается съ бабушкой. Онъ не спускалъ глазъ съ ея оконъ дверей.

А она машинально опустила опять въ кресло, и какъ будто заснула въ безсознательной, мертвой дремотѣ, и оставалась неподвижно до утра, когда совсѣмъ разсвѣло.

Утромъ рано, Райскій, не ложившійся спать, да Яковъ Василисой, видѣли, какъ Татьяна Марковна, въ чемъ была и канунѣ и съ открытой головой, съ наброшенной на плечи и рецкой шалью, пошла изъ дому, ногой отворяя двери, пропъ всѣ комнаты, коридоръ, спустилась въ садъ, и шла, какъ будто бронзовый монументъ всталъ съ пьедестала и двинулся, никого и ни на что не глядя. Она шла черезъ цвѣтникъ, по аллея къ обрыву, стала спускаться съ обрыва ровнымъ, медленнымъ широкимъ шагомъ, неся голову прямо, не поворачиваясь, гл куда-то вдаль. Она скрылась въ лѣсъ.

Райскій бросился украдкой за ней, причесая за деревья.

Она шагала все ниже, ниже, прошла къ бесѣдкѣ, пониз головой и стала, какъ влопаная. Райскій подкрадывался съ нея, удерживая дыханіе.

«Мой грѣхъ!» сказала она, будто простонала, положивъ руки на голову, и вдругъ ускоренными шагами пошла дальше, вышла къ Волгѣ и стала неподвижно у воды. Вѣтеръ хлесталъ и обивалъ платье около ея ногъ, шевелилъ ей волосы, рвалъ съ нея шаль—она не замѣчала.

У Райскаго замеръ духъ отъ мелькнувшей догадки: хотеть утопиться!

Но она медленно поворотилась, шагая крупно и оставляя глубокой слѣдъ на влажномъ пескѣ.

Райскій вздохнулъ свободнѣе, но взглянувъ изъ-за кустовъ на ея лицо, когда она тихо шла тою же широкой походкой назадъ—онъ еще больше замеръ отъ ужаса.

Онъ не узналъ бабушку. На лицѣ у ней легла точно туча, и туча эта была—горе; та «бѣда», которую онъ въ эту ночь возложилъ ей на плечи. Онъ видѣлъ, что нѣтъ руки, которая бы сняла это горе.

Она правду сказала: бабушки нѣтъ больше. Это не бабушка, не Татьяна Марковна, любящая и нѣжная мать семейства, не полица Малиновки, гдѣ все жило и благоденствовало ею и гдѣ жила и благоденствовала сама она, мудро и счастливо управлявшая маленькимъ царствомъ. Это была другая женщина.

Она будто не сама ходитъ, а носить ее посторонняя сила. Какъ широко шагаетъ она, какъ прямо и высоко несетъ голову и плечи, и на нихъ—эту свою «бѣду»! Она, не чуя ногъ, идетъ по лѣсу въ крутую гору; шаль повисла съ плечъ и мететь концомъ соръ и пыль. Она смотритъ куда-то вдаль немигающими глазами, изъ которыхъ широко глядитъ одинъ окаменѣлый, поворный ужасъ.

Сознаніе всего другого, кромѣ «бѣды» умерло въ лицѣ: она точно лунатикъ, или покойница.

Онъ едва успѣвалъ слѣдить за ней среди кустовъ, чтобъ не случилось съ ней чего-нибудь. Она все шла, осиливая крутую гору, и только однажды оперлась обѣими руками о дерево, положила на руки голову:—«мой грѣхъ!» повторила она прямо грудью, будтодохнула: «тяжело, облегчи, не снесу!» шепнула втомъ, и опять выпрямилась и пошла въ гору, поднимаясь на обривъ, одолевая крутизну нечеловѣческой силой, оставляя клочки платья и шали на кустахъ.

Райскій, поражаясь изумленіемъ и ужасомъ, глядѣлъ на эту евою, необычайную женщину. «Только великія души преодолеваютъ съ такой силой тяжелыя скорби, думалъ онъ: имъ, какъ орли-дамъ, даны крылья летать подъ облаками и глаза—смотрѣть въ пропасти».

«И только вѣрующая душа несетъ горе такъ, какъ несла его эта женщина—и однѣ женщины такъ выносятъ его!» «Въ женской половинѣ человѣческаго рода, думалось ему, заключены великія силы, вращающія міромъ. Только не поняты, не признаны, не воздѣланы онѣ, ни ими самими, ни мужчинами, и подавлены, грубо затоптаны, или присвоены мужской половиной, не умѣющей ни владѣть этими великими силами, ни разумно повиноваться имъ, отъ гордости. А женщины, не узнавая своихъ природныхъ и законныхъ силъ, вторгаются въ область мужской силы—и отъ этого взаимнаго захвата—вся неурядица».

«Это не бабушка! съ замираніемъ сердца, глядя на нее, думалъ онъ. Она казалась ему одною изъ тѣхъ женскихъ личностей, которыя внезапно изъ круга семьи выходили героинями въ великія минуты, когда падали вокругъ тяжкіе удары судьбы и когда нужны были людямъ, не грубыя силы мышцъ, не гордость крѣпкихъ умовъ, а силы души—нести великую скорбь, страдать, терпѣть и не падать!»

У него въ головѣ мелькнулъ рядъ женскихъ историческихъ тѣней въ параллель бабушкѣ: видѣлась ему въ ней—древняя еврейка, іерусалимская госпожа, родоначальница племени—съ улыбкой горделиваго презрѣнія услышавшая пронесшееся въ народѣ глухое пророчество и угрозу: «снимется вѣнецъ съ народа, не узнавшаго посѣщенія», «придутъ римляне и вѣзмутъ!» Не повѣрила она, считая незыблемымъ вѣнецъ, возложенный рукою Іеговы на голову Израила. Но когда настала часъ—«пришли римляне и взяли», она постигла, откуда палъ неотразимый ударъ, встала, снявъ свой вѣнецъ, и молча, безъ ропота, безъ малодушныхъ слезъ, которыми омывали Іерусалимскія стѣны мужья, разбивая о камни головы, только съ окаменѣлымъ ужасомъ покорности въ глазахъ пошла среди павшаго царства, въ великомъ безобразіи одеждъ, туда, куда вела ее рука Іеговы, и также,—какъ эта бабушка теперь—несла святыню страданія на лицѣ, будто гордясъ, и силою удара, постигшаго ее, и своею силою нести его.

Пришла въ голову Райскому другая царица скорби, великая русская Марѳа, скованная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая въ тюрьмѣ свое величіе и могущество скорби по погибшей славѣ Новгорода, покорная тѣломъ, но не духомъ, и умирающая все посадицей, все противницей Москвы, и какъ будто распорядительницей судебъ вольнаго города.

Толпились передъ нимъ, точно живыя, тѣни другихъ великихъ страдальцевъ: русскихъ царицъ, мѣнявшихъ, по волѣ мужей, свой санъ на санъ инокинь и хранившихъ и въ вельѣ духъ и силу:

другихъ царицъ, въ робовыя минуты, стоявшихъ во главѣ — царства и спасавшихъ его....

Съ такою же силой сворби шли въ заточеніе съ нашими тѣнями, колебавшими небо, ихъ жены, боярыни и княгини, сложившія свой санъ, титулъ, но унесшія съ собой силу женской души и великой красоты, которой до сихъ поръ не знали за собой онѣ сами, не знали за ними и другіе, и которую онѣ, какъ золото въ огнѣ, закалили въ огнѣ и дымѣ грубой работы, служа своимъ мужьямъ — князьямъ и неся ихъ, и свою «бѣду». И мужья, преклоняя колѣни передъ этой новой для нихъ красотой, мужественнѣ несли кару. Обожженные, изможденные трудомъ и горемъ, онѣ хранили величіе духа и сіяли, среди испытанія, нетлѣнной красотой, какъ великія статуи, пролежавшія тысячелѣтія въ землѣ, выходили съ язвами времени на тѣлѣ, но сіяющія вѣчной красотой великаго мастера.

Такою великую силу — стоять подъ ударомъ грома, когда все падаетъ вобругъ, — безсознательно, вдругъ, какъ кладъ найдетъ, почуветь въ себѣ русская женщина изъ народа, когда пламень пожара пожретъ ея хижину, добро и дѣтей. Съ такимъ же нѣмымъ, окаменѣлымъ ужасомъ, какъ бабушка, какъ Новгородская Марѳа, какъ тѣ царицы и княгини — уходитъ она прочь, глядя неподвижно на небо, и не оглянувшись, на столпъ огня и дыма, идетъ сильными шагами, неся выхваченнаго изъ пламени ребенка, ведя дряхлую мать, и взглядомъ и ногой толкая впередъ малодушнаго мужа, когда онъ, упавъ, грызя землю, смотреть назадъ и проклиная пламя... Она идетъ, твердо шагая загорѣлыми ногами, дальше, дальше, не зная, гдѣ остановится, или упадетъ, потерявъ силу. Она вѣритъ, что рядомъ идетъ съ ней другая сила и несетъ ея «бѣду», которую не снесла бы одна! Въ открыто-смотрящемъ и ничего невидящемъ взглядѣ лежитъ сила страдать и терпѣть. На лицѣ горитъ во всемъ блескѣ красота и величіе мученицы. Громъ бьетъ ее, огонь палитъ, но не убиваетъ женскую силу.

Райскій съ ужасомъ отмахивался отъ этикъ, незваныхъ въ горькія минуты, явленій своей безпощадной фантазіи и устремилъ зоркое вниманіе за близкой ему страдальцей, наблюдая ее глазами и стараясь прочесть въ ея душѣ: что за образъ муки поселился въ ней?

Падало царство Татьяны Марковны, пустѣлъ домъ, похищено ея завѣтное, дорогое сокровище, ея гордость, ея жемчужина! Она одна бродила будто по развалинамъ. Опустѣла и душа у ней! Духъ мира, гордости, благоденствія повиннулъ счастливый уголокъ. Она видѣла теперь въ немъ мерзость запустѣ-

нія—и цѣлый міръ опостылѣлъ ей. Когда она останавливалась, какъ будто набраться силы, глотнуть воздуха и освѣжить запершія отъ сильнаго и горячаго дыханія губы, колѣни у ней дрожали: еще минута — и она готова рухнуть на землю, но чей-то голосъ, дающій силу, шепталъ ей: «иди, не падай—дойдешь!»

И старческое безсиліе пропадало, она пла опять. Проходила до вечера, просидѣла почь у себя въ креслѣ, томась страшной дремотой, съ бредомъ и стономъ, потомъ просыпалась, жалѣя, что проснулась, вставала съ зарей и пла опять съ обрыва, къ бесѣдѣ, долго сидѣла тамъ на развалившемся порогѣ, положивъ голову на голыя доски пола, потомъ уходила въ поля, терялась среди вустовъ у Приволжья.

Случайно наткнулась она на часовню, въ полѣ, подняла голову, взглянула на образъ — и новый ужасъ, больше прежняго, широко выглянулъ изъ ея глазъ. Ее отшатнуло въ сторону. Она, какъ раненый звѣрь, упала на одно колѣно, тяжело приподнялась, и ускоренными шагами, падая опять и вставая, пронеслась мимо, закрывъ лицо шалью отъ образа Спасителя, и простонала:— «Мой грѣхъ»!

Люди были въ ужасѣ. Василиса съ Яковомъ почти не выходили изъ церкви, стоя на колѣняхъ. Первая обѣщалась сходить пѣшкомъ къ Кіевскимъ чудотворцамъ, если барыня оправится, а Яковъ поставитъ толстую съ позолотой свѣчу къ мѣстной иконѣ. Прочіе люди всѣ прятались по угламъ и глядѣли изъ щелей, какъ барыня, точно помѣшанная, бродила по полю и по лѣсу. Даже Марина, и та ошалѣла и ходила, какъ одичалая. Только Егоръ пробовалъ хихикать и затрогивалъ горничныхъ, но онѣ гнали его прочь, а Василиса назвала его «супостатомъ».

Другой день бабушка не принимала никакой пищи. Райскій пробовалъ выйдти къ ней на встрѣчу, остановить ее и заговорить съ ней, она махнула ему повелительно рукой, чтобъ шель прочь.

Наконецъ онъ взялъ кружку молока и рѣшительно подступилъ къ ней, взявъ ее за руку. Она поглядѣла на него, какъ будто не узнала, поглядѣла на кружку, машинально взяла ее дрожащей рукой изъ рукъ его и съ жадностью выпила молоко до послѣдней капли, глотая медленными, большими глотками.

— Бабушка, пойдемте домой—не мучайте себя и насъ! умолялъ онъ: — вы убьете себя.

Она махнула ему рукой.

— Богъ посѣтилъ: не сама хожу, Его сила носить, — надо выносить до конца. Упаду—подберите меня... «Мой грѣхъ»! шепнула потомъ и пошла дальше.

Сдѣлавъ шаговъ десять, она обернулась въ нему. Онъ подбѣжалъ къ ней.

— Если не вынесу... умру... заговорила она и сдѣлала ему шагъ, чтобъ онъ наклонилъ голову.

Онъ сталъ на колѣни передъ ней.

Она прижала его голову къ своей груди, вѣрнѣе поцѣловала ее и положила на нее руку.

— Прими мое благословеніе, сказала она: и передай имъ... Маринькѣ и... ей, — бѣдной моей Вѣрѣ... слышишь, и ей!...

— Бабушка! говорилъ онъ, заливаясь слезами и цѣлуя у ней руку.

Она вырвала руку и пошла дальше, блуждать въ вустахъ, по берегу, по полю.

«У вѣрующей души есть свое царство!» думалъ Райскій, идя ей въ слѣдъ и утирая слезы: — «только она умѣетъ такъ страдать за все, что любить, и такъ любить и такъ искупать свои и чужія заблужденія!»

Вѣра была не въ лучшемъ положеніи. Райскій успѣшилъ передать ей разговоръ съ бабушкой, — и когда, на другой день, она, блѣдная, измученная, утромъ рано послала за нимъ и спросила: — что бабушка? — онъ, вмѣсто отвѣта, указалъ ей на Татьяну Марковну, какъ она шла по саду и по аллеямъ въ поле.

Вѣра бросилась къ окнамъ и жадно вглядывалась въ это странствіе бабушки съ ношей «бѣды». Она успѣла мелькомъ уловить выраженіе на ея лицѣ и упала въ ужасѣ сама на полъ, потомъ встала, бѣгая отъ окна къ окну, складывая вмѣстѣ руки и простирая ихъ, какъ въ мольбѣ, вслѣдъ бабушкѣ. Она сама ходила, какъ дикая, по большимъ, запущеннымъ заламъ стараго дома, отворяя и затворяя за собой двери, бросаясь на старинныя канapé, наталкиваясь на мебель. Она рвалась къ бабушкѣ и оставалась въ ужасѣ: показаться ей на глаза, значило, можетъ быть, убить ее.

Настала настоящая казнь Вѣры. Она теперь только почувствовала, какъ глубоко вонзился ножъ, и въ ея, и въ чужую, но близкую ей жизнь, вида, какъ страдаетъ за нее эта трагическая старуха, недавно еще счастливая, а теперь оборванная, желтая, изможденная, мучающаяся за чужое преступленіе чужою казнью. «Она за что? Она — святая! А я!...» терзалась она.

Райскій принесъ ей благословеніе Татьяны Марковны. Вѣра бросилась ему на шею и долго рыдала.

Къ вечеру второго дня нашли Вѣру сидящую на полу, въ углу большой залы, полуодѣтую. Борисъ и жена священника,

пріѣхавшая въ тотъ день, почти силой увели ее оттуда и положили въ постель.

Райскій позвалъ доктора и кое-какъ старался объяснить ея разстройство. Тотъ прописалъ успокоительное питье, Вѣра выпила, но не успокоилась, забывалась часто сномъ, просыпалась и спрашивала: «что бабушка?» Потомъ опять впадала въ забытье.

Она не слушала, что жужжала ей на ухо любимая подруга, способная знать всѣ секреты Вѣры, беречь ихъ, покоряться ей, какъ сильнѣйшей себя властной натурѣ, раздѣлять безусловно ея образъ мыслей, поддаивать желаніямъ, но обазавшаяся безсильною, когда загремѣлъ сильный громъ надъ головой Вѣры, помочь снести его и успокоить ее.

— Дай мнѣ пить! шептала Вѣра, не слушая ея лепета: — не говори, посиди такъ, не пускай никого... Узнай, что бабушка?

Такъ было и ночью. Просыпаясь, въ забытїи, Вѣра постоянно шептала: «бабушка нейдетъ! бабушка не любитъ! бабушка не проститъ!»

На третій день Татьяна Марковна ушла, не видали какъ, изъ дома. Райскій не выдержалъ двухъ бессонныхъ ночей и легъ отдохнуть, поручивъ разбудить себя, когда она выйдетъ изъ дому.

Но Яковъ и Василиса ушли къ ранней обѣднѣ, а Пашутка, завидя идущую барыню, съ испуга залѣзла въ вѣники и метлы, хранившіеся въ чуланѣ, да тамъ и заснула. Прочіе люди разбѣжались въ разные стороны.

Однако Савелій видѣлъ, что барыня сошла съ обрыва, что она шла нетвердо, хваталась за деревья, и потомъ прошла въ поле.

Райскій бросился въ слѣдъ за ней и изъ-за угла видѣлъ, какъ она медленно возвращалась по полю къ дому. Она оставалась и озиралась назадъ, какъ будто прощалась съ крестьянскими избами. Райскій подошелъ къ ней, но заговорить не смѣлъ. Его поразило новое выраженіе ея лица. Мѣсто поворота ужаса заступило, повидимому, безотрадное сознаніе. Она не замѣчала его и какъ будто смотрѣла въ глаза своей «бѣдѣ».

Ей на яву снилось, какъ царство ея рушилось, и какъ на мѣстѣ его легла мерзость запустѣнія въ близкомъ будущемъ. Послѣ, отъ нея самой, онъ узналъ страшный сонъ, ей снившійся.

Озираясь на деревню, она видѣла — не цвѣтущій, благоустроенный порядокъ домовъ, а лишенный надзора и попеченія рядъ полусгнившихъ избъ — иритонъ пьяницъ, нищихъ, бродягъ и воровъ. Поля лежатъ пустыя, поросшія полынью,

лопукомъ и крапивой. Она съ ужасомъ отворотилась отъ деревни и вошла въ садъ, остановилась, озираясь вокругъ, не узнавая домовъ, двора. Садъ, цвѣтнй огорода — смѣшались въ одну сплошную кучу, спутались и поросли быліемъ. Туда не заходить челоуѣкъ: только коршунъ, утащивъ живую добычу, терзаетъ ее тамъ на просторѣ. Новый домъ покривился и вросъ въ землю; людскія развалились, на развалинахъ ползаетъ и жалобно мяучитъ одичалая кошка, да бѣглый колодникъ прячется подъ осѣмшей кровлей.

Старуха вздрогнула и оглянулась на старый домъ. Онъ перестоялъ все — когда все живое съ ужасомъ ушло отъ этихъ мѣстъ — онъ стоитъ мрачный, облупившійся, съ своими темно-бурыми кирпичными бокъами. Стеколь нѣтъ въ окнахъ, сгнили рамы, и въ обвалившихся покояхъ ходитъ вѣтеръ, срывая послѣдніе слѣды жизни. Въ каминѣ свилъ гнѣздо филинъ, не слышно живыхъ шаговъ, только тѣнь ея... кого уже нѣтъ, кто умретъ тогда, ея Вѣры — скользнуть по тусклымъ, треснувшимъ паркетамъ, мѣшая свой стонъ съ воемъ вѣтра, и въ слѣдъ за нею мчится по саду, съ обрыва, въ бесѣдку...

Райскій видѣлъ, что го лицу бабушки потекла медленно слеза и остановилась, какъ будто застыла. Старуха запаталась и ошущью искала опоры, готовая упасть... Онъ бросился къ ней, и съ помощью Василисы, довель до дома, усадилъ въ кресла и бросился за докторомъ. Она смотрѣла, не узнавая ихъ. Василиса горько зарыдала и повалилась ей въ ноги. «Матушка Татьяна Марковна! вопила она: придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!» Старуха перекрестилась, вздохнула, и знакомъ показала, что не можетъ говорить, чѣбы дали ей пить.

Она легла въ постель, почти машинально, какъ будто не понимая, что дѣлаетъ. Василиса раздѣла ее, обложила теплыми салфетками, вытерла ей руки и ноги спиртомъ, и наконецъ заставила проглотить рюмку теплаго вина. Докторъ не велѣлъ ее беспокоить, оставить спать и потомъ дать лекарство, которое прописалъ.

До Вѣры дошло неосторожное слово: бабушка слегла! Она сбросила съ себя одѣяло, оттолкнула Наталью Ивановну и хотѣла идти къ ней. Но Райскій остановилъ ее, сказавши, что Татьяна Марковна погрузилась въ крѣпкій сонъ.

Къ вечеру Вѣра также разнемоглась. У ней появился жаръ и бредъ. Она металась всю ночь, звала бабушку во снѣ, плакала.

Райскій совсѣмъ потерялъ голову и наконецъ рѣшился пригласить стараго доктора, Петра Петровича, и наемнуть ему о разстройствѣ Вѣры, не говоря, конечно, о причинѣ. Онъ съ не-

терпѣніемъ ждалъ только утра и безпрестанно ходить, отъ Вѣры къ Татьянѣ Марковнѣ, отъ Татьяны Марковны къ Вѣрѣ.

Бабушка лежала съ закрытой головой. Онъ боялся взглянуть, спитъ ли она, иди все еще одолеваетъ своей силой силу горя. Онъ на цыпочкахъ входилъ къ Вѣрѣ и спрашивалъ Наталью Ивановну: что она?

— Безпрестанно просыпается и плачетъ, средить! говорила Наталья Ивановна, сидя у изголовья.

— Боже мой! говорилъ Райскій, возвращаясь къ себѣ и бросаясь усталый, и тѣломъ, и душой, въ постель. — Думалъ ли я, что въ этомъ углу вдругъ попаду на такія драмы, на такія личности? Какъ громадна и страшна простая жизнь въ наготѣ ея правды и какъ люди остаются цѣлы послѣ таковой трескотни! А мы тамъ, въ кучѣ, стараемся свою жизнь и страсти, какъ повара — тонкія блюда!..

VIII.

Вѣрѣ въ утру не было лучше. Жаръ продолжался, хотя она и спала. Но сонъ ея безпрестанно прерывался, и она лежала въ забытіи.

Райскій пошелъ къ Татьянѣ Марковнѣ, и вмѣстѣ съ Василисой, вошелъ въ ея спальню.

Она лежала все въ томъ же положеніи, какъ цѣлый день вчера.

— Посмотри, Василиса, что она? Я боюсь подойти, чтобы не испугать, шепталъ Райскій.

— Не разбудить ли барыню?

— Да, надо бы: Вѣра больна... Я не знаю, послать ли за Петромъ Петровичемъ?..

Онъ не договорилъ, какъ Татьяна Марковна вдругъ приподнялась и сѣла на постель.

— Вѣра больна? повторила она.

Райскій вздохнулъ свободнѣе.

На лицо бабушки вчера еще мертвое, каменное, вдругъ хлынула жизнь, забота, страхъ. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобы вышелъ, и въ полчаса кончила свой туалетъ. Широкими, но поспѣшными шагамъ съ тревогой на лицѣ, перешла она черезъ дворъ и поднялась къ Вѣрѣ: усталости — какъ не бывало. Жизнь воротилась къ ней, и Райскій радовался, какъ доброму другу, страху на ея лицѣ.

Она осторожно вошла въ комнату Вѣры, устремила глубокий взглядъ на ея спящее, блѣдное лицо и шепнула Райскому

послѣ за старымъ докторомъ. Она тутъ только замѣтила жену священника, увидѣла ея измученное лицо, обняла ее и сказала, что она пошла и отдыхала у ней цѣлый день.

— Теперь никто не нуженъ: я тутъ! сказала она и устроила себѣ помѣщеніе подлѣ постели Вѣры.

Приѣхалъ докторъ. Татьяна Марковна, утаивъ причину, искусно объяснила ему разстройство Вѣры. Онъ нашелъ признаки горячки, далъ лекарство, и сказалъ, что, если она успокоится, то и послѣдствій опасныхъ ожидать нельзя.

Вѣра въ полуснѣ приняла лекарство и вечеромъ заснула крѣпко. Татьяна Марковна сѣла сзади изголовья и положила голову на тѣ же подушки съ другой стороны. Она не спала, чутко сторожа каждое движеніе, вслушиваясь въ дыханіе Вѣры. Вѣра просыпалась, спрашивала: «ты спишь, Наташа?» и не получивъ отвѣта, закрывала глаза, по временамъ открывая ихъ съ мучительнымъ вздохомъ опять, лишь только память и сознаніе напоминали ей ея положеніе. Она спѣшила погрузиться въ свою дремоту; ночь казалась ей черной, страшной тюрьмой.

Она ночью пошевелилась, попросила пить. Рука изъ-за подушки подала ей питье. «Что бабушка?» спросила она, открывъ глаза и опять закрыла ихъ.

— Наташа, гдѣ ты: поди сюда, что ты все прячешься?

Отвѣта не было.

Она глубоко вздохнула и опять стала дремать.

«Бабушка нейдетъ! Бабушка не любитъ!» шептала она съ тоской, отрезвившись на минуту отъ сна. «Бабушка не простить!»

«Бабушка пришла!» «Бабушка любитъ!» «Бабушка простила!» произнесъ голосъ надъ ея головой.

Вѣра вскочила съ постели и бросилась къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Бабушка! закричала она и спрятала голову у ней на груди.

Татьяна Марковна положила ее на постель и прилегла своей сѣдой головой рядомъ съ этими темными, густыми волосами, разбросанными по блѣдному, прекрасному, измученному лицу.

Вѣра, на груди этой своей матери, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала свою исповѣдь, раскаяніе, горе, всю, вдругъ прорвавшуюся силу страданій.

Бабушка молча слушала рыданія и платкомъ отирала ея слезы, не мѣшая плакать, и только прижимая ея голову къ своей груди и осыпая поцѣлуями.

— Не ласкайте, бабушка... бросьте меня... не стою я... отдайте вашу любовь и ласки сестрѣ...

Бабушка въ отвѣтъ вѣрѣче прижала ее къ груди.

— Сестрѣ не нужны больше мои ласки: а мнѣ нужна твоя любовь — не покидай меня, Вѣра, не чуждайся меня больше: я сирота! сказала она, и сама заплакала.

Вѣра сжала ее всей своей силой.

— Мать моя, простите меня... шептала она.

Бабушка поцѣлуемъ зажала ей ротъ.

— Молчи, ни слова — никогда!

— Я не слушала васъ... Богъ покаралъ меня за васъ...

— Чтò ты говоришь, Вѣра? вдругъ, въ ужасѣ, блѣднѣя, оставила ее Татьяна Марковна, и опять стала похожа на дикую старуху, которая бродила по лѣсу и по оврагамъ.

— Да, я думала, что одной своей воли и ума довольно на всю жизнь, что я умнѣе всѣхъ васъ...

Татьяна Марковна вздохнула свободно. Ее, повидимому, встревожила какая-то другая мысль, или предположеніе.

— Ты, и умнѣе меня, и больше училась, сказала она: тебѣ Богъ далъ много остроты — но ты не опытнѣе бабушки...

«Теперь... и опытнѣе!» подумала Вѣра и припала лицомъ къ ея плечу. — Возьмите меня отсюда: Вѣры нѣтъ. Я буду вашей Марейнкой... шептала она. — Я хочу вонъ изъ этого стараго дома, туда, къ вамъ...

Бабушка молча ласкала ее.

Обѣ головы покоились рядомъ, и ни Вѣра, ни бабушка не сказали больше ни слова. Онѣ тѣсно прижались другъ къ другу и къ утру заснули въ объятіяхъ одна другой.

IX.

Вѣра встала утромъ безъ жара и озноба, только была блѣдна и утомлена. Докторъ сказалъ, что ничего больше и не будетъ, но не велѣлъ выходить нѣсколько дней изъ комнаты.

Все пришло въ прежній порядокъ. Имянины Вѣры, по ея желанію, прошли незамѣтно. Ни Марейнка, ни Вивентьевы не пріѣхали съ той стороны. Къ нимъ посланъ былъ нарочный сказать, что Вѣра Васильевна не такъ здорова и не выходитъ изъ комнаты.

Тушинъ прислалъ почтительную записку съ поздравленіемъ и просилъ позволенія побывать.

Ему отвѣчали «погодите, я еще нездорова».

Пріѣзжавшимъ изъ города всѣмъ отказывали, подѣ предлогомъ болѣзни имянинницы. Только горничная, не смотря ни на

что, разрядились въ свои разноцвѣтныя платья и ленты и на-
мались гвоздичной помадой, да кучера и лакеи опять напи-
лись пьяны.

Вѣра и бабушка стали въ какое-то новое положеніе одна
къ другой. Бабушка не казнила Вѣру никакимъ притворнымъ
снисхожденіемъ, хотя очевидно не принимала такъ легко рѣ-
шительный опытъ въ жизни женщины, какъ Райскій, и еще ме-
нѣе обнаруживала то безусловное презрѣніе, какимъ клей-
митъ эту «ошибку», «несчастье», или, пожалуй, «паденіе» ста-
рый, въѣвшійся въ людскія понятія ригоризмъ, не разбирающій
даже строго причинъ «паденія». Обѣ смотрѣли другъ на друга
серьезно, говорили мало, больше о мелочахъ, ежедневныхъ пред-
метахъ, но въ обмѣнивающихся взглядахъ высказывался цѣлый
нѣмой разговоръ.

Обѣ какъ-будто наблюдали одна за другою, а заговаривать
боялись. Татьяна Марковна не произносила ни одного слова, ни
въ защиту, ни въ оправданіе «паденія», не напоминала ни о
чемъ, и видимо старалась, чтобъ и Вѣра забыла. Она только
уловляла ласки, но неумышленно, не притворно—съ цѣлью только
скрыть свой судъ или свои чувства. Она въ самомъ дѣлѣ была
нѣжна, будто Вѣра стала милѣе и ближе ей послѣ своей от-
кровенности, даже и самаго проступка.

Вѣра видѣла эту безыскусственность, но ей было не легче
отъ этого. Она ждала и хотѣла строгаго суда, казни: напри-
хѣтъ, еслибъ бабушка на полгода или на годъ отослала ее съ
павъ долой, въ свою дальнюю деревню, а сама справилась бы
какъ-нибудь съ своими обманутыми и поруганными чувствами
мѣрѣя, любви, и потомъ простила, призвала бы ее, но долго
еще не принимала бы ее въ свою любовь, не дарила бы лас-
кой и нѣжностью, пока Вѣра, нѣсколькими годами, работой всѣхъ
силъ ума и сердца, не воротила бы себѣ права на любовь этой
матери: тогда только успокоилась бы она, тогда настало бы
искупленіе, или, по крайней мѣрѣ, забвеніе, если правда, что
время все стираетъ съ жизни», какъ утверждаетъ Райскій. «Все
да?» думала она печально. Времени не стало бы стереть всѣ ея
тѣни, которыя теперь, одна за другою, являлись по очереди, на-
жались каждая свои удары, взглянувъ сначала всѣ вмѣстѣ ей въ
лицо. Она уже пережила ихъ нѣсколько, теперь переживаетъ
тѣхъ изъ самыхъ страшныхъ: а внутри ея еще прячется самая
жизнь, которой никто не знаетъ и которую едва ли сотретъ время.
Вѣра старалась не думать о ней, и въ эту минуту думала только—
какъ примирить бабушку съ горемъ, облегчить ей удары.

Она вникала въ это молчаніе бабушки, въ эту ея новую

нѣжность къ себѣ, и между тѣмъ подстерегала какіе-то бросаемые изподтишка взгляды на нее, — и не знала чѣмъ объяснить?

Что бабушка страдает невыразимо — это ясно. Она отъ скорби измѣнилась: по временамъ горбится, пожелтѣла, у ней прибавились морщины. Но тутъ же рядомъ, глядя на Вѣру, или слушая ее, она вдругъ выпрямится, взгляды ея загорятся такою нѣжностью, что какъ-будто она теперь только нашла въ Вѣрѣ не прежнюю Вѣру, внучку, но собственную дочь, которая стала ей еще милѣе.

Отчего же милѣе? Можетъ быть, бабушка теперь шадитъ ее, думалось Вѣрѣ, отъ того, что ея женское, глубокое сердце открылось состраданію. Ей жаль карать бѣдную, больную, покаившуюся, — и она рѣшилась покрыть ея грѣхъ христіанскимъ милосердіемъ.

«Да, больше нечего предположить», смиренно думала она. «Но Боже мой, какое страданіе — нести это милосердіе, эту милостыню! Упасть, безъ надежды встать — не только въ глазахъ другихъ, но даже въ глазахъ этой бабушки, своей матери!»

Она будетъ лелѣять, ласкать ее, пожалуй, больше прежняго, но ласкать, какъ ласкаютъ бѣднаго идіота, помѣшаннаго, обиженнаго природой или судьбой, или еще хуже — какъ падшаго, несчастнаго брата, которому люди бросаютъ милостыню состраданія!

Гордость, человѣческое достоинство, права на уваженіе, цѣлость самолюбія — все разбито въ дребезги! Оборвите эти цвѣты съ вѣнча, которымъ украшенъ человѣкъ, съ которымъ онъ — человѣкъ, и онъ сдѣлается почти вещью. Толпа сострадательно глядитъ на падшаго и казнить молчаніемъ, какъ бабушка ее! Нельзя жить тому, въ чьей душѣ когда-нибудь жила законная человѣческая гордость, сознаніе своихъ правъ на уваженіе, кто носилъ прямо голову, — нельзя жить!

Она слыхала нѣсколько примѣровъ увлеченій, припомнила, какой судъ изрекали люди надъ падшими, и какъ эти несчастныя несли казнь почти публичныхъ ударовъ. — Чѣмъ я лучше ихъ? думала Вѣра. А Маркъ увѣрялъ, и Райскій тоже, что за этимъ.... Рубикономъ, начинается другая, новая, лучшая жизнь! Да, новая, но какая «лучшая»? «Бабушка сострадательна къ ней: отъ одного этого можно умереть! А бывало она уважала ее, гордилась ею, признавала за ней права на свободу мыслей и дѣйствій, давала ей волю, вѣрила ей! И все это пропало! Она обманула ея довѣріе и не устояла въ своей гордости!

Она — нищая въ родномъ кругу. Ближніе видѣли ее падшую пришли и, отворачиваясь, накрыли одеждой изъ жалости, гордѣ

думая про себя: «Ты не встанешь никогда, бѣдная, и не станешь съ нами рядомъ: прими, Христа ради, наше прощенье!»

«Чтожь, и приму, ради Его — и смирюсь! Но я хочу не мести, а гнѣва, грома.... Опять гордость: гдѣ же смиреніе? Смиренье значитъ — выносить взглядъ укоризны чистой женщины, блѣднѣть подъ этимъ взглядомъ цѣлые годы, всю жизнь, и не смѣть роптать. И не буду! Перенесу все: сострадательное величiе Тушина и Райскаго, жалость, прикрывающую, можетъ быть, невольное презрѣніе бабушки.... Бабушка презираетъ меня!»

«Я вся трясаясь отъ тоски, думала она и пряталась отъ ея взгляда, сидѣла молча, печальная, у себя въ комнатѣ, отворачивалась, или потупляла глаза, когда Татьяна Марковна смотрѣла на нее съ глубокой нѣжностью.... или сожалѣніемъ, какъ казалось ей.»

Тутъ ей, какъ всегда бываетъ, представлялась чистота, прелесть, весь аромать ея жизни — до встрѣчи съ Маркомъ, ея спокойствіе до рокового вечера... Она вздрагивала.

Оказалось, что у ней пропало и пренебреженіе къ чужому нѣжнiю. Ей стало больно упасть въ глазахъ даже и «глупцовъ», какъ выражался Маркъ. Она вздыхала по удивленію ихъ къ себѣ, ей стало жаль общаго поклоненія, теперь утраченнаго! «Ахъ, хоть «Кунигунда» надоумила бы меня тогда!» думала она съ трагическимъ юморомъ.

Она хотѣла молиться, и не могла: о чемъ она станетъ молиться? Ей остается смиренно склонить голову передъ громомъ и вѣсти его. Она клонила голову и несла тяжесть «презрѣнія», какъ она думала.

Снаружи она казалась всѣмъ покойною. Но глаза у ней впали, краски не появлялись на блѣдномъ лицѣ, пропала грація походки, свобода движеній. Она худѣла и видимо томилась жизнью.

Ей ни до кого и ни до чего не было дѣла. Она отпустила Наталью Ивановну домой, сидѣла у себя запершись, обѣдала съ бабушкой, поникала головой, когда та обращала на нее притальный взглядъ, или заговаривала ласково и нѣжно. Она дѣлалась еще угрюмѣе, и только спѣшила исполнять, покорнѣе Павлики, каждое желаніе Татьяны Марковны, выраженное словомъ и взглядомъ.

Ее какъ-будто стало невидно и неслышно въ домѣ. Ходила тихо, какъ тѣнь, просила, что нужно, шепотомъ, не глядя глазами никому прямо. Не смѣла ничего приказывать. Ей казалось, что Василыса и Яковъ смотрѣли на нее сострадательно, Марья дерзко, а горничныя — насмѣшливо.

«Вотъ она «новая жизнь!» думала она, потупляя глаза передъ этимъ взглядомъ Василысы и Якова и сворачивая быстро въ сто-

рону отъ Егорки и отъ горничныхъ. А никто въ домѣ, кромѣ Райскаго, не зналъ ничего. Но ей казалось, какъ всѣмъ кажется въ ея положеніи, что она читала свою тайну у всѣхъ на лицѣ.

И Татьяна Марковна, наблюдая за Вѣрой, задумывалась и какъ-будто заражалась ея печалью. Она тоже ни съ кѣмъ почти не говорила, мало спала, мало входила въ дѣла, не принимала ни приващива, ни вущовъ, приходившихъ справляться о хлѣбѣ, не отдавала приказаній въ домѣ. Она сидѣла, опершись рукою о столъ и положивъ голову въ ладони, оставаясь подолгу одна.

И она, и Вѣра, обѣ привязались къ Райскому. Простота его души, мягкость, искренность, глядѣвшая изъ каждаго слова, и откровенность, простертая до болтливости, наконецъ игра фантазіи—все это нѣсколько утѣшало и развлекало и ту и другую.

Онъ иногда даже заставлялъ ихъ улыбаться. Но онъ напрасно старался изгнать совсѣмъ печаль, тучей сѣвшую на нихъ обѣихъ и на весь домъ, онъ и самъ печалился, видя, что ни уваженіе его ни нѣжность бабушки—не могли возратить бѣдной Вѣрѣ прежней бодрости, гордости, увѣренности въ себѣ, силъ ума и воли.

— Бабушка презираетъ меня, любить изъ жалости! Нельзя жить, я умру! шептала она Райскому. Тотъ бросался къ Татьянѣ Марковнѣ, передавая ей новыя муки Вѣры. Къ ужасу его, бабушка, какъ потерянная, слушала эти тихіе стоны Вѣры, не находя въ себѣ силъ утѣшить ее, блѣднѣла и шла молиться.

— Молись и ты! шептала она ей иногда мимоходомъ.

— Молитесь вы за меня, — я не могу! отвѣчала Вѣра.

— Плачь, говорила бабушка.

— Слезъ нѣтъ, отвѣчала Вѣра, и онъ молча расходился по своимъ угламъ.

Райскій также привязался къ нимъ обѣимъ, сталъ ихъ другомъ. Вѣра и бабушка высоко поднялись въ его глазахъ, какъ святцы, и онъ жадно ловилъ каждое слово, взглядъ, не зная передъ кѣмъ умиляться, плакать. Въ Вѣрѣ оканчивалась его статуя гармонической красоты. А тутъ рядомъ возникала другая статуя сильной, античной женщины—въ бабушкѣ. Та, огнемъ страсти испытанія, очистилась до самопознанія и самообладанія, а эта. Откуда у ней этотъ источникъ мудрости и силы? Она—дѣвушка. Онъ никакъ не могъ добраться; бабушка была загадкой для него. Онъ напрасно искалъ ключа.

Обѣ упрасивали Райскаго остаться тутъ навсегда, жениться, завестись домою. «Боюсь, не выдержу, говорилъ онъ въ отвѣтъ. воображеніе опять запроситъ идеаловъ, а нервы новыхъ опущеній, и скука съѣстъ меня за-живо! Какія цѣли у художника: творчество: вотъ его жизнь!.. Прощайте! скоро уѣду, завачи

валъ онъ обыкновенно свою рѣчь, и еще больше печалилъ обѣихъ и самъ чувствовалъ горе, а за горемъ грядущую пустоту и скуку.

Бабушка погружалась въ свою угрюмость, Вѣра тайно убивалась печалью, и дни проходили за днями. Тоска Вѣры была постоянная, неутолимая, и печаль Татьяны Марковны возрастала по мѣрѣ того, какъ она слѣдила за Вѣрой.

Она, пока Вѣра хворала, проводила ночи въ старомъ домѣ, ложась на диванѣ, противъ постели Вѣры, и караулила ея сонъ. Но почти всегда случалось такъ, что обѣ женщины, думая подстеречь одна другую, видѣли, что ни та, ни другая не спитъ.

— Ты не спишь, Вѣрочка? спросить бабушка.

— Сплю, отвѣчаетъ Вѣра и закрываетъ глаза, чтобъ обмануть бабушку.

— Вы не спите, бабушка? спросить и Вѣра, также поймавъ ее, смотрящій на нее взглядъ.

— Сейчасъ только проснулась, говоритъ Татьяна Марковна, и поворачивается на другой бокъ.

«Нельзя жить: нѣтъ покоя и не будетъ никогда!» терзалась про себя Вѣра.

«Нѣтъ—не избудешь гора: Богъ велитъ казнить себя, чтобъ успокоить ее...» думала бабушка съ глубокимъ вздохомъ.

— Когда же вы возьмете меня къ себѣ отсюда, бабушка?

— Послѣ свадьбы, когда Марюшня уѣдетъ...

— Я теперь хочу, мнѣ не живется здѣсь, не спится...

— погоди, оправься немного, тогда...

Вѣра умолкала, не смѣя настаивать. «Не беретъ! думала она, презираеть...»

Х.

На другой день послѣ такой бессонной ночи, Татьяна Марковна послала съ утра за Титомъ Никоничемъ. Онъ пріѣхалъ было веселый, радуясь, что угрожавшая ей и «отмѣнной дѣвицѣ» Вѣрѣ Васильевнѣ болѣзнь и разстройство миновались благополучно, привезъ громадный арбузъ и ананасъ въ подарокъ, расшаркался, разлюбезничался, блистая складками бѣлоснѣжной сорочки, желтыми нанковыми панталонами, синимъ фракомъ, съ золотыми пуговицами, и сладчайшей улыбкой.

— Обновилъ къ осени фуфайку: поздравьте, сказалъ онъ:— подарокъ дражайшаго Бориса Павловича...

Взглянувъ на Татьяну Марковну, онъ вдругъ остолбенѣлъ и испугался.

Она, накинувъ на себя мѣховую кацавейку и накрывъ голову косынкой, молча сдѣлала ему знакъ идти за собой и повела его въ садъ. Тамъ, сидя на скамьѣ Вѣры, она два часа говорила съ нимъ, и потомъ воротилась, глядя себѣ подъ ноги, домой, а онъ, не зашедши къ ней, точно убитый, отправился къ себѣ, велѣлъ камердинеру уложиться, послалъ за почтовыми лошадьми и уѣхалъ въ свою деревню, куда нѣсколько лѣтъ не заглядывалъ.

Райскій зашелъ къ нему и съ удивленіемъ услышалъ эту новость. Обратился къ бабушкѣ, та сказала, что у него въ деревнѣ что-то не повоюно.

Вѣра была грустнѣе, нежели когда-нибудь. Она больше лежала небрежно на диванѣ и смотрѣла въ полъ, или ходила взадъ и впередъ по комнатамъ стараго дома, блѣдная, съ желтыми пятнами около глазъ.

На лбу у ней въ эти минуты ложилась рѣзвая линія — намекъ на будущую морщину. Она грустно улыбалась, глядя на себя въ зеркало. Иногда подходила къ столу, гдѣ лежало нераспечатанное письмо на синей бумагѣ, бралась за ключъ и съ ужасомъ отходила прочь. «Куда уйдти? гдѣ спрятаться отъ цѣлаго міра?» думала она.

Нынѣшній день протянулся до вечера, какъ вчерашній, какъ вѣроятно, протянется завтрашній. Насталъ вечеръ, ночь. Вѣра легла и загасила свѣчу, глядя открытыми глазами въ темноту. Ей хотѣлось забыться, уснуть, но сонъ не приходилъ.

Въ темнотѣ рисовались ей какія-то пятна, чернѣе самой темноты. Пробѣгали, волнуясь, какія-то тѣни по слабому свѣту оконъ. Но она не пугалась: нервы были убиты, и она не замерла бы отъ ужаса, еслибъ изъ угла встало передъ ней привидѣніе, или вкрался бы воръ, или убійца въ комнату, не смутилась бы, еслибъ ей сказали, что она не встанетъ болѣе.

И она продолжала глядѣть въ темноту, на проносившіяся волнистыя тѣни, на черныя пятна, сгущавшіяся въ темнотѣ, на какія-то вертящіяся, какъ въ калейдоскопѣ, вращенія.

Вдругъ ей показалось, что дверь ея начинаетъ понемногу отворяться, вотъ скрипнула... Она оперлась на локоть и устремила глаза въ дверь.

Показался свѣтъ и рука, загородившая огонь. Вѣра перестала смотрѣть, положила голову на подушку и притворилась спящею. Она видѣла, что это была Татьяна Марковна, входившая осторожно, съ ручной лампой. Она спустила съ плечъ на стулъ сапогъ и шла тихо къ постели, въ бѣломъ капотѣ, безъ чепца, какъ привидѣніе.

Поставивъ лампу на столикъ, за изголовьемъ Вѣры, она сама сѣла напротивъ, на кушетку, такъ тихо, что не стукнула лампа у ней, когда она ставила ее на столикъ, не заскрипѣла кушетка, когда она садилась.

Она пристально смотрѣла на Вѣру: та лежала съ закрытыми глазами. Татьяна Марковна, опершись щекой на руку, не спускала съ нея глазъ, и изрѣдка, удерживая вздохи, тихо облегчала ими грудь.

Прошло больше часа. Вѣра вдругъ открыла глаза: Татьяна Марковна смотритъ на нее пристально.

— Тебѣ не спится, Вѣрочка?

— Не спится.

— Отчего?

Молчаніе. Вѣра глядѣла въ лицо Татьяны Марковны и захѣтила, что она блѣдна.

«Не можетъ перенести удара, думала Вѣра: а притворства не достаешь, правда рвется наружу....»

— За чѣмъ вы казните меня и по ночамъ, бабушка? сказала она тихо.

Бабушка молча смотрѣла на нее.

Вѣра отвѣчала ей такимъ же продолжительнымъ взглядомъ. Обѣ женщины говорили глазами и, казалось, понимали другъ друга.

— Не смотрите такъ, ваша жалость убьетъ меня. Лучше стоните меня со двора, а не изливайте по каплѣ презрѣніе... Бабушка! мнѣ невыносимо тяжело! простите, а если нельзя, сжуйте меня куда-нибудь живую. Я бы утопилась...

— За чѣмъ, Вѣра, не то говорить у тебя языкъ, что дукаетъ голова?

— А зачѣмъ вы молчите? что у васъ на умѣ? Я не понимаю вашего молчанія и мучаюсь. Вы хотите что-то сказать и не говорите...

— Тяжело, Вѣра, говорить. Молись — и пойми бабушку безъ разговора... если можно...

— Пробовала молиться, да не могу: о чемъ? чтобъ умереть скорѣй?

— О чемъ ты тоскуешь, когда все забыто? сказала Татьяна Марковна, пытаясь еще разъ успокоить Вѣру, и пересѣла съ кушетки къ ней на постель.

— Нѣтъ, не забыто! моя вина написана у васъ въ глазахъ... Они все говорятъ...

— Что они говорятъ?

— Что нельзя жить больше, что... все погибло.

— Не умѣешь ты читать бабушкиныхъ взглядовъ.

— Я умру, я знаю: только бы скорѣй, ахъ, скорѣй! говорила Вѣра, ворочая лицо къ стѣнѣ.

Татьяна Марковна тихо покачала головой.

— Нельзя жить! съ унылой увѣренностью повторила Вѣра.

— Можно! съ глубокимъ вздохомъ сказала Татьяна Марковна.

— Послѣ... того?... обернувшись къ ней спросила Вѣра.

— Послѣ того...

Теперь Вѣра вздохнула безнадежно.

— Вы не знаете, бабушка... вы не такая...

— Такая... чуть слышно, наклоняясь къ ней, прошептала Татьяна Марковна.

Вѣра быстро взглянула на нее съ жадностью раза два, три, потомъ печально опустила на подушки.

— Вы святая! Вы никогда не были въ моемъ положеніи.... говорила она, какъ будто про себя. — Вы праведница!

— Грѣшница! чуть слышно прошептала Татьяна Марковна.

— Всѣ грѣшны.... но не такая грѣшная, какъ я....

— Такая же....

— Чтò?! вдругъ приподнявшись на локоть, съ ужасомъ въ глазахъ и въ голосѣ, спросила Вѣра.

— Такая же грѣшница, какъ и ты....

Вѣра обѣими руками вцѣпилась ей въ кофту и прижалась лицомъ къ ея лицу.

— Зачѣмъ клеветцешь на себя? почти шипѣла она дрожа: чтобъ успокоить, спасти бѣдную Вѣру.— Бабушка! бабушка, не лги!

— Я не лгу никогда, шептала, едва осиливая себя, старуха: ты это знаешь. Солгу ли я теперь? Я грѣшница.... грѣшница... говорила она, сползая на колѣни передъ Вѣрой и клоня сѣдую голову ей на грудь. — Прости и ты меня!...

Вѣра замерла отъ ужаса.

— Бабушка... шептала она, и въ изумленіи широко открыла глаза—точно воскресая:—можетъ ли это быть?—И вдругъ съ силой прижала голову старухи къ груди.

— Чтò ты дѣлаешь? зачѣмъ говоришь мнѣ это?.... Молчи! Возьми назадъ свои слова! я не слыхала, я ихъ забуду, сочту своимъ бредомъ.... не казни себя для меня!

— Нельзя: Богъ велитъ! говорила старуха, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову.

— Встань, бабушка!... Поди ко мнѣ сюда!...

Бабушка плакала у ней на груди.

И Вѣра зарыдала, какъ ребенокъ.

— Зачѣмъ сказала ты....

— Надо! *Омъ* велить смириться, говорила старуха, указывая на небо:—просить у внучки прощенія. Прости меня, Вѣра, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя.... Напрасно я хотѣла обойти тайну, умереть съ ней.... Я погубила тебя своимъ грѣхомъ....

— Ты спасаешь меня бабушка.... отъ отчаянія....

— И себя тоже, Вѣра. Богъ проститъ насъ, но Онъ требуетъ очищенія! Я думала, грѣхъ мой забыть, прощенъ. Я молчала и казалась праведной людямъ: не правда! Я была — какъ «окрашенный гробъ» среди васъ, а внутри тайлся неомытый грѣхъ! Вотъ онъ гдѣ вышелъ наружу: на третьемъ колѣнѣ, въ моемъ грѣхѣ! Богъ покаралъ меня въ немъ. Прости же меня отъ сердца....

— Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты святая женщина!—Нѣтъ другой такой матери.... Еслибъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?....

— Это мой другой страшный грѣхъ! перебила ее Татьяна Марковна: я молчала и не отвела тебя.... отъ обрыва! Мать моя изъ гроба достаетъ меня за это: я чувствую—она все снится мнѣ.... Она теперь тутъ, между насъ.... Прости меня и ты, покойница! говорила старуха, дико озираясь вокругъ и простирая руки къ небу. У Вѣры пробѣжала дрожь по тѣлу: — прости и ты, Вѣра — простите обѣ!... Будемъ молиться!....

Вѣра сиделась поднять ее.

Татьяна Марковна тяжело встала на ноги и сѣла на кушетку. Вѣра подала ей одеколонъ и воды, смочила ей виски, дала успокоительныхъ капель, и сама сѣла на ковръ, осыпая поцѣлуями ея руки.

— Ты знаешь, нѣтъ ничего тайнаго, что не вышло бы наружу, заговорила Татьяна Марковна, оправившись:—сорокъ пять лѣтъ два человекъ только знали: *омъ*, да Василиса: и я думала, то мы умремъ всѣ съ ней. А вотъ—она вышла наружу! «Боже мой!» говорила какъ будто въ помѣшательствѣ Татьяна Марковна, ставая, складывая руки и протягивая ихъ къ образу Спасителя: «еслибъ я знала, что этотъ громъ ударитъ когда-нибудь въ дру-гую.... въ мое дитя,—я бы тогда же, на площади, передъ собою, въ толпѣ народа, исповѣдала свой грѣхъ!»

Вѣра слушала въ изумленіи, глядя большими глазами на бабушку, боялась вѣрить, пытливо изучала каждый ея взглядъ и движеніе, сомнѣваясь, не героическій ли это поступокъ, не великодушный ли замыселъ—спасти ее, падшую, поднять? Но молитва, колѣнопреклоненіе, слезы старухи, обращеніе къ умершей ма-

тери.... Нѣтъ, никакая актриса не покусилась бы играть въ такую игру, а бабушка — вся правда и честность!

Вѣрѣ становилось тепло въ груди, легче на сердцѣ. Она внутренно вставала на ноги, будто пробуждалась отъ сна, чувствуя, что въ нее льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ, стучится миръ въ душу, что душу эту, какъ темный, запущенный храмъ, освѣтили огнями и наполнили опять молитвами и надеждами. Могила обращалась въ цвѣтникъ. Кровь у ней начала свободно переливаться въ жилахъ; даль мало-по-малу принимала свой утерянный ходъ, какъ испорченные и исправленные рукою мастера часы. Люди въ ней дружелюбны, природа опять заблеститъ для нея красотою. Завтра она встанетъ бодрая, живая, покойная, увидитъ любимыя лица, увѣрится, что Райскій не притворялся, говоря, что она стала его лучшей, поэтической мечтой, Тушинъ по прежнему будетъ гордъ и счастливъ ея дружбой и «любить ее еще больше», онъ самъ сказалъ. Съ бабушкой онъ теперь — не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя. Она даже нечаянно начала ей говорить ты, какъ и Райскому, когда заговорило прямо сердце, забывшее холодное *вы*, и оставить за собой это право.

Она теперь только поняла эту усилившуюся къ ней, послѣ признанія, нѣжность и ласки бабушки: да, бабушка взяла ее неудобно-носимое горе на свои старыя плечи, стерла своей виной «ея вину» и не сочла послѣднюю за «потерю чести». Потеря чести! Эта справедливая, мудрая, нѣжнѣйшая женщина въ мірѣ, всѣхъ любящая, исполняющая такъ свято всѣ свои обязанности, никого никогда не обидѣвшая, никого не обманувшая, всю жизнь отдавшая другимъ, — эта, всѣми чтимая женщина, «пала, потеряла честь!»

Стало быть ей, Вѣрѣ, надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ, и путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать «новую» жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва.... любить людей правду, добро....

Все это вихремъ несло у ней въ головѣ и будто уносило ее самое на какихъ-то облакахъ. Ей на душѣ становилось свободнѣе, какъ преступнику, которому расковали руки и ноги.

Она вдругъ встала....—Бабушка, сказала она: ты меня простила, ты любишь меня больше всѣхъ, больше Марейныки—я это вижу! А видишь ли, знаешь ли ты, какъ я тебя люблю? Какъ долго мы не знали съ тобой другъ друга....

— Сейчасъ узнаешь все: выслушай мою исповѣдь — и осуди строго, или прости — и Богъ проститъ насъ....

— Я не хочу, не должна, не смѣю: зачѣмъ!?

— Затѣмъ, чтобъ и мнѣ вытерпѣть теперь то, что я должна

была вытерпѣть сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Я украда свой грѣхъ! Ты знаешь его, узнаешь и Борисъ. Пусть ввухъ посмѣется надъ сѣдинами старой Кунигунды!...

Бабушка прошла раза два въ волненіи по комнатѣ, трясая съ фанатической рѣшимостью головой.

Она опять походила на старшій женскій, фамильный портретъ въ галлерей, съ суровой важностью, съ величіемъ и увѣренностью въ себѣ, съ лицомъ, истерзаннымъ пыткой, и съ гордостью, осиллившей пытку. Вѣра чувствовала себя жалкой дѣвочкой передъ ней и робко глядѣла ей въ глаза, мысленно мѣряя свою молодую, только что вызванную на борьбу съ жизнью силу — съ этой старой, искушенной въ долгой жизненной борьбѣ, но еще крѣпкой, новидимому, несокрушимой силой.

«Я не понимала ее! Гдѣ была моя хваленая «мудрость» передъ этой бездной!...» думала она и бросилась на помощь бабушкѣ — помѣшать исповѣди, отвести ненужныя и тяжелыя страданія отъ ея измученной души. Она стала передъ ней на колѣни и взяла ее за обѣ руки. — Ты сама чувствуешь, бабушка — сказала она — что ты сдѣлала теперь для меня: всей моей жизни не достанетъ, чтобъ заплатить тебѣ. Нейди далѣе: здѣсь конецъ твоей казни! Если ты непременно хочешь, я шепну слово брату о твоёмъ прошломъ — и пусть оно закроется навсегда! Я видѣла твою муку: зачѣмъ ты хочешь еще истязать себя исповѣдью? Судь совершился — я не приму ее: не мнѣ слушать и судить тебя — дай мнѣ только обожать твои святыя сѣдины и благословлять всю жизнь! Я не стану слушать: это мое послѣднее слово!

Татьяна Марковна вздохнула, потомъ обняла ее. — Да будетъ такъ! сказала она: — я принимаю твое рѣшеніе, какъ Божіе прощеніе — и благодарю тебя за пощаду моей сѣдины....

— Пойдемъ теперь туда, къ тебѣ: я устала — и ты взволнована: отдохнемъ обѣ! говорила Вѣра.

Татьяна Марковна почти на рукахъ донесла ее до дому, уложила въ свою постель и легла съ ней рядомъ. Когда Вѣра, согрѣтая въ ея объятіяхъ, тихо заснула, бабушка осторожно встала, и взявъ ручную лампу, загородила рукой свѣтъ отъ глазъ Вѣры и нѣсколько минутъ освѣщала ея лицо, глядя съ умиленіемъ на эту блѣдную, чистую красоту лба, закрытыхъ глазъ, и на всѣ, точно рукой великаго мастера изваянныя чистыя и тонкія черты блага мрамора, съ глубокимъ, лежащимъ въ нихъ миромъ и покоемъ. Она поставила лампу, перекрестила спящую, дотронулась губами до ея лба и опустила на колѣни у постели.

«Милосердуй надъ ней! молилась она почти въ изступленіи:

и если не исполнилась еще мѣра гнѣва Твоего—отведи его отъ нея—и ударь опять въ мою сѣдую голову!...»

Долго послѣ молитвы сидѣла она надъ спящей, потомъ тихо легла подлѣ нея и окружила ея голову своими руками. Вѣра пробуждалась иногда, отрывала глаза на бабушку, опять закрывала ихъ, и въ полуснѣ принимала все плотнѣе и плотнѣе лицомъ къ ея груди, какъ будто хотѣла глубже зарыться въ ея объятія.

XI.

Проходили дни, и съ ними опять тишина повисла надъ Малиновкой. Опять жизнь, задержанная катастрофой, какъ рѣва порогами, прорвалась севозь преграду и потекла дальше, ровнѣе.

Но въ этой тишинѣ отсутствовала безпечность. Какъ на природу внѣшнюю, такъ и на людей, легла будто осень. Всѣ были задумчивы, сосредоточены, молчаливы, отъ всѣхъ отдавало холодомъ, слетѣли будто и съ людей, какъ листья съ деревьевъ, улыбки, смѣхъ, радости. Мучительныя скорби миновали, но волорить и тоны прежней жизни измѣнились.

У Вѣры съ бабушкой установилась тѣсная, безмолвная связь. Онѣ, со времени извѣстнаго вечера, послѣ взаимной исповѣди, хотя и успокоили одна другую, но не вполне успокоились другъ за друга, и обѣ вопросительно, отчасти недовѣрчиво, смотрѣли вдаль, опасаясь будущаго.

Переработаетъ ли въ себѣ бабушка всю эту внезапную тревогу, какъ землятресеніе, всколыхавшую ея душевный миръ? спрашивала себя Вѣра и читала въ глазахъ Татьяны Марковны, привакаетъ ли она къ другой, не прежней Вѣрѣ, и къ ожидающей ее новой, неизвѣстной, а не той судьбѣ, какую она ей гадала? Не сѣтуетъ ли безсознательно про себя на ея своевольное ниспроверженіе своей счастливой, старческой дремоты? Вернется ли къ ней когда-нибудь ясность и покой въ душу?

А Татьяна Марковна старалась угадывать будущее Вѣры, боялась, вынесетъ ли она крестъ поворота смиренія, какой судьба, по ея мнѣнію, налагала, какъ искупленіе за «грѣхъ»? Не подточить ли сломленная гордость и униженное самолюбіе ея нѣжныхъ, молодыхъ силъ? Излечима ли ея тоска: не обратилась бы она въ хроническую болѣзнь?

Бабушка машинально приняла опять бразды правленія надъ своимъ царствомъ. Вѣра усердно ушла въ домашнія хлопоты, особенно заботилась о приданомъ Марѣишки, и принесла туда свой вкусъ и трудъ.

Въ ожиданіи какого-нибудь серьезнаго труда, какой могла дать ей жизнь со временемъ, по ея уму и силамъ, она ноложила не обѣгать никакого дѣла, какое представится около нея, какъ-бы оно просто и мелко ни было—находя, что, подъ презрѣніемъ къ мелкому, обыденному дѣлу и подъ мнимымъ ожиданіемъ или изобрѣтеніемъ какого-то новаго, еще небывалаго труда и дѣла, кроется у большей части, просто лѣнь, или неспособность, или наконецъ болѣное и смѣшное самолюбіе—ставить самихъ себя выше своего ума и силъ. Она рѣшала, что «дѣла» изобрѣтать нельзя, что оно само, силою обстоятельствъ, выдвигается на очередь въ данный моментъ, и что такимъ естественнымъ путемъ рождающееся дѣло—только и важно и нужно. Слѣдовательно, надо зорко смотрѣть около, не лежитъ ли праздно несдѣланное дѣло, за которымъ явится на очередь слѣдующее, по порядку, и не бросаться за какимъ-нибудь блуждающимъ огнемъ, или «миражемъ», какъ говоритъ Райскій. Не надо пуще всего покладывать рубъ и воснѣтъ «въ блаженномъ успеніи».

Она была блѣднѣе прежняго, въ глазахъ было меньше блеска, въ движеніяхъ меньше живости. Все это могло быть слѣдствіемъ болѣзни, скоро захваченной горячки: такъ всѣ и полагали вокругъ. При всѣхъ она держала себя обыкновенно, шила, порола, толковала со швеями, писала реестры, счеты, исполняла порученія бабушки. И никто ничего не замѣчалъ. «Поуправляется барышня», говорили люди.

Райскій замѣчалъ также благопріятную перемѣну въ ней, и по временамъ, видя ее задумчивою, улавливая иногда блеснувшія и опадающія слезы, догадывался, что это были только слѣды удаляющейся грозы, страсти. Онъ былъ доволенъ, и его собственные волненія умолкали все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ выживались изъ памяти всѣ препятствія, раздражавшія страсть, всѣ сомнѣнія, соперничество, ревность.

Вѣра, по настоянію бабушки (сама Татьяна Марковна не могла), передала Райскому только глухой намекъ о ея любви, предметомъ которой былъ Ватутинъ, не сказавъ ни слова о «рѣшѣ». Но этимъ полудовѣріемъ вовсе не рѣшилась для Райскаго загадка—откуда бабушка, въ его глазахъ, старая дѣвушка, могла почерпнуть силу, чтобъ снести, не съ дѣвическою твердостью, а мужественно, не только самой—тяжесть «бѣды», но успокоить и Вѣру, спасти ее окончательно отъ нравственной гибели, собственного отчаянія. А она очевидно сдѣлала это: какъ она приобрѣла власть надъ умомъ и довѣріемъ Вѣры? Онъ недоумѣвалъ—и только больше удивлялся бабушкѣ, и это удивленіе выражалось у него невольно.

Все обращеніе съ нею приняло характеръ глубокаго, нѣжнаго почтенія и сдержанной поворности. Возраженія на ея словъ прежняя комическая война съ нею—уступили мѣсто изысканном уваженію къ каждому ея слову, желанію и намѣренію. Даже въ движеніяхъ его появилась сдержанность, почти до робости.

Онъ не забирался при ней на диванъ прилечь, вставалъ когда она подходила къ нему, шелъ за ней послушно въ деревню и поле, когда она шла гулять, терпѣливо слушаеъ ея объясненія по хозяйству. Во всё, даже мелкія отношенія къ бабушкѣ проникло то удивленіе, какое вызываетъ невольна женщина, съ сильной нравственной властью.

А она, совершивъ подвигъ, устоявъ тамъ, гдѣ падаютъ ничкомъ мелкія натуры, вынесши и свое и чужое бремя съ разумомъ и величіемъ, тутъ же, на его глазахъ, мало-по-малу, опять обращалась въ простую женщину, уходила въ мелочи жизни, какъ будто пряча свои силы и величіе опять—до случая, даже не дозрѣвая, какъ она вдругъ выросла, стала героиней, и какой подвигъ совершила.

Въ дворнѣ, послѣ пронесшейся, какой-то необъяснимой для нея тучи, было недоумѣніе, тяжесть. Люди притихли: не слыши шума, брани, смѣха, присмирѣли дѣвки, отгоняя Егорку прочь.

Въ особенно затруднительномъ положеніи очутилась Василиса. Она и Яковъ, какъ сказано, дали обѣтъ, если барыня придетъ въ себя и выздоровѣетъ, онъ—поставить большую вызолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ въ приходской церкви, а она—сходить пѣшкомъ въ Кіевъ.

Яковъ исчез однажды рано утромъ со двора, взявъ на свѣчу денегъ изъ лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней. Онъ водрузилъ обѣщанную свѣчу передъ иконой за ранней обѣдней. Но у него оказался излишекъ отъ взятой изъ дома суммы. Крестьясь поминутно, онъ вышелъ изъ церкви и прошелъ въ слободу, гдѣ оставилъ и излишекъ, и пришелъ домой «веселыми ногами», съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и на носу.

Его нечаянно встрѣтила Татьяна Марковна: она издали почувствовала запахъ вина. — Что съ тобой, Яковъ? спросила она съ удивленіемъ.

— Сподобился, сударыня! отвѣчалъ онъ, набожно склонивъ голову на сторону и сложивъ руки горстями на груди, одна и другую.

Онъ объявилъ и Василисѣ, что «сподобился» выполнить обѣтъ.

Василиса поглядѣла на него и вдругъ стала сама не своя. Она тоже «общалась», и до этой минуты, среди хлопотъ обоимъ

барыни, съ приготовленіями къ свадьбѣ, не вспомнила объ обѣтѣ.

И вдругъ Яковъ уже исполнилъ, и притомъ въ одно утро, и вояз ходитъ, полный благочестиваго веселья. А она обѣщалась въ Кіевъ сходить!

Василиса сильно задумалась, даже похудѣла. Отъ странницъ, бывавшихъ въ Кіевѣ, она знала, что туда около тысячи верстъ, что ходятъ эти странницы мѣсяца три. Онѣ здоровыя, идутъ, какъ лошади, въ пыль, и въ жаръ, и въ холодъ, босикомъ, съ котомкой, съ парой лаптей на пальцѣ, просятъ милостыню, иногда почуютъ на голой землѣ, не отстаютъ другъ отъ друга и не даютъ себя въ обиду, ни людямъ, ни звѣрямъ.

Разказы богомолокъ, когда она была помоложе, соблазняли Василису къ сподвижничеству, и она надѣялась, что не умретъ, не сходявъ, или хоть не съѣздивъ по оказіи, къ святымъ чудотворцамъ.

Но когда подвигъ предсталъ во всей строгости передъ нею—она смуглилась, тѣмъ болѣе, что и тревога, вызвавшая обѣщаніе, была напрасная, и она поторопилась обѣщаться!

Василиса стала тосковать. «Какъ я пойду: силы нѣтъ», говорила она, щупая себя.—У меня и костей почти нѣтъ: все однѣ мякоти! Не дойду—Господи помилуй!»

И точно у ней однѣ мякоти. Она насидѣла ихъ себѣ въ своей комнатѣ, сидя тридцать лѣтъ на стулѣ у окна, между бутылками съ наливкой, не выходя на воздухъ, двигаясь тихо только около барыни, да въ кладовыя. Питалась она однимъ кофе, да чаемъ, хлѣбомъ, картофелемъ и огурцами, иногда рыбою, даже въ мясоѣдѣ.

И кости у ней далеко спрятались въ мякоти. Она вся похосла на большой кусокъ мякиша.

Она пошла къ отцу Василью, прося рѣшить ея сомнѣнія. Она слышала, что добрые «батьюшки» даже разрѣшаютъ отъ обѣта совсѣмъ, по немощи, или замѣняютъ его другимъ. Какимъ? спрашивала она себя на случай, если отецъ Василій допустить зачѣтъ.

Она сказала, по какому случаю обѣщалась, и спросила: идти ли ей?

— Коли обѣщалась, какъ же неидти? сказалъ отецъ Василій. — Надо идти!

— Да я съ испуга обѣщалась: думала, барыня помретъ. А она черезъ три дня и встала. Такъ за чтожь я этакую даль пойду?

— Да, это не ближній путь, въ Кіевъ! вотъ то-то: обѣщать,

а потомъ и назадъ! журиль онъ: — не хорошо. Не надо бы объщать, коли охоты нѣтъ...

— Есть, батюшка, да силъ нѣтъ: мякоти одолѣли! до церк дойду — одышка мучаетъ. Мнѣ седьмой десятокъ! Другое дѣ кабы барыня маялась въ постели мѣсяца три, да причастили и особоровали бы масломъ, а Богъ, по моей грѣшной молитѣ поднѣялъ бы ее на ноги, такъ я бы хоть ползкомъ поползла. то она и недѣли не хворала!

Отецъ Василій улыбнулся.

— Какъ же быть? сказалъ онъ.

— Я бы другое чтò объщала: нельзя ли перемѣнить?

— На что же другое?

Василиса задумалась.

— Я постъ на себя наложила бы; мяса всю жизнь въ ро не стану брать, такъ и умру.

— А ты любишь его?

— Нѣтъ, и смотрѣть-то тошно! отвыкла отъ него...

Отецъ Василій опять улыбнулся.

— Какъ же такъ, сказалъ онъ: — вѣдь надо замѣнить тру ное одинаково труднымъ или труднѣйшимъ, а ты полегче в брала!

Василиса вздохнула.

— Нѣтъ-ли чего-нибудь такого, чего бы тебѣ не хотѣло исполнить — подумай!

Василиса подумала и сказала, что нѣтъ.

— Ну, такъ надо въ Кіевъ идти, рѣшилъ онъ.

— Еслибъ не мякоти, съ радостью бы пошла, вотъ пере Богомъ!

Отецъ Василій задумался.

— Какъ бы облегчить тебя? думаль онъ вслухъ. — Ты ч любишь: какую пищу употребляешь?

— Чай, кофій — да похлебку съ грибами и картофелемъ...

— Кофе любишь?

— Охотница.

— Ну такъ — воздержись отъ кофе, не пей!

Она, вздохнула. «Да, подумалось ей: и вправду тяжело: э почти все равно, что въ Кіевъ идти!»

— Чѣмъ же мнѣ питаться, батюшка? спросила она.

— Мясомъ.

Она взглянула на него, не смѣется ли онъ.

Онъ точно смѣялся, глядя на нее.

— Вѣдь ты не любишь его; ну, и принеси жертву.

— Какая же польза: оно своромное, батюшка.

— Ты въ скоромные дни и питайся имъ! А польза та, что мяготей меньше будетъ. Вотъ тебѣ полгода срокъ: выдержи — и обѣтъ исполнишь.

Она ушла очень озабоченная и съ другого дня послушно начала исполнять новое обѣщаніе, со вздохомъ отворачивая носъ отъ кипящаго кофейника, который носила по утрамъ барынѣ.

Еще съ Мариной что-то недоброе случилось. Она, еще до болѣзни барыни, ходила какой-то одичалой и задумчивой и валилась съ недѣлю на лежанкѣ, а потомъ слегла, объявивъ, что нездорова, встать не можетъ.

«Богъ караетъ!» вряхтя говорили Савелій, кутая ее въ теплое одѣяло.

Василиса доложила барынѣ. Татьяна Марковна велѣла позвать Меланхолиху, ту самую бабу-лекарку, къ которой отправляли дворовыхъ, и другихъ простыхъ людей, на вылечку.

Меланхолиха, по тщательномъ освидѣтельствovanіи больной, шепотомъ объявила Василисѣ, что болѣзнь Марины превышаетъ ея познанія. Ее отправили въ клинику, въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ. Самъ Савелій отвезъ ее, и по возвращеніи, на вопросы обступившей его дворни, хотѣлъ что-то сказать, но только поглядѣлъ на всѣхъ, поднялъ выше обыкновеннаго божу на лбу, сдѣлалъ складку въ падець толщиной, плюнулъ, повернулся спиной и шагнулъ за порогъ своей кѣтушки.

Недѣли черезъ полторы, Марейнька вернулась съ женихомъ и съ матерью изъ-за Волги; еще веселѣе, счастливѣе, и здоровѣе, нежели поѣхала. Оба успѣли пополюйтъ. Оба привезли-было свой смѣхъ, живость, шумъ, бѣготню, веселые разговоры. Но едва пробыли часа два дома, какъ оробѣли и присмирѣли, не найдя ни въ комъ и ни въ чемъ отвѣта и сочувствія своимъ шумнымъ изліаніямъ. Отъ смѣха и веселаго говора раздавалось около нихъ печальное эхо, какъ въ пустомъ домѣ.

На всемъ лежалъ какой-то туманъ. Даже птицы отвыкли летать къ крыльцу, на которомъ кормила ихъ Марейнька. Ласточки, скворцы и всѣ лѣтніе обитатели рощи улетѣли, и журавлей не видно надъ Волгой. Котята всѣ куда-то разбѣжались.

Цвѣты завяли, садовникъ выбросилъ ихъ, и передъ домомъ, вмѣсто цвѣтника, лежали черные круги взрытой земли, съ каймой блѣднаго дерна, да пѣлосы пустыхъ грядъ. Нѣсколько деревьевъ завернуты были въ рогожу. Роща обнажалась все больше и больше отъ листьевъ. Сама Волга какъ-то почернѣла, готовая заморзнуть.

Но это природа: это само по себѣ не дѣлаетъ, а только уси-

ливаешь скуку людямъ. А вотъ—что съ людьми случилось, со всѣмъ домомъ? спрашивала Марейнька, глядя въ недоумѣніи вокругъ.

Гнѣздышко Марейньки, ея комнати на верху, потеряли свою веселость. Въ немъ поселилось съ Вѣрой грустное молчаніе.

У Марейньки на глазахъ были слезы. Отъ чего все измѣнилось? отъ чего Вѣрочка перешла изъ стараго дома? Гдѣ Титъ Никоничъ? Отъ чего бабушка не бранить ее, Марейньку: не сказала даже ни слова, за то, что, вмѣсто недѣли, она пробыла въ гостяхъ двѣ? Не любить больше? Отчего Вѣрочка не ходить по прежнему одна по полямъ и рощѣ? Отъ чего всѣ такіе скучные, не говорятъ другъ съ другомъ, не дразнить ее женихомъ, какъ дразнили до отъѣзда? О чемъ молчатъ бабушка и Вѣра? Что сдѣлалось со всѣмъ домомъ?

Марейньку кое-какъ успокоили отвѣтами на нѣкоторые вопросы. Другіе обошли молчаніемъ.

— Вѣра перешла отъ того, — сказали ей, что печи въ старомъ домѣ, въ ея комнатѣ, стали плохи, не держатъ тепла.

— Титъ Никоничъ уѣхалъ унимать безпорядки въ деревнѣ.

— Вѣра не ходитъ гулять, потому что простудилась и пролежала три дня въ постели, почти въ горячкѣ.

Марейнька, услыжавъ слово «горячка», испугалась заднимъ числомъ и заплакала.

На вопросъ, «о чемъ бабушка съ Вѣрой молчатъ и отчего первая ее ни разу не побранила, что значило—не любить», Татьяна Марковна взяла ее за обѣ щеки и задумчиво, со вздохомъ, поцѣловала въ лобъ. Это только больше опечалило Марейньку.

— Мы верхомъ ѣздили, Николай Андреичъ дамское сѣдло выписалъ. Я одна каталась въ лодѣ, сама гребла, въ рощу съ бабами ходила! затрогивала Марейнька бабушку, въ надеждѣ, не побранить ли она хоть за это.

Татьяна Марковна, будто съ уворомъ, покачала головой, но Марейнька видѣла, что это притворно, что она думаетъ о другомъ, или уйдетъ и сядетъ подлѣ Вѣры.

Марейнька печалилась и ревновала ее къ сестрѣ, но сказать боялась и потихоньку плакала. Едва ли это была не первая серьезная печаль Марейньки, такъ что и она безсознательно приняла общій серьезно-туманный тонъ, какой лежалъ надъ Малиновкой и ея жителями.

Она молча сидѣла съ Викентьевымъ: шептать имъ было не о чемъ. Они и прежде бесѣдовали о своихъ секретахъ во всеуслышаніе. И рѣдко, рѣдко удавалось Райскому вызвать ее на свободный лепетъ, или ужъ Викентьевъ такъ разсмѣшить, что терпѣнья никакого не станетъ, и она прорвется нечаянно смѣхомъ,

а потомъ сама испугается, оглянется вокругъ, замолчитъ и погрохитъ ему.

Викентьеву, это молчаніе, сдержанность, печальный тонъ, были не по натурѣ. Онъ сталъ подговаривать мать попросить у Татьяны Марковны позволенія увести невесту и уѣхать опять въ Болжино до свадьбы, до конца октября. Къ удовольствію его, согласіе послѣдовало легко и скоро, и молодая чета, какъ пара ласточекъ, съ веселымъ крикомъ улетѣла отъ осени къ теплу, свѣту, смѣху, въ свое будущее гнѣздо.

Бабушка однако замѣтила печаль Марейны и — сколько могла, отвлекла ея вниманіе отъ всякихъ догадокъ и соображеній, успокоила, обласкала и отпустила веселой и беззаботной, обѣщавши приѣхать за ней сама, «если она будетъ вести себя тамъ умно.»

Райскій съѣздилъ за Титомъ Никоничемъ и привезъ его чуть живого. Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, еле двигался, и только, увидѣвъ Татьяну Марковну, всю ея обстановку, и себя самого среди этой картины, за столомъ, съ заткнутой за галстухъ салфеткой, или у окна на табуретѣ, подлѣ ея кресель, съ налитой ею чашкой чаю — мало-по-малу пришелъ въ себя и сталъ радоваться, какъ ребенокъ, у котораго отняли и вдругъ опять отдали игрушки. Онъ, отъ радости, вдругъ засмѣется и закроется салфеткой, потретъ руки одна о другую съ жаромъ, или встанетъ, и ни съ того, ни съ сего, поклонится всѣмъ присутствующимъ и отчаянно шархнетъ ножкой. А когда всѣ засмѣются надъ нимъ, онъ засмѣется пуще всѣхъ, сниметъ парикъ и погладитъ себѣ съ изступленіемъ лысину, потреплетъ, вмѣсто Пашутки, Василису по щекамъ. Словомъ, онъ немного одурѣлъ и пришелъ въ себя на третій день — и тогда уже сталъ задумчивъ, какъ другіе.

Кругъ семьи въ Малиновѣѣ увеличился однимъ членомъ. Райскій однажды вдругъ явился съ Козловымъ къ обѣду. Сердечнѣе, радужнѣе встрѣчи нельзя нигдѣ и никому оказать, каѣя оказана была оставленному своей Дидоной супругу.

Татьяна Марковна, съ женскимъ тактомъ, не дала ему замѣтить, что знаетъ его горе. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ встрѣчаютъ гостя натянутымъ молчаніемъ, а она встрѣтила его шуткой, и этому тону ея послѣдовали всѣ.

— Что это ты (она давно говорила ему это драгоценное *мы*), Леонтій Ивановичъ, забылъ насъ совсѣмъ? Борюшка говорить, что я не умѣю угостить тебя, что кухня моя тебѣ не нравится: ты говорилъ ему?

— Какъ не нравится: когда я говорилъ тебѣ? обратился онъ строго къ Райскому.

Всѣ засмѣялись.

— Да вы нарочно! улыбнувшись нѣхотя, сказала Леонтій.

Онъ ужъ успѣлъ настолько справиться съ своимъ горемъ, что сталъ сознавать необходимость сдерживаться при людяхъ и прикрывать свою невзгоду условнымъ приличіемъ.

— Да, не быть я у васъ давно: у меня жена... уѣхала въ Москву.... повидаться съ родными, тихо сказалъ онъ, глядя внизъ: такъ я и не могъ...

— Вотъ ты бы у насъ пожилъ, замѣтила Татьяна Марковна: одному скучно дома...

— Я жду ее... боюсь, чтобъ безъ меня не пріѣхала...

— Тебѣ дадутъ знать: вѣдь мимо насъ ей ѣхать: мы сейчасъ остановимъ, какъ только вѣдетъ въ слободу. Изъ оконъ стараго дома видно, когда ѣдутъ по дорогѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Да, оттуда видна московская дорога, съ оживленіемъ, поднявъ на Татьяну Марковну глаза, сказалъ Козловъ и почти обрадовался.

— Право, переѣзжай къ намъ...

— Да, я бы, пожалуй...

— Я просто не пушу тебя сегодня, Леонтій, сказалъ Райскій:— Мнѣ скучно одному: я перейду въ старый домъ съ тобой вмѣстѣ, а потомъ, послѣ свадьбы Марейники, уѣду. Ты при бабушкѣ и при Вѣрѣ будешь первымъ министромъ, другомъ и тѣлохранителемъ.

Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Да, покорно благодарю: лишь бы только не обезпоятъ чѣмъ...

— Какъ тебѣ не стыдно... начала бабушка.

— Извините, Татьяна Марковна!

— Кушай лучше, чѣмъ пустое говорить: вонъ у тебя стынетъ супъ...

— А вѣдь мнѣ ѣсть хочется, вдругъ сказалъ онъ, принимаясь за ложку и засмѣялся:—я что-то давно не ѣлъ.

Онъ задумчиво глядя куда-то, должно быть на московскую дорогу, съѣлъ машинально супъ, потомъ положенный ему на другую тарелку пирогъ, потомъ мясо, и молча обончилъ весь обѣдъ.

— У васъ покойно, хорошо! говорилъ онъ послѣ обѣда, глядя въ окно.—И зелень еще есть, и воздухъ чистый... Послушай, Борисъ Павловичъ, я бы библиотеку опять перевезъ сюда...

— Хорошо, хорошо, хоть завтра, вѣдь она твоя: дѣлай съ ней, что хочешь...

— Нѣтъ, нѣтъ: чтó мнѣ въ ней теперь? Я перевезу и буду смотрѣть за ней, а то этотъ Маркъ опять...

Райскій крикнулъ на всю комнату. Вѣра не подняла головы отъ шитья, Татьяна Мареевна стала смотрѣть въ окно.

Райскій увелъ Козлова въ старый домъ, посмотрѣть его комнату, куда бабушка велѣла поставить ему кровать, и на ночь вытопить печь и тотчасъ же вставить рамы.

Козловъ совалясь къ окнамъ, отыскивая то самое, изъ котораго видна московская дорога.

ХІІ.

Въ одинъ изъ туманныхъ, осеннихъ дней, когда Вѣра, послѣ завтрака, сидѣла въ своей комнатѣ, за работой, прилежно собирая иглой складки кисейной пемизетки, Яковъ подаль ей еще письмо на синей бумагѣ, принесенное «парнишкой», и сказалъ, что приказано ждать отвѣта.

Вѣра, взглянувъ на письмо, оцѣпенѣла, какъ будто отъ изумленія, и съ минуту не брала его изъ рукъ Якова, потомъ взяла и положила на столъ, сказавъ коротко: хорошо, поди!

Когда Яковъ вышелъ, она задумчиво подышала въ наперстокъ и хотѣла продолжать работу, но руки у ней вдругъ упали, вмѣстѣ съ работой, на колѣни.

Она оперлась локтями на столъ и закрыла руками лицо.— «Какая казнь! Кончится ли это истязаніе?» шептала она въ отчаяніи. Потомъ встала, вынула изъ комода прежнее, нераспечатанное, такое же письмо и положила рядомъ съ этимъ, и сѣла опять въ своей позѣ, закрывая руками лицо.

«Что дѣлать? Какого отвѣта можетъ онъ ждать, когда мы разошлись навсегда? — Ужели вызываетъ?... Нѣтъ, не смѣть!... А если вызываетъ?..»

Она вздрогнула.

Она заглянула сама себѣ въ душу и тамъ подслушивала, какой могла бы дать отвѣтъ на его надежду, и опять вздрогнула. «Нельзя сказать этого отвѣта, думала она: если онъ самъ не угадать его—отъ меня никогда не узнаетъ!»

Она глядѣла на этотъ синій пакетъ, съ знакомымъ почеркомъ, не торопясь сорвать печать — не отъ страха оглядки, не отъ ужаса зубовъ «тигра». Она какъ будто со стороны смотрѣла, какъ ползетъ теперь мимо ея этотъ «удавъ», по выраженію Райскаго, еще недавно душившій ее страшными кольцами, и

сверканье чешуи не ослѣпляетъ ее больше. Она отворачивается, вздрагивая отъ другого, не прежняго чувства.

Ей душно отъ этого письма, вдругъ перенесшаго ее на другую сторону бездны, когда она уже оторвалась навсегда, ослабѣвшая, измученная борьбой, — и сожгла за собой мостъ. Она не понимаетъ, какъ могъ онъ написать? Какъ онъ самъ не бѣжалъ давно?

Знай онъ, какой переворотъ совершился на верху обрыва, онъ бы, конечно, не написалъ. Надо его увѣдомить: посланный ждетъ... Ужели читать письма?... Да, надо!..

Она сорвала печать съ обоихъ разомъ и стала читать первое, писанное давно:

«Ужели мы въ самомъ дѣлѣ не увидимся, Вѣра? Это невѣроятно. Нѣсколько дней тому назадъ, въ этомъ былъ бы смыслъ, а *теперь* это бесполезная жертва, тяжелая для обоихъ. Мы больше года упорно бились, добываясь счастья, — и когда оно настало, ты бѣжишь первая, а сама твердила о безсрочной любви. Логично ли это?»

«Логично ли?» повторила она шепотомъ и остановилась. Потомъ будто перемогла себя и читала дальше.

«Мнѣ разрѣшено уѣхать, но я не могу *теперь* оставить тебя, это было бы нечестно... Можно подумать, что я торжествую и что мнѣ уже легко уѣхать: я не хочу, чтобы ты такъ думала... Не могу оставить потому, что ты любишь меня»...

У ней рука съ письмомъ упала на колѣни: черезъ минуту она медленно читала дальше:

.....«и потому еще, что я самъ въ горячешномъ положеніи. Будемъ счастливы, Вѣра! Убѣдись, что вся наша борьба, всѣ наши нескончаемые споры были только маской страсти. Маска слетѣла — и намъ спорить больше не о чемъ. Вопросъ рѣшенъ. Мы въ сущности согласны давно. Ты хочешь безконечной любви: многіе хотѣли бы того же, но этого не бываетъ»...

Она на минуту остановилась. «Онъ разумѣетъ безконечную горячку!» подумала она и съ жалостью улыбнулась. Потомъ читала дальше.

«Моя ошибка была та, что я предсказывалъ тебѣ эту истину: жизнь привела бы къ ней насъ сама. Я отнынѣ не трогаю твоихъ убѣжденій: не они нужны намъ, — на очереди страсть. У нея свои законы: она смѣется надъ твоими убѣжденіями, — посмѣется со временемъ и надъ безконечной любовью. Она же теперь пересиливаетъ и меня, мои планы.. Я покоряюсь ей, покорись и ты. Можетъ быть, вдвоемъ, дѣйствуя за одно, мы от-

дѣлится отъ нея дешево и уйдемъ по добру и по здорову, а въ одиночку тяжело и северно.»

«Убѣжденій мы не въ силахъ измѣнить, какъ не въ силахъ измѣнить натуру, а притворяться не сможемъ оба: это не логично и не честно. Надо высказаться и согласиться во всемъ: мы сдѣлали это и не пришли къ соглашенію; слѣдовательно остается молчать и быть счастливыми помимо убѣжденій: страсть не требуетъ ихъ. Будемъ молчать и будемъ счастливы. Надѣюсь, ты съ этой логикой согласишься.»

Что-то похожее на улыбку опять показалось у ней на губахъ.

«Уѣхать тебѣ со мной, вѣроятно, не дадутъ, да и нельзя! Безумная страсть одна могла бы увлечь тебя къ этому, но я на это не рассчитываю: ты не безголовая самка, а я не мальчишка. Или, для того, чтобы рѣшиться уѣхать, нужно, чтобы у тебя были другія, одинакія со мной убѣжденія, и слѣдовательно другая будущность въ виду, нежели какую ты и близкіе твои желаютъ тебѣ, т. е. такая же, какъ у меня: неопредѣленная, неизвѣстная, безъ угла, или безъ «гнѣзда», безъ очага, безъ имущества.—Соглашаюсь, что отъѣздъ невозможенъ. слѣдовательно, мнѣ надо принести жертву, т. е. мнѣ хочется теперь принести ее, и я приношу: если ты надѣнешся на успѣхъ у бабушки — обвиняемся, и я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока... словомъ на безсрочное время. Я сдѣлалъ все, Вѣра, и исполню, что говорю. Теперь дѣлай ты. Помни, что если мы разоидемся теперь, это будетъ походить на глупую комедію, гдѣ невыгодная роль достанется тебѣ,—и надъ нею первый посмѣется Райскій, если узнаетъ.»

«Видишь, я предупреждаю тебя во всемъ, какъ предупредить и тогда...»

Она сдѣлала движеніе рукой, будто нетерпѣнія, почти отчаянія, и небрежно дочитала послѣднія строки.

«Жду отвѣта на имя моей хозяйки, Секлетей Бурдалаховой».

Вѣра казалась утомленной чтеніемъ письма. Она равнодушно отложила его и принялась за другое, которое только-что прислалъ ей Яковъ.

Оно было написано торопливою рукой, карандашомъ.

«Я каждый день бродилъ внизу обрыва, ожидая тебя по первому письму. Сію минуту случайно узналъ, что въ домъ нездорово, тебя нигдѣ не видать. Вѣра, приди, или, если больна, напиши скорѣе два слова. Я способенъ придти въ старый домъ...»

Вѣра остановилась въ страхъ, потомъ торопливо дочитала конецъ :

«Если сегодня не получу отвѣта — сказано было дальше —

завтра въ пять часовъ буду въ бесѣдѣ... Мнѣ надо скорѣе рѣшать: ѣхать или оставаться. Приди сказать хоть слово, проститься, если... Нѣтъ, не вѣрю, чтобы мы разошлись теперь. Во всякомъ случаѣ жду тебя, или отвѣта. Если больна, я попробуюсь самъ...»

«Боже мой! Онъ еще тамъ, въ бесѣдѣ!.. грозитъ придти... Посланный ждетъ... Еще все таянется... не ушло... не умерло все»...

Она быстро откинула доску шифоньерки, вынула нѣсколько листовъ бумаги, взяла перо, обмакнула, хотѣла написать и не могла. У ней дрожали руки.

Она положила перо, склонила опять голову въ ладони, закрыла глаза, собираясь съ мыслями. Но мысли не вязались, путались, мѣшала тоска, бѣненіе сердца. Она прикладывала руку къ груди, какъ-будто хотѣла унять боль, опять бралась за перо, за бумагу, и черезъ минуту бросала.

«Не могу, силъ нѣтъ, задыхаюсь!» Она налила себѣ на руки одеколонъ, освѣжила лобъ, виски — поглядѣла опять, сначала въ одно письмо, потомъ въ другое, бросила ихъ на столъ, твердя: «не могу, не знаю, съ чего начать, что писать? Я не помню, какъ я писала ему, что говорила прежде, какимъ тономъ.... Все забыла!...»

«Какого отвѣта ждетъ посланный? У меня одинъ отвѣтъ: не могу, силъ нѣтъ, ничего нѣтъ во мнѣ!...» Она спустилась внизъ, скользнула по корридорамъ, отыскала Якова и велѣла сказать мальчику, чтобы шелъ, что отвѣтъ будетъ послѣ.

«А когда послѣ?» спрашивала она себя, медленно возвращаясь навверхъ. «Найду ли я силы написать ему сегодня до вечера? И что напишу? Все тоже: «не могу, ничего не хочу, не осталось въ сердцѣ ничего...» А завтра онъ будетъ ждать тамъ, въ бесѣдѣ. Обманутое ожиданіе раздражить его, онъ повторитъ вызовъ выстрѣлами, наконецъ столкнется съ людьми, съ бабушкой!... Пойти самой, сказать ему, что онъ поступаетъ «не честно и не логично».... Про великодушіе нечего ему говорить: волки не знаютъ его!...»

Все это несло у ней въ головѣ, и она, то хваталась опять за перо и бросала, то думала пойти сама, отыскать его, сказать ему все это, отвернуться и уйти — и она бралась за мантилью, за косынку, какъ бывало, когда торопилась къ обрыву. И теперь, какъ тогда, руки напрасно искали мантилью, косынку. Все выпадало изъ рукъ и она, обезсиленная, садилась на диванъ и не знала что дѣлать.

Бабушкѣ сказать? Бабушка сдѣлаетъ, что нужно, но она отгорчитъ письмами: Вѣрѣ хотѣлось бы избѣгнуть этого.

Сказать брату Борису и ему поручить положить конецъ надеждѣ Марка и покушеніямъ на свиданіе. Райскій — ея естественный, ближайшій другъ и защитникъ. Но прошла ли страсть въ немъ самомъ, или «ощущеніе», игра страсти, «отраженіе ея въ воображеніи», что бы ни было? «И если прошло, разсуждала Вѣра, можетъ быть, основательно: то не потому ли, что прошла борьба, соперничество, все утихло вокругъ? Если появленіе героя страсти разбудить въ Райскомъ затихнувшую досаду, напомнить оскорбленія, — онъ не выдержитъ роли безкорыстнаго посредника, увлечется пылкостью и станетъ въ другую, опасную роль.»

Тушинъ! Да, этотъ выдержать, не сдѣлаетъ ошибки и навѣрное достигнетъ цѣли. Но ставить Тушина лицомъ къ лицу съ соперникомъ, свести его съ человѣкомъ, который изподтишка и мимоходомъ разгромилъ его надежды на счастье! Она представила себѣ, что долженъ еще перенести этотъ, обожающій ее другъ, при свиданіи съ героемъ волчьей ямы, творцомъ ея надеждъ, разрушителемъ ея будущности! Какой силой воли и самообладанія надо обязать его, чтобы встрѣча ихъ на днѣ обрыва не была встрѣчей волка съ медвѣдемъ? Она потрясла отрицательно головой, рѣшивъ, однако же, не скрывать объ этихъ письмахъ отъ Тушина, но устранить его отъ всякаго участія въ развязкѣ ея драмы, какъ изъ пощады его сердца, такъ и потому, что, прося содѣйствія Тушина, она какъ-будто жаловалась на Марка. «А она ни въ чемъ его не обвиняетъ... Боже сохрани!»

И вотъ ей не къ кому обратиться. Она на груди этихъ трехъ людей нашла защиту отъ своего отчаянія, продолжаетъ находить мало-по-малу потерянную увѣренность въ себѣ, чувствуетъ возвращающійся въ душу миръ. Еще нѣсколько недѣль, мѣсяцовъ покоя, забвенія, дружеской ласки — и она встала бы мало-по-малу на ноги и начала бы жить новой жизнью. А между тѣмъ она медлитъ протянуть къ нимъ довѣрчиво руки — не изъ гордости уже, а изъ пощады, изъ любви къ нимъ.

Но и ждать долѣе тоже невозможно. Завтра принесутъ опять письмо, она опять не отвѣтитъ: онъ явится самъ.... О, Боже сохрани! Если уже зло неизбежно, думала она, то изъ двухъ золъ меньшее будетъ — отдать письма бабушкѣ, предоставить ей сдѣлать, что нужно сдѣлать. Бабушка тоже не ошибется: онъ теперь понимаютъ другъ друга.

Потомъ, подумавши, она написала записку и Тушину. Тѣ же листки бумаги, то же перо, за полчаса отъезжавшія слу-

жить ей — послушно служили теперь. Пальцы быстро написали двѣ строчки:

«Пріѣзжайте, если можно, завтра утромъ. Я давно не видала васъ — и хочу видѣть. Мнѣ скучно!»

Она отослала записку съ Прохоромъ, чтобы онъ отвезъ ее на пристань и отдалъ на перевозѣ, для отправленія въ «Дымовъ», съ людьми Тушина, которые каждый день ѣздили въ городъ.

Прежде Вѣра прятала свои тайны, уходила въ себя, царствуя безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чуждаясь общества, чувствуя себя сильнѣе всѣхъ окружающихъ. Теперь стало наоборотъ. Одиночность силъ, при первомъ тяжеломъ опытѣ, оказалась несостоятельною. Она поплатилась своей гордостью и вдругъ почувствовала себя, въ минуту бури, безсильною, а когда буря ушла — жалкой, беспомощной сиротой, и протянула, какъ младенецъ, руки къ людямъ. Прежде она дарила добріе, какъ-будто изъ милости, только своей наперсницѣ и подругѣ, женѣ священника: это былъ ея капризъ, она роняла крупицы. Теперь она шла искать помощи, съ поникшей головой, съ обузданной гордостью, почуя рядомъ силу, сильнѣе своей, и мудрость мудрѣе своей самолюбивой воли.

Вѣра сообщала бывало, своей подругѣ мелочной календарь вседневной своей жизни: событій, ощущеній, впечатлѣній, даже чувствъ, довѣрила и о своихъ отношеніяхъ къ Марку, но скрыла отъ нея катастрофу, сказавъ только, что все кончено, что они разошлись навсегда — и только. Жена священника не знала исторіи обрыва до конца и приписала болѣзнь Вѣры отчаянію разлуки.

Она любила Марейнуку, также, какъ Наталью Ивановну, но любила обѣихъ, какъ дѣтей, иногда, пожалуй, какъ собесѣдницъ. Въ тихую пору жизни, она опять позоветъ Наталью Ивановну и будетъ передавать ей вседневныя событія по мелочамъ, въ подробностяхъ, — опять та будетъ шепотомъ поддакивать ей, разбавлять ея одинокія ощущенія. Но въ рѣшительныя и роковыя минуты, Вѣра пойдетъ къ бабушкѣ, пошлетъ за Тушинымъ, постучится въ комнату брата Бориса.

И теперь она постучалась ко всѣмъ троицѣ.

XIII.

Она положила оба письма въ карманъ, тихо, задумчиво пошла къ Татьянѣ Марковнѣ и сѣла подлѣ нея.

Бабушка только-что осмотрѣла свадебную постель и смѣряла съ швею, сколько пойдетъ кисей, кружевъ на подушки, и усѣлась въ свои кресла.

Она бѣгло взглянула на Вѣру, потомъ опять вдругъ взглянула и остановила на ней безпокойный взглядъ.

— Что случилось, Вѣра: ты разстроена?

— Не разстроена, а устала. Я получила письма оттуда, отъ.....

— Оттуда? повторила бабушка, мѣняясь въ лицѣ.

— Одно давно: я не распечатывала до сихъ поръ, а другое сегодня. Вотъ они: прочти, бабушка.

Она положила оба письма на столъ.

— Зачѣмъ мнѣ читать, Вѣрочка? говорила Татьяна Марковна, едва преодолевая себя и стараясь не глядѣть на письма.

Вѣра молчала. Бабушка замѣтила у нея выраженіе тоски.

— Развѣ тебѣ нужно, чтобъ я знала, что тамъ?....

— Нужно, бабушка, прочти.

Бабушка надѣла очки и стала-было читать.

— Не разберу, душенька, сказала она съ тоской, отодвинувъ письмо.— Ты скажи лучше коротко, зачѣмъ мнѣ нужно знать.....

— Не могу рассказать: силъ нѣтъ, духъ захватываетъ..... Я лучше прочту.

Она, шепотомъ, скрадывая нѣкоторыя слова и выраженія, прочла письма, и скомкавъ оба, спрятала въ карманъ. Татьяна Марковна выпрямилась въ креслѣ и опять сгорбилась, подавляя страданіе. Потомъ пристально посмотрѣла въ глаза Вѣрѣ.

— Что же ты, Вѣрочка, думаешь? спросила она нетвердымъ голосомъ.

— Ты спрашиваешь, что я думаю? сказала Вѣра съ упрямомъ: тоже, что ты, бабушка!

— Это я знаю. Но онъ предлагаетъ.... вѣнчаться, хочетъ остаться здѣсь. Можетъ быть..... если будетъ человекомъ, какъ всѣ.... если любить тебя.... говорила Татьяна Марковна боязливо: — если ты.... надѣнешься на счастье.....

— Да: онъ называетъ вѣнчанье комедіей и предлагаетъ вѣнчаться! Онъ думаетъ, что мнѣ только этого не доставало для

счастья.... Бабушка! вѣдь ты понимаешь, что со мной — затѣмъ же спрашиваешь?

— Ты пришла ко мнѣ спросить, на что тебѣ рѣшиться.... Бабушка говорила робко, потому что все еще не знала, для чего прочла ей письма Вѣра. Она была взволнована дерзостью Марка и дрожала въ безпокойствѣ за Вѣру, боясь опаснаго поворота страсти, но скрывала свое волненіе и безпокойство.

— Я не затѣмъ пришла къ тебѣ, бабушка, сказала Вѣра. — Развѣ ты не знаешь, что тутъ все рѣшено давно? Я ничего не хочу, я едва хожу — и если дышу свободно и надѣюсь ожить, такъ это при одномъ условіи — чтобъ мнѣ ничего не знать, не слышать, забыть навсегда... А онъ напомнилъ! зоветь туда, манить счастьемъ, хочеть вѣнчаться.... Боже мой!... — Она съ отчаяніемъ пожала плечами.

У Татьяны Марковны отходило безпокойство отъ сердца. Она пошевелилась свободно въ креслѣ, поправила складку у себя на платьѣ, смахнула рукой какія-то крошки со стола. Словомъ — отошла, ожила, задвигалась, какъ внезапно оцѣпенѣвшій отъ иснуга и тотчасъ опять очнувшійся человѣкъ.

— Бабушка! заключила Вѣра, собравшись опять съ силами: — Я ничего не хочу! Пойми одно: еслибъ онъ какимъ-нибудь чудомъ переродился теперь, сталъ тѣмъ, чѣмъ я хотѣла прежде, чтобъ онъ былъ, — еслибъ сталъ вѣрить во все, во что я вѣрю, — полюбилъ бы меня, какъ я.... хотѣла любить его — и тогда я не обернулась бы на его зовъ....

Она замолчала. Бабушка слушала, притаивъ дыханіе, какъ пѣніе райской птицы.

— Я бы не была съ нимъ счастлива: — я не забыла бы прежняго человѣка никогда и никогда не вѣрила бы новому человѣку. Я слишкомъ тяжело страдала, шептала она, кладя щеку свою на руку бабушки: — но ты видѣла меня, поняла и спасла... ты — моя мать!.... Зачѣмъ же спрашиваешь и сомнѣваешься? Какая страсть устоитъ передъ этими страданіями? Развѣ возможно повторять такую ошибку!.... Во мнѣ ничего больше нѣтъ.... Пустота — холодъ и еслибъ не ты — то отчаяніе....

У Вѣры завапали слезы. Она прижалась головой къ плечу бабушки.

— Не поминай этого и не тревожь себя напрасно, говорила бабушка, едва сдерживаясь сама и отирая ей слезы рукой: — вѣдь мы положили никогда не говорить объ этомъ....

— Я и не говорила бы, еслибъ не письма: — мнѣ нуженъ покой... Бабушка! увези, спрячь меня... или я умру! Я устала...

силн нѣтъ.... дай отдохнуть.... А онъ зоветъ туда.... хочется придти самъ....

Она заплакала сильнѣе.

Бабушка тихо встала, посадила ее на свое мѣсто, а сама выпрямилась во весь ростъ.

— А! если такъ, если онъ еще, заговорила она съ дрожью въ голосъ,—достаешь тебя, мучаетъ,—онъ разсчитается со мной за эти слезы!... Бабушка укроетъ, защититъ тебя,—успокойся, дитя мое: ты не услышишь о немъ больше ничего....

Бабушка дрожала, говоря это.

— Что ты хочешь дѣлать? съ удивленіемъ спросила Вѣра, вдругъ вставая и подходя къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Онъ зоветъ тебя: я сойду къ нему съ обрыва, вмѣсто тебя, на любовное свиданіе—и потомъ посмотримъ, напишетъ ли онъ тебѣ еще, придетъ ли сюда, позоветъ ли?..

Бабушка ходила по кабинету, сама не своя отъ гнѣва.

— Въ которомъ часу онъ завтра придетъ въ бесѣдку: кажется въ пять? спросила она отрывисто.

Вѣра все глядѣла на нее съ изумленіемъ.

— Бабушка! ты не поняла меня, сказала она криво, взявъ ее за руки:—успокойся,—я не жалуюсь тебѣ на него. Никогда не забывай, что я одна виновата—во всемъ.... Онъ не знаетъ, что произошло со мной, и отъ того пишетъ. Ему надо только дать знать, объяснить, какъ я больна, упала духомъ,—а ты сообраешься, кажется, воевать! Я не того хочу. Я хотѣла написать ему сама, и не могла,—видѣться не достаешь силъ, еслибъ я и хотѣла....

Татьяна Марковна присмирѣла и задумалась.

— Я хотѣла просить Ивана Иваныча, продолжала Вѣра: но ты знаешь сама, какъ онъ любитъ меня, какія надежды были у него... Сводить его съ человѣкомъ, который все это уничтожилъ—нельзя!

— Нельзя! подтвердила Татьяна Марковна, тряся головой.—Зачѣмъ его трогать? Богъ знаетъ, что между ними случится.... Нельзя! У тебя есть близкій человѣкъ, онъ знаетъ все, онъ любитъ тебя, какъ сестру: Борюшка....

Вѣра молчала. «Да, еслибъ какъ сестру только!» думала она и не хотѣла открывать бабушкѣ о страсти Райскаго къ ней: это былъ не ея секретъ.

— Хочешь, я поговорю съ нимъ....

— погоди, бабушка: я сама скажу ему, отвѣчала Вѣра, опасаясь вмѣшиваться брата. Она надѣялась на его сердце, до-

вѣрjala его уму, чувствамъ, но не довѣрjala его неуволимо - капризной фантазіи и способности увлекаться.

— Я какъ-нибудь, черезъ брата, или соберусь съ силами и сама отвѣчу на эти письма, дамъ понять, въ какомъ я положеніи, отниму всякія надежды на свиданіе. А теперь мнѣ нужно пока дать ему знать только, чтобъ онъ не ходилъ въ бесѣдку и не ждалъ напрасно....

— Это я сдѣлаю! вдругъ сказала бабушка.

— Но ты не пойдешь сама, не увидишься съ нимъ? говорила Вѣра, пытливо глядя въ глаза бабушкѣ.— Помни, я не жажду на него, не хочу ему зла....

— И я не хочу! шептала бабушка, глядя въ сторону.— Успокойся, я не пойду сама: я сдѣлаю только, что онъ не будетъ ждать въ бесѣдкѣ...

— Прости меня, бабушка, еще за это новое огорченіе!
Татьяна Марковна вздохнула и поцѣловала ее.

XIV.

Вѣра пошла полууспокоенная, стараясь угадать, какую мѣру могла бы принять бабушка, чтобъ помѣшать Марку ждать ее завтра, въ бесѣдкѣ. Она опасалась, чтобы Татьяна Марковна, не знающая ничего о страсти Райскаго, не поручила ему пойти, не предупредивъ ее о томъ, а онъ, не приготовленный, могъ поступить, какъ внушало ему его, еще не вполне угасшее корыстное чувство и фантазія.

Вѣра, узнавъ, что Райскій не выходилъ со двора, пошла къ нему въ старый домъ, куда онъ перешелъ съ тѣхъ поръ, какъ Козловъ поселился у нихъ, съ тѣмъ, чтобы сказать ему о новыхъ письмахъ, узнать, какъ онъ приметъ это, и смотря по этому, дать ему понять, какова должна быть его роль, если бабушка возложитъ на него видѣться съ Маркомъ.

Она шла, какъ тѣнь, по амфиладѣ стараго дома, минуя свои бывшія комнаты, по потусѣвшему отъ времени паркету, мимо завѣшанныхъ зеркалъ, закутаныхъ тумбъ съ старыми часами, старой тяжелой мебели, и вступила въ маленькія, уютныя комнаты, выходившія окнами на слободу и на поле. Она неслышно отворила дверь въ комнату, гдѣ поселился Райскій, и остановилась на порогѣ.

Райскій сидѣлъ за столомъ, зарывшись въ свой артистическій портфель, разбирая эскизы разныхъ мѣстностей, акварельные портреты, набросанные очерки неисполненныхъ картинъ,

миниатюрныя копии съ извѣстныхъ произведеній, и между прочь отбирая, кучей втиснутые въ портфель, черновые листы литературныхъ воспоминаній, замѣтокъ, очерковъ, начатыхъ и брошенныхъ стиховъ и повѣстей.

Отобравъ тщательно всю кучу накопившагося матеріала для романа, онъ сильно призадумался. Взглядъ у него потускъ; разбирая листы за листами, онъ, то покачивалъ головой и вздыхалъ тяжело, то зѣвалъ до слезъ.

«Вотъ этакъ же, лѣтъ шесть назадъ,—печально размышлялъ онъ,—затѣялъ я писать большую, сложную картину для выставки... А оказалось, что въ нее надо положить цѣлые годы.. И теперь, такую же обузу беру на себя: романъ писать!! Однихъ матеріаловъ съ пудъ наберется... Сколько соображеній, замѣтокъ, справокъ!...»

«Дѣло ли я затѣялъ, романъ! Куча характеровъ, положеній, сценъ! А вся сила, весь интересъ, и твой собственный романъ — въ Вѣрѣ: одну ее и пиши! Да, вотъ что!»

«Прочь все лишнее, постороннее: напишу одну ее... Облегчу себя, а этотъ весь балластъ въ сторону. Чего, чего тутъ нѣтъ!»

Онъ началъ живо отбирать все постороннее Вѣрѣ и отобралъ листовъ десятокъ, гдѣ набросаны были характеристическія замѣтки о ней, сцены, разговоры съ нею, и съ любовью перечитывалъ ихъ.

Вдругъ онъ оставилъ листы — и поразился будто какою-то новою мыслью. «А отъ чего у меня до сихъ поръ нѣтъ ея портрета кистью?» вдругъ спросилъ онъ себя, тогда какъ онъ, съ первой же встрѣчи съ Марѣинькой, передалъ полотну ея черты, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, и черты эти вышли говорящи, «въ портретѣ есть правда, жизнь, вѣрность во всемъ... кромѣ плеча и руки», думалъ онъ. А портрета Вѣры нѣтъ: уже ли онъ уѣдетъ безъ него?... Теперь ничто не мѣшаетъ: страсти у него нѣтъ, она его не убѣгаетъ... Имѣя портретъ, легче писать и романъ; передъ глазами будетъ она, какъ живая...

Онъ поднялъ глаза отъ портфеля.... Передъ нимъ стоитъ живая Вѣра! Онъ испугался.

— Это бабушкина «судьба» посылаетъ тебя во мнѣ!.. сказалъ онъ.

У Вѣры, замѣтившей его испугъ, задрожалъ подбородокъ отъ улыбки. А онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Его опять охватила красота его сестры, — не прежняя, съ блескомъ, съ теплымъ колоритомъ жизни, съ бархатнымъ, гордымъ и горячимъ взглядомъ, съ мерцаніемъ «ночи», какъ онъ

назвалъ ее за эти неуловимыя искры, тогда еще таинственной, неразгаданной прелести.

Бессознательное блистанье молодости и красоты, разливающей яркіе и горячіе лучи вокругъ себя — исчезло.

Томная печаль, глубокая усталость смотрѣла теперь изъ ея глазъ. Горячіе, живые тоны въ лицѣ замѣнились прозрачною блѣдностью. Въ улыбкахъ не было гордости, нетерпѣливыхъ, едва сдерживаемыхъ молодыхъ силъ. Кротость и грусть тихо покоились на ея лицѣ, и вся стройная фигура ея была полна задумчивой, нѣжной граціи и унылаго покоя.

«Это—лилія! Гдѣ прежняя Вѣра? Которая лучше: та, или эта?» думалъ онъ, протягивая ей въ умиленіи руки.

Она подошла къ нему, не прежнимъ ползучимъ шагомъ, не съ волнующимся при походкѣ станомъ, а тихой, ровной поступью. Шаги издавали легкій, сухой ступъ.

— Я тебѣ помѣшала, сказала она.—Что ты дѣлаешь? Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой...

Онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Что ты такъ смотришь?...

— Погоди, Вѣра! шепталъ онъ, не слыхавъ ея вопроса и не спуская съ нея широкаго, изумленнаго взгляда.—Сядь вотъ здѣсь,—такъ! говорилъ онъ, усаживая ее на маленькій диванъ. А самъ торопливо сунулся въ уголъ комнаты, порылся тамъ и досталъ рамку съ натянутымъ холстомъ, выдвинулъ мольбертъ и началъ шарить по угламъ, отыскивая ящикъ съ красками.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила она.

— Молчи, молчи, Вѣра: я давно не видалъ твоей красоты, какъ будто ослѣпъ на время! Сію минуту ты вошла, лучи ея ударили меня по нервамъ, художникъ проснулся! Не бойся этихъ восторговъ. Скорѣй, скорѣй, дай мнѣ этой красоты, пока не прошла минута... У меня нѣтъ твоего портрета...

— Что за мысль, Борисъ, теперь: какая красота! на что я стала похожа? Василиса говоритъ, что въ гробъ враще кладутъ... Оставь до другого раза...

— Ты ничего не понимаешь въ своей красотѣ: ты — chef-d'oeuvre. Нельзя откладывать до другого раза. Смотри: у меня волосы поднимаются, мурашки бѣгають.... сейчасъ слезы брызнуть.... Садись, — пройдетъ, и все пропало!

— Я устала, братъ.... я не въ силахъ, едва хожу... И холодно мнѣ: у тебя здѣсь свѣжо...

— Я тебя прикрою, посажу въ покойную позу, ты не гляди на меня, будь свободна, какъ будто бы меня не было тутъ!

Онъ положилъ ей за спину и подъ руки подушки, на плечи

и грудь накиннулъ ей свой шотландскій пледъ и усадилъ ее съ книгой на диванъ.

— А голову держи какъ хочешь, сказалъ онъ:— какъ тебѣ удобнѣе, покойнѣе. Дѣлай, какія хочешь движенія! Гляди, куда хочешь, или не гляди вовсе — и забудь, что я тутъ.

Она поворилась равнодушно, усѣвшись въ усталой позѣ, и задумалась.

— А я хотѣла поговорить съ тобой, показать тебѣ.... письма, сказала она.

Онъ молчалъ, взглядываясь въ нее и чертя мѣломъ на полотнѣ.

Прошло минутъ десять.

— Я получила письма.... отъ Марка.... тихо повторила она.

Онъ молчитъ и чертитъ мѣломъ.

Прошло четверть часа. Онъ, схвативъ палитру, побрызгалъ ее красками и, взглядывая горячо на Вѣру, торопливо, какъ будто воруя, переносилъ черты ея лица на полотно.

Она повторила ему о письмахъ. Онъ молчитъ и глядитъ на нее, будто въ первый разъ ее видитъ.

— Братъ, ты не слушаешь?

— Да.... да.... слышу.... <письма отъ Марка....> Ну, что онъ, здоровъ, какъ поживаетъ?... скороговоркой сказалъ онъ.

Она съ удивленіемъ глядѣла на него. Она едва рѣшалась назвать Марка, думая, что дотронется до него этимъ именемъ, и, какъ каленымъ желѣзомъ, — а онъ о здоровьи его спрашиваетъ! Глядѣвъ еще на него, она перестала удивляться. Еслибъ вмѣсто имени Марка, она назвала Карпа, Сидора — дѣйствіе было одно и то же. Райскій машинально слушалъ и не слышалъ. Онъ слышалъ только звукъ ея голоса, — погруженный въ работу, видѣлъ только ее, не вникалъ въ ея слова и машинально повторялъ имя.

— Чтожъ ты ничего мнѣ не отвѣчаешь? спросила она.

— Послѣ, послѣ, Вѣра: ради Бога! Теперь не говори со

мнѣ — думай что-нибудь про себя. Меня здѣсь нѣтъ...

Вѣра пробовала опять заговорить, но онъ уже не слышалъ и торопливо подмалевывалъ лицо.

Вскорѣ она погрузилась — не въ печаль, не въ безпокойство — въ размышленіе и о томъ, придетъ ли Маркъ, что сдѣлаетъ бабушка, — о какой-то хаосѣ смутныхъ чувствъ, воспоминаній, напрасно пытающейся сосредоточить мысль на одномъ чувствѣ, на одномъ моментѣ.

Она куталась въ пледъ, чтобъ согрѣться, и взглядывала по сторонамъ на Райскаго, почти не замѣчая, что онъ дѣлаетъ, и

все задумывалась, задумывалась и, казалось, будто въ глаза ея отражалось теченіе всей ея, молодой, но уже глубоко-взвѣсновенной, и еще не успокоенной жизни. Думы, скорбь, вопрошанія и отвѣты изъ жизни, жажда покоя, тайныя муки и робкое ожиданіе будущаго, — все мелькало во взглядѣ.

А Райскій молча, сосредоточенно, блѣдный отъ артистическаго раздраженія, работалъ надъ ея глазами, по временамъ взмывая на Вѣру, или глядѣлъ мысленно въ воспоминаніе о первой встрѣчѣ своей съ нею и о тогдашнемъ страстномъ впечатлѣніи. Въ комнатѣ была могильная тишина.

Вдругъ онъ остановился, стараясь уловить и опредѣлить тайну ея задумчиваго, ни на что не смотрѣвшаго, но глубокаго, какъ бездна, говорящаго взгляда.

Онъ касался кистью зрачка на полотнѣ, думалъ поймать правду—и ловилъ правду чувства, а тамъ, въ живомъ взглядѣ Вѣры, сквозить еще что-то, какая-то спящая сила. Онъ кладалъ другую краску, дѣлалъ тѣнь—и какъ ни бился—но у него входить ея глаза и не выходило взгляда.

Напрасно онъ звалъ на помощь двѣ волшебныя учительскія точки, тѣ двѣ искры, которыми вдругъ засвѣтились глаза Софьи подъ его кистью.

«Нѣтъ, здѣсь точекъ мало!» сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ усилій передать этотъ взглядъ.

Онъ задумался, мѣшалъ краски, отходилъ отъ портрета, и смотрѣлъ опять.

«Надо подождать!» рѣшилъ онъ и началъ подмалевывать щеки, носъ, волосы.

Поработавъ съ полчаса, онъ привился опять за глаза.

«Еще разъ.... послѣдній! сказалъ онъ:—и если не удастся, не стану: нельзя!»

— Теперь, Вѣра, погляди минутъ пять сюда, вотъ на эту точку, обрати къ ней Райскій, указывая, куда глядѣть, и онъ поглядѣлъ на нее...

Она спала. Онъ замеръ въ молчаніи и смотрѣлъ на нее боясь дохнуть.

«О, какая красота!» шепталъ онъ въ умиленіи. «Она заснула: да, это была дерзость рисовать ея взглядъ, въ которомъ улеглась вся ея драма и романъ. Здѣсь самъ Грезинъ ложилъ бы кисть!»

Онъ нарисовалъ глаза закрытыми, глядя на нее и передавая живымъ образомъ спящаго покоя мысли, чувства и улыбки.

Потомъ, положивъ палитру и кисть, тихо наклонился

ней, еще тише коснулся губами ея блѣдной руки и слышными шагами вышелъ изъ комнаты.

XV.

На другой день въ полдень, Вѣра, услыхавъ шумъ лошадиныхъ копытъ въ воротахъ, взглянула въ окно и глаза у ней на минуту блеснули удовольствіемъ, увидѣвъ рослую и стройную фигуру Тушина, верхомъ на ворономъ конѣ, вѣхавшаго во дворъ.

Вѣра машинально оправилась передъ зеркаломъ, со вздохомъ глядѣла на себя и думала: «что братъ Борисъ нашелъ списывать во мнѣ!»

Она сошла внизъ, прошла всѣ комнаты и взялась за ручку двери изъ залы въ переднюю. А съ той стороны Тушинъ взялся за ту же ручку. Они отворили дверь, столкнулись и улыбнулись другъ другу.

— Я сверху увидала васъ и пошла на встрѣчу.... Вы здоровы? вдругъ спросила она, взглянувъ на него пристально.

— Что мнѣ дѣлается! конфузливо сказалъ онъ, ворочая лицо въ сторону, чтобъ не дать замѣтить ей перемѣны въ себѣ.— А вы?

— Ничего, такъ. Была больна, чуть не слегла. Теперь прошло.... Гдѣ бабушка? обратилась она къ Василису.

Та сказала, что барыня, послѣ чаю, ушла куда-то, взявъ съ собой Савелья.

Вѣра пригласила Тушина къ себѣ на верхъ.

Они, сидя на концахъ дивана, молчали, глядя украдкой другъ на друга.

«Блѣденъ, думала она, похудѣлъ: оскорбленное чувство, обманутыя надежды гнетутъ его...»

Тушинъ былъ точно непокоенъ, но не столько отъ оскорбленныхъ чувствъ, сколько отъ заботы о томъ, что было съ нею послѣ: кончена ли ея драма, или нѣтъ?

Вопросъ о собственномъ безпокойствѣ, объ «оскорбленномъ чувствѣ и обманутыхъ надеждахъ» въ первые дни ломалъ его, и тобы вынести эту ломку, нужна была медвѣжья крѣпость его организма и вся, данная ему и сбереженная имъ сила души. И онъ вынесъ борьбу, благодаря этой силѣ, благодаря своей прямой, чистой натурѣ, чуждой зависти, злости, мелкаго самолюбія, — всѣхъ этихъ стихій, изъ которыхъ слагаются дурныя страсти.

Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость Вѣры, и эта вѣра, которою держалась его чистая, глубоко — нравственная страсть къ ней, да прелесть ея обаятельной красоты и довѣріе къ ея уму, сердечной честности, — заглушали животный эгоизмъ страсти и спасали его, не только отъ отчаянія въ горѣ, но и отъ охлажденія къ Вѣрѣ. Съ первой минуты ея откровенности, не смотря на свою жестокую муку, онъ безпристрастно сознавалъ и вѣрилъ, и тогда же выразилъ ей, что она не виновна, а «несчастлива»: такъ думалъ и теперь. Виноватымъ во всемъ, и еще болѣе несчастнымъ слѣпотой — считалъ онъ Марка.

Отъ этого у Тушина, тихо, пока украдкой отъ него самого, теплился, съвозъ горе, съвозъ этотъ хаосъ чувствъ, тоски, оскорбленій, — слабый лучъ надежды, не на прежнее, конечно, полное, громадное счастье взаимности, но на счастье не совсѣмъ терять Вѣру изъ виду, удержать за собой навсегда ея дружбу, и въ далекѣ когда-нибудь, со временемъ, усилить ея покойную, прочную симпатію къ себѣ и... и... Тутъ кончались его мечты, не смѣя идти далѣе, потому что за этими и слѣдовалъ естественный вопросъ о томъ, что теперь будетъ съ нею? Дѣйствительно ли кончилась ея драма? Не опомнился ли Маркъ, понявъ, что онъ теряетъ, и не бросился ли догонять уходящее счастье? Не карабкается ли за нею со дна обрыва на высоту? Не оглянулась ли и она опять назадъ? Не подали ли они другъ другу руки навсегда, чтобъ быть счастливыми, какъ онъ, Тушинъ, и какъ сама Вѣра понимаютъ счастье? Стало быть онъ мучился тѣми же сомнѣніями и тѣмъ же вопросомъ, который точно укусилъ Татьяну Марковну прямо въ сердце, когда Вѣра показала ей письма. Вопросъ этотъ не переставалъ грызть Тушина. Ему казалось невѣроятнo, чтобы Маркъ устоялъ въ своихъ понятіяхъ и остался только на днѣ обрыва. Не дуракъ же онъ, не слѣпой...

«За что-нибудь любила же она его... Нѣтъ — любить его нельзя — а влюбилась, увлеклась фальшиво...» думалъ онъ: «онъ опомнится, воротится и она будетъ счастлива. Дай Богъ! Дай Богъ!» молился онъ за счастье Вѣры, и въ эти минуты блѣднѣлъ и худѣлъ — отъ безнадежности за свое погибающее будущее, безъ симпатіи, безъ счастья, безъ Вѣры, безъ всѣхъ этихъ и... и... и...

«Какая же это жизнь?» думалъ онъ. «Той жизнью, какою я жилъ прежде, когда не зналъ, есть ли на свѣтѣ Вѣра Васильевна, жить дальше нельзя. Безъ нея — дѣло станеть, жизнь станеть!»

Онъ принимался чуть не самъ рубить мачтовые деревья,

сѣдѣлъ прилежниѣе за работами на пильномъ заводѣ, самъ, вмѣсто прикащикова, велъ книги въ конторѣ, или садился на коня и упаривалъ его, скача верстъ по двадцати назадъ и впередъ по лѣсу, заглушая свое горе и всѣ эти вопросы, скача отъ нихъ дальше, — но съ нимъ неутомимо, какъ свистащій осенній вѣтеръ, скакалъ вопросъ: что дѣлается на той сторонѣ Волги?

Сколько разъ онъ подѣзжалъ къ берегу, глядя на противоположную сторону! Какъ хотѣлось ему вскочить на этомъ конѣ на отваливающій паромъ и взобраться на гору, узнать, спросить... Но она сказала: «погодите» — и это «погодите» было для него свято.

Теперь онъ ѣхалъ съ ея запиской въ карманѣ. Она его вызвала, но онъ не скакалъ на гору, а ѣхалъ тихо, неторопливо слѣзъ съ коня, терпѣливо ожидая, чтобъ изъ людской зашѣтали кучера и взяли его у него, и робко брался за ручку двери. Даже, придя въ ея комнату, онъ боязливо и украдкой глядѣлъ на нее, не зная, что съ нею, зачѣмъ она его вызвала, чего ему ждать.

Сначала неловко было обоимъ. Ей — отъ того, что «тайна» извѣстна была ему, хотя онъ и другъ, но все же посторонній ей человѣкъ. Открыла она ему тайну внезапно, въ горячкѣ, въ нервномъ раздраженіи, когда она, изъ нѣкоторыхъ его словъ, заподозрѣла, что онъ уже знаетъ все. И нельзя было не открыть: она дорожила прелестью его дружбы и не хотѣла красть уваженія. Притомъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Но все же онъ знаетъ ея «грѣхъ», — а это тяжело.

Ему было неловко отъ того, что онъ такъ не въ пору и некстати открылъ ей свои надежды, на которыя она отвѣтила ему страшной откровенностью: неловко и за нее и за себя.

Они угадывали другъ друга и молчали.

— Вы меня простили? сказала она наконецъ груднымъ шепотомъ, стараясь не глядѣть на него.

— Я, васъ: за что?

— За все, что вы перенесли, Иванъ Ивановичъ. Вы изменились, похудѣли, вамъ тяжело, — я это вижу. Горе ваше и бабушки — тяжелое наказаніе!

— Мое горе не должно беспокоить васъ, Вѣра Васильевна. Оно — мое. Я самъ напросился на него, а вы только смягчили его. Вонъ вы вспомнили обо мнѣ и писали, что вамъ хочется видѣть меня: ужели это правда?

— Правда, Иванъ Ивановичъ. Если у меня отнимутъ васъ троихъ: бабушку, васъ и брата Бориса — я не переживу своего одиночества.

— Ну, вотъ: а вы говорите — горе! Посмотрите мнѣ въ глаза: я думаю, я въ эту минуту и пополнилъ опять.

У него показался румянецъ, какой бросается въ лицо вдругъ обрадованному человѣку.

— Вижу, сказала она: и отъ этого мнѣ больнѣе становится за все то, что я сдѣлала со всѣми вами. Что было съ бабушкой!

— А что? я боялся спросить....

Она рассказала ему все, что было въ эти двѣ недѣли, кромѣ признанія Татьяны Марьевны.

Онъ напряженно ждалъ, не упомянетъ ли она о Маркѣ. Но она не сказала ни слова.

— Еслибъ вы сами скорѣй успокоились! сказалъ онъ задумчиво: все пройдетъ и забудется....

— Забудется, но не простится....

— Некому и нечего прощать....

— Еслибъ и забылось и простилося другими, мнѣ самой нельзя забыть и простить себѣ.... шепнула она и остановилась. Боль отразилась у ней на лицѣ.

— Я начала немного отдыхать, забывать.... продолжала она. Теперь скоро свадьба; было много дѣла, я отвлеклась-было....

— И что же: помѣшало развѣ что-нибудь?

— Да.... я вчера была сильно встревожена: и теперь еще не совсѣмъ покойна. Боюсь, чтобы какъ-нибудь.... Да, вы правы: мнѣ надо скорѣе успокоиться.... Я думала, все кончилось.... Уѣхала бы я отсюда!

Онъ молчалъ, потушивъ глаза. Румянецъ и минутная радость сбѣжали съ лица.

— Случилось что-нибудь? спросилъ онъ. — Не нужно ли вамъ... какой-нибудь услуги, Вѣра Васильевна?

— Да, случилось. Но на эту услугу я не вызову васъ, Иванъ Ивановичъ.

— Не съумѣю, можетъ быть?

— Нѣтъ, не то! Вы знаете все: вотъ прочтите, что я получила....

Она вынула изъ ящика оба письма и подала ему. Тушинъ прочиталъ и совсѣмъ похудѣлъ, сталъ опять блѣденъ, какъ былъ, когда пріѣхалъ.

— Да, тутъ, конечно, я лишній: вы одна можете....

— Не могу, Иванъ Ивановичъ....

Онъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Не могу, ни написать ему двухъ словъ, ни видѣть его....

Онъ сталъ оправляться и поднял голову, глядя на нее.

— А мнѣ надо дать отвѣтъ: онъ ждетъ тамъ, въ бесѣдѣ, или придетъ сюда, если не дамъ.... а я не могу....

— Какой отвѣтъ? спросилъ Тушинъ, наклоняясь и разсматривая свои сапоги.

— И вы, какъ бабушка, спрашиваете, какой! Развѣ вы не слыли? Онъ манить счастьемъ, предлагаетъ вѣнчаться....

— Что-же?

— Что-же! повторила она съ примѣскою легкаго раздраженія: я пробовала вчера написать ему всего двѣ строки: «я не была — и не буду счастлива съ вами и послѣ вѣнчанья, и не увижу васъ никогда. Прощайте!» — и не могла. Хотѣла пойти, сказать это сама и уйти — ноги не шли: я падала. Онъ не знаетъ ничего, что со мной произошло, и думаетъ, что я все еще въ жару страсти, отъ того и надѣется, писать.... Надо ему сказать все, а я не могу! Поручить некому: бабушка вспыхнула, какъ порохъ, прочитавши эти письма. Я боюсь, что она не выдержитъ.... и я....

Тушинъ вдругъ всталъ и подошелъ къ ней.

— И вы подумали обо мнѣ: «Тушинъ — выдержать и послужить мнѣ....» и позвали меня.... такъ?

Онъ весь просіялъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, не такъ. Я позвала васъ, чтобъ... видѣть васъ въ этой тревогѣ. Когда вы тутъ — я будто покойнѣе...

— Вѣра Васильевна! сказалъ онъ — и румянецъ опять хлынулъ ему въ щеки. Онъ былъ почти счастливъ.

— А посылать васъ туда — продолжала она — нѣтъ, я не нанесу вамъ этого новаго оскорбленія, не поставлю лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго вы.... не можете видѣть равнодушно.... Нѣтъ, нѣтъ!

Она качала головой.

— Оскорбленія! Вѣра Васильевна!.... Онъ хотѣлъ говорить, но сложилъ только руки, какъ будто съ мольбой, передъ ней. Глаза блистали, глядя на нее.

Она съ изумленіемъ благодарности смотрѣла на него, видя, какъ одно вниманіе, одно чувство приличія, — такая малость — дѣлали его счастливымъ. И это послѣ всего!... «Какъ онъ любитъ меня! За чѣмъ...!» подумала она съ грустью.

— Оскорбленія! повторилъ онъ. — Да, мнѣ тяжело бы было, еслибъ вы послали меня съ масличной вѣтвью къ нему, помочь ему выбраться изъ обрыва сюда.... Эта голубиная роль мнѣ была бы точно не къ лицу — но я пошелъ бы мирить васъ, еслибъ зналъ, что вы будете счастливы....

«И бабушка пошла бы, и мать моя, еслибъ была жива... И

этотъ человѣкъ готовъ идти искать мое счастье — и терять свое!» подумалось ей опять.

— Иванъ Ивановичъ! сказала она почти въ слезахъ: я вамъ вѣрю, вы сдѣлали бы и это! Но я не послала бы васъ...

— Знаю, что не послали бы, и дурно сдѣлали бы. А теперь, мнѣ не надо и выходить изъ роли медвѣдя: видѣть его—чтобы передать ему эти двѣ строки, которыхъ вы не могли написать: вѣдь это—счастье, Вѣра Васильевна!

Она потупила глаза. «Я только и могу дать ему это счастье въ отвѣтъ.... на все....» думала она.

Замѣтивъ ея печаль, онъ вдругъ упалъ, смирился, гордость осанки, блескъ взгляда, румянецъ — пропали. Онъ раскаялся въ своей неосторожной радости, въ неосторожномъ словѣ: «счастье». «Опять глупость сдѣлалъ!» терзался онъ про себя — принявъ простое, дружеское порученіе, съ которымъ она обратилась къ нему, потому что некому было поручить, какъ она сказала, — за какое-то косвенное поощреніе его надеждъ! Онъ—этой внезапной радостью и этимъ словомъ: «счастье» — будто повторилъ свое признаніе въ любви и предложеніе руки, и кромѣ того показавъ ей, что эгоистически радуется разрыву ея съ Маркомъ.

Вѣра, глядя на него, угадала, что онъ во второй разъ сватился съ своего обрыва счастливыхъ надеждъ. Ея сердце, женскій инстинктъ, дружба, — все бросилось на помощь бѣдному Тугину, и она не дала рухнуть окончательно всѣмъ его надеждамъ, удержавъ одну, какую только могла дать ему въ своемъ положеніи: это безграничное довѣріе и уваженіе.

— Да, Иванъ Ивановичъ, я теперь вижу, что я надѣялась на васъ и въ этомъ, только не признавалась сама себѣ, и никогда не рѣшилась бы требовать отъ васъ этой помощи. Но если вы великодушно предлагаете, то я рада и благодарю. Никто не поможетъ мнѣ такъ, какъ вы поможете, потому что никто, такъ какъ вы, не любитъ меня....

— Вы балуете меня, Вѣра Васильевна, говоря это: но это правда! Вы насквозь видите меня....

— И если, — продолжала она: — вамъ не тяжело видѣть его....

— Нѣтъ.... я не упаду въ обморокъ.

— Такъ подите сегодня въ пять часовъ въ бесѣдку и скажите....

Она задумалась, что сказать. Потомъ взяла карандашъ и написала тѣ же двѣ строки, которыя сказала ему на словахъ, не прибавивъ ничего къ прежде сказаннымъ словамъ.

— Вотъ мой отвѣтъ, заключила она, передавая ему незапе-

читанный листокъ: отдайте ему и прибавьте, что хотите, если нужно будетъ: вы знаете все....

Онъ спряталъ листокъ въ карманъ.

— Помните одно, прибавила она поспѣшно: что я не обманю его ни въ чемъ.... ни на что не жажду... слѣдовательно..

Она остановилась. Онъ ждалъ.

— Вашего бича съ собой не берите... договорила она тихо, почти въ сторону.

— По дѣломъ мнѣ! сказалъ онъ, сильно вздохнувъ.

— Виновата, перебила она, подавая ему руку: это не упрекъ,—Боже сохрани! Память подсказала мнѣ кстати. Мнѣ легче этимъ однимъ словомъ выразить, а вамъ понять, чего я желала и чего не желала бы въ этомъ свиданіи....

— Тутъ обидно одно: вы думали, что я безъ этого слова не понялъ бы....

— Простите меня, больную....

Онъ пожалъ поданную ему руку.

XVI.

Немного погодя, воротилась Татьяна Марковна, пришелъ Райскій. Татьяна Марковна и Тушинъ не безъ смущенія встрѣтились другъ съ другомъ. И имъ было неловко: онъ зналъ, что ей извѣстно его объясненіе съ Вѣрой,—а ей мучительно было, что онъ знаетъ романъ и «грѣхъ» Вѣры.

Изъ глазъ его выглядывало уныніе, въ ея разговорахъ сквозило смущеніе за Вѣру и участіе къ нему самому. Они говорили, даже о простыхъ предметахъ, какъ-то натянуто, но къ обѣду взаимная симпатія превозмогла, они оправились и глядѣли прямо другъ другу въ глаза, довѣря взаимнымъ чувствамъ и характеристамъ. Они даже будто сблизились между собой, и въ минуты молчанія, высказывали одинъ другому глазами то, что могли бы сказать о происшедшемъ словами, еслибъ это было нужно.

До обѣда Вѣра оставалась съ Татьяной Марковной, стараясь, ии скорѣе опасаясь, узнать о мѣрѣ, какую она могла принять, чтобъ Марья не ожидалъ ее въ бесѣдѣ. Она рѣшилась не отходить отъ нея и послѣ обѣда, чтобъ она не поддавалась желанію сама сойтя съ обрыва на свиданіе.

Но Татьяна Марковна до обѣда не упомянула о вчерашнемъ разговорѣ, а послѣ обѣда, когда Райскій ушелъ къ себѣ, а Тушинъ, надѣвъ пальто, пошелъ куда-то «по дѣлу», она заняла

всю свою дѣвичью чисткою серебряныхъ чайниковъ, кофейниковъ, подносовъ и т. д., назначаемыхъ въ приданое Марѣиныхъ.

Вѣра успокоилась съ этой стороны и мысленно перенеслась съ Тушинымъ въ бесѣдку, думая съ тоской и съ замираніемъ сердца отъ страха о томъ: «не вышло бы чего-нибудь! Еслибъ этимъ кончилось! Что тамъ теперь дѣлается!»

А тамъ, безъ четверти въ пять часовъ, пробирался въ бесѣдкѣ Тушинъ. Онъ зналъ мѣстность, но видно давно не былъ и забылъ, потому что глядѣлъ на право, на лѣво, бралъ, то въ ту, то въ другую сторону, по едва замѣтной тропинкѣ, и никакъ не могъ найти бесѣдки. Онъ остановился тамъ, гдѣ кусты были чаще и гуще, припоминая, что бесѣдка была гдѣ-то около этого мѣста.

Онъ стоялъ, оглядываясь во всѣ стороны, и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на часы. Стрѣлка подвигалась къ пяти часамъ, а онъ не видалъ, ни бесѣдки, ни Марку.

Вдругъ издали до него дошелъ шумъ торопливыхъ шаговъ, и между кустами сосняка и ельника являлась и пропадала фигура. «Кажется, онъ!» думалъ Тушинъ, и раза два дохнулъ всей грудью, какъ усталый конь, покачалъ назадъ и впередъ стоящую рядомъ молодую ель, потомъ опустил обѣ руки въ карманы пальто и сталъ, какъ вкопанный.

Маркъ точно выпрыгнулъ изъ засады на это самое мѣсто, гдѣ былъ Тушинъ, и оглядываясь съ изумленіемъ вокругъ, замѣтилъ его и озаменѣлъ.

Они поглядѣли другъ на друга съ минуту, потомъ дотронулись до фуражекъ. Волоховъ все озирался съ недоумѣніемъ вокругъ.

— Гдѣ же бесѣдка? спросилъ онъ наконецъ вслухъ.

— Я тоже ее ищу и не знаю, въ которой она сторонѣ!

— Какъ, въ которой сторонѣ! Мы стоимъ на ея мѣстѣ: она еще вчера утромъ тутъ была...

Оба молчали, не зная, что стало съ бесѣдкой. А съ ней стало вотъ что: Татьяна Марковна общала Вѣрѣ, что Маркъ не будетъ «ждать ее въ бесѣдкѣ», и буквально исполнила обѣщаніе. Черезъ часъ послѣ разговора ея съ Вѣрой, Савелій, взявъ челоуѣкъ пять мужиковъ, съ топорами, спустился съ обрыва и они разнесли бесѣдку часа въ два, унеся съ собой бревна и доски на плечахъ. А бабы и ребятишки, по ея же привязанію, растаскали и щепы.

На другой день утромъ, сама барыня взяла садовника, да опять Савелья, и еще двоихъ людей, и велѣла мѣсто, гдѣ была бесѣдка, поскорѣе сравнять, утоптать, закрыть дерномъ и пересадить туда нѣсколько молодыхъ сосенъ и елей. «Заднимъ

умомъ крѣпка!» упрекала она мысленно себя. «Еслибъ я сломала бѣсѣду тотчасъ, когда Вѣрочка сказала мнѣ все... тогда, можетъ быть, злодѣй догадался бы и не писалъ ей проклятыхъ писемъ!»

«Злодѣй» дѣйствительно догадался. «Старуха узнала: — это она!» подумалъ онъ. «Вѣра поступила благоправно: все отгрыла ей!»

Онъ обернулся къ Тушину, кивнулъ ему и хотѣлъ идти, но замѣтилъ его пристальный, точно желѣзный взглядъ.

— Вы что тутъ дѣлали, гуляли, что ли? спросилъ онъ. — Что вы такъ смотрите на меня? Вы здѣсь въ гостяхъ наверху?

— Да, въ гостяхъ. Я не гулять пришелъ, а видѣться съ вами, сказалъ Тушинъ сухо, но учтиво.

— Со мной! оборотись живо къ нему отозвался Волоховъ и вопросительно глядѣлъ на него. «Что это: не узналъ ли и онъ? Онъ, кажется, претендентъ на Вѣру: не драму ли затѣваетъ этотъ лѣсной Отелло: «крови», «крови», что ли, ему надо!» успѣлъ подумать Маркъ.

— Съ вами, повторилъ Тушинъ: — у меня есть порученіе къ вамъ.

— Отъ кого? Отъ старухи?

— Отъ какой старухи?

— Отъ Бережковой! Отъ какой!

— Нѣтъ.

— Такъ отъ Вѣры? почти съ испугомъ спросилъ онъ.

— Отъ Вѣры Васильевны, хотите вы сказать?

— Ну, пожалуй — Васильевны. Что она: здорова ли, — что велѣла передать мнѣ?..

Тушинъ молча подалъ ему записку. Маркъ пробѣжалъ ее глазами, сунулъ небрежно въ карманъ пальто, потомъ снялъ фуражку и началъ пальцами драть голову, одолѣвая, не то неловкость своего положенія передъ Тушинымъ, не то ощущеніе боли, горченія, или злой досады.

— Вы... все знаете? спросилъ онъ.

— Позвольте не отвѣчать на этотъ вопросъ, а спросить васъ: скажете вы что-нибудь въ отвѣтъ?

«Стану я тебѣ давать отвѣтъ! подумалъ Маркъ: не дамъ!»

— Ничего не скажу, холодно отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Но исполните, конечно, ея просьбу: не тревожить ее больше, не напоминать о себѣ... не писать, не посѣщать этихъ гѣсть...

— Вамъ что за дѣло? Вы объявлены ея женихомъ, что спрашиваете?..

— Для этого не нужно быть женихомъ, а просто другомъ, чтобъ исполнить порученіе.

— Если буду писать и посѣщать — тогда что? запальчиво заговорилъ Волоховъ, какъ будто напрашиваясь на дерзость.

— Не знаю, какъ приметъ это Вѣра Васильевна. Если опять дастъ мнѣ новое порученіе, я опять сдѣлаю, что ей будетъ нужно.

— Какой вы послушный и почтительный другъ! сказалъ съ злой ироніей Маркъ.

Тушинъ поглядѣлъ на него съ минуту серьезно.

— Да, вы правы: я такой другъ ей... Не забывайте, господинъ Волоховъ, прибавилъ онъ, что вы говорите не съ Тушинымъ теперь, а съ женщиной. Я сталъ въ ея положеніе и не выйду изъ него, что бы вы ни сказали. Я за себя не имѣю права говорить сегодня. Я думалъ, что и для васъ довольно ея желанія, чтобы вы не беспокоили ее больше. Она только-что поправляется отъ серьезной болѣзни...

Маркъ молча ходилъ взадъ и впередъ по лужайкѣ, и при послѣднихъ словахъ, подошелъ къ Тушину.

— Что съ ней было? спросилъ онъ ночи мяго.

Тушинъ молчалъ.

— Извините меня, я горячусь: знаю, что это глупо! Но вѣдь вы видите, что и я — какъ въ горячкѣ.

— Очень жалѣю: стало быть вамъ самимъ нуженъ покой... Вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на эту записку?

Марку не хотѣлось отвѣчать ему.

— Я самъ отвѣчу, напишу...

— Она положительно отказывается отъ этого — и я могу дать вамъ слово, что она не можетъ поступить иначе... Она больна — и ея здоровье требуетъ покоя, а покой явится, когда вы... не будете напоминать о себѣ. Я передаю, что мнѣ сказано, и говорю то, что видѣлъ самъ...

— Послушайте: вы ей желаете добра? началъ Волоховъ.

— Конечно.

— Вы видите, что она меня любитъ, она вамъ сказала...

— Нѣтъ, этого я не вижу и она мнѣ не говорила о любви, а дала вотъ эту записку и просила подтвердить, что она не можетъ и не желаетъ болѣе видѣться съ вами и получать писемъ.

— Какая нелѣпость — мучаться и мучать другого! сказалъ Маркъ, вскапывая ногой свѣжую, нанесенную только утромъ землю около дерева. — Вы могли бы избавить ее отъ этой пытки, отъ нездоровья, отъ упадка силъ... отъ всего — если вы... другъ ей! Старуха сломала бесѣдку, но не страсть: страсть сломаешь Вѣру... Вы же сами говорите, что она больна...

— Я не говорилъ, что она больна отъ страсти...

— Отъ чего же разстроена?

— Отъ того, что вы пишете къ ней, ждете въ бесѣдѣ, грозите придти сами. Она не переноситъ этого—и только это порученіе передать.

— Она только говорить такъ, а сама...

— Она говорить всегда правду.

— Почему она дала это порученіе вамъ? вдругъ спросилъ Маркъ.

Тушинъ молчалъ.

— Она вамъ довѣряетъ, стало быть вы можете объяснить ей, какъ дивно противиться счастью: вѣдь она не найдетъ его тамъ, у себя... Вы посовѣтовали бы ей не мучать себя и другого, и постарались бы поколебать эту бабушкину мораль... При томъ я предлагаю ей...

— Еслибъ вы умѣли понять ее, остановили его Тушинъ: — то давно бы знали, что она изъ тѣхъ, кому «объяснять» нечего и «совѣтовать» нельзя. А колебать бабушкину «мораль» я не нахожу нужнымъ, потому что раздѣляю эту мораль.

— Вотъ какъ! Вы удивительный дипломатъ, отлично исполняете порученія! раздражительно сказалъ Маркъ.

Тушинъ молчалъ, наблюдая за нимъ и покойно ожидая, что онъ, волей или неволей, а дастъ отвѣтъ.

Это молчаливое спокойствіе бѣсило Марка. Сломанная надежда и появленіе Тушина въ роли посредника показали ему, что надежды его кончатся, что Вѣра не колеблется больше, что она установилась на своемъ намѣреніи не видѣться съ нимъ никогда. Въ него тихо проникло ядовитое сознаніе, что Вѣра страдаетъ, дѣйствительно, не отъ страсти къ нему, — иначе она не открылась бы бабушкѣ, и еще менѣе Тушину. Онъ зналъ и прежде ея упрямство, котораго не могла сломать даже страсть, потому почти съ отчаяніемъ сдѣлалъ послѣднюю уступку, рѣшился жениться и остаться еще на неопредѣленное время, но надежда не навсегда, тутъ, въ этомъ городѣ, пока длится его страсть. Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость своихъ понятій о любви и предвидѣлъ, что, рано или поздно, она кончится для обоихъ навсегда, что они будутъ «виснуть одинъ другому на шею, пока не снесется», а потомъ... Онъ отдалялся отъ этого «потомъ», надѣясь, что со временемъ Вѣра не устоитъ и сама на морали бабушки, она настанетъ охлажденіе.

Теперь и эта его жертва — предложеніе жениться — окажется напрасною. Ее не приняли. Онъ не опасенъ, и даже не нуженъ больше. Его отсылаютъ. Онъ терпѣлъ въ эту минуту

отъ тѣхъ самыхъ мученій, надъ которыми издѣвался еще недавно, не вѣря имъ. «Не логично!» думалъ онъ.

— Я не знаю, что я сдѣлаю, сказалъ онъ все еще гордо:— и не могу дать отвѣта на ваше дипломатическое порученіе. Въ бесѣдку, конечно, не приду, потому что ея нѣтъ...

— И писемъ не будете писать, — давалъ за него отвѣтъ Тушинъ, — потому что ихъ не передадутъ. Въ домъ тоже не придете — васъ не примутъ...

— Кто: вы? злобно отозвался Маркъ:— что же вы, стережъ станете?

— Стану, если Вѣра Васильевна захочетъ. Впрочемъ, здѣсь есть хозяйка дома и... люди. Но я полагаю, что вы сами не нарушите приличій и спокойствія женщины...

— Чортъ знаетъ, что за нелѣпость! рычалъ Маркъ: выдумали люди себѣ вандалы... лѣзутъ въ мученики!..

Ему все еще хотѣлось удержаться въ позиціи и удалиться съ нѣкоторымъ достоинствомъ, сохраняя за собой право не давать отвѣта. Но Тушинъ уже зналъ, что другого отвѣта быть не можетъ. Маркъ чувствовалъ это и сталъ отступать постепенно.

— Я ѣду скоро, сказалъ онъ: черезъ недѣлю... Не можетъ ли Вѣра... Васильевна видѣться со мной на одну минуту?..

— Не можетъ положительно: она больна.

— Лечать, что ли, ее?

— Ей одно лекарство: чтобъ вы не напоминали о себѣ...

— Я вѣдь не совсѣмъ довѣряю вамъ, ѣдко перебилъ Маркъ:— вы, кажется... неравнодушны къ ней — и...

Тушинъ опять покачалъ ель, но молчалъ. Онъ входилъ въ положеніе Марка и понималъ, какое чувство горечи или бѣшенства должно волновать его, и потому не отвѣчалъ злымъ чувствомъ на злобныя выходки, сдерживая себя, а только тревожился тѣмъ, что Маркъ, изъ гордаго упрямства, чтобъ не быть принуждену уйти, или, по остатку раздраженной страсти, еще сдѣлаетъ попытку написать, или видѣться, и встретитъ Вѣру. Ему хотѣлось положить совсѣмъ конецъ этимъ покушеніямъ.

— Если мнѣ не вѣрите — то у васъ есть доказательство, сказалъ онъ.

— Росписка — да. Это ничего не значить. Страсть — это море. Сегодня буря, завтра штиль... Можетъ быть, ужъ она теперь жалѣетъ, что послала васъ... •

— Не думаю: она бы предвидѣла это и не послала бы. Въ какъ я вижу, вовсе не знаете ее. Впрочемъ, я передалъ вамъ

все — и вы, конечно, уважите ея желанія... Я не настаиваю больше на отвѣтъ...

— Отвѣта никакого! Я уѣду....

— Это именно тотъ отвѣтъ, который нуженъ ей....

— Не ей, а вамъ, да, можетъ быть, романтику Райскому и старухѣ....

— Да, пожалуй, и намъ, и—можетъ быть—цѣлому городу. Я позволю себѣ только поручиться Вѣрѣ Васильевнѣ, что отвѣтъ вашъ будетъ вами буквально исполненъ. Прощайте.

— Прощайте.... рыцарь.....

— Чтò? спросилъ, немного нахмурившись, Тушинъ. Маркъ, блѣдный, смотрѣлъ въ сторону. Тушинъ дотронулся до фуражки и ушелъ, а Маркъ все еще стоялъ на мѣстѣ.

XVII.

Онъ злился, что уходитъ неловко, неблаговидно, хуже, чѣмъ онъ пророчилъ когда-то Райскому, что весь романъ его кончается обрывомъ, изъ котораго ему надо уходитъ не оглядываясь, что вслѣдъ ему не послано, не только сожалѣнія, прощальнаго слова, но его будто выпроваживаютъ, какъ врага, притомъ слабого, отъ котораго избавить недѣля—другая, разлуки, да сосѣдняя гора, за которую онъ перевалится. Отъ чего все это? «Онъ ни въ чемъ не виноватъ!» А ему отказываютъ въ послѣднемъ свиданіи,—очевидно не изъ боязни страстнаго искушенія, а какъ будто грубой обиды, выбираютъ посредникомъ другого! И этотъ другой командуетъ властью Вѣры, не выходя изъ границъ приличій, выпроваживаетъ его осторожно, какъ выпроваживаютъ буйнаго гостя, или вора, запирая двери, окна, и спускающая собаку. Онъ намекнулъ ему о хозяйкѣ дома, о людяхъ... чуть не о полиціи.

Въ этомъ, пожалуй, онъ былъ самъ виноватъ (снисходительно обвинялъ Маркъ себя), — усвоивъ условія и формы общезнѣтія, которыя онъ называлъ свободными и разумными, презирая всякимъ принятымъ порядкомъ, и которыя городъ этотъ не признавалъ такими. Не отъ того ли Вѣра теперь будто стыдится своей страсти, отчаявшись перевоспитать его, и отдѣляется отъ него заочно, черезъ другихъ, какъ отдѣляются отъ дурного знакомства, сдѣланнаго случайно, или нечаянно?

И этотъ посредникъ, не смотря на рѣзкіе вызовы, очевидно сдерживался, боясь, не опасности, конечно, а тоже скандальной, для Вѣры и для него самого, сцены—съ неприличнымъ челоуѣкомъ.

И ко всему этому нужно было еще дать отвѣтъ! А отвѣтъ одинъ другого отвѣта и нѣтъ, и нельзя дать, кромѣ того, какой дитю таваль ему этотъ «рыцарь» и «дипломатъ», унизившій его холодной вѣжливостью на всѣ его задиранья. Маргъ, какъ ни уснулъ, а далъ отвѣтъ!

Но какъ бы Вѣра ни рѣшила, все же, въ память прошлаго она должна была... хоть написать въ нему свое рѣшительное письмо—если больна и вынести свиданія не можетъ. Пусть онъ ладился пылъ страсти, но она дружески могла проститься с нимъ, подтвердила бы ему, что не мирится съ бездной невѣстности впереди, съ его міросозерпаніемъ—и они разошлись бы, уважая другъ друга. А она отсылаетъ его—не съ уваженіемъ а какъ будто не удостоиваетъ досказать послѣднія слова, какъ будто онъ сдѣлалъ что-нибудь такое.... Въ чемъ онъ виноватъ? Онъ сталъ припоминать послѣднее свиданіе—и не нашель собой ничего...

Онъ правъ, во всемъ правъ: за что же эта гнѣмая глухая разлука? Она не можетъ обвинить его въ своемъ «падѣніи», какъ «отжившіе люди» называютъ это.... Нѣтъ! А теперь онъ пошелъ на жертвы до самоотверженія: бросаетъ свои дѣла, сожигается... вѣнчаться! За что же этотъ ножъ: лавоническая записка вмѣсто дружескаго письма, посредникъ—вмѣсто самой себя? Да, это ножъ: ему больно. Холодъ отъ мозга до пятъ охватилъ его. Но какая рука вонзила ножъ? Старуха научила? нѣтъ—Вѣра не такая, ее не научишь! Стало быть сама: но за что, что онъ сдѣлалъ?

Маргъ медленно шелъ въ плетню, валю влѣзъ на него сѣлъ, спустивъ ноги, и не прыгалъ на дорогу, стараясь отбить себѣ на вопросъ: «что онъ сдѣлалъ?»

Онъ припомнилъ, какъ въ послѣднемъ свиданіи «честно» предупредилъ ее. Смыслъ его словъ былъ тотъ: «помни, я сказалъ тебѣ впередъ, и если ты, послѣ сказаннаго, протянешь руки ко мнѣ—ты моя: но ты и будешь виновата, а не я...» «Сколько логично!» сказалъ онъ почти вслухъ—и вдругъ страшно поблѣднѣлъ. Лицо у него исказилось, какъ будто около него поднялся изъ земли сирадь и чадъ. Онъ соскочилъ съ плетня на дорогу не оглядываясь, какъ тогда...

Далѣе, онъ припомнилъ, какъ онъ, на этомъ самомъ мѣстѣ покидалъ ее одну, повисшую надъ обрывомъ въ опасную мину «Я уйду, говорилъ онъ ей («честно») и уходилъ, но оборотомъ принялъ ее отчаянный нервный крикъ *прощай* за призывъ—поспѣшилъ на зовъ...

Этотъ первый отвѣтъ на вопросъ: «что онъ сдѣлалъ», какъ молотъ, ударилъ его въ голову.

Онъ пошелъ съ горы, а ножъ дѣлалъ свое дѣло и вонзался все глубже и глубже. Память беспощадно проводила передъ нимъ рядъ недавнихъ явленій.

«Нечестно вѣнчаться, когда не вѣришь!» гордо сказалъ онъ ей, отвергая обрядъ и «безсрочную любовь» и надѣясь достичь побѣды безъ этой жертвы: а теперь предлагаетъ тотъ же обрядъ! Не предвидѣлъ! Не оцѣнилъ во-время Вѣру, отвергнувъ, гордо ужель... и оцѣнилъ черезъ нѣсколько дней!

«Вотъ что ты сдѣлалъ!» опять стукнулъ молотъ ему въ голову.

«Изъ логики и честности—говорило ему отрезвившееся отъ пьянаго самолюбія сознание — ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобъ укрываться за нихъ съ своей «новой силой», оставивъ безсильную женщину раздѣлываться за свое и за твое увлеченіе, общавъ ей только одно: «уйти, не унося съ собой никакихъ «долговъ», «правиль» и «обязанностей...» оставляя ее нести ихъ одну...»

«Ты не пощадилъ ее «честно», когда она падала въ безсильи, не сладилъ потомъ «логично» съ страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, поддаваясь «нечестно» отвергаемому твоимъ «разумомъ» обряду, и впереди заботливо судилъ—одну разлуку! Манилъ за собой и... договаривался! «Вотъ что ты сдѣлалъ!» стукнулъ молотъ ему въ голову еще разъ.

«Волкомъ» звала она тебя въ глаза шута», стучалъ молотъ дальше: «теперь, не шута, заочно, къ хищничеству волка—въ памяти у ней останется ловкость лисы, злость на все лающей собаки, и не останется никакого слѣда — о человѣкѣ! Она вынесла изъ обрыва — одну казнь, одно неизлечимое терзаніе на всю жизнь:—какъ могла она ослѣпнуть, не угадать тебя давно, увлечься, забыться!... Торжествуй: она никогда не забудетъ тебя!»

Онъ понялъ все: ея лаконическую записку, ея болѣзнь — и появленіе Тушина на днѣ обрыва, вмѣсто ея самой.

Козловъ видѣлъ его и сказалъ Райскому, что теперь онъ идетъ на время въ новгородскую губернію, въ старой теткѣ, а потомъ намѣренъ проситься опять въ юнкера, съ переводомъ въ Кавказъ.

пытному наблюденію, а потомъ, когда Вѣра рассказала ему все, и участію, уваженію, даже удивленію къ нему.

Удивленіе это росло по мѣрѣ того, какъ Райскій пристальнѣе изучалъ личность этого друга Вѣры. И въ этомъ случаѣ фантазія сослужила ему обычную службу, освѣтивъ Тушина ярю, не дѣлая изъ него впрочемъ никакого романтическаго идеала: личность была слишкомъ проста для этого, открыта и не романтическая.

Пробывъ недѣлю у Тушина въ «Дымкѣ», видя его, у него, дома, въ полѣ, въ лѣсу, въ артели; на заводѣ, бесѣдуя съ нимъ по ночамъ до свѣта у камина, въ его кабинетѣ — Райскій позналъ вполне Тушина, многому дивился въ немъ, а еще болѣе дивился глазу и чувству Вѣры, угадавшей эту простую, цѣльную фигуру и давшей ему въ своихъ симпатіяхъ мѣсто рядомъ съ бабушкой и съ сестрой.

Симпатія эта устояла даже въ разгарѣ посторонней страсти, болѣзни-страсти, которая обыкновенно самовластно поглощаетъ всѣ другія пристрастія, и даже привязанности. А въ ней дружба къ Тушину и тогда сохранила свою свѣжесть и силу. Это одно много говорило въ его пользу.

Она инстинктивно чувствовала, что его сила, которую она отличала и полюбила въ немъ — есть общечеловѣческая сила, какъ и любовь ея къ нему была — не исключительное, не узкое пристрастіе, а тоже общечеловѣческое чувство. Не полюбила она его страстью, — т. е. физически: это зависитъ не отъ сознанія, не отъ воли, а отъ какого-то нерва (должно быть самаго глупаго, думалъ Райскій, отправляющаго какую-то низкую функцію, между прочимъ, влюблять), и не какъ друга только любила она его, хотя и называла другомъ, но никакихъ послѣдствій отъ дружбы его для себя не ждала, отвергая, по своей теоріи, всякую корыстную дружбу, а полюбила только какъ «человѣка», и такъ выразила Райскому свое влеченіе къ Тушину въ первомъ свиданіи съ нимъ, т. е. какъ къ «человѣку» вообще.

Райскій повѣрялъ наблюденіемъ надъ нимъ все, что слышалъ отъ Вѣры — и все оправдывалось, подтверждалось — и анализъ Райскаго, такъ услужливо разоблачавшій ему всякія загадочныя, или прикрытыя лоскомъ и краской стороны, долженъ былъ уступить мѣсто естественному влеченію къ этой простой, открытой личности, гдѣ не было почти никакого «лоска» и никакой «краски».

Это былъ чистый самородокъ, какъ слитокъ благороднаго металла, и полюбить его дѣйствительно можно было, кромѣ корыстной или обязательной любви, т. е. какою могли любить его жена, мать, сестра, братъ, — еще какъ человѣка.

Глядя на него, слушая его, видя его дѣятельность, распоряженія по хозяйству, отношенія къ окружающимъ его людямъ, къ приващивамъ, крестьянамъ—ѣо всѣмъ, кто около него былъ, съ кѣмъ онъ соприкасался, съ кѣмъ работалъ. или просто говорилъ, жилъ вмѣстѣ, Райскій удивлялся до наивности какимъ-то, наружно будто противоположностямъ, гармонически уживавшимся въ немъ: мягкости рѣчи, обращенія—съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ, ненарушимой правильности взгляда, строгой справедливости—съ добротой, тонкой, природной, а не выработанной гуманностью, снисхожденіемъ,—далѣе, смѣси какаго-то трогательнаго недоувѣрія къ своимъ личнымъ качествамъ, робкихъ и стыдливыхъ сомнѣній въ себя—съ смѣлостью и настойчивостью въ распоряженіяхъ, работахъ, поступкахъ, дѣлахъ. Въ немъ крылась бессознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности. Онъ какъ будто не зналъ, что дѣлалъ, а выходило какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки подготовленныхъ умовъ, путемъ размышленія, науки, труда.

Райскій вспомнилъ первыя впечатлѣнія, какія произвелъ на него Тушинъ, какъ онъ счелъ его даже немного ограниченнымъ, какимъ сочли бы, можетъ быть, его, при первомъ взглядѣ, и другіе, особенно, такъ-называемые, «умники», требующіе прежде всего внѣшнихъ признаковъ ума, его «лоска», «красокъ», «остріе», обладающіе этимъ сами, не обладая часто тѣмъ существеннымъ матеріаломъ, который долженъ крыться подъ лоскомъ и краской.

Теперь, наблюдая Тушина ближе и совершенно безкорыстно, Райскій рѣшилъ, что эта мнимая «ограниченность» есть не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли, что и то, и другое, и третье слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не свергаетъ, не ослѣпляетъ, а тянетъ къ себѣ медленно, но прочно. Съ умомъ у него дружно шло рядомъ и билось сердце—и все это уходило въ жизнь, въ дѣло, слѣдовательно и воля у него была послушнымъ орудіемъ умственной и нравственной силъ. Жизнь его совершала свой гармоническій ходъ, какъ будто разыгрывалось стройное музыкальное произведеніе, подъ управленіемъ данныхъ ему природою силъ.

Заслуги мучительнаго труда надъ обработкой даннаго ему почти готоваго матеріала—у него не было и нѣтъ: это правд! Онъ не былъ самъ творцомъ своего пути, своей судьбы: емъ какъ планетѣ, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила ее потребнымъ количествомъ тепла свѣта, дала нужныя свойства для этого теченія — и она идетъ неуклонно по начертанному пути. Такъ: но вѣдь не планета а

онъ въ самомъ дѣлѣ — и могъ бы уклониться далеко въ сторону. Стройно дѣйствующій механизмъ природныхъ силъ могъ бы разстроиться — и отъ вѣшнихъ притоковъ разныхъ противныхъ вѣтровъ, толчковъ, остановокъ, и отъ дурной, избалованной воли. А у него этого разлада не было. Внутреннею силою онъ отражалъ вѣшніе враждебные притоки, а свой огонь горѣлъ у него втиснимо, и онъ не уклоняется, не измѣняетъ гармоніи ума съ сердцемъ и съ волей — и совершаетъ свой путь безупречно, все стоитъ на той же высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія, за которую, пожалуй, поставили его природа и судьба, слѣдовательно стоитъ почти бессознательно. Но вѣдь сознательное достиженіе этой высоты — путемъ мукъ, жертвъ, страшнаго труда всей жизни надъ собою — безусловно, безъ помощи постороннихъ, выгодныхъ обстоятельствъ, дается такъ немногимъ, что — можно сказать — почти никому не дается, а между тѣмъ какъ многіе, утомясь, отчаявшись, или наскучивъ битвами жизни, останавливаются на поддорозѣ, сворачиваютъ въ сторону, и наконецъ совсѣмъ теряютъ изъ вида задачу нравственнаго развитія и перестаютъ вѣрить въ нее.

А Тушинъ держится на своей высотѣ и не сходитъ съ нея. Данный ему талантъ — быть человѣкомъ — онъ не закапываетъ, а пускаетъ въ оборотъ, не теряя, а только выигрывая отъ того, что созданъ природою, а не самъ сдѣлалъ себя такимъ, какимъ онъ есть. «Нѣтъ, это не ограниченность въ Тушинѣ, рѣшалъ Райскій: это красота души, ясная, великая! Это — само благодущіе природы, ея лучшія силы, вложенныя прямо въ готовые, прочныя формы. Заслуга человѣка тутъ — почувствовать и удержать въ себѣ эту красоту природной простоты и умѣть достойно носить ее, т. е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею — слѣдовательно, ни больше, ни меньше, какъ имѣть сердце и дорожить этой силой, если не выше силъ ума, то хоть наравнѣ съ нею.

А пока люди стыдятся этой силы, дорожа «змѣиной мудростью» и краснѣя «голубиной простоты», отсылая послѣднюю къ живнымъ натурамъ, пока умственную высоту будутъ предпочитать нравственной, до тѣхъ поръ и достиженіе этой высоты немислимо, слѣдовательно немислимъ и истинный, прочный, человѣческій прогрессъ. Послушать, такъ нужна степень нравственнаго развитія у всѣхъ уже есть, какъ будто каждый уже достигъ его и носить у себя въ карманѣ, какъ табакерку, что это «само собой разумѣется», что объ этомъ и толковать нечего. Всѣ соглашаются, что общество существовать безъ этого не можетъ, что гуманность, честность, справедливость — суть основные законы, и частной, и

общественной жизни, что «честность, честности, честностью» и т. д. «И все ложь!» говорил Райскій. Въ большинствѣ нѣтъ даже и почина нравственнаго развитія, не исключая иногда и высоко-развитые умы, а есть нѣсколько захваченныхъ, какъ будто на дорогу въ обрѣзъ денегъ,—правиль (а не принциповъ) и внѣшнихъ приличій, для руководства, такихъ правилъ, за несоблюденіе которыхъ выводятъ вонъ, или запираютъ куда-нибудь.

У большинства есть *desoquin* принциповъ, а сами принципы шати, и рѣди, и украшаютъ, какъ ордена, только привилегированныя, отдѣльныя личности. «У него есть правила!» отзываются такимъ голосомъ о комъ-нибудь, какъ будто говорятъ: «у него есть пишка на лбу!»

И — пожалуй — засмѣялись бы надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы серьезно настаивать на необходимости развитія и разлитія правилъ въ общественной массѣ, и обращенія ихъ въ принципы,—также настоятельно и неотложно, какъ, на примѣръ, на необходимости неотложнаго построенія желѣзныхъ дорогъ. И тутъ же не простили бы ему малѣйшаго упущенія въ умственномъ развитіи: еслибъ онъ осмѣлился не прочесть послѣдняго французскаго или англійскаго, надѣлавшаго шуму увража, не зналъ бы какой-нибудь новѣйшей политико-экономической аксіомы, послѣдняго фазиса въ политикѣ, или важнаго открытія въ физикѣ!

Умѣнье жить ставятъ въ великую заслугу другъ другу, т. е. умѣнье «казаться», съ правомъ въ дѣйствительности «не быть» тѣмъ, чѣмъ надо быть. А умѣньемъ жить называютъ умѣнье — ладить со всѣми, чтобъ было хорошо и другимъ, и самому себѣ, умѣть таить дурное и выставлять чтò годится — т. е. приводить въ данный моментъ нужныя для этого свойства въ движеніе, какъ трогать клавиши, большею частію — не обладая самой музыкой.

Тушинъ жилъ, не подозрѣвая, что умѣетъ жить, и какъ Мольеровскій *bourgeois-gentilhomme* не подозрѣвалъ, что «говорить прозой», жилъ одинаково, бывало ли ему отъ того хорошо, или не хорошо. Онъ былъ «человѣкъ», какъ коротко и вѣрно опредѣлила его умная и проницательная Вѣра.

Все это думалъ Райскій, ѣдучи съ Тушинымъ въ коляскѣ обратно домой, послѣ шестидневнаго пребыванія въ его лѣсной усадьбѣ. «Тушины — наша истинная «партія дѣйствія», наше прочное «будущее», которое выступитъ въ данный моментъ, особенно, когда все это — оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій — когда все это будетъ *свободно*, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнутъ, уступивъ мѣсто настоящему «дѣлу»; множеству «дѣла» у всѣхъ, — когда съ миражами

вскажутъ и добровольные «мученики», тогда явятся, на смѣну имъ, «работники», «Тушины» на всей лѣстницѣ общества....»

По впечатлительной натурѣ своей, онъ пристрастился къ этой юной, простой, мягкой, и вмѣстѣ сильной личности. Онъ располагалъ пробить въ *Дымкѣ* и долѣе. Ему хотѣлось вникнуть въ урядокъ хозяйственного механизма Тушина. Онъ едва успѣлъ замѣтить только наружный порядокъ, видѣть бросающіеся въ глаза результаты этого хозяйства, не успѣвъ вникнуть въ самый процессъ его отправленія. Въ деревнѣ онъ не замѣтилъ пока обыкновенныхъ и повсюдныхъ явленій: безпорядка, слѣдовъ бѣднago крестьянскаго хозяйства, избъ на курьихъ ножкахъ, кучъ навоза, грязныхъ лужъ, сгнившихъ колодцевъ и мостикововъ, нищихъ, больныхъ, пьяныхъ, никакой распущенности. Когда Райскій выразилъ Тушину удивленіе и удовольствіе, что всѣ строенія глядятъ, какъ новыя, свѣжо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нѣтъ, Тушинъ, въ свою очередь, удивился этому удивленію. «И видно, что вы не деревенскій житель, не хозяинъ, замѣтилъ онъ: лѣсная усадьба и село, а крыши соломенные — это даже невыгодно! Лѣсъ свой: какъ же избамъ разваливаться!» Не-хозяйскій глазъ Райскаго не могъ оцѣнить вполнѣ всей хозяйственности, водворенной въ имѣніи Тушина. Онъ замѣтилъ мимоходомъ, что тамъ было что-то въ родѣ исправительной полиціи для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ, да заведенія въ родѣ банка, больницы, школы. Тушинъ многое ссрадывалъ, собѣщаясь «докучать» гостю своими дѣлами, и спѣшилъ показать ему, какъ артисту, лѣсъ, гордясь имъ, какъ любимымъ дѣломъ.

Видъ лѣса въ самомъ дѣлѣ поразилъ Райскаго. Онъ содержался, какъ паркъ, гдѣ на каждомъ шагу видны слѣды движенія, работы, ухода и науки. Артель смотрѣла какою-то дружиной. Мужики походили сами на хозяевъ, какъ-будто занимались своимъ хозяйствомъ. «Вѣдь они у меня, и свои, и чужіе, на жалованьѣ», отвѣчалъ Тушинъ на вопросъ Райскаго: «отъ чего это?». Пильный заводъ показался Райскому чѣмъ-то небывалымъ, по обширности, почти по роскоши строеній, гдѣ удобство и изящество дѣлали его похожимъ на образцовое англійское заведеніе. Машины изъ блестящей стали и мѣди были въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями. Самъ Тушинъ тамъ показался первымъ работникомъ, когда вошелъ въ свою технику, во всѣ мелочи, подробности, лазилъ въ машину, осматривая ее, трогая рукой колеса. Райскій съ удивленіемъ глядѣлъ, особенно когда они пришли въ контору на заводъ и югда съ полсотни рабочихъ ввалились въ комнату, съ просьбами, объясненіями, обступили Тушина. Онъ, пробившись съ

ними около часа, вдругъ сконфузился, что бросилъ гостя, и вывелъ его изъ толпы, извиняясь за эти дразги, и повезъ показывать красивыя мѣста. Райскій такъ увлекся всей этой новостью дѣла, личностей, этимъ заводомъ, этими массами лѣсного матеріала, отправлявшагося по водамъ до Петербурга и за границу, что рѣшилъ остаться еще недѣлю, чтобы изучить, и смыслъ, и механизмъ этого большого дѣла.

Однако ему не удалось остаться долѣе. Татьяна Марковна вызвала его письмомъ, въ которомъ звала немедленно прїѣхать, написавъ коротко, что «дѣло есть». Тушинъ напросился ѣхать съ нимъ, «проводить его», какъ говорилъ онъ, а въ самомъ дѣлѣ узнать, зачѣмъ вызвала Татьяна Марковна Райскаго: не случилось ли чего-нибудь новаго съ Вѣрой и не нуженъ ли ей онъ опять? Онъ съ тревогой припоминалъ свиданіе свое съ Волоховымъ, и то, какъ тотъ невольно и неохотно далъ отвѣтъ, что уѣдетъ. «Уѣхалъ ли? не написалъ ли опять къ ней? не встревожилъ ли?» мучился Тушинъ, ѣдучи въ городъ.

Райскій, воротаясь домой, прежде всего побѣждалъ къ Вѣрѣ, и, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, яркими красками начертилъ ей портретъ Тушина во весь ростъ и значеніе его въ той сферѣ, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, и вмѣстѣ свое удивленіе и рождающуюся симпатію. Въ этой простой русской, практической натурѣ, исполняющей призваніе хозяина земли и лѣса, перваго, самаго дожаго работника между своими работниками, и вмѣстѣ распорядителя и руководителя ихъ судебъ и благосостоянія, онъ видѣлъ какого-то заволжскаго Роберта Овена! «А ты мнѣ такъ мало говорила о его дѣятельности!...» заключилъ онъ.

Вѣра съ радостью слушала Райскаго; у ней появился даже румянецъ. Самая торопливость его передать ей счастливое впечатлѣніе, какое сдѣлалъ на него «медвѣдь» и его берлога, теплый колоритъ, въ который Райскій окрасилъ фигуру Тушина, осмысливъ его своимъ меткимъ анализомъ, яркая картина быта, хозяйства, правовъ лѣсного угла, всей мѣстности—все это почти увлекло и Вѣру. Она не безъ гордости видѣла въ этомъ очеркѣ Райскаго косвенную похвалу и себѣ, за то, что тонко оцѣнила и умѣла полюбить въ Тушинѣ — правду простой природы.

— Братъ, сказала она, ты рисуешь мнѣ не Ивана Ивановича: я знаю его давно,—а самого себя: лучше всего то, что самъ не подозрѣваешь, что выходитъ недурно и твой собственный портретъ. И меня тутъ же хвалишь, что угадала въ Тушинѣ человѣка! Но это не трудно! Бабушка его тоже понимаетъ и любитъ, и всѣ здѣсь... Она вздохнула, сокрушаясь, какъ жется, про себя, что не любитъ его больше, иначе....

Онъ хотѣлъ сказать что-то въ отвѣтъ, но за нимъ прислала бабушка и немедленно потребовала его къ себѣ.

— Скажи пожалуйста, Вѣра—спохватился вдругъ Райскій—зачѣмъ она вызвала меня?...

— Не знаю: что-то есть. Она мнѣ не говоритъ, а я не спрашиваю, но вижу. Боюсь, не опять ли тамъ что-нибудь!... прибавила Вѣра, внезапно охлаждаясь и переходя отъ дружескаго тона къ своей грустной задумчивости.

Въ то время, какъ Райскій уходилъ отъ нея, Тушинъ прислалъ спросить ее, можетъ ли онъ ее видѣть. Она велѣла просить.

XIX.

Бабушка выслала Пашутку и заперла дверь кабинета, когда пришелъ Райскій. Сама она была очевидно разстроена. Райскій испугался.

— Не случилось ли чего-нибудь неприятнаго, бабушка? спросилъ онъ, садясь противъ нея.

— Что должно было случиться, то и случилось, печально сказала она, глядя въ сторону.

— Скажите скорѣй! Я — какъ на иголкахъ!

— Старый воръ Тычковъ отместилъ намъ съ тобой! Даже и обо мнѣ гдѣ-то у помѣшанной женщины откопалъ исторію.... Да ничего не вышло изъ того.... Люди къ прошлому равнодушны — а я сама одной ногой въ гробу и о себѣ не забочусь. Но Вѣра....

Она вздохнула.

— Что такое?

— Ея исторія перестаетъ быть тайной... Въ городѣ ходятъ слухи.... шептала Татьяна Марковна съ горечью.—Я сначала не поняла, отчего въ воскресенье, въ церкви, вице-губернаторша два раза спросила у меня о Вѣрѣ—здорова ли она—и двѣ барыни сунулись слушать, что я скажу. Я взглянула кругомъ—у всѣхъ на лицахъ одно: <что Вѣра?> Была, говорю, больна, теперь здорова. Пошли разспросы, что съ ней? Каково мнѣ было отдѣлываться, заминать! Всѣ замѣтили....

— Ужели что-нибудь вышло наружу?

— Настоящая бѣда, слава Богу — скрыта. Я вчера черезъ Тита Никонича узнала кое-что. Сплетня попадаетъ не въ того...

Бабушка отвернулась.

— Въ кого же?

— Въ Ивана Ивановича — это хуже всего. Онъ тутъ ни сномъ, ни духомъ не виновать.... Помнишь, въ день рожденія Марейныки — онъ пріѣзжалъ, сидѣлъ тутъ молча, ни съ кѣмъ ни слова не сказалъ, какъ мертвый, и ожилъ, когда повазалась Вѣра? Гости видѣли все это. И безъ того давно не тайна, что онъ любить Вѣру: онъ не мастеръ таиться. А тутъ замѣтили, что онъ ушелъ съ ней въ садъ, потомъ она скрылась къ себѣ, а онъ уѣхалъ.... Знаешь ли, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ?

Райскій сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Знаешь? Ну—вотъ теперь Вѣра да Тушинъ у всѣхъ на языкѣ.

— Какъ же я тутъ попалъ? Вы говорите, что Тычковъ и меня припуталъ?

— А тебя приплела Полина Карповна! Въ тотъ вечеръ, какъ ты гулялъ поздно съ Вѣрой, она пошла искать тебя: ты что-то ей наговорилъ—должно быть на-смѣхъ поднялъ—а она поняла по своему и припутала и тебя! Говорить, что ты влюбленъ былъ въ Вѣру, а она будто отбила, «извлекла» тебя изъ какой-то «пропасти», изъ обрыва, что-ли! Только это и ладить. Что у васъ тамъ такое съ ней было и о чемъ ты секретничалъ съ Вѣрой? Ты, должно быть, зналъ ея тайны и прежде, давно, а отъ бабушки пряталъ «ключи»! Вотъ что и вышло отъ этой вашей «свободы»!

Она вздохнула на всю комнату.

Райскій сжалъ кулаки.

— Мало было этой старой чучелѣ: завтра я ей дамъ такой сеансъ.... сказалъ онъ съ угрозой.

— Нашелъ на комъ спрашивать! На нее нечего пенять: она смѣшна и ей не повѣрили. А тотъ старый сплетникъ узналъ, что Вѣра уходила, въ рожденье Марейныки, съ Тушинымъ въ аллею, долго говорила тамъ, а наканунѣ пропадала до ночи и послѣ слегла, — передѣлалъ рассказъ Полины Карповны по своему. «Не съ Райскимъ, говоритъ, она гуляла ночью и наканунѣ, а съ Тушинымъ!...» Отъ него и пошло по городу! Да еще тамъ пьяная баба про меня наплела.... Тычковъ все развѣдалъ....

Татьяна Марковна потупила взглядъ въ землю: у ней въ лицѣ показалась на минуту краска.

— А, это другое дѣло! серьезно сказалъ Райскій и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.—Вашъ урокъ не подѣйствовал на Тычкова: такъ я повторю его иначе....

— Что ты затѣваешь! Боже тебя сохрани! Лучше не трогай Ты станешь доказывать, что это неправда и, пожалуй, докажешь

Оно и не мудрено: стоитъ только справиться, гдѣ былъ Иванъ Ивановичъ наканунѣ рожденія Марѳиньки: если онъ былъ за Волгой, у себя, тогда люди спросятъ, гдѣ же правда?... съ кѣмъ она въ рождѣ была? Тебя Крицкая видѣла на горѣ одного, а Вѣра была....

Татьяна Марковна опустила голову.

Райскій бросился на кресло.

— Что же дѣлать? сказалъ онъ въ тоскѣ за Вѣру.

— Что Богъ дастъ! въ глубокой печали шептала Татьяна Марковна.—Богъ судитъ людей черезъ людей — и пренебрегать къ судомъ нельзя. Надо смириться! Видно мѣра еще не исполнилась!...

Опять глубокой вздохъ.

Райскій ходилъ по кабинету. Оба молчали, сознавая каждый про себя затруднительное положеніе дѣла. Общество замѣтило только внѣшніе признаки какой-то драмы въ одномъ углу. Отчужденіе Вѣры, постоянное поклоненіе Тушина, независимость ея отъ авторитета бабушки—оно знало все это и привыкло. Но къ этому прибавилось какое-то туманное пятно: суетливость Райскаго около Вѣры замѣчена уже была давно, и даже дошла до слуха Ульяны Андреевны, которая и намекнула ему объ этомъ въ свиданіи. Крицкая тоже замѣтила и, конечно, не была скромна на этотъ счетъ. Почтительное поклоненіе Тушина замѣчали всѣ: и не одна Татьяна Марковна прочила его въ женихи Вѣрѣ. Въ городѣ вообще ожидали двухъ событій: свадьбы Марѳиньки съ Вивентьевымъ, что и сбылось — и въ перспективѣ свадьбы Вѣры съ Тушинымъ. А тутъ вдругъ, противъ ожиданія, произошло что-то непонятное. Вѣра явилась на минуту въ день рожденія сестры, не сказала ни съ кѣмъ почти ни слова и скрылась съ Тушинымъ въ садъ, откуда ушла къ себѣ, а онъ уѣхалъ, не повидавшись съ хозяйвой дома. Отъ Крицкой узнали о продолжительной прогулкѣ Райскаго съ Вѣрой наканунѣ семейнаго праздника. Послѣ этого Вѣра объявлена была больною, заболѣла и сама Татьяна Марковна, домъ былъ на заперти: никого не принимали. Райскій ходилъ, какъ угорѣлый, бѣгая отъ всѣхъ; докторъ неопредѣленно говорили о болѣзни.... О свадьбѣ ни слуху, ни духу. Отъ чего Тушинъ не дѣлаетъ предложенія, или если сдѣлалъ, отъ чего оно не принято? Падало подозрѣніе на Райскаго, что онъ увлекъ Вѣру: тогда — отъ чего онъ не женится на ней? Общественное мнѣніе неумолимо требовало на судъ — кто правъ, кто виноватъ — чтобъ произнести свой приговоръ.

И Татьяна Марковна, и Райскій—чувствовали тяжесть поло-

женія и боялись этого суда—конечно за Вѣру. Вѣра не боялась, да и не знала ничего. Не до того ей было. Ее поглощала своя внутренняя тревога, ея язва—и она всѣ силы свои устремила на ея утоленіе, и пока напрасно.

— Бабушка! вдругъ сказалъ Райскій послѣ долгаго молчанія: прежде всего надо вамъ самимъ все сказать Ивану Ивановичу. Какъ онъ приметъ эту сплетню: онъ ея герой—онъ и судья, какъ рѣшить—такъ и поступите. А его суда не бойтесь: я теперь знаю его—онъ рѣшитъ правильно. Вѣрѣ онъ зла не пожелаетъ: онъ ее любить—я видѣлъ это, хотя мы о ней ни слова не сказали. Онъ мучается ея участью больше, нежели своей. Въ пемъ разыгрывается двойная трагедія. Онъ и сюда пріѣхалъ со мной, потому что разтревожился вашимъ письмомъ ко мнѣ... конечно за нее. А потомъ ужъ я побываю у Полины Карповны, а можетъ быть, увидаюсь и съ Тычовымъ...

— Я не хочу, чтобъ ты видѣлся съ Тычовымъ!

— Бабушка, нельзя оставить!...

— Я не хочу, Борисъ! сказала она такъ рѣшительно и строго, что онъ наклонилъ голову и не возразилъ болѣе ни слова.— Ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Ты сейчасъ придумай, что нужно сдѣлать: да, сказать прежде всего Ивану Ивановичу: а потомъ увидимъ, надо ли тебѣ идти къ Крицвой, чтобы узнать отъ нея объ этихъ слухахъ и дать имъ другой толкъ, или... сказать правду! прибавила она со вздохомъ.— Посмотримъ, какъ приметъ это Иванъ Ивановичъ. Попроси его ко мнѣ, а Вѣрѣ не говори ни слова. Она ничего не знаетъ—и дай Богъ, чтобъ не узнала!

Райскій ушелъ къ Вѣрѣ, а къ Татьянѣ Марковнѣ, на смѣну ему, явился Тушинъ.

XX.

Татьяна Марковна внутренно смутилась, когда Тушинъ переступилъ порогъ ея комнаты. Онъ молча, съ опущенными глазами, поздоровался съ ней, тоже преодолевая свою тревогу—и оба въ первую минуту не глядѣли другъ на друга. Имъ приходилось воснуться взаимной раны, о которой до сихъ поръ не было намека между ними, хотя они взаимно обмѣнивались знаменательными взглядами и понимали другъ друга изъ грустнаго молчанія. Теперь предстояло стать открыто лицомъ къ лицу и говорить.

Оба молчали. Она пока украдкой взглядывала на него и заглаживала перемѣны, какія произошли въ немъ въ эти двѣ-три недѣли: какъ осанка у него стала не такъ горда и бодрѣе, какъ тѣло смотритъ онъ въ иные минуты, какъ стали медленны его движенія. И похудѣлъ онъ, и поблѣднѣлъ.

— Вы отъ Вѣры теперь? спросила она наконецъ. — Какъ вы вышли ее?

— Ничего... она, кажется, здорова... покойна...

Татьяна Марковна вздохнула.

— Какой покой! Ну, пусть ужъ она: а вамъ сколько безпокойства, Иванъ Ивановичъ! тихо проговорила она, стараясь не глядѣть на него.

— Чтó мои безпокойства! Надо успокоить Вѣру Васильевну.

— Богъ не даетъ, не судьба! Только стала оправляться она, и я было отдохнула отъ домашняго горя, пока оно врылось за стѣнами, а теперь перешло и за стѣны...

Тупинъ вдругъ наострилъ уши, какъ будто услышалъ выстрѣлъ.

— Иванъ Ивановичъ, рѣшительно заговорила Татьяна Марковна: по городу сплетня ходитъ. Мы съ Борюшкой погорячились и сорвали маску съ лицемѣра Тычкова: вы знаете. Мнѣ бы и не подъ лѣта, да онъ ужъ очень зазнался. Терпѣнья не было! Теперь онъ срываетъ маску съ насъ...

— Съ насъ? Съ кого—съ насъ?

— Обо мнѣ онъ что-то молоть—его не слушали: я мертвая... а о Вѣрѣ...

— О Вѣрѣ Васильевнѣ? — Тупинъ привсталъ.

— Садитесь, Иванъ Ивановичъ—сказала Татьяна Марковна:— да, о ней. Можетъ быть, такъ и надо... можетъ быть, это—возмездіе. Но тутъ припутали и насъ...

— Меня: рядомъ съ Вѣрой Васильевной?

— Да, Иванъ Ивановичъ—и вотъ гдѣ истинное наказаніе!

— Позвольте же узнать, чтó говорить?

Татьяна Марковна передала ему слухъ.

— Въ городѣ замѣтили, что у меня въ домѣ неладно: видѣли, что вы ходили съ Вѣрой въ саду, уходили въ обрыву, сидѣли тамъ на скамьѣ, горячо говорили и уѣхали, а мы съ ней были больны, никого не принимали... Вотъ откуда вышла сплетня!

Онъ молча слушалъ и хотѣлъ что-то сказать, она остановила его.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ, кончить: это не все. Бо-

рись Павлычъ... вечеромъ, наканунѣ дня рожденія Марейныки... пошелъ искать Вѣру...

Она остановилась.

— Что же дальше? спросилъ Тушинъ нетерпѣливо.

— За нимъ потащила Крицкая: она замѣтила, что Борюшка взволнованъ... У него вырвались какія-то слова о Вѣрочкѣ... Полина Карповна приняла ихъ на свой счетъ. Ей, конечно, не повѣрили—знаютъ ее—и теперь добиваются правды, съ вѣмъ была Вѣра, наканунѣ рожденія, въ рошѣ... Со дня этого проклятаго обрыва поднялась туча и покрыла всѣхъ насъ... и васъ тоже.

— Что же про меня говорятъ?

— Что и въ тотъ вечеръ, наканунѣ, Вѣра была тамъ, въ рошѣ, внизу, съ вѣмъ-то... говорятъ—съ вами.

Она замолчала.

— Что же вамъ угодно, спросилъ онъ покорно, чтобъ я сдѣлалъ?

— Надо сказать, что было: правду. Вамъ теперь, — рѣшительно заключила Татьяна Марковна, — надо прежде всего выгородить себя: вы были чисты всю жизнь, такимъ должны и остаться... А мы съ Вѣрой, послѣ свадьбы Марейныки, тотчасъ уѣдемъ въ Новоселово, ко мнѣ, навсегда... Спѣшите же къ Тычову и скажите, что васъ не было въ городѣ наканунѣ, и слѣдовательно вы и въ обрывѣ быть не могли...

Она замолчала и грустно задумалась. Тушинъ, сидя, согнулся корпусомъ впередъ, и наклонивъ голову, смотрѣлъ себѣ на ноги.

— А еслибъ я не такъ сказалъ?.. вдругъ поднявъ голову, отозвался онъ.

— Какъ знаете, Иванъ Ивановичъ: такъ и рѣшайте. Что другое могли бы вы сказать?

— Я сказалъ бы Тычову, — да не ему: я съ нимъ и говорить не хочу, а другимъ — что я былъ въ городѣ, потому что это — правда: я не за Волгой былъ, я дня два пробылъ у пріятели здѣсь — и сказалъ бы, что я былъ наканунѣ... въ обрывѣ — хоть это и неправда, — съ Вѣрой Васильевной... Прибавилъ бы, что... получилъ отказъ, что это огорчило меня и васъ, такъ какъ вы были — за меня, и что Вѣра Васильевна сама огорчилась, но что дружба наша отъ этого не разстроилась... Пожалуй, можно намекнуть на какую-нибудь отдаленную надежду... обѣщаніе подумать...

— То-есть, сказала Татьяна Марковна задумчиво: сказать, что было сватовство, не сладилось... Да! если вы такъ добры... можно и такъ. Но вѣдь не отстанутъ послѣ, будутъ ждать, спрашивать: скоро ли, когда?.. Обѣщаніе не вѣкъ будетъ обѣщаніемъ...

— Забудутъ, Татьяна Марковна, особенно если вы уйдете, вы говорите... А если не забудутъ... и вы съ Вѣрой Васильев-ной будете все тревожиться... то и принять предложеніе... тихо сказала Тушинъ.

Татьяна Марковна измѣнилась въ лицѣ.

— Иванъ Ивановичъ! сказала она съ упрекомъ: за кого вы насъ считаете съ Вѣрой? Чтобы заставить молчать злые языки, заглушить не сплетню, а горькую правду, — для этого воспользоваться вашей прежней слабостью къ ней и великодушіемъ? И вотомъ, чтобъ всю жизнь — ни вамъ, ни ей, не было покоя! Я не ожидала этого отъ васъ!..

— Напрасно! никакого великодушія тутъ нѣтъ! А я думалъ, когда вы рассказывали эту сплетню, что вы за тѣмъ меня и позвали, чтобъ коротко и ясно сказать: «Иванъ Ивановичъ, и ты тутъ запутанъ: выгороди же и себя, и ее вмѣстѣ!» Вотъ тогда я прямо, какъ Вивентьевъ, назвалъ бы васъ бабушкой и сталъ бы на колѣни передъ вами. Да оно бы такъ и должно быть! сказалъ онъ уныло. — Простите, Татьяна Марковна, а у насъ дѣло обыкновенно начинается съ стараго обычая, съ старыхъ правилъ, да съ справки о томъ, какъ было, да что скажутъ, а собственный умъ и сердце придутъ послѣ. Вотъ, если бы съ нихъ начать, тогда бы у васъ этой печали не было, у меня было бы меньше сѣдыхъ волосъ, а Вѣра Васильевна...

Онъ остановился, какъ будто опомнившись.

— Виноватъ! вдругъ понизивъ тонъ, перешедшій въ робость, сказалъ онъ. — Я взялся не за свое дѣло. Рѣшаю и за Вѣру Васильевну — а вся сила въ ней!

— Вотъ видите, безъ моего «ума и сердца», сами договорились до правды, Иванъ Ивановичъ. Мой «умъ и сердце» говорили давно за васъ, да не судьба! Стало быть, вы изъ жалости взяли бы ее теперь, а она вышла бы за васъ — опять скажу — ради вашего... великодушія... того ли вы хотите? Честно ли и правильно ли это и способны ли мы съ ней на такой поступокъ? Вы знаете насъ...

— И честно, и правильно, если она чувствуетъ ко мнѣ, что говорить. Она любитъ меня, какъ «человѣка», какъ друга: это ея слова, — цѣнить, конечно больше, нежели я стою... Это большое счастье! Это вѣдь значить, что со временемъ... полюбила бы — какъ добраго мужа...

— Иванъ Ивановичъ, вамъ-то что этотъ бракъ принесъ бы... сколько горя!.. Подумайте! Боже мой!

— Я не мѣшаюсь ни въ чьи дѣла, Татьяна Марковна, вижу, что вы убиваетесь горемъ — и не мѣшаю вамъ: зачѣмъ же вы

хотите думать и чувствовать за меня? Позвольте мнѣ самому знать, что мнѣ принесетъ этотъ бракъ! вдругъ сказалъ Тушинъ рѣзко. — Счастье на всю жизнь — вотъ что онъ принесетъ! А я, можетъ быть, проживу еще лѣтъ пятьдесятъ! Если не пятьдесятъ, хоть десять, двадцать лѣтъ счастья!

Онъ почесалъ голову почти съ отчаяніемъ, что эти двѣ женщины не понимаютъ его и не соглашаются отдать ему въ руки то счастье, которое ходитъ около него, ускользаетъ, не дается, и въ которое бы онъ вцѣпился своими медвѣжьими когтями и никогда бы не выпустилъ вонъ. А онѣ не видятъ, не понимаютъ, все еще громоздятъ горы, которыя вдругъ выросли на его дорогѣ и пропали — ихъ нѣтъ больше: онъ одолѣлъ ихъ страшною силою любви и муки! Уже ли даромъ бился онъ въ этой битвѣ и устоялъ на ногахъ, не добывъ погибавшаго счастья! Была одна только неодолимая гора: Вѣра любила другого, надѣялась быть счастлива съ этимъ другимъ; вотъ гдѣ настоящій обрывъ! Теперь надежда ея умерла, умираетъ, по словамъ ея («а она никогда не лжетъ и знаетъ себя», подумалъ онъ) — слѣдовательно ничего нѣтъ больше, никакихъ горъ! А онѣ не понимаютъ, выдумываютъ препятствія! «А ихъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» съ бѣшенствомъ про себя шепталъ Тушинъ — и почти злобно смотрѣлъ на Татьяну Марковну.

— Татьяна Марковна! заговорилъ онъ, вдругъ опять взявъ высокую ноту, горячо и сильно. — Вѣдь если лѣсъ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубаютъ, море переплываютъ, а теперь вонъ прорываютъ и горы насвозь, и все идутъ смѣлые люди впередъ! А здѣсь, ни лѣса, ни моря, ни горъ — ничего нѣтъ: были стѣны и упали, былъ обрывъ и нѣтъ его! Я бросаю мостъ черезъ него и иду, ноги у меня не трясутся... Дайте же мнѣ Вѣру Васильевну, дайте мнѣ ее! почти кричалъ онъ: я перенесу ее черезъ этотъ обрывъ и мостъ — и никакой чортъ не помѣшаетъ моему счастью и ея покою — хоть живи она сто лѣтъ! Она будетъ моей царицей и укроется въ моихъ лѣсахъ, подъ моей защитой, отъ всякихъ грозъ и забудетъ всякіе обрывы, хоть бы ихъ были тысячи!! Что это вы не можете понять меня!!

Онъ всталъ, вдругъ зажалъ глаза платкомъ, и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ.

— Я-то понимаю, Иванъ Ивановичъ, тихо, сквозь слезы, сказала Татьяна Марковна помолчавъ: но дѣло не во мнѣ...

Онъ вдругъ остановился, отеръ глаза, провелъ рукой по своей густой гривѣ и взялъ обѣ руки Татьяны Марковны.

— Простите меня, Татьяна Марковна, я все забываю главное: ни горы, ни лѣса, ни пропасти не мѣшаютъ — есть одно

кредитиве неодолимое: Вѣра Васильевна не хочетъ, стало быть — идти впередъ жизнь счастливѣе, нежели со мной...

Изумленная, тронутая Татьяна Марковна хотѣла что-то возразить, онъ остановилъ ее.

— Виновать опять! сказалъ онъ: я не въ ту силу поворачивать. Оставимъ рѣчь обо мнѣ, я удалился отъ предмета. Вы знали меня, чтобъ сообщить мнѣ о сплетнѣ, и думали, что это обезпечитъ меня — такъ? Успокойтесь же и успокойте Вѣру Васильевну, увезите ее, — да, чтобъ она не слыхала объ этихъ толкахъ! А меня это не обезпечитъ!

Онъ усмѣхнулся.

— Эта нѣжность мнѣ не въ лицу: на сплетню я плюю, а въ городѣ мимоходомъ скажу, какъ мы говорили сейчасъ, что я сватался и получилъ отказъ, что это огорчило васъ, меня, и весь домъ... такъ какъ я давно надѣялся... *Тотъ* уѣзжаетъ завтра или послѣ завтра навсегда (я ужъ справился), — и все забудется. Я и прежде ничего не боялся, а теперь мнѣ нечѣмъ дорожить. Я все равно, что живу, что нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ рѣшено, что Вѣра Васильевна не будетъ никогда моей женой...

— Будетъ вашей женой, Иванъ Ивановичъ, сказала Татьяна Марковна, блѣдная отъ волненія, если... то забудется, отойдетъ... (Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый, отчаянный жестъ)... если этотъ обрывъ вы не считаете бездной... Я поняла теперь только, какъ вы ее любите...

Она еще боялась вѣрить слезамъ, стоявшимъ въ глазахъ Тушина, его этимъ простымъ словамъ, которыя возвращали ей всю будущность, спасали погибавшую судьбу Вѣры.

— «Будетъ?» повторилъ и онъ, подступивъ къ ней широкими шагами, и чувствовалъ, что волосы у него поднимаются на головѣ и дрожь бѣжитъ по тѣлу. — Татьяна Марковна! не маните меня напрасной надеждой: я не мальчикъ! Что я говорю — то вѣрно: но хочу, чтобъ и то, что сказано мнѣ — было вѣрно, чтобы не отняли у меня потомъ! Кто мнѣ поручится, что это будетъ, то Вѣра Васильевна.... когда-нибудь....

— Бабушка поручится: теперь — это все равно, что она сама....

Тушинъ блеснулъ на нее благодарнымъ взглядомъ и взялъ ее руку.

— Но погодите, Иванъ Ивановичъ! торопливо, почти съ испуномъ, прибавила она и отняла руку, вида, какъ Тушинъ вдругъ точно выросъ, помолодѣлъ, сталъ чѣмъ былъ прежде. — Теперь я — ужъ не какъ бабушка, а какъ женщина, скажу: погодите, рано, не до того ей! Она еще убита, дайте ей самой опра-

виться. Не тревожьте, оставьте ее на долго! Она разстроена, не перенесетъ.... Да и не пойметъ васъ, не повѣритъ теперь вамъ, подумаетъ, что вы въ горячѣ, хотите не выпустить ее изъ рукъ, а потомъ одумаетесь. Дайте ей покой. Вы давеча поманили про мой умъ и сердце: вотъ они мнѣ и говорятъ: погоди! Да, я бабушка ей, а не затрону теперь этого дѣла, а вы и подавно.... Помните же, что я вамъ говорю....

— Я буду помнить одно слово: «будетъ», и имъ пока буду жить. Видите ли, Татьяна Марковна, что сдѣлало оно со мной, это ваше слово?....

— Вижу, Иванъ Ивановичъ, и вѣрю, что вы говорите не на вѣтеръ. Отъ того и вырвалось у меня это слово: не принимайте его слишвомъ горячо къ сердцу — я сама боюсь...

— Я буду надѣяться... сказалъ онъ тише и смотрѣлъ на нее молящими глазами. — Ахъ, еслибъ и я, какъ Викентьевъ, могъ когда-нибудь сказать: «бабушка!»

Она сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ ее, и когда онъ вышелъ, она опустилась въ кресло, закрывъ лицо платкомъ.

XXI.

На другой день Райскій утромъ рано предупредилъ Крицкую запиской, что онъ проситъ позволенія придти къ ней въ половинѣ перваго часа и получилъ въ отвѣтъ: «Charmée, j'attends» и т. д. Шторы у ней были опущены, комнаты накурены. Она, въ бѣлой кисейной блузѣ, перехваченной поясомъ, съ широкими кружевными рукавами, съ желтой даліей на груди, слегка подрумяненная, встрѣтила его въ своемъ будуарѣ. Тамъ, у дивана, накрытъ былъ столъ, и рядомъ стояло два прибора.

— Мой прощальный визитъ! сказалъ онъ, кланяясь ей и останавливая на ней сладкій взглядъ.

— Какъ прощальный! съ испугомъ перебила она: я слушать не хочу! Вы идете теперь, когда мы.... Не можетъ быть! Вы пошутили: жестокая шутка! Нѣтъ, нѣтъ, скорѣй засмѣйтесь, возьмите назадъ ужасныя слова....

— Что это у васъ? радостно произнесъ онъ, вдругъ уставивъ глаза на столъ: свѣжая икра!

Она сунула свою руку ему подъ руку и подвела къ столу, на которомъ стоялъ полный, обильный завтракъ. Онъ оглядывалъ одно блюдо за другимъ. Въ двухъ хрустальныхъ тарелкахъ была икра.

— Я знаю, что вы любите.... да, любите...

— Икру? Даже затрясся весь, какъ увидаль! А это что? съ новымъ удовольствіемъ заговорилъ онъ, приподнимая крышки серебряннѣхъ блюдъ, одну за другой. — Какая вы кокетка, Полина Карловна: даже котлетки безъ папильотокъ не можете кушать! Ахъ, и трюфли—*роскошь юныхъ тѣтъ! petits fours, bouchées de dames!* Ахъ! И шампанское во льду! Ахъ! что вы хотите со мной дѣлать? обратился онъ къ ней, потирая отъ удовольствія руки. — Какіе замыслы у васъ?

— Вотъ, вотъ чего я жду: этой улыбки, шутки, смѣха — да! Не поминайте объ отъѣздѣ. Прочь печаль! *Vive l'amour et la joie!*

«Эге! какой «abandon!» — даже страшновато».... подумаль онъ опасливо.

— Садитесь, садемъ рядомъ, сюда! пригласила она, и взявъ его за руку, усадила рядомъ съ собой, шаловливо завѣсивъ его салфеткой, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми и стариками.

Онъ машинально повиновался, съ вождельніемъ поглядывая на икру. Она подвинула ему тарелку, и онъ принялся удовлетворять утренній, свѣжій аппетитъ. Она сама положила ему котлетку и налила шампанскаго въ граненый стаканъ, а себѣ въ бокаль, и кокетливо брала въ ротъ маленькіе кусочки пирожнаго, любуясь имъ.

Послѣ жареной дичи и двухъ стагановъ шампанскаго, при чемъ они чокались, глядя близко другъ другу въ глаза, она — лукаво и вѣжно, онъ — вопросительно, и отчасти боязливо, они наконецъ прервали молчаніе.

— Что вы скажете? спросила, она выразительно, будто ожидая чего-то особеннаго.

— Ахъ, какая икра! Я еще опомниться не могу!

— Вижу.... вижу, сказала она лукаво. — Снимите маску, полноте притворяться...

— Ахъ! вздохнулъ онъ, отпивая изъ стакана.

— *Enfin la glace est rompue!* На чьей сторонѣ побѣда? Кто предвидѣль, кто предсказываль? *A votre santé!*

— *A la vôtre!*

Они чокнулись.

— Помните.... тотъ вечеръ, когда «природа, говорили вы, празднуетъ любовь....»

— Помню! шепнулъ онъ мрачно: онъ рѣшилъ все!...

— Да, не правда ли? я знала! — Могла ли удержать въ своихъ слабыхъ сѣтяхъ бѣдная дѣвочка.... *une nullité, cette pauvre petite fille, qui n'a que sa figure?...* Ни опытности, ни блеска, дивная!...

— Нѣтъ, не могла! Я вырвался....

— И нашли то.... что давно искали: признайтесь!

Онъ медлилъ.

— Buvez—et du courage! — Она придвинула ему стакан
Онъ допилъ его, она сейчасъ наполнила его опять.

— Признайтесь....

— Признаюсь.

— Что тогда случилось тамъ.... въ роцѣ?... Вы были такъ
взволнованы. Скажите.... ударъ?...

— Да, ударъ и.... разочарованіе.

— Могло ли быть иначе: вы—и она, деревенская дѣвочка
Она гордо оправилась, взглянула на себя въ зеркало и в
правила кружево на рукавахъ.

— Что же тамъ было? спросила она, стараясь придать небре
жность тону.

— Это не моя тайна! сказалъ онъ, будто опомнившись.

— Oh, je respecte les secrets de famille.... Пейте же!

Она придвинула стаканъ. Онъ отпилъ глотокъ два.

— Ахъ! вздохнулъ онъ на всю комнату. — Нельзя ли от
крыть форточку.... Мнѣ тяжело, больно!

— Oh, je vous comprends! Она бросилась отворять фо
точку.—Voilà des sels, du vinaigre de toilette....

— Нѣтъ, благодарю! говорилъ онъ, махая платкомъ себѣ
лицо.

— Какъ вы были тогда страшны! Я встати подоспѣ
не правда ли? Можетъ быть, безъ меня вы воротились бы
пропасть, на дно обрыва. Что тамъ было, въ роцѣ?... а?

— Ахъ, не спрашивайте!

— Buvez donc!

Онъ лѣниво отпилъ глотокъ.

— Тамъ, гдѣ я думалъ... говорилъ онъ, будто про себя,
найти счастье... я услышалъ....

— Что? шепотомъ спросила она, притаивъ дыханіе.

— Ахъ! шумно вздохнулъ: онъ отворить бы двери!

— Тамъ былъ.... Тушинъ — да?

Онъ молча вивнулъ головой и выпилъ глотокъ вина.

Злая радость наполнила черты ея лица.

— Dites tout.

— Она гуляла задумчиво одна.... тихо говорилъ онъ, а Г
лина Карповна, играя цѣпочкой его часовъ, подставляла сл
ухо къ его губамъ. — Я шелъ по ея слѣдамъ, хотѣлъ наво
добраться у ней отвѣта... она сошла нѣсколько шаговъ съ
рыва, какъ вдругъ на встрѣчу ей вышелъ....

— Онъ?

— Онъ.

— Я это знала, отъ того и пошла въ садъ... О, я знала, qu'il y a du louche! что же онъ?

— Здравствуйте, говорить, Вѣра Васильевна? здоровы-ли вы?..

— Лицемѣръ! сказала Крицкая.

— Она испугалась...

— Притворно!

— Нѣтъ, испугалась непритворно, а я спрятался — и слушаю. «Откуда вы? спрашиваетъ она: какъ сюда попали?» «Я, говорить, сегодня прѣхалъ на два дня: чтобы завтра, въ день рожденья вашей сестры... Я выбралъ этотъ день...»

— Eh bien?

— Eh bien! «рѣшите, говорить, Вѣра Васильевна: жить мнѣ, или нѣтъ!»

— Ou le sentiment va-t-il se nicher! — въ этомъ дубѣ! замѣтила Полина Карповна.

«Иванъ Ивановичъ!» сказала Вѣра умоляющимъ голосомъ. «Вѣра Васильевна! перебилъ онъ: рѣшите, идти мнѣ завтра къ Татьянѣ Марковнѣ и просить вашей руки, или кинуться въ Волгу...»

— Такъ и сказалъ?

— Какъ напечаталъ!

— Mais il est ridicule! что же она: «ахъ, охъ?!»

— «Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, дайте мнѣ—(это она говоритъ)— самой рѣшить, могу ли я отвѣчать вамъ такимъ же полнымъ, глубокимъ чувствомъ, какое питаете вы ко мнѣ. Дайте полгода, годъ срока, и тогда я скажу — или рѣшительное *нѣтъ*, или *да*, какое...» Ахъ! какая духота у васъ здѣсь! нельзя ли сквозного вѣтра? («не будетъ-ли сочинять? кажется, довольно?») подумалъ Райскій и взглянулъ на Полину Карповну. На лицѣ у ней было полнѣйшее разочарованіе.

— C'est tout? спросила она.

— Oui! сказалъ онъ со свистомъ. — Тушинъ однако не потерять надежду, сказалъ, что на другой день, въ рожденіе Марковнишки, прѣдетъ узнать ея послѣднее слово и пошелъ опять съ обрыва черезъ рощу, а она проводила его... Кажется, на другой день надежды его подогрѣлись, а мои исчезли навсегда...

— И все? А тутъ, Богъ знаетъ, что наговорили... и про нее, и про васъ! Не пощадили даже и Татьяну Марковну, эту почтенную, можно сказать, святую!.. Какіе есть на свѣтѣ ядовитые, гнусные языки!.. Этотъ отвратительный Тычковъ...

— Что такое про бабушку? спросилъ тихо Райскій, въ свою очередь, притаивъ дыханіе и наостривъ ухо.

Онъ слышалъ отъ Вѣры намеки на любовь, слышалъ кое-что отъ Василисы: но у какой женщины не было своего романа? Что могли воскресить изъ праха за сорокъ лѣтъ: какую-нибудь ложь, сплетню? Надо узнать — и такъ или иначе — зажать ротъ Тычову.

— Что такое про бабушку? тихо и вкрадчиво повторилъ онъ.

— Ah, c'est dégoûtant. Никто не вѣритъ, всё смѣются надъ Тычовымъ, что онъ унился разспрашивать помѣшавшуюся отъ пьянства нищую... Я не стану повторять...

— Я васъ прошу... нѣжно шепталъ онъ.

— Вы хотите? шептала и она, склоняясь къ нему: — я все сдѣлаю—все...

— Ну, ну?.. торопилъ онъ.

— Эта баба—вонъ она тутъ на паперти у Успенья всегда стоитъ — рассказывала, что будто Титъ Никоничъ любилъ Татьяну Марковну, а она его...

— Я это знаю, слышалъ... нетерпѣливо перебилъ онъ—тутъ еще бѣды нѣтъ...

— А за нее сватался покойный графъ Сергій Ивановичъ....

— Знаю и это, она не хотѣла— онъ женился на другой, а ей не позволили выйти за Тита Никонича. Вотъ и вся исторія. Ее Василиса знаетъ...

— Mais non! не все тутъ... Конечно, я не вѣрю... это быть не можетъ! Татьяна Марковна!

— Что же пьяная баба еще рассказываетъ? допытывался Райскій.

— Что... въ одну ночь графъ подстерегъ rendez-vous Татьяны Марковны съ Ватутинымъ въ оранжереѣ... Но такое рѣшительное rendez-vous... Нѣтъ, нѣтъ... — Она закатилась смѣхомъ. — Татьяна Марковна! Кто повѣритъ!

Райскій вдругъ сталъ серьезно слушать. У него проснулись какія-то соображенія въ головѣ и захватило духъ отъ этой сплетни.

— Дальше? тихо спросилъ онъ.

— Графъ далъ пощечину Титу Никоничу...

— Это ложь! вскочивъ съ мѣста перебилъ Райскій: — Титъ Никоничъ джентльменъ... Онъ не вынесъ бы этого...

— И я говорю «ложь»! проворно согласилась Крицкая.—Онъ и не вынесъ... продолжала она: онъ сбился съ ногъ графа, душилъ его за горло: схватилъ откуда-то между цвѣтами кривой, садовничій ножъ, и чуть не зарѣзалъ его...

Райскій измѣнился въ лицѣ.—Ну? спросилъ онъ, едва дыша отъ вѣтерпѣнія.

— Татьяна Марковна остановила его за руку: «ты, говорить, дворянинъ, а не разбойникъ — у тебя есть шпага!» и развела къ. Дратся было нельзя, чтобъ не огласить ее. Соперники для другъ другу слово: графъ — молчать обо всемъ, а тотъ — не жеваться... Вотъ отъ чего Татьяна Марковна осталась въ дѣвушкѣ... Не подло ли распускать такую... гнусную клевету!

Райскій отъ волненія вздохнулъ всей грудью.

— Видите, что это... ложь! сказалъ онъ: кто могъ видѣть и слышать ихъ?

— Садовникъ спалъ тамъ гдѣ-то въ углу, и будто все видѣлъ и слышалъ. Онъ молчалъ, боялся, былъ крѣпостной... А эта пьяная баба, его вдова, отъ него слышала — и болтаетъ... Разумѣется, вздоръ—кто повѣритъ! я первая говорю: ложь, ложь! эта святая, почтенная Татьяна Марковна!... Крицкая закатилась опять смѣхомъ и вдругъ сдержалась. — Но что съ вами? Allons donc, oubliez tout! Vive la joie! сказала она. — Что вы нахмурились: перестаньте!

— Я велю еще подать вина!

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь...

— Чего, скажите!.. томно спросила она.

— Дурно сдѣлается: я не привыкъ пить! — сказалъ онъ и всталъ съ мѣста. И она встала.

— Прощайте, навсегда...

— Куда, нѣтъ, нѣтъ!

— Я бѣгу отъ этихъ опасныхъ мѣстъ, отъ обрывовъ, отъ пропастей!... Прощайте, прощайте!...

Онъ схватилъ шляпу и быстро ушелъ. Она осталась, какъ окаменѣлая, потомъ проворно позвонила.

— Коляску мнѣ! сказала она вошедшей дѣвушкѣ: и одѣваться — я ѣду съ визитами!

Райскій вышелъ отъ нея, и все вылетѣло у него изъ головы: осталась — одна «сплетня»! Онъ чувствовалъ въ разсказѣ пьяной бабы — въ этой сплетнѣ — истину...

У него въ рукахъ былъ ключъ отъ прошлаго, отъ всей жизни бабушки.

Ему ясно все: отъ чего она такая? откуда эта нравственная сила, практическая мудрость, знаніе жизни, сердца? отъ чего она такъ скоро овладѣла довѣріемъ Вѣры и успокоила ее, а сама такъ взволновалась? И Вѣра, должно быть — знаетъ все....

Образъ старухи сталъ передъ нимъ во всей полнотѣ.

Думая только дать другое направленіе слухамъ о Вѣрѣ, себѣ и о Тушинѣ, онъ нечаянно наткнулся на забытую, но живую страницу своей фамильной хроники, другую драму, не опасную для ея героевъ—ей минула сорокалѣтняя давность, но глубоко поглотившую его самого.

Онъ понялъ теперь бабушку. Онъ вошелъ къ ней съ замарающимъ отъ волненія сердцемъ, забывъ отдать отчетъ о томъ какъ онъ передалъ Крицкой рассказъ о прогулкѣ Вѣры въ обрывѣ и впился въ нее жадными глазами.

— Боряшка! съ изумленіемъ сказала она, отступая отъ него что это, другъ мой — отъ тебя, какъ изъ бочки, винищемъ ризить...

Она посмотрѣла на него съ минуту пристально, увидѣвъ этотъ его, вонзившійся въ нее, глубоко-выразительный взглядъ сама взглянула—было вопросительно — и вдругъ отвернулась к нему спиной.

Она поняла, что онъ узналъ «сплетню» о ней самой.

XXII.

Наконецъ совершилась и свадьба Марейники съ Вивентывымъ, противъ общаго ожиданія, очень скромно. Приглашено было на нее только высшее общество города и нѣсколько окрестныхъ помѣщиковъ, что однако составило человѣкъ пятьдесятъ. Вѣнчали ихъ въ сельской церкви, послѣ обѣдни въ воскресенье и потомъ гостямъ предложенъ былъ парадный завтракъ, въ большой залѣ стараго дома, которую передъ тѣмъ за недѣлю мыли, чистили, серебри, чтобъ отпировать въ ней въ послѣдній разъ. Ни разливаннаго моря, ни разгоряченныхъ лицъ и развязныхъ языковъ, ни радостныхъ кликовъ не было. Пуще всего разочарована была дворня этой скромностью, хотя люди и успѣли напиться, но не до потери смысла, и по этой причинѣ призналъ свадьбу невеселою.

Барыня обнаружила тутъ свою обычную предусмотрительность, чтобы не перепились ни вучера, ни повара, ни лакеи. Всѣ они были нужны: одни готовить завтракъ, другіе служатъ при столѣ, а третьи—отвезти параднымъ поѣздомъ молодыхъ всю свиту до переправы черезъ рѣку. Передъ тѣмъ тоже была работа не мало. Цѣлую недѣлю возили приданое за Волгу: гардеробъ, вещи, множество цѣнныхъ предметовъ изъ стараго дома—словомъ, цѣлое имущество.

Марейника сіяла какъ херувимъ — красотой, всей прелестью

раздѣвшейся розы, и въ этотъ день явилась въ ней новая черта, новый смыслъ въ лицѣ, новое чувство, выражавшееся въ задумчивой улыбкѣ и въ висѣвшихъ иногда на рѣсницахъ слезахъ. Сознаніе новой жизни, даль будущаго, строгость долга, моментъ торжества и счастья — все придавало лицу и красотѣ ея нѣжную, трогательную тѣнь. Женихъ былъ скромный, почти робокъ: пропала его рѣзвость, умолкли шутки, онъ былъ растроганъ. Бабушка задумчиво-счастлива, Вѣра непроницаема и блѣдна.

Райскій, съ умиленіемъ брата, смотрѣлъ на невѣсту, и когда она вышла изъ своей комнаты, совсѣмъ одѣтая, онъ сначала ахнулъ отъ восторга, потомъ испугался, замѣтивъ въ ея свадебномъ, померанцовомъ букетѣ нѣсколько сухихъ, увядшихъ цвѣтковъ.

— Что это? спросилъ онъ торопливо, самъ уже догадываясь.

— Это изъ Вѣрочкина букета, который она мнѣ подарила въ день моего рожденія, связала она наивно.

Райскій уговорилъ ее вынуть ихъ, и самъ проворно помогъ вытаскивать, сославшись на какую-то, тутъ же изобрѣтенную имъ, дурную примѣту.

Загѣмъ все прошло благополучно, включая и рыданія молодой, которую буквально оторвали отъ груди бабушки — но это были тоже благополучныя рыданія. И сама бабушка едва держала себя. Она была блѣдна: видно было, что ей стоило необычайныхъ усилій устоять на ногахъ, глядя съ берега на уходящую буквально — отъ нея дочь, такъ долго покоившуюся на ея груди, рукахъ и колѣняхъ. Она залилась только слезами дома, когда почувствовала, что объятія ея не опустѣли, что въ нихъ страстно бросилась Вѣра, и что вся ея любовь почти безраздѣльно принадлежитъ этой другой, сознательной, созрѣлой дочери — ставшей такою путемъ горькаго опыта.

Тушинъ не уѣхалъ къ себѣ послѣ свадьбы. Онъ остался у пріятеля въ городѣ. На другой же день онъ явился къ Татьянѣ Марковнѣ съ архитекторомъ. И всякій день они разсматривали планы, потомъ осматривали оба дома, садъ, всѣ службы, совѣщались, чертили, высчитывали, соображая радикальныя передѣлки на будущую весну.

Изъ стараго дома было вынесено все цѣнное, мебель, картины, даже болѣе уцѣлѣвшіе паркеты, и помещено, частью въ новомъ домѣ, частью въ обширныхъ кладовыхъ, и даже на чердакахъ.

Татьяна Марковна съ Вѣрой собирались уѣхать въ Новоселово, чтобы гостить къ Вицентьевымъ. Весну и лѣто приглашалъ ихъ обѣихъ Тушинъ провести у Анны Ивановны, своей сестры, въ

его «Дымкѣ». На это Татьяна Марковна со вздохомъ отвѣчалъ: «не знаю, Иванъ Ивановичъ! Обѣщать навѣрное боюсь, но и отказываю: что Богъ дастъ! Какъ Вѣра!..» Тушинъ все—та на всякій случай, съ тѣмъ же архитекторомъ, немедленно занялся соображеніями объ отдѣлкѣ дома, для приѣма и помѣщенія дорогихъ гостей.

Райскій перешелъ изъ стараго дома опять въ новый, въ сіе комнаты. Козловъ переѣхалъ къ себѣ, съ тѣмъ однако, что послѣ отъѣзда Татьяны Марковны съ Вѣрой, поселиться онъ у нея въ домѣ. Тушинъ звалъ его къ себѣ, просвѣщать свѣтлою волонію, начиная съ него самаго. Козловъ почесалъ голову, и думалъ, и вздохнулъ, глядя—на московскую дорогу. «Послѣ, мой... говорилъ онъ: а теперь я жду...» Онъ не договорилъ задумался. А онъ ждалъ отвѣта на свое письмо къ женѣ. Улья Андреевна недавно написала къ хозяйкѣ квартиры, чтобы прислали... теплый салопъ, оставшійся дома, и дала свой адресъ, а о мужѣ не упомянула. Козловъ самъ отправилъ салопъ и написалъ ей горячее письмо—съ призывомъ, говорилъ о своей дружбѣ, даже о любви... Бѣдный! Отвѣта не было. Онъ началъ по-немногу посѣщать гимназію, но на урокахъ впадалъ въ уныніе, былъ разсѣянъ, не замѣчалъ шутокъ, шалостей своихъ учениковъ, не знавшихъ жалости и пощады къ его горю и видѣвшихъ въ немъ только «смѣшного».

За отсутствіемъ Татьяны Марковны, Тушинъ вызвался бы хозяиномъ Малиновки. Онъ называлъ ее своей зимней квартирой, предполагая ѣздить каждую недѣлю, завѣдывать домомъ деревней и прислугой, изъ которой только Василиса, Егоръ, и варъ и кучеръ уѣзжали съ барыней въ Новоселово. Прочіе оставались на мѣстѣ, на своемъ положеніи. Якову и Савелю поручено было состоять въ распоряженіи Тушина.

Райскій докончилъ портретъ бабушки и Вѣры, а Крицкій на неконченномъ портретѣ, придѣлалъ только желтую дальнюю грудь. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ объявилъ, что ѣдетъ черезъ два дня.

— Егоръ, принеси чемоданъ съ чердака, готовь платье бѣлье: я ѣду.

На этотъ разъ повѣрилъ и Егоръ. Собирая платье, бѣлье и обувь, онъ нашелъ, что три, четыре тонкихъ рубашки уже не очень новы, и потому конфисковалъ ихъ въ свою пользу, также какъ и лишнія, по его мнѣнію, панталоны, жилетъ и пару ботинокъ, съ стоптаннымъ каблучкомъ.

Всѣхъ печальнѣе былъ Титъ Никоничъ. Прежде онъ предлагалъ бы за Татьяной Марковной на край свѣта, но послѣ

«слетни», по крайней мѣрѣ вскорѣ, было бы несовсѣмъ ловко вѣдать съ нею: это могло подтвердить старую исторію, хотя ей, частію не повѣрили, а частію забыли о ней, потому что живыхъ свидѣтелей, кромѣ полупомѣшанной бабы, никого не было. Татьяна Марковна однако разрѣшила ему пріѣхать къ ней на праздникъ Рождества, и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, пожелать, и остаться. Онъ вздохнулъ немного отраднѣе и обрадованнѣе предложенію Тушина погостить до тѣхъ поръ у него.

Слетня о Вѣрѣ вдругъ смолеяла, или перешла опять въ ожиданіе о томъ, что она будетъ объявлена невѣстой Тушина, и котораго все и обрушилось, послѣ завтрака Райскаго у Бриковой, между прочимъ и догадка о ея прогулкѣ съ нимъ на дѣѣ обрыва.

Но ни Тушинъ, ни Вѣра, ни сама Татьяна Марковна, послѣ ея разговора съ первымъ, не обмѣнялись ни однимъ словомъ объ этомъ. Туманное пятно оставалось пятномъ, не только для общества, но для самихъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. для Тушина и бабушки. Какъ ни велика была надежда Татьяны Марковны на дружбу Вѣры къ нему и на свое вліяніе на нее, но втайнѣ у ней возникали нѣкоторыя опасенія. Она рассчитывала на послушаніе Вѣры — это правда, но не на слѣпое повиновеніе своей волѣ. Этого она и не хотѣла и не взялась бы дѣйствовать на волю. Она рассчитывала на покорность самаго сердца: ей казалось невозможнымъ, любя Ивана Ивановича, какъ чужака, какъ друга, не полюбить его какъ мужа, но чтобы полюбить такъ, надо прежде выйти замужъ, т. е. начать прямо съ дѣли. Она угадывала состояніе Вѣры и рѣшала, что теперь рѣшиться, нельзя. Но придетъ ли когда-нибудь пора, что Вѣра усвоится? Она слишеюмъ своеобразна: судить ее по другимъ нельзя. Отъ этого Татьяна Марковна втайнѣ немного боялась и хмурилась, когда до нея доходили слишеюмъ опредѣленные городскіе слухи и предположенія о бракѣ Вѣры съ Тушинымъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Одна Вѣра ничего этого не знала, и подозрѣвала и продолжала видѣть въ Тушинѣ прежняго друга, кѣмъ онъ еще больше съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился во время роста надъ обрывомъ, и мужественно перенесъ свое горе, въ прежнимъ уваженіемъ и симпатіей протянулъ ей руку, показавшись въ одинъ и тотъ же моментъ, и добрымъ, и справедливымъ, и великодушнымъ — по своей природѣ, чего братъ Райскій, болѣе его развитой и образованный, достигалъ такимъ мучительнымъ путемъ.

XXIII.

Наканунъ отъѣзда, въ комнатѣ у Райскаго, развѣшено и разложено было платье, бѣлье, обувь и другія вещи, а столъ загроможденъ былъ портфелями, рисунками, тетрадами, которые онъ готовился взять съ собой. Въ два-три послѣдніе дня передъ отъѣздомъ, онъ собралъ и пересмотрѣлъ опять всѣ свои литературные матеріалы, и между прочимъ отобранные имъ изъ программы романа тѣ листки, гдѣ набросаны были замѣтки о Вѣрѣ!

— Попробую, начну здѣсь, на мѣстѣ дѣйствія! сказалъ онъ себѣ ночью, которую въ послѣдній разъ проводилъ подъ роднымъ кровомъ — и сѣлъ за письменный столъ. — Хоть одну главу напишу! А потомъ, вдалекѣ, когда отодвинусь отъ этихъ лицъ отъ своей страсти, отъ всѣхъ этихъ драмъ и комедій, — картина ихъ видѣе будетъ издалека. Даль одѣнетъ ихъ въ луч поэзи: я буду видѣть одно чистое созданіе творчества, одну свою статую, безъ примѣси реальныхъ мелочей... Попробую!..

Онъ поворотно взялъ чистый листъ бумаги и наверху крупными буквами написалъ:

В Ъ Р А

Романъ...

Онъ остановился надъ вопросомъ: во сколькихъ частяхъ «Одинъ томъ — это не романъ, а повѣсть» думалъ онъ. «Въ двухъ или трехъ: въ трехъ — пожалуй, года три пропишешь! Нѣтъ, довольно двухъ!» И онъ написалъ: «*Романъ въ двухъ частяхъ*».

«Теперь эпитафия: онъ давно готовъ!» шепнулъ онъ и написалъ прямо изъ памяти слѣдующее стихотвореніе Гейне, и под нимъ переводъ, сдѣланный недавно:

Nun ist es Zeit, dass ich mit Verstand
 Mich aller Thorheit entled'ge,
 Ich hab' so lang, als ein Komödiant
 Mit dir gespielt die Komödie.

Die prächt'gen Couliissen, sie waren bemalt
 Im hoch romantischen Stile,
 Mein Rittermantel hat goldig gestrahlt,
 Ich fühlte die feinsten Gefühle.

Und nun ich mich gar stüberlich
Des tollen Tands entled'ge:
Noch immer elend fühle ich mich,
Als spielt' ich noch immer Komödie.

Ach, Gott! im Scherz und unbewusst
Sprach' ich, was ich gefühlet;
Ich hab' mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielt!

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вадоръ!
Пора воротиться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку.

Росписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно;
И мантии блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувство — все было прекрасно!

Теперь же, хоть бросилъ я это тряпье,
Хоть вѣтъ театральнаго хлама, —
Все также болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму.

И что за поддѣльную боль я считалъ,
То боль оказалась живая —
О Боже, я раненый на смерть — играю,
Гладиатора смерть представляю!

Онъ перечиталъ, сильно вздохнулъ и, положивъ локти на столъ, подперъ руками щеки и смотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ съ грустью видѣлъ, что сильно похудѣлъ, что прежнихъ живыхъ красокъ, подвижности въ чертахъ, не было. Слѣды молодости и оживости стерлись до конца. Не даромъ ему обошлись эти полгода. Вонъ и сѣдые волосы сильно серебрятся. Онъ приподнялъ рукой густыя пряди черныхъ волосъ, и тоже не безъ грусти видѣлъ, что они рѣдѣютъ, что ихъ темный колоритъ мѣшается съ бѣлымъ.

«Да: раненый на смерть — играю гладиатора смерть!...» махнулъ онъ со вздохомъ, и взявъ перо, хотѣлъ писать.

Въ это время вошелъ Егоръ спросить, въ которомъ часу будить его. Райскій махнулъ ему рукой, чтобъ оставилъ его, сказавъ, то будить не надо, что онъ встанетъ самъ, а можетъ быть и вовсе не ляжетъ, потому что у него много «дѣла».

Егоръ за ужиномъ пересказалъ это дѣвушкамъ, прибавивъ, то баринъ собирается, должно быть, опять «чудить» ночью, какъ бывало въ началѣ осени.

— Это очень занятно, заключилъ онъ:— жалко, а иной разъ и страшно станеть!

Райскій написалъ подъ эпитафюмъ:

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Потомъ подумалъ, прошелся раза три по комнатамъ и вдругъ сѣлъ и началъ писать.

«Женщины! вами вдохновенъ этотъ трудъ, проворно писалъ онъ: — вамъ и посвящается! Примите его благоселонно. Если его встрѣтитъ вражда, лукавые толки, недоразумѣнія — вы поймете и оцѣните, что водило моими чувствами, моей фантазіей и перомъ! Отдаю, и свое созданіе, и себя самого, подъ вашу могущественную защиту и покровительство! Отъ васъ только и ожидаю.... «наградъ» — написалъ онъ и, зачеркнувъ, поставилъ: «одобренія», опять зачеркнулъ и поставилъ: «снисхожденія».

«Долго ходилъ я, какъ юродивый, между вами, съ Диогеновскимъ фонаремъ, — писалъ онъ дальше — отыскивая въ васъ черты нетлѣнной красоты для своего идеала, для своей статуи! Я одолѣвалъ всѣ преграды, переносилъ всѣ муки (вѣдь непременно будутъ преграды и муки — безъ этого нельзя: *«отъ большаго имати родити чадо, сказано»* — подумалъ онъ) — и все шелъ своимъ путемъ, къ своему созданію. Рядомъ съ красотой — видѣлъ ваши заблужденія, страсти, паденія, падалъ самъ, увлекаясь вами, и вставалъ опять, и все звалъ васъ, на высокую гору, искушая — не дьявольской заманкой, не царствомъ суеты, звалъ именемъ другой силы на путь совершенствованія самихъ себя, а съ собой и насъ: дѣтей, отцовъ, братьевъ, мужей и.... друзей вашихъ!

«Вдохновляясь вашей лучшей красотой, вашей неодолимой силой — женской любовью — я слабой рукой писалъ женщину, съ надеждой, что вы узнаете въ ней хоть блѣдное отраженіе — не однихъ вашихъ взглядовъ, улыбокъ, красоты формъ, граціи, но и вашей души, ума, сердца — всей прелести вашихъ лучшихъ силъ!

«Не манилъ я васъ въ глубокую бездну учености, ни на грубый, не-женскій трудъ, не входилъ съ вами въ споры о правахъ, отдавая вамъ первенство безъ спора. Мы не равны: вы выше насъ, вы сила, мы ваше орудіе. Не отнимайте у насъ, говорилъ я вамъ, ни сохи, ни заступа, ни меча изъ рукъ. Мы взроемъ вамъ землю, украсимъ ее, спустимся въ ея бездны, переплывемъ моря, пересчитаемъ звѣзды, — а вы, рождая насъ, берегите, какъ прови-

дѣніе, наше дѣтство и юность, воспитывайте насъ честными, учите труду, человѣчности, добру, и той любви, какую Творецъ вложилъ въ ваши сердца—и мы твердо вынесемъ битвы жизни и поидемъ за вами вслѣдъ туда, гдѣ все совершенно, гдѣ—вѣчная красота!

«Время сняло съ васъ много оковъ, наложенныхъ лукавой и грубой тиранніей: сниметъ и остальные, дастъ просторъ и свободу вашимъ великимъ, соединеннымъ силамъ ума и сердца — и вы открыто пойдете своимъ путемъ и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляемъ свою!

«Отбросьте же хитрость — это орудіе слабости — и всѣ ея темныя, ползучіе ходы и цѣли»...

Онъ остановился, подумалъ, подумалъ — и зачеркнулъ послѣднія двѣ строки. «Кажется, я грубости началъ говорить!» шепталъ онъ. «А Титъ Никонъ учитъ дѣлать дамамъ только однѣ «пріятности». Послѣ посвященія онъ крупными буквами написалъ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Онъ всталъ и, потирая руки, началъ скоро ходить по комнатѣ, вдумываясь въ первую главу, какъ, съ чего начать, что въ ней сказать.

Подоивъ полчаса, онъ умѣрилъ шагъ—будто боролся мысленно съ трудностями. Шагъ становился все тише, медленнѣе. Наконецъ онъ остановился посреди комнаты, какъ растерянный, точно наткнулся на какой-то камень и почувствовалъ толчокъ.

«Да, шепталъ онъ въ страхѣ: чего добраго: пожалуй, вмѣсто «высокой горы», да вдругъ.... Что это мнѣ пришло въ голову!» Онъ глубоко задумался.

«Ну, какъ я напишу драму Вѣры, да не съумѣю обставить пропастями ея паденіе (думалъ онъ)—а русскія дѣвы примутъ ошибку за образецъ, да какъ козы — одна за другой — пойдутъ сказать съ обрывовъ!.. А обрывовъ много въ русской землѣ! Что скажутъ маменьки и папеньки!...»

Онъ мигнулъ пять постоялъ на мѣстѣ, потомъ вдругъ захохоталъ — и опять сворными шагами заходилъ по комнатѣ.

«Какъ поблѣднѣли бы русскія Вѣры и какъ покраснѣли бы мѣ Мароньки, еслибъ узнали, что я принялъ ихъ.... за козы!

«Не это помѣшаетъ мнѣ писать романъ, сказалъ онъ, вздохнувъ печально, а другое... Напримѣръ... цензура! Да, цензура помѣшаетъ! почти съ радостью произнесъ онъ, какъ будто нашелъ счастливую находку. — А еще что?»

И задумался.... «Кажется, больше ничего: слѣдовательно остается писать...»

Онъ умѣрилъ шагъ, вдумываясь въ ткань романа, въ фабулу въ постановку характера Вѣры, въ психологическую, еще повѣзную задачу... въ обстановку, въ аксесуары;—задумчиво сѣлъ и положилъ руки съ локтями на столъ и на нихъ голову. Потомъ поцарапалъ сухимъ перомъ по бумагѣ, лѣниво обмакнулъ его въ чернила, и еще лѣнивѣе написалъ въ новую строку, послѣ словъ, Глава I:

«Однажды...»

Подумалъ, подумалъ и легъ головой на руки, обдумывая продолженіе: прошло съ четверть часа, глаза у него стали мигать чаще. Его клонилъ сонъ.

Ему показалось неловко дремать сидя, онъ перешелъ на диванъ, положилъ голову на мягкую обивку дивана, а ноги вытянулъ:—«освѣжусь немного, потомъ примусь...» рѣшилъ онъ... и вскорѣ заснулъ. Въ комнатѣ раздавалось ровное, мѣрное храпѣнье.

Когда онъ проснулся, уже разсвѣтало. Онъ вскочилъ и посмотрѣлъ вокругъ удивленными, почти испуганными глазами, какъ будто увидѣлъ въ снѣ что-то новое, неожиданное, точно Америку открылъ.

— И во снѣ статуя! произнесъ онъ: все статуя да статуя! Что это: намеки? указанія?!

Онъ подошелъ къ столу, пристально поглядѣлъ въ листки, въ написанное имъ предисловіе, вздохнулъ, покачалъ головой и погружился въ какое-то, должно быть, тяжелое раздумье. «Что я дѣлаю! Во что трачу время и силы: еще годъ пропалъ! Романъ!» шепталъ онъ съ озлобленіемъ.

Онъ отодвинулъ рукопись въ сторону, живо порылся въ ящикѣ, между письмами, и досталъ оттуда полученное за мѣсяць письмо отъ художника Кирилова, пробѣжалъ его глазами, взялъ листъ почтовой бумаги и сѣлъ за столъ.

«Спѣшу—въ здоровомъ умѣ и твердой памяти—писалъ онъ—увѣдомить васъ перваго, любезный Кириловъ, о новой и неожиданной, только-что открывшейся для меня перспективѣ искусства и дѣятельности... Прежде всего тороплюсь вкнутъ вамъ эти двѣ строки, въ отвѣтъ на ваше письмо, гдѣ вы пишете, что собираетесь въ Италію, въ Римъ,—на случай, если я замедлю въ дорогѣ. Я самъ ѣду въ Петербургъ. Погодите—ради Бога—и я съ вами! Возьмите меня съ собой: пожалуйте слѣпца, безумца, только сегодня прозрѣвшаго, угадавшаго свое призваніе! Долго блуждалъ я въ темнотѣ, и чуть не сдѣлался самоубійцей, т. е. чуть не сгубилъ своего дарованія, ставши на ложный путь!

Вы выходили въ моихъ картинахъ признаки таланта: мнѣ держаться бы кисти, а я бросался къ музыкѣ, и наконецъ бросился къ литературѣ — и буквально разбросался! Затѣялъ писать романъ! И вы, и никто — не остановили меня, не сказали мнѣ, что я — пластинъ, язычникъ, древній грекъ въ искусствѣ! Выдумалъ какую-то «осмысленную и одухотворенную Венеру!» Мое ли дѣло чертить картины: нравовъ, быта, осмысливать и освѣщать основы жизни! Психологія, анализъ!

«Мое дѣло — формы, вѣшная, ударяющая на нервы красота!

«Для романа — нужно... другое, а главное — годы времени! Я не пожалѣлъ бы трудовъ, и на время не поспешилъ бы, если бы былъ увѣренъ, что моя сила — въ перѣ!

«Я сохраню впрочемъ эти листы: можетъ быть... Нѣтъ, не хоту обольщать себя невѣрной надеждой! Творчество мое не ладитъ съ перомъ. Не по натурѣ мнѣ вдумываться въ сложный механизмъ жизни! Я пластинъ, повторяю: мое дѣло только видѣть красоту — и просто душно, «не мудрствуя лукаво», отражать ее въ созданіи...

«Сохраню эти листы затѣмъ развѣ, чтобы когда-нибудь южннать, чему я былъ свидѣтелемъ, какъ жили другіе, какъ жила я самъ, что чувствовалъ (или вѣрнѣе ощущалъ), что пережилъ — и...

«И послѣ моей смерти — другой найдетъ мои бумаги:

«Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду» —

«И — можетъ быть — напишетъ...

«Теперь, хотите ли знать вѣтъ я, что я... Скульпторъ!

«Да, скульпторъ — не ахайте и не бранитесь! Я только сейчасъ убѣдился въ этомъ, долго не понимая намековъ, призывовъ: отъ чего мнѣ и Вѣра, и Софья, и многія, многія — прежде всего явились статуями! Теперь мнѣ ясно!

«Я пластинъ — вы знаете это, вы находите во мнѣ талантъ: стало быть нужно мнѣ только отыскать свое орудіе и приѣмъ! У кого пальцы сложились, какъ орудіе фантазіи, въ приѣмъ для кисти, у кого для струнъ или клавишей, у меня — какъ я теперь догадываюсь — для лѣпки, для рѣзца... Глазъ у меня есть, вкусъ тоже — и *feu sacré* — да? вы этого не отвергаете? Не спорьте же, не послушаю, а лучше спасите меня, увезите съ собой и помогите стать на новый путь, на путь Фидіасовъ, Правителей, Каювы — и еще очень немногихъ!

«Никто не можетъ сказать — что я не буду одинъ изъ этихъ немногихъ... Во мнѣ слишкомъ богата фантазія: искры ея, какъ вы сами говорите, разбросаны въ портретахъ, сверкаютъ даже въ

моихъ скудныхъ музыкальныхъ опытахъ!.. И если не сверянули въ созданіи поэмы, романа, драмы или комедіи, такъ это потому...

Онъ чихнулъ.

«Вотъ, значить — правда!» подумалъ онъ — «что я пластинъ — и только пластинъ: я отрекаюсь отъ музыки — она дала мнѣ въ придачу къ прочему. Я клянусь потраченное на нее и на романъ время и силы. — До свиданія, Кириловъ — не противорѣчьте, убьете меня, если будете разрушать мой новый идеалъ искусства и дѣятельности. Пожалуй, вы поколеблете меня вашими сомнѣніями — и тогда я утону безвозвратно въ волнахъ миражей и неисходной скуки! Если скульптура измѣнитъ мнѣ (Боже сохрани! я не хочу вѣрить: слишкомъ много говорить за), я самъ казню себя, самъ отыщу того, гдѣ бы онъ ни былъ — кто первый усомнился въ успѣхѣ моего романа (это — Маркъ Волоховъ) и торжественно скажу ему: да, ты правъ: я — неудачникъ! А до тѣхъ поръ дайте жить и уповать!»

«Въ Римъ! въ Римъ! — туда, гдѣ искусство — не роскошь, не забава — а трудъ, наслажденіе, сама жизнь! Прощайте! до своего свиданія!»

Онъ съ живостью собралъ всѣ бумаги, кучей, въ беспорядкѣ сунулъ ихъ въ большой старый портфель — сдѣлалъ «ухъ», какъ будто горбатый вдругъ сбросилъ горбъ, и весело потеръ рука объ руку.

XXIV.

На другой день, съ ранняго утра, весь домъ поднялся на ноги — провожать гостя. Приѣхалъ и Тушинъ, приѣхали и молодые Викентьевы. Мароинька была — чудо красоты, нѣги, стыдливости. На каждый взглядъ, на каждый вопросъ, обращенный къ ней, лицо ея вспыхивало и отвѣчало неуловимой, нервной игрой ощущеній, нѣжныхъ тоновъ, оттѣнковъ чуткихъ мыслей — всего, объяснивагося ей въ эту недѣлю смысла новой, полной жизни. Викентьевъ ходилъ за ней, какъ пажъ, глядя ей въ глаза, не нужно ли, не желаетъ ли она чего-нибудь, не безповоитъ ли ее что-нибудь?

Счастье ихъ слишкомъ молодо и эгоистически захватывало все вокругъ. Они никого и ничего почти не замѣчали, кромѣ себя. А вокругъ были грустныя, или задумчивыя лица. Съ полудня наконецъ и молодая чета оглянулась на другихъ и отрезвилась отъ эгоизма. Мароинька хмурилась и все льнула къ брату. За завтракомъ никто ничего не ѣлъ, кромѣ Козлова, который задумчиво и грустно одинъ съѣлъ машинально блюдо маіонеза, вздыхая, глядя куда-то въ неопредѣленное пространство.

Татьяна Марковна пробовала заговаривать объ имѣніи, объ отцѣ, до передачи Райскимъ усадьбы сестрамъ, но онъ взглянулъ на нее такими усталыми глазами, что она отложила счеты и отдала ему только хранившіяся у ней рублей шесть-сотъ его денегъ. Онъ триста рублей при ней же отдалъ Василисѣ и Якову, чтобъ они роздали дворнѣ и поблагодарили ее за «дружбу, бабство и услужливость».

— Много—уродъ! пропьютъ... шептала Татьяна Марковна.

— Пусть ихъ, бабушка: да отпустите ихъ на волю...

— Рада бы: хоть сейчасъ со двора!—Намъ съ Вѣрой теперь вдвоемъ нужно дѣвушку да человѣка: да не пойдутъ! Куда они дѣнутся? Избалованы, вѣкъ — на готовомъ хлѣбѣ!

Послѣ завтрака всѣ окружили Райскаго. Марейнька заливалась слезами: она смочила три-четыре платка. Вѣра оперлась ему рукою на плечо и глядѣла на него съ томной улыбкой, Тушинъ серьезно. У Викентьева лицо дружески улыбалось ему, а по носу въ глазъ катилась слеза «съ вишню», какъ замѣтила Марейнька и стидливо сняла ее своимъ платкомъ.

Бабушка хмурилась, но крѣпилась, боясь расчувствоваться.

— Оставайся съ нами!—говорила она ему съ упрекомъ. —Куда дѣнь: самъ не знаешь...

— Въ Римъ, бабушка...

— За чѣмъ? Папы не видалъ?

— Лѣпить...

— Чтѣ? — Долго бы было объяснять ей новые планы — и онъ только махнулъ рукою.

— Останьтесь, останьтесь! пристала и Марейнька, вцѣпившись ему въ плечо. Вѣра ничего не говорила, зная, что онъ не останется, и думала только, не безъ грусти, узнавъ его характеръ, о томъ, куда онъ теперь дѣнется и куда дѣнетъ свои дѣла, «таланты», которые вѣчно будетъ только чувствовать въ себѣ и не съумѣетъ, ни угадать своего собственнаго таланта, ни остановиться на немъ и приспособить его къ дѣлу. «Братъ! шептала она: если скука опять будетъ одолаживать тебя, заглянешь ли ты сюда, въ этотъ уголокъ, гдѣ тебя теперь понимаютъ и любятъ?..

— Непремѣнно, Вѣра! Сердце мое пріютилось здѣсь: я люблю всѣхъ васъ — вы моя единственная, неизмѣнная семья: другой не будетъ! Бабушка, ты и Марейнька — я унесу васъ вездѣ съ собой — а теперь не держите меня! Фантазія тянетъ меня туда, гдѣ... меня нѣтъ! У меня закипѣло въ головѣ... шептала она ей: черезъ какой-нибудь годъ, я сдѣлаю... твою статую — изъ мрамора...

У ней задрожалъ подбородокъ отъ улыбки.

— А романъ? спросила она.

Онъ махнулъ рукой. — Какъ умру, пусть возится, кто хочетъ, съ моими бумагами: матеріала много... А мнѣ написано на роду создать твой бюстъ...

— Не пройдетъ и года, ты опять влюбишься, и не будешь знать, чью статую лѣпить...

— Можетъ быть, и влюблюсь, но никогда никого не полюблю, кромѣ тебя, и изсѣку изъ мрамора твою статую... Вотъ она, какъ живая передо мной!..

Она все съ улыбкой глядѣла на него.

— Непремѣнно, непремѣнно! горячо увѣрялъ онъ ее.

— Опять ты—«непремѣнно», вмѣшалась Татьяна Марковна: не знаю, что ты тамъ затѣваешь, а если сказалъ «непремѣнно», то ничего и не выйдетъ!

Райскій подошелъ къ Тушину, задумчиво сидѣвшему въ углу, и молча наблюдавшему сцену прощанія.

— Если когда-нибудь исполнится... то, чего мы всѣ желаемъ, Иванъ Ивановичъ... шепнулъ онъ, наклонясь къ нему, и пристально взглянулъ ему въ глаза, Тушинъ понялъ его.

— Всѣ ли, Борисъ Павловичъ? И случится ли это?

— Я вѣрю, что случится: иначе быть не можетъ. Ужъ если бабушка и ея «судьба» захотятъ...

— Надо, чтобъ захотѣла и другая, — моя «судьба»...

— Захочетъ—договорилъ Райскій съ увѣренностью—и если это случится, дайте мнѣ слово, что вы увѣдомите меня по телеграфу, гдѣ бы я ни былъ; я хочу держать вѣнецъ надъ Вѣрой...

— Да, если случится... даю слово...

— А я даю слово прійхать. — Козловъ въ свою очередь отвѣлъ Райскаго въ сторону. Долго шепталъ онъ ему, прося отыскать жену, дать письмо въ ней и адресъ ея, и успокоился, когда Райскій тщательно положилъ письмо въ бумажникъ. «Поговори ей... и напиши мнѣ... съ мольбой заключилъ онъ: а если она соберется... сюда... ты по телеграфу дай мнѣ знать: я бы поѣхалъ до Москвы, на встрѣчу ей...»

Райскій общалъ все и съ тяжелымъ сердцемъ отвернулся отъ него, посовѣтовавъ ему пока отдохнуть, погостить зимніе ваникулы у Тушина.

Тихо вышли всѣ на крыльцо, къ экипажу, въ грустномъ молчаніи. Марейника продолжала плакать. Викентьевъ подалъ ей уже пятый носовой платокъ.

Въ послѣднее мгновеніе, когда Райскій готовился сѣсть, онъ оборотился взглянуть еще разъ на провожавшую его группу. Онъ, Татьяна Марковна, Вѣра и Тушинъ—обмѣнялись взглядомъ—и

въ этомъ взглядѣ, въ одномъ мгновеніи, вдругъ мелькнулъ, какъ будто всѣмъ имъ приснившійся, тяжелый полугодовой сонъ, всѣ жгучіи ими муки... Никто не сказалъ ни слова. Ни Марейнъ, ни мужъ ея, не поняли этого взгляда, — не замѣтила ничего и таившаяся невдалекѣ дворня.

Съ этимъ взглядомъ и съ этимъ сномъ въ головѣ скрылся Райскій у нихъ изъ вида.

XXV.

Въ Петербургѣ онъ прежде всего бросился къ Кирилову: онъ чуть не ощупывалъ его, онъ ли это, тутъ ли, не уѣхалъ ли безъ него, и повторилъ ему свои новыя артистическія упованія на скульптуру. Кириловъ сморщился, такъ что носъ ушелъ совсѣмъ въ бороду — и отвернулся съ неудовольствіемъ.

— Что это за новость! По вашему письму я подумалъ, не рехнулись ли вы? Вѣдь у васъ есть одинъ талантъ: отчего бросились опять въ сторону? Возьмите варадащъ, да опять въ академію — да вотъ купите это. — Онъ показалъ на толстую тетрадь литографированныхъ анатомическихъ рисунковъ. — Выдумали скульптуру! Поздно... Съ чего вы это взяли?...

— Да мнѣ кажется, у меня — вотъ въ пальцахъ (онъ сложилъ пять пальцевъ вмѣстѣ и потиралъ ими) есть именно этотъ приемъ — да лѣпки...

— Когда вздумали! Еслибъ и былъ приемъ, такъ поздно!

— Что за поздно: у меня есть знакомый прапорщикъ — какъ лѣпить!..

— Прапорщикъ — такъ: а вы... съ седыми волосами!

Онъ энергически потрясъ головой. Райскій не сталъ спорить съ нимъ, а пошелъ къ профессору скульптуры, познакомился съ его учениками и недѣли три ходилъ въ мастерскую. Дома у себя онъ натащивалъ глины, накопилъ моделей головъ, рукъ, ногъ, торсовъ, надѣлъ фартукъ и началъ лѣпить съ жаромъ, не спалъ, куда не ходилъ, видаясь только съ профессоромъ скульптуры, съ учениками, ходилъ съ ними въ Исаіевскій Соборъ, замирая отъ удивленія передъ работами Витали, вглядываясь въ приемы, въ детали, въ эту новую сферу новаго искусства. Словомъ, имъ владѣла горячка: онъ ничего не видалъ нигдѣ, кромѣ статуй, не выходилъ изъ Эрмитажа, и все торопилъ Кирилова ѣхать скорѣй въ Италію, въ Римъ.

Онъ не забылъ порученія Козлова и пошелъ отыскивать по адресу его жену, гдѣ-то въ Гороховой, въ *chambres garnies*. Войдя въ корридоръ номера, онъ услышалъ звуки вальса и —

говоръ. Ему послышался голосъ Ульяны Андреевны. Онъ далъ отворившей ему дверь дѣвухѣ свою карточку и письмо отъ Козлова. Немного погодя, дѣвушка воротилась, нѣсколько смущенная, и сказала, что Ульяны Андреевны нѣтъ, что она поѣхала въ Царское Село, къ знакомымъ, а оттуда отправится прямо въ Москву. Райскій вышелъ въ сѣни: на встрѣчу ему попалась женщина и спросила, кого ему надо. Онъ назвалъ жену Козлова. «Онѣ больны, лежатъ въ постели, никого не принимаютъ!» солгала и она.

Райскій ничего не написалъ къ Козлову.

Онъ едва повидался съ Аяновымъ, перетащилъ къ нему вещи съ своей квартиры, а послѣднюю сдалъ. Получивъ отъ опекуна—за заложенную землю—порядочный кушъ денегъ, онъ въ январѣ уѣхалъ съ Кириловымъ, сначала въ Дрезденъ, на поклонъ Сикстинской мадоннѣ, «Ночи» Корреджіо, Тиціану, Поль Веронезу и прочимъ, и прочимъ.

Въ Дрезденѣ онъ съ Кириловымъ всѣ утра проводилъ въ галереѣ—да изрѣдка бывалъ въ театрѣ. Райскій торопился Кирилова ѣхать дальше, въ Голландію, потомъ въ Англію и въ Парижъ. Но Кириловъ уперся и въ Англію не поѣхалъ.

— Зачѣмъ мнѣ въ Англію: я туда не хочу, говорилъ онъ.— Тамъ всѣ чудеса въ частныхъ галереяхъ—туда не пустятъ. А общественная галерея—небогата. Изъ Голландіи вы поѣзжайте одни въ Англію, а я въ Парижъ; въ Лувръ. Тамъ я васъ подожду.

Такъ они и сдѣлали. Впрочемъ и Райскій пробылъ въ Англіи всего двѣ недѣли—и не успѣлъ даже ахнуть отъ изумленія,—подавленный грандіознымъ оборотомъ общественнаго механизма жизни—и поспѣшилъ въ веселый Парижъ. Онъ видѣлъ по утрамъ Лувръ, а вечеромъ мышиную бѣготню, веселые визги, вѣчную оргію, хмѣль крутящейся вихремъ жизни, и унесъ оттуда только чадъ этой оргіи, не давшей уложиться поглубже наскоро захваченнымъ изъ этого омута мыслямъ, наблюденіямъ и впечатлѣніямъ.

Едва первые лучи полуденной весны сверкнули изъ-за Альпъ, оба артиста бросились черезъ Швейцарію въ Италію.

Райскій, живо принимая впечатлѣнія, мѣняя одно на другое, бросааясь отъ искусства къ природѣ, къ новымъ людямъ, новымъ встрѣчамъ—чувствовалъ, что три, самыя глубокія его впечатлѣнія, самыя дорогія воспоминанія, бабушка, Вѣра, Марейнка—сопутствуютъ ему всюду, вторгаются во всякое новое ощущеніе, наполняютъ собой его досуги, что съ ними трема—онъ связанъ и той крѣпкой связью, отъ которой только человѣку и бываетъ хорошо—какъ ни отъ чего не бываетъ, и отъ нея же бываетъ

иногда больно, какъ ни отъ чего, когда судьба неласково дотронется до такой связи.

Эти три фигуры являлись ему, и какъ артисту, всюду. Плеснетъ сѣдой валъ на морѣ, мелькнетъ снѣжная вершина горы въ Альпахъ—ему видится въ нихъ сѣдая голова бабушки. Она выглядывала изъ портретовъ старухъ Веласкеца, Жераръ-Дога, — изъ Вѣры изъ фигуръ Мурильо, Марейнька изъ головокъ Греза, иногда Рафаеля...

На днѣ швейцарскихъ обрывовъ мелькалъ образъ Вѣры, изъ скалами снилась ему его отчаянная борьба съ ней... Далѣе—брошенный букетъ, ея страданіе, искушеніе... все!

Онъ вздрагивалъ и отрезвлялся, потомъ видѣлъ ихъ опять, съ улыбкой и любовью протягивающими руки къ нему.

Три фигуры слѣдовали за нимъ и по ту сторону Альпъ, куда передъ нимъ встали другія три величавыя фигуры: природа, искусство, исторія...

Онъ страстно отдался имъ, испытывая новыя ощущенія, почти болѣзненно потрясавшія его организмъ.

Въ Римѣ, устроивъ съ Кириловымъ мастерскую, онъ дѣлилъ время между музеями, дворцами, руинами, едва чувствуя красоту природы, запирался, работалъ, потомъ терялся въ новой толпѣ, назвавшейся ему какой-то громадной, яркой; подвижной картиной, отражавшей въ себѣ тысячелѣтія—во всемъ блескѣ величія и въ поразительной наготѣ всей мерзости—отжившаго и живущаго человечества.

И вездѣ, среди этой горячей артистической жизни, онъ не вынмалъ своей семьѣ, своей группѣ, не вrostалъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ тамъ. Часто, въ часы досуга отъ работъ и отрезвленія отъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній раздражительныхъ красотъ юга—его тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духомъ окаменѣлыхъ преданій и увести все съ собой туда, въ свою Малиновку...

За нимъ все стояли и горячо звали къ себѣ—его три фигуры: его Вѣра, его Марейнька, бабушка: а за ними стояла, и сильнѣе ихъ влекла его къ себѣ—еще другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка»—Россія.

И. Гончаровъ.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

V*).

Виды Россіи. — Процессъ Понинскаго. — Его побѣгъ. — Конституціонная депутація. — Исканіе финансовыхъ средствъ. — Просьба городовъ ¹⁾).

Уступчивость Екаторины закружила головы полякамъ. Патриоты стали выводить, что Рѣчь-Посполитая достигла такого состоянія, когда можетъ заставитьъ себя уважать. Нѣкоторые разсуждали, что этимъ Польша обязана не Пруссіи: прусское ходайство передъ петербургскимъ дворомъ было слабое; сама Польша, сама своею энергіею, своею блестящею героическою рѣшимостью заставила смириться коварнаго врага, который рылъ подъ нею яму. На самомъ дѣлѣ уступчивость Россіи соединялась съ ея дальновидною политикою. Занятая войною съ Турціею, Россія уступала пока Польшѣ, чтобы избѣгать столкновеній съ европейскими дворами, при увѣренности, что Польша, при всемъ желаніи, не въ силахъ причинить ей зла. Поляки воображали, что ихъ уважаютъ и боятся, а на самомъ дѣлѣ Екаторина разсчитывала тогда уже, что предоставленные самимъ себѣ, поляки будутъ шумѣть, составлять проекты, спорить, ничего не сдѣлаютъ и въ концы концовъ передерутся; какаянибудь-партія непременно

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618 — 694 стр.

¹⁾ См. Истощ., №№ 21, 15, 18, 47. Протоки сейма хран. въ Лиг. Метр.

обратится въ Россіи: тогда можно будетъ вмѣшаться въ ихъ дѣла законнымъ и благовиднымъ образомъ и взять ихъ въ руки такъ крѣпко, какъ они еще не были; противиться же ихъ реформамъ при настоящихъ обстоятельствахъ значило побудить ихъ отдаться преждевременно въ руки прусскаго короля и поставить Россію въ явно враждебныя отношенія къ Пруссіи, а это Россіи было вовсе не встать до окончанія войны.

Продажность государственныхъ людей въ Польшѣ была постояннымъ предметомъ обличенія и смѣлыхъ рѣчей. «Въ Польшѣ—говорилъ посоль Суходольскій—до того вошло въ обычай брать заграничныя пенсіоны, что ихъ помѣщали даже въ завѣщаніяхъ. Да постигнетъ суровое наказаніе тѣхъ, которые говорятъ: «пусть Рѣчь-Посполитая на насъ гнѣвается, а мы будемъ брать гдѣ дадутъ и когда дадутъ». Послѣ такихъ обличительныхъ выходовъ, членовъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ обязывали произнести присягу, что они не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. «Довольно будетъ—сказалъ по этому поводу Пюцкій епископъ Шембець—если они присягнутъ, что не будутъ брать; зачѣмъ же имъ присягать, что не брали? Онъ зналъ, что ныне дозволяли себѣ это прежде.

Тогда, разсердившись на пенсіоны, нагнувшись на Понинскаго, бывшаго маршалкомъ сейма 1772—1775 годовъ. Его обвинили въ томъ, что онъ, въ тѣ времена получая отъ Россіи пенсіонъ, обязался дѣйствовать ко вреду Рѣчи-Посполитой, подъ строгимъ русскаго войска принудилъ избрать себя посломъ противно желанію другихъ пословъ, потомъ заставилъ избрать себя маршалкомъ, превратилъ обыкновенный сеймъ въ конфедераціонный, установилъ конфедераціонныя суды, наполнилъ ихъ своими подручными, принялъ званіе короннаго подскарбія и чрезъ то распорядился казною, и, наконецъ, изъ угожденія иностраннымъ дворамъ, содѣйствовалъ отторженію отъ Польши ея земель. До сихъ поръ Понинскій во время сейма предсѣдательствовалъ въ скарбовой комиссіи, но когда раздалась пламенная рѣчь Суходольскаго и вооружили патріотовъ противъ продажности, вся злоба ихъ излилась на Понинскаго. Гетманъ Браницкій кричалъ противъ него и требовалъ правосудія, хотя самъ получилъ нѣкогда староства за услуги Россіи. Назначили особый сеймовый судъ. Членовъ его выбрали по жребію: жребій палъ между прочимъ на Браницкаго; такимъ образомъ, человѣка, котораго надобно было судить за то же, за что судили Понинскаго, сдѣлали его судьей. Предложили, предавъ суду, арестовать Понинскаго. Послѣднее казалось незаконно, потому что по польскимъ законамъ дворянина нельзя было арестовать, не осудивши. На-

рушеніе закона *Neminem captivabimus* предлагалось въ видѣ исключенія по чрезвычайной важности преступленія. Посолъ Морскій доказывалъ, что этотъ законъ имѣеть цѣлью ограничивать произволъ короля, а сейма не долженъ стѣснять. На это возражали, что въ такомъ случаѣ нужно, чтобъ это произошло путемъ единогласія; говорившіе такъ знали, что это было трудно: за Понинскимъ были голоса на сеймѣ. Тогда враги его и обвинители, Суходольскій и Сухоржевскій объявили, что сами идутъ подъ арестъ и подвергнуть себя наказанію, положенному клеветникамъ, если Понинскій по суду окажется невиновнымъ. Выходка эта понравилась большинству, Понинскаго рѣшили арестовать, но содержать прилично его званію. Это уваженіе къ званію было проводомъ въ тому, что Понинскій содержался въ собственномъ домѣ, обвуженный всѣми удобствами, даже принималъ посѣтителей. Такимъ образомъ онъ сидѣлъ до 2-го іюля, и тогда убѣжалъ. Вотъ какъ это случилось. У изголовья его постели былъ небольшой шкафъ, за которымъ находилась задѣланная дверь, выходившая въ пустую комнату. Понинскій спалъ въ комнатѣ одна, а передъ его спальнею находился караулившій его офицеръ. Слуги отмуровали дверь за шкафомъ, Понинскій сдѣлалъ изъ платковъ, полотенецъ и подушекъ чучело, придавши ему такой видъ, чтобы оно издали казалось закрытымъ человѣческимъ тѣломъ, надѣлъ на него колпакъ, закрылъ одѣяломъ, а самъ исчезъ въ продѣланную дверь. Офицеръ, по имени Напюрковскій, утромъ входилъ къ нему въ комнату осведомиться, спитъ ли онъ, потому что его объ этомъ кто-то спрашивалъ, увидалъ, какъ ему показалось, что Понинскій лежитъ подъ одѣяломъ и отошелъ прочь, но потомъ ему стало странно, что Понинскій такъ долго спитъ; онъ вошелъ снова въ спальню, два или три раза назвалъ его по имени, не получилъ отвѣта, открылъ одѣяло и понялъ, что узникъ ушелъ. Донесли сейму. Арестовали офицера и бывшихъ съ нимъ на караулѣ солдатъ. По приказанію сейма, Войсковая Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана Огинскаго, оповѣстила, что тотъ, кто схватитъ Понинскаго, получитъ награды тысячу червонцевъ.

Понинскій, выскочивъ изъ своего дома, сѣлъ въ наемную карету, которую для него приготовили заранѣе; съ нимъ сѣли его сынъ и дворецкій. Карета пріѣхала въ Прагу; тамъ бѣглець, съ своими товарищами, сѣлъ въ лодку. Лодочника увѣрили, что тотъ, который нанималъ его, хочетъ догнать барку, отправленную въ Гданскъ и непременно долженъ къ слѣдующей ночи достигнуть до Торуня. Это подало лодочнику подозрѣніе; передъ отплытіемъ, онъ сообщилъ о томъ своей женѣ. На другой день, когда по всѣмъ дорогамъ отправили погоню и объявили обѣ-

ваную награду тысячу червонцевъ, жена лодочника сменила, что шутъ того, который нанялъ ее мужа, и объявила объ этомъ. Ежели сорокъ червонцевъ и, такъ какъ жена лодочника объяснила, что бѣглець поплылъ до Торуня, то въ погоню на Торунь отправили капитана Рудницкаго съ командою на почтовыхъ лошадяхъ. Себѣ на бѣду, доплывая до Торуня, Понинскій хотѣлъ закусить, вошелъ въ какую-то хатку и послалъ слугу купить водки и закуски. Рудницкій попалъ на слугу, когда тотъ возвращался съ закускою. Слуга, вѣрный своему пану; сталъ было выдумывать небылицы, но бывшіе тутъ пастухи указали ему на хатку, куда причалила лодка. Рудницкій бросился неожиданно на Понинскаго съ пистолетомъ въ рукѣ. Люди схватили бѣглеца. Рудницкій на почтовыхъ доставилъ Понинскаго въ столицу и, вмѣсто обѣщанныхъ тысячи червонцевъ, просилъ простить офицера Напюрковскаго. Говорили, будто послѣдняго навоили опиумомъ, и оттого онъ заснулъ.

Попытка бѣжать увеличила вину Понинскаго; его засадили въ зданіе казармъ коронной артиллеріи, подъ крѣпкимъ карауломъ; 9-го августа назначили надъ нимъ судную комиссію. Понинскій хотѣлъ запутать въ дѣло другихъ и особенно Браницкаго, который, будучи соучастникомъ въ дѣйствиіи Понинскаго, теперь чернилъ своего пріятеля. Братъ Понинскаго Каллиевъ также явился обвинителемъ своего брата, будто изъ патріотизма; но, кажется, для того, чтобы усложнить дѣло и привлечь къ нему болѣе прикосновенныхъ. Чѣмъ болѣе судная комиссія разбирала подробности, тѣмъ болѣе убѣждалась, что преступленіе Понинскаго раздѣляется многими. Нѣкоторые предлагали покрыть дѣло общею амнистіею; но Станиславъ Потоцкій доказывалъ, что это будетъ примѣромъ безнаказанности важнѣйшаго преступленія — государственной измѣны. Судная комиссія устранила прикосновенныхъ отъ разбирательства дѣла и занялась судомъ исключительно надъ Понинскимъ, не смотря на ропотъ многихъ, которые справедливо указывали на неправильность такой постановки суда. Процессъ затянулся на годъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ сейма 1789 года было назначеніе, 12-го сентября, конституціонной депутаціи, которая имѣла цѣлью составить проектъ уложенія правительства для Польши и представить его сейму. Она состояла изъ одиннадцати членовъ: пять были назначены королемъ¹⁾, а шесть выбраны сеймомъ²⁾.

¹⁾ Маршалъ литовскій Игнатій Потоцкій, каменецкій епископъ Красявскій, генералъ литовскій Огинскій, под-канцлеръ литовскій Хребтовачъ, коронный подскарбій Коссовскій.

²⁾ Послы: холмскій Суходольскій, познанскій Дзялинскій, иновраддавскій Соко-

Во всемъ прочемъ было мало удачи. Поляки скоро сами увидѣли, что написаннаго на бумагѣ стотысячнаго войска нельзя было поставить на ноги; тѣ миллионы, которые казались достаточными для его содержанія, по дальнѣйшемъ соображеніи, едва доставали для шестидесяти тысячъ. Этимъ числомъ сеймъ и принужденъ былъ ограничиться, но и то было трудно поставить. Новые доходы далеко не достигали предполагаемыхъ цифръ и къ концу года, вмѣстѣ со старыми доходами, могли достигнуть только до тридцати восьми миллионѣвъ злотыхъ. На эту сумму можно было содержать только сорокъ четыре тысячи, слѣдовательно менѣе половины того числа, которое предполагалось сначала. Устройство войска зависѣло отъ войсковой комиссіи, которая получала деньги отъ скарбовой и поэтому повсюду безпрестанно входила съ нею въ недоразумѣніе и должна была за разрѣшеніемъ ихъ обращаться къ сейму; это занимало цѣлыя сеймовыя засѣданія: такимъ образомъ, и въ снаряженіи войска происходила остановка и время, драгоценное для сейма, пропадало въ толкахъ о предметахъ второстепеннаго значенія.

Въ октябрѣ доложили сейму, что у солдатъ нѣтъ ни дровъ, ни свѣчъ, а у государства нѣтъ фондовъ для доставленія того въ Каменецкую крѣпость; арестанты буквально умирали отъ голода и отъ болѣзней, вслѣдствіе дурнаго помѣщенія. По такому докладу сеймъ предписалъ немедленно скарбовой комиссіи доставить въ войсковую нужныя средства; но скарбовая комиссія не могла исполнить предписанія по недостатку денегъ. Наборъ войска вербунками представлялъ невыносимую тягость для народа, давалъ поводъ къ буйствамъ и безчинствамъ: вербовщики не смѣли вторгаться въ шляхетскія имѣнія и брать обывательскихъ хлопцевъ, но за то они безъ церемоніи хватали ихъ по дорогамъ и городамъ, куда тѣ прїѣзжали для продажи, или покупки; паны давали своимъ крестьянамъ билеты, по которымъ вербовщики должны были знать, что это люди панскіе и брать ихъ не слѣдуетъ. Но и это не помогало: вербовщики иногда говорили, что не знаютъ панской руки. 12-го октября, Сухоржевскій

ловскій, ливонскій Вейсенгофъ, и браславскіе: Мошенскій и Вавржецкій. Въ постановленіи объ учреженіи этой депутаціи говорится: «Такъ какъ благосостояніе народа и слава его зависятъ отъ прочнаго правленія, а умноженіе войска и увеличеніе доходовъ безъ неизмѣнныхъ уставовъ и раздѣленіе власти магистратуръ и ихъ между собою связи могутъ сдѣлаться тяжелымъ бременемъ и нарушить внутреннее спокойствіе (которое обезпечить имѣемъ цѣлимъ), то мы, король, всегда въ соединеніи съ возлюбленнымъ народомъ, желалъ увѣнчать наши двадцатипятилѣтніе труды для отечества новыми заботами о его счастьи, вмѣстѣ съ конфедерованными чинами называемъ» и пр.

свидѣтельствовавъ, что изъ Великой Польши перешло въ прусскія владѣнія до 7,000 семей. Между тѣмъ, новонабранные рекруты получали дурное содержаніе и разбѣгались, а потомъ безчиствоваали и грабили жителей, сами военнопачальники жаловались, что набравши много рекрутъ не имѣютъ средствъ содержать ихъ и потому, потратившись на вербунку, должны ихъ распускать. Въ ноябрѣ войсковая коммиссія совѣтъ прекратила рекрутровку по малости суммъ посылаемыхъ ей изъ сварбовой коммиссіи. Пинскій посолъ Бутримовичъ замѣтилъ, что рекрутровка не удастся главнымъ образомъ отъ того, что нѣтъ права, какъ паны должны поступать съ подданными и всякій налагаетъ на нихъ что хочетъ, и сколько хочетъ. На это беккій каштелянъ Зелинскій сказалъ: «Я бы стыдился имени поляка, еслибъ не зналъ навѣрное, что въ Польшѣ нѣтъ нигдѣ угнетеній надъ крестьянами и нигдѣ паны не налагаютъ на подданныхъ болѣе того, сколько нужно!» Чрезвычайный налогъ подъ именемъ вѣкового патріотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ и, вмѣсто десяти, платили до трехъ и даже до двухъ процентовъ. Люстрація производилась фальшиво и лѣниво, посланные для собранія свѣдѣній о доходахъ люстраторы или сговаривались съ владѣльцами и получали отъ нихъ явно фальшивыя свѣдѣнія, или же вступали съ ними въ споры; владѣльцы жаловались на люстраторовъ, а люстраторы на владѣльцевъ и нужно было разбирать ихъ; въ такомъ случаѣ владѣльцы, въ ожиданіи рѣшенія спора, ничего не платили. Были староства, о которыхъ всѣ знали, что они даютъ до сорока тысячъ злотыхъ дохода, а старосты показывали только десять и притомъ подъ присягою. Сеймъ назначилъ послѣдній срокъ для собранія вѣкового пожертвованія 15-го декабря, но потомъ долженъ былъ отложить его до неопредѣленнаго времени. Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи-Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сметенъ. Были добровольныя патріотическія пожертвованія отъ дворянъ; такъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга подарилъ казны 156,180 злот., которые ему слѣдовало получить за сдѣланныя издержки по военной части въ качествѣ генерала литовской артиллеріи. Но всѣ такія проблески патріотической щедрости едва могли увеличить доходъ Рѣчи-Посполитой какими-нибудь пятью милліонами, тогда какъ дворянскихъ денегъ уходило за границу ежегодно болѣе ста милліоновъ. Духовные, вмѣсто того, чтобы показать дру-

гимъ примѣры патриотической добродѣтели, отнюдь не отличались ревностью въ пожертвованіямъ въ пользу отечества. Люди проникнутые духомъ тогдашняго либерализма выражались противъ духовенства весьма рѣзко и говорили: «два несчастія удручаютъ нашихъ бѣдныхъ хлопковъ: жидъ въ ворчмѣ и ксендзъ въ востелѣ». Набожные люди старались подмѣчать разные грѣхи за тѣми, которые такъ говорили. Въ то время на сеймѣ отличался нерасположеніемъ къ духовенству сенаторъ Езерскій; его упрекали въ томъ, что онъ былъ когда-то комиссаромъ въ имѣніяхъ бывшаго примаса Подоскаго, обкрадывалъ своего пана и такимъ образомъ нажилъ себѣ состояніе¹⁾. Въ октябрѣ состоялось опредѣленіе о продажѣ оставшихся въ Польшѣ имѣніи тѣхъ духовныхъ, которые сами отошли по первому раздѣлу въ сосѣднія государства, и потому потребовались вѣдомости объ этихъ имѣніяхъ и принадлежащихъ къ нимъ движимыхъ имуществахъ. Постановивъ сдѣлать заемъ, хотѣли налечь на города и на городское сословіе: наложить четыре гроша со ста грошей цѣнности домовъ въ городахъ и по этому поводу обязать хозяевъ домовъ сообщить подъ присягой, что стоила имъ постройка этихъ домовъ. Тогда кто-то замѣтилъ: невозможно, чтобы хозяинъ зналъ и помнилъ сколько стоилъ ему домъ, нужно, чтобы онъ сохранилъ всѣ записки во время постройки. «У меня—сказалъ Ржевускій—домъ въ городѣ, но я никакъ не въ силахъ показать, что онъ мнѣ стоилъ». Варшава предлагала пожертвованія 400,000 злотыхъ, только просила за это нѣкоторыхъ льготъ и выгодъ, и между прочимъ жаловалась на евреевъ и на шляхтичей. Первые сговаривались и устанавливали цѣны, вторые, живя въ городахъ, не несли мѣщанскихъ повинностей, владѣя въ городской чертѣ дворовыми мѣстами, строили на нихъ шинки, пивоварни, винокурни; вели торговлю своими произведеніями и подрывали мѣщанскую промышленность. Тутъ нѣкоторые изъ пословъ, знакомые съ либеральными идеями того времени, стали заступаться за права мѣщанъ и требовали допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ, въ особенности выступалъ защитникомъ мѣщанскихъ правъ Юліанъ Нѣмцевичъ. «Каждый гражданинъ—говорилъ онъ—долженъ участвовать въ платежѣ податей соразмѣрно выгодамъ, какія онъ получаетъ отъ государства, у насъ есть разныя отличія и преимущества для дворянства, а мѣщанамъ заграждена дорога. Съ нихъ собирается подать на войско, но мѣщанинъ не можетъ быть офицеромъ. Будемъ осторожны и

¹⁾ Его упрекали также, что онъ употребилъ свой капиталъ на постройку въ Варшавѣ публичныхъ банъ въ античномъ вкусѣ, куда сходились веселые люди обоого пола.

предусмотрительны; со временемъ мѣщанинъ потребуеъ принадлежати ему права природы, потребуеъ отъ тѣхъ, которые у него ихъ отнимають». Противъ Нѣмцевича и его партіи возсталъ Суходольскій: онъ соглашался допускать мѣщанъ въ службѣ въ приобретію офицерскихъ чиновъ, но вооружался противъ допущенія ихъ въ представительству на сеймѣ. «Я не хочу—говорилъ онъ—чтобы мѣщане были рабами, пусть имѣють свое представительство, но, каково: пусть представляютъ намъ свои жалобы, а чтобы допустить ихъ до чего-нибудь большаго—нужно ихъ сдѣлать прежде шляхтичами. Вспомните упадокъ Даніи съ того времени, какъ города пошли за королемъ — погибла дворянская вольность». Суходольскій требовалъ, чтобы на Варшаву положить 800,000 злотыхъ вмѣсто 400,000, которые она сама предлагала. Епископъ Нарушевичъ замѣчалъ, что Варшава послѣднее время чрезвычайно быстро разрослась и разбогатѣла; если начать обременять ее, то купцы и ремесленники оставятъ свои мѣстности, городское благосостояніе упадетъ, и этотъ упадокъ отразится на доходахъ самой шляхты.

Всего этого было недостаточно для поправленія финансовъ. Волыскій посолъ Сваржинскій представилъ сейму расчетъ, что на войско нужно сорокъ восемь милліоновъ, а доходовъ въ настоящее время можно ожидать не 38 милліоновъ, какъ прежде предполагали, а только 26: 16 съ короны и 10 съ Литвы — недостаеъ 22-хъ милліоновъ. Повысили пошлины съ привозныхъ винъ. Посолъ Мадалинскій подалъ проеъ установить налогъ шкурами убитаго скота. Проеъ этотъ послѣ многихъ преній прошелъ 18-го октября большинствомъ 84 голосовъ противъ 30 при 119 отсутствующихъ. (Послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ половина пословъ мало обращала вниманія на свои обязанности). Но установивши налогъ начали толковать о разныхъ изъятіяхъ отъ этого налога; спорили, не сходились и сами забывали, что всѣ предполагаемыя изъятія вели только къ отягощенію убогихъ людей и къ стѣсненію промысловъ.

Процедура, которая наблюдалась въ веденіи этихъ вопросовъ, безпрестанно возбуждала жалобы и обличенія самихъ этихъ пословъ. Отложивши въ стороны дѣла важныя, общія, тратили время на то, что могло быть предметомъ обсужденія отдѣльныхъ комиссій; такъ, напр., толковали объ устройствѣ войска, и дѣла засѣданія проходили въ преніяхъ о томъ, кого назначить генераломъ или бригадиромъ. Иногда, напр., вдругъ прекращалось важное государственное дѣло и начинались толки по поводу какаго-нибудь староства. «Время проходитъ—говорилъ посолъ Косцязковскій—и въ томъ только наша слава, что мы бол-

таемъ. Пусть каждый справится со своей совѣстью; пусть она ему скажетъ, по какому побужденію онъ болтаетъ и для чего время протягиваетъ. О, еслибы у всѣхъ насъ вдругъ открылись сердца, какими чудовищами мы показали бы другъ другу! Проекты идутъ за проектами, голосованіе за голосованіемъ, и вотъ уже годъ прошелъ, какъ мы здѣсь засѣли и ничего еще не сдѣлали. Волею посоль говоритъ, оттого и пускается свободно въ безбрежное море многословія, болтаетъ часъ, день, на то онъ вольный посоль, вольно ему болтать.» «Если мы подобнымъ образомъ будемъ вести дѣла—сказалъ Северинъ Потоцкій—то всѣ наши надежды должны замѣниться отчаяніемъ». Маршалъ Малаховскій, то и дѣло, закрывалъ засѣданія рѣчью подобнаго содержания, а для эффекта заканчивалъ рѣчь текстомъ изъ Евангелія: «весь день трудились, ничего не поймали». Многие, подобными жалобами на всеобщую болтовню, хотѣли щегольнуть своимъ краснорѣчіемъ. Когда двухнедѣльные толки о шкурахъ на доѣли членамъ, они оставили ихъ и принялись толковать о налогахъ на табакъ, перебѣжали къ вопросу о госпиталяхъ, потомъ толковали о средствахъ вспоможенія безприданному дѣвцамъ а потомъ снова стали толковать о рекрутствѣ и объ устройствѣ войска.

Занятія вопросомъ о войскѣ повлекли къ устройству, въ 1784 году, воеводскихъ порядковыхъ гражданско-военныхъ комиссій изъ выбранныхъ на сеймикахъ членовъ, шестнадцати свѣтскихъ и трехъ духовныхъ, которые должны служить безъ жалованья каждый будній день засѣдать отъ 8 часовъ утра до часу по полудни: ихъ обязанность была наблюдать за состояніемъ войска назначать имъ квартированіе, препровождать и доставлять рекрутъ, ловить дезертировъ, разбирать недоразумѣнія между военными и гражданскими, снаряжать подводы, вести вѣдомость притока и расхода, наблюдать за цѣнами, мѣрами и вѣсами, въ случаѣ неурожая не допускать вывоза хлѣба за границу, наблюдать надъ исправленіемъ путей сообщенія и брать пени за не исправность, охранять торговцевъ отъ притѣсненій, доносить скарбовой комиссіи о состояніи промысловъ, извѣщать о вакантныхъ староствахъ, о пожарахъ, о повыхъ слободахъ и вообще о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, побуждать заводить шлепы для бѣдной шляхты, учреждать госпитали и вообще наблюдать за дѣлами милосердія. На содержаніе комиссій, со всѣхъ платящихъ патриотическое пожертвованіе десятого гроша, шло по одному шелягу. Это былъ опытъ веденія правильной полиціи въ государствѣ. Относительно комплекта войска, остановились въ числѣ шестидесяти пяти тысячъ. Рекрутъ положили поставить с

домовъ, съ обязанностью службы на шесть лѣтъ и съ платежемъ поставщикамъ рекрутскихъ денегъ. Шляхетство старалось, какъ можно болѣе, выгородить свои наслѣдственные имѣнія. Такимъ образомъ, когда въ имѣніяхъ духовныхъ и въ королевщинахъ установили давать одного рекрута съ пятидесяти дымовъ, въ наслѣдственныхъ положено давать одного со ста дымовъ.

По поводу затронутаго вопроса о городахъ, обратилъ на себя вниманіе замѣчательный человѣкъ своего времени, варшавскій президентъ городского совѣта Декертъ. Онъ не хотѣлъ, подобно другимъ, въ своемъ положеніи и съ своимъ богатствомъ, добиваться разными происками шляхетскаго достоинства, какъ дѣлали другіе, хотя это и было ему легко: дочь его была замужемъ и сынъ служилъ офицеромъ въ прусской службѣ. Онъ терпѣ своимъ братьямъ-мѣщанамъ, что слѣдуетъ не поодиночкѣ проскакивать въ шляхетство, а, оставаясь въ мѣщанствѣ, добиваться политическихъ правъ для всего сословія. При помощи пріятеля своего Коллонтая, сносился черезъ агентовъ съ разными городами и убѣдилъ прислать разомъ депутацію въ Варшаву и подать на сеймъ коллективную просьбу отъ всего городского сословія въ Польшѣ. На челѣ этихъ прибывшихъ депутатовъ былъ самъ Декертъ. Мимо канцлера, который издавна владалъ надъ городскими дѣлами въ Польшѣ, 17 декабря 1789, онъ подалъ на сеймъ записку, изложилъ очень обстоятельно исторію городовъ, доказавъ документами, что въ старину мѣщане вравнѣ со шляхтою принимали участіе въ законодательствѣ и избраніи королей, что шляхта могла быть мѣщанами, не теряя шляхетскаго достоинства, какъ сдѣлалось послѣ, что мѣщане имѣли право покупать шляхетскія имѣнія, что въ судѣ они пользовались такими же правами какъ шляхтичи, что однимъ, словомъ, мѣщанство встарину было вполне свободнымъ сословіемъ и теперь просило о возвращеніи древнихъ правъ. Это явленіе поразило, какъ громомъ, консерваторовъ. Болѣе всего озилился на города и въ особенности на Декерта канцлеръ Малаховскій. Поступокъ этотъ онъ считалъ лично для себя обидою; мало того, что Декертъ мимо канцлера подалъ на сеймъ записку, онъ еще въ ней отзывался неблагопріятно о канцлерскихъ судахъ. Притомъ въ просьбѣ былъ намекъ на событія, происходившія во Франціи: «о нашихъ ушей — было сказано — доходятъ слухи объ инородныхъ смутахъ. Невольникъ разрываетъ свои цѣпи, когда властвующій надъ нимъ попираетъ права человѣка и гражданина. Но мы хотимъ оставаться въ вѣрности Рѣчи-Посполитой и вдохновляемне этимъ желаніемъ, будемъ соразмѣрять съ нимъ наши поступки». — На сеймѣ стали толковать эти слова какъ угрозу,

понимали, что авторъ просьбы хочетъ испугать сеймъ опасеніемъ, чтобы и польскіе мѣщане въ случаѣ отказа не надѣлали тогда что произошло во Франціи. Даже наружность, съ какою явились мѣщанскіе депутаты на сеймъ, перетолковали въ другую сторону. Сообразно древнему обычаю, представители городовъ были въ черной нѣмецкой одеждѣ и при оружіи. «Что значитъ этотъ черный нарядъ — говорили тогда на сеймѣ. Этимъ они хотятъ дать намъ понять, что если мы не удовлетворимъ ихъ просьбы то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія». Консерваторы и только не хотѣли дать мѣщанамъ такихъ правъ, какихъ послѣдствіе домогались, но даже не позволяли имъ чинить у себя раскладку налоговъ, изъ опасенія, что мѣщане станутъ отягощать шляхетскіе дома, построенныя въ городахъ. Одинъ только польскій городъ не пошелъ по призыву Деверта, это былъ Краковъ; онъ подалъ особую отъ себя записку совсѣмъ въ другомъ духѣ; не добивался равенства со шляхтою, а просилъ только мѣстныхъ льготъ; самая записка была подана не прямо на сеймъ, а канцлеру. Консерваторы, по наущенію канцлера, домогались, чтобы записка Кракова была прочитана на сеймѣ, а коллективная записка Варшавы и другихъ городовъ отослана къ канцлеру. «Поступить такъ — говорилъ Станиславъ Потоцкій — значитъ дать предпочтеніе средневѣковымъ привилегіямъ передъ требованіями вѣка. Я хвалю Краковъ за его вѣрность, но люблю болѣе его челоувѣчество; хвалю Краковъ, но зачѣмъ же бросать подозрѣніи на другіе города? У Кракова есть свои привилегіи; но и у другихъ городовъ есть свои. Я не изъявляю желанія допускать мѣщанъ къ участию въ законодательствѣ и къ равенству со шляхтою, но требую законнаго, чтобы просьба городовъ была передана въ конституціонную депутацію, а не канцлеру». За города говорил брестскій посолъ Матушевичъ и другіе послы прогрессисты. Іоакимъ Хребтовичъ, указавъ на связь между интересами шляхетства и благосостояніемъ городовъ, далъ дѣлу такой оборотъ: «старые короли наши давали привилегіи городамъ по одиночкѣ — и они процвѣтали. Сдѣлаемъ для всѣхъ городовъ разомъ то, что дѣлали эти короли, и вы увидите, какъ города разольютъ богатство во всеміраѣ.» Самъ король былъ за города. Консерваторы, чтобы заглушить дѣло, начали подавать разомъ множество проектовъ: одинъ совался съ проектомъ комиссаріата, другіе съ производствами въ чины, и, такимъ образомъ, старались оттѣснить городской вопросъ. Ограничились тѣмъ, что 19 декабря назначили депутацію для разсмотрѣнія всѣхъ актовъ и привилегій городовъ. Эти депутаціи были подъ предсѣдательствомъ канцлера. Это значило — отложить дѣло въ дальній ящикъ.

VI 1).

Маркизь Люккесини.—Первыя основы будущей конституціи.

Выступилъ на сцену человекъ, игравшій одну изъ главныхъ ролей въ польской трагедіи: это былъ маркизь Джероламо Люккесини, прусскій посланникъ въ Варшавѣ, замѣстившій въ 1789 году отозваннаго Бухгольца. Этотъ итальянецъ началъ свою карьеру при Фридрихѣ II его домашнимъ бібліотекаремъ, скоро обратилъ вниманіе короля своими дарованіями и свѣдѣніями и сдѣланъ камергеромъ. Его таланты открыли ему путь къ дипломатическому поприщу. Трудно было найти другую личность, которая въ такой степени могла обворожить поляковъ и овладѣть ихъ умами. Это былъ человекъ столько же глубокой, сколько остроумной, разносторонне образованный, привлекательный въ приемахъ, любезный въ обращеніи, вѣрачивый и вмѣстѣ скрытный, умѣвшій кончать съ перваго разу людей, замѣчать ихъ слабыя стороны и направлять къ своимъ видамъ, лгать и обманывать съ видимымъ почетомъ истины и простодушія, и неуклонно стремившійся всѣми возможными путями къ заданной цѣли. Это былъ дипломатъ по идеалу Макіавели: особенно онъ кажется такимъ въ сношеніяхъ съ легковѣрнымъ польскимъ обществомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ членамъ сейма и всѣмъ умѣлъ понравиться, а некоторыхъ съ перваго разу приковалъ къ себѣ. Вся прусская партія прильнула къ нему. Онъ увѣрялъ поляковъ въ добромъ расположеніи прусскаго короля, доказывалъ, что польза Пруссіи требуетъ возрожденія Польши, побуждалъ скорѣе вести и кончать дѣло реформы, но въ то же время заявлялъ, что Пруссія воздерживается отъ всякаго прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Этимъ замѣчаніемъ онъ еще болѣе располагалъ поляковъ къ себѣ, потому что льстилъ ихъ самолюбію. Онъ показывалъ себя отъявленнымъ врагомъ Россіи, говорилъ, что москали извѣстные враги полякамъ, а Пруссія ихъ вѣрная и неизмѣнная союзница. Пруссію побуждаетъ желать устройства Польши то, что она надѣется вести съ нею выгодную торговлю; какъ только Польша достигнетъ цвѣтущаго состоянія, то будетъ доставлять Пруссіи тѣ произведенія, какія теперь доставляетъ Россіи, слѣдовательно Польша обогатѣетъ и подымется, а Россія упадетъ. Поэтому Пруссія желаетъ прежде всего заключить съ Польшею торговый договоръ и предоставить ей значительныя

1) См. Источ. МѢ I. 21, 4—8, 18, 26, 47, 78, 110, 104. Протоц. сейма, хранящ. в Инт. Метричѣ.

торговля выгоды; за это Польша должна уступить Пруссіи два города: Гданскъ и Торунь. Уступка эта не будетъ потерей для Польши, а напротивъ выиграемъ: теперь Пруссія беретъ огромныя пошлины съ польской торговли, а тогда сложить ихъ. Такова была теорія соглашенія съ Пруссіей, которая должна была предшествовать тѣснѣйшему политическому союзу. Любкезини объявлялъ полякамъ, что берлинскій дворъ не прежде войдетъ съ Рѣчью-Посполитой въ тѣсный союзъ, какъ тогда, когда Польша установитъ у себя новое законодательство на твердыхъ началахъ и прочный порядокъ: Пруссія должна знать, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло и въ какой степени Польша можетъ оградить себя отъ Россіи на будущее время. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, переговариваясь съ Любкезини, настаивалъ, напротивъ, чтобъ скорѣе былъ заключенъ политическій договоръ съ Пруссіей, и тогда дѣло внутренней реформы пойдетъ скорѣе. Другіе члены прусской партіи представляли Любкезини, что республиканское правленіе было до сихъ поръ источникомъ злыхъ, и что ихъ мнѣніе—передѣлать Польшу въ конституціонную монархію съ наследственнымъ правленіемъ. Они дѣлали предложеніе вручить по смерти Станислава-Августа саксонскому князю-избирателю Любкезини говорилъ, что его король оправдываетъ выборъ саксонскаго князя-избирателя; что же касается до наследственности правленія, то въ этомъ прусскій король не станетъ препятствовать, но впередъ обращаетъ вниманіе на то, что такая перемена возбудитъ противъ Польши императорскіе дворы и въ самой странѣ произведетъ усобицы, потому что много есть нежелающихъ измѣнить древнее правленіе. Это, однако, говорилось только въ видѣ совѣта: поляки имѣютъ полное право дѣлать какія угодно измѣненія; нужно только поскорѣе установить новый внутренній порядокъ. Англійскій министръ Гэльсъ также вмѣстѣ съ Любкезини подстрекалъ поляковъ къ дѣятельности, возбуждалъ противъ Россіи и совѣтовалъ скорѣе сдѣлать коренной переворотъ въ правленіи. Подъ вліяніемъ этихъ подстрекательствъ конституціонная депутація принялась дѣятельнѣе работать надъ проектомъ. Въ ней, кромѣ упомянутыхъ выше одиннадцати членовъ, заправлялъ работами Коллонтай, котораго Игнатій Потоцкій пригласилъ въ депутацію.

Десятаго декабря 1789 года Игнатій Потоцкій произнесъ въ сеймѣ вступительную рѣчь, извѣстивъ объ окончаніи работъ депутаціи. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ прусскому королю и возвѣщалъ, что новый порядокъ устанавливается подъ его покровительствомъ и вліяніемъ. «По волѣ Провидѣнія—говорилъ онъ—могучій сосѣдъ подаетъ намъ помощь въ эпоху потрясенія нашего законодательства, побуждаетъ насъ укрѣпить

наше бѣтіе національной конституціей. Онъ намъ не говоритъ: я вамъ помогу составить законы и предложу ихъ вамъ, мои министры будутъ вліять на васъ. Нѣтъ. Онъ намъ говоритъ: вы видите у меня порядокъ и крѣпость; желаніе мое таково, чтобы и у васъ было то же. Одни вы можете устроить свое дѣло, а мнѣ надлежитъ смотрѣть, будетъ ли оно прочно.» Составители проекта не смѣли официально внести въ него мысли о престолонаслѣдіи; тѣмъ болѣе, что и въ самой депутаціи были люди несогласные на такую важную государственную перемѣну. Но прежде подачи проекта на сеймъ уже знали, что въ депутаціи были хотѣвшіе наслѣдственности престола и потому заранѣе получили предубѣжденіе противъ того, что подастъ эта депутація. Хотѣли подъ разными предлогами отложить чтеніе проекта, въ особенности потому, что много членовъ сейма разбѣхались; но настойчивость прусскаго посланника подвигала членовъ къ дѣлу. Боявшіеся монархизма Люквезини увѣрялъ, что прусскій король ни въ какомъ случаѣ не допуститъ до этого и доказывалъ, что и безъ монархизма можетъ состояться новая конституція, которая дастъ Польшѣ крѣпость и силу; онъ обѣщалъ союзъ и дружбу Пруссіи, съ условіемъ коренной перемѣны въ правленіи Польши и установленія въ ней прочнаго порядка.

16-го декабря 1789 года проектъ былъ прочитанъ. Онъ заключалъ восемь пунктовъ. Въ первомъ въ общихъ чертахъ излагались главные права націи, которыя состояли въ слѣдующемъ: а) сочинять законы и подчиняться только тѣмъ изъ нихъ, которыя установитъ сама Рѣчь-Посполитая; б) заключать съ иностранными державами договоры и вести войны; в) разбирать дѣйствія исполнительныхъ властей; д) избирать короля, и непременно римско-католической религіи; е) избирать лица въ тѣ общественныя должности, которыя признавались и впередъ будутъ признаваться избирательными. Во второмъ пунктѣ говорится о томъ, что нація свои права и власть выражаетъ сеймиками, на которыхъ лица шляхетскаго происхожденія, владѣющія имѣніями и ихъ взрослые сыновья, избираютъ пословъ на сеймъ и даютъ имъ инструкціи и желанія (desideria) относительно своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Въ третьемъ говорится: чтобъ власть Рѣчи-Посполитой могла всегда наблюдать и дѣйствовать, сеймъ долженъ быть составленъ на двухлѣтній срокъ, а именно: по истеченіи срока, назначеннаго для ординарной сеймовой дѣятельности, послы возвращаются домой и на реляціонныхъ сеймикахъ даютъ отчетъ о своей дѣятельности; эти послы на такихъ сеймикахъ или могутъ быть утверждены въ своемъ званіи на дальнѣйшее время, или перемѣнены другими, такъ что во всякомъ случаѣ въ государствѣ остается постоянно «готовый» сеймъ, съ

верховною законодательною и учредительною властью и можетъ быть созванъ, но только въ крайнихъ нуждахъ и обстоятельствахъ Рѣчи-Посполитой, а именно: а) въ обстоятельствахъ не терпящихъ отлагательства, касающихся народныхъ правъ, особенно по поводу происходящей по сосѣдству съ Польшею войны; б) по поводу внутреннихъ безпорядковъ и столеновѣй между магистратурами; с) въ случаѣ опасности голода; d) въ случаѣ смерти короля или опасной его болѣзни и, въ первомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто конвокаціонныхъ сеймовъ безъ законодательной власти, не вдаваясь въ права, принадлежащая элекціоннымъ сеймамъ. Приговоры этого сейма не входятъ въ кодексъ законовъ и обязательны только до тѣхъ поръ, пока слѣдующій сеймъ ихъ не уничтожить. Въ четвертомъ и пятомъ говорится о способѣ голосованія: въ предметахъ, касающихся коренныхъ правъ необходимо единогласіе, въ предметахъ касающихся договоровъ о мирѣ и войнѣ—три части голосовъ, а при выборѣ въ должности и проч. будутъ руководствоваться правилами, которыя укажутся въ будущей конституціи. Въ шестомъ и седьмомъ говорится о верховныхъ магистратурахъ; судопроизводство поручается трибуналу и судамъ, а верховная исполнительная власть королю и учреждаемому при немъ совѣту, подъ названіемъ «стражи», котораго члены не входятъ въ составъ сейма; верховный судъ надъ ними, какъ и вообще надъ государственными преступленіями принадлежитъ сеймовому суду; наконецъ было сказано, что впредь никакимъ образомъ не допускаются конфедераціи.

Этотъ проектъ, составленный, какъ ясно видно, по указанію писемъ Коллонтая къ Малаховскому, не измѣнялъ, какъ нѣкоторые боялись, существеннаго содержанія республиканскаго строя и избирательнаго правленія, а все-таки возбудилъ противъ себя тѣхъ, которые дрожали за шляхетскія преимущества. Ихъ соблазняло то, что право участія на сеймикахъ предоставлялось только шляхтичамъ, владѣвшимъ имѣніями, а не безземельнымъ; слѣдовательно—одно шляхетское званіе не сообщало всѣхъ политическихъ правъ. Отсюда вытекало, что эти права принадлежали не только благородному сословию, но и матеріальному благосостоянію, а отъ этого уже казалось недалеимъ, что современнымъ благосостояніемъ, безъ шляхетскаго званія, будетъ давать право и, такимъ образомъ, шляхетское званіе падеть. Суходольскій, за нимъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Валевскій начали говорить противъ этого длиннаго рѣчи. Другіе паны, за ними, дѣлали свои неблагоприятныя замѣчанія. Сеймовый маршалъ, самъ сторонникъ проекта, чтобы не допустить на сеймѣ лишнихъ толковъ, замѣтилъ, что воль скоро существуетъ конститу-

ціонная депутація для составленія формы правленія, то всѣ поправки и добавки члены сейма могутъ сообщать депутаціи, не теряя времени въ толкахъ и преніяхъ объ этомъ въ сеймовой Избѣ. Тогда противъ маршала поднялись голоса, во имя шляхетской свободы; ему напоминали, что нельзя удерживать пословъ свободной націи отъ заявленія мнѣній. Другіе послы думали повредить проведенію проекта тѣмъ, что подавали проекты о другихъ второстепенныхъ вопросахъ: тотъ объ устройствѣ комиссаріата, другой о порядкѣ производства въ чины, третій о трибуналахъ и т. д. Но потомъ все-таки перешли къ проекту, поданному сеймовою депутаціею. За право участія на сеймикахъ безземельной шляхты стоялъ Браницкій съ своею многочисленною партіею. Его противники видѣли въ этомъ московскую интригу и соображали, что, если допустить безземельную шляхту на сеймики, то магнаты, служащіе Россіи, будутъ подбирать промотавшихся, развращенныхъ, лѣнивыхъ, всякое отребіе въ шляхетскомъ сословіи, чтобъ защищать и проводить такія постановленія, которыя будутъ выгодны ихъ честолюбивымъ и корыстнымъ побужденіямъ въ ущербъ общимъ желаніямъ и потребностямъ. «Если мы—говорилъ Станиславъ Потоцкій—не удалимъ безземельныхъ отъ участія на сеймикахъ, то у насъ повторится рѣппинскій сеймъ».

«Да и что за польза бѣдной шляхтѣ ходить по сеймикамъ—говорилъ Анквичъ? Вѣдь она тамъ только получаетъ побои и портитъ здоровье, а въ домѣ у нея въ дѣлахъ остановка.»

Прошло нѣсколько засѣданій въ такихъ толкахъ; они были бурны и, въ одномъ изъ нихъ, патриоты грозили выбросить изъ Избы своихъ противниковъ. Король ушелъ изъ собранія и не явился на другой день. Наконецъ, 30 декабря, большинство порѣшило принять проектъ конституціонной депутаціи и не допускать на сеймики иной шляхты, кромѣ владѣющей имѣніями. Партія Браницкаго и вообще защитниковъ шляхты была побѣждена. Послѣ этого засѣданія сеймъ былъ отложенъ до восьмого февраля.

Въ заключеніе маршалы сейма извѣстили націю универсальномъ по воеводствамъ; расхваливались подвиги сейма: освобожденіе Польши изъ-подъ гарантіи, возвращеніе ей независимости, уничтоженіе постояннаго совѣта, созданіе арміи. При этомъ давалось націи знать, что дѣла сейма заслужили вниманіе и одобреніе прусскаго короля, наилучшаго друга и благодѣтеля польскаго народа; прибавляли, что и Оттоманская порта съ большою похвалою отзывается о дѣлахъ польскаго сейма.

Н. Костомаровъ.

П Ъ С Н Я

0

ТРЕХЪ ПОБОИЩАХЪ.

1.

Сердито вздымались воды Днѣпра,
Надъ Кіевомъ тучи гремѣли,
Ярилася буря всю ночь до утра—
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волось не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

— Мнѣ снилось: отъ берега Норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть ворабли,
Варяжскими гриднями полны.

4.

— То свать нашъ Гаральдъ собирается плыть,
 Храни его Богъ отъ напасти!
 Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
 Услѣлася съ кривомъ на снасти;

5.

— И бабище будто на камнѣ сидитъ,
 Считаетъ суда и смѣется:
 «Плывите, плывите! она говорить,
 «Назадъ ни одно не вернется!»

6.

«Варяга Гаральда ужъ въ Англии ждеть
 «Саксонецъ Гаральдъ, его тѣзка,
 «Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ
 «И спать васъ уложить онъ жество!»

7.

— И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
 У норской у пристани главной,
 Сидитъ, волоса расвидавъ по плечамъ,
 Золова сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ она вдаль какъ плынуть паруса
 Съ Гаральдовой силою ратной,
 И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
 И вличетъ Гаральда обратно....

9.

— Проснулась я — и доселѣ вдали
 Все карканье вороновъ внемлю —
 Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
 Провѣдать въ норвежскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
 Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала,
 Жемчужная бармица падаетъ съ плечь,
 Забыла надѣть покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я!
 Когда-бы бѣды не случилось!
 Княгиня-невѣстушка, лебедь моя,
 Мнѣ почесъ недоброе снилось!

12.

— Мнѣ снилось отъ берега французской земли,
 Гдѣ плещутъ нормандскія волны,
 На савсовъ готовятся плыть корабли,
 Норманди рыцарей полны.

13.

— То герцогъ Вильгельмъ собирается плыть,
 Я будто слова его внемлю:
 Онъ хочетъ отца моего погубить,
 Присвоить себѣ его землю!

14.

— И бабище злое бодрить его рать
И молвить: «Я вороновъ стаю
«Приближаю савсовъ завтра клевать,
«И вѣтру я вамъ намахаю!

15.

— И погомомъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда —
И тутъ я въ испугъ проснулась.

16.

И Гида еще не домолвила рѣчь,
Бѣжить, запыхаяся гридень:
— Бери, государь, поскорѣ свой мечъ,
Тамъ ворогъ подъ Киевомъ виденъ!

17.

— На вышѣ я тамъ, за рѣвою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ,
Я многія тысячи ихъ насчиталъ —
То близятся половцы, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Скликаетъ онъ братьевъ на сѣчу,
Онъ трубитъ въ дружинѣ — ему не до словъ —
Онъ половцамъ ѣдетъ на встрѣчу....

19.

По синему морю клубится туманъ,
И солнцу сіять онъ мѣшаетъ,
Изъ разныхъ слетаются вѣроны странъ,
Другъ друга они вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты? Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Йорка,
На битву обоехъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣлъ изъ-поднебесья зорко.

21.

— Савсонца былъ выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча вольчуга,
Свистѣлъ межъ рядами топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга.

22.

— Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь до-моря съ поля струилась,
Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
И въ горло ему не вонзилась.

23.

— Упалъ онъ, почувя предсмертную тьму,
Упалъ онъ, какъ пьяный на брашно,
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

— И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И, каркая, съѣлъ я Гаральду на шлемъ,
И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ,
Слетаются вѣроны снова:
— Откуда летишь ты? — Я, кровію пьянъ,
Съ Гастингскаго поля большого!

26.

— Тамъ герцогъ Вильгельмъ одолѣлъ короля,
Лежить тамъ саксонецъ, убитый,
Пируютъ враги, его землю дѣля,
И мы пировали тамъ сыто!

27.

— Отъ Йорка шла гордо саксонская рать!
Теперь они смиренны и тихи,
И тѣло Гаральда не могутъ сысзять
Межъ труповъ бродящія мнихи.

28.

— Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на-земь онъ палъ,
И битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ, какъ щитъ, надъ побойщемъ всталъ,
Я съѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

— Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови;
Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю влубится туманъ,
И солнцу сіять онъ мѣшаетъ,
Со враномъ слетается съизнова вранъ,
Слетаяся, таѣвъ вопрошаетъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьи,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!

32.

— Съ разсвѣтомъ на половцевъ князь Изяславъ
Тамъ въѣхалъ, грозень и злобень,
Свой мечъ двоеручный высоко подъявъ,
Святому Георгью подобень.

33.

— Но въ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ по-полю мчался израненный князь,
Съ завинутой навзничь главою.

34.

— И, ваякая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
И ждалъ, чтобъ онъ на-земь свалился,
Но былъ онъ, должно-быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу, скача, помолился.

35.

— Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу ваяня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Покутъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида,
Рыдаеть княгиня средь плача толпы,
Рыдаеть Гаральдовна Гида,

37.

Рыдаеть съ обѣими, громко стена,
Гаральда вдова Ярославна,
Рыдаеть:—О горе, на вѣки меня
Покинулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаеть:—О горе, убить
Отецъ мой, норманомъ сраженный!
Въ плѣну его веси, и взяты на щить
Саксонскія дѣвы и жены!

39.

Рыдаеть княгиня:—О князь Изяславъ!
 Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
 Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
 Погибъ ты, о горе, о горе!

40.

Печерскіе иноки, выстройся въ рядъ,
 Протяжно поють: — Аллилуя!
 А братья князіе другъ друга борять —
 И жадные вѣроны съ кровель глядятъ,
 Усобицу близкую чуютъ.....

Гр. А. Б. Толстой.

ИТАЛІЯ

И

МАЦЦИНИ

(1808—1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.

Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris. 1868.

Geschichte Italiens v. Reuchlin. Leipzig. 1860. — Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig v. I. Scherr. Leipzig. 1868.

Die nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1868.

IX *).

Не довольствуясь одною печатною пропагандою, Маццини, очень скоро послѣ основанія имъ «Юной Итали», видя всеобщее недовольство и постоянно увеличивающееся число членовъ новаго политическаго общества, задумалъ произвести въ Италиі оруженное возстаніе. Возстаніе должно было вспыхнуть разомъ во многихъ мѣстахъ; сигналъ должно было дать вступленіе въ Савойю итальянскихъ эмигрантовъ вмѣстѣ съ иностранными воютерами. Комитету, составленному изъ представителей всѣхъ итальянскихъ областей, предполагалось поручить управленіе до

---

*) См. выше, янв. 175; февр. 759—783 стр.

совершеннаго изгнанія австрійцевъ; затѣмъ національное собраніе, въ Римѣ, избранное посредствомъ всеобщей и прямой подачи голосовъ, должно было рѣшить дальнѣйшую судьбу Италіи. Маццини и его друзья считали выгоднымъ начать революціонное движеніе съ Пьемонта потому, что надѣялись привлечь на свою сторону его хорошо организованную и дисциплинированную армию и матеріальныя средства, а также занять два важные, въ стратегическомъ отношеніи, пункта—Алессандрію и Геную, гдѣ было довольно много лицъ, сочувствовавшихъ революціоннымъ замысламъ Маццини. Въ пиемонтской арміи, въ это время, было уже значительное число членовъ «Юной Италіи», между солдатами и молодыми офицерами; даже нѣкоторые изъ генераловъ обѣщали перейти на сторону революціонеровъ, лишь только опредѣлится вѣроятность успѣха ихъ предпріятія. Кромѣ того Маццини, войдя въ сношеніе съ Каваньякомъ и Каррелемъ, рассчитывалъ на поддержку со стороны лионскихъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ также готовилось возстаніе. Но всѣ эти приготовленія и переговоры дѣлались слишкомъ неосторожно; собраніе главнѣйшихъ дѣятелей «Юной Италіи», происходившее въ мартѣ 1833 года въ небольшомъ швейцарскомъ городѣ, Локарно, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, когда слѣдуетъ начать дѣйствія, и наконецъ ссора двухъ сардинскихъ солдатъ, обончившаяся доносомъ одного изъ нихъ на другого, принадлежавшаго къ «Юной Италіи», указали пиемонтскому правительству опасность, ему угрожавшую. Вслѣдъ за принятіемъ съ его стороны жестокихъ мѣръ противъ распространенія «Юной Италіи» и арестомъ множества подозрительныхъ лицъ, переполнившихъ тюрьмы Алессандріи и Турина, стало уменьшаться и число людей, на открытую поддержку которыхъ могли рассчитывать революціонеры.

Друзья Маццини и онъ самъ полагали однако, что дѣйствовать необходимо немедленно; они боялись медлительности и нерѣшительности, видя въ этомъ главнѣйшую причину неудачи прежнихъ заговоровъ, направленныхъ къ возрожденію Италіи. Кромѣ того, быстрое дѣйствіе представляло и вѣроятность успѣха. Большая часть сторонниковъ «Юной Италіи» оставалась еще не открытыми; партія Маццини, хотя—нерѣшительная и обезкураженная, все же оставалась еще сильною своею численностью, и первая дружная попытка могла придать ей новыя силы. Ужасы и негодованіе, возбужденныя жестокостями правительства, были такъ сильны, что дѣлали вѣроятнымъ возстаніе на всемъ полуостровѣ. Всѣ эти надежды Маццини и его друзей раздѣлялъ и Гарибальди, не задолго передъ тѣмъ познакомившійся съ Маццини и поступившій въ число членовъ «Юной Италіи».

Итакъ, рѣшено было дѣйствовать, и Маццини переѣхалъ въ Женеву. Правительство Женевы вовсе не сочувствовало вооруженному вторженію въ сосѣднюю страну, но личное знакомство Маццини съ вліятельнѣйшими гражданами кантона, мѣшало принять какія-либо репрессивныя мѣры противъ готовившагося предпріятія; къ тому же предполагалось, что послѣдствіемъ возстанія въ Савойѣ будетъ присоединеніе ея къ швейцарскому союзу.

Въ это же время обстоятельства привели въ Женеву многихъ германскихъ и польскихъ изгнанниковъ, и Маццини предлагалъ соединить дѣло Италіи съ дѣломъ другихъ націй, и положить основаніе «Юной Европѣ», на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовала «Юная Италія».

Германскіе и польскіе эмигранты охотно приняли участіе въ готовившейся экспедиціи. Образовались комитеты, составлявшіе планъ и организацію возстанія, были получены и деньги отъ одного богатаго ломбардца; все, повидимому, шло удачно. Но многіе вліятельные члены «Юной Италіи» считали невозможнымъ поручить начальство надъ революціонными отрядами Маццини; они непремѣнно желали поставить предводителемъ человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, и выборъ ихъ палъ на генерала Раморино, сторонника князя Чарторыскаго и польской аристократической партіи, котораго не задолго передъ тѣмъ, во время польскаго возстанія, посылалъ въ Варшаву парижскій «Комитетъ друзей Польши». Маццини сначала старался противодействовать этому выбору, зная Раморино вовсе не съ выгодной стороны, но потомъ долженъ былъ уступить и вошелъ въ нимъ въ переговоры.

Раморино, узнавъ планы заговорщиковъ, согласился принять на себя начальство. Рѣшено было раздѣлить силы на два отряда: одинъ долженъ былъ отправиться изъ Женевы, и Маццини было поручено организовать его, другой, который взялся устроить Раморино, долженъ былъ двинуться изъ Ліона, гдѣ, по его словамъ, онъ пользовался вліаніемъ. Онъ взялъ 40,000 франковъ на это дѣло и уѣхалъ въ Ліонъ, назначивъ октябрь 1833 года для открытія дѣйствій. Въ октябрѣ отрядъ Маццини былъ готовъ; но отъ Раморино не получалось никакихъ извѣстій; знали только, что онъ изъ Ліона уѣхалъ въ Парижъ. Послѣ продолжительныхъ ожиданій и переговоровъ, Раморино написалъ, что нужно отсрочить предпріятіе до ноября, но и ноябрь прошелъ, а ліонскаго отряда все не было. Наконецъ, въ декабрѣ, Раморино уѣдомилъ, что не можетъ собрать и ста человѣкъ, вмѣсто тысячи, что полиція провѣдала объ его намѣреніяхъ и что за вся-

кимъ шагомъ его наблюдаютъ. Изъ 40,000 франковъ онъ возвратилъ Маццини всего 10,000.

Между тѣмъ удобное время уходило. Въ Италіи партія Маццини уменьшалась и падала духомъ. Распоряженія, дѣлавшіяся за границей между сотнями людей различныхъ націй, не могли долго оставаться неизвѣстными. Полицейскіе агенты со всѣхъ сторонъ явились въ Женеву; итальянскія правительства требовали у женевскихъ властей удаленія изгнанниковъ изъ кантона; собранныя передъ тѣмъ деньги тратились на пособія эмигрантамъ, не приискавшимъ себѣ занятій; французское правительство предлагало польскимъ выходцамъ паспорта и деньги, чтобы только они вернулись во Францію.

Въ довершеніе всего Буонаротти, членъ верховной венты карбонаровъ, до тѣхъ поръ дѣйствовавшій за одно съ Маццини, отдѣлился отъ него, недовольный тѣмъ, что Маццини вступилъ въ сношеніе съ нѣсколькими богатыми и знатными ломбардцами; въ этомъ Буонаротти видѣлъ нарушеніе демократической программы. Отдѣленіе Буонаротти имѣло важныя послѣдствія потому, что съ его удаленіемъ отъ Маццини отдѣлялось большинство швейцарцевъ, также карбонаровъ. Маццини удвоилъ свою дѣятельность; онъ собралъ новыя суммы, разослалъ агентовъ для образованія новыхъ отрядовъ въ Ліонѣ. Отказаться отъ экспедиціи онъ не рѣшался потому, что это значило доказать безсиліе «Юной Италіи», отъ которой онъ ожидалъ спасенія для родины. Ему казалось лучше пастъ въ неравной борьбѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, показать примѣръ для будущихъ дѣятелей. Поэтому онъ назначилъ для открытія дѣйствій конецъ января 1834 года и увѣдомилъ объ этомъ ліонскихъ революціонеровъ; предлагая Раморино принять начальство надъ экспедиціей, когда отряды уже вступятъ въ Савойю, онъ предупредилъ его, что самъ намѣренъ начать дѣйствія во всякомъ случаѣ. Все было готово: вожди выбраны, прокламаціи напечатаны, склады оружія и суда для перевозки отряда черезъ Женевское озеро были готовы: ожидали только сигнала, чтобы открыть дѣйствія. Маццини надѣялся, что Раморино пріѣдетъ тогда, когда экспедиція уже начнется. Но Раморино отвѣчалъ, что пріѣдетъ немедленно. Съ дороги онъ писалъ Маццини, прося его отложить экспедицію со дня на день, и наконецъ 31-го января пріѣхалъ. Но тутъ оказалось, что женевское правительство намѣрено противоdѣйствовать экспедиціи гораздо сильнѣе, нежели можно было предполагать. Перевозочныя суда были захвачены, гостинница, въ которой жилъ Маццини, окружена жандармами, нѣкоторыхъ лицъ арестовали, хотя мѣстное населеніе открыто покровительствовало инсургентамъ. Не

смотря однако на препятствія, революціонному отряду удалось добраться до условленнаго мѣста и переплыть озеро.

Тутъ ожидали Маццини новыя разочарованія. Германскіе выходцы, которые должны были прибыть изъ Берна и Цюриха, дѣли свои приготовленія слишкомъ неосторожно и были почти всѣ арестованы на дорогѣ, въ которую они пустились цѣлой толпой, съ республиканскими ковардами на шляпахъ. То же почти случилось и съ польскимъ отрядомъ, который подъ предводительствомъ Грабскаго, назначеннаго Раморино, былъ задержанъ швейцарскими жандармами. Всѣ эти неудачи значительно уменьшили силы инсургентовъ и дали Раморино поводъ говорить, что онъ былъ правъ, считая экспедицію невозможною. Сначала предполагалось идти на С.-Жюльенъ, гдѣ Маццини думалъ найти вселеніе въ мѣстномъ населеніи, ободренномъ этимъ первымъ успѣхомъ. Но задержаніе польскаго отряда послужило Раморино предлогомъ измѣнить планъ экспедиціи и дать ей другое направленіе. Двадцать четыре часа отрядъ, въ которомъ, съ ружьемъ на плечѣ, шелъ и Маццини, двигался по берегу озера; люди изнемогали отъ усталости и начинали роптать. Замѣтивъ это, Маццини сталъ убѣждать Раморино идти къ С.-Жюльену. Раморино успокаивалъ его и обѣщалъ исполнить его желаніе. Но отрядъ продолжалъ двигаться по той же дорогѣ, не встрѣявъ въ небольшихъ селеніяхъ, черезъ которыя проходилъ, ни малѣйшихъ признаковъ сочувствія. Наконецъ отрядъ остановился за бивуакъ и только что расположился для отдыха, какъ раздался впереди ружейные выстрѣлы. Маццини, обрадованный мыслью, что началось дѣло, бросился было впередъ, но едва пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, какъ упалъ безъ чувствъ: страшная усталость, которой онъ подвергался въ послѣднее время, безпомощство, горе, неудачи, необходимость поддерживать мужество другихъ, когда онъ самъ потерялъ уже всякую надежду на успѣхъ,—все это истощило его физическія и нравственныя силы. Онъ пришелъ въ себя уже на швейцарской границѣ, куда его перенесли въ тележкѣ его друзья, послѣ того, какъ Раморино приказалъ, оставивъ на произволъ судьбы отрядъ, принужденный ступить изъ Савойи, преслѣдуемый карабинерами. Нѣкоторые изъ инсургентовъ, попавшіеся въ плѣнъ карабинерамъ, были тутъ же разстрѣляны. Затѣмъ дѣло о мятежникахъ, принявшихъ участіе въ экспедиціи и въ числѣ которыхъ, кромѣ Габальди и Маццини, были Джакомо и Джованни Дурандо, Анджело Брофферіо и Винченцо Джоберти, всѣ спасшіеся бѣгствомъ, было передано Карломъ Альбертомъ на разсмотрѣніе военнаго суда. Въ приговорѣ этого суда, состоявшемся 22 марта 1834

года, было сказано, что «виновные должны быть преданы въ руки палача, который, надѣвъ имъ цѣпи на шею, проведетъ ихъ по городу, въ торговый день, до мѣста казни, гдѣ они и будутъ повѣшены».

Этой катастрофой закончился первый періодъ дѣятельности «Юной Италіи». Впослѣдствіи времени Маццини и его друзья объясняли неудачу измѣною Раморино, будто-бы подкупленнаго французскимъ правительствомъ и умышенно погубившаго вѣренное ему дѣло. Но едва-ли можно утверждать, что это была единственная причина неудачи революціонной экспедиціи. Нельзя отвергнуть, что Маццини впалъ въ ту же ошибку, въ которую всегда впадали и впадаютъ люди, находящіеся въ его положеніи; живя внѣ Италіи, имѣя сношенія съ одною только, небольшою частью общества, онъ воображалъ, что вся Италія мыслить и чувствуетъ также, какъ и онъ самъ, что стѣять только сдѣлать воззваніе, и весь итальянскій народъ возстанетъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ не хотѣлъ видѣть, что предшествовавшія событія не пробудили еще усыпленное политическое сознаніе во всѣхъ классахъ народонаселенія.

Возвратившись въ Швейцарію и желая на будущее время приобрести большее число союзниковъ Италіи въ средѣ различныхъ національностей, Маццини, продолжая сношенія съ польскими и нѣмецкими эмигрантами, занялся организаціей основаннаго имъ политическаго общества «Юная Европа». Въ Бернѣ, куда Маццини принужденъ былъ уѣхать, онъ вмѣстѣ съ другими восемнадцатью эмигрантами составилъ «Договоръ Братства», цѣлью котораго было направить совокупныя усилія трехъ народностей—польской, нѣмецкой и итальянской—къ одной дѣли, — освобожденію. Составляя три отдѣльныя ассоціаціи, — «Юную Италію», «Юную Польшу» и «Юную Германію», онъ должны были помогать одна другой въ дѣлѣ освобожденія, имѣя своимъ идеаломъ федеральное устройство Европы. Маццини, какъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи, не увлекался преувеличенными мечтами о силѣ и вліяніи основанныхъ имъ ассоціацій и не считалъ вовсе возможнымъ скорое примѣненіе началъ, положенныхъ имъ въ основу этихъ политическихъ обществъ, — въ дѣйствительности. Онъ имѣлъ главною цѣлью — пропаганду своихъ идей, существенно различавшихся отъ взглядовъ и понятій, бывшихъ въ то время въ ходу, предоставляя этимъ идеямъ принести плоды, когда и какъ это будетъ возможно.

Въ томъ же 1834 году, Маццини положилъ основаніе ассоціаціи—«Юная Швейцарія», цѣль которой была создать между Франціей, Германіей и Италіей альпійскую федерацію, изъ на-

провансцевъ, живущихъ по всей цѣпи Альповъ и въ составъ которой, кромѣ Швейцаріи, должны были войти Савойя и нѣмкій Тироль.

Не оставляя въ сторонѣ литературныхъ занятій, Маццини имѣлъ въ это время въ журналѣ Каваньяка «Revue republicaine», издававшемся въ Парижѣ, статью: «О революціонной инициативѣ въ Европѣ». Въ этой статьѣ онъ доказывалъ, что на первую французскую революцію не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на начало новой эпохи, или программу будущаго, но какъ на заключительное слово прошедшаго. Возражая французскимъ либераламъ, утверждавшимъ, что одной Франціи принадлежитъ право и инициативу въ политическомъ развитіи Европы, и что другіе народы должны идти за Франціей по пути революціи и прогресса, Маццини доказывалъ, что прогрессъ евронеискихъ народовъ зависитъ отъ ихъ освобожденія изъ-подъ вліянія Франціи, а прогрессъ Франціи отъ ея освобожденія изъ-подъ традицій XVIII вѣка и первой революціи. Не отрицая великихъ заслугъ революціи, Маццини признавалъ, что такъ какъ нынѣшнее столѣтіе ушло впередъ сравнительно съ прошедшимъ, то тому, кто хочетъ идти дальше въ изысканіи истины для будущаго, слѣдуетъ принять за исходную точку начала, выработанныя революціею, а не останавливаться на нихъ.

Для бѣльшаго распространенія идей, положенныхъ въ основу новыхъ ассоціацій, Маццини въ слѣдующемъ году началъ издавать въ Швейцаріи журналъ — «La jeune Suisse»; журналъ этотъ выходилъ два раза въ недѣлю на двухъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Денежныя средства по изданію доставляли нѣсколько швейцарцевъ, въ числѣ которыхъ три члена Большаго Совѣта были кромѣ того и постоянными сотрудниками журнала.

Европейскія правительства, до которыхъ слухи объ основанныхъ Маццини обществахъ доходили въ извращенномъ и страшно преувеличенномъ видѣ, испугались его пропаганды и стали все болѣе и болѣе настаивать передъ швейцарскимъ правительствомъ, требуя удаленія Маццини изъ предѣловъ союза; въ самой Швейцаріи пропаганда Маццини встрѣтила сильныхъ противниковъ, въ число которыхъ сталъ и Фази. Случайное убійство, не имѣвшее и тѣни политической мести, послужило предлогомъ къ аресту Маццини въ Солотурнѣ; но арестъ этотъ продолжался всего 24 часа, послѣ чего Маццини былъ выпущенъ, такъ какъ не нашлось рѣшительно никакихъ поводовъ къ его обвиненію, а гнѣвное населеніе грозило силою освободить его изъ тюрьмы. Наконецъ требованія французскаго правительства сдѣлались такъ грозны, что федеральныя власти должны были уступить; не же-

лая сразу остановить печатаніе журнала «La jeune Suisse», онъ сначала арестовали нѣмецкихъ сотрудниковъ журнала, а затѣмъ и швейцарскихъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ изданіи. Наконецъ постановило распоряженіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Швейцаріи самого Маццини, который, уѣхавши изъ Солотурна поселился было въ одной деревушкѣ Бернскаго кантона у протестантскаго пастора.

Въ 1837 году, не имѣя болѣе возможности оставаться на континентѣ, Маццини переселился въ Англію, которую впослѣдствіи полюбилъ, какъ второе отечество за найденное въ ней убѣжище и безграничную свободу.

Первое время пребыванія въ Англии было самое тяжелое для Маццини. Послѣ ряда неудачъ, гоненій, разочарованій, онъ сталъ сомнѣваться въ самомъ себѣ; ему начинали казаться правыми тѣ, кто осуждалъ его политическую дѣятельность, какъ основанную на эгоизмѣ и холодныхъ разчетахъ честолюбія. Онъ вспоминалъ итальянцевъ разстрѣлянныхъ за то, что они раздѣляли его мнѣнія, матерей и женъ, оплакивавшихъ своихъ дѣтей и мужей,—и единство Италіи, въ которому онъ стремился стало казаться ему иллюзіей, мечтой никогда неосуществимой. Но этотъ кризисъ, въ теченіе котораго Маццини боялся сойти съ ума или окончить свою жизнь самоубійствомъ, миновалъ, и онъ, по примѣру Фосколо, написалъ исторію только-что выдержанной имъ внутренней борьбы, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія неизвѣстнаго», въ которой высказалъ, что эта внутренняя борьба не только не уничтожила его прежнихъ вѣрованій, но еще болѣе укрѣпила его въ мысли продолжать начатое имъ, для Италіи, дѣло, несмотря ни на какія препятствія. «Я пришелъ въ себя — говоритъ онъ — самъ, безъ посторонней помощи благодаря моимъ религіознымъ вѣрованіямъ, провѣреннымъ исторіей. Отъ понятія о божествѣ, я перешелъ къ идеѣ о прогрессѣ а отъ понятія о прогрессѣ къ истинному пониманію жизни, — руководящимъ правиломъ которой должно быть исполненіе своего долга передъ родиной и человѣчествомъ; я повѣрялся, что ничто въ мірѣ не заставитъ меня отступить отъ моихъ прежнихъ стремленій». Кромѣ этой нравственной борьбы, Маццини претерпѣвалъ, первое время, въ Лондонѣ и крайнюю нужду въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни. Ему недоставало денегъ, пересылаемыхъ родителями; онъ сначала продалъ немногія вещи съ собою привезенныя, потомъ заложилъ платье и бѣлье и наконецъ вынужденъ былъ отнести свой послѣдній скуртукъ и сапоги въ лавчонку, торгующую старымъ платьемъ, у которой по субботамъ толпились бѣдняки, продававшіе свои лохмотья, чтобы ку-

пить кусокъ хлѣба на воскресенье. Всю эту нужду Маццини приходилось переносить въ одиночествѣ, въ странѣ, въ которой бѣдность, особенно иностранца, внушаетъ жестокое недовѣріе. Тамъ жизнь, полная горя и нищеты, продолжалась до половины 1838 года, когда, познакомившись случайно съ нѣкоторыми изъ дѣтелей англійскаго литературнаго міра и изучивъ англійскій языкъ, онъ сталъ печатать свои статьи въ различныхъ журналахъ. Начиная съ первыхъ своихъ статей — «О положеніи и будущности Италіи» и «Взглядъ на итальянское литературное движеніе послѣ 1830 года», — онъ во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, печатавшихся въ англійскихъ журналахъ, старался вызвать вниманіе англичанъ и ихъ сочувствіе къ итальянскому національному дѣлу и, въ этомъ отношеніи, нѣто, вонечно, табу много и плодотворно не работала, какъ онъ.

Кромѣ англійскихъ журналовъ, Маццини, въ это время, былъ сотрудничомъ издававшася въ Парижѣ журнала «Revue republicaine» и написалъ программу журнала, имѣвшаго короткое существованіе въ Парижѣ «l'Italiano», гдѣ Гвераци, подъ именемъ Ансельмо Гваланди, напечаталъ отрывокъ изъ своего романа «Осада Флоренціи». Для издателей, печатавшихъ въ это время, въ Лугано, сочиненія замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ писателей, Маццини написалъ предисловіе къ комментаріямъ Уго-Фосколо на «Божественную комедію» Данта, въ которомъ старался восстановить славу и значеніе автора «Писемъ Явопо Ортисъ».

Не довольствуясь литературными трудами, Маццини впоследствии устроилъ въ Лондонѣ бесплатную школу для итальянскихъ мальчиковъ, въ которой всѣ учителя преподавали бесплатно и самъ Маццини читалъ исторію Италіи и элементарную астрономію. Первоначальное же обученіе грамотѣ и письму взяли на себя рабочіе-итальянцы, которые не только посвящали урокамъ свои вечера, но и жертвовали на школу деньгами. Скоро, по примѣру этой школы, основалось еще нѣсколько школъ въ Англии и Америкѣ. Школа дала Маццини случай сблизиться съ рабочими и составить ассоціацію, издававшую потомъ журналъ «Apostolato popolare», для которой онъ написалъ свое сочиненіе — «Объ обязанностяхъ человѣка». Въ этомъ сочиненіи, въ которомъ Маццини выразилъ свой взглядъ на рабочій вопросъ, уже въ то время выдвигавшійся впередъ въ западно-европейской жизни, онъ исходитъ изъ той мысли, что источникъ всякаго права кроется въ исполненіи долга, обязанности. Обязанности же каждаго человѣка онъ ставитъ въ такомъ порядкѣ: выше всего обязанности относительно человѣчества, потомъ исполненіе обязанностей относительно отечества и наконецъ — семьи.

«Человѣчество, родина и семья—говоритъ Маццини—суть три сферы, въ которыхъ человѣческая личность должна дѣйствовать на общее благо, стремясь къ нравственному усовершенствованію себя и другихъ. Воспитаніе создаетъ людей; оно должно вверять въ насъ убѣжденіе, что всѣ мы дѣти одного Бога и должны выполнять одинъ законъ на землѣ: жить не для себя, а для другихъ и стремиться не къ матеріальному счастью, но къ возможно большому нравственному совершенствованію себя и другихъ. Стремиться къ улучшенію своего матеріальнаго положенія слѣдуетъ только въ видахъ доставленія себѣ большихъ способовъ къ нравственному прогрессу». Одно изъ главныхъ препятствій къ человѣческому прогрессу Маццини видитъ въ ненормальномъ положеніи женщины: «до сихъ поръ половина человѣческой семьи—именно та, которая вдохновляетъ насъ и утѣшаетъ насъ въ горькія минуты, которой ввѣрено воспитаніе дѣтей, — по странному противорѣчію, лишена всякихъ правъ въ гражданскомъ, политическомъ, социальномъ отношеніи; вы, ищущіе свободы, должны всѣми силами стремиться къ эмансипаціи женщины!» Обязанность заботиться о народномъ образованіи, Маццини возлагаетъ на націю: «нація обязана сообщить каждому гражданину чего она отъ него требуетъ, и каждый гражданинъ долженъ получить въ народной школѣ образованіе, въ вкругъ котораго бы входили: обзоръ развитія всего человѣчества и отечественная исторія, популярное изложеніе началъ, положенныхъ въ основу отечественнаго законодательства и тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя и теперь всѣ получаютъ въ школѣ.» «Когда вамъ — говоритъ далѣе Маццини, обращаясь къ рабочимъ — проповѣдуютъ о необходимости и возможности социальныхъ переворотовъ только во имя вашихъ правъ, — не вѣрьте этому. Всякое ученіе о правахъ и матеріальномъ благѣ можетъ возбудить только попытки, которыя никогда не будутъ имѣть успѣха и приведутъ только къ величайшему изъ преступленій — раздору между различными классами общества.... Когда Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе, то возлѣ него стояли апостолы, воплощавшіе въ своей жизни и дѣйствіяхъ ученіе своего учителя. Слѣдуйте этому примѣру. Проповѣдуйте исполненіе долга другимъ классамъ и сами выполняйте его. Проповѣдуйте добродѣтель, самопожертвованіе, любовь къ ближнему и будьте сами добродѣтельны, любящи и готовы на самопожертвованіе». Доказывая необходимость ассоціацій, при помощи которыхъ, по мнѣнію Маццини, только и возможно измѣненіе политическаго, социальнаго и нравственнаго положенія рабочаго класса, онъ требовалъ, чтобы эти ассоціаціи были мирны и публичны. «Тайныя

ассоціаціи, служащія законнымъ орудіемъ защиты тамъ, гдѣ нѣтъ ни свободы, ни націи—не должны быть терпимы въ странѣ, гдѣ господствуетъ свобода и неприкосновенность человѣческой жизни». Значеніе ассоціаціи, свободы и образования, этихъ двигателей прогресса, Маццини опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «свобода даетъ возможность выбирать между добромъ и зломъ; образование научаетъ дѣлать этотъ выборъ правильно; ассоціація даетъ средства къ достиженію избранной цѣли». Маццини желаетъ, чтобы рабочіе и капиталисты, какъ и всѣ люди, образовали одну семью и руководствовались правиломъ: «кто готовъ отдавать на пользу всѣхъ то количество труда, которое онъ въ силахъ исполнить, тотъ долженъ получать такое вознагражденіе за свой трудъ, какое давало бы ему возможность развивать свою индивидуальную жизнь». Признавая начало собственности присущимъ человѣческой природѣ, Маццини находятъ, что распредѣленіе собственности подлежитъ измѣненію, сообразно законамъ прогресса. «Если собственность—говорить онъ—въ настоящее время находится въ рукахъ немногихъ, то это еще не должно служить причиною для ея уничтоженія; но люди должны открывать новые пути и источники, при помощи которыхъ собственность можетъ сдѣлаться доступною многимъ и явиться въ будущемъ не иначе, какъ вознагражденіемъ за трудъ. Нужно стремиться не къ увеличенію заработной платы и не къ поглощенію личности обществомъ, въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта, а къ соединенію труда и капитала въ однихъ рукахъ. Ассоціація труда и распредѣленіе выгодъ, выручаемыхъ отъ продажи его произведеній, между производителями соразмерно количеству и цѣнности труда каждаго изъ нихъ, — вотъ къ чему должно стремиться современное общество». Этому стремленію, по мнѣнію Маццини, должна содѣйствовать государственная власть, обсужденіемъ вопросовъ рабочаго населенія въ собраніи народныхъ представителей, улучшеніемъ путей сообщенія, учрежденіемъ общественныхъ складовъ и магазиновъ, упрощеніемъ судопроизводства, слишкомъ дорогого и недоступнаго бѣдному классу, измѣненіемъ системы налоговъ и введеніемъ одного налога на доходы, продажу имуществъ духовенства и обращеніемъ собранныхъ, такимъ образомъ, денежныхъ средствъ на народный кредитный фондъ для рабочаго населенія.

X.

Со времени неудавшейся революціонной экспедиціи въ Савою прошло пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ итальянская революціонная партія почти оставалась въ бездѣйствіи. Она была слишкомъ разрознена и ослаблена неудачами и преслѣдованіями, чтобы воспользоваться народными волненіями, сопровождавшими появленіе, въ Италіи, въ 1835 году, холеры.

Обойдя сѣверную и среднюю часть Европы, холера обнаружилась прежде всего въ Ниццѣ. Изъ Ниццы болѣзнь распространилась въ Туринъ, Геную, Ливорно, Ломбардію и Венецію. Количество жертвъ было громадно: въ одной Ломбардіи умерло 32,000 человекъ. Скоро она проникла въ Римъ и потомъ въ Неаполь, гдѣ отъ холеры умерло 13,800 человекъ, и распространилась по всему королевству, уменьшивъ его населеніе на 60,000 человекъ, не считая Сициліи, гдѣ, изъ населенія въ два милліона душъ, умерло 69,360 человекъ. Врачи не могли не только прислать средствъ для леченія, но даже не были въ состояніи опредѣлить характеръ болѣзни: одни считали ее заразительною, другіе нѣтъ. Устроенные въ разныхъ мѣстахъ строгіе карантинныя, врачи, закутанные въ смоляные плащи, съ лицами, повернутыми масками, священники, приходившіе исповѣдывать умирающихъ, обкуранные укусомъ и хлоровою известью, — все это увеличивало панику. Населенія, которымъ до сихъ поръ твердили, что ихъ правительствамъ необходима неограниченная власть, какъ источникъ всякаго блага, обращали свои взоры къ этой власти, ожидая отъ нея спасенія и, не находя его, стали вѣрить, что страшная болѣзнь есть отравка, распространяемая правительствами, которыя потому и не хотятъ противодѣйствовать ей. Во врачехъ стали видѣть отравителей, въ лекарствахъ — ядъ; разсвирѣпѣвшая чернь, по одному подозрѣнію, хватала невинныхъ людей и предавала смерти. Да и не одна необразованная чернь вѣрила отравѣ. Кардиналь Тригона, архіепископъ палермскій, заболѣвъ холерою, отказался принимать лекарства, какъ бесполезныя противъ яда; Чина, извѣстный физикъ и историкъ, при первыхъ признакахъ обнаружившейся у него болѣзни, бросился къ своему другу, директору полиціи въ Палермо, умоляя его дать ему противоядіе, полученное вмѣстѣ съ ядомъ изъ Неаполя.

При такомъ настроеніи народныхъ массъ не удивительно, что въ Катанѣ народъ, убѣжденный въ томъ, что холера вовсе не азіятская болѣзнь, а бурбонская отравка, разбилъ бурбонскія статуи, сорвалъ бурбонскіе гербы и провозгласилъ возстановлен-

ной конституцію 1812 года и отдѣленіе острова отъ королевства неаполитанскаго. Такой же политической характеръ народнаго волненія обнаружился въ Романьѣ, гдѣ въ числѣ предводителей народнаго бунта, противъ отравливающаго правительства въ первый разъ выступилъ народный ораторъ, членъ «Юной Италіи», Чичеровекио, пріобрѣвшій впослѣдствіи громкую извѣстность въ первые мѣсяцы царствованія Пія IX.

Эти отдѣльныя вспышки были, конечно, скоро подавлены, и народное бѣдствіе послужило на пользу итальянскихъ правительствъ, сумѣвшихъ воспользоваться имъ, для укрѣпленія своей власти. Подъ предлогомъ заразы, карантинны стѣснили еще болѣе свободу передвиженія, подъ видомъ необходимости различныхъ предупредительныхъ мѣръ, еще болѣе расширилась власть администраціи и полиціи. Но за то, разъ возбужденная противъ правительствъ народная ненависть не скоро угасала, и репрессивныя мѣры все болѣе и болѣе возбуждали надежды на возможность переворота въ Италіи.

Слѣдя изъ Лондона за всѣми событіями, могущими имѣть вліяніе на судьбу Италіи, Маццини, если вѣрить изданнымъ въ Германіи запискамъ Людовика-Бонапарта ¹⁾, былъ не прочь воспользоваться булонскою экспедиціею нынѣшняго французскаго императора. По этому поводу между ними, какъ увѣряетъ издатель этихъ записокъ, происходило, въ 1840 году, свиданіе, на которомъ рѣшено было, что друзья и сторонники Маццини примутъ участіе въ экспедиціи и за эту помощь Людовикъ-Бонапартъ, съ своей стороны, обѣщаль, достигнувъ власти во Франціи, содѣйствовать освобожденію Италіи ²⁾. При этомъ Маццини требовалъ еще отъ Бонапарта, чтобы онъ оставилъ надежды на восстановление во Франціи имперіи и присоединился бы къ партіи республиканцевъ. Несмотря на обѣщанія Бонапарта подчиниться всѣмъ условіямъ, предложеннымъ Маццини, онъ рѣшился обмануть его и приготовилъ прокламаціи, въ которыхъ говорилось вовсе не о республикѣ, а о восстановленіи во Франціи имперіи. Маццини, узнавъ объ этомъ, объявилъ своимъ друзьямъ,

¹⁾ Geheime Memoiren Louis Napoleon Bonaparte's, herausgegeben v. B. Schubar. (Dr. Labarsch). Berlin 1862. II b.

²⁾ Какъ много онъ носитъ на себѣ это свиданіе и происшедшій на немъ разговоръ между Маццини и Людовикомъ Наполеономъ, характера анекдотичности, но въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, послѣ тѣхъ свиданій и разговоровъ, которые происходили между Людовикомъ Наполеономъ и Луи Бланомъ, въ Гамбѣ и Лондонѣ, и о которыхъ Луи Бланъ рассказываетъ въ своей книгѣ «Révélations historiques en regard au livre de lord Normanby, intitulé «A Year of Revolution in Paris». Bruxelles, 1859.

что онъ не имѣеть ничего общаго съ экспедиціей Лудовика-Бонапарта, послѣ чего никто изъ нихъ и не явился на бортъ «Castle of Edinburgh», на которомъ Бонапартъ съ 10-ю спутниками отплылъ въ Булонь, гдѣ, какъ извѣстно, потерпѣлъ по нѣвшую неудачу, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость Гамтъ.

Около этого времени нѣсколько итальянскихъ изгнанниковъ, в главѣ которыхъ стояли Теренціо Маміани и Филиппо Канути жившіе съ 1831 года въ Парижѣ, вошли въ сношеніе съ либералами, оставшимися въ Италіи и при ихъ помощи возобновили революціонную пропаганду. Маміани, въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Наше мнѣніе объ итальянскихъ дѣлахъ», совѣтовалъ патріотамъ обратить вниманіе на католическое духовенство и, въ случаѣ невозможности привлечь его на свою сторону, стараться уничтожить его авторитетъ въ глазахъ простаго народа. Другіе итальянскіе эмигранты, возвратившіеся изъ Испаніи, гдѣ они принимали участіе въ гражданскихъ войнахъ, составили родъ комитета дѣйствія, намѣреваясь начать въ Италіи противъ австрійцевъ партизанскую войну; главою этого комитета былъ жившій на островѣ Мальтѣ Никколо Фабрици, къ которому применили заговорщики въ Тосканѣ, Неаполѣ и палсвихъ владѣніяхъ.

Маццини не сходилса ни съ Маміани, ни съ Фабрици; ихъ планы не согласовались съ планами «Юной Италіи». Но если революціонные комитеты, засѣдавшіе въ Парижѣ, Мальтѣ и Лондонѣ, не сходились въ частностяхъ, то все же они стремились къ одной цѣли, — возстанію, и всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, раздувалъ покрытую пепломъ искру революціи и собиралъ сообщниковъ, изъ которыхъ многіе пали жертвою своего патріотизма.

Заговорщики главнымъ образомъ рассчитывали на движеніе въ королевствѣ обѣихъ Сицилій и Романьѣ; вездѣ было много недовольныхъ, изъ которыхъ одни готовы были передать итальянскую корону одному изъ Бонапартовъ, другіе герцогу Лейхтенбергскому, сыну бывшаго вице-короля итальянскаго, зятю русскаго императора, на помощь котораго они и надѣялись.

Фердинандъ II уже давно обманулъ надежды, возбужденныя имъ при вступленіи на престолъ. Видя, что опасность, грозившая ему во время общаго революціоннаго движенія 1830 года, миновала, король неаполитанскій откровенно обнаружилъ свои наклонности. Бывшій начальникъ жандармовъ Делькаретто былъ сдѣланъ министромъ полиціи и приобрѣлъ неограниченное довѣріе короля. Роль цирюльника Вилья въ предшествовавшее царствованіе занялъ теперь духовникъ Фердинанда II, Кокль. Строго

охраняли свое государство отъ просвѣщенія и науки, Фердинандъ обнаружилъ стремленіе къ преобразованіямъ — замѣною розевого трико танцовщицъ зеленымъ, и въ видахъ заботливости о нравственности своихъ подданныхъ приказалъ закрыть обнаженныя части античныхъ статуй. Невмозимо дурная администрація доводила народъ до нищеты, а господство полиціи тайной и лживой выводило изъ терпѣнія образованные классы. Въ папскихъ владѣніяхъ положеніе дѣлъ было не лучше. Мелкія попытки къ возстанію, обнаруживавшіяся около 1840 года въ Абрудцо, Калабріи, Сициліи, Романѣ, вели за собою только новыя жестокости и кровавыя усмиренія; революціонеры Сициліи, видя свою слабость и разрозненность, готовы были забыть вѣковую вражду съ неаполитанцами и вступить съ ними въ союзъ; въ Палермо, гдѣ должно было начаться возстаніе, собрались представители главнѣйшихъ городовъ острова, Мессины, Катаны, Сиракузы, Трапани, готовыхъ поддержать возстаніе Палермо; но и тутъ дѣло ограничилось одними приготовленіями.

Навонецъ, около 1843 года, войдя между собою въ сношеніе, заговорщики надѣялись произвести обширное возстаніе, которое должно было начаться съ Неаполя. Былъ даже назначенъ день — 31 іюля 1843 года, когда должно было вспыхнуть возстаніе. Но 31 іюля прошло сповойно. Полиція успѣла уже, по подозрѣнію, арестовать нѣсколькихъ лицъ и хотя не могла поймать нитъ заговора, но все же помѣшала его исполненію. Въ Романѣ партія дѣйствія страдала внутренними несогласіями. Одни, несмотря на неудачу въ Неаполѣ, хотѣли немедленно начать движеніе, другіе желали выждать болѣе удобное время. Наконецъ сборище заговорщиковъ было открыто и попавшіеся въ руки полиціи преданы военному суду, по распоряженію кардинала Ама, который успѣшилъ приговорить къ ссылкѣ всѣхъ, на кого ему указывали, какъ на горячихъ патріотовъ.

Эти жестокія мѣры вызвали крайнее раздраженіе въ мѣстныхъ населеніи, и горсть молодыхъ людей Болоньи составила въ горахъ, подъ начальствомъ братьевъ Муратори, вооруженный отрядъ, надѣясь присоединить къ себѣ недовольныхъ. Но и эта попытка не удалась и послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ папскими зандармами, отрядъ принужденъ былъ разойтись, а принадлежавшія къ нему лица съ трудомъ пробрались въ Ливорно, а отуда во Францію.

Оставалась надежда на внѣшнюю помощь; въ 1844 году уже готовилось на всемъ полуостровѣ и итальянскихъ островахъ новое движеніе, которое должно было начаться въ то время, какъ Риччарди изъ Корсики двинется къ Риму, эмигранты, собрав-

піеся въ тессинскомъ кантонѣ, вторгнутся въ Піемонтъ и Лебардію, Фабрици съ иностраннымъ алжирскимъ легиономъ выйдутся въ Сицилію, а отряды революціонеровъ изъ Мальты Корфу явятся въ Калабрію и другихъ мѣстахъ. Но и это плану не удалось осуществиться: одинъ изъ заговорщиковъ, Пазетотти, заранѣе обо всемъ донесъ австрійскому правительству, которое предупредило другія итальянскія правительства....

Въ 1844 году, тюрьмы Рима, Турина и Неаполя переполнились политическими преступниками; всюду торжествовала реакція; воздвигались эшафоты и кровь патріотовъ обограла Италію. Неудачи, жестокія казни и преслѣдованія навели уныніе на итальянцевъ, казалось, что народное дѣло проиграно. Въ это время всеобщаго опѣпѣнія, по Италіи разнеслось извѣстіе о экспедиціи братьевъ Бандіера.

Духъ возмущенія уже давно проникъ въ ряды солдатъ, овладѣвая преимущественно моряками австрійскаго флота, составленнаго большею частью изъ итальянцевъ. Во флотѣ служили два брата, Аттиліо и Эмиліо Бандіера. Они родились въ Венеціи. Отецъ ихъ, баронъ и контръ-адмиралъ австрійскій, не любилъ своей родины. Въ 1831 году, онъ захватилъ въ Адриатическомъ морѣ корабль, на которомъ, послѣ капитуляціи Анконы, эмигранты изъ Модены и Романьи переправлялись во Францію. Его сыновья также вступили въ морскую службу, но они с раннихъ лѣтъ почувствовали униженіе, въ которомъ находило ихъ отечество и обдумывали средства освободить его. Еще будучи мальчикомъ Эмиліо Бандіера доставалъ себѣ нумера «Юноны Италіи» и читалъ ихъ товарищамъ въ училищѣ, думая пробудить въ нихъ ненависть къ сыновьямъ угнетателей. Ознакомившись съ «Юной Италіей», оба брата впоследствии примкнули къ ней и сдѣлались дѣятельными членами общества. Пользуясь своимъ положеніемъ, какъ дѣти бывшаго контръ-адмирала, имѣя большое вліяніе на матросовъ того фрегата, на которомъ они сами служили, они задумали овладѣть фрегатомъ и на немъ встать въ Мессину, чтобы произвести тамъ возстаніе.

Скоро они вступили въ переписку съ Маццини. 15 августа 1842 года, Аттиліо писалъ ему въ первый разъ изъ Смирны, изложилъ свое положеніе и убѣжденія. «Я итальянецъ, военный человѣкъ и не изгнанный. Мнѣ около 33 лѣтъ. Сложеніе мое скорѣе слабое: темперамента пылаюга, хотя по внѣшности холоднаго. Стараюсь, сколько возможно, слѣдовать правиламъ стоицизма. Вѣрю въ Бога, въ будущую жизнь, въ человѣческій прогрессъ; выше всего я ставлю человѣчество, потомъ отечество, семью и наконецъ личность; твердо вѣрю, что нравственность

есть основаніе всякаго права, и вслѣдствіе этого уже давно пришелъ къ заключенію, что итальянское дѣло есть только часть дѣла всего человѣчества; въ грустныя и трудныя времена утѣшаясь мыслью, что трудиться на пользу Италіи значитъ трудиться на пользу всего человѣческаго рода. Обдумывая условія, въ которыхъ находится наше отечество, я увидѣлъ, что путь, представляющій болѣе вѣроятности успѣха для освобожденія Италіи, есть путь тайныхъ дѣйствій и заговоровъ. Какими иными средствами, въ самомъ дѣлѣ, можетъ угнетенный вести борьбу за свое освобожденіе?... Въ другомъ письмѣ къ Маццини, оба брата писали: «Проникнутые сознаниемъ, что всякій итальянецъ долженъ отдавать всего себя для улучшенія судьбы нашего несчастнаго отечества, мы искали случая присоединиться къ «Юной Италіи», которая, какъ мы знаемъ, составила для организаціи восстанія. Три года усилія наши были тщетны; сочиненія ваши не появлялись болѣе въ Италіи: правительства увѣряли, что вы подавлены дурнымъ исходомъ экспедиціи въ Савойю... Не зная нашихъ стремленій, мы однако сошлись съ ними. Мы хотѣли имѣть отечество свободное, единое, республиканское, мы рѣшились довѣрять только средствамъ итальянскаго народа, презирать чужеземную помощь и начать бой тогда, когда увидимъ себя достаточно сильными, не ожидая обманчивыхъ обѣщаній Европы».

Между тѣмъ, австрійское правительство уже стало подозрѣвать обоихъ братьевъ, и въ мартѣ 1844 года, Аттиліо получилъ приказаніе прибыть въ Венецію съ корабля «Bellona», стоявшаго у Смирны. Тогда онъ, вида, что замыслы его открыты, — сбѣжалъ съ корабля, въ Смирнѣ. Въ то же время и Эмиліо, получивъ извѣстіе о братѣ, уѣхалъ изъ Венеціи; затѣмъ оба сѣдѣлись въ Корфу. Австрійское правительство, испугавшись послѣдствій, которыя могъ произвести этотъ побѣгъ во флотъ, познывая опасный примѣръ, а еще болѣе желая скрыть отъ итальянскихъ революціонеровъ присутствіе въ австрійскомъ флотѣ національнаго итальянскаго элемента — приискивало всевозможныя средства, чтобы представить поступокъ Бандіера какъ неблагодарную выходку юношей и вернуть ихъ назадъ. Эмиліо рассказываетъ въ письмѣ къ Маццини изъ Корфу, что эрцгерцогъ Рейнеръ, вице-король Ломбардо-венеціанскаго королевства, обѣщалъ матери Бандіера прощеніе ея сыновей, если она уговоритъ ихъ возвратиться. Но ни просьбы матери, ни обѣщаніе прощенія не подѣйствовали на Бандіера и ихъ предали суду.

Въ это время революціонное движеніе какъ будто еще не совсемъ угасло въ Италіи. Такъ думали и братья Бандіера, рѣ-

шаясь отправиться въ Калабрію, откуда недавно раздавался крикъ свободы и гдѣ развѣвалось революціонное знамя.

Напрасно Маццини, Фабрици, Риччарди изъ Лондона, Мальты и Парижа старались разубѣдить ихъ, представляя ихъ попытку несвоевременною и неудобосполнимою. Сначала они какъ будто поддались убѣжденіямъ; но вслѣдъ затѣмъ вошли въ переговоры съ другими изгнанниками, пріѣхавшими въ Корфу, собрали не большую сумму денежныхъ пожертвованій и рѣшили сдѣлать высадку въ Калабрію. Австрійское правительство и неаполитанскій король съ своей стороны не мало содѣйствовали исполненію предпріятія, которое не могло не быть гибельно для лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. «Неаполитанское и австрійское правительства—писалъ Маццини—знали о намѣреніи итальянскихъ изгнанниковъ явиться съ отчаянною рѣшимостью туда, гдѣ будетъ поднято итальянское знамя; но имъ нужно было вовлечь лучшихъ патріотовъ въ отчаянное предпріятіе, чтобы погубить ихъ, разбить надежды другихъ и убѣдить изгнанниковъ въ томъ, что на движеніе итальянскихъ населеній рассчитывать нечего. Пламенные и неосторожные Бандіера попались въ сѣти. Погубить ихъ было необходимо, какъ людей опасныхъ и по характеру и по связямъ, которыя они имѣли въ австрійскомъ флотѣ для враговъ итальянскаго дѣла важно было, чтобы они не оставались въ живыхъ». Изгнанники въ Корфу были окружены шпионами. Ихъ планы были извѣстны даже консуламъ различныхъ европейскихъ государствъ. Тѣмъ не менѣе ихъ отъѣзду и при готовленіямъ къ высадкѣ не только не препятствовали, но съ разныхъ сторонъ распространяли слухи о томъ, что въ городахъ южной Италіи все готово къ возстанію, что въ Калабріи уже появились революціонныя шайки, нуждающіяся въ предводителяхъ. Наконецъ Боккаччампе, одинъ изъ сообщниковъ Бандіера, измѣнилъ имъ. «Изъ всего этого—заключаетъ Маццини—всякій ясно можетъ видѣть, кѣмъ были выбраны время и мѣсто дѣйствія—самими ли Бандіера, или врагами итальянскаго дѣла.

Назначивъ свой отъѣздъ въ Калабрію, Бандіера написали послѣднее письмо къ Маццини: «Вѣсти изъ Калабріи и Апуліи приходятъ благопріятныя, но изъ нихъ видно, что всюду недостатокъ энергіи и довѣрія въ вождямъ. Мы рѣшились попытаться счастья. Черезъ нѣсколько часовъ уѣзжаемъ въ Калабрію. Если благополучно туда доберемся, то сдѣлаемъ все, что возможно въ военномъ и въ политическомъ отношеніи. За нами слѣдуютъ 17 другихъ итальянцевъ, большею частію эмигрантовъ; проводникъ нашъ калабріецъ. Вспоминайте насъ и вѣрьте, что если намъ удастся вступить на итальянскую землю, то мы твердо бу

хемъ держаться тѣхъ принциповъ, при посредствѣ которыхъ только и можно превратить постыдное рабство нашего отечества въ славную свободу. Если мы понесемъ неудачу, то скажите нашимъ согражданамъ, чтобы они подражали нашему приѣру, потому, что жизнь дана намъ для полезнаго и благороднаго употребленія, а дѣло, за которое мы сражались и умерли, — самое чистое, самое святое: оно есть дѣло свободы, равенства, единства, независимости».

12 іюня, Аттіліо и Эміліо Бандіера съ 18-ю товарищами стѣпили изъ Корфу въ Калабрію, и на четвертый день достигли мѣлководнаго берега, близъ города Котроне. Высадившись, весь отрядъ сталъ на колѣни и, поцѣловавъ родную землю, поклялся пожертвовать ей своею жизнью. Сначала Бандіера хотѣли идти въ Козенцу, чтобы освободить томившихся тамъ въ тюрьмахъ многихъ политическихъ преступниковъ. Но они должны были оставить это намѣреніе и рѣшили скрыться въ горахъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ двигались отряды королевскихъ войскъ, посланные для ихъ поимки. Инсургентамъ не удалось достигнуть горъ: нѣсколько дней послѣ ихъ высадки они были окружены королевскими войсками и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, взяты въ плѣнъ. Преданные военному суду, братья Бандіера съ десятью товарищами были приговорены къ смерти и разстрѣляны въ Козенцѣ 25 іюля 1844 года. Послѣднія слова казненныхъ, передъ смертью, были: «да здравствуетъ Італія!»

XI.

Рядъ неудачныхъ революціонныхъ вспышекъ и кровавыхъ катастрофъ долженъ былъ наконецъ доказать невозможность освободить Італію горстью людей, какимъ бы самоотверженіемъ они и обладали. Ихъ призывъ къ возстанію все еще не могъ поднять на ноги итальянскія массы, неразвита и неподготовленная къ политической жизни. Этого не могла не видѣть либеральная партія, которая хотя и разбилась на различные кружки, но все же, нераздѣльно, стала стремиться къ политическому воспитанію народа, напоминая ему о принадлежавшихъ ему правахъ и уясняя ему тѣхъ стремленій, которыя онъ смутно питалъ. Не смотря на строжайшія правительственныя мѣры, въ Італіи, въ разныхъ мѣстахъ, распространялись изданія, говорившія о необходимости освобожденія. Изъ этихъ запрещенныхъ изданій представителемъ республиканскихъ мнѣній служилъ журналъ Маццини — «Воспитатель» (l'«Educatore»), издававшійся съ

1843 года; проводникомъ же мнѣній болѣе умѣренныхъ служилъ, въ числѣ другихъ, печатавшихся въ тайныхъ типографіяхъ, журналъ Монтанелли, въ которомъ онъ, избѣгая рѣзкихъ и крайнихъ мнѣній, привлекалъ расположеніе большинства къ требуемымъ имъ реформамъ и убѣждалъ тосканское правительство оставить австрійскую политику и вступить на путь преобразованій.

Если впрочемъ различныя партіи и оторвавшіеся отъ нихъ кружки сходились въ общей цѣли—освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, то они уже стали глубоко расходиться въ предлагаемыхъ ими средствахъ для достиженія этой цѣли. Одни считали возможнымъ возложить дѣло освобожденія на союзъ итальянскихъ принцевъ, другіе желали республики, третьи, наконецъ, ждали спасенія отъ одного коронованнаго лица, въ рукахъ котораго останется побѣда и который въ предшествовавшей своей дѣятельности обнаружилъ бы стремленіе въ преобразованіямъ улучшенію политическаго быта своего народа.

Среди этихъ разногласій, въ которыхъ громче всѣхъ слышались голоса, требовавшіе реформъ, раздавался одинокій голосъ аббата, который указалъ на папство, какъ на великую силу, способную освободить Италію.

Книга «Il Primato», въ которой аббать Джоберти, бывшій членъ «Юной Италіи», высказалъ въ первый разъ свою новую мысль, скоро послѣ своего появленія приобрѣла громкую извѣстность, хотя на нее смотрѣли въ началѣ, какъ на парадоксъ, не какъ на политическую программу. Она была принята благосклонно сначала только духовенствомъ, обольщеннымъ надеждою примирить Римъ съ народнымъ дѣломъ. Но по необыкновенно счастливой случайности, одновременно съ появленіемъ книги Джоберти, въ 1846 году умеръ Григорій XVI и на папскій престолъ вступалъ кардиналъ Мاستаи Феррети, человѣкъ, казавшійся олицетвореніемъ мыслей и стремленій Джоберти. Забыта была исторія папства и Италіи и всѣмъ полуостровомъ овладѣла надежда, что евангельская кротость новаго папы измѣнитъ судьбу, въ теченіе вѣбовъ вооружавшую руку главы католическаго міра противъ итальянской національности. Италія искренно вѣрила въ папу и на всемъ полуостровѣ раздалось одно привѣтствіе: *Viv Pio Nono!*

Что же говорила книга католическаго аббата, чтобы вызвалъ такое увлеченіе? По мнѣнію Джоберти, Италіи принадлежит первое мѣсто между образованными странами міра, только потому, что Италія всегда была мѣстопребываніемъ главы католической церкви, а папство заключаетъ въ себѣ всѣ начала свободы

цивилизаци. Главенство папъ въ средніе вѣка было необходимо и изобретено для народовъ, и когда это главенство прекратилось, пала и Италия. Поэтому, когда религія снова наполнится смысломъ, когда аристократія и духовенство стануть руководителями разумнаго прогресса, когда папа сдѣлается не только наслѣдникомъ Петра, но и преемникомъ Григорія VII и Александра III, тогда только Италия займетъ прежнее свое мѣсто и снова сдѣлается первою націею міра; достигнуть же этого пути революціи — мысль ложная и нелѣпая. Монархія, правленію ограниченная аристократіею, — образъ правленія наиболее пригодный для Италии; ей нужно правительство, не стѣсненное въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ, но руководимое силами собранія, составленнаго изъ благороднѣйшихъ членовъ націи, и разумно свободною, хотя и подчиненною цензурѣ, пресою. Такимъ образомъ, Италия, укрѣпленная союзомъ добродѣтельныхъ монарховъ, подъ главенствомъ папы займетъ принадлежащее ей мѣсто въ политическомъ мірѣ.

Такова политическая программа Джоберти. Въ этой программѣ очевидна вся утопія надеждъ и воззрѣній Джоберти. Извращая исторію для того, чтобы дойти до понятія о папствѣ, какъ о представителѣ цивилизаци, ему еще нужно было дать этому звѣзду помощника, защитника, который бы помогъ папѣ стать во главѣ освобожденной Италии. Этого защитника папства Джоберти нашелъ въ королѣ Пьемонта. «Пьемонтъ — говорилъ Джоберти — есть избранная и важнѣйшая часть Италии по своему положенію, плодородію почвы, количеству и разнообразію произведеній; по числу, развитію, трудолюбію и дѣятельности своихъ жителей; по блестящему состоянію своего войска и финансовъ; по благоразумію своего духовенства, добросовѣстности администраціи, честности торгующаго класса, достоинству дворянства, образованности средняго сословія, умѣренности правительства, и мудрости большей части своихъ сановниковъ, и, скажемъ прямо, и откровенно, по благонамѣреннымъ, высокимъ стремленіямъ своего государя. Не смотря однако на всѣ эти блага, Пьемонтъ далеко не то, чѣмъ бы онъ могъ быть, и никто, можетъ быть, не сознаетъ этого такъ глубоко, какъ управляющіе его судьбами».

Вслѣдъ за сочиненіями Джоберти вышла въ Пьемонтѣ книга графа Чезаре Бальбо — *Speranze d'Italia* (Надежды Италии). Въ этомъ сочиненіи Бальбо, подобно Джоберти, отвергалъ народное востаніе, какъ средство освобожденія Италии, и призывалъ къ этому дѣлу царствующія въ Италии династіи, которыя должны вступить въ тѣсный союзъ между собою противъ общаго врага —

Австріи, приче́мъ главою союза долженъ быть Пиемонтъ, ка самое сильное и развитое изъ итальянскихъ государствъ. Таки образомъ Бальбо ставилъ сардинскаго короля на мѣсто, которо готовилъ Джоберти папѣ.

Въ обоихъ этихъ планахъ видна, конечно, политическая безорукость людей, предлагавшихъ примирить между собою враждебныя начала. Но такъ какъ большинство итальянцевъ пошло вѣру въ революціонныя попытки, и готово было доволствоваться реформами, то теоріи Джоберти, Бальбо и ихъ послѣдователя д'Азеліо, казались одно время преобладающимъ увлекая за собою итальянскій народъ и различныхъ государъ Италиі, во главѣ которыхъ становился новый папа.

Съ дѣтскою довѣрчивостью римляне, а съ ними и друіе итальянцы привѣтствовали лучъ надежды, заблеставшій надъ и несчастнымъ отечествомъ 17 іюня 1846 года, съ появленіемъ въ евриналѣ Піа IX.

Мѣсяцъ спустя, 16 мая, обнародованъ извѣстный декретъ объ амнистіи, которымъ папа давалъ прощеніе всѣмъ изгнаннымъ и состоявшимъ подъ судомъ политическимъ преступникамъ. Римъ утопалъ въ благодарственныхъ восторгахъ, вол котораго разливались по всему полуострову. Папу называли а геломъ Ватикана; это поклоненіе вскружило ему голову; о наслаждался своею популярностью и вдыхалъ съ упоеніемъ еміамъ, отовсюду возносившійся въ нему. «Я прочиталъ въ джурнетѣ объ амнистіи объявленіе свободы», говоритъ сицилійскій минахъ и демагогъ Вентура. «Ты прочиталъ его въ моемъ сердцѣ отвѣчалъ ему папа.

Бѣдный мечтатель, папа, не обладая ни способностями государственнаго человѣка, ни политическимъ образованіемъ, безсопротивленія слѣдовалъ теченію. Въ минуты отрезвленія еприходила мысль, что его дѣйствія рѣзко противорѣчатъ всесторонній исторіи папства. Въ такую-то минуту онъ печально сказалъ «Отъ меня требуютъ вещей, предпринять которыя я неспособенъ; они считаютъ меня за Наполеона. А я не обладаю ни его гениемъ, ни его силой». Но первое же выраженіе народнаго восторга, — а восторги въ то время въ Римѣ не прекращались — ослабляло это вѣрное сознаніе, возобновляло въ Піѣ желаніе иродныхъ овацій и онъ шелъ далѣе по пути реформъ, которыетакже неизбежно, какъ молнія слѣдуетъ за громомъ, вели къ перевороту. Онъ не понималъ, что перестроить церковно-государственное зданіе католицизма, — эту средневѣковую руину, истинно червями, невозможно, и что вслѣдствіи, кто возьмется за э

дѣло — увидитъ, какъ оно разсыпется прахомъ въ его рукахъ и рухнетъ при первомъ порывѣ вѣтра.

Либеральный папа представлялъ тѣмъ болѣе трагическую фигуру, что онъ очутился либераломъ самъ не зная какъ.

Не подлежить сомнѣнiю, что Пiй IX думалъ сначала отдѣлаться отъ требованiя реформъ наружными уступками. Но онъ былъ и слишкомъ слабъ и слишкомъ честолюбивъ, чтобы держаться до конца такой колеблющейся политики. Вѣчныя «*viva Pio Nono*»! стали для него насущною необходимостью; изъ Пармѣ и Лондона приходили къ нему слова одобренiя изъ кабинета: Гизо, который надѣялся остановить угрожающую итальянскую революцiю реформами, и Пальмерстона, который утѣшался мыслию, что реформаторъ — папа будетъ противоdѣйствовать влiянiю Австрiи въ Италiи. Когда австрiйскiй посланникъ, по приказанiю Меттерниха, принималъ печальный видъ въ Ватиканѣ, пожималъ плечами и все болѣе и болѣе угрожающимъ голосомъ произносилъ «однако, святѣйшiй отецъ», въ глубинѣ души папы подымалось чувство, что онъ самъ итальянецъ и что «варвары» не достойны владѣть его прекраснымъ отечествомъ.

Реформа подвигалась въ Римѣ, приготовляя пути революцiи и волну всю Италiю. Особенно сильное впечатлѣнiе произвели: учрежденiе государственной консулты (*consulta di stato*, въ апрѣлѣ 1847 года) и гражданской стражи (*guardia civile*, въ iюнѣ). Клерикальное правительство быстро преобразовывалось въ свѣтское. Иезуиты стали выбираться изъ Рима: не надо было имѣть особенно тонкое чутье, чтобы видѣть, что дѣла принимаютъ оборотъ, несомнѣнный съ иезуитскими требованiями неограниченной власти, невѣжества, ханжества и могильнаго спокойствiя. Грозный крикъ «Смерть иезуитамъ!» раздавался съ каждымъ днемъ все громче.

Маццини изъ Лондона наблюдалъ за событiями въ Римѣ. Онъ не обманывался относительно положенiя, занятаго Пiемъ IX и Барюмъ Альбертомъ. Во всеобщей надеждѣ на обоихъ онъ видѣлъ только «иллюзию», которая скоро исчезнетъ.

«Регрессивные шаги — писалъ онъ осенью 1847 года — не измѣнятъ закона, управляющаго событiями. Толчекъ данъ, и хорошо или дурно, все будетъ идти впередъ. Итальянцы имѣютъ яростнѣе инстинкты, но ни тѣни политическаго разума или опытности; я говорю о большинствѣ, а не о тѣхъ немногихъ, которые способны дѣйствовать, но страдаютъ недостаткомъ мужества. Въ иллюзию исчезнуть, какъ только немногие, действительно хорошие люди, спокойно, обдуманно и осторожно начнутъ дѣйствовать. Пiй IX, какъ я о немъ думалъ съ перваго же дня его во-

паренія — добрый человекъ: я знаю, что его подданнымъ теперь нѣсколько лучше, нежели было прежде; но это все! Иллюзія и будетъ ослабѣвать медленно, но несомнѣнно. Настанетъ минутъ, когда народъ постигнетъ, что если онъ хочетъ сдѣлаться свободнымъ, то долженъ дѣйствовать собственными руками».

Не смотря однако на такое мнѣніе свое о Піѣ IX, Маццини подобно тому, какъ онъ обратился съ посланіемъ къ Карлу Алберту, при его вступленіи на престолъ, въ 1831 году, написалъ 8 сентября 1847 года письмо къ папѣ, приглашая его стать вѣ главѣ движенія за національную независимость. Въ этомъ письмѣ Маццини между прочимъ говорилъ: «благодаря дѣйствию времени ускоренному вашими предшественниками и церковной іерархіей вѣрванія умерли, католицизмъ погибъ отъ деспотизма, какъ протестанство погибаетъ отъ анархіи. Посмотрите вокругъ себя вы найдете людей суевѣрныхъ и ханжей, но не вѣрующихъ; злы поклоняются расчету и матеріальнымъ благамъ; добрые — просятъ и надѣются, но никто не вѣритъ».

Пія IX не могли, конечно, увлечь совѣты Маццини, котораго онъ искренно считалъ врагомъ католицизма, но событія, происходившія въ Ватиканѣ отъ лѣта до осени 1847 года уже произвели свое дѣйствіе въ Италіи и внѣ ея. Упорство итальянскихъ государей не оставляло требованія реформъ, раздававшіяся все громче и громче.

Въ Тосканѣ стремленіе къ реформамъ началось еще прежде чѣмъ Маджиа надѣлъ папскую тиару. Небольшое расположеніе тосканцевъ къ своему правительству, сохранившееся отъ того времени, когда тосканскіе герцоги изъ австрійскаго дома не подчинялись безусловно вѣнской политикѣ, мало-по-малу смѣнилось полнымъ взаимнымъ недоверіемъ и неудовольствіемъ. Разныя несчастныя событія, землетрясеніе 1846 года, надѣлавшее значительныя опустошенія въ прибрежныхъ частяхъ Тосканы, неурожай и дороговизна усиливали раздраженіе, а выдача бывшаго начальника романскихъ инсургентовъ, Ренци, папскому правительству окончательно прервала всякую связь между тосканскимъ великимъ герцогомъ и его подданными. Это послѣднее событіе тѣмъ болѣе раздражило людей самыхъ умѣренныхъ, что не задолго передъ тѣмъ, когда романскіе инсургенты бѣжали въ Тоскану, то ихъ не только не выдали папѣ, но даже отправили на казенный счетъ во Францію; когда же Ренци возвратился послѣ того въ Тоскану, то онъ былъ арестованъ. Папа Григорій XVI потребовалъ его выдачи: большинство дипломатическаго корпуса поддерживало это требованіе; общественное мнѣніе, видѣвшее въ этомъ дѣлѣ вопросъ народной чести, не допускало выдачи. Адвокатъ Сальваньоли явился защитникомъ изгнанника. Дѣло было

перешло въ консулту, въ которой изъ трехъ голосовъ два было въ пользу Ренци. Жена его, мать трехъ малолѣтнихъ дѣтей, подавъ герцогу просьбу объ освобожденіи ея мужа, которую герцогъ прочиталъ со слезами на глазахъ. Но министры и дипломатическій корпусъ настаивали на выдѣлѣ, и герцогъ имъ уступилъ. Общественному негодованію не было границъ. Не имѣя ни свободной печати, ни права собраній, либералы прибѣгнули къ тайной прессѣ и демонстраціямъ. Монтанелли и Гверацци стали во главѣ начавшагося движенія, олицетворяя собою, первыя угрѣбленныя преобразованія, въ духѣ Джоберти, а второй радикальную политику, не мирившуюся на реформахъ Пія IX. Тосканское правительство, испуганное римскими реформами и всеобщимъ увлеченіемъ папою, старалось препятствовать сначала празднествамъ и демонстраціямъ, но скоро герцогъ, поставленный между Вѣною и Римомъ, рѣшился приблизиться къ послѣднему полуступками, далъ нѣкоторую долю свободы печати, и согласился на учрежденіе національной гвардіи.

Въ герцогствахъ моденскомъ и пармскомъ близость австрійскихъ войскъ мѣшала осуществленію требуемыхъ преобразованій и ускорила грозившую революцію. Народныя демонстраціи въ честь Пія II прерывались штыками и арестами; герцогъ моденскій прямо возлагалъ свои надежды на австрійскую помощь: «Пусть эти люди либералы знаютъ— писалъ онъ— что у меня есть трехсоттысячный резервъ за По; они меня не испугаютъ и я никогда не уступлю ни въ чемъ». Смерть Маріи-Луизы передала престолъ Пармы Карлу-Лудовику Бурбону, въ которомъ самонадѣянность и неспособность соединились съ наследственнымъ деспотизмомъ. Бывши еще герцогомъ лувскимъ, онъ объявилъ, «что стремленіе къ реформамъ есть ни что иное, какъ фразы нѣкоторыхъ литераторовъ и грезы незрѣлой молодежи, и что онъ ни подъ какою видомъ не согласится ни на какую уступку, всего же меньше на учрежденіе національной гвардіи»; но потомъ, испуганный народной демонстраціей, даровалъ «своимъ любезнымъ вѣданнымъ» всѣ тѣ реформы, какія послѣдовали въ Тосканѣ, и тѣмъ уѣхалъ изъ Лукки, уступивъ свое герцогство Тосканѣ, къ которой оно должно было отойти со вступленіемъ Карла-Людвика на престолъ пармскій. Желая же себя обезопасить въ новыя своихъ владѣніяхъ отъ необходимыхъ уступокъ, онъ призвалъ въ Парму отрядъ австрійскихъ войскъ для удержанія народа въ повиновеніи.

Въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ броженіе ограничилось сначала скромными требованіями устраненія самыхъ вопиющихъ злоупотребленій и стѣсненій, на которыя австрійское

правительство отвѣчало отказами. Народное неудовольствіе в ражалось отсутствіемъ публики въ театрахъ, превращеніемъ и ренія табуку, составлявшаго монополию правительства и покуп лотерейныхъ билетовъ, въ подрывъ австрійской казнѣ. Во гла начинавшагося движенія стали Каттанео въ Миланѣ и Томас и Манинъ въ Венеціи.

Совершавшіяся въ Италіи преобразованія были, конечно, не тожны и ограничивались незначительными перемѣнами, неспособными замѣнить коренную перестройку всего политическаго бы Италіи. Болѣе серьезности и выдержки въ либеральныхъ и патриотическихъ стремленіяхъ выказали въ Туринѣ. Тамъ людо усвоившіе себѣ національную идею единства Италіи, обратили свои надежды на Карла-Альберта потому, что онъ одинъ представлялъ дѣйствительную силу, необходимую для изгнанія австріяцевъ, не выказывавшихъ ни малѣйшаго желанія удалиться вслѣствіе однихъ криковъ «Fuori i barbari!» Карлъ-Альбертъ, со своей стороны, думалъ, что въ 1847 году настало давно желанное время, когда савойская династія начнетъ играть предназначенную ей роль въ итальянской исторіи. Конечно, онъ заикался о своей династіи, но говорилъ только о независимости Италіи, а свои династическія стремленія старался прикрыть итальянскимъ знаменемъ. Онъ писалъ графу Кастаньетто: «Такъ какъ Богъ повелѣваетъ намъ начать войну за независимость Италіи, то я съ моими дѣтьми готовлюсь къ битвѣ; какою прекраснѣйшимъ для меня днемъ будетъ тотъ, когда можно будетъ призвать къ оружію за итальянскую независимость».

Но война еще не начиналась, и Карлъ-Альбертъ впалъ въ свою обычную нерѣшительность и трусость. Полиція, по е приказанію, преслѣдовала женщинъ за ленты цвѣтотъ Пія ІІа и мужчинъ за галстуки à la Masta. Инициативы въ народноидѣлѣ ждаты отъ такого человѣка было нечего. Толчекъ, котрымъ долженъ былъ начаться переворотъ въ Италіи, пришелъ изъ Сициліи.

Незадолго передъ тѣмъ вышло въ Палермо сочиненіе Амау «Исторія сицилійской вечерни», представлявшее какъ бы теорію возстанія и въ которомъ не трудно было найти сходство между Карломъ Анжуйскимъ и Фердинандомъ ІІ. Авторъ этого сочиненія, дозволеннаго, впрочемъ, цензурою къ печати, долженъ былъ бѣжать во Францію, а запрещенія книгопродавцамъ издавать эту книгу и журналамъ писать о ней привлекли къ нему еще болѣе общественное вниманіе, искавшее только случая выразить свое неудовольствіе и ненависть къ неаполитанскому правительству. Движеніе началось съ демонстрацій въ честь Пія ІІа

требованія реформъ, битыя стеколъ въ королевскихъ дворцахъ и кончилось 12 января 1848 года открытымъ возстаніемъ, во главѣ котораго сталъ, въ Палермо, Руджеро Сеттимо. Неаполитанскія войска, послѣ упорнаго сопротивленія и бомбардированія города, должны были удалиться изъ Сициліи, въ которой и другіе города послѣдовали примѣру Палермо, прогнали неаполитанскіе гарнизоны и затѣмъ лишили бурбонскую династію сицилійской короны, не смотря на обѣщаніе Фердинанда даровать сицилійцамъ амнистію и конституцію.

Возстаніе Сициліи испугало неаполитанскаго короля. Каково было его правительство, объ этомъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Карла Поэріо въ его запискѣ, переданной Пальмерстону передъ 1848 годомъ: «Реакція, сдѣлавшись правительственной системой, захватила всѣ должности, поддерживааетъ народъ въ рабствѣ, покровительствуя невѣжеству и суевѣрію; она пугаетъ его казнями, истощаетъ поборами; опираясь единственно на грубую силу, она съ невозмутимымъ спокойствіемъ превратила невѣжество и нищету подданныхъ въ опору престола и свое могущество основала на всеобщемъ угнетеніи». Сицилійскія событія придали смѣлости неаполитанцамъ; народныя демонстраціи усиливались съ каждымъ днемъ. Наконецъ 27 января, когда король, въ отвѣтъ на выраженное имъ желаніе разсѣять картечью толпу, собравшуюся передъ его дворцомъ, услышалъ со слезами, уступить требованіямъ своихъ подданныхъ, отъ преданныхъ ему людей — губернатора Стателла и генерала Руберти, изъ которыхъ послѣдній объявилъ, что выйдетъ въ отставку, но не станетъ стрѣлять въ беззащитную толпу, — Фердинандъ рѣшился сдѣлать нѣкоторые уступки. При этомъ онъ утѣшался воспоминаемъ о своемъ дѣдѣ, который, въ 1820 году, точно также выпущенъ былъ сдѣлать уступки, что не помѣшало ему потомъ шить съ себя данную клятву на вѣрность конституціи. Уступки короля начались съ того, что онъ принесъ въ жертву недовольнымъ своихъ любимцевъ, ненавидимыхъ всѣми: министра полиціи тайной и явной, Делькаретто, и своего духовника Коэли; онъ общалъ конституцію и образовалъ полулиберальное министерство. Когда новые министры представлялись королю, то онъ сказалъ имъ, что его именемъ злоупотребляли, что ему до сихъ поръ оставались неизвѣстными всѣ казни и жестокости, которыми подвергались его подданные. Добродушный Боццелли, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за свои либеральныя стремленія, бросился на колѣни передъ Фердинандомъ, восклицая: «Государь! еслибы я прежде зналъ ваше величество, я бы никогда не участвовалъ въ загово-

рахъ». Король смѣялся надъ этой довѣрчивостью, говоря своимъ приближеннымъ: «не правда ли, мы дешево отдѣлались отъ этихъ глупцовъ». 10 февраля, была обнародована конституція въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, и либералы—Боццели, Саварезе, Сличетти, не исключая и самого Поэрио, остались вѣрными защитниками неаполитанской монархіи.

Позади Неаполя оставаться было невозможно, и либеральн конституціонный аппаратъ въ томъ же мѣсяцѣ былъ перенесенъ во Флоренцію, Римъ и Туринъ. 15 февраля, Леопольдъ II написалъ конституцію для Тосканы. Папа пробовалъ было обновиться на скользкомъ поприщѣ полумѣръ и мелкихъ уступокъ, но наконецъ, 24 февраля, папскій нунцій въ Вѣнѣ съ кислой и ной сообщилъ, также весело слушавшему его, Меттерниху, что его святѣйшество не можетъ отказать Церковной области конституціи, которая и была провозглашена 14 марта.

Карлъ Альбертъ, побуждаемый со всѣхъ сторонъ, обѣща 8 февраля конституцію и затѣмъ обнародовалъ самый статутъ главнѣйшія основанія котораго были заимствованы изъ французской хартіи, съ тою разницею, что католическая религія признавалась господствующею, а прочія вѣроисповѣданія были только терпимы въ государствахъ.

Въ это время вспыхнула революція въ Парижѣ, и толчокъ ей видимо отдался въ Вѣнѣ, Миланѣ, Венеціи.

Подобно электрическому удару пробѣжало въ итальянца сознание, что «пробилъ великій часъ» (il gran momento e tutto!) Вездѣ оставлено обсужденіе конституцій. Общій лозунгъ, итальянское единство и независимость. Но кто же долженъ, и можетъ быть вождемъ Италии противъ Австріи? Одинъ только сардинскій король. Весь полуостровъ оглашается гимномъ:

Sorgete Italiani,
A vita novella!
D'Alberto la stella
Risplende nel ciel.
Stringiamoci assieme
Siam tutti fratelli!
In giorni piu belli
Ci gioja sperar.»¹⁾

Казалось, что наступаетъ время для осуществленія плана Джоберти и Бальбо....

Когда, спустя нѣсколько дней, послѣ обнародованія стату

¹⁾ Возстаньте, итальянцы, къ новой жизни! Звѣзда Альберта заблестала на небѣ. Соединитесь, всѣ мы братья! Намъ весело надѣяться на лучшіе дни.

образовалось въ Туринѣ первое конституціонное министерство, под предѣдательствомъ графа Бальбо, то господствовавшее у насъ мнѣніе войны съ Австріей высказалось еще яснѣе. Нѣкоторые члены новаго министерства приняли власть только подъ условіемъ, что Австрія немедленно будетъ объявлена война. Тѣ же требованіе выражалось въ это время въ Тосканѣ, Неаполѣ и Римѣ. Но Карлъ Альбертъ все еще не рѣшался высказаться открыто — онъ боялся объявить войну Австріи, которая и подавала къ тому прямого повода. Ему помогли неожиданныя обстоятельства: революція въ Вѣнѣ и возстаніе въ Ломбардіи. Теперь Карлъ Альбертъ находилъ достаточный предлогъ для вторженія въ австрійскіе предѣлы. Возстаніе въ Ломбардіи обращалось къ Пиемонту съ просьбою о помощи. Карлъ Альбертъ протягивалъ ему руку, думая оправдать себя передъ Европою тѣмъ, что онъ вмѣшивается въ дѣла Ломбардіи для спасенія въ ней монархическихъ началъ.

Пять дней продолжалась борьба миланцевъ съ австрійцами. Радецкого было 25,000 войска и 200 пушекъ, которыми онъ обстрѣливалъ городъ. У миланцевъ недоставало ни оружія, ни пороха, ни съѣстныхъ припасовъ; но за то они обладали необыкновеннымъ мужествомъ и твердостью. Рядомъ съ мужчинами и юношами сражались старики, женщины и дѣти. Оружіе убитыхъ солдатъ и артиллерійскіе снаряды поспѣшно подбирались и обращались противъ самихъ австрійцевъ. Камни отъ мостовой, разбитыя черепицы — все обращалось въ оружіе. Не участвовавшіе въ сраженіи изготовляли порохъ, отливали пули, ухажили за ранеными; небольшіе воздушные шары разносили во всѣ стороны извѣстія о возстаніи въ Миланѣ, просьбу о помощи и звали къ всеобщему возстанію. Послѣ обильнаго кровопролитія Радецкій предложилъ войти въ мирныя переговоры съ возставшимъ городомъ, но получилъ отказъ по настоянію стоявшаго во главѣ временнаго правительства, даровитаго писателя и экономиста, Катанео. Его уговаривали прекратить борьбу, такъ какъ миланцевъ нѣтъ снарядовъ, и жизненныхъ припасовъ хватитъ только на двадцать четыре часа. «Снаряды намъ будетъ доставить непріятель, а двадцать четыре часа съ жизненными припасами и двадцать четыре часа голода, это слишкомъ достаточно для вашей побѣды», — отвѣчалъ Катанео. Наконецъ, Радецкій долженъ былъ выступить изъ Милана 23 марта 1848 года. Кажется, членъ «Юной Италіи», настаивалъ на провозглашеніи республики въ Миланѣ, и на союзѣ съ Венгріей, но партія умѣренныхъ и сторонниковъ Пиемонта была слишкомъ сильна и временное правительство вступило въ переговоры съ Карломъ Аль-

бертомъ о союзѣ Пиемонта съ Ломбардією, послѣ чего Катане сложилъ съ себя власть.

Въ день возстанія Милана, произошло и въ Венеціи первое кровавое столкновеніе между венеціанцами и австрійцами. Благодаря коменданту Зичи, который неспособенъ былъ на безплезное кровопролитіе и жестокости, борьба продолжалась не долго и освобожденный городъ провозгласилъ у себя республику, поставивъ во главѣ временнаго правительства Манина и Тома масseo ¹⁾.

23 марта 1848 года, Карлъ Альбертъ въ своей прокламаціи обѣщалъ ломбардцамъ и венеціанцамъ свою помощь, при чемъ впрочемъ не говорилъ, что помощь эту онъ даетъ не даромъ, для увеличенія владѣній Савойской династіи.

24 марта было приказано пиемонтскимъ войскамъ перейти Тичино и самъ король съ своими двумя сыновьями отправился въ армию.

Первыя дѣйствія Карла Альберта обѣщали успѣхъ. Война съ Австріей начиналъ онъ не одинъ: всѣ итальянскія правительства вынуждены были подчиниться народнымъ требованіямъ. Римъ, Неаполь, Тоскана посылали свои войска на границы Ломбардіи. Но Карлъ Альбертъ впалъ въ ту же ошибку, въ какую передъ нимъ впадали и революціонеры, мечтавшіе объ единствѣ Италіи. Онъ считалъ возможнымъ произвести переворотъ и Италіи безъ помощи народныхъ массъ, къ которымъ онъ не хотѣлъ обращаться: даже отряды волонтеровъ возбуждали въ немъ какое-то недовѣріе и боязнь республиканизма, и онъ не только не заботился о поддержаніи народнаго энтузіазма, но даже скрѣе готовъ былъ потушить его. Въ самое короткое время пиемонтскія войска одержали нѣсколько побѣдъ надъ австрійцами, которые потеряли не только Ломбардію, но почти всю Венеціанскую область, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ вѣрствъ. Казалось, что дѣйствительно звѣзда Карла Альберта взошла: Ломбардія, Парма, Модена, Падуя, Виенца, Тревизо, Ровиго объявили свое желаніе войти въ составъ Сардинскаго королевства. Вслѣдъ затѣмъ этому примѣру послѣдовала и Венеція, а депутація отъ палермскаго парламента предложила сыну Карла Альберта, герцогу Генуэзскому, сицилійскую корону. Но успѣхи Карла Альберта продолжались не долго. Очень скоро онъ увидѣлъ себя одинокимъ въ борьбѣ съ Австріей. Прочіе г

¹⁾ Мы не будемъ излагать здѣсь подробно ходъ борьбы Венеціи съ Австріей, такъ какъ это уже составляло предметъ двухъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» 1866 г. III и IV, подъ заглавіемъ «Борьба Венеціи съ Австріей», В. Г. Австенко.

стари Італіи одинаково мало сочувствовали какъ національнымъ стремленіямъ къ единству, такъ и династическимъ планамъ сардинскаго короля. Въ самой Тосканѣ, гдѣ въ началѣ былъ такъ силенъ воинственный энтузіазмъ, онъ сталъ замѣтно охладѣвать, и имъ съ ожесточеніемъ стали противиться династическимъ стремленіямъ Карла Альберта.

Черезъ два мѣсяца послѣ начала кампаніи австрійцы снова вступили въ обладаніе почти всѣхъ своихъ прежнихъ областей; и побѣдою при Гомто слѣдовало пораженіе піемонтской арміи при Кустоцѣ. Карлъ Альбертъ думалъ послѣ этого дать послѣднее сраженіе подъ стѣнами Милана, куда піемонтскія войска и вступили 3 августа 1848 года. Но оборона Милана оказалась невозможною за отсутствіемъ оборонительныхъ средствъ, и Карлъ Альбертъ выступилъ изъ Милана, испытать на себѣ всю ярость народнаго гнѣва, вызваннаго извѣстіемъ о предстоявшей капитуляціи и доказавшаго ему, что желаніе присоединиться къ сардинскому королевству вовсе не было такъ единодушно въ Миланѣ, какъ ему это прежде представляли его приближенные. Послѣ капитуляціи Милана было заключено перемиріе въ Сальва. Семь мѣсяцевъ затѣмъ продолжались переговоры между Сардиніей и Австріей, при посредничествѣ Франціи и Англіи, пріятномъ съ благодарностію Карломъ Альбертомъ, уже отказавшимся отъ своихъ извѣстныхъ словъ «Italia faga da se». Какъ ни безразсудно было возобновлять войну съ неоправившимися еще силами, но Карлъ Альбертъ и туринская палата депутатовъ требовали войны. Самъ король готовился погибнуть въ сраженіи въ случаѣ неуспѣха, подобно тому, какъ передъ нимъ погибли братья Бандьера и другіе энтузіасты-революціонеры, стремленій которыхъ онъ никогда не понималъ и всегда имъ противодействовалъ. Но смерти не нашелъ Карлъ Альбертъ въ этой войнѣ кампаніи. Послѣ пораженія подъ Новарою, въ которомъ піемонтскими войсками предводительствовалъ польскій эмигрантъ Државовскій, Карлъ Альбертъ отказался отъ короны въ пользу своего сына Виктора-Эммануила, который и заключилъ миръ съ Австріей.

Теоріи Джебелти и Бальбо были разбиты.

Н Е Р О Н Ъ

ТРАГИКОМЕДИЯ.

(К. Гуцкова.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ*).

Въ лѣсу.

Входятъ старый СЦЕВИНЬ.

СЦЕВИНЬ.

Заговоръ противъ цезаря! и я въ немъ участвую!... Ну, слава небесамъ, наконецъ я оставилъ городъ и чувствую, что могу безъ опасенія оцѣнивать свои достоинства. Мнѣ кажется, что весь свѣтъ сталъ смотрѣть на меня, какъ на чудо, съ тѣхъ поръ какъ я далъ клятву, хотя ее и слышали только двѣнадцать чело- вѣкъ. Въ воздухѣ что-ли вѣетъ этимъ дерзкимъ дѣломъ, или просто мой страхъ строить передо мною повсюду триумфальныя столбы и рядомъ съ ними висѣлицы? И какимъ образомъ я разо- зомъ дошелъ до того, что вдругъ сдѣлался чѣмъ-то необычай- нымъ, чѣмъ-то въ родѣ кассира, необворовывающаго кассы, въ родъ нуля, который при умноженіи на самого себя даетъ четное число? Между тѣмъ я погибаю еще только при однихъ приготовленіяхъ къ великому дѣлу, которое взялся исполнить. Не понимаю, какъ могло распространиться всюду, что я честный человѣкъ! Теперъ мнѣ всѣ, кого я ни встрѣчу на улицѣ, кланяются такъ подоз-

*) См. выше: мартъ, 304 — 329 стр.

умело, подмываютъ и дѣлаютъ всякіе таинственные знаки, чтобъ заставить понять себя. Мои сотоварищи — это люди, имена которыхъ помѣчены; всѣ они уже пообжигали себѣ не разъ уши. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать въ сторонѣ, въ шомъ-либо углу, безъ того, чтобы не обратить на себя вниманія, не быть заподозрѣннымъ въ тайномъ дѣлѣ. Вѣчные боги! я чувствовалъ почтеніе къ этимъ людямъ въ темнотѣ, я съ восторгомъ познакомился бы съ заговоромъ Пизона, если бы potuto свѣтъ; но встрѣчать на улицѣ ихъ улыбки и привѣтствія, ростоаемыя мнѣ, какъ великому характеру, — да, для того нужно нѣтъ характеръ, не много большій, чѣмъ у меня. — Кто это идетъ? Мой рабъ Мелихъ. Онъ германецъ; я первый сдѣлалъ его римляниномъ. Тайную переписку я принимаю отъ него только подъ покровомъ неба. Если бы я не вмѣшался въ заговоръ, то онъ могъ бы убить меня точно также, какъ — я долженъ ожидать этого — велитъ убить Неронъ.

МЕЛИХЪ—рабъ Сцевина, входитъ.

МЕЛИХЪ.

Поклонъ отъ господина Пизона. Вотъ письмо къ вамъ.

СЦЕВИНЪ — распечатываетъ письмо.

Вчера былъ брошень жребій,
Кому должна достаться слава
Убійства цезаря; и вотъ, судьба
Тебѣ ударъ предоставляет первый —

Чудесная штука! мнѣ выпалъ жребій! я долженъ убить Нерона? Боги посылаютъ мнѣ порученіе какъ разъ въ преисподнюю! Проклятая глупость — рѣшеніемъ важныхъ вещей играть словно въ четъ и нечетъ! Развѣ я затѣмъ родился на свѣтъ и любодѣтельно жилъ, чтобы другихъ сживать со свѣта? Право, пусть уже лучше я былъ бы забудыгой, пьяницей, обманщикомъ, вромъ! А то, вотъ я честный человекъ и поэтому самому получаю приглашеніе въ заговору! О, если бы я остался въ нѣдрахъ моей матери и обманулъ бы надежду моего отца! Мелихъ! ты ты, любезный, вертисься около меня, какъ гончая собака? стой нѣсколько подале. Вся римская исторія влезаетъ на меня по шлости твоей жи! Вѣдь это письмо — подмѣненный выкидышъ?

МЕЛИХЪ.

Побожиться, нѣтъ! могу ли я написать ложное письмо? Хотя

въ моемъ отечествѣ, Германіи, много сдѣлано для просвѣщенія народа, но все же я не могъ бы выразить свои мысли такъ ясно. Кажется, письмо написано очень ясно?

СЦЕВИНЪ.

Нельзя было дать такого порученія бойцу богѣ жалвому! Я рѣшительно не имѣю ни малѣйшей снаровки, чтобы хорошо рассчитать ударъ и нанести его кому бы то ни было. Первый ударъ! Ну, а если я помедлю? Можетъ быть кто-нибудь и предупредить меня? Противъ второго удара, я ничего не скажу, если только не случится у меня въ рукѣ ревматическій припадокъ. Пресверно имѣть репутацію свободно-мыслящаго человѣка, когда ее приходится доказывать фактами! Ступай прочь, медвѣдь, и не ходи за мной слѣдомъ. — Уходить.

МЕЛИХЪ.

Медвѣдь! это, вишь, намекъ на мое отечество. Здѣсь все какъ-то неестественно, все дѣлается шиворотъ на выворотъ! Хотя бы, примѣрно, мое честное нѣмецкое имя: я называюсь Михель; и вотъ, въ родѣ того, какъ ноги закладываютъ одна на другую, они такую же штуку дѣлаютъ съ буквами и зовутъ меня Мелихъ! Прекуръезный этотъ римскій народъ! Вчера мнѣ одинъ кричитъ: эй «Michaelis germanice»! замѣчаете въ чемъ тутъ суть? Я не глушь, я понимаю, что онъ хотѣлъ выразить! Именно—что если я донесу на богатаго Сцевина и заслужу право носить портретъ цезаря въ петлицѣ? — Я поразмыслию на досугѣ объ этомъ дѣлѣ. Уходить.

Выходитъ ТАЦИТЪ, пустынный, изъ хижинъ; въ рукахъ у него таблица и стилъ.

ТАЦИТЪ.

Мой вѣрный стилъ! царишь ты горделиво,
 Какъ въ храмѣ жрецъ, средь ужасовъ временъ!
 Ты судишь ихъ спокойно и пытливо;
 И пусть гроза шумитъ со всѣхъ сторонъ,
 Пускай бѣдой и нравомъ вѣютъ тучи —
 Перунами и громомъ не смущенъ —
 Летишь ты къ солнцу, какъ орелъ могучій!
 Какъ дивно пѣснь исторіи звучитъ!
 Омыты въ ней потоки крови черной
 Струю слова правды животворной;
 Все измѣняетъ свой тревожный видъ,

Въ ея кристалѣ отразившись ясномъ,
 И судъ ея, страшнѣй Эриній, мстить
 Тиранства преступленіямъ ужаснымъ!..
 Но всежъ, порой, меня гнететь печаль,
 И безнадежностью душа моя томима,
 Когда подумаю, что въ вѣчную скрижаль,
 Я заносу событъя жизни Рима!
 Бросаетъ стиль усталая рука,
 И крови тожъ, застывшей и холодной,
 Вновь подступаетъ въ сердцу старика
 Порывомъ скорби безъисходной!
 О, время золь, въ которое судьбой
 Намъ суждено влачить существованье!
 Ты не насмѣшка-ль неба надъ землей?
 Все, въ чемъ есть отблескъ истины святой —
 Все предано тобой на поруганье!
 Нѣтъ доблестей былыхъ, нѣтъ вѣры древнихъ лѣтъ,
 Утрачены и мужество, и слава!
 Нѣтъ правды на землѣ, и въ небѣ Зевса нѣтъ—
 Онъ для жрецовъ продажная забава!
 Лишь стыдъ одинъ малкомъ туслымъ намъ
 Блеститъ во тьмѣ: гроза шумитъ и стонетъ,
 И чести челнъ по плещущимъ волнамъ
 Бросаетъ бѣшено и на утесы гонить!...
 Порокъ, отмѣченный сіяющимъ клеймомъ
 Позорныхъ дѣлъ, кровавыхъ преступлений,
 За добродѣтелью, крадущейся тайкомъ,
 Слѣдитъ подобно неотступной тѣни;
 Коварствомъ успѣваетъ обмануть
 Ея доврчивость, и — улучивъ мгновенье —
 Вонзаетъ ей оружье смерти въ грудь,
 Съ свирѣпымъ смѣхомъ озлобленья!...

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я тьмы ищу, въ которой бы свой стыдъ
 Я могъ скрыть! Мнѣ чудится, что слѣдомъ
 За мною тѣнь моя бѣжитъ и лъстиво
 Цѣлуетъ грязь у ногъ моихъ, ликуя
 О томъ, что я позорной лѣни преданъ:
 Ничтожества пустое отраженье —
 Она какъ будто оправдать желаетъ
 Ничтожество.

ТАЦИТЬ.

Ты правильно сказалъ,
 Что отъ ничтожества родится
 Одно ничтожество. Повѣдай мнѣ,
 О юноша, что таготить тебя?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я кляча жалкая, которой рысью
 Нѣтъ силъ идти. Мнѣ жизнь спустила поводъ —
 И я бреду, не зная самъ куда,
 Понуривъ голову въ тупомъ забвеньи.
 Я все утратилъ здѣсь: отца и мать,
 Любовь и дружбу! Если въ этомъ жизнью
 Обмануть я, то, можетъ быть, есть ложь
 И самое мое существованье?

ТАЦИТЬ.

Ты полонъ силы молодой — будь мужемъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Ты говоришь: будь мужемъ! отчего
 Не скажешь ты сперва — будь человѣкомъ?
 Вы всѣ, мечтатели на склонѣ лѣтъ,
 Твердите о рѣшимости, о правѣ
 Великомъ мужества. Вашъ старшій вѣкъ
 Къ концу идетъ, и вы отъ юной жизни
 Желаете, чтобъ въ смерти для себя
 Она найти сьумѣла добродѣтель!
 И что такое мужество? Кланусь,
 Я трусости не знаю! но за что же
 Страдать я долженъ? не за толь, что мѣръ
 Жестоко такъ устроенъ, что отъ бѣдствій
 Мы вынуждены вѣчно защищаться?
 Что въ немъ все создано на жертву смерти?
 Что соловья и жаворонка трели,
 Поющія любовь, звучать за тѣмъ лишь,
 Чтобъ намъ вончину дня напоминать?!

ТАЦИТЬ.

Пусть такъ; но въ жизни ты вознагражденъ,

Когда ты слѣдуешь завѣту правды,
 Боторая въ тебѣ самомъ живетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Которая живетъ во мнѣ! что пользы
 Себя морочить столь безумной вѣрой?
 Пусть въ этомъ мірѣ я утратилъ все,
 Что дорого души воспоминаньямъ,
 Но все-таки она хранитъ остатокъ:
 Надежды лучъ, на будущее взглядъ —
 Предчувствіе судьбы для міра лучшей! —
 Иль день одинъ въ другой не переходитъ?
 Коль такъ, зачѣмъ исторія тогда?
 Должны-ль мы настоящее принять
 Такимъ, какъ есть оно, и думать,
 Бездѣйствуя: пускай потокъ времени
 Его куда угодно направляетъ?

ТАЦИТЬ.

Но мировой исторіи основа
 Не въ геніѣ таится, не въ талантѣ,
 Не въ томъ, что награждается успѣхомъ.
 Исторія есть небольшая повѣсть,
 Короткая, какъ праведника сонъ,
 Пространствомъ ограниченная тѣснымъ
 Одной лишь только жизни человѣка.
 Существованья личныя, какъ звенья
 Единой цѣпи, въ пустотѣ времени
 Между собой сплетаются и міра
 Исторію рождаютъ постоянно;
 Но путь ея опредѣляетъ воля,
 Вдохнувшая въ насъ жизни бытіе!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Проклятіе безумной этой вѣрѣ!
 Ужели только тѣнью божества
 Существовали царства и народы,
 Которыхъ жизнь цвѣла роскошнымъ садомъ,
 Блестала, какъ плеяды въ небѣ синемъ?
 Возможножь, чтобъ исторія вселенной
 Въ границахъ одного меня слилася?

И развѣ въ этой жизни человекъ
 Не достигаетъ ничего иного,
 Какъ только личнаго существованья?
 Нѣтъ, для меня грядущее не часть
 Придаточная скорлупы живого,
 Великаго зародыша творенья,
 Не оболочка шлаковъ у руды,
 Не матерьялъ, которому даетъ
 Невѣдомый толчейный молотъ формы:
 Мы создаемъ въ немъ нѣчто! мракъ безмолвный
 Грядущаго наполниться не можетъ
 Однимъ воспоминаемъ о минувшемъ;
 Не будетъ снова молодымъ старикъ,
 Но юноша себя извѣдать долженъ
 На поприщѣ дѣяній въ первый разъ!

ТАЦИТЬ.

Кто придаетъ подобное значенье
 Злымъ временамъ, въ которыя живемъ мы,
 Что можетъ въ нихъ найти онъ для печали?

ЮЛІЙ ВИНДЕВЪСЪ.

Старикъ! кто на бездѣйствіе свое
 Надѣется — похожъ тотъ на медвѣдя,
 Сосущаго въ берлогѣ темной лапу:
 Мурлычить подъ носъ онъ себѣ систему,
 Которая бы привела его
 Въ ближайшій улей. Ты творишь себѣ
 Изъ глины міръ; съ тобою онъ живетъ
 И падаетъ во прахъ съ тобою вмѣстѣ!...
 Я говорю, что этотъ свѣтъ пустынный,
 Его всегдашній шумъ и бушеванье,
 Его стремленье вверхъ и внизъ, паденье
 Имѣютъ цѣль свою и свой законъ!
 Борьба и та становится полезной:
 Оказываетъ смерть услугу жизни!
 Таковъ удѣлъ времени, чтобы изъ зла,
 Изъ нѣдръ несчастія добро произрастало!
 Добро себя чрезъ зло провозвѣщаетъ,
 Чрезъ зло, порой сильнѣйшее того,
 Которое мы истребить желали.

ТАЦИТЬ.

Несчастный юноша! Что испыталъ ты въ жизни,
 Когда смятенно чувствъ своихъ и мыслей,
 Въ мечтѣ таковой находишь утѣшенье?
 Что ослѣпило взоръ твой? что твой слухъ
 Такъ оглушило? Кажутся тебѣ
 Стеклянными листы деревъ, и въ камнѣ
 Ты видишь хлѣбъ! Иль то одна кичливость,
 Что ты такъ дерзко хочешь изловить
 Рукою облаковъ туманныхъ пятна?
 О юность, скорая на все, сравнять
 Всегда себя готовая съ богами!
 Къ чему мечты безумныя? Люби
 Ты добродѣтель въ жизни; непороченъ
 Будь въ нравахъ и рѣчахъ; будь отраженьемъ
 Своей души цвѣтущей идеала;
 Совѣтамъ старости внимай и будь
 Ея подпорой сильною и бодрой;
 Страстей порывы сдерживай всечасно,
 И, раздувая юности огонь,
 Безъ усталы работай: только дѣло
 Живеть одно: все остальное—призракъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Вамъ ненавистно юности стремленье,
 Жизнь украшать нарядомъ разноцвѣтнымъ!
 Вамъ хочется, чтобы она, какъ вы,
 Состарѣлась и отличалась только
 Рѣшимостью да мужествомъ; вамъ нужно
 Уродливое существо, до срока
 Созрѣвшее; въ холодномъ вашемъ сердцѣ
 Отвѣта нѣтъ на пылкіе порывы!
 Отъ юности вы требуете строго
 Характера въ то время, какъ она,
 Съ своей распущенностію ясной,
 У жизни жадно проситъ наслажденья.—

ТАЦИТЬ.

Не говори! я знаю эти рѣчи:
 Вы, юноши, хотите устранить
 Себя отъ партій, и однимъ движеніемъ

Своей руки туда, или сюда,
 Поворотить стремленіе временъ?
 Вы возстаєте противъ тираній,
 Но вамъ ея распущенность по праву.—

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Прости меня — я клеветалъ безумно!
 Да, благородный мужъ, въ лѣсной глуши
 Я долженъ былъ съ тобою повстрѣчаться,
 Чтобъ устыдиться самого себя!
 Прими же исповѣдь души моей:
 Несчастья тьма мой омрачила духъ
 Такъ глубоко, что въ заблужденіи горькомъ,
 Я началъ видѣть міръ на оборотъ!...
 Но прочь теперь все, чѣмъ морочатъ насъ
 Фантазія и лживое искусство!
 Повязка мрака съ глазъ моихъ ниспала,
 Я вижу, что умомъ и силой духа
 Съ зломъ, въ наши дни, бороться невозможно;
 Инымъ путемъ мы дѣйствовать должны:
 Сплотиться нужно намъ; чего одинъ
 Не сдѣлаеть, то одолѣють двое!
 О скорбь души! на время замолчи,
 О сердце! все забудь ты, кромѣ чести —
 И пусть заблещутъ копья правой мести,
 Пусть казнь тиранству понесутъ мечи!
 Падаеть на грудь пустыннику.

ТАЦИТЬ.

Мой сынъ, стораешъ ты въ огнѣ сомнѣній!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Нѣтъ! я стою на берегу морскомъ,
 Смотря на бездну, плещущую бурно,
 И броситься въ нее хочу безъ страха!
 Прощай! я долженъ въ памяти своей
 Хранить одно: пусть лучше я умру,
 Чѣмъ откажусь душой отъ дѣла мщенья!
 Скажи свое мнѣ имя на прощанье?

ТАЦИТЬ.

Быть можетъ, ты уже слыхалъ его;

Прощай, о юноша, Корнелій Тацитъ
Съ тобою говорилъ.

Уходить.

ЮЛІЙ ВИНДЕВЪСЪ.

Такъ это онъ —
Сѣдой пророкъ, что время для себя
Въ прошедшемъ отражаться заставляеть?
Такъ это тотъ мужъ истины, который
Насъ научилъ, что римская свобода
Рукой преступной цезарей убита?
Который на челѣ вѣнчанномъ ихъ
Клеймо позора такъ глубоко выжеть?
Какъ я люблю исторію его,
Гдѣ приговоры мудрые безстрашно
Онъ изрекаетъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ
Всѣ происки тиранства обнажая!
Его письменъ правдивые глаголы
Въ моей душѣ отозвались вновь!
Могу-ль еще я думать, что далеко
Та цѣль, къ которой долженъ я стремиться?
Могу-ль еще страшиться честной смерти,
За дѣло правое святой свободы?
Онъ говорить мнѣ твердо: «ты послужишь
Благому дѣлу жизни, если жизнь
Продашь возможно дорогой цѣною;
Оставь безплодный бредъ пустыхъ мечтаній,
И мысль свою сосредоточь на дѣлѣ
Достойномъ мужества души великой!...»
Прочь отъ меня все, чѣмъ смущался я:
Прочь цезаря безумье шутовское!
Прочь и Поппея, сердцу моему,
Увы, еще донинѣ дорогая!...
Когда и какъ Нерона я убью?
Одна лишь ночь еще пройдетъ — и это
Обдуманно мной будетъ непреложно!

Уходить.

СЦЕВИНЪ и МЕЛИХЪ выходятъ снова.

СЦЕВИНЪ.

Кажется тамъ кто-то стоять? Эй, кто это?

МЕЛИХЪ.

Это я, господинъ!

СЦЕВИНЪ.

Это ты, Мелихъ! (Разсматриваетъ кинжалъ.) Ты хорошо сдѣлалъ, мой милый, что принесъ мнѣ эту штуку. Съ этимъ кинжаломъ я иду на встрѣчу безопасности уже съ меньшей опасностью, такъ какъ онъ похищенъ съ алтаря богини безопасности. Онъ послужитъ мнѣ плавательнымъ пузыремъ въ потокѣ приключеній, въ который я долженъ броситься. Дай-ка его сюда. Мелихъ, куда же ты дѣвалъ кинжалъ безопасности?

МЕЛИХЪ.

Онъ у васъ въ рукахъ, господинъ.

СЦЕВИНЪ.

Да; я хотѣлъ только, чтобы ты взялъ его. Какое это предательское слово кинжалъ! Пожалуйста, Мелихъ, отъучи себя отъ такого яснаго обозначенія вещей. Вообрази себѣ, что эта штука имѣетъ вмѣсто одного острія два, и называй ее для меня лучше вилкою.

МЕЛИХЪ.

Бого же вы хотите съѣсть этою вилкою?

СЦЕВИНЪ.

Что, что такое? Ты подслушиваешь, негодяй? Ты мѣшаешься въ дѣла, которыя тебя вовсе не касаются! Ужъ не предполагаешь ли ты, что у меня есть работа для употребленія этого инструмента? Инструмента, сказалъ я, понимаешь-ли ты? Скажи: ты умѣешь щипать корпію? Достань же, что можешь, по части старыхъ рубашекъ, платковъ и тому подобнаго. Что ты таращишь глаза? Не думаешь ли ты, что я затѣваю убійство, а?

МЕЛИХЪ.

Вы дѣлаете такія приготовления, какъ будто всему достойному хвалы человѣчеству должна быть пущена кровь. (Въ сторону.) Бого же это убивать будутъ?

СЦЕВИНЪ.

Что это такое тамъ поднимается и опускается? Облики-ка, облики.

МЕЛИХЪ.

Я ничего не вижу.

СЦЕВИНЪ.

Я успокоиваюсь. Это была моя тѣнь!... Да, и такъ корпія. Хорошо; ее мы имѣемъ. Ну, теперь губка. Короче сказать, ты долженъ отыскать все, что нужно для перевязки ранъ, для быстрого утишенія крови и другихъ непредвидимыхъ случаевъ. Куда же ты дѣвалъ злополучную вещь, которая не только похожа на кинжалъ, но даже, именно, кинжалъ-то и есть? Ну, слушай же. Займись пожалуйста съ завтрашняго дня и наточи его такъ, чтобы остріе его наконецъ совсѣмъ было невидимо. Человѣкъ, который бы увидалъ его, долженъ уже получить на лицѣ дыру, глубиною въ два дюйма. Надо сдѣлать такимъ образомъ, чтобы каждый, кто съ умысломъ будетъ раненъ, долженъ, такъ сказать, самъ наткнуться на него. (Про себя.) Удастся ли только найти кого-нибудь, кто бы позволилъ мнѣ сбыть ему честь перваго удара съ придачей хорошихъ денегъ? Пойду, поищу въ этихъ дебряхъ. (Уходитъ).

МЕЛИХЪ.

Однако, тутъ что-то особенное скрывается. Тутъ пущены въ дѣло запрещенные пути и вещи, которыя, если отероются, должны обратить чье-нибудь вниманіе. Кинжалъ, кровопролитіе, корпія, губка — все это штуки, охъ какъ подозрительныя! Достопочтенный нѣмецъ Михель! что можешь ты предпринять въ этомъ случаѣ? Разумѣется ничего другого, какъ завтра же отправиться къ высшему начальству и сдѣлать достодожное показаніе (Уходитъ).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Академія.

Галерея съ колоннами, полная молодыми людьми, которые частію прогуливаются, частію соединяются въ отдѣльныя группы, чтобы слушать учителей.

Два служителя, стоящіе у дверей, разговариваютъ въ передней группѣ.

ПЕРВЫЙ.

Философія можетъ на этотъ разъ пользоваться великоблѣннымъ временемъ года. Всегда «южное небо» въ календарѣ... Скажи, пожалуйста, что это у тебя такое въ рубахѣ?

ВТОРОЙ.

Это парусина, которую мнѣ велѣлъ захватить Эмпедоклъ. Если, паче чаянія, пойдетъ дождь, то я долженъ прикрѣпить ее между двумя колоннами, чтобы возраженіе дождя и вѣтра не вредили его утвержденіямъ насчетъ высшаго блага, такъ какъ, по его словамъ, идеи могутъ переносить все, только не сырость. Прежде, чѣмъ успѣешь махнуть рукой, глядишь, они уже получаютъ насморкъ и простуживаются! Кстати, однакожь, такъ какъ у меня еще есть время—какъ ты находишь нашъ новый философскій образъ жизни?

ПЕРВЫЙ.

Да какъ тебѣ сказать? ты, конечно, помнишь, что я прежде упражнялся въ приготовленіи башмаковъ? Ну вотъ, когда стоическая философія обратилась въ бѣгство предъ эпикурейскою, то она такъ стоптала свои пятки, что принуждена была прибѣгнуть къ человѣку, который сумѣлъ бы ихъ приставить ей снова. При этомъ я чищу стоицизму башмаки, выколачиваю его платя и исполняю для него всякія маленькія комиссіи, требующія добросовѣстнаго исполненія.

ВТОРОЙ.

Ну, ты гораздо счастливѣе меня потому, что приставленъ къ стоицизму. Нѣтъ, вотъ послужи-ка что-нибудь у цинизма, у философіи собаки! Мнѣ, напримѣръ, въ услуженіи охотно помогла бы моя жена; но, вѣдь, такая жалость право, эта система запрягаетъ отдавать въ стирку рубашки! Я, какъ ты знаешь,

быть цирюльникомъ; я могу брить, обрѣзывать ногти, быть подъ руюю при купаньѣ, я смеаю кое-что въ хирургіи. Ну, какое же изъ всего этого я могу теперь сдѣлать употребленіе? Хорошо еще, что циническая философія ходить босоногая: по крайней мѣрѣ иногда что-нибудь перепадетъ за срѣзываніе мозолей. Да, думя времена!

ПЕРВЫЙ.

Вотъ смотри идетъ прислужникъ эпикурейцевъ. Распутный человѣкъ и вѣчный пьяница. Смотри, фарситъ какъ: глаза изъ головы выскочить хотятъ!

ТРЕТІЙ.

А, мое почтеніе! что, вы оба еще живы, ха-ха-ха! Ну, вы топаете съ каждымъ днемъ. Вотъ, побожитесь, если моя система, система, которой я служу, эпикурейская система, въ скоромъ времени не заткнетъ васъ за поясъ. Что подѣлываете хорошаго? Чистите башмаки? Гм... По какой же системѣ вы ихъ чистите? Изъ какихъ предположеній исходите вы, когда чистите платье? Можете ли вы, на основаніи принциповъ, подать стаканъ воды? Ну—не можете? Вотъ то-то и есть! Два, три заимствованныхъ предложенія, нѣсколько понятныхъ всѣмъ и каждому категорій, нѣсколько приклеенныхъ другъ къ другу произвольныхъ утверженій, щетка, которая оставляетъ пухъ, вакса, которая только портитъ башмаки, лѣнивыя ухватки, необразованность—вотъ все, что у васъ есть, вотъ ваша система! Который, однако, часъ теперь?

ПЕРВЫЙ.

Девятый.

ВТОРОЙ.

А что, чай, твоя система приносить тебѣ порядочный доходъ?

ТРЕТІЙ.

Есть-таки, чѣмъ поживиться. Старья платья; вѣнки изъ миртъ и розъ, которыя, хотя они и не первой свѣжести, однако еще можно сбыть какой-нибудь экономною дѣвицѣ; мази, покупаемыя весьма охотно содержателями бань; лакомые кусочки съ господскаго стола, и въ заключеніе, красивыя женщины, которыхъ приходится отводить по утру изъ садовъ Эпикура! Хе, хе, хе—что скажете вы о такой системѣ?

ПЕРВЫЙ.

Ты не женатъ. Но тому, кто уже въ лѣтахъ, имѣеть жену и дѣтей — тому лучше идетъ стоицизмъ.

ТРЕТИЙ.

А слышали вы новость? Мнѣ вотъ взбрело въ голову, что я хотѣлъ вамъ сообщить о ней. Сейчасъ сообщу, — только, пожалуйста, потомъ напомните мнѣ, что я собственно долженъ принести сюда паштетъ. Господа, вишь, на немъ хотять изучать боническія сѣченія... Да, такъ вотъ новость-то. Толкуютъ, что будто бы у насъ образовалась новая секта, такая проклятая секта, которая приравниваетъ человѣка къ — къ — къ чему бишь такое? Ну да, словомъ, чортъ знаетъ къ чему! Эта секта, это нововведеніе, этотъ расколъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ будто бы дѣлать все самъ для себя. По мнѣнію этой секты, счастливымъ можно сдѣлаться только тогда, когда возьмешь самъ на себя удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. По словамъ этой системы, слѣдуетъ не только стремиться къ высочайшему благу, но и хлопотать о томъ, чтобъ оно доставалось каждому какъ можно дешевле. Она говоритъ, что люди только тогда сдѣлаются своими собственными господами, когда они будутъ своими собственными слугами. Всякій долженъ быть слугою того, чей онъ господинъ. Мало этого; она выставляетъ такое положеніе: всякій покупатель долженъ быть собственнымъ башмачникомъ; и потомъ заключаетъ на оборотъ: каждый башмачникъ долженъ быть собственнымъ своимъ покупателемъ!

ПЕРВЫЙ.

Вѣчные боги! Да вѣдь тогда не будетъ никакого сбыта!

ВТОРОЙ.

А я - то еще надѣялся, что цинизмъ отложить свою ненависть къ мылу; но вотъ эта новая секта, кажется, была бы даже въ состояніи положить себя самое на скамью для мытья.

ТРЕТИЙ.

Я-жъ вамъ говорю, что это ужаснѣйшая система, такая система, что васъ можетъ лишитъ хлѣба, а меня пироговъ; однако, увѣрю васъ, я съ нынѣшняго вечера не выхожу иначе, какъ захвативъ съ собою хорошую палку: если, замѣчу, изъ споровъ ничего

не выходитъ, такъ постараюсь распорядиться такъ, чтобы дѣло
пошло до потасовки... Ну вотъ, я теперь въ отчаяніи: совѣтъ
завѣи, что такое я долженъ былъ принести?

ПЕРВЫЙ.

Кажется, ты говорилъ конусъ, что ли?

ТРЕТІЙ.

Да, да, вспомниги! Не конусъ, любезный, а паштетъ для
того, чтобы молодые господа могли переварить, скушавши его,
мыслескія сѣченія. Прощайте. Уходитъ.

ВТОРОЙ.

Новая секта, про которую говорилъ онъ, не выходитъ у меня
въ головы. Впрочемъ, можетъ быть этотъ шутъ просто навралъ
мнѣ. Посмотри-ка: кажется, Эмпедоклъ зоветъ меня? Пойти.

Уходитъ.

ПЕРВЫЙ.

Стоицизмъ держится потому, что у него, вишь, родня очень
затная... Никакъ Зенонъ меня кличетъ? Что угодно? стаканъ
мнѣ? Сю минуту. Уходитъ.

Первыи учитель съ учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Господа, я не отрицаю, что исхожу отъ весьма матеріаль-
наго основнаго положенія; но вы сейчасъ увидите, какіе возвы-
шенныя результаты истекають изъ него. Отъ чего въ настоящее
время въ этомъ мірѣ господствуетъ такое огромное количество
жизненныхъ и нелѣпныхъ мыслей? Это происходитъ, господа, отъ на-
шихъ дурныхъ зубовъ. Съ первымъ пустымъ зубомъ родилась
первая пустая мысль. Очень естественно: нами запущенныя, не-
правильно вычищенные, виннымъ камнемъ усаженныя жеватель-
ныя орудія препятствуютъ поволенію раздроблять пищу въ ту
жидкую массу, которая, будучи разведена достаточнымъ количе-
ствомъ слюны, одна только благоприятна желудку. Такимъ обра-
зомъ, желудку въ нашъ вѣкъ достается слишкомъ большая ра-
бота переварки; отъ этого тѣло, почерпавшее свою свѣжесть въ
желудкѣ, хилѣетъ, и духъ, чувствующій себя дурно въ больной
оболочкѣ, свертывается; это совершенно естественный переходъ
отъ зубовъ къ мышленію.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Такимъ образомъ, вы думаете, что наилучшимъ приготовленіемъ и пропедевтикою въ изученію философіи можетъ послужить зубная щетка?

УЧИТЕЛЬ.

Именно. Если старая философія имѣла волокна въ зубахъ, то наша задача вычистить ей зубы. Послѣдуйте моему совѣту, ваше мышленіе выиграетъ въ новизнѣ, ваши комбинаціи въ оригинальности. Зубныя щетки, юноши, вотъ мое основное положеніе! Проходить.

Второй учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Прежде, чѣмъ я сегодня начну мою бесѣду съ вами, господа, попрошу васъ объ одномъ: пожалуйста, не оглядывайтесь вои на того презрѣннаго человѣка, который идетъ за нами и строитъ міръ изъ ничего. Сомкнитесь въ тѣсный кругъ и загородите мою спину. Вы не знаете всей злобы этого человѣка. Положимъ, что у меня иногда бываетъ дыра на башмакахъ; положимъ, что сопровождаю свои философскія догмы довольно глупымъ движеніемъ плеча, противъ чего я тщетно употребляю ванны. И ради чего же онъ, съ тѣхъ поръ, какъ свѣдаль мой небольшой порокъ, постоянно преслѣдуетъ меня своими насмѣшками на этотъ счетъ, воображая ими опровергнуть мою систему? В остроумное зданіе моей системы, логичность моихъ выводовъ, убѣдительность моихъ доказательствъ, для его учениковъ ниче не значать съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ сказалъ, что я иногда ношу дырявые башмаки. Таковы всегда люди. Если вы носите парикъ, и людямъ случится узнать объ этомъ, то для нихъ решеное дѣло, что книга, написанная вами, забавна. Точно такъ имѣйте вы хорошій сюртукъ — они не осмѣлятся возражать вамъ, но чуть у васъ появится заплатка на немъ, и тогда ужъ молчать не станутъ... Благодарю васъ, господа. Вы какъ разъ поместили меня въ середину, благодарю. Теперь мы можемъ начать. На чемъ мы остановились?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

На существованіи самомъ по себѣ.

УЧИТЕЛЬ.

Да именно на этомъ... Презрѣнный человѣкъ пристааетъ ко мнѣ въ репейникѣ: я не смогу рта открыть, чтобъ онъ не заглянулъ туда. Онъ липнетъ ко мнѣ, какъ смола... Ну и такъ: бытіе само по себѣ! Что утверждаетъ онъ этимъ?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Что философія занимается не предметами, но понятіями.

УЧИТЕЛЬ.

Уморительно! я впрочемъ долженъ вамъ сообщить еще нѣчто изъ того, что онъ изрыгалъ противъ меня; но прошу васъ, выслушайте пожалуйста тѣснѣе, а то, я знаю, онъ въ эту минуту говорить обо мнѣ, и я долженъ бѣжать потому, что онъ шепчетъ и указываетъ на пятна моихъ чулокъ. Нѣтъ, уйдемте, испода; я просто не могу выносить запаха этого презрѣннаго вѣлика. Проходить.

Третій учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Ничто, какъ сказано, есть ничто, господа; слѣдовательно, ничто есть все. Всякій, господа, есть, слѣдовательно, никто. По тому, предположимъ, слѣдовательно... на примѣръ, стучится, предположимъ... слѣдовательно, стучится кто-нибудь... кто-нибудь, слѣдовательно, на примѣръ, въ мою дверь... какъ, ну какъ, долженъ, слѣдовательно, я сказать? Какъ сказано, я сталъ бы спрашивать: тамъ?... слѣдовательно, кто тамъ? Ну, какъ сказано, было бы снаружи мнѣ отвѣчено... слѣдовательно, такъ отвѣчено: я! Да — да. Что, что, бишь, такое я говорю? Глупо! Я есть всякій, слѣдовательно, всякій есть слѣдовательно тоже, что никто. Однако, слѣдовательно, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія... слѣдовательно, сомнѣнія нѣтъ никакого, что кто-нибудь есть тамъ. Вы видите, испода, какъ сказано, бытіе есть при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тоже, что и небытіе. Ибо я, я, который спрашиваю, съ себя свободно сознающій. Но лицо, находящееся снаружи... слѣдовательно, снаружи... есть для меня ничто, потому что оно, какъ сказано, говорить: я! Но я можетъ быть всякій. Всякій въ отношеніи къ тому я = ничто. Вы видите, слѣдовательно, кто утверждаетъ свое существованіе, слѣдовательно, тотъ есть ничто, потому что, какъ сказано, абстрактное бытіе есть ничто.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Также и пониманіе, мышленіе есть ничто, слѣдовательно
ибо, какъ сказано, пониманіе...

УЧИТЕЛЬ.

О, господа! Языкъ есть собственно величайшее препя-
ствіе философіи, потому что на него натапливаются, какъ сн-
зано, при каждомъ словѣ. Наука, слѣдовательно, употре-
ляетъ каждое слово въ другомъ значеніи, слѣдовательно, чѣм
обыкновенное, слѣдовательно.... Поэтому, господа, поэтом
истинная философія, слѣдовательно, безгласна; хотя, какъ сн-
зано, это молчаніе, это молчаніе, слѣдовательно, легко может
перейти въ мистицизмъ; истинный философическій языкъ, слѣ-
довательно, есть языкъ, какъ сказано, языкъ бога.

ВСѢ УЧЕНИКИ.

Высоко! Чудесно! Проходить.

Четвертый учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Пусть другіе вѣрятъ, что они знаютъ; мы, мои друзья, бу-
демъ находить нашу гордость въ томъ, чтобы учиться вѣрнѣ
Вѣра становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ наукою, а въ бол-
шинствѣ искусствомъ. Источникъ науки есть разумъ; источникъ
искусства—потребность. Потребность можетъ быть удовлетворен
и даетъ утѣшеніе, или остается неудовлетворенной и возвышает
наше предчувствіе; однимъ словомъ, вы видите, что вѣра может
быть приведена въ систему.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Но во что же мы должны вѣрять?

УЧИТЕЛЬ.

Во-первыхъ, въ священное преданіе, а потомъ во все то, ч-
я объ этомъ буду говорить. Не толкуйте о чудесныхъ разска-
захъ, которыми боги хотѣли обогатить нашу догматику, о Юпи-
терѣ, Ледѣ, Даная. Боги знали, что люди будутъ нѣкогда имѣть
потребность вѣрять во всякіе фокусы, какіе богами будутъ вы-
кинуты. Есть философія—вонъ она идетъ съ своимъ хвостомъ

передъ меня — есть философія, которая знаніе поставляетъ прежде познаемаго и поэтому признаетъ божество единственно настолько, насколько оно можетъ быть познаваемо людьми. Мы знаемъ тоже самое о вѣрѣ. Изобрѣтеніе религіи со стороны боговъ весьма удачный расчетъ въ будущемъ; очень можетъ случиться, что содержаніе ея оказывается слишкомъ малымъ, ибо будущій вѣры духъ нигдѣ не можетъ найти достаточнаго матеріала для своего вѣрованія. Онъ обращается, за недостаткомъ предметовъ вѣры, къ мифологіямъ чуждыхъ народовъ, и я увѣренъ, что можно отдаться съ извѣстнымъ благоговѣніемъ божествамъ индійскимъ, персидскимъ, самообраійскимъ, халдейскимъ и прочимъ; коротко сказать, молитесь всему, что у васъ есть въ рукахъ. Стѣнать.

ВТОРОЙ УЧЕНИКЪ.

Право, дорогой учитель, мы должны быть похожи на птицу, которая прицѣпляется къ потолку своей кѣтки и опускаетъ голову внизъ, такъ что намъ небо должно казаться землею.

УЧИТЕЛЬ.

Истинно такъ, истинно такъ! И если мы при этомъ рабѣемъ себѣ голову въ кровь вмѣсто звѣзды о бревно, загораживающее улицу, то будемъ утѣшать себя тѣмъ, что у насъ министерство духовныхъ дѣлъ есть въ тоже время министерство медицинскихъ дѣлъ и для всѣхъ ранъ, полученныхъ за добрыя дѣла, имѣетъ надлежащее леченіе. Проходить.

Пятый учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Возьмите господа эту розу! Что побуждаетъ насъ называть эту розу прекрасною?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

То, что она сіяетъ, какъ юный день; то, что она стыдится щипать свои прелести; то, что она благоухаетъ, слаще розовой миндалины.

УЧИТЕЛЬ.

Такъ выразился бы поэтъ! Но мы должны опредѣлять красоту философски. Почему эта роза прекрасна? она представляется въ первой формѣ способности представленія — въ простран-

ствѣ. Поэтому она есть нѣчто конечное и въ основаніи ея пристрастивнаго явленія должно лежать идеальное. Какіе средніе члены можно отыскать, на примѣръ, между Аполлономъ Бельведерскимъ и этой розой? Если тамъ выступаетъ гармонія пластическихъ формъ, то эта категория уже не оказывается вѣрнокъ здѣсь; если тамъ выступаетъ воплощенная идея юности, красоты — ага! — къ этому-то я только и желаю придти. Дѣло вотъ въ чемъ: въ Бельведерскомъ Аполлонѣ можно удивляться двойственной красотѣ: во-первыхъ, онъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ, какъ тема; во-вторыхъ, какъ Бельведерскій въ воспроизведеніи. Какъ же теперь роза? представляется ли здѣсь также двойной типъ? Все конечно. Мы должны, во-первыхъ, возвратиться вообще къ образованію растенія и, во-вторыхъ, отыскать точку соприкосновенія, въ которой конечное съ безконечнымъ сходится въ вѣрномъ явленіи. Первичное растеніе, господа, которое въ Сициліи...

ДРУГОЙ УЧЕНИЙ.

Однако, смотрите, роза подѣ вашими опредѣленіями ужъ завяла! Проходить.

Шестой учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Хотя и сомнительны, господа, нѣкоторые ученія нравственности; однако всѣ основанія — будутъ ли они теоретическія или практическія — соединяются въ томъ, что ложь должно считать безусловно отвратительной. Говори правду при всѣхъ обстоятельствахъ — вотъ высочайшій нравственный законъ! Приведите, однако, какой-нибудь примѣръ для доказательства негодности предлоговъ, которыми извиняють, такъ-называемую, вынужденную ложь.

УЧЕНИЙ.

Убийцы ищутъ господина нѣкотораго раба. Рабъ, чтобы отвратить отъ своего господина грозящую опасность, бросается имъ на встрѣчу, называетъ себя именемъ того, кого они ищутъ, умираетъ проколотый винжалами убійцъ и ложно спасаетъ жизнь своему господину.

УЧИТЕЛЬ.

Да, это именно то, о чемъ я говорю. Низкій простолудникъ погибаетъ со словами презрѣнной лжи во рту. Будьте увѣ-

рени, господа, нравственный законъ стоитъ выше, чѣмъ всѣ коллизіи, въ которыхъ онъ иногда можетъ очутиться. Если бы этотъ рабъ былъ почитателемъ категорическаго императива, безъ сомнѣній, онъ жилъ бы еще. Изъ этого вы можете также вывести заключеніе, что правдою всего лучше можно отдѣлаться отъ мнѣній опасностей. Проходить.

Седьмой учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Такимъ образомъ, наконецъ, я желалъ-бы набросать предъ вами идеаль философскаго государства, рациональнаго общества. Государство, предлагаемое мною, состоитъ изъ пяти классовъ гражданъ, которые въ тоже время служатъ фундаментомъ для правительственной власти. Эти пять классовъ называются по пяти чувствамъ, такъ что мы имѣемъ классы: обоняющій, слушающій, видящій, вкушающій и ощущающій. Самый почтенный классъ есть вкушающій; самый низкій ощущающій: онъ довольствуется только тѣмъ, что посредствомъ нервнаго эфира отыскиваетъ существенныя вещи (напримѣръ, хотъ жаркое), ровно ничего въ этомъ не видя и не вкушая... Съ видящаго класса начинаются субъекты; впрочемъ этотъ классъ имѣетъ то преимущество, то онъ платитъ гораздо меньше податей, чѣмъ слѣдующіе. Слушающій классъ платитъ добровольно, такъ какъ онъ не видитъ, какимъ образомъ его деньги идутъ въ употребленіе. Главнѣйшій фундаментъ государства составляютъ наконецъ ощущающіе субъекты, имѣющіе обо всѣхъ предметахъ только предчувствіе, привикшіе касаться ко всему въ сладкомъ обольщеніи и охотно считающіе государство за семью, не неблагоклонную къ нововведеніямъ. Къ этому классу принадлежать женщины, ученые, сельское низшее духовенство и литераторы всякаго рода.

УЧЕНИКЪ.

И эта великая мысль не введена еще вездѣ въ дѣйствительности?

УЧИТЕЛЬ.

Къ сожалѣнію такова моя участь, и я ею равенъ съ Платономъ. Мои идеи родятся тысячекратно раньше, чѣмъ бы имъ слѣдовало. И признаюсь вамъ, господа, раздоръ между жизнью и теоріею, между опытомъ и чистымъ разумомъ не прекратится никогда, никогда. Проходить.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ входитъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Куда забрелъ я? Въ пестрый сонмъ людей,
 Шумящихъ, будто комары подь вечеръ
 Въ воздушной полумгѣ, согрѣтой солнцемъ!
 Здѣсь каждый хоръ кружится суетливо
 И нагѣваетъ пѣснь свою, усердно
 Ее съ жужжаньемъ общимъ соглашая;
 Тотъ формулу магическую ищетъ,
 Чтобъ превращать желѣзную руду
 Въ источникъ золота; тотъ учить дѣлать
 Изъ жидкости кубическое тѣло;
 Тотъ предлагаетъ изъ поблекшихъ гроздій
 Извлечь огонь небесный Прометея!
 Здѣсь разные премудрые вопросы,
 Подобно бабочкамъ цвѣтнымъ, порхаютъ
 Предъ мальчиками, увлекая ихъ
 Вслѣдъ за собой въ бесплодную погоню;
 Тогда какъ юношей цвѣтущая душа,
 Богатая надеждами, должна бы
 Себя въ трудъ суровомъ укрѣплять!
 Увы, завѣты нашихъ предковъ славныхъ
 Унесены теченіемъ времянь
 И сгладилось о нихъ воспоминанье!
 Здѣсь прячется винжалъ Катона въ ножны,
 Забытъ здѣсь Брутъ, погибшій за отчизну,
 Забытъ и Августъ, жаломъ ядовитымъ
 Пронзившій грудь свободы древней Рима!
 Здѣсь не заботятся о доблестяхъ былого
 И настоящаго позоромъ не болѣютъ!
 Вонъ подь колоннами портала собралася
 Толпа дрянныхъ людишекъ и преважно
 Себѣ ходульный міръ свой создаетъ
 Исполненный хитросметенныхъ бредней,
 Витающихъ надъ жизнію земной
 Въ пустой и смутной сферѣ сумасбродства!
 Какъ пауки раскинули они
 Сѣть паутины, сотканную тонко
 Изъ умозрѣній и мудреныхъ словъ,
 Чтобъ уловлять въ нее учениковъ!
 Но всежъ хотъ ерѣиво лапами своими
 Они хватаютъ мысли бѣдныхъ жертвъ —

Изъ дѣпкихъ путь тревожно рвется юность
 На встрѣчу грезъ свободы, передъ нею
 Мелькающихъ прельстительно, хотъ смутно!....
 Поиду, послушаю, что тамъ за пѣсни
 И что за птицы распѣвають ихъ.

Подходить къ многочисленной, все болѣе и болѣе увеличивающейся группѣ:
 НЕРОНЪ и СЕНЕКА входятъ переодѣтые.

НЕРОНЪ.

Не озирайся! къ намъ со всѣхъ сторонъ
 Несется смутный говоръ любопытства.
 Тамъ кто-то шепчетъ, тамъ какъ будто мнѣ
 Бываетъ кто-то. Проходи скорѣе!
 Смущаюсь я отъ этихъ словъ и взглядовъ;
 Мнѣ чудится здѣсь каждый человѣкъ
 Во глубинѣ души моей читаетъ.

СЕНЕКА.

Когда вы, всемиловѣйшій государь цезарь, такъ громко говорите, то вамъ можно выбрать одну изъ двухъ ролей: или скажете, что вы фюрусниезъ, и вы — прежде, чѣмъ подойдете вонъ къ тому человѣку, который играетъ понятиями, какъ фигляръ — будете разорваны восторженною толпою. Или же совѣтую вамъ считать себя за молодого ученаго, желающаго философію снова привести къ опыту: тогда вы можете рассчитывать, что вамъ позволитъ стоять рядомъ съ другими.

НЕРОНЪ.

Будь разсудительнѣе Сенека и не лѣзь впередъ; право гнусно дать людямъ поводъ смотрѣть на себя такъ подозрительно, какъ будто ты хочешь стащить у нихъ носовой платокъ изъ кармана. Всѣ эти люди, что окружали насъ, стало быть философы? ненавижу философію!

Я ненавижу истину: она
 Хвастлива слишкомъ и притомъ не ладитъ
 Съ тѣмъ, что предъ властью клонится смиренно.
 Она не вѣдаетъ очарованья,
 Стыдливости, которая съ борьбой
 Себя являетъ въ наготѣ прекрасной!
 Она со взоромъ наглымъ къ намъ подходитъ
 И при продажѣ болѣе даетъ,

Чѣмъ отъ нея мы получить желаемъ.
 Она живетъ съ неловкостью въ союзѣ,
 Не въ-время насъ часто посѣщая.
 Когда ты разъ къ ней склонишь добровольно
 Свой слухъ, она начнетъ неутомимо
 Тебѣ шептать повсюду и во всемъ
 О полномочіи своемъ напоминая.
 Она картиной дѣлаетъ себя,
 А человѣка рамою негодной.
 Нигдѣ — и даже въ Греціи прекрасной —
 Богинѣ истины не воздвигали храмовъ.
 Все на землѣ является прикрытымъ,
 И нимфы наготу тогда лишь кажутъ,
 Когда кристалъ волны ихъ облебасть,
 Но истина всегда обнажена
 И наготы своей не замѣчая,
 Сіяетъ ей предъ всѣми равнодушно.
 Что голо — не красиво! Никогда
 Понравиться не можетъ тѣ Нерону,
 Что изгнано изъ царства красоты!

Однако, Сенека, мы купили миндаля не для того, чтобы ты съѣлъ его одинъ. Дай и мнѣ также!.. Какъ мы зашли въ это мѣсто? Я просто не понимаю. Что сказала бы моя добрая мать, еслибы она была жива?.. Я начинаю понемногу привлекать къ этому шуму. Посмотри, что тамъ такое случилось? Куда это всѣ сбѣгаютъ?

СЕНЕКА.

Кажется, всемилостивѣйшій государь и цезарь, тамъ долженъ родиться новая мысль. Пожалуй, впрочемъ, когда мы подойдемъ туда, окажется, что, вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій, возбѣщенная мысль появится только завтра. Мы сейчасъ это увидимъ.
 Смѣшиваются съ толпою.

РИТОРЪ въ щегольской одеждѣ, сидящій на спинкахъ рабовъ, окруженный вношамъ и старцами, которые жадно ловятъ его слова.

РИТОРЪ.

Милостивые государи, тихое дыханіе лазурнаго воздуха вѣетъ отъ запада, я качаюсь на эластической спинѣ моихъ рабовъ и начинаю свою рѣчь. Есть искусства, теорія которыхъ гораздо совершеннѣе ихъ практическаго исполненія; но я хочу говорить сегодня объ искусствѣ совершенно иномъ, искусствѣ, достигшемъ

в жизни самыхъ разнообразныхъ приложений и между тѣмъ до сихъ поръ не приведенномъ еще въ точную систему. Это искусство — лесть. Лесть, милостивые государи, есть совсѣмъ не то, что шаровка, посредствомъ которой добываютъ себѣ наслѣдство, или почетное мѣсто въ государствѣ; лесть, говорю я, есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ подобное скудное качество. Лесть можетъ быть поставлена въ ряду благороднѣйшихъ способностей духа, можетъ быть доведена до основныхъ положеній, составляющихъ высшійшую, благоуханнѣйшую часть, цвѣтокъ реторики. Вы торчитесь, милостивые государи. Я вижу между вами людей, у которыхъ горитъ подъ ногами отъ того, что имъ хочется попасть въ сенатъ, въ совѣтъ цезаря, въ духовную комиссію; имъ въ виду это, я попробую предъ вами сдѣлать очеркъ системы лести, приводящей наискорѣйшимъ образомъ въ цѣли...

НЕРОНЪ.

Когда бы этотъ человѣкъ имѣлъ
Поэзіи счастливый даръ, онъ могъ бы
Соединять съ изящной формой сущность
Своихъ идей; теперь же, я боюсь,
Онъ говорить ужъ слишкомъ многословно.

РИТОРЪ.

Отъ низшей степени обыкновенной подлости угодливость поднимается въ постоянной прогрессіи до высшей степени, на которой она становится тонкою, остроумною, счастливою лестью. Вотъ эту-то лесть я и постараюсь изобразить предъ вами. Конечно, въ своемъ родѣ льстятъ мнѣ и грубые люди, на спинѣ вторыхъ я сижу (перестать разговаривать подо мною!), потому что они даютъ себѣ видъ дивана и предоставляютъ мнѣ помѣститься, какъ на скамьѣ бани. Однако, здѣсь все еще неуклюже и грубо, здѣсь еще рабство, а не свободное желаніе. Только тогда угодливость пріобрѣтаетъ нѣчто льстивое, когда она исходитъ отъ людей, которые утверждаютъ, что живутъ по законамъ своей воли. Здѣсь именно точка нашего отправления. Вы требуете опредѣленія лести. Льстить — значитъ ли говорить неправду? Нѣтъ, тогда бы лесть была ложью; однако же нельзя сказать, чтобы она была и правдой. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ только то, что опредѣленіе лести должно быть условнымъ...

СЕНЕКА.

Онъ на поляхъ знакомыхъ мнѣ пасется:
 Я въ немъ узналъ того раба, который
 Былъ переписчивомъ моихъ твореній.
 Однако, я надѣюсь, онъ имѣетъ
 Настолько уваженія ко мнѣ,
 Что похвалой меня не загрязнить
 И для себя цитировать не станетъ?

РИТОРЪ.

Милостивые государи! Лстить — это значить, имѣя въ рукахъ мечъ, объявлять себя побѣжденнымъ отъ безоружнаго. Побѣдитель, предоставляющій счастьемъ то, чего онъ достигнуть самъ лстить побѣжденному. Это еще простыя степени лести; но есть и болѣе сложныя. Чѣмъ больше принимаетъ на себя лстель видъ свободы, чѣмъ смѣлѣе онъ въ своихъ коварныхъ комбинаціяхъ, которыми очень часто можно удержать свою голову и плечахъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть успѣхъ. Три вещи должны имѣть въ виду лстецъ: низость, глупость и злое намѣреніе. Ваше вниманіе, милостивые государи, приводитъ меня къ восторгу! Дѣйствительно, нѣтъ ничего прекраснѣе того житейскаго лоска, о которомъ мы бесѣдуемъ. Онъ придаетъ всѣмъ въ щамъ видъ, если и неправдоподобный, то пріятный для глазъ: онъ сообщаетъ даже силѣ такую умѣренность, что ея буйство не нарушаетъ равновѣсія элементовъ, составляющихъ общество. Лесть придаетъ всему надлежащее освѣщеніе, которое не рѣжетъ глазъ и пріятно для нихъ. Она отнимаетъ у порока безобразіе у добродѣтели ея выдающіеся подвиги. Она дѣлаетъ изъ жизни художественное произведеніе и приводитъ все къ одному счастью вѣйшему уровню — къ уровню красоты...

НЕРОНЪ.

Онъ сталъ теперь ловчѣе, чѣмъ вначалѣ;
 На многое онъ смотритъ свѣтлымъ взглядомъ.
 Ну, продолжай! ты на пути хорошемъ,
 Ты, право, лучше выражаешь то,
 Чему училъ меня Сенека.

РИТОРЪ.

Низкая лесть возмущаетъ, потому что ставитъ того, кому

лѣтитъ въ затрудненіе. Чтò сказала бы красавица, еслибы ей поклонникъ довелъ свое обожаніе до того, что сталъ бы пить изъ ея башмака? Чтò сказалъ бы цезарь, еслибы сенатъ издалъ постановленіе, утверждающее, что римскій народъ прогнать отъ конюха дома Юліевъ? Такія рѣчи неуклюжи, пошлы, неудобны для слуха. Точно также лесть можетъ быть такъ не ловко построена, что впадетъ въ глупость и возбудитъ только смѣхъ. Долабелла сдѣлалъ себя смѣшнымъ, когда онъ внесъ въ сенатъ предложеніе о триумфѣ божественному Тиверію за его прогулку въ Кампанію. Самою опасною подводною скалою служить злое намѣреніе. Нужна огромная ловкость для того, чтобы скрыть его подъ маскою лести. Кто скрываетъ свою ненависть подъ любовью, свою зависть подъ участіемъ, свой страхъ подъ довѣреніемъ, — тотъ долженъ чрезвычайно искусно управлять своимъ лицомъ и своими словами. Если онъ лѣститъ, то ему весьма рѣдко слѣдуетъ прибѣгать къ тѣмъ правиламъ, посредствомъ которыхъ достигается своей цѣли лесть беззаботная. Онъ долженъ идти самыми извилистыми тропинками. Обожаніе, одно только обожаніе можетъ измѣнить ему; все его поведеніе должно быть проникнуто лестью...

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я слышу, удивляюсь и готовъ
Ему повѣрить! Да, хорошъ товаръ,
Которымъ ты торгуешь. Вѣдь когда-то
Скрылъ древній Брутъ подъ маской тупоумья
Великія намѣренья свои.
Его слова вполне понятны мнѣ:
Легко сознать, чтò хочешь совершить,
Но трудно привести сознанье къ дѣлу.

РИТОРЪ.

Систематическое развитіе моего воспитанія въ тонкой лести я предоставляю себѣ изложить впоследствии; теперь же я выслушу только общія положенія, которыя васъ познакомятъ съ душою его. Остроумно и ловко выражается благоговѣніе тогда, когда лѣстятъ и въ то же самое время прикидываются, что говорятъ во имя истины, не страшась даже навлечь гнѣвъ своею рѣчью. Предположимъ, что глава государства желаетъ уничтожить какой-нибудь законъ. Лестецъ является къ нему и, какъ бы по собственному побужденію, вслѣдствіе долгаго размышленія, предлагаетъ уничтоженіе закона. При этомъ, чтобы лесть вышла

совершенно закругленною, слѣдуетъ прибавить, что предложенъ высказывается даже съ опасностью лишиться жизни, возбуди гнѣвъ главы государства...

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ—менотомъ.

Не выясняетъ ли онъ передъ всѣми
То, чѣмъ себя поддерживаемъ мы?
Пусть рѣчь его умна, но все жъ онъ глушь,
Рискуя вслухъ болтать такіа вещи....

РИТОРЪ.

Если правитель имѣеть свойства, великіа свойства, которы скорѣе слѣдовало бы назвать пороками, то о нихъ нужно говорить ему, какъ о добродѣтеляхъ. Тонкая лестъ въ этомъ случаѣ иде: прямимъ путемъ: она схватываетъ совершенно постороннее свойство и развиваетъ общій взглядъ, основныя положенія, встрѣчающіяся какъ бы случайно, но тѣмъ не менѣе падающія какъ сѣмена на внимательно-подозрительное сердце властителя и приносящія плоды сторицею...

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Онъ вдругъ себя хитро бросаетъ взгляды
И говорить безъ всякихъ опасеній;
Онъ срисовалъ съ насъ яреую картину
Всѣ это поняли и всѣ смѣются.

РИТОРЪ.

Счастливіе всѣхъ тотъ, кто держитъ слово оппозиціи и въ таки высказываетъ только то, что пріятно властителю. Подобны льстецъ громко жалуется на развращеніе времени и однако и ричаетъ лишь вредящее предмету его почитанія; онъ говоритъ о древнихъ нравахъ, о предкахъ, о человѣческихъ и божески правахъ, выставляя однако всѣ вещи съ такой стороны, что свѣтъ, который онъ въ нихъ отыскиваетъ, озаряетъ того, кому простираетъ онъ свою лестъ. Тутъ можно найти множество разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ. Положимъ, что властитель выбираетъ себѣ министра, который слишкомъ молодъ, но какъ созданы для тираніи. Льстецъ поступаетъ такимъ образомъ: онъ начинаетъ говорить за нововведенія и принимаетъ молодого министра подъ защиту, какъ бы уступая требованіямъ оппозиціи.

Итакъ въ оппозиція сама требовала, чтобы талантъ, а не возрастъ имѣлъ возможность получать высокой постъ. Потому онъ старается осмѣять и представить побѣжденной ту партію, на сторонѣ которой собственно побѣда-то и есть, такъ какъ молодой считѣть ея креатура. Это одинъ изъ наиболѣе выгодныхъ приемовъ, потому что тутъ разомъ выигрывается расположеніе существующей власти и оппозиціи, отъ которой заимствуютъ средства для выигрыша.

ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ—про себя.

Здѣсь цезарь: онъ стоитъ со мною рядомъ;
Онъ думаетъ что мною непримѣченъ,
И, взора избѣгая моего,
Сторонится украдкой. Въ государствѣ
Я величайшимъ славлюся льстецомъ
И тотчасъ эту славу оправдаю.

Подходить къ ригору, громко.

О, проглоти языкъ свой, дерзкій ротъ,
Затѣмъ, что онъ острить напрасно жало
На души благородныя, которымъ
Дыханье оскорбительно твое!
Ты хочешь увеличить кучу сплетень,
Марающихъ честь римскаго народа!
Проклятіе тебѣ! Твое искусство —
Фальшивой мудрости доходъ позорный,
Обманъ для добродѣтели священной,
Тобой поруганной! Нѣтъ, истина еще
Не умерла средь Рима, не погибла:
Она царить съ Нерономъ на престолѣ,
Она его народомъ руководить!
Собирай свой мелкій и дрянной товаръ
И уходи отсюда съ нимъ скорѣе
Туда, гдѣ слухъ людей ужъ зараженъ
Лжетворнымъ ядомъ живыхъ измышлений,
И тамъ толпу обманывай, торгашъ,
Личинами фальшиваго искусства!

Бьетъ его.

РИТОРЪ.

О, помогите мнѣ, мои друзья!
Тотъ кто прибилъ меня — онъ лжецъ вдвойнѣ:
Онъ цезаря хвалою возноситъ живой

И говорить, что цезаря здѣсь нѣтъ,
 Межъ тѣмъ, какъ цезарь слушалъ со вниманьемъ
 Всю рѣчь мою! Зачуяль песь борзой
 Охотника и, задушивши зайца,
 Полеветъ къ хозяину, хвостомъ виляя,
 И лижетъ грязь у ногъ его
 Убѣгаетъ.

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Что онъ сказалъ? — Здѣсь цезарь? — Гдѣ-же, гдѣ-же?
 Не вижу я. — Онъ ненавистенъ мнѣ —
 Вотъ пытка, если онъ меня замѣтитъ! —
 Не рядомъ-ли со мною онъ стоитъ?

ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ — подходитъ къ Нерону.

Ты удивленъ великій цезарь тѣмъ,
 Что здѣсь взволнованы всѣ этимъ чудомъ
 И вопрошаютъ всѣ о немъ украдкой?
 Они еще боятся обмануться:
 Вѣсть о счастливой близости твоей
 Принесена устами лжи презрѣнной!...
 Падите, граждане, сенаторы, во прахъ!
 Въ восторгѣ другъ предъ другомъ соревнуетъ
 Несите эту дорогую ношу —
 Клейнодъ прекраснѣйшій земныхъ сокровищъ!
 Преклоняетъ колѣни и ставитъ ногу Нерона себѣ на затлокъ.

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Посторонитесь! — Дайте мнѣ пройти!
 Быть можетъ мнѣ поймать удастся слово,
 Взоръ благосклонный цезаря! — Еще
 Не осчастливилъ онъ своею рѣчью?
 Ахъ, скоро ли услышимъ мы изъ устъ
 Великаго великіе глаголы?

НЕРОНЪ.

Ну, хорошо, ну, хорошо! Идите
 Всѣ, кто поклонъ мнѣ долженъ принести.
 Вы честностию хвалитесь своей
 И все-таки я вами обворованъ!

Скажите мнѣ, куда могу я дѣться
 Отъ добродѣтели и преданности вашей?
 Когда-бъ я былъ для васъ палачь свирѣпный,
 Когда-бы я у вашей жалкой жизни
 Все — даже сны и грезы — отнималъ,
 Вы и тогда-бъ хвалы мнѣ возносили!
 Всѣмъ бѣшенствомъ, всей яростью моею
 Я не могу исторгнуть васъ изъ нѣдръ
 Вседневности томительной и пошлой!
 Вы улыбаетесь? Смѣшно! въ отвѣтъ
 Рычанью тигра вы улыбку шлете!...
 За что вы ритора прибили? Онъ
 Изъ гладкихъ словъ своей изящной рѣчи
 Стлалъ ложе граціямъ и, какъ амуръ въ пляскѣ,
 Порхали мысли быстрыя его!
 Загадку жизни лучше понялъ онъ,
 Чѣмъ вы, глупцы! Вамъ непонятна прелесть
 Гармоніи мышленія священной?
 Вашъ слухъ отереть для грубыхъ только звуковъ,
 Вы глазомъ слышите: въ игрѣ на флейтѣ
 Перебирая пальцевъ тѣшить васъ!...
 Однако, сидя на спинахъ склоненныхъ,
 Я замѣчаю съ ужасомъ, что вы
 Потѣете несносно, набирая
 Побольше воздуха въ пустыя глотки,
 Чтобъ предо мной національнымъ гимномъ
 Какъ можно лучше отличиться. Ну!
 Несите же меня! И пусть Камена
 Отъ дивныхъ звуковъ слухъ мой охранить!
 Толпа уносить Нерона на своихъ плечахъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

И послѣ столькихъ тысячъ жертвъ, Неронъ
 Языкъ нашъ даже безпощадно душить!
 Играетъ рѣчью онъ, какъ будто въ востяхъ;
 Какъ рѣзвый отрокъ, на коня вскочивъ,
 Со смѣхомъ бѣгетъ въ его бока ногами
 И прыгаетъ на немъ и дуетъ въ уши
 Смущенному животному, такъ цезарь
 Дурачится съ родимымъ языкомъ!
 Никто не путалъ римлянъ рѣчь столь жалко!
 Онъ какъ паяцъ заученныя фразы
 Передъ толпой бросаетъ торопливо!

Къ нему никто не можетъ примѣниться.
 Когда онъ улыбается, то горе
 Тому, кто цезаря улыбку
 Своей улыбкой не предупредить!
 Смѣется онъ, когда рукой проклятой
 Изгнаніе и смерть и слезы сѣть,
 И грустью омрачается, когда
 На полныхъ парусахъ несется къ счастью!
 Пустой дуракъ! себя не понимая,
 Онъ разучился понимать другихъ!
 Но я—клянусь въ томъ вѣчными богами! —
 Я скоро вразумлю его, заставивъ
 Разстаться съ жизнію, позора полной!

Смотрить въ сторону.

Что это? рабъ мнѣ тайный знакъ даетъ?
 Зачѣмъ пришелъ сюда онъ, въ этотъ рынокъ
 Гремучихъ фразъ и сумасбредныхъ бредней?

Уходитъ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Паркъ цезаря.

Ночь. Шумный праздникъ.

ХОРЪ МЕНАДЪ.

Отъ плещущихъ волнъ золотого Гангеса,
 Изъ пальмовой рощи, гдѣ мать меня ищетъ,
 Слезами горячій песокъ поливая,
 Меня похищаешь ты, богъ амброзійскій,
 Въ волшебную чашу
 Струю винограда ліющій.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Ни золото гребня средъ вудрей невѣсты,
 Ни свадебной пѣсни веселые звуки
 Дороже мнѣ не были гроздь ароматныхъ
 Волшебнаго сова, что сладкія грезы
 Безъ сна навѣваетъ
 И душу возноситъ на небо!

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Тотъ, кто не извѣдалъ напитковъ волшебный,
 Увидѣвъ насъ, въ страхѣ свой домъ запираетъ;
 Но тирсъ, съ изумрудной широкой листвою,
 И гроздь колебанье, и звуки тимпана,
 Влекутъ неозвратно
 Его отъ родимаго крова!

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Какъ въ нѣдрахъ Семелы и въ бедрахъ Зевеса
 Когда-то былъ скрытъ Діонисъ двурожденный,
 Такъ дважды созрѣла жемчужная влага:
 Подъ солнцемъ полудня и въ пѣнѣ броженья,
 Даруя намъ силу,
 Что гнѣвъ леопардовъ смиряетъ.

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Да славятъ уста ваши древнее чудо:
 Корабль съ Діонисомъ похищеннымъ мчался
 По морю; вдругъ мачта листвою покрылась
 И гроздь виноградныхъ зардѣлися кисти,
 И скрылись въ волнахъ
 Пловцы, будто стадо дельфиновъ.

ХОРЪ.

Кто скудную жертву дерзнетъ принести намъ?
 Веселье менадъ кто посмѣетъ нарушить?
 Оракиецъ Ликургъ самъ себя поражаетъ,
 Гласитъ Киоеронъ объ убійствѣ Пентея,
 И кости Орфея,
 На Гебрѣ разбросаны, тлѣютъ!

На сценѣ началось представленіе. Давка между зрителями.

ГРАЖДАНИНЪ СЪ ДОЧЕРЬЮ.

ДОЧЬ.

Отецъ, куда ты? Пожалуйста не лѣзь впередъ!

ГРАЖДАНИНЪ.

Не понимаю чего ты боишься, дитя? Будь на твоёмъ мѣстѣ твоя покойница мать, она уперла-бы руки въ бока и сейчасъ бы пошла, какъ на приступъ. Вѣдь надо-же добиться чего-нибудь, коли рѣшился не спать цѣлую ночь ради удовольствія видѣть всемилостивѣйшаго господина и цезаря, играющаго въ комедіи, да въ тому еще въ женской роли.

ДОЧЬ.

Ахъ, говори, пожалуйста, потише. Смотри, всё оглядываются на насъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

А пусть ихъ оглядываются! Я говорю: коли властитель хочетъ играть комедію, такъ ужъ пусть онъ лучше ее играетъ на театрѣ, а не на тронѣ. Если-бъ только была тутъ твоя покойница мать, наслушались бы мы поучительныхъ изрѣченій, этакъ въ родѣ вечерней молитвы въ «Антигонѣ».

ДОЧЬ.

Да перестань же. Вѣчные боги, что это съ тобою сегодня?

ГРАЖДАНИНЪ.

Нѣтъ, ты оглянись, дитя, оглянись! Вѣдь это просто «сопъ въ лѣтнюю ночь!» Я люблю людей въ театрѣ: съ ними тутъ только и можно обходиться. Когда передъ ними зрѣлище, они находятся въ самомъ великодушномъ настроеніи. Кто стремится въ общей пользѣ—пу хоть, на примѣръ, хлѣбникъ, мыловаръ—и желаетъ поднять свое занятіе акціями, тотъ, по моему, долженъ всегда собирать подписку въ театрѣ. Желалъ бы я знать, скоро ли на сценѣ заговорить чудовище?

ДОЧЬ.

Навѣрное сейчасъ, какъ только ты замолчишь.

СОСѢДЪ.

Позвольте узнать: кого вы разумѣете подъ чудовищемъ? Цезаря, или змѣя?

ГРАЖДАНИНЪ.

А позвольте узнать, любезный сосѣдъ, сколько въ мѣсяцъ получаете вы отъ тайной полиціи?

СОСѢДЪ.

Гораздо меньше чѣмъ получите вы отъ меня, дубина вы
этимъ! Что вы болтаете безъ умолка во время представленія?

ГРАЖДАНИНЪ.

Дѣта, дайка мнѣ зрительную трубу? Я хочу убѣдиться, уве-
личилса-ли эта грубость, если на нее посмотрѣть вооруженнымъ
глазомъ.

ДОЧЬ.

Ахъ, отецъ, я умру отъ этого шума.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ если бы твоя покойница мать —

ПЕРЕДНІЕ ЗРИТЕЛИ.

Тише, вы, тамъ, сзади!

ГРАЖДАНИНЪ.

Тише, тише! Шляпы долой!

ВСѢ.

Тсс! Цезарь говорить. Онъ — жизнь народа! Да здравст-
вуетъ цезарь!

НЕРОНЪ въ роли Андромеды, прикованный къ утесу. На морѣ змѣй.

НЕРОНЪ.

Это-ль, о вѣчное солнце, та черная пристань, въ которой
Бѣдный корабль моей жизни, недавно построенный, долженъ
Бросить на вѣки свой якорь? Смотрю я съ трепещущимъ
сердцемъ

На берегъ мокрый, гдѣ раковинъ много лежитъ самоцвѣт-
ныхъ:

Скоро на немъ заблѣютъ подъ яркимъ сіяньемъ полудня
Члены мои, раздробленные пастью чудовища страшной!

Былъ мой родитель царемъ финикіянъ; счастливый
Дочерью юной своей, отъ завистливыхъ взоровъ бессмертныхъ
Онъ укрывалъ меня тщетно. Случилось однажды, что мать
Въ сонмѣ подругъ, вспоминая минувшія прелести, стала
Сравнивать ихъ съ красотою богинь. Нереиды, услышавъ

Жалобъ печальныхъ любви неумолчныя горькія стоны —
 Воздухъ, земля и вода и свѣтила небесъ безотвѣтны!
 Аттисъ, Аттисъ! ужель я тебя никогда не увижу?
 Иль ты восхищенъ Зевесомъ замѣнъ Ганимеда на небо?
 Или Авророй ты взятъ вмѣсто милаго сына Мемнона?
 Кто обладаетъ тобою, кто нѣжитъ прекрасное тѣло,
 Кто сладкій медъ поцѣлуевъ съ устъ твоихъ жаркихъ вѣушаетъ?
 Тучи и звѣзды небесныя! къ вамъ я взываю: скажите
 Гдѣ онъ, гдѣ онъ, мой Аттисъ, мой отрокъ, красою цвѣтущій!

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ, преслѣдуемый сатирами и нимфами.

САТИРЪ.

О, куда бѣжишь ты?
 Рѣзвый хороводъ
 Нимфъ, вѣнчанныхъ хмѣлемъ,
 Къ счастью зоветъ!
 Вонъ они со смѣхомъ
 Скрылись по вустамъ —
 Поспѣшай за ними
 И лови ихъ тамъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Оставьте-ль меня вы, маски?
 Дурачьтесь съ тѣми, кто пойдетъ
 Въ вашъ сладострастный хороводъ —
 Мнѣ чужды ваши игры, ваши ласки.

НИМФЫ.

Дафна, гдѣ ты, гдѣ ты?
 Видѣла ли ты
 Образъ, столь прелестный,
 Юной красоты?
 Посмотри Глицера:
 Думой осѣненъ
 Онъ стоитъ — прекраснѣй
 Ганимеда онъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Вашъ нѣжный зовъ напрасенъ былъ:
 Онъ прозвучалъ тревогой безполезной,
 Ударивъ по бронѣ желѣзной,
 Которою я чувства оградилъ.

ОРЕАДЫ.

Кто для нѣги сладкой
Ищетъ сѣни, тотъ
Приходи украдкой
Къ намъ въ тѣнистый гротъ!
Изъ травы зеленой
Тамъ мягка постель,
Будто въ нѣгѣ сонной
Ключъ журчитъ студеный
Брачной пѣсни трель!...

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

О, хорошо уснуть въ тѣнистомъ гротѣ,
Какъ засыпалъ съ Дидоною Эней....
Но пусть еще вы слаще запоете —
Вамъ не исторгнуть изъ души моей
Того, что я замыслилъ въ ней!

НАЯДЫ.

Прекрасную дѣву
Возьми — и сокрой
Себя съ нею вмѣстѣ
Прозрачной волной!
Песокъ золотистый
На днѣ рассыпай,
Иль сѣтвой зеленой
Ивы вѣтвистой,
Къ водамъ склоненной
Играй!

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Въ дыханьи воздуха, въ водѣ
Живетъ любовь и манитъ лаской счастья,
И въ мірѣ слышатся вездѣ
Лобзаній звуки, ропотъ сладострастья —

ДРИАДЫ.

Въ часъ, когда съ закатомъ
Тихо раздаются
Пѣсни пастуховъ;

Дышутъ ароматомъ
 Розъ кусты, и вьются
 Хоры мотыльковъ.
 Въ этотъ часъ приди намъ
 Счастье дать и съ нами
 Подъ листвой усни;
 Къ перьямъ лебединымъ
 Мягкими кудрями
 Голову склони!

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Туманъ рѣдѣетъ; вижу въ сторонѣ
 Я образъ женщины прекрасной;
 Съ желаньемъ ласковымъ она биваетъ мнѣ
 И я на зовъ влекуся сладострастный....

САТИРЪ.

Ты ея красу замѣтилъ?
 О, лови ее, лови!
 Гдѣ-бы ты ее ни встрѣтилъ —
 Встрѣтишь счастье любви!
 Въ ней желанія горѣли
 Быть съ тобой наединѣ
 Средь долины, на горѣ ли,
 Или въ водной глубинѣ!
 Къ Ю. Виндексу подходятъ маса.

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Открой свои черты передо мной
 Прелестный образъ!

МАСЕА.

Подожди мгновенье —
 Позволь мнѣ безотвѣтно насладиться
 Твоими взорами.

ЮЛІЙ ВИНДЕЕСЪ.

Красы очарованье
 Ты скромности нарядомъ облекла?
 Незнакомка снимаетъ маску.
 Пошья! Ты?... Я могъ-бы здѣсь остаться,

Чтобъ усладить себя твоимъ стыдомъ,
Но клятва, мною принятая въ сердцѣ,
Меня отсюда гонить противъ воли!

Убѣгаешь.

ПОПНЯ.

О погоди, мой милый, погоди!
Ты убѣгаешь отъ меня? За что же?
Чего страшишься ты?... О, ночь, разсѣй
Свой мракъ, чтобъ вновь могла его найти я
Для страстныхъ ласкъ и счастья любви!

Бѣжить за Ю. Виндексомъ.

Театральное представленіе кончено.

Неронъ въ женскомъ костюмѣ, нарумяненный, съ полукрытою грудью, идетъ по сценѣ, преслѣдуемый лстецами, возносящими его до небесъ въ избыткахъ почтительныхъ выраженій. Онъ благодаритъ, какъ новичекъ при первомъ дебютѣ.

Пробѣгаютъ прежніе хоры чаще и чаще; паркъ пустѣетъ.

Смоляные факелы, съ завернутыми въ нихъ евреями и христіянами, потухаютъ.

ПЕРВЫЙ ФАКЕЛЪ—тихо стелая.

Мы горимъ и страдаемъ
При этомъ весельи!
О Іегѡва,
Богъ Саваоѡ!

ВТОРОЙ ФАКЕЛЪ.

Мы горимъ и страдаемъ
При этомъ весельи!
О мой Спаситель,
Иисусъ Христосъ!

Факелы падаютъ на землю.

Ночь и тишина.

В. БУРЕНИИЪ.

ДУХОВЕНСТВО и ШКОЛЫ

ВЪ

НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНИАХЪ.

III*).

«Нѣмецкая народная школа — говорится въ одномъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій ¹⁾ — была результатомъ реформаціоннаго движенія, когда пробудившееся религиозное сознаніе массъ потребовало ближайшаго знакомства съ предметами вѣры, рѣшавшими тогда судьбу нѣмецкаго народа. Эта историческая особенность опредѣлила ея основной характеръ, которымъ она отличается еще и въ наше время. Эта школа, образовавшаяся изъ обязательныхъ катехизическихъ поученій пастора или его помощника при церкви (вистера, кантора), оставалась съ тѣхъ поръ въ связи съ церковнымъ бытомъ общины: пасторъ до сихъ поръ остается ближайшимъ руководителемъ школы. Въ то же время школа сохранила свою тѣсную связь съ общиной сельской и городской; община даетъ средства для школы (въ принципѣ) безъ всякаго участія правительства, и чрезъ своихъ представителей имѣетъ вліяніе на ея внутренній порядокъ. Другимъ важнымъ качествомъ нѣмецкой школы, которое также приводится къ ея историческому происхожденію, есть всеобщая обязательность; дѣти извѣстнаго возраста, безъ всякихъ исключеній, обязываются посѣщать школу».

* См. выше: янв. 188 — 174 стр.

¹⁾ «Вопросъ о народной школѣ въ Германіи». Слб 1868 г

«Въ первые годы нынѣшняго столѣтія — продолжаетъ тотъ же авторъ — нѣмецкая школа все еще сохраняла черты, данныя ей реформаціоннымъ движеніемъ; она считалась средствомъ для сообщенія народу извѣстныхъ правилъ вѣры, въ извѣстномъ конфессіональномъ смыслѣ; она дѣлала изъ своихъ воспитанниковъ лютеранъ, католиковъ, реформатовъ, и, не заботясь о дальнѣйшихъ задачахъ, считала цѣль свою достигнутою. Вообще школа представлялась только какъ переходное звено между крещеніемъ и конфирмаціей, какъ будто какое-то новое церковное таинство, которое, завершившись конфирмаціей, вводитъ дѣтя въ общину. Въ этомъ смыслѣ, ученики обучались чтенію преимущественно по библіи и евангелію, отчасти письму, счету, библейской и новозавѣтной исторіи, въ связи съ исторіею собственно конфессіональной; главное же занятіе учениковъ состояло въ ученіи наизусть катехизиса, молитвъ, церковныхъ гимновъ, текстовъ изъ библіи и евангелія, нравственныхъ изрѣченій» и т. п.

Мы указываемъ на эти мысли потому, что нѣмецкая народная школа въ томъ видѣ, какъ она охарактеризована здѣсь, перенесена нѣмецкими поселенцами и въ наши колоніи. Мало того; въ дальнѣйшихъ судьбахъ колонистской школы и въ современномъ ея положеніи — обнаруживается болѣе или менѣе та же борьба двухъ принциповъ: ортодоксально-конфессіональнаго и воспитательно-образовательнаго, — каковая проходитъ чрезъ исторію народной школы въ Германіи. Если въ Германіи евангелическая ортодоксальность, отдѣлившаяся нѣкогда отъ католицизма вслѣдствіе принципа о свободѣ изслѣдованія, стала стремиться чрезъ посредство школы къ строгому утвержденію своихъ началъ, и впала въ ту же догматическую неподвижность, которую прежде протестантизмъ осудилъ въ католичествѣ; и если «въ ортодоксальной партіи явилось такое же ультрамонтанство, какъ и въ католичествѣ, съ такими же деспотическими привычками и наконецъ съ попытками такого же обскурантизма, то тѣ же самыя явленія обнаружили и со стороны нашего колонистскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ школѣ и приходской общинѣ. Но здѣсь отношенія эти въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ усложнились еще постоянной заботой протестантскаго и католическаго духовенства о предупрежденіи всякихъ поводовъ для проникновенія въ школьное дѣло ближайшаго правительственнаго вліянія и надзора, изъ опасенія руссификаціи. А попытками къ руссификаціи оно признало, повидимому, даже желаніе содѣйствовать обученію колонистовъ русскому языку. Пока колонисты жили изолированно, пока они были окружены почти со всѣхъ сторонъ малонаселенными, или даже почти безлюдными степями,

и управлялись своимъ собственнымъ начальствомъ; пока хозяйственный бытъ ихъ еще не вполне развился, а потребности ихъ удовлетворялись собственными средствами въ чертѣ колонистскаго общественнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ вышеописанное состояніе шволы, ея духъ и направленіе, считались самими поселенцами болѣе или менѣе удовлетворительными. За то время, даже серьезныя попытки правительства — провести въ колоніи, при посредствѣ сельскихъ или приходскихъ шволь, знаніе русскаго языка, едва-ли могли рассчитывать на содѣйствіе со стороны самаго населенія. Но подобныхъ попытокъ и не дѣлалось; сельская швола была долгое время оставлена на произволъ самихъ обществъ, которыя ежегодно радилась о содержаніи и съ учителемъ также, какъ съ пасторомъ, пастухами, табунщиками и т. д. Къ тому же и прежде, какъ теперь, за исключеніемъ одной Сарепты, негдѣ было взять сколько-нибудь порядочныхъ выставщиковъ. И несмотря на все это, изъ шволь, какъ увидимъ ниже, выходило грамотныхъ колонистовъ больше, нежели въ послѣдніа десятилѣтія.

Въ 1816 году, профессоръ казанскаго университета Эрдманъ, въ своемъ отчетѣ по ревизіи учебнаго округа, указалъ на «весьма худое состояніе саратовскихъ колонистскихъ шволь». Онъ представилъ начальству предположеніе «подчинить учителей вообще духовенству, такъ чтобы въ протестантскихъ колоніяхъ — pastor senior (пробствъ), а въ католическихъ — pater superior (деканъ) имѣли главнѣйшій надзоръ». Возникла переписка и были затребованы отзывы мѣстныхъ начальства и духовенства. Послѣднее въ то время положительно отклоняло отъ себя «эту новую для него обязанность», причемъ указывало на затруднительность и малополезность предположенной мѣры. «Хотя приходскому священнику — писалъ пасторъ Губеръ, въ послѣдствіи суперинтендентъ московской консисторіи и отецъ извѣстнаго нашего поэта — и можно принять на себя обязанность смотрѣть за училищами въ его приходѣ, но нельзя притомъ не уважить, что 74 протестантскія колоніи имѣютъ только 15 пасторовъ, коимъ, по обширности и многолюдству приходовъ, часто на ученіе и собственные дѣла времени недостаетъ». «Присмотръ за шмельстерами и преподаваніемъ — отзывался пасторъ Кольрейфъ, сынъ котораго былъ въ послѣдствіи сосланъ въ Оренбургъ, если не ошибаемся, былъ государственный преступникъ — не только на пастора senior, но даже и на приходскаго священника по каждому приходу, по расположенію колоній, возложить нѣтъ возможности; ибо какія бы правила установлены ни были, соблюденіе оныхъ, при частыхъ отлучкахъ пастора, останется всегда невозмож-

нымъ». Тѣмъ не менѣе, указомъ 25 октября 1819 года, «завѣдываніе сельскими школами и наблюденіе за учителями въ колоніяхъ» были возложены на приходское духовенство и консисторіи вѣждаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ, уже съ тридцатыхъ годовъ, мало-по-малу сталъ высказываться среди населенія иной взглядъ на училищное дѣло, что привело духовенство въ систематическому противодѣйствію всякимъ съ чьей бы то ни было стороны попыткамъ къ измѣненію въ чемъ либо конфессіональной программы школы. Впослѣдствіи мы увидимъ, что около того же времени была сдѣлана первая попытка со стороны правительства въ открытію въ колоніяхъ русскихъ училищъ.

Хотя указъ 25 октября 1819 года говоритъ только о «наблюденіи за учителями» и ничего не упоминаетъ о томъ: вѣмъ учителя должны быть опредѣляемы и увольняемы, и хотя объ этомъ не существовало, въ то время, никакихъ законоположеній, но какъ сельскій учитель въ колоніяхъ есть въ тоже время и кистеръ или канторъ, и онъ, въ этомъ званіи, по церковному уставу 1832 года, подчиняется приходскому священнику безусловно, то за симъ духовенству было весьма удобно совершенно оттереть сельское общество отъ прежняго участія въ дѣлѣ школы. Оно достигало этой цѣли тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ недобольнѣе дѣлались колонисты состояніемъ у нихъ школьнаго образованія. Дѣло въ томъ, что съ этого времени колонисты, соотвѣтственно распространенію ими своихъ хозяйственныхъ и промышленно-торговыхъ связей за предѣлами колоній, стали заявлять требованія, клонившіяся къ значительному расширенію школьной программы. Подобныя заявленія, высказываясь сначала одиночно, не могли конечно разомъ измѣнить установившійся порядокъ вещей. Но ихъ было достаточно для недремлющаго духовенства, чтобы всячески оградить школу отъ всякихъ не исключительно конфессіональныхъ вліяній. Дѣйствовать, не маскируясь, оно не смѣло въ этомъ случаѣ; иначе, ему пришлось бы етать въ явную оппозицію съ правительствомъ, начавшимъ наконецъ серьезно домогаться введенія въ школахъ преподаванія чтенія и письма по-русски. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, нехитрыя въ началѣ требованія колонистовъ, быть можетъ, хотя отчасти, нашли бы удовлетвореніе, такъ какъ въ сущности лучшая часть духовенства постоянно сама сознавала отсталость школы. Но голоса, сочувствовавшіе въ средѣ духовенства стремленіямъ населенія, замолвали предъ возраженіемъ, что если приступить къ расширенію программы, то нѣтъ, конечно, ни одного учебнаго предмета настолько необходимаго для колонистовъ, какъ именно знаніе русскаго языка, введеніе

въ школы преподаванія этого языка есть только первый шагъ къ русификаціи и т. д. И вотъ почему духовенство, не задумываясь, принесло насущныя потребности колонистскаго населенія въ жертву цѣлямъ ортодоксально-конфессіональнымъ. Вотъ почему сельская школа и въ нашихъ колоніяхъ окончательно объявлена «переходнымъ звеномъ между крещеніемъ и конфирмаціей» съ самымъ положительнымъ притомъ удостовѣреніемъ, что существующая школа, какъ учрежденіе исключительно приходское или церковное, иного назначенія не имѣетъ и иныхъ цѣлей преслѣдовать не должна; что нѣтъ надобности, безъ прямого стѣсненія религіозно - нравственнаго воспитанія населенія, ни даже возможности измѣнить въ чемъ-либо дѣйствующую въ ней программу. Правительство, повидимому, удовлетворилось тѣмъ значеніемъ, какое духовенству угодно было придать школѣ, но не мирились съ такимъ положеніемъ школьнаго дѣла сами колонисты. Впрочемъ, возникавшія отсюда многотомныя переписки еще и донинѣ не успѣли вывести колонистскую школу изъ тѣсной рамки конфессіонализма и дать ей развитіе, солидарное съ успѣхами и потребностями колонистскаго быта; а между тѣмъ дѣло касалось полумилліоннаго населенія.

Жизнь колоній, ихъ экономическія и нравственныя потребности развивались шире и шире, а школа, коснѣя въ неподвижности, все болѣе теряла живое сочувствіе обществъ, такъ какъ результаты ея выражаются въ одномъ лишь мыслительномъ отупѣніи воспитанниковъ, которое было бы еще гораздо разительнѣе, если-бъ не сама жизнь парализировала мертвящее вліяніе школьной дрессировки. Не удивительно, что общества дѣлаютъ постоянныя, хотя до сихъ поръ и тщетныя усилія возратить себѣ прежнее, утраченное на школу вліяніе. Напротивъ, духовенство, не ограничиваясь полнымъ самовластіемъ въ приходской школѣ, затрудняетъ своимъ вліяніемъ нерѣдко даже возникновеніе въ колоніяхъ частныхъ школъ и частнаго обученія, и пользуется въ этихъ видахъ, какъ косвенно-репрессивною мѣрою, штрафомъ, установленнымъ по закону за непосѣщеніе колонистскими дѣтьми приходской школы (по 3 коп. за пропускъ). Все это привело къ тому, что теперь во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ болѣе или менѣе открытый разладъ по вопросу о школѣ: духовенство упорно отстаиваетъ ортодоксально-конфессіональную программу школъ и связанное съ нею право свое на исключительное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ; колонистскія общества, напротивъ, требуютъ расширенія программы школъ и непосредственнаго на нихъ вліянія. На всѣ настоянія объ улучшеніи приходскихъ школъ духовенство отвѣчаетъ: уве-

личивайте число училищныхъ домовъ и учителей, а программа исполнѣ удовлетворительна и никакого расширенія не требуетъ. Но какова эта программа и каковы успѣхи преподаванія — это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ поволжскихъ колоніяхъ заведенъ порядокъ, что лицо, домогающееся канторъ-учительской должности, обязано подвергнуться предъ синодальнымъ собраніемъ пасторовъ испытанію по программѣ: 1) читать понятно и съ выраженіемъ, по-нѣмецки; 2) подробно знать библейскую исторію и катехизисъ, и имѣть нѣкоторое искусство въ катехизаціи; 3) хоральное пѣніе и, если возможно, игра на органѣ; 4) чистописаніе и правописаніе безъ грубыхъ ошибокъ, по-нѣмецки, и 5) четыре ариметическія правила — до дробей ¹⁾. Вотъ такіе-то убогіе преподаватели-грамотѣи, вооруженные библіею, библейскою исторіею и печатаемыми вдовье-сиротскою кассою сборникомъ гимновъ и катехизисомъ, какъ единственными учебными руководствами, наставляють въ теченіе восьми лѣтъ умуразуму каждаго колонистскаго ребенка. Послѣ этого неудивительно, что изъ числа подвергавшихся въ 1862 г. испытанію 56,031 мужчинъ поволжскихъ колонистовъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста, изъ 100 челов. читали печатное 73⁰/₀; разбирали печатное 11⁰/₀; не умѣли вовсе читать 15⁰/₀; писали — свободно 6⁰/₀; одно имя свое 52⁰/₀; совершенно не писали 41⁰/₀; знали четыре дѣйствія ариметики 5⁰/₀; разбирали цифры — 52⁰/₀; не знали ни одной цифры /0270.

Наглядную картину наружной обстановки школы въ колоніяхъ даетъ намъ управляющій саратовскою конторою, посѣтившій въ исходѣ зимы 1867 и 1868 г. школу колоніи Лѣсного-Карамыша. «Училищный домъ — говоритъ онъ — весьма приличной наружности, значительныхъ размѣровъ и состоитъ изъ одной залы съ 18-ю окнами въ долевыхъ стѣнахъ. Я нашолъ въ нихъ сидящими 450 челов. учащихся, въ томъ числѣ до 100 дѣвочекъ, отъ 7—15 лѣтъ, и это было только половинное число, такъ-называемый утренній классъ; другіе 450 чел. приходятъ учиться послѣ обѣда. Сидѣли всѣ на весьма узкихъ, тонкихъ и длинныхъ доскахъ или скамейкахъ, держа въ рукахъ книги на вѣсу, потому что столовъ при скамейкахъ не было, а близъ каедръ расположены были 3 или 4 стола, для обученія письму избранныхъ. У учителя былъ помощникъ, занимавшійся съ азбучниками (челов. до 100) въ полголоса и отдѣльно съ каждымъ, въ то самое время, какъ учитель выслушивалъ громкое чтеніе за-

¹⁾ О католическихъ школахъ уже не длі черъ и распространяться: тамъ всадни не ставятъ сельскому учителю даже этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ требованій.

сѣмимискоз (Testamentschüler); отвѣты же по другимъ учебнымъ предметамъ давались постоянно оглушающимъ хоромъ. Въ стонѣ, на окнѣ, я замѣтилъ свѣжую таловую палочку въ полдюйма толщины и длиною въ аршинъ. Дѣти сидѣли чрезвычайно тѣсно, въ верхнемъ платьѣ и въ мокрой отъ снѣга обуви; почти у всѣхъ лица были въ поту. Не смотря на солнечное утро, среди залы едва можно было читать, до того она наполнена была какимъ-то паромъ; сопровождавшіе меня, непривышіе къ школьной атмосферѣ люди, скрылись чрезъ четверть часа. Слѣдовало уже ожидать, что при такой обстановкѣ о преподаваніи, въ смыслѣ умственнаго развитія, не могло быть и рѣчи; все ограничивалось строжайшимъ выполненіемъ школьнаго механизма, безъ чего конечно и нельзя было бы держать эту массу живыхъ тѣлъ въ неподвижномъ порядкѣ. Посѣтилъ я также и послѣобѣденный урокъ, въ которомъ участвовали другіе 450 чел. учащихся. Когда я раздумывалъ, какія тѣлесныя и тѣмъ паче нравственныя усилія потребны учителю на одно то, чтобы поддерживать только дисциплину въ четыреста-главой толпѣ существъ, на глаза вдругъ попала видѣнная мною поутру палочка, но она была вся обломана и оставалось отъ нея не много больше того, сколько можно въ рукѣ держать. Тутъ я догадался о дисциплинарномъ секретѣ, и догадку мою подтвердилъ послѣ самъ учитель, рассказавшій, что средневѣковыя пали (удары палкой или линейкой по ладони) царствуютъ во всѣхъ колонистскихъ школахъ.)

«На нагорной сторонѣ, — объяснялъ тому же управляющему одинъ изъ учителей, — пасторы большею частью запретили шулмейстерамъ свободное объясненіе данныхъ въ руки имъ учебныхъ книгъ. Хотя пасторы собственно и не подають вида, что запрещаютъ, но если о томъ про кого узнають, то назовутъ гордецомъ, глупцомъ и при первомъ случаѣ, хотя и подъ другимъ предлогомъ, дадутъ почувствовать, что шулмейстеръ не смѣетъ ни на шагъ отступать отъ буквы. «Что значитъ Богъ, грѣшникъ, покаяніе, вѣра и т. п., все содержится въ этой книгѣ, пусть только дѣти выучатъ это наизусть, и ваша обязанность будетъ совершенно исполнена; объясненіе же дозволяется только пастору.» Вотъ — по указаніямъ пасторовъ — граница учительскаго преподаванія.

«Я — пояснялъ другой учитель своему товарищу — прочитываю ученикамъ каждый вопросъ 30—50 разъ и заставляю это дѣлать ученика; потомъ заставляю всѣхъ прогнѣть тоже самое 50 или 100 разъ сряду; потомъ раздаю 5—10 ударовъ по рукамъ палкой тѣмъ, кто не перескажетъ наизусть».

«Понятно — заключаетъ авторъ цитируемой нами записки — что такое обученіе есть несказанное мученіе и для учителя для учащихся, при чемъ убиваются и охота, и силы, и время для занятія другими предметами; а между тѣмъ это вездѣ такъ, автору извѣстенъ только одинъ пасторъ, который высказалъ не удовольствіе на счетъ безконечнаго заучиванья наизусть и всего что есть неудобнаго въ школахъ, и уже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предпринялъ измѣненія. Одна глава изъ малаго Лютерова катехизиса, извѣстное число библейскихъ текстовъ, часто превосходящее силы учениковъ, и одна церковная пѣснь 3—12 стиховъ — задаются ученику еженедѣльно для выучиванья наизусть. Никакихъ объясненій не предпосылается. Въ преподаваніи библейской исторіи употребляются иногда также забавные методы. Такъ одинъ учитель, считавшійся у своего начальства за дѣльнѣйшаго и лучшаго, желая удивить своимъ искусствомъ, рассказывалъ что дѣти у него ежедневно выучиваютъ по нѣскольку библейскихъ рассказовъ. Это дѣлается такъ: каждый ученикъ по порядку выучиваетъ двѣ строчки изъ библейской исторіи, и какъ учениковъ у него очень много, то съ этимъ предметомъ онъ скоро покончить. Его спросили: неужели въ самомъ дѣлѣ мѣстный пасторъ желаетъ, чтобы вся община, взятая вмѣстѣ, знала библейскую исторію, а не каждый членъ общины порознь. Шулмейстеръ отвѣтилъ: «право, не знаю, только пасторъ велитъ всегда отвѣчать изъ исторіи хоромъ». Другому шульмейстеру сказалъ кто-то, увидѣвъ, что дѣти на каждый вопросъ даютъ отвѣтъ слово-въ-слово по книгѣ, но безъ всякаго размышленія и совершенно не впадаютъ, что таковой методъ не побуждаетъ дѣтей къ мысленію. Этимъ-то методъ и хорошъ, наивно отвѣтилъ шульмейстеръ».

Поземельно-экономическій кризисъ, переживаемый колоніямъ южнаго края Россіи въ вопросѣ о безземельныхъ, содѣйствовалъ многимъ и уясненію вопроса училищнаго. Давно уже изъ средъ колонистовъ стали раздаваться голоса о необходимости улучшенія хозяйственныхъ приемовъ и способовъ. Долгое время споръ о превосходствѣ того или другого приема, способа, орудія или системы хозяйства; но мало-по-малу началъ устанавливаться и входить въ сознаніе болѣе широкій взглядъ. Было, наконецъ признано, что всякіе толки объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ крестьянъ будутъ лишь ничтожными пальятивами, или даже безплоднымъ толченіемъ воды до тѣхъ поръ, пока не поднимется общій уровень школьнаго образованія, какъ главнѣйшее средство для достиженія дѣйствительныхъ хозяйственныхъ успѣховъ. «По чему — спрашивалъ между прочимъ одинъ изъ проповѣдывавшихъ

эту мысль голосовъ ¹⁾—не подвигаемся мы, колонисты, впередъ въ наше хозяйство, или боимся даже обычное дѣлать иначе, лучше, вопреки примѣру людей разумныхъ?... Недостатокъ свѣдѣній и незнаніе самихъ себя, нашего призванія и нашихъ обязанностей,—вотъ что тому причину. Человѣкъ обязанъ знать себя и свой промыселъ, чтобы быть господиномъ того и другого. Школы наши, я думаю, большинство ихъ, должны давать болѣе средствъ первоначальнаго образованія. Наставники въ нихъ обязаны умѣть отгадывать способности своихъ учениковъ и заботиться, чтобы этотъ Божій даръ не оставался втунѣ и не погибалъ, но, напротивъ, былъ поощряемъ и развиваемъ вполне. У насъ есть школы, но онѣ должны несравненно болѣе соответствовать своему назначенію; между нашими учителями есть люди дѣльные, исполняющіе честно свои высокія обязанности, но число такихъ наставниковъ слишкомъ недостаточно.»

«Есть два высшихъ хозяйственныхъ уровня, съ поднятіемъ на которые наши урожаи должны бы удвоиться» — продолжаетъ тотъ же голосъ. «Для достиженія первой ступени — недостаётъ намъ машинъ и свѣдѣній; чтобы подняться на вторую, — намъ необходимо знать сельско-хозяйственную химию. Итакъ, у насъ нѣтъ машинъ и аппаратовъ?.. Нѣтъ, въ нихъ-то недостатка мы не встрѣчаемъ; они имѣются въ избыткѣ; но намъ недостаётъ свѣдѣній, чтобы должнымъ образомъ воспользоваться ими; однимъ словомъ — намъ необходимо учиться.»

Уже изъ этихъ словъ видно, какое высокое назначеніе колонисты даютъ своей сельской школѣ, и какъ въ дѣйствительности она далека отъ этой цѣли. «Чтобы поселянинъ-хозяинъ, говорится въ концѣ приведенной нами статьи, обрабатывалъ свою землю правильно; чтобы ремесленникъ производилъ издѣлія солидна; чтобы облеченный довѣріемъ общества колонистъ исполнялъ свою должность съ честью и на пользу своихъ сообщественниковъ, и чтобы вообще всякій успѣшно дѣйствовалъ въ своемъ призваніи, для того всѣми средствами должно заботиться о школѣ и школьномъ образованіи, такъ какъ школа обязана быть высшимъ просвѣщенію, безъ котораго во всѣхъ условіяхъ жизни успѣхъ немыслимъ ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ иныхъ сферахъ дѣятельности.»

Тѣ же самыя мысли и требованія высказывались и со стороны интеллигенціи поволжскихъ колоній. Послѣдствія, какъ увидимъ ниже, показали, что «сельско-хозяйственная проповѣдь колони-

¹⁾ Landwirthschaftliche Predigt eines Kolonisten. Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. Odessa. 1865 № 2 и 4.

ста» и вторившіе ей голоса выражали не столько личное мнѣніе отдѣльныхъ поселенцевъ, сколько ясно сознаванную большнствомъ населенія общественную потребность.

IV.

Выше мы указали на стремленіе правительства направитъ колонистовъ къ ознакомленію съ русскимъ языкомъ, а равно и безуспѣшность попытокъ — достигнуть этой цѣли при посредствѣ сельскихъ школъ. Такая неудача привела къ учрежденію центральныхъ русскихъ училищъ. Подчиняясь надзору и руководству административнаго попечительства, училища эти получили главнѣйшимъ назначеніемъ — подготовленіе изъ среды колонистовъ учителей русскаго языка. При этомъ имѣлось въ виду что воспитанники центральныхъ училищъ, по окончаніи ими курсовъ будутъ преподавать русскій языкъ въ той же сельской школѣ не стѣсняя впрочемъ конфессіональной программы послѣдней. Исторія центральныхъ училищъ и ихъ результаты настолько характеристичны и поучительны, что читатель конечно не посѣтуетъ если мы войдемъ въ подробности, объясняющія истинныя причины малаго знакомства массы колонистовъ съ русскимъ языкомъ. Мысль о необходимости этого языка для поселенцевъ такъ стара, какъ самыя колоніи; но прошлое столѣтіе и въ этомъ отношеніи предоставило ихъ самимъ себѣ. Изъ словъ всеподданнѣйшаго доклада сената, которымъ учреждалась въ 1765 году саратовская контора опекунства «на то лишь время, пока сіе иностранное населеніе, *вошедъ во всѣ російскіе обычаи*» и т. д. видно, какъ бы увѣренность правительства, что «россійскіе обычаи» и прежде всего конечно русскій языкъ, привьются къ поселенцамъ очень скоро и очень легко. Насколько наивна и ошибочна была эта надежда, въ томъ не трудно было бы убѣдиться тогда же; стоило только, во-первыхъ, вникнуть по-серьезнѣе въ практическій смыслъ выраженія «вошедъ во всѣ російскіе обычаи»; во-вторыхъ, сопоставить уровень нравственнаго развитія и хозяйственнаго бмта нашихъ врестьянъ съ сельскимъ бытомъ Германіи, представителями котораго сознавала себя сбродная толпа нѣмецкихъ выходцевъ, поставленная при томъ и у насъ въ совершенно отличныя отъ нашего врѣвпостнннн общественныя условія; наконецъ, въ-третьихъ, обратить вниманіе на компактность колонистскаго водворенія и малочисленность въ то время русскаго населенія, имѣвшагося по обѣ стороны Волги, въ нынѣшней Самарской и Саратовской губерніяхъ только въ видѣ

судно разбросанных на дальнихъ разстояніяхъ поселеній и хуторовъ. Но — по словамъ одного изъ нашихъ ученыхъ — жизнь наша всегда шла своей дорогой, а голова — своей. Таеъ было и здѣсь; лицамъ почитавшимъ такимъ легкимъ дѣломъ для колонистовъ усвоеніе «россійскихъ обычаевъ», да при томъ еще и «всѣхъ», не приходило, конечно, на мысль — справиться, что думать объ этихъ обычаяхъ сами поселенцы. А послѣдніе, при всей негодности своей, вволю тѣшились въ это время виршами борванца Платера, который, дошедши въ своей поэмѣ до имовен переселенческой партіи въ селеніяхъ оволо Торжка, описываетъ бытъ и нравы русскихъ крестьянъ. Это описаніе, обращеніе котораго приводимъ въ выноскѣ¹⁾, отличается, правда, почти фотографическою вѣрностью; но едвали такая картина могла подвинуть пришельцевъ «войти во всѣ россійскіе обычаи». Во всякомъ случаѣ задача эта, будучи дѣйствительно поставлена нашимъ поселенцамъ, привела бы ихъ въ крайнее смущеніе; но по всей вѣроятности, не менѣе колонистовъ смутились бы и сами гг. сенаторы, еслибъ отъ нихъ потребовали ближайшаго опредѣленія: въ каіе именно русскіе обычаи должны войти колонисты. На самоъ дѣлѣ до подобнаго обмѣна мыслей не дошло: фраза осталась фразою; формальная сторона дѣла была удовлетворена, а о сущности, вызвавшей и дѣлавшей фразу необходимою, никто не подумалъ. Только чрезъ 18-ть лѣтъ, при Павлѣ, когда колоніи оказались разоренными и обнищавшими, а населеніе въ отчаяніи вывало о помощи и защитѣ, только теперъ сдѣлался яс-

¹⁾ Obachon mein neu Quartier
 Sehr traurig thät aussehen,
 Doch musst ich mit Geduld
 Dies alles überstehen,
 Dieweil ich mich erfreut
 Die Russen anzuschauen;
 Sah mit Verwand'ung an
 Wie sie ihr Land bebauen;
 Das wird nicht recht gepfügt,
 Nicht ordentlich besät,
 Und wenn die Früchte reif
 Von Herzen schlecht gemäht.
 Da ruht auf manchem Land
 Ja, wirklich reicher Segen,
 Doch hier an dem Verstand
 Der Bauer sehr verlegen,
 Dann nehmen sie ein Pferd,
 Mit ein klein Wägelein,
 Und legen's auf ein Hauf':
 Das muss die Scheuer sein,

Der Regen, Wind und Schnee
 Der muss nun Ordnung halten,
 Hans Russmann sitzt im Hauss
 Thut weiter Nichts verwalten
 Bis dass die grösste Noth
 Und ihn der Hunger treibt.
 Nun spricht er: «Matschka komm;
 Hol' was noch übrig bleibt»
 Dann nimmt er dickes Holz
 Fängt grausam an zu schlagen,
 Ja, wenn ich es ansah,
 Ich thue bald verzagen,
 Dass so ein Unverstand
 Und reicher Segen war;
 Vor Faulheit stinkt der Russ,
 Das ist ja hell und klar.
 Sonst Russlands Gegenden,
 So ich bisher gesehen,
 An Holz und Wies' und Feld
 Kann allezeit bestehen, u. s. w.

нымъ глубокой смыслъ тѣхъ условій, которыхъ надѣялись обойти одною пустою фразою. Волей-неволею приходилось выбирать одну изъ двухъ—или дать окончательно погибнуть колоніямъ, или а возвратиться въ прежнимъ порядкамъ ихъ управленія, т. е. во-становить для нихъ отдѣльныя управленія и т. д. Но даже теперь еще никто не сознавалъ необходимости обученія колони-стовъ русскому языку. Одинъ лишь сенаторъ Габлицъ, при р-визіи имъ въ 1800—1802 годахъ поволжскихъ колоній, при-нялъ мѣры въ обученію колонистовъ русскому языку; онъ рас-рядился, «избравъ по каждому округу изъ сиротъ или большихъ семействъ по одному мальчику, помѣстить ихъ въ саратовское на-родное училище на счетъ общества, а по окончаніи ими ученія опредѣлить ихъ въ тѣ округи для исправленія писарскихъ дол-ностей». Въ какой степени это распоряженіе было исполнено и какія оно имѣло послѣдствія, о томъ нѣтъ свѣдѣній: но вѣр-но, что этимъ, въ сущности совершенно ничтожнымъ пальят-вомъ, все дѣло и ограничилось. Въ послѣдующіе годы о препо-даваніи колонистамъ русскаго языка—рѣчи вовсе не было ни в-поволжьѣ, ни на югѣ Россіи.

Въ 1820 году, предсѣдатель саратовской (нынѣ московско-евангелическо-лютеранской консисторіи, суперинтендентъ Фесслеръ вновь поднялъ вопросъ о настоятельности рѣшительныхъ мѣръ въ улучшенію сельской школы въ колоніяхъ вообще. Онъ тре-бовалъ расширенія учительскихъ правъ и училищныхъ помѣще-ній и учрежденія *особой учительской семинаріи*, «дабы може-было имѣть способныхъ учителей для школы». По его расчету на устройство семинаріи требовалось установленія особаго общ-ственного сбора съ колонистовъ «по 54 коп. съ души». Но ми-нистерство внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшее въ то время колоніямъ отозвалось на предположеніе Фесслера, что «сборъ съ колони-стовъ денегъ на семинарію, при отбываніи ими другихъ общес-венныхъ повинностей, будетъ для нихъ обременителенъ; что въ у-режденіи семинаріи особенной надобности не предвидится; что лучш-бы поискать двухъ или трехъ хорошихъ учителей и, назначивъ имъ съ согласія колонистовъ достаточное жалованье, употребитъ ихъ для сформированія нужнаго числа сельскихъ учителей; чт-ученіе колонистовъ должно быть ограничено преподаваніемъ до-матовъ вѣры, чтеніемъ, письмомъ и простою ариѳметикою; жа-лающіе же изъ богатыхъ колонистовъ, по уваженію дарован-дѣтей своихъ, расширить кругъ ихъ познаній, могутъ отдава-онныхъ учиться въ народныя училища, гимназіи и университеты. Итакъ, не говоря уже о болѣе широкомъ народномъ образов-ніи, и теперь еще не созрѣла даже мысль о необходимости дѣ-

масса колонистовъ русскаго языка. Объ этой настоятельной нуждѣ приходится вновь напомнить никому другому, какъ мѣстному пастору-гнцу.

Въ 1825 году, пасторъ Лѣсно-Карамышскаго прихода Кон-тради обязывался «учредить въ колоніи Лѣсно-Карамышѣ, Саратовской губерніи, училище для обученія до 50 — 60 колонистскихъ дѣтей *россійскому языку*, дабы приспособить оныхъ къ должностямъ сельскихъ начальниковъ и земскихъ писарей». Основанія были указаны слѣдующія: а) программа — законъ Божій, священная исторія, русскій и нѣмецкій языки, ариметика, географія и церковное пѣніе; б) преподаваніе, подъ надзоромъ пастора, возлагается на двухъ учителей — одного для русскихъ предметовъ, съ жалованьемъ на первый случай по 800 рублей, и другого для нѣмецкихъ предметовъ, съ жалованьемъ по 500 руб.; сверхъ того, колоніальному шульмейстеру за обученіе пѣнію полагается по 200 руб.; в) расходы на училище покрываются: платою за ученіе по 30 руб. въ годъ съ ученика, добровольною подпискою и пособіемъ изъ «штрафной суммы»¹⁾ саратовской конторы; г) «имѣя главнѣйшимъ предметомъ обученіе воспитанниковъ *россійскому языку*, училище подчиняется не консисторіи, а главному судѣ саратовской конторы опекунства; отъ него будетъ зависѣть увольненіе, опредѣленіе и представленіе въ наградамъ учителей». Съ предположеніемъ этимъ *вполнѣ* согласилась и евангелическая консисторія, контора же опекунства неоднократно выражала свое особенно горячее сочувствіе. Представляя проектъ училища на утвержденіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, контора доказывала между прочимъ, что «русскій языкъ весьма нуженъ не только всѣмъ иностраннымъ поселенцамъ, входящимъ съ русскими въ сношеніе, но въ особенности онъ необходимъ сельскимъ и окружнымъ начальникамъ, а между тѣмъ оный нигдѣ въ колонистскихъ приходскихъ школахъ не преподается». Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно 3-го октября 1828 года, департаментъ государственнаго хозяйства далъ отвѣтъ. Выразивъ сомнѣніе, чтобы «предполагаемое училище имѣло желаемый успѣхъ, тѣмъ паче, что нѣтъ ничего вераго ни въ источникахъ содержанія его, ни въ приобрѣтеніи способныхъ учителей», департаментъ поручалъ конторѣ — «войти съ духовнымъ начальствомъ колоній въ разсмотрѣніе, нельзя ли

¹⁾ Въ прежнее время, всѣ взыскивавшіеся съ колонистовъ денежные штрафы, по-стали не въ мірскія кассы по принадлежности, а въ «штрафной капиталъ», кото-рый, какъ принадлежность дѣлага водворенія, употреблялся на разныя общественныя цѣли.

учредить въ колоніяхъ простыя, хорошія сельскія школы, гдѣ бы, кромѣ закона, обучались колонистскія дѣти читать и писать хорошо и основательно по-нѣмецки и по-русски, и первымъ правилами ариѳметики; если же вторые мальчики окажутъ охоту и способности къ вѣщшему обученію, таковымъ предоставить обучаться въ губернской гимназіи». Вслѣдствіе такого разрѣшенія заговорила инымъ языкомъ и консисторія. Вопреки прежней мнѣнію своему, она находила, что «обученіе російскому языку въ церковныхъ школахъ (сельская школа обратилась уже въ церковную) ввести нельзя по той причинѣ, во-первыхъ, что нѣтъ способныхъ, знающихъ этотъ языкъ шульмейстеровъ; а во-вторыхъ, что такое введеніе не только будетъ бесполезно, но и во вредъ главному предмету—закону Божию; отъ заведенія же двухъ особыхъ училищъ, одного въ колоніяхъ нагорной, а другого въ колоніяхъ луговой стороны (какъ полагала контора, примѣняясь къ указаніямъ выше), также нельзя ожидать пользы, ибо колонисты, кои пожелаютъ выучить своихъ дѣтей по-русски, охотнѣе помѣстятъ оныхъ въ городскія народныя училища и гимназіи». Пасторъ Конради также отступился отъ своего предложенія, и такимъ образомъ новое въ министерство представленіе конторы, въ которомъ она пыталась спасти свой первоначальный проектъ, осталось тоже безъ желаемаго результата.

Съ этого времени рвеніе къ улучшенію школъ, слабѣя постепенно, исчезло наконецъ совершенно даже въ лучшихъ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Мало того, возраставшія изъ года въ годъ потребности населенія въ лучшемъ обученіи привели его сперва къ частнымъ столкновеніямъ съ отдѣльными пасторами, а за тѣмъ почти къ открытому разладу со всею духовною іерархіею.

Наконецъ, въ 1833 году, вопросъ о преподаваніи колонистамъ русскаго языка былъ поднятъ уже мѣстнымъ губернаторомъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его о состояніи Саратовской губерніи. Описывая цвѣтущее положеніе поволжскихъ колоній, онъ удостовѣрялъ, что «немногіе изъ колонистовъ, и то съ трудомъ объясняются по-русски, а потому всѣ они почитаютъ себя германцами, не знаютъ нашихъ законовъ, полицейскія требованія и повинности исполняютъ медленно и примѣтно стараются избѣгать всякаго сообщенія съ русскими». По особому высочайшемъ повелѣнію, эта статья отчета, чрезъ комитетъ министровъ, была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ, потребовавшее, конечно, отзывъ и заключенія саратовской конторы. Послѣдняя спѣша повидимому извлечь возможную пользу изъ благопріятнаго оборота, принятаго училищнымъ дѣломъ, предположила учредить

пять отдѣльныхъ русскихъ школъ, по одной на каждые два округа колоній, всего на 306 учениковъ, съ тѣмъ, чтобы «курсъ ученія продолжался шесть лѣтъ, а по истеченіи сего срока, взявъ сихъ училищъ, преподаваніе русскаго языка обязательно было введено въ каждой колоніи». Но такой рѣшительный приемъ не входилъ въ виды правительства. Еще въ томъ же 1833 году, высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ повелѣно: «во избѣжаніе издержекъ, потребныхъ на заведеніе сихъ школъ (согласно проекту конторы), ограничить на первый разъ учрежденіе оныхъ въ саратовскихъ колоніяхъ *только двумя школами*, съ назначеніемъ для каждой *только по 25 учениковъ*, съ тѣмъ, чтобы заведеніе оныхъ въ прочихъ колоніяхъ, *если сіе окажется нужнымъ*, отложить до заплаты поселенцами казенныхъ долговъ». Такимъ образомъ, возникли наконецъ первыя двѣ русскія школы для колонистовъ, получившія впослѣдствіи, наравнѣ съ подобными же учрежденіями въ южныхъ колоніяхъ, названіе *центральныхъ училищъ*. Но изъ словъ закона 1833 года видно, что сознаніе въ безусловной необходимости болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у колонистовъ, или хотя бы для ознакомленія ихъ съ русскимъ языкомъ, все еще не созрѣло; допускалось, правда, увеличеніе числа училищъ, но не ранѣе какъ по уплатѣ колонистами казенныхъ долговъ, и въ томъ только случаѣ «если сіе окажется нужнымъ». Конечно, не требуется особенной прозорливости, чтобы впередъ быть убѣжденнымъ въ полной несостоятельности даже тѣхъ двухъ скромныхъ школъ, которыя пробились на Божій свѣтъ, благодаря непосредственному вниманію высочайшей власти.

И въ самомъ дѣлѣ, оба училища — *екатеринштадтское*, въ Самарской, и *льсно-карамышское*, въ Саратовской губерніи, — вовсе не достигли своей главной цѣли. Начался рядъ перемѣненій этихъ учреждений изъ мѣста въ мѣсто, временнаго слитія и раздѣленія ихъ вновь, постепеннаго расширенія программы преподаванія, усиленія содержанія учителей и учебныхъ способовъ и т. д.; исписаны груды бумагъ, составлено, рассмотрѣно и отвергнуто или принято безконечное число мнѣній, предположеній и отзывовъ, а главнаго — приготовленія училищами хотя бы обыкновенныхъ хорошихъ шульмейстеровъ, не говоря уже о русскихъ учителяхъ, все-таки не достигнуто. Правда, по соединеніи, въ 1858 году, обоихъ училищъ въ одно, екатеринштадтское, оно получило довольно обширные размѣры и на него тратится ежегодно общественный сборъ по 6½ коп. съ ревизской души всѣхъ саратовско-самарскихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе, училище не удовлетворяетъ потребности населенія ни въ

учителяхъ, ни даже въ общеобразовательномъ смыслѣ: рядомъ съ училищемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начало слагаться частное товарищество изъ колонистовъ, занятое составленіемъ капитала на учрежденіе въ той же колоніи Еватеринштадтъ реальной прогимназіи, и капиталъ товарищества достигъ уже довольно почтенныхъ размѣровъ. Съ другой стороны, колонистъ Саратовской губерніи, обративъ въ неприкосновенный училищный фондъ часть своихъ общественныхъ капиталовъ въ размѣрѣ, потребномъ на содержаніе особаго двухъ-класснаго центрального училища, съ классомъ приготовительнымъ, всего приблизительно въ 150 вольноприходящихъ учениковъ, открыли училище это въ колоніи Лѣсномъ-Карамышѣ, гдѣ выстроенъ особый училищный домъ съ квартирами для учителей и всѣми необходимыми удобствами по хозяйству.

Во всякомъ случаѣ, вновь открытое лѣсно-карамышское центральное училище едва ли не превзойдетъ екатеринштадтское по обширности и обрацаемымъ на него обществами способамъ.

Не съ большимъ успѣхомъ шло учрежденіе центральныхъ русскихъ училищъ и въ волоніяхъ южнаго края Россіи, гдѣ постепенно возникли училища: *саратское, хортицкое, гальбштадтское и пришибское.*

Въ 1823 году, прибылъ въ Бессарабію извѣстный уже читателю виртембергскій купецъ Хр. Фр. Вернеръ, энтузіастъ, не чуждый тенденціозныхъ стремленій Линдля. Поселившись въ новомъ Саратѣ, онъ еще въ томъ же году умеръ, отказавъ, по завѣщанію, саратскому обществу капиталъ въ 25½ тысячь рублей съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала было устроено и содержалось «учебное заведеніе для образованія изъ колонистовъ пасторовъ - миссіонеровъ». Къ этому капиталу были присоединены еще 4,500 рубл., пожертвованныя для подобной же цѣли извѣстнымъ намъ Контениусомъ; но только въ 1844 году послѣ долгихъ переговоровъ съ душеприращикомъ Вернера, саратскимъ оберъ-шувцемъ Фейгелемъ, послѣдовало открытіе въ Саратѣ центрального училища.

Вслѣдъ за тѣмъ были открыты и остальные изъ вышеназванныхъ училищъ.

Условія открытія и существованія всѣхъ таковыхъ центральныхъ училищъ обрисовываютъ самымъ нагляднымъ образомъ тѣ отношенія, въ какія постоянно ставило себя попечительство, съ одной стороны, къ меннонитскому братству, а съ другой, къ остальнымъ колонистскимъ обществамъ и ихъ духовенству. Если въ отношеніи меннонитскихъ центральныхъ училищъ признавалось достаточнымъ обусловить открытіе училищъ—однимъ един

ственно обязательнымъ — «преподаваніемъ русскаго языка», то, напротивъ, положенія саратскаго и пришибскаго училищъ доказываютъ стремленіе правительства—регламентировать и хозяйственную, и учебную часть этихъ заведеній соответственно собственнымъ цѣлямъ, не вполне совпадавшимъ съ видами учредителей. При очевидномъ, прямо вытекающемъ изъ сущности училищныхъ положеній желаніи—обратить названныя два заведенія въ штотники учителей, обязанныхъ преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ русскаго языка, правительство не умѣло однако отрѣшиться отъ мысли о необходимости подчиненія подобныхъ заведеній главному надзору и руководству духовенства. Если въ положеніи саратскаго училища главный надзоръ по учебной части предоставленъ не пастору, а попечителю изъ колонистовъ и приказу, то это только благодаря положительной волѣ завѣщателя и его душеприкащика, и здѣсь положеніе пыталось-было обезпечить за пасторомъ болѣе широкое вліяніе на училище, хотя-бы косвеннымъ путемъ, возложеніемъ на него, сверхъ закона Божія, еще и преподаванія нѣмецкаго языка. Но мы видѣли, что даже въ настоящемъ случаѣ, когда цѣль заведенія была «болѣе духовно-конфессіональная, нежели свѣтская», колонистское общество, въ лицѣ своего оберъ-шульца и душеприкащика завѣщателя, само признало необходимымъ устранить излишнее вліяніе пастора, настоявъ на ограниченіи его обязанностей по училищу однимъ преподаваніемъ закона Божія.

Итакъ, правительство, заботливо устраняя отъ центральныхъ училищъ характеръ конфессіональный,—стремилось тѣмъ не менѣе къ подчиненію, по возможности, учебной части и самаго управленія этихъ заведеній надзору и руководству пастора, т. е. главному представителю конфессіонализма. Это явное противорѣчіе. Съ другой стороны, важется не менѣе противорѣчивымъ еще и то, что саратское общество, настаивая по волѣ завѣщателя на исключительно конфессіональномъ характерѣ училища, въ тоже время, требовало отъ правительства ограниченія предоставленнаго имъ пастору вліянія на заведеніе. Отказываясь отъ ближайшаго разъясненія перваго противорѣчія, мы едва ли ошибаемся, утверждая, что во второмъ случаѣ противорѣчивыя стремленія общества имѣли источникомъ опасеніе тѣхъ же со стороны пастора «деспотическихъ замашекъ» и попытокъ «обскурантизма», вторыми около того времени успѣла уже заявить себя въ дѣлѣ народной школы ортодоксальная партія въ Германіи, оказывавшая всегда не ничтожное вліяніе на духъ и направленіе протестантскаго духовенства въ Россіи.

Но какія бы здѣсь причины ни дѣйствовали, тотъ фактъ не-

сомнѣненъ, что всѣ центральныя училища и до сего времени ввели въ сельскія школы преподаванія русскаго языка. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія правительства и насущныхъ интересовъ населенія, главная цѣль этихъ заведеній вовсе не достигнута, полагаемъ, собственно потому во-первыхъ, что самая организація учебной части училищъ не соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, а во-вторыхъ, что училища эти стоятъ особнякомъ, безъ прямо органической связи съ сельскими школами. Если и проникнетъ сюда учитель—воспитанникъ центральныхъ училищъ, то не иначе какъ чрезъ посредство приходскаго священника, т. е. въ качествѣ кантора или кистера, а не народнаго учителя. Но, въ этомъ случаѣ винить исключительно одно духовенство было бы не вполне справедливо, такъ какъ ни одно изъ центральныхъ училищъ не давало такихъ наставниковъ, которые, по окончаніи курса, стояли бы выше обыкновенныхъ рутинеровъ, заправляющихъ школамъ въ колоніяхъ. Такъ въ 1867 году, изъ 6-ти воспитанниковъ екатеринштадтскаго центральнаго училища, снабженныхъ аттестатами объ окончаніи ими полнаго курса ученія, только двое были признаны синодомъ достаточно подготовленными для канторской учительской должности, тогда какъ екатеринштадтское училище несомнѣнно лучшее изъ всѣхъ заведеній этого рода. За центральными училищами остается лишь та заслуга, что они снабдили колонистскіе приказы достаточнымъ числомъ отличныхъ писарей окружныхъ и сельскихъ;—другіе же изъ воспитанниковъ съ честью занимаютъ разныя выборныя должности по общественной службѣ.

Такъ шло дѣло до послѣдняго времени, когда широкое развитіе хозяйственной дѣятельности колонистовъ, ихъ возрастающая стѣсненность по землевладѣнію, включеніе поселенцевъ въ общемъ основаніи въ составъ земства, и наконецъ предстоящее подчиненіе ихъ общимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ общимъ суду и полиціи, привели и массу колонистовъ къ сознанію необходимости въ болѣе широкомъ и соотвѣтствующемъ ихъ быту школьномъ образованіи, и особенно въ изученіи русскаго языка, безъ основательнаго знанія котораго, по осуществленіи реформы во всѣхъ ея частяхъ, колонисты оказались бы на практикѣ болѣе безправными, нежели всѣ остальные наши сельскіе обыватели.

Въ виду такихъ условій, лѣтомъ 1866 года, состоялся въ Одессѣ съѣздъ полномочныхъ представителей всѣхъ колонистскихъ обществъ южнаго края Россіи. О съѣздѣ этомъ и о выработанныхъ имъ правилахъ по взаимному отъ огня застрахованію строеній и учрежденію волостныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ—нами

получено уже выше. Новая и, по достигнутымъ результатамъ, важная сторона дѣятельности сѣзда выразилась въ мѣрахъ, принятыхъ имъ въ пользу школьнаго дѣла.

Не имѣя права непосредственно касаться приходскихъ школъ, сѣздъ уполномоченныхъ обратилъ тѣмъ болѣе серьезное вниманіе на центральныя училища. Послѣднія онъ нашелъ совершенно неудовлетворительными ни по обращеннымъ на нихъ средствамъ, ни въ отношеніи программы и вообще учебныхъ способовъ. Уполномоченные высказывали убѣжденіе, что въ видѣхъ будущаго преуспѣянія колоній, центральныя училища должны, въ нынѣ и грядущее, имѣть цѣлью: 1) распространеніе въ массѣ поселенцевъ знанія русскаго языка, «чтобы подрастающія поколѣнія могли освоиться въ Россіи и, овладѣвъ отечественнымъ языкомъ, содѣйствовали всеобщему благоденствію своего отечества»; и 2) образованіе «вполнѣ достойныхъ и способныхъ наставниковъ для сельскихъ школъ, писарей и должностныхъ лицъ для общественной выборной службы, на пользу поселенцевъ и всего государства».

Прежде всего, сѣздъ сдѣлалъ распредѣленіе колоній, кромѣ болгарскихъ, на 9 учебныхъ округовъ, принявъ при этомъ во вниманіе территоріальныя условія и матеріальныя способы населенія. Опредѣливъ соотвѣтственно сему число училищъ, мѣсто ихъ расположенія и штатное положеніе каждаго изъ нихъ, уполномоченные ассигновали и необходимыя для осуществленія настоящихъ предложеній средства: а) 285,378 руб. училищныхъ и мірскихъ суммъ обращены въ непривосновенные училищныя фонды; и б) вѣсомъ съ приписаннаго къ училищамъ населенія ассигновано въ 8,921 р. въ годъ.

Всѣмъ учителямъ центральныхъ училищъ испрашиваются по службѣ и на пенсію права учителей уѣздныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Собственно для колонистовъ-болгаръ предположено равнымъ образомъ открыть училища: одно, въ размѣрѣ прогимназіи, въ Бессарабіи, на счетъ пожертвованныхъ обществами суммъ до 200 тысячъ рубл., и другое—въ болгарской колоніи Преславѣ, Бердянскаго уѣзда, Таврической губ., въ меньшемъ размѣрѣ, на первое время на счетъ какаго источника, съ отнесеніемъ за тѣмъ содержанія училища въ обязанность подлежащихъ обществъ. Факты эти краснорѣчивыя словъ и дѣлаютъ совершенно излишними всякія разсужденія о томъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ обращенныхъ на училищное дѣло въ колоніяхъ суммъ, нисколько не считая собственныхъ интересовъ колонистовъ и приводя ихъ только къ одному знаменателю съ потребностями остальныхъ

земскихъ сословіи. Намъ остается завѣрить читателя, что всѣмъ жертвованіямъ колонистовъ въ пользу училищнаго дѣла составляющаго выраженіе свободной, ничѣмъ нестѣсненной воли обществъ, знавшихъ истинныя свои нужды и потребности. Въ тоже время факты эти свидѣтельствуютъ объ искреннемъ желаніи колонистовъ применить къ общему строю государственной жизни, доказывающаго ясно и неопровержимо всю несостоятельность голосовъ, уходящихъ, будтобы колонистское населеніе, въ принципѣ, чуждается сближенія съ остальными согражданами.

Наконецъ, замѣчательно еще то, что и одесскій съѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ устраняетъ мѣстное духовенство совершенно отъ завѣдыванія преобразовываемыми и вновь учреждаемыми центральными училищами, предоставляя ему лишь при подавательскія обязанности по закону Божію. И надо полагать, что на этотъ разъ правительство не только не впадетъ въ прежнее ошибку, но, въ согласіи съ положеніями: крестьянскимъ 11 февраля 1861 и земскимъ—1 января 1864 года, приметъ мѣры, чтобы на будущее время и сельскія школы колонистовъ были переданы въ вѣдѣніе самихъ обществъ, на счетъ которыхъ онѣ содержатся. Такимъ образомъ, школы эти придутъ въ полную солидарность и въ непосредственно тѣсную связь съ центральными училищами. Безъ этого— послѣднія снова были бы парализованы и, во всякомъ случаѣ, не принесли бы ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ въ той мѣрѣ, какъ этого настоятельно требуютъ и пользы самихъ колонистовъ, и насущныя государственныя интересы. И едва ли мы ошибаемся, утверждая, что колонисты ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на такія огромныя жертвы, еслибы они не были вполне увѣрены, что центральныя училища не будутъ подчинены болѣе или менѣе исключительному вліянію мѣстнаго ихъ духовенства.

Плодовъ лучшаго училищнаго образованія нужно ожидать не въ близкомъ будущемъ, а между тѣмъ настоящее доказываетъ, что многое въ колоніяхъ могло бы быть и было бы иначе, еслибы мѣры въ пользу училищнаго дѣла давно уже были приняты въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это предполагено съѣздомъ колонистскихъ повѣренныхъ. Одно незнаніе колонистомъ русскаго языка лишаетъ его, внѣ предѣловъ колоній, привычной самостоятельности, самодѣятельности и вообще сознательности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ его къ окружающему обществу; оно то всегда и отклоняло многихъ отъ оставленія колоній. Это чувство недоувѣрія поселенцевъ ко внѣ-колониальной жизни поддерживалось не малочисленными примѣрами того, что болѣе рѣшительныя и предприимчивыя изъ ихъ среды, водворившись въ горо-

дѣль или селеніяхъ, расплачивались нерѣдко дорогою цѣною за свое знаніе языка и вообще обще-дѣйствующихъ порядковъ, обычаевъ и т. д. Намъ лично извѣстенъ не одинъ случай, что такіе колонисты заключили на мало знакомомъ имъ русскомъ языкѣ договоры, содержаніе которыхъ имѣло вовсе не тотъ смыслъ, въ какомъ они обязывались и договаривались. Послѣдствіемъ бывали настоятельныя тяжбы, приводившія колонистовъ къ потерѣ значительныхъ состояній, нравственнымъ страданіямъ и разстройству. Если поговорка «лучше утопиться, чѣмъ судиться» сложилась у нашего народа, которому нельзя было обойти означенной дилеммы, то неудивительно, конечно, если колонистъ, испытавъ на практикѣ глубокой смыслъ приведеннаго афоризма, возвращался въ свою колонію крайне предубѣжденнымъ противъ внѣ-колониальнаго строя и примѣромъ своимъ еще болѣе подкрѣплялъ понятію недоувѣрчивости своихъ однообщественниковъ ко всему, что выходило за предѣлы ихъ личнаго разумѣнія и опытнаго знанія. И много ли найдется людей грамотныхъ, ясно понимающихъ юридическій смыслъ всякаго акта, и въ тоже время готовыхъ съюбно подписывать контракты, обязательства и договоры на языкѣ итаійскомъ, или вообще имъ лично незнакомомъ?— Несомнѣнно, то тѣмъ человѣкъ развитѣе и грамотнѣе, тѣмъ болѣе онъ встрѣтитъ сомнѣній «приложить руку» къ бумагѣ, содержаніе которой ему непонятно и лично имъ провѣрено быть не можетъ. Такому положенію большинства колонистовъ внѣ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости.

Но давленіе экономическихъ потребностей неотразимо; волею-неволею поселенцамъ приходится пускаться за предѣлы колоній, отсюда, уже само собою, является сознаніе въ необходимости обученія русскому языку. И послѣднее время, независимо отъ приключенныхъ нами выше указаній, особенно богато частными случаями, доказывающими неопровержимо, что это сознаніе колонистовъ растетъ въ нихъ видимо. Такъ, въ католической колоніи Зульцъ, Херсонской губерніи, общество рѣшительно настаиваетъ (повидимому, вопреки требованію патера), чтобы къ должности сельскаго учителя было допущено избранное имъ, по большинству голосовъ, лицо, обязавшееся преподавать дѣтямъ и русскій языкъ. Мѣстное колонистское начальство, съ своей стороны, признало законность требованія общества; но, тѣмъ не менѣе, слабѣе, встрѣтивъ затрудненіе (вѣроятно, какъ уже замѣчено, со стороны приходскаго патера), обратилось о содѣйствіи въ томъ дѣлѣ къ высшему начальству. Вотъ еще одинъ такой же тщательный примѣръ. Новоузенское уѣздное земство, со дня открытія своего, усердно занялось дѣломъ народнаго образова-

нія. Въ 1866 году были открыты въ уѣздѣ нѣсколько земскихъ училищъ, и въ томъ числѣ два — въ колоніяхъ Тонкошурови и Эггеймѣ. Дѣла этихъ училищъ, какъ свидѣтельствуешь отчетъ управы, оказали успѣхи свыше всякаго ожиданія; даже для колонистовъ оказалось необходимымъ назначить пріемный экзаменъ, такъ какъ число дѣтей - кандидатовъ далеко превышало вмѣстимость училищныхъ зданій. По принятымъ правиламъ, воспитанники земскихъ училищъ не были обязываемы въ носѣщеніи классовъ — въ порѣ полевыхъ работъ; но, тѣмъ не менѣе, толь обыкновенное баникулярное время прервало учебный курсъ, дѣти, не исключая колонистскихъ, оказали, по увѣренію управы изумительные успѣхи. Къ сожалѣнію, съ 1867 года, въ новоузенскомъ земствѣ произошло попятное движеніе, послѣдствіемъ котораго было закрытіе, съ текущаго года, большинства вновь созданныхъ училищъ, и въ томъ числѣ эггеймскаго. Но короткаго существованія училища было, повидимому, достаточно для убѣжденія эггеймскихъ колонистовъ въ его пользѣ: болѣе самостоятельные хозяева изъ нихъ, чрезъ посредство мѣстнаго колониальнаго начальства, выжились поддерживать прежнее земское училище на свой счетъ, если имъ будетъ оказано изъ общественныхъ суммъ ежегодное пособіе до 400—500 рублей, въ чемъ мы увѣрены, не встрѣтятся препятствія.

V.

Мы сказали, что производившіяся объ улучшеніи сельской школы въ колоніяхъ многолѣтнія переписки еще и до сихъ пор не успѣли ни вывести ее изъ тѣсной рамки конфессіонализма, ни дать ей развитія, соответствующаго успѣхамъ и потребностямъ современнаго быта населенія. Теперь, ознакомившись съ положеніемъ учебной части колонистовъ въ цѣломъ, читатель, конечно, самъ уже догадывается объ истинныхъ причинахъ таковаго неуспѣха. Прежде всего нельзя не замѣтить, что колонисты, дорожа сколько конфессіональными интересами, столько же и своимъ успѣхамъ въ экономическомъ и гражданскомъ быту, не довольствуются ни сельскою школою вслѣдствіе конфессіональной исключительности ея, ни центральными русскими училищами, и до сего времени, въ смыслѣ специальныхъ учительскихъ семинаріи неудовлетворявшими ни конфессіональнымъ, ни гражданскимъ требованіямъ. Поэтому, сущность стремленій колонистовъ приводится къ коренному преобразованію и тѣхъ и другихъ учреждений. Но при разрозненности учебнаго дѣла и при отсутствіи

общаго педагогическаго плана, положительно нѣтъ возможности ни удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ колонистскаго населенія, ни устранить замѣченные въ учебномъ дѣлѣ колоній коренные недостатки, ни, наконецъ, достигнуть цѣли, общей и правительству и населенію, — ознакомить съ русскимъ языкомъ колонистовъ въ массѣ.

Въ этомъ сознаниіи, ревизія, въ 1860 году, поволжья, обращаясь къ мѣрамъ улучшенія сельскихъ школъ, сочла нужнымъ обратить прежде всего вниманіе на необходимость устраненія духовенства отъ *исключительнаго* завѣдыванія училищнымъ дѣломъ. Она предлагала: 1) прежде всего постановить, чтобы школьный учитель и кистеръ или канторъ — были *отдѣльными* лица, и чтобы послѣдній, т. е. кистеръ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскаго священника, преподавалъ въ школѣ законъ вѣры и церковное пѣніе въ опредѣленные для сего часы, оставаясь притомъ въ непосредственной и прямой зависимости отъ приходскаго священника, на основаніи церковнаго устава; 2) устранить во всемъ остальномъ исключительное, неограниченное вліяніе духовенства на школы и ихъ учителей, постановить для нихъ программы и правила административной, зависимости примѣнительно къ началамъ, на коихъ существовали сельскія школы въ домствѣ удѣльнаго и государственныхъ имуществъ; 3) оставить при должностяхъ нынѣшнихъ школьныхъ учителей, дозволяя имъ, по желанію духовенства и собственной волѣ, или исправлять по прежнему обязанности кистера до того времени, пока найдутся особыя лица для послѣдней должности, или же вовсе перейти въ должность кистера¹⁾; 4) производимое нынѣ шульмейстерамъ-кистерамъ, въ одномъ лицѣ, содержаніе въ протестантскихъ колоніяхъ признать нормальнымъ и сохранить для *учительской* должности неизмѣннымъ на будущее время, а въ католическихъ колоніяхъ назначить учительское содержаніе, по относительному расчету населенности колоній, наравнѣ съ содержаніемъ протестантскихъ шульмейстеровъ, сдѣлавъ производство его обязательнымъ для обществъ; и наконецъ 5) духовенству предоста-вить войти въ соглашеніе съ обществами относительно содержа-ніи *особыхъ кистеровъ*. «Школы — заключала ревизія — преобразованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, могутъ обѣщать болѣе успѣха и удовлетворять требованіямъ настоящаго положенія дѣлъ въ колоніяхъ. Съ постепеннымъ образованіемъ новаго по-

¹⁾ Следовательно, здѣсь требуется какъ разъ обратное тому распоряженію с.-пербургскаго консисторіальнаго начальства, которымъ, съ 1855 года, неизвѣстно по какому поводу, всѣ «сельскіе учителя» южныхъ колоній разжалованы въ «кистеры».

колѣнія учителей, посредствомъ екатеринштадтскаго русскаго училища (въ то время — только-что вновь преобразованнаго на болѣе широкіхъ основаніяхъ), и кромѣ того, для католиковъ, приготовленіемъ ихъ въ римско-католической семинаріи, въ Саратовѣ, молодые люди эти могутъ быть размѣщаемы по колоніямъ, и такимъ образомъ достигнется цѣль правительства, и въ то же время удовлетворятся потребности и желанія лучшей части колонистскаго населенія».

Съ матеріальной стороны предполагалось улучшить положеніе швольнаго дѣла — посредствомъ передачи школамъ привилегіи пасторской вдовье-сиротской кассы поволжья на изданіе и распространяе сборника церковныхъ гимновъ и учебныхъ руководствъ. Судьба этого предложенія намъ извѣстна. Объ остальныхъ предложеніяхъ также завязалась оживленная переписка между обоими вѣдомствами колоній — гражданскимъ и духовнымъ. Наконецъ, масса фактическихъ доказательствъ, и въ томъ числѣ извѣстный читателю результатъ почти всенароднаго экзамена въ поволжьѣ, подтвердили наглядно и неопровержимо настоятельному необходимости — изъять колонистскія сельскія школы изъ исключительнаго завѣдыванія духовенства.

Тѣмъ временемъ, коренныя реформы въ крестьянскомъ быту и обще-государственныхъ учрежденіяхъ, въ свою очередь, подступали ближе и ближе къ вѣдомству колоній, громоздя безостановочно вопросъ на вопросъ о возможномъ согласованіи колонистскихъ порядковъ съ новымъ общимъ порядкомъ вещей: предстала неотложная необходимость полнаго пересмотра всѣхъ постановленій о колоніяхъ. Съ другой стороны, послѣднія полныя жизни, давно уже бьющей черезъ край поставленной ей рамки а жизнь, требуя дѣла, не переписки, вліяетъ непосредственно на ближайшіе къ ней органы власти. Отсюда возникаютъ постоянно новыя указанія и предположенія; взгляды на дѣло становятся глубже и шире, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе укрѣпляется вѣроятность, что окончательное устройство народнаго обученія въ колоніяхъ завершится на современныхъ раціональных основаніяхъ. И пора. Нужно же, наконецъ, убѣдиться, что обученія колонистовъ русскому языку нельзя добиваться тѣми узкими приѣмами, какіе имѣли мѣсто до настоящаго времени, и что неуспѣхъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отнести отнюдь не къ «отчужденію колонистовъ отъ всего русскаго», а напротивъ, къ собственной нашей неумѣлости направить къ желаемой цѣли даже такія громадныя средства, какія *всегда* имѣлись на-готовѣ въ колоніяхъ. Но едва ли мы въ правѣ ставить эту неумѣлость въ упоръ нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Чтобы воздержаться отъ та-

того убора, стоить только вспомнить наши же, не такъ давно происходившіе споры по вопросу: слѣдуетъ, или не слѣдуетъ начальное народное образование поручить приходскому духовенству?.. На этотъ вопросъ опытный колонистъ отвѣтилъ бы слѣдующимъ образомъ: «если православное духовенство болѣе нашего имѣтъ свободнаго времени отъ прямыхъ своихъ обязанностей, если оно также хорошо обеспечено въ матеріальномъ отношеніи, какъ наши пасторы и всендзы, и если, наконецъ, оно, не уступая послѣднимъ въ образованіи, не лишено при этомъ хотя нѣкоторой педагогической подготовки, то, пожалуй, еще можно бы попытаться, но только въ томъ случаѣ, если *нѣтъ иного выхода*. Я дѣлаю эту оговорку потому, что подобный же опытъ у насъ, въ колоніяхъ, принесъ самые горькіе плоды». Вообще, вполнѣ признавая всю важность религіознаго элемента въ народномъ воспитаніи, мы, однако, не можемъ допустить, чтобы правительство, въ явный ущербъ гражданскаго развитія иновѣрческаго населенія, обязано было поддерживать, законодательнымъ путемъ, такія установленія, которыя въ области школы направлены къ исключительно конфессіональнымъ цѣлямъ. По крайней мѣрѣ въ нашихъ иновѣрческихъ колоніяхъ требованіе — сдѣлать начальное народное образование исключительно привилегіею духовенства, кажется намъ только отрицаніемъ въ благовидной формѣ необходимости умственнаго развитія массъ. Далѣе стоить еще прислушаться къ разногласію о грамотности въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, и вспомнить, какъ, не имѣя ни школы, ни учителей, ни достаточно денежныхъ средствъ, здѣсь, самымъ серьезнымъ образомъ, обсуживается нерѣдко вопросъ: должно ли не должно посѣщеніе школы быть обязательнымъ для *всѣхъ* крестьянскихъ дѣтей? — и это въ то самое время, когда по вѣдомству колоній, всегда имѣвшихъ *каждая* и школьный домъ, и учителя, и противъ крестьянъ несравненно болѣе матеріальныхъ средствъ, многолѣтній опытъ поставилъ тотъ же вопросъ, но въ обратномъ смѣслѣ. Здѣсь уже, на основаніи *опытныхъ данныхъ*, спрашивается: слѣдуетъ ли *вовсе отменить*, или только *видоизменить* существующее для *всѣхъ* колонистскихъ дѣтей, извѣстнаго возраста, *обязательное* посѣщеніе сельской школы?...

Базалось бы нечего прибавлять къ убѣдительному разсужденію по этому вопросу барона Н. Корфа ¹⁾, почерпнувшего значительную долю своихъ фактическихъ аргументовъ изъ опыта *чужихъ* колоній. Но здѣсь сельская школа пользуется еще *нѣсколькими* существенными преимуществами передъ школами поволж-

¹⁾ «Вѣст. Европы», 1868, т. III, стр. 352—373.

скихъ колонистовъ, бытовья условія которыхъ вообще ближе подходятъ къ нашимъ крестьянскимъ порядкамъ. Настоящій вопросъ имѣетъ слишкомъ важное практическое значеніе, чтобы допустить возможность безусловнаго и однообразнаго разрѣшенія его для всего сельскаго состоянія, не исключая самихъ колонистовъ. Въ всякомъ случаѣ, *безусловное уничтоженіе* въ колоніяхъ общаго обязательности швольнаго обученія — было бы *шагомъ назадъ, не впередъ*.

Но подведемъ итогъ. О томъ, что иновѣрческое духовенство въ колоніяхъ, закабаливъ своему исключительному вліянію умственное развитіе населенія, всячески стремится присоединить сюда еще и кабалу экономическую, и о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ указать здѣсь духовенству его законныя границы, — объ всемъ этомъ распространяться не станемъ. Дѣло это, само по себѣ, такъ ясно, что ближайшія объясненія, по нашему мнѣнію, совершенно излишни. Иное дѣло — школы. По нашему мнѣнію, организація учебнаго дѣла въ колоніяхъ, способная одинаково удовлетворять какъ насущнымъ интересамъ самаго населенія, такъ и ожиданіямъ русскаго общества, должна соответствовать тремъ непремѣннымъ условіямъ: *во-первыхъ*, она должна стать въ уровень съ культурою колоній; *во-вторыхъ* — ей невозможно относиться отрицательно къ конфессіонализму; и *въ-третьихъ*, конечнымъ результатомъ обученія въ школахъ должно быть постепенное, дѣйствительное ознакомленіе *массы* колонистовъ съ русскимъ языкомъ, какъ единственнымъ средствомъ для *сполнаго* правомѣрнаго вступленія ихъ въ политико-соціальныя строи русскаго общества. Отсюда сама собою является необходимость въ цѣльной, строго обдуманной и послѣдовательно-примѣняемой педагогической системѣ, настолько же отличной отъ общаго дѣла грамотности у крестьянъ, насколько различны отъ послѣдней бытовья условія колонистовъ. Система эта должна связать воедино: *сельскую школу*, имѣющуюся уже въ каждой колоніи, *центральное училище*, существующее или вновь открываемое на одну или сообщая на нѣсколько колонистскихъ волостей, и *учительскія семинаріи* (съ нисшей при каждой практической школою) въ Саратовѣ и Одессѣ. Для установленія и сохраненія взаимной связи и вообще цѣлости системы потребуются вонечно, подчиненіе колонистскихъ учебныхъ заведеній — *одному* вѣдомству, что неосуществимо при господствующемъ до сего времени взглядѣ на сельскую школу въ колоніяхъ, какъ на *школу начальную*. На основаніи положенія 14 іюля 1864 года, всѣ начальныя народныя школы имѣютъ предметомъ обученіе чтенію, письму и счету; онѣ подчиняются вѣдѣнію губернскихъ и уѣзд-

ныхъ училищныхъ совѣтовъ, тогда какъ центральныя училища и учительскія семинаріи принадлежатъ уже компетенціи министерства народнаго просвѣщенія. Но выше мы видѣли, что колонисты не удовлетворяются своею сельскою школою, въ смыслѣ и размѣрахъ начальной; они по меньшей мѣрѣ требуютъ преподаванія въ ней: закона вѣры въ объемѣ, необходимомъ для совершения конфирмаціи; чтенія и письма по-нѣмецки и по-русски; первой части ариметики, выкладки на счетахъ, краткихъ географій и исторій; естествовѣдѣнія по отношенію къ мѣстному хозяйству и культурѣ, и наконецъ сущности общественнаго самоуправленія—сельскаго, волостнаго, земскаго и судебно-мирового. Понятно, что для правильно-подготовленнаго сельскаго учителя не представитъ особеннаго затрудненія вести преподаваніе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, въ особенности тѣхъ, къ которымъ долженъ примѣняться способъ нагляднаго обученія и разсказа. Такимъ образомъ, вопросъ о подчиненіи учебной части въ колоніяхъ всецѣло одному вѣдомству—разрѣшается самъ собою: сельская школа, наравнѣ съ центральными училищами и семинаріями, отойдетъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, на правахъ *частныхъ училищъ*, согласно уставу 1823 года и дополнительныхъ правилъ 19 февраля 1868 года.

Затѣмъ весь вопросъ приводится уже къ тому, чтобы сельскую школу— по внутренней ея организаціи— поставить въ условія, необходимыя для осуществленія указанной нами учебной программы, и сообразовать съ этою программою курсы преподаванія въ центральныхъ училищахъ и учительской семинаріи. Въ этихъ видахъ предстояло бы прежде всего постановить слѣдующія правила: а) въ сельскую школу поступаютъ дѣти обоаго пола не моложе 10-ти лѣтъ отъ рожденія и умѣющія читать, а по возможности, и писать, чему они должны научиться на дому, подъ надзоромъ своихъ родныхъ и приходскаго священника; б) тамъ, гдѣ число учащихся на одну школу и на одного учителя достигаетъ 150 и болѣе человекъ, необходимо раздѣлить школу на двѣ: одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ, такъ, чтобы число учащихся, по крайней возможности, не превышало 100 на одного учителя или наставницу (конечно, мѣра эта можетъ быть постановлена не безусловно, а только какъ нормальная цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться *по возможности*); в) посѣщеніе, приблизительно съ 1 октября по 1 апрѣля, сельской школы всѣми дѣтьми обоаго пола, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста, обязательно: для поступающихъ въ центральныя училища до 13—14-ти-лѣтняго возраста, а для остальныхъ—

до совершенія конфирмаціи; г) для повѣрки успѣховъ домашняго обученія—приходскій пасторъ, или патерь, ежегодно собираетъ дѣтей отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ и дѣлаетъ имъ испытаніе, а родители или воспитателямъ и опекунамъ, нерадѣющимъ о грамотности своихъ дѣтей и питомцевъ, внушаетъ о нерадѣніи ихъ, предупредая, что неподготовка дѣтей къ поступленію въ сельскую школу повлечетъ за собою взысканіе по опредѣленію мѣстнаго волостного суда; д) должности сельскаго учителя и кистера могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ *только въ видѣ исключенія*, и не иначе, какъ по взаимному соглашенію приходскаго священника, общества и самого учителя; но и въ такихъ случаяхъ сельскій учитель подчиняется приходскому священнику единственно только по должности кистера, на основаніи церковнаго устава; е) преподаваніе въ сельской школѣ закона вѣры и церковнаго пѣнія возлагается на *кистера*, подъ надзоромъ и руководствомъ мѣстнаго священника, преподаваніе же прочихъ предметовъ — на *сельскаго учителя*, подъ наблюденіемъ училищнаго начальства, т. е. старшаго учителя мѣстнаго центрального училища, начальника и педагогическаго совѣта семинаріи и губернской училищной дирекціи; ж) сельскіе учителя опредѣляются изъ лицъ, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи ими курса наукъ въ учительской семинаріи (или о выдержаніи соотвѣтственнаго сему экзамена); на первое же время, впредь до образованія таковыхъ учителей, остаются въ должностяхъ нынѣшніе шмельстеры *на правахъ сельскихъ учителей*, а могущія открыться вакансіи — замѣщаются лицами, подготовившимися къ этой должности въ прежнемъ порядкѣ; з) опредѣленіе и увольненіе сельскихъ учителей, со дня открытія мѣстной учительской семинаріи, предоставляется педагогическому при ней совѣту, обязанному въ этомъ случаѣ, по крайней возможности, сообразовываться съ желаніями мѣстнаго приходскаго священника и общества, средствами котораго содержится школа; и) производимое нынѣшнимъ шмельстерамъ — въ качествѣ учителя и кистера — содержаніе (за исключеніемъ однихъ *платъ за требы*, — акциденцій) устанавливается по каждой протестантской колоніи, какъ *minimum* учительскаго содержанія, съ тѣмъ однако, что за обществомъ сохраняется право, по соглашенію съ семинарскимъ начальствомъ, переложить на деньги ту часть сего содержанія, которая мѣстами отбывается продуктами; въ католическихъ же колоніяхъ содержаніе учителя опредѣляется соразмѣрно съ тѣмъ, которое производится протестантами, по относительному разсчету числа душъ или работниковъ; і) для обезпеченія сельскихъ учителей на слу-

чай старости, болѣзни и т. п., а также ихъ вдовъ и сиротъ, могутъ быть учреждаемы особыя учительскія эмеритальныя кассы.

Реорганизованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, сельскія школы въ колоніяхъ легко применить въ центральнымъ училищамъ и учительскимъ семинаріямъ, если эти учрежденія получать устройство, обусловливаемое потребностью и педагогическою системою. Намъ кажется, что для семинарій въ Саратовѣ и Одессѣ образцомъ могла бы служить дерптская учительская семинарія, съ тѣмъ однако, чтобы предполагаемыя нами заведенія ставили себѣ задачею приготовить своихъ воспитанниковъ для отправленія не только учительской должности, но, въ случаѣ надобности, и кистерской обязанности.

Завѣдываніе хозяйственной частью школъ, училищъ и семинарій слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, сосредоточить при каждомъ отдѣльномъ учрежденіи въ особомъ попечительствѣ, въ составъ котораго должны войти элементы: учительскій, духовный и представительный отъ подлежащихъ обществъ. Педагогическіе же совѣты, состоя при каждомъ центральномъ училищѣ и каждой семинаріи изъ учителей и членовъ отъ духовенства, обязывались бы только выслушивать и принимать къ соображенію заявленія обществъ и вообще населенія касательно учебной части.

Входить въ болѣе подробное развитіе нашихъ предположеній здѣсь не умѣста; къ тому же педагогика — не наша спеціальность. Повторимъ только еще разъ, что организація въ возможно широкихъ размѣрахъ учебной части колоній не встрѣтитъ никакихъ затрудненій со стороны матеріальныхъ способовъ; напротивъ, при разумномъ распредѣленіи тѣхъ средствъ, которыя уже обращены на учебное дѣло колонистовъ, едва ли потребуются новыя пожертвованія, хотя, въ случаѣ надобности, и за ними — дѣло не станеть.

Конечно, если смотрѣть на учебное дѣло колоній съ точки зрѣнія иныхъ патріотовъ, для которыхъ «сближеніе или слитіе» съ русскимъ населеніемъ иноплеменныхъ народностей имперіи равносильно требованію, чтобы иновѣрцы сразу отрѣшались отъ своихъ обычаевъ, вѣры и культуры, то всякая забота о будущемъ преуспѣяніи колоній вообще, и объ училищномъ ихъ дѣлѣ въ особенности оказалась бы совершенно излишнею и, пожалуй, даже вредною. Но мы того мнѣнія, что Россіи нужны граждане, побольше истинно полезныхъ, преданныхъ гражданъ во всѣхъ сферахъ ея государственнаго строя; а въ этомъ смыслѣ гражданственность и конфессіонализмъ — двѣ вещи совершенно разныя. Вообще отождествленіе двухъ понятій: «русскій» и «православный» ведетъ и, по нашему мнѣнію, не можетъ не вести лишь

къ абсурду въ теоріи и на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, при современномъ настроеніи нашего общества, легко могутъ найтись голоса, и при томъ голоса такъ-называемыхъ патріотовъ *ring sang*, которыхъ покоробить хотя бы отъ факта онѣмеченія въ нашихъ волоніяхъ кашубовъ, и которые, во имя того же quasi-патріотизма, готовы отрицать необходимость болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у волонистовъ, не смотря на то, что послѣдніе обходятся въ этомъ случаѣ исключительно своими собственными средствами, требуя лишь одного—правительственной организаціи учебнаго дѣла. Присутствіе въ нашемъ обществѣ такихъ голосовъ пусть служитъ намъ оправданіемъ предчитателями за слѣдующее прибавленіе, совершенно излишнее для людей, чуждыхъ слѣпой исключительности и правильно сознающихъ истинные интересы Россіи и русскаго народа. Но.... много ли у насъ такихъ личностей и великъ ли ихъ процентъ на 70 милліоновъ?

VI.

Обидывая мысленнымъ взоромъ Русь отъ Балтики, Карпатовъ и Пропонтиды до береговъ Тихаго океана, русскій народъ могъ сознать свою государственную мощь; но, въ то же время, онъ сталъ сознать и необходимость поусерднѣе прежняго заняться своимъ бытовымъ устройствомъ и, до поры до времени, отодвинуть на второй планъ всѣ международные расчеты по установленію крайнихъ рубежей имперіи на юго-западѣ и юго-востокѣ. Такому благому рѣшенію не мало содѣйствовало, конечно, превосходство надъ нами западно-европейской культуры, наклоняющей международные вѣсы не всегда въ нашу пользу. Въ то время, какъ рынки запада переполнены конкурирующими капиталами и интеллигентными силами, — постоянный недочетъ въ этомъ отношеніи есть хроническій недугъ Россіи. Но главная причина этого недуга—грандіозность исторической задачи русскаго народа, и она-то, по всей справедливости, должна-бы казаться для всякаго изъ насъ служить вполне убѣдительнымъ доказательствомъ, насколько намъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, слѣдуетъ дорожить всякаго рода честнымъ трудомъ, экономическими и интеллигентными успѣхами, и какъ бережно должно-бы намъ умѣть пользоваться ими для общихъ цѣлей, не задерживая, а напротивъ, всячески содѣйствуя ихъ безостановочному дальнѣйшему преуспѣванію. Не можетъ же не быть яснымъ для каждаго русскаго, что только благодаря запасу культурныхъ силъ, выпавшая на нашу долю

историческая задача обаяется намъ по плечу, и мы сами—ея достойными. Такъ, напимѣръ, махнуть рукой на Босфоръ и Дарданеллы намъ невозможно; безъ нихъ, или безъ преобладающаго на нихъ русскаго вліянія не могутъ жить полною жизнью и дышать свободно ни югъ Европейской Россіи, ни Кавказъ, ни громады территорія Средней Азіи. Далѣе предстоитъ намъ, совместно съ внутренней организаціею главнаго ядра имперіи, колонизировать и культивировать, кромѣ Кавказа и Средней Азіи, еще Сибирь и Амурско-Приморскій Край. Надъ такой задачею задумаешься невольно, и невольно спросишь себя: достаточно-ли въ этомъ случаѣ нашихъ наличныхъ силъ и средствъ; а если достаточно, то научились-ли мы только употреблять ихъ въ дѣло?... Не слишкомъ-ли широко мы раскинулись территоріяльно?.. Прежде всего мы видимъ, что главныя наши военныя и административныя силы все еще оттягиваются на западные рубежи имперіи; только крохи достаются на долю Азіи. Къ счастью, здѣсь и требуются попреимуществу однѣ лишь культурныя силы, и прежде всего здоровое земледѣльческое населеніе. Слѣдовательно, здѣсь отерывается самое широкое поприще для нашего крестьянства, которому напротивъ на западѣ дѣла или вовсе не находится, или слишкомъ мало, чтобы приходилось принимать его въ расчетъ. Въ виду такой постановки нашей задачи, намъ остается еще вспомнить, что Римъ обстроился не въ одинъ день. Слѣдовательно, нѣтъ причины отчаяваться въ успѣхѣ нашихъ усилій, но необходимо приложить всѣ заботы, чтобы избытокъ культурныхъ силъ, обращаемый нами на Востокъ, выдѣлялся изъ ядра имперіи безъ прямого ущерба для успѣшной внутренней организаціи его, а на новыхъ мѣстахъ не погибалъ вслѣдствіе неумѣлости нашей вести колонизаціонное дѣло русскими людьми и малаго знакомства съ колонизируемыми мѣстностями¹⁾.

¹⁾ Незнаніе нами собственнаго быта, постигнѣ, замѣчательно. Даже въ наиболѣе развитыхъ органахъ нашей періодической печати встрѣчаются иногда непростительныя промахи. Такъ, одна изъ нашихъ газетъ, доказывая прошлымъ лѣтомъ, въ первой своей статьѣ—необходимость допустить выселеніе крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній на югъ, приводитъ Крымъ, какъ мѣстность, способную устроить бытъ тѣхъ переселенцевъ, о судьбѣ которыхъ шла рѣчь. Но почтенная редакція упустила при этомъ совершенно изъ вида тотъ извѣстный фактъ, что на колонизацію Крыма были направлены, въ 1860—1864 годахъ, огромныя усилія правительства, и что тамъ, на счетъ земли, перебивали и кормились нѣсколько лѣтъ сряду—греки, русскіе крестьяне, болгары, латыши, эсты и чехи; но постепенно всѣ эти поселенцы перешли или въ сѣверные уѣзды Таврической губ., или на Кавказъ, или обратно домой. Это объясняется тѣмъ, что казенныхъ земель имѣется въ Крыму не болѣе 80 тысячъ дес., да и тѣ состоятъ изъ негодныхъ или мало способныхъ для хлѣбопашества небольшихъ клочковъ, разбросанныхъ по всему полуострову. Наконецъ, правительство, путемъ довольно

Великія реформы нынѣшняго царствованія, вызванная, и вѣрнѣе, вызываемая ими самодѣятельность общества, сдержанность нашей дипломатіи въ вопросахъ внѣшней политики,—все это можетъ намъ служить порукою, что со стороны правительства вполне сознаны и уяснены какъ историческая задача Россіи такъ и способы ея успѣшному разрѣшенію ея. И понятно сам собою, если въ иныхъ случаяхъ такъ-называемыя «крайнія руссофильскія» тенденціи, вслѣдствіе узкости и односторонности ихъ не всегда совпадаютъ со взглядами правительства. Мы касаемся этого факта не совсѣмъ охотно; но дѣло въ томъ, что рядомъ съ диссонансомъ споровъ о дѣлахъ губерній привислинскихъ западныхъ и прибалтійскихъ, а также по разнымъ другимъ общественнымъ вопросамъ, слишкомъ часто приходится и выслушивать и читать самыя странныя отзывы относительно нашихъ иностранныхъ колоній, какъ существующаго факта, и о колонизаціи вообще, какъ о задачѣ настоящаго и будущаго. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что въ интересахъ правительства и русскаго общества желательно, чтобы послѣднее, ознакомившись съ собою, своими средствами, потребностями и цѣлями, приучилось къ разумной самодѣятельности, такъ какъ прежде всего отъ него зависятъ всѣ успѣхи нашей культуры, которыми въ свою очередь условлена наша политическая сила. Къ чему должна быть направляема наша общественная самодѣятельность—извѣстно; но полагая, что всячески необходимо дѣйствовать не стихійно, а осмысленно, и будучи того убѣжденія, что опыты нашей иностранной колонизаціи могутъ бросить свѣтъ на одну изъ главнѣйшихъ современныхъ задачъ, на дѣло устроенія крестьянъ, мы рѣшились подѣлиться съ читающею публикою нашими свѣдѣніями объ этой колонизаціи, и въ томъ числѣ съ состояніемъ здѣсь швольныхъ и церковныхъ дѣлъ.

дорогого опыта, убѣдилось, что для хозяйственной обработки этихъ угодій необходимы — полное знаніе мѣстныхъ культурныхъ условій, капиталъ и не рутинные, а вполнѣ осмысленные приемы. Все это оно находитъ у однихъ только колонистовъ южной Россіи. Если-бы предложить имъ эти земли на слѣдующихъ условіяхъ: на каждое семейство отводится до 100 дес. съ платою, въ теченіи первыхъ 10-ти лѣтъ, нынѣшняго за тѣ земли оброка, и съ правомъ выкупа, по устройствѣ въ теченіи 10-ти лѣтъ со времени поселенія на отведенныхъ участкахъ правильнаго хозяйства, по капитализаціи платимаго оброка (или одѣчнаго дохода, если онъ выше) изъ 5% то быть можетъ колонизація Крыма пошла успѣшнѣе. Что же касается владѣльческихъ земель, то онѣ во многихъ случаяхъ хороши; но сами владѣльцы не выражали еще готовности принять на нихъ поселеніи, хотя въ указанный выше періодъ правительство отъ себя предлагало одни и тѣ же пособія и льготы поселяющимся какъ на казенныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ. Спрашивается: зачѣмъ же почтенная редація посылаетъ крестьянъ изъ огня да въ полымя?

Богатство и благоустройство большинства наших нѣмецкихъ колоній — вновь повторяемъ это — фактъ общеизвѣстный, но въ тоже время фактъ, вызывающій самые странные и противорѣчивые отзывы. Читателю такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ, лично незнающему съ колоніями, долженъ представиться вопросъ: кто же наконецъ изъ пишущихъ правъ, и кто ошибается? Что же такое наши колонисты — язва, или выгода для Россіи, чужацкіе паразиты, или полезные граждане?.. И вопросъ этотъ становится тѣмъ неотвязчивѣе, что подобные же разнорѣчивые взгляды высказываются на каждомъ шагу, какъ неподлежащія сомнѣнію истины, не только въ литературѣ и обыденной жизни, но весьма нерѣдко и въ официальной средѣ. Если же и здѣсь, и тамъ, только изрѣдко раздается голосъ, благопріятный для колонистовъ, и если такіе голоса принадлежать обыкновенно людямъ, близко знакомымъ съ бытомъ колоніи, то это не всегда избавляетъ ихъ отъ обвиненія въ пристрастіи и узкой исключительности. А между тѣмъ явленіе это доказываетъ только, насколько огромное большинство нашего общества далеко отъ близкаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ, съ исторіею русскаго народа, и какъ вообще мы падемъ на сужденія съ-плеча, безъ фактическихъ, критически провѣренныхъ основаній. «Но — говорить К. Д. Кавелинъ — мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чувствомъ, и слабы разумніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совладать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу»... Въ этомъ-то разладѣ жизни съ головой, въ неумѣннн связать настоящее съ прошедшимъ, и въ нежеланіи провѣрить и продумать нашъ собственный опытъ лежитъ, по нашему мнѣнію, важнѣйшая причина нашей неумѣлости тамъ, гдѣ требуются уже не одни слова, а мелочно-кропотливая работа, выносливое терпѣніе и практическая сообразительность, однимъ словомъ — самое дѣло, надъ которымъ мы слишкомъ нерѣдко теряемся, путаемся и кончаемъ мыльными пузырями, вида, что дѣло ускользаетъ изъ рукъ и идетъ своей дорогой, вовсе не туда, куда клонила его наша голова.

Настоящіе, конечно, очень грустные выводы подтверждаются и господствующими у насъ взглядами на наши иностранныя колоніи. Причины, вызвавшія колонизацію въ имперіи иностранцевъ въ широкихъ размѣрахъ, мы предполагаемъ извѣстными читателю. Понятно, что эта колонизація могла имѣть только двѣ дѣли: политическую и культурную. Первая состояла въ томъ, чтобы колонизируемые украинные пустыри связать неразрывно съ адромъ имперіи, обративъ ихъ во владѣнія выгодныя, прочныя, граждански-благоустроенныя. Вторая стремилась въ созданію на-

глядныхъ примѣровъ иныхъ, лучшихъ сельскаго быта и хозяйственныхъ порядковъ. Обѣ эти цѣли—гдѣ больше, гдѣ менѣе—въ колоніяхъ достигнуты; отвергать справедливость этого факта можетъ одно только невѣдѣніе и предубѣжденіе. Видѣть вредъ для Россіи въ томъ, что колонисты трудомъ своимъ оплодотворили значительную часть тѣхъ огромныхъ пустырей, которыхъ культура *во всемъ объемѣ* еще и по настоящее время составляетъ задачу будущаго,—доказывать это значитъ утверждать явную несообразность. По меньшей мѣрѣ, такую же несообразностью слѣдуетъ признать обвиненіе, что колонисты «ничему насъ не научили». Безпристрастно вникая въ сущность нашихъ коренныхъ реформъ, начиная съ 19-го февраля 1861 года, всякій можетъ и долженъ убѣдиться, что только въ послѣднее время въ основаніе быта нашихъ крестьянъ, этихъ предполагаемыхъ колонистскихъ учениковъ, стали укладываться начала, которымъ колонисты главнѣйше обязаны своимъ благосостояніемъ; что до 1861 года общественные и хозяйственные порядки русскихъ крестьянъ, обусловленные финансовымъ и личнымъ закрѣпощеніемъ, и *de jure*, и *de facto* могли быть только тѣмъ, чѣмъ были, и что иными они при данныхъ условіяхъ быть не могли даже въ томъ случаѣ, если-бы въ крѣпостную рамку, вмѣсто нашихъ Ивановъ и Пантелѣевъ, были втиснуты образцовые до этого фермеры Запада. Слѣдовательно, ничему не научились мы у колонистовъ уже потому, что при полномъ сознаніи превосходства и несомнѣнной полезности ихъ порядковъ, мысль объ усвоеніи этихъ порядковъ нашими крестьянами могла явиться только у людей, не понимавшихъ ни всеобъемлющаго зла крѣпостничества, ни опутаннаго имъ быта крестьянъ. Снявши же съ поселянъ, лично и по землѣ, крѣпостныя узы, попробуйте облегчить ихъ въ фискальномъ отношеніи, содѣйствовать упроченію ихъ общественнаго сомоуправленія, общинно-поземельныхъ условій и семейно-наслѣдственныхъ порядковъ, не насилуя и не ломая жизни, а требуя лишь неуклоннаго усвоенія тѣхъ же основныхъ положеній, какія дѣйствуютъ у колонистовъ—сдѣлайте такую попытку и вамъ не долго пришлось-бы ждать тѣхъ послѣдствій, въ отсутствіи которыхъ до сего времени мы напрасно винимъ колонистовъ: крестьяне не замедлили-бы сдѣлаться не слѣпыми, конечно, подражателями колонистовъ (слѣпое подражаніе немислимо въ русскомъ человѣкѣ-практикѣ), а самими внимательными сосѣдами ихъ, готовыми перенять все практически-пригодное и опытно-полезное. Но въ правѣ-ли мы ожидать отъ крестьянина подобной переимчивости даже теперь, когда сами руководители его еще не вполне уяснили себѣ то, что у колонистовъ, путемъ

многочисленнаго опыта, даннымъ давно уже или окончательно отвергнуто, или же положительно признано и усвоено?.. Едва-ли; повидимому, мы пока не успѣли додуматься даже до вполне яснаго сознанія, что благоустроенная сельская община, и въ составѣ ея — поселянскій дворъ, — такія же, но только несравненно болѣе сложныя экономическія ассоціаціи, какими мы признаемъ всякія иныя ремесленныя, промышленныя и торговыя товарищества, общества и компаніи; что какъ послѣднія, такъ и первыя — одинаково подчиняются непреложнымъ экономическимъ и нравственнымъ законамъ, нарушеніе которыхъ неминуемо ведетъ къ разстройству поселянскихъ двора-хозяйства и общины. Если же это сознаніе и существуетъ, то нѣтъ у насъ продуманной и опытнымъ путемъ пробѣренной системы, которою, по болѣе или менѣе общему сознанію, слѣдуетъ руководствоваться въ устройствѣ внутренняго быта нашего сельскаго состоянія. И отсутствіе такой системы, отражаясь на законодательствѣ, администраціи и судѣ, вноситъ въ жизнь шаткость и неурядицу, подрывающія благотворное дѣйствіе даже такихъ началъ, которыхъ рациональность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Говоря это, мы далеки отъ мысли ставить наше колонистское общество идеаломъ совершенства; напротивъ, и здѣсь опытъ, подтверждающій рациональность основныхъ положеній, съ тѣмъ вмѣстѣ настоятельно требуетъ ихъ дальнѣйшаго развитія *законодательнымъ путемъ*, такъ какъ *обычай*, самъ по себѣ, не можетъ удовлетворять требованія развивающейся гражданственности, ищущей основаній твердыхъ, неизблемыхъ. Но важно то, что по закону основныя положенія колонистскаго быта повсюду въ колоніяхъ одни и тѣже, и что дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ началъ практиковалось *путемъ обычнымъ*, при широкомъ самоуправленіи, различныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ. Поэтому колонисты пришли въ частныхъ своихъ порядкахъ и къ поучительному разнообразію, и въ общемъ итогѣ — къ различнымъ выводамъ. И въ этомъ именно обстоятельствѣ заключается, по нашему убѣжденію, рyzательство, что подробный анализъ исторической судьбы въ колоніяхъ тѣхъ самыхъ основныхъ положеній, которыя признаются нынѣ въ нашему сельскому состоянію вообще, но только въ иныхъ формулахъ и комбинаціяхъ, можетъ повести къ установленію общей нормальной системы сельскаго устройства, болѣе или менѣе непогрѣшимой и вполне пригодной для нашего крестьянства, тѣмъ болѣе, что колонистскіе порядки, по сущности своей, *чисто русскіе*. Самое поверхностное знакомство съ внутреннимъ бытомъ колоній доказываетъ, что сельско-общественному ихъ строю нѣтъ другого примѣра въ цѣломъ мірѣ, а

сопоставленіе колоній съ изслѣдованіями о древней Руси пр водить къ убѣжденію, что самыя богатыя и наиболѣе благоустр енныя изъ колонистскихъ обществъ тѣ, въ отношеніи которыя правительство и само населеніе, по землѣ и фиску, придержива лись основныхъ началъ тягло-повытной системы нашей общины или волости XV и XVI столѣтій. Такимъ образомъ, прототип свободной русской земледѣльческой ассоціаціи, окончательно из родованный крѣпостничествомъ, путемъ насилій и злоупотребл еній, прототипъ, начала котораго только придавлены, но никогд еще не вымирали на Руси, нашелъ свое убѣжище въ колоніяхъ и здѣсь, на свободѣ и при попечительномъ содѣйствіи прави тельства, далъ свои плоды. И не странно-ли, что до сего вр емени подобный фактъ вызываетъ въ нашемъ обществѣ горазд болѣе слѣпой вражды, нежели сочувственнаго желанія—ознак миться съ нимъ ближе во всѣхъ его подробностяхъ и частных проявленіяхъ?.. Въ граждански-нормальномъ порядкѣ шла у нас одна только колонизація иностранцевъ, но и то—не въ прошломъ а только въ текущемъ столѣтіи. Колонизація же собственно рус скихъ людей и донинѣ представляется обыкновенно лишь грустною пародіею на колонизацію. Возьмемъ хоть Амурскій край, гдѣ ест мѣста, отъ которыхъ на тысячу верстъ во всѣ стороны нѣтъ ни кола, ни двора. Казалось-бы, незачѣмъ здѣсь скупиться отво домъ земель подъ поселеніе по свободному выбору самихъ пе реселенцевъ. Но пусть попробуетъ зайти туда партія крестьянъ *Во-первыхъ*, ей не дадутъ занять лучшихъ угодій, а посадятъ на земли менѣе цѣнныя, имѣя въ виду образовать изъ первыхъ «цѣнную оброчную статью» ¹⁾. *Во-вторыхъ*, ей нарѣжутъ, въ обрѣзъ по числу *наличныхъ* душъ или семействъ, такую земель ную дачу, что *первые же* природы населенія приведутъ обще ство къ необходимости снимать изъ оброка сосѣдніе участки тогда какъ для первыхъ двухъ-трехъ поколѣній возможный про сторъ по землѣ есть одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха вся

¹⁾ Мы говоримъ это на томъ основаніи, что въ Европейской Россіи и теперь ещ *выборъ* крестьянами-переселенцами земель тянется иногда цѣлые годы, безъ желан наго результата, и *единственно потому только*, что выборъ, крестьянъ, какъ сам собовъ понятно, падаетъ на *лучшія земли*, въ отводѣ которыхъ имъ отказываютъ «и *уваженію высокой цѣнности просимыхъ участковъ*». Но было бы, кажется, крайн не разумно начинать колонизацію съ худшихъ земель, переходя по занятіи ихъ—къ среднимъ, а за тѣмъ уже и къ лучшимъ угодьямъ. Здравый смыслъ, опять и правиль ный экономическій расчетъ указываютъ на обратную систему. Къ тому же мы при знаемъ за непреложную истину, что *для государства, и самая цѣнная оброчная по земельная статья сдѣлается еще цѣннее* въ рукахъ осѣвшихъ на ней земледѣльцевъ-пахарей, хотя бы послѣдніе платили за нее собственно *оброчной подачею* гораздо меньше прежняго *аренднаго оброка*.

кой колонизаціи, и особенно колонизаціи такихъ пустырей, каковы Агурскій край. *Во-вторыхъ*, о снятіи назначенныхъ для колонизаціи мѣстностей предварительно на планъ; о разбитіи ихъ, по мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ, хотя-бы приблизительно, на участки, имѣющіе образовать округъ или волость, а за тѣмъ этихъ участковъ на дачи владѣнія отдѣльныхъ сельскихъ обществъ и лицъ; о заготовленіи на мѣстѣ кое-какихъ запасовъ для ожидаемыхъ переселенцевъ и т. д., — обо всемъ этомъ колонизація русскихъ людей вѣдала слишкомъ мало. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, напр., появившееся около половины іюля 1868 года въ нашихъ газетахъ объявленіе начальника Ставропольской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, послѣ выхода въ Турцію татарскаго населенія, а за тѣмъ, по замиреніи Кавказа, и горскихъ племенъ, образовались большія территоріи пустопорожнихъ земель. «Количество просьбъ, поданныхъ о перечисленіи изъ другихъ губерній въ Ставропольскую — сказано въ объявленіи — такъ значительно, что не представляется возможности удовлетворить всѣ поданныя просьбы, а тѣмъ менѣе принимать вновь прошенія на перечисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ тѣхъ обществъ (?), къ коимъ переселенцы желаютъ причислиться. Ставропольскій губернаторъ объявляетъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, во избѣжаніе напраснаго разоренія, коему подвергаются жюне переселенцы, распродалая свои имущества на родинѣ и отправляясь въ Ставропольскую губернію въ надеждѣ на причисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ.» Думаемъ, что ставропольскому начальству едва-ли приблизительно извѣстно: въ какихъ границахъ, соотвѣтственно мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ состояція въ его вѣдѣніи земельныя угодія должны быть распределены на отдѣльныя владѣнія и какое именно число переселенцевъ, безъ важныхъ затрудненій, можетъ быть принято на каждый дробный участокъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что колонизація Ставропольской губерніи могла-бы идти успѣшнѣе, и случаевъ «напраснаго разоренія» крестьянъ не было-бы вовсе, если-бы мѣстное начальство могло заявить *положительно*, что въ его распоряженіи остаются свободными для раздачи подъ поселеніе такіе-то именно участки, съ подробнымъ описаніемъ хозяйственныхъ условій и пространства каждаго изъ нихъ, и съ обозначеніемъ точнаго числа душъ или семействъ, могущихъ быть водворенными въ участкѣ и при какихъ условіяхъ. Но при существующемъ порядкѣ, объявленія, подобныя вышеприведенному, не останавятъ *самовольныхъ* переселеній, и не предупредятъ частныхъ случаевъ «напраснаго разоренія», тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ, путемъ горькаго опыта и *убити*

нуждою, привыкъ вѣрить въ успѣхъ не правительственныхъ, а самовольныхъ переселеній. Послѣднія, при всей рискованности ихъ, въ глазахъ крестьянина имѣютъ уже ту выгоду, что ~~вы-~~ *нуждаются* у администраціи волей-неволею болѣе вниманія и поворотливости въ дѣлѣ обсужденія народныхъ нуждъ. Тѣ же недостатки мы встрѣтили и въ объявленіи управляющаго удѣльными землями въ приморской области Восточной Сибири, приглашающаго къ поселенію тамъ русскихъ и иностранцевъ.

Съ другой стороны, нашихъ квази-патріотовъ пугаетъ иногда вопросъ о политической благонадежности иностранныхъ поселенцевъ. Инымъ, при особенно болѣзненномъ воображеніи, мерещутся въ колоніяхъ признаки враждебности, а чего добраго — даже призраки сепаратизма, измѣны. Какъ ни нелѣпы подобнаго рода опасенія, но обойти ихъ молчаніемъ кажется намъ не совсѣмъ удобнымъ. — Конечно, было бы совершенно достаточно привести себѣ въ сознаніе тотъ исторически несомнѣнный фактъ, что вездѣ и повсюду самымъ консервативнымъ элементомъ въ государствѣ является благоустроенное земледѣльческое сословіе, страдающее нерѣдко даже избыткомъ привязанности къ преемственнымъ порядкамъ и рутинѣ. Чѣмъ богаче и обезпеченнѣе политико-соціальный бытъ земледѣльца, тѣмъ болѣе онъ привязанъ къ землѣ, тѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ поддержаніи власти и порядковъ, обусловливающихъ свободное и спокойное пользованіе плодами собственного труда. Весь сепаратизмъ пахаря-крестьянина приводится лишь къ устраненію имъ изъ своей среды всего того, что нарушаетъ порядковъ, спокойствіе и свободу труда, имѣющіе въ земледѣльческомъ быту такую цѣну, какъ нигдѣ. Наши колонисты не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. Нашедши въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, все то, за чѣмъ ежегодно десятки, сотни тысячъ прежнихъ соотечичей ихъ отправляются на рискъ чрезъ океаны, колонистское населеніе наше явилось бы нравственнымъ уродомъ, если-бъ не чувствовало искренней привязанности къ своему новому отечеству. Справедливость этого заключенія несомнѣнно подтверждаетъ и г. Алабинъ. Какъ очевидецъ, онъ рассказываетъ, что въ восточную войну, во время форсированнаго передвиженія нашихъ войскъ съ Дуная въ Крымъ, колонисты «ни разу не дозволяли постольцамъ своимъ варить казенную кашу, а сами ихъ кормили, да еще и на дорогу снабжали кускомъ мягкаго хлѣба или лепешки». Далѣе — по его же словамъ, вполне подтверждаемымъ и официальными свѣдѣніями, съ пространства верстъ на 500 въ окружности, «колонисты явились въ числѣ болѣе 5,000 человекъ на своихъ прекрасныхъ фургонахъ и, добровольно предло-

жизнь свои услуги, проваляли въ самое короткое время трехсотверстное разстояніе весь 4-й корпусъ: артиллерійскую прислугу, стрѣлковъ и саперовъ, причемъ кромѣ ласки съ ихъ стороны, кромѣ добраго слова, кромѣ братскаго привѣта, никто отъ нихъ ничего не слыжалъ». Впослѣдствіи, колонисты же на нѣсколькихъ стахъ подводѣхъ привезли въ армію на Черной рѣчѣ множество всякой всячины добровольнаго приношенія солдатамъ: гори картофеля, луку, фасоли, ячменя, овса». Наконецъ, молочанскіе и крымскіе меннониты и колонисты, взявъ изъ Симферополя и съ поля Альминскаго боя на полное свое попеченіе болѣе 5,000 раненныхъ и больныхъ, увезли ихъ въ свои колоніи, дали отличное помѣщеніе и т. д., требуя только медиковъ и лекарствъ. Впрочемъ, колонисты южной Россіи, какъ увѣрялъ насъ не одинъ изъ участниковъ севастопольской драмы, приносили нашей арміи во всю крымскую кампанію едва ли не важнѣйшую пользу — громадностью производимыхъ ими продовольственныхъ запасовъ, и въ качествѣ возчиковъ, успѣвшихъ которыхъ никто не боролся противъ бездорожья, неоднократно грозившаго нашей арміи бѣдствіями голода, недостаткомъ боевыхъ снарядовъ, оружія и запасовъ. Но въ то критическое время и въ отдаленныхъ отъ театра войны колоніяхъ (напр. на нашихъ глазахъ въ поволжьи) усердно стекались огромныя пожертвованія деньгами, сухаремъ и корпиею. Вообще же официальные дѣла подтверждаютъ вполне, что колонисты всегда и во всякое время сочувственно отъливаются во всѣхъ случаяхъ, когда общественныхъ потребности и бѣдствія взываютъ о помощи. Такъ, въ зиму 1862 и 1863 года, два молочанскія волостныя общества, меннонитское и колонистское, добровольно и безвозмездно приютили и у себя до 6,000 душъ Виддинскихъ болгаръ, пришедшихъ, по милости турецкихъ властей, въ Таврическую губернію поздно осенью голодными и полунагими. Колонисты отвели имъ квартиры съ полнымъ содержаніемъ, употребивъ на это дѣло изъ своихъ общественныхъ суммъ и мірскихъ сборовъ до 92,000 рублей. Услуга эта имѣла тѣмъ болѣе цѣны, что бывшіе въ тѣ годы неурожаи хлѣбовъ, истощивъ на югѣ Россіи всѣ мѣстные запасы, ставили правительство почти въ безвыходное положеніе въ отношеніи массы переселенцевъ, русскихъ и заграничныхъ, только-что прибывшихъ къ мѣстамъ водворенія. Наконецъ, на послѣдній призывъ о помощи голодающимъ, одни поволжскіе колонисты пожертвовали до 25 тысячъ рублей, объясняя при этомъ, что они сдѣлали бы болѣе, еслибъ трехлѣтній неурожай 1864—1866 гг. не разстроилъ ихъ собственнаго благосостоянія.

И подобныхъ фактовъ мы могли бы привести еще цѣлый

рядъ, но, полагаемъ, и сказаннаго достаточно, чтобы побудить нашихъ quasi-патріотовъ быть осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ о политической благонадежности людей, для которыхъ, какъ доказываетъ опытъ, высылка за границу, на родину предковъ, давно уже сдѣлалась однимъ изъ тягчайшихъ наказаній не въ смыслѣ уголовного кодекса, а на дѣлѣ.

Обстоятельство это вполне объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что успѣхъ нашей иностранной колонизаціи есть только результатъ осмысленнаго приложенія къ жизни и свободнаго гражданственнаго развитія истинно-русскихъ началъ сельско-земледѣльческаго устроенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доказательство въ пользу несомнѣнной рациональности и общечеловѣческаго значенія этихъ началъ, одинаково легко и успѣшно усвоенныхъ нѣмцами, французами, шведами, кашубами и другими славянскими и не-славянскими національностями. Но, вмѣстѣ съ усвоеніемъ русскихъ общественныхъ порядковъ, выходцы эти стали въ такое же противорѣчіе съ прежними соотчичами своими, какъ и коренное русское общество: нашему колонисту-общиннику нѣтъ мѣста на Западѣ уже вслѣдствіе привившихся къ нему, вошедшихъ въ плоть и кровь его русскихъ социальныхъ воззрѣній. Поэтому остается только желать, чтобы не только въ Россіи вообще, но и въ колоніяхъ нашихъ, повсюду осуществилась наконецъ и вошла въ жизнь высокая мысль еще полвѣка тому назадъ указывавшая, что «нравственное и духовное воспитаніе народовъ должно идти на ряду съ его вещественнымъ благосостояніемъ, такъ какъ въ этомъ условіи заключается единственное условіе, чтобы добро было прочное».

А. Благуъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I*).

ХОЗЯИНЪ ОПЯТЬ ДОМА.

Зонненкампъ вернулся на виллу, какъ возвращается владѣтельный принцъ, въ отсутствіе котораго возмутились его васалы. Каждый шагъ его въ домѣ сопровождался взглядомъ, который какъ будто говорилъ:

— Я тутъ, и со мной вмѣстѣ здѣсь опять водворятся власть и порядокъ.

Эрихъ не только не старался сложить вину на Пранкена, но чистосердечно сознался въ безпечности, которая, говорилъ онъ, была причиной всей бѣды. Зонненкампъ, съ своей стороны, точно находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ какъ можно сильнѣе уязвить самолюбіе молодого человѣка и до конца унизить его въ собственныхъ глазахъ. Онъ вообще любилъ власть и хотѣлъ, чтобъ ему всё безпрекословно повиновались. Когда же на пути его встрѣчалось сопротивленіе, онъ не успокоивался, пока ему не удавалось сломить волю дерзваго, который осмѣливался идти ему наперекорь. Но, унизивъ его, онъ снова дѣлался благополу-

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812 — 870 стр.

шенъ, будучи увѣренъ, что тотъ ужъ болѣе не станетъ ему противорѣчить. Самоувѣренность капитана-доктора до крайности не нравилась Зонненкампу: теперь настала минута его смирить такъ, чтобъ впослѣдствіи онъ постоянно и съ благодарностью принималъ всякую ласку, или милость, которую ему вздумали бы оказать. Зонненкампъ и не подозрѣвалъ настоящаго источника вротости, съ какою Эрихъ выслушивалъ его упрёки. Онъ видѣлъ въ ней только новое доказательство своей силы и торжествовалъ побѣду. На дѣлѣ же покорность молодого человѣка была результатомъ сознанный имъ своей слабости, съ которою онъ позволилъ себѣ до того увлечься обаятельнымъ присутствіемъ Беллы, что совсѣмъ забылъ о возложенной на него обязанности.

Зонненкампъ скорѣе убѣдился, что произведенное у него воровство не было слишкомъ значительно. Онъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ злой радости говорилъ:

— Негодяи у меня украли кинжалъ съ брилліантомъ на рукоятѣ. Они того и не подозрѣваютъ, что конецъ его намазанъ ядомъ и магійная царапина можетъ имъ стоять жизни.

Эрихъ сначала страшно встревожился при мысли, что кинжалъ находится въ рукахъ судей, но вслѣдъ затѣмъ имъ овладѣло раздумье: зачѣмъ этому человѣку хранить у себя отравленный кинжалъ?

Явились Пранкенъ и маіоръ. У перваго хватило настолько благородства, чтобъ взять на себя часть отвѣтственности въ происшедшемъ несчастіи. Но онъ не могъ удержаться отъ замѣчанія, что Эрихъ уже прежде отлучался изъ дому на музыкальное торжество, гдѣ имѣлъ такой громадный успѣхъ. Зонненкампъ, усмѣхнувшись, обратился къ Эриху:

— Вы не пустили Роланда на-воды, подѣ предлогомъ, что хотите оградить его отъ развлеченій: что же—вы остались вѣрны своему первоначальному рѣшенію?

Приходъ патера помѣшалъ Эриху отвѣчать. Зонненкампъ, до сихъ поръ никогда ничего не жертвовавшій на церковь, объявилъ теперь, что отдаетъ въ ея распоряженіе всѣ украденные изъ буфета золотые и серебряные кубки.

— Мнѣ непріятно было бы, прибавилъ онъ неохотно:—опять видѣть ихъ у себя. Вы же, продолжалъ онъ, обращаясь къ патеру:— снова ихъ освятите.

Эрихъ, присутствовавшій при этомъ, выразилъ маіору надежду, что такой поступокъ отца благотворно подѣйствуетъ на Роланда, душевное спокойствіе котораго было возмущено послѣдними событіями. Зонненкампъ услышалъ его замѣчаніе.

— Почтенный капитанъ! возразилъ онъ: — я врагъ сам-

тменности и, напротивъ, очень радъ тому, что Роландъ съ этихъ поръ научится познавать людей. Пусть ему будетъ известно, что въ обществѣ постоянно существуетъ заговоръ противъ капиталистовъ, который только выжидаетъ удобной минуты, чтобъ разразиться и произвести опустошеніе.

Зонненкампъ продолжалъ смотрѣть бодро, оживленно и только жаловался на то, что воровство надѣлало столько шума въ окрестностяхъ, а судебное слѣдствіе отниметъ у него много драгоцѣннаго времени. Церера ни слова не говорила о покражѣ, такъ, что можно было подумать, будто она о ней вовсе ничего не знаетъ. За то, ее сильно радовала Роландъ, который въ ея отсутствіи очень выросъ. А Эриху она постоянно рассказывала о своемъ знакомствѣ на водахъ съ одной знатной и очень любезной родственницей его матери, которая съ восторгомъ и любовью о ней говорила.

Вечеромъ, въ самый день возвращенія Зонненкампа, у подъезда виллы остановился экипажъ и изъ него вышли Клодвигъ и Белла. Эрихъ съ радостью встрѣтилъ графа, но въ обращеніи его съ графиней проглядывала какая-то робость.

Белла между тѣмъ шепнула ему, закрываясь вѣеромъ:

— Мы пріѣхали, чтобъ защитить васъ отъ этого дивара. Пусть онъ видитъ, что мы считаемъ васъ однимъ изъ своихъ, и вы теперь непременно должны къ намъ переѣхать.

Эрихъ вздрогнулъ и могъ только поклономъ выразить свою признательность. Белла взглянула на мужа, который съ унылымъ видомъ стоялъ передъ Зонненкампомъ. Онъ въ присутствіи массивной геркулесовской фигуры этого человѣка всегда испытывалъ какой-то неопредѣленный страхъ. Белла постѣшила шуткой вывести его изъ затрудненія.

— Господинъ Зонненкампъ, сказала она: вы въ жизни вашей многого были свидѣтелемъ, но случилось ли вамъ когда-нибудь видѣть воровъ, которые бы открыто являлись къ вамъ и объявляли о своемъ намѣреніи сдѣлать у васъ покражу?

Зонненкампъ съ удивленіемъ на нее смотрѣлъ, а Белла, смѣясь, продолжала:

— Мы — воры, и приходимъ къ вамъ при дневномъ свѣтѣ. Объясни ему въ чемъ дѣло, милый Клодвигъ, прибавила она, обращаясь къ мужу.

Клодвигъ нерѣшительно выразилъ желаніе, чтобъ Эрихъ пошелъ у него въ домъ. Зонненкампъ быстро взглянулъ на Беллу. Онъ поднялъ лѣвую руку, съ намѣреніемъ ей шутливо угрожать и тѣмъ дать слегка почувствовать, что вполне ее по-

нимаешь, но раздумалъ и, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, сказалъ:

— Миѣ очень пріятно видѣть, что нашъ капитанъ Эрихъ, — онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ: «нашъ», — пользуется такимъ милостивымъ съ вашей стороны расположеніемъ.

Эрихъ былъ изумленъ страннымъ удареніемъ на словѣ *нашъ*. Онъ какъ будто пересталъ принадлежать самому себѣ и внезапно сдѣлался чужой собственностью. Но удивленіе его еще усилилось, когда Зонненкамъ, протянувъ ему руку, прибавилъ:

— Не правда ли: вы остаетесь нашимъ?

Эрихъ въ отвѣтъ кивнулъ головой.

А Белла принялась съ жаромъ рассказывать о томъ, какъ она съ мужемъ посѣтила въ университетскомъ городѣ мать Эриха. Она явно хотѣла внушить Зонненкампу, что человѣкъ въ положеніи и со связями Эриха не подлежитъ никакой отвѣтственности за легкое упущеніе въ своихъ обязанностяхъ. Зонненкамъ, слушая ее, неслышно свисталъ: въ головѣ его созрѣлъ какой-то планъ.

Беллѣ опять удалось на нѣсколько минутъ остаться наединѣ съ Эрихомъ. Она выразила ему свое удовольствіе, что вотъ и ей наконецъ, въ первый разъ въ жизни, удалась интрига. Предвидя, что Зонненкамъ захочетъ его смирить и унижить, она уговорила Клодвига немедленно отправиться на виллу и взять молодого человѣка подъ свое покровительство. Эрихъ былъ исполненъ благодарности.

— Замѣтили-ли вы, спросила она у него тихонько: взглядъ, который этотъ человѣкъ на меня бросилъ? Онъ полагаетъ, что между вами и мной нѣчто болѣе дружбы. Нечистыя души не вѣрятъ въ чистыя побужденія. Вы не примете въ дурную сторону, если я иногда, въ его присутствіи, стану васъ какъ будто чуждаться?

Она взяла Эриха за руку и крѣпко пожала ее. Онъ вздрогнулъ. За ними, между тѣмъ, изъ-за кустовъ зорко слѣдили два глаза и чуткое ухо прислушивалось къ ихъ словамъ. Они пошли далѣе, а Зонненкамъ, тяжело переводя духъ, вышелъ изъ своей засады.

ГЛАВА П.

НЕГЛЪВНОЕ БОГАТСТВО.

На слѣдующее утро пришло извѣстіе о поимкѣ вонюха, котораго Зонненкамъ незадолго передъ этимъ удалили, подзрѣвая въ немъ шпиона на жалованьи у Пранкена. Его арестовали въ столицѣ съ серебряной чашой въ рукахъ, которую онъ старался сбыть торговцу старыми вещами. Извѣстіе это дошло до Эриха черезъ Роланда. При такомъ натянутомъ положеніи вещей, когда помыслы всѣхъ были устремлены на одинъ предметъ, едва ли было возможно какое-либо серьезное занятіе. При постоянномъ ожиданіи новыхъ событій и разъясненій, могъ ли умъ мальчика принимать и перерабатывать въ себѣ отвлеченныя понятія? Эрихъ сначала хотѣлъ почаще ходить съ Роландомъ на охоту, надѣясь такимъ образомъ дать его мыслямъ другое направленіе, но, подумавъ, избралъ для этого совершенно противоположное средство и замѣнилъ развлеченіе усиленнымъ трудомъ. Къ великому его удовольствію, самъ Роландъ, совершенно неожиданно, сказалъ ему:

— Постараемся забыть все, что тутъ вышло, и давай усердно работать.

Мальчикомъ овладѣла страсть къ наукѣ, которая заставляла его чуждаться развлеченій и взамѣнъ ихъ давала ему душевное спокойствіе. Съ другой стороны, Роландъ вскорѣ подмѣтилъ въ своемъ наставникѣ какое-то необыкновенное оживленіе, источникъ котораго оставался для него тайной. То было оживленіе чловѣка, который, избавившись отъ самой большой опасности, старается окончателно себя спасти. Вспоминая о своемъ пребываніи въ Вольфсгартенѣ и объ игрѣ въ чувства съ Беллой, Эрихъ являлся передъ судомъ своей совѣсти настоящимъ воромъ. Онъ легкомысленно расточалъ умственные богатства, которыя ему удалось собрать тяжкимъ трудомъ и подъ прикрытіемъ возвышенныхъ мыслей и чувствъ, просто-на-просто волочилъ, — да, волочилъ, — за женой своего друга, Клодвига. Ему казалось, что онъ совершилъ кощунство, и какъ охотно отправился бы онъ, вмѣстѣ съ Роландомъ, на поклоненіе святынь въ какой-нибудь храмъ, гдѣ онъ самъ могъ бы очиститься, а мальчикъ укрѣпиться духомъ! Но чловѣкъ вообще гораздо легче проникаетъ во внутренность видимаго, украшеннаго башнями храма, чѣмъ въ святилище науки, однако Эриху и это послѣднее удалось. Трудности, которыя врядъ ли бы онъ смогъ преодолѣть для себя, были

имъ безъ особенныхъ усилій побѣждены ради другого. Опираясь на чувство долга, онъ углубился въ науку и все вокругъ него прояснилось. Подобно искусному пловцу, который, сильной рукою разбивая волны, то исчезаетъ въ нихъ, то снова появляется на ихъ хребтѣ, Эрихъ погружался въ науку, и въ немъ умолкали всѣ мелкія сомнѣнія и прекращалась борьба съ самимъ собой.

Внутри Роланда происходила тоже своя особенная работа. Онъ бродилъ, какъ во снѣ. Почва исчезала у него подъ ногами, небо помрачалось, всѣ его прежнія вѣрованія разрушались. Но на мѣстѣ ихъ возникало нѣчто новое, изъ среды чего отчетливо выдѣлялась только мысль объ уничтоженіи частнаго имущества, такъ чтобъ въ мірѣ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Отъ Эриха не ускользнуло это серьезное настроеніе духа его воспитанника.

— Какъ ты думаешь, Эрихъ, спросилъ однажды мальчикъ: если не будетъ болѣе частнаго имущества, то не будетъ и воровъ?

Эрихъ испугался, увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвели на мальчика всѣ его слова и поспѣшилъ ему объяснить ихъ настоящее значеніе. Онъ не имѣлъ въ виду доказать возможность уничтоженія частныхъ имуществъ, но только хотѣлъ дать понятіе о томъ переворотѣ, какой бы произошелъ въ мірѣ, если-бъ это уничтоженіе дѣйствительно совершилось.

Роландъ, все подъ вліяніемъ наплыва совершенно новыхъ мыслей и понятій, просилъ Эриха пойти съ нимъ въ домъ Клауса, навѣстить его жену и дѣтей. Онъ недавно встрѣтилъ сына ловчаго, находившагося въ услуженіи у «виннаго графа» въ качествѣ бочара. Мальчикъ ему привѣтливо протянулъ руку и сказалъ, что сынъ не отвѣчаетъ за проступки отца, виновность котораго еще впрочемъ далеко не доказана. Но бочаръ не принялъ его руки, вынулъ изъ-за пояса молотъ и, помахивая имъ, быстро скрылся изъ виду.

Въ домѣ Клауса все было въ прежнемъ порядкѣ. Птицы въ клѣткахъ весело распѣвали, а черный дроздъ по обыкновенію трещалъ: радуйтесь, радуйтесь! Собаки съ лаемъ прыгали и рѣвись. Жена ловчаго казалась совсѣмъ убитой горемъ. Она со слезами разсказала, какъ, тотчасъ послѣ ареста мужа, хотѣла выпустить на волю птицъ, но сынъ ея, бочаръ, этому воспротивился, говоря, что все должно остаться, какъ было при отцѣ, и ожидать его возвращенія. Семиствольникъ временно взялъ на себя часть обязанностей ловчаго, а бочаръ, который и безъ того много трудился днемъ, отправлялъ пока его ночную должность.

Эрихъ хотѣлъ дать бѣдной женщинѣ денегъ, но она отга-

заказъ, говоря, что сынъ запретилъ ей принимать какую бы то ни было помощь изъ дома Зонненкампа.

Возвратясь на виллу, Роландъ сказалъ:

— Если Клаусъ, какъ я надѣюсь, окажется невиннымъ, кто вознаградитъ его за всѣ страданія и за стыдъ, который онъ теперь испытываетъ?

Эрихъ не зналъ, что ему отвѣчать.— Все это, сказалъ онъ, только еще болѣе подтверждаетъ истину, что деньги не могутъ доставить людямъ того, что составляетъ ихъ высшее благо въ жизни.

ГЛАВА III.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГОРОДЪ.

Прошли двѣ недѣли, и въ занятіяхъ Роланда случился новый перерывъ. Церера, всегда безучастная ко всему, что около нея происходило, теперь, то и дѣло, толковала о данномъ на водахъ обѣщаніи супругъ одного изъ членовъ государственнаго совѣта, привезти къ ней Роланда.

И дѣйствительно, вся семья въ скоромъ времени отправилась въ столицу. Эрихъ одинъ остался на виллѣ. Для этой поѣздки было приготовлено два экипажа. Въ одномъ помѣстились Церера, фрейленъ Пэрини и Роландъ, въ другой—Зонненкампъ съ Пранкенемъ.

Дорогой Пранкенъ постѣшиль выразить Зонненкампу свое одобреніе по случаю приношенія, которое тотъ сдѣлалъ церкви, и съ своей стороны обѣщаль расположить въ его пользу высшее духовенство, играющее столь важную роль при дворѣ. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, можно надѣяться, что предприятие, о которомъ они теперь ѣдутъ хлопотать, вполнѣ удастся. Пранкенъ чувствовалъ легкое угрызеніе совѣсти, выставляя свои дружескія сношенія со дворомъ епископа въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Но въ немъ еще оставалась порядочная доля свѣтскаго тщеславія, и ему все же было пріятно слыть въ глазахъ свѣта, и въ особенности Зонненкампа, за человѣка, который ловко умѣетъ устраивать свои и чужія дѣла. Онъ находилъ весьма полезнымъ для ихъ настоящаго предпріятія сближеніе, которое такъ быстро совершилось на водахъ между семействомъ Зонненкампа и супругой члена государственнаго совѣта. На эту даму, говорилъ онъ, можно дѣйствовать разными внѣшними способами, тогда какъ съ ея мужемъ это не совсѣмъ удобно и даже нѣсколько опасно.

Путь ихъ лежалъ мимо прелестной виллы, двери которой были заколочены, а окна закрыты ставнями. Пранкенъ наметнулъ Зонненкампу, что не дурно бы приобрести эту виллу, съ тѣмъ, чтобъ послѣ за безцѣнокъ перепродать той госпожѣ, которая, какъ ему достовѣрно извѣстно, давно желала имѣть подобный загородный домъ. Зонненкампъ понялъ намекъ Пранкена: то былъ одинъ изъ способовъ, къ какимъ ему еще не разъ придется прибѣгать для достиженія своей цѣли.

Они были одни, а между тѣмъ никто изъ нихъ еще ни разу не назвалъ своей цѣли ея настоящимъ именемъ. Наконецъ, Зонненкампъ сказалъ, что слышалъ отъ той совѣтницы, будто бы «винный графъ» въ самомъ скоромъ времени получить дипломъ на дворянское достоинство. Онъ, Зонненкампъ, признаетъ за собой гораздо болѣе правъ на подобнаго рода отличіе и желалъ бы, чтобы оно было оказано ему прежде, чѣмъ «винному графу»: хотя прибавилъ онъ, я и выдаю мою дочь не за обреченнаго на смерть, но за цвѣтущаго здоровьемъ молодого дворянина. Пранкенъ былъ видимо польщенъ. Онъ самодовольно улыбнулся, но тѣмъ не менѣе замѣтилъ, что о преимуществѣ надъ «виннымъ графомъ» и думать нечего. Напротивъ, пусть ему прежде выдаютъ дворянскій дипломъ: тогда въ случаѣ нужды, по крайней мѣрѣ, можно будетъ сослаться на его примѣръ. Тягаться съ «виннымъ графомъ» невозможно уже и потому, что у него въ домѣ останавливался самъ епископъ, когда въ послѣдній разъ объѣзжалъ свою епархію. За него все высшее духовенство: тогда какъ у васъ, прибавилъ онъ, то-есть у насъ, хотѣлъ я сказать, нѣтъ никакой партіи. Тѣмъ лучше, вся честь побѣды останется за нами одними.

Они пріѣхали въ столицу. Совѣтница встрѣтила ихъ очень любезно. На Пранкена она смотрѣла, какъ на главу, или какъ на президента собравшагося у ней общества и выразила ему свою радость по случаю того, что ей удалось въ своихъ новыхъ знакомыхъ найти истинныхъ друзей. Пранкенъ при этомъ ловко ввернулъ замѣчаніе на счетъ возможности приобрести въ этихъ друзьяхъ еще и близкихъ сосѣдей.

Онъ яркими чертами изобразилъ красоту мѣстоположенія, въ которомъ находилась вилла, по его словамъ, недавно купленная Зонненкампомъ. Но послѣдній, прибавилъ онъ, руководимый желаніемъ окружить себя благородными сосѣдями, готовъ перепродать ее за самую ничтожную цѣну.

Оказалось, что совѣтница знала этотъ домъ. Онъ нѣбогда принадлежалъ ея добрымъ знакомымъ, которыхъ она часто навѣщала. По ея мнѣнію, ничто не могло сравниться съ жизнью въ

такой живописной мѣстности и въ такомъ пріятномъ сосѣдствѣ. Она еще недавно говорила своему мужу, какъ стыдно должно быть правительству, что оно до сихъ поръ не дало никакого знака отличія такому человѣку, какъ Зонненкампъ.

Такимъ образомъ Пранкенъ, мало-по-малу, приступалъ къ осуществленію своего плана. А совѣтница, между прочимъ, замѣтила, что все дворянское сословіе почтетъ себѣ за честь принять Зонненкампа въ свою среду.

Слушая ихъ, Зонненкампъ имѣлъ застѣнчивый, точно пристыженный видъ. Онъ сидѣлъ, потупивъ взоръ и краснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, которой дѣлають, впрочемъ давно ею ожидаемое, признаніе въ любви.

Но вскорѣ общество какъ бы по взаимному соглашенію тѣснѣе сдвинуло стулья, и разговоръ принялъ болѣе дружескій и интимный характеръ. Совѣтница просила пока ничего не говорить объ этомъ ея мужу. Она брала на себя его приготовить и расположить въ пользу Зонненкампа. Между тѣмъ не дурно было бы открыть дѣйствія еще и съ другой стороны. Еслибъ графъ Вольфгартенъ первый замолвилъ за нихъ слово при дворѣ, ихъ дѣло отъ этого много бы выиграло. Но Пранкенъ сослался на тѣсную дружбу, которая связывала Клодвигъ съ Зонненкампомъ и не позволяла ему что-либо предпринять въ его пользу. Вообще, говорилъ онъ, все это дѣло должно быть ведено съ осторожностью, доступной только женщинѣ, подобной совѣтницѣ, благоразуміе и тонкій умъ которой всѣмъ и каждому извѣстны. Зонненкампъ просилъ между прочимъ замѣтить, что онъ не проситъ о дворянскомъ достоинствѣ, но что оно должно быть ему предложено черезъ посредство его друзей. Ему пріятна была деликатность, съ какой въ этомъ случаѣ дѣйствовала совѣтница, и онъ не хотѣлъ отъ нея отставать. Говоря съ ней, онъ воображалъ, что гладитъ по спинѣ кошку, и что рука его утопаетъ въ ея мягкой пушистой шерсти.

— А вмѣстѣ съ этой виллой продаются также и виноградники? внезапно спросила совѣтница.

— Около трехъ десятинъ въ самомъ выгодномъ положеніи, насколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ Пранкенъ и мигнулъ Зонненкампу, что надо будетъ купить и виноградники. Весь стыдъ и застѣнчивость Зонненкампа мгновенно исчезли. Вопросъ коснулся его денегъ и къ нему вернулась вся его смѣлость. Ему очень хотѣлось сказать совѣтницѣ, что она получитъ виллу и прилежащія къ ней виноградники не прежде, какъ когда дипломъ на дворянство будетъ находиться въ его рукахъ. Но онъ побоялся Пранкена, да къ тому же и не видѣлъ никакой надобности не-

премѣнно теперь ей объ этомъ заявлять: когда настанетъ время, онъ съумѣетъ за себя постоять и конечно не дастся въ обманъ. По лицу его пробѣжала самодовольная улыбка.

Въ комнату между тѣмъ вошелъ самъ совѣтникъ, съ формальной учтивостью поклонился гостямъ и поблагодарилъ Зонненкампа за вниманіе, какое тотъ оказывалъ его женѣ, во время ея пребыванія въ Виши.

Затѣмъ все общество перешло въ залу, гдѣ находился Роландъ съ мальчикомъ его лѣтъ, въ кадетской формѣ. То былъ одинъ изъ сыновей совѣтника. Необыкновенная красота Роланда невольно обратила на него всеобщее вниманіе, и онъ сдѣлался какъ бы центромъ маленькой группы. Совѣтникъ, узнавъ, что воспитаніе Роланда поручено ученому, хотя нѣсколько эсцентричному, Эриху Дорнэ, поздравилъ Зонненкампа съ такимъ удачнымъ выборомъ. На выраженное мальчикомъ желаніе быть офицеромъ, совѣтникъ сталъ уговаривать Зонненкампа отдать его въ корпусъ. Пранкенъ въ полголоса замѣтилъ совѣтницѣ, что Роланду во всякомъ случаѣ будетъ лучше поступить въ кадеты уже послѣ того, какъ отецъ его получитъ дворянское достоинство. Въ противномъ случаѣ, прибавилъ онъ, мальчикъ можетъ подвергнуться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны товарищей.

Совѣтникъ завелъ рѣчь о развалинахъ, которыя Зонненкампъ реставрировалъ, и объ его искусствѣ въ дѣлѣ садоводства. Слава о немъ успѣла проникнуть и во дворъ. Зонненкампъ просилъ позволенія представить къ герцогскому столу образцы плодовъ, растущихъ въ его оранжереяхъ. У него именно теперь зрѣютъ превосходные бананы. Пранкенъ особенно не могъ нахвалиться виноградомъ, который круглый годъ появляется у Зонненкампа за обѣдомъ. Совѣтникъ отвѣчалъ, что любезное предложеніе господина Зонненкампа, вѣроятно, будетъ благосклонно принято, но что ему все-таки прежде слѣдуетъ обратиться съ нимъ къ гофмаршалу, который состоитъ въ близкомъ родствѣ съ Пранкеномъ.

Пранкенъ съ Зонненкампомъ немедленно отправились къ гофмаршалу, Роландъ съ кадетомъ поѣхали кататься верхомъ, а Церера осталась съ совѣтницей. Последняя была въ высшей степени тронута стараніями своей гостью заставить ее принять отъ нея въ подарокъ прекрасный коралловый браслетъ, которымъ она только-что передъ тѣмъ восхищалась. Совѣтница наконецъ сдалась на просьбы Цереры, но сказала, что принимаетъ браслетъ не иначе какъ въ знакъ дружбы и съ условіемъ, что это останется между ними втайнѣ. Она особенно старалась ей внушить, что служить друзьямъ своимъ вполнѣ безкорыстно и что усердіе ея при этомъ не нуждается ни въ какихъ подстреканіяхъ. Совѣт-

ница, какъ видно думала, что Церерѣ извѣстны всѣ планы Зонненкампа и что онъ ей поручилъ задобрить ее подарками. Но Церера въ отвѣтъ съ изумленіемъ на нее посмотрѣла, явно ни слова не понимая изъ того, что она ей говорила.

Первоначально Зонненкампъ намѣревался въ тотъ же вечеръ возвратиться домой. Но совѣтница предложила ему на слѣдующій день посѣтить одно загородное гулянье, гдѣ собиралось все лучшее общество столицы. Пранкенъ съ своей стороны совѣтовалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, находя весьма полезнымъ для Зонненкампа, чтобъ онъ проѣхался по столицѣ и явился на гулянье въ одной коляскѣ съ совѣтникомъ. Церера должна была вмѣстѣ съ совѣтницей слѣдовать за ними въ другомъ экипажѣ. Пусть всѣ видятъ, какія тѣсныя, дружескія отношенія завязались между Зонненкампомъ и совѣтникомъ.

Дорогой совѣтницѣ пришла на умъ благая мысль, которая въ одно и то же время свидѣтельствовала о ея добротѣ и находчивости. Она вздумала оказать услугу бѣдной женщинѣ и тѣмъ самымъ приобрести себѣ вѣрную помощницу и союзницу. Она мягко и съ состраданіемъ заговорила о матери Эриха, которая свое высокое положеніе въ свѣтѣ принесла въ жертву тому, что называютъ идеальной любовью. Между Пранкеномъ и совѣтницей уже успѣли установиться самыя довѣрчивыя отношенія. Она ничего не предпринимала безъ его согласія и постоянно ожидала, чтобъ онъ легкимъ движеніемъ головы выразилъ свое мнѣніе на счетъ каждаго ея слова или дѣйствія. Такъ и теперь она не рѣшалась, пока онъ ей не кивнулъ одобрительно головой. Тогда она уже смѣло приступила къ Зонненкампу съ просьбой, чтобъ онъ что-нибудь сдѣлалъ для матери Эриха, а лучше всего пригласилъ бы ее къ себѣ въ домъ. Тетушка Клавдія тоже не была забыта и получила свою долю похвалъ. Совѣтница полагала, что съ переселеніемъ къ Зонненкампу профессорши и фрейленъ Дорнэ, ей будетъ гораздо удобнѣе съ нимъ сблизиться. Ея частыя посѣщенія на виллу объяснялись бы тогда участіемъ къ бѣднымъ женщинамъ, зависимое положеніе которыхъ она будто бы желаетъ облегчить. Такимъ образомъ дѣла ея пошли бы какъ нельзя успѣшнѣе и она могла бы въ самомъ скоромъ времени поселиться на своей виллѣ, къ которой между прочимъ принадлежало еще и нѣсколько десятинъ виноградниковъ.

Поступками совѣтницы вообще управляли самыя разнообразныя побужденія, отчего, впрочемъ, ей никогда не бывало дурно.

Зонненкампъ не переставалъ любезно улыбаться, но въ душѣ говорилъ самому себѣ: «Цѣпь, соединяющая между собой этихъ дворянъ, гораздо крѣпче той, которая связываетъ воровъ, а впро-

чемъ, первыѣ по временамъ сильно смахиваютъ на вторыхъ. Ну, не забавно ли, какъ всѣ эти бѣдные дворяне теперь вокругъ меня увиваются?» Поддакивая совѣтницѣ, онъ мысленно рѣшилъ: «Ты еще подождешь со своей виллой, а профессорша пусть-ка еще посидитъ за своей швейной машиной!»

Между тѣмъ, они прибыли на загородное гулянье, принадлежавшее принцу, только-что вернувшемуся изъ Америки. Тамъ все было прекрасно устроено. Немного въ сторонѣ отъ дороги вышпался павильонъ, гдѣ стоялъ накрытый столъ, вокругъ котораго суетились лакеи. Изъ сада, открытаго публикѣ, раздавалась военная музыка, а деревья были всѣ увѣшаны разноцвѣтными фонарями. Въ этотъ день гвардейскіе офицеры давали здѣсь праздникъ. Музыка ни на минуту не умолкала. Едва одинъ оркестръ переставалъ играть, какъ вмѣсто него начиналъ другой. Посреди сада была раскинута палатка, гдѣ собирались обѣдать офицеры. Около, за маленькими столиками, помѣщались столичные жители, пріѣхавшіе на праздникъ съ женами и дочерьми въ легкихъ лѣтнихъ нарядахъ.

Прибытіе экипажей, запряженныхъ великолѣпными лошадьми Зонненкампа, обратило на себя всеобщее вниманіе. Пранкенъ, взявшій на себя всѣ хлопоты, такъ ловко и живо распорядился, что его общество вскорѣ удобно размѣстилось за однимъ изъ лучшихъ столовъ. Взоры сосѣдей были на нихъ съ любопытствомъ устремлены. Пранкенъ не замедлилъ въ числѣ ихъ найти своихъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Онъ переходилъ отъ одного стола къ другому, раскланивался и пожималъ руки; а впрочемъ слѣшилъ, какъ можно скорѣе, вернуться къ своему обществу.

Совѣтница ни на минуту не покидала руки Зонненкампа. Пранкенъ посвятилъ себя Церерѣ, а Роландъ съ кадетомъ не отходилъ отъ щита, гдѣ стрѣляли въ цѣль, и постоянно попадалъ въ самую середину круга. Зонненкампъ былъ представленъ генералу, начальнику пировавшихъ тамъ офицеровъ. Онъ пригласилъ его къ себѣ на виллу. Генералъ обѣщался побывать у него въ самомъ скоромъ времени, а Пранкенъ, указывая на Роланда, объявилъ, что завербовалъ для своего полка новаго рекрута.

Насталъ вечеръ, зажглись фонари. Вдругъ раздался выстрѣлъ, оркестръ заигралъ тушь, садъ огласился радостными криками. Публика привѣтствовала принца, который прибылъ изъ своего дворца на праздникъ гвардейскихъ офицеровъ.

Оба оркестра разомъ играли воинственный маршъ. Присутствующіе были въ восторгѣ, но счастливѣе всѣхъ оказался Зонненкампъ. Онъ былъ представленъ принцу, который сказалъ ему

тѣснѣе, правда, самыхъ незначительныхъ словъ, но тѣмъ не менѣе, всѣ видѣли, что онъ съ нимъ говорилъ и очень мило-ство ему поклонился.

Общество вернулось въ столицу въ наилучшемъ расположеніи духа. Дорогой до нихъ еще долго долетали звуки музыки, а сквозь зелень сверкали разноцвѣтные огни фонарей.

На слѣдующій день въ газетахъ стояло слѣдующее:

«Вчера вечеромъ гвардейскіе офицеры праздновали на Рудольфской-горѣ свой ежегодный праздникъ. Его высочество принцъ Леопардтъ осчастливилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Въ числѣ гостей находился также господинъ Зонненкампъ изъ виллы Эдемъ и его почтенное семейство».

ГЛАВА IV.

МѢСТО ЗАНЯТО.

Проводивъ Зонненкампа и его семейство въ столицу, Эрихъ отправился въ Вольфсгартенъ. Онъ успѣлъ побѣдить въ себѣ всѣ дурныя, нечистыя мысли, которымъ, впрочемъ, никогда исполнѣе не давалъ воли. Но теперь всѣ его помыслы были устремлены на одно: онъ чувствовалъ себя обязаннымъ отблагодарить Беллу за ея дружбу и хотѣлъ, раскрывъ ей глаза на прекрасныя свойства ея мужа, обратить на него всѣ благородныя качества ея ума и сердца. Воодушевляемый такого рода желаніемъ, онъ прибылъ въ Вольфсгартенъ бодрый и веселый.

Эрихъ засталъ Клодвигъ одного. Белла уѣхала кататься съ гостившимъ у нихъ знатнымъ иностранцемъ. Клодвигъ былъ очень радъ случаю побесѣдовать съ Эрихомъ наединѣ. Въ послѣднее время ему почти всегда приходилось оставаться съ Романдомъ, между тѣмъ какъ Белла прогуливалась съ Эрихомъ. Клодвигъ рассказалъ, что у него теперь гоститъ сынъ русскаго посланника въ Неаполь, съ которымъ онъ познакомился и сблизился во время своего пребыванія въ этомъ городѣ. Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Германію учиться сельскому хозяйству и явился къ Клодвигу за совѣтомъ. Съ уничтоженіемъ въ Россіи грѣбостного права императоромъ, въ ней произошелъ великій нравственный и экономическій переворотъ. Помѣщики внезапно превратились въ простыхъ землевладѣльцевъ, и, предоставленные собственнымъ силамъ, совершенно естественно, начали заботиться о возвышеніи качества и стоимости своей земли. Молодой князь, говорилъ Клодвигъ, уже успѣлъ, по примѣру всѣхъ себѣ подоб-

ныхъ, окунуться въ омутъ парижской жизни. Но въ немъ было много хорошихъ задатковъ и большой запасъ силы воли, которые и заставляли надѣяться, что онъ не замедлитъ достигнуть всего лучшаго. Русскимъ вообще свойственно святое стремленіе жертвовать собою ради пользы меньшей братіи, и стремленіе это иногда до такой степени овладѣваетъ даже людьми, преданными свѣту и его удовольствіямъ, что съ трудомъ вѣришь этому стремленію.

— Но замѣтите, прибавилъ Клодвигъ, какъ бы въ видѣ предостереженія Эриху: — русская аристократія болѣе всѣхъ прочихъ одержима жаждой къ познаніямъ; бѣда только въ томъ, что эти люди годъ, другой, усердно преслѣдуютъ свои идеалы, а затѣмъ утомляются и впадаютъ въ бездѣйствіе. Кромѣ того, они одарены способностью быстро перенимать чужое, но какъ долго они въ состояніи удерживать это чужое и когда начнутъ создавать свое собственное—это еще вопросъ. Впрочемъ, уничтоженіе крѣпостного права можетъ быть и выработаетъ въ нихъ какія-нибудь новыя начала.

Эрихъ находилъ весьма знаменательнымъ одно обстоятельство, что такой важный переворотъ въ судьбѣ русскаго народа былъ совершенъ не церковью, съ призваніемъ которой подобный переворотъ, казалось бы, вполне согласовался, но чистой идеей гуманности, навѣянной новымъ духомъ свободы и чуждой всякаго церковнаго вліянія.

— Этотъ взглядъ совершенно для меня новъ, замѣтилъ Клодвигъ, и въ тонѣ его голоса звучало удовольствіе.

Старикъ и молодой человѣкъ еще долго продолжали разсуждать о свойствахъ человѣческаго духа. Клодвигъ выражалъ свою печаль по случаю того, что грубая, матеріальная сила имѣетъ надъ духовной еще слишкомъ много власти, — гораздо болѣе, чѣмъ хотѣлось бы въ томъ сознаться. Бесѣда ихъ была внезапно прервана приходомъ Беллы, которая, когда Эрихъ ей поклонился, вся вспыхнула. Съ ней вмѣстѣ вошелъ въ комнату человѣкъ изящной наружности, но съ выраженіемъ усталости на лицѣ. Онъ очень любезно раскланялся съ Эрихомъ и обрадовался, узнавъ, что тотъ бѣгло говоритъ по-французски. Самъ же онъ съ большимъ трудомъ изъяснялся по-нѣмцки. Произношеніе Эриха, замѣтилъ онъ, тотчасъ указываетъ на его французское происхожденіе. Въ звукахъ французской рѣчи есть нѣчто такое, что доступно только органу природнаго француза.

Общество на короткое время разошлось съ тѣмъ, чтобъ снова соединиться за завтракомъ на открытомъ воздухѣ.

Блодвигъ готовъ былъ обнять русскаго князя, видя, какъ тотъ старался сблизиться съ Эрихомъ.

— Я счелъ бы себя счастливымъ, замѣтилъ между прочимъ князь: еслибъ могъ у васъ чему-нибудь научиться.

Онъ сказалъ это такъ просто и дѣтски-довѣрчиво, что Эрихъ въ отвѣтъ ему протянулъ руку и ласково проговорилъ:

— А я въ свою очередь надѣюсь отъ васъ чѣмъ-нибудь познакомиться.

— Кромѣ виста, въ которомъ я, по отзыву всѣхъ, очень силенъ, врядъ ли можно у меня чему-нибудь научиться, со смѣломъ возразилъ князь, а затѣмъ уже серьезно прибавилъ: «Правда ли, что философія теперь совсѣмъ вышла изъ моды въ Германіи, и можете ли вы мнѣ сказать, что тому причиной?» Собираясь изучать произведенія туземной почвы, князь, совершенно естественно, хотѣлъ прежде познакомиться съ людьми, которые ее обрабатываютъ.

Блодвигъ одобрительно кивнулъ головой: онъ былъ доволенъ вопросомъ и скромностью своего гостя. Эрихъ оговорившись, что не беретъ на себя окончательнаго разрѣшенія столь сложной задачи, ограничился только тѣмъ, что высказалъ свое личное объ этомъ мнѣніе. Философія, замѣтилъ онъ, можетъ быть, современемъ опять выступить впередъ въ качествѣ самостоятельной науки, — теперь же она осталась пока методомъ всѣхъ наукъ.

— Согласны ли вы съ тѣмъ, спросилъ князь, что проповѣдуемый Кантомъ законъ безусловнаго долга и французская революція породили однѣ и тѣ же послѣдствія?

Белла, откинувъ голову на спинку стула, устремила глаза въ голубое пространство. Мужчины, думала она, пустились въ разсужденія о предметѣ, который они, изъ уваженія къ ней, могли бы отложить до другого времени. Но нечего дѣлать, она вооружится терпѣніемъ и не будетъ имъ мѣшать.

Эрихъ между тѣмъ объяснялъ, что основное нравственное начало Канта: «руководись въ своихъ поступкахъ правилами, которыя могли бы быть общими для всѣхъ людей», — дѣйствительно указываетъ на тотъ же идеалъ, который выработала французская революція, провозгласивъ равенство людей передъ закономъ. Въ мірѣ нѣтъ болѣе привилегій.

— Но это равенство, спросилъ русскій, не уничтожаетъ ли всякое величіе на землѣ и не дѣлаетъ ли генія невозможностью?

Белла, не чувствуя силъ молчать долѣе, поспѣшила вмѣшаться въ разговоръ.

— А я такъ поставлю вопросъ, сказала она: — развѣ исключительныя натуры не создаютъ новыхъ законовъ, какъ въ

нравственномъ и умственномъ, таѣ и въ политическомъ и эстетическомъ мѣрѣ?

Клодвигъ улыбнулся, видя, какъ Белла разомъ пустила въ ходъ всѣ свои средства, но Эрихъ серьезно отвѣчалъ:

— Церковное іезуитство и тщеславіе людей свѣтскихъ одинаково заслуживаютъ порицанія. Натуры, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, сами присвоиваютъ себѣ право на исключительность, которая только мѣшаетъ существовать другимъ людямъ. На таѣ-называемыхъ высшихъ натурахъ въ сущности лежатъ однѣ обязанности; жизнь не признаетъ за ними преимуществъ; права ихъ должны быть тѣже, что и у прочихъ людей. Передъ Богомъ и вѣчными законами нравственности всѣ равны: христіанство это провозгласило и не перестаетъ намъ повторять, что мы дѣти Божіи. Передъ отцемъ всѣ дѣти равны. Но церковь избрѣла индульгенціи, государство маіораты, а нравственность, вооружаясь софизмами, придумала для себя тоже разныя исключенія. Напрасно стали бы мы теперь ожидать пришествія въ мѣръ человѣка, который взялъ бы на себя устроить царство равенства. Такое царство уже существуетъ: путь къ нему идетъ по рельсамъ, а влечетъ къ нему сила, называемая паромъ.

— Какъ вы хорошо говорите! — перервалъ его князь. — Я очень радъ, что съ вами познакомился! Пожалуйста, приходите ко мнѣ почаще, или позвольте мнѣ васъ навѣщать!

Эрихъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ въ пылу разговора увлекся и высказался болѣе, нежели хотѣлъ. Поблагодаривъ князя за любезное желаніе продолжать съ нимъ знакомство, онъ отвѣчалъ, что все его время и силы принадлежатъ мальчику, воспитаніе котораго онъ взялъ на себя. Эрихъ былъ недоволенъ собой. Онъ при всякомъ новомъ столкновеніи съ людьми, часто вовсе не встаетъ, высказывалъ всѣ свои самыя задушевные мысли и чувствованія. Ему не доставало гибкости, онъ не умѣлъ вести легкаго, живого разговора и теперь чувствовалъ себя оскорбленнымъ похвалою знатнаго молодого человѣка: — «Вы хорошо говорите!» — «Да, таковы всѣ аристократы! думалъ Эрихъ: подай имъ новое кушанье съ острой приправой, разыграй въ ихъ присутствіи новыя музыкальныя варіанціи и они тотчасъ восхитятся: прелестно, удивительно! воскликнуть они. Дуракъ тотъ, кто за подобную похвалу отдаетъ все, что въ немъ есть лучшаго!»

Но взглянувъ на Беллу, Эрихъ испугался. Глаза ея, съ выраженіемъ тоски, были неподвижно устремлены вдаль. «Чѣмъ я заслужила подобный урокъ? думала она. «Къ чему эта проповѣдь о всеобщемъ равенствѣ передъ законами нравственности?» Белла чувствовала себя глубоко уязвленной. Тѣмъ не менѣе она вскорѣ

оправилась, улыбнулась и постыдила дать разговору новый оборот. Вскорѣ между молодыми людьми, ея стараніями, завязалась борьба, нѣчто въ родѣ турнира на словахъ.

Князь превосходилъ своего соперника умѣньемъ излагать факты и знаніемъ дѣйствительной жизни. Эрихъ охотно призналъ въ этомъ его преимущество надъ собой.

Они пошли погулять по саду. Князь ласково взялъ Эриха за руку и спросилъ, знакомъ ли онъ съ Вейдеманомъ, въ которому Клодвигъ посылаетъ его учиться. Эрихъ отвѣчалъ, что ему самому привелось видѣть этого человѣка всего только одинъ разъ, но что онъ здѣсь пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

— Нѣтъ ли у васъ друга, похожаго на васъ? сказалъ князь и пожалъ Эриху руку. — Еслибъ вы мнѣ указали на человѣка, который могъ бы сдѣлаться моимъ руководителемъ и учителемъ, я бы его обезпечилъ на всю жизнь. Но... извините меня за этотъ вопросъ... можетъ быть вы сами?...

Эрихъ поблагодарилъ и сказалъ, что постарается присеять личность, которая бы вполне подходила къ требованіямъ князя.

Къ нимъ присоединилась Белла. Эрихъ, идя рядомъ съ ней, терзался различными сомнѣніями. Онъ такъ много думалъ о томъ, какъ бы ему положить предѣлы столь опасной для него дружбѣ Беллы—и вотъ всѣ размышленія его оказывались лишними: мѣсто его уже было занято. Самолюбіе Эриха втайнѣ сильно отъ этого страдало. На горизонтѣ Беллы появилась новая личность, блестящая, но ничтожная, и мгновенно сдѣлалась ей пріятнѣе и милѣе его, Эриха, правда, неловкаго и неповоротливаго, но за то снабженнаго большимъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній. Любезность Беллы въ отношеніи къ русскому князю его внутренно раздражала. Мысли его какъ-то странно перепутались. Онъ, то видѣлъ въ ней бездушную кокетку, которая со всѣми безъ исключенія зангрываетъ, то увѣрялъ себя, что она старается быть ласковой съ другими для того, чтобъ не слишкомъ бросалось въ глаза ея дружеское обращеніе съ нимъ. Онъ, то радовался тому, что получилъ хорошій урокъ и можетъ теперь спокойно вернуться домой, то досадовалъ на себя за то, что не умѣетъ съ соотвѣтственной другимъ легкостью смотрѣть на мелкія явленія жизни.

Немного спустя пріѣхалъ докторъ и съ его прибытіемъ въ общество водворилось то особенное настроеніе духа, которое онъ всегда всюду съ собой привозилъ. Докторъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ Беллу, Эриха, иностранца, и мгновенно понялъ къ взаимныя отношенія. Онъ и графиня постоянно вели между собой тайную войну.

ГЛАВА V.

СТРОГІЙ ПРИГОВОРЪ.

Докторъ пригласилъ Эриха сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ экипажъ, а верховую лошадь посовѣтовалъ привязать сзади. Онъ обѣщался довести его почти до самой виллы.

Дорогой, посвиставъ немного, докторъ сказалъ:

— Какая прекрасная и умная женщина эта графиня Белла! И какъ любить она своего попугая, который летаетъ на свободѣ въ лѣсу, а затѣмъ покорно возвращается къ ней на плечо!

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, перебилъ его Эрихъ:—здѣсь, въ тѣсномъ провинціальномъ кружкѣ, какъ видно, обычай всегда говорить объ отсутствующихъ, да еще такъ, чтобъ имъ отъ этого не поздоровилось. Послѣднее, конечно, къ вамъ не относится, но въ бесѣдѣ съ другими я уже не разъ былъ этимъ пораженъ.

Докторъ очень хорошо видѣлъ, что Эрихъ хотѣлъ перемѣнить предметъ разговора, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Порода людей—самая разнообразная въ мірѣ, а въ этой породѣ самымъ многочисленнымъ видоизмѣненіямъ подвергаются женщины. Въ графинѣ Беллѣ, — замѣтите, я говорю не о ней, а о себѣ, — я нашелъ еще совершенно новый, дотошъ мнѣ неизвѣстный видъ.

— Извините, докторъ, но графиня кажется совершенно здоровой.

— Вы ее знали прежде?

— Очень мало, неохотно сознался Эрихъ.

— Ну, а я ее хорошо зналъ. Она, подобно многимъ другимъ, вышла замужъ по расчету. Я ее за это не осужу, хотя вовсе не раздѣляю мнѣнія о ней другихъ людей. Сама графиня гордится не столько своими талантами, сколько своей добродѣтелью. Мнѣ извѣстно, что она передъ свадьбой говорила графу, что чувствуетъ себя недостойной его и что очень хорошо знаетъ, насколько она во всемъ ниже его. Въ умственномъ отношеніи это только отчасти справедливо и можно сказать, что она съ преувеличенной скромностью употребила слишкомъ сильныя выраженія. Графиня Белла очень умна и талантлива, но ей не достааетъ души; въ ней много наружнаго блеску, и мало прочныхъ богатствъ. Но за то въ нравственномъ отношеніи она была совершенно права, когда говорила, что недостойна своего мужа. Для нея добродѣтель заключается въ соблюденіи приличій...

— Прошу васъ.... началъ Эрихъ.

— И я тоже прошу васъ, не перебивайте меня, остановилъ его докторъ. Я говорю о добродѣтели большого свѣта, вся сущность которой заключается въ однихъ внѣшнихъ признакахъ чести. Свѣтъ вообще руководствуется въ своихъ сужденіяхъ одной внѣшностью. Графъ Клодвигъ, напротивъ, смотритъ на все чистое и прекрасное съ серьезнымъ благоговѣніемъ. Его натурѣ противно все злое и нечистое; онъ не совершилъ бы дурного поступка и въ томъ случаѣ, еслибъ зналъ навѣрное, что его при этомъ не увидитъ ни одинъ человѣческій глазъ.

Докторъ замолчалъ. Сердце Эриха сильно билось. Для чего этотъ человѣкъ такъ упорно настаиваетъ на чистотѣ Клодвига? Не для того ли, чтобъ внушить ему, Эриху, какъ преступна была бы одна мысль, имѣющая въ виду его оскорбить или обмануть?

Докторъ продолжалъ:

— Я не знаю чести выше, какъ быть другомъ Клодвига. Я вообще не люблю аристократовъ, болѣе того — я ненавижу ихъ. Но въ графѣ Клодвигѣ какъ бы олицетворилось то величіе, которое тѣмъ прочнѣе, что оно вырабатывается постепенно, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, а не завоевывается разомъ, какъ у насъ, людей средняго сословія. Отъ нашего мѣщайскаго величія всегда несетъ свѣжимъ лакомъ, и мы его также быстро утрачиваемъ, какъ и приобретаемъ. Клодвигъ никогда ни въ какомъ случаѣ не воспламеняется, но въ немъ постоянно присутствуетъ одна и та же ровная теплота. Вы видите, я у васъ научился картинно выражаться, шутливо прибавилъ докторъ, а затѣмъ продолжалъ:

— У него одна страсть, а именно — къ спокойствію, но ради васъ онъ и отъ нея отказался. Не находите ли вы это въ высшей степени знаменательнымъ? Я не раздѣляю мнѣнія злыхъ языковъ, которые называютъ графиню Беллу дракономъ добродѣтели. Ей необходимо, говорятъ они, каждую недѣлю, или по крайней мѣрѣ хоть разъ въ мѣсяцъ, проглатывать по одной незапятнанной репутаціи. Но нѣсколько померкшая добрая слава доставляетъ ей еще большее удовольствіе; она, какъ кошка, съ наслажденіемъ ее терзаетъ и, подобно хорошо выдрессированной охотничьей собакѣ, кусаетъ свою добычу прямо въ бровь. Затѣмъ она, чувствуя себя сытой, не только болѣе никому не дѣлаетъ вреда, но даже бываетъ ко всѣмъ очень добра. Да и вообще ее нельзя назвать злой; въ ней иногда проявляется даже искреннее состраданіе къ ближнимъ. Она всегда хорошо отзывается о людяхъ въ бѣдѣ и охотно помогаетъ тѣмъ, которые

унижены судьбой. Стоить только человѣку захворать, и она дѣлается къ нему въ высшей степени внимательна, но здоровье не должны отъ нея ожидать ничего, кромѣ жестокости. У ней роскошные волосы, но это ей доставляетъ гораздо менѣ удовольствія, чѣмъ возможность сказать, что у той или другой изъ ея знакомыхъ фальшивыя косы. Она любитъ также перечислять своихъ золотушныхъ подругъ, чтобъ имѣть возможность похвастаться здоровьемъ, какимъ отличаются всѣ члены семейства Пранкеновъ. Разъ высказавъ какое-нибудь мнѣніе, графиня Белла никогда отъ него не отступается. Она охотнѣе допустить, что ея мужъ, братъ и весь свѣтъ ошибаются, чѣмъ рѣшится сознаться въ собственномъ заблужденіи. Белла фонъ-Вольфгартенъ не можетъ провозносить ошибочныхъ сужденій. Ее никогда никто не видѣлъ одѣтой не къ лицу; каждое ея слово заслуживало бы быть начертаннымъ на камнѣ. И это она называетъ характеромъ, силой воли! Главное — никогда не сознаться въ своихъ ошибкахъ, а логика можетъ себѣ отправляться хоть въ чорту! Графиня Белла сильно смахиваетъ на плясунью, которая танцуетъ на шарахъ. Случалось ли вамъ уже получать отъ нея записочки? Она и на бумагѣ тоже умѣетъ выводить разнаго рода граціозныя пѣ.

Эрихъ провелъ себѣ рукой по лбу; онъ едва сознавалъ, гдѣ онъ находится, а докторъ, бросивъ до половины выкуренную сигару, продолжалъ:

— Злые люди желаютъ, чтобъ этотъ драконъ добродѣтели наконецъ встрѣтился со своимъ «грѣшнымъ» Георгіемъ. Къ сожалѣнію, это не можетъ случиться безъ того, чтобъ не поразить Блодвигъ въ самое сердце. А Георгій этотъ долженъ быть просто искателемъ приключеній, а никакъ не человѣкомъ съ сердцемъ, который стремился бы къ добру и смотрѣлъ на любовь серьезно!

Эрихъ не зналъ, чтò ему отвѣчать. Онъ внутренно дрожалъ и молча сжималъ кулаки. Докторъ подтянулъ цѣпь у экипажа, колесо мгновенно затормозилось, и они начали спускаться съ горы. Передъ ними, внизу, лежала глубокая долина, гдѣ между скалъ, журча, извивался ручеекъ. Эриху казалось, что передъ нимъ вдругъ разверзлась мрачная пропасть. Когда они выѣхали на гладкое мѣсто, докторъ снова заговорилъ:

— Теперь мнѣ надо вамъ еще объяснить, къ какому именно особенному разряду женщинъ принадлежитъ графиня Белла. Въ мірѣ, какъ вамъ извѣстно, есть много женщинъ, которыя дѣйствительно несчастны, или воображаютъ себя такими, потому что мужа ихъ грубы, необразованны, любятъ собакъ и лоша-

дей, а въ женахъ своихъ не признають тѣхъ милыхъ, граціозныхъ созданій, какими онѣ сами себя считаютъ. Графиня Белла, напротивъ, страдаетъ отъ превосходства своего мужа. Будь онъ похожъ на одну изъ тѣхъ выправленныхъ бувольтъ, задача которыхъ, повидимому, заключается единственно въ томъ, чтобъ носить придворный мундиръ, она бы называла себя несчастной, но жила бы въ мирѣ сама съ собой. Она могла бы тогда считать себя прекрасной, украшенной цвѣтами жертвой, которая терпѣливо, съ достоинствомъ переноситъ свою горькую участь и, оплакивая себя, она бы постоянно росла въ собственныхъ глазахъ. Теперь же, въ сосѣдствѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Клодвигъ, она кажется самой себѣ все ничтожнѣе и ненавистнѣе. Онъ ее оскорбляетъ тѣмъ, что отодвигаетъ ее на второй планъ и нерѣдко порицаетъ ея образъ мыслей, хотя это у него почти всегда выражается только легкимъ движеніемъ бровей. Она, сама впрочемъ того не сознавая, просто - на - просто ненавидитъ своего мужа за то, что онъ изъ простой игры въ высокія мысли и чувства дѣлаетъ нѣчто очень серьезное. Къ тому же онъ какъ бы невольно заставляетъ ее сознаваться въ ея ребячествѣ и неразуміи. Я теперь только впервые понялъ смыслъ преданія о гарпіяхъ. Новыя гарпіи выдаютъ грязью во все высокое, съ цѣлю сдѣлать его отвратительнымъ и негоднымъ къ употребленію. Клодвигъ принужденъ добывать съ бою свой насущный духовный хлѣбъ. И со всѣмъ этимъ графиню Беллу нельзя назвать безусловно дурной. Она охотно помогаетъ больнымъ, хотя нѣсколько деспотически предписываетъ имъ употребленіе своихъ лекарствъ. Но знаете ли вы, чтó всего опаснѣе въ этой женщинѣ?

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю. Чтó худшаго можете вы еще сказать?

— Только слѣдующее. Злой духъ, называемый въ церкви дьяволомъ, является здѣсь въ видѣ очень ловкаго, благороднаго и великодушнаго демона. Онъ приходитъ и говорить: «Ты другъ этой женщины; она такъ хорошо къ тебѣ расположена, такъ довѣряетъ тебѣ! Употреби же въ дѣло твое вліяніе надъ ней; раскрой ей глаза насчетъ ея мужа, пусть она отъ тебя научится его по заслугамъ цѣнить и уважать». Этотъ вооруженный софизмами демонъ только въ первую минуту кажется такимъ тонкимъ и ловкимъ, на дѣлѣ же онъ одинъ изъ самыхъ грубыхъ. Еще не видано, чтобъ вмѣшательство третьяго лица могло когда-нибудь заставить одного человѣка уважать другого, а тѣмъ болѣе жену — мужа. Только та жизнь и та любовь сильны, которыя возникаютъ и развиваются сами собой. Гдѣ же ихъ нѣтъ — тамъ всѣ усилія вызвать ихъ ока-

жуются бесплодными, хотя бы вы для этого заговорили на языкѣ ангельскомъ... Видѣли ли вы голову Медузы? Древніе считали величайшимъ подвигомъ Персея то, что онъ побѣдилъ Медузу, эту ядовитую красоту. Въ прежнія времена она превращала людей въ камни, теперь она ихъ расслабляетъ... Я питаю къ графинѣ Беллѣ особенную ненависть, и знаете ли почему? Потому, что, благодаря ей, я всякій разъ, что бываю въ Вольфсгартенѣ, дѣлаюсь льстецомъ. Мнѣ не слѣдовало бы быть съ ней такъ учтивымъ, и то, что я оказываю ей уваженіе единственно изъ любви къ Клодвигу, нисколько меня не оправдываетъ. Она шарлатанъ въ юбѣ и въ нравственномъ смыслѣ еще болѣе, чѣмъ въ отношеніи къ медицинѣ. Отъ послѣдняго я, впрочемъ, ее уже отчасти отъучилъ. Когда я предписываю лекарство, она всегда напередъ знаетъ, что я предпишу. Нѣтъ, ни въ чемъ обществѣ не бываю я такъ дурень, какъ въ обществѣ графини Беллы. Принужденный ей льстить, я, въ ея присутствіи, испытываю такіе припадки злобы, на какіе не считалъ себя способнымъ. Она обо всемъ говоритъ, во все вмѣшивается, такъ что можно подумать, будто ей все извѣстно, — на дѣлѣ же она просто ничего и никого не уважаетъ, а всѣхъ и все считаетъ пустяками. Она и собственную свою личность не уважаетъ, потому что сознаетъ все ея ничтожество... Чуть ли не самую главную черту ея характера составляетъ неблагодарность. Оказывайте ей какія хотите услуги, она все-таки останется неблагодарной. Въ этомъ отношеніи маіоръ составляетъ полную противоположность графини Беллы. Тотъ благодаренъ за все, даже за воздухъ, которымъ дышетъ. Маіоръ, это семидесятилѣтнее дитя, до сихъ поръ отказывается вѣрить въ людскіе пороки. Еслибъ ему явился самъ чортъ, онъ и въ немъ бы открылъ хорошія стороны. Что касается до Беллы, то она вся зло. Случается, что злой мужчина все-таки бываетъ дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества, но злая женщина уже ни на что не годна. Знаете ли это пришедшій бы подъ пару графинѣ Беллѣ?

— Ничего не знаю, въ отчаяніи проговорилъ Эрихъ. Онъ былъ готовъ выскочить изъ экипажа.

— Единственный подходящий къ ней мужчина, который сумѣлъ бы ее уротить — это Зонненкампъ. И замѣчательно, что они втайнѣ другъ другу симпатизируютъ.

Эрихъ былъ радъ предлогу засмѣяться. Докторъ между тѣмъ продолжалъ:

— Признаюсь вамъ, мой юный другъ, что я еретикъ. Женщины въ моихъ глазахъ существа низшей породы. Мужчина никогда не бываетъ ни такъ золъ, ни такъ живъ, какъ женщина.

За послѣднее впрочемъ ее нельзя и упрекать. Ей съ дѣтства твердятъ: лги, — свѣтъ судить только по наружности. Но хуже всего въ женщинахъ — это полное отсутствіе въ нихъ гуманности. Онѣ никогда не углубляются въ сущность вещей. Для нихъ все подготовлено, скрѣплено и сшито, какъ шляпка или мантилья въ одномъ магазинѣ. Кромѣ того надъ ними тяготѣетъ еще особаго рода проклятіе: имъ никогда не могутъ быть вполне знакомы радости дружбы. Злословіе составляетъ для нихъ какъ бы животную потребность. Во всей природѣ, женскій полъ отличается наибольшей лютостью.

Эрихъ сидѣлъ молча и совсѣмъ растерянный. Между тѣмъ они достигли мѣста, гдѣ имъ предстояло разстаться. Докторъ снова немного посвисталъ, а потомъ, весь раскраснѣвшись, сказалъ:

— Наконецъ-то я облегчилъ себя, а то меня точно кто-нибудь душилъ. Спасибо вамъ, мой другъ, за то, что вы меня такъ терпѣливо выслушали, — и онъ ласково положилъ руку на плечо Эриха. — Я золь на поэтовъ, которые, изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе женщинъ, сдѣлали изъ нихъ какихъ-то богинь. Но я съ своей стороны можетъ быть тоже хватилъ черезъ мѣру и сказалъ о нихъ что-нибудь лишнее. Въ такомъ случаѣ забудьте это и помните только то, что справедливо, и отчего я ни въ какую минуту моей жизни не откажусь.

Эрихъ взялъ лошадь за поводья и, погруженный въ размышленія, медленно продолжалъ путь пѣшкомъ. Ему было больно, что о Беллѣ такъ дурно отзывались, и онъ сердился на себя за то, что не сумѣлъ ее лучше защитить. Но въ то же время онъ съ благодарностью смотрѣлъ на небо и давалъ обѣщаніе никогда не впадать въ проступокъ, который потомъ заставилъ бы его краснѣть. Мысли его мало-по-малу обратились на Роланда и внутри его шепталъ голосъ: «Теперь ко мнѣ больше не вернется ни одно изъ преступныхъ желаній и я надѣюсь быть въ состояніи достойнымъ образомъ воспитать человѣка. Тщеславіе меня чуть не погубило; я хотѣлъ блистать; мнѣ было пріятно слушать похвалы изъ устъ прекрасной женщины, чувствовать на своей рукѣ прикосновеніе ея теплой перчатки, когда она, шута, ударила меня ею по пальцамъ. Въ это время мнѣ было бы не подъ силу воспитать юношу въ нравственной чистотѣ, — теперь же я надѣюсь этого достигнуть!»

И онъ съ облегченнымъ сердцемъ пришелъ на виллу. Тамъ его ожидала телеграмма, извѣщавшая о намѣреніи Зонненгампа переночевать въ столицѣ. Эрихъ былъ одинъ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

На слѣдующее утро Церера все говорила о томъ, какъ ей не хочется возвращаться на виллу. Праздникъ на Рудольфской-горѣ не выходилъ у нея изъ головы, и она рада была бы, чтобъ онъ и сегодня повторился. Она убѣдительно просила совѣтницу поѣхать вмѣстѣ съ ней на виллу и тамъ остаться погостить. Совѣтница отказалась, но въ то же время дала обѣщаніе скоро навѣстить своихъ новыхъ друзей.

Церера была въ очень дурномъ расположеніи духа, и Зонненкампъ, чтобы хоть сколько-нибудь ее развеселить, посадилъ къ ней въ экипажъ Прангена, а съ собой взялъ Роланда. Оставшись наединѣ съ сыномъ, онъ сталъ его спрашивать о томъ, о семъ, и преимущественно объ Эрихѣ, какъ часто тотъ видѣлся и гулялъ съ графиней Беллой. Роландъ былъ въ недоумѣніи.

Дорогой они обогнали верховыхъ лошадей, которыхъ Зонненкампъ отправилъ впередъ. Лошади были покрыты длинными попоами, сѣвозъ отверстія которыхъ они какъ-то странно поглядывали вокругъ своими большими, круглыми глазами. Зонненкампъ приказалъ остановиться, еще издали завидѣвъ, какъ одинъ изъ конюховъ, вмѣсто того, чтобъ идти пѣшкомъ возлѣ лошади, предпочелъ помѣститься у нея на спинѣ. Зонненкампъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ и погрозилъ за вторую вину такого рода отставить его отъ мѣста.

Они поѣхали далѣе.

— Наши лошади, совсѣмъ неожиданно замѣтилъ Роландъ: одѣты лучше людей.

Зонненкампъ ничего не отвѣчалъ, но искоса поглядѣлъ на сына.

Вдругъ Роландъ закричалъ вучеру, чтобъ тотъ остановился. Онъ примѣтилъ на краю дороги того самого извозчика, котораго встрѣтилъ ночью съ грузомъ глиняныхъ кувшиновъ, предназначаемыхъ для минеральныхъ водъ. Мальчикъ выскочилъ изъ экипажа, подбѣжалъ къ извозчику и взявъ его за руку, попросилъ, когда онъ увидится съ дворникомъ, передать ему, что никто болѣе не можетъ сомнѣваться въ его честности. Затѣмъ Роландъ также быстро опять вскочилъ въ экипажъ, а извозчикъ остался въ изумленіи стоять на дорогѣ. Отецъ потребовалъ у мальчика объясненія столь страннаго поступка, и тотъ рассказалъ ему все, не исключая и преданія о духѣ смѣха, которое однако не вызвало

ни малѣйшей улыбки на лицѣ Зонненкампа. Когда же Роландъ упомянулъ о своемъ желаніи испробовать на себѣ жизнь бѣдныхъ, борющихся съ нуждой людей, Зонненкампъ тихо засвисталъ. Мальчикъ продолжалъ говорить, а отецъ не могъ надивиться подвижности и свѣжести его ума. Наконецъ очередь дошла и до разговора у крѣпости, вызваннаго извѣстнымъ вопросомъ Клауса. Слова Эриха были переданы Роландомъ конечно по своему, съ разнаго рода измѣненіями, пропусками и дополненіями.

Зонненкампъ не зналъ на что ему рѣшиться. Немедленно отпустить Эриха—не годилось для Роланда, который послѣ этого тѣмъ упорнѣе бы привязался къ своимъ извращеннымъ понятіямъ. Съ другой стороны онъ боялся окончательнымъ разрывомъ съ Эрихомъ оскорбить совѣтницу, которая такъ ясно высказала свои желанія на счетъ матери молодого человѣка. Наконецъ, не слѣдовало забывать и того, что ничуть не Пранкенъ, а Эрихъ былъ главнымъ виновникомъ сближенія его съ Клодвигомъ, который теперь сдѣлался ему особенно нуженъ для осуществленія извѣстнаго плана.

Вдобавокъ во всему, Зонненкампа терзала еще двойная ревность. Съ одной стороны, духовенство отняло у него дочь, съ другой—человѣкъ свѣтскій хотѣлъ лишить его сына. Онъ не пытался доказывать Роланду, какъ ложны идеи, проповѣдуемыя Эрихомъ, а только усиливался дать ему понять, что онъ вовсе не обязанъ безпрекословно повиноваться человѣку, который живетъ у нихъ въ домѣ на жалованьи. Да и самой наукой ему нѣтъ никакой надобности ужь такъ усердно заниматься: это хорошо для тѣхъ людей, которымъ предстоитъ прокладывать себѣ путь въ жизни,—а ему, богатому юношѣ, достаточно знать только то, что нужно для обихода въ свѣтѣ. Онъ вообще уговаривалъ сына не портить себѣ жизнь несбыточными мечтами и старался избразить ему въ самомъ яркомъ свѣтѣ веселое, блестящее существованіе офицеровъ въ столицѣ.

Возвратясь домой, Зонненкампъ первымъ дѣломъ освѣдомился, гдѣ Эрихъ провелъ вчерашній день. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ тономъ человѣка, который имѣетъ право требовать у своего подчиненнаго отчета во всѣхъ его поступкахъ. Эрихъ отвѣчалъ, что былъ въ Вольфсгартенѣ и распространился на счетъ молодого русскаго князя. Зонненкампъ слушалъ его съ улыбкой: ему было пріятно видѣть, какъ ловко этотъ добродѣтельный человѣкъ прикрывалъ свои уклоненія отъ истиннаго пути.

Въ тоже время Роландомъ овладѣло сильное желаніе нарушить порядокъ, который Эрихъ, съ его согласія, внесъ въ ихъ

занятія. Внушенія отца не пропали даромъ, и мальчикъ сидѣлъ за урокомъ печальный и угрюмый. Взгляды, которые онъ по временамъ бросалъ на Эриха, ясно доказывали ему, что онъ начинаетъ въ немъ видѣть своего тюремщика. Роландъ до сихъ поръ на все смотрѣлъ глазами Эриха и жилъ, такъ сказать, по его программѣ. Но теперь это миновало, и къ тому же у него въ ухахъ все еще раздавались звуки военной музыки, а въ глазахъ мелькали оживленныя группы офицеровъ.

Эрихъ замѣтилъ перемѣну въ своемъ воспитанникѣ и сильно огорчился. Онъ отдавалъ Роланду всѣ свои силы, а тотъ принималъ его заботы какъ-то вяло и неохотно. Теперь, когда мальчикъ, не сдерживаясь, высказывалъ свое дурное расположеніе духа, къ Эриху опять вернулись его сомнѣнія, и онъ впалъ въ уныніе. Ему снова представилась вся трудность задачи воспитателя, и мысли его невольно обратились къ прошлому. Въ полеу онъ обыкновенно, сдавъ службу, пользовался полной свободой и жилъ исключительно для себя. Позже, въ родительскомъ домѣ, онъ тоже не зналъ никакихъ стѣсненій. Профессорша, привыкшая ничѣмъ не беспокоить мужа на томъ основаніи, что ученымъ и безъ того много есть о чемъ думать, продолжала точно также охранять и покой своего сына. Ему нивогда никто не мѣшалъ въ его занятіяхъ, и все внутри его могло свободно перерабатываться. Теперь же за обѣдомъ и на прогулкахъ, онъ долженъ былъ быть постоянно на готовѣ, чтобъ поддерживать разговоръ съ отцемъ, или отвѣчать на распросы сына. Эрихъ слишкомъ долго жилъ самостоятельно, имѣя въ виду только свое умственное развитіе, и теперь ему казалось, что онъ вмѣстѣ съ независимостью какъ бы утратилъ собственную личность и сдѣлался тѣнью своего прежняго «Я». Ничего новаго или свѣжаго не могло болѣе расцвѣсть въ его душѣ, и ему стоило большихъ усилій вызывать въ себѣ воспоминаніе о томъ, что онъ въ былое время передумалъ и перечувствовалъ. Однимъ словомъ, Эрихъ оплакивалъ свою преждевременную кончину. Онъ прежде едва признавался даже самому себѣ въ удовольствіи, какое ему доставляло общество Беллы, но теперь, когда онъ и его лишился—что болѣе оставалось ему въ жизни?

Онъ ужаснулся, увидѣвъ, до какой степени успѣлъ связаться чужимъ существованіемъ все, что было въ немъ наилучшаго и святого. Но вотъ настало время пробудиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ Эриха внезапно поразило охлажденіе къ нему Зонненкампа и Роланда. Онъ принялъ это какъ заслуженное наказаніе, удовольствіе рвеніе,—но все было напрасно.

Навонецъ дѣло совершенно неожиданно дошло до кризиса.

Зонненкампъ, въ присутствіи Роланда и съ торжествомъ на него поглядывая, вручилъ Эриху первое слѣдовавшее ему жалованье. Эрихъ смутился, но мгновенно овладѣлъ собой. Онъ взялъ деньги и сдѣлалъ шагъ къ окну, около котораго стоялъ Роландъ. Зонненкампъ въ первую минуту подумалъ, что онъ хочетъ бросить деньги въ окно. Но Эрихъ очень спокойно произнесъ:

— На, Роландъ, возьми мое жалованье, отнеси его ко мнѣ въ комнату и подожди меня тамъ.

Роландъ взялъ золото и въ смущеніи смотрѣлъ то на отца, то на Эриха.

— Пожалуйста, снеси деньги въ мою комнату, повторилъ Эрихъ. Ну, ступай-же.

Роландъ пошелъ, неся деньги, какъ будто они составляли для него слишкомъ тяжелую ношу. Въ комнатѣ Эриха, онъ положилъ золото на столъ и хотѣлъ уйти, но подумалъ, что деньги опасно оставлять такъ на виду. Онъ собрался затворить двери на ключъ, но вспомнилъ, что Эрихъ приказалъ ему его здѣсь дожидаться. Онъ стоялъ посреди комнаты, а вокругъ него все вертѣлось и въ глазахъ стоялъ туманъ. Чтò такое случилось?

Вдругъ пришелъ Пранкенъ, поздоровался съ нимъ и сталъ его поздравлять съ тѣмъ, что онъ вскорѣ избавится отъ Эриха. Теперь только Роланду сдѣлалось ясно все, чтò произошло и чему еще надлежало произойти. Пранкенъ продолжалъ говорить объ Эрихѣ, какъ о человѣкѣ, который ничего болѣе не заслуживаетъ кромѣ состраданія. Наконецъ онъ простился и ушелъ, а Роландъ почувствовалъ, что онъ никогда болѣе не будетъ въ состояніи любить Пранкена. Онъ почувствовалъ это съ болью, какъ бы переживая горькую утрату и продолжалъ стоять у стола, не спуская глазъ съ сверкаваго передъ нимъ золота. Потомъ онъ, движимый ребяческимъ любопытствомъ, принялся считать, какъ велико было жалованье Эриха, но не могъ сообразить, за сколько времени приходилось ему получить лежавшую теперь на столѣ сумму. Роландъ съ досадой отвернулся къ окну, но золото оставалось у него за спиной и чей-то голосъ, казалось шепталъ ему: «не забывай меня!»

Эрихъ между тѣмъ стоялъ передъ Зонненкампомъ, а Зонненкампъ съ удивленіемъ говорилъ ему:

— Вы умышленно уничтожаете въ мальчиѣ любовь къ себѣ!

Эрихъ отвѣчалъ, что предпочелъ бы не прибѣгать къ такой мѣрѣ, но она вынуждена тѣмъ способомъ, какимъ ему было предложено жалованье.

— Я васъ оскорбилъ?

— Нѣтъ, я не обидчивъ и уважаю деньги, насколько они того заслуживаютъ. Кромѣ того мнѣ пріятна плата за честный трудъ. Я люблю вашего сына, можетъ бытьъ болѣе.... но, нѣтъ, для любви не существуетъ мѣрилы, и одну любовь нельзя измѣрять другою.

— Благодарю васъ.

— Извините, я продолжаю. Я люблю вашего сына и по тому самому предпочитаю, чтобъ онъ видѣлъ недостатки во мнѣ, а не въ своемъ отцѣ.

— Во мнѣ?

— Да. Я могъ бы вамъ отплатить за то, что вы мнѣ отдали деньги въ присутствіи моего воспитанника. Я могъ бы вамъ сказать, что свободный трудъ.... я не говорю о любви, а подразумеваю только простой, свободный трудъ, предлагаемый однимъ человѣкомъ другому.... и такъ я могъ бы сказать, что такого рода трудъ никогда не можетъ быть вполне оплаченъ. Но я воздержался отъ этого, потому что хочу, чтобъ вашъ сынъ любилъ и уважалъ васъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, болѣе меня самого.

Зонненкамъ стиснулъ кулаки и съ минуту въ смущеніи смотрѣлъ на Эриха. Потомъ онъ опустилъ глаза, видимо собираясь съ духомъ и усиливаясь скрыть свое волненіе.

— Я не знаю, проговорилъ онъ наконецъ, да и знать не хочу, что означаютъ ваши слова. Но предупреждаю васъ, что я скорѣй способенъ послать кому-нибудь пулю въ лобъ, чѣмъ подставить подъ нее свой собственный, и кто осмѣлился бы....

— Мнѣ рѣшительно непонятно ваше волненіе, сказалъ Эрихъ, спокойно смотря Зонненкампу въ глаза.

— Кто вы, и кто я? спросилъ Зонненкамъ, и лицо его искажилось.

— Я наставникъ вашего сына и хорошо знаю, какую великую отвѣтственность возлагаетъ на меня это званіе. Я нахожусь у васъ въ услуженіи, это вашъ домъ, вы каждый часъ, каждую минуту можете меня изъ него удалить.

— Я этого не хочу.... вовсе не хочу! Развѣ я сказалъ что-нибудь подобное? Мнѣ просто надо съ вами объясниться. Говорили ли вы Роланду, что настанетъ время, когда болѣе не будутъ частныхъ имуществъ?

Эрихъ отвѣчалъ, что ему ничего подобнаго никогда и въ голову не приходило. Онъ видитъ теперь, что выбралъ для внушенія мальчика дурной примѣръ, и сожалѣетъ, что Роландъ такъ ложно его истолковалъ.

— Сядемте пожалуйста, сказалъ Зонненкамъ, у котораго

дрожали ноги: и поговоримъ, какъ люди разсудительные, какъ друзья, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться.

Онъ тихо засвисталъ, а потомъ продолжалъ совершенно дру-
гнѣ тономъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что во всякомъ случаѣ вашъ об-
разъ мыслей вреденъ для моего сына. Вы — филантропъ, и я
васъ за то уважаю. Вы принадлежите къ разряду тѣхъ людей,
которые готовы благодарить, и по возможности матеріальнымъ
образомъ, каждаго уличнаго мальчика, если тому удастся ока-
зать вамъ какую-нибудь ничтожную услугу. Вы видите, я вѣрю въ
ваши человѣколюбивыя наклонности и ничуть не подозреваю
въ васъ желанія порисоваться, приобрести себѣ популярность.
Но такого рода филантропія, — говорю вамъ откровенно, безъ
обиняковъ, — вовсе не годится для моего сына. Доходы его рав-
няются герцогскимъ. Еслибъ богачъ весь свой вѣкъ только ду-
малъ о нуждѣ, да о несоотвѣтствующей труду платѣ, такъ онъ
былъ бы несчастнѣе всякаго нищаго. Самое худшее, что могло
бы случиться съ моимъ сыномъ, это еслибъ въ немъ развилась
сентиментальность, склонность постоянно и черезъ мѣру огор-
чаться бѣдствіями другихъ людей. Я самъ не принадлежу къ
числу тѣхъ, которые всю жизнь стремятся къ чему-то недосагае-
мому и не хотѣлъ бы, чтобъ мой сынъ сдѣлался однимъ изъ
нихъ. Вѣрьте мнѣ, въ чувствахъ тоже существуетъ своего рода
контрабанда, и напрасно воображаемъ мы себѣ, будто наши мень-
шіе братья думаютъ и чувствуютъ также какъ мы.

— Благодарю васъ за наставленіе, возразилъ Эрихъ. Но въ
тоже время я радъ случаю сказать вамъ, что желаю сдѣлать
изъ вашего сына добраго и сострадательнаго, а ничуть не сла-
баго человѣка. Пусть онъ узнаетъ цѣну своему счастью и на-
учится изъ самого себя извлекать все высокое и прекрасное —
и тогда онъ будетъ умно и благородно управлять силой, кото-
рая со временемъ сдѣлается его достояніемъ.

Эрихъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ продолжалъ еще го-
ворить въ этомъ же духѣ. Зонненкампъ протянулъ ему руку и
сказалъ:

— Вы... вы благородный человѣкъ, и я хотѣлъ бы, чтобъ
вы и меня тоже воспитали. Забудьте все, что между нами прои-
зошло: я вамъ безусловно вѣрю. Вы не захотите лишить меня
привязанности моего сына и не сдѣлаете изъ него сантимен-
тальнаго чудака, который поставилъ бы себѣ задачей помогать
всему міру.

Зонненкампъ говорилъ быстро и отрывисто. Внутри его ки-
пѣлъ гнѣвъ отъ того, что человѣкъ, котораго онъ собирался уни-

зять, смирилъ его самого. И теперь онъ стоялъ передъ нимъ какъ нищій, и какъ тотъ молитъ прохожаго о милости, такъ онъ просилъ не отнимать у него сердца сына.

— Зачѣмъ.... началъ онъ снова: извините, я спрашиваю въ увѣренности, что вы ничего не сдѣлаете безъ причины.... и не смотря на всю его сдержанность, въ глазахъ у него сверкнула злоба:—зачѣмъ не позволяете вы Роланду свободно располагать его деньгами? Я это только недавно узналъ, во время нашей послѣдней поѣздки въ столицу.

— Не всѣ мои поступки имѣютъ такія основательныя причины, какъ этотъ. Роландъ сорить деньгами совершенно безсознательно и не чувствуетъ при этомъ ни малѣйшаго раскаянія. Я же полагаю, что умѣнье управляться съ деньгами составляетъ одно съ умѣньемъ человѣка управлять самимъ собой.

Эрихъ воспользовался случаемъ рассказать Зонненкампу о впечатлѣніи, какое произвело на Роланда воровство. Зонненкампъ съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ:

— Я очень радъ тому, что онъ уже такъ рано узналъ, какими лжецами и негодяями наполненъ свѣтъ. Сдѣлавшись самъ хозяиномъ своего богатства, онъ будетъ остороженъ. Да, господинъ философъ, пишете что хотите въ вашихъ книгахъ, а по моему, главное отличіе человѣка отъ животныхъ заключается въ томъ, что онъ умѣетъ льстить и лгать. И чѣмъ раньше и тверже мой сынъ выучится этой истинѣ, тѣмъ спокойнѣе буду я. Я хотѣлъ бы, чтобъ Роландъ прошелъ уже и вторую шволу.

— Какую?

— Человѣкъ сначала оказываетъ своимъ ближнимъ благодѣянія, а потомъ научается видѣть въ нихъ плутовъ и мошенниковъ. Это тоже, что играть въ азартную игру и надѣяться на выигрышъ. Долги, возлагаемые на людей благодѣяніями, и игорные долги вообще неохотно выплачиваются.

Въ тонѣ, какимъ Зонненкампъ сначала хвалилъ Эриха за его идеальную филантропію, а потомъ предостерегалъ его на счетъ людскихъ пороковъ, звучала какъ будто отеческая заботливость. Основнымъ его правиломъ было: «для человѣка чловѣкъ — волкъ!»

Когда Эрихъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился Роландъ, тотъ встрѣтилъ его на порогѣ, протанувъ ему обѣ руки.

— Благодарю тебя, воскликнулъ мальчишекъ, за то, что ты поступокъ моего отца обратилъ на меня. Я не хочу болѣе имѣть денегъ. Пожалуйста, прости его за то, что онъ хотѣлъ вознаграждать тебя, какъ слугу.

Эриху стоило не малаго труда объяснить Роланду это собы-

те такъ, чтобъ, не извращая его природнаго здраваго смысла, сохранить въ немъ любовь и уваженіе къ отцу.

— Спрячь пожалуйста деньги, сказалъ Роландъ, и Эрихъ, понимая, какъ видъ ихъ долженъ былъ неприятно дѣйствовать на мальчика, поспѣшилъ запретить ихъ въ шкафъ.

— Подари мнѣ что-нибудь, попросилъ потомъ Роландъ.

— У меня ничего нѣтъ, отвѣчалъ Эрихъ... Но съ этой минуты да будетъ тебѣ извѣстно, что человѣкъ человеку можетъ дать нѣчто гораздо болѣе драгоцѣнное, чѣмъ все золото въ мірѣ. Мы съ тобой оправдаемъ на дѣлѣ пословицу, которая говоритъ: кто отъ насъ отрекается, тотъ никогда и не былъ нашимъ другомъ.

Роландъ внезапно поцѣловалъ Эриху руку, ту самую, которая приняла деньги. Эрихъ былъ врагъ сантиментальности, но теперь ему показалось, будто на его глазахъ внезапно распустился цвѣтокъ и впервые наполнилъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Цвѣтокъ этотъ былъ не что иное какъ сердце юности.

— Пойдемъ къ маіору, немного спустя сказалъ Роландъ. Ему видимо хотѣлось отдохнуть въ обществѣ человѣка, который ничего не зналъ о всей этой неурядицѣ на виллѣ и жилъ въ мірѣ съ самимъ собой и съ другими.

Они отправились къ маіору, но не застали его дома и пошли бродить по окрестностямъ. Начало смеркаться, а они все еще гуляли, изрѣдка обмѣниваясь словами и вернулись на виллу уже съ наступленіемъ ночи.

Зонненкампъ тоже провелъ вечеръ въ прогулкѣ по саду. Но внутри его все кипѣло и волновалось. Ему постоянно приходилось что-нибудь въ себѣ скрывать, подобно тому, какъ онъ скрывалъ теперь борьбу, вызванную въ его сердцѣ словами Эриха о свободномъ трудѣ. Кромѣ того ему казалось просто невероятнымъ, чтобъ онъ могъ оскорбить этого самаго Эриха, имя котораго намѣревался пригласить къ себѣ на виллу. Зонненкампу стало неловко при мысли, какъ люди, съ пріѣздомъ профессорши, начнутъ превозносить его доброту. Ахъ, еслибъ это действительно была доброта! Но онъ самъ хорошо зналъ, что побуждало его къ этому шагу. Всегда и вездѣ одно и тоже! Какъ это свѣтъ еще можетъ вѣрить въ добро? Но что же? Видъ нарумяненная вокетка знаетъ, что на щекахъ ея играетъ не натуральный румянецъ, но она довольствуется тѣмъ, что обманываетъ другихъ, и радуется и молодится.

Зонненкампъ выразилъ желаніе, чтобъ Пранкенъ занялся пріобрѣтеніемъ для него виллы, предназначаемой для совѣтницы. Но Пранкенъ дружески отъ этого уклонился и привелъ весьма

основательную причину своего отказа, находя впрочемъ весьма естественнымъ старанія Зонненкампа составить себѣ пріятное сосѣдство. А Зонненкамъ не зналъ, желать ему, или бояться этого сосѣдства. Онъ подозрѣвалъ, что Пранкенъ нарочно повелъ это дѣло издали, такъ чтобы и на его долю выпали нѣкоторыя выгоды. Но въ такомъ случаѣ неужели онъ, Зонненкамъ, дастся своему будущему зятю въ обманъ?

Слѣдующіе дни Зонненкамъ мало занимался домою и садомъ и почти не обращалъ никакого вниманія ни на Эриха, ни на Роланда. Онъ осматривалъ виллу и прилежація въ ней виноградныя горы и успѣлъ убѣдиться, что Пранкенъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ этимъ дѣломъ. Успокоившись съ одной стороны, Зонненкамъ былъ непріятно пораженъ съ другой, увидавъ, какъ ему еще плохо знакомы нравы и обычаи знати. Пранкенъ оказывался не такимъ человѣкомъ, чтобъ изподтишка хлопотать о своихъ выгодахъ.

«Винный графъ» тоже торговалъ виллу, съ цѣлью подарить ее будущему мужу своей дочери, сыну гофмаршала. Зонненкамъ, узнавъ объ этомъ, поторопился совершить вупчюу.

ГЛАВА VII.

НЕУДОВОВАРИМОЕ ДЛЯ ГОСТЯ.

Еслибъ извѣстіе о покупкѣ Зонненкампомъ новаго имѣнія могло проникнуть въ тюрьму Клауса, тотъ, безъ сомнѣнія, воскликнулъ бы: — «Ну, не говорилъ ли я, что онъ скупить всѣ берега Рейна!» Но бѣдняга рѣшительно ничего не зналъ.

Слѣдствіе между тѣмъ шло своимъ чередомъ. Судья былъ такъ любезенъ, что когда при составленіи новаго протокола понадобилось отобрать показанія отъ Эриха и Роланда, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ призывать ихъ къ себѣ, самъ явился на виллу. Вообще печальный, все еще не разъясненный фактъ воровства внесъ въ занятія мальчика гораздо больше беспорядка, чѣмъ этого можно было ожидать.

Другого рода развлеченіямъ тоже не предвидѣлось конца. Роландъ вдругъ объявляетъ Эриху:

— Графъ Вольфсгартенъ надняхъ даетъ большой обѣдъ. Отецъ и мать очень этимъ довольны, и мы съ тобой тоже приглашены.

Зонненкамъ дѣйствительно былъ очень доволенъ. Они съ Пранкеномъ порѣшили заинтересовать въ пользу своего дѣла

Клодвига, который былъ самымъ вліятельнымъ членомъ орденовой комиссіи.

Зонненкампъ стоялъ передъ большимъ, вѣланымъ въ стѣну нестарымъ шкапомъ, гдѣ у него хранились деньги. Здѣсь, думалъ онъ, собраны всѣ его обыкновенно побѣдоносныя силы, но на этотъ разъ онѣ не могутъ ему ничѣмъ помочь, и онъ долженъ ограничиться однѣми личными своими средствами. Съ минутой онъ даже отчаявался въ успѣхѣхъ, но потомъ гордо выпрямился: вѣдь удавались же ему другія дѣла — неужели счастье измѣнить ему теперь?

Въ день, назначенный для обѣда въ Вольфсгартенѣ, Зонненкампу пришлось выдержать тяжелую борьбу съ Церерой. Она непремѣнно хотѣла отправиться туда въ брильянтахъ, и даже фрейлейбъ Пэрини не могла ее отъ этого отговорить. Напрасно увѣряла она ее, что при дневномъ свѣтѣ никто не носитъ брильянтовъ: Церера плакала, какъ ребенокъ, и говорила, что въ такомъ случаѣ она лучше вовсе не поѣдетъ. Зонненкампъ просилъ ее пожалѣть графиню, брильянтовый уборъ которой стоилъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ менѣе ея. Онъ находилъ въ эту минуту неудачнымъ оскорблять Беллу и общалъ за то женѣ дать скорѣе праздникъ, на который ей будетъ позволено надѣть все, что она захочетъ. Но Церера стояла на своемъ и продолжала говорить, что лучше вовсе не поѣдетъ безъ брильянтовъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Зонненкампъ: въ такомъ случаѣ я немедленно отправлю въ Вольфсгартенъ верхового съ извѣстіемъ, что ты не будешь.

Онъ позвалъ конюха и тутъ же отдалъ ему приказаніе пойти сѣдлать лошадь и готовиться къ поѣздѣ въ Вольфсгартенъ.

Зонненкампъ ушелъ, а Церера угрюмо посмотрѣла ему вслѣдъ. Ей жаль было самое себя, и она не могла примириться съ мыслью что останется дома одна, между тѣмъ какъ всѣ другіе поѣдутъ на праздникъ. Немного спустя, она не вытерпѣла и побѣжала въ комнату Зонненкампа просить, чтобъ онъ отмѣнилъ привязаніе, данное слугѣ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что слуга, къ сожалѣнію, уже уѣхалъ. Тогда Церера начала его умолять послать ему въ догонку другого. Зонненкампъ долго не соглашался, потомъ сдѣлалъ видъ, будто сдается на просьбы жены, и самъ отправился на конюшню, гдѣ ему всего стоило только сказать конюху: «не сѣдай лошади, не надо.» Онъ еще никого не посылалъ въ Вольфсгартенъ, зная, что Церера, какъ капризное дитя, непремѣнно придетъ его просить объ отмѣнѣ перваго рѣшенія.

Навонецъ, они собрались и поѣхали.

Белла была очень довольна тѣмъ, что въ числѣ гостей ея находилась также и совѣтница. Сіячая красотой, любезная и пріятливая со всѣми, она особенно ласково обошлась съ Эрихомъ. Она подмѣтила его дурное расположеніе духа въ послѣднее посѣщеніе, и теперь хотѣла его задобрить. Онъ принималъ ея вниманіе съ благодарностью, но отъ нея, тѣмъ не менѣе, какъ отъ умной женщины не ускользнула его крайняя сдержанность.

Зонненкампъ, притаивъ дыханіе, зорко слѣдилъ за ними, какъ охотникъ, подстерегающій добычу. «Ловко же они играютъ», думалъ онъ. Хорошая слава этого дома до сихъ поръ камнемъ лежала у него на сердцѣ, но теперь онъ началъ свободнѣе дышать.

Въ Вольфсгартенѣ точно составилъ маленькій дворъ, при которомъ однако, вмѣсто обычной стѣснительности, замѣтна была извѣстнаго рода сельская свобода. Собранныя здѣсь лица тѣмъ довольнѣе были свидѣться, что явились сюда изъ деревенскаго затишья. Большинство гостей составляли отставные офицеры, и у нихъ въ петлицахъ нерѣдко мелькали красныя, синія, желтыя орденскія ленточки. Всѣ мужчины были завиты, а бороды ихъ тщательно выбриты. Наряды дамъ свидѣтельствовали, что онѣ не даромъ каждый годъ по нѣскольку недѣль проводили въ Парижѣ. Въ числѣ ихъ находилась одна французжена и изъ любезности въ ней разговоръ велся на французскомъ языкѣ.

Здѣсь былъ между прочимъ одинъ знаменитый, только-что вернувшійся изъ путешествія музыкантъ; онъ извѣздилъ много городовъ, вездѣ давалъ концерты, а теперь отдыхалъ въ домѣ товарища, который, женившись на богатой наслѣдницѣ, бывшей своей ученицѣ, купилъ на берегахъ Рейна прелестную виллу и поселился въ ней.

За исключеніемъ Эриха, Зонненкампъ и музыкантъ были, посреди всей собранной здѣсь знати, единственными представителями средняго сословія. Но музыканта возвышалъ его талантъ, а Зонненкампа милліоны. Что касается до «виннаго графа», то его уже почти можно было считать дворяниномъ. Онъ надняхъ ожидалъ диплома на свое новое достоинство, и всѣ это знали. Женихъ съ невѣстой тоже были приглашены; но утромъ въ самый день обѣда въ Вольфсгартенъ пришла записочка, извѣщавшая о нездоровьи жениха, который такимъ образомъ не могъ присутствовать на праздникѣ.

Въ числѣ гостей находился также и живописецъ, гостившій у «виннаго графа», гдѣ онъ уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль писалъ портреты жениха и невѣсты во весь ростъ. Живописецъ этотъ былъ въ большой модѣ. Онъ съ особеннымъ искус-

ствомъ изображалъ жемчугъ, кружева и сѣрый атласъ. Лица тоже ему большей частью удавались, но всегда имѣли синеватый оттѣнокъ. Его очень любили при дворѣ, и конечно онъ, а никто другой, долженъ былъ писать портреты съ прелестной невѣсты.

Русскій князь, совершенно естественно, привлекалъ на себя всеобщее вниманіе.

За обѣдомъ Зонненкампъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ Беллой, по другую сторону которой помѣщался молодой иностранецъ.

Зонненкампъ пустилъ въ ходъ свою артиллерію любезностей, въ которыхъ у него никогда не было недостатка. Но на этотъ разъ онѣ имѣли мало успѣха, такъ какъ Белла слушала его только однимъ ухомъ, стараясь уловить другимъ, что говорили Эрихъ и русскій.

Внезапно всѣ отдѣльные разговоры за столомъ смолкли. Князь обратился къ Зонненкампу и спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, невольниковъ въ Америкѣ тоже считаютъ душами?

— Я васъ не понимаю.

— У насъ, въ Россіи, крѣпостныхъ людей называли душами. У него столько-то сотенъ или тысячъ душъ, говорилось обыкновенно. Я и спрашиваю, также ли у васъ, въ Америкѣ?

— Нѣтъ!

— Нѣкоторые сомнѣваются, замѣтилъ Клодвигъ, дѣйствительно ли негры имѣютъ душу. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе дикихъ объ обезьянахъ, которыя, по ихъ понятіямъ, обладаютъ даромъ слова, но скрываютъ это изъ боязни, чтобъ ихъ не оставили работать.

Всѣ засмѣялись, а Клодвигъ продолжалъ:

— Самый ничтожный изъ греческихъ и римскихъ сосудовъ, который мы откапываемъ въ землѣ, непременно поражаетъ насъ своей изящностью. Негры, сколько мнѣ извѣстно, не создали ничего прекраснаго.

— Они, какъ говорится, вмѣшался князь, не изобрѣли сами даже и мышеловки.

— Да, подтвердилъ Клодвигъ. Теперь спрашивается: могутъ ли негры быть наслѣдниками общаго человѣческаго образованія, разъ, что они не наслѣдовали прекрасный человѣческій образъ, который перешелъ къ намъ отъ древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ? Могутъ ли они содѣйствовать дальнѣйшему развитію искусства, которое уже одно упрочиваетъ за людьми ихъ благородное происхожденіе, — могутъ ли создавать прекрасное, не имѣя возможности при этомъ руководствоваться собственной наруж-

ностью? Въ св. писаніи сказано: Богъ сотворилъ человѣка по образу и по подобію своему. Человѣкъ, въ свою очередь, создаетъ себѣ божество по своему образу и подобію, — а для негровъ это невозможно. Они, можетъ быть, современемъ и создадутъ что-нибудь для себя, но никогда для другихъ. Поэтому имъ какъ дѣтямъ, лишеннымъ наслѣдства, суждено всегда стоять отдѣльно, не имѣя ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ.

Зонненкамъ вдругъ точно выросъ: такъ говорить человѣкъ въ любви къ ближнимъ котораго никто не станетъ сомнѣваться!

— Прекрасно! воскликнулъ онъ. Въ Америкѣ мы не отличаемся сентиментальностью. Наши твердыя, ясныя понятія, школьная наука называетъ еретическими и кладетъ на нихъ клеймо безчеловѣчности. Но вѣдь и пресловутая гуманность тоже имѣетъ своихъ фанатическихъ приверженцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои инвизицію.

Зонненкамъ говорилъ небрежно, съ сдержанной насмѣшкой, — тономъ, который ясно показывалъ, какъ неумѣстнымъ казался ему вопросъ, поднятый княземъ. Клодвигъ счелъ нужнымъ его поддержать и началъ тихимъ голосомъ, который становился все громче и сильнѣе по мѣрѣ того, что онъ говорилъ:

— Кто умѣетъ спокойно и хладнокровно обсуживать историческія событія, тому виднѣнъ весь постепенный ходъ идеи, какъ она тихо, незамѣтно, въ теченіи долгаго времени, совершаетъ свою работу, и какъ, наконецъ, достигнувъ своего полнаго развитія, выражается въ событіи, съ которыми, повидимому, не имѣетъ ничего общаго. Но не слѣдуетъ забывать, что характеръ идеи чисто приготовительный, а у событія — положительный.

Белла, наклонясь къ князю, что-то ему очень тихо говорила. Клодвигъ догадался, что она извинялась за него въ томъ, что онъ, по обыкновенію, углубился въ тяжеловѣсныя разсужденія и логическіе выводы. По лицу его пробѣжала легкая судорога, онъ едва замѣтно закусилъ губу, но продолжалъ:

— Я убѣжденъ, что еслибъ союзники не взяли Севастополя, освобожденіе крестьянъ въ Россіи совершилось бы не такъ и еще не теперь, — а кто знаетъ, какъ и когда? И въ наше время, какъ въ былое, Саулъ идетъ отыскивать ослицу и вмѣсто нея обрѣтаетъ царство, — и это есть царство всемогущей идеи. Крымская война была предпринята съ цѣлью унижить Россію, а вмѣсто того, она побудила ее даровать крестьянамъ свободу и тѣмъ самымъ содѣйствовала ея внутреннему возрожденію. Это великія историческія событія, въ которыхъ мы ни при чемъ...

— Ваша идея для меня совершенно нова, прервалъ князь.

Но Клодвигъ продолжалъ.

— Мнѣ говорилъ русскій посланникъ, что во время крымской войны вдругъ распространился слухъ, будто всѣ сражающіеся подъ Севастополемъ и добровольно ополчающіеся для избавленія Россіи отъ нашествія союзниковъ, по окончаніи войны получать земли и будутъ свободными крестьянами. Никто не зналъ, откуда вышелъ этотъ слухъ, но его всѣ съ убѣжденіемъ повторяли. Идея освобожденія крестьянъ, дотолѣ жившая только въ книгахъ, газетахъ и въ высшихъ слояхъ общества, вдругъ перешла въ народную массу и стала быстро слагаться въ событіе, для полнаго осуществленія котораго не доставало только императорской воли.

Клодвигъ остановился. Онъ казался утомленнымъ, но послѣ минутнаго молчанія воскликнулъ:

— Это новое подтвержденіе стараго сказанія: мечъ да обратится въ плугъ.

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись, не понимая, какимъ путемъ Клодвигъ пришелъ въ этому заключенію. Одинъ Эрихъ смотрѣлъ вполне осмысленно и лицо его выражало восторгъ. Вдругъ чья-то рука коснулась его плеча. Эрихъ быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Роландъ.

— Ты мнѣ уже говорилъ нѣчто весьма похожее на это, сказалъ мальчишъ.

— Пойди на мѣсто и сиди смирно, шепнулъ ему Эрихъ.

Роландъ повиновался и все ожидалъ, когда Эрихъ на него взглянетъ. Наконецъ желаніе его исполнилось. Онъ взялъ стаканъ съ виномъ и сдѣлалъ Эриху знакъ, что пьетъ за его здоровье.

Белла на всѣхъ грустно поглядывала, видимо тяготясь разговоромъ, который казался ей въ высшей степени неумѣстнымъ за обѣденнымъ столомъ. Она сдѣлала знакъ Эриху, какъ бы прося его отвести рѣчь отъ столь ненавистнаго для нея предмета.

Въ это самое время слуга началъ разносить въ тонкихъ, изящныхъ рюмкахъ іоганнисбергское вино. Эрихъ, приподнявъ стаканъ, воскликнулъ:

— А какъ вы думаете, графъ, вѣдь древніе нивогда не пили такого вина изъ своихъ глиняныхъ кружекъ и кубковъ, которые мы теперь находимъ въ землѣ?

Белла одобрительно кивнула головой. Эрихъ остановился.

— А извѣстно ли намъ, живо подхватила она, что-нибудь положительное о винодѣліи древнихъ?

— Очень мало, отвѣчалъ Эрихъ. По всей вѣроятности, древ-

ніе и понятія не имѣли о крѣпости и возбуждательныхъ свойствахъ нашего вина. Они знали только одно прѣсное вино.

— Я не имѣю претензій на ученость, сказалъ Зонненкампъ но полагаю, что причину этому легко объяснить. Виноградная лоза, если ее не подстригать, никогда не дастъ такого сочнаго плода, какъ та, которую постоянно подрѣзають. Кромѣ того вино непременно должно храниться въ бочкахъ, иначе оно не можетъ ни вполне перебродить, ни достигнуть своей настоящей крѣпости.

— Бочки? спросилъ русскій князь: чѣмъ онѣ такъ полезны? Или дерево содѣйствуетъ очищенію вина?

— Я такъ думаю, отвѣчалъ Зонненкампъ. Кромѣ того бочка пропускаетъ въ себя воздухъ и тѣмъ самымъ поддерживаетъ и винѣ броженіе и даетъ ему возможность достигнуть надлежащей зрѣлости и крѣпости. Въ глиняныхъ же сосудахъ вино или задыхается, или по крайней мѣрѣ остается въ одномъ и томъ же положеніи.

— Какъ пріятно думать, замѣтила Белла, что успѣхи цивилизаціи содѣйствуютъ еще и тому, чтобъ доставлять человѣку болѣе полныя наслажденія.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ собой. Ему удалось встать высказать нѣсколько остроумныхъ замѣчаній и показать себя въ наилучшемъ свѣтѣ. Разговоръ опять пересталъ быть общимъ и раздробился на мелкія бесѣды съ разныхъ концовъ стола.

Вообще всѣ были оживлены: печали и заботы казались вполне забытыми и когда общество наконецъ встало изъ за-стола, на всѣхъ лицахъ игралъ румянецъ, во всѣхъ глазахъ свергало веселье.

ГЛАВА VIII.

САМЪ СЕБѢ ПОМОГАЙ.

Дамы удалились, а мужчины сидѣли въ саду и пили кофе. Князь, желая оказать любезность Зонненкампу, заговорилъ о своемъ намѣреніи посѣтить Америку. Клодвигъ его одобрилъ и выразилъ сожалѣніе, что самъ въ молодости тамъ не побывалъ.

— Я того мнѣнія, сказалъ онъ, что кто не былъ въ Америкѣ, тотъ не знаетъ вполне людей. Тамошняя жизнь пробуждаетъ въ человѣкѣ новую энергію; онъ крѣпнетъ въ борьбѣ за обладаніе міромъ и, какъ Робинзонъ, долженъ безпрестанно отыскивать въ самомъ себѣ новые источники силъ и знанія. На мои глаза Аме-

рика похожа на Грецію. Греція видѣла физическую наготу людей, Америка видитъ ихъ нравственную наготу. Нельзя сказать, чтобъ зрѣлище это всегда было пріятно, но оно предвѣщаетъ возможность возрожденія человѣчества.

Музыкантъ, тоже собиравшійся въ Америку, съ цѣлью давать тамъ концерты, затѣтилъ:

— Не понимаю, какъ это люди живутъ въ странѣ, почва которой не производитъ винограда, и гдѣ въ воздухѣ не поютъ жаворонки.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, графъ, сказалъ Эрнхъ: не находите ли вы страннымъ, что въ Америкѣ не изобрѣтено ни одно новое наименованіе? Тамъ рѣки, горы, города, люди, всѣ носятъ только тѣ названія, которыя, или даны имъ первобытными обитателями, или позже вывезены изъ Европы. Мнѣ представляется еще вопросъ: прибавилъ ли Новый Свѣтъ хоть одно нравственное правило въ тѣмъ, которыя у насъ уже и прежде существовали?

— Конечно прибавилъ и самое лучшее изъ всѣхъ, быстро проговорилъ Зонненкампъ.

— Самое лучшее? Какое?

— Оно заключается въ трехъ словахъ: «самъ себѣ помогай.»

Клодвигъ сомнительно покачалъ головой.

— Правило: «самъ себѣ помогай» сказалъ онъ, взятое въ строгомъ смыслѣ, гораздо болѣе относится къ животнымъ, нежели къ людямъ. Каждое животное изъ всѣхъ силъ старается себѣ помогать. Какъ противодѣйствіе общественному злу, извѣженной морали, которая во всемъ полагалась на государство и искала существовать на его счетъ,—правило это конечно имѣетъ значеніе. Кромѣ того оно весьма пригодно въ путешествіи, для одинокаго странника, но лишь только этотъ странникъ превращается въ осѣдлаго жителя какой-либо страны, на него тотчасъ возлагаются обязанности въ отношеніи къ другимъ. Въ западной Америкѣ знаменитое «самъ себѣ помогай» не имѣетъ никакого значенія: тамъ сосѣди много другъ другу помогаютъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ правило это еще можетъ служить отдѣльнымъ личностямъ, но никогда цѣлому обществу, классу или сословію людей. Крѣпостные крестьяне, напимѣръ, невольники не могутъ сами себѣ помогать. Нравственная солидарность предписываетъ другое. Помогай ближнему, говоритъ она, какъ ближній помогаетъ тебѣ, а помогая себѣ, ты въ тоже время помогаешь и другимъ.

Такимъ образомъ разговоръ, показавшійся неумѣстнымъ за столомъ, былъ снова возобновленъ, и на этотъ разъ никто и не думалъ его прерывать.

— Всякій народъ, продолжалъ Клодвигъ, чтобъ занять мѣсто въ исторіи, долженъ внести въ нее какую-нибудь идею, надъ осуществленіемъ которой ему предстоитъ трудиться. Америка, мнѣ кажется, призвана совершить великое дѣло, а именно уничтожить въ мірѣ рабство. Но это, какъ я уже и говорилъ, все-таки будетъ только осуществленіе идеи, которая въ теченіи долгаго времени совершала и наконецъ окончила свое дѣло подготовки. А мы добиваемся того, создала-ли Америка какое-либо новое нравственное начало?

— Такое начало, шутливо замѣтилъ Пранкенъ, заключается можетъ быть въ швейной машинѣ.

Всѣ засмѣялись

— Мнѣ кажется, сказалъ Эрихъ, что изреченіе «самъ себѣ помогай», есть не что иное, какъ выраженіе нравственнаго принципа. У насъ, въ Европѣ, люди пріобрѣтаютъ себѣ положеніе и богатства или чрезъ наслѣдство, или посредствомъ милостей, разсыпаемыхъ на нихъ герцогами и государями. Въ Америкѣ человѣкъ ничѣмъ не хочетъ быть обязанъ другому и желаетъ для себя только того, что самъ себѣ можетъ дать безъ всякой посторонней помощи. Изреченіе «help yourself» между прочимъ далеко не лишено смысла, если его противопоставить вѣрованію, дѣлающему изъ человѣка нѣчто въ родѣ товарнаго тюка, который черезъ посредника препровождается къ мѣсту своего небеснаго назначенія. Ты—человѣкъ, не чемоданъ, набитый правилами и законами, крѣпко стянутый ремнями и отмѣченный клеймомъ духовной таможи,—ты живой, свободный пассажиръ и долженъ самъ о себѣ заботиться. Мы, нѣмцы, имѣемъ пословицу, весьма близко подходящую къ изреченію: «самъ себѣ помогай». Пусть, говоримъ мы, всякій самъ несетъ свою шкуру на рынокъ.

— Могу я тоже сдѣлать вопросъ? неожиданно для всѣхъ произнесъ Роландъ.

Всѣ были поражены, а Зонненкампъ и Эрихъ въ особенности.

— Говори, что ты думаешь? сказалъ Эрихъ.

— Когда графъ упомянулъ о наслѣдникахъ образованія, мнѣ очень хотѣлось спросить, почему можемъ мы знать, что образованіе наше истинное?

Мальчикъ говорилъ робко и нерѣшительно. Эрихъ старался его ободрить.

— Ну, продолжай, сказалъ онъ: вырази свою мысль полнѣе.

— Китайцы и турки можетъ быть считаютъ насъ варварами.

— Ты хочешь знать, помогъ ему Эрихъ, гдѣ тѣ несомнѣнные признаки, по которымъ можно безошибочно сказать, что тотъ или другой народъ, то или другое время, религія, или человѣкъ

попали въ струю историческаго всемірнаго образованія?—и между ними завязался діалогъ.

— Да, именно это, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Хорошо. Подумай, чѣмъ отличается образованный чело-
вѣкъ отъ необразованнаго?

— Тѣмъ, что онъ здраво мыслить и ясно понимаетъ вещи.

— Такъ, но откуда это у него берется?

— Онъ это почерпаетъ изъ самого себя.

— А посредствомъ чего онъ изощряетъ и пополняетъ свои
взгляды и понятія?

— Посредствомъ сравненія.

— Съ чѣмъ?

— Съ мыслями великихъ людей.

— А въ чемъ онъ познаетъ истину: въ согласіи, или про-
тиворѣчіи своихъ взглядовъ съ понятіями другихъ?

— Въ согласіи.

— А гдѣ находятся эти другіе?

— Всюду вокругъ него.

— А до него жили люди, или нѣтъ?

— Конечно, жили.

— А можемъ мы сравнивать наши мысли и взгляды съ мыс-
лями и взглядами нашихъ предшественниковъ? Можемъ мы у
нихъ учиться?

— Да, на то у насъ есть письменность.

— Хорошо. Когда человѣкъ или народъ, обладая извѣстной
степенью развитія или образованія, однако не находится въ связи
ни съ однимъ изъ предшествовавшихъ ему народовъ, — что тогда
можно сказать про такого человѣка, или про таковой народъ?

— Что у нихъ нѣтъ наслѣдства.

— Я не ожидалъ этого отвѣта, но принимаю его. Хорошо.
Теперь скажи же: человѣкъ или народъ, не наслѣдовавшій отъ
своихъ предшественниковъ ихъ образованія, что онъ — стоитъ въ
связи съ человѣчествомъ, или особнякомъ отъ него?

— Особнякомъ.

— Вотъ мы и добрались, узнали, что стоимъ въ центрѣ ис-
тиннаго образованія, и занимаемся его продолженіемъ, — и это
потому что мы наслѣдники прошлаго. Мы приняли образованіе
отъ персовъ, іудеевъ, египтянъ, грековъ и римлянъ и ведемъ
его далѣе. Ни турки, ни китайцы этого не дѣлаютъ и не мо-
гутъ дѣлать: они въ исключительномъ положеніи и замѣнуты въ
самыхъ себѣ. Мы, нѣмцы, можемъ безъ хвастовства сказать, что
стоимъ во главѣ образованія. Ни одинъ другой народъ не содѣй-
ствовалъ столько его успѣхамъ, сколько нѣмцы, или лучше ска-

затѣ все германское племя, къ которому принадлежать также и твои соотечественники.

— Bravo, bravo! воскликнулъ Клодвигъ. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Клодвигъ подошелъ къ Зонненкампу.

— Никогда рекомендація не была справедливѣе, сказалъ онъ, какъ въ тотъ день, когда я вамъ рекомендовалъ капитана. Вы правы, господинъ Зонненкампъ: изреченіе «самъ себѣ помогай» заключаетъ въ себѣ великое новое—если не нравственное, то во всякомъ случаѣ педагогическое начало. Нашъ другъ учить вашего сына самому себѣ помогать въ томъ, что составляетъ высшую задачу жизни: это новая сокровенная метода.

Эрихъ и Роландъ сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Князь подошелъ къ Эриху и пожимая ему руку, сказалъ:

— Вы настоящій учитель!

Между тѣмъ явился посланный отъ дамъ и пригласилъ мужчинъ пожаловать къ нимъ въ залу. Съ ихъ появленіемъ, не замедлило водвориться веселье. Одинъ австрійскій офицеръ, женатый на дочери негоціанта, которую такимъ образомъ вывелъ въ знать, презабавно пѣлъ комическія пѣсни. Пранкенъ показавъ нѣсколько фокусовъ, которымъ нарочно учился у фокусника, а въ заключеніе музыкантъ игралъ на старой скрипкѣ Клодвига.

Зонненкампъ, сидя вмѣстѣ съ Клодвигомъ въ уголѣ залы, защищенномъ отъ сквозного вѣтра, подумалъ, что настала удобная минута коснуться предмета, который теперь его больше всего занималъ. Онъ съ благодарностью упомянулъ объ участіи, какое Клодвигъ всегда выказывалъ къ Роланду, а потомъ съ отеческой заботливостью продолжалъ, говоря, что ему самому ужъ болѣе ничего не нужно въ жизни и что всѣ его желанія теперь клонятся единственно къ тому, чтобъ навсегда упрочить за Роландомъ почетное мѣсто въ обществѣ. Клодвигъ выразилъ увѣренность, что примѣръ и уроки Эриха со временемъ разовьютъ въ мальчикѣ самостоятельность, строгое пониманіе жизни и вообще такія качества, которыя непременно откроютъ ему доступъ въ общество людей высшаго круга.

Слова: «общество людей высшаго круга» возбудили всю энергію Зонненкампа. Но Клодвигъ дѣлалъ видъ, будто не понимаетъ куда Зонненкампъ мѣтитъ, и тотъ былъ такъ этимъ озадаченъ и смущенъ, что вмѣсто того, чтобъ прямо обратиться къ Клодвигу за содѣйствіемъ, сталъ просить у него совѣта. Клодвигъ самымъ рѣшительнымъ тономъ и даже въ рѣзкихъ выраженіяхъ посоветовалъ лучше и не начинать этого дѣла. Неблаговиднѣе, говорилъ онъ, стараться проникнуть въ отживающее учрежденіе, гдѣ, къ тому же, никогда не будешь себя чувствовать вполне

дома. Зонненкампу ничего болѣе не оставалось, какъ поблагодарить. А Клодвигъ воспользовался первой удобной минутой, чтобъ присоединиться къ другимъ гостямъ.

Всѣ начали еще за-свѣтло разбѣзжаться. Зонненкампъ посадилъ Роланда въ экипажъ къ матери, не желая вторично испытать на себѣ ея дурное расположеніе духа. Онъ видѣлъ, какъ взоры ея безпрестанно съ неудовольствіемъ обращались на богатое жемчужное ожерелье Беллы, и предпочелъ совершить обратный путь вмѣстѣ съ Эрихомъ и маіоромъ.

— Вотъ оно, нѣмецкое общество! сказалъ Зонненкампъ до-рогой. Нашъ почтенный хозяинъ сильно смахиваетъ на стараго профессора.

Никто ему не отвѣчалъ.

Затѣмъ Зонненкампъ по-англійски похвалилъ Эриха за таять, съ какимъ онъ въ присутствіи такого молодого мальчика, какъ Роландъ, остерегался высказывать свою короткость съ графомъ и съ его красавицей женой. Положивъ руку Эриху на плечо, онъ прибавилъ:

— Молодой человѣкъ, я могъ бы вамъ позавидовать. Я знаю, вы станете отпираться, но тѣмъ не менѣе приношу вамъ свое поздравленіе. Старый графъ правду говорить: изрѣченіе «самъ себѣ помогай» — не есть выраженіе какаго-нибудь нравственнаго принципа.

Эрихъ могъ только учтиво отклонить отъ себя поздравленіе. Онъ чувствовалъ себя жестоко наказаннымъ за мысленно совершенный проступокъ и находилъ большое утѣшеніе въ томъ, что могъ себѣ сказать: «Да, я на дѣлѣ выполнилъ поговорку: самъ себѣ помогай».

Зонненкампъ тоже думалъ объ этихъ словахъ, и ему становилось досадно. Теперь у него было на рукахъ дѣло, съ которымъ онъ одинъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать; ему была нужна посторонняя помощь. Онъ искалъ почетнаго положенія въ свѣтѣ, котораго нельзя приобрѣсти, такъ какъ приобрѣтаются богатства. Тутъ необходима чужая помощь, но вотъ на первомъ же шагу встрѣчается затрудненіе: человѣкъ самый сильный, тотъ, который всѣхъ болѣе могъ бы быть ему полезенъ, отказываетъ ему въ своемъ содѣйствіи. Клодвигъ, какъ оказывалось, ничѣмъ нельзя было привлечь на свою сторону.

В. АУЭРВАХЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ

0

ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ.

I*).

Недалеко еще то время, когда народился вопросъ о правахъ женщины; при первомъ своемъ появленіи онъ былъ не понятъ и откинутъ, какъ химера, потомъ преданъ на посмѣяніе; а между тѣмъ, въ наши дни, не взирая на брошенную въ него массу предразсудковъ и сарказмовъ, онъ поднимается и въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ, и съ каждымъ днемъ растетъ.

Родился этотъ вопросъ въ ту же эпоху, когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, была вообще обновлена жизнь старой Европы. Но человѣчество рѣдко обнимаетъ вдругъ весь смыслъ своихъ открытій. Среди того страстнаго порыва, который сбиль столько оковъ, который въ рабѣ призналъ человѣка и въ закрѣпощенномъ крестьянинѣ — гражданина, женщина осталась забытою, 0

---

*) Приобрѣта въ рукописи у извѣстной французской писательницы, Андрѣ Лео, новую ея повѣсть, которая будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книгъ, мы получили отъ автора вмѣстѣ предложеніе доставить въ редакцію особую статью по вопросу, который въ послѣднее время такъ сильно занимаетъ общественное мнѣніе. У насъ, а заграницею давно уже обратилъ вниманіе на себя и въ литературѣ, и въ разныхъ сферахъ общественной и официальной жизни. Въ русскомъ переводѣ мы позволили себѣ опустить только то мѣсто, гдѣ авторъ оспариваетъ несправедливое положеніе женщинъ по французскому законодательству, которое въ этомъ отношеніи стоитъ ниже нашего.

Ред.

ней и не подумали. Нашелся, впрочемъ, свѣтлый и возвышенный умъ, который прозрѣвалъ дальше своего времени, но и до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству, умъ, вникшій въ то, о чемъ не догадывались другіе. Это былъ — Кондорсѣ, и вотъ что онъ писалъ:

«Люди — говорить онъ — могутъ свыкнуться до такой степени съ нарушеніемъ своихъ естественныхъ правъ, что въ самой средѣ тѣхъ, чьи права нарушены, никто и не думаетъ потребовать возстановленія ихъ, даже не сознаетъ совершенной вадъ нимъ несправедливости. Есть такія правонарушенія, которыя ускользнули отъ вниманія даже философовъ и законодателей, въ то самое время, когда они съ наибольшимъ рвеніемъ старались опредѣлить общія права личности и человечества и обратить ихъ въ единственную основу политическихъ учрежденій. Напримеръ, не нарушенъ ли всѣми нами принципъ равноправности, когда мы преспокойно лишили цѣлую половину человечества права участвовать въ учрежденіи законовъ, отстранивъ женщинъ отъ пользованія правомъ гражданства?..... Чтобы такое отстраненіе не было актомъ насилія, предстояло бы доказать одно изъ двухъ: не тождественность естественныхъ правъ женщинъ съ правами мужчинъ или неспособность женщинъ къ пользованію этими правами.

«Но права человѣческой личности истекаютъ единственно изъ ея разумности, изъ того факта, что человѣкъ способенъ усвоивать нравственныя идеи и вырабатывать ихъ своимъ сужденіемъ. А такъ какъ женщинамъ присущи эти свойства, то по природѣ онѣ должны быть равноправны. Или ни одна человѣческая личность не имѣетъ дѣйствительныхъ правъ, или всѣ должны быть равноправны; при вслѣднемъ положеніи, всѣ, кто подаетъ голосъ противъ чужой равноправности — каковы бы ни были его вѣра, цвѣтъ кожи и полъ — тѣмъ самымъ опровергаютъ разумность собственныхъ своихъ правъ....»

Это сужденіе Кондорсѣ не нашло ни приверженцевъ, ни противниковъ. Оно было отнесено въ области чистой философіи, а тогдашніе революціонеры, хотя и происходили отъ философовъ, во сами философствовали весьма мало. Принявъ дѣятельное участіе въ большой французской революціи, но не бывъ признаны ею, женщины сами утратили ея смыслъ, который, впрочемъ, и самъ по себѣ исказился, а скоро онъ же и задушили ее. Брошенные въ революцію изъ ненависти къ насилію, женщины тормозили ее, какъ потому, что революція привела къ насилію, такъ и изъ жалости къ жертвамъ, изъ усталости отъ дикростей и проскрипціонныхъ мѣръ. Во имя человечества, революція

такъ ужасно попрапа человѣчность, а во имя свободы довела тираннію до того, что утратился исходный ея порывъ, потерялось сознание цѣли, а ориентироваться было нѣгдѣ. Женщины обернулись къ старинѣ, разочаровавшись въ новомъ положеніи дѣлъ. Тогда католицизмъ, который одинъ знаетъ хорошо могущество женщинъ, пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы завлечь ихъ на свою сторону: онъ обновилъ для женщинъ свой духъ, сталъ романтичнымъ, окружилъ себя поэзіею и благоуханіемъ.

Однакожь разумъ опять-таки нашелъ свой путь. Вопреки католической церкви и предрасудкамъ, женщины снова обратились къ литературѣ и къ философіи. Въ каждомъ движеніи есть роздыхи; но отъ одного этапа къ другому путь ведетъ все-таки впередъ. Женщины воспользовались словомъ освобожденія ихъ, которое было произнесено Сен-Симономъ, и изъ ряда наиболѣе умныхъ и прямодушныхъ, вышли защитницы правъ женщины.

Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ ходячія оговорки, исторія женщинъ есть исторія всего человѣчества. На площади голосъ ихъ раздастся только въ исключительные моменты громаднаго раздраженія, въ обыкновенное же время трудно опредѣлять ихъ вліяніе. Но важнѣе всего вопросъ: каковаго рода вліяніе ихъ предпочтительно: инстинктивное ли, или направленное разумно? Лучше ли, чтобы оно дѣйствовало прямыми или извилистыми путями, при свѣтѣ солнца, или въ тѣни?

II.

1830-ый годъ у насъ, во Франціи, былъ пробужденіемъ. Тогда женщина проникла всюду, и въ литературу, и въ социализмъ, и даже въ возстанія. Противъ ея порыва пущена была въ ходъ насмѣшка. Въ писательницъ бросили кличку *bas-bleus*, кличку, на первый взглядъ только странную, но заключающую въ себѣ смыслъ вѣрный: женщина, дѣйствительно, тѣмъ болѣе отдаляется отъ кокетства, чѣмъ болѣе вырабатываетъ въ себѣ умъ. Такъ-то тогдашнее общество, пробавлявшееся компромиссами, поверхностное и мѣщански-аристократичное, жившее со дня на день, безъ связи съ прошлымъ, безъ заботы о будущемъ, блестящее, но нерасположенное къ глубокому мышленію, — клеймило въ женщинѣ стремленія дѣльные, а пустоту считало добродѣтелью. Эти насмѣшки оказали не малое вліяніе въ томъ смыслѣ, что образованіе дѣвушекъ не подвинулось впередъ; государство оставило его въ полномъ пренебреженіи; насмѣшки эти изъ многихъ мужчинъ

подъѣзжали Кризалеи¹⁾), женщинамъ крѣпче надвинули на глаза повязку католицизма и предрасудка, и заставили ихъ же произвестъ два послѣдствія, которыя продолжаются и теперь и будутъ продолжаться еще нѣкоторое время: женщины честныя, преданныя домашней жизни по убѣжденію, затормозили прогрессъ въ обществѣ и стали душить всякій порывъ впередъ, какъ бы чистъ и благороденъ онъ ни былъ, а женщины, преданныя роскоши или торгующія собою, подорвали, съ успѣхомъ, даже нравственность частной жизни. Но не слѣдуетъ забывать, что во всемъ этомъ безнравственный элементъ представляется не однѣми женщинами, и не преимущественно женщинами. Женщина идетъ за волею мужчины, а поступаетъ она такъ потому, что находится въ положеніи зависимомъ. Вина въ распущенности общества, въ пошлости — обоюдная.

Къ счастью, въ человѣческой проницательности есть нѣчто фаталистическое; она можетъ заблуждаться, но въ концѣ концовъ возвращается на путь прямой. Въ настоящемъ случаѣ задачу разъясненія взялъ на себя романъ. Романисты раскрыли язвы современнаго общества, и оно поняло ихъ лучше, чѣмъ философовъ, потому что они, вмѣсто умозрѣній, изъяснялись фактами. Они показали, какъ женщина дѣлается жертвою обмана, какъ приносится въ жертву ребенокъ, какъ, въ низшихъ слояхъ общества, нищета ведетъ къ воровству, убійству и разврату, а въ высшихъ слояхъ ведетъ къ тому же жадность къ наживѣ. Ж. Сандъ, Бальзакъ, Э. Сю, исполнили свое призваніе рядомъ съ Сен-Симономъ, Кабё и Фуррьё. Вездѣ выставлялись наружу недостатки брака на ряду съ бѣдствіями пролетаріата. Но—что бы ни говорили консерваторы, которымъ дороже всего одна форма — на семейство нападали не для того, чтобы разрушить, а чтобы преобразовать его, точно такъ, какъ съ тою же цѣлью прежде нападали на государство. Такимъ-то образомъ, дѣло революціи повели дальше того пункта, на которомъ она остановилась, и на которомъ она не могла не остановиться, такъ какъ собственно политическій переворотъ не могъ пойти далѣе, чѣмъ зашла она.

Этотъ вопросъ о положеніи женщины, объ устройствѣ семейныхъ отношеній является на сцену позже другихъ по самой глубинѣ своей и трудности рѣшенія. Сами республиканцы передъ нимъ остановились и, надо замѣтить, что въ ихъ-то рядахъ вопросъ этотъ встрѣтилъ наиболѣе ярыхъ противниковъ; республи-

¹⁾ *Cryzale*, въ «*Femmes Savantes*» Мольера, декламируетъ противъ научнаго образованія женщинъ (собственно говоря, противъ карикатуры его въ современномъ кружкѣ отца Рамбулля).

канцы по этому вопросу превращались въ строгихъ консерваторовъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло, потому что республиканцамъ, какъ всякой политической партіи, всего дороже была форма, и для осуществленія этой формы они стремились захватить власть, силу. Настоящій республиканецъ еще не родился. Тѣ, которыхъ мы видѣли, дѣйствовали скорѣе какъ инсургенты, чѣмъ какъ преобразователи. Они вѣрили въ силу, въ диктатуру; они стыдились только повиноваться, но не стыдились повелѣвать; своей гордости они не распространяли на всѣхъ; имъ недоставало и любви, и справедливости.

Вотъ почему притязанія женщинъ казались и неприличными, и смѣшными. Каждому изъ республиканцевъ хотѣлось имѣть-таки свое маленькое королевство; они не желаютъ быть подданными, но вѣдь это только потому, что чувствуютъ себя достойными быть властелинами. Логика, до сихъ поръ, — вещь еще далеко не вульгарная, общепринятая: въ душѣ человѣка, изъ ненависти къ деспотизму еще не истекаетъ непременно логическое послѣдствіе — любовь къ свободѣ.

III.

До 1848 года, одни социалисты провозглашали *право* женщины. Между женщинами въ тотъ годъ была агитація, но слабая; устроился женскій клубъ, на который, конечно, обратились насмѣшки, хотя онъ не былъ смѣшнѣе иныхъ клубовъ. Сами социалисты были такъ мало приготовлены ко вступленію женщины въ политическую дѣятельность, что кандидатура Жанны Дервенъ (Derwin) нашла только очень немногихъ приверженцевъ въ самой ея партіи, а самъ Пьеръ Леру, бывшій тогда мэромъ въ Буссажѣ, принялъ требованіе Полины Роланъ, о внесеніи ея имени въ избирательный списокъ, почти столь же немилостиво, какъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ всякій иной мэръ. Книга Легувэ о женщинѣ произвела нѣкоторое впечатлѣніе, быть можетъ, потому именно, что представляла скорѣе крикъ великодушнаго протеста противъ крайностей злоупотребленія силою, и обращеніе къ жалости, — чѣмъ заявленіе правъ.

Декабрьскій переворотъ наложилъ молчаніе на этотъ вопросъ, какъ и на всѣ другіе. Пренія снова открылись не ранѣе 1857 г., и именно двумя книгами: *La Justice dans la Révolution*, Прудона, въ которой онъ осыпалъ женщину грубыми оскорбленіями, и *L'Amour et la Femme*, въ которой Мишлэ, въ иной, льстивой формѣ, оскорблялъ женщину не менѣе. Имъ энергически воз-

разали: *Les Idées anti-proudhoniennes*, подписанное Жюльеттою Ламбёръ, и *La Femme affranchie* г-жи д'Эрикуръ. Это были полны здраваго смысла и сильныя логикою и ироніею возраженія Прудону, Мишлè, Огюсту Конту и всѣмъ отрицателямъ женской полноправности. Но книги эти были слишкомъ серьезны, чтобы сдѣлаться популярными и противостать съ успѣхомъ ученымъ писателей съ такими именами. Нѣкоторые приписываютъ книгѣ Мишлè вліяніе въ смыслѣ смягченія отношеній супружеской жизни. Это сомнительно; во всякомъ случаѣ прочную гарантію противъ эгоизма власти можетъ представлять только приобрѣтенное положительное право, а не милостивое расположеніе ея самой.

Однимъ словомъ, до сихъ поръ женщина изъ всѣхъ плодовъ революціи воспользовалась только однимъ: измѣненіемъ закона о правахъ наслѣдства, да еще приобрѣла недостаточное покровительство закона противъ публичныхъ обидъ. Быть можетъ, теперь ее даже менѣе уважаютъ; во всякомъ случаѣ, на ея права теперь болѣе нападаютъ, потому именно, что они невольно прокрадываются въ сознаніе; въ ней не хотятъ признать равную, но смотрятъ на нее какъ на противницу.

Въ 1858 году, по инициативѣ г. Арлесъ-Дюфура, ліонская академія объявила конкурсъ на вопросъ: «о средствахъ къ уравненію заработной платы женщинъ съ заработной платою мужчинъ, при равной работѣ, а также къ расширенію круга дѣятельности женщинъ». Этотъ конкурсъ вызвалъ дѣльную и правдивую записку, которая появилась потомъ въ печати съ заглавіемъ: *La femme pauvre au XIX-me siècle*. Авторомъ ея была молодая, вѣжливая и бѣдная дѣвушка M-lle Daubie; она, въ дополненіе къ мнѣнію, подала и примѣръ: два года спустя, она выдержала въ ліонскомъ филологическомъ факультетѣ экзаменъ и получила дипломъ на степень бакалавра словесности. Ея примѣру послѣдовали другія: г-жа Шеніо получила степень бакалавра (магистра) словесности и лиценціата (кандидата) математическихъ наукъ; такіе примѣры не рѣдки. Въ настоящее время слушаютъ курсъ медицинскаго училища въ Парижѣ двѣ французенки, одна русская и одна американка; чтобы достигнуть этого, онѣ должны были преодолѣть не мало затрудненій и разочарованій.

Книга Жюля Симона: *L'Ouvrière*, также какъ и книга г-жи Daubie, излагаетъ нищету матеріальную и умственное убожество, на которое осуждаютъ женщину. Въ этой книгѣ есть факты, которыя должны бы, кажется, поразить ужасомъ общество, еслибы оно было серьезно и нравственно, или, если бы оно думало хотя о самосохраненіи.

Факты эти можно резюмировать въ цифрахъ. Средній заработокъ женщины въ Парижѣ составляетъ 1 франкъ 10 сантимовъ въ день; многія получаютъ не болѣе 60 сантим. Въ Парижѣ находится отъ семи до восьми тысячъ женщинъ промышленяющихъ развратомъ открыто; тайная проституція не входитъ сюда въ расчетъ. Во Франціи считается 1 м. 500,000 незаконнорожденныхъ; дѣтубійства составили тоже изрядную цифру.

Эти ужасныя цифры много разъ были обнародываемы и не одними социалистами, но и оффиціальными писателями, а между тѣмъ, въ виду этой ужасной гибели въ людяхъ началъ чести и справедливости—у насъ все еще есть консерваторы!

Но вопросъ о правѣ женщинъ недаромъ распространяется въ воздухъ; въ настоящее время онъ поставленъ вездѣ. Известно, что въ англійской палатѣ общинъ 73 члена подали голосъ въ пользу предложенія Стюарта Милля, клонившагося къ признанію за женщинами избирательнаго права; что 5,000 женщинъ заявили требованія о внесеніи ихъ именъ въ избирательные списки; что въ числѣ краснорѣчивыхъ подвижниковъ этого дѣла находится миссъ Лидія Бичеръ, и что для защиты этой мысли создались и общества, и журналы.

Въ Германіи идутъ инымъ путемъ, но къ той же цѣли: нравственное, интеллектуальное и ремесленное образованіе женщинъ обращаетъ на себя общее вниманіе, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя учрежденія, двѣ спеціальныя газеты и конгрессы, на которые собираются просвѣщеннѣйшіе мужчины и женщины Германіи.

Въ Италиі, вопросъ о непризнанныхъ правахъ цѣлой половины народа былъ также представленъ парламенту. Въ Италиі тоже основана съ этой цѣлью спеціальная газета: *La Donna*, редактируемая г-жами Беккари, Модзони и др. Въ Португаліи выходитъ *a Voz feminina*.

Въ Швейцаріи, на конгрессѣ друзей мира и свободы, происходившемъ въ Бернѣ, въ прошломъ году, вопросъ о равноправности женщины былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ лучшими представителями европейской демократіи единогласно, хотя по инымъ вопросамъ далеко не оказалось подобнаго единодушія. Вслѣдствіе такого рѣшенія центральный комитетъ принялъ въ число своихъ членовъ г-жу Марію Геггъ (Goegg), которая недавно основала въ Женевѣ *Le Journal des femmes*.

Въ Соединенныхъ Штатахъ движеніе началось съ 1848 года. Оно вышло изъ кружка тѣхъ самыхъ аболиціонистовъ, которые поставили себѣ задачею освобожденіе невольниковъ. Изъ числа представительницъ мысли о равноправности женщинъ назовемъ

Джурджию Моттъ, Уильяма Гаррисона, Люри Стонъ, Уэнделля Филлипса, Елисавету Стантонъ. Началась дѣятельная пропаганда въ видѣ митинговъ, чтеній, брошюръ. Въ ней отличались: Каролина Долль, Анна Диккинсонъ, Генри Уордъ Бичеръ и др. Во время опасности, угрожавшей націи, женщины явились ревностными патріотками, не дожидаясь титула гражданокъ. Въ тоже время, по недостатку чиновниковъ въ гражданскихъ управленіяхъ, туда получили доступъ женщины, и вопросъ, на практикѣ, сдѣлалъ такимъ образомъ немаловажный шагъ впередъ. Между тѣмъ, Елисавета Блэуэулль первая завоевала для женщинъ право доступа въ медицинскую профессію. Будучи единодушно признаваемы въ качествѣ наставницъ, допущенныя въ нѣкоторой степени къ занятію административныхъ должностей, женщины въ Соединенныхъ Штатахъ почти болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сдѣлали для приближенія равноправности своего пола.

Здѣсь, во Франціи, вопросъ не заглохъ, не смотря на встрѣченныя противодѣйствія. Замѣчательно, что даже насмѣшка, это столь страшное у насъ оружіе, притушается передъ этимъ вопросомъ, касающимся слишкомъ глубокихъ интересовъ. При существованіи поголовной подачи голосовъ, стали, наконецъ, находить нелогичнымъ лишеніе правъ цѣлой половины народа. Демократія не все равно, будетъ ли эта половина народа за или противъ нея, будетъ ли воспитываться на лонѣ церкви или въ средѣ современныхъ идей? Республиканцы—и тѣ убѣдились, наконецъ, въ серьезной хотя бы только необходимости преобразовать воспитаніе женщинъ, не для нихъ самихъ конечно, а съ тѣмъ, чтобы онѣ могли воспитывать изъ своихъ дѣтей себѣ преемниковъ.

Вопросъ о правѣ женщинъ такъ сильно занимаетъ у насъ умы, такъ современенъ, что онъ именно былъ предметомъ первыхъ преній, которыми открылось здѣсь право общественныхъ сходокъ. Эти сходки въ самомъ дѣлѣ народны. Классъ буржуазіи имѣетъ на нихъ мало представителей, буржуа являются туда рѣдко и только изъ любопытства: сюда относятся журналисты, экономисты и т. д. Но масса участвующихъ принадлежитъ къ категоріи мелкихъ торговцевъ и той избранной части рабочихъ, которые послѣ дневного труда съ истинно-геройскимъ усиліемъ берутся за ученіе. Въ этой средѣ новыя идеи, стремленіе къ справедливости въ государствѣ, къ дѣйствительной равноправности всѣхъ его членовъ, находятъ живое вниманіе и откликъ.

Въ этихъ-то собраніяхъ обсуждался, въ продолженіе около трехъ мѣсяцевъ общій вопросъ о правѣ женщинъ подъ названіемъ: «о женскомъ трудѣ». Здѣсь прудонисты предъявили всѣ свои аргу-

менты противъ равноправности женщинъ: слабость ея, фізіологическія особенности, дѣлающія ее неспособною къ усиліямъ, вредное вліяніе мастерской на ея характеръ, выводъ отсюда извѣстенъ: заключить женщину въ обязанности исключительно-домашнія, предоставивъ мужу кормить это существо, «созданное не для труда, а для любви, и повелѣвать имъ». Напрасно имъ возражали, что свобода необходима для самой нравственности, что безъ свободы нѣтъ истиннаго сознанія достоинства личности. Они отвѣчали избитыми антитезами; «мужчинѣ — сила и разумокъ, женщинѣ — грація и чувствительность; мужчинѣ — возвышенныя мысли, великіе планы, тяжкіе труды, творческая способность, женщинѣ — внушенія сердца, тонкости ума, кротость, фантазія, попеченіе, самопожертвованіе» и т. д. Но женщина сама отреклась отъ того портрета, который такъ услужливо рисовали будто бы съ нея, и громко объявила себя оскорбленною тѣмъ, что осмѣливаются предлагать для нея мужчину въ видѣ особаго бога, поклоненіе которому, быть можетъ, было бы не совсѣмъ сообразно съ разумомъ, а во всякомъ случаѣ слишкомъ лишено обаянія.

Впрочемъ, нашлись защитники и изъ мужчинъ. Женщины въ большемъ числѣ посѣщали эти собранія. При закрытіи преній были постановлены рѣшенія въ болѣе умѣренномъ тонѣ, которыми высказывалось право женщины на самостоятельный трудъ, на образованіе и на свободное развитіе своихъ способностей. Что касается политическаго права женщинъ, то оно было оговорено въ видѣ нерѣшеннаго вопроса. Эти рѣшенія даютъ мѣрку наиболѣе либеральнаго взгляда на право женщинъ, существующаго въ массѣ рабочихъ. Далѣе, до полной равноправности человѣческихъ существъ идутъ только очень немногіе.

Около того же времени кружокъ приверженцовъ ученія о равноправности женщинъ издалъ манифестъ, въ которомъ эта равноправность требовалась на основаніи коренныхъ демократическихкихъ началъ; манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ «*Opinion Nationale*». Та же лига въ защиту права женщины издала недавно, въ той же газетѣ, новый манифестъ, въ которомъ несправедливость нынѣшняго положенія женщинъ объяснена съ подробными ссылками на статьи гражданскаго кодекса ¹⁾.

Лига имѣетъ въ виду прежде всего основать образцовую школу первоначальнаго образованія для женщинъ, образованія, въ которомъ не преобладали бы суевѣріе и предрасудки. Спра-

¹⁾ Такъ какъ эти манифесты составлены въ виду преимущественно мѣстныхъ условій, то мы позволили себѣ выпустить ихъ.

пимается, отделинутся ли женщины на эти призывы? Нетрудно догадаться, что многія и многія будутъ убѣждены, но не выскажутъ своего убѣжденія гласно. Другія, поставленныя въ болѣе счастливыя условія, будутъ разсуждать: «одною больше, одною меньше — не все ли равно». И такъ будутъ думать сотни тысячъ женщинъ и болѣе, забывая, что убѣжденіе негласное, внѣ осязательной формы, для успѣха дѣла все равно какъ бы не существовать.

IV.

Обратимся къ теоріи вопроса о правѣ женщинъ, и прежде всего къ возраженіямъ противниковъ этого права. Они берутъ за исходную точку положеніе, что женщина по природѣ слабѣе, ниже мужчины, и затѣмъ, разумѣется, доказываютъ, что то, что установлено самою природою — законно и не подлежитъ измѣненію, и напротивъ служить необходимымъ основаніемъ всему строю общества и семейства.

Они говорятъ, что женщина стоитъ ниже мужчины въ отношеніяхъ физическомъ и умственномъ... А въ нравственномъ? Здѣсь мнѣнія самихъ этихъ теоретиковъ расходятся. Одни, наиболѣе логичные, признаютъ, что и въ нравственномъ отношеніи женщина ниже мужчины, что она по природѣ существо пустое, руководимое только инстинктомъ, капризное и развращенное. Другіе, наоборотъ, дѣлаютъ изъ нее — «божество чувства».

Но возможно ли допустить, чтобы изъ физической и умственной слабости исходила нравственная сила? Развѣ человѣческая душа составлена изъ антитезъ, какъ проза гг. теоретиковъ? Развѣ сердцемъ можно думать, отличать добро отъ зла? Что за странность! Вѣдь сердце въ сущности не болѣе, какъ только мускуль — опредѣленіе не совсѣмъ пріятное, но что дѣлать, наука не церемонится ни съ чѣмъ. Гдѣ же сосредоточивается чувство, если мускуль, называемый сердцемъ, средоточіемъ его служить не можетъ, несмотря на приписываемую ему способность вмѣщать въ себѣ столько фугъ и столько элегій? Очевидно — въ мозгу. А вы утверждаете, что мозгъ женщины имѣетъ меньшій объемъ, чѣмъ мозгъ мужчины. Отчего же зависить то нравственное совершенство, которое вы такъ обязательно признаете за женщинами?

Недавно намъ случилось посѣтить катакомбы. Два господина, съ весьма важнымъ видомъ, указывали другъ другу тросточкой на различныя черепя; какъ только они замѣчали черепъ слав-

ленный и малый — «вотъ это черепъ женщины» провозглашали они. «Въ самомъ дѣлѣ»? было наше любопытство. «Нѣтъ никакого сомнѣнія», важно успокоили они насъ.

Ясно, что изъ умственного убожества женщины, если допустить его какъ фактъ, должно слѣдовать и нравственное ея убожество. Различіе между мыслью и чувствомъ, которое приводятъ теоретики — вещь что-то непонятная. Развѣ человѣческая природа есть совокупность антиномій, борьба контрастовъ? Кажется, трудновато было бы указать предѣлъ между чувствомъ и мыслью. — Что такое разсудокъ? — Способность производящая сужденія. — Что такое чувство? — Способность производящая желаніе, стремленія. Развѣ же между ними не должно необходимо быть связи? Наклонность ли производить сужденіе или сужденіе опредѣляетъ наклонность, какъ бы то ни было, нельзя представить себѣ сужденіе, которое бы не вело къ предпочтенію, стало быть — въ акту воли. Точно такъ, нѣтъ чувства, въ основаніи котораго не лежала бы какая либо усвоенная истина или иллюзія, стало быть сужденіе, вѣрное или невѣрное. И сужденіе можетъ заблуждаться, какъ и чувство. Чувство, мнѣ кажется, можно бы опредѣлить такъ: сужденіе, укоренившееся издавна, и слышущее подъ именемъ «прирожденныхъ идей», предразсудка, вліянія и воспитанія.

Вѣчное противопоставленіе сужденія чувству рѣшительно не имѣетъ рациональнаго основанія. Нерѣшительность, такъ — называемыя колебанія воли, которыя человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ, суть не что иное, какъ безпокойство его относительно послѣдствій такого или иного акта. Когда чувство колеблется, это значить, что умъ сомнѣвается.

Какъ только чувство перестаетъ опираться на поводъ, на сужденіе, на иллюзію, оно уже перестаетъ быть нравственнымъ чувствомъ и обращается въ нисшаго разряда животный инстинктъ. Итакъ, когда намъ говорятъ, что въ женщинѣ болѣе всего слѣдуетъ уважать и охранять чувство, то это значить не что иное, какъ намѣреніе оставить женщину на произволь нисшихъ инстинктовъ, давать ей какъ можно меньше образованія. Вотъ къ какому противодивизиціонному, анти-прогрессивному выводу приходитъ та теорія, которая въ мужчинѣ и женщинѣ видитъ двѣ различныя природы, на основаніи того предполагаемаго контраста въ душѣ человѣка, котораго въ дѣйствительности вовсе не существуетъ.

Но глубокіе моралисты, писавшіе о женскомъ вопросѣ, а за ними и общественное мнѣніе, рѣшили, что «учить женщину значить портить ея сердце». Впрочемъ, вѣдь извѣстно, что познаніе ведетъ ко злу, даже прямо въ адъ. «Это несомнѣно такъ»!

восхищаются они. «Мы хотимъ сказать только то, что женщина не должна получать образованія одинаковаго съ мужчиной; слѣдуетъ разбирать въ наукѣ, что согласно съ деликатностью, и не «обмужчинивать» (masculiniser) ея умъ.»

Прекрасно; итакъ, будутъ двѣ науки, одна мужская, другая женская. Солнце поставятъ на одну сторону, а луну на другую. Самый выборъ, впрочемъ, не лишень затруднительности. Исторію, напримѣръ, какъ стануть сортировать — по вѣкамъ или по фактамъ, оставляя безъ связи причины и послѣдствія? Довольно трудно представить себѣ двоякую манеру объяснять свойства солнечнаго луча или убійство Генриха IV.

Или выборъ дѣлать собственно только въ размѣрахъ преподаванія; ограничиться ознакомленіемъ «нѣжнаго» ума женщинъ съ одними основаніями и общими законами въ наукѣ. Да вѣдь это-то и есть самое трудное! Вѣдь подробности, частные факты только послѣдствія основаній, объясненіе законовъ, прибавимъ — объясненіе необходимое.

Или дѣлать выборъ по отраслямъ знанія? Точныя науки, напримѣръ — для мужчины. Да вѣдь и женщина участвуетъ ежедневно, сознательно или нѣтъ, въ физическихъ и химическихъ явленіяхъ, подчиняется законамъ механики и геометріи, — хотя бы такъ, какъ мольтеровскій Журденъ писалъ прозою. А гигиена, которой приобритіе зависитъ прежде всего отъ женщинъ, что она будетъ безъ естественно-научной подготовки? Ну, такъ мужчинѣ представимъ науки гуманитарныя... Помилуйте, да развѣ есть исторія, языкъ, литература безъ участія женщинъ? Безъ женщины они немислимы, какъ немислимо и самое человѣчество.

Но оставимъ въ сторонѣ эту каррикатуру, — говорятъ намъ; скажемъ просто, что женщинъ въ учености, въ знаніи не слѣдуетъ вести такъ далеко, какъ мужчинъ. А почему же? Если потому, что онѣ неспособны, то не надо запрещенія: онѣ сами остановятся, не пойдутъ далѣе предѣловъ своего ума. Но нѣтъ, вы не объ этомъ заботитесь; возстаєте-то вы именно противъ самой возможности сдѣлать таковой опытъ, котораго вы опасаетесь. Ваши брѣвья, ваши заклинанія свидѣтельствуютъ, что вы просто боитесь чего-то. Развѣ есть тутъ опасность? Опасность — знаніе!

Друзья, будьте откровенны: признайтесь, положиа руку на сердце, что вы боитесь знанія для женщинъ, потому что знаніе ведетъ къ размышленію, а размышленіе ведетъ къ независимости. Вы боитесь распространенія знанія между женщинами на томъ же основаніи, какъ боялись распространенія знанія въ народѣ.... Но въ такомъ случаѣ не стыдитесь своихъ убѣжденій, и цѣлуйте туфлю св. отца.

И это сыны XVIII вѣка! Они поддерживаютъ въ семействѣ — деспотизмъ, которому полезно невѣжество рабовъ. Но вспомните «l'Ecole des Femmes» Мольера, вспомните, можно ли полагаться на Агнесъ?

Внѣ правды напрасно искать предупредительныхъ мѣръ; внѣ здраваго смысла, никакая фраза, никакая антитеза не можетъ имѣть дѣйствительной силы. Такова именно та антитеза, въ которой сопоставляется нравственное превосходство женщины съ ея умственной слабостью.

Да и чѣмъ же, наконецъ, доказывается сравнительная слабость женщины въ умственномъ отношеніи? — «Тѣми данными, тѣми результатами, которые мы имѣемъ на лицо», говорятъ намъ. Но съ которыхъ поръ наличные результаты принимаются за неопровержимые доказательства, безъ справокъ съ тѣми причинами, которыя ихъ произвели? Никто не станетъ оспаривать, что умственная приниженность, въ которой такъ давно держали народъ, лишила человѣчество неоцѣнимыхъ сокровищъ. Но развѣ этотъ результатъ ставятъ въ вину народу? Случалось все-таки, что мальчикъ изъ народа, одаренный необыкновенными способностями, дѣлался извѣстнымъ какому-нибудь вліятельному лицу, уважавшему умственное развитіе; тогда на такого ребенка обращали вниманіе, старались дать полное развитіе его способностямъ, помогали необыкновенному ребенку исполнить свое призваніе. Но если этотъ необыкновенный ребенокъ была дѣвочка, что тогда? Тогда не дѣлали ничего; тогда говорили: къ чему? Такъ говорятъ и доселѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ поощрять въ дѣвущкѣ любовь къ ученю? Изъ мальчика можетъ выйти полезный членъ общества: математикъ, архитекторъ, полководецъ, мыслитель. А дѣвущкѣ предстоитъ только сдѣлаться матерью семейства, больше ничего. Вотъ почему родители заботливо заглушаютъ въ дочери беспокойныя зачатки умственнаго развитія, останавливаютъ образованіе ея на предѣлахъ, установленныхъ обычаемъ. Сынъ — тотъ, встрѣчая препятствіе слѣдовать своему призванію, имѣетъ возможность настаивать на своемъ, противиться. Дѣвушка же, оставаясь вѣчно подъ рукою родителей и подъ неусыпнымъ слѣдствіемъ общественнаго мнѣнія, такой возможности лишена безусловно. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ препятствій ея умственному развитію, сколько препятствій внутреннихъ! Къ ней подступаютъ и внутренние съ малолѣтства наклонности тщеславія, и обязанности, налагаемыя свѣтскою суетою, наконецъ, непосредственный личный интересъ, указывающій ей всю будущность въ одномъ замужествѣ. Вспомнимъ, что все это происходитъ, что судьба дѣвущки

рѣшается въ томъ возрастѣ, когда у нея еще не сформировался характеръ.

А тамъ, разъ замужемъ, дѣло съ умственнымъ развитіемъ, со стремленіемъ къ знанію, покончено навсегда: дѣти, деспотизмъ семейныхъ обязанностей и общаго обычая, утрата случая, отсутствіе времени и средствъ, наконецъ — зависимость....

Нужно ли еще объяснять почему, въ наличности, оказывается такъ мало замѣчательныхъ женщинъ въ рядахъ науки мысли и искусства? Женщину съ дѣтства посвящаютъ любви; ее лишаютъ всякой иной цѣли, останавливаютъ ея развитіе въ томъ самомъ возрастѣ, когда стремленіе къ нему возникаетъ, — а потомъ у нея требуютъ отчета не только въ томъ, чего ей не было дано, но и въ томъ, чего ее съ такою заботливостью лишили, въ томъ, что систематически душили въ ней... Развѣ это не иронія?

Хорошо, говорятъ намъ: но препятствія эти, не слѣдуютъ ли они изъ самой природы и назначенія женщины?—Нѣтъ, изъ назначенія женщины вовсе не слѣдуетъ, чтобы необходимо было выдавать ее замужъ прежде чѣмъ она созрѣла, и тѣломъ и умомъ. Назначеніе женщины есть общее назначеніе человѣческой личности: дѣйствовать сознательно, договариваться самой за себя, съ полнымъ знаніемъ условій договора и съ полной свободой заключать его или не заключать. Назначеніе ея, какъ всякой человѣческой личности есть: учиться, чтобы знать, принимать законъ, а не побораться ему, бессознательно и безотвѣтно, наконецъ быть способною исполнять тѣ обязанности, которыя она беретъ на себя. Да! постыдный и идиотическій взглядъ на женщину, какъ на агента воспроизведенія и наслажденія, этотъ взглядъ именно и произвелъ тотъ вопіющій безпорядокъ, тотъ уродливый фактъ, что преднамѣренно дѣлаютъ умственно несостоятельнымъ именно существо, которое обновляетъ человѣчество, сообщаетъ каждой личности первыя ея впечатлѣнія, а обществу организму его основную форму—семейство. Нѣтъ сомнѣнія, что это призваніе истинно, необходимо и велико. Но не странно ли сослаться на него именно съ цѣлью уронить его великое значеніе?

Да, женщина должна быть матерью; но именно потому-то образованіе ея должно быть обширно и полно; потому-то и слѣдуетъ стараться воспитать въ ней характеръ сильный, направленіе дѣльное. Именно потому, что ей предстоитъ быть не только человѣческой личностью, но еще матерью, и слѣдуетъ искоренять въ ней пустоту, это искривленіе ума, столь же заботливо, какъ неправильность въ развитіи тѣла.

Пусть воспитываютъ ея умъ также заботливо и полно, какъ

умъ мужчины—вотъ тогда мы увидимъ, во что обратится ея сравнительная умственная слабость.

Но что, если наслажденія умственной жизнию отклонять женщину отъ ея материнскихъ обязанностей?—Опять-таки, зачѣмъ, о маловѣрные, полагаете вы, что умственное развитіе ведетъ къ дурному? Наконецъ, возможность злоупотребленій развѣ можетъ служить основаніемъ не допускать никого къ пользованію правомъ? Но такъ ужъ водится. Каждый разъ, когда голодный проситъ себѣ мѣста за общественнымъ пиршествомъ, его сперва отстраняютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ напиться пьянъ.

Какая изысканная заботливость! Но жизнь, какъ и свобода, на каждомъ шагу представляетъ рискъ, опасность; отстранять ихъ отъ человѣка преданіемъ его смерти или рабству—это выходитъ изъ границъ благоразумной осторожности.

Что касается физической слабости женщины, слабости ея мускуловъ, то и ее вообще преувеличиваютъ. Въ дѣйствительности, женщина была первымъ «вьючнымъ слугою» мужчины. Да и теперь она раздѣляетъ съ мужчиною большую часть тяжелыхъ работъ. Сила женщины не тождественна съ силою мужчины, но равна ей. Это вовсе не парадоксъ.

Переносить беременность и тотъ кризисъ, которымъ она оканчивается, кормить ребенка грудью, нянчить его въ первые года его жизни, — все это требуетъ такого расхода силъ, что женщину, совершающую этотъ подвигъ, едва ли можно признавать существомъ *болымымъ*, какъ то дѣлаетъ Мишле. Между мужчинами очень немного такихъ, которые выдержали бы усталость ухода за ребенкомъ, и нѣтъ ни одного, который въ этомъ отношеніи могъ бы превзойти мать. Большинство врачей, удивляясь той силѣ, съ какою женщина выноситъ страданія, ставятъ ея мужество выше мужества мужчины.

Что же было бы еще, еслибы здоровое воспитаніе не искажало, а укрѣпляло женщину; еслибы отсутствіе фальшивыхъ нѣжностей не прививало бы къ женщинѣ какой-то обязательной робости и слабости, не заставляло бы ее официально ахать и пугаться по пустякамъ, не ослабляло бы ее праздноствіемъ и не сковывало бы природной энергіи, павязанной деликатностью? Тогда увидѣли бы, что для перенесенія страданій, трудовъ и всякаго рода житейской борьбы—однимъ словомъ, того болѣзненнаго бремени, котораго женщина несетъ большую долю, чѣмъ мужчина — у нея есть сила, правда особаго рода, сила внутренняя, такъ сказать — скрытая, но представляющая въ общей суммѣ нѣчто ужъ никакъ неуступающее силѣ мужчины, силѣ по преимуществу — внѣшней.

Между тѣмъ, именно изъ того явленія, изъ того подвига, которые наиболѣе обнаруживаютъ удивительную силу женскаго организма, изъ материнской функціи ея, которая на женщину возлагаетъ и рожденіе и первоначальное воспитаніе людей—выводятъ странное положеніе о ея слабости и подчиненности ея природы.

V.

Тѣ, кому лѣтъ черезъ сто придется судить наше время по этому дѣлу, разбирать отношенія современниковъ къ вопросу о природѣ и правѣ женщины—не могутъ не произнести надъ нами строгаго приговора. Въ самомъ дѣлѣ, ни по одному изъ другихъ вопросовъ не оказывается столько противорѣчій, поверхностности, отсутствія искренности и знанія, наконецъ логичности,—какъ въ этомъ вопросѣ. Каждый старается какъ-нибудь закрыть этотъ вопросъ, прихлопнуть его какимъ-нибудь компромиссомъ. Передъ лицомъ его нѣтъ ни истинныхъ демократовъ, ни истинныхъ консерваторовъ, а есть только поползновенія и тщеславія, стоящія насупротивъ нѣсколькихъ людей, руководимыхъ просто добросовѣстностью. И эти поползновенія, эти заднія мысли совершенно основательно ополчаются противъ рациональнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно, тутъ рѣчь идетъ о реформѣ величайшей важности и самаго коренного свойства, которая коснется законовъ, обычаевъ, характера человѣчества. Вѣдь равноправность женщины повлечетъ за собою безвозвратную отмену проституціи, перенесетъ мораль изъ теоріи въ фактъ, отождествитъ семейство съ любовью, и установитъ для общественнаго порядка полную нравственность.

Какъ не опасаться столь варварскаго переворота! А анакреонтическія оды, а букеты Хлорѣ, а двусмысленныя шуточки, а любезная галантерейность, украшеніе французской литературы и прелесть салоновъ? Все это погибнетъ, все будетъ скошено какими-то учеными женщинами.

Перестать считать женщину ребенкомъ, признать ее полноправною личностью—вѣдь это значитъ установить въ обществѣ справедливость, взаимныя произвола и милости, вѣчно пристрастныхъ, всегда унижительныхъ; на мѣсто моральнаго поученія—оставить фактъ.

Старое общество было устроено по образцу животнаго организма: голова, станъ, руки, ноги. Первымъ и наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этой системы былъ браманизмъ; затѣмъ она

проявлялась въ разныхъ видахъ. Человѣкъ все представлялъ себя устроеннымъ по собственному своему подобію, еще не зная хорошенько самъ себя. Извѣстная басня Мененія Агриппы, еще такъ недавно бывшая на устахъ нашихъ моралистовъ, доказываетъ, что таковъ былъ идеаль и римской республики. О возможности иного идеала и не думали. Правда, и въ тѣ времена, естественный инстинктъ народа пороку выдвигалъ впередъ вопросъ объ устройствѣ общества; но невѣжество не знало, что отвѣчать Мененіямъ, и народъ сходилъ съ авентинскаго холма. Не находилось никого, кто бы возразилъ, что каждая человѣческая личность есть существо самозаконное и полное, существующее для себя, а не для того, чтобы быть безотвѣтнымъ колесомъ какого-то уродливаго механизма; что общество — вовсе должно быть не зданіемъ, основаннымъ прежде всего на отвлеченныхъ условіяхъ равновѣсія, а простою совокупностью личныхъ силъ, вступившихъ въ соединеніе. Никто не сказалъ этого и во всемъ прошедшемъ: до конца XVIII вѣка надъ человѣчествомъ стоятъ какіе-то храмы, изъ которыхъ выходятъ законодатели; подъ ними — рабство.

Вотъ въ этой-то системѣ, чисто-іерархической, несмотря на имя демократіи и призраки свободы, при такомъ взглядѣ на общественное устройство, когда неравноправность членовъ общества считалась необходимымъ условіемъ порядка, когда на человѣка смотрѣли какъ на колесо общественной машины, когда личность признавалась фактомъ нисшимъ, чѣмъ общество, — тогда и семейство, разумѣется, должно было имѣть строй іерархическій, а женщина принесена въ жертву семейству. Всѣ думали, что того требуетъ справедливость. Когда образецъ берется внѣ природы, то ему, неизбѣжно, приносится въ жертву то, что въ человѣчествѣ несогласно съ нимъ.

Да и до сихъ поръ еще недостаточно уразумѣли всю пустоту цѣли посторонней самому человѣку, его собственной личности, всю нелѣпость этихъ построений, создаваемыхъ внѣ человѣчества. Такъ какъ жизнь существуетъ только въ живущей личности, то польза такого плана, который нарушаетъ право личности, несомнѣнно фальшива, ибо самъ планъ не можетъ же внушать того, что дѣлается именно только ради его. А между тѣмъ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, о которыхъ сохранилась память, вѣчно приносили человѣческія существа въ жертву идеѣ «порядка». И демократы наши, забывая смыслъ своей исходной точки, сами тоже ссылаются на порядокъ, оправдывая правонарушенія!

Новая основа общества, принципъ общества современнаго,

это—право личности. Право это точно, ибо опредѣляется природою человѣческой личности, а вмѣстѣ и прогрессивно въ своемъ существѣ. Это-то право измѣняетъ всю систему. Фактъ заступаетъ мѣсто мечты, опредѣленность замѣняетъ произволь, и право общественное обращается просто въ совокупность правъ личностей.

Итакъ, когда свободѣ женщины противопоставляютъ необходимость ея рабства для порядка,—то это возраженіе очевидно исходить изъ духа прошедшаго и находится въ безусловномъ противорѣчій съ новымъ принципомъ общественнаго порядка.

Если человѣкъ признается по праву свободнымъ, какъ личность, какъ законченный организмъ, одаренный способностью сужденія и воли, наравнѣ со всѣми другими личностями, то на какомъ же основаніи можно лишать женщину хотя бы части того, что принадлежитъ человѣчеству? Или тотъ принципъ, который усвоенъ современнымъ обществомъ ложень, или женщина, также какъ мужчина, имѣеть естественныя и неотчуждимыя права.

Когда мы проникнемся справедливостью, тогда тѣ произвольныя, утилитарныя доводы, которые ссылаются на «общее благо», требуя принесенія ему въ жертву личностей, не будутъ имѣть болѣе смысла. Напрасно держаться противъ теченія и оспаривать въ женщинѣ право на независимость, когда мы болѣе и болѣе убѣждаемся и громко признаемъ, что независимость служитъ необходимымъ условіемъ и силы, и нравственности; когда мужчина, съ своей стороны, самъ страстно добивается правъ, оспариваемыхъ у него, и которыхъ онъ не успѣлъ пріобрѣсть такъ долго потому именно, что самъ держитъ въ невольничествѣ свою подругу.

Андрѣ Лво.

Парижъ. 2 апрѣля 1869.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

ВЪ РОССІИ XVIII-ГО СТОЛѢТІЯ.

Собранные мною въ послѣднее время и до сихъ поръ нигдѣ неизданные матеріалы даютъ мнѣ возможность представить нѣкоторыя небезъинтересныя свѣдѣнія о нашихъ финансахъ въ царствованіи Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Для сравненія же съ этими данными я предпосылаю имъ краткій очеркъ уже опубликованныхъ, но мало въ публикѣ извѣстныхъ цифръ государственныхъ доходовъ и расходовъ за время Петра Великаго.

I.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Находящіяся у меня подъ руками свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ временъ Петра Великаго касаются различныхъ годовъ его царствованія. Голиковъ ¹⁾ упоминаетъ въ своихъ «Дѣянiяхъ», что въ началѣ царствованія Петра I доходы государственные не превосходили 1.750,000 рублей. Соловьевъ, въ XVI томѣ его исторiи, приводитъ ²⁾, что 27 января 1710 года государь велѣлъ, въ первый разъ, сличить приходъ съ расходомъ, и оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу, по сложности трехъ послѣднихъ лѣтъ, 3.134,000 рублей. За симъ, въ Пол-

---

¹⁾ Томъ XVIII, стр. 525.

²⁾ Томъ XVI, стр. 44.

номъ Собраниі Законовъ ³⁾ находится «Табель коликое число по при-
сланнымъ вѣдомостямъ изъ губерній и изъ провинцій на 1720 годъ
надлежало взять по окладу, таможенныхъ и кабацкихъ и канцеляр-
скихъ и другихъ сборовъ, кромѣ двороваго числа». Табель эта содер-
житъ лишь тѣ доходы, которые находились въ вѣдѣніи камеръ-колле-
гій и раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

I. Сборы таможенные и кабацкіе:

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
Таможенныхъ	655,865 руб. 79 коп.	420,186 руб. 92 коп.
Кабацкихъ съ винной и во- дочной и пивной и медовой про- дажи	585,584 — 83 —	710,874 — 48 —
Съ клейменія винокуренныхъ кубовъ и котловъ	12,773 — 50 —	11,512 — 23 —
Таможенныхъ и кабацкихъ по- рознь, не росписныхъ и которые отдаются откупщикамъ на откупъ, обще	376,731 — 77 —	229,468 — 91 —
Табачныхъ и трубочныхъ . . .	26,819 — 38 —	9,498 — 47 —

Итого таможенныхъ и кабацкихъ 1.658,775 руб. 27 коп. 1.381,541 руб. 1 коп.

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
II. Канцелярскихъ сборовъ	244,123 руб. 99 коп.	169,311 руб. 91 коп.

(14 отдѣльныхъ наименованій.)

Въ эту категорію отнесены слѣдующіе сборы, коихъ поступило:
1) за гербовую бумагу 19,898 р. 41 к.; 2) печатныхъ пошлинъ отъ
печатанія указовъ 18,136 р. 73 к.; 3) съ вотчинныхъ и съ истцовыхъ
дѣлъ пошлинъ 39,846 р. 69 к.; 4) съ письма крѣпостей пошлинъ
30,172 р. 17 к.; 5) сбора патриарша казеннаго приказа, для того-жъ
сбора и по губерніямъ съ церковей данныхъ и съ вѣчныхъ памятей
15,845 р. 94 к.; 6) изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей остаточ-
ныхъ 660 р. 57 к.; 7) съ подъячихъ и съ церковныхъ и причетниковъ
козловскаго овладу 13,730 р. 28 к.; 8) съ поповъ и дьяконовъ за дра-
гунскія лошади 6,066 р. 83 к.; 9) съ мурзь и татаръ и съ однодвор-
цевъ, вмѣсто службы, 1,522 р. 36 к.; 10) конскихъ пошлинъ съ про-
дажи лошадей 19,716 р. 56 к.; 11) оброчныхъ и за прикащиковъ до-
ходы патриарша приказа 289 р. 12 к.; 12) съ отписныхъ деревень и
съ дворовъ и съ помѣстій и вотчинъ 2,140 р. 35 к.; 13) земскаго при-
каза на мостовое строеніе 985 р. 70 к.; 14) съ неуказаннаго платя
и съ бородъ 297 р. 20 к.

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
III. Съ оброчныхъ и откупныхъ статей	475,632 руб. 21 коп.	241,061 руб. 56 коп.

(17 наименованій.)

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 4220.
Томъ III. — Май, 1869.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ сборы по дѣйствительному поступленію, простиравшіеся до: 1) съ пчель и бортныхъ угодьевъ 15,330 р. 4 к.; 2) съ мельницъ 33,696 р. 31 к.; 3) съ бань съ дворовыхъ 25,071 р. 88 к.; 4) съ бань же торговыхъ 1,084 р. 84 к.; 5) съ рыбныхъ ловель 43,942 р. 59 к.; 6) съ найма извозчиковъ и съ мастеровыхъ и промышленныхъ людей 11,165 р. 64 к.; 7) съ плавныхъ судовъ и привального и отвального и съ дровъ 13,042 р. 26 к.; 7) съ ледоколу и съ водопою 3,622 р. 90 к.; 9) съ мостовъ и перевозовъ 7,825 р. 8 к.; 10) съ пашенныхъ земель и съ сѣнныхъ покосовъ и съ другихъ угодій оброчныхъ 7,637 р. 49 к.; 11) съ лавокъ и съ анбаровъ, и съ кузницъ и съ постоялыхъ дворовъ, оброчныхъ 8,474 р. 45 к.; 12) съ земельныхныхъ, помѣрныхъ и съ вѣсовъ вѣсчихъ 1,827 р. 50 к.; 13) съ откупныхъ статей наддаточныхъ и привладныхъ пошлинъ 1,980 р. 76 к.; 14) отъ патнанья хомутовъ и съ клейменія шапокъ и салоновъ 347 р. 78 к.; 15) съ скотины и съ конныхъ и явочныхъ кожъ 2,842 р. 93 к.; 16) съ мостовъ и перевозовъ и конскихъ и хомутныхъ неросписныхъ 23,598 р. 95 к.; 17) за виноградъ и съ арбузовъ и огурцовъ и съ орѣшной продажи и за яблони и другихъ мелочныхъ неросписныхъ всякихъ сборовъ 39,570 р. 16 к.

Кромѣ того, показано доходовъ въ Москвѣ на денежныхъ дворахъ съ передѣловъ по окладу: по вступленію 1720 г.:
денежныхъ и монетныхъ прибыльныхъ . . . 216,808 р. 301,276 р.

Общій итогъ окладныхъ доходовъ камеръ-коллегии за упомянутый годъ будетъ равняться по окладу . . . . . 2,595,339 руб. 74½ коп.
А по дѣйствительному вступленію . . . . . 2,093,190 — 48 —

Независимо отъ того, въ той же табели значится поступления по неокладнымъ сборамъ 30,131 р. 22 к. и доходовъ съ С. - Петербурга, острова Котлина и Шлиссельбурга, Рижской и Ревельской губерній, Нарвской провинціи, Выборга и Абова — 570,340 р. 56 к.

Голицевъ, который приводитъ свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ за 1725 годъ *) исчисляетъ ихъ общую сумму въ 10.186,707 р. 17 коп.

Самое видное мѣсто въ числѣ перечисляемыхъ имъ сборовъ занимаютъ прямыя подати, а именно:

Подушная подать, приносившая съ 5.794,928 душъ, по переписи 1722 года по 74 коп. съ души	4.289,246 руб.
съ купечества по 120 коп. съ души	206,862 —
съ нихъ же, вмѣсто рекрутъ, деньгами	10,950 —
съ подушныхъ по деньгѣ съ рубля на жалованье комиссарамъ	21,124 —

*) Т. XVIII, стр. 484 и слѣд.

съ однодворцевъ и крестьянъ, не принадлежавшихъ помѣщикамъ и духовенству, по 40 коп. съ души	553,158 —
За сими доходы съ двойного оклада, которымъ были обложены раскольники и съ сибирскихъ инновѣрцевъ и лопарей, Голыковъ исчисляеть приблизительно въ	400,000 —
Итого съ прямыхъ податей	5,481,340 —
Доходъ съ судебныхъ пошлинъ на канцелярскіе расходы исчисленъ въ	100,000 —

Въ числѣ косвенныхъ налоговъ и оброчныхъ статей и доходовъ съ казенныхъ имуществъ и регалій, Голиковъ приводитъ какъ тѣ налоги, которіе, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, поступали въ камеръ-коллегію, такъ и нѣкоторые другіе, непоименованные въ поминутой таблицы.

Доходность косвенныхъ налоговъ и оброчныхъ статей и регалій уже перечисленныхъ выше, какъ составлявшихъ принадлежность камеръ-коллегіи, исчислена у Голикова въ 2.647,364 руб. ¹⁾.

Итогъ прочихъ сборовъ и доходовъ, не вошедшихъ въ упоминаемую таблицу, составляетъ, по Голикову—1.956,986 рублей.

Въ сумму эту входятъ слѣдующіе сборы: 1) портовые 640,326 р., 2) соляной доходъ 662,118 р., 3) отъ поташа и смольчуга 42,000 р., съ продажнаго вина по гривнѣ съ рубля 44,559 р., 5) съ приказовъ: синодскаго, дворцоваго и казеннаго 25,254 р., 6) съ монастырскаго приказа пошлинныхъ 2,383 р., 7) за остаточный хлѣбъ въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ, за ихъ расходами 147,805 р., 8) съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, за опредѣленными имъ дачами, денегъ—29,443 р., 9) новоположеннаго сбора съ возовъ въ Москвѣ 58,014 р., 10) почтамскаго дохода—16,261 р., 11) таможенныхъ акцизненій съ платежныхъ денегъ по 2%—14,134 р., 12) отъ справокъ по вотчиннымъ дѣламъ—4,538 р., 13) съ чугуна десятой доли съ партикулярныхъ заводовъ желѣзныхъ—10,804 р., 14) отъ продажи лекарствъ въ аптекахъ—9,607 р., 15) отъ вычетовъ изъ жалованья меннослужащихъ за отпуска—13,240 р., 16) вычетовъ у подрядчиковъ—6,328 р., 17) отъ продажи казенныхъ веры и клею—14,955 р., 18) отъ продажи печатаемыхъ въ сенатской типографіи указовъ и

¹⁾ Вотъ ихъ наименованія по Голикову: 1) таможенные внутренніе; 2) отъ продажи казенныхъ вина и другихъ напитковъ и отъ клейменія кубовъ; 3) табачнаго дохода; 4) печатныхъ съ письма крѣпостей и мелкихъ канцелярскихъ; 5) отъ передѣла ефимковъ; 6) отъ гербовой бумаги; 7) съ церкви данныхъ; 8) съ вѣчныхъ памятей; 9) съ мельницъ, мостовъ и перевозовъ; 10) съ рыбныхъ ловель; 11) съ бань; 12) съ судовъ привальнаго и отвальнаго; 13) конскихъ пошлинъ; 14) съ клейменія хомутовъ и вина извозчиковъ; 15) оброчныхъ съ земель; 16) мелочныхъ сборовъ; 17) съ Нарвы, Выборга, Риги, Ревеля, Дерпта и 18) съ петербургской верфи и отъ перевозовъ черезъ Неву.

книгъ 1,320 р., 19) отъ спуска судовъ и плотовъ на Боровицкихъ порогахъ 2,471 р., 20) отъ сибирскихъ казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ—60,403 р., 21) штрафныхъ—8,754 р., 22) съ свадебъ куничныхъ, выходныхъ и убрусныхъ—3,910 р., съ приписной къ госпиталю вотчины Плещеева 1.008 р., и 24) малороссійскихъ доходовъ—137,351 руб.

Что касается государственныхъ расходовъ за время царствованія Петра Великаго, то, согласно Соловьеву, въ 1710 году ¹⁾ они простирались до 3.834,418 руб.; въ томъ числѣ:

На армію	1.252,525 руб.
> артиллерію.	221,799 —
Рекрутамъ	30,000 —
На оружейныя дѣла	84,104 —
Гарнизоннымъ служителямъ	977,896 —
На флотъ	444,288 —
> посольскія дачи.	148,031 —
На разныя дачи, какъ-то приказнымъ, на строенія, ямщикамъ, ружнивамъ, на дворцовые расходы и такъ дагѣе	675,775 —

За 1725 годъ Голиковъ исчисляетъ расходы въ 9.829,949 р., но по повѣркѣ выходитъ только 9.776,554 руб.

Въ числѣ этихъ расходовъ не встрѣчается расходовъ на дворъ; за симъ группируя остальные по роду ихъ, получатся слѣдующіе частные итоги:

1) На центральное управленіе:	
а) кабинетъ Его Величества	200,147 руб.
б) сенатъ	32,347 —
в) коллегіи, приказы, конторы	216,822 —
	<hr/>
	449,316 руб.
2) На содержаніе войска и укрѣпленіе крѣпостей.	5.351,902 руб.
3) > флотъ	1.546,676 —
4) > мѣстное управленіе	562,266 —
5) > коллегію иностранныхъ дѣлъ, на посольства и на подарки иностраннымъ государямъ и прочіе секретныя расходы	761,958 —
(въ томъ числѣ содержаніе царя Вахтанга)	
6) На строенія.	662,118 —
7) > дворцовую канцелярію	132,416 —
8) > Академію морскую и наукъ	47,371 —
9) > богадѣльни и госпитали	35,417 —
10) > духовенство	87,066 —
11) > управленіе горными казенными заводами и на ихъ содержаніе.	60,403 —
12) > производство китоваго, звѣринаго и рыбнаго промысловъ	15,000 —

¹⁾ Томъ XVI, стр. 44.

13) Герцогу Голштинскому	8,490 руб.
14) На выкупъ коронныхъ мызъ, заложенныхъ шведскимъ королемъ мѣстнымъ въ Остзейскихъ провинціяхъ помѣщичьямъ	56,155 —
Итого.	9.776,554 руб.

II.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Въ теченіи всего царствованія Елисаветы Петровны, дѣла сенатскія (хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), содержатъ рядъ указовъ, которые ежегодно были разсылаемы изъ сената по всѣмъ мѣстамъ и ко всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ въ своемъ завѣдываніи часть государственныхъ доходовъ и расходовъ, съ подтвержденіемъ о представленіи въ сенатъ вѣдомостей; при чемъ въ указахъ этихъ упоминается, что, несмотря на неоднократныя повторенія, подлежащія мѣста требуемыхъ вѣдомостей не высылаютъ.

Лишь за 1745 годъ въ дѣлахъ генераль-прокурорскихъ находится рядъ любопытныхъ вѣдомостей, представленныхъ въ правительствующій сенатъ изъ статсъ-канторы и камеръ-коллегіи. Вѣдомости эти содержатъ обзоръ статей доходовъ камеръ-коллегіи и расходовъ статсъ-канторы за три года. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что прямыя подати, которыя однако составляли главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, не поступали въ завѣдываніе камеръ-коллегіи, а потому и не входятъ въ представленные ею вѣдомости.

За тѣмъ, какъ видно изъ упомянутыхъ вѣдомостей, значительная часть остальныхъ государственныхъ доходовъ стекалась въ камеръ-коллегію и изъ нея производилось распредѣленіе этихъ доходовъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, согласно штатнымъ требованіямъ статсъ-канторы, которая служила генеральнымъ расходнымъ казначействомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ контролирующимъ мѣстомъ.

Вѣдомость¹⁾ представленная камеръ-коллегіи даетъ полное обзоръ источниковъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ общій казначейства въ 1742 — 44 годахъ. Раздѣливъ эти доходы для сравненія на тѣ подраздѣленія, которыя приняты при обзорѣни государственныхъ доходовъ за 1720 годъ²⁾, получатся слѣдующіе выводы:

Согласно окладу и дѣйствительному вступленію за 1744 годъ состояло:

¹⁾ Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи.

²⁾ Полное собраніе законовъ, № 4220; смотри выше.

I. *Сборы таможенные и кабацкіе.*

	По окладу:	По вступленію 1744 года:
1) Таможенныхъ	691,006 р. 43 $\frac{1}{2}$ к.	741,387 р. 95 $\frac{1}{4}$ к.
2) Кабацкихъ	1,069,752 р. 36 $\frac{3}{4}$ к.	962,761 р. 98 к.
3) Съ клейменія губовъ и казановъ	29,679 р. 79 $\frac{1}{2}$ к.	29,388 р. 95 $\frac{1}{2}$ к.
4) Таможенныхъ и кабацкихъ порознь неросписныхъ, присоединяя сюда особо поименованные сборы съ съ явки брагъ, ставки медовъ, съ пропуски вина, съ продажи Черкасамъ вина, съ нерусскаго гѣса и пропуска гѣсовъ	17,166 р. 97 $\frac{1}{4}$ к.	6,806 р. 71 к.
Итого таможенныхъ и кабацкихъ .	1,807,605 р. 57 к.	1,740,345 р. 60$\frac{1}{4}$ к.
II. Канцелярскихъ сборовъ . .	80,691 р. 45$\frac{1}{4}$ к.	86,540 р. 79$\frac{1}{4}$ к.

(До 11-ти отдѣльныхъ наименованій).

Въ эту категорію отнесены: 1) крѣпостныя пошлины по дѣйстви-тельному поступленію 42,514 р. 59 $\frac{1}{2}$ к., 2) канцелярскія 4,598 р. 2 к., 3) конскія пошлины 30,695 р. 97 $\frac{3}{4}$ к., 4) съ иновѣрческихъ свадебъ и выводныхъ, 5) съ продажи калмыками въ Казани лошадей, 6) съ ясашныхъ иновѣрцевъ приставныя и вѣзовыя 6,945 р. 97 $\frac{1}{2}$ к., 7) съ проѣзжихъ грамотъ, 8) съ иновѣрцевъ за конскія продажи и мѣны, 9) съ записки лошадей и выписей пищихъ, 10) съ неуказаннаго платя и бородъ, 11) съ клейменія серебра и пробы.

	По окладу:	По вступленію 1744 года:
III. Сборовъ съ оброчныхъ статей и промысловъ	313,748 р. 46$\frac{1}{4}$ к.	199,912 р. 49$\frac{1}{2}$ к.

(49-ть наименованій).

Въ этотъ отдѣлъ входятъ сборы: 1) съ лавокъ, анбаровъ, кузницъ, харчевень и т. д. по поступленію 23,228 р. 82 к., 2) съ клейменія хомутовъ и найма извозчиковъ 26,877 р. 27 к., 3) съ мостовъ и перевозовыхъ плотовыхъ 21,992 р., 4) съ продажи винограда, арбузовъ и другихъ фруктовъ и отдачи казенныхъ огородовъ 73 р. 40 к., 5) вмѣсто валешныхъ подымныхъ, 6) съ торговыхъ бань 8,231 р. 10 $\frac{1}{2}$ к., 7) съ квасныхъ и укусныхъ промысловъ 1,737 р. 65 $\frac{1}{2}$ к., 8) привальныхъ и отвальныхъ 3,622 р., 9) съ подпалыхъ и палыхъ кожъ 3,140 р., 10) съ рыбныхъ ловель 28,578 р., 11) съ мельницъ 46,229 р., 12) съ оброчныхъ земель 8,149 р., 13) съ овчиннаго и красильнаго промысловъ Илецкой провинціи 1 р. 50 к., 14) съ домовыхъ бань 8,121 р., 15) съ ледокушъ водопою 1,406 р., 16) съ извозу и пристаней 1,598 р., 17) за Кабаній островъ 17 р., 18) съ продажи салныхъ свѣчъ, мыльнаго и жироваго промысловъ, 19) съ стрѣльцкихъ земель, 20) съ юртовъ и звѣринныхъ ловель, 21) съ отпуску судовъ, 22) съ

стругового караула и лодейнаго спуска, 23) съ отдаточныхъ хлѣбныхъ мѣръ, 24) съ поплашныхъ дровъ, 25) съ мельничныхъ прудовъ, 26) съ востоялыхъ и гостинныхъ дворовъ и отдачи загородныхъ огородовъ, 27) оброчные съ соляныхъ варницъ, 28) съ маслособойнаго и востобойнаго промысловъ, 29) съ продажи дегтя, 30) съ Москворѣцкихъ береговъ за поклажу лѣса, 31) съ Янбохтанскаго торжку, 32) съ горничковъ и работныхъ людей поголовныхъ, 33) съ желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ, 34) съ каменнаго, жерноваго и ломоваго промысловъ, 35) умѣтныхъ въ казнѣ, 36) вѣсчихъ, 37) съ Янцкой рыбы 5,710 р., 38) съ бортныхъ угодій и тетеревныхъ луговъ, 39) съ сѣнной продажи, 40) съ продажи орѣшной, пряничной и калачной 7 р. 50 к., 41) поземельнаго сбору и съ пустыхъ бобыльскихъ дворовъ 6 к., 42) на Макарьевской ярмаркѣ съ пасебнаго двора 18 р., 43) четвертине по Шацкой провинци, 44) съ притычки берега, 45) пивныхъ юшны, 46) съ мельницъ арендныхъ, 47) съ кievскаго войта, 48) со ступъ, 49) луковой дани съ Самоядей.

Общій итогъ доходовъ камеръ-коллегии, поставшихъ въ распоряженіе статсъ-конторы, будетъ такимъ образомъ по окладу . . . . . 2.202,045 р. 48½ к.
во вступленіи за 1744 годъ . . . . . 2.026,798 » 89 »

Изъ сравненія цифръ этихъ съ относящимися къ 1720-му году видно, что доходы съ таможенъ и питей значительно возрасли въ эти 24 года, но въ гораздо сильнѣйшей пропорціи возрасло число оброчныхъ мелкихъ статей и разнородныхъ сборовъ съ различныхъ промысловъ, стѣснявшихъ промышленность и не приносившихъ значительныхъ выгодъ казнѣ. Не было почти промысла, который бы былъ отъ нихъ свободенъ и если припомнить тѣ мѣры взысканій, правейшей, которыя были введены въ царствованіе Анны Іоанновны и регентства Бирона, то можно себѣ составить понятіе о той тягости, которую сборы эти составляли для народа.

Большинство означенныхъ сборовъ введены были въ царствованіе Анны Іоанновны и часть ихъ имѣла чисто мѣстный характеръ.

Однакоже приведенныя суммы доходовъ, отсылавшіяся изъ камеръ-коллегии въ статсъ-контору, не составляли единственнаго источника доходовъ послѣдней и изъ особаго рапорта статсъ-конторы видно, что общая сумма ея доходовъ за 1744 годъ составляла 3,536,027 р. 68¼ к. ¹⁾, но и эта вѣдомость повидимому не полная, такъ какъ послѣдующія показываютъ отъ той же статсъ-конторы несравненно болѣе расходовъ.

О государственныхъ расходахъ за это время можно судить изъ трехъ вѣдомостей, представленныхъ статсъ-конторою въ правитель-

¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи.

ствующій сенатъ: о расходахъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ за тѣ же три года 1742 — 44 ¹⁾).

Эти вѣдомости представляютъ слѣдующіе итоги за 1744 годъ:

Повсягодныхъ окладныхъ расходовъ	2,943,460 руб. 33 коп.
На окладныя повсягодныя жалованныя дачи и канцелярскіе расходы	363,094 — 1 ¹ / ₂ —
На чрезвычайныя дачи	903,681 — 10 —
	<hr/>
	4,210,235 руб. 44 ³ / ₄ коп.

Если же статьи расходовъ на однородные предметы подвести подъ общія дѣленія, то получаются слѣдующіе результаты:

	Расходовъ обыкновенныхъ:	Чрезвычайныхъ:	Итого:
1) На личные расходы ея императорскаго величества и на дворъ	372,668 р. 73 к.	262,363 р. 39 ¹ / ₂ к.	635,032 р. 12 ¹ / ₂ к.
2) На центральное управление:			
На кабинетъ ея императорскаго величества.	7,180 — 00 —		
На сенатъ	70,500 — 77 ¹ / ₂ —	17,212 — 82 —	
На коллегіи, приказы, конторы	120,469 — 24 —	23,880 — 15 ¹ / ₂ —	
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	198,150 р. 01 ¹ / ₂ к.	41,092 р. 97 ¹ / ₂ к.	239,242 р. 98 ¹ / ₂ к.
3) На сухопутное войско и укрѣпленіе крѣпостей	998,749 — 05 —	87,888 — 03 ¹ / ₂ —	1,086,637 — 08 ¹ / ₂ —
4) На флотъ	1,205,000 — 00 —		1,205,000 — 00 —
5) На мѣстное управление.	78,899 — 94 ¹ / ₂ —	25,938 — 21 ¹ / ₂ —	104,838 — 16 ¹ / ₂ —
6) На коллегію иностранныхъ дѣлъ и содержаніе пословъ	173,713 — 47 ³ / ₄ —	147,606 — 91 ¹ / ₂ —	321,320 — 39 ¹ / ₂ —
7) На строенія	152,424 — 79 ¹ / ₂ —	128,958 — 35 ¹ / ₂ —	281,383 — 15 —
8) На богоугодныя заведенія	2,964 — 00 —	317 — 35 —	3,281 — 35 —
9) Жалованныхъ разнымъ лицамъ	57,271 — 13 ³ / ₄ —	151,448 — 71 ¹ / ₂ —	208,719 — 85 ¹ / ₂ —
10) На монетное дѣло. . . . . (на исправленіе монетной системы).	— — —	17,537 — 75 ¹ / ₂ —	17,537 — 75 ¹ / ₂ —
11) Разныхъ расходовъ	— — —	37,846 — 54 ³ / ₄ —	37,846 — 54 ³ / ₄ —
12) Въ академію наукъ	26,112 — 00 —	— — —	26,112 — 00 —
13) Управление казенными заводами	40,601 — 20 —	2,682 — 84 ¹ / ₂ —	43,284 — 04 ¹ / ₂ —
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	3,306,554 р. 34 ³ / ₄ к.	903,681 р. 10 к.	4,210,235 р. 44 ³ / ₄ к.

Но въ итогъ этотъ расходы на войско входятъ очевидно не вполне, такъ какъ они были удовлетворяемы изъ прямыхъ подушныхъ сбо-

¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи.

ровъ, которые расходовались непосредственно военнымъ управленіемъ, и уже при Петрѣ I достигали, какъ видно было выше, 5½ миллионъ рублей. Такимъ образомъ общій итогъ всѣхъ государственныхъ расходовъ за рассматриваемое время трудно вывести, но, по всей вѣроятности, онъ превосходилъ 10 миллионъ рублей.

Характеръ государственнаго управленія этой эпохи вполне опредѣлится сравненіемъ суммъ, употреблявшихся на различныя отрасли. Такъ, напримѣръ, изъ общаго принятаго итога 10,000,000 руб. до 7,300,000 руб., т. е. до $\frac{3}{4}$ поглощались издержками на содержаніе сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

III.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА III.

Мѣра, которою заканчивается царствованіе Елисаветы Петровны и начинается царствованіе Петра III, это—указъ 1760 года, увеличившій оброчную съ государственныхъ крестьянъ подать увеличена съ 4-хъ гривенъ до 1 рубля съ души, «для уравненія съ доходомъ, получаемымъ помѣщиками и синодальными и дворцовыми вѣдомствами съ принадлежащихъ тѣмъ лицамъ и вѣдомствамъ крестьянъ»; это возвышеніе оклада указомъ 1761-го года было распространено на разночинцевъ.

Императоръ Петръ III началъ царствованіе свое рядомъ мѣръ, назначеніемъ которыхъ было развитіе промышленныхъ силъ народа. Указомъ марта 21-го, онъ отмѣнилъ для монастырскихъ крестьянъ личныя повинности въ пользу монастырей и архіерейскихъ домовъ и зачѣнулъ всѣ собиравшіеся съ нихъ сборы и личную повинность платежей, на равнѣ съ дворцовыми и синодальными, однорублевого подушнаго оброка ¹⁾.

Съ другой стороны императоръ находилъ, въ видахъ государственной пользы, нужнымъ сдѣлать и нѣкоторыя общія распоряженія о торговлѣ.

«Сколь нужно для благосостоянія и пользы государства вообще и особенно для его коммерціи, говоритъ онъ въ указѣ сенату отъ 28-го марта ²⁾—чтобы выпускъ здѣшняго продукта товаровъ, сколь можно, большимъ былъ противу привоза въ государство иностранныхъ товаровъ, потому, что за излишній противу привоза выпускъ, получались бы въ государство наличныя деньги, столько то подлинно къ сожалѣнію нашему, что далеко доведенною съ нѣсколькихъ лѣтъ роскошью

¹⁾ Полное собр. законовъ №№ 11.219 и 11.481.

²⁾ Полн. собр. зак. № 11.489.

много потеряно изъ баланса въ коммерціи, какъ то великій упадокъ вексельнаго курса больше всего доказываетъ».

Съ этою цѣлью предписывалось въ томъ-же указѣ:

1. Освободить хлѣбный торгъ отъ всякихъ стѣсненій и собирать съ вывозимаго хлѣба во всѣхъ портахъ половинную пошлину противъ той, которою обложенъ онъ былъ въ портахъ Рижскомъ, Ревельскомъ, Перновскомъ и островѣ Езелѣ.

2. При отпускѣ мяса и скота изъ морскихъ сѣверныхъ портовъ, взимать лишь половинную пошлину противъ таможенъ украинскихъ.

3. Уничтожить всякія ограниченія относительно торговли саломъ, опредѣленныя сверхъ тѣхъ, которыя были положены при отдачѣ ея въ 1748 году графу Шувалову.

4. Уничтожить тѣ отягощенія, которыя были постановлены относительно Архангельскаго порта, возвышеніемъ пошлинъ и запрещеніемъ нѣкоторыхъ товаровъ.

5. Разрѣшить отпускъ ревеня, холста и другихъ товаровъ «кои по одностороннимъ разсужденіямъ или по неправильному воображенію о казенной будто-бы отъ государственной пользы раздѣленной прибыли запрещены» и убавить съ нихъ пошлины.

6. Уничтожить нѣкоторыя привилегіи, полученныя разными фабриками, не въ силу закона, а по ложному его толкованію, какъ-то, подъ видомъ беспошлиннаго провоза инструментовъ, нѣкоторыя фабрики получаютъ беспошлинно и самыя матерьялы.

7. Уничтожить компанію, пользовавшуюся монополіею персидскаго торгова и стѣснявшую двѣтущую съ Персіею, по Каспійскому морю торговлю, и всѣ подобныя ей компаніи.

Однако же, при этомъ, сдѣлано было исключеніе относительно вывоза льнянаго сѣмени, который былъ оставленъ въ монополіи купца Евреннова, по случаю затраты имъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго капитала ¹⁾.

Лишь въ случаѣ неумѣреннаго возвышенія цѣны на хлѣбъ повелѣно было доносить императору ²⁾.

Рядомъ съ этими общими мѣрами, принятыми съ цѣлью освободить народе отъ стѣсняющихъ развитіе его производительныхъ силъ условій, Петръ III долженъ былъ обратить вниманіе и на состояніе государственнаго хозяйства. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ напелъ его въ крайнемъ разстройствѣ. Правительство не имѣло, видимо, никакихъ положительныхъ свѣдѣній, ни о количествѣ доходовъ ни о томъ, куда и на какіе предметы они расходуются. Цѣлый рядъ различныхъ, самостоятельныхъ другъ отъ друга, вѣдомствъ занимались

¹⁾ Полн. собр. законовъ № 11517.

²⁾ Полн. собр. законовъ № 11557.

каждое взиманіемъ того или другого налога, спеціально назначеннаго на удовлетвореніе расходовъ того вѣдомства; въ одномъ вѣдомствѣ были излишки, въ другомъ значительные недостатки; несмотря на прежнія неоднократныя предписанія и указы, эти различныя вѣдомства не присылали въ правительствующій сенатъ никакихъ вѣдомостей о состояніи ихъ бюджетовъ, такъ, что правительство не имѣло возможности получить какое-либо общее понятіе о состояніи государственной казны.

Потому, сознавая необходимость такого общаго обзорѣнія состоянія государственнаго хозяйства, Петръ III, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 23 мая ¹⁾, повелѣлъ правительствующему сенату: 1) доставить со всѣхъ штатовъ его императорскому величеству копій; 2) собрать изъ всѣхъ вѣдомствъ и мѣстъ, завѣдывающихъ государственными доходами и расходами, подробныя и краткія вѣдомости о суммахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ съ обозначеніемъ, на основаніи какихъ указовъ производятся расходы. Вслѣдствіе этого указа, сенатъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго его рапорта ¹⁾, отъ 5-го іюня, предписалъ всѣмъ подлежащимъ вѣдомствамъ представить требовавшіяся подробныя вѣдомости копій со штатовъ и экстракты, но могъ поднести императору лишь одинъ краткій экстрактъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, такъ какъ списаніе штатовъ потребовало много времени и оказалось весьма затруднительнымъ, по тому случаю, что многіе изъ нихъ оказались отиѣненными, дополненными и измѣненными.

Изъ приведеннаго рапорта сената видно, что слѣдующія мѣста совершенно самостоятельно занимались сборомъ и расходованіемъ различныхъ отраслей государственныхъ доходовъ.

1. Главный комиссаріатъ завѣдывалъ сборомъ подушныхъ денегъ, хотя, сверхъ того, получалъ на свои расходы и изъ другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.

2. Главная соляная контора завѣдывала солянымъ сборомъ.

3. Коммерцъ-коллегія — таможенными, портовыми и внутренними сборами.

4. Сибирскій приказъ—всѣми по Сибири сборами, и продажей мягкой рухляди и прочихъ товаровъ.

5. Коллегія экономіи—сборами съ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ и состоящими при тѣхъ вотчинахъ заводами, мельницами и прочими сборами.

6. Бергъ-коллегія—доходами съ продажи мѣди и желѣза.

7. Мануфактуръ-коллегія—сборомъ за гербовую бумагу.

¹⁾ Полное собр. законовъ № 11, 548.

²⁾ Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи.

8. Канцелярія конфискаціи, доходами съ отписныхъ вотчинъ, штрафными сборами.

9. Ревизионъ-коллегія взыскаііями по счетамъ начетныхъ и штрафныхъ денегъ.

10. Ямская канцелярія и с. петербургскій почтамтъ вѣсовыми сборами.

11. Сборомъ остальныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ, а именно: питейныхъ, такъ-называемыхъ канцелярскихъ и съ оброчныхъ статей и откупныхъ, завѣдывали камеръ-коллегія и штатсъ-контора.

Этотъ краткій экстрактъ, о состояніи государственныхъ доходовъ и расходовъ, представленный сенатомъ при рапортѣ вмѣстѣ съ другимъ документомъ, относящимся въ тому-же году, но уже къ царствованію Екатерины II, а именно вѣдомостью о доходахъ и расходахъ штатсъ - конторскихъ ¹⁾, могутъ, соединенные вмѣстѣ, дать довольно полное и вѣрное понятіе объ источникахъ государственныхъ доходовъ и о государственныхъ расходахъ того времени.

Въ первомъ изъ этихъ документовъ перечислены въ числѣ государственныхъ расходовъ штатсъ-конторскіе общими итогомъ; второй же содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе этихъ послѣднихъ по предметамъ. По первому, сумма штатсъ - конторскихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ ежегодныхъ расходовъ показана въ 2.943,149 р. 46 к., по второму она равняется 3.285,101 р. 5³/₄ к.; но такъ какъ послѣдняя цифра содержитъ подробное исчисленіе этихъ расходовъ, то въ основаніе нашихъ расчетовъ мы и примемъ эту цифру. Соединивъ такимъ образомъ данныя обоихъ документовъ, получатся слѣдующіе общіе выводы, которые ясно будутъ выражать состояніе государственнаго казначейства въ 1762-мъ году.

Доходовъ было въ этомъ году:

1) Подушныхъ	5.668,199 руб. 20 коп.
2) Акцизныхъ сборовъ съ питей, канцелярскихъ и другихъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ прежнихъ	3.356,669 — 77%, —
3) Вповь положенныхъ въ 1750 и 56 годахъ на вино	1.524,688 — 29%, —
4) Соляныхъ сборовъ	2.206,035 — 16 —
5) Таможенныхъ сборовъ	2.003,094 — 42%, —
6) Сибирскихъ доходовъ	591,495 — 11%, —
	<hr/>
	15.350,181 руб. 97 коп.

¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Расходовъ же значилось:

	По вѣдомости общей.		По вѣдомости штатсъ-контор- скихъ расходовъ.		Обыкновенныхъ: Чрезвычайныхъ:		Итого:	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1) На высочайшій дворъ	1.733,333	33¼	511,996	22¼	—	—	2.265,329	33¼
2) На военныя по- требности	9.218,747	70¾	549,783	80	135,380	38½	9.903,911	89¼
3) На адмиралтей- ство и флотъ	1.200,000	00	712,957	43	—	—	1.912,957	43
4) На постройки	102,984	93¾	180,215	62¼	74,872	67	357,873	23
5) На кабинетъ	—	—	3,900	00	—	—	3,900	00
6) На сенать	—	—	138,397	00¾	892	39½	139,289	40¼
7) На коллегію ино- странныхъ дѣлъ	—	—	203,381	50	6,312	38¼	214,693	88¼
8) На академіи на- укъ и художествъ	—	—	59,298	00	900	00	60,198	00
9) На университетъ московскій	20,000	00	17,700	00	6,000	00	43,700	00
10) На центральное управленіе	33,867	45	152,943	07	32,662	66¾	219,473	18¾
11) На мѣстное у- правленіе	413,475	20¾	157,555	41	69,651	41	640,682	02¾
12) Пожалованныхъ разнымъ лицамъ	—	—	161,590	27¼	6,243	98¾	167,834	26¼
13) На моветное дѣло	—	—	—	—	15,246	36¼	15,246	36¼
14) На казенные заводы	—	—	8,871	57¼	—	—	8,871	57¼
15) На богоугодныя заведенія	—	—	18,979	60¼	—	—	18,979	60¼
16) Разныхъ раско- довъ	—	—	29,757	80¼	24,815	47¼	54,573	27¼
Итого	12.742,408	63¼	2.912,327	32¼	372,777	73¼	16.027,513	46¾

17) Кроме того за прежніе годы произведено штатныхъ раско-
довъ согласно общей вѣдомости 2.104,940 р. 62¼ к., потому
итогъ всѣхъ расходовъ произведенныхъ въ 1762 году будетъ 18.132,454 09.

Изъ сравненія этихъ данныхъ съ таковыми же, приведенными выше
за царствованіе Елисаветы Петровны видно, что доходы и расходы го-
сударственные въ этотъ промежутокъ времени значительно возрасли
и правительство Петра III нашлось въ виду дефицита, равнявагося
пятой части государственныхъ доходовъ. Расходы на сухопутное войско
возрасли въ этотъ промежутокъ времени съ 6.500,000 до не съ боль-
шимъ 10 миллионѣвъ рублей, между тѣмъ какъ расходы на флотъ и
центральное управленіе оставались безъ значительнаго увеличенія.
Какъ мало измѣнился однако общій характеръ управленія—можно ви-
дѣть изъ того, что въ 1762 году, равно какъ и въ сороковыхъ годахъ,

расходы на сухопутныя и морскія силы въ совокупности поглощали до 12 м. руб., т. е. до $\frac{3}{4}$ государственныхъ доходовъ и до $\frac{2}{3}$ общаго числа издержекъ.

Таже спеціализація государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе которой каждый изъ отдѣльныхъ сборовъ имѣлъ особое опредѣленное значеніе на удовлетвореніе какой-либо части государственныхъ нуждъ (на это указывается и въ самой вѣдомости), осталась въ государственномъ хозяйствѣ, какъ это было и прежде, и въ этомъ отношеніи было сдѣлано чрезвычайно мало для большаго объединенія государственной казны.

Вѣдственное положеніе государственной казны вызвало со стороны правительства мѣры къ возстановленію равновѣсія.

Вслѣдствіе этого былъ изданъ мая 11 указъ ¹⁾, которымъ повелѣвалось «всѣ публичныя казенныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи, на то время пока доходы паки умножатся, остановить». Объ исполненіи этого высочайшаго повелѣнія были посланы правительствующимъ сенатомъ указы во всѣ коллегіи, конторы, канцеляріи губерній и провинцій, которымъ предписывалось представить правительствующему сенату рапорты съ показаніемъ, сколько гдѣ на сверхштатныя расходы и строенія было ассигновано суммъ и сколько таковыхъ оставалось на лицо, и, по подачѣ въ сенатъ вѣдомостей о всѣхъ такихъ расходахъ, вновь уже ихъ, безъ разрѣшенія сената, не дѣлать. Съ другой стороны, съ тою же цѣлью — возстановить по возможности равновѣсіе между государственными доходами и расходами — были приняты Петромъ III нѣкоторыя финансовыя мѣры. Онъ находилъ, какъ видно изъ указа сенату отъ 28 марта ²⁾, что «никакимъ сборамъ не приличествуетъ только на откупѣ быть какъ таможеннымъ и что за время содержанія ихъ на откупѣ въ пять лѣтъ не мало казнѣ было приращеніе и отъ купечества жалобъ слышно не было» — потому приведеннымъ указомъ таможенные сборы были вновь отданы на откупъ на 10 лѣтъ Шемякину и Саввѣ Яковлеву, причемъ, на откупъ были отданы сборы, какъ въ російскихъ, такъ и въ эстляндскихъ, ливляндскихъ, финляндскихъ, сибирскихъ и оренбургскихъ таможенныхъ, а также и нѣкоторые отдѣльные сборы, которые прежде собирались въ казну, нынѣ были для единообразія отданы, наравнѣ съ прочими на откупъ.

Въ тѣхъ же видахъ, умноженія государственныхъ доходовъ, указомъ 1 іюня ³⁾ повелѣно было замѣнить прежнюю таможенную при вывозѣ пошлину съ мѣди по 30 к., а съ желѣза по 2 коп. съ пуда,

¹⁾ Полное Собр. Зак. № 11,532.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,489.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,559.

десятинымъ сборомъ съ желѣза, чугуна и мѣди выдѣлываемыхъ на частныя заводы.

Наконецъ правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилось къ мѣбрамъ для взыскаія недоимокъ. Но при этомъ оно поняло, что прежній порядокъ взыскаія недоимокъ самъ по себѣ служилъ причиною разоренія податныхъ сословій и содѣйствовалъ накопленію тѣхъ самыхъ недоимокъ. Такой взглядъ высказывается въ сенатскомъ указѣ отъ 31 января ¹⁾, въ которомъ указывается, что посылка нарочныхъ съ поѣздками въ уѣзды изъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, при наступленіи сроковъ платежа подушныхъ, а затѣмъ содержаніе неисправныхъ крестьянъ при канцеляріяхъ служить лишь къ обремененію крестьянъ подводами и заставляетъ ихъ безъ пользы терять необходимое для исправленія ихъ крестьянскихъ работъ время — «многіе чрезъ то и послѣдняго своего иждивенія лишаются». «Слѣдственно, отъ того — говорится далѣе въ указѣ — впредь съ крестьянства не токмо исправному государственныхъ податей платежу быть не можно, но паче умножается недоимка». Потому, съ цѣлью привести крестьянъ къ болѣе исправной уплатѣ недоимокъ, предписывалось, чтобы впредь подушныя деньги доставлялись въ канцеляріи помѣщиками или ихъ повѣренными старостами и выборными и затѣмъ посылать отъ канцеляріи нарочныхъ уже лишь для взыскаія недоимокъ и притомъ на счетъ тѣхъ повѣренныхъ старостъ или выборныхъ, и въ этихъ случаяхъ наказывать повѣренныхъ, старостъ и выборныхъ «нещадно батогами».

Въ другомъ указѣ, по представленію рижской воеводской канцеляріи, предписывалось отданныя разнымъ владѣльцамъ за оброкъ земли, въ случаѣ неплатежа ими оброчной суммы отбирать отъ тѣхъ владѣльцевъ со взыскаіемъ недоимки и отдавать другимъ ²⁾.

Этими узаконеніями завершаются тѣ мѣропріятія, которыя были предположены въ кратковременное царствованіе Петра III; объ ихъ исполненіи конечно не могло быть и рѣчи.

А. КУЛОМЗИНЪ.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,429.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 11,555.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ*).

Sine ira et studio.

Новымъ учрежденіямъ въ Россіи, цѣль которыхъ—обновить застоявшуюся и, оттого, издряхлѣвшую жизнь русскаго общества, суждено пережить много перипетій. Встрѣченныя восторженными похвалами со стороны однихъ, и отчаянными порицаніями со стороны другихъ, новыя учрежденія, по началу, не произвели особенно благоприятныхъ впечатлѣній на массу народа. Частію отъ непониманія—въ чемъ сущность дѣла, частію отъ недостатка довѣрія ко всѣмъ и всяческимъ преобразовательнымъ мѣрамъ, а больше всего отъ сосредоточенія всей силы новыхъ учрежденій въ тѣхъ самыхъ рукахъ, которыя доселѣ лежали такимъ тяжелымъ гнетомъ на всей народной жизни, — народъ далеко не ликовалъ при нѣкоторыхъ преобразованіяхъ. Правда, отъ мѣна крѣпостного положенія подняла нѣсколько задавленный духъ народа, и оживила надежды измученныхъ крѣпостничествомъ на что-либо лучшее въ жизни; но и это во многихъ, даже очень многихъ мѣстностяхъ, было парализовано такими стѣснительными, для развитія народной жизни, условіями, что и желанная свобода не доставила всей той радости получившимъ ее, какую могла бы доставить при иныхъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

*) Мы не считаемъ себя въ правѣ уклоняться отъ показаній лицъ, выступавшихъ свидѣтелями-очевидцами того или другого общественнаго явленія, и въ этомъ смыслѣ помещаемъ настоящую статью, адресованную въ редакцію. Почтенный авторъ, указывавшій съ такою яркостью недостатки нашихъ земскихъ учрежденій, безъ сомнѣнія, согласится съ нами въ одномъ, что самая возможность такого откровеннаго объясненія своихъ мыслей относительно земства, составляетъ уже большое преимущество земскихъ учрежденій. На землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и потому совершенствомъ должно считать одну возможность усовершенствоваться; а усовершенствованіе возможно только тамъ, гдѣ свободно допускается критика, независимо отъ того, пріятны или непріятны ея результаты для представителей какого-нибудь учрежденія въ данную эпоху.

Ред.

Теперь, когда влияние новых учреждений достаточно выразилось в ходъ народной жизни, когда народъ достаточно присмотрѣлся къ нимъ, — радуется ли онъ, по крайней мѣрѣ, теперь за нихъ? — Едва ли! Не умѣя отвлекать самага дѣла отъ его дѣятелей, учреждений отъ исполнителей, онъ первымъ вмѣняетъ въ вину все то изжелое, что легло на его жизнь за три послѣдніе года; къ нимъ непосредственно относитъ онъ тяготы, задавившія его болѣе прежняго. Больше, чѣмъ не радуется онъ теперь за новыя учреждения, которые прямо приписываетъ всецѣлое разстройство своего экономического быта, не вознаграждаемое никакимъ добромъ въ настоящемъ, и никакими надеждами на что-либо лучшее въ будущемъ.

И нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не правъ былъ народъ. Всецѣлое разстройство экономического быта крестьянства, напр., въ очень многихъ мѣстностяхъ, фактъ не подлежащій сомнѣнію. И причины этого, главнѣйшимъ образомъ, лежатъ въ дѣятеляхъ новыхъ учреждений. Провинціальное земство, или, точнѣе, соединившіе силу земства въ своихъ рукахъ, какъ-то черезчуръ своеобразно отнеслись къ своему призванію: не дѣятелями на пользу общую многіе изъ нихъ заявили себя, а лишь преслѣдующими цѣли личныя, или сословныя. Отсюда, освобожденіе отъ разныхъ повинностей однихъ, и чрезвычайное обремененіе ими другихъ, и вообще неравномѣрность земскихъ раскладокъ, всей своей тяжестью падающая именно на тѣхъ, которые владѣютъ наименьшими экономическими способами для уплаты ихъ. Отсюда, быстрое накопленіе недоимокъ, разрѣшающееся распродажей того, безъ чего — не только правильное, но и какое хозяйство немислимо. Отсюда, и всецѣлое разстройство экономического быта крестьянства, — разстройство, до какого оно не доходило въ былыя времена.

Чтобы представить наглядно — какъ дѣлается это, и по скольку народъ имѣетъ право не радоваться за новыя учреждения, — передадимъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности земства и объ результатахъ этой дѣятельности по Калезинскому уѣзду. Передаваемое нами не будетъ какимъ-либо исключеніемъ изъ общаго хода дѣлъ; а лишь имѣетъ послужить образчикомъ того, что творится въ большинствѣ провинціальныхъ мѣстностей. И тѣмъ удобнѣе передать теперь эти свѣдѣнія, что названный уѣздъ еще нѣсколько не дошелъ до тѣхъ блестящихъ результатовъ, до какихъ успѣшили довести, напр., весьегонскій уѣздъ — эту житницу тверской губерніи. Въ скоромъ времени и о Калезинскомъ уѣздѣ говорить будетъ уже нечего, да и не для чего; а потребуетъ лишь, какъ въ весьегонскомъ ¹⁾, слѣдствіе — которое, безъ

¹⁾ Изъ Весьегонска пишутъ, что тверской губернаторъ обратилъ вниманіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ весьегонскаго уѣзда, которые, при взысканіи съ крестьянъ денегъ и недоимокъ, принимали уже слишкомъ строгія мѣры. Вслѣдствіе этого, всѣ

сомнѣнія, откроетъ—кто поревновалъ довести крестьянство до безвыходнаго положенія, отъ котораго — ни крестьянству, ни обществу никому не будетъ легче, потому что не вернешь же того, что пош на вѣтеръ.

Прежде всего о томъ, что имѣетъ государственное значеніе,—о военныхъ повинностяхъ крестьянства.

Къ апрѣлю прошлаго 1868-го года (чѣмъ обыкновенно заключаетъ платежный годъ), за крестьянами Калазинскаго уѣзда, изъ «окладныхъ казенныхъ сборовъ», осталось недоимокъ:

За государственными крестьянами разныхъ наименованій (23,2 души)—140,429 руб. 15½ коп.

За крестьянами временно-обязанными и собственниками, бывшими помѣщичьими (21,944 души) — 60,147 руб. 7½ коп.

За ними же — выкупныхъ платежей — 45,140 руб. 73¾ коп. (о томъ числѣ съ предсѣдателя земства, Неронова, по случаю перебора имъ оброка — 808 руб. 68 коп.).

За крестьянами — бывшими удѣльными (324 д.) — 1,033 р. 56 к.

За ними же — выкупныхъ платежей — 710 р. 11 к.

Затѣмъ изъ «окладныхъ земскихъ сборовъ»:

Поземельныхъ, за крестьянами всего уѣзда — 31,128 р. 15 к.

Съ недвижимыхъ имуществъ, тоже — 2,659 р. 65½ к.

(О недоимкахъ изъ тѣхъ повинностей, которыми завѣдуетъ непосредственно управа, и цифры которыхъ, не смотря на требованіе казначейства, она не сочла нужнымъ означить въ «Раскладѣ на губерскія и уѣздныя земскія повинности», — неизвѣстно. Такъ, на одну повинную водную повинность управа распорядилась, въ 1867 г., собрать съ крестьянства 27,000 руб.; но что изъ этого осталось въ недоимкѣ въ 68 г. — неизвѣстно. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что тутъ недоимокъ не оказалось, какъ не оказывается ихъ, напр., въ сборахъ жалованья членамъ управы, до послѣдняго ея служителя.)

Итого, за 45,550 д. уѣздныхъ крестьянъ осталось недоимокъ: военныхъ 247,460 р. 63¼ коп.; земскихъ (по казначейству) 33,787

мировые посредники и мѣстный исправникъ были вызваны въ Тверь, и, какъ мы знаемъ, по этому предмету будетъ производиться слѣдствіе» («М. Вѣд.» 68 г., № 2).
Слѣдствіе — послѣ того уже, какъ крестьянство доведено до безвыходнаго положенія. Поможетъ ли оно общиналому крестьянству, когда въ тридцать лѣтъ не поправитъ, что натворено за три года? А между тѣмъ, въ свое время, было заявлено въ печати — что готовится крестьянству весьегонскаго уѣзда въ близкомъ будущемъ. Цѣль хоть изъ любопытства прочтуть, въ 153 № «Москвы» 68 г., эту, всю душу потраченную, картинку, — что творилось въ этомъ уѣздѣ, — и ни единая душа не похвинуется повѣрить страшную дѣйствительность!.. Такъ и теперь, изъ многихъ мѣстъ слышно о неотлагаемой необходимости — повѣрить дѣйствія управы; но не слышно, чтобы необходимость, гдѣ-либо, была удовлетворена во-время.

80½ к.; а всего—281,248 р. 43¾ к. Цифра, какъ можно видѣть, довольно почтенная; при текущихъ платежахъ, — а земскія повинности на 68 г. управа весьма значительно увеличила, крестьянству не легко одолѣть ее. И не только не одолѣетъ оно ее при настоящихъ порядкахъ, но она будетъ расти, въ геометрической прогрессіи, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано дальше. Но какимъ образомъ недонки могли дойти и до этой цифры? — самымъ простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и неизбѣжнымъ образомъ.

Для уясненія дѣла, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ экономическомъ положеніи, въ какомъ крестьянству уѣзда пришлось вступить въ новый фазисъ своего существованія и столкнуться съ новыми учрежденіями.

Хозяйство помѣщичьихъ крестьянъ, къ великой минутѣ освобожденія изъ крѣпостничества, въ большинствѣ находилось въ самомъ плачевномъ положеніи. Пяти—и даже шестидневная барщина, оброки— въ 35 до 45 руб. съ души, кромѣ такъ-называемыхъ—«натурою» (бараны, куры, яйца, тальки и пр. и пр.), отсутствіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ самыхъ необходимыхъ средствъ существованія — хлѣбу и дровъ напр., и пр. и пр.,—при подобныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство, очевидно, процвѣтать не могло. Но что представляло оно въ дѣйствительности, — объ этомъ и приблизительное понятіе едва ли могли бы составить себѣ незнакомые съ провинціальной жизнью. Недостатокъ скота дошелъ до того, что не во всякой семьѣ можно было найти корову; поля—неудобренныя и необдѣланныя во-время и какъ слѣдуетъ; безвременная уборка чахлахъ хлѣбовъ, напр. овсовъ изъ-подъ снѣгу; безвременныя посѣвы, покосы,—и все кое-какъ, лишь урывками отъ барщинскихъ работъ, — такъ, въ главномъ, шло крестьянское хозяйство, если можно только назвать это хозяйствомъ. Были имѣнія въ двѣ, три и больше тысячъ душъ, за крестьянами которыхъ такъ и стояло издавна названіе — «...скіе нищіе». И это были нищіе во всемъ значеніи слова: они существовали на счетъ сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, такъ что, пока отцы и матери отработывали барщину, ихъ дѣти побирались по казеннымъ деревнямъ и такимъ способомъ прокармливали себя и своихъ родителей.

Благодѣтельная реформа произвела-было громадное нравственное вліяніе на этихъ измученныхъ невыносимыми тяготами крестьянъ: куда дѣлась вѣковая апатія — съ какою относились они къ своему безвыгодному положенію! При сколько-нибудь благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, они скоро подняли бы свое хозяйство и улучшили бы весь свой бытъ; потому что, вообще, крестьянинъ нашей мѣстности — неутомимый труженникъ и домовитъ въ высшей степени. Но тутъ вмѣстѣ отнятіе пастбищъ, покосовъ, всего, что дало бы имъ возможность усилить скотоводство и, чрезъ то, поправить до тѣхъ выно-

танныя поля, обрѣзка надѣловъ и самыхъ усадебъ такъ—чтобы крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ, какъ тисками былъ сжать помѣщичьей землей, и за каждый лишній шагъ скотины и даже курицы платилъ штрафъ; лишеніе всякой возможности—имѣть какой-либо лѣсной матеріалъ свой, безъ чего никакое хозяйство сельское правильно развиваться не можетъ; словомъ, эти крестьяне увидѣли, что радость ихъ за полученную свободу не можетъ быть особенно-продолжительною, и самыя существенныя нужды жизни снова погонять ихъ подъ то же ярмо, изъ-подъ котораго они только-что было выбились.

Отсюда, вотъ положеніе — въ какомъ одна половина уѣзднаго крестьянства столкнулась съ новыми учрежденіями: нищенское хозяйство — результатъ прошлаго, отсутствіе всего, чѣмъ, по возможности, скоро можно было бы поднять это хозяйство, — всякихъ жизненныхъ ресурсовъ—въ хлѣбѣ, въ деньгахъ, въ чемъ бы то ни было; и ко всему этому, выкупныя платежи, казенныя повинности съ каждымъ годомъ увеличивающіяся, повинности «натурой» отъ рекрутчины, повторявшейся въ послѣднее время, каждый годъ, и до подводныхъ, дорожныхъ, постоянныхъ, — имъ же нѣсть числа. Положеніе, какъ легко понять, больше чѣмъ не легкое. И если крестьянство на самыхъ же первыхъ порахъ не махнуло на все рукой, то это произошло лишь отъ того, что слишкомъ сильно было нравственное вліяніе на нихъ реформы.

Другая половина уѣзднаго крестьянства, казеннаго, была, сравнительно, въ лучшемъ положеніи. Сельское хозяйство — собственно не стояло у нихъ на высокой степени; да и не могло стоять. Чрезвычайное малоземеліе (въ большинствѣ — полторы, двѣ десятины на душу — *всей* земли), невѣстныя покосовъ, пастбищъ и хоть чего-либо въ родѣ лѣсныхъ дачъ, при такихъ условіяхъ, конечно, крестьянинъ не могъ имѣть избытковъ отъ своего сельскаго хозяйства. И онъ считалъ его достаточнымъ—если оно прокармливаетъ его съ семьей; не унижалъ, если, подъ иной годъ, земля не доставляла ему годового удовольствія, и ему приходилось, болѣе или менѣе, прикупать хлѣбъ. Все, отъ найма покосовъ, покупки дровъ—и до всевозможныхъ повинностей, до удовлетворенія прочихъ потребностей семьи, онъ восполнялъ или домашними ремеслами (колесники, шорники, сапожники, шерстобиты и т. п.), или сторонними заработками, преимущественно на фабрикахъ и заводахъ. Отсюда, если казенные крестьяне нашей мѣстности, вообще, не могли назваться «богатымъ» населеніемъ, то на названіе «достаточнаго» имѣли все право. По крайней мѣрѣ, никакія повинности за ними не стояли, и нищенство въ этой средѣ считалось послѣдней степенью позора: нищій или барщинскій, какъ синонимы, принимались здѣсь за самую оскорбительную брань.

Но и надъ этимъ крестьянствомъ, въ послѣднее десятилѣтіе, обру-

шло много невгодъ, которыя отозвались сильнымъ разстройствомъ всего его экономическаго быта. Послѣдовательный неурожаи всѣхъ хлѣбовъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, почти ежегодныя падежи скота, въ основѣ подорвали его хозяйство, не сильное и прежде. А къ этому, упадокъ всѣхъ ремесленныхъ и промышленныхъ дѣлъ почти во всѣхъ провинціальныхъ мѣстностяхъ; быстро и чрезвычайно подымавшаяся дороговизна всѣхъ потребностей жизни, вслѣдствіе чего, сторонніе заработки сдѣлались лишь средствомъ прокормленія для работающихъ; увеличеніе повинностей, все одно къ одному, — и достойное населеніе, въ массѣ, значительно обѣднѣло. До нищенства дѣло не доходило; но для прокормленія семей распродалось все, что приобрѣталось многимъ временемъ прежде; да и тутъ еще въ хлѣбъ примѣшивались — мякина, отрубя, мѣситка, и тому подобныя малопитательныя ингредиенты.

Такимъ образомъ, и этой половинѣ уѣднаго крестьянства пришлось столкнуться съ новыми учрежденіями далеко не въ лучшую пору своего быта.

Чтожь должно было стать во главѣ всѣхъ заботъ вновь сформировавшагося земства и составленной изъ него управы?

Еслибъ самыя первыя строки «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и не говорили, что земскія учрежденія образуются «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждаго уѣзда», то достаточно было самой малой доли здраваго смысла и честныхъ стремленій, чтобы во главѣ всѣхъ заботъ поставить — поднятіе экономическаго уровня уѣднаго крестьянства, такъ низко упавшаго. Все дальнѣйшее, отъ исправнаго взноса государственныхъ повинностей и до всевозможныхъ мѣстныхъ улучшеній, обуславливалось именно поднятіемъ этого уровня; съ разореннымъ до тла и обнищавшимъ крестьянствомъ ничего не подѣлаешь; вмѣсто необходимыхъ мѣстныхъ улучшеній, ему потребуются сильная внѣшняя помощь, что и случилось съ крестьянствомъ всеягонскаго уѣзда, и что предвидѣть повсюду было такъ легко. А помимо этой матеріальной стороны дѣла, что безконечно выше ея, своевременной заботой о поднятіи сказаннаго уровня поддержалась бы сила нравственнаго толчка произведеннаго реформой, и пробудилось довѣріе къ новымъ учрежденіямъ, значенія которыхъ крестьянство вначалѣ совсѣмъ не поняло.

Этой ли заботой задались, соединившіе всю силу въ своихъ рукахъ, дѣятели Калязинскаго земства и сформировавшейся изъ него управы? — Совершенно напротивъ. Поборы, поборы и поборы, съ этого начали и это продолжали сказанные дѣятели, возвышая цифру поборовъ параллельно съ упадкомъ экономическаго благосостоянія крестьянства. Такъ, въ 1867 году управа собрала и израсходовала (на что, о томъ рѣчь впереди) 30,694 руб. 47 коп.; въ 1868 году — 57,755 р. 32 коп.

И эту послѣднюю цифру, противъ утвержденныхъ въ «смѣтѣ» 41,805 руб. 89 коп., управа возвысила собственной своей волей.

И еще, еслибъ только общія земскія повинности!—нѣтъ, на крестьянство же взвалены повинности: подводная, дорожная, на содержание—волостныхъ правленій, сотскихъ и десятскихъ,—не говоря уже о рекрутской повинности—съ расходами при сдачѣ и съ надѣлами рекрутъ, и постоянной солдатъ и пр. и пр. Чтобы имѣть понятіе о значеніи этихъ повинностей, достаточно сказать, что первую изъ нихъ, съ 1867 г., управа взяла распоряжаться сама и послѣдила собрать: въ первое же полугодіе—18,000 руб., и во второе—9,000 руб. И еще еслибъ только крупные поборы! нѣтъ, въ дополненіе къ нимъ—мелкіе ¹⁾).

При такомъ порядкѣ дѣлъ, совершенно очевидно, никакого другого результата и не могло быть, кромѣ быстраго накопленія за крестьянами всевозможныхъ недоимокъ. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, станешь

¹⁾ Чтобы имѣть хоть приблизительное понятіе о значеніи крестьянскихъ повинностей, представляемъ цифру платежей одной деревни, по которой можно судить и о прочихъ.—Крестьянъ—93 души (бывшіе казенные). Земли у нихъ—188 десятин; тутъ усадебная и полевая, словомъ—вся тутъ; да и изъ этой—12 дес. неудобныхъ.

Платежи 1867 года (въ 1868 г., какъ означено выше, земскія повинности увеличены почти въ двое):

Податная подать (по 1 р. 83 к. съ души)—170 р. 19 к.—Оброчная подать,—съ разными дополнительными, 347 р. 40³/₄ к.—Еще дополнительныхъ—249 р. 46¹/₂ коп. Итого по селенію—767 р. 6¹/₄ к.

Мірскаго и земскаго сбора—91 р. 2³/₄ к. На уѣздныя и земскія повинности—24 р. Всего—882 р. 9 к.

Тутъ общія земскія повинности. Значить, не говоря уже объ особенныхъ, каждая душа платить—9 р. 43 к.—Прибавляя къ этому, съ временно обязанныхъ крестьянъ, 9 р. выкупной суммы,—18 р. 43 к.; а съ мелкими расходами при томъ, наберется и всѣхъ—20 р. однихъ общихъ платежей.—Цифра, сама по себѣ, не неодолимая для крестьянина,—но лишь при благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ. А тутъ пастбищъ нѣтъ; покосы нанимаются (для прокормленія одной лошади на 10—15 р.); лѣсной матеріалъ,—отъ прута и кола для изгородей и до дровъ въ избыткѣ и овнян, и до бревенъ на строенія, весь покупается,—и теперь, за истребленіемъ помѣщиками лѣсовъ, по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ. Легко ли же одолима сказанная цифра при такихъ условіяхъ?—А если представить себѣ тѣ бѣдствія, отъ неурожаевъ и падежей, которыя обрушились на крестьянство нашихъ мѣстностей за послѣднее время, то самая возможность этой цифры не представляется ли больше—чѣмъ сомнительною?—Такъ, въ послѣдніе годы, больше—чѣмъ дѣтъ трети уѣзднаго крестьянства, съ самаго начала зимы, уже покупаютъ ржаную муку, цѣна которой, въ прошлые два года доходила до 1 р. 25 к., а въ настоящемъ стоитъ на 95—1 р. 5 коп. за пудъ. Для самой обыкновенной семьи, въ 8—10 на большихъ и малыхъ, требуется не менѣе двухъ пудовъ въ недѣлю, къ хлѣбу требуется соль (и та вздорожала),—а о чемъ либо въ родѣ харчей крестьянство уже не помышляетъ. Какая же есть возможность сказанной цифры, когда зимній заработокъ крестьянина—1 р.,—1 р. 25 к. въ недѣлю, на всемъ своемъ?—На что потянешь, и какими несодѣянными чудомъ растянешь на всѣ жизненные потребности этотъ жалкій заработокъ?

цѣлѣ, когда — ни въ домѣ взять нечего, ни внѣ дома достать не откуда? когда помимо всѣхъ платежей, ни куска хлѣба, ни полѣна дровъ нѣтъ у семей?—Правда, недоимки «выбивали» и продолжаютъ «выбивать»; но разумѣютъ ли, — не-«выбиватели» — эти-то «вѣдаютъ — что творять», а стоящіе внѣ народной жизни — что именно «выбиваніе» недоимокъ и ведетъ неизбежно къ возрастанію ихъ въ геометрической прогрессіи?—Да.. И вотъ — какимъ образомъ ведетъ.

Въ началѣ земства, административная власть въ Калязинѣ стояла въ сторонѣ отъ дѣятелей земства и, не подчиняясь ихъ деспотическимъ притязаніямъ, умѣрляла до нѣкоторой степени ихъ рвеніе — располагать крестьянствомъ, какъ благопріобрѣтенной собственностью. Вслѣдствіе этого, было все пущено въ ходъ — чтобы избавиться отъ «безпокойной» административной власти и благопріобрѣсть «спокойную», т. е. такую, которая не только не мѣшала бы, но всячески содѣйствовала сказанному рвенію. Усилія увѣнчались успѣхомъ. Благопріобрѣтенной власти потребовалось, какъ говорится, «оправдать довѣріе». И распорядилась она — «выбить» недоимки, не обращая вниманія ни на кого и ни на что, не соображаясь ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ крестьянства, — т. е. распродать у крестьянина все — что въ данную минуту меньшая полицейская власть найдетъ у него. И въ то самое время, какъ у крестьянина, за какой-нибудь десятокъ рублей недоимки, вырываютъ послѣднія жизненныя опоры, помѣщикъ — съ сотнями, съ тысячами руб. недоимки, — знаетъ никого и ничего не хочетъ. Такъ напр., за предсѣдателемъ управы, кромѣ всего прочаго, стоитъ недоимка — *штрафъ*, за уклоненіе отъ платежа долговъ, въ 1,500 руб. — по казначейству; — и никому до этого и дѣла нѣтъ. И сколько такихъ недоимокъ по уѣзду!.. Прекрасно. И послѣдняя скотина, на которой, какъ на послѣднемъ волоскѣ, висѣло хозяйство крестьянина, продана; продана, понятно, за безцѣнокъ, какъ бываетъ при всякой безвременной продажѣ; — недоимка, больше или меньше, выбита. Но что за тѣмъ? — у земли отняты и тѣ послѣдніе клочки удобренія, которые, за зиму, могла подготовить проданная скотина; у крестьянина отнята возможность обработки; значить, впереди — брошенные поля, лишеніе всего, что только требуется для человѣческаго существованія, и то страшно-безвыходное положеніе, въ которомъ самая сильная внѣшняя помощь можетъ быть лишь паллятивомъ. А текущіе платежи, между тѣмъ, стоятъ въ своей неприкосновенной цѣлости; потому что еслибъ сама благопріобрѣтенная власть, и съ какимъ либо «митхадъ-пашей» за едино, отправилась «выбивать» ихъ, то можетъ сдѣлать только одно — распродать послѣднія лачуги и выгнать крестьянство «во чисто поле», прежде чѣмъ оно само побросало свои селенія. Чтожъ остается? одно и послѣднее: во имя «круговой поруки» приняты за тѣхъ крестьянъ — которые, по какимъ-либо исклю-

чительнымъ обстоятельствамъ, не обѣдѣли окончательно, распродать все, что еще сохранилось у нихъ; и такимъ образомъ, провести уровень обнищанія надъ всей мѣстностью. Вотъ путь, которымъ довели (получая благодарности, и чуть ли не награды—«за успѣшное выбитіе недоимокъ») весьегонское крестьянство до голода, до необходимости сильной внѣшней помощи и, въ концѣ концовъ, до слѣдствія, вѣроятнымъ исходомъ котораго будетъ: «волею божіей, за наши прегрѣшенія, случилось все таковое». Этимъ же путемъ, съ наилучшимъ успѣхомъ—достойнымъ благодарностей и наградъ, ведется калазинское крестьянство, которому до сказаннаго уровня остается уже одинъ шагъ. Только ли двухъ уѣздовъ? Пусть, кому желательно знать—сколько уѣздовъ не ведется этимъ путемъ, возьметъ на себя трудъ—лично изслѣдовать дѣятельность провинціального земства и настоящее положеніе крестьянъ: такое изслѣдованіе безошибочно покажетъ оборотную сторону медали, лицевая сторона которой не перестаетъ еще обольщать неразумѣющихъ дѣла, какъ оно есть.

Чѣмъ, покрайней мѣрѣ, вознаграждается крестьянство за всецѣлое разстройство своего экономическаго быта?

. Передъ нами отчеты калазинской управы за всѣ три года ея дѣятельности. Читая ихъ, невольно изумляешься:—что за роскошь заботъ объ народѣ!.. На все-то обращено вниманіе; все обдуманно, обсуждено, для всего взяты нужныя мѣры: за этимъ потокомъ, разливаемого дѣятелями управы, добра въ народной средѣ можно забыть даже и объ разореніи крестьянства.—Но какую непроходимую, старо-подъяческую ложь тутъ обличаетъ первая же повѣрка того, что есть въ дѣйствительности!.. И еще, еслибъ только ложь!

За заботой объ экономическомъ благосостояніи крестьянства должны слѣдовать заботы объ народномъ здоровьи и образованіи. Что тутъ есть въ дѣйствительности, по части санитарной и образовательной?

Въ дѣйствительности, крестьянство по части своего здоровья и теперь также предоставлено волѣ судьбы, какъ это велось въ былыя времена. Не говоря уже о тѣхъ спорадическихъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, которыя, время отъ времени, донимаютъ крестьянство безъ всякой пощады, — доселѣ не взяты надлежащія мѣры даже противъ той язвы, которая губитъ цѣлыя генерачіи: сифились на всей свободѣ продолжаетъ отравлять всю мѣстность, загоняемый въ самую глубь народной жизни знахарскими леченьями. И еще что? въ настоящее время — оспа принимаетъ тоже эпидемическое свойство, какъ это было гдѣть восемьдесятъ тому, когда она произвела столько опустошеній во всей нашей мѣстности. А между тѣмъ крестьянство обязано платить значительныя суммы за свое здравіе; существуютъ и лица для полученія какой-либо части изъ этихъ суммъ;

quasi-есть и аптеки съ аптечками, и хирургическіе инструменты, все какъ быть тому слѣдуетъ. Почемужъ quasi и не быть всему этому? Идѣ никто же не повѣряетъ того, что есть въ дѣйствительности; какъ и *дѣйствительныхъ* расходовъ по части санитарной; а бумага, какъ извѣстно, все терпитъ—какими цифрами ни испестри ее. Необходимо замѣтить, что крестьянство, особенно огорченное тѣмъ, что нѣкая личность, судившаяся за обирательство его при наборѣ, лишь вѣломощнымъ паномъ развѣзжала по волостнымъ правленіямъ и получала за то 700 рублей жалованья,—положительно не сочувствовало налогу ради своего же здравія.

По части образовательной, въ послѣднемъ «отчетѣ» объявляется, что въ уѣздѣ имѣется—9 школъ казенныхъ и 24 частныхъ, въ которыхъ «воспитывается (даже *воспитывается!!*) 757 муж. и ж. пола учащихся». Затѣмъ заявляется, какъ то слѣдуетъ, а именно: «цифра эта по числу народонаселенія къ сожалѣнію весьма незначительная; поэтому долгомъ считаю обратить особенное вниманіе земскаго собранія на возможное распространеніе въ народѣ грамотности, чрезъ устройство и открытіе правильно организованныхъ (sic) школъ на первый разъ хотя по одной въ каждой волости временно-обязанныхъ крестьянъ». Что можетъ быть отраднѣ этого заявленія? найдено возможнымъ, въ каждой волости открыть по школь, да и не кое-какой, а по *правильно организованной* школь: что и требуется, чего и жаждетъ такъ давно и такъ сильно крестьянство!! Но что, еслибъ какой-нибудь педагогъ, даже и не-педагогъ, а лишь честно желающій узнать правду дѣла, заглянулъ хоть только въ то, что названо существующими школами? Онъ нашелъ бы, что скорѣй и вѣрнѣй убить народное образованіе, какъ оно убивается теперь мнимыми ревнителями его, уже не возможно; что оттолкнуть крестьянство отъ всего, что зовется школой, нельзя лучше того, какъ оно теперь отталкивается. Были ославлены казенно-волостныя училища, какъ никуда негодныя, но всежъ они хоть что-нибудь да дѣлали. А теперь, вотъ образчикъ. Село Талдомъ, по развитости тутъ крестьянства, самое бойкое изъ всей мѣстности и центральное мѣсто раскола. Въ училищѣ этого села, пока оно не попало въ руки этихъ ревнителей образованія, мѣше 70 учениковъ не бывало; въ настоящемъ году ихъ-22;—прогрессъ!.. Тутъ же существуетъ училище для дѣвочекъ, съ учительницей, у которой на лицо ни единой ученицы. И это, послѣ вышеписанныхъ замѣненій!..

И все-таки, по части санитарной и образовательной, если не самое дѣло, то хоть призракъ дѣла существуетъ. Но напрасно захотѣли бы поискать въ дѣйствительности хоть чего-либо по части, напр., ветеринарной, въ нашей мѣстности, гдѣ такъ часто повторяются скотскіе падежи; или акушеровъ, для несчастныхъ крестьянонь, которыхъ

столько гибнетъ безвременно отъ варварскихъ приемовъ существующихъ повитухъ; или по части пожарной, при пожарныхъ эпидеміяхъ, каждое лѣто охватывающихъ наши селенія,—по какой бы то ни было части, даже и призрака чего либо, для уврачеванія всѣхъ подобныхъ золъ, нѣтъ въ дѣйствительности. А, между тѣмъ, по «отчетамъ», ни одна сторона народной жизни не оставлена безъ вниманія и самыхъ благодѣтельныхъ мѣропріятій.

Но на чтоже нибудь тратятся деньги земства, эти десятки тысячъ собираемые съ народа и такъ быстро возрастающіе въ количествѣ?

Само-собой разумѣется, расходуются управой сполна. Даже и отчеты въ приходѣ и расходѣ суммъ земства представляются. Но премію, и значительную премію нужно назначить тому, кто взялъ бы на себя трудъ, въ отдѣлѣ расходовъ, привести въ нѣчто ясное и понятное всѣ эти «отчислено, перечислено, отнесено, перенесено, позанимствовано, уплачены заимообразно братья», и пр. и пр. И все это изъ однихъ и тѣхъ же суммъ, находящихся въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, расходуемыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Къ чему эта разбивка крупныхъ цифръ на мелкія, растасовка и перетасовка ихъ такая — что и концовъ не найдешь; къ чему вся эта невообразимая путаница, изъ староподъяческаго міра, славнаго умѣньемъ хоронить всѣ и всяческіе концы въ воду, перенесенная и въ отчеты земской управы,—нужно ли говорить о томъ? И это лишь по части цифръ, какъ онѣ значатся въ отчетахъ, а о повѣркѣ ихъ съ дѣйствительностью, мы уже и рѣчи не поведемъ.

Не будетъ впрочемъ лишнимъ сдѣлать двѣ-три выписки изъ отчетовъ: чтущіе уразумѣютъ, въ чемъ суть дѣла.

Въ самомъ первомъ отчетѣ (1866 г.) читается: «вслѣдствіе представленія управы и по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, почетный гражданинъ П. удостоился высочайшаго благоволенія за *безвозмездную отдачу* дома къ удовлетворенію потребностей земства». Въ слѣдующихъ отчетахъ читаемъ: *на наемъ* и содержаніе дома куща П. 1,200 руб.; *на наемъ* помѣщенія для рекрутскаго присутствія (которое помѣщалось въ томъ же домѣ) 150 руб.» Куда дѣвались эти тысячи триста пятьдесятъ рублей, взятые съ земства за *безвозмездно отданный* домъ? Какъ-то всѣ израсходовались, разбросанныя въ отчетахъ по влочкамъ и отдѣламъ, «отчисленные, перечисленные, зачисленные», и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. *Ab uno disce omnia!*

Въ «Смѣтѣ на 1868 г.»: на канцелярію уѣздной управы 1,900 р.; на канцелярію мирового съѣзда судей 2,000 р.; на содержаніе канцеляріи съѣзда мировыхъ посредниковъ 500 р.). Нужно замѣтить, что всѣ эти, *soi-disant*, «три канцеляріи»—одно и то же. И вотъ эти «три канцеляріи», по смѣтѣ на 1867 годъ, обошлись земству въ 4,900 р.; не

сѣмѣтъ на 1868 г. должны были обойтись въ 4,400 р.; а причисляя сюда же — на содержаніе кандидатовъ мировыхъ посредниковъ (не существующихъ) 150 р.; на наемъ землемѣровъ при мировомъ сѣздѣ посредниковъ (весьма сомнительный) 500 р., — въ 5,050 р. Казалось бы достаточно, и сверхъ всякой мѣры достаточно?—нѣтъ, какъ видно изъ ноябрьскаго отчета за прошлый годъ, управа собственной волей распорядилась: «на усиленіе канцеляріи сей управы—120 р.; на наемъ для управы—казначея, бухгалтера и помощника—600 р.». Итого, въ прошломъ году, земство заплатилось управѣ суммой въ 5,770 рублей!.. И такая сумма въ то самое время, когда у разоряемаго крестьянства «выбиваются» недоимки, до распродажи послѣдней скотины со двора!..

Въ прошломъ же году, «на покупку фашиннику выдано: въ распоряженіе члена управы, Ш., 287 р., калязинскому исправнику—50 р., приставу 1-го стана—120 р., волостнымъ старшинамъ—180 р., и пр.; всего—753 р.». И еще: «съ 1 по 26 сентября на покупку фашиннику и пр. — 1,115 р. 68 к.»;—тутъ уже безъ означенія кому. Что, еслибъ повѣрить хоть одинъ этотъ фашинникъ, по поводу котораго такъ много крѣпкихъ словъ слышалось въ крестьянской средѣ? Впрочемъ, у одного изъ крестьянъ-старшинъ не хватило духу... израсходовать на фашинникъ выданные ему 60 р., и онъ употребилъ ихъ на волостныя потребности; а все-таки не могъ не выполнить того, ради чего раздавались старшинамъ фашинниковыя деньги.

Въ прошломъ же году: «на содержаніе мировыхъ посредниковъ—3,000 р., на содержаніе мировыхъ судей и ихъ канцелярій—6,000 р., и дополнительныхъ къ этой послѣдней цифрѣ — 400 р.» Чтб, еслибъ догадались спросить народъ, — какой жизненной пользой вознаграждаются ему эти девять тысячъ четыреста рублей? Чтб, еслибъ кому-либо изъ разумѣющихъ дѣло пришло на мысль — повѣрить дѣятельность этихъ, дорого стоящихъ народу и не народомъ избранныхъ, дѣятелей? или хоть только всмотрѣться въ способность ихъ къ дѣлу?

Замѣчательно, что единственная цифра идетъ сквозь всѣ отчеты безъ «отчисленій, перечисленій» и тому подобной путаницы: «на содержаніе членовъ уѣздной земской управы — 3,100 р.»

Наконецъ, съ 1-го по 26-е сентября управа показала въ расходѣ 12,926 р. 13 к. Ради какихъ земскихъ потребностей такой крупный расходъ въ такое короткое время? По отчету ни для какихъ особенныхъ; а та же, что и прежде разбивка и перетасовка цифрѣ. Но дѣло въ томъ, что послѣ 26 сентября, избранными отъ земства депутатами, должна была произвестись повѣрка израсходованныхъ управой суммъ; депутатамъ могла войти въ голову дикая мысль: потребовать, для повѣрки, налицо всѣ эти тысячи; ну, и т. д. Когда же они потребовали, по крайней мѣрѣ, документовъ на эти, такъ крупно израсходованныя тысячи, тогда юпитеровское: «я израсходовалъ», вразу-

мило ихъ, что тутъ слѣдуетъ не документовъ требовать, а подписать и благодарить; а иначе, кому придется и мѣсто полутора-тысячное потерять, кому въ управу не понасть, и т. п. Подписали и благодарили.

Да, расходуются земскія суммы. Израсходовались въ прошломъ году и калязинской управой 57,755 руб. 32 к. (не утверждаемъ, впрочемъ, чтобы изъ этой суммы не былъ показанъ какой-нибудь ничтожный остатокъ; но всего вѣроятнѣе, что будетъ показанъ дефицитъ, и явятся «позанствованные»; по послѣднему отчету, наличной суммы на расходъ отъ 26 сентября до конца года оставалось уже только 7,053 р. 98 к.; — что это, для управы?!..). Но кто въ состояніи взвѣснить сумму лишеній, горя, слезъ, разоренія окончательнаго, и пр. и пр., — въ каковую сумму обошлись эти десятки тысячъ крестьянству?

Но что-жъ само-то крестьянство? Въ прошломъ году кончилось первое трехлѣтіе земства и нужно было выбирать дѣятелей на новое трехлѣтіе; — воспользовалось ли же крестьянство своимъ правомъ — отстранить разоряющихъ его дѣятелей и избрать болѣе благонамѣренныхъ и достойныхъ?

Здѣсь, прежде всего, передадимъ отрывокъ изъ одной крестьянской «бумаги», который былъ напечатанъ въ 106 № «Русскаго» за прошлый годъ. «Бумага», какъ объяснено тамъ, нѣчто въ родѣ докладной записки, которую уѣздное крестьянство изготовило или уже представило куда-то.

«Вотъ уже оканчивается трехлѣтіе управленія земствомъ; и государственными крестьянамъ, по передачѣ въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, уже исполнилось два года; но улучшенія крестьянскому сословію нисколько не предвидится, кромѣ бесполезныхъ для общества денежныхъ налоговъ. А именно: въ 1867 году, по раскладкѣ на земскія повинности, было предположено и собрано съ уѣзда 26,825 руб.; въ число которыхъ съ крестьянъ собиралось: съ земель по 8 коп. съ десятины, а съ промысловыхъ и торговыхъ заведеній по 10 коп. съ каждаго оборотнаго рубля, которыхъ прежде никогда не платили ¹⁾.

¹⁾ Точно также обложены и всѣ ремесленники — плотники, пельщики, сапожники и т. п. Т. е. крестьянинъ — весь закованъ въ повинности — отъ «души», земли и до самаго, едва пропитывающаго его лично, ремесла. Между тѣмъ, освобождены отъ всякой повинности помѣщичьи, не говоря уже о «душахъ», усадьбы, изъ которыхъ нѣкоторыя превышаютъ цѣнностью крестьянскіе надѣлы цѣлыхъ селеній, всѣ и всякіе ремесла и промыслы, и даже самый главный — картежный. Самая раздѣлка земель произведена забравшими всю силу земства въ свои руки такъ, что крестьянскія земли, даже надѣльные торфяники и глиняники, зачислены въ *первый* разрядъ (въ 24 р. десятина); помѣщичьи — отхожія пустоши, земли, отрѣзанныя отъ крестьянскаго надѣла, состоящія подъ лѣсомъ и подъ вырубками — во *второй* разрядъ (въ 12 р. десятина; — «Отч. 65 г., стр. 24»). Т. е. тѣ самыя земли и зачислены во *второй* разрядъ, которыя не вдвое, а въ двадцать разъ цѣннѣе и доходнѣе крестьянскихъ пустошей. Пустошь,

Сверхъ того собрано съ 45,000 душъ, въ уѣздѣ находящихся,—по 40 коп. съ каждой, на отправленіе подводной повинности; и еще къ концу того же года по 20 к.—на ту же повинность. Въ 1868 г., сборъ этотъ увеличился и собирается съ земель, вмѣсто 8, по 12 коп. съ десятины, съ промысловыхъ и торговыхъ заведеній, вмѣсто 10, по 15 коп. съ рубля. Слѣдовательно, вмѣсто 26,825 р., — 40,238 р. 41 коп. (кромя подводныхъ по 40 к. съ души). Но что противъ 1867 г. улучшено, никому неизвѣстно. Исправленіе мостовъ и трубъ на почтовыхъ и большихъ дорогахъ хотя и приняло на себя земство, а полотно дорогъ, и вообще всѣ земляныя работы, оставлены на натуральной обязанности крестьянъ, при покупкѣ, на счетъ земства же, фашиннику и другого лѣснаго матерьяла. А за тѣмъ управа распорядилась и выдала деньги на покупку означеннаго матерьяла членамъ управы, становымъ приставамъ и нѣкоторымъ волостнымъ старшинамъ; но дороги тѣ исправляются по прежнему — тѣми же крестьянами, безъ всякихъ пособій, для чего наряжаются несмотря и на самую рабочую пору, а въ особенности по тракту гдѣ проѣзжаетъ предсѣдатель управы.... Подводная повинность также ничѣмъ не улучшена.... (слѣдуютъ доказательства). Старшины (ничего не дѣлая, какъ тутъ объясняется, а дѣлаютъ все писаря) получаютъ отъ волости жалованье—140 руб., и на разъѣзды отъ управы—120 р., а всего—260 р. въ годъ....

«При новомъ образованіи земства, мы не могли объ ономъ хорошо понимать, и избирались нами въ гласные люди безъ большаго разбора въ достоинствѣ ихъ къ прохожденію этой должности; на слѣдующее же трехлѣтіе хотя уже и поняли, въ чемъ состоятъ неудобства, для чего и желали избрать гласныхъ, — людей опытныхъ и достойныхъ довѣрія, но и тутъ барская власть преобладаетъ крестьянъ. Такъ, напр., при выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ перваго участка, выборщики, въ числѣ 170 человекъ, единогласно предлагали избрать гласнымъ священника Б.; но мировой посредникъ Н., не смотря на законъ статей — 31 и 35 «положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и статьи 44 «правилъ о порядкѣ» и пр., оному избранію, единственно своею волею, воспрепятствовалъ, и быть избраннымъ священника Б. не допустилъ. Тутъ же.... волостной писарь изъ мѣстныхъ крестьянъ С., балотировавшійся по желанію всего общества, но противъ желанія посредника Н., получилъ избирательныхъ 129 шаровъ, а неизбирательныхъ 41; но какимъ-то случаемъ, какъ видно изъ списка гласныхъ вложеннаго въ тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, онъ С. въ число гласныхъ не помѣщенъ...

напр., за всецѣлымъ отсутствіемъ у крестьянства покосовъ и пастбищъ, самая доходная статья въ нашей мѣстности, и притомъ не требующая затратъ ни капитала ни труда: лишь отдай, и деньги всегда впередъ.

«Изъ крестьянъ выбрано гласныхъ—15 (общее число—38); въ числѣ ихъ, по настоятельному требованію посредника избраны нѣкоторыя волостныя старшины, которые обязаны исполнять лишь приказанія начальства, а не общественныя выгоды соблюдать, и которые будутъ держать сторону могущихъ ихъ старшинами оставить и даже еще большимъ жалованьемъ на счетъ мірской вознаграждать. А за тѣмъ, нѣсколько неопытныхъ мужиковъ, что къ общей пользѣ могутъ противопоставить 18-ти на все искуснымъ дворянамъ?—вовсе ничего. А по этому и должно ожидать впередъ того же барскаго управленія, какъ и прошедшее трехлѣтіе...»

Изъ этой бумаги, составленной крестьянствомъ, до осозаемости очевидно, что оно вполне понимаетъ, откуда и въ чемъ зло; но совершенно бессильно бороться съ нимъ. Такъ, по окончаніи перваго трехлѣтія земства, во чтобы то ни стало, хотѣло крестьянство избавиться отъ забравшихъ всю силу въ свои руки: на частныхъ и общественныхъ собраніяхъ заранѣе обсудило и рѣшило оно, кому быть гласнымъ отъ него;—гласнымъ, которыхъ нельзя было бы соблазнить ни фашинниковыми, ни иными благоволеніями—за мірской счетъ, и которые достаточно имѣли бы въ себѣ силы духа, чтобы, не устращася юпитеровскихъ—«Я»!..., вотировать за переѣмну наличнаго состава управы и учинить строго справедливую повѣрку развѣянныхъ ея десятковъ тысячъ. Обо что разбились вполне законныя стремленія крестьянства, изъ приведеннаго отрывка видно. Къ переданному въ немъ объ единогласномъ избраніи священника нужно прибавить еще то, что избиратели слишкомъ два часа стояли за свой выборъ,—и ничего не могли подѣлать противъ такого безцеремоннаго попранія высочайше дарованнаго имъ права; что тутъ же засѣдала высшая административная власть уѣзда,—и молчаніемъ отдѣлывалась, когда крестьянство, во имя закона и правды, обращалось къ ней съ просьбой о поддержкѣ его права. Чтожь тутъ подѣлаешь?!.. «Оно могло протестовать, жаловаться», и т. п., безъ сомнѣнія скажутъ или невѣдающіе дѣйствительности, или игнорирующіе ее. Могло, что и говорить!.. Но для осуществленія этой возможности, для крестьянъ требовалась, по крайней мѣрѣ увѣренность, что за протестъ, при всей его законности, не придется подлатиться также, какъ это случалось въ былое время; что протестъ примутъ въ его истинномъ значеніи—какъ легальное заявленіе о нарушенномъ правѣ, а не какъ возмущеніе противъ власти, и даже двухъ властей засѣдавшихъ тутъ; а откуда могла быть въ нихъ эта увѣренность? Ни одинаго прецедента для нея въ ихъ жизни еще не случалось. Поневолю оставишь всякую мысль о чемъ-либо въ родѣ протеста, и выберешь—въ гласные, въ члены управы, во что бы то ни было,—не желанныхъ, а кого прикажутъ.

И что говорить о крестьянствѣ, когда даже городскія общества

обдѣлываютъ, если не такъ безцеремонно, то также ловко, чтобы не допустить въ гласные лица, способныя противодѣйствовать вышеопысаннѣмъ стремленіямъ? Не дальше какъ въ томъ же Калязинѣ, на общественномъ собраніи для выбора гласныхъ, весьма значительное число голосовъ было за одного изъ мѣстныхъ священниковъ¹⁾. Но это было предвидѣно, потому что въ обществѣ задолго прежде и громко говорили о необходимости избрать этого священника. И вотъ какой фокусъ былъ употребленъ, чтобы, не только не допустить выбора этого священника въ гласные, но и выбрать именно такихъ, какъ было приказано, т. е., которые шли бы къ масти. Когда дѣло дошло до самой балотировки въ гласные, вдругъ нѣкая, засѣдавшая тутъ, власть заявляетъ, что она не имѣетъ возможности оставаться долѣе въ собраніи, и проситъ отложить балотировку до слѣдующаго раза. Кто нужно, были подготовлены, и сейчасъ же изъявили свое согласие. Не подготовленные не смекнули сразу въ чемъ дѣло, и не нашли, что сказать толкомъ, а лишь подняли безтолковый крикъ, изъ котораго, понятно, ничего не вышло. Черезъ день было опять собраніе, но не общества, которому даже и «повѣстки» не были разосланы, — а какого-нибудь десятка личностей, хорошо налаженныхъ, что именно слѣдуетъ устроить. И устроили, подобрали къ масти. Одураченное большинство покричало, покричало, да на томъ и повершило: «протестовать?! поди-тутъ свяжись еще; пойдутъ слѣдствія, да допросы»... Чтожь, послѣ этого, говорить о крестьянствѣ?..

Осуществились ли желанія крестьянъ, чтобы былъ измѣненъ наличный составъ управы, угадать не мудрено. И отчегобъ онъ имѣлся?

Землевладѣльцы, извѣстные въ уѣздѣ своей пуританской честностью и несомнѣнной общепольностью стремленій, съ перваго же раза, какъ только увидѣли, кто и какими путями забралъ силу зем-

¹⁾ Въ послѣднихъ нумерахъ «От. Зап.» за прошлый годъ были напечатаны статьи: «Изъ недавней повѣдки», которыя стоить прочитать желающимъ имѣть вѣрное и ясное понятіе о провинціальномъ земствѣ. Но вотъ что говорится въ ней о духовенствѣ: «представительство духовенства такъ ничтожно, что о немъ и упоминать не стоитъ; да, притомъ, и личные интересы его слишкомъ малы и исключительны. На первыхъ собраніяхъ гласные отъ духовенства рассчитывали, что земство имъ дома выстроитъ и дастъ малую толпу деньжонокъ за то, что они при своихъ приходахъ, будуби, школы завели; но, встрѣтивъ полное равнодушіе къ своимъ нуждамъ и разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, большинство изъ нихъ бросило даже ѣздить на собранія, отъ которыхъ, какъ видно, толку для нихъ, какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока». Трудно вѣрить этимъ словамъ. Не само духовенство отстранилось отъ земства, которому оно и могло, и желало принести самую существенную пользу, а для его отстраненія не жалѣли и не жалѣютъ козней и интригъ. Такъ — во всеи тверской губерніи; такъ, по печатнымъ заявленіямъ — изъ множества мѣстъ иныхъ губерній.

ства въ свои руки, уклонились отъ всякаго участія въ дѣлахъ его. Одинъ же изъ таковыхъ, на котораго крестьянство возлагало наибольшѣ надеждъ, выбранный въ гласные, не явился на то собраніе, на которомъ шла балотировка членовъ управы, не смотря на то, что весь день пробылъ въ городѣ и посѣтилъ, кого для личныхъ дѣлъ было нужно. Всѣ могущіе стать за дѣло крестьянства были отстранены. Старшины - гласные горой стали за своихъ благодѣтелей; земно-клянясь, благодарили за благодѣанія земству и просили униженно о продолженіи ихъ; и какъ иначе? жалованье, подводныя, ни за-что, ни про-что, фашинникъ... И вышло, въ концѣ концовъ, что съ десятокъ гласныхъ не «обдѣланныхъ» положили, кому слѣдуетъ, черные шары; всѣ же прочіе гласные кляли бѣлые шары. Цѣль, такимъ образомъ, была достигнута, какъ нельзя лучше. Сила земства осталась въ тѣхъ же рукахъ, такъ благодѣтельныхъ для крестьянства. И тутъ же успѣшили воспользоваться этой силой: вмѣсто четверыхъ членовъ управы нашли нужнымъ оставить лишь троиныхъ; — ради облегченія крестьянства? всего менѣе; — а ради того, чтобы жалованье четвертаго было раздѣлено между троиными. Нельзя не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, двое изъ этихъ троиныхъ имѣютъ лишь фиктивную собственность, а поэтому и фиктивное право даже и на то, чтобы быть гласными, не говоря уже о томъ, чтобы быть членами управы. Слѣдовательно, въ случаѣ какихъ-либо прорухъ, или строго-честной повѣркѣ откуда либо сверху, вся тяжесть оказавшихся недочетовъ ляжетъ опять-таки на несчастное крестьянство.

И не то еще самое худшее во всемъ этомъ, что разореніе крестьянства доведется до конца: свѣтъ не безъ добрыхъ людей, — до голодной смерти не допустить, какъ не допустили до этого и весьегонское крестьянство; а разоренные даже и «французомъ» поправились же наконецъ. Но то самое худшее, что въ народной массѣ убивается окончательно и навсегда всякая вѣра въ лучшее дѣло нашего времени, въ то самое дѣло, которое должно было положить историческую грань между Русью крѣпостничества, со всеми его благами, и Русью новой жизни:

«Въ народной массѣ? — но это, или ложь, или непозволительное преувеличеніе. Тамъ и здѣсь, появляются корреспонденціи изъ провинціальныхъ мѣстностей, въ которыхъ самыми радужными красками описываются благодѣанія, потоками изливаемыя на народъ забравшими силу земства въ свои руки».

А кѣмъ пишутся эти корреспонденціи — крестьянствомъ ли? А что говорятъ люди не причастные дѣлу, имѣвшіе возможность заглянуть въ ту или другую провинціальную мѣстность? — Что сказано въ «Недавней поѣздкѣ», о которой упомянуто выше?

Конечно, было бы непозволительнымъ преувеличеніемъ утверждать,

что вездѣ такъ, и нѣтъ добрыхъ исключеній: Русь слишкомъ обширна, чтобы не нашлось въ ней мѣстности, гдѣ крестьянство благословляетъ и свою земскую управу, и даже своихъ мировыхъ судей, выбранныхъ законнымъ порядкомъ, а не между карточными сдачами распределенныхъ. Но много ли найдется такихъ исключеній?*)

То, по крайней мѣрѣ, можетъ служить утѣшеніемъ для каждой мѣстности, какъ и для калезинскаго крестьянства, что не онѣ первыя, не онѣ и послѣднія, которыя обдѣлываются такимъ благодѣтельнымъ образомъ. Вотъ, напр., что заявлялось въ прошломъ году о смоленскомъ земствѣ: «въ настоящемъ году оканчивается первое трехлѣтіе нашей земской жизни. Минута оцѣнки приближается, и что же мы видимъ кругомъ себя въ Смоленской губерніи? — громадный расходъ на содержаніе управъ и съ каждымъ днемъ возрастающую нищету народа; огромный непронизводительный долгъ на прокормленіе крестьянъ и страшный голодный тифъ, который до сихъ поръ уноситъ ихъ цѣлыми семьями. Никакихъ искреннихъ заботъ, никакихъ своевременныхъ мѣръ для пользы народа, кромѣ заботъ объ акуратномъ полученіи жалованья. Я вижу десятки и сотни тысячъ рублей, кидаемыхъ бесплодно и бесполезно. Я вижу людей, съ убійственнымъ равнодушіемъ опускающихъ себя въ карманъ эти рубли на счетъ разоряемаго народа. Смерть, нищета, воровство, позоръ, — вотъ что заставило меня говорить наконецъ публично» и т. д. Что можетъ быть утѣшительнѣе этого единодушія благодѣтельныхъ стремленій? — никому незавидно: всѣмъ достанется поровну; все сведется подъ одинъ уровень. А на людяхъ, какъ извѣстно, и смерть красна. А тамъ, дастъ Богъ, обнищавшее крестьянство, проклявъ новыя учрежденія, возжаждетъ поворота въ старую колею; что и требовалось доказать, — думаютъ иные.

Калезинъ.

в.

*) Мы полагаемъ, что въ настоящемъ случаѣ важно не то, много ли, или мало найдется исключеній, а то, что сколько бы ни было случаевъ злоупотребленія, въ наше время зло собственно должно называться исключеніемъ, а не правиломъ, и это большой успѣхъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ авторомъ относительно причинъ тѣхъ печальныхъ явленій, на которыя онъ указываетъ: нельзя объяснить злоупотребленіемъ отдѣльныхъ лицъ неудачу цѣлаго строя жизни, такъ какъ сами злоупотребленія есть только результатъ болѣе отдаленныхъ причинъ, которыхъ мы касались не разъ, говоря о земствѣ и объ охлажденіи къ нему его дѣателей.

Ред.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го мая 1869.

Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. — Туркестанская выставка и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. — Волненіе въ оренбургскомъ краѣ. — Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 годъ. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ сословіи. — «Всеобщее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи.

Отъ преній и диспутовъ, переходившихъ, до послѣдняго времени, въ брань и обвиненія противниковъ чуть не въ измѣнѣ, пресловутый вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ попалъ наконецъ на почву фактовъ, болѣе здоровую и осязательную почву. Въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ «Правительственнаго Вѣстника» мы прочли:

«Министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что имъ внесены въ Комитетъ министровъ *ходатайства земскихъ собраній*: а) черниговскаго губернскаго и нѣжинскаго (уѣзднаго — о *преобразованіи тѣхвинской классической гимназіи въ реальную, съ предоставленіемъ затѣмъ окончившимъ въ ней курсъ ученія права на поступленіе въ университетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и воспитанникамъ классическихъ гимназій*; б) александрійскаго уѣзднаго — объ измѣненіи въ томъ же смыслѣ § 122 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 г.; и в) нижегородскаго губернскаго — о дозволеніи воспитанникамъ реальныхъ гимназій при поступленіи въ университетъ держать экзаменъ лишь изъ тѣхъ древнихъ языковъ, знаніе которыхъ необходимо въ избранномъ ими факультетѣ.

«Разсмотрѣвъ представленія министра народнаго просвѣщенія по этому предмету и усматривая изъ нихъ, что ходатайства, возбужденныя упомянутыми земскими собраніями, касаются общей системы образованія и организаціи учебной части въ Имперіи, подвергавшихся, въ установленномъ порядкѣ, подробному обсужденію, и получившихъ, законодательнымъ путемъ, окончательное разрѣшеніе высочайше утвержденными, 18-го іюня 1863 г. и 19-го ноября 1864 г., уставами университетовъ, гимназій и прогимназій, *Комитетъ министровъ нашелъ, что вопросы сіи не подлежатъ обсужденію означенныхъ земскихъ учрежденій.*

Итакъ, нѣкоторыя земскія собранія ходатайствуютъ объ измѣненіи одного изъ параграфовъ послѣдняго устава гимназій; а Комитетъ ми-

нистровъ отказываетъ имъ въ этомъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что подобныя вопросы не подлежатъ обсужденію означенныхъ земскихъ учреждений. Въ этомъ дѣлѣ есть общая и спеціальная сторона. Къ чему вообще могутъ относиться ходатайства? Комитетъ министровъ отказалъ въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что ходатайство земскихъ собраній направлено къ отмѣнѣ того, что подвергалось подробному обсужденію и получило силу закона; должно ли изъ этого заключать, что ходатайство должно состоять въ просьбѣ о позволеніи воспользоваться тѣмъ, что и безъ того разрѣшено закономъ? Но о томъ, что намъ слѣдуетъ по закону, нечего и ходатайствовать; по самому смыслу слова, ходатайство должно всегда относиться къ тому, чтобы просить объ отмѣненіи или измѣненіи прежде постановленнаго, но на опытѣ оказавшагося препятствіемъ къ развитію той или другой общественной потребности. Можно найти самое ходатайство неосновательнымъ по отношенію къ доводамъ, вызвавшимъ его; но на этотъ разъ комитетъ министровъ отказалъ ходатайству, мотивируя его вовсе не тѣмъ, что доводы его неосновательны, а именно тѣмъ, что ходатайствуютъ объ отмѣнѣ прежде установленнаго. Но ходатайство и можетъ только касаться отмѣны прежде установленнаго, или иначе пришлось бы объяснить земскимъ учрежденіямъ, что ходатайство должно имѣть своимъ предметомъ право воспользоваться тѣмъ, что разрѣшено закономъ. Вотъ, еслибы земскія учрежденія ходатайствовали о дозволеніи изъ классическихъ гимназій поступать въ университеты, то имъ можно это разрѣшить, такъ какъ ихъ ходатайство не противорѣчило бы уставу гимназій.

Спеціальную сторону въ настоящемъ случаѣ составляетъ самый § 122, къ измѣненію котораго направлено ходатайство упомянутыхъ земствъ. Но для разъясненія его необходимо обратиться къ исторіи самаго устава 19-го ноября 1864 г., дѣйствующаго и донинѣ. Не многіе уставы слагались у насъ такимъ путемъ, какимъ сложился этотъ уставъ. Выработанный предварительно въ комитетѣ изъ специалистовъ, онъ былъ отданъ на публичное обсужденіе; потомъ вновь переработанъ по замѣчаніямъ, доставленнымъ отсюда, и уже въ этомъ видѣ вышелъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы получить окончательное утвержденіе законодательнымъ путемъ. Однимъ словомъ, уставъ родился не въ канцеляріи, и не могъ быть приписанъ ни волѣ, ни частнымъ вкусамъ одного лица. Но, тѣмъ не менѣе, одна изъ существенныхъ сторонъ этого устава понесла на себѣ слѣды переходнаго состоянія дѣла, а можетъ быть и уступки тѣмъ, которые говорили громче. Однимъ словомъ, были допущены два вида гимназій, классическія и реальныя, но право поступленія въ университетъ было предоставлено однимъ классическимъ, т. е. предполагено было основать реальныя гимназій, но въ тоже время ихъ обставили такимъ

условіемъ, чтобы онѣ остались безъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, реальныя гимназіи осуждены были впередъ на смерть, а классическія продолжали по прежнему недоучивать 95 человекъ, и 5 человекъ доучивать, т. е. изъ 100 поступавшихъ, — 95 выходили, не окончивъ курса, а 5 кончали съ правомъ поступленія въ университетъ. Въ виду такого происхожденія § 122, надобно было ожидать отъ послѣдующаго времени указаній опыта и выраженій мнѣнія. Вышеприведенныя ходатайства земскихъ учреждений нельзя не отнести именно къ подобнымъ указаніямъ; въ нихъ выразилось мнѣніе людей искренно и безкорыстно заинтересованныхъ дѣломъ просвѣщенія общества, хозяйство котораго лежитъ на ихъ рукахъ. При выработкѣ устава наши полезнымъ совѣщаться съ экспертами; почему же обсужденіе дополненія или измѣненія того, что очевидно оставлено было на половинѣ дороги, не должно допускаться, когда дѣло идетъ объ общественной пользѣ?

Говорятъ обыкновенно, что земству можно позволить жертвовать деньги на народное и общественное образованіе, но за тѣмъ вопросъ о томъ, какую систему допустить въ устройствѣ школы—не касается земства, такъ какъ оно не состоитъ изъ специалистовъ. Но, во-1-хъ, въ настоящемъ случаѣ земство не представило отъ себя никакой новой системы образованія, а изъ двухъ допущенныхъ уставомъ, избирало ту, которая ему казалась дѣлесообразнѣе. Реальныя гимназіи, о которыхъ ходатайствуютъ тѣ земскія собранія, допущены уставомъ, и земство ходатайствовало только объ измѣненіи той непослѣдовательности въ уставѣ, на которую мы указали выше, а именно, реальныя гимназіи допущены и сдѣланы въ то же время невозможными, такъ какъ ихъ воспитанники впередъ наказаны лишеніемъ права на высшее образованіе, и слѣдовательно, на лучшее положеніе въ обществѣ. Если въ уставѣ остаются допущенными два разряда гимназій, то вопросъ о выборѣ разряда почему не можетъ подлежать обсужденію земскихъ учреждений? Если одинъ параграфъ устава осуждаетъ на смерть то, что другимъ параграфомъ призывается къ жизни, то почему нельзя ходатайствовать объ отиѣнѣ того §, который вредитъ дѣлу, допущенному тѣми же уставами? Развѣ только потому, что подобное измѣненіе слѣдовало сдѣлать, не ожидая ничего ходатайства.

Еще разъ повторяемъ, что ходатайство, по природѣ своей, всегда предполагаетъ, что ходатайствующій имѣетъ въ виду не пользованіе тѣмъ, что законъ уже далъ, но тѣмъ, чего онъ не далъ; а что ходатайство можетъ касаться подобныхъ предметовъ, доказательствомъ служитъ ходатайство гг. Каткова и Леонтьева объ устройствѣ такого учебнаго заведенія, какое совсѣмъ не предвидѣно уставами 1863 и 1864 г., а именно, пансіонъ упомянутыхъ господъ будетъ вмѣстѣ и гимназія и университетъ. Если частнымъ лицамъ дозволено обсудить свое дѣло

по своему крайнему разумѣнію, и потомъ ходатайствовать о томъ, что лежитъ внѣ устава, то почему же цѣлое вѣдомство, какъ земскія учрежденія, лишаются такого же права? Намъ казалось бы, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, на министерствѣ народнаго просвѣщенія лежала обязанность, по поводу ходатайства земства, возбудить законодательный вопросъ, такъ какъ ходатайство земства клонится къ измѣненію или лучше сказать къ дополненію одного изъ параграфовъ устава гимназій. Относительно же ходатайства нижегородскаго губернскаго земства не предстояло и такой надобности, такъ какъ для удометворенія его ходатайства не нужно было ни юты измѣнить въ уставѣ: додержать экзаменъ изъ предмета, недостающаго реальнымъ гимназіямъ, совершенно согласно съ духомъ устава и съ общепринятою практикою. Земскія собранія, встрѣчая препятствія въ своемъ стремленіи содѣйствовать успѣхамъ образованія, конечно, охлаждаютъ къ вопросамъ, отъ обсужденія которыхъ имъ рекомендуютъ устраниваться, да и вообще охлаждаютъ къ своему дѣлу, такъ какъ нельзя ограничиваться заботами о матеріальномъ хозяйствѣ, когда успѣхъ матеріальнаго богатства тѣсно связанъ съ успѣхами образованія.

Петербургу, въ минувшемъ мѣсяцѣ, предоставленъ былъ случай ознакомиться хотя немного съ новыми нашими пріобрѣтеніями въ Средней Азій для усвоенія которыхъ массою нашего общества нужно не столько умѣнье спрягать по-латыни и по-гречески, сколько реальное образованіе. Для большинства, туркестанскій край доселѣ существовалъ только на бумагѣ, въ реляціяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ: на выставкѣ онъ является въ оригиналь, представляемый своими произведениями. Подобныя выставки произведеній и разныхъ предметовъ вновь присоединенныхъ къ государству странъ въ большомъ ходу въ Англіи, гдѣ общество относится къ нимъ съ живѣйшимъ интересомъ. Надо надѣяться, что у насъ нынѣшняя выставка повлечетъ за собою нѣсколько другихъ, болѣе полезныхъ выставокъ произведеній Туркестана. Нынѣшняя выставка далеко не полна; на ней вовсе не представлена растительность края, нѣтъ изображеній домашнихъ животныхъ: верблюда, киргизской породы лошадей, скота, почти нѣтъ домашней утвари, нѣтъ образцовъ хлопка, наконецъ — нѣтъ манне-теповъ, которые бы представляли экземпляры племенныхъ группъ, довольно разнообразныхъ въ Средней Азій. Но, какъ бы то ни было, нельзя не благодарить гг. Сѣверцова, Татаринова, Верещагина и за то ознакомленіе публики съ туркестанскимъ краемъ, какое достигается обзорѣніемъ ихъ коллекцій.

Наиболѣе существенныя свѣдѣнія о краѣ даютъ коллекціи орнитологическая и минералогическая. Первая замѣчательна и по численности предметовъ и по красотѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ. Въ кол-

лекціи преобладаютъ птицы хищныя, орлы, грифы — достойные представители этихъ степей, исконнаго отечества хищническихъ ордъ. В коллекціи минераловъ есть замѣчательные образчики каменнаго угля, рудъ серебряныхъ, мѣдныхъ и проч. Каменноугольные пласты доселѣ замѣчены въ туркестанской области только въ двухъ мѣстахъ, и мы не знаемъ, началась ли уже правильная ихъ разработка. Что касается рудъ, въ особенности желѣзныхъ и свинцовыхъ, то всѣ показанія путешественниковъ свидѣтельствуютъ, что туркестанскій край долженъ быть богатъ ими. Край, одаренный каменнымъ углемъ и спутникомъ его — желѣзомъ, имѣетъ важные задатки развитія.

Коллекція мануфактурныхъ издѣлій представляетъ образецъ бушмажныхъ и шелковыхъ тканей и вышитыхъ кожъ. Издѣлія эти (за исключеніемъ ковровъ и шитыхъ кожъ) далеко не замѣчательны. Само собою разумѣется, что работа здѣсь исключительно ручная. Бумажныя ткани низки, и по неровности нити (что зависитъ отъ неправильной очистки хлопка), и по краскамъ. Шелковыя ткани — не чисты; ихъ скорѣе слѣдуетъ отнести къ полшелковымъ. Вообще изготовленіе тѣхъ и другихъ тканей въ нашей туркестанской области стоитъ на очень низкой степени. Въ одномъ Ходжентѣ производство ихъ сколько-нибудь значительно, но добротныя, чистыя ткани употребляемыя въ туркестанской области — не туземнаго происхожденія; онѣ ввозятся изъ ханствъ. Исключеніе представляютъ только шерстяныя туркестанскія матеріи и издѣлія изъ войлока. Такъ какъ овцеводство въ рукахъ кочевниковъ, то они же занимаются и приготовленіемъ шерстяныхъ тканей. Коллекція холоднаго оружія любопытна, но ничего не доказываетъ относительно мѣстнаго искусства выдѣлки, такъ какъ лучшіе клинки имѣютъ происхожденіе коканское или бухарское.

О вкусѣ нѣкоторыхъ туземныхъ мастеровъ, вкусѣ конечно своеобразномъ, но тѣмъ не менѣ замѣчательномъ, свидѣтельствуютъ нѣсколько эмалированныхъ металлическихъ издѣлій, особенно пояса изъ бляхъ и шитье по козловой и бараньей кожѣ шелками. Эти кожи выдѣлываются на мѣстѣ, между тѣмъ какъ кожи для шорныхъ предметовъ употребляются, по большей части, привозныя и именно русскія. При огромномъ мѣстномъ скотоводствѣ, выдѣланныя кожи приходится все-таки привозить, по отсутствію на мѣстѣ заведеній для порядочной обработки ихъ.

Нравственная фізіономія края, типы его обитателей, нравы, особенности быта представляются на выставкѣ исключительно картинами и эскизами, если не считать бухарскую палатку и могилу мусульманскаго святого, которыя, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ чучеломъ «каменнаго барана» наиболѣе занимаютъ публику. Бытовныя картины г. Верещагина очень интересны и характеристичны. Въ нихъ особенно замѣчательны именно — типы разныхъ сословій. Но посѣтитель вы-

ставки, разумѣется, не выносить отсюда сколько нибудь опредѣленнаго понятія о составѣ мѣстнаго населенія. Онъ видитъ типы самыхъ различныя и объясняетъ ихъ себѣ различіемъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ. Между тѣмъ, сами сословныя различія, въ Средней Азій, представляютъ различія племенныя. Картины никакъ не могутъ заимѣть маннекеновъ или хотя бы статуэтокъ, со строгонаучною классификаціею типовъ.

Въ наше намѣреніе не могло входить помѣщеніе здѣсь обстоятельнаго описанія туркестанской выставки; мы упоминаемъ здѣсь о ней только какъ о фактѣ перваго нагляднаго ознакомленія нашей публики съ фізіономіею новыхъ приобрѣтеній Россіи. Уже и этого слишкомъ неполнаго ознакомленія достаточно для убѣжденія публики, хотя не въ томъ, что приобрѣтенный нами край — край *богатый*, но въ томъ, что этотъ край имѣетъ всѣ задатки къ тому, чтобы сдѣлаться богатымъ, если мы сумѣемъ воспользоваться его натуральными условіями. Одно это бѣглое обозрѣніе показываетъ, что въ край есть данныя для серьезной промышленности, и вмѣстѣ, что промышленность теперь стоитъ тамъ низко и по недостатку вспомогательныхъ средствъ, и по неумѣнью. Стало быть, намъ представляется новое обширное поле для дѣятельности. Что касается торговли, то она должна получить сильное развитіе еще гораздо раньше, чѣмъ поднимется туземная промышленность, такъ какъ важнѣйшая торговля въ туркестанскомъ крайѣ — транзитная. Кокань, Бухара, китайскій Туркестанъ, даже Афганистанъ представляютъ громадный рынокъ для сбыта издѣлій восточной Россіи, несмотря на англійскую конкуренцію. Англійская конкуренція тамъ можетъ съ успѣхомъ оспаривать намъ рынки преимущественно потому, что англійская торговля опирается на политику, преимущественно торговую, сосѣднаго англійскаго владѣнія, между тѣмъ какъ наша торговля должна прокладывать себѣ пути сама, не имѣя опоры въ нашей мѣстной политикѣ, носящей на себѣ характеръ военный, политически-преобразовательный, какой угодно, только не торговый. Мало того: и въ этой политикѣ, преимущественно военной и административной, у насъ нерѣдко преобладаетъ «ощупь». Между тѣмъ, для установленія и развитія торговыхъ сношеній нѣтъ ничего хуже, какъ неопредѣленность цѣлей — *une politique de tâtonnement*.

Конкуренція съ Англіею и преобладающее «административное свойство» нашей дѣятельности въ уральскихъ и сирь-дарьинскихъ степяхъ — вотъ два вопроса, на которыхъ надо остановиться по требованію нѣсколькихъ новѣйшихъ фактовъ.

Изъ объявленія британскаго премьера въ палатѣ общинъ, мы узнаемъ то, о чемъ не могли бы узнать иначе, именно, что въ настоящее время происходитъ «обмѣнъ весьма дружественныхъ соображеній»

между сент-джемскимъ и нашимъ кабинетами, и что переговоры эти общають «благопріятный исходъ». Гладстонъ даже отказался отвѣчать на предложенный ему однимъ членомъ запросъ по поводу среднеазіятскихъ дѣлъ, отозвавшись, что это могло бы помѣшать происходящимъ переговорамъ. Еще до того дня, когда наше обозрѣніе появится въ печати, отсроченный запросъ будетъ повторенъ въ палатѣ общинъ. Во всякомъ случаѣ, о результатѣ переговоровъ мы узнаемъ изъ того же источника прежде, чѣмъ они будутъ примѣнены на практикѣ.

Весьма естественно спросить, — хотя бы только себя, такъ какъ намъ больше спрашивать некого — въ чемъ могутъ состоять эти переговоры? Нѣтъ сомнѣнія, что британское правительство не станетъ добиваться отъ Россіи прямого обязательства относительно сохраненія въ Средней Азій *statu-quo*. Но кабинеты могутъ обмѣняться изложеніями своихъ взглядовъ на общія цѣли политики въ Средней Азій, хотя изложенія такого рода обыкновенно содержатъ въ себѣ мало опредѣленнаго и ничего обязательнаго. Представляется несовсѣмъ вѣроятнымъ ходатайство англійскаго правительства о допущеніи его консуловъ въ наши среднеазіятскія владѣнія, хотя подобное ходатайство и возможно, какъ не противорѣчащее политическимъ принципамъ. Но дѣло въ томъ, что собственный примѣръ слишкомъ противорѣчилъ бы подобному предложенію. Правда, Англія допускаетъ пребываніе иностранныхъ консуловъ въ главныхъ портовыхъ городахъ своихъ ост-индскихъ владѣній. Но внутри страны она никогда не допускала иностранныхъ агентовъ; напротивъ, съ величайшей подозрительностью смотрѣло всегда ост-индское правительство на попытку какого бы то ни было иностранца проникнуть внутрь страны, именно подозрѣвая въ немъ агента иностраннаго правительства. Бывали даже необъясненные случаи исчезновенія подобныхъ смѣльчаковъ. Но въ нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ нѣтъ портовыхъ, болѣе или менѣе изолированныхъ отъ центровъ туземной національности, пунктовъ. Англійскій консулъ въ Ходжентѣ, напримѣръ, былъ бы въ самомъ центрѣ непосредственныхъ сношеній и съ консулами, и съ бухарцами и съ нашими кочевниками, и съ кастою улемовъ, простирающею свое вліяніе на весь среднеазіятскій міръ. Едва ли британское правительство рѣшилось сдѣлать предложеніе, столь мало согласное съ примѣрами собственной его политики.

Едва ли можно предположить въ переговорахъ, начатыхъ сент-джемскимъ кабинетомъ, кромѣ обмѣна общихъ взглядовъ, непосредственно практическую цѣль, кромѣ созданія предлога на будущее время. Скорѣе всего слѣдуетъ ожидать, что оно повело рѣчь о положеніи независимыхъ владѣній, находящихся между территориями, принадлежащими обѣимъ великимъ державамъ: Афганистана, Бухары и

Кокана, изъ которыхъ первыя двѣ недавно были обуреваемы внутренними раздорами, а послѣднее сохранило только тѣнь независимости. Относительно Афганистана, Англія имѣетъ кое-что сообщить намъ, относительно Бухары и Кокана она имѣетъ кое-что спросить насъ. Политика, которой слѣдовало ост-индское правительство, при прежнемъ генераль-губернаторѣ сэръ Дж. Лауренсѣ, относительно Афганистана была политикою полного нейтралитета. При чемъ преобладало мнѣніе, что Англіи невыгодно дѣлать шага навстрѣчу Россіи, что лучше всего оставить Афганистанъ между ея властью и властью Россіи, съ тѣмъ, что если бы, современемъ, Россія послала войска и въ Афганистанъ, то трудъ пройти и покорить его — это трудъ огромный и опасный, выпалъ бы на долю Россіи, предпринявшей нападеніе, а не Англіи, заботящейся слишкомъ преждевременно къ предупрежденію такого нападенія. Это мнѣніе сэра Дж. Лауренса преобладало и въ англійской журналистикѣ.

Но мнѣніе это уступило мѣсто другому взгляду; новый англійскій генераль-губернаторъ, лордъ Майо, счелъ нужнымъ прибрать къ рукамъ Афганистанъ заблаговременно, и нашелъ возможнымъ сдѣлать это, не повторяя прежней, бѣдственной экспедиціи, однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, посредствомъ признанія владѣтелемъ Афганистана Эмира Ширъ-Али, одного изъ претендентовъ на господство въ Афганистанѣ. Лордъ Майо, какъ извѣстно, недавно имѣлъ торжественное свиданіе съ Ширъ-Али и послѣднему посулилъ, какъ говорить, ежегодную субсидію въ 120 т. фунтовъ. Это мнѣніе о необходимости заблаговременно обезопасить свою границу въ Индостанѣ противъ предполагаемаго покушенія Россіи (которое теперь представляется намъ совершенно невозможнымъ, но тотчасъ бы пришло намъ на умъ, въ случаѣ войны нашей съ Англіею въ Европѣ) нашло себѣ отголосокъ въ томъ же «Times», который еще недалеже, какъ минувшимъ лѣтомъ такъ убѣдительно доказывалъ правильность взгляда сэра Дж. Лауренса. Теперь корреспондентъ «Times» говоритъ, что преданному Англіи афганистанскому эмиру можно давать не только по 120 т. фунтовъ въ годъ, но еще и большія пособія по-временамъ, вслучаѣ нужды, потому именно, что: «со стороны Россіи грозитъ опасность, и необходимо энергически противодѣйствовать ея завоевательнымъ видамъ».

Эти слова мы приводимъ для того только, чтобы показать, какъ измѣнился взглядъ англійской политики на наши успѣхи въ Средней Азій; сами по себѣ подобныя опасенія совершенно лишены основанія, особенно въ настоящее время, когда у насъ все еще стоятъ на очереди вопросы: не отдать ли намъ назадъ эмиру бухарскому самый Самаркандъ? Но вотъ именно эту-то неопредѣленность, нерѣшительность съ нашей стороны, англійская дипломатія и можетъ воспользоваться. Обязательно сообщая намъ о своемъ намѣреніи признать Шира-Али эмиромъ Аф-

ганистана, для водворенія тамъ спокойствія, и конечно выражая намѣреніе вполне уважать независимость Афганистана, пожалуй даже считать его нейтрализированною областью между владѣніями Англии и Россіи, британская дипломатія можетъ спросить мнѣнія нашего кабинета какъ относительно своихъ взглядовъ на положеніе Афганистана, такъ и относительно положенія ханствъ сосѣднихъ съ нашими владѣніями; спросить насъ покажѣтся только: признаемъ ли мы Бухару и Коканъ независимыми владѣніями, подобно тому, какъ она признаетъ Афганистанъ? Вслучаѣ, если мы дадимъ отвѣтъ утвердительный (а отрицательнаго мы, разумѣется, дать не можемъ), англійская дипломатія будетъ имѣть въ рукахъ предлогъ уже къ формальнымъ представленіямъ впослѣдствіи, при малѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ впередъ. Конечно и утвердительный отвѣтъ съ нашей стороны еще не составитъ обязательства, а предлогъ, полученный англійскою дипломатіею не увеличитъ матеріальныхъ средствъ ея вредить намъ. Но въ политикѣ каждое лишне-сказанное слово вредно. Мы опасаемся именно, чтобы такое лишнее слово не было сказано теперь, подъ влияніемъ тѣхъ неустановившихся взглядовъ, при которыхъ считается возможнымъ даже вопросъ о возвращеніи Самарканда. Если еще не поставлено вѣтъ всякаго вопроса даже и обладаніе тѣмъ, что уже принадлежитъ намъ, то легко можетъ случиться, что отъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній мы отречемся, высказавшись въ смыслѣ признанія нами независимости ханствъ, а подобнаго слова не слѣдовало бы произносить ни въ какомъ случаѣ, особенно же, когда ничто насъ къ тому не принуждаетъ.

Вопроса о возвращеніи бухарскому эмиру Самарканда мы уже касались; упомянувъ о немъ теперь, повторимъ, что возвращать ключъ отъ Бухары, когда можно поручиться, что въ будущемъ намъ предстоятъ новыя столкновенія съ нынѣшнимъ ея владѣтелемъ или съ его преемниками, было бы слишкомъ странно. Сверхъ того, надо остановиться на чемъ-нибудь изъ двухъ: или держать въ своей власти Бухару, или замѣниться въ границу Сыра: средняго термина тутъ быть не можетъ.

Возвратимся къ внутреннимъ дѣламъ нашихъ степныхъ владѣній. Выше мы опредѣлили характеръ внутренней политики въ этомъ краѣ, назвавъ его по преимуществу «административнымъ». Какъ-то не слышно, чтобы дѣлалось много для разработки минеральныхъ богатствъ страны, для содѣйствія промышленности. Важный вопросъ о выборѣ рода и направленія путей, для развитія торговли въ Средней Азій, недавно былъ предметомъ оживленныхъ преній въ «Обществѣ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности», которое положило заняться этимъ вопросомъ спеціально и пригласить къ содѣйствію нѣсколько постороннихъ, знающихъ лицъ.

Не знаемъ, обратили ли вниманіе на устройство дорогъ, конно-железныхъ или иныхъ, мѣстныхъ управленій оренбургскаго и туркестанскаго края. Но преобразование края въ административномъ отношеніи энергически приводится въ исполненіе. Туркестанскій край и край оренбургскій составляютъ теперь отдѣльныя области. Но въ обѣихъ дѣло преобразования ведется на одинаковомъ принципѣ: устраненія чужеземныхъ вліяній и замѣны ихъ безпрепятственнымъ дѣйствіемъ властей, установленныхъ положеніями.

Изъ свѣдѣній, недавно опубликованныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», слышится, что при введеніи новаго положенія объ управленіи киргизами въ оренбургскомъ г.-губернаторствѣ, не обошлось безъ смуты въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, не только восточныхъ, но и западныхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ половинѣ марта, въ оренбургской степи произошло даже довольно значительное нападеніе киргизовъ на нашу команду, причемъ было убито киргизовъ до двадцати человекъ. «Русскій Инвалидъ», отзвываясь о вводимой реформѣ, какъ о благодѣтельной для киргизскаго народа и встрѣченной сочувственно большинствомъ киргизскаго населенія, приводитъ статистику этого сочувствія. Но изъ нея мы узнаемъ, что новое положеніе введено уже между киргизами, обитающими 60 тысячъ кибитокъ, и что обитатели около 18 тысячъ кибитокъ, въ западной части илецкаго, южной части уральскаго и сѣверовосточной части калмыковскаго уѣзда, «отнеслись къ новому положенію неприязненно и обнаружили противодѣйствіе при введеніи его путемъ гражданской администраціи», вслѣдствіе чего и потребовались мѣры военныя.

Такия обстоятельства военная газета объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Должныя толкованія положенія, подстрекательства со стороны муллъ и въ особенности высшихъ классовъ киргизскаго населенія». Киргизы «бѣлой кости» — султаны и родоправители, сознавая, что введеніе новаго положенія ослабитъ ихъ деспотическую власть и безграничное значеніе въ средѣ народа, *воспринимающаго начала гражданственности* — сколько извѣстно, не остались безъ вліянія на возбужденіе *ужовъ* и т. д. Это объясненіе сформулировано слишкомъ удачно, чтобы оно могло остаться безъ отголоска въ другихъ органахъ печати, и дѣйствительно, оно уже нашло такой отголосокъ. Что касается до насъ, то мы привели это объясненіе не потому, чтобы оно насъ вполне удовлетворяло, а потому, что въ немъ высказывается не только причина происшедшихъ нынѣ безпорядковъ, но и самый духъ нашихъ преобразованій какъ въ оренбургскомъ краѣ, такъ и въ Средней Азій.

Объясненіе само содержитъ въ себѣ поводъ къ недоумѣнію: вводится реформа благодѣтельная для народа, реформа, имѣющая цѣлью освободить его отъ деспотической власти касты, а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, народъ слѣдуетъ въроломнымъ внушеніямъ

этой касты и возстаетъ противъ этой реформы. Какъ объяснить это обстоятельство? Дикостью народа, неспособностью его понять собственный интересъ? Такъ толкуетъ дѣло само объясненіе. Но въ такомъ случаѣ, своевременно ли мы являемся для установленія гражданственности тамъ, гдѣ пока первый нашъ интересъ долженъ состоять въ томъ, чтобы прочно установить свою власть и приобрести довѣріе всѣхъ классовъ: и низшихъ, и высшихъ. За дѣло гражданского уравненія мы можемъ взяться успѣшно только тогда, когда этотъ первый интересъ нашъ будетъ вполне обезпеченъ.

Примѣняясь собственно къ внутренней политикѣ въ Средней Азіи, также носящей на себѣ преимущественно-административный характеръ, спросимъ себя, исполнѣ ли практично начинать дѣло съ социальной ломки, съ переименованія народнаго быта тамъ, гдѣ прежде всего слѣдуетъ прочно основать свою власть? Политика поднятія, уравненія массы, освобожденія ея отъ господства касты могла быть примѣнена съ успѣхомъ въ сѣверозападномъ краѣ; но не на всѣхъ окраинахъ государства одинаковый образъ дѣйствія наиболѣе соотвѣтствуетъ одинаковой цѣли. Въ сѣверозападномъ краѣ мы имѣли дѣло съ массою намъ близкою, родною, которая могла понимать пользу мѣръ предпринятыхъ для нея и сочувствовать самой политической цѣли—освобожденія ея. Понимая это, она потому и не поддавалась ни на какіе «злонамѣренные слухи и подстрекательства», исходившія отъ высшаго сословія.

То ли же самое мы видимъ въ Туркестанѣ или хотя бы въ оренбургскомъ краѣ? Совсе нѣтъ: масса населенія тамъ, во-первыхъ, совершенно чужая русскому народу, да и въ добавокъ полудикая. Ассимилировать ее нельзя въ короткое время; апеллировать къ ея интересамъ противъ тѣхъ вліяній, на которыя мы положиться не можемъ, въ то время, когда намъ прежде всего нужно, чтобы край свѣлся съ нашей властью,—это похоже на то, какъ бы мы отдавали деньги въ ссуду хотя бы подъ самый вѣрный залогъ, но на очень продолжительный срокъ, въ то время, какъ деньги нужны намъ для расходовъ сегодня и завтра.

Устранить вліяніе духовенства на судъ, не признавать традиционной власти султановъ и родоправителей, ввести въ полудикомъ отечествѣ кочевниковъ наши окружныя и волостныя правленія, да еще, въ добавокъ, назначать въ начальники мѣстныхъ правленій офицеровъ и урядниковъ изъ казаковъ, въ которыхъ туземныя населенія видятъ историческихъ своихъ враговъ—это такая ломка, которая едва ли не была бы болѣе своевременною тогда уже, когда самая власть наша, покорность жителей будутъ внѣ вопроса, когда они уже утратятъ и мысль о возможности послушанія, а тѣмъ болѣе возмущенія. Напомнимъ еще разъ примѣръ англичанъ въ Азіи: они сперва все оставляютъ по

старому. Нельзя всего дѣлать вдругъ и тамъ, гдѣ на первомъ планѣ еще долженъ стоять вопросъ политическій, бесполезно усложнять его общественными преобразованиями, если эти преобразования не имѣютъ для себя подготовленной, способной оцѣнить и ухватиться за нихъ, массы.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не пожелать, чтобы внутренняя политика наша въ зауральскихъ и сурь-дарьинскихъ степяхъ по мѣрѣ возможности смѣняла свой административный, хотя бы самый либеральный характеръ, характеромъ экономическимъ, промышленнымъ, торговымъ. Твердое положеніе на передовыхъ границахъ, съ рѣшимостью исполнить неизбежное рано или поздно, а внутри края — болѣе всего заботливости о скрѣпленіи его дорогами и промышленностью съ Россією — вотъ пока существенныя черты нашей задачи.

Вопросъ о томъ, будетъ ли въ нынѣшнемъ году сдѣланъ новый заемъ, рѣшился въ утвердительномъ смыслѣ. Объявлено о новомъ выпускѣ облигацій николаевской желѣзной дороги, на нарицательный капиталъ около 69½ миллионъ руб. По акту о продажѣ николаевской дороги Главному обществу, оно приняло на себя, какъ первый выпускъ облигацій дороги, сдѣланный правительствомъ еще въ 1867 году, на 75 мил. р., такъ и имѣвшій послѣдовать второй выпускъ ея облигацій. Уплата процентовъ и погашенія этихъ займовъ производится правительствомъ, но въ силу того же акта продажи, Главное общество представляетъ ему, для этой цѣли, изъ чистаго дохода дороги по 7 м. 200 т. р. въ годъ.

Хотя, такимъ образомъ, второй и послѣдній выпускъ облигацій николаевской дороги былъ заранее предусмотрѣнъ, но реализованіе его въ настоящее время все-таки составитъ новый заемъ, и прибавимъ, заемъ, который является довольно неожиданно. Не далѣе, какъ четыре мѣсяца назадъ, во время обсужденія бюджета на 1869 годъ, говорили, что у правительства находится въ рукахъ много наличныхъ средствъ, такъ что новаго займа, по всей вѣроятности, не потребуются. Нынѣшній заемъ, правда, имѣетъ назначеніе специальное; онъ дѣлается не для усиленія средствъ казначейства, а для усиленія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго для споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, — какъ сказано въ указѣ данномъ министру финансовъ.

Но нельзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что состояніе экстраординарныхъ ресурсовъ у насъ не публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Безъ точныхъ свѣдѣній объ употребленіи экстраординарныхъ ресурсовъ нельзя составить себѣ правильнаго сужденія о бюджетѣ, хотя онъ и публикуется; безъ свѣдѣній о наличности экстраординарныхъ ресурсовъ нельзя хотя бы приблизительно судить объ истинномъ финансовомъ положеніи страны. Операціи частныхъ банковъ и лицъ торго-

выхъ всегда могутъ быть застигнуты врасплохъ новымъ займомъ, котораго необходимости они не имѣли возможности предвидѣть. Намъ возразятъ пожалуй, что финансовыя операціи не могутъ подлежать гласности, по самому существу своему. Это совершенно справедливо относительно частныхъ лицъ и обществъ, которыхъ операціи имѣютъ прежде всего цѣль спекулятивную. Такъ какъ спекуляція вся основывается именно на разности свѣдѣній и на тайнѣ, которою облечены дѣйствительныя средства каждаго изъ конкурентовъ въ данную минуту, то понятно, что о гласности тутъ не можетъ быть и помину. Но цѣль финансовыхъ операцій государства—не спекулятивная, а хозяйственная, и облечение ихъ тайною можетъ отражаться преимущественно и именно на интересахъ самыхъ членовъ государства.

Представьте себѣ, что вы, получивъ концессию, составили акціонерное общество и въ настоящую минуту намѣрены реализовать капиталъ этого общества. Въ какое положеніе поставитъ васъ внезапное объявленіе правительственнаго желѣзнодорожнаго займа? Даже если у васъ въ рукахъ концессія съ гарантіей правительства, то банкиры все-таки отдадутъ преимущество, при равныхъ условіяхъ, желѣзнодорожнымъ облигаціямъ самого правительства. Было бы конечно иначе, если бы желѣзныя дороги, предпринимаемыя у насъ частными лицами, привлекали къ себѣ внутренніе и заграничныя капиталы ожиданіемъ собственныхъ своихъ барышей, независимо отъ правительственной гарантіи. Тогда выпускъ правительственныхъ облигацій не могъ бы мѣшать реализаціи ихъ акціонернаго капитала, а могъ бы конкуррировать только съ выпусками облигацій же частныхъ компаній. Но дѣло стоитъ иначе. Правда, нѣкоторыя изъ нашихъ частныхъ линій давали уже дивидендъ, далеко превышающій правительственную гарантію. Но при подпискѣ на ихъ акціи, при составленіи основнаго ихъ капитала, какъ въ Россіи, такъ и за границею, имѣлся въ виду не неопредѣленный дивидендъ ихъ, а именно только правительственная гарантія.

Такимъ образомъ, акціи нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, при подпискѣ на нихъ, разсматриваются просто въ смыслѣ правительственныхъ облигацій. Вотъ почему выпускъ правительственныхъ облигацій становится въ прямую конкуренцію съ реализованіемъ основныхъ капиталовъ новыхъ желѣзнодорожныхъ компаній. До сихъ поръ, на заграничныхъ биржахъ, капиталы нашихъ желѣзнодорожныхъ компаній реализовались очень удачно, иногда даже съ блестящимъ успѣхомъ. Одною изъ причинъ такого благопріятнаго явленія были, если можно такъ выразиться—удача самого начала, зависѣвшая отъ накопленія на европейскихъ рынкахъ капиталовъ, и боязнь новой войны въ центрѣ Европы, мѣшавшая дѣламъ на мѣстѣ. Другою, уже не случайною, а существенною причиною была правительственная гарантія. Безукоризненная аккуратность нашего правительства

въ платежахъ по займамъ создали Россіи въ Европѣ прочный кредитъ, кредитъ гораздо болѣе благопріятный, чѣмъ онъ могъ бы быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ нашими экономическими обстоятельствами. Европейскіе капиталы, оставаясь безъ помѣщенія, жадно бросились на наши первые желѣзнодорожныя займы; а когда начало было такъ удачно, то успѣхъ этого дѣла неизбѣжно долженъ былъ продлиться нѣкоторое время, потому что русскія желѣзнодорожныя акціи стали предметомъ биржевой спекуляціи. Когда являлись новыя акціи, съ тою же правительственною гарантіею, то ихъ брали нарасхватъ, потому именно, что прежнія—т. е. акціи прежде основавшихся компаній, ходили съ преміею.

Но вотъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, выпускъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій и не можетъ быть выгоденъ для помѣщенія за границу нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ акцій. Сильный притокъ заграничныхъ капиталовъ къ дѣлу нашего частнаго желѣзнодорожнаго строительства, въ виду правительственной гарантіи, и въ тоже время повторенное обращеніе къ заграничнымъ же капиталамъ для усиленія особаго желѣзнодорожнаго фонда, т. е. для самой уплаты по гарантіи — это два факта, которые очевидно не могутъ взаимно поддерживать одинъ другой.

Новый выпускъ облигацій николаевской дороги дѣлается «для споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ». Но изъ того, что мы сказали выше, слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ съ одной стороны, въ одномъ смыслѣ,—онъ долженъ прежде всего повліять несомнѣнно благопріятно на развитіе у насъ желѣзнодорожнаго дѣла. Онъ долженъ отчасти помѣшать реализованію новыхъ компанейскихъ капиталовъ за границу. Но, само собою разумѣется, что онъ совсѣмъ прекратитъ возможность такихъ реализацій, если въ немъ самомъ заключались бы какія либо особыя обязательства, обусловленныя желаніемъ поддержать этотъ заемъ. А по слухамъ, такія обязательства именно есть. По слухамъ, въ объявленіи о выпускѣ облигацій николаевской дороги, выставленномъ въ Лондонѣ, сказано, что наше правительство обязывается не заключать новыхъ внѣшнихъ займовъ и не давать разрѣшенія на дальнѣйшіе выпуски «гарантированныхъ облигацій» до начала 1870 года.

Если такое обязательство, въ указѣ неупомянутое, въ самомъ дѣлѣ дается съ цѣлью поддержанія новаго займа, то оно требовало бы разъясненія. Что правительство наше обязуется не заключать новыхъ займовъ за границу до 1870 года, если нынѣшній заемъ удастся, это кажется невѣроятнымъ. Во-первыхъ, никто не имѣетъ права требовать подобнаго обязательства отъ правительства. Во-вторыхъ, правительство не можетъ принять на себя подобное обязательство потому, что нельзя навѣрное предвидѣть будущее, хотя и втеченіи только

одного года. А если до 1870 года мы будемъ вовлечены, какимъ-нибудь непреодолимымъ стеченіемъ обстоятельствъ, противъ воли, въ европейскую войну?

Мало того; необходимо бы объяснить, касается ли это обязательство—если только оно въ самомъ дѣлѣ существуетъ—только выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій по дорогамъ гарантированнымъ казною, или относится также и къ акціямъ новыхъ компаній, имѣющихъ образоваться съ гарантіею отъ правительства? Въ послѣднемъ случаѣ, это было бы равносильно обязательству не выдавать втеченіи опредѣленнаго времени концессій съ гарантіею. Между тѣмъ, въ программѣ желѣзныхъ дорогъ, на которой остановилось правительство, и которую мы разбирали въ мартовской хроникѣ, начертана цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, которымъ правительство предполагаетъ содѣйствовать. Спрашивается, почему же откладываетъ, хотя бы на годъ, выдачу концессій по которой либо изъ тѣхъ, которыя признаны наиболѣе нужными?

Спрашивается также, много ли можетъ содѣйствовать успѣху нижняго займа обязательство не заключать новыхъ займовъ за границею втеченіи всего 8 мѣсяцовъ?

Очень можетъ быть, что правительство вовсе и не принимаетъ на себя такихъ обязательствъ, которыя, какъ говоритъ англійская газета «Economist», приведены въ объявленіи о выпускѣ облигацій николаевской дороги въ Лондонѣ. Но въ такомъ случаѣ, полезно было бы опровергнуть такой слухъ.

Какъ бы то ни было, этотъ выпускъ, предназначенный для содѣйствія безостановочному развитію нашей желѣзнодорожной сѣти, въ известномъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, можетъ стѣснить самое это развитіе. Если же помянутое обязательство существуетъ—касается ли оно желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій вмѣстѣ или хотя бы однихъ облигацій—то оно повліяетъ именно на безостановочность постройки и развитія частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Наконецъ, въ общемъ смыслѣ, слѣдуетъ признать, что въ то время, когда наши частныя желѣзнодорожныя компаніи такъ часто и такъ успѣшно обращаются къ кредиту за границею для помѣщенія своихъ бумагъ, и когда кредитъ этихъ бумагъ основанъ именно на гарантірованіи правительствомъ дорогъ, — появленіе самого правительства передъ европейскимъ кредитомъ, съ цѣлью усиленія желѣзнодорожнаго фонда, можетъ повліять положительно-вредно на благоприятное намъ настроеніе европейской биржи, по отношенію къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ въ Россіи. Что касается выражаемаго англійскою газетою при этомъ случаѣ недоумѣнія: «зачѣмъ рискуютъ выпускать новый заемъ на такую большую сумму, когда еще значительныя суммы изъ прежнихъ займовъ остаются неупотребленными, какъ то положи-

тельно извѣстно», — то въ этомъ отношеніи мы можемъ только сказать, что намъ все это извѣстно еще менѣе, чѣмъ англійской биржевой газетѣ; намъ неизвѣстно даже, остается ли еще что-нибудь отъ прежнихъ займовъ или не остается ничего. Предполагаемыя цифры бюджета намъ извѣстны, но хозяйство экстраординарныхъ ресурсовъ для насъ тайна.

Желѣзнодорожное дѣло пошло у насъ въ послѣдніе года такъ хорошо, что должно быть поставлено въ ряду наиболѣе блестящихъ дѣяній нашего періода. Необходимо съ величайшею заботливостью отклонять возможность какого бы то ни было кризиса въ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время частная промышленность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ у насъ уже рѣшительно преобладаетъ. Изъ опубликованнаго недавно отчета оказывается, что въ 1868 году движеніе происходило на 6.413 верстахъ желѣзнаго пути, изъ которыхъ къ казеннымъ линіямъ принадлежатъ только 996 верстъ, а 5.417 къ частнымъ. Валовой сборъ на всѣхъ дорогахъ составлялъ около 51¼ милл. рублей, и изъ него болѣе 46½ милл. доставлялись частными дорогами. Сравнительную доходность казенныхъ и частныхъ дорогъ нельзя вывести изъ цифръ отчета, но не подлежитъ сомнѣнію, что частныя дороги въ этомъ отношеніи превосходятъ казенныя. Развитіе сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и возвышеніе сборовъ представляетъ поразительныя цифры. Такъ, на частныхъ дорогахъ перевезено въ 1868 году болѣе 8.783 тысячи человѣкъ и 384.860 тысячъ пудъ грузовъ, въ сравненіи съ 1867 годъ болѣе: слишкомъ на 1 милл. человѣкъ и слишкомъ 94½ милл. пудъ грузовъ. Общій валовой сборъ на казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ 1867 году составлялъ свыше 40 милл. р., а въ 1868 году, какъ уже сказано, около 51¼ милл. р., на 11 слишкомъ милліоновъ рублей болѣе. Замѣчательны особенно нѣкоторые примѣры возвышенія сборовъ за годъ на рязанско-козловской дорогѣ, гдѣ оно составило 58,3%, на московско-рязанской—36,5%, лодзинской—27,3%, волжско-донской—26,9%.

Несмотря однако на такое огромное возвышеніе сборовъ, нѣкоторыя частныя компаніи долго не приступаютъ къ проложенію второго рельсового пути, слѣдствіемъ чего является скопленіе на станціяхъ грузовъ, замедленіе торговаго движенія и т. д. Особенно жалуются за это на линію московско-рязанскую, гдѣ, несмотря на повторенныя заявленія бывшаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ о необходимости проложенія второго пути, компанія уклонялась отъ этого, ссылаясь на уставъ, который ее въ тому не обязываетъ.

Передача николаевской дороги Главному обществу нисколько не остановила возрастаніе на ней перевозки и сбора. Отчетъ о движеніи на этой дорогѣ за первые два мѣсяца нынѣшняго года показываетъ значительное увеличеніе сравнительно съ тѣми же мѣсяцами прошлаго

года, именно около $5\frac{1}{4}$ милл. пудовъ болѣе противъ прошлагодной цифры и сбору почти на миллионъ рублей больше. Нѣтъ сомнѣнія, что главными причинами такой значительной разности были, во-первыхъ, значительное усиленіе подвижного состава, а во-вторыхъ, указанное выше общее стремленіе къ возвышенію движенія и сборовъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, такъ что приведенныя цифры сами по себѣ еще не могутъ служить вполнѣ убѣдительными доказательствами преимущества компанейскаго управленія передъ казеннымъ. Но важно уже и то, что возрастаніе движенія при частномъ управленіи продолжается увеличиваться; не менѣе важенъ тотъ фактъ, что усиленіе подвижного состава произведено новымъ управленіемъ съ успѣхомъ и въ непродолжительное время, такъ что насчетъ будущности этой важнѣйшей нашей линіи, въ рукахъ Главнаго общества, можно быть спокойнымъ, вопреки пессимистскимъ увѣреніямъ, заявленнымъ въ свое время не безъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Въ числѣ тѣхъ интересныхъ официальныхъ матеріаловъ, которые публикуются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», мы находимъ статистику нашего земскаго представительства. По случаю новыхъ выборовъ, бывшихъ въ большинствѣ губерній вслѣдствіе истеченія трехлѣтняго срока дѣятельности прежняго состава земскихъ собраній и управъ, министерство внутреннихъ дѣлъ собрало свѣдѣнія, какъ о результатахъ первыхъ и вторыхъ выборовъ, такъ и о суммахъ ассигнованныхъ земскими собраніями на содержаніе управъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что численность въ составѣ земскихъ учрежденій гласныхъ изъ дворянъ увеличилась на $2\frac{1}{2}\%$, а численность гласныхъ изъ крестьянъ уменьшилась на $1\frac{1}{2}\%$; наконецъ, число гласныхъ изъ духовнаго сословія уменьшилось съ 10% на $\frac{1}{2}\%$. Итакъ, дворянство не только не лишилось своего первенствующаго положенія въ земствѣ, но даже выиграло въ этомъ отношеніи. Фактъ этотъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у насъ того антагонизма между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіями, который иные предсказывали при уничтоженіи крѣпостного права, вслѣдствіе случаевъ предпочтенія крестьянами, на первыхъ выборахъ, представителей изъ своего сословія — кандидатамъ изъ сословія «образованнѣйшаго въ государствѣ».

Результатъ нынѣшнихъ выборовъ имѣетъ значеніе уже потому, что онъ далеко не есть простое повтореніе перваго избранія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа избранныхъ на второе трехлѣтіе 9,338 гласныхъ, осталось прежнихъ гласныхъ только 3,337, а 6,001 избраны вновь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что это преобладаніе въ новыхъ выборахъ новыхъ представителей не слѣдуетъ принимать за знакъ недовѣрія къ прежнимъ гласнымъ, потому что въ дѣйствитель-

ности забаллотировано изъ прежнихъ гласныхъ только 786 человекъ, остальные же не избраны или по собственному нежеланію или по отсутствію.

Преобладаніе дворянства, какъ въ первомъ, такъ и въ нынѣшнемъ составѣ земскаго представительства представляется слѣдующими цифрами: изъ всего состава гласныхъ перваго избранія къ дворянству принадлежали $42\frac{1}{2}\%$, а изъ нынѣшняго состава — 45% . Итакъ, на долю одного сословія, именно дворянства, приходится немного менѣе половины всего числа гласныхъ. Само собою разумѣется, что въ составѣ самого управленія, избираемаго земствомъ, пропорція еще болѣе благоприятна дворянамъ.

Этотъ фактъ, казалось бы, долженъ служить достаточнымъ утѣшеніемъ для дворянства въ потерѣ значенія его сословнаго представительства — явленіе, надъ которымъ мы останавливались въ прошлой хроникѣ по поводу сессіи дворянства петербургской губерніи. Но фактъ этотъ долженъ быть для дворянства не только утѣшеніемъ, но и доводомъ въ пользу того, чтобы оно окончательно слилось съ земствомъ, видѣло свою будущность только въ дѣятельности своей какъ составной — и притомъ преобладающей — части земства.

Но въ виду того преобладанія, которое явилось само собою, вдвойнѣ странно было бы домогаться утвержденія за дворянствомъ преобладанія въ земствѣ посредствомъ искусственныхъ мѣръ. Это было бы равнозначуще съ законодательнымъ подчиненіемъ земства дворянству или сословію крупныхъ землевладѣльцевъ, разрушеніемъ самого принципа всесословнаго земскаго представительства и управленіемъ принципомъ сословности. Еще болѣе странно было бы нарушить и самую сословность, какъ она установлена девятымъ томомъ и принципъ земской всесословности, какъ она установлена положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, для созданія какого-то новаго сословія крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ котораго съ одной стороны было бы исключено мелкопомѣстное дворянство, и которому, съ другой стороны, было бы подчинено земство.

Между тѣмъ, таковъ именно характеръ проекта, заявленнаго въ недавно вышедшей книгѣ г. Кошелева: «Голосъ изъ земства». Г. Кошелевъ соглашается съ тѣмъ, что роль сословнаго дворянскаго представительства окончилась, что учрежденіямъ дворянскимъ уже не остается дѣла, и при этомъ распространяется о всевозможныхъ неудобствахъ слитія дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія, съ крестьянскимъ обществомъ. Но роль дворянства онъ не считаетъ оконченною и хочетъ поручить ему организацію *землевладѣльческаго состоянія*, которое бы стояло въ главѣ земства. Этому землевладѣльческому состоянію, изъ котораго были бы исключены дворяне мелкопо-

мѣстные, авторъ проекта предоставляетъ право избирать предводителей, и старшинамъ этого новаго сословія, долженствующаго и замѣнять дворянство и представлять его въ одно и тоже время, предназначаетъ предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ. Дворянъ же, не владѣющихъ землею, г. Кошелевъ полагаетъ совсѣмъ отдѣлать отъ создаваемаго имъ «сословія» крупныхъ землевладѣльцевъ и предоставляетъ имъ приписываться къ городскимъ обществамъ.

Излишне, кажется, настаивать на всей несообразности такого проекта. Если, какъ говоритъ г. Кошелевъ, дворянству должно принадлежать въ земствѣ преобладающее положеніе по образованности его и «опытности въ управленіи», то во-первыхъ, это осуществляется уже, какъ мы видѣли, на практикѣ существеннымъ образомъ, а во-вторыхъ, развѣ образованность и опытность въ дѣлахъ управленія составляютъ исключительный удѣлъ крупныхъ землевладѣльцевъ? Г. Кошелевъ хочетъ создать сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ, съ допущеніемъ въ него и не-дворянъ, и между тѣмъ доводомъ къ образованію его ссылается именно на положеніе, занимаемое дворянствомъ.

Мы упомянули о проектѣ г. Кошелева потому, что не онъ одинъ защищаетъ мысль о необходимости создать изъ крупнаго землевладѣнія привилегированное сословіе, съ нарушеніемъ сословной равноправности, лежащей въ основаніи нашего земскаго устройства.

Неравноправность гражданъ въ государствѣ вообще нераціональна; но едва ли какой либо видъ неравноправности столь очевидно лишенъ рациональнаго основанія, какъ неравноправность гражданъ по національностямъ или вѣрѣ, и при томъ неравноправность не только въ политическомъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Дѣлая это замѣчаніе, мы имѣемъ въ виду неравноправность евреевъ у насъ съ подданными, принадлежащими къ другимъ національностямъ. Въ теоріи кажется уже излишне въ настоящее время заниматься еврейскимъ вопросомъ. Вопросъ этотъ въ общественномъ сознаніи рѣшенъ, даже и у насъ. Сомнѣваемся, чтобы въ наше время кто-нибудь рѣшился открыто выступить съ доводами въ пользу неравноправности еврея, хотя мы должны, къ сожалѣнію, признать вѣроятнымъ, что найдутся люди, которые въ повседневной жизни не признаютъ еврея за равнаго себѣ по природѣ, какъ равны всѣ люди. Такіе люди, если спросить ихъ мнѣнія объ уравниеніи въ Соединенныхъ Штатахъ негровъ съ бѣлыми даже въ высшемъ правѣ—въ правѣ политическомъ—навѣрное согласятся, что это вполнѣ справедливо. Между тѣмъ, негръ по природѣ разнится отъ бѣлаго вообще ужъ конечно болѣе, чѣмъ еврей отъ какаго либо европейца. Но негръ—далеко, а еврей близко.

Истина, не признанная въ принципѣ, обыкновенно еще довольно долго

дожидаетъ своего примѣненія на практикѣ. Отъ сознанія до осуществленія еще далеко, особенно когда дѣло идетъ о чужихъ правахъ. Относительно примѣненія принципа гражданской равноправности для евреевъ мы положительно *составляемъ исключеніе въ Европѣ*. Въ гражданскомъ отношеніи евреи равноправны во всей Европѣ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ странъ признана и политическая ихъ равноправность, не указываемъ на примѣры Ротшильда, Фульда, Кремье и т. д. Только у насъ, у насъ однихъ, ограничено право мѣстопробыванія для евреевъ. И замѣтьте, что эта неравноправность евреевъ у насъ основана даже не на вѣрѣ, а именно на національности. Язычникъ можетъ жить въ столицѣ, не будучи ни купцомъ 1-й гильдіи, ни его прикащикомъ, ни ремесленникомъ, а еврей—въ этихъ условій—не можетъ.

Какая цѣль имѣется при этомъ въ виду—трудно сказать. Вѣрнѣе, цѣли въ настоящее время въ виду уже не имѣется, а просто остается въ силѣ старшій законъ потому только, что онъ не отмѣненъ.

Недавно происходила интересная корреспонденція относительно пребыванія евреевъ въ нашихъ столицахъ между парижскимъ Alliance israélite Universelle (президентъ Кремье) и нашимъ же правительствомъ. Мѣры, принятія въ прошломъ году петербургскою полиціею для «очищенія» города отъ безпаспортныхъ и нищихъ, не могли не коснуться и евреевъ; нищихъ евреевъ—къ чести этого народа—бываетъ весьма мало, хотя живущихъ въ нищетѣ евреевъ есть множество; въ Петербургѣ между нищенствующими никогда не встрѣчаются евреи или еврейки. Но къ безпаспортнымъ между евреями въ Петербургѣ должны принадлежать всѣ тѣ, кто по состоянію не имѣетъ права пребывать въ столицѣ, а, между тѣмъ, принужденъ къ тому обстоятельствами. Говоримъ это съ тою цѣлью, чтобы напомнить, что между безпаспортными *евреями* въ Петербургѣ могли быть люди совершенно порядочные, между тѣмъ, какъ этого не можетъ быть (развѣ какъ особое исключеніе) между людьми другихъ національностей въ состояніи безпаспортныхъ.

Въ какой мѣрѣ полиція наша обратила вниманіе на это весьма существенное различіе и примѣнила ли его въ тѣхъ мѣрахъ, которыя приняла для «препровожденія безпаспортныхъ» на родину,—вопросъ, который мы не будемъ разсматривать. Необходимо сказать, что въ настоящемъ случаѣ полиція только исполняла свой долгъ, и дѣйствовала законно, если не сдѣлала въ пользу евреевъ никакого исключенія изъ общей манеры «препровожденія» бродягъ для водворенія ихъ, гдѣ слѣдуетъ.

Съ другой стороны, г-ну Кремье, живущему въ странѣ, гдѣ евреи давно пользуются всѣми гражданскими и политическими правами,

позволятельно было не знать, что можетъ существовать законъ, воспрепятствующій спеціально евреямъ пребываніе гдѣ либо, а потому, понятно, что въ высылкѣ изъ Петербурга тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ права постоянного здѣсь жительства, онъ могъ видѣть просто произвольное дѣйствіе полиціи, нѣчто очень похожее на преслѣдованіе, и обратиться къ нашей администраціи съ представленіями въ родѣ тѣхъ, съ какими онъ обращался къ правительству румынскому, по поводу высылки евреевъ молдавскими властями.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ своемъ на эти представленія, имѣлъ полное основаніе сказать, что мѣра, которой въ данномъ случаѣ подверглись евреи была *общая* мѣра, что «при приведеніи ея въ исполненіе, религія и національность не имѣли никакого вліянія, и она одинаковымъ образомъ примѣнялась бы къ христіанскимъ подданнымъ имперіи, еслибъ у нихъ не оказалось требуемыхъ видовъ». Министръ, конечно, могъ отвѣчать не иначе, какъ согласно съ существующимъ закономъ. Но не имѣемъ ли мы права спросить себя, для какой цѣли остается еще въ силѣ тотъ законъ, по которому евреи, въ настоящемъ случаѣ, должны были подвергнуться *общей* мѣрѣ? Мѣра эта, дѣйствительно, была общая, но законъ тутъ положительный не общій, а спеціальныи для евреевъ, и предъ этимъ-то закономъ религія и національность именно и составляютъ причину правоограниченія.

Какая можетъ быть цѣль не допускать евреевъ, за извѣстными исключеніями, къ пребыванію во внутреннихъ губерніяхъ, а между прочимъ въ столицахъ? Въ прежнее время — когда былъ изданъ относящійся сюда законъ — существовалъ предразсудокъ, что если допустить евреевъ во внутреннія губерніи и въ особенности въ столицы, то они захватятъ въ свои руки всю торговлю, какъ они то сдѣлали въ Польшѣ и въ западномъ краѣ. Но пора бы, кажется, понять, что если евреи захватили въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ торговлю, то это случилось отъ того, что по историческимъ условіямъ въ этихъ краяхъ не могло развиться среднее, торговое сословіе, между тѣмъ, какъ въ старыхъ русскихъ губерніяхъ сословіе это образовалось давно и организовалось прочно. Сверхъ того, самъ законъ уже сдѣлалъ отступленіе отъ того предразсудка, на которомъ онъ первоначально основался: пребываніе въ столицахъ разрѣшено именно наиболѣе сильнымъ коммерсантамъ изъ евреевъ — кушчамъ первой гильдіи. И дѣйствительно, богатые негоціанты изъ евреевъ имѣютъ значеніе на столичныхъ биржахъ. Почему же именно въ пользу ихъ сдѣлано исключеніе, тогда какъ, съ точки зрѣнія предразсудка, они должны были казаться наиболѣе опасными? Очевидно потому, что законодательство отказалось отъ этого предразсудка. Но въ такомъ случаѣ, почему же правоограниченіе, на немъ основанное, не отмѣнено вовсе?

Переходя отъ теоріи къ практикѣ, мы можемъ доказать фактомъ, что въ общественномъ сознаніи предразсудокъ этотъ уже потерялъ силу. Само петербургское биржевое купечество недавно входило съ ходатайствомъ о дозволеніи евреямъ права постоянного жительства въ Петербургѣ. Кто же можетъ лучше судить объ интересахъ торговли и предвидѣть что либо для нея опасное, какъ не сами негоціанты? Между тѣмъ, по слухамъ, на ходатайство биржевого купечества послѣдовалъ отказъ. Трудно объяснить себѣ его мотивы.

А между тѣмъ, всякое исключеніе изъ общаго права какой либо группы людей—національности или сословія—неизбѣжно создаетъ въ самой этой группѣ исключительность, замкнутость въ себѣ. Излишне было бы напоминать, какъ повсемѣстныя преслѣдованія выработали въ еврейской средѣ именно это свойство, и какъ изъ него проистекли съ одной стороны невѣжество и фанатизмъ, съ другой полная отчужденность, равнодушіе къ интересамъ той страны, въ которой они были условно терпимы и преслѣдуемы вмѣстѣ.

Все это уже совершенно измѣнилось нынѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи сдѣлались полноправными гражданами. У насъ же, когда говорить о невѣжествѣ и фанатизмѣ евреевъ, то все это приписываютъ какимъ-то проискамъ фанатическихъ и деспотическихъ учителей иудаизма, «которыхъ личный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы держать въ невѣжествѣ и отчужденности еврейскую массу». Произносящіе это, довольно часто повторяющееся сужденіе, забываютъ ту историческую истину, что личные интересы отдѣльных личностей не могутъ à la longue управлять настроеніемъ и дѣйствіями массы, если въ самомъ положеніи ея нѣтъ такихъ неизмѣнныхъ условій, которыя могли бы служить для этихъ личныхъ интересовъ прочною опорой.

Противъ невѣжества и фанатизма евреевъ у насъ обыкновенно предлагаютъ одно средство: распространеніе между ними образованія, забывая, что свойства, которыя предполагается искоренить, имѣютъ свое основаніе въ особомъ условіи, именно исключительности положенія евреевъ въ государствѣ. Само распространеніе между евреями образованія еще не достаточно, чтобы искоренить въ средѣ еврейской массы замкнутость, обусловленную ея положеніемъ. Вѣдь нельзя же ожидать, что вся масса еврейскаго населенія получитъ ученые дипломы, которые дали бы ей равноправность въ силу воспитанія.

Странное дѣло! Съ одной стороны жалуются на евреевъ, что они даже обогатятся или получивъ образованіе не всегда дѣлаются русскими, и скорѣе превращаются въ нѣмцевъ или поляковъ, — между тѣмъ, не пускаютъ ихъ во внутренность Россіи, и держатъ ихъ именно на окраинахъ, гдѣ русскій элементъ менѣе силенъ. Съ другой стороны жалуются, что пребываніе евреевъ въ западномъ краѣ, гдѣ они составля-

ють силу, мѣшаеть обрусенію этого края; что имѣнія переходятъ въ руки не русскихъ, а евреевъ, что города, утрачивая то, что въ нихъ было по наружности польскаго, не дѣлаются русскими, а остаются преимущественно еврейскими—и между тѣмъ усиленно сосредоточиваютъ еврейскій элементъ именно въ томъ краѣ, гдѣ онъ препятствуетъ обрусенію, скупиваютъ его въ массу и посредствомъ правоограниченія замыкають его въ самомъ себѣ. Логика тутъ, кажется, мало.

Распространясь по внутренности имперіи, евреи не захватили бы въ свои руки торговлю, какъ не захватили ея до сихъ поръ богатѣйшіе изъ нихъ, потому именно, что встрѣтили здѣсь прочно организованное и многочисленное торговое сословіе всѣхъ степеней, отъ купцовъ - миллионеровъ, до мелочныхъ торговцевъ и разнощиковъ. Получивъ доступъ во внутреннія губерніи и столицы, еврейскій элементъ, мало-по-малу, ослабѣлъ бы на той окраинѣ, гдѣ онъ, оставаясь замкнутымъ въ городахъ, всегда будетъ помѣхою обрусенія ихъ. Наконецъ, получивъ полную равноправность, талантливое и жадное къ просвѣщенію еврейское племя скоро сбросило бы съ себя иго фанатическихъ учителей, а съ нимъ и замкнутость въ самомъ себѣ, потому что было бы окончательно устранено коренное условіе этихъ историческихъ явленій. А одни казенныя училища для евреевъ, газеты разрѣшенныя для нихъ, и увѣщанія нашихъ органовъ печати, чтобы, переставая быть евреями (въ чемъ собственно говоря нѣтъ необходимости) они не превращались въ нѣмцевъ, а дѣлались русскими — едва ли когда либо достигнуть дѣли. Не мѣшаетъ объ этомъ подумать и перестать держать евреевъ въ томъ положеніи, какого мы не рѣшились бы пожелать самимъ себѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

1 (13) мая, 1869.

Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. — Эмиль Олливье и его новая книга: „Девятнадцатое января“. — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Италіею. — Послѣднія испанскія дѣла.

Самое большое зло въ политической жизни націй — ожиданія; всѣ постоянно чего-то ждутъ, на что-то надѣются, чего-то опасаются, всѣ подвержены какому-то страху, который мѣшаетъ обществу вполне предаться настоящему и съ увѣренностью смотрѣть на будущее. Эта неувѣренность въ настоящемъ и опасеніе за будущее существуютъ почти во всей Европѣ, среди всѣхъ народовъ, хотя и не въ одинаковой степени. Если мы обратимся къ свободной Англіи, то можемъ тотчасъ убѣдиться, что тамъ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, люди подвержены видѣнію страшныхъ призраковъ; тамъ живутъ настоящимъ, занимаются важными вопросами дня, безъ особенныхъ опасеній предпринимаютъ разрѣшеніе такихъ колоссальныхъ задачъ, какъ уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи, и отдають имъ все свое вниманіе, всѣ заботы. Бюджетъ такой страны не отягощается ужасающими военными издержками, рабочія руки не отрываются отъ производительнаго труда, рамки арміи не расширяются. Жизнь идетъ тутъ разумно, совершенно нормально, и если изрѣдка въ обществѣ или въ кружкѣ можно, и то съ трудомъ, подмѣтить кое-какіе лихорадочные порывы, то, очевидно, они явились туда рикошетомъ, благодаря только той солидарности, той общей связи, которая существуетъ болѣе или менѣе между всѣми европейскими государствами. Но лишь только мы переплывемъ каналъ, соединяющій Англію съ континентомъ, мы находимъ тотчасъ другую картину, далеко не столь привлекательную. Люди лишены здѣсь того спокойствія, которое необходимо, чтобы успѣшно заниматься своими собственными дѣлами, вниманіе постоянно отвле-

кается вопросомъ: что дѣлается у моего сосѣда, что думаетъ мое правительство, на что оно рѣшится и тому подобное...

Подобное колебаніе въ одной странѣ сказывается больше, въ другой меньше, и эта градація среди западныхъ націй существуетъ не даромъ, она говоритъ собою больше чѣмъ можно предполагать. Австрія, съ 1866 года смѣло ставъ на дорогу реформъ и искренняго народнаго представительства, можетъ еще съ большимъ успѣхомъ предаваться дѣлу политическаго возрожденія, и хотя она не совсѣмъ освобождена отъ пагубныхъ опасеній, тѣмъ не менѣе они не играютъ здѣсь такой роли какъ въ Пруссіи или Франціи. Откуда же происходитъ это различіе въ большемъ или меньшемъ спокойствіи западныхъ націй? Причина такъ очевидна, что едва ли о ней нужно говорить: чѣмъ больше тамъ народъ управляется самъ собою, чѣмъ яснѣе его собственная воля и чѣмъ меньше зависитъ онъ отъ произвола, тѣмъ сильнѣе въ немъ увѣренность въ будущее и спокойствіе въ настоящемъ. Если въ Пруссіи эта причина скрывается отъ глазъ націи въ туманѣ военнаго величія, если тутъ политическая жизнь получила совершенно фальшивое направленіе, и народъ не замѣчаетъ той пропасти, въ которую онъ можетъ быть брошенъ Бисмаркомъ, за то во Франціи съ каждымъ днемъ дѣлаются все большія усилія, чтобы сорвать съ глазъ гибельную повязку и вырвать изъ рукъ Наполеона произвольную власть, не смотря на то, что произволъ этотъ становится все мягче и мягче. Много уступокъ сдѣлано уже правительствомъ, во многомъ произволъ этотъ самъ себя ограничилъ, не говоря уже о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя онъ всегда встрѣчалъ въ нравахъ и традиціяхъ страны. Во Франціи свобода до такой степени вошла въ плоть и кровь націи, что никакая сила не способна вырвать ее съ корнемъ; она можетъ быть на время придавлена во внѣшнихъ проявленіяхъ, она можетъ быть нарушена, но не можетъ быть уничтожена, и черезъ извѣстный промежутокъ времени снова предъявляетъ свои права. Въ странѣ, которая пользовалась еще не такъ давно всей свободой, люди называютъ уже унижительною рабствомъ то, что среди другого народа считалось бы еще величайшею вольностью. Подобная мысль не можетъ не придти въ голову всякому, кто захотѣлъ бы слѣдить за живыми пріемами французскаго законодательнаго корпуса. Вотъ страна, которую мы такъ любимъ обвинять въ угодливости деспотизму, которую мы чуть не презираемъ за ея паденіе, за рабство, страна находящаяся въ рубрахъ возмутительнаго произвола, какъ у насъ принято говорить; но когда мы сравниваемъ ее съ какою-нибудь другою страню, напр. съ Пруссіею, что мы въ ней увидимъ? Еще не въ рабствѣ тѣ націи, которыя могутъ подобнымъ образомъ разсуждать о своихъ дѣлахъ, требовать отчета у правительства, обвинять его, указывать на его ошибки и диктовать ему свою волю; тамъ черезъ своихъ представителей могутъ

высказывать правительству такія истины, о которыхъ въ другихъ странахъ люди не смѣютъ даже и думать, а тѣмъ болѣе, такъ ясно формулировать ихъ.

Въ сессіи, которая только-что окончилась, въ послѣдней сессіи, передъ обновленіемъ законодательнаго корпуса, задѣты были всѣ вопросы, вызваны были самыя ожесточенныя споры и сдѣланы самыя рѣшительныя нападенія на правительство. Судя по этимъ нападеніямъ, если бы самый фактъ ихъ существованія не служилъ доказательствомъ большой свободы, можно было бы подумать, что французское правительство представляетъ собою типъ абсолютнаго правленія. Такое мнѣніе было бы далеко отъ истины. Оппозиція нападаетъ на правительство, потому что она желаетъ еще ббльшаго расширенія народныхъ правъ, потому что она стремится дать свободѣ еще болѣе широкія основанія и болѣе прочный фундаментъ, и въ этомъ недовольствѣ лежитъ залогъ прогресса, движенія впередъ. Оппозиція знаетъ, что политической жизни народа наносится ударъ, когда прежде достиженія «всей» свободы, люди начинаютъ довольствоваться дарованнымъ и не предъявляютъ новыхъ требованій. Не было другого такого пункта, на который оппозиція напала съ такимъ упорствомъ, съ такою силою, какъ тотъ, который имѣетъ отношеніе къ внѣшней политикѣ французскаго кабинета. «Нація неспокойна, она находится въ постоянномъ ожиданіи, а слѣдовательно, и въ постоянномъ колебаніи», говоритъ вся неофициальная пресса, говоритъ вся оппозиція, обвиняя въ этомъ неспокойствѣ и колебаніи правительство, которое держитъ пока въ своихъ рукахъ право войны и мира. Это обвиненіе послужило исходною точкою для преній по поводу внѣшнихъ дѣлъ, которыя главнымъ образомъ привлекаютъ собою вниманіе общества, такъ какъ съ этими дѣлами самымъ тѣснымъ образомъ связана вся внутренняя жизнь: ей иначе нельзя отдѣлаться отъ висящаго надъ нею Дамоклова меча. Внѣшняя политика, въ которой больше чѣмъ гдѣ-нибудь находится себѣ мѣсто личный произволъ, составляетъ именно самое больное мѣсто французскаго правительства, и неудачи, понесенныя имъ въ дипломатіи, должны были бы убѣдить его въ невыгодѣ пользоваться тутъ безграничною властью. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ оппозиція, выиграло правительство своею произвольною политикою? Неудачу въ Мексикѣ, неудачу въ Германіи, неудачу во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ, и главнымъ образомъ неудачу внутри страны, пришедшей въ такое волненіе, которое уляжется только тогда, когда она сама сдѣлается полною властительницею своей судьбы. Но она сдѣлается такою тогда, когда она именно достигнетъ «всей» свободы. «Если бы свобода, говорилъ Тьеръ, была бы только правомъ критики, я бы сказалъ тогда, что можно подождать; но при настоящихъ обстоятельствахъ свобода просто настоятельно необходима. Взгля-

ните, какое зрѣлище представляет собою міръ. Когда онъ былъ болѣе безпокойнымъ и болѣе безпокойщимъ? Кто создалъ это положеніе? Конечно, не мы». Подъ словомъ «мы» Тьеръ разумѣетъ оппозицію, которая достаточно предсказывала, къ чему приведетъ ложная императорская политика. «Свобода, продолжалъ онъ, означаетъ при настоящихъ обстоятельствахъ то, что націи принадлежитъ рѣшеніе въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Ея права на свободу также очевидны, какъ само солнце. Свобода есть ея право, самый дорогой изъ всѣхъ ея интересовъ, интересъ существованія».

Что можетъ отвѣчать французское правительство на всѣ подобныя требованія и вмѣстѣ обвиненія оппозиціи? оно знаетъ также хорошо, какъ и оппозиція, что страна не можетъ придти въ равновѣсіе, что она находится въ постоянномъ трепетѣ услышать ужасное слово: война! Оно отвѣчаетъ блистательно рѣчью министра иностранныхъ дѣлъ Лавалетта, въ которой онъ старается показать, какъ миролюбива была императорская политика въ прошедшемъ, и какъ миролюбива останется она въ будущемъ. Онъ старается увѣрить законодательный корпусъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всю Францію, что на политическомъ горизонтѣ Европы нѣтъ никакихъ тучъ, никакихъ «черныхъ точекъ», что барометръ нигдѣ не предвѣщаетъ бури. Говоря объ отношеніи Франціи къ Германіи, или вѣрнѣе къ Пруссіи, къ которой главнымъ образомъ сводится вся тревожная политика послѣдняго времени, Лавалеттъ высказываетъ довольно рѣшительно: «намъ нечего вмѣшиваться въ движеніе, которое мы не создали; мы и не станемъ вмѣшиваться, до тѣхъ поръ пока не будетъ перейдена граница, которая нарушила бы нашу честь или наше право. Но уважая права другихъ, мы не имѣемъ причинъ опасаться, чтобы наши собственныя были нарушены». Весь вопросъ заключается въ томъ, въ чемъ увидитъ французское правительство границу, за которою будетъ нарушена его честь или право? Еще болѣе убѣдительно говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ объ отношеніяхъ къ Востоку, Италіи, обѣщая, что наступитъ, болѣе или менѣе скоро, минута, когда на итальянской почвѣ не останется ни одного французскаго солдата, т. е., когда правительство возвратится къ сентябрьской конвенціи 1864 года. Но французское общество, французская пресса не обманываются на счетъ значенія подобныхъ министерскихъ словъ. Они очень хорошо знаютъ, и знаютъ по опыту, что сегодня министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ давать самыя пламенныя увѣренія въ мирѣ, и завтра можетъ быть объявлена война. На всѣ мирныя заявленія и деклараціи пресса отвѣчаетъ одно: дайте намъ другого рода отвѣтъ, другого рода доказательство, приведите другіе аргументы, которые были бы неопровержимы; пусть будетъ создано такое положеніе вещей, при которомъ немыслима была бы война безъ воли всей націи, чтобы помимо ея желанія никто

бы не заботился о ея славѣ или какой-нибудь другой выгодѣ. Только при такомъ условіи, а иначе, утверждаетъ оппозиція, возвратится странѣ довѣріе и спокойствіе. Условіе это тяжело для правительства, потому что никто добровольно не отказывается отъ власти, отъ произвола, но французское правительство будетъ къ этому приведено, если не собственною инициативою, то общимъ ходомъ событій.

Тѣмъ болѣе ни французское, ни европейское общество не можетъ относиться съ довѣріемъ, можетъ быть, и къ искреннимъ словамъ Лавалетта, но не обязательнымъ для правительства, что въ тоже самое время, когда въ законодательномъ корпусѣ раздавались горячія слова въ пользу мира, въ другомъ собраніи, въ сенатѣ, шли горячія пренія о необходимости для Франціи милліонной арміи для защиты отечества. Давно не испытывалъ сенатъ такого бурнаго засѣданія, и тѣмъ интереснѣе было оно, что буря эта обрушилась на голову несчастнаго экономиста, въ былые дни, сенъ-симониста Мишеля Шевалье. Вина его между тѣмъ была вовсе не велика. Онъ не рѣшился даже сознаться, что считаетъ содержаніе постоянныхъ армій страшнымъ бѣдствіемъ для народа, что эта вооруженная громадная масса пагубно дѣйствуетъ не только на его матеріальное благосостояніе, но и на нравственное положеніе народа; претензіи его шли вовсе не такъ далеко: онъ только позволилъ себѣ замѣтить, что излишнее усиленіе арміи тяжело ложится на все населеніе и на государственный бюджетъ, который такъ скромнень, когда дѣло идетъ о школьныхъ учителяхъ, и такъ широкъ, когда заходитъ рѣчь объ арміи, о солдатахъ. Это уродливое возрастаніе военныхъ силъ тѣмъ поразительнѣе, что оно происходитъ въ то самое время, когда народы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уничтожаютъ существующія между ними преграды, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя. «Симпатіи народныя возрастать, сказалъ онъ, а между тѣмъ вооруженія, служація доказательствомъ недовѣрія, усиливаются. Единственно, разумѣется, на что можно надѣяться, это—что народы возьмутся, наконецъ, за умъ, и обратятся къ своимъ правительствамъ, скажутъ: избавьте насъ отъ вашего вліянія на нашу судьбу; оно болѣе велико, чѣмъ должно бы было быть». Разумѣется, при послѣднемъ словѣ не могла не разразиться страшная гроза, всѣ засѣдающіе въ почтенномъ собраніи воинственные старцы, чующіе свое близкое паденіе, возстали противъ дерзкаго, осмѣливагося предсказать иному, когда всѣ эти раболѣпные слуги щедрого барина будутъ выброшены какъ ненужный хламъ. Одинъ изъ нихъ, *enfant terrible*, собравъ не удержался и выдалъ самую задушевную мысль правительства, воскликнувъ: «намъ нужны сильныя арміи, не только для внѣшнихъ враговъ, но и для внутреннихъ, которые подкапываются подъ насъ!» Противъ подобнаго заявленія нечего было возражать, потому что кому незвѣстно, что многочисленная и постоянная армія, служащая, какъ го-

ворять, для защиты народа отъ его враговъ, въ сущности гораздо болѣе служить оружіемъ противъ самого народа въ рукахъ деспотическаго правительства. Какъ ни страшенъ былъ въ своихъ выраженіяхъ исправившійся сенъ-симонистъ, но тѣмъ не менѣе нельзя было не вывести изъ его рѣчи прямого заключенія: источникъ всѣхъ бѣдъ лежитъ въ личномъ правленіи. Выводъ этотъ, къ чести французскихъ сенаторовъ, былъ понятъ, потому-то онъ и вызвалъ со стороны столповъ имперіализма такую злобу и негодованіе.

Возвратимся однако въ законодательный корпусъ, гдѣ оппозиція и большинство вмѣстѣ съ правительствомъ передъ окончаніемъ сессіи, передъ днемъ рѣшительнаго сраженія, передъ новыми выборами подводятъ итоги, одни того, что сдѣлано, другіе того, что нужно было сдѣлать и что не сдѣлано. Роль счетчика принялъ на себя министръ іюльской монархіи Тьеръ, которому слишкомъ хорошо знакома правительственная тактика. Съ свойственною ему ловкостью и умѣніемъ онъ вывелъ на сцену «необходимыя вольности», какъ выразился онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и постарался показать, въ какомъ положеніи находятся эти вольности въ настоящую минуту. Какія же должны быть необходимыя вольности, чтò считаетъ неотъемлемыми народными правами этотъ умѣренный либераль и монархистъ? Для того, чтобы нація могла считаться свободною, нужно, чтобы каждый человѣкъ пользовался безусловною безопасностью, какихъ бы мнѣній онъ ни держался, однимъ словомъ, нужна «индивидуальная свобода». Затѣмъ нужно, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно высказывать свои мнѣнія, могъ говорить и узнавать о всѣхъ фактахъ, интересующихъ страну, однимъ словомъ, нужна «свобода печати». Далѣе, требуетъ Тьеръ, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно выбирать своихъ представителей, не подвергаясь угрозамъ или соблазнамъ, выходящимъ отъ власти, однимъ словомъ, нужна: «свобода выборовъ». Послѣ того, какъ всѣ представители выбраны, и они собрались, нужно, чтобы имъ были предоставлены всѣ дѣла государства, а чтобы ихъ воля была приведена въ исполненіе, нужна «свобода парламента». И наконецъ нужно, чтобы народное представительство встрѣтило такое правительство, которое было бы ничѣмъ инымъ, какъ исполнителемъ выраженной народомъ воли. «Эти принципы необходимы, и правительства, которыя не подчиняются имъ, падаютъ». Какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, такъ и теперь, французское правительство отвѣчаетъ ораторамъ оппозиціи: «всѣ эти вольности вы имѣете и даже больше того, чѣмъ вы добиваетесь.» Тьеръ, зная напередъ это возраженіе, дѣлаетъ болѣе или менѣе подробный разборъ, насколько онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ. Никто не можетъ отрицать, чтобы во Франціи не существовала индивидуальная свобода, не отрицаетъ ее и ораторъ оппозиціи, который все-таки не пропустилъ при этомъ слу-

чаѣ бросить въ правительство камень за то, что оно преслѣдовало нѣсколько человѣкъ въ дѣлѣ Бодена, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ обзорѣній. Онъ требуетъ, чтобы были уничтожены послѣдніе слѣды закона объ общественной безопасности.

Что касается до свободы прессы, то тутъ нельзя произнестись такъ рѣшительно. Если мы будемъ сравнивать положеніе французской прессы съ положеніемъ ея въ Англіи или Италіи, то, разумѣется, пресса во Франціи не можетъ внушать особенной зависти. Сравнивая же ее съ положеніемъ прессы даже въ такой конституціонной странѣ, какъ Пруссія, мы согласимся, что во Франціи она окружена еще довольно выгодными условіями. Во всякомъ случаѣ, и Тьеръ признаетъ, какъ и всѣ другіе, что въ положеніи французской прессы сдѣлался въ послѣднее время значительный успѣхъ. Предварительное дозволеніе, произвольныя пріостановленія и запрещенія, все это уничтожено. Но къ несчастію, не смотря на то, что каждый свободно высказываетъ теперь, что онъ думаетъ, правительство слишкомъ часто прибѣгло къ процессамъ, которые тѣмъ не менѣе, съ большею выгодною для прессы, замѣнили собою предостереженія и другія административныя мѣры. Какое самое лучшее средство, спрашиваетъ Тьеръ, чтобы правительство и пресса жили между собою въ мирѣ. Собственно говоря есть одно только средство—это предоставить право говорить все, что угодно. «Только такимъ путемъ, говоритъ маститый ораторъ, можно дойти до того, что пресса будетъ говорить только то, что нужно. Таково заключеніе, прибавилъ онъ, моей долгой опытности». Но если нуженъ законъ для огражденія частнаго лица, неотвѣтственнаго моварха, то нуженъ и судъ; и судъ этотъ можетъ быть только одинъ, тотъ, который представляетъ собою рѣшеніе цѣлаго общества—судъ присяжныхъ. Для того, чтобы пресса во Франціи была свободна, ей недостааетъ теперь именно только одного — суда присяжныхъ, котораго и требуетъ оппозиція.

Пренія по поводу остальныхъ «необходимыхъ вольностей» вызвали болѣе горячіе споры между правительствомъ и оппозиціею, и споры эти тѣмъ интереснѣе, что они происходятъ наканунѣ выборовъ и опредѣляютъ такимъ образомъ будущее поведеніе правительства. Ему нужно отдать честь—оно искренно, оно не говоритъ одно, собираясь дѣлать другое. Слово и дѣло совпадаютъ въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе. Два вопроса, которые имѣютъ особенное свойство возбуждать горячность правительства и его негодованіе, это вопросъ о свободѣ выборовъ въ законодательный корпусъ, объ уничтоженіи официальныхъ кандидатуръ, и затѣмъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ, или иными словами, о замѣнѣ личнаго правленія парламентаризмомъ. Это два права, которыя Тьеръ причисляетъ къ «необходимымъ». Правительство,

при помощи своей административной машины, имѣеть тысячи средствъ доставить торжество своему кандидату, но большинство въ палатѣ не всегда служить ручательствомъ прочности правительства. Не смотря на большинство, оно легко можетъ достигнуть того же результата, котораго достигла монархія реставраціи, монархія, вышедшая изъ іюльскихъ дней, т. е. паденія. Когда рушился тронъ Карла X и Луи-Филиппа, они оба точно также имѣли за собою большинство въ палатѣ, но тѣмъ не менѣе оно не могло спасти ихъ отъ гибели. Та же участь, можетъ быть, ожидаетъ и настоящій порядокъ, даже въ томъ случаѣ, если при слѣдующихъ выборахъ правительство получить болѣе сильное большинство чѣмъ то, которое оно имѣеть теперь. Вопросъ объ официальныхъ кандидатурахъ принадлежитъ, нужно сказать правду, къ тѣмъ немногимъ вопросамъ, въ которыхъ правительство держится старой системы и не хочетъ сдѣлать никакой уступки, не смотря на то, что каждый день обнаруживаются тутъ злоупотребленія, которыми не пренебрегаетъ оппозиція, чтобы со всею силою нападать на правительство. Никогда еще правительство не подвергалось такой сильной атакѣ, никогда еще депутаты оппозиціи не дѣлали такого натиска и съ такою настойчивостью не требовали уничтоженія официальныхъ кандидатуръ, какъ въ послѣднія нѣсколько засѣданій, вообще отличавшихся необыкновенною живостью. Но, если правительство совершенно откровенно высказалось и рѣшительно объявило, что оно никогда не откажется отъ законнаго права имѣть своихъ кандидатовъ, рекомендовать ихъ и т. д., и въ этомъ случаѣ ссылалось на тотъ фактъ, что во всѣхъ странахъ народнаго представительства всегда обѣ стороны употребляютъ всѣ средства, чтобы доставить побѣду своимъ кандидатамъ, то вмѣстѣ съ этимъ нельзя не признать, что самыя пренія объ официальныхъ кандидатурахъ показываютъ, какой значительный прогрессъ сдѣланъ Франціею на пути возвращенія къ полной свободѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобныя пренія были бы немисланны. Споры объ официальныхъ кандидатурахъ доказали только одно, что правительство нисколько не ошибается относительно прогресса, сдѣланнаго въ политической жизни націи, и само признаетъ, что избирательная борьба будетъ теперь несравненно труднѣе для него. «Когда новыя вольности, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Форкадъ-де-ла-Роветъ, дають болѣе могущественныя орудія противъ правительства, тогда для него не время обезоруживать себя, напротивъ, оно обязано внести въ борьбу болѣе большую энергію и болѣе большую предусмотрительность», а для того, чтобы такое заявленіе не показалось опаснымъ или угрожающимъ свободѣ страны, министръ внутреннихъ дѣлъ спѣшитъ сослаться на примѣры не только изъ исторіи Франціи, но онъ призываетъ на свою помощь авторитеты замѣчательныхъ государственныхъ людей другихъ странъ: «при всѣхъ старыхъ порядкахъ, говоритъ онъ, во время рес-

тавраціи, при правительствѣ іюльской монархіи, въ особенности во время республики, официальные кандидатуры были поддерживаемы съ преувеличеніемъ, которому правительство не будетъ подражать. Великій министръ, имя котораго связано съ возрожденіемъ Италіи, Кавуръ, объявилъ, что правительство не можетъ оставаться чуждымъ самому важному моменту въ политической жизни націи, выборамъ, и что оно должно вмѣшиваться въ нихъ честнымъ и откровеннымъ образомъ для поддержанія тѣхъ, которые раздѣляютъ его принципы и хотятъ доставить торжество его политикѣ».

Если положеніе французскаго министра, что правительственная поддержка кандидатуръ нисколько не противорѣчитъ духу свободнаго правительства, можетъ быть опровергнуто въ теоріи, то, перенося вопросъ на практическую почву и спрашивая себя, держались ли и держатся ли въ самомъ дѣлѣ свободныя правительства подобной системы, должны будемъ отвѣтить, что французскій министръ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти во всѣхъ свободныхъ государствахъ мы находимъ, что правительство имѣетъ своихъ кандидатовъ и старается доставить имъ большинство голосовъ, изъ чего однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно всегда торжествовало. Часто, именно благодаря этому большинству, ослѣпленное своимъ успѣхомъ, и увѣренное въ поддержкѣ цѣлой націи, правительство засыпаетъ на лаврахъ, и когда, пробужденное народнымъ гуломъ, оно спрашиваетъ въ чемъ дѣло, ему отвѣчаютъ: нація избрала себѣ другое правительство. Кто виноватъ тогда въ паденіи? очевидно, система, доставившая искусственное большинство въ палатѣ, и закрывшая отъ его глазъ дѣйствительныя нужды народа и его настоятельныя требованія. Мы не станемъ останавливаться болѣе на интересныя пренія по поводу официальныхъ кандидатуръ, такъ какъ дальнѣйшія ихъ подробности могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ странъ, которыя достигли уже народнаго представительства. Упомянемъ только объ одномъ еще пунктѣ въ министерской рѣчи, вызвавшемъ горячее опроверженіе со стороны всей оппозиціонной партіи.

«Обязанность чиновниковъ, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, чтобы не противодѣйствовать видамъ правительства; поддерживать эти виды—лежитъ на ихъ достоинствѣ». Не совсѣмъ такъ, отвѣчаетъ на это оппозиція: поддерживать виды правительства слѣдуетъ только тогда, когда чиновникъ убѣжденъ въ ихъ честности и въ томъ, что они направлены на благо народа. Сдѣлаться чиновникомъ не значитъ отречься отъ обязанностей честнаго человѣка и гражданина, возражали министру, его долгъ—служить обществу, а не интересамъ отдѣльнаго лица. Вы утверждаете, восклицаетъ оппозиціонная пресса, что тотъ, кто получилъ должность, кто получаетъ жалованье отъ правительства, обязанъ продать ему свою душу! Вы ошибаетесь, чиновникъ получаетъ свое жалованье изъ бюджета, доставляемаго на-

родомъ, слѣдовательно его первая обязанность—служить этому народу, и никому другому. Онъ обязанъ исполнять возложенныя на него обязанности, когда эти обязанности не противорѣчатъ, по его убѣжденію, интересамъ общества. Чиновникъ долженъ всегда оставаться человѣкомъ и не превращаться никогда въ бессмысленную машину. Этотъ взглядъ на чиновниковъ тѣмъ важнѣе, что онъ высказывается въ странѣ, гдѣ такъ долго большинство честныхъ людей обрекало себя на добровольное бездѣйствіе, проповѣдуя, что самая лучшая тактика—это, удаленіе отъ всѣхъ дѣлъ. Общество поняло теперь, что система удаленія ложная, что благодаря ей извѣстный порядокъ только укрѣпляется и усиливается.

Въ этихъ оживленныхъ засѣданіяхъ послѣднихъ двухъ недѣль возыскали свой голосъ почти всѣ сколько-нибудь извѣстные ораторы законодательнаго корпуса: они знаютъ, что въ эту минуту больше чѣмъ когда-нибудь на нихъ смотритъ вся Франція, готовящаяся черезъ какой-нибудь мѣсяцъ приступить къ новымъ выборамъ..... Давно страна не находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи какъ теперь, и все содѣйствуетъ тому, чтобы это возбужденіе усиливалось все больше и больше. По всей Франціи каждый день происходятъ сотни митинговъ, народныхъ собраній, гдѣ обсуждаются всѣ вопросы, забытые со времени послѣдней революціи, каждый день возникаютъ новые журналы, издаются брошюры, книги, и все это направлено къ одному—къ борьбѣ съ правительствомъ и его официальными кандидатами. Оппозиція добивается одного, это нѣсколько усилить свои ряды, впередъ совершенно увѣренная, что большинство, несмотря на все существующее въ странѣ волненіе, останется за правительствомъ. Нельзя, конечно, услѣдить за всѣми явленіями этой борьбы наканунѣ выборовъ, но мы остановимся все-таки на одномъ изъ нихъ, какъ крайне любопытномъ. Это—книга Эмиля Оливье—его исповѣдь передъ избирателями, которую онъ окрестилъ именемъ «Le 19 Janvier».

Эмиль Оливье, одинъ изъ знаменитыхъ «пяти» человѣкъ, составившихъ оппозицію въ законодательномъ корпусѣ, игралъ, можетъ быть и изъ желанія истиннаго добра Франціи, довольно двусмысленную роль. Избранный въ 1857 году, когда декабрьскій переворотъ былъ еще такъ свѣжъ въ памяти народа, крайнею партіею въ депутаты, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, который сталъ требовать возвращенія свободы странѣ, похищенной 2 декабря. Положеніе оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ было тогда до крайности тяжело, она была изолирована, съ нею боялись говорить, и Эмиль Оливье приводитъ въ своей книгѣ фактъ, который отлично характеризуетъ эпоху, кажется, недалекою еще отъ настоящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющую съ нимъ почти никакого сходства: «Нѣсколько дней спустя послѣ открытія сессіи, подойдя въ залѣ къ одному изъ храбрыхъ депутатовъ,

который заговорилъ со мной, я замѣтилъ на его лицѣ какое-то безпокойство, потомъ настоящее волненіе, и наконецъ онъ сказалъ неровнымъ голосомъ: «Мы поговоримъ на улицѣ, Морни смотришь на нас!» Такова была среда, прибавляетъ Оливье, въ которой я одинъ, какъ ораторъ, поддерживалъ демократическіе и либеральныя принципы.» Такъ шло дѣло до 1859 года, когда образовалась оппозиція «пяти», и когда къ голосу Эмиля Оливье, прибавилось краснорѣчіе Жюль Фавра и рѣзкое остроуміе Пикара. Положеніе оппозиціи было все-таки неблестяще. Большинство не терпѣло ни одного рѣзкаго правдиваго слова, засѣданія не были публичны, самая замѣчательная рѣчь одного изъ «пяти» встрѣчала не болѣе какъ четыре одобрительныхъ голоса. Но пробужденіе тѣмъ не менѣе уже начиналось. Наполеонъ III, почерпнувшій нѣкоторую увѣренность въ прочности своего престола въ той популярности, которую доставила ему Итальянская война 59 года, рѣшился сдѣлать либеральную реформу 24 ноября 1860 года. Эта реформа вдохновила Эмиля Оливье мыслию, что правительство не остановится на этомъ, и что даже безъ требованій, безъ того, чтобы оно было вынуждено, возвратитъ странѣ всю узурпированную его свободу. Остальные члены оппозиціи «пяти» были болѣе тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, чѣмъ Эмиль Оливье, они знали, что сила уступаетъ только силѣ, а не бесилию, и потому твердо держались своихъ требованій полной свободы и съ твердостью выражали ихъ. Скоро должна была между Эмилемъ Оливье и оппозиціею произойти размолвка, она и произошла по поводу закона о стачкахъ, въ которыхъ Оливье отдѣлился отъ своихъ товарищей, имѣвъ предварительное совѣщаніе съ Морни. Эмиль Оливье очевидно увлекся мыслию сдѣлаться какъ бы посредникомъ, примирителемъ между имперіею и ея врагами, и Морни постарался втануть его въ свои сѣти. Портретъ, который Оливье рисуетъ съ Морни въ своей книгѣ мало похожъ на тѣ портреты, которые мы находимъ у историковъ декабрьскаго переворота: онъ не былъ «ни жестокъ, ни мстителенъ», говоритъ Оливье, «онъ отдавался призыву къ великодушію, и нельзя было приблизиться къ нему безъ того, чтобы не почувствовать къ нему влеченія, привязанности». Эмиль Оливье всѣми силами отдѣляется отъ того, будто онъ былъ подъ влияніемъ Морни, напротивъ, утверждаетъ онъ, «подъ моимъ влияніемъ измѣнились идеи Морни». Онъ рассказываетъ тоже, что Морни былъ совершенно доволенъ реформой 24 ноября, которая была сдѣлана отчасти по настоянію его и Валуевскаго, но больше всего «по личному вдохновенію императора». «Надѣюсь, говоритъ Морни Эмилю Оливье, встрѣчая его у рѣшетки законодательнаго корпуса, что вы довольны теперь?—Да, отвѣчалъ Оливье, доволенъ; только, если вы желаете знать мое мнѣніе, то позвольте прибавить, что съ этого дня вы или упрочились, или погибли.—Какъ такъ? возразилъ Морни.—Вы упрочились,

если это только начало, вы погибли, если это конецъ!» Эмиль Олливе долго не сближался съ Морни, пока этотъ послѣдній не привлекъ его на свою сторону выраженнымъ участіемъ къ его семейному горю. Нельзя не улыбнуться конечно, читая, какъ мало нужно было Эмилю Олливе, чтобы броситься въ объятія одного изъ самыхъ крупныхъ и рѣшительныхъ дѣятелей 2-го декабря. Съ этой минуты Эмиль Олливе скользить все больше и больше по выложенной дорогѣ, ведущей къ Тюльери. Онъ защищается передъ своими избирателями 69 года, которымъ посвящена его книга, отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ и передаетъ, что въ одномъ изъ первыхъ свиданій съ Морни, онъ успѣшилъ предупредить его, что не желаетъ получить никакого министерства, что впрочемъ не помѣшало Морни предложить ему, Эмилю Олливе, министерскій портфель. Какъ далекъ онъ былъ въ эту минуту отъ оппозиціи «пяти»! Переговоры, начатые съ Морни, прервались его смертью, но вскорѣ были возобновлены съ его преемникомъ Валевскимъ, и тутъ начинается самая интересная часть исповѣди Олливе, такъ какъ она касается тѣхъ реформъ, которыя объявлены были 19-го января 67 года, и въ которыхъ Олливе принималъ довольно дѣятельное участіе. Въ это время связь Олливе съ оппозиціею была уже совершенно разорвана, и онъ стремился стать во главѣ tiers-parti, но, какъ всякое стремленіе Олливе, и это было безуспѣшно. Съ самаго начала переговоровъ между Валевскимъ и Олливе, первый предложилъ ему отъ имени императора министерство, менѣе другихъ имѣющее вліяніе на общій ходъ дѣла, а именно, народнаго просвѣщенія, на что Олливе, разумѣется, отвѣчалъ отказомъ. Валевскій настаивалъ, говоря, что и онъ самъ и императоръ получили полную увѣренность, что имперія не можетъ держаться безъ свободы, что свободу эту нужно водворить при помощи постепенныхъ реформъ, и что для того, чтобы ихъ совершить, необходима помощь его, Олливе. Совѣщанія эти кончились тѣмъ, что Эмиль Олливе сдался, написавъ Валевскому письмо, въ которомъ говорилъ: «если вы можете, избавьте меня отъ этого испытанія (министерскій портфель), сдѣлайте все безъ меня съ вашими друзьями; но если вы мнѣ по совѣсти скажете, что мой отказъ сдѣлаетъ все невозможнымъ, я соглашусь;» и при этомъ онъ ставилъ три условія, между которыми было и уничтоженіе административнаго произвола въ дѣлахъ прессы. Въ то время, когда Валевскій велъ переговоры съ Олливе, Наполеонъ обдумывалъ готовившіяся реформы, и также, насколько необходимо участіе Олливе. Этотъ послѣдній то соглашался, то отказывался войти въ новый кабинетъ, то снова соглашался, когда Валевскій обращался къ нему со словами: «Вы держите въ вашихъ рукахъ судьбу страны, отъ васъ зависитъ, чтобы былъ сдѣланъ шагъ впередъ.» Можно подумать, что дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ объ отреченіи отъ трона, въ то время, когда

вопросъ шель о реформѣ законовъ о печати, правѣ собранія и интерpellацийхъ. Наконецъ, Оливье окончательно рѣшился.... замѣнить Руэра, если онъ откажется отъ приведенія въ исполненіе новой программы. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ переговоровъ и совѣщаній, Наполеонъ назначилъ Эмилю Оливье день свиданія. Оптимистъ Оливье, какъ называлъ его Гизо, выдающій все въ какомъ-то розовомъ свѣтѣ, рисуетъ портретъ Наполеона тѣми же радужными красками, какими нарисовалъ онъ фигуры Морни и Валуевскаго. «О личности императора составилось самое ложное мнѣніе; его воображаютъ себѣ молчаливымъ, хладнокровнымъ; такимъ дѣйствительно является онъ на публичныхъ торжествахъ. Въ своемъ кабинетѣ онъ совсѣмъ другой; хотя его никогда не оставляетъ извѣстная сдержанность, похожая почти на застѣнчивость, приемъ его радушенъ, онъ обращается съ простотою, которая трогаетъ васъ, съ вѣжливостію, которая соблазняетъ. Онъ слушаетъ васъ какъ человѣкъ, желающій удержать; когда онъ не имѣетъ возразить вамъ что-нибудь особенное, онъ оставляетъ васъ говорить; онъ прерываетъ только, чтобы сдѣлать важное возраженіе. Умъ его не затемненъ никакими грубыми предразсудками, ему можно все говорить, все, что даже противорѣчитъ его мнѣнію, даже истинѣ, лишь бы выраженіе было мягко и не было лишено чувства симпатіи къ его личности.... можно было бы даже утверждать, что онъ склоненъ ко всему, что велико, еслибы иногда онъ бы принималъ за великое то, что только эффектно.» Таковъ портретъ, нарисованный Эмилемъ Оливье, однимъ изъ «пяти», портретъ, написанный безъ сомнѣнія искренно, потому что никто не обвиняетъ Эмиля Оливье въ безчестности; но онъ доказываетъ только одно, какъ легко сбиться честному, но простому, незамѣчательному человѣку съ прямого пути, когда онъ возмечтаетъ играть роль Мирабо или Бенжамена-Констана. Излишнее честолюбіе, жажда пробиться въ благодѣтели своей родины, и пробиться окольными дорогами, приводитъ часто къ тѣмъ же результатамъ, какъ низость и раболѣпство, т. е. клеветъ клеймо на всю жизнь человѣка. Оливье понялъ очень хорошо, что его сношенія съ Морни и Валуевскимъ, его посѣщеніе Тюльери убили его репутацію честнаго человѣка, потому онъ и поспѣшилъ сдѣлать свою публичную исповѣдь, выслушавъ которую можно произнести ему отпущеніе грѣховъ, ради его, съ одной стороны, политической недалковидности, съ другой, ради его стремленія оказать услугу своему отечеству. Политическая недалковидность Оливье заключается въ томъ, что онъ не понялъ, что между оппозиціонною Франціею и Наполеономъ не можетъ быть примиренія до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ сидитъ на престолѣ, потому что тутъ не столько важна ненависть между людьми, сколько несовмѣстимость двухъ принциповъ.

Послѣ долгаго разговора съ императоромъ, котораго къ сожалѣнію Оливье не передаетъ, Наполеонъ спросилъ его, правда ли, что

онъ не желаетъ принять министерства? На утвердительный отвѣтъ Оливье, и послѣ того, что онъ привелъ свои причины, Наполеонъ сказалъ ему: «ваши доводы такъ хороши, что я не могу привести никакого возраженія; я думаю, какъ и вы; я возвращаю вамъ свободу». Послѣ этихъ словъ, которыя можетъ быть только свидѣльствуютъ о тонкости Наполеона, не желавшаго дѣлать изъ Оливье прямого помощника себѣ, разговоры не остановились на этомъ. «Мнѣ предлагали, говорить Оливье, хорошее министерство (народнаго проsvѣщенія) и скромныя реформы: вмѣсто того, чтобы принять министерство, я думалъ только о томъ, чтобы, отказываясь отъ него, дать себѣ болѣе силы для расширенія реформы.» Послѣ этого разговора, Оливье послалъ Наполеону подробную записку о всемъ, что они говорили, и въ отвѣтъ, который онъ получилъ, Наполеонъ между прочимъ высказывался такимъ образомъ: «будьте убѣждены въ томъ, что то, что меня удерживаетъ отъ исполненія реформъ, вовсе не недостатокъ увѣренности, не пустое пристрастіе къ моимъ прерогативамъ, но боязнъ лишить себя средствъ возстановить въ этой странѣ, взволнованной столь различными страстями, нравственный порядокъ, это существенное основаніе свободы». Наполеонъ въ эту минуту желалъ «увѣнчать зданіе», какъ нѣсколько разъ выразился онъ самъ, и предпочиталъ дать съ одного раза все, что онъ могъ дать по его понятіямъ, чѣмъ дѣлать каждый годъ, вынужденный обстоятельствами, новыя уступки, потому что такая уступчивость, онъ не заблуждался, можетъ довести до «паденія». Онъ остановился на тѣхъ реформахъ, которыя были объявлены въ знаменитомъ письмѣ 19 января 1867 г., т. е. на законѣ о правѣ собранія, на присутствіи министровъ въ законодательномъ корпусѣ и на уничтоженіи административнаго произвола въ дѣлахъ печати. «То, что меня болѣе всего побуждаетъ это сдѣлать, сказалъ онъ Оливье, это то, что Франція пользуется большою свободою, а между тѣмъ я имѣю видъ, какъ будто бы не даю никакой». Наполеонъ не утѣшалъ себя надеждою, что Франція придетъ въ особенный восторгъ отъ этихъ реформъ, онъ сознавалъ, что нація, привыкшая къ большому и требуетъ большаго, и потому говорилъ: «То, что я даю, это много, и если бы я вышелъ изъ первой имперіи, всѣ бы это признали; но такъ какъ я наслѣдую парламентарнымъ правительствамъ, то до тѣхъ поръ, пока я не войду въ старую колею, всегда будутъ находить, что я даю слишкомъ мало; вы увидите, что это скажутъ.»

Письмо 19 января было объявлено, дѣло шло теперь только о приведеніи въ исполненіе предначертанныхъ реформъ. Исполненіе это возложено было на государственнаго министра, или вѣрнѣе было бы сказать перваго министра — Руэра, на котораго обрушивается весь гнѣвъ Эмиля Оливье. Изъ его книги вытекаетъ одно, что если кто-

нибудь виновать въ неполномъ осуществленіи реформъ и ихъ урѣзаніи, то только Руэръ. Тутъ опять оказывается недальновидность Олливе: онъ долженъ былъ бы понять, что такой человѣкъ, какъ Руэръ, есть только исполнитель чужой воли, который сегодня говоритъ и защищаетъ одно, завтра совершенно противоположное. Онъ накидывается на него и изображаетъ уже совсѣмъ другими красками, которыхъ не употреблялъ для портрета Морни или Наполеона. «У него нѣтъ ни обширности общихъ знаній, ни литературнаго вкуса, ни богатства воображенія», и чѣмъ дальше онъ разбираетъ его, тѣмъ больше находятъ въ немъ недостатковъ: «у него нѣтъ, говоритъ Олливе, той возвышенности, которая рождается изъ сильнаго убѣжденія». Это человѣкъ «рѣшительно неспособный возвыситься до принципа». Въ то время, когда Руэръ совѣщался съ Олливе, по приказанію Наполеона, относительно выполненія реформъ, Руэръ интриговалъ противъ Олливе и возбуждалъ противъ него большинство законодательнаго корпуса. Руэръ все болѣе и болѣе переходилъ на сторону реакціи, враждовалъ противъ Валевскаго, добился его удаленія. Олливе сознавалъ, передаетъ онъ самъ, что объявленныя реформы въ рукахъ Руэра уродуются все больше и больше, что они не дадутъ того, что онъ надѣялся, но обратиться прямо къ Наполеону онъ не могъ, потому что Наполеонъ совершенно одобрялъ Руэра. Почва ускользала изъ-подъ ногъ Олливе, онъ чувствовалъ свое положеніе страннымъ, неопредѣленнымъ, онъ такъ недавно публично жалъ руки Руэру, а теперь принужденъ былъ такъ же явно возставать противъ него. Неизбѣжный результатъ политической слѣпоты! Онъ долженъ былъ принять враждебное положеніе къ Руэру, а слѣдовательно и къ его господину, онъ долженъ былъ снова искать убѣжища въ рядахъ оппозиціи. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ наконецъ бросилъ снова перчатку правительству, произнесъ такую фразу: «программа 19 января исполнена дурно во всѣхъ своихъ частяхъ»; съ этой минуты онъ сталъ удаляться отъ всѣхъ оффиціальныхъ приглашеній. Олливе сознается, что положеніе второй имперіи значительно ухудшилось со времени реформъ 19 января, что она пошатнулась, и что всѣ данныя реформы направлены теперь къ разрушенію существующаго порядка. Но не реформа виновата, рѣшаетъ Олливе, а ихъ дурное выполненіе; онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не привести своего пророчества Наполеону наканунѣ 19 января: «не дѣлайте ничего, говоритъ онъ, или дѣлайте хорошо; если вы сдѣлаете дурно, реформы обратятся противъ васъ»; и затѣмъ онъ прибавляетъ: «правительство сдѣлало и сдѣлало дурно; оно дало всю свободу, которая могла быть полезна противъ него, и отказало въ той, которая могла быть полезна для него; оно уступило все, что было необходимо для разрушенія имперіи, и отказало во всемъ, что позволило бы честнымъ людямъ сгруппиро-

ваться около него и поддержать его». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Эмилю Оливье болѣе всего помогло «прозрѣть» то обстоятельство, что онъ, который такъ распинался для правительства, разорвалъ свои кровные узы съ оппозиціею, и такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что именно и былъ удаленъ отъ исполненія реформы 19 января. Сколько онъ ни отказывался отъ портфеля министерства народнаго просвѣщенія, трудно думать, что ему бы не улыбнулась роль Руэра. Собственно говоря, Оливье, ставъ разъ на скользкую дорогу, долженъ былъ бы даже добиваться этого поста, тогда можетъ быть успѣхъ веденныхъ подъ его вліяніемъ реформъ сколько-нибудь оправдалъ бы въ глазахъ тѣхъ, которые послали его въ законодательный корпусъ.

Что же, спрашиваетъ онъ послѣ всего этого, нужно сдѣлать, чтобы поправить положеніе, какія средства нужно употребить, чтобы спасти имперію отъ вѣрной гибели. Для этого, отвѣчаетъ Оливье, нужно прежде всего два средства: 1) независимость и отвѣтственность министровъ, т. е. возвращеніе къ парламентаризму, и во 2) полная свобода выборовъ. Однимъ словомъ, Эмиль Оливье приходитъ къ тому же, что и требуетъ оппозиція, въ лоно которой онъ снова возвратился. Еслибы оппозиція могла простить честолюбивому и не брезгающему задними ходами депутату, то она должна была бы заколотъ тельца для празднованія возвращенія блуднаго сына. Для имперіи нѣтъ другого выхода, утверждаетъ и Оливье, какъ сдѣлать выборы 1869 года такими же свободными, какими они были въ 1789 году; для нея нѣтъ другого средства выйти изъ затрудненія, которое скоро превратится въ безысходное. Въ странѣ, что теперь очевидно для всѣхъ, существуетъ небывалое волненіе, безпокойство, мнѣнія раздѣлены о самыхъ важныхъ предметахъ, одни требуютъ мира во что бы то ни стало, другіе жаждутъ войны, одни хотятъ, чтобы Франція отдала Италіи Римъ, другіе требуютъ, чтобы войска не выходили изъ Чивитавеккии. Одни призываютъ полную, безграничную свободу, другіе опасаются ее. Единственно, что необходимо сдѣлать, это созвать народъ и сказать ему, говоритъ Эмиль Оливье: «Назначьте депутатовъ, которые сообщали бы мнѣ ваше мнѣніе о всѣхъ важныхъ вопросахъ; я сообщу вамъ черезъ министровъ мои личные виды, и тогда послѣ обсуждения ваша воля будетъ исполнена». Только подобная мѣра, по словамъ Оливье, можетъ вывести имперію изъ затруднительнаго положенія. «Я не смѣю сказать, говоритъ онъ, каковы будутъ послѣдствія системы насилія, къ которому приготавливаются прибѣгнуть въ ближайшихъ выборахъ. Послѣдняя надежда добровольнаго сближенія между свободой и имперіей исчезаетъ, и свобода тогда попробуетъ диктовать законы: если имперія уступить, она будетъ унижена; если она станетъ сопротивляться, тогда начнется война не на жизнь, а на смерть, и

исходъ ея не подверженъ сомнѣнію; потому что свобода бывала побѣждена только у народовъ, достигшихъ періода дряхлости». Таково послѣднее пророческое слово Эмиля Оливье, этого недавняго еще друга имперіи. Итакъ, выборы—вотъ общій лозунгъ, за который схватились обѣ партіи: партія имперіи и растущая съ каждымъ днемъ партія анти-имперіалистовъ. На выборы уповаютъ какъ тѣ, которые вѣдѣются, что имперія получить на нихъ послѣдній ударъ, такъ и тѣ, которые мечтаютъ, что имперія выйдетъ изъ нихъ обновленною и помолодѣвшею. Всѣ спѣшатъ дѣлать свое profession de foi, всѣ приносятъ свои исповѣди, всѣ стараются выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, но, разумѣется, главнымъ образомъ тѣ, у которыхъ, какъ говорится: пушекъ на рыльцѣ. Къ безчисленнымъ брошюрамъ, вызваннымъ предстоящими выборами, къ книгѣ Эмиля Оливье присоединилось надняхъ еще одно произведеніе, вышедшее изъ—подъ прессы императорской типографіи и украшенное гербомъ имперіи: «Les Progrès de la France sous le gouvernement impérial». Произведеніе это, какъ увѣряютъ, принадлежитъ августѣйшему перу Наполеона, и представляетъ собою какъ бы обращеніе къ народу наканунѣ выборовъ, чтобы вотирова за оффиціальнаго или независимаго кандидата, избиратели помнили, какой прогрессъ сдѣланъ Франціей во время существованія второй имперіи. Изъ всѣхъ правительственныхъ выборовъ маневровъ, императорская брошюра, разумѣется, есть самый невинный и вмѣстѣ самый законный.

Время выборовъ всегда представляетъ собою много заботъ для правительства, и какъ теперь ими волнуется вся Франція, такъ недавно еще выборы же волновали всю Австрію. Новый сеймъ былъ созванъ въ Венгріи, первый послѣ того, что система дуализма укрѣпилась въ странѣ. Правительство съ трепетомъ ожидало, въ чью пользу высказается венгерская нація, въ пользу ли партіи Деака - Андраши, — венгерскихъ представителей этой системы, или въ пользу ихъ противниковъ, недовольныхъ этою системою и желающихъ только одного личнаго соединенія между Австріей и Венгріей, на подобіе Швеціи и Норвегіи. Въ старомъ сеймѣ громадное большинство стояло за Деака и Андраши; вопросъ шелъ объ удержаніи этого большинства. Первые результаты выборовъ въ новый сеймъ бросили смущеніе въ министерскій лагерь; значительные члены партіи дуализма потерпѣли сильное пораженіе, оппозиція торжествовала, но торжество ея было непродолжительно. Побѣда осталась за правительственною партією, представляемой въ сеймѣ 217 голосами противъ 151, принадлежащихъ лѣвой сторонѣ. Если партія Деака потеряла около 30 голосовъ, то это должно ей служить только предостереженіемъ на будущее время, чтобы она не шла далѣе тѣхъ уступокъ, которыя сдѣланы уже для соглашенія съ Австрією. Австрійское правительство не можетъ не ра-

доваться успѣху въ Венгріи, потому что неудача тамъ повергла бы зданіе Австро-Венгерской монархіи въ полное разстройство. То, что укрѣплено было съ такимъ трудомъ, снова бы разпалось, и тогда затронуть былъ бы вопросъ о существованіи имперіи. Полное соглашеніе съ Венгрією тѣмъ важнѣе для австрійскаго правительства, что въ эту минуту между имъ и Галицією снова возникаютъ затрудненія, которыя усиливаютъ только значеніе тѣхъ, которыя доставляетъ ей чешское населеніе Богеміи. Если съ одной стороны нельзя не желать, чтобы какъ тѣмъ, такъ и другимъ, были предоставлены возможныя вольности и болѣе широкая автономія, то съ другой стороны Австрія не можетъ не желать себѣ избавленія отъ лишннихъ препятствій, которыхъ и безъ того она находитъ слишкомъ много въ своей трудной задачѣ возрожденія страны при помощи политической и нравственной свободы. Нельзя не желать полного успѣха всякой странѣ и правительству, которое имѣетъ достаточно силы, чтобы отбросить традиціонный консерватизмъ, свои старыя реакціонныя стремленія и смѣло вступить на дорогу истиннаго, а не фальшиваго либерализма.

Если трудно было представить себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что Австрія сдѣлается одною изъ либеральныхъ странъ Европы, то еще труднѣе было бы предположить возможность тѣснаго сближенія между ею и ея вѣковымъ врагомъ—Италією. Тѣмъ не менѣе это сближеніе, эта дружественность отношеній представляется теперь совершившимся фактомъ къ несомнѣнной выгодѣ обѣихъ странъ. Если Австрія нуждается въ мирѣ, чтобы довершить свое обновленіе, то не менѣе ея нуждается и Италія. Ей нужно еще нѣсколько лѣтъ полного спокойствія, чтобы финансы ея поправились и пришли въ нормальное положеніе, и чтобы бюджетъ ея достигъ желаннаго равновѣсія, которое министръ финансовъ Камбрэ-Диньи обѣщаетъ только къ 1875 году. Одно только могло бы принудить ее взяться за оружіе и рѣшиться на такую тяжелую жертву, какъ война—это надежда добыть себѣ наконецъ Римъ, который, безъ сомнѣнія, успокоитъ всѣ внутреннія волненія. Итальянское правительство понимаетъ, какъ нельзя лучше, что всѣ безпокойства, все недовольство, всѣ открываемые заговоры, стремленіе вызвать внутренній переворотъ, произвести революціи, всѣ эти попытки, безъ сомнѣнія, не имѣющія опаснаго свойства, главнымъ образомъ, коренятся въ непреодолимомъ желаніи, волѣ націи сдѣлать изъ Рима столицу Италіи. Правительство понимаетъ это и не отказывается отъ Рима, а напротивъ, дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы побудить Наполеона III вывести свои войска. Надо надѣяться, что Италія скоро будетъ удовлетворена въ этой необходимости обладанія Римомъ, и тогда всѣ заботы этой страны будутъ направлены къ одному, къ спокойному развитію, политическому, нравственному и матеріальному этой ожившей и счастливо переродившейся націи.

Италія воскресла болѣе сильная, чѣмъ она была когда-нибудь, а между тѣмъ сколько пророчествъ сыпалось на нее еще такъ недавно, и пророчествъ самыхъ мрачныхъ и не великодушныхъ. Сколько разъ ей предсказывали паденіе въ тѣ самыя минуты, когда она дѣлала сверхъестественныя усилія, чтобы воспрянуть и вдохнуть въ себя новую жизнь! Къ счастью, всѣ эти предсказанія остались одними предсказаніями. Будемъ надѣяться, что тоже случится и съ тѣми предсказаніями, которыя сыплются теперь на Испанію, и что эта страна сумеетъ преодолѣть всѣ препятствія, всѣ трудности, и выпутается изъ той непроницаемой сѣти, въ которую она была втянута деспотизмомъ. Послѣдній мѣсяцъ прошелъ для Испаніи не безплодно. Проектъ конституціи оконченъ, и если онъ не настолько радикаленъ, насколько желала бы того возрастающая въ численности республиканская партія, то тѣмъ не менѣе введеніе его въ силу можетъ возбудить законную зависть не одной страны, которой еще недавно показалось бы обиднымъ сравненіе съ Испаніею. Одно изъ главныхъ затрудненій новый порядокъ встрѣчаетъ въ возстаніи испанской колоніи Кубы, возстаніи, которое все усиливается съ каждымъ днемъ и тѣмъ болѣе опасно, что грозитъ привести къ столкновенію между Испаніею и Соединенными Штатами, которые не безъ удовольствія смотрятъ на стремленіе Кубы къ независимости. Но задача Испаніи особенно тяжела потому, что новое правительство осуждено было унаслѣдовать страну, доведенную до крайняго изнеможенія деспотизмомъ Бурбоновъ.

МАНЕВРЪ ПРОТИВНИКОВЪ

НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.

Въ мартовской книгѣ «Русскаго Вѣстника» мы прочли статью подъ заглавіемъ: «Тактика противниковъ нашей (!) школьной реформы»; а мы въ это время только-что собирались сами приступить къ описанію маневра противниковъ нашей школьной реформы. Les beaux esprits se rencontrent — подумаетъ иной; но въ настоящемъ случаѣ оказалось, что «Русскій Вѣстникъ» и «Вѣстникъ Европы» говорятъ о совершенно различныхъ предметахъ, и что даже новая статья московскаго журнала принадлежитъ сама къ числу, если не искуснѣйшихъ, то во всякомъ случаѣ самыхъ безцеремонныхъ маневровъ противниковъ нашей школьной реформы. «Русскій Вѣстникъ» и его почтенная редак-

ція дошла нынѣ до послѣднихъ предѣловъ самообожанія, и подъ словами «нашей школьной реформы» разумѣть не что иное, какъ реформу своего собственнаго издѣлія, подробности которой, какъ мы увидимъ ниже, будутъ опубликованы надняхъ; а «Вѣстникъ Европы» подъ этими же словами разумѣть то, что и слѣдуетъ разумѣть въ настоящемъ случаѣ, а именно послѣднюю школьную реформу 1864 года у насъ, т. е. въ Россіи, и имѣть въ виду говорить о противникахъ ея, къ числу которыхъ принадлежитъ въ прессѣ редація «Московскихъ Вѣдомостей», старавшаяся всѣми мѣрами внушать мысль о необходимости затормозить послѣднюю школьную реформу. Дѣйствительно, послѣдняя наша (т. е. русская) школьная реформа и созданные ею уставы университетовъ, гимназій и народныхъ училищъ, хотя и не отиѣнены до сихъ поръ въ цѣлости, но нельзя также сказать, чтобы они развивались въ одномъ и томъ же духѣ, чтобы они не имѣли своихъ противниковъ, какъ имѣютъ таковыхъ другія реформы, крестьянская, судебная и т. д. Но «Русскій Вѣстникъ» заговорилъ о противникахъ не этой школьной реформы; его редація сама принадлежитъ къ числу такихъ противниковъ, и давно уже принимаетъ себя за министерство народнаго просвѣщенія, основываетъ теперь свою гимназійно-университетъ, и говоритъ свое—Quos ego! противникамъ своей школьной реформы, продолжая въ тоже время сама попрежнему противиться школьной реформѣ нынѣшняго царствованія.

Въ чемъ же состоитъ новый маневръ этихъ противниковъ? «Московскія Вѣдомости» искусственно раздѣлялись нынѣшній разъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», и «Русскій Вѣстникъ» въ мартовской книгѣ обязательно цитуетъ «Московскія Вѣдомости», какъ чуждое ему вѣдомство, указываетъ на заслугу почтенной газеты, «разоблачившей — будто бы — продѣлку, къ которой прибѣгъ *Вѣстникъ Европы* по поводу статьи англійскаго писателя Фоулера», и обращаясь съ похвалою «Московскимъ Вѣдомостямъ», признаетъ ихъ клеветы — «дѣломъ полезнымъ». Затѣмъ «Русскій Вѣстникъ» повально обвиняетъ всю петербургскую журналистику, при чемъ слѣдуетъ градъ словъ: «поддѣлка», «вымыселъ», «подлоги», «продѣлки», «злукубраціи» и т. п. Но въ результатѣ всей статьи оказывается, что редація «Русскаго Вѣстника» искала себѣ одного школьническаго удовольствія обозвать редактора «Вѣстника Европы» именоваціями, заимствованными въ романахъ Диккенса и въ драмахъ Эмиля Ожье. Нѣтъ особенной трудности и намъ присказать, даже въ отечественной литературѣ, прототипы редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника»: ихъ умѣнье скупать дешево и продавать дорого мертвыя души избавило бы насъ отъ дальнѣйшихъ поисковъ въ литературѣ за сравненіями; но мы вообще не желаемъ вступать въ перебранку; для насъ достаточно того, что Зевсъ бранится — слѣдовательно, онъ не правъ; одинъ изъ редакторовъ «Мо-

сковскихъ Вѣдомостей», приступая къ редакціи, не даромъ изучалъ предварительно натуру Зевса, и знакомъ съ этою истинною.

Обратимся лучше къ тому, что «Русскій Вѣстникъ» въ послѣдней своей статьѣ называетъ нашей «тактикой». По его мнѣнію, это — тактика того Диккенсова героя, который «велъ дѣятельную корреспонденцію со всѣми знаменитостями Англіи, самъ сочиняя къ себѣ отъ нихъ письма, въ которыхъ заставляя ихъ говорить, разубѣдается, лишь то, что было пріятно и лестно самому ему». «Точно также—воскликаетъ редакція—и редакторъ *Вѣстника Европы!*» Читатель, по общей логикѣ, заключаетъ, что редакторъ «Вѣстника Европы» просто-на-просто сочинилъ себѣ письма отъ различныхъ знаменитостей и заставилъ ихъ опровергать классическую систему образованія. Но это только одинъ маневръ «Русскаго Вѣстника»: онъ не утверждаетъ собственно, что у насъ пишутся письма къ самимъ себѣ, а полагаетъ, что произведенія знаменитыхъ писателей, адресованныя вовсе не къ намъ, подвергались у насъ «особому процессу», вслѣдствіе котораго эти писатели являются будто бы противниками классицизма. Читатель увидить сейчасъ, кто изъ насъ совершаетъ такіе «особые процессы»? Мы ссылались между прочимъ на Маколея. «Русскій Вѣстникъ» самъ перепечатываетъ изъ него отрывокъ, который, несмотря на всю свою отрывочность, доказываетъ однако то, что мы не сочиняли письма Маколея къ самимъ себѣ, потому что это была опубликованная рѣчь знаменитаго историка, и привели ее, какъ одно изъ доказательствъ, что убѣренія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», будто бы въ западной Европѣ классическая система—единственная общеобразовательная, есть не больше, какъ пригготовительный маневръ будущихъ основателей классическаго лица. У «Русскаго Вѣстника» не хватило нѣжный разъ дерзости, какъ онъ часто это дѣлаетъ, объявить рѣчь Маколея нашимъ подлогомъ, но за то онъ съ неслышанною безцеремонностью объясняетъ, что въ той рѣчи слова Маколея поражаютъ странностью; но это собственно не странно, говорить «Русскій Вѣстникъ», «со стороны англичанина, со стороны человѣка, который былъ призванъ воздать хвалу, въ торжественномъ собраніи, національной англійской литературѣ»; что «увлеченіе и парадоксы здѣсь какъ нельзя болѣе обвинительны»; что только «въ пылу своего краснорѣчія, англичанинъ могъ утверждать, что ни одна эпическая поэма не выдержитъ сравненія съ «Потеряннымъ Раемъ», и что цѣлые томы древнихъ философовъ не стоятъ одной страницы Бэкона». Однимъ словомъ, недостаетъ одного намека, что-моль, хотя Маколей дѣйствительно дерзко выражается о значеніи классицизма, но человѣкъ говорилъ послѣ обѣда, и конечно, сказалъ лишнее. Что это такое: шутка - ли «Русскаго Вѣстника», или примѣръ его литературнаго моншерства, съ которымъ онъ позволяетъ себѣ морочить читателей? Можно - ли полемизировать съ

людьми, которые въ крайнемъ случаѣ рѣшаются отдѣливаться фразами: «это — увлеченіе, парадоксъ, пылъ краснорѣчія со стороны Маколея» и т. п. Не вѣрнѣ ли предположить, что со стороны редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» есть расчетъ, отдаленная комбинація и т. п., что заставляетъ ихъ поддерживать классическую систему воспитанія, какъ единственную? Вѣрно одно, что редакторъ «Вѣстника Европы», на которомъ сосредоточивается все нападеніе, не основывалъ никакого реальнаго лица, для котораго онъ поддерживалъ бы реальныя гимназій, а редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» кончили свои походы устройствомъ классическаго лица. Мы слышали, надняхъ будетъ утверждена министромъ народнаго просвѣщенія программа этого пансіона; тогда мы поговоримъ о немъ подробнѣе, а теперь замѣтимъ мимоходомъ: этотъ пансіонъ, основанный гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, по подробностямъ, уже извѣстнымъ намъ, послужитъ новымъ и весьма осязательнымъ доказательствомъ, при какихъ условіяхъ въ наше время классическая система можетъ служить общеобразовательнымъ орудіемъ. Чтобы осуществить свою идею, основателямъ нужно было обезпечить будущій успѣхъ мѣрами, которыя почерпаютъ свою силу не изъ духа классической системы: основатели этого пансіона, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать самой высокой чести, которой удостоился Царскосельскій лицей, послѣ многихъ лѣтъ своего существованія, а именно носить названіе Лицея Цесаревича Николая Александровича, и сверхъ того, состоять подъ особымъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича; кромѣ того, они домогаются освобожденія отъ квартирной повинности, а также отъ пошлинъ и сборовъ разнаго рода, отъ употребленія гербовой и крѣпостной бумаги; а плата за пансіонеровъ этого Лицея доходитъ до 915 руб. въ годъ!! Если необходимы такіе расходы, съ одной стороны, а съ другой — если только въ пансіонѣ г. Каткова можно получить солидное образованіе, то спрашивается: сколько лицъ въ Россіи будутъ въ состояніи воспользоваться благодѣяніями подобнаго рода по-истинѣ классическаго образованія? Но подождемъ утвержденія самаго устава пансіона, чтобы познакомиться ближе съ цѣлями его основателей. До сихъ поръ онъ представляется намъ финаломъ, къ которому вели всѣ панегірики двухъ редакцій классической системъ образованія, и всѣ ихъ маневры относительно противниковъ такъ-называемой «нашей школьной реформы», т. е. школьной реформы «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ горячемъ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и нынѣшній разъ «Русскій Вѣстникъ» разбираетъ названную имъ «тактику «Вѣстника Европы», какъ мы видѣли, самымъ произвольнымъ образомъ. Отдѣлившись отъ Маколея, какъ объяснено нами выше, онъ также комменти-

руеть нашу ссылку на мнѣнія Грановскаго и защищаетъ отъ нашихъ quasi-искаженій Ренана. Но почему онъ умалчиваетъ о другихъ статьяхъ «Вѣстника Европы»? они ему показались неудобными, и онъ обошелъ ихъ молчаніемъ. Такъ, «Русскій Вѣстникъ» не упомянулъ о статьѣ: «Идея о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени» («Вѣстн. Евр.» 1867, т. III), гдѣ изложены мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Тиндалль, Генфри, Гэксли, Фарэдей и др. Статья Е. С. Гордѣенко: «Наши гимназіи и ихъ двойной классицизмъ», помѣщенная нами въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года и выражающая дѣйствительныя нужды нашего общественнаго образованія—также не оказалась удобною для редакціи «Русскаго Вѣстника». Эта редакція предпочитаетъ тѣшиться деповымъ остроуміемъ на тему, занимаванную у Диккенса и Ожье (классикамъ слѣдовало бы обратиться къ Аристофану и Плату), утверждая, что мы, подобно клерикалу въ драмахъ Ожье, желаемъ, чтобы какой-нибудь протестантъ согласился произнести рѣчь, написанную нами въ защиту папы. «Вѣстникъ Европы» смѣло шествуетъ по стопамъ этого господина—восхлищаютъ редакторы «Московскихъ Вѣдомостей», перебѣжавъ въ «Русскій Вѣстникъ», и тѣмъ увѣнчиваютъ описаніе нашей «тактики». Во всѣхъ этихъ маневрахъ можно похвалить ловкость клоуновъ, и «Русскій Вѣстникъ», скажемъ и мы, смѣло шествуетъ по стопамъ артистовъ этого рода, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что московскіе литературные клоуны ищутъ далеко не одной потѣхи публики, и по отношенію себя, стараются держаться правила: *utile dulci!* А.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ РОССІИ.

По поводу «Записокъ объ Училищѣ Правовѣдѣнія».

Если самое образованіе, общее и спеціальное, не дѣлаетъ у насъ желаемыхъ успѣховъ, то нельзя сказать того-же о трактатахъ, разсужденіяхъ и матеріалахъ для исторіи нашего просвѣщенія. Въ нихъ недостатка нѣтъ, и къ прежнимъ даннымъ надняхъ присоединилась книга, длинное заглавіе которой помѣщаемъ въ выносѣ¹⁾.

¹⁾ *Общественное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Записки объ Училищѣ Правовѣдѣнія съ критическими на нихъ замѣчаніями и съ объясненіями ими вызванными.*

Состоя изъ нѣсколькихъ разнокалиберныхъ частей, эта книга не лишена нѣкотораго интереса. Авторъ — самъ правовѣдъ и написалъ еще въ 1862 г. свои записки съ весьма благонамѣренною цѣлю способствовать преобразованію Училища Правовѣднія. Онъ заключаютъ поэтому довольно обстоятельное указаніе, какимъ образомъ этотъ рассадникъ молодыхъ юристовъ постепенно заросъ всякими сорными травами, и какъ слѣдуетъ приступить къ его очищенію. Конечно, по той привязанности къ мѣсту своего воспитанія, которая свойственна всѣмъ порядочнымъ людямъ, авторъ еще въ 1862 году далеко былъ отъ мысли, чтобы Училище Правовѣднія, сослужившее во время оно свою службу, должно было отойти въ вѣчность. Между тѣмъ мнѣніе о необходимости слить Училище Правовѣднія съ университетомъ или, что тоже, упразднить Училище, давно уже существуетъ у нѣкоторыхъ правовѣдовъ, привязанность которыхъ къ мѣсту ихъ воспитанія также мало можно заподозрить, какъ нельзя заподозрить въ недостатокъ этой привязанности и тѣхъ лиценстовъ, которыми сдѣлано было въ комитетъ для празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея Александр. лицея предложеніе: «лицей, какъ выполнившій свое назначеніе и отжившій свое время, закрыть». На это директоръ лицея замѣтилъ, «что доводы для упраздненія славнаго лицея хотя можетъ быть и основательны, но самоотверженіе не должно доходить до самоубійства». Это изрѣченіе г. директора о самоубійствѣ кажется намъ весьма краснорѣчивымъ.

Взявшись снова за свой старый трудъ, авторъ пришелъ теперь къ убѣжденію въ совершенной бесполезности Училища Правовѣднія (с. XXXV). Но тогда казалось бы нечего распространяться о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя необходимо сдѣлать въ гимназическомъ курсѣ Училища, такъ какъ этотъ курсъ составляетъ больное мѣсто всякаго высшаго закрытаго заведенія, и съ отдѣленія этого курса отъ спеціальнаго и началась, какъ извѣстно, въ свое время, реформа учебныхъ заведеній вѣдомства военнаго, морского и путей сообщенія. Между тѣмъ улучшенію этого гимназическаго курса Училища посвящена вся первая глава записокъ (с. 14 — 40). И вообще послѣ передовой статьи, въ которой авторъ говоритъ о необходимости образованъ изъ нынѣшняго училища Юридическую Академію, т. е. покончить съ Училищемъ, какъ съ закрытымъ и привилегированнымъ заведеніемъ, странно встрѣчаться въ запискахъ съ разными предположеніями о преобразованіи учебной части Училища, на основаніи нынѣшней его организаціи. Все это по меньшей мѣрѣ крайне нелогично, и авторъ напрасно напечаталъ: или свою передовую статью, въ которой онъ доказываетъ совершенную бесполезность Училища въ нынѣшнемъ его видѣ, или свои записки

Съ передовою (вмѣсто введенія) статьей о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и объ Училищѣ Правовѣднія и правовѣдской корпораціи въ особенности. П. У. Слб. 1869.

1862 г., въ которыхъ вопросъ шелъ главнымъ образомъ только объ улучшеніи педагогической части въ училищѣ и болѣе или менѣе частныхъ преобразованіяхъ его. Положимъ однако, что эти записки автору хотѣлось сохранить потому, что изъ нихъ можно познакомиться со всѣми сторонами *statu quo* училища, какъ о томъ сказано въ предисловіи. Но въ такомъ случаѣ самое это предисловіе не только не устраняетъ противорѣчій изъ постановки вопроса, но еще усугубляетъ это противорѣчіе, потому что въ этомъ предисловіи, помѣченномъ 1869 годомъ и писанномъ послѣ передовой статьи (1868 г.), авторъ, стараясь указать на связь отдѣльныхъ частей своего труда, нисколько не отказывается отъ той организаціи училища, которую онъ предполагалъ въ своихъ запискахъ 1862 г. и которую признавалъ потомъ несостоятельною въ передовой статьѣ 1868 г. Увы! поколѣніе, выросшее на логикѣ, преподаваемой духовными отцами, или вовсе безъ логики, не всегда послѣдовательно въ своихъ заключеніяхъ. А логика вещь не лишняя, даже при полнѣйшей нравственной и политической благонамѣренности, въ которой мы, разумѣется, не имѣемъ никакого права отказывать автору. Мы, во всякомъ случаѣ, не заподозримъ этой благонамѣренности, на томъ только основаніи, что, говоря между прочимъ о лиценстахъ и правовѣдахъ, занимавшихъ болѣе видныя мѣста на государственной службѣ, авторъ не иначе выражается о нихъ, какъ въ превосходной степени, именно о *достоинѣйшихъ* министрахъ (с. XXVI), о *честнѣйшихъ* государственныхъ дѣятеляхъ нашихъ (XXVIII) и т. д., о Корнеліѣ же Невотѣ говоритъ, какъ о *скупѣйшемъ*, а объ Илиадѣ Гомера, какъ о *высокочортѣйшей* (с. XI). Мы потому не придадимъ этой превосходной степени особаго значенія, что авторъ очевидно дѣлаетъ различіе между мѣстомъ и чиномъ только, и убѣжденъ, что послѣдній можетъ приобретаться иногда и случайно. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго, отзвучивающагося какъ будто гражданскимъ чувствомъ, восклицанія: «и мало ли не только полковниковъ и ст. совѣтниковъ, но и тайныхъ совѣтниковъ, которые достигали этого чина лишь въ силу обстоятельствъ, а не истинныхъ заслугъ; да много ли въ числѣ самыхъ 75 дѣйств. ст. совѣтниковъ, вышедшихъ изъ одного Училища правовѣдѣній, истинно достойныхъ служителей отечеству»... (с. XXXVIII). Но что касается мѣстъ, то авторъ твердо убѣжденъ, что они въ наше время, когда восторжествовалъ наконецъ принципъ личныхъ способностей, раздаются только достойнѣйшимъ. Такъ, мы теперь уже не удивляемся, что образованный и работающій коллежскій регистраторъ или способный и достойный административный чиновникъ опредѣляется членомъ и даже предсѣдателемъ окружнаго суда; что джентльменъ, хотя и съ образованіемъ юнкерской гвардейской школы, но съ опытностью по судебной части, удостоивается должности прокурора окружнаго суда, что доказавшій способности свои на дѣлѣ коллежскій совѣтникъ (также

не изъ правовѣдовъ) — послѣ десятилѣтней службы повышается въ прокуроры судебной палаты. Случается у насъ также видѣть, что отличившійся ст. совѣтникъ изъ правовѣдовъ, состоя въ семь чинѣ всего около двухъ лѣтъ, достигаетъ *внезапно* высшаго судейскаго положенія, званія сенатора и пр.» (XXV). Этотъ принципъ личныхъ способностей, какъ его окрестилъ авторъ, творить истинныя чудеса. Остается только дивиться, хотя авторъ, кажется, и противоположнаго мнѣнія, полагая, должно быть, что мы уже потеряли способность чему бы то ни было удивляться.

По основной своей мысли и по первоначальному своему учрежденію, Училище правовѣдѣнія не есть оригинальное созданіе. Оно представляетъ собою снимокъ съ александровскаго лица, энциклопедической курсъ котораго замѣненъ для Училища специально-юридическимъ. Эта замѣна съ самаго начала, конечно, должна была навести на соображеніе такого рода. Изъ мальчюка девяти, десяти лѣтъ, поступающаго въ лицей, слѣдовало выростить молодого человѣка съ общимъ порядочнымъ образованіемъ и обладающимъ знаніемъ законовъ и учрежденій лишь настолько, чтобы найтись въ любой отрасли службы, въ которую бы обстоятельства его бросили. Очевидно, что такая далеко не специальная задача выполняема по отношенію къ большей части юношества. Если у кого есть особое призваніе, особое стремленіе, то лицей, если не будетъ много содѣйствовать развитію его, ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ ему. А на почвѣ сколько-нибудь сноснаго общаго образованія специальность уже впоследствии, по выходѣ изъ лицея, въ состояніи будетъ привиться, такъ какъ это будетъ во всякомъ случаѣ специальность свободно избранная, а не навазанная. Иная, гораздо труднѣйшая задача выпала съ самаго начала на долю Училища правовѣдѣнія. Изъ мальчюка, природныя силы и наклонности котораго ни въ чемъ еще не проявились, слѣдуетъ приготовить будущаго законника, будущаго юриста, т. е. человѣка, обреченнаго на одну изъ самыхъ трудныхъ специальностей, на специальность, которая въ особенности въ началѣ представляется отвлеченной, формальной, безжизненной, и которая своими категоріями, въ какія втискиваются обезцвѣченныя житейскія отношенія, сушитъ мозгъ. Когда-то еще при помощи философіи, исторіи, общественной экономіи откроется для юриста глубокой смыслъ и интересъ тѣхъ законовъ, которые онъ изучаетъ, а между тѣмъ голову все продолжаютъ начинать и начинать всѣми прелестями и столь удобоваримыми предметами положительнаго законодательства. Оно предстаетъ для начинающаго русскаго юриста въ видѣ экстрактовъ изъ различныхъ частей свода. Но какъ эти экстракты ни засушены, въ нихъ все-таки есть какое-нибудь содержаніе. А куда дѣваться отъ бездарныхъ риторовъ и фразеровъ, мертвящихъ съ кафедры чисто теоретическія или историческія отрасли законовѣдѣнія! Въ университетѣ, если этотъ фразеръ надо-

истъ, можно не пойти на лекцію, а здѣсь въ училищѣ сиди и сиди впродъ каедрой!

Это не римскій форумъ, рассказывая по которому стязавшій извѣстность юристъ даетъ консультацію, объясняя своимъ ученикамъ классическое право, какъ живое произведеніе народной жизни и народнаго сознанія! Тамъ могла народиться эта молодежь, жадно внимавшая великимъ началамъ права и законодательства, — *juventus cupida legum*, — о которой упоминаютъ римскіе источники. Въ иной обстановкѣ и съ инымъ содержаниемъ является и притомъ даже еще не юношамъ, а дѣтямъ — отрокамъ, русское законискусство, какъ оно существовало до судебной реформы. Требовать, чтобы всѣ эти отроки, отданные родными въ это училище все-таки по видамъ карьеры и 9-го класса, непременно почувствовали въ себѣ способность, призваніе, сдѣлаться съ четырнадцати, съ пятнадцати лѣтъ, при весьма посредственномъ, сокращенномъ общеобразовательномъ курсѣ, жрецами этого законискусства — очевидная нелѣвость. Лучшие, наиболѣе талантливые и рабочіе воспитанники не только выдержать этотъ искусь, но и выйдутъ изъ него съ успѣхомъ, хотя можетъ быть наука и потеряетъ въ нихъ хорошихъ филологовъ, историковъ, натуралистовъ, медиковъ. А остальные? — Остальные получаютъ не воспитаніе и образованіе, а дрессировку, будутъ бессмысленно зубрить записки къ экзаменамъ, выйдутъ тѣмъ не менѣе съ 9 или на худой конецъ съ 10 классомъ изъ Училища, и вѣроятно будутъ пользоваться неменьшимъ успѣхомъ на службѣ. А это все, что въ нашемъ обществѣ требуется доказать.

Такимъ образомъ, задача лицей и Училища правовѣдѣнія были съ самаго начала различны, и задача училища во всякомъ случаѣ труднѣе, неблагодарнѣе. И если бы г. П. У. нѣсколько глубже вникъ въ свой предметъ, то онъ, конечно, не могъ бы не остановиться на этомъ различіи двухъ по наружности, по правамъ и по устройству столь сходныхъ между собою заведеній. Между тѣмъ это различіе, на которое мы старались указать, кажется намъ столь существеннымъ, что никакъ нельзя вполне приравнивать эти заведенія, какъ это дѣлаетъ постоянно авторъ. Лицей кажется намъ, по самой своей задачѣ, въ нѣсколько болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Училище, въ основаніе котораго положено неуваженіе къ свободному развитію духовныхъ силъ чловѣка и къ избранію имъ себѣ занятій и дѣла въ жизни по внутреннему призванію.

Если же и въ лицей, сколько извѣстно, все чаще и явственнѣе стали обнаруживаться симптомы упадка стараго, добраго лицейскаго дѣла, то это только показываетъ, что пора высшихъ казенныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, несмотря ни на какое доктринерство, безслѣдно должна пройти у насъ. Во всякомъ случаѣ, если взять въ расчетъ трудность задачи Училища правовѣдѣнія, то нельзя не удивляться и

тому, что оно успѣло сдѣлать. Что же оно однако сдѣлало? — Основанное въ 1835 г., Училище правовѣдѣнія выпустило съ тѣхъ поръ въ свѣтъ всего 740 молодыхъ людей. Что въ числѣ ихъ есть не одинъ десятокъ людей, которые принесли пользу и которыми, какъ отдѣльнымъ личностямъ, нельзя отказать ни въ искреннемъ уваженіи, ни въ сочувствіи, это само собой разумѣется. Но авторъ ставитъ общій вопросъ о плодахъ, принесенныхъ Училищемъ. Какое посадимъ мы дерево, такіе и плоды получимъ. Училище учреждено было съ цѣлію выпускать болѣе или менѣе благовоспитанныхъ юстицъ-чиновниковъ, оно и выпускало ихъ. Оно должно было привлечь къ судебной службѣ дѣтей потомственного дворянства и пятикласснаго чиновничества, оно и привлекало ихъ туда. При этомъ могъ быть и тотъ политическій расчетъ, о которомъ говоритъ мимоходомъ авторъ, именно, чтобы «рѣшительной мѣрой ослабить виды *плебейскаго* университетскаго элемента въ личномъ составѣ въ низшей юстиціи и въ особенности какъ можно выше поставить образованнаго молодого благороднаго юстицъ-чиновника среди подъяческой грязи сенатской канцеляріи и губернскихъ учреждений»... (с. XV). Въ облагороженіи судебной службы и состояла главная заслуга Училища въ сороковыхъ годахъ. Это облагороженіе, разумѣется, всего болѣе сказывалось на сенатской канцеляріи, въ которой преимущественно сосредоточивались бывшіе воспитанники Училища, и всего менѣе или по крайней мѣрѣ медленнѣе могло отразиться на мѣстныхъ губернскихъ судебныхъ учрежденияхъ, какъ по ограниченному числу молодыхъ людей, которыхъ ежегодно выпускало Училище, такъ и вслѣдствіе замѣщенія въ этихъ старыхъ учрежденияхъ мѣстъ по сословно-выборному началу. Что при такомъ облагороженіи службы, бывшіе воспитанники одного и того же заведенія, встрѣчавшіеся постоянно на одномъ и томъ же служебномъ поприщѣ, тянули преимущественно своихъ, образуя тѣсно сплоченную цѣпь, или такъ называемую правовѣдскую корпорацію, — это явленіе было совершенно неизбѣжнымъ. Этотъ крупный фактъ русской судебной службы долженъ допустить и авторъ тѣхъ замѣчаній на записки г. П. У., въ которыхъ высказывается много справедливыхъ мыслей о характерѣ нашего общественнаго образованія вообще и съ большею частію которыхъ нельзя не согласиться. Онъ замѣчаетъ, что «въ быстротѣ служебнаго возвышенія есть до сихъ поръ отличіе, и правовѣды по министерству юстиціи пользуются привилегіей, правда, не по закону» (с. 108).

Ежегодный училищный выпускъ среднимъ числомъ отъ 25—30 человекъ. Въ средѣ ихъ всегда найдется человекъ три, четыре способныхъ и, не смотря на всѣ училищныя препятствія, хорошо развившихся юношей, которые непременно всплывутъ впоследствии въ жизни и окажутся полезными дѣятелями. Процентъ этотъ относительно не малый, — вся же остальная масса выпуска, по среднему уровню сво-

его развитія и образованія, стоитъ обыкновенно ниже дѣйствительныхъ студентовъ университета. Изъ этого числа воспитанниковъ добрая треть, иногда половина, рѣдко больше половины выпускается съ 9 классомъ, остальная съ 10, и наконецъ два-три послѣднихъ воспитанника, или неспособныхъ или уже совершенно дѣтскихъ, съ 12-мъ классомъ. Во что же, спрашивается, обходятся государству эти воспитанники? Авторъ дѣлаетъ слѣдующій расчетъ: «на нынѣшній (1868) годъ Училищу отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства 82 т. руб. на 255 воспитанниковъ и такимъ образомъ, не считая 73 слишкомъ тысячъ, поступившихъ за воспитанниковъ не казенно-коштныхъ (по 450 рубл. въ годъ за воспитанника), каждый выпускной правовѣдъ училища обходится казнѣ болѣе чѣмъ 3,000 р. (с. XVIII).» Цифра эта, конечно, не малая, но мы думаемъ, что съ финансовой, экономической стороны всего менѣе можно нападать на училищное устройство, если именно взять въ расчетъ стоимость нашихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній по другимъ вѣдомствамъ, въ особенности по военному, въ которомъ, напр. воспитанникъ пажескаго корпуса, вѣроятно, не дешевле обойдется казнѣ. Къ тому же расходы на учебное заведеніе, какъ бы многое оно ни оставляло желать, все-таки производительнѣе весьма многихъ другихъ статей государственнаго бюджета. Къ несравненно болѣе любопытнымъ выводамъ пришелъ бы авторъ, еслибы онъ обратилъ вниманіе на распредѣленіе собственнаго бюджета Училища, именно, какая ничтожная доля всѣхъ средствъ Училища идетъ собственно на юридическое образованіе, т. е. на то, ради чего училище устроено, и какія суммы уходятъ,—и должны уходить въ закрытомъ заведеніи,—на содержаніе воспитательной, хозяйственной, административной и всякихъ другихъ частей.

Внутренняя исторія такого заведенія, какъ Училище правовѣднія, не можетъ быть очень богата событіями. Въ немъ, какъ только оно сложилось въ опредѣленный типъ, все пошло и должно идти «по старому». Все сводится къ замѣнѣ одного инспектора другимъ, къ назначенію одного воспитателя на мѣсто другого. Система остается таже. Даже привлеченіе новаго профессора на открывшуюся кафедру можетъ только въ извѣстной степени поднять или понизить преподаваніе даннаго предмета, но *à la longue* даже наиболѣе добросовѣстный преподаватель, который будетъ прилагать къ своимъ лекціямъ въ Училищѣ постоянно столько же труда, сколько онъ прилагаетъ и въ университетѣ, втягивается въ глухой, замкнутой атмосферѣ этихъ шольныхъ, маленькихъ, довольно сонныхъ аудиторій, въ господствующую рутину. Эта рутинная обусловливается и плохимъ состояніемъ общеобразовательнаго курса, съ которымъ слушатели перешли въ спеціальныя, и обязательными программами, и репетиціями, и до невѣроятно-ста сокращеннымъ—вслѣдствіе преждевременныхъ и крайне растану-

тѣхъ по времени экзаменовъ — академическимъ годомъ, и наконецъ, всѣми тѣми формальными отношеніями, въ которыхъ преподаватель поставленъ цѣлымъ строемъ училища къ воспитанникамъ, видящимъ въ сколько-нибудь строгомъ экзаменаторѣ человѣка, портящаго имъ начало ихъ служебной карьеры. Впрочемъ, при всей бѣдности событіями внутренней исторіи училища, авторъ указываетъ на «періодъ преобладанія въ училищѣ духовно-свѣтской власти протоіерея М. И. Богословскаго, подвизавшагося въ училищѣ слишкомъ 25-ть лѣтъ. Власть эта, особенно заявлявшая себя при прежнихъ мирныхъ директорахъ училища, Пошманѣ и князѣ Голицынѣ, должна была уступить (однако уступила, сколько извѣстно, не безъ долгой борьбы) нѣсколько позднѣйшей военной силѣ въ лицѣ генераль-маіора А. П. Языкова, назначеннаго директоромъ училища въ 1848 году.» (Стр. V.)

Казенныя закрытыя учебныя заведенія, готовящія къ одному какому-нибудь опредѣленному роду службы, хотя и существуютъ у насъ (и вѣроятно потому, что существуютъ давно, будутъ существовать еще дольше, какъ бы ни доказана была ихъ бесполезность), но не имѣютъ многихъ защитниковъ. Исключительные же защитники такихъ заведеній напрасно стали бы ссылаться на примѣръ Англіи. Между Итономъ или Рѣгби и Училищемъ правовѣдѣнія нѣтъ и тѣни какаго-нибудь сходства. Названныя англійскія учебныя заведенія, въ которыхъ поступаютъ юноши изъ первоначальныхъ приготовительныхъ школъ и которыя доступны для однихъ богачей,—потому что содержаніе въ нихъ воспитанника обходится родителямъ, на наши деньги, отъ 1,500 до 1,800 руб. въ годъ,—даютъ не специальное, а хорошее общее образованіе, не суть казенныя заведенія и готовятъ молодыхъ людей не въ чиповники. Притомъ далеко не всѣ воспитанники этихъ школъ заканчиваютъ въ нихъ свое образованіе; напротивъ, многіе поступаютъ изъ нихъ еще въ университетъ. Хороши или дурны университетскія коллегіи Оксфорда и Кембриджа, въ которыхъ живутъ студенты, это другой вопросъ, но въ какомъ бы смыслѣ этотъ вопросъ ни разрѣшался, изъ разрѣшенія его нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ въ пользу нашихъ закрытыхъ заведеній. Защитники такихъ заведеній забываютъ, что для сколько-нибудь порядочнаго состоянія ихъ требуется такой персоналъ преданныхъ дѣлу своему педагоговъ, директоровъ и инспекторовъ, на который всего менѣе можетъ рассчитывать казенная организація, имѣющая свойство обращать эти должности въ высшихъ закрытыхъ специальныхъ заведеніяхъ — въ сивекюры. Какъ ни мало удовлетворительно въ настоящее время внутреннее состояніе нашихъ университетовъ, но мы думаемъ, что университетское образованіе все-таки единственное у насъ, которое пустило корни въ нашу почву, имѣетъ будущность и упраздняетъ по крайней мѣрѣ необходимость особо существующихъ специально-юридическихъ заведеній по гражд-

данскому вѣдомству. Къ тому же, если и въ прежнее время несправедливо было толковать о какомъ-то плебейскомъ элементѣ нашихъ университетовъ, то еще болѣе несправедливо это въ настоящее время, когда въ университетъ замѣтно устремляется не только то, что посредствомъ ученія ищетъ куска хлѣба—и на этотъ классъ не слѣдовало бы очень свысока смотрѣть — но все, что есть въ странѣ лучшаго и по положенію своему независимаго. Въ служиломъ же классѣ у насъ никогда, конечно, не будетъ недостатка въ родителяхъ, которые охотно будутъ сбывать дѣтей своихъ въ казенное учебное заведеніе, гарантирующее за извѣстную плату или даже даромъ, вѣрную карьеру. Это такъ нехлопотливо... Но если въ частныхъ жалобахъ, которыя раздаются у насъ на недостатокъ людей, есть хотя какая-нибудь доля искренности, то жалобы эти не могутъ имѣть другого смысла, какъ того, что въ числѣ лицъ, приобрѣвшихъ формальныя служебныя права, очень мало дѣйствительно хорошо подготовленныхъ людей, т. е. людей, имѣющихъ право быть чиновниками, много, а дѣятелей мало. И дѣйствительно, ничѣмъ мы такъ не отличаемся отъ западно-европейскихъ государствъ, какъ недостаткомъ солидно-образованныхъ людей въ нашихъ служебныхъ сферахъ, не смотря на то, что служба вбираетъ въ себя все, что у насъ есть образованнаго въ обществѣ. И чѣмъ выше эти сферы, тѣмъ недостатокъ этотъ долженъ быть чувствительнѣе. А между тѣмъ, развѣ не все дѣлало государство, чтобы устроить наши учебныя заведенія именно въ видахъ удовлетворенія потребностей службы? Въ одностороннемъ преобладаніи такихъ именно практическихъ цѣлей, когда-то въ прежнее время имѣвшихъ смыслъ, можетъ быть и заключается корень зла въ настоящее время. Въ учебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ съ исключительно служебными цѣлями, уровень образованія, съ самаго начала невысокій, долженъ постепенно еще понижаться, потому что не можетъ же стремленіе какъ можно скорѣе занять ступень на служебной лѣстницѣ быть побужденіемъ къ серьезному труду. У насъ совершенно не въ обычаѣ то, что у французовъ называется *des fortes études*. Мы все еще съ какою-то наивнымъ чувствомъ повторяемъ слова Пушкина — «мы всё учили понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»—забывая, что у насъ нѣтъ его творческаго таланта, чтобы обходиться съ такимъ ученіемъ, что съ тѣхъ поръ прошло очень много времени, и что безъ серьезнаго подъема уровня нашего образованія, мы вѣчно будемъ отставать отъ другихъ народовъ и, не смотря на весьма обширные предѣлы государственной территоріи, осуждены будемъ на второстепенную роль въ исторіи.

В.

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ

ВЪ БІОГРАФИЧЕСКОМЪ ОЧЕРКѢ А. СТАНКЕВИЧА.

Авторъ біографіи Т. Н. Грановскаго, издавъ въ свѣтъ свою книгу ¹⁾, исполнилъ тѣмъ давнишнее желаніе всѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Грановскаго, или имѣлъ возможность ближе познакомиться съ его благотворнымъ вліяніемъ. Радостное впечатлѣніе, при извѣстіи о выходѣ книги, усилвается по прочтеніи ея, такъ какъ біографія вполнѣ удовлетворяетъ тому, чего отъ нея можно желать. Біографъ внесъ въ свой трудъ то, что всего важнѣе, любовь къ лицу и живое, тонкое пониманіе его. Онъ имѣлъ возможность не только близко узнать Грановскаго и среду, въ которой онъ жиялъ, но и проникнуть во внутренній, интимный міръ его. Мы находимъ въ біографіи полное и многостороннее изложеніе профессорской и литературной дѣятельности Грановскаго, а для уясненія ея біографъ коснулся современнаго общества и отношеній къ лицамъ, имѣвшимъ значеніе въ жизни Грановскаго.

Богатству и достоинству содержанія вполнѣ соответствуетъ форма сочиненія. Изыячно-простая рѣчь увлекаетъ читателя; все рельефнѣе и живѣе рисуется предъ нимъ поэтическій образъ Грановскаго; сдержанный, но исполненный теплоты тонъ разсказа смягчаетъ впечатлѣніе, которое дѣлаютъ на читателя тяжелыя неудачи въ жизни Грановскаго и преждевременная его кончина. Читатель разстается съ біографіей съ тѣмъ чувствомъ внутренняго удовлетворенія и примиренія, которое оставляетъ за собою всякое истинно-художественное произведеніе.

Можетъ быть, найдутся люди, которые поставятъ вопросъ, не слишкомъ ли рано было приступать къ жизнеописанію лица, котораго современники по большей части еще живы, и память котораго близко касается споровъ, еще не совсѣмъ выяснившихся для общественнаго мнѣнія. Вопросъ этотъ вполнѣ разрѣшается сочиненіемъ г. Станкевича. Дѣятельность Грановскаго была не такова, чтобы оставить по себѣ слѣды въ официальныхъ бумагахъ и документахъ, тщательно сохраненныхъ для поздняго потомства: будущему біографу Грановскаго не пришлось бы собирать матеріалъ для своей характеристики въ многотомныхъ сочиненіяхъ и повременныхъ изданіяхъ. Лучшая сторона дѣя-

¹⁾ Тимоеей Николаевичъ Грановскій. Біограф. оч. А. Станкевича. М. 1869. Стр. 306.

тельности Грановскаго отразилась на людяхъ современнаго ему поколѣнія, и вмѣстѣ съ этимъ поколѣніемъ исчезла бы возможность вѣрно и отчетливо схватить черты благороднаго образа, живо и сочувственно описать его нравственное вліяніе. Изъ біографіи мы видимъ, какъ необходима была бережная рука близкаго человѣка и друга, чтобъ собрать разсыянные воспоминанія и изъ отрывочныхъ писемъ воспроизвести художественное цѣлое, достойное описываемаго лица.

Что же касается неудобства говорить въ біографіи о вопросахъ и спорахъ, которые возбуждали столько страстей при жизни Грановскаго и которые въ настоящее время еще многихъ могутъ волновать и тревожить, то авторъ удачно устранилъ это затрудненіе. Можно сказать, что біографъ коснулся этихъ вопросовъ такъ, какъ Грановскій къ нимъ относился самъ, безпристрастно и гуманно, безъ вражды и преувеличенія, съ яснымъ пониманіемъ ихъ и примирительнымъ сужденіемъ.

Біографія Грановскаго — не первое сочиненіе, касающееся лицъ и событій 40-хъ годовъ. Въ различныхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ, въ издавіяхъ посмертныхъ сочиненій и памфлетахъ воспроизводится предъ нами образъ того времени, высказываются сужденія о тогдашнихъ литературныхъ дѣятеляхъ и ихъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій заходила рѣчь о Грановскомъ, и высказанный въ нихъ взглядъ не всегда былъ справедливъ. Нужно было опровергнуть эти ложныя сужденія прежде, чѣмъ они могли установиться.

Но и въ другомъ отношеніи, пора было явиться хорошей біографіи Грановскаго. Нерѣдко воспоминанія о лицахъ и событіяхъ 40-хъ годовъ имѣютъ обличительный и полемическій характеръ: много въ нихъ раскрывается безотраднаго, и не съ лучшей стороны выставлены нѣкоторые литературные дѣятели того времени; пора было явиться сочиненію, на которомъ могъ бы отдохнуть читатель отъ сплетенъ и дразгъ, и которое могло бы послужить утѣшеніемъ для стараго поколѣнія и назиданіемъ для молодого. Можно надѣяться, что біографія Грановскаго сдѣлается одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ русскаго юношества, что оно будетъ учиться въ ней гуманности и глубокому уваженію ко всему благородному и нравственно-чистому, что молодое поколѣніе вынесетъ изъ этой книги тотъ идеализмъ, который такъ идетъ его возрасту, и который совершенно заглушенъ во многихъ современныхъ направленіяхъ нашей литературы.

Но мы признаемъ за біографіей Грановскаго еще большее значеніе въ будущемъ. Будущій историкъ Россіи обратится къ этой книгѣ, куда возьмется за характеристику внутренней жизни русскаго общества 40-хъ годовъ и станетъ доказывать, что, несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, въ этомъ обществѣ дѣйствовала могучая мысль и были благородныя стремленія, что изъ безотрадной

среди выдавались люди чистаго закала и съ возвышенными идеалами. Онъ укажетъ на біографію Грановскаго, когда станетъ описывать быстрые успѣхи Россіи въ цивилизаціи и доказывать, что въ первой половинѣ XIX вѣка Россія въ лучшихъ своихъ людяхъ достигла высокой степени развитія, что эти люди обширностью образованія и гуманностью не уступали никому изъ современниковъ на Западѣ и могли быть названы истинными представителями европейской цивилизаціи. Для того, чтобы нѣсколько познакомить читателей съ характеромъ указанной книги, мы коснемся ея содержанія и остановимся на нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ по нашему мнѣнію вопросовъ.

Біографъ въ первой главѣ описываетъ дѣтство и юность Грановскаго до окончанія университетскаго курса и отправленія его за границу. Онъ знакомитъ читателя довольно подробно съ первыми впечатлѣніями, среди которыхъ выросъ Грановскій, и съ первыми отношеніями, въ которыхъ высказалась особенная и благородная натура юноши. Читатели будутъ благодарны за эти подробности. Дѣтство замѣчательныхъ людей не всегда бываетъ интересно, но въ данномъ случаѣ характеристика молодого Грановскаго не только возбуждаетъ къ нему сочувствіе читателя, но и чрезвычайно важно для пониманія его личности. Изъ нея видно, что натура Грановскаго вовсе не была, какъ нинѣ выражались, *эпикурейскаго свойства*, и не смотря на свою нѣжность и мягкость, чрезвычайно способна къ энергическому труду, къ лишеніямъ всякаго рода, что ей была прирождена глубокая потребность образованія и науки. Поверхностное домашнее воспитаніе и два года въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ—вотъ все, что было сдѣлано для Грановскаго. Семнадцатилѣтній юноша былъ отправленъ въ Петербургъ на службу. Но тамъ у него пробудилась страсть къ наукѣ, и онъ рѣшился поступить въ университетъ. Чтобы удовлетворить этому желанію, юноша, воспитанный въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ, долженъ былъ подвергнуть себя непривычнымъ лишеніямъ. «Чай и картофель» — въ теченіи многихъ недѣль, составляли его единственную пищу, чрезмѣрныя занятія разстроили его грудь и угрожали жизни серьезной опасностью. Въ 1832 году, Грановскій вступилъ въ петербургскій университетъ, но не нашелъ тамъ удовлетворенія своей юношеской страсти знанія. На юбилеяхъ и торжественныхъ собраніяхъ много говорятъ о громадной пользѣ, которую принесли университеты дѣлу просвѣщенія въ Россіи, но никто еще не указалъ на обратную сторону вопроса, на то, какихъ трудовъ стоило образованіе многимъ изъ лучшихъ русскихъ людей, вопреки всему, что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ университетахъ. Преподаватели, оказывавшіе во время Грановскаго какое-нибудь замѣтное вліяніе, пробуждавшіе въ нихъ интересы къ наукѣ, представляли рѣдкое исключеніе. Есть основаніе предполагать, что

такимъ исключеніемъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, былъ профессоръ философіи А. А. Фишеръ. Но, въ послѣдній годъ студентства Грановскаго, распоряженіемъ университетскаго совѣта были отиѣнены чтенія исторіи философіи, общанія Фишеромъ своимъ слушателямъ, и послѣдніе подали въ совѣтъ прошеніе разрѣшить отиѣненныя лекціи. Однимъ изъ главныхъ двигателей въ этомъ дѣлѣ былъ Грановскій, хотя послѣ изъ Берлина писалъ: «Я не зналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой теперь рѣшительно не понимаю». Грановскій слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ, но любимымъ занятіемъ его еще въ университетѣ была исторія. Интересъ къ исторіи въ немъ пробудили не профессорскія лекціи, а, какъ полагаетъ его біографъ, сочиненія Вальтера-Скотта и замѣчательныхъ французскихъ историковъ 30-хъ годовъ, Гизо, Баранта, Тьери и др. Особенно любилъ Грановскій Огюстена Тьери, того историка, который умѣлъ, съвозъ пожелтѣвшій пергаментъ и отрывочныя свидѣтельства лѣтописцевъ, узнавать человѣка и творческой фантазіей воскрешать минувшія эпохи со всѣмъ самобытнымъ характеромъ ихъ и мѣстнымъ колоритомъ.

Черезъ годъ по окончаніи курса, въ 1836 г., Грановскій былъ отправленъ за границу по предложенію тогдашняго попечителя московскаго округа, графа С. Г. Строганова для приготовленія къ исторической каедрѣ. Письма молодого ученаго изъ Берлина, гдѣ онъ поселился, дышатъ необыкновенной свѣжестью впечатлѣнія, самой теплой вѣрой въ науку и глубокимъ уваженіемъ къ ея знаменитымъ представителямъ. Интересно сравнить эти письма Грановскаго о берлинскихъ ученыхъ съ многочисленными отчетами молодыхъ людей, печатавшимися недавно въ официальныхъ изданіяхъ. Сравненіе окажется часто не въ пользу послѣднихъ. Грановскій отправился за границу не хуже приготовленный, чѣмъ они, но въ немъ было больше молодости, болѣе энтузіазма, болѣе увлеченія наукой.

Изъ писемъ Грановскаго видно, какъ много онъ занимался въ Берлинѣ философіей. Онъ не засталъ въ живыхъ Гегеля, но гегелизмъ находился тогда на высшей точкѣ своего процвѣтанія. Грановскій познакомился съ нимъ на лекціяхъ Вердера и Ганса. Философія Гегеля имѣла на молодого историка самое благотворное вліяніе, она разсѣяла его сомнѣнія, укрѣпила его мысль и дала ему вѣрную руководящую нить для пониманія исторіи. Ученіе Гегеля внушало инымъ догматизмъ и пріучало ихъ подводить факты подъ искусственныя схемы, въ которыхъ они теряли свой настоящій смыслъ; другихъ оно мирило съ дѣйствительностью, пріучало все считать естественнымъ и разумнымъ, и приводило такимъ образомъ къ пошлomu безучастію и равнодушію. Но Грановскій, благодаря своей чуткой натурѣ, принялъ въ

себя гегелизмъ съ его лучшей стороны. Онъ отвергъ его искусственное построение исторіи, но проникся его основной мыслию, что исторія есть твореніе разумнаго духа, имѣющаго свои законы и свои высокія цѣли. Для Грановскаго гегелизмъ не воплотился въ пошлую фразу: «все существующее разумно, и слѣдовательно, все существовавшее было разумно, а потому необходимо не подлежитъ осужденію». Онъ вынесъ изъ философіи Гегеля способность отыскивать смыслъ прошедшихъ явленій, за фактами и людьми узнавать духъ, которымъ они были проникнуты—способность относиться гуманно даже къ началамъ, побѣжденнымъ исторіей, и къ людямъ, которые умѣли страдать за эти начала.

Какое благотворное вліяніе имѣло на Грановскаго изученіе философіи—видно изъ его писемъ. Мы позволимъ себѣ привести только небольшой отрывокъ изъ одного письма и отсылаемъ читателя къ самой біографіи: «Я когда-то сомнѣвался въ наукѣ такъ, какъ ты теперь, пишешь Грановскій одному изъ своихъ друзей; имѣлъ ли я на это право? Разумѣется, нѣтъ; хорошо видѣть недовѣрчивость человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполне. Я ошибся—хорошаго и тутъ ничего нѣтъ; но этотъ человѣкъ можетъ не довѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности, и мы преспокойно говоримъ:—«Какая это дорога?! Да она, чортъ знаетъ куда заведетъ, лучше не ходить, а то непременно заблудишься». Понятія наши о жизни дѣйствительной едва ли умнѣе. Мы не далеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ кажется хаосомъ въ теперешнемъ твоёмъ положеніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудишься посмотреть на вещи вблизи. Міръ божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ обоихъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. *Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an,*—говоритъ Гегель.»

Успѣхи Грановскаго въ изученіи исторіи совершались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трехъ ученыхъ: Риттера, Савиньи и Ранке. Идей Риттера о взаимодѣйствіи между природою и человѣкомъ произвели глубокое впечатлѣніе на Грановскаго. Исслѣдованіе этого вопроса сдѣлалось однимъ изъ самыхъ любимыхъ его занятій; его обширная бібліотека была богата путешествіями и сочиненіями по этнографіи. Вопросъ о физиологическихъ свойствахъ человѣческихъ породъ чрезвычайно занималъ Грановскаго. Его рѣчь о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, написанная во время самаго

высокаго развитія его таланта и наибольшей зрѣлости его мысли, свидетельствуетъ о томъ, какъ вѣрно и глубоко понималъ онъ отношеніе природы и человѣка. Его философское образованіе и живое пониманіе исторіи охраняли его отъ «одностороннихъ воззрѣній и отрицанія въ исторіи свободнаго творчества человѣческаго духа.»

Чаще другихъ упоминаетъ Грановскій въ своихъ письмахъ о Ранке. Историческія упражненія этого ученаго надъ средневѣковыми источниками сдѣлались знаменитой школой историковъ въ Германіи. Во время самаго пребыванія Грановскаго въ Берлинѣ вышелъ первый томъ «*Jahrbücher*», въ которомъ были изложены результаты, добытые въ этихъ историческихъ упражненіяхъ студентами, занимавшимися подъ руководствомъ Ранке. Но не менѣе пользы извлекъ Грановскій для себя изъ чтеній Ранке о новой исторіи. «Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ, пишетъ Грановскій по поводу лекцій Ранке о французской революціи. Ни Тьеръ, ни Минье не могутъ сравниться съ Ранке. У него такой простой, не натанутый, практической взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно! Ранке безспорно самый гениальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ.»

Осенью 1839 года, Грановскій возвратился въ Россію и 26-ти лѣтъ вступилъ на кафедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ то время, когда началась дѣятельность Грановскаго, интересы образованной русской публики начали исключительно поглощаться изящной литературой. Интересъ къ наукѣ былъ очень мало развитъ и ограничивался немногими тѣсными кружками. Кромѣ общихъ причинъ, породившихъ и поддерживавшихъ апатическое состояніе русскаго общества, можно въ этомъ винить университеты, которые, хотя въ 30-хъ годахъ и наполнились свѣжими силами, но имѣли мало вліянія на умственное развитіе общества. Грановскій былъ правъ, когда писалъ въ первый годъ своего профессорства: «университетская жизнь кажется мнѣ искусственною, оторванною отъ остальнаго русскаго быта.»

Это отношеніе между университетомъ и обществомъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, скоро измѣнилось къ лучшему.

Намъ кажется, что биографъ Грановскаго совершенно справедливо приписываетъ это измѣненіе въ значительной степени вліянію Грановскаго. Положительно можно сказать, что, со времени публичныхъ чтеній Грановскаго, московское общество сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, созидало свою связь съ университетомъ, также какъ и университетъ болѣе прежняго сблизился съ обществомъ въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ.

Ни для кого, конечно, не можетъ быть тайной, что слава и сочувствіе, которыми пользовался въ былое время московскій университетъ,

въ значительной степени уменьшились. Причины такой перемены различны, но одна изъ нихъ, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что въ свое время эта слава и это сочувствіе поддерживались популярностью Грановскаго. Въ настоящее время факультеты разрознены, студенты разобщены; нѣтъ ни одного человѣка, который принадлежалъ бы всему университету, именемъ котораго гордился бы всякій студентъ. Лекціи Грановскаго, хотя и обязательныя для извѣстныхъ студентовъ, были въ полномъ смыслѣ обще-университетскими курсами. И другіе профессора во время Грановскаго привлекали студентовъ своимъ краснорѣчіемъ, своимъ умѣньемъ заинтересовать молодыхъ слушателей. Но послѣднихъ влекло къ лекціямъ Грановскаго не только эта внѣшняя сторона, но нравственное содержаніе, образовательный характеръ ихъ. Привлекательность лекцій Грановскаго объясняется его взглядомъ на всеобщую исторію и его способностью найти для этого взгляда надлежащее выраженіе.

Всеобщая исторія имѣетъ пока для русскаго совершенно иное значеніе, чѣмъ для западнаго человѣка. Нѣмецъ, французъ или англичанинъ не въ состояніи отдѣлить всеобщей исторіи отъ своей національной, ибо изъ взаимодѣйствія націй слагалась всеобщая исторія. На Западѣ, всякій принадлежитъ къ какой-нибудь изъ старинныхъ партій, корни которыхъ кроются въ далекомъ прошедшемъ, и взаимная борьба которыхъ составляетъ содержаніе исторіи. Для русскаго всеобщая исторія есть исторія человѣческой цивилизаціи, на которую онъ смотритъ какъ на совершившійся процессъ. Спокойно и безпристрастно можетъ онъ вглядываться въ этотъ процессъ, волнуясь и скорбя тамъ, гдѣ гибла цивилизація и останавливалось дѣло прогресса, радуясь тамъ, гдѣ оно торжествовало. Онъ не связанъ преданіемъ и инстинктивнымъ, наслѣдственнымъ влеченіемъ къ тому или другому началу, къ той или другой изъ историческихъ партій; онъ спрашиваетъ только, какая изъ этихъ партій держала выше знамя прогресса, какая была болѣе чистой представительницею цивилизаціи, и къ ней онъ привязывается своими симпатіями.

Оттого лекціи всеобщей исторіи всегда будутъ имѣть въ русскихъ университетахъ цивилизующее, гуманизирующее значеніе. Мы этимъ не хотимъ сказать, что въ нашихъ университетахъ невозможна успѣшная и самостоятельная разработка историческаго матеріала, чтобы у насъ не могли явиться специалисты, способные вступить въ состязаніе съ западными историками на ихъ же почвѣ. Но какъ бы ни были спеціальны наши свѣдѣнія, даровитый преподаватель всеобщей исторіи своими курсами всегда долженъ имѣть общеобразовательное вліяніе. Великая работа Россіи въ теченіи почти двухъ вѣковъ заключается въ усвоеніи плодовъ цивилизаціи, въ постоянномъ сліяніи съ передовыми народами въ дѣлѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Чтобы эта

работа шла успешно, нужно знать и полюбить цивилизацию, и распространение этого знания есть самая лучшая задача преподавателя всеобщей истории.

Грановский был необыкновенно способен к выполнению этой задачи. В человеческих делах, т. е. особенно удаются, в которых личность деятеля гармонирует с самым делом. Грановский с своей благородной и симпатичной наружностью, с своей неспособностью к злобѣ и насмѣлкѣ, с своей чуткостью ко всему изящному, правдивому и великому, с своей неизменной гуманностью, был живым олицетворением тех идей, которые лежали в основании его исторического взгляда. Грановский во многих отношениях напоминает Гердера, знаменитаго историка-гуманиста XVIII вѣка. Мы особенно помним одну лекцію Грановскаго, которая заключала в себѣ необыкновенно живую и почувствованную характеристику Гердера. Такъ объяснять значеніе Гердера могла только родственная ему натура. Но Грановский, можно сказать, былъ болѣе историкомъ, чѣмъ Гердеръ. Историческій смыслъ послѣдняго не рѣдко затемнялся извѣстной риторическою торжественностью, полемикой съ прошедшимъ во имя благородныхъ и чистыхъ началъ, нѣкоторыми предрасудками, навѣянными господствовавшимъ въ его время рационализмомъ. Гердеръ былъ до извѣстной степени космополитомъ, ибо въ обширномъ взглядѣ, обнимающемъ весь міръ, лучшіе нѣмцы прошедшаго столѣтія искали забвенія пошлой дѣйствительности. Грановскій же былъ истымъ сыномъ Петровской Россіи, который жаждалъ цивилизаціи, потому что зналъ ей цѣну и видѣлъ въ ней средство къ исцѣленію отъ существующаго зла.

Положеніе Грановскаго, какъ профессора, несмотря на успѣхъ, на сочувствіе студентовъ и многихъ товарищей, было далеко не пріятнымъ. Биографъ Грановскаго осторожно коснулся этихъ отношеній, ибо ему пришлось бы въ противномъ случаѣ разоблачать слишкомъ много мелочности и дикости нравовъ. Кто-нибудь изъ будущихъ историковъ московскаго университета найдетъ возможность откровеннѣе объ этомъ поговорить. Люди, которые проповѣдывали съ каедръ, что «Западъ находится въ процессѣ разложенія, и что Отечественныя Записки¹⁾ — та рана, чрезъ которую гніеніе прививается Россіи», не могли быть расположены къ Грановскому и вредили ему средствами не совсѣмъ согласными съ общественной нравственностью. Эти люди дѣйствовали по крайней мѣрѣ по своимъ убѣжденіямъ; но были другіе, которые, какъ говоритъ Грановскій въ одномъ письмѣ, «дѣлали зло по принципу, которые считали своею обязанностью вредить всякому молодому человѣку, начинающему поприще, не домогаясь ихъ покровительства или по крайней мѣрѣ ихъ дружбы.» Читатели могутъ прочесть въ самой биографіи, какія затрудненія

¹⁾ Т. е. «Отечественныя Записки» — эпохи Вѣлинскаго.

напр. дѣлали Грановскому по поводу его магистерской диссертациі, «которую хотѣли ему возвратить съ поворомъ», какииъ неприя́тностямъ подвергся онъ во время диспута. Мысль о необходимости оставить университетъ постоянно представлялась Грановскому и тревожила его, и только обязательство передъ казной прослужить извѣстное число лѣтъ удержало его въ университетѣ. Среди интригъ и неприя́тностей, которыми онъ былъ окруженъ, Грановскій не всегда находилъ поддержку со стороны министерства, и когда въ началѣ 50-хъ годовъ его избрали деканомъ, онъ не былъ утвержденъ. Не смотря однако на эти неблагоприя́тныя обстоятельства, нравственная личность Грановскаго имѣла плодотворное вліяніе, и онъ сдѣлался центромъ кружка, въ которому принадлежали лучшіе люди университета. Послѣ его смерти, яро обнаружилось, какъ было важно его вліяніе, когда про нѣкоторыхъ изъ бывшео стоявшихъ къ нему людей стали говорить: «при Грановскомъ они бы не были такими!»

Дѣятельность Грановскаго не ограничивалась однимъ университетомъ. Сближая съ университетомъ общество, онъ вносилъ въ него тотъ же духъ, тѣже идеи. Онъ являлся въ обществѣ защитникомъ и истолкователемъ европейской цивилизациі, проводникомъ тѣхъ гуманныхъ началъ, которыми были проникнуты его университетскія лекціи. Онъ проводилъ эти начала въ своихъ публичныхъ курсахъ, въ своихъ литературныхъ трудахъ, онъ являлся всей своей индивидуальностью живымъ олицетвореніемъ ихъ. Въ этой дѣятельности онъ долженъ былъ столкнуться съ двумя направленіями въ литературѣ, которыя, вслѣдствіе того, что умственная жизнь въ 40-хъ годахъ почти не выходила изъ литературной сферы, имѣли значеніе общественныхъ направленій.

Изъ этихъ двухъ направленій, на первомъ планѣ стояло славянофильство. Въ настоящее время, вслѣдствіе того, что обстоятельства и люди во многомъ переи́нзились, не совсѣмъ легко составить себѣ ясное понятіе о томъ, чѣмъ были московскіе славянофилы 40-хъ годовъ, тѣ, которыхъ не любилъ Грановскій, противъ которыхъ вооружался Вѣлинскій. Благородная и полезная дѣятельность, которою заявили себя нѣкоторые изъ членовъ славянофильскаго кружка, заставила забыть, что та дѣятельность въ нерѣдкихъ случаяхъ представляла также мало общаго съ основными идеями славянофиловъ, какъ изящный французскій языкъ, на которомъ многіе изъ нихъ любятъ изъясняться въ кучерскомъ костюмѣ, составлявшемъ нѣкогда эмблему славянофильства. Съ другой стороны, многіе готовы считать пробудившееся теперь въ русскомъ обществѣ живое сочувствіе къ славянамъ Австріи и Турціи какъ бы распространеніемъ славянофильскихъ идей и видѣть въ этомъ оправданіе послѣднихъ. Но сочувствіе къ славянамъ пробудилось въ русскомъ обществѣ и поддерживалось совершенно независимо отъ московскаго славянофильства. Изъ біографіи Грановскаго видно, съ какииъ бла-

его вѣнъ онъ относился къ дѣятельности Шафарика и другихъ чешскихъ ученыхъ и литераторовъ, какія надежды онъ возлагалъ на блестящую будущность славянскаго міра. Безъ сомнѣнія, славянофилы много содѣйствовали пробужденію обще-славянскихъ симпатій, но въ 40-хъ годахъ ихъ дѣятельность, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій въ этомъ отношеніи, почти ограничилась распространеніемъ неясныхъ, туманныхъ идей о панславизмѣ, объ особенномъ историческомъ призваніи славянскаго племени и т. д. Настоящее значеніе славянофильства высказалось въ его взглядѣ на европейскую цивилизацію, на русскую исторію. Грановскій, пріѣхавъ въ Москву, былъ пораженъ этимъ взглядомъ и лично характеризовалъ его въ письмѣ къ В. Станкевичу: «Ты не можешь себѣ представить, какая у этихъ людей философія. Главное ихъ положеніе: «Западъ сгнилъ, и отъ него уже не можетъ быть ничего; русская исторія испорчена Петромъ. Мы оторваны насильственно отъ родного историческаго основанія и живемъ на удачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую исторію; это даже наше назначеніе въ будущемъ; вся мудрость человѣческая истощена въ твореніяхъ св. отцевъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной. Ихъ только нужно изучать; дополнять нечего: все сказано.» Но не всѣ славянофилы останавливались на отреченіи отъ европейской цивилизаціи; въ ихъ средѣ высказывалось требованіе создать новую особенную науку, на національныхъ началахъ, которая могла бы замѣнить общечеловѣческую науку, доказать ничтожность и ложь европейской цивилизаціи. Это требованіе не ограничивалось одними возгласами, и Грановскому пришлось на самомъ дѣлѣ ратовать противъ вновь изобрѣтенной науки и ея выводовъ: «неужели новая наука, писалъ Грановскій въ своемъ письмѣ изъ Москвы, во имя которой говорятъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Обѣщаніе ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали быть для насъ надеждами и превратились въ воспомнанія. Гдѣ-жъ исполненіе? Гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли бы сознать свое заблужденіе люди, также глубоко любящіе Россію, слѣдовательно дорожащіе самостоятельностью русской мысли, но не ставящіе ее въ враждебную противоположность съ обще-человѣческою и не приписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только: самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно вдается въ опасность частныхъ розысканій, и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которомъ до

сихъ поръ, употребимъ выраженіе Великаго Петра — она въ авантажѣ не обрѣталась.»

Грановскій умѣлъ очень хорошо отдѣлять лицо отъ дѣла, гдѣ только это было возможно, и къ нѣкоторымъ изъ своихъ литературныхъ противниковъ чувствовалъ глубокое уваженіе. Безпристрастіе Грановскаго прекрасно высказалось въ его отзывѣхъ о Бирѣвскомъ: «Я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій. Въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ. Жаль только, что богатые дары природы и свѣдѣнія, рѣдкія не только въ Россіи, но и вездѣ, гибнутъ въ нихъ безъ всякой пользы для общества.

Нельзя сказать, чтобы всѣ противники Грановскаго платили ему той же монетой. Ожесточеніе ихъ противъ него особенно возросло послѣ блестящаго успѣха, который имѣли его публичные курсы. Грановскій три раза читалъ публичные курсы, которые давали ему особенную возможность внушить московскому обществу интересъ къ наукѣ и уваженіе къ ея результатамъ. Въ первый разъ, въ 1843—44 г., онъ читалъ курсъ средневѣковой исторіи; въ 1845—46 г., курсъ сравнительной исторіи Англіи и Франціи. Третій курсъ, прочитанный въ 50-хъ годахъ, состоялъ только изъ 4-хъ лекцій, которыя были тогда же напечатаны. Читатель можетъ ознакомиться изъ сочиненія г. Станкевича съ значеніемъ и успѣхомъ первыхъ двухъ публичныхъ курсовъ Грановскаго. Живое слово было потребностью для него и болѣе соответствовало его натурѣ, чѣмъ журнальная дѣятельность. Онъ впрочемъ очень хорошо понималъ важность послѣдней, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, основаніе новаго журнала, который могъ бы быть органомъ его идей, было любимой его мыслию. Только когда, послѣ долгаго ожиданія, послѣдовалъ на просьбу о разрѣшеніи новаго журнала краткій и многознаменательный отвѣтъ: «не нужно»,—Грановскій отказался отъ своей мечты.

Печатные и письменные отзывы о публичныхъ курсахъ Грановскаго, приведенные въ его біографіи, доказываютъ, что онъ не ошибся, когда видѣлъ въ своихъ лекціяхъ могущественное средство для благотворной общественной дѣятельности. Не даромъ сказалъ о нихъ Чаадаевъ, что «они имѣютъ историческое значеніе».

Тѣмъ сильнѣе было ожесточеніе тѣхъ, которымъ не нравился успѣхъ Грановскаго. «Остервенѣніе славянъ, пишетъ онъ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ; они ругаютъ меня не за то, что я говорю, а за то, о чемъ умалчиваю. Я читаю исторію Запада, а они говорятъ: зачѣмъ онъ не говоритъ о Россіи....» Неудовольствіе не ограничивалось одними не-доброжелательными толками. Нашлись люди, которые сочли возможнымъ набросить въ печати тѣнь на Грановскаго, какъ на челоуѣка, отказавшагося отъ родной почвы, явившагося представителемъ

чуждых Россіи идей и убѣжденій. «Мы совершенно увѣрены въ полноту убѣжденій, которыя учений приносятъ на кафедру, писалъ С. П. Шевырѣвъ въ «Москвитянинѣ» 1848 г., но не можемъ сказать того же относительно многосторонности и безпристрастія, какихъ мы вправѣ были ожидать отъ русскаго ученаго.... Онъ самъ добровольно сталъ въ ряды западныхъ мыслителей, самъ приковалъ себя къ одному чужому знамени и обѣщалъ намъ быть эхомъ одной только стороны историческаго ученія.»

Тоже самое было послѣ второго публичнаго курса. «Публичныя моя лекціи идутъ хорошо, писалъ о немъ Грановскій. Публика многочисленна и внимательна. Разумѣется, есть и другія стороны: кривые толки, сплетни, клеветы, обвиненія въ томъ и другомъ и т. п. Но я уже нѣсколько привыкъ къ этому, когда въ первый разъ читалъ свой публичный курсъ... Миѣ кажется, что на эти мерзости всего приличнѣе отвѣчать молчаніемъ. Я боюсь ступить въ грязную сферу сплетней. Есть споры, которые мараютъ даже того, кто спорить за правое дѣло.»

Славянофильство въ той формѣ, въ какой оно явилось въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, и съ которой приходилось бороться Грановскому и Бѣлинскому, есть проходящее явленіе, но корни его лежатъ глубже, чѣмъ кажется, въ русской жизни, и эти корни будутъ отъ времени до времени пускать новыя ростки. Процессъ развитія у западныхъ народовъ совершался медленно и до извѣстной степени органически, несмотря на различныя крупныя перевороты, которые иногда нарушали правильное развитіе. Новыя идеи и требованія являлись на Западѣ сначала у немногихъ лучшихъ людей, мало-по-малу проникли въ общество, и если одерживали верхъ съ помощью правительства или общества надъ старыми, то находили уже почву для себя до извѣстной степени подготовленной. Кромѣ того, длинный рядъ вѣковъ соединилъ западныя народы въ одну семью: у нихъ у всѣхъ былъ одинъ общій историческій періодъ, такъ-называемыя средніе вѣка. Отъ этого у нихъ есть общія воспоминанія; если не церковь и государство, то, по крайней мѣрѣ, ихъ наука и искусство проникнуты общими началами, въ ихъ національномъ развитіи звучать родственныя струны. Оттого новыя идеи и требованія цивилизаціи, или выводъ науки могутъ быть отвергаемы ими, но не представляются имъ вполнѣ чуждыми, антинациональными. Рѣчь можетъ зайти о ихъ пригодности или вѣрности, но не о томъ, что они противорѣчатъ національному духу. Даже въ такой странѣ, какъ Испанія, которая особенно долго находилась въ застоѣ и, подъ охраной католицизма, особенно пропиклась консервативными элементами, никто не будетъ возставать противъ конституціоннаго начала только потому, что это-моль англійская выдумка, или противъ идей 1789 года за ихъ французское происхожденіе.

Россія же вела такое отдѣльное существованіе, развивалась подъ такими своеобразными условіями, что пока она не сравняется въ цивилизаціи съ другими народами и не приметъ равнаго участія въ ея развитіи, противники того или другого начала всегда будутъ имѣть возможность занодозрять ее въ антйнаціональности, и народность болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ будетъ удобнымъ знаменемъ для тѣхъ, которымъ нечего писать на своемъ знамени.

Притомъ Россія съ XVII вѣка находится въ такомъ быстромъ движеніи, правительство влекло народъ впередъ такъ сильно, правдивныя средства оппозиціи противъ движенія такъ ничтожны, что эта оппозиція всегда получала какой-то антикварный, формальный, лишенный реального содержанія характеръ. Реакціонныя партіи противъ цивилизующихъ требованій въ Россіи всегда походили на осколки, отскочившіе отъ главнаго тѣла вслѣдствіе быстрого движенія его, и безцѣли блуждающіе въ пространствѣ. Только въ Россіи бывали примѣры оппозиціи противъ прогресса «по недоразумѣнію», реакціи во имя мечтаній, въ пользу началъ, никогда не существовавшихъ въ прошедшемъ. Старовѣрчество XVII вѣка и славянофильство имѣютъ то общее, что принимали букву за духъ, низшую, переходящую форму за неотъемлемую святиню и окончательное выраженіе народнаго духа, и отвергали исторію и живую силу народнаго творчества.

То же чувство мѣры и гуманности, та же широта во взглядѣ и отсутствіе исключительности, которыя отталкивали Грановскаго отъ славянофильства, опредѣляли его отношенія къ другому направленію, появившемуся въ 40-хъ годахъ и облекавшемуся тогда еще въ форму строгаго, научнаго матеріализма. Грановскій, съ 1842 года, тѣсно сблизился съ г. Герценомъ и, по выраженію его біографа, питалъ къ нему ту страстную дружбу, которую вносилъ во всѣ свои сердечныя привязанности. «Это одна изъ самыхъ чистыхъ, умныхъ и твердыхъ натуръ, какія мнѣ встрѣчались, несмотря на его наружное легкомысліе», пишетъ Грановскій въ 1845 г. о своемъ другѣ. Но разномысліе въ ихъ взглядахъ скоро обнаружилось.

Грановскій вполне признавалъ значеніе естественныхъ наукъ не только въ ихъ собственной сферѣ, но и для объясненія историческихъ и человѣческихъ явленій. «Исторія — писалъ онъ — по необходимости должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ.» Но для Грановскаго изъ этого вовсе не слѣдовало, что нужно было отрицать дѣйствіе разумнаго духа въ чловѣкѣ, въ исторіи и въ мірозданіи. Чрезвычайно интересно письмо Грановскаго къ женѣ по поводу пятенъ на солнцѣ и заключеній, которыя изъ этого выводилъ г. Герценъ: «Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть потухнетъ *эта* солнце и охладится *эта* земля, духъ будетъ

продолжать начатую имъ здѣсь работу, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органической жизнью нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпого, глупаго случая, который, чортъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце.»

Человѣкъ, который такъ глубоко вѣрилъ въ разумность мірозданія и въ силу духа, не могъ отрицать его тамъ, гдѣ вѣра въ него всего важнѣе для человѣка, въ индивидуальномъ бытіи. Не даромъ говорилъ Грановскій, что исторія великая наука, и что естественныя науки никогда не дадутъ человѣку той нравственной силы, какую она даетъ. Исторія подкрѣпляла для него выводы его религіознаго и нравственнаго чувства. Упомянувши однажды въ бесѣдѣ о воззрѣніяхъ В. Гумбольдта и Гёте на безсмертіе, Грановскій заключилъ: «Для меня относительно подобныхъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей. Для меня это отдѣльные огоньки, отъ которыхъ въ будущемъ загорится новыя вѣрованія для человѣчества. Я знаю, въ настоящее время, человѣчество будто успокоилось на счетъ подобныхъ вопросовъ, но видъ это ничего не значить; оно успокоивалось уже не разъ.»

Грановскій не для того устоялъ противъ догматики гегелизма, чтобы завязнуть въ болѣе узкой и нетерпимой догматикѣ матеріализма. Его спасали отъ этого многосторонность и идеальность его натуры, неспособность увлекаться жесткими крайностями, умаляющими достоинство человѣка. Грановскій называлъ это свойство—своимъ скептицизмомъ. Напрасно друзья не хотѣли признать въ немъ этого скептицизма: «Я не согласенъ съ послѣднимъ письмомъ твоимъ, писалъ Грановскій по этому поводу Огареву, и крѣпко отстаиваю права мои на скептицизмъ. Я могу напомнить его рожденіе и ростъ во мнѣ. Онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ почти исключительнаго занятія исторіей. Нѣтъ науки болѣе враждебной всякому догматизму, чѣмъ исторія. Ты говоришь, что скептицизмъ по натурѣ своей насмѣшливъ, бьетъ на право и на лѣво. Это опредѣленіе слишкомъ узко. Въ немъ можетъ быть по крайней мѣрѣ столько скорби, сколько ироніи, и не всегда бьетъ онъ на право и на лѣво, а чаще смотритъ недоверчиво на обѣ стороны. Насмѣшливость есть личная способность, приносимая человѣкомъ. У меня ея нѣтъ.... Но во мнѣ дѣйствительно глубокая ненависть ко всякой нетерпимости, неспособной уважить особенность взгляда, который у всякаго сколько-нибудь умнаго мыслящаго человѣка есть результатъ цѣлаго развитія, цѣлой жизни.»

Послѣдняя глава біографіи обнимаетъ жизнь и дѣятельность Грановскаго съ 1848 г. до его смерти. Эта глава содержитъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній для исторіи русскаго общества за

эти годы. Событія 1848 года подѣйствовали чрезвычайно живо на Грановскаго. Въ это время, говоритъ его биографъ, онъ пережилъ послѣдніе дни молодыхъ увлеченій и обольщающихъ надеждъ. Послѣдовавшая за тѣмъ реакція повергла его въ тяжелое раздумье. Реакція коснулась также русскаго общества и русскаго просвѣщенія. Положеніе Грановскаго въ университетѣ становилось невыносимымъ. «Есть отчего сойти съ ума», говорилъ онъ въ то время. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ отстаивать по силамъ дѣло просвѣщенія отъ тайныхъ и явныхъ доносовъ. Читатели найдутъ въ биографіи интересныя свѣдѣнія о томъ, какіе взгляды господствовали въ тогдашней официальной педагогикѣ, какимъ образомъ Грановскій, въ своей программѣ для учебника всеобщей исторіи *), старался противодействовать искаженію науки, какъ онъ для русскаго учебника считалъ необходимымъ прежде всего «честное и вѣрное изложеніе науки».

Наступилъ 1855 годъ. Юбилей московскаго университета былъ какъ бы провозвѣстникомъ лучшаго времени. Настало это лучшее время, и всеобщее ожиданіе преобразованій охватило и Грановскаго. Предъ нимъ самымъ открылась возможность свободной, плодотворной дѣятельности. Но болѣзненные припадки подорвали его силы и возвращались все чаще и чаще. Чрезвычайно грустное впечатлѣніе дѣлаютъ на читателей послѣднія страницы биографіи, постоянно смѣняющіеся разговоры о новыхъ надеждахъ, новыхъ предпріятіяхъ, и угрожающихъ припадкахъ болѣзни. Судьба Грановскаго сама сказала въ любимомъ имъ стихотвореніи Уланда, въ которомъ сѣдьющій рыцарь съ искудальнымъ лицомъ приходитъ на турниръ, гдѣ юные бойцы борются за красавицу: «О если бы онъ могъ сдѣлаться юнымъ! Золотое время только что начинается, весна засіяла. Настаетъ владычество красавицы, увѣнчанной розами, а для него готовы ночь и тлѣніе, надъ нимъ опускается могильный камень... Юные бойцы спѣшатъ къ нему и кладутъ его среди весенней зелени. Въ печали склоняется надъ старцемъ красавица и увѣнчиваетъ его вѣнкомъ изъ розъ:—Никто не свершилъ того, что свершилъ ты, хотя и напрасенъ цвѣтушій вѣнокъ для тебя, мертваго мужа!»

Мы говорили подробнѣе объ отношеніяхъ Грановскаго къ славянофильству и къ зачаткамъ матеріализма, желая напомнить, какое значеніе имѣетъ Грановскій для русскаго общества не только своей профессорской дѣятельностью, но и своимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе: Возвращеніе къ прошедшему, увлеченіе отжившими идеалами и торопливое усвоеніе незрѣлыхъ выводовъ науки, ложное понима-

*) «Записка» и «Программа учебника всеобщей исторіи», составленныя Грановскимъ въ 1850 г., были нами издавы. См. «Вѣстникъ Европы», 1866, т. III, отд. II, стр. 18—28. — *Ред.*

ніе прогресса, вотъ двѣ ошибки, въ которыя легко впадать у насъ, и противъ которыхъ всегда будутъ вооружаться люди, вполне уяснившіе себѣ задачи цивилизаціи. Грановскій былъ представителемъ того здороваго слоя въ русскомъ обществѣ, который въ 40-ныхъ годахъ умѣлъ сохранить въ себѣ жизнь несмотря на мертвящія вліянія. Мы отъ души сочувствуемъ заключительнымъ словамъ его біографа: «Память Грановскаго нельзя связывать съ какимъ-нибудь одностороннимъ научнымъ стремленіемъ, съ какимъ-нибудь рѣзко опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ или ученіемъ. Ему были дороги — все человѣческое, всѣ возвышенныя стремленія и цѣли человѣка, и понятны всѣ пути, которые ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Повторяемъ: Грановскій былъ лучшимъ представителемъ въ Россіи гуманныхъ идей и стремленій. Въ распространеніи гуманности въ русскомъ обществѣ заключались значеніе его жизни и цѣль его дѣятельности.» Но Грановскій былъ не только представителемъ этихъ началъ: онъ носилъ ихъ въ себѣ, онъ былъ живымъ олицетвореніемъ ихъ и въ этомъ заключалось обаяніе его личности, тайна его вліянія въ прошедшемъ и въ будущемъ.

Грановскій былъ богатъ и счастливъ дружбою. Дружба поставила ему самый лучшій памятникъ. Она дала ему возможность дѣйствовать своею личностію и за могилкой. Въ этомъ заключается самое важное значеніе его біографіи. Сотни людей, которые не знали лично Грановскаго, которые родились послѣ него, могутъ теперь испытать на себѣ обязательную силу этой чистой, благородной, гуманной личности, и проникнуться его духомъ. Народъ живетъ и воспитывается своимъ прошедшимъ. Чѣмъ болѣе въ этомъ прошедшемъ свѣтлыхъ огоньковъ, тѣмъ болѣе свѣтлыхъ личностей въ воспоминаніи народа, тѣмъ полнѣе и лучше его жизнь въ настоящемъ, тѣмъ значительнѣе ея нравственное содержаніе. Особенно важно это для воспитанія юношества. У насъ нерѣдко перечисляютъ съ завистью статистическія цифры народныхъ школъ и университетовъ въ Германіи, изумляются числу уроковъ древнихъ языковъ въ тамошнихъ гимназіяхъ. Но не одно классическое образованіе спасало Германію отъ печальныхъ незрѣлыхъ глумленій. Важно не одно количество школъ и университетовъ, важно нравственное содержаніе тѣхъ книгъ, которыя воспитываютъ молодежь, важны идеалы, которыми она увлекается. Кто можетъ сказать, какою въ этомъ отношеніи принесли пользу Германіи ея Винкельманны, Лессинги и Гердеры?

Грановскій былъ любимымъ учителемъ молодежи. Она ему довѣряла болѣе другихъ, она увлекалась его благороднымъ образомъ, многіе изъ нея обязаны ему лучшими, пробудившимися въ нихъ инстинктами. Пусть эти отношенія сохраняются, пусть русская молодежь и теперь

учится у него любить науку, любить Россію, любить все гуманное и человѣческое, сохранить подобно ему, среди дурныхъ условій, нравственное благородство и идеальную чистоту. Сл.

Москва. 19 апрѣля, 1869.

ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

Въ мартовской книгѣ, мы объявили, между прочимъ, нашимъ иногороднымъ подписчикамъ, что почтовые происшествія, постигшія журналы и газеты въ январѣ и февралѣ, заключились тѣмъ, что петербургскіе редакторы просили принять ихъ ходатайство о принятіи особыхъ мѣръ къ восстановленію порядка, и вмѣстѣ представили въ проектъ свои соображенія. Этотъ проектъ былъ рассмотрѣнъ, и почтовое вѣдомство дѣйствительно приняло немедленно мѣры къ восстановленію порядка въ Газетной Экспедиціи, гдѣ съ 1-го марта управление дѣломъ отправки было поручено лицу, доказавшему свою опытность и отличное знаніе дѣла по устройству городской почты, и въ то же время было рѣшено назначить два мѣсяца, мартъ и апрѣль, въ видѣ опыта, чтобы окончательно убѣдиться: были ли новыя правила виновны въ происшедшихъ беспорядкахъ, или недостатокъ доброй воли исполнителей, ихъ незнаніе дѣла отправки послужили причиной послѣдняго хаоса, или наконецъ, причина заключается въ томъ, что получатели, т. е. почтовые конторы, управляются лицами, которыя способны выникнуть въ значеніе новаго механизма? Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, всѣ адѣшніе редакторы были приглашены г. почтъ-директоромъ В. Ф. Шорромъ собираться разъ въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы совокупными силами устроить такое важное дѣло общественнаго благоустройства, какъ правильное и своевременное сообщеніе извѣстій путемъ печати. Дѣйствительно, безъ почты, всѣ благодѣянія изобрѣтенія Гуттенберга дѣлаются тщетными, и самое государство безъ почты точно также не полно въ наше время и безсильно, какъ бы оно было безъ школы или безъ суда; потому мы были въ правѣ утверждать, что почта есть прежде всего принадлежность общественнаго благоустройства, между тѣмъ какъ въ ней хотятъ видѣть главнымъ образомъ одинъ изъ видовъ регалии.

Мы уже замѣтили въ февралѣ, что «новая почтовая реформа при

всемъ неудовольствіи, которое она вызвала, представляетъ много преимуществъ предъ прежнимъ порядкомъ»; теперь мы можемъ утвердить это положеніе новыми аргументами, которые доставилъ намъ опытъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Если при старомъ порядкѣ было менѣе неудовольствій и болѣе исправности, то старый порядокъ обаявъ этимъ рутинѣ и преданію, которыя всегда представляютъ нѣкоторую выгоду; а недостатки его не были замѣтны, такъ какъ о лучшемъ не имѣлось понятія. И наоборотъ, всѣ преимущества новаго порядка должны были скрыться за отсутствіемъ въ исполнителяхъ привычки къ новому дѣлу, распорядители же упустили изъ виду, что умѣнье приказать важно также, какъ и умѣнье исполнить; не говоримъ уже о томъ, что самое распоряженіе сдѣлано было не своевременно.

Новая система состоитъ въ томъ простомъ началѣ, что каждая Почтовая Контора есть не что иное, какъ городская почта для своей мѣстности, въ соединеніи съ poste-restante для тѣхъ подписчиковъ, которые живутъ за предѣлами города или селенія, гдѣ помѣщается почтовая контора, и сами присылаютъ разъ или два въ недѣлю за полученіемъ своей корреспонденціи, писемъ, газетъ, журналовъ и т. д. Въ началѣ года и въ теченіи его, каждая Почтовая Контора получаетъ списокъ своихъ подписчиковъ по каждому періодическому изданію, а потомъ ежедневно для газетъ, и ежемѣсячно для журналовъ высылаются новые списки, примыкающіе къ предъидущимъ. За тѣмъ изъ Газетной Экспедиціи высылается въ каждую Почтовую Контору соотвѣтственное спискамъ число экземпляровъ.

Что можетъ быть проще такого начала? Въ городѣ X, Почтовая Контора получила въ теченіе декабря, положимъ, 10 списковъ, сумма которыхъ составляетъ 100 лицъ съ ихъ подробными адрессами: изъ нихъ 90 живутъ въ самомъ городѣ, а 10 въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Газетная Экспедиція имѣетъ у себя точно такіе же 10 списковъ съ такимъ же количествомъ подписчиковъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что 1 января, когда начинается новый годъ, Газетная Экспедиція беретъ 100 экземпляровъ газеты, и сложивъ ихъ въ одинъ пакетъ, адресуетъ въ почтовую контору города X, гдѣ также знаютъ, что слѣдуетъ получить этой газеты 100 экземпляровъ: 90 разослать съ почтономомъ по домамъ живущихъ въ городѣ, а 10 сохранить въ poste-restante для тѣхъ, которые присылаютъ за корреспонденціей изъ окрестныхъ селъ. Въ теченіе января прибываютъ новые списки, увеличивается итогъ подписчиковъ въ городѣ X и увеличивается соотвѣтственно тому и число высылаемыхъ экземпляровъ изданія изъ Газетной Экспедиціи. Положимъ, 3 января является новый списокъ съ 10 подписчиками; слѣдовательно, въ городѣ X, по такому-то изданію, дѣлается 110 подписчиковъ и съ этого же дня Газетная Экспедиція

начинаетъ высылать въ городъ X—110 экземпляровъ этого изданія, и т. д. и т. д.

Но при всей простотѣ такого рода отправки и доставки періодическихъ изданій, именно эта-то простота и явилась на практикѣ одною изъ главныхъ причинъ безпорядка (помимо другихъ, которыя были просто злоупотребленіями). Съ одной стороны, оказались виновными многіе изъ самихъ подписчиковъ, такъ какъ они прислали въ редакцію адреса хотя вполнѣ правильные, но, на бѣду, *не-почтовые*; потому-то мы и обращаемся нынѣ къ иногороднымъ подписчикамъ съ разъясненіемъ новой системы, прося ихъ обратить вниманіе на необходимость сообщать намъ не только *личныя*, но и *почтовые* адреса, и вотъ чтó должно разумѣть въ настоящемъ случаѣ подъ словомъ «почтовый». Наприм., г. А. Д. П. сообщилъ намъ слѣдующій адресъ: «высылать на станцію Писцово, Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда.» Адресъ совершенно безошибочный, но *не почтовый*, потому что на станціи Писцово, можетъ быть, перемѣняютъ лошадей, но нѣтъ почтоваго отдѣленія для приѣма газетъ и журналовъ, а потому Газетная Экспедиція адресуетъ журналъ такому подписчику въ его уѣздный городъ, т. е. въ Нерехту, гдѣ журналъ и лежитъ цѣлыми мѣсяцами, ожидая, когда явится подписчикъ, который, между тѣмъ, ожидаетъ получить свое изданіе на ст. Писцово. Подобный случай повторяется весьма часто и доставляетъ главный контингентъ жалобъ на воображаемую потерю или на несвоевременную доставку журнала, который лежитъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ подписчика въ его уѣздномъ или губернскомъ городѣ. Потому редація покорнѣйше просила бы давать всегда знать: 1) о *почтовомъ мѣстѣ*, куда слѣдуетъ высылать изданіе, и 2) о своемъ *адресѣ*, если подписчикъ находится не въ самомъ почтовомъ мѣстѣ, а около него. Такъ, въ вышеупомянутомъ случаѣ, подписчикъ намъ сообщилъ только личный адресъ, а почтоваго адреса не далъ, и только впоследствии мы узнали отъ него же, что, хотя онъ *живетъ* въ Нерехтскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, но ближайшее къ нему почтовое мѣсто, куда слѣдовало бы высылать журналъ — Вознесенскій Посадъ, Владимирской губерніи.

При прежнемъ, болѣе патріархальномъ порядкѣ, все это оставалось незамѣченнымъ, и журналъ дѣйствительно доходилъ лучше, потому что, наприм. иная почтовая контора догадывалась и по соображенію высылала, куда слѣдуетъ: но за то случалось иногда Почтовой Конторѣ не догадаться, и въ такомъ случаѣ—концы въ воду! Теперь, на Почтовыхъ Конторахъ возлагается отвѣтственность, и онѣ должны или ждать появленія подписчика, или возвращать ненадлежаще посланный экземпляръ, такъ какъ для Костромской губ., въ томъ примѣрѣ, станціи Писцово не имѣется. Такимъ-то образомъ, новый порядокъ, построенный на точности, сдѣлался во многихъ случаяхъ источникомъ безпорядковъ; но спрашивается: слѣдовало ли останавливаться при

зведеніи болѣе рациональнаго способа разсылки, предъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе упускаютъ изъ виду точное обозначеніе почтового мѣста, и довольствуются сообщеніемъ личныхъ адресовъ, т. е. своего мѣстожителства? Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда подписчикъ требуетъ выслать въ Андреевку, не обозначая ни губерніи, ни уѣзда, или въ Боровичи, не прибавляя: городъ ли это Новгородской губерніи, или мѣстечко Псковской губ. и т. п. Присоедините къ этому злоупотребленію, наприм., невысылку списковъ изъ Газетной Экспедиціи, задержку журналовъ, и небрежный приемъ ихъ въ Конторахъ, которыя видятъ, что не выслано надлежащее число экземпляровъ, какъ то слѣдовало бы по спискамъ, и молчать, т. е. не составляютъ акта о неправильномъ дѣйствіи Газетной Экспедиціи, и тогда ясно будетъ, гдѣ скрываются недостатки, въ новой ли системѣ или въ старыхъ мѣстахъ, куда влили новое вино, да и притомъ влили неосторожно?

Но главная причина неустройствъ заключалась въ томъ, что, обративъ всѣ Конторы, въ мѣстныхъ городскихъ почты, забыли своевременно дать имъ инструкціи, какъ поступать по новому порядку. Кажется, эти инструкціи не даны и до сихъ поръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно выработать всю систему до конца — что совершенно неправильно, такъ какъ есть вещи, которыя нужно сдѣлать безотлагательно, и всякая систематика оказалась бы тутъ вредною. Между тѣмъ, вслѣдствіе такой систематичности распорядителей, въ конторахъ произошло загроможденіе въ родѣ столпотворенія, а довольно было циркуляра въ нѣсколько строкъ, чтобы предупредить все случившееся. Въ одномъ весьма близкомъ городѣ къ Петербургу, въ г. К. получается ежедневно нѣсколько сотъ номеровъ различныхъ изданій; такъ какъ по новому порядку газеты сдаются безъ адресовъ, то Почтовая Контора задалась печальною мыслію, что ей необходимо ежедневно дѣлать надписи именъ получателей на самыхъ номерахъ (что дѣлалось притомъ ужасно безграмотнымъ образомъ и неприятымъ для подписчиковъ — не говоря о томъ, что ихъ экземпляры являлись къ нимъ испачканными ихъ же собственными фамиліями). Египетская работа! Между тѣмъ какъ слѣдовало внушить Конторамъ, что онѣ должны хранить у себя, какъ документы, списки подписчиковъ, доставленные имъ изъ Газетной Экспедиціи, а съ нихъ снять копію на отдѣльномъ листѣ, который выдается почтальону, и онъ при помощи этого листа разноситъ газету, безъ всякой надобности пачкать ее каракулями, изображающими имена подписчиковъ; прибили новыя списки, и на листъ почтальона заносятся новыя лица съ ихъ адресами, и вмѣстѣ съ того дня выдается больше экземпляровъ; да тѣхъ же, которые живутъ за чертою города, ихъ экземпляры отщипываются въ отдѣлъ постъ-рестанта. Если бы въ прошедшемъ году въ сентябрѣ и октябрѣ всѣ Конторы были оповѣщены о новыхъ формахъ съ инструкціею, какъ ими пользоваться, то мы не увидѣли бы

и десятой доли того истинно общественнаго бѣдствія, которое тѣмъ обиднѣе, что оно постигло всѣхъ вслѣдствіе желанія лучшаго порядка.

Впрочемъ, у насъ такое явленіе не исключительно, и у насъ не только «худо не бываетъ безъ добра», но и наоборотъ: «добро не бываетъ безъ худа». Такъ, по поводу почтоваго же дѣла, мы можемъ замѣтить, что желѣзныя дороги—это величайшее благо—вездѣ содѣйствовали къ улучшенію почтоваго дѣла,—у насъ онѣ ухудшили его. А именно, вездѣ во всѣхъ западныхъ государствахъ, при уступленіи концессіи, прежде всего принимались въ соображеніе почтовые интересы, т. е. интересы общества; и компаніи, за милліоны, которые имъ предстояло наживать, брали на себя ничего не стоящее имъ обязательство возить съ собою даромъ почтовый вагонъ. У насъ также не забыли при концессіяхъ почтовое дѣло, но сдѣлали это иначе: оградили желѣзныя дороги отъ почтоваго дѣла обязательствомъ не обременять ихъ свыше 200 пудъ въ одинъ разъ. Вслѣдствіе того, если нѣсколько редакцій сдадутъ въ одинъ день сверхъ 200 пудъ, то нельзя отправить всего въ одинъ разъ. Экономическая сторона дѣла не менѣе тутъ важна: почтамтъ напелъ себя вынужденнымъ удвоить плату за журналы, т. е. наложить косвенную подать на чтеніе; а не было ли справедливѣе обязать всѣ желѣзныя дороги, какъ то сдѣлано за границею, къ даровой отправкѣ, которая компаніямъ также почти ничего не стоитъ, такъ какъ поѣздъ идетъ не для одного почтамта? Неудивительно послѣ того, что за границею почтовое дѣло процвѣтаетъ, не обременяя своимъ процвѣтаніемъ общества, а у насъ, и самое намѣреніе привести почтамтъ къ процвѣтанію стѣбитъ обществу новыхъ затратъ. Можетъ быть, наше указаніе на ненормальное отношеніе почтамта къ желѣзнымъ дорогамъ—опоздало, такъ какъ контракты уже сдѣланы,—но, можетъ быть, найдется средство поправить дѣло, а во всякомъ случаѣ, желательнo бы не видѣть повторенія прежняго при открытіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

А П Р Ъ Л Ь.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Журналъ Русскаго Историческаго Общества.
Томъ III. Сиб. 1868.

Въ «Русскомъ Историческомъ Обществѣ» журналъ русской исторіи приобрѣтетъ — современнѣе, самый богатый запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ притомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Настоящій томъ, помѣченный 1868 годомъ и поступившій въ продажу въ началѣ апрѣля, заключаетъ въ себѣ три обширныхъ статьи, изъ которыхъ двѣ — записка Трошинскаго о министерствахъ и записка графа Капострѣя о его служебной дѣятельности — касаются двухъ важныхъ моментовъ царствованія императора Александра I, и одна — дипломатическіе документы — для исторіи Россіи временъ Петра I, Екатерины I и Петра II; документы эти сообщены изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ марбургскаго университета, Э. Германомъ, авторомъ извѣстной «Geschichte des russischen Staats».

Записка Трошинскаго объ учрежденіи министерствъ написана въ томъ же духѣ, какъ и статья объ этой реформѣ Карамзинъ въ своей «Исторіи старей и новой Россіи»; но, касаясь въ этомъ сочиненіи слишкомъ многихъ предметовъ, Карамзинъ опредѣлилъ недостатки формы только въ общихъ чертахъ, схвативъ,

въ качествѣ публициста, только общій итогъ толковъ тогдашней партіи охранителей. Трошинскій, выходя изъ тѣхъ же положеній, какъ и Карамзинъ, подвергаетъ анализу всѣ подробности преобразованія, какъ настоящій дѣлецъ и человекъ глубоко-убѣжденный въ превосходствѣ такъ-называемаго имъ «коллежскаго» образа правленія передъ единоличнымъ. «Отличительное свойство единоличной формы, говоритъ онъ, есть подчиненіе всѣхъ одному начальству и каждого чиновника постепенно одинъ другому... Тщетно законы въ разныя времена усиливались положить предѣлы слѣдующему повиновенію подчиненныхъ; но несогласно съ природою, чтобъ подчиненный противопоставилъ законъ своему начальнику, отъ котораго зависитъ все его счастье и несчастье. Начальникъ опредѣляетъ его къ мѣсту, тотъ же начальникъ лишаетъ его мѣста, когда заблагоразсудитъ; слѣдственно подчиненному ничего не остается дѣлать, какъ только содѣйствовать видамъ начальнива... Подчиненному не невыгодно исполнять то, чего отъ него требуетъ начальникъ, ибо въ свою очередь и онъ по своей части можетъ также позволять себѣ злоупотребленія, соразмѣрно со степенью своего званія... Форма сія свойственна однимъ только народамъ, находящимся въ варварствѣ, ибо онъ другой никогда не звали. И до сихъ поръ

еще азиатскіе народы управляются чиновниками, непосредственно подчиненными другъ другу, и отъ послѣдствій сего управления самыя цвѣтущія страны свѣта сдѣлались странами опустошенными, ибо форма сія находится въ совершенной противоположности съ выгодами государя, стѣснительна для подданныхъ, разорительна для государства, и въ такомъ только случаѣ допустительна: 1) когда всѣ мѣста заняты чиновниками одинаковой честности и одинаковой степени просвѣщенія, и 2) когда чиновники, пользующіеся личною властію, встрѣчаютъ преграду въ народныхъ установленіяхъ, имѣющихъ достаточную силу для составленія противовѣсія ихъ произволу». Ссылаясь на представительный образъ правленія Англіи, утвержденный на силѣ общественнаго мнѣнія, «которое гораздо дѣйствительнѣе обуздываетъ корыстолюбіе, нежели всѣ рѣчи оппозиціонной партіи», Троицкій набрасываетъ картину современнаго ему состоянія Россіи въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Ни одно сословіе, изъ которыхъ состоитъ населеніе Россіи, «не находится въ томъ политическомъ положеніи, въ которомъ находятся соответствующіе имъ классы въ европейскихъ западныхъ государствахъ. Низшее состояніе, содержащее въ себѣ многочислѣннѣйшій классъ народа, не имѣетъ ни правъ, ни преимуществъ, ни гражданскихъ, ни политическихъ (куръ въ под.). Среднее состояніе (мѣщане, кушчи и духовенство), имѣющее въ которыхъ права и преимущества, не имѣетъ никакого политическаго вліянія даже и того, которое нужно для охраненія себя въ пользованіи дарованными правами и преимуществами. Высшее состояніе, которое повидному соединяетъ всѣ права и преимущества, въ самой вещи не пользуется ими по своему состоянію; и даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя только до него касаются, оно тогда только пріобрѣтаетъ политическое вліяніе, когда вступаетъ въ корпусъ правительственныхъ чиновниковъ. Слѣдственно, въ отношеніи политическаго вліянія, въ Россіи существуютъ только два класса: *управляющіе и управляемые*, изъ которыхъ первые могутъ дѣлать все, а послѣдніе ничего, даже въ законномъ пользованіи небольшими числомъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ законами». При такомъ состояніи Россіи, правленіе вышло бы совершенно олигархическое, еслибъ не было госу-

даря, соединяющаго въ одномъ своемъ и всѣ тѣ власти, которыя въ умѣренныхъ (и ограниченннхъ) монархіяхъ находятся раздѣленными въ различныхъ классахъ, составляющихъ государство. Посему-то російскій государь и долженствуетъ быть не только волю правительства, но и единственнымъ представителемъ народа, который, по своему назначенію, кромѣ его, не можетъ имѣть никакаго другаго представителя». «Принявъ на себя полное смыслѣ званіе народнаго представителя», Петръ I понялъ недостатокъ единоличнаго правленія и установилъ «товарищеское», какъ «приличнѣйшее для управленія Россіи». Онъ «учредилъ во всѣхъ коллегіяхъ дѣятельное и постоянное наблюденіе за исполненіемъ законовъ. Наблюденіе сіе исходило прямо отъ самого государя и усредоточилось по сей части въ лицѣ генераль-прокурора какъ истиннаго его поручика. Генераль-прокуроръ съ своей стороны имѣлъ представителя и въ Прав. Сенатѣ, и въ каждой коллегіи, въ каждой провинціи; прокуроры, завѣсивъ непосредственно отъ его власти, были истинные его намѣстники, и такимъ образомъ наблюденіе разливалось на всѣ отрасли правленія и проникало въ самой вещи во всѣ части». Троицкій такъ стоитъ за эту форму, что полагаетъ вовсе ненужнымъ для насъ «изданіе лучшихъ законовъ»; по его мнѣнію достаточно одного «наблюденія за точнымъ исполненіемъ тѣхъ, кои уже существуютъ». Въ этомъ весь смыслъ записки и смыслъ предпочтенія, которое отдаетъ онъ «коллегіи формѣ». Онъ убѣжденъ, что государю и наблюдать за однимъ генераль-прокуроромъ за нѣсколькими министрами, власть почти неограниченною. Собственно, Троицкаго идея объ одномъ генераль-прокурорѣ приближается къ тому, что нынѣ называемъ кабинетъ-министромъ, или министромъ-продентомъ.

Что такое министръ? спрашиваетъ онъ отвѣчаетъ: «Параграфъ 206 указа опредѣляетъ это слово такъ: «Министры суть орудія исполнительной власти». Но министры не суть только существа вещественныя матеріальныя, замѣчаетъ онъ, которыя повинуются рукѣ, приводящей ихъ въ движеніе; министры суть люди, одаренные волею и прі-

иногда другіе два параграфа, изъ которыхъ въ одномъ говорится, что „всѣ подчиненныя министру мѣста и лица обязаны исполнять его распоряженія, даже въ случаяхъ крайнихъ необходимости“, а въ другомъ, что „министры имѣютъ право принимать или отказывать приносимыя имъ жалобы“, Трощинскій заключаетъ: „никакой безпрекословно согласится, что все это значитъ: *Министры могутъ предпринимать, что захотятъ, и ни подѣломъ имъ чиновники, усматривающіе въ этомъ неудобства въ исполненіи изъ приказаній, ни частныя лица, подвергнушіяся отъ взысканія силъ предписаній разоренію, не имеютъ права противорѣчить министрамъ.*“ Формы объ отвѣтственности министровъ, онъ естественно приходитъ къ такому выводу, «что министры не подвержены никакой отвѣтственности за то, что они дѣлаютъ, и 2) министры подвержены неопредѣленной отвѣтственности за то, чего не дѣлаютъ».

Вообщемъ должно сказать, что практическая сторона записки Трощинскаго довольно полна, мѣстами мѣтка и остроумна; но положительная ея сторона обнаруживаетъ въ авторѣ только человѣка честнаго, но весьма неумолимаго. Какъ мѣстный консерваторъ, онъ ничего не ломаетъ, онъ не отрицаетъ совершенно даже критикуемыхъ имъ указовъ, онъ старается ввести гармонию и законность въ управление посредствомъ «точныхъ и ясныхъ инструкцій» министрамъ, закрытіе нѣсколькихъ высшихъ инстанцій и «отвѣтственности въ чрезвычайныхъ случаяхъ за возбужденіе законодательной власти къ изданію повелѣній и указовъ». «Хотя, говоритъ онъ, власть російскаго государя императора не имѣетъ никакихъ преградъ, но дѣйствіе сей неограниченной власти производится двоякимъ только образомъ: 1) или собственному произвольному движенію государя императора, 2) или по предложеніямъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и министровъ. Никто не можетъ отвѣчать за дѣйствіе, происходящее отъ собственнаго и произвольнаго движенія государя императора. Для сего указы и повелѣнія, исходящіе непосредственно отъ государя императора, не имѣютъ никакой надобности въ скрѣпѣ и контрастированіи; но каждая власть должна отвѣтствовать за всѣ дѣлаемыя ею распоряженія, къ возбужденію власти государя

императора, а потому всѣ исходящія высочайшія повелѣнія и указы, вслѣдствіе предложенія какаго либо лица и мѣста, должны быть скрѣплены или контрастированы тѣмъ лицомъ, отъ кого идетъ представленіе». Отсюда онъ выводитъ два общія правила, что правительствующій сенатъ, госуд. совѣтъ и министры отвѣчаютъ за содержаніе всякаго закона и указа, или контрастированного, какъ и за точность и ясность его формулы, и затѣмъ слѣдуетъ *во всемъ изгнать*, опредѣляющія случаи, когда никакая отвѣтственности не подвергается ни министры, ни сенатъ, ни совѣтъ, и никто вообще. Впрочемъ, надо отдать справедливость Трощинскому въ томъ отношеніи, что онъ и самъ не вѣритъ твердо въ практическое предложеніе проектируемой имъ отвѣтственности. «Еслибы, говоритъ онъ, и порядокъ обвиненія (сената и министровъ), и порядокъ изслѣдованія опредѣлены были съ величайшею точностію безъ дѣйствительнаго установленія суда и безъ опредѣленія порядка сужденія и взысканія за нарушение законовъ, отвѣтственность будетъ только мечтательная. Въ § 295 общаго наказа министрамъ хотя означенъ верховный уголовный судъ, но судъ этотъ до сихъ поръ еще не существуетъ. Можетъ статься и неприлично, чтобы столь высокаго званія чиновники могли быть судимы кѣмъ либо другимъ, кромѣ Его Императорскаго Величества; но въ такомъ случаѣ всѣ сіи предосторожности, не производящія существеннаго дѣйствія и не представляющія ничего, кромѣ одной личной отвѣтственности, должны быть отмѣнены». Это гораздо проще.

Людей, подобныхъ Трощинскому и Карамзину, трудно заподозрить въ неискренности, въ своекорыстныхъ замыслахъ, въ желаніи выслужиться; но нельзя не отдать предъ ними предпочтенія такому человѣку, какъ Сперанскій. Въ то время, какъ первые находили достаточно клясть новыя залаты на износившея платье, Сперанскій смотрѣлъ гораздо дальше, и въ его логической, гениальной головѣ зрѣли широкіе планы. Критиковать созданное имъ учрежденіе министерствъ весьма легко, потому что это учрежденіе, какъ известно, составляло только отрывокъ изъ цѣлой системы, и самъ авторъ отличю сознавалъ всѣ тѣ недостатки, на которые указывали Карамзинъ и Трощинскій. Изъ цѣлаго широкаго плана пре-

образования, которое должно было дать Россіи «новое бытіе», по словамъ барона Корфа, біографа Сперанскаго, «приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша....» Извѣстно, что отрывки изъ этого дѣла сохранены Н. Тургеневымъ въ его книгѣ «La Russie et les Russes», и пробѣгая ихъ теперь и сравнивая съ измышлениями и реформами его противниковъ, нельзя не связать, что Сперанскій цѣлой головой былъ выше современниковъ, хотя слѣды неопытности и незрѣлости лежатъ на этомъ трудѣ. Мы не ставемъ говорить о томъ, насколько подготовлена была тогдашняя Россія для воспріятія задуманныхъ Сперанскимъ преобразованій, и насколько могли быть они полезны или вредны въ своихъ результатахъ, особенно безъ освобожденія крестьянъ, о чемъ не было и рѣчи: отвѣты на подобныя вопросы могутъ быть только гадательными; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что голосъ Карамзина, которому вторилъ Трошинскій и многіе другіе, могъ принести только плоды еще едва ли не худшіе, тѣ плоды, которые созреваютъ обыкновенно на почвѣ реакціи и полумѣр... Можно согласиться съ г. Поповымъ, написавшимъ предисловіе къ запискѣ Трошинскаго, что какъ прогрессисты, такъ и лучшіе охранители временъ Александра имѣли въ виду благо Россіи: но кто насъ увѣритъ въ томъ, что извѣстная гражданская смѣлость Карамзина, возставшаго противъ преобразованій, не способствовала успѣху благородной инициативы императора? Лучшая часть записки Трошинскаго заключается въ томъ, что говорить онъ объ управленіи Прибалтійскими губерніями и о крайней необходимости подчинить ихъ тѣмъ же порядкамъ, которые существуютъ въ остальной Россіи. Для того, чтобъ убѣдить правительство въ мнимой законности острѣйшихъ привилегій, Трошинскій набрасываетъ исторію этихъ провинцій и обнаруживаетъ тѣ уловки, къ которымъ прибѣгала балтійская интеллигенція для сохраненія въ цѣлости своихъ привилегій. Современная публицистика можетъ почерпнуть тутъ богатый матеріалъ для той борьбы, которую ведетъ она съ нѣмецкой печатью. Нѣ-

которыя страницы дышать такою современностью, что словно написаны только вчера.

Записка графа Каподистрія о его служебной дѣятельности—одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ для характеристики императора Александра и въ особенности для отношенія его къ Востоку. Каподистрія пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1809 г. и тогда же обратилъ на вниманіе императора; но исполнѣ отбѣнилъ о его способности только во время войны 1811 г., когда Каподистрія состоялъ въ дипломатической канцеляріи генерала Барклай-де-Толли, въ которомъ сосредоточены были и отношенія съ Константинополемъ. Послѣ купскаго сраженія, Барклай представилъ на усмотрѣніе государя подробный отчетъ о положеніи въ которомъ находились сношенія наши съ Турціею и ходатайствовалъ, чтобъ приступило къ формальнымъ настояніямъ передъ Шейхомъ касательно тѣхъ кровопролитныхъ казней, которыми турки ознаменовали вторичное воеваніе ихъ во владѣніи Сербіей. Отчетъ этотъ весьма повравившійся императору, писалъ Каподистрія. Когда армія шла къ Лейпцигу, во время одного раздѣла въ лачужку, гдѣ занималъ Барклай съ Каподистрія, вошелъ императоръ. Съ этого дня начались близкія, почти дружескія сношенія между ними, быстро упрочившіяся вслѣдствіе одинаковаго образа мыслей относительно нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ. Назначая его уполномоченнымъ въ Штутгартъ, императоръ такъ выразился о своей политической системѣ: «Ваши правила и чувства мнѣ извѣстны: вы любите республику, я также ихъ люблю. Теперь надо сдѣлать одну республику, которую поработилъ французскій деспотизмъ... Возвратить каждому народное и совершенное пользование его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣ такъ и насъ самихъ подъ защиту общаго и охранить ихъ и заступитъ ихъ отъ честолюбивыхъ завоевателей, вотъ основанія, на которыхъ надѣемся съ божіею помощію утвердить новую систему.» Изъ лицъ, окружавшихъ государя, никто не могъ оцѣнить этихъ побужденій лучше Каподистрія, глубоко преданнаго угнетеннымъ народностямъ, между которыми перемѣсто занимала его родина. Уже во время первой дипломатической миссіи своей въ Штутгартъ, Каподистрія имѣлъ случай познакомиться съ живою и уже себялюбивою политикою.

прин, которая увлекла впоследствии и Россію. Всею душою преданный государю, Каподистрія постоянно старался убѣждать его, что интересы Россіи чужды интересамъ Австріи, и не разъ доказывалъ это на дѣлѣ. Александръ, съ своей стороны, не могъ не цѣнить благороднаго и открытаго характера графа и пыталъ къ нему въ такой степени полное довѣріе, что когда Наполеонъ, послѣ вторичнаго появленія своего въ Парижѣ, захватилъ въ кабинетѣ бѣжавшаго короля всѣ бумаги и отправилъ, чрезъ посредство Бутягина, императору Александру передать заключенный между Австріей, Англіей и Франціей, для совокупнаго дѣйствія противъ Россіи, онъ ему первому показалъ его и спросилъ: «Что вы думаете про это?» — «Государь, я этого ожидалъ». — «Безъ сомнѣнія, сказалъ государь, люди, которые приложили руку къ этому соглашенію, не надѣются, чтобы теперь и стегъ его несуществующимъ. Впрочемъ, я не стану имѣть ни слова и приказываю вамъ поступить также; достаточно будетъ, если я удвою бдительность въ договорѣ, который будетъ заключенъ для возобновленія войны и для начатія похода. Я поручаю вамъ принять участіе въ этомъ договорѣ и представлять мнѣ ваши доносенія.» Актъ священнаго союза, набросанный самимъ государемъ карандашемъ, также первому было показанъ графу. Онъ возражалъ противъ него, но государь остался при своемъ мнѣніи. Поставленный во главѣ нашей дипломатіи по отношенію къ Востоку, Каподистрія придаетъ нашей политикѣ то здоровое направленіе, которое упрочило бы за Россіей первенствующее мѣсто въ рѣшеніи восточнаго вопроса, если бы не превозмогли интриги Меттерниха, на помощь которымъ пришли въ это такое время распаденіе Испаніи, умерщвленіе герцога беррійскаго, событія въ Шемонтѣ, севастопольская исторія и другія подобныя событія. Государь сталъ повсюду видѣть дѣйствіе какого-то распорядительнаго комитета, который распространилъ будто бы отъ Парижа свою дѣятельность по всей Европѣ, съ цѣлью низвергнуть существующія правительства и ввести свойственныя революціи формы. Вліяніе Каподистрія надало, и рѣшенія государя стали носить на себѣ отпечатокъ австрійскаго кабинета, который дѣятельно клеветалъ на Каподистрія. «Берегитесь, говорилъ ему государь, къ вамъ придирются.» Каподистрія

очень хорошо зналъ это, но продолжалъ дѣйствовать самостоятельно. Въ августѣ 1821 г., когда наши отношенія къ Турціи стали особенно натянутыми, между государемъ и Каподистріей произошелъ замѣчательный разговоръ. «Если мы отвѣтимъ туркамъ войною, говорилъ императоръ, парижскій главный комитетъ восторжествуетъ, и ни одно правительство не останется на ногахъ. Я не намѣренъ давать просторъ врагамъ порядка. Во что бы то ни стало, надо найти средства устранить войну съ Турціей. Приглашаю васъ подумать объ этомъ и представить мнѣ дѣльную записку по этому затруднительному вопросу.» — «Да позволить мнѣ ваше величество выразить вамъ съ полною откровенностью мнѣніе мое по этому предмету.» — «Именно для этого вы здѣсь.» — «Допустимъ, государь, что въ Парижѣ или въ какомъ другомъ мѣстѣ существуетъ комитетъ, что онъ безпрестанно трудится, съ цѣлью ниспровергнуть всѣ существующія правительства. Допустимъ, что эти правительства не имѣютъ другого средства бороться съ этимъ внутреннимъ врагомъ и побѣдить его, какъ противопоставить ему чужія войска. Допустимъ, наконецъ, что они обратятся къ вашему величеству для полученія этой помощи. Предположивъ все это, развѣ нѣтъ у вашего величества столько войска, что ихъ станетъ для оказанія правительствамъ нужнаго имъ пособія и для обращенія турокъ въ предѣлы ихъ обязанностей посредствомъ военнаго движенія на Прутъ и, если нужно, на Дунай? Съ другой стороны, если предать восточныхъ христіанъ на жертву истребительному изступленію мусульманъ, не будетъ ли это скорѣй содѣйствіемъ, чѣмъ препятствіемъ преступнымъ замысламъ сподручниковъ революцій? Если у этихъ людей есть задуманный планъ, то онъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы лишить законныя правительства всякаго бы нимъ уваженія и возбудить противу нихъ негодованіе народовъ. Греки, отданные на жертву туркамъ, будутъ принуждены защищаться отчаянно... Надѣяться, что, посредствомъ переговоровъ, турковъ можно будетъ привести къ человѣческому и разсудительному образу дѣйствій — это значило бы отвергать опытъ цѣлѣныхъ вѣковъ и свѣдѣтельства собственной нашей опытности.» Каподистрія начерчиваетъ даже планъ дѣйствій и совѣтуетъ не перего-

вариваться, а дѣйствовать. — «Такъ, безъ сомнѣнія это было бы прекрасно,» замѣтилъ государь, выслушавъ продолжительные доводы своего статсъ-секретаря, «но все это можетъ быть осуществлено не прежде, какъ будутъ предварительно установлены соглашенія и совершенное единогласіе между союзными кабинетами. Итакъ, будемъ выигрывать посредствомъ нашихъ объясненій съ турками время, нужное для того, чтобъ условиться съ союзными дворами.» — «Государь, выигравъ время, мы потеряемъ его безвозвратно. Революція распространится до такой степени, что невозможно уже будетъ совладать съ нею. Когда пожаръ слишкомъ разгорится, то вмѣсто того, чтобъ гасить его, нужно разрушать.» Этотъ разговоръ былъ началомъ конца. Каподистрія видѣлъ, что государь непреклоненъ; онъ пытался было снова отклонить его отъ того скользкаго пути, на который тянула его Австрія, но напрасно. Послѣ одной бурной аудіенціи у государя, онъ увидѣлъ, что служить больше невозможно, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ. «Посторайтесь сдѣлать угодное государю, вы видите, что его рѣшимости измѣнить нельзя», сказалъ ему Нессельроде. — «Такъ, безъ сомнѣнія,» отвѣчалъ Каподистрія, «я вижу это также ясно какъ и вы, но не мнѣ придется привести эту рѣшимость въ исполненіе». На прощальной аудіенціи государь сказалъ ему: «На вашемъ мѣстѣ я сталъ бы точно также говорить и дѣйствовать, но въ моемъ положеніи я не могу перемѣнить моего рѣшенія», и снова сталъ доказывать превосходство австрійской системы для сохраненія мира въ Европѣ... Повидимому, онъ надѣялся еще поколебать его. «Я осмѣлился еще, въ послѣдній разъ,» пишетъ графъ, «съ глубокимъ чувствомъ выразить ему всю горечь, съ которою я видѣлъ себя осужденнымъ и моею совѣстью, и моимъ слабымъ рассудкомъ смотрѣть на вещи совершенно съ другой точки зрѣнія.» — «Итакъ» сказалъ государь, «если это нужно, разстанемся... Будьте увѣрены, что мои чувства къ вамъ никогда не измѣнятся.»

Удаленіе Каподистрія встрѣчено было вѣнскимъ дворомъ съ величайшею радостью. Императоръ Францъ сказалъ Меттерниху: «Императоръ Александръ слишкомъ добръ; еслибы кто либо изъ монаховъ употребилъ во зло мою довѣренность, какъ это сдѣлалъ графъ Капо-

дистрія съ своимъ государемъ, я бы показалъ примѣръ и приказалъ отсѣчь ему голову.»

Дипломатическіе документы, доставленные профессоромъ Германомъ, кромѣ любопытныхъ подробностей о придворной жизни и переротахъ со времени заключенія вѣнштатскаго мира по 1727 г., заключаютъ въ себѣ росписъ государственныхъ доходовъ Россіи, по снѣтѣ 1727 года.

Духовныя жены - *Вильяма Диксона*. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго, *В. Зайцева*. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лондонѣ на стали. Спб. 1869 г.

Когда появляются въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и книгахъ свѣдѣнія о многочисленныхъ религіозныхъ сектахъ, группиремыхъ обыкновенно подъ одно общее названіе раскола, когда эти свѣдѣнія даютъ намъ понятія о явленіяхъ высоко-негѣсныхъ или высоко-безобразныхъ, или просто оригинальныхъ, мало общаго имѣющихъ съ установившимися правилами нравственности и общечеловѣчя, мы съ глубокомыслиемъ пожимаемъ плечами и спокойно относимъ явленія эти къ невѣжеству нашей грубой народной массы, среди которой они преимущественно возникаютъ. Книга Диксона заключаетъ въ себѣ разсказъ о подобныхъ же явленіяхъ въ средѣ совершенно образованнаго общества Европы и Америки; можно ли къ этому отнести съ тѣмъ же объясненіемъ, и людей образованныхъ засадить за азбуку и чистописаніе, или слѣдуетъ причислить ихъ къ помѣшаннымъ, не признаваемымъ однако за таковыхъ психіатрами, или наконецъ, слѣдуетъ признать это за исканіе новаго міра, новыхъ житейскихъ отношеній? Вотъ вопросы, представляющіеся читателю по прочтеніи книги.

Въ 1867 г., въ Кенигсбергѣ, городѣ преимущественно ученомъ, отличающемся необыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ, гдѣ даже женщины гораздо образованнѣе своихъ сестеръ остальной Германіи, въ заглъ ратуши собралась толпа мужчинъ и женщинъ слушать проповѣдника, по фамиліи Дистеля. Дѣло происходило въ зимнюю ночь. Проповѣдникъ возбѣгалъ не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, что «Христосъ идетъ», «второе пришестіе наступаятъ». Онъ говорилъ увлекательно и толпа восклицала за нимъ: «Christus kommt! Gott

sei Dank! Christus kommt!» Многія суровыя лица слушателей орошались слезами; мужчины громко рыдали, женщины падали безъ чувствъ. Когда тогда стала расходиться, извѣтъ послышались звуки оружія и крики. Дѣло въ томъ, что около ратуши собралась толпа еще большая, тѣмъ въ залѣ, между прочимъ, нѣсколько сотъ студентовъ. Началась свалка. Студенты бросались на женщинъ, которыя выходили изъ залы, съ хохотомъ цѣловали ихъ, говоря, что они дадутъ имъ «серафимскія лобзанія» и громко кричали: «да здравствуютъ мужеры!»

Серафимскія лобзанія и мужеры — слова, имѣющія не малое значеніе въ новѣйшей исторіи прусской консервативной аристократіи. Мужеры—слово простонароднаго жаргона, выражающее понятіе о нравахъ разныхъ нечистыхъ збѣрьковъ, напр., крысъ и кроликовъ, а въ приложеніи къ людямъ высшихъ сословій—шарлатанство, развратъ и лицемеріе. Оно родилось, какъ слѣдствіе «серафимскихъ лобзаній», которыя возникли въ первой четверти текущаго столѣтія. Въ Петербургѣ, когда мистромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ былъ Голицынъ, и когда мистическому вздоху открыта была широкая дорога, въ инженерную школу змѣтъ у г-жи Татариновой собирались общество образованныхъ русскихъ, пѣли мистическія гимны и цѣловались «серафимскими лобзаніями». Это было, по всей вѣроятности, отраженіемъ того, что происходило въ Кенигсбергѣ вслѣдствіе религіознаго движенія, центромъ котораго былъ архидіаконъ Эбель, сначала учитель Закона Божія въ Фридриховой школѣ, потомъ глава одной кенигсбергской церкви, именно альтштаттской, преимущественно посѣщаемой женщинами высшаго круга. Эбель былъ съ дѣтства мечтатель и не переставалъ грезить, когда встрѣтится съ человѣкомъ, о которомъ говорили, что онъ сдѣлалъ дивительное открытіе, могущее примирить свободу съ авторитетомъ и человѣка съ Богомъ. Это былъ нѣкто Шенгерръ, сынъ одного благочестиваго гренадера; до пятнадцати лѣтъ онъ ничего не дѣлалъ, почти ничему не учился, но любилъ шляться по коллегіямъ, читалъ библію и задавалъ вопросы, на которые никто ему не отвѣчалъ: вскорѣ онъ бросилъ библію, найдя, что все въ ней вздоръ, и сталъ посѣщать философскія лекціи въ университетѣ, но и университетъ не удовлетворилъ его; и

онъ снова пошелъ бродить по городамъ, наблюдая свѣтъ и предаваясь размышленіямъ. Во время этого-то странствія онъ сдѣлалъ великое свое открытіе двойственнаго начала въ природѣ, мужского и женскаго элементовъ въ лицахъ: свѣта—мужа, животворца, и воды,—жены, питательницы. Размышляя объ этой тайнѣ природы, онъ пришелъ къ убѣжденію, что она открыта ему самимъ Богомъ, а такъ какъ тайна эта слишкомъ велика, то естественно никому другому она не могла быть открыта, какъ только избраннику Божию, и что этотъ избранникъ есть не кто иной, какъ онъ, Шенгерръ, а Шенгерръ не кто другой, какъ самъ параклетъ (духъ святой) во плоти. И пошелъ онъ проповѣдывать свое открытіе и называть себя параклетомъ, зашелъ къ Эмануилу Канту и объяснилъ ему, что все живущее состоитъ изъ свѣта и воды. «Хорошо, отвѣчалъ изслѣдователь чистаго Разума, а вы пробовали жить этимъ?» Бѣдный параклетъ не пробовалъ, но попробовалъ три дня не ѣсть, и не могъ, хотя, въ рѣдкихъ случаяхъ, конечно, человѣкъ дѣйствительно можетъ оставаться на одной водѣ до 70 дней: однако, убѣжденіе осталось при немъ, и онъ вшелъ себя послѣдователей, не только въ бѣдномъ рабочемъ классѣ, о которомъ онъ почти исключительно держался, но и въ высшихъ сферахъ. Въ него увѣровалъ ученый Эбель, который свелъ его съ графомъ фонъ-Каницемъ и съ фрейлейнъ Минной фонъ-Дершау: въ первомъ, параклетъ призналъ немедленно апокалиптическаго ангела, во второй невѣсту агнца; Эбеля назвалъ онъ первымъ пророкомъ, а главнаго ученика своего, Дистеля — разрѣшителемъ седьмой печати. Эбель, высокій, стройный, граціозный, краснорѣчивый, мужественно призналъ съ каедръ двойное начало въ природѣ и, въ качествѣ перваго пророка, пошелъ съ параклетомъ проповѣдовать. Въ Силезіи они привлекли на свою сторону уроженку Кенигсберга, молодую вдову, необыкновенную красавицу, Иду фонъ-дери Грсбенъ, дочь графа фонъ-Ауерсвельда, сына котораго, Рудольфъ и Альфредъ, сдѣлались впоследствии знаменитостями въ прусской исторіи, — Рудольфъ, какъ министръ революціи 1848 г., а Альфредъ, какъ политическій вождь, не принявшій должности. Ида, натура романтическая, возвышенная, въ это время была особенно готова къ воспріятію

мистическихъ бредней, потому что тѣмъ то-сковала по нѣжно-любимомъ ея мужѣ, кото-рый палъ на полѣ сраженія.

Ида, рѣшившаяся было не покидать своего уединенія въ Силезіи, благодаря влеченію къ Эбелю, вернулась въ Кенигсбергъ, чѣмъ неска-занно обрадовала аристократію и отца своего, который былъ оберъ-президентомъ восточной Пруссіи. Съ своей стороны, благодаря Идѣ, Эбель сдѣлался моднымъ проповѣдникомъ и разстался съ Шенгерромъ, который не могъ нравиться съ своей грубой рѣчью и грязноватой наружностью. Такимъ образомъ, онъ одинъ остался проповѣдникомъ новаго ученія, которое привлекло всю аристократію, потому что затрогивало сокровеннѣйшія чувства всякаго мужчины и всякой женщины. Онъ училъ, что истинные послѣдователи новаго евангелія не должны вступать въ бракъ, а если уже состоятъ въ законномъ союзѣ, то должны жить, какъ бы этого союза не существовало. Желаніе счита-лось признакомъ господства въ сердцѣ діаво-ла, а сопротивленіе ему—благороднѣйшимъ дѣ-ломъ христіанина. Въ новой жизни духа, за-конной любовью могла быть только духовная любовь. Заповѣдь Бога, данная прародите-лямъ — умножаться и населять землю — была признана исполненной, и въ истинной церкви святыхъ, какъ называли себя эбеліанцы, не до-пускались ни рожденіе, ни смерть.

Ближе всѣхъ къ Эбелю стояли женщины; онѣ знали самыя тайныя его мысли, онѣ были его друзьями, совѣтниками, агентами; черезъ нихъ онъ дѣйствовалъ на свѣтъ. Понятно, что дамы ввели въ церковь не только женскій духъ, но и женскія возрѣвія и привычки. Церковь сдѣлалась пріятной и изящной, богослуженіе—веселымъ и праздничнымъ; грубыхъ мужчинъ привычки были изгнаны, и женщины сдѣла-лись руководительницами и даже исповѣдника-ми мужчинъ, причѣмъ онѣ изощрили свое дѣ-тельное воображеніе въ измышленіи проступ-ковъ, лова прегрѣшенія, совершенныя не только дѣломъ, но и мыслью. Все эбеліанское обще-ство считало себя живущимъ жизнью въ Богѣ, совершенно отдѣльной отъ остальнаго свѣта. Они считались братьями и сестрами, составля-ли одно священное семейство, живущее въ ан-гельской чистотѣ и съ ангельской свободой. Однимъ изъ сладкихъ вознагражденій этой жизни было преимущество обмѣниваться между

собою серафимскими лобзаніями. Больше всѣхъ, конечно, этимъ правомъ пользовался Эбель, всегда окруженный красавицами, между которы-ми преимущественное мѣсто занимала графиня Ида; они были почти неразлучны во дворцѣ оберъ-президента, и Эбель часто при всѣхъ называлъ ее своей духовной женой. Другая красавица, Минна фон-Дершау, также сильно ухаживала за Эбелемъ и сдѣлала открытіе, которое произвело переполохъ въ женскомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что Эбель проповѣ-довалъ близкое пришествіе Христа къ своимъ святымъ, т. е. къ эбеліанцамъ. Минна откры-ла, что Эбель и есть самъ Христосъ. Кому же была невѣстой агнца? тотчасъ задали себѣ та-кой вопросъ женщины. На эту роль сильно рассчитывала Минна, но Ида выдала ее замужъ, а потомъ женила и самого Эбеля для того, чтобъ сдѣлать его домъ болѣе доступнымъ его знатнымъ пріятельницамъ. Конечно, для роли законной жены найдена была дѣвушка мо-лоденькая, хорошенкѣлая и покорная, которая отнюдь не могла мѣшать духовному соединенію новаго мессіи съ другими женщинами. Этотъ союзъ образовался такъ: графиня Ида была первой его женой, представлявшая въ отноше-ніи его начало свѣта; Эмилія фон-Шреттеръ была его вторая жена, представлявшая начало мрака, а третья, законная жена, представила начало соединенія.

Долго богодушествовали святые, подѣ по-кровомъ обер-президента, цѣловались, обнима-лись и укрѣпляли духъ свой противъ собла-зновъ плотской красоты. Съ этою цѣлью, въ частныхъ собраніяхъ сената, во дворцѣ обер-президента, или въ домѣ графини фон-Каницъ, уговаривали какую-нибудь красивую женщину изъ присутствующихъ обнажить руку, ногу или плечо, дабы представить церкви наглядный при-мѣръ соблазновъ, которые дьяволъ ставитъ на пути человѣку. Эти уроки сопротивленія со-блазнамъ простирались такъ далеко, что опи-саніе ихъ можетъ быть пристойно только въ медицинской книгѣ. Любопытные найдутъ это въ самой книгѣ, именно въ приложеніи, кото-рое состоитъ изъ доноса профессора Закса. Еврей по происхожденію и религіи, прозван-ный Мефистофелемъ за смѣлость своего ума, дичность рѣчи и презрѣніе къ религіямъ, Заксъ крестился и вступилъ въ общество святыхъ съ тѣмъ, чтобъ получить протекцію

ди занятія медицинскою кафедрой въ университетѣ. Ему исторія обязана будетъ раскрытіемъ того цинизма и утонченнаго разврата, который прикрывался обрядами новой религіи, сдѣлавшейся приближеннымъ прусскихъ реакціонеровъ и феодаловъ.

Эбель предсказалъ, что Христосъ явится на пасху 1836 г.; предсказаніе не исполнилось, и эбельянцы подверглись насмѣшкамъ. Въ слѣдующемъ году, умеръ обер-президентъ восточной Пруссіи, графъ Ауерсвальдъ, и на его мѣсто назначенъ былъ фонъ-Шенъ, по темпераменту и направленію ума политической противникъ мукеровъ, какъ звали либералы эбельянцевъ. Онъ, впрочемъ, не трогалъ секты, но и не защищалъ ее и не покровительствовалъ ей. Сворачиваніе въ секту одной дѣвушки послужило предметомъ журнальной полемики и памфлетовъ; оскорбленная сторона жаловалась въ судъ: начался процессъ, кончившійся тѣмъ, что Эбеля лишили мѣста въ альтштадтской церкви. Во время этого-то процесса упомянутой выше Заксъ написалъ записку о мукерахъ и раскрылъ тайны ихъ. «Эбель придавалъ, говоритъ онъ, между прочимъ, большое значеніе различію состояній и общественныхъ положеній; вполнѣдствіи онъ говаривалъ мнѣ и многимъ другимъ, что Христосъ имѣлъ меньше успѣха, чѣмъ онъ, ибо тому приходилось имѣть дѣло съ необразованными людьми, принадлежащими къ низкимъ классамъ общества, тогда какъ онъ окруженъ графами, графинями и т. д.» Эбель умеръ въ 1861 году, въ красномъ городѣ Людвигсбургѣ, близъ Штутгарта, на рукахъ своей духовной жены, графини Иды. Передъ смертью онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть распрощаніе своего учениа въ самыхъ просвѣщенныхъ и промышленныхъ городахъ Германіи—въ Галлѣ и Гейдельбергѣ, въ Берлинѣ и Галловѣ, въ Дрезденѣ и Штутгартѣ, въ Бременѣ и Альберфельдѣ. Утверждаютъ, что король Фридрихъ Вильгельмъ IV сдѣлался передъ смертью мукеромъ, и что виртембергская королева Полиця также приняла ученіе кенигсбергскаго пророка.

Не такъ давно мукерство перешло въ Англію. Дѣтъ тридцать тому назадъ, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, товарищей между собою по богословской коллегіи св. Давида въ Лампетерѣ, въ графствѣ Кардиганскомъ, составили религиозное общество подъ именемъ лам-

петерскаго братства. Лозунгомъ братства была молитва, все ихъ удовольствіе въ молитвѣ; въ особенности любили они Пѣснь Пѣсней Соломона, толкуя ее въ томъ духовномъ смыслѣ, который приписываютъ ей комментаторы. Съ ихъ языка не сходили цитаты изъ этой книги: «пусть онъ лобзааетъ меня лобзаніемъ устъ твоихъ», «твоя любовь мнѣ слаще вина», и проч. Руководителемъ этого братства явился Генри Джемсъ Прайнсъ, который былъ сначала докторомъ, но, съ дѣтства склонный къ благочестію и мистицизму, 26-ти лѣтъ записался въ студенты коллегіи св. Давида. По выходѣ изъ коллегіи, онъ сдѣлался священникомъ, женился на старой дѣвѣ, которая могла быть его матерью и которая никогда не была его настоящею женою. Прайнсъ не думалъ о плоти, и жилъ въ духѣ и, приходя все въ больший и больший энтузіазмъ, сталъ проповѣдовать, что второе пришествіе Христово настало, что онъ самъ есть не кто иной, какъ обѣщанный утѣшитель, что всѣ вѣрующіе должны принести въ жертву Богу все, родителей, жену, дѣтей и состояніе, главное—состояніе, ибо Прайнсу нужны были деньги; что любовь отнынѣ должна быть духовная и супружество уничтожится, какъ уничтожился ветхій Адамъ. Такая проповѣдь обратила на себя вниманіе англиканскаго духовнаго начальства, и Прайнсъ съ своими послѣдователями отрезся отъ англиканской церкви и построилъ себѣ около Спакстона, въ предѣстѣйшей странѣ, такъ-называемый Пріютъ любви или Агалемонъ. Деньги для покупки земли и постройки зданія были внесены братьями и сестрами, отчасти при помощи вымогательства и обмана, отчасти добровольно «Сестра Дженъ, Богу надо 50 фунтовъ. Аминь». Такъ обыкновенно писалъ Прайнсъ, и ему не отказывали. Когда уже пріютъ устроился съ достаточнымъ комфортомъ, Прайнсъ задумалъ великое таинство для того, чтобъ освободить челоуѣка отъ рабства тоски, скорби и смерти. «Иисусъ пришелъ въ міръ, говорилъ Диксону Прайнсъ, уничтожить дѣло дьявола въ душѣ, а я пришелъ уничтожить его во плоти. Это совершилось въ определенное Богомъ время и предписаннымъ имъ способомъ; это совершилось не тайно, не взаперти, а среди бѣлаго дня, передъ толпой свидѣтелей». Прайнсъ, умершій лично для плоти и воскресшій къ жизни въ духѣ, долженъ былъ

опять принять на себя плоть во имя и властью Господа, чтобъ такимъ образомъ Богъ могъ познать тварь, а тварь могла познать Бога, во плоти; этимъ способомъ всѣ люди получали возможность спастись, спасти не только души свои, но и тѣла, такъ что весь человѣкъ, какъ онъ есть, очищался отъ грѣха, вступалъ въ благодать и навѣки сливался съ единымъ святымъ, то-есть съ искупителемъ — Прайнсомъ. Для этого процесса требовалась дѣвственница, невѣста агнца, юная, прекрасная и непорочная. И Прайнсъ возвѣстилъ, что властью божіей возьметъ себѣ въ жены такую дѣвственницу, сочетаетсяъ съ нею, какъ женихъ съ невѣстой, не въ страхѣ и стыдѣ, не въ тайномъ мѣстѣ, не за запертыми дверями, а открыто, среди бѣлаго дня, въ присутствіи всѣхъ святыхъ, мужчинъ и женщинъ. Онъ говорилъ, что Богу угодно, чтобы онъ взялъ эту дѣвственницу добровольно, въ силу своей верховной власти, ни у кого не спрашивая согласія, особенно у самой избранной. Въ назначенный день и часъ это великое таинство дѣйствительно совершилось въ церкви, среди святыхъ, которые безмолвно и благоговѣйно созерцали... Избранная, миссъ Патерсонъ, покорилась безъ ропота. Однако, этотъ скандалъ не обошелся даромъ Прайнсу: нѣкоторые святые вышли изъ пріюта и, что особенно прискорбно было, взяли свои деньги. Мало этого, миссъ Патерсонъ родила ребенка, чѣмъ Прайнсъ былъ повергнутъ въ величайшую тоску и отчаяніе; вскорѣ, впрочемъ, онъ утѣшился и убѣдился святыхъ, что ребенокъ этотъ — послѣдняя штука дьявола, который отнынѣ уже навсегда изгнанъ съ земли.

Святые обратили свою бывшую церковь въ въ биллиардную и живутъ съ комфортомъ; іерархія у нихъ апокалиптическая: около Прайнса состоятъ «два единые помазанные», «невѣста агнца» и проч.; шпіонство сильно развито у святыхъ: они постоянно наблюдаютъ другъ за другомъ, подслушиваютъ, такъ что вдвоемъ никому нельзя остаться. Всѣхъ ихъ человѣкъ до шестидесяти, въ томъ числѣ нѣсколько хорошенькихъ женщинъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, обнаружилось сильное религиозное движеніе въ нѣкоторыхъ округахъ штата Нью-Йорка и Массачузета и затѣмъ распространилось на сотни городовъ и тысячи деревень Соединенныхъ Штатовъ. Подъ влияніемъ какого-то внезапнаго вну-

треннаго побужденія, люди весьма приличныя и уважаемыя принялись толковать о томъ, что пришествіе Господа близко, и что надо готовиться къ встрѣчѣ его; церкви стали растворяться ежедневно и были наполнены грѣшниками, умолявшими Бога о помилованіи; движеніе расло такъ быстро, что въ церквяхъ не доставало мѣста: стали всюду ваннать помѣщенія: школы, бальныя залы, даже театры превращались въ церкви. Въ сельскихъ округахъ для молебствій устраивались лагеря; сотни незваныхъ бродячихъ проповѣдниковъ, мужчинъ и женщинъ, открыли походъ противъ сатаны и плоти. Законное духовенство было призвано лживымъ, христіанская церковь отжившею. Основалась новая церковь Паулинская, раздѣлившаяся на двѣ вѣтви: центромъ одной былъ Манлусъ въ штатѣ Нью-Йоркъ, а ея учителемъ преподобный Гирамъ Шельдонъ; центромъ другой служила яльсская коллегія въ Коннектикутѣ, потомъ Петней въ Вермонтѣ, а наставникомъ его былъ препод. Джонъ Нойесъ. Паулинская церковь объяснила свое основаніе дѣльмъ рядомъ видѣній, внушеній и внутреннихъ откровеній св. духа. Она учила, что человѣкъ можетъ достигнуть совершенства и сдѣлаться неспособнымъ грѣшнить, и что всего этого уже достигли ея основатели. Зимой 1834 г., на митингѣ въ Манлусѣ, послѣдователи Нойеса и Шельдона приняли названіе «святыхъ» и возвѣстили свое отреченіе отъ стараго міра, которое прежде всего должно было выразиться въ избраніи каждымъ своего рая и своей Евы; когда начался этотъ выборъ, то почти никто изъ святыхъ не нашелъ рая въ своемъ домѣ и Евы въ своей женѣ, несмотря на то, что поиски за чужими женами обходились святымъ иногда очень дорого: были примѣры, что простые смертные, не желавшіе присоединяться къ святымъ и видѣвшіе въ ихъ поискахъ за Евами только нарушеніе доброй семейной нравственности, раздѣвали святыхъ до нага, вымазывали ихъ детемъ, вываливали въ пуху и въ такомъ видѣ сажали на заборы. Впрочемъ, направленіе паулинской церкви было сначала ближе къ аскетизму, чѣмъ къ вольной жизни. Проповѣдники и въ особенности проповѣдницы рекомендовали духовные союзы, которые ограничивались бы только лобзаніями и такъ-называемыми «ухватками», да и то послѣднія допускались только какъ средство

искусства. Разумѣется, проповѣдь о духовныхъ союзахъ основава была на священномъ дѣянн, именно на 5 ст. X главы перваго посланія апостола Павла къ коринѳянамъ. Апостолъ не былъ женатъ, а между тѣмъ въ его омовѣдической миссиіи его сопровождала женщина, бывшая постояннѣй помощницей его, и это видно изъ упомянутого посланія. Въ нихъ же отношеніяхъ былъ св. Павелъ съ женщиной? Этого вопроса никто не ками изъ биографовъ апостола, но «святые» знали, что Павелъ жилъ съ своей спутницей по закону, а по благодати, т. е. онъ былъ духовнымъ супругомъ, а она его духовной женой. Кромѣ этого примѣра, «святые» ссылались на аганы, существовавшіе въ первоначальной христіанской церкви: братья и сестры во рѣствѣ сходились въ частныхъ домахъ и въ рѣствѣхъ церквей; ѣда и питье, которыми одной приносили съ собою, дѣлались общимъ столѣніемъ; хвалебные гимны и пѣсни пѣлись зрѣво. Сюда сзывались немужіе, хромые, слѣпые, богатый и бѣдный, здоровый и больной сидѣли за общимъ столомъ; съ наступленіемъ дня приносились свѣтильники; вѣрующіе умывали себѣ руки, и мужчины и женщины обмывались благодѣтельнымъ подѣлуемъ. Этотъ рѣдникъ любви, говорить Тертуліанъ, служилъ поддержкою любящимъ, утѣшеніемъ для стѣхъ, уздою для богатыхъ, дисциплиною для слабыхъ». Но въ послѣдствіи церковь увидѣла, что аганы теряютъ свой первоначальный истинный характеръ и обращаются въ развратную оргію. Уже св. Павелъ жаловался на коринѳскихъ друзей, что вѣрующіе, сѣмались и наждались въ агалахъ, не приглашая на нихъ бѣдныхъ.

Американскіе «святые» приняли аганы за образъ своихъ собраній и отношеній половъ. Эти отношенія становились со дня на день все болѣе и болѣе, но святые утѣшали себя тѣмъ, что дурное въ грѣховномъ состояніи можетъ быть исполнѣе хорошо въ состояніи блаженствъ, а этой благодатью святые были прерваны. Препод. Нойесъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, вскорѣ возвѣстилъ отъ имени епископата, что «нелѣпно стѣснять любовь половыми отношеніями, какъ нелѣпно стѣснять на праздникахъ гостей въ употребленіи пищи и питья, и какъ здѣсь, такъ и тамъ неумѣсто неумѣсто какое бы то ни было

чувство стыда. Богъ имѣлъ достаточныя причины воздвигнуть между мужчиной и женщиной преграду на время отступничества, но по столѣже достаточнымъ причинамъ по воскресеніи преграда эта рупшется. Я называю известную женщину своей женой; но она и ваша жена; она христова жена, и чрезъ него она жена всѣхъ святыхъ». Это ученіе легло въ основу отношеній половъ между собою въ общинахъ «святыхъ».

Явленіе и распространеніе спиритизма также способствовало свободѣ отношеній половъ, при чемъ духи еще способствовали выбору духовной супруги, которую обыкновенно оказывалась супруга сосѣда; но такъ какъ ошибка тутъ дѣло обыкновенное, то цѣлую жизнь можно переходить отъ одной женщины къ другой, все ища духовнаго сродства, которое одно только можетъ быть упрочено и въ будущей жизни. Заботясь о пребываніи на небѣ, спиритуалисты наслаждаются на землѣ. Рядомъ съ этими религіозно-мистическими ученіями, которыми прикрывалась свободная любовь и дикій развратъ, ярличный по своей внѣшности, но въ сущности нисколько не лучший разврата, господствующаго въ нѣкоторыхъ нашихъ раскольничьихъ сѣтахъ, съ ихъ христами, богородицами, пророками и пророчицами — явленіе аналогическое съ «святими» Америки и Европы — рядомъ, говоримъ, съ этимъ религіознымъ движеніемъ, въ настоящее время идетъ въ Америкѣ антирелигіозное и социалистическое движеніе, представителями котораго являются Дель Овенъ, сынъ знаменитаго Роберта Овена, и его спутница Френсисъ Райтъ. Отвергая Библию, они провозгласили ученіе свободной любви и свободного развода и развѣвали его въ брошюрахъ, въ книгахъ, съ каведры. Оба даровитые, оба краснорѣчивые, они нашли себѣ многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ. Свободная любовь воспѣвается сотнями поэтовъ, по большей части посредственныхъ, и эти поэты преимущественно женщины, блестяще чувственностью описаній восторговъ и наслажденій. Полагаютъ, что число лицъ, открыто живущихъ въ свободной связи, заключаемой на известнѣй срокъ или на определенное время, какое любовникамъ заблагоразсудится прожить вмѣстѣ, такъ велико, что церкви и суды должны были признать ихъ существованіе. Кромѣ того, образо-

валось нѣсколько общинъ съ спеціальною цѣлью для занятій свободной любовью; между такими общинами особенно извѣстны двѣ — «Новыя времена» и «Берлинскія высоты». Послѣдняя — деревня въ штатѣ Огайо; здѣшніе поселенцы доставляютъ другъ другу помощь и удобства, и утѣшаютъ чужихъ, несчастныя въ супружествѣ, обширнымъ обменомъ брачныхъ отношеній; но здѣшнее населеніе постоянно измѣнялось: никто не могъ оставаться здѣсь долго, ибо «здѣшній воздухъ казался слишкомъ пакучимъ даже для эманципированныхъ женщинъ». «Новыя времена» образовались въ Лонгъ-Айлендѣ, близъ Нью-Йорка. Они выдають себя за послѣдователей положительной философіи и отвергаютъ рѣшительно все, чѣмъ жила до сихъ норъ мѣръ, какъ старую ветшь и лохмотья суевѣрій.

На свободной землѣ Америки — раздолье для приложенія всевозможныхъ теорій; сотни общинъ коммунистическихъ образовывались и лопаались; теорія Овена, фаланстерія Фурье нашли себѣ здѣсь ревнителей и капиталистовъ, но капиталъ истощался и овенисты и фурьеристы возвращались къ прежнимъ занятіямъ: сильное доказательство въ пользу ничтожности самыхъ теорій. Приложение къ практикѣ ученія о свободной любви держится только тамъ, гдѣ во главѣ общины стоитъ деспотъ, умѣвшій все прибрать къ своимъ рукамъ. Трудъ не процвѣтаетъ тутъ вовсе, а неуверенность въ наслажденіяхъ поведетъ къ драблостности и вырожденію поколѣній, которымъ суждено возрасти на почвѣ разврата, именуемаго свободной любовью. У нѣкоторыхъ нашихъ расколѣнниковъ существуетъ такъ — называемый «свадебный грѣхъ»; грубо и ничтожно выходитъ, когда вѣрующіе предаются этому наслажденію въ какой-нибудь избѣ, подѣ постояннымъ страхомъ преслѣдованія, шара около шары; но не тотъ же ли свадебный грѣхъ лежитъ въ основѣ общинъ свободной любви?

Книга Диксона исполнена большого интереса и, по всей вѣроятности, ее ждетъ у насъ большой успѣхъ. Переводъ ея очень хорошъ, издана она изящно. Авторъ почти всюду сохраняетъ полную объективность, какія бы человѣческия заблужденія онъ ни рисовалъ; тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, которое она производитъ, остается вполне нравственнымъ и поучительнымъ.

Русь и русскіе въ 1812 г. (Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ). С. М. Любецкаго. Двѣ части въ одномъ томѣ. Москва 1869 г.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что г. Любецкій двѣ части соединилъ въ одномъ томѣ, о чемъ даже на оберткѣ написано, въ двухъ частяхъ всего 400 стр. разгонистой печати, но удивительно то, что онъ называетъ свою книгу, написанную тяжелымъ языкомъ, напоминающимъ отчасти Михайловскаго-Данилевскаго, отчасти Марлинскаго, «для чтенія всѣхъ возрастовъ». Нѣкоторые возрасты совсемъ ничего не поймутъ въ этой книгѣ, а если и поймутъ, то развѣ на свою бѣду. Дѣло въ томъ, что г. Любецкій, въ качествѣ патриота съ наслажденіемъ во истинѣ многотрудно, рисуетъ даже самыя возмутительныя сцены и своей манерой изложенія словно-приглашаетъ читателя раздѣлять его восторги и юморъ по поводу сценъ съ началькомъ. Такъ, напр., говоритъ онъ о томъ, что двухъ московскихъ французовъ, булочника и повара, повели на звать. «Когда его (булочника) окружили всею и, въ присутствіи толпы народа, назвали шаго его «щелковеромъ», повезли для казни за на конную, онъ смертельно вслухъ и началъ признаваться во сслаблѣ: «братъ переяславине, не пуду, не пуду!» Поваръ, и соскій, богатырскаго сложенія, въ модномъ сюртукѣ, въ пуховой шляпѣ и при часокъ, шел бодрою и твердою поступью на Волоту площадь. Вѣроятно, онъ полагалъ, что *тамъ не осмѣлятся дотронуться до иностранца стикъ*: но когда *злосчастной мастеръ началъ поносить ее своею плетью*, то онъ такъ и терялся, что не могъ шелохнуться ни однимъ членомъ. Послѣ наказанія, *его везли на плѣгу и повезли въ тюрьму*». Подобный юморъ примѣровъ котораго множество въ книгѣ Любецкаго, напоминаетъ юморъ московскаго купцовъ, которые недавно были позваны мировому судѣ за то, что обили собаку (тогеномъ и загли на ней шерсть, потѣша страданіемъ бѣднаго животнаго). Насколько Любецкій выше этихъ современниковъ наше пусть судятъ сами читатели. Само собою зумвется, что въ сочиненіи этого писателѣ нѣтъ никакой проверки фактовъ — онъ бра анекдоты самой двусмысленной достоверности изъ самыхъ двусмысленныхъ сборниковъ и сочиненій и уснащивалъ ими свою книгу

Ростопчинскія афиши, блещущія фантазією и хвастовствомъ, нѣтъ не оправдываемою кошкою, гдѣ перемѣшаны ямщицкіе каламбуры съ текстами св. писанія, г. Любецкій считаетъ верхомъ совершенства въ смыслѣ объясненія съ народомъ и увѣряетъ, что онѣ достучались до сердца русскаго человѣка и влили новыя силы, бодрость въ душу его. Вліяніе этихъ афишъ, впрочемъ, замѣтно и въ изложеніи самого г. Любецкаго, такъ что похвала имъ съ его стороны нѣсколько неудивительна. Вмѣсто простоты разсказа, необходимой «для чтенія всѣхъ возрастовъ», у г. Любецкаго вездѣ напущенность. «Открыли подписку на пожертвованія для военныхъ дѣйствій (во время пріезда государя въ Москву); всѣ стремительно (?) бросились къ подписному листу, чуть-чуть не вырвали другъ у друга пера, каждый скорѣе хотѣлъ внести туда цифру жертвуемой имъ сумм. Ожгли Минины и Пожарскіе, доблесть ихъ отразилась въ ихъ потомкахъ!...» «Чуть-чуть не вырвали другъ у друга пера» — можетъ ли быть что-нибудь бессмысленнѣе этой фразы: представляте себя, что новые Минины и Пожарскіе вырываютъ другъ у друга перо, и вышла бы драма, а кромѣ того, никто ничего бы не могъ подписать. Въ заключеніе мы должны, однакоже, сказать, что «Русь и Русскіе», какъ сборникъ всевозможныхъ курьезовъ и анекдотовъ, не лишены нѣкоторой занимательности. Вотъ, напр., *русскій алфавитъ*, написанный въ честь Александра, по окончаніи отечественной войны:

„Александръ Благословенный Высотою Гени
Державы Европейскія Жестокихъ Золя
Исламнннй, Короны Лишившій Мучителя На-
полеона, Оградившій Предѣлы Россіи Союзамъ
Твердымъ, Увѣнчавшій Франціи Христіантнн-
нннхъ Царей Честію, Шествуетъ, Шастіе Югу
Яннъ.“

А вотъ акростихъ Наполеону, принадлежа-
щій перу извѣстнаго водевиллиста Писарева:

«Нерона злобнѣе, Калигула гнуснѣе,
Аппу лютостнъ, коварствомъ презошелъ;
Пилъ кровь, ругался вснмъ, что въ мнрѣ есть
святое;
Обрабнлъ свой народъ, чужены замалчлъ.
Ли коварства адъ, созын расторгалъ,
Европу въ днку степь хотѣлъ преобразнть;
Ослнченъ злнствомъ былъ, въ вѣкахъ блнстать
мечталъ.»

Томъ III. — Май, 1869.

Но что всего страннѣй — мннлъ Россовъ по-
крытъ!...»

Семейство Тарскихъ. Романъ въ трехъ частяхъ.
Н. А. Вроцкаго. Москва. 1869.

Г. Н. А. Вроцкій человекъ предусмотрительный и любезный: зная, что есть читатели, въ особенности читательницы, которыя, принимаясь за чтеніе романа, обыкновенно смотрятъ сначала послѣднюю страницу для того, чтобы узнать развязку и волноваться умѣренно страданіями героя и героини, помѣстилъ конецъ въ началѣ. На первыхъ же страницахъ вы узнаете, что графъ Сорель, гвардейскій полковникъ, погибъ на дуэли, 1 января 186* г. съ студентомъ Тарскимъ. Погибъ онъ за то, что соблазнилъ замужнюю сестру Тарскаго на любовь и затѣмъ ее бросилъ, чтобы жениться на княжнѣ Ростовской, одной изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ столицы. Само собой разумѣется, что сестра Тарскаго, злополучная Мери, умерла отъ чахотки. Убивъ Сореля, Тарскій попалъ подъ сани. Это случилось такъ: „Пара кровныхъ, запряженныхъ въ легкія сани рысаковъ, подхватила и понеслась по Большой Морской. На поворотѣ къ Поцѣлуеву мосту сани опрокинулись. Сидѣвшія въ нихъ барыня и кучеръ вылетѣли на мостовую. Лошади понеслись по Театральной площади, налетѣли на Тарскаго, сшибли его съ ногъ, переѣхали и помчались далѣе.“ Тарскій, однако, выздоровѣлъ и уѣхалъ за границу, желая разогнать тоску по сестрѣ: онъ былъ человекъ очень чувствительный. Но тоска душила его, такъ душила его, что онъ не находилъ себѣ нигдѣ мѣста. Наконецъ, providѣнію угодно было освободить его отъ этихъ мукъ. Это случилось такъ. Ѣхалъ онъ на пароходѣ по Рейну и вдругъ увидалъ въ волнахъ сестру свою, свою возлюбленную Мери; она плыла, не отставая отъ парохода, словно не боялась ни вѣтра, ни бури, ни волнъ. Но хорошо еще было бы, еслибъ она только плыла; нѣтъ, она и говорила такъ: „Смертннй! на твоемъ лицѣ замѣтны слѣды тяжкаго, чуждаго намъ горя; тебѣ должно быть тяжело жить на землѣ... Приходи къ намъ. У насъ хорошо, у насъ просторно, у насъ каждому есть мѣсто. Я буду любить тебя, какъ мать; я буду легчать тебя, какъ сестра; я буду смотрѣть за тобой, какъ за ребенкомъ“, и проч. и проч., сначала про-

зой, потомъ стихами, гдѣ утверждалось, что
...вѣнокъ забвенія надѣнетъ

На тебя самъ Рейнъ своей рукой.

Повѣстно, что Тарскому показалось это соблазнительнымъ: онъ же былъ честолюбивъ и войти въ прямия сношенія съ такою особою, какъ Рейнъ, казалось ему привлекательнымъ. Подумавъ немного, «Тарскій вскочилъ на бортъ и смѣлымъ прыжкомъ ринулся въ волны.» Вы думаете, конечно, что тутъ и конецъ дѣлу. Нѣтъ, «рѣзвыя наяды окружили Тарскаго и увлекли его на дно великой рѣки. Дѣдушья Рейнъ съ почетомъ принялъ нежданнаго гостя и задалъ въ честь новоприбывшаго роскошный надводный пиръ. Завылъ, загудѣлъ, засвисталъ полнымъ оркестромъ могучій вѣтеръ и подъ эту музыку закружились въ бѣшеной пляскѣ длинныя вереницы веселыхъ наяд.» Такъ утверждаетъ г. Н. А. Вродскій. Но это еще не все: онъ говоритъ дажѣ, что «въ такія минуты», то есть когда русскій человѣкъ бросается въ нѣмецкія волны, «старикъ (т. е. Рейнъ) не терпѣлъ ярма, столь терпѣливо носимаго имъ въ остальное время. Много

разбилъ онъ судовъ, много погубилъ дерзкихъ осмѣлившихся помѣшать его веселью. Сильныя бури бушевали въ ту ночь на Рейнѣ, и долгие не забудутъ ея прибрежные жители. Со страхомъ прислушивались они къ реву разъяренной рѣки и не понимали, отчего вдругъ такъ расходился ихъ старикъ, вѣчно прекрасный Рейнъ.» Тутъ ужъ конецъ.

Намъ остается пожалѣть, что г. Н. А. Вродскій не написалъ своего романа на нѣмецкомъ языкѣ: тогда, по крайней мѣрѣ, онъ могъ слѣдить предупрежденіемъ прирейскихъ жителей относительно того, что всякій разъ, какъ только русскій человѣкъ бросится въ Рейнъ сей послѣдній задастъ пиръ, т. е. разобьетъ нѣсколько судовъ и погубитъ «много дерзкихъ». Прирейскіе жители, съ своей стороны могли бы брать нѣкоторыя предосторожности напримѣръ, запираеть русскихъ путешественниковъ на замокъ въ каюты. Тутъ была бы польза и мораль. Но на русскомъ языкѣ романъ г. Н. А. Вродскаго не содержитъ въ себѣ ни морали, ни пользы, и трудно предполагать что нѣмцы переведутъ его на свой языкъ.

П О П Р А В К А :

Въ апрѣльской книгѣ, стр. 793, строч. 10 св., напечатано: *вершины*, вмѣсто: *твердыни*.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи апрѣля поступили вновь слѣдующія книги:

- СТОЛБЫ.** Старая погудка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Спб. 1869 г. Ц. 1 р.
- БОГЪ ВЪ ПРИРОДѢ,** по Камиллу Фламариону. Изд. подъ редакціей М. Чистякова. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 коп.
- ЧЕЛОВѢКЪ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.** Опытъ Педагогической Антропологин. К. Ушинскаго, т. 2-й, Спб. 1869 г. Цѣна 2. р. съ пер. 2 р. 50 к.
- ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССИИ.** Записки объ Училищѣ правовѣдѣнія, съ критическими на нихъ замѣчаніями и съ объясненіями, ими вызванными. П. У. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- РИМСКІЕ ПАПЫ,** ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ, соч. Л. Ранке. 2 части, съ подпискою на 2-й томъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1869 г. Цѣна за два т. 5 р. съ пер. 5 р. 80 к.
- ГОЛОСЪ ИЗЪ ЗЕМСТВА.** Выпускъ I-й. А. Кошелева, въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- ЗАПИСКИ О СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСАХЪ РОССИИ.** Составленныя г. Палеологомъ, выпускъ I. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.
- КАРМАННАЯ КНИЖКА** сравнительной статистики (сравнительнаго описанія) Россіи, съ картою промышленности и желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи. Сост. П. В. Павловъ. Спб. 1869 г. цѣна 50 к. съ пер. 70 к.
- СБОРНИКЪ УЗАКОНЕНІЙ,** постановленій и распоряженій, касающихся полиціи, изд. В. Н. Леонтьева. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пер. 3 р. 80 к.
- ДРЕВНОСТИ.** Труды московскаго археологическаго общества, подъ редакціей К. Крейца, секретаря общ. т. 2-й, выпускъ 1-й, съ 4-мя хромофотографическими снимками и 10-ю полтипажами. М. 1869 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 40 к..
- СОЧИНЕНІЯ Д. Н. ПИСАРЕВА.** Часть 10-я, съ портретомъ автора. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- БЕСѢДЫ** на пути изъ Европы въ Америку. Соч. Д-ра Шубарта. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго М. 1869 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к
- ОЧЕРКЪ** сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа и описаніе американскаго способа промывки золота. Состав. дѣйствит. членъ имп. Географ. общ. Н. В. Латенгъ, съ картою, планомъ золотопромывальной машины и видомъ работъ американскимъ способомъ. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 25 коп. съ пер. 1 р. 50 к.

- ЗАПИСКИ** Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи (отдѣленіе географіи — физической и математической), томъ 2-й, подъ редакціею Н. Семенова. Спб. 1869 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.
- СБОРНИКЪ** законодательныхъ работъ по составленію Воинскаго устава о наказанияхъ. Спб. 1869 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.
- РУССКІЙ МІРЪ**, для чтенія и упражненія въ русскомъ языкѣ дома и въ училищѣ, сост. А. Ивановъ. 2 тома. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 2.
- ТЕРАПЕВТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ**, сост. д-ръ Гезеліусъ. Спб. 1869 г. ц. 1 руб. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- О СТРОЕНІИ ВЪКЪ** нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ и преимуществъ о трахохѣ у человѣка, д-ра П. Блаумберга, съ таблицей. Спб. 1869 г. ц. 50 к. съ пер. 80 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ РУССКИМЪ КНИГАМЪ,

продающимся въ книжномъ магазинѣ

Александра Федоровича Базунова.

Съ указаніемъ 19,700 критическихъ статей, рецензій и библиографическихъ записокъ, касающихся книгъ, помѣщенныхъ въ каталогъ и извлеченныхъ изъ всѣхъ периодическихъ изданій и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 года до 1869 г. и также болѣе 400 указаній переводовъ русскихъ сочиненій на иностранныя языки, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Въ концѣ книги приложенный алфавитный указатель составилъ *В. Межова*. Спб. 1869 г. 8°, болѣе 1000 стр. 64 листа. Цѣна 2 р. 25 к. съ пересылкою 2 р. 50 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

повѣсть временъ Іоанна Грознаго.

Гр. А. К. Толстаго.

Второе изданіе. С.-Петербургъ. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА IX *).

НА СВАДЬБѢ.

Нѣсколько дней спустя, новое развлеченіе опять нарушило порядокъ уроковъ Роланда. Церера была счастлива тѣмъ, что ей наконецъ представлялся удобный случай показаться въ своемъ брильянтовомъ уборѣ, а фрейленъ Пэрини тоже не безъ удовольствія раскрыла прибывшій изъ Парижа ящикъ съ новымъ платьемъ. Такихъ платьевъ было всего только два: одинъ у императрицы, другой — у Цереры.

Семейство «виннаго графа», до сихъ поръ державшее себя очень сдержанно въ отношеніи къ дому Зонненкампа, послѣ обѣда въ Вольфсгартенѣ прислало ему приглашеніе на свадьбу дочери съ сыномъ гофмаршала.

Эриху стоило большого труда отдалять Роланда отъ разговоровъ о предстоящемъ праздникѣ. Мальчикъ какъ-то провѣдалъ, что готовится великолѣпный фейерверкъ, который будетъ спущенъ частью на Рейнѣ, частью на сосѣднихъ вершинахъ, и каждое утро повторялъ: «только бы погода не испортилась; а то будетъ очень жалко!»

Кромѣ того, Роландъ часто куда-то уходилъ съ Пранкеномъ

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г., янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275 стр. и слѣд.

и всегда возвращался въ сильно-возбужденномъ состояніи. Онъ явно скрывалъ отъ Эриха какую-то тайну, которую тотъ и не пытался проникнуть.

Въ день свадьбы, на виллу пріѣхалъ генераль, котораго Зонненкамъ пригласилъ къ себѣ изъ столицы. Онъ и все семейство отправились къ «винному графу» вскорѣ послѣ обѣда. Было приготовлено три экипажа. Въ одномъ помѣстилась Церера съ генераломъ. Платье ея было такъ пышно, что спутникъ ея буквально утонулъ въ волнахъ шелка и кружевъ. Въ другомъ открытомъ экипажѣ сидѣлъ Зонненкамъ съ фрейленъ Пэрини и съ Пранкеномъ, который нарядился въ парадный мундиръ съ двумя орденами. Зонненкамъ ни слова не сказалъ по этому поводу, но видно было, что онъ чувствовалъ глубокую признательность къ молодому человѣку, который не только доставилъ ему посѣщеніе генерала, но еще и его самого, такъ сказать, вводилъ въ свѣтъ. Въ третьей каретѣ сидѣли Роландъ и Эрихъ. Мальчикъ очень сожалѣлъ, что Эрихъ тоже не надѣлъ мундира.

Жилище «виннаго графа» было расположено близъ большой дороги, и съ обѣихъ сторонъ его растиались обширные сады. На этотъ разъ передъ домомъ стояла длинная вереница экипажей. Генераль шелъ ведя подъ руку Цереру. У входа ихъ встрѣтилъ лакей въ богатой ливреѣ и указалъ имъ дорогу въ садъ. Всѣ аллеи были уставлены зеленью и цвѣтами, которые возвышались въ видѣ громадной стѣны. У самаго схода съ лѣстницы, ведущей въ садъ, стоялъ самъ «винный графъ». Онъ попросилъ генерала уступить ему руку Цереры. По аллеямъ взадъ и впередъ расхаживали гости, а нѣкоторые сидѣли за красивыми столиками.

Жена «виннаго графа» была очень высокая и полная женщина. Въ ней находили сходство съ Маріей Терезіей, что и побудило ее одѣться совершенно такъ, какъ одѣвалась эта императрица. На головѣ у ней сверкала брильянтовая діадема.

Зонненкампа не замедлили представить жениху и невѣстѣ. Женихъ казался очень утомленнымъ, а невѣста, съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ, была очень весела и оживлена. Всѣ пожалѣли, что на праздникъ нѣтъ Манны.

Гофмаршалъ, отецъ жениха, изъявилъ свое удовольствіе по случаю встрѣчи съ Зонненкампомъ. Онъ былъ также очень радъ случаю познакомиться съ его супругой и красавцемъ-сыномъ. Въ заключеніе гофмаршалъ окончательно осчастливилъ Зонненкампа, сказавъ, что о немъ недавно въ очень лестныхъ выраженіяхъ говорили за герцогскимъ столомъ. Цереру посадили рядомъ съ гофмаршаломъ. Она еще не снимала бѣлаго плаща, который скрывалъ ея роскошный нарядъ.

«Винный графъ» ходилъ между рядами гостей, разукрашенный орденами. Онъ вообще отличался хорошими манерами, которыя приобрѣлъ въ сношеніяхъ чуть ли не со всей европейской аристократіей. Во время Наполеона, будучи еще почти мальчикомъ и странствуя по дѣламъ торговаго дома своего отца, онъ съ большимъ успѣхомъ выполнилъ нѣсколько порученій, возложенныхъ на него осторожнымъ и предусмотрительнымъ Меттернихомъ. Онъ лично зналъ всѣхъ французскихъ фельдмаршаловъ и два раза говорилъ даже съ самимъ Наполеономъ. У «виннаго графа» было три сына и три дочери. Старшая была уже замужемъ за офицеромъ благороднаго происхожденія. Изъ трехъ сыновей, одинъ, растративъ у отца не мало денегъ, уѣхалъ въ Америку и пропалъ тамъ безъ вѣсти. Другой, музыкантъ, игралъ въ театральномъ оркестрѣ одного изъ главныхъ городовъ средней Германіи. Онъ недавно писалъ отцу, объявляя ему, что съ своей стороны не приметъ дворянскаго достоинства. Третій и старшій сынъ, «кавалеръ бутылки», напротивъ, сильно хлопоталъ по дѣлу о дворянствѣ и былъ теперь очень счастливъ тѣмъ, что оно удалось.

«Винный графъ» выказывалъ въ этотъ день особенное оживленіе и очень привѣтливо принималъ своихъ гостей. Его высокая, худощавая, украшенная сѣдиной, но еще бодрая и свѣжая фигура дышала энергіей. Онъ переходилъ отъ одного посѣтителя къ другому, всякому говорилъ что-нибудь любезное и въ свою очередь отъ всѣхъ принималъ поздравленія, въ которыхъ скрывался двойной смыслъ, такъ какъ онъ въ этотъ самый день получилъ дипломъ на дворянство. Онъ благодарилъ скромно, съ достоинствомъ, говоря самому себѣ, что, еслибъ хотѣлъ, могъ бы уже давно, десятки лѣтъ тому назадъ, быть дворяниномъ. Но въ то время всѣ были точно помѣшаны на патріотизмъ, и странствующій по торговымъ дѣламъ своего отца мальчикъ тоже не могъ имъ не заразиться. На поздравленія гостей «винный графъ» неизмѣнно отвѣчалъ, что милостивое вниманіе къ нему герцога дѣлаетъ его въ высшей степени счастливымъ.

Зонненкампъ улыбался про себя, думая, что въ скоромъ времени и его точно также станутъ чествовать, и мысленно подбиралъ выраженія, въ какихъ будетъ благодарить за приносимыя ему поздравленія.

Церера была въ очень неловкомъ положеніи, занимая почетное мѣсто рядомъ съ гофмаршаломъ. Тотъ, примѣтивъ что она рѣшительно ни о чемъ не въ состояніи говорить, вовсе пересталъ ею заниматься, и они сидѣли молча. Но наконецъ и для нея настала счастливая минута: къ ней подошла ея новая пріятельница, совѣтница, которой гофмаршалъ поспѣшилъ уступить свое мѣсто.

Радость Цереры еще усилилась, когда къ нимъ присоединилась Белла, которая, не смотря на то, что въ этомъ обществѣ было много ей равныхъ, отъ всѣхъ отличалась своей наружностью и манерами. Она была въ высшей степени любезна съ Церерой и, взявъ ее подъ руку, отправилась съ ней въ оранжерейную залу, гдѣ было выставлено роскошное приданое невѣсты. Имъ встрѣчались многіе, уже возвращавшіеся оттуда; всѣ громко выражали свой восторгъ и удивленіе, а на нѣкоторыхъ лицахъ виднѣлась и зависть.

Церера никакъ не умѣла справиться со своимъ длиннымъ шлейфомъ, между тѣмъ какъ Белла, граціозно приподнявъ его обѣими руками, ступала легко и свободно, какъ будто несся на облакахъ.

Русскій князь очень любезно привѣтствовалъ Зонненкампа и подаль ему руку. Зонненкампъ не помнилъ себя отъ радости, какъ вдругъ князь произнесъ нѣсколько словъ, которыми точно облилъ его холодной водой.

— А я и позабылъ спросить васъ о торгѣ невольниками! Боюсь, что когда соберусь въ Америку, тамъ уже совсѣмъ выведется этого рода промышленность.

Вслѣдъ за тѣмъ князю представили генерала, и Зонненкампъ остался одинъ, чувствуя себя какъ-то въ сторонѣ отъ всего этого общества. Однако лице его просвѣтлѣло, когда онъ увидѣлъ, какъ дружески Белла прогуливалась съ его женой.

— А вы еще и не подходили къ графинѣ, сказалъ Зонненкампъ Эриху.

— О, у меня совсѣмъ другое въ головѣ, отвѣчалъ тотъ. Желалъ бы я знать, съ какимъ видомъ нашъ новый дворянинъ приказывалъ своимъ слугамъ: «Иоганъ, Петръ, Михель! начиная съ сегодняшняго дня, зовите меня барономъ!» Какъ онъ долженъ самому себѣ казаться смѣшнымъ!

— Титулъ доктора вѣроятно очень звученъ, злобно проворчалъ Зонненкампъ: и люди, конечно, съ нимъ родятся.

Слова Эриха раздражили Зонненкампа, и онъ охотно прогналъ бы его отъ себя. Но приближеніе Беллы снова возвратило ему хорошее расположеніе духа.

— Знаете ли, господинъ Зонненкампъ, сказала она, къ чему насъ сюда пригласили и что означаетъ все это празднество? Мы здѣсь сегодня на крестинахъ. Виноторговецъ долго домогался чести попасть въ дворяне, и наконецъ принесъ въ жертву дочь. Герцогу ничего болѣе не оставалось, какъ дать ему желаемое, но онъ при этомъ сыгралъ съ нимъ отличную шутку. Не въ

высшей ли степени забавно: онъ далъ ему названіе барона фонъ-Эндлихъ ¹⁾?

И она съ большимъ юморомъ начала рассказывать, какъ было бы смѣшно, еслибъ престарѣлый крестникъ вдругъ возопилъ: «Я не хочу твоего имени, дайте мнѣ другое!» Потомъ Белла, обратясь къ Эриху, стала остроумно и въ тоже время очень зло описывать всѣхъ гостей. Особенно досталось отъ нея группѣ молодыхъ дѣвицъ, по наружности которыхъ, говорила она, видно, до какой степени тяготятъ ихъ роскошныя прически изъ локоновъ. Белла утверждала, что два парикмахера изъ сосѣдняго города съ утра разѣзжали по дачамъ, по-очереди причесывая собиравшихся на праздникъ молодыхъ дѣвушекъ. Она очень смѣшно передразнивала, какъ тѣ, одна у другой, спрашиваютъ: «скажите пожалуйста, на мѣстѣ ли у меня шиньонъ»? Не пощадила она также и высокаго худоцаваго англичанина, у котораго была очень толстая жена и три тоненькія дочери съ длинными локонами и черезъ - чуръ въ пестрыхъ платьяхъ. Этотъ англичанинъ жилъ зимой въ столицѣ, а лѣтомъ на дачѣ, гдѣ цѣлые дни удилъ рыбу, а дочери его постоянно рисовали. Онъ слылъ за богача, который страннымъ образомъ составилъ себѣ состояніе. Братъ его жены былъ много лѣтъ тому назадъ сосланъ въ Ботани-Бей и, какъ ловкій купецъ, вскорѣ устроилъ вывозъ оттуда разныхъ товаровъ, что и послужило основаніемъ громаднаго богатства семьи.

Белла была очаровательна, и Эрихъ началъ чувствовать себя передъ ней виноватымъ. Онъ слушалъ грубый отзывъ доктора и позволилъ ему непочтительно о ней говорить, самъ ни слова не сказавъ въ ея защиту. Теперь онъ взглядомъ какъ бы просилъ у ней прощенія. Белла осталась имъ довольна; оживленіе ея и веселость усилились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красота ея получила новый блескъ. Она явно оказывала Эриху предпочтеніе передъ всѣмъ собраннымъ здѣсь обществомъ.

Вскорѣ къ ихъ кружку присоединился также и Клодвигъ. Онъ не могъ надивиться тому, какое разнообразіе личностей и характеровъ встрѣчалось на берегахъ Рейна. Маіоръ стоялъ не много въ сторонѣ и такъ смотрѣлъ на Зонненкампа, какъ будто хотѣлъ сказать: «Прошу тебя, не дѣлай и ты того же, останься съ нами. Никакіе конфеты не доставили бы фрейленъ Милькъ твоего удовольствія, какъ еслибъ я, вернувшись отсюда, могъ ей сказать: то, что говорятъ о Зонненкампѣ—не правда!» Фрейленъ Милькъ какимъ-то образомъ провѣдала тайну, которую такъ тщательно старались отъ всѣхъ скрыть.

¹⁾ Endlich, т. е. наконецъ.

Эрихъ сжалился надъ маіоромъ и подошелъ къ нему. Тотъ не замедлилъ открыть ему причину своей печали.

— Это все равно, сказалъ онъ, какъ еслибъ христіанинъ перешелъ въ турецкую вѣру!... Нѣтъ, вы не смѣйтесь, фрейленъ Милькъ правду говорить. Вонъ теперь все это громадное богатство, собранное съ такимъ трудомъ, переходитъ къ знати, покидаетъ насъ и не хочетъ болѣе имѣть съ нами ничего общаго.

Эрихъ украдкой пожалъ маіору руку, а этотъ внезапно спросилъ:

— Гдѣ Роландъ?

— Да, гдѣ Роландъ? Онъ тотчасъ послѣ прибытія куда-то скрылся и больше не показывался.

Между тѣмъ настала вечеръ. Въ кустахъ раздалась духовая музыка. На мгновеніе всѣ умолкли, а затѣмъ принялись, точно возбуждаемые музыкой, разговаривать съ новымъ воодушевленіемъ.

Эрихъ искалъ Роланда, но ни отъ кого не могъ узнать, гдѣ находится мальчикъ.

Музыка въ саду умолкла; стало совершенно темно. На балконѣ дома появился одѣтый въ средневѣковое платье трубачъ и протрубилъ сигналъ, по которому гости начали собираться въ большую залу и въ смежныя съ ней комнаты. Тамъ рядами стояли стулья, а впереди ихъ два большія кресла, убранныя цвѣтами, для молодыхъ. За ними было расположено еще нѣсколько креселъ, предназначаемыхъ для самыхъ почетныхъ гостей. Церера получила мѣсто возлѣ Беллы. Фрейленъ Пэрини, ловко пробравшись сквозь толпу, подошла къ ней и тихонько дернула ее за бѣлый плащъ. Церера поняла знакъ, и взгляды гостей, до тѣхъ поръ обращенныя на молодыхъ, мгновенно устремились на нее. Такого роскошнаго наряда никто никогда не видѣлъ. На Церерѣ былъ уборъ изъ брильянтовыхъ волосевъ, и кромѣ того платье ея было обильно усыяно еще брильянтами и жемчугомъ. Въ толпѣ пронесся говоръ, который долго не умолкалъ, а Церера неподвижно стояла близъ своего стула, пока Белла не попросила ее сѣсть. Графиня съ улыбкой смотрѣла на пышный уборъ своей сосѣдки. «Американка, думала она, можетъ по произволу украшать себя брильянтами, но что можетъ сравниться съ такой шеей, съ такими плечами, какъ у ней, у Беллы?»

Вдругъ одна изъ стѣнъ залы поднялась вверхъ: это оказалось не что иное, какъ занавѣсъ. На сценѣ появились виноградари и молодыя дѣвушки, которыя пѣли и декламировали похвалы дому «виннаго графа» и въ заключеніе поднесли молодымъ миртовый вѣнокъ. За тѣмъ занавѣсъ опустился, всѣ начали подниматься съ мѣстъ, но раздался чей-то голосъ: «Подождите, не

уходите!» и гости снова усѣлись. Занавѣсъ вторично поднялся и открылъ Аполлона, окруженнаго пастухами и виноградарями. Аполлона изображалъ Роландъ. Публика дважды требовала повторенія этой картины, которая возбудила всеобщій восторгъ. Всѣ были въ особенности поражены изумительной красотой Роланда.

Белла съ улыбкой взглянула на стоявшаго близъ нея Эриха, но тотъ казался смущеннымъ. Какъ это подѣйствуетъ на Роланда? думалъ онъ, и какъ могъ мальчикъ это отъ него скрыть? Но вскорѣ самъ Роландъ явился посреди гостей въ своемъ обыкновенномъ платьѣ и былъ осыпанъ похвалами. Его чуть не носили на рукахъ. Церерѣ тоже пришлось выслушать не мало поздравленій по поводу необыкновенной красоты ея сына. Многие выразили снова сожалѣнiе, что не видятъ на праздникѣ также и ея дочери. Церера на все неизмѣнно отвѣчала: «Благодарю васъ, вы очень добры». Ее этому научила фрейленъ Пэрини.

Затѣмъ открылись двери въ другія залы, гдѣ были накрыты столы. Гости размѣстились по мѣстамъ.

Роландъ, подойдя къ Эриху, сказалъ ему:

— Ты одинъ мнѣ ничего не говоришь.

Эрихъ молчалъ.

— Ахъ, продолжалъ Роландъ: еслибъ ты зналъ, какого мнѣ стоило труда отъ тебя это скрывать и быть внимательнымъ за уроками! Но я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

Эрихъ увидѣлъ, что лучше всего не придавать этому событiю никакого значенiя и тѣмъ самымъ ослабить впечатлѣнiе, какое оно могло произвести на мальчика. Онъ только посоветовалъ Роланду не пить много вина, а тотъ былъ такъ счастливъ, такъ всѣмъ доволенъ, что, не возражая, сѣлъ возлѣ Эриха, намѣреваясь показать ему на дѣлѣ свою умѣренность. А ему между тѣмъ было приготовлено мѣсто за столомъ молодыхъ.

Живыя картины устраивалъ Пранкенъ вмѣстѣ съ живописцемъ, гостившимъ у «виннаго графа». Онъ былъ въ этотъ вечеръ какъ-то необыкновенно задумчивъ. Его уже преслѣдовала мысль, что онъ могъ бы жениться на прекрасной дочери «виннаго графа». Отъ этого новаго дворянства тоже пахло свѣжимъ лавомъ, но за то здѣсь все было болѣе на чистоту. У него даже мелькнула мысль о будущей молодой вдовѣ, которая можетъ опять сдѣлаться женой, но онъ поспѣшилъ отогнать соблазнъ, вызвавъ въ себѣ воспоминанiе о своей любви въ Маннѣ.

Пранкенъ, въ качествѣ друга дома и товарища жениха, предложилъ тостъ за молодыхъ. Онъ при этомъ произнесъ небольшую, но очень милую юмористическую рѣчь. Всѣ были довольны и веселы.

Вдругъ выстрѣлъ изъ мортиры возвѣстилъ о началѣ фейерверка. Гости поспѣшили въ садъ и на веранду.

ГЛАВА X.

ФЕЙЕРВЕРКЪ.

Эрихъ не замѣтилъ, какъ Белла вдругъ очутилась около него.

— Вы сегодня необыкновенно задумчивы, сказала она ему тихо.

— Я не привыкъ къ шумнымъ и веселымъ сборищамъ.

— Мнѣ все казалось, что вы мнѣ что-то хотите сказать, прибавила она еще тише.

Эрихъ молчалъ. Белла продолжала:

— Не кажется ли вамъ, когда вы бываете въ большомъ обществѣ, что вы точно заброшены на чужбину, — точно плывете по большой рѣкѣ и боретесь съ волнами, которыя васъ то и дѣло заливаютъ?

«А, браво!» послышалось со всѣхъ сторонъ. На воздухъ взлетѣла ракета и разсыпалась яркимъ снопомъ. Въ тоже время заиграла музыка, а въ горахъ ей, какъ эхо, отвѣтилъ звукъ трубы. На берегу рѣки стояли толпы народа, собравшагося изъ сосѣднихъ городовъ и деревень посмотреть на фейерверкъ.

— Ахъ! воскликнула Белла, когда все снова погрузилось въ мракъ. Мы всё не что иное какъ жалкіе рабы! Вотъ, еслибъ такъ пожить, — какъ ракета взлетѣтъ на воздухъ и вспыхнуть яркимъ пламенемъ, а затѣмъ наступай ночь, приходи смерть: онѣ болѣе не страшны!

Эрихъ вздрогнулъ. Онъ самъ не зналъ, какимъ образомъ рука Беллы очутилась въ его рукѣ. Но вотъ на горахъ и на рѣкѣ опять сверкнули и взвились къ небу огни. Эриху казалось, что всё здѣсь собранные люди непременно должны увидѣть, какъ онъ держитъ за руку Беллу, и онъ быстро отступилъ назадъ. Къ графинѣ подошелъ русскій князь и подаль ей руку. Эрихъ остался одинъ и видѣлъ, какъ Белла, опираясь на князя, ходила взадъ и впередъ по дорогѣ передъ домомъ. Онъ не могъ припомнить, дѣйствительно ли громко сказалъ Беллѣ: «люблю тебя!» или только мысленно произнесъ эти слова. А между тѣмъ въ воздухѣ безпрестанно трещали ракеты, летали звѣзды, вертѣлись колеса и щиты съ вензелями молодыхъ. Въ заключеніе, съ одной изъ лодокъ на Рейнѣ взлетѣлъ на воздухъ громадный

золотистый снопы и разсыпался дождемъ огненныхъ шаровъ. Музыка не переставала гремѣть, и съ берега неся радостный гулъ, какъ будто волны внезапно получили голосъ и заговорили. У Эриха голова пошла кругомъ; онъ едва сознавалъ, гдѣ онъ и кто онъ. Вдругъ чья-то рука слегка коснулась его плеча. Онъ обернулся и увидѣлъ Клодвигъ. Какъ охотно бросился бы Эрихъ передъ нимъ на колѣни! Онъ чувствовалъ себя недостойнымъ говорить съ графомъ и далъ себѣ слово, что скорѣй пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ еще разъ доведеть себя до подобнаго состоянія.

Клодвигъ завелъ рѣчь о Роландѣ, говоря, что не одобряетъ намѣренія Зонненкампа ввести мальчика въ новую и совершенно чуждую для него сферу. Эрихъ отвѣчалъ разсѣянно. Клодвигъ полагалъ, что ему извѣстны планы Зонненкампа, а Эрихъ думалъ, что графъ говоритъ о назначеніи Роланда къ военной службѣ. Къ тому же онъ былъ такъ смущенъ и произносилъ такія несвязныя рѣчи, что Клодвигъ почувствовалъ нѣкоторое безпокойство и посовѣтовалъ своему молодому другу, не брать на себя такъ много и вообще спокойнѣе смотрѣть на вещи.

Эрихъ рѣшился не прощаться съ Беллой.

Было уже поздно, когда Зонненкампъ съ семействомъ отправился домой. Теперь къ нимъ присоединилась еще совѣтница съ мужемъ; они предполагали переночевать на виллѣ.

Совѣтница сидѣла въ одномъ экипажѣ съ Пранкенемъ и Зонненкампомъ. Сначала они совершенно естественно разговаривали о праздникѣ и о томъ, какъ наконецъ утасла знаменитая фирма торговаго дома. «Винный графъ» хотѣлъ окончательно продать съ публичнаго торга весь свой огромный запасъ вина. Затѣмъ совѣтница сказала, что Белла ей сообщила о своемъ намѣреніи пригласить къ себѣ мать и тетку Эриха. Пранкенъ сдѣлалъ видъ, будто это ему уже извѣстно, тогда какъ на дѣлѣ онъ былъ въ высшей степени удивленъ. Совѣтница, пользуясь тѣмъ, что они были одни, объявила, что никто болѣе профессорши не можетъ содѣйствовать возведенію Зонненкампа въ дворянское достоинство. Окончательно здѣсь ничего не было рѣшено, но само собой разумѣлось, что Зонненкампу нужно постараться предупредить Беллу и немедленно пригласить мать и тетку Эриха къ себѣ, на виллу Эдемъ.

Зонненкампъ про себя лукаво улыбался. У него сложился въ головѣ еще и другой планъ, для котораго тоже нужна была профессорша. Генераль нѣсколько разъ повторялъ, что мать Эриха находилась въ тѣсной дружбѣ съ его сестрой, настоятельницай

монастыря, возвышавшагося на островѣ. Такимъ образомъ, Зонненкампу предстояла двойная работа.

Въ послѣдней каретѣ сидѣли Эрихъ и Роландъ. Оба молчали; экипажъ медленно подвигался впередъ. Вдругъ чей-то голосъ закричалъ: «Добраго вечера, капитанъ!» Эрихъ приказалъ остановиться. То былъ бочарь, сынъ ловчаго. Онъ шелъ по одной съ ними дорогѣ и передалъ Эриху поклонъ отъ магистра Кнопфа изъ Маттенгейма. Бочарь ходилъ просить Кнопфа явиться въ судъ, чтобъ быть свидѣтелемъ въ пользу его отца.

Роландъ протеръ глаза и съ удивленіемъ смотрѣлъ вокругъ. Онъ пригласилъ бочара сѣсть къ нимъ въ экипажъ. Тотъ поблагодарилъ и рассказалъ, какъ онъ дордогой любовался на фейерверкъ. Возвращаясь изъ Маттенгейма, онъ только-что вышелъ изъ лѣсу, какъ вдругъ внизу, на Рейнѣ, сверкнули огни и взвились къ небу. Онъ остановился именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эхо повторяло выстрѣлы изъ мортиры. На прощанье бочарь Эриху подалъ руку, а Роланду—нѣтъ.

Когда они ѣхали далѣе, Роландъ сказалъ:

— Клаусъ въ своей тюрьмѣ, можетъ быть, тоже слышалъ выстрѣлы и видѣлъ фейерверкъ. Ахъ, у него нѣтъ даже собаки, съ которой бы онъ могъ поговорить! Какъ часто сожалѣлъ я его, потому что онъ цѣлые дни и ночи принужденъ былъ ходить по полямъ! А теперь онъ безъ сомнѣнія и этой усталости былъ бы радъ! Онъ сидитъ въ тюрьмѣ, а въ поляхъ все растетъ и зрѣетъ. Хорьки и лисицы знаютъ, что нивому такъ хорошо, какъ ловчему, не извѣстны ихъ норы. Нѣтъ, я увѣренъ, что онъ не виноватъ! Зачѣмъ это на свѣтѣ столько бѣдныхъ и несчастныхъ? Отчего всѣ не могутъ благоденствовать?

Эрихъ въ первый разъ увидѣлъ себя вынужденнымъ предостеречь Роланда, чтобъ онъ не проговорился при отцѣ о своихъ сожалѣніяхъ на счетъ Клауса и вообще всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ. Но въ тоже время Эрихъ почувствовалъ большое облегченіе: похвалы, какими осыпали Роланда послѣ его участія въ живыхъ картинахъ въ роли Аполлона, нисколько ему не повредили.

ГЛАВА XI.

УЯЗВЛЕННОЕ СЕРДЦЕ.

«Чтоъ сталося бы съ нами, еслибъ мы были внезапно призваны въ суду, передъ которымъ раскрылись бы всѣ наши тайныя мысли?»

Такъ писалъ Эрихъ въ отвѣтъ на изящную записку, полученную имъ отъ Беллы. Она просила его прислать ей платье, въ которомъ начала изображать его на портретѣ и которое ей теперь понадобилось для окончательной отдѣлки рисунка. Эриха особенно поразила подпись графини подъ ея запиской. Тамъ стояло только имя Беллы, безъ фамилин, которую замѣнялъ вопросительный знакъ дважды перечеркнутый: точно ее взяло раскаяніе, и она хотѣла изгладить знакъ, но знакъ все-таки оставался видѣнь.

«Чтоъ сталося бы съ нами, еслибъ мы были внезапно призваны въ суду, передъ которымъ раскрылись бы всѣ наши тайныя мысли?»

Белла вздрогнула. Она стояла ни жива, ни мертва, устремивъ глаза въ землю и положивъ руку на одежду молодого человека. Въ эту минуту передъ ней вдругъ воскресла и пронеслась вся ея прошлая жизнь.

Дни дѣтства представляли ей мало воспоминаній. Учителя хвалили ее за быстрые успѣхи. При ней была нянька французженка, которую рано замѣнила строгая и чопорная англичанка. Белла легко научилась языкамъ, а хорошія манеры казались у ней врожденными. Она уже съ малыхъ лѣтъ всѣхъ удивляла своими остроумными выходками. Ихъ повторяли, это льстило ея самолюбію и съ дѣтства убивало въ ней простоту и искренность.

Женщины и мужчины, которые посѣщали ея родителей, или встрѣчались съ нею въ постороннихъ домахъ, громко въ глаза восхваляли ея красоту. Она конфирмовалась, но этотъ священный обрядъ былъ въ ея глазахъ только знаніемъ того, что ей настало время повинуть дѣтскую и замѣнить короткія платья длинными. Приближаясь къ алтарю, она больше всего думала о своей красотѣ. Наканунѣ епископъ обѣдалъ въ домѣ ея отца, ласково съ ней разговаривалъ и утратилъ въ ея глазахъ то таинственное величіе, которымъ поражалъ другихъ. Въ церкви она казалась самой себѣ главнымъ лицомъ, средоточіемъ всего.

На слѣдующую зиму отецъ уступилъ ея желаніямъ, и Белла, всего четырнадцатилѣтняя дѣвочка, начала выѣзжать въ свѣтъ.

Она была блестящее, очаровательное созданье. Всѣ говорили, что отъ нея вѣетъ ароматомъ юности, который невольно возбуждаетъ восторгъ. Но уже и тогда въ ней проглядывала холодность и ее въ шутку называли русалкой. Въ глазахъ ея сверкала огонь, который никого не грѣлъ. Самъ герцогъ обратилъ на нее вниманіе, и Белла какъ святыню хранила съ перваго придворнаго бала карточку съ именами танцовавшихъ съ ней кавалеровъ и укладшій букетъ.

Съ этого времени жизнь ея была безконечною цѣпью побѣдъ. Блестящая остроуміемъ, имѣя на все всегда готовый отвѣтъ, Белла сдѣлалась душой общества. Въ дѣтствѣ всѣ хвалили красоту ея лица, теперь ей въ глаза и за глаза превозносили ея необыкновенный умъ, стараясь при этомъ, чтобъ похвалы непремѣнно доходили до нея. Ее вызывали на остроумные разговоры и потомъ съ восторгомъ повторяли то или другое изъ ея замѣчаній. Ея многочисленныя познанія, блестящая игра на фортепіано, а болѣе всего талантъ къ живописи возбуждали всеобщее удивленіе. Маменьки наперерывъ ставили ее въ примѣръ дочкамъ.

Шестнадцать лѣтъ она имѣла уже многихъ жениховъ, и слыша о свадьбѣ того или другого изъ своихъ знакомцевъ, обыкновенно улыбалась, думая, что отъ нея зависѣло бы имѣть его для себя. Мать охотно выдала бы ее замужъ, но отецъ не желалъ такъ рано съ ней разставаться и къ тому же все надѣялся, что за нее посватается какой-нибудь принцъ изъ младшей линіи герцогаго дома.

Въ день рожденія Беллы, когда ей минуло семнадцать лѣтъ, ея многочисленныя поклонники устроили ей рано утромъ серенаду. Пробужденная звуками военной музыки, она широко раскрыла глаза и въ нихъ въ первый разъ отразилась мысль, которая потомъ ужъ болѣе ее не покидала. «Я не вѣрю въ любовь», думала она. «Любовь, воспѣваемая въ пѣсняхъ, есть не что иное, какъ пустая фраза!» Уроки матери не мало способствовали къ тому, чтобъ искоренить изъ сердца дѣвушки всякое нѣжное чувство. Она постоянно повторяла дочери: «Все счастье жизни заключается въ томъ, чтобъ занимать высокое положеніе въ свѣтѣ.» Белла сама никогда никого не любила, но въ то же время ей была невыносима мысль, чтобы кто-нибудь могъ въ свою очередь ей противиться. Двоюродная сестра ея матери, съ своей стороны, полусерьезно, полушутливо, съ легкимъ оттънкомъ горечи, часто говаривала Беллѣ: «истинною можно назвать только ту любовь, которая обращается къ человѣку, не высоко стоящему въ свѣтѣ. Еслибъ ты полюбила художника, въ мастерской котораго ты работаешь, или одного изъ твоихъ учителей—тогда лю-

бовъ твоя была бы искренна.» Но Белла считала столь же невозможнымъ полюбить учителя, какъ и лакея въ ливреѣ, или существо совсѣмъ другой породы, чѣмъ она, напримѣръ лошадь, или какое-нибудь другое животное.

Въ достопамятный день, когда она достигла семнадцатилѣтняго возраста, у Беллы впервые явился холодный, стеклянный взглядъ, придававшій ей сходство съ головой Медузы,—взглядъ, который, ни на чемъ не останавливаясь, безучастно скользитъ по людямъ, какъ будто они были тѣни, не заслуживающія никакого вниманія. Никто этого не замѣтилъ, а между тѣмъ въ Беллѣ совершилось что-то ужасное: въ ней окончательно замерло всякое чувство съ тѣмъ, чтобъ болѣе никогда не пробудиться.

Ей не было еще двадцати лѣтъ, когда у нея умерла мать, и Белла, по истеченіи траурнаго года, явно стала удаляться отъ свѣта. Она еще изрѣдка посѣщала общество, но это повидимому составляло для нея тяжелую обязанность. Она занималась наукой, музыкой, живописью и водила знакомство съ артистами, учеными и дипломатами. Черты лица ея и взглядъ точно застыли, а остроумныя рѣчи Беллы производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что она произносила ихъ глухимъ, точно мужскимъ голосомъ, который находился въ странномъ противорѣчій со всей ея наружностью.

Не мало шуму надѣлало въ свѣтѣ то обстоятельство, что Беллѣ наконецъ удалось преодолѣть сопротивленіе родителей, которые ни за что не хотѣли, чтобъ ея младшая сестра вышла за мужъ прежде нея. Сопровождая сестру къ алтарю, она съвозъ ея свадебный вуаль видѣла, какъ пристально были устремлены на нее черные глаза одного недавно овдовѣвшаго генераль-адъютанта. Губы ея презрительно сжимались, и она думала про себя: «Напрасны хлопоты, ты меня не получишь!» Терзать, мучить и разбивать сердца было для нея наслажденіемъ. «Я охотно вышла бы замужъ—говорила она отцу—еслибъ было возможно дѣлать то, чего въ глубинѣ души все-таки не желаешь. Я рѣшительно не въ силахъ приблизиться къ алтарю и сказать *да*, которое связываетъ на всю жизнь, до самой смерти!... Когда сестра произнесла это слово, меня охватилъ невообразимый ужасъ, и я едва не закричала: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я право не могу поручиться, чтобъ у меня въ самую рѣшительную минуту не вырвалось передъ алтаремъ, вмѣсто *да*, — нѣтъ».

Белла сама предложила себя въ спутницы больной принцессѣ, которая на годъ отправлялась на Мадеру. Принцесса умерла, Белла вернулась и узнала, что сватавшійся за нее генераль-

адъютантъ въ ея отсутствіе женился. Выслушавъ это извѣстіе, она улыбулась, но внутренно ее терзала досада. Белла никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что поклонники ея мало-по-малу оставляли ее для другихъ.

Она вторично, но уже самостоятельно, отправилась путешествовать въ обществѣ двухъ англичанокъ. Лутцъ, теперешній бурьеръ Зонненкампа, состоялъ тогда въ этой самой должности при ней. Белла посѣтила Италію, Грецію и провела цѣлую зиму въ Константинополѣ. А въ столицѣ злые языки говорили, будто она ищетъ для себя человѣка съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, не заботясь о томъ, каковъ онъ въ другихъ отношеніяхъ. Угвѣряли даже, будто она выходитъ замужъ за пашу. Но Белла вернулась и стала появляться въ обществѣ въ бархатныхъ платьяхъ.

За нее посватался Клодвигъ, и она, во всеобщему удивленію, приняла его предложеніе. Приготовленія къ свадьбѣ и самая свадьба совершились очень быстро, всего въ теченіи четырехъ недѣль. Белла съ мужемъ тотчасъ же уѣхали въ Вольфсгартенъ. Замужество не произвело въ ней ни одной изъ тѣхъ переибытій или дополненій, каковымъ обыкновенно подвергается женщина. Да и что могло бы оно докончить въ Беллѣ? Она уже успѣла со всѣмъ созрѣть и теперь была настолько счастлива, насколько ей то позволяла ея натура. Въ мужѣ она нашла истинное благородство души, которое до тѣхъ поръ тщетно искала.

Белла первый разъ въ жизни была спокойна, кротка, довольна собой и другими. Дни ея шли тихо и однообразно. Клодвигъ оставался къ ней по прежнему нѣженъ и внимателенъ. Ничто не могло сравниться съ ясностью души и съ постоянствомъ этого человѣка въ его частной жизни. Но, въ высшей степени мягкій и деликатный въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, онъ бывалъ вспыльчивъ и рѣзокъ, когда дѣло доходило до обсуживанія вопросовъ и явленій общественной жизни. Белла называла эту вспыльчивость благороднымъ и справедливымъ негодованіемъ. «Клодвигъ, говорила она, получивъ отъ природы неисчерпаемыя богатства ума и сердца, тяготится изнѣженностью своего вѣка, преисполненнаго мелкихъ, эгоистическихъ заботъ. Онъ осужденъ влачить жизнь посреди мелочной обстановки крошечнаго государства, тогда какъ все въ немъ влечетъ его къ болѣе широкому существованію и требуетъ для него дѣятельности на болѣе обширномъ поприщѣ.»

Самъ Клодвигъ часто сѣтовалъ на себя за то, что въ теченіе всей своей жизни держался ошибочнаго мнѣнія, будто бы всякая идея сама за себя стоитъ, сама собой вырабатывается и достигаетъ своего полнаго развитія. Теперь же онъ слышомъ

поздно убѣдился, что во всякомъ дѣлѣ самое лучшее идти на проломъ, то-есть дѣйствовать смѣло и рѣшительно, ни на что не обращая вниманія. Но лишь только Клодвигъ опять сходилъ съ людьми, а именно являлся во двору, онъ снова дѣлался мягокъ и снисходителенъ. Онъ восхищался талантами своей жены, во тѣмъ не менѣе по временамъ вротко порицалъ ея поверхностныя и не всегда искреннія сужденія. Въ этихъ случаяхъ, Белла обыкновенно возмущалась, но одного взгляда на прекрасное, честное, обрамленное сѣдинами лице Клодвига, бывало достаточно для того, чтобъ ее успокоить. Ей было пріятно знать самой и убѣждать въ томъ другихъ, что она хорошо сумѣла устроить жизнь такого замѣчательнаго и достойнаго человѣка, какъ графъ Клодвигъ. Ей было хорошо извѣстно, что за ней слѣдятъ, и она надѣялась, что свѣтъ оцѣнитъ ея поведеніе.

Но вотъ въ ея мирный кружокъ вступилъ человѣкъ, который началъ самоувѣренно распоряжаться ею, ея мужемъ и всѣмъ домоу. Сначала это ее возмутило, и она даже выразила свое неудовольствіе Клодвигу. Она старалась не допустить молодого человѣка поселиться въ сосѣдствѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ графъ, подъ вліяніемъ своего мечтательнаго пристрастія въ Эриху, все болѣе и болѣе восхвалялъ его превосходныя качества, Белла тоже начала поддаваться обаятельной прелести его общества.

Теперь она стояла передъ неоконченнымъ портретомъ, а внутри ея кипѣла злоба. Она думала, что уже покончила со свѣтомъ и его страстями, и вдругъ ее охватило это незрѣлое, безумное чувство (она называла его незрѣлымъ и безумнымъ), и она не могла съ нимъ совладать. И отъ чего все это? Не потому ли, что онъ оскорбилъ ея самолюбіе? Не потому ли, что ей еще въ первый разъ приходится видѣть, какъ отталкиваютъ руку, которую она милостиво протягиваетъ? Ея большія глаза метали молніи. Тотъ, кто видѣлъ бы ее въ эту минуту, былъ бы пораженъ ея изумительнымъ сходствомъ съ головой Медузы.

Она быстрыми шагами вышла изъ мастерской и отправилась въ свою уборную. Тамъ она остановилась передъ зеркаломъ, распустила свои роскошныя волосы и устремила взоръ на собственное отраженіе. На ея крѣпко сжатыхъ губахъ лежалъ вопросъ: «Или я уже такъ стара?» губы ея раскрылись, какъ у больного горячкой, или страждущаго сильной жаждой. Въ глазахъ ея мелькнулъ радостный свѣтъ. «Нѣтъ, ты все еще прекрасна! шептала она: въ тебѣ настолько свободнаго духа, что ты можешь смотрѣть на себя, какъ на постороннюю, и произнести о самой себѣ безошибочное сужденіе. Но откуда же это незрѣлое чувство, это безумное волненіе?»

Она взялась обѣими руками за длинныя пряди своихъ волосъ и сложила ихъ подъ подбородокъ. Тутъ она въ первый разъ примѣтила въ себѣ сходство съ бюстомъ Медузы, и испугалась.

— Хорошо же, сказала она: — Я буду Медузой, я разобью его, уничтожу и превращу въ камень! Онъ будетъ валяться у меня въ ногахъ, а я тогда съ презрѣнiемъ его отъ себя оттолкну!

Она даже сдѣлала легкое движенiе ногой, но вдругъ закрыла лицо руками, и изъ глазъ ея заструились слезы.

— Прости! воскликнула она: прости меня за гордость и гнѣвъ! Въ ней боролись отчаянiе и страсть, гордость и смиренiе, и въ глубинѣ ея души внезапно растаяло все то, что застыло въ ней много лѣтъ тому назадъ при звукахъ утренней серенады. Въ ней пробудилось стремленiе къ чему-то прекрасному и речному. Чувства ея были тѣже, что у ребенка, который въ падѣнiи гнѣва убѣждалъ отъ родителей въ лѣсъ. Онъ вдругъ вспомнилъ о домѣ и ему страстно захотѣлось вернуться туда, гдѣ было такъ тепло и уютно, гдѣ о немъ такъ нѣжно заботились и съ такой любовью за нимъ ухаживали. Но гдѣ этотъ домъ? Гдѣ онъ?

Белла стремилась найти душу, въ которую могла бы излить всю томившую ее тоску.

— Прости меня, прости! воскликнула она опять. Въ первый разъ, эти ея мольбы о прощенiи относились къ Клодвигу, теперь къ Эриху. Прости за гордость! Ты не знаешь, какъ она во мнѣ сильна! Я приношу тебѣ въ жертву болѣе, чѣмъ цѣлая тысяча другихъ женщинъ, болѣе чѣмъ можетъ обнять въ себѣ и удерживать весь мiръ!

Ей вдругъ стало страшно одной. Она позвонила горничную дѣвушку и приказала подать себѣ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ своихъ нарядовъ.

— Скажи, сколько мнѣ лѣтъ? спросила она внезапно. Или ты уже забыла?

Дѣвушка сконфузилась и не нашлась, что отвѣчать.

— Я никогда не была молода, прибавила Белла.

— О, сударыня, вы и теперь еще молоды и никогда не были такъ прекрасны, какъ сегодня.

— Ты находишь? сказала Белла, откинувъ голову назадъ. «Отчего же мнѣ и въ самомъ дѣлѣ не быть хоть разъ въ жизни молодой? думала она. Я — то, чѣмъ должна быть, и пусть свѣтъ узнаетъ, какова я есть.

Она отправилась въ садъ. Ей казалось, будто она заключена

въ тюрьмѣ. Проходя мимо нижняго этажа, гдѣ хранилась коллекція древностей ея мужа, она остановилась.

«Что это? думала она. Что такое всё эти кубки и сосуды? Затвердѣлая зола, прахъ! Все прахъ! Что такое всё эти антикварскія затѣи, это собраніе древностей, эти безконечныя размышленія и толки о человѣчествѣ и о прогрессѣ? Отъ всего этого вѣтъ холодомъ и смертью. Въ этихъ бесѣдахъ подѣ могилой прошлаго нѣтъ ни жизни, ни надежды, ни будущности, ни свѣта! Всюду царствуетъ мракъ, а во главѣ всего стоятъ какія-то идеи. Но я — не прошлое, не идея! Нынѣшній день я хочу и жить настоящимъ!... Горе мнѣ!... Гдѣ я?»

Она вышла въ садъ. Тамъ взоръ ея привлекли двѣ бабочки, которыя, порхая вокругъ цвѣтовъ, другъ друга манили, стаялись, разлетались и опять слетались.

— Вотъ жизнь! воскликнула она. Да, это жизнь! Онѣ не вырываютъ изъ земли древностей и не думаютъ о нихъ.

Въ воздухѣ пронеслась ласточка, схватила на лету одну изъ бабочекъ и скрылась.

— Что случилось, мотылежъ, съ твоей жизнью?

Внизу надъ Рейномъ растлались клубы дыма отъ сновавшихъ взадъ и впередъ пароходовъ.

— Еслибъ и мы, подумала Белла, могли съ такою быстротою исчезнуть! Что мы здѣсь дѣлаемъ? Мы согрѣваемъ нашей кровью эту мертвую землю и сообщаемъ ей жизненность. Наше дыханіе есть не что иное какъ дымъ, и его-то мы называемъ жизнью!...

Мимо прошли, возвращаясь изъ школы, дѣти поселянъ. Они поклонились графинѣ, которая уныло посмотрѣла имъ вслѣдъ.

— Что станетъ съ этими дѣтьми? Къ чему это безумное возобновеніе человѣчества?

Белла, точно стараясь укрѣдиться отъ самой себя, погрузила лицо въ букетъ сорванныхъ ею цвѣтовъ. Она вышла изъ парка на дворъ, гдѣ нѣжно ворковали голуби. Одинъ изъ самцевъ неоступно увивался вокругъ самки, которая съ самымъ равнодушнымъ видомъ клевала зерна, повидимому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на воркованье своего возлюбленнаго. Насытившись, она вспорхнула и усѣлась на крышѣ, гдѣ принялась охорашиваться и носикомъ чистить перья. Самецъ полетѣлъ вслѣдъ за ней, но она опять встряхнула головкой и улетѣла прочь.

По близости, крестьянинъ запрягалъ въ ярмо воловъ. Онъ клалъ имъ на шею сначала мягкіе валики, а потомъ налагалъ на нихъ деревянное ярмо.

— Вотъ онъ — свѣтъ! подумала Белла. Между ярмомъ и

головой кладутъ подушку изъ высокихъ мыслей и готовыхъ чувствованій!

Крестьянинъ удивлялся пристальному взгляду графини, а та между тѣмъ спросила:

— Имъ это не больно?

Онъ не понялъ вопроса; она должна была его повторить, и тогда онъ отвѣтилъ:

— Болъ на то и созданъ, и больше ни о чемъ не имѣть понятія. Съ тѣхъ поръ, какъ баринъ изволилъ отмѣнить двойное ярмо и каждый изъ воловъ получилъ свое отдѣльное, ими стало гораздо труднѣе управлять, но за то они теперь легче ходятъ.

Белла вздрогнула. «Двойное — одиночное ярмо!» звучало у ней въ ушахъ. Ей вдругъ показалось, что настала ночь и что она сама не живое существо, а легкая тѣнь. Этотъ домъ, этотъ садъ, весь мiръ составляютъ часть одного обширнаго призрачнаго мiра, который непременно долженъ исчезнуть.

Въ воздухѣ стояла невыносимая духота. Белла буквально задыхалась. Вдругъ съ высоты подулъ свѣжій вѣтеръ, и на небѣ выдвинулась грозная туча. Белла едва успѣла вернуться домой, какъ засверкала молнія, загремѣлъ громъ и въ окно застучалъ вѣтеръ и крупный градъ.

Белла остановилась у окна и посмотрѣла вдаль. Взоръ ея упалъ на высокiй ясень, вѣтви котораго и самый стволъ сильно качались подъ напоромъ вѣтра. Дерево жалобно склонялось къ дому, точно моля его о помощи. «Оно здѣсь стоитъ уже много лѣтъ, думала Белла, расти и развивается, и никакая буря не можетъ его сломить или разметать его вѣтви. Знаетъ ли оно, что и эта гроза минуетъ, не сдѣлавъ ему вреда, а напротивъ освѣжить его? И я такое же точно дерево. Я твердо стою, и никакая буря, ни молнія, ни громъ не могутъ меня ни сломить, ни сбить съ ногъ.»

— Эрихъ! внезапно вырвалось у нее вслухъ.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ Клодвигъ и сказалъ ей:

— Я тебя, милая жена, вездѣ ищу.

Названiе «милрой жены» точно винзаломъ ударило Беллу въ самое сердце. Клодвигъ показалъ ей письмо, въ которомъ, согласно ея желанiю, приглашалъ профессоршу въ Вольфсгартенъ на нѣсколько недѣль.

— Не посылай этого письма, внезапно сказала Белла. Дай намъ опять пожить спокойно вдвоемъ. Я не хочу новыхъ тревогъ отъ семейства Дорнъ!

Клодвигъ отвѣчалъ, что профессорша не тревоги привезетъ.

съ собой, а пріятное общество. — Къ тому же, прибавилъ онъ, это намъ дастъ также возможность чаще видѣть у себя Эриха.

Белла упустила изъ виду это послѣднее обстоятельство. Она открыла окно; въ комнату ворвался свѣжій порывъ вѣтра. Письмо дрожало у нея въ рукѣ. Вотъ она — буря съ громомъ, молніей и дождемъ! Она пронеслась въ ея сердцѣ и только освѣжила его. Белла согласилась съ мужемъ и сама подтвердила, что общество профессорши будетъ для нея очень пріятно и полезно. На мгновение у ней даже мелькнула мысль во всемъ признаться матери Эриха и просить у нея помощи и опоры. Но тутъ же рядомъ надежда твердила другое: вмѣстѣ съ профессоршей, шептала она, въ Вольфсгартенъ снова явится Эрихъ, и все пойдетъ по прежнему спокойно и гладко.

Белла быстро прибавила къ письму Клодвига также и свое приглашеніе. Она уже собиралась его запечатать, какъ вдругъ пріѣхалъ докторъ, и по просьбѣ Клодвига тоже написалъ нѣсколько словъ.

ГЛАВА XII.

СУДЪ И ОПРАВДАНІЕ.

Еще впечатлѣнія праздника не успѣли улечься, въ глазахъ продолжали мелькать разноцвѣтные огни, а въ ушахъ все еще раздавался трескъ ракетъ и звуки музыки, когда обитатели виллы Эдемъ принуждены были на слѣдующее утро отправиться въ судъ свидѣтелями по дѣлу о воровствѣ.

Франкенъ остался занимать гостей. Онъ взялъ на себя трудъ показать имъ вновь пріобрѣтенную виллу съ виноградниками. Зонненкампъ, Эрихъ, Роландъ, кучеръ Бертрамъ, главный садовникъ, Бѣлка и два ихъ помощника отправились въ городъ, гдѣ происходили засѣданія окружнаго суда. Путь ихъ лежалъ мимо жилища «виннаго графа», новаго барона фонъ-Эндлихъ. Здѣсь еще видѣлись обгорѣлые волья и валялись оставшіяся послѣ фейерверка пороховыя трубки. Домъ былъ запертъ: обитатели его въ первый разъ покоились сномъ дворянъ.

Эрихъ разсказалъ, какъ прекрасно обходился патеръ съ заключенными. Онъ былъ истиннымъ послѣдователемъ великаго ученія, которое предписываетъ не гнущаться падающихъ и заблуждающихся, а протягивать имъ руку помощи. «Виновать или правъ заключенный, говорилъ онъ: все равно, религія хочетъ, чтобъ мы одинаково заботились о тѣхъ и другихъ.» За то докторъ смотрѣлъ на арестъ ловчаго совѣмъ съ другой и нѣ-

сколько забавной точки зрѣнія. Клаусу, говорилъ онъ, весьма полезно провести нѣсколько недѣль подъ крышей.

Но вообще дорогой было мало говорено. Въ городъ они пріѣхали еще заблаговременно. Зонненкамъ пошелъ на телеграфную станцію отправить нѣсколько депешъ, и въ томъ числѣ одну профессоршѣ. Эрихъ и Роландъ еще успѣли немного погулять. Городъ представлялъ довольно оживленное зрѣлище, но они мало обращали вниманія на то, что вокругъ нихъ происходило, и шли молча. Только, проходя по фруктовому рынку, мимо зданія, гдѣ за нѣсколько времени передъ этимъ былъ концертъ, Роландъ остановился. Лицо его оживилось и онъ сказалъ:

— Тогда... не вѣжется ли тебѣ, что съ тѣхъ поръ прошло по крайней мѣрѣ лѣтъ десять?.. Тогда было веселѣе, чѣмъ сегодня... А какъ ты думаешь, въ числѣ пѣвцовъ тоже были плуты и мошенники? И кто знаетъ, можетъ быть гораздо худшіе, нежели тѣ, что сидятъ въ тюрьмѣ!

Эриху было невыразимо грустно отъ того, что мальчику такъ рано пришлось познакомиться съ темными сторонами жизни.

Они достигли зданія суда.

Скамью подсудимыхъ занимали: садовникъ, прозванный Гномомъ, конюхъ и ловчій. Гномъ усердно нюхалъ табакъ, конюхъ дерзко смотрѣлъ вокругъ, а ловчій сидѣлъ, закрывъ глаза рукой. Гномъ имѣлъ хорошо отвормленный, сытый видъ. Пребываніе въ тюрьмѣ принесло ему большую пользу. Его самолюбіе казалось было польщено тѣмъ, что въ залу собралось такъ много зрителей, и онъ глупо таращилъ на нихъ глаза. Конюхъ бросалъ на собраніе презрительныя взгляды. Онъ былъ тщательно завить.

Одинъ Клаусъ смотрѣлъ уныло. Онъ держался нѣсколько въ сторонѣ отъ товарищей, и когда Гномъ къ нему наклонился, намѣреваясь что-то шепнуть, онъ быстро отвернулся. Онъ тоже взглянулъ на собраніе и увидѣлъ въ числѣ зрителей свою жену, двухъ сыновей и дочь, но бочара съ ними не было. Ему показалось, что дѣти его, съ тѣхъ поръ какъ онъ съ ними расстался, успѣли вырасти. Всѣ они явились сюда въ воскресныхъ платьяхъ быть свидѣтелями стыда... нѣтъ, торжества ихъ отца. Клаусъ нетерпѣливо завертѣлся на скамьѣ. Онъ пошевелилъ губами, но не произнесъ ни слова, а только мысленно послалъ женѣ успокоительный привѣтъ: «Не бойся—хотѣлось ему ей сказать—еще часа два времени и мы всѣ вмѣстѣ отправимся домой.»

На скамьѣ свидѣтелей, между тѣмъ, помѣстились: Зонненкамъ, Эрихъ и Роландъ. Послѣдній сидѣлъ между отцемъ и Эрихомъ, къ которому боязливо прижимался. Кнопфъ, расположившійся по другую сторону Эриха, ласково кивнулъ головой Роланду.

Прочли обвинительный актъ. Зонненкампъ, согласно своему желанію, былъ первый допрошенъ и призналъ украденныя вещи за свои. Роландъ быстро выпрямился, когда услышалъ, какъ кратко и спокойно говорилъ его отецъ. Зонненкампъ сначала выразилъ свое состраданіе въ несчастнымъ подсудимымъ, но потомъ прибавилъ, что судъ тѣмъ не менѣе долженъ совершать свое дѣло. Зонненкампа отпустили и позвали къ допросу главнаго садовника.

— Судъ одинаково принимаетъ свидѣтельство всѣхъ людей, шепнулъ Роландъ Эриху, и тотъ понялъ, что мальчикъ хотѣлъ этимъ сказать. Его гордость была на мгновеніе оскорблена тѣмъ, что показаніе садовника могло имѣть точно такую же силу, какъ и свидѣтельство его отца, но онъ быстро побѣдилъ въ себѣ это чувство.

Затѣмъ всталъ Эрихъ. Объявивъ, что Клаусъ дѣйствительно часто съ горечью отзывался о различіи между бѣдными и богатыми, онъ однако выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что онъ неспособенъ ни на какое преступленіе. Когда Эрихъ между прочимъ упомянулъ о вопросѣ ловчаго: что сдѣлалъ бы онъ, еслибъ владѣлъ милліонами? — по всему собранію пронесся шопотъ. Вопросъ этотъ во всемъ мірѣ повторяется на разные лады.

Вызвали Кнопфа. Онъ прежде всего прочелъ письменное заявленіе Вейдемана-отца о томъ, что Клаусъ находился у него въ услуженіи въ теченіи многихъ лѣтъ и всегда отличался безупрочной честностью. Онъ, Вейдеманъ, считаетъ его неспособнымъ не только на воровство, но даже и на самый незначительный обманъ. Кнопфъ съ своей стороны замѣтилъ, что ловчій вообще любитъ доискиваться причинъ различныхъ явленій и часто пускается въ разсужденія о предметахъ, которые ему не подъ силу.

Настала очередь Роланда. Когда онъ подходилъ къ предсѣдательскому мѣсту, Клаусъ кивнулъ ему головой. Мальчика, въ качествѣ несовершеннолѣтняго, не приводили къ присягѣ, но онъ громко и твердо объявилъ, что слово его также вѣрно, какъ клятва. Это произвело на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе. Роландъ призналъ украденныя вещи за свои, подтвердилъ, что комната его отца была занерта, хотя и сдѣлалъ оговорку, что въ теченіи нѣсколькихъ дней близко къ ней не подходилъ. Потому онъ самъ, не будучи никѣмъ спрошенъ, высказалъ свою увѣренность въ невинности ловчаго. Клаусъ при этихъ словахъ приподнялся, такъ что сидѣвшій сзади него полицейскій служитель, долженъ былъ придерживать его за плечо.

Ловчаго еще подозрѣвали единственно въ утайкѣ украден-

ныхъ вещей, но другіе два подсудимые принуждены были сознаться въ преступленіи и старались только отклонить отъ себя обвиненіе въ томъ, что воровство сопровождалось также и взломомъ. Эриха снова потребовали къ допросу, и онъ подтвердилъ, какъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ Клаусъ просилъ, чтобъ ему показали весь домъ. Когда онъ вернулся на мѣсто, Роландъ вдругъ привсталъ и спросилъ:

— Господинъ предсѣдатель, могу ли я сказать еще одно слово?

— Говорите, ласково отвѣчалъ предсѣдатель: говорите все, что хотите.

Роландъ твердыми шагами подошелъ къ нему и голосомъ совершенно взрослому человѣку быстро заговорилъ.

— Вотъ вамъ моя рука въ удостовѣреніе того, что нашъ несчастный обвиняемый собратъ также невиненъ, какъ и бѣдѣлъ. Онъ, правда, часто жаловался на различіе состоянія между людьми, но я передъ Богомъ и людьми завѣряю, что онъ также часто говаривалъ: Да будетъ проклята рука, которая неправильно приобрѣтаетъ богатство! Возможно ли, чтобъ этотъ самый человѣкъ ночью ворвался въ чужой домъ и совершилъ тамъ воровство? Умоляю васъ, оправдайте его: онъ такъ же невиненъ, какъ вы, и какъ я.

Онъ замолкъ, но продолжалъ неподвижно стоять на мѣстѣ. Собраніе слушало, притаивъ дыханіе.

— Имѣете вы еще что-нибудь сказать? спросилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, благодарю васъ! отвѣчалъ мальчишъ, который, по видимому, теперь только очнулся.

Онъ возвратился къ Эриху, который взялъ его за руку и удержалъ ее въ своей. Рука Роланда была холодна какъ ледъ, но вскорѣ согрѣлась отъ теплаго привосновенія Эриха. Кнопфъ тоже пытался пожать своему бывшему воспитаннику руку, но никакъ не могъ ее найти, потому что принужденъ былъ снять очки, которыя затуманились отъ наведенныхъ на его глазахъ слезъ.

Совѣщаніе присяжныхъ не долго продолжалось. Въ числѣ ихъ находился и былъ ими избранъ въ старшины — хозяинъ дома, гдѣ жилъ маіоръ. Вернувшись послѣ кратковременнаго отсутствія, онъ выступилъ впередъ, и положивъ руку на сердце, произнесъ: «виновенъ», противъ Гнома и конюха, — «невиненъ», противъ ловчаго.

Клаусъ уже стоялъ у входа въ судебную залу, окруженный женой и дѣтьми, къ которымъ теперь присоединился и бочаръ. Роландъ съ трудомъ пробрался къ нимъ и вѣжливо пожалъ Клаусу руку. Но ловчій всѣхъ отъ себя отстранилъ, говоря, что прежде всего хочетъ поговорить съ сыномъ Вейдемана, который

былъ однимъ изъ присяжныхъ. Завидѣвъ его выходящимъ изъ залы, онъ бросился къ нему и съ жаромъ просилъ его передать отцу, какъ онъ ему благодаренъ. «Теперь все кончено, все изглажено, говорилъ Клаусъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, какого мнѣнія обо мнѣ господинъ Вейдеманъ!»

Молодой Вейдеманъ подошелъ къ Эриху и поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ сумѣлъ такъ хорошо воспитать Роланда. Книжки подходили еще и многіе другіе и всѣ пожимали имъ руки. Эрихъ попросилъ молодого Вейдемана поклониться отъ него отцу и сказать ему, что онъ собирается въ Маттенгеймъ, гдѣ и навѣститъ его въ самомъ скоромъ времени.

Кнопфъ стоялъ нѣсколько поодаль въ группѣ мужчинъ, которыхъ умолялъ не хвалить Роланда, говоря, что они этимъ могутъ его испортить. Самъ онъ тоже удержался и не подошелъ къ нему даже позжать руки.

Наконецъ, появился Зонненкампъ. Онъ поздравилъ Клауса и сказалъ, что самъ долженъ еще остаться въ городѣ, а потому пусть Эрихъ и Роландъ ѣдутъ на виллу одни. Роландъ предложилъ взять съ собой въ карету Клауса и его семью. Ловчій долго отговаривался, но наконецъ принужденъ былъ сдаться на просьбы Роланда. Онъ сѣлъ въ экипажъ съ женой, а дѣтей послалъ домой пѣшкомъ.

Роландъ съ торжествующимъ видомъ везъ по городу и черезъ деревни оправданнаго Клауса, жена котораго будто стыдилась того, что ѣдетъ въ такомъ роскошномъ экипажѣ. Но самъ Клаусъ, спокойно озираясь волеуругъ, приговаривалъ:

— На поляхъ все отлично и безъ меня взошло, и будетъ точно также расти и цвѣсти, когда я уѣду за море.

И онъ съ жаромъ защищалъ противъ Эриха свое намѣреніе переселиться въ Америку.

ГЛАВА XIII.

МАІОРЪ ОДЕРЖИВАЕТЪ ПОВѢДУ.

Тоже самое солнце, которое сіяло надъ Вольфсгартеномъ, гдѣ Белла такъ жестоко боролась съ собой, свѣтило и севозь опущенныя сторы суда на скамью подсудимыхъ и севозь закрытыя ставни мирнаго жилища профессорши.

Мать Эриха сидѣла въ уголку близъ рояля, рядомъ съ уставленнымъ цвѣтами окномъ. Она работала, а мысли ея были съ сномъ. Ей казалось непонятнымъ, почему именно на долю

Эриха выпала такая странная судьба, почему долженъ онъ былъ избрать такой странный путь въ жизни? Она уныло взглянула на портретъ мужа, и ей показалось, что она слышитъ его отвѣтъ: «Дитя мое!—говорилъ онъ ей—а развѣ наша жизнь, и въ особенности твоя, была менѣе странна? Это переходитъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія въ другому. Но да будетъ намъ утѣшеніемъ, что у сына нашего твердый характеръ и много силы воли: судьба можетъ его сразить, но никакъ не измѣнить.»

Такимъ образомъ успокоивала себя профессорша, и этому не мало способствовали также и письма Эриха. Послѣ перваго страннаго увѣдомленія о томъ, какъ онъ устроился, Эрихъ развѣ навсегда просилъ извинить его, если впередъ письма его будутъ отзываться нѣкоторой поспѣшностью. Онъ хотѣлъ на время забыть все, что лично до него касалось, и весь безраздѣльно отдаться своему новому дѣлу. Только такимъ образомъ могъ онъ надѣяться, что ему удастся какъ слѣдуетъ воспитать Роланда. Вначалѣ онъ часто упоминалъ о Клодвигѣ и о Беллѣ, говорилъ о томъ, какъ ему бываетъ хорошо и свободно въ ихъ обществѣ. Но потомъ имя Беллы почти совсѣмъ исчезло изъ его писемъ, и онъ только изрѣдка передавалъ отъ нея поклоны. Мать не обратила на это вниманія, но отъ тетушки Клавдіи обыкновенно ничто не ускользало. Она рѣдко сама начинала о чемъ либо говорить, но если къ ней обращались съ вопросомъ, у ней всегда бывалъ на все готовый и весьма опредѣлительный отвѣтъ. Когда профессорша, послѣ посѣщенія Клодвига и Беллы, спросила, какое они произвели на нее впечатлѣніе, тетушка Клавдія отвѣчала, что примѣтила въ Беллѣ какое-то странное безпокойство. Вниманіе, съ какимъ она разсматривала юношескій портретъ Эриха, невольно навело ее на мысль, что она къ нему не равнодушна. Профессорша должна была сознаться, что и сама примѣтила нѣчто подобное. Ее особенно поразили настойчивые вопросы Беллы о прошлой жизни Эриха. Но вниманіе ея къ портрету она постаралась объяснить самой себѣ и своей золовкѣ артистическими наклонностями графини. Портретъ былъ очень хорошъ. За него еще недавно предлагали значительную сумму денегъ, желая пріобрѣсти его для одной коллекціи художественныхъ произведеній. А Белла сама отлично рисовала и, безъ сомнѣнія, смотрѣла на портретъ только глазами художницы.

Въ жилищѣ этихъ двухъ женщинъ царствовалъ невозмутимый миръ. Онѣ жили почти также тихо, какъ цвѣты на окнѣ, которые подъ ихъ заботливымъ надзоромъ великолѣпно росли и цвѣли. Однажды почталіонъ принесъ имъ письмо. Адресъ былъ написанъ красивымъ почеркомъ, который служилъ

ярнымъ изображеніемъ личности Клодвига. Каждая буква, каждая черта въ немъ были отчетливо выведены, не изобличая ни поспѣшности, ни излишней старательности, а строки шли на равномъ разстояніи одна отъ другой. Уже одинъ видъ письма Клодвига возбуждалъ пріятное чувство, которое вполне оправдывалось его содержаніемъ. Онъ писалъ, что профессорша его въ высшей степени обяжетъ, если приметъ его приглашеніе и придетъ въ Вольфсгартенъ провести тамъ нѣсколько недѣль. Онъ напоминалъ ей о дружбѣ, связывавшей его съ ея покойнымъ мужемъ, и которая теперь съ такою необычайной силой влекла его въ Эриху. Затѣмъ онъ ссылаясь на свое личное знакомство съ профессоршей и шутливо замѣчалъ, что до сихъ поръ каждое его теплое чувство къ другимъ постоянно встрѣчало самый горячій отвѣтъ: неужели она захочетъ доказать ему возможность противнаго и теперь на старости лѣтъ не пожалѣетъ его пристыдить? Въ заключеніе онъ проситъ у матери своего друга, Эриха, позволенія назвать себя также и ея «другомъ Клодвига». Въ письмѣ не было обычныхъ любезныхъ фразъ, но все въ немъ дышало самой утонченной деликатностью. Внизу Белла крупнымъ и быстрымъ почеркомъ тоже написала нѣсколько словъ приглашенія. Она просила профессоршу и тетужку Клавдію оказать ей честь своимъ посѣщеніемъ и извинялась въ томъ, что на этотъ разъ ограничивается такой коротенькой припиской. Но это потому, что она надѣется въ самомъ скоромъ времени себя вполне вознаградить длинными и дружескими бесѣдами какъ съ профессоршей, такъ и съ тетужкой Клавдіей. Въ заключеніе, она еще просила ихъ захватить съ собой ноты Эриха.

Въ конвертѣ находилось также небольшое письмецо отъ доктора, который, отрекомендовавшись ученикомъ стараго профессора, шутливо предлагалъ госпожѣ Дорнэ свои докторскія услуги. Затѣмъ слѣдовала небольшая фраза, въ которой онъ намекалъ, что для Эриха было бы весьма полезно почаще встрѣчать взоръ матери: онъ нашелъ бы въ немъ и опору и предостереженіе.

Эти послѣднія слова навели на профессоршу глубокое раздумье, и она рѣшилась принять приглашеніе Клодвига. Но въ дверь вторично раздался стукъ и ей подали телеграмму отъ Зонвенгампа.

Едва профессорша успѣла ее прочесть, какъ послышался новый стукъ, и въ комнату вошелъ маіоръ. Профессорша въ первую минуту его не узнала и испугалась, увидя его красное лице, коротко стриженную сѣдую голову и орденскую ленточку въ петлицѣ. Она почему-то приняла его за полицейскаго служителя и мысленно связала его приходъ съ Эрихомъ, который, ей на

минуту показалось, попалъ въ какую-нибудь бѣду. Маіоръ своей неловкостью только еще болѣе усилилъ ея испугъ.

— Сударыня, свазаль онъ, я пришелъ сюда съ цѣлью выполнить надъ вами приговоръ: только онъ заключается не въ изгнаніи васъ изъ эдема, а напротивъ, въ приглашеніи васъ въ садъ Эдема.

Маіоръ былъ очень доволенъ этой фразой, которую придумалъ въ вагонѣ и потомъ въ теченіи всей дороги мысленно повторялъ, изъ опасенія ее забыть. И вотъ, какъ нарочно, она пришлась здѣсь вовсе не кстати. Профессорша такъ дрожала, что не могла даже встать. Маіоръ, замѣтивъ это, воскликнулъ:

— Сидите пожалуйста, чтò за церемоніи со мной! Я не люблю никого тревожить, и мнѣ всегда бываетъ пріятно, когда съ моимъ приходомъ куда-нибудь, никто не двигается съ мѣста. Тогда я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что никому не помѣшалъ. Вѣдь и вы, вѣроятно, также думаете.

— Вы не отъ моего ли сына пріѣхали?

— Отчасти и отъ него. Я, видите ли, если и не изъ лучшихъ людей, то все же и не изъ худшихъ, и во всю мою жизнь никому ни разу не позавидовалъ. Но когда вы заговорили о вашемъ сынѣ, мнѣ положительно стало завидно. Почему и я не могу говорить о своемъ сынѣ? Ахъ, еслибъ у меня былъ такой же сынъ, какъ у васъ!

У профессорши отлегло отъ сердца. Маіоръ вручилъ ей письма отъ Зонненкампа и отъ совѣтницы и просилъ ее ихъ немедленно прочесть, говоря, что она его этимъ избавитъ отъ дальнѣйшихъ объясненій. Профессорша стала читать, а маіоръ, не спуская глазъ съ ея лица, по временамъ одобрительно кивалъ головой.

Затѣмъ профессорша сказала маіору нѣсколько ласковыхъ, пріятныхъ словъ и позвала воловку. Та пришла. Въ комнатѣ открыли ставни, и въ нее мгновенно хлынулъ съ улицы цѣлый потокъ свѣта, который озарилъ все веселія, улыбающіяся лица.

— На чтò же мы рѣшимся? спросила тетушка Клавдія.

— Какъ на чтò? Да объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Конечно, примемъ любезное приглашеніе.

— Чье?

— Господина Зонненкампа.

— Отлично! воскликнулъ маіоръ и радостно засмѣялся. — Вы мнѣ позволите закурить сигару? сказалъ онъ потомъ. Вѣдь вашъ мужъ нашъ братъ, — да будетъ миръ его праху! — вѣроятно, тоже вуриль.

— Конечно!

Тетушка Клавдія быстро зажгла спичку и, держа ее въ своихъ тонкихъ, изящныхъ пальцахъ, поднесла маіору.

— Вотъ такъ! проговорилъ тотъ, закуривъ сигару:— Вы мнѣ одолжили огня, а я, ради васъ, охотно бросился бы въ огонь.

И снова довольный этою игрою словъ, онъ съ наслажденіемъ пускалъ дымъ.

Передъ отъѣздомъ пришлось многое убрать и кое-что приготовить. Маіоръ говорилъ, что съ виллы сюда можно будетъ прислать за вещами Іозефа, и совѣтовалъ не оставлять за собой ни нитки. Затѣмъ онъ попросилъ позволенія на нѣсколько времени отлучиться и пошелъ навѣстить нѣкоторыхъ членовъ своего братства.

Послѣ полудня, маіоръ и обѣ женщины отправились на желѣзную дорогу, и занявъ мѣста въ вагонѣ перваго класса, быстро помчались по направденію къ Рейну. Маіоръ былъ несказанно счастливъ и гордился своей побѣдой, какъ будто отнял у непріателя походную кассу.

ГЛАВА XIV.

КАРТОФЕЛЬ И НѢЧТО ЕЩЕ ЛУЧШЕ.

Эрихъ и Роландъ ѣхали съ Клаусомъ и его женой. Когда они достигли до поворота къ его жилищу, ловчій попросилъ остановиться и вышелъ изъ экипажа.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, дальше я съ вами не поѣду. Видите ли вы эти руки? На нихъ были цѣпи: что могутъ онѣ теперь дѣлать? Искать мести? но на комъ? А еслибъ я и зналъ на комъ, такъ къ чему бы мнѣ это послужило?

Онъ взялъ въ горсть земли, и поднявъ руку къ небу, воскликнулъ:

— Клянусь, что я здѣсь не останусь, но переселюсь въ Новій Свѣтъ, гдѣ приобрѣту себѣ собственную землю. Довольно я на своемъ вѣку охранялъ чужую собственность!

Эрихъ и Роландъ тоже вышли изъ экипажа и пошли далѣе съ Клаусомъ и его женой. Они хотѣли проводить ихъ до самаго дому. Вдругъ съ одного изъ виноградныхъ холмовъ кто-то ихъ окликнулъ. Они оглянулись и увидѣли Семиствольника, который быстро къ нимъ спускался, держа въ рукахъ топорикъ, составляющій отличительный знавъ полевыхъ сторожей.

Передавая его Клаусу, Семиствольникъ сказалъ:

— Возьми его опять: я вѣрно тебѣ его сохранилъ.

И онъ тоже присоединился къ нимъ. На дворѣ жилища Клауса они были встрѣчены громкимъ лаемъ собакъ, а въ комнатѣ всѣ птицы встрепенулись и радостно защебетали, привѣтствуя своего хозяина. Но громче всѣхъ раздавался голосъ чернаго дрозда, который принялся насвистывать: «радуйтесь!» но на второмъ же тактѣ вдругъ остановился. Клаусъ смотрѣлъ вокругъ себя, какъ будто теперь только пробуждаясь отъ тяжелаго сна. Но мало-по-малу всѣ успокоились и расположились вокругъ стола, на которомъ, стараніями одной сосѣдки, не замедлилъ появиться молодой картофель. Никогда кушанье не казалось Роланду такимъ вкуснымъ. Всѣ засмѣялись, когда онъ вдругъ сказалъ:

— Клаусъ, картофель происходитъ изъ той страны, куда ты хочешь переселиться и откуда я пріѣхалъ. Онъ тамъ родился и подобно мнѣ былъ вывезенъ сюда.

Всѣ были веселы и довольны другъ другомъ. Роландъ, получившій назадъ украденные часы, просилъ ловчаго принять ихъ отъ него на память. Клаусъ упорно отказывался, несмотря на увѣщанія Эриха и Семиствольника.

— Отецъ, возьми! неожиданно промолвилъ бочаръ, и тогда только ловчій согласился взять подарокъ.

Но никто не былъ такъ оживленъ и разговорчивъ, какъ Семиствольникъ. Онъ все журилъ Клауса за то, что тотъ придаетъ такъ много значенія деньгамъ. Что же до него самого касается, то онъ богатство считаетъ вовсе для себя не нужнымъ. Вѣдь человѣкъ, доказывалъ онъ, не можетъ ни пить, ни ѣсть сверхъ сытости, ни спать больше, чѣмъ у него хватаетъ сна. Не все ли равно, на какой постели лежать, лишь бы спать. А въ каретахъ ѣздить—это чистый вздоръ: шагать на своихъ собственныхъ здоровыхъ ногахъ несравненно пріятнѣе.

Рѣчь между прочимъ зашла и о Гномѣ.

— Кто вздумаетъ со временемъ пойти на могилу этого человѣка, сказалъ Семиствольникъ: тотъ пусть не ходитъ одинъ, а возьметъ съ собой проводника.

— Это почему? спросилъ Роландъ.

— А потому, что Гному не избѣжать висѣлицы.

Но Клаусу не нравился этотъ разговоръ о злыхъ людяхъ. Семиствольникъ между тѣмъ послалъ къ себѣ на домъ съ какимъ-то порученіемъ одного изъ дѣтей, и въ ту самую минуту, какъ на столѣ появилось присланное фрейленъ Мильеъ вино, изъ сѣней раздалось пѣніе. Тамъ собрался весь оркестръ Семиствольника, къ которому вскорѣ присоединился и Эрихъ.

Наконецъ настало время вернуться на виллу. Едва Эрихъ и

Роландъ вышли на большую дорогу, какъ мимо нихъ проѣхала карета, и голосъ маіора завричалъ:

— Батальонъ, стой!

Они остановились. Въ каретѣ вмѣстѣ съ маіоромъ сидѣли профессорша и тетущка Клавдія.

— Мнѣ только этого одного и оставалось желать! воскликнуть Роландъ:—Знаете-ли, маіоръ, Клаусъ уже оправданъ, онъ невиненъ!

Профессорша нѣжно обняла сначала Роланда, а потомъ Эриха. Она также вышла изъ экипажа и пошла пѣшкомъ, опираясь на сына и ведя за руку Роланда. Маіоръ учтиво подаль руку тетущкѣ Клавдіи, но та отказалась на нее опереться, говоря, что у нее уже такой обычай ни отъ кого не принимать подобныхъ услугъ.

— И вы совершенно правы, сказалъ маіоръ. Фрейленъ Милькѣ того же мнѣнія. Вы съ ней познакомитесь и навѣрное сойдетесь. Представьте себѣ, она знала... Мнѣ просто непонятно, откуда это она все знаетъ... она знала, что графъ Клодвигъ послалъ вамъ приглашеніе. Но мы тоже себѣ на умѣ, прибѣгли къ военной хитрости—и вотъ вы у насъ! Не даромъ говорится: на чьей сторонѣ счастье, тотъ и увозитъ невѣсту.

Вдали слышалась музыка, и маіоръ объяснилъ, что это баронъ фонъ-Эндлихъ все еще празднуетъ свадьбу дочери.

— Матушка, сказалъ Эрихъ: всякій разъ, что мнѣ будетъ грустно, я вспомню объ этой минутѣ, и мнѣ станетъ легче.

Профессорша отъ избытка чувствъ не могла говорить.

На виллѣ ихъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Совѣтница обняла и поцѣловала профессоршу; только Церера прислала извиниться, что не можетъ выйти.

Съ наступленіемъ вечера вернулся и Зонненкампъ.

Мѣсяцъ ясно свѣтилъ, когда профессорша и тетущка Клавдія, въ сопровожденіи Эриха и Роланда, отправились въ обвитый виноградомъ домикъ. Тамъ, стоя на балконѣ, профессорша еще разъ взяла Эриха за руку и сказала:

— Еслибъ отецъ могъ тебя видѣть, онъ бы порадовался со мной: ты еще не утратилъ твоего чистаго, яснаго взгляда—значитъ все хорошо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА I.

МАТУШКА ЗДѢСЬ!

«Моя мать здѣсь!..»

Свѣжее, пропитанное росой дыханіе утра коснулось лица Эриха, и ему казалось, что онъ слышитъ голосъ ребенка, какъ онъ зоветъ свою мать. Но слова эти были имъ самимъ произнесены въ минуту пробужденія. Онъ снова закрылъ глаза и погружился въ мечты о своемъ дѣтствѣ. Все, что съ тѣхъ поръ смущало, волновало и терзало его душу, — все это исчезло изъ его памяти.

«Твоя мать здѣсь!» повторилъ вслѣдъ затѣмъ голосъ сыновнаго долга.

Эрихъ всталъ и подошелъ къ постели Роланда. Ему не было надобности будить мальчика словами: лишь только онъ на него взглядывалъ, тотъ мгновенно просыпался. Такъ и теперь Роландъ быстро открылъ глаза и первымъ его словомъ было:

— Твоя мать здѣсь!

Чужой голосъ вслухъ повторялъ то самое, что звучало въ глубинѣ души Эриха. Положивъ руку на голову мальчика, онъ съ удовольствіемъ и въ тоже время съ грустью на него смотрѣлъ. Зачѣмъ этому богатому юношѣ отказано въ счастья материнской любви?

Этотъ день былъ для нихъ особенно священный. Эрихъ и Роландъ прежде всего поздоровались съ профессоршей, а затѣмъ отправились бродить по берегу рѣки.

— Рейнъ, Рейнъ, весело воскликнулъ Роландъ: мать Эриха здѣсь!

Эрихъ улыбнулся. Лицо мальчика сіяло яркимъ румянцемъ. Они шли къ матери, какъ въ храмъ, и выходили отъ нея съ

такимъ же точно чувствомъ благоговѣнія, какъ будто возвращались изъ храма. Въ ея кроткомъ присутствіи на всѣхъ точно нисходили миръ и благословеніе. Каждое ея слово, движеніе, каждый взглядъ обличали самообладаніе и строгую приверженность долгу. Она сказала сыну и Роланду, что лучшимъ доказательствомъ ихъ любви и уваженія къ ней будетъ то, что они сегодня, какъ вчера, прилежно займутся своимъ дѣломъ. Во всякомъ положеніи, говорила она, въ горѣ и въ радости, прежде всего надо имѣть въ виду долгъ и заботиться о его выполненіи.

Итакъ, Эрихъ и Роландъ по обыкновенію сѣли за урокъ. Они въ этотъ день читали о возвращеніи Улисса въ Итаку. Но Эрихъ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ вполнѣ отдаться труду. Мысль, что онъ опять съ матерью, сладко волновала его, и, смотря на Роланда, онъ думалъ: зачѣмъ и онъ не можетъ испытывать того же, что я? Всякую другую любовь въ жизни человѣкъ долженъ приобрѣтать, заслуживать, завоевывать: одна материнская любовь можетъ даваться ему даромъ и никогда его не покидаетъ.

Эрихъ вспомнилъ между прочимъ и о Беллѣ. Онъ надѣялся, что успѣлъ побѣдить въ себѣ всякое предательское чувство въ отношеніи къ своей собственной личности, къ міру и ко всему чистому и благородному. Въ немъ возникла новая сила, тѣмъ болѣе прочная, что она выработалась въ немъ долгой и тяжелой борьбой, и онъ съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ когда-либо занялся своимъ урокомъ съ мальчикомъ. Они оба вскорѣ до того углубились въ чтеніе и такъ заинтересовались раскрывавшейся передъ ними чуждой жизнью, что забыли все окружающее.

За обѣдомъ они съ новымъ удовольствіемъ встрѣтились съ профессоршей, а потомъ гуляли съ ней въ саду. Но Церера все еще не показывалась и прислала извиниться за себя фрейленъ Пэрини. Зонненкампъ усмѣхнулся, зная, что Церера вовсе и не думала извиняться, но фрейленъ Пэрини сочла нужнымъ это объявить отъ ея имени. Церера упорствовала въ своемъ отчужденіи отъ гостей, общество которыхъ ей, по ея мнѣнію, навязывали, и фрейленъ Пэрини взяла на себя трудъ отдалять ихъ отъ нея. Вся ея сила въ домѣ заключалась именно въ умѣншіе все улаживать и отстранять отъ Цереры малѣйшія затрудненія. Фрейленъ Пэрини явно старалась быть пріятной профессоршѣ, и когда та выучила ее какой-то новой ручной работѣ, благодарности ея не было конца.

Но больше всѣхъ способствовала къ сближенію хозяевъ и гостей совѣтница. Уваженіе, съ какимъ она относилась къ профессоршѣ, на всѣхъ имѣло хорошее вліяніе и разомъ доставило

той почетное мѣсто въ семьѣ, котораго она, конечно, со временемъ и сама достигла бы, но не такъ быстро, какъ теперь. Со-вѣтница иначе не говорила о профессоршѣ какъ о любимой статсъ-дамѣ при герцогскомъ дворѣ, гдѣ и по сию пору имя ея оставалось синонимомъ всего прекраснаго и благороднаго. Сначала нѣсколько преувеличенный почетъ, каковымъ ее окружила совѣтница смущала и тревожилъ профессоршу, но потомъ она успокоилась, приписавъ его желанію сгладить для нея всѣ неприятности ея зависимаго положенія и самую бѣдность ея обратитъ въ новое для нея торжество.

Даже фрейленъ Пэрини,— и та не могла устоять противъ вліянія профессорши. Въ обращеніи этой женщины было столько вроткаго достоинства, простоты и въ тоже время изящества, лицо ея имѣло такое ясное и спокойное выраженіе, что въ присутствіи ея невольно умолкало всякое злое и порочное чувство. И при всемъ томъ профессорша еще сохранила въ сердцѣ своемъ много юношескаго жара, который сначала поддерживался въ ней идеальными воззрѣніями ея мужа, а теперь нашелъ себѣ новую пищу въ Эрихѣ. Доброта и привѣтливость профессорши были неисчерпаемы. Самыя обыкновенныя рѣчи въ ея устахъ получали новую цѣну и оригинальную свѣжесть, вслѣдствіе чего вамъ всегда казалось, будто вы ихъ слышали въ первый разъ.

За обѣдомъ пришло письмо изъ Вольфсгартена. Белла поздравляла профессоршу съ пріѣздомъ и увѣдомляла о своемъ намѣреніи завтра ее навѣстить.

Профессорша хотѣла отвѣчать графинѣ съ ея же посланнымъ, но тотъ, ко всеобщему удивленію, уже скрылся. Зонненкамъ успѣвшилъ его отправить назадъ, а когда профессорша вручила свое письмо для доставленія въ Вольфсгартенъ одному изъ домашнихъ слугъ, оно, прежде чѣмъ дойти до мѣста своего назначенія, попало въ руки того же Зонненкампа. Онъ его искусно распечаталъ и съ самодовольной улыбкой прочелъ столь же изящный по формѣ, сколько скромный по содержанію отвѣтъ профессорши. Она между прочимъ говорила, что, хотя и считаетъ себя на виллѣ только гостьей, тѣмъ не менѣе осмѣливается просить друзей своихъ хозяевъ удѣлить также и ей часть ихъ расположенія. Улыбка не сходила съ лица Зонненкампа. Онъ не ошибся въ своемъ разчетѣ: профессорша привлечетъ къ нему въ домъ всю обрестную знать, и самъ онъ, наконецъ, вступить въ высшее общество на правахъ равнаго.

ГЛАВА II.

НИКОГДА НИЧЕМУ НЕ УЧИЛАСЬ, А ХОЧЕТЬ УЧИТЬСЯ.

Изъ кабинета Зонненкамъ отправился къ своей женѣ. Въ прихожей его встрѣтила служанка и объявила ему, что ея госпожа никого теперь не желаетъ видѣть. Но Зонненкамъ не обратилъ на это вниманія и пошелъ далѣе. Церера по обыкновенію лежала на диванѣ. Окна въ ея комнатѣ были завѣшаны, и въ большой залѣ царствовали сумерки. Церера взглянула на мужа, широко раскрывъ свои большіе черные глаза и молча протянула ему маленькую изящную руку, украшенную длинными, точно выточенными ногтями. Зонненкамъ поцѣловалъ руку и сѣлъ возлѣ жены.

Съ минуту длилось молчаніе, а потомъ Зонненкамъ началъ объяснять женѣ, что присутствіе въ ихъ домѣ профессорши можетъ ускорить осуществленіе ихъ плановъ. Рука этой женщины, говорилъ онъ, должна раскрыть передъ нами двери герцогскаго дворца. Послѣднія слова, повидимому, произвели впечатлѣніе на Цереру. Она приподнялась и хотя все еще продолжала молчать, однако взоръ ея оживился, и въ немъ точно мелькнула надежда. Зонненкамъ, находясь по ту сторону океана и во время своего продолжительнаго путешествія, не переставалъ ублажать жену рассказами о придворныхъ празднествахъ и постоянно возбуждалъ въ ней желаніе пожить жизнью, которая будто бы составляетъ величайшее благо въ мірѣ. Съ тѣхъ поръ мечтой Цереры сдѣлалось попасть въ тотъ заколдованный кругъ, гдѣ все сверкаетъ и блеститъ, гдѣ люди уподобляются полубогамъ. Теперь она, правда, убѣдилась, что красави въ картинѣ, которую ей рисовало воображеніе, были нѣсколько преувеличены, но тѣмъ не менѣе всюду, гдѣ бы она ни бывала, ей только и приходилось слышать, какъ люди все свое счастье полагаютъ въ томъ, чтобы имѣть доступъ ко двору. Все это возбуждало въ Церерѣ негодованіе противъ мужа, который только тѣшилъ ее обѣщаніями, а на дѣлѣ ни мало не заботился объ ихъ выполненіи. Вотъ они и въ Европѣ, а между тѣмъ все таки продолжаютъ жить въ уединеніи и ожидать той счастливой минуты, когда ихъ призвуть ко двору.

Но отчего это такъ долго длится? Отчего люди ихъ чуждаются? Даже Белла, единственная оазывающая имъ расположеніе, и та обращается съ ней, какъ съ попугаемъ, какъ съ заморской птицей, блестящими перьями которой восхищаются,

но съ которой ничего не хотѣтъ имѣть общаго, — развѣ только изрѣдка бросаютъ ей кусокъ сахару, въ видѣ комплимента. Самое воспоминаніе о томъ, какъ она всѣхъ затмила на праздникѣ барона фонъ-Эндлиха, перестало радовать и удовлетворять Цереру.

Несмотря на наружную лѣнь и безучастность ко всему, что вокругъ нея происходило, голова Цереры была постоянно занята мыслью, брошенной въ нее Зонненкампомъ и пустившей въ ней корни гораздо глубже, чѣмъ даже онъ самъ того желалъ. Мысль эта овладѣла всѣмъ существомъ Цереры и не давала ей ни минуты покоя.

Теперь Зонненкампъ старался доказать своей женѣ, что присутствіе въ ихъ домѣ профессорши, сообщая ему новый блескъ, приближаетъ ихъ къ цѣли, къ которой они такъ давно стремятся. Уже чего совѣтница, говорилъ онъ, и та признаетъ ея превосходство надъ собой. Профессорша пользовалась всеобщей любовью, уваженіемъ при дворѣ; она считалась тамъ важнымъ лицомъ и была другомъ вдовствующей герцогини.

Убѣдительные доводы Зонненкампа, наконецъ, оказали свое дѣйствіе на Цереру.

— Вы, дѣйствительно, очень умны, сказала она. Хорошо, я повидаюсь съ матерью учителя.

Зонненкампъ попробовалъ-было дать ей нѣсколько наставленій, на счетъ того, что ей слѣдуетъ говорить съ профессоршей. Но Церера начала, какъ капризное дитя, или лучше сказать, какъ разъяренный звѣрь, кричать, размахивать руками и топтать ногами.

— Я не нуждаюсь въ наставленіяхъ! восклицала она: — Ни слова болѣе, и скорѣй пришлите сюда эту женщину.

Зонненкампъ въ сильной тревогѣ отправился къ профессоршѣ. Онъ хотѣлъ предупредить ее на счетъ того, какъ лучше обращаться съ Церерой, но побоялся, чтобъ она его нечаянно не выдала и сказалъ только:

— Моя милая жена немного избалована, и нервы у ней сильно возбуждены.

Профессорша вошла въ комнату Цереры. Та, какъ лежала на диванѣ, такъ и осталась. Она не безъ лукавства разсудила, что лучшій способъ сохранять свое достоинство въ глазахъ другихъ, это оказывать имъ какъ можно менѣе вниманія.

Профессорша привѣтствовала ее граціознымъ поклономъ, отъ котораго всѣ соображенія Цереры мгновенно разлетѣлись въ прахъ. Гостя ея еще не успѣла промолвить слово, какъ она уже воскликнула:

— Вы меня должны этому научить, я хочу точно также кланяться. Не правда ли, такъ кланяются при дворѣ?

Профессорша не знала, что ей отвѣчать. Неужели это только первое возбужденіе? Ужъ не сумасшедшая ли передъ ней? Однако ей вскорѣ удалось совладать съ собой, и она сказала:

— Вамъ, какъ уроженкѣ свободной республики, совершенно естественно должны казаться странными наши церемонные нравы и обычаи. Впрочемъ, я готова, при первомъ же свиданіи, показать вамъ руку.

И онѣ обмѣнялись вѣрнымъ пожатіемъ. Церера, точно забывшись, вдругъ приподнялась съ дивана.

— Вы больны, сказала профессорша: я не стану васъ долго беспокоить.

Церера находила для себя удобнымъ слыть за больную и отвѣчала:

— Ахъ, да! Я постоянно хвораю. Но не уходите, оставайтесь пожалуйста.

Звукъ голоса профессорши, задушевный тонъ ея словъ, все это произвело на Цереру глубокое впечатлѣніе. Она на мгновеніе закрыла глаза и на ея длинныхъ рѣсницахъ повисли крупныя слезы.

Профессорша извинилась, что невольно заставила ее какъ будто прослезиться. Но Церера покачала головой и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, я, напротивъ, вамъ очень благодарна! Я такъ давно — уже въ теченіи многихъ лѣтъ, не плакала.... Эти слезы стояли у меня здѣсь.... здѣсь! прибавила она, сильно ударя себя въ грудь. Благодарю васъ!

Профессорша хотѣла уйти, но Церера быстро вскочила съ дивана и бросилась къ ней. Профессорша въ испугѣ отступила шагъ назадъ, а Церера упала передъ ней на колѣни, и цѣлуя ей руку, воскликнула:

— Защитите меня! Замѣните мнѣ мать, которой я никогда не знала!

Профессорша подняла ее и сказала:

— Дитя мое, я охотно буду вамъ матерью.... я это могу и сдѣлаю. Я счастлива тѣмъ, что мнѣ предстоитъ такая высокая обязанность — говорю вамъ это отъ души. Но, прошу васъ, успокойтесь.

Она отвела Цереру на диванъ, уложила ее и заботливо прикрыла шалью. Диванъ представлялъ кучу въ беспорядкѣ брошенныхъ мягкихъ подушекъ, въ которыхъ Церера буквально утопала.

Теперь она вѣриво сжала руку профессорши и громко за-

рыдала. Дорнэ старалась ее утѣшить, говоря, какъ онѣ обѣ счастливы тѣмъ, что имѣютъ такихъ прекрасныхъ сыновей. Она только слегка упомянула объ Эрихѣ, но о Роландѣ съ любовью распространилась и рассказала, какъ онъ ей въ первый разъ явился на порогѣ ея собственнаго дома и какъ она его тогда приняла за своего умершаго сына. Церера повернулась къ ней и снова поцѣловала ей руку, а профессорша продолжала говорить все въ томъ же спокойномъ тонѣ и замѣтила, что она сама тоже подвержена кое-какимъ странностямъ, съ которыми ей вовсе не легко справляться. Она, между прочимъ, слишкомъ привыкла къ уединенію и сомнѣвалась, чтобы года ея и вкусы могли сдѣлать ее пріятной собесѣдницей для женщины, которая все счастье полагала въ блескѣ и удовольствіяхъ свѣтскаго образа жизни.

Церера попросила отдернуть занавѣсъ у одного изъ оконъ и пристально взглянула на профессоршу. Легкая улыбка скользяла у ней по лицу, но затѣмъ ротъ ея опять принялъ свое обычное выраженіе недовольства. Она схватила вѣеръ и стала имъ обмахиваться.

— Вы себя представить не можете, заговорила она наконецъ, какъ я глупа. А было время, когда я очень желала учиться, но онъ объ этомъ и слушать не хотѣлъ, и всегда говорилъ: ты мнѣ милѣе въ твоемъ невѣдѣніи! Для него, я можетъ, быть и дѣйствительно была милѣе такою, но не для себя. Еслибъ не фрейленъ Пэрини, я теперь просто не знала бы, что мнѣ дѣлать.... Играете вы въ вистъ? Любите вы природу? Не правда ли, я очень глупа?

Церера повидимому ожидала, что профессорша станетъ это опровергать, но та ей, напротивъ, сказала:

— Если вы думаете, что можете у меня чему-нибудь научиться, то я еѣ вашимъ услугамъ. Мнѣ уже случалось видѣть женщинъ подобныхъ вамъ, и я полагаю, что знаю причину вашего нездоровья.

— Въ самомъ дѣлѣ? Она вамъ извѣстна? Вамъ?

— Да, только въ ней нѣтъ ничего лестнаго.

— Ахъ, говорите пожалуйста.

— Милое дитя мое, вы хвораете отъ праздности. Когда челоуѣку нечего дѣлать, онъ по неволѣ начинаетъ слишкомъ много заниматься самимъ собой.

— О, вы очень умны! воскликнула Церера. А я такъ слаба!

И дѣйствительно въ ней было что-то въ высшей степени безпомощное и беззащитное. Зонненгампъ смотрѣлъ на нее, какъ на игрушку, да и сама она считала себя чѣмъ-то въ родѣ того. Къ тому же она была отъ природы страшно лѣнива, и малѣйшій

трудъ стоилъ ей невѣроятныхъ усилій. Она не знала, что хуже: слушать или смотрѣть, и наконецъ рѣшила, что послѣднее невыносимѣе перваго. Она никогда не читала сама. При чтеніи необходимо держать книгу въ рукахъ и оставаться въ извѣстномъ положеніи, а это ее утомляло, и она всегда заставляла фрейленъ Пэрини читать вслухъ, причемъ сама нерѣдко засыпала.

Такъ было и теперь. Руки Цереры вдругъ опустились, и профессорша вскорѣ замѣтила, что она спитъ. Мать Эриха еще долго сидѣла въ этой роскошной комнатѣ, дивясь всему, что видѣла и слышала. Что все это означаетъ? Въ этомъ домѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются новыя загадки. Она удерживала дыханіе и не смѣла пошевелиться, боясь разбудить Цереру. Но та вдругъ сдѣлала движеніе и проговорила:

— Пойдите теперь.... пойдите. Я сама скоро туда приду.

Профессорша ушла. Зонненкампъ встрѣтилъ ее въ прихожей.

— Какъ она съ вами обошлась? не безъ страха освѣдомился онъ.

— Какъ милое, доброе дитя, отвѣчала профессорша. Но у меня есть до васъ просьба. Мнѣ кажется, что я нашла способъ вылечить вашу жену отъ ея раздражительности, или лучше сказать, отъ ея лѣни. Объ одномъ только прошу васъ: если мнѣ удастся приобрѣсти ея довѣріе, то не отнимайте у меня возможности всегда, съ спокойной совѣстью говорить ей, что ни слово изъ нашей бесѣды не будетъ мною никому повторено. Общаетесь ли вы оставить насъ, женщинъ, въ покоѣ?*

— Хорошо, отвѣчалъ Зонненкампъ. Но видно было, что это согласіе стоило ему большихъ усилій.

ГЛАВА III.

ВНОВЬ ПРИОБРѢТЕННОЕ СОСѢДСТВО.

На слѣдующій день явился Пранкенъ, и привѣтствовалъ профессоршу со всей ловкостью свѣтскаго человѣка, а она обошлась съ нимъ, какъ съ членомъ семьи, въ которой гостила, и сдѣлала это такъ мило, просто и естественно, что молодой человѣкъ остался ею въ высшей степени доволенъ. Когда же она выразила ему свою признательность за то, что онъ доставилъ Эриху такое хорошее мѣсто, — Пранкенъ поспѣшилъ отклонить отъ себя всякую благодарность. Это было съ его стороны, говорилъ онъ, только уплатой стариннаго долга, такъ какъ онъ всѣмъ своимъ образованіемъ обязанъ покойному профессору. Эти слова мгновенно

расположили въ его пользу профессоршу, которая, хотя и понимала, что многое въ нихъ слѣдовало приписать свѣтской любезности, въ то же время однако хорошо знала, что въ сущности въ нихъ заключалась и своя доля правды. Всякій, кто находился въ сношеніяхъ съ ея мужемъ, если онъ не былъ вполне испорченнымъ человѣкомъ, непременно на всю жизнь сохранялъ о немъ свѣтлое воспоминаніе.

Пранкенъ завелъ рѣчь о своемъ зятѣ, о сестрѣ и о томъ, какимъ расположеніемъ пользовался Эрихъ въ Вольфсгартенѣ. Затѣмъ онъ осторожно выразилъ надежду, что общество профессорши возвратитъ Беллѣ утраченныя ею спокойствіе и самообладаніе. Онъ въ послѣднее время замѣтилъ въ сестрѣ какую-то тревогу и раздражительность, и слегка намекнулъ на трудности жизни вдвоемъ съ человѣкомъ, хотя и въ высшей степени благороднымъ, но уже достигшемъ извѣстныхъ лѣтъ. Въ такомъ положеніи, говорилъ онъ, не легко сохранять всегда одно и то же спокойное, ровное расположеніе духа.

Профессорша поняла изъ словъ Пранкена гораздо болѣе, нежели онъ полагалъ, и отъ души радовалась тому, что молодой человѣкъ и въ деревенскомъ затишѣ не потерялъ способности серьезно вглядываться въ различныя явленія нравственнаго міра.

Пранкенъ не могъ удержаться, чтобы хотя отчасти не высказать религіознаго переворота, которому онъ подвергся. Передъ глазами его вдругъ точно мелькнуло видѣніе и показало ему профессоршу рядомъ съ Манной, которая раскрывала ей всю свою душу. Пусть же она разскажетъ молодой дѣвушкѣ, думалъ онъ, какъ я откровенно передъ всѣми сознаюсь въ перемѣнѣ, происшедшей въ моихъ убѣжденіяхъ. Пранкенъ вспомнилъ, что настоятельница въ присутствіи Манны хвалила профессоршу. Улыбка мелькнула у него на губахъ при мысли, что съ помощью матери Эриха можно будетъ заставить Манну отъязаться отъ ея ребяческаго намѣренія вступить въ монастырь. Жаль только, что эти двѣ женщины различныхъ вѣроисповѣданій.

Пранкенъ, по порученію Зонненкампа, пригласилъ профессоршу участвовать въ поѣздкѣ на виллу, которую совѣтница... нѣтъ, поспѣшилъ онъ поправиться, — совѣтникъ имѣлъ намѣреніе купить. Безъ сомнѣнія, профессорша не откажется содѣйствовать Зонненкампу въ его стараніяхъ пріобрѣсти себѣ пріятныхъ сосѣдей. Возраженія по этому случаю профессорши были отклонены разными лестными для нея замѣчаніями.

Подали экипажъ. Въ немъ помѣстились совѣтница, Зонненкампъ, Пранкенъ и профессорша. Дордогой всѣ весело разговаривали, но въ головѣ профессорши внезапно мелькнуло подозрѣніе,

что ее вмѣшиваютъ въ какую-то интригу и пользуются ея невѣдѣніемъ для достиженія вовсе ей непонятныхъ цѣлей. Ею овладѣлъ страхъ, который еще болѣе усилился, когда Зонненкампъ объявилъ, что продаваемая вилла принадлежитъ ему, и что его несказанно радуешь возможность уступить ее пріятнымъ и благороднымъ сосѣдямъ.

«Что это? Неужели имъ удалось ее поймать? Ужъ не ей ли хотять они передать этотъ домъ?»

Однако профессорша скоро увидѣла свою ошибку, благодаря совѣтницѣ, которая немедленно приступила къ распредѣленію комнатъ между различными членами своей семьи. У ней было два сына въ военной службѣ и одна замужняя дочь, дѣтямъ которой, своимъ внучатамъ, она тоже позаботилась отвести комнату. Затѣмъ она выбрала себѣ любимое мѣстечко въ саду, которое Зонненкампъ обѣщался урасить новыми разсадниками. Всѣ изумятся, говорилъ онъ, когда увидятъ, какъ много а съумѣю извлечь изъ этой почвы.

Зонненкампъ былъ очень любезенъ. Онъ сначала намѣревался уступить виллу совѣтницѣ только послѣ того, какъ самъ получить желаемое возвышеніе въ свѣтѣ. Сумма, которую изъ приличія предполагалось за нее взять съ совѣтника, оказывалась ужъ очень ничтожной. Но Пранкену наконецъ удалось убѣдить Зонненкампа въ томъ, что планъ его нигуда не годится. Во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше поссорѣе водворить могущественнаго человѣка въ своемъ сосѣдствѣ, и тогда уже дѣйствовать исподоволь, такъ чтобъ все могло совершиться естественнымъ порядкомъ.

Совѣтница сидѣла съ профессоршей въ саду и вела съ ней душевную бесѣду. Какое удовольствіе, говорила она между прочимъ, было бы для матери Эриха, еслибъ она могла своимъ вліяніемъ возвысить положеніе въ свѣтѣ семейства Зонненкампа. Но совѣтница коснулась опаснаго предмета очень осторожно. Она имѣла въ виду сдѣлать во всемъ этомъ профессоршу главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а сама съ мужемъ намѣревалась спрятаться за нее. Еслибъ ихъ планъ не удался, они бы отъ этого нисколько не пострадали, и вся вина пала бы на ученую вдову, которая и безъ того слыла за особу въ высшей степени эксцентричную.

Совѣтница ловко съумѣла скрыть всю эту интригу среди разговоровъ, гдѣ одна возвышенная мысль смѣняла другую.

Оставшись вдвоемъ съ Пранкеномъ, Зонненкампъ улыбнулся какъ человѣкъ, который согласился еще разъ допустить, чтобы его перехитрили. Онъ терпѣливо слушалъ, какъ Пранкенъ ему

доказывать, что совѣтница немедленно должна вступить во владѣніе виллой, потому что, если она ее приобрѣтетъ вскорѣ послѣ того, какъ Зонненкампъ получитъ дворянское достоинство, это можетъ подать поводъ къ толкамъ.

Зонненкампъ усмѣхнулся и сказалъ, что его молодой другъ обладаетъ замѣчательными дипломатическими способностями. Пранкенъ отъ этого не только не отговаривался, но даже замѣтилъ, что въ самомъ скоромъ времени собирается отказаться отъ своего празднаго существованія на дачѣ и вновь вступить на службу по дипломатической части. Конечно, онъ это сдѣлаетъ не иначе, какъ съ согласія близкихъ ему людей и въ особенности дорогого друга, котораго онъ любитъ какъ отца. Подъ этимъ послѣднимъ онъ подразумѣвалъ Зонненкампа.

Пранкенъ зналъ очень ловкаго нотариуса, который въ тотъ же вечеръ былъ призванъ на виллу заключить купчую крѣпость. Такимъ образомъ совѣтникъ сдѣлался сосѣдомъ Зонненкампа.

Нѣсколько позже, Зонненкампъ и Пранкенъ прогуливались по саду—и тутъ молодой человѣкъ въ первый разъ почувствовалъ страхъ къ своему будущему тестю.

— Мой юный другъ, сказалъ Зонненкампъ, вы конечно на нашемъ вѣку уже имѣли дѣло съ ростовщиками и барышниками. Что до меня касается, то мнѣ хорошо знакомы всѣ ихъ предѣлки. Эти люди крѣпко держатся одинъ другого и какъ бы составляютъ особаго рода таинственную секту. Вы себѣ представить не можете, какое забавное зрѣлище представляетъ человѣческая душа, если ее разсматривать съ точки зрѣнія поддупа. Мнѣ знакомы всевозможныя породы націй и людей, я всюду прилагалъ свою собственную систему поддупа, и она почти вездѣ мнѣ удавалась.

Пранкенъ въ недоумѣніи на него посмотрѣлъ. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ на многое способенъ, но тѣмъ не менѣе никакъ не ожидалъ отъ него подобной выходки. Внутри его даже что-то возмутилось, и онъ съ неудовольствіемъ подумалъ о времени, когда сдѣлается сыномъ Зонненкампа, который между тѣмъ весело продолжалъ:

— Вы вѣроятно еще придерживаетесь стариннаго понятія, будто поддупъ есть вещь предосудительная, и смотрите на него съ такимъ же предубѣжденіемъ, какъ еще недавно всѣ смотрѣли на ростовщиковъ. А въ сущности поддупъ есть не что иное, какъ дѣловой оборотъ. Весьма нелѣпо со стороны правительства требовать отъ своихъ чиновниковъ присяги въ томъ, что они ни съ кого не будутъ брать взятокъ. Ну пусть, пожалуй, присягаютъ судьи, да и тамъ это одна пустая формальность: богатый

человѣкъ всегда стѣмѣетъ передъ ними оправдаться, если ловко возьмется за дѣло. Какихъ только чудесъ не бываетъ на свѣтѣ! У народовъ романскаго и славянскаго происхожденія чиновники сами берутъ взятки и даже, въ той или другой формѣ, не рѣдко сами назначаютъ, какъ велика должна быть предлагаемая имъ сумма. Не такъ поступаютъ жеманные германцы: они предоставляютъ это женщинамъ. Что же: они совершенно правы! Ни одинъ народъ въ мірѣ не употребляетъ при хлѣбопашествѣ столько коровъ, какъ нѣмцы: ну, они и въ дѣло подекупа также впрягли коровъ. Съ женщинами слѣдуетъ обращаться мягко и нѣжно, и я предпочитаю съ ними имѣть дѣло. Онѣ по крайней мѣрѣ держатъ свое слово, а то сплошь да рядомъ случается, что взявшій взятку ничего не сдѣлаетъ, если ему ее не удвоить. Мой отецъ....

Пранкенъ наострилъ уши. Зонненкампъ въ первый разъ упоминалъ при немъ о своемъ отцѣ.

— Мой отецъ, спокойно продолжалъ тотъ, былъ настоящій виртуозъ въ искусствѣ подекупа. Когда ему случалось въ Польшѣ кого-нибудь подекупать, то онъ выдавалъ сотню или тысячу гульденовъ и разрывалъ вексель на двѣ половины, изъ которыхъ одну оставлялъ у себя, и возвращалъ только послѣ того, какъ исполнялось его желаніе. Неправда ли, вѣдь мнѣ нѣтъ надобности такъ же поступить съ совѣтницей: какъ вы думаете?

Подобный отзывъ о женщинѣ, занимавшей высокое положеніе въ свѣтѣ, задѣлъ Пранкена за живое. Онъ поспѣшилъ успокоить Зонненкампа самыми убѣдительными доводами на счетъ чистоты намѣреній совѣтницы.

— По моему, все это въ порядкѣ вещей, снова началъ Зонненкампъ. То, что называютъ устарѣлымъ словомъ подекупа, есть не что иное, какъ естественное слѣдствіе высшаго развитія народа. Лишь только между людьми устанавливаются сложныя отношенія, тотчасъ же является и подекупъ, который дѣйствуетъ то тайно, то явно. Ничто въ мірѣ не подвергается столькимъ видоизмѣненіямъ, какъ подекупъ,—мнѣ это хорошо извѣстно.

Пранкенъ въ изумленіи на минуту остановился, а Зонненкампъ, взявъ его подъ руку, продолжалъ:

— Не все ли равно, мой другъ, покупаю я себѣ голосъ, который бы содѣйствовалъ выбору меня въ члены парламента и конгресса, или покупаю я агента для того, чтобы быть возведеннымъ въ дворянское достоинство? Сущность дѣла въ словѣ *покупаю*, а затѣмъ все сводится къ одному и тому же. Мы въ Америкѣ поступаемъ откровеннѣе. Отчего этому совѣтнику съ его женой и не извлекать выгоды изъ своего положенія? Вѣдь

въ немъ заключается все ихъ богатство. Я съ своей стороны очень радъ имъ служить. Вы въ Германіи считаете нужнымъ набрасывать на это покровъ приличія... пусть будетъ по вашему! Когда вы, какъ я надѣюсь, исполните ваше намѣреніе и поступите на службу по дипломатической части, я васъ многому еще научу.

Пранкенъ отвѣчалъ, что онъ будетъ очень радъ воспользоваться совѣтами Зонненкампа, но внутренно чувствовалъ къ нему непреодолимый страхъ, смѣшанный съ презрѣніемъ. Онъ далъ себѣ слово, лишь только женится на Маннѣ, какъ можно дальше отъ него держаться.

Но Зонненкампъ былъ очень доволенъ собой. Ему еще разъ удалось выказать свое знаніе человѣческаго сердца, и онъ даже вздумалъ подѣлиться имъ и съ сыномъ. На слѣдующее утро, послѣ завтрака, за которымъ присутствовала и совѣтница, онъ увелъ Роланда въ паркъ и тамъ сказалъ ему:

— Видишь ли ты эту знать?..—все въ ней ложь и обманъ! Совѣтники и его семья, благодаря мнѣ, изъ нищихъ дѣлаются людьми богатыми. Знай это про себя, но не давай имъ ничего замѣтить. Всѣ люди дрянъ, какъ знатные, такъ и простые; всѣ только и ждуть какъ бы имъ продать свою душу. Нѣтъ вещи, которую бы нельзя было достать за деньги...

Онъ съ удовольствіемъ еще долго распространялся объ этомъ предметѣ, не подозрѣвая, какое глубокое впечатлѣніе производитъ на мальчика, какую бурю поднимаетъ въ его сердцѣ. Роландъ ни слова не говорилъ, и Зонненкампа взяло раздумье, хорошо ли онъ сдѣлалъ, все это ему сказавъ? Но сомнѣнія его не долго длились. «Религія, добродѣтель, думалъ онъ, все это иллюзіи! Одни, и въ томъ числѣ капитанъ Дорнэ, еще въ нихъ вѣрятъ, другіе только притворяются, будто вѣрятъ. Я предпочитаю, чтобы Роландъ зналъ истину...» И съ этимъ послѣднимъ словомъ Зонненкампъ окончательно успокоился.

ГЛАВА IV.

НОВАЯ АТМОСФЕРА НА ВИЛЛѢ.

Профессорша вскорѣ поняла, почему ея сынъ жаловался на трудность поддерживать въ Роландѣ одно и то же настроеніе духа, давать его уму какое-нибудь одно опредѣленное направленіе. Ему приходилось постоянно бороться съ склонностью мальчика къ разнообразію, къ перемѣнѣ мѣста и занятія. Въ богатомъ домѣ, гдѣ ежедневно происходило что-нибудь новое, ока-

зывалось невозможнымъ сосредоточиться, углубиться въ науку, которая безъ этого не дается. При такомъ разнообразіи событий и встрѣчъ, трудно самому въ нихъ не затеряться. Профессорша, вообще жившая просто и вовсе не бывшая педанткой, однако взяла себѣ за правило заботиться о сохраненіи въ собственной душѣ равновѣсія между нравственными и умственными силами. Только тотъ, кто самъ спокоенъ духомъ, и можетъ имѣть благотворное вліяніе на другихъ.

Эрихъ и Роландъ каждое утро, такъ сказать, освящали наступающій день бесѣдой съ профессоршей. Всякій, кто къ ней приближался, становился чище, благороднѣе и невольно заражался возвышеннымъ тономъ ея рѣчей. Профессорша была очень образована, но безъ малѣйшей претензіи на гениальность. Умъ ея поражалъ не столько блескомъ, сколько логичностью, и все, что онъ себѣ усвоивалъ, носило характеръ какой-то особенной прочности. Она также мало гордилась своими познаніями, какъ и нарядомъ: само собою разумѣется, что надо быть опрятно одѣтой.

Поверхностное сравненіе профессорши съ Беллой, почти всегда оказывалось въ пользу послѣдней. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, всякій находилъ въ обществѣ профессорши гораздо болѣе удовольвенія, чѣмъ въ обществѣ Беллы, которая однако была очаровательна. Белла постоянно требовала къ себѣ вниманія, щеголяла своею наружностью и образомъ мыслей, любила наводить разговоръ на возвышенные предметы и озадачивать своихъ собесѣдниковъ мудреными вопросами, — однимъ словомъ, стремилась возбуждать удивленіе. У нея всегда былъ на все готовый отвѣтъ, и она умѣла блестящимъ образомъ поддерживать разговоръ. Все это на первый взглядъ казалось очень мило, но потомъ обнаруживало легкій характеръ и поверхностный умъ, прикрытый только внѣшнимъ лоскомъ. Профессорша, напротивъ, никогда не старалась привлечь на себя вниманія, никогда ничего не требовала, но съ благодарностью принимала то, что ей давали и съ своей стороны предлагала много такого, что вызывало на серьезные размышленія.

Въ наружности этихъ женщинъ не было ни малѣйшаго сходства. Профессорша никакъ не могла похвастаться тѣмъ, что называется аристократическимъ видомъ. Довольно полная, съ волосами пепельнаго цвѣта, она производила впечатлѣніе миловидной опрятности, которая такъ часто встрѣчается въ картинахъ фламандской школы. Въ обращеніи ея проглядывала большая сдержанность. Она спокойно выслушивала все, что ей ни говорили, и безъ всякаго нетерпѣнія выжидала минуты, когда наста-

нетъ ея очередь выразить свое мнѣніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прямо обращались съ вопросомъ, на который она не хотѣла отвѣчать, она дѣлала видъ, что его не слышитъ, а затѣмъ, когда это не удавалось, отвѣчала по возможности коротко, никогда не высказываясь болѣе, чѣмъ того желала. Вообще она рѣдко выходила изъ предѣловъ благоразумнаго спокойствія, и при всемъ томъ почти всегда была центромъ того общества, въ которомъ находилась. Отличительную черту ея характера составляла безграничная правдивость. Она никогда, изъ желанія блеснуть, ни на шагъ не отступала отъ истины, не улыбалась тому, что не было смѣшно, всякой вещи придавала надлежащій смыслъ, всякую рѣчь выслушивала съ соответствующимъ ея значенію вниманіемъ. Эта правдивость нисколько не противорѣчила ея сдержанности. Она никогда не произносила ни слова неправды, но ничуть не считала нужнымъ говорить все, что знаетъ и думаетъ. Эта послѣдняя черта, которую нивагъ нельзя отнести къ хитрости, напротивъ, служить несомнѣннымъ признакомъ ума, а умъ есть добродѣтель, равняющаяся добротѣ. Сама природа ума потому, что облечена нѣкоторою таинственностью.

Профессорша была очень счастлива тѣмъ, что ей наконецъ встрѣтилась возможность удовлетворять своему вкусу въ ботаникѣ. Оранжереи Зонненкампа представляли большое обиліе дорогихъ и рѣдкихъ растений, а самъ онъ не скупился на разнаго рода объясненія.

Мать и тетка Эриха были очень дружны, не смотря на различіе характеровъ, которое вполне отразилось въ ихъ пристрастіи къ двумъ, не имѣющимъ ничего между собою общаго отраслямъ науки. Профессорша съ любовью изучала ботанику, а тетка Клавдія астрономію. Послѣдняя особенно тщательно скрывала свои познанія. Она нерѣдко проводила цѣлыя вечера на башнѣ, вооруженная маленькимъ телескопомъ и дѣлала тамъ свои наблюденія. Съ другой стороны, профессорша ежедневно удалялась на нѣсколько часовъ въ оранжерею или гуляла въ паркѣ, изучая разные образчики растений. Зонненкампъ однажды показалъ ей свой разсадникъ фруктовыхъ деревьевъ. Профессорша, вмѣсто того, чтобы выказать удивленіе, къ которому его пріучили другіе посѣтители, съ такимъ знаніемъ дѣла распространилась о французскомъ садоводствѣ, что онъ былъ до крайности изумленъ. Ей казалось въ высшей степени страннымъ, что именно безпокойные французы, отвлекаясь на мгновеніе отъ бурнаго потока своего политическаго существованія, съ такой заботливостью занимаются мирнымъ дѣломъ садоводства. Лицо Зонненкампа просіяло, когда она замѣтила, что его способъ раз-

веденія плодовъ свидѣтельствуеть о замѣчательномъ административномъ талантѣ. Онъ такъ хорошо умѣеть угадывать, какой плодъ требуетъ или заслуживаетъ болѣе тщательнаго ухода, какой долженъ быть принесенъ въ жертву и сорванъ еще незрѣлымъ.

Зонненкамъ очень любезно поблагодарилъ за похвалу, но мысленно восхищался своею проницательностью, которая заставляла его подозрѣвать въ словахъ профессорши ловкую лесть. Эта женщина, думалъ онъ, передъ своимъ прїѣздомъ сюда, явно постаралась нахвататься кое-какихъ свѣдѣній въ ботаникѣ, съ цѣлю ему понравиться. Онъ сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ ея познанія за чистую монету, но въ то же время далъ себѣ слово не поддаваться такого рода уловкамъ.

Желая однако отплатить любезностью за любезность, онъ весьма дружелюбно предоставилъ весь свой домъ въ полное распоряженіе матери и тетки Эриха.

Съ женой Зонненкампа профессорша держала себя очень осторожно и вообще рѣдко ее навѣщала. Но это только побудило Цереру, почти нивогда не выходившую изъ своихъ комнатъ, самой къ ней являться. Впрочемъ и она не замедлила ощутить на себѣ благотворное вліяніе прекрасной души профессорши. Мать Эриха можно было по справедливости назвать жрицей, которая постоянно поддерживаетъ на алтарѣ священный огонь. Когда Церера приставала къ ней съ разспросами о придворной жизни, она мало-по-малу обращала ея мысли и на другіе, болѣе серьезные предметы и старалась пробуждать въ ней къ нимъ интересъ.

Тетушка Клавдія, не смотря на то, что всегда держалась въ сторонѣ, тоже не мало содѣйствовала къ оживленію дома. Большой ройяль, такъ долгое время безмолвно стоявшій въ концертной залѣ, вдругъ пробудился и сталъ издавать вдохновенные звуки. Роландъ, было совсѣмъ переставшій заниматься музыкой, умолялъ тетушку давать ему уроки. Домъ, который Эрихъ называлъ мертвымъ, потому что въ немъ не было музыки, внезапно наполнился новой, свѣжей жизнью. Въ немъ, съ прїѣздомъ матери и тетки Эриха, водворилось дотолѣ неизвѣстное ему довольство, и съ лица Зонненкампа не сходило прїятное выраженіе, какого въ немъ до сихъ поръ еще никто не замѣчалъ. Церера, сидя однажды около мужа въ концертной залѣ, сказала:

— Не понимаю, какъ это мы до сихъ поръ жили безъ нихъ.

Разъ какъ-то тетушка Клавдія играла съ особеннымъ воодушевленіемъ и, снисходя на просьбу Эриха, два раза повторила одну и ту же пьесу. Церера шепнула профессоршѣ:

— Я вамъ завидую, что вы все такъ глубоко понимаете и умѣете изъ всего извлекать наслажденіе.

Она явно хотѣла порисоваться этой заученной фразой, но профессорша ее невольно изобличила.

— Всякій чѣмъ-нибудь да наслаждается въ жизни, сказала она: кто природой, кто искусствомъ. Вся сила въ томъ, чтобы быть искреннимъ и не притворяться. Для наслажденія тѣмъ или другимъ предметомъ нѣтъ необходимости, ни его вполне понимать, ни быть ученымъ. Видь этихъ горъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, однако я не знаю, изъ какихъ слоевъ онѣ состоятъ, и не имѣю ни малѣйшаго понятія о многомъ изъ того, что извѣстно о нихъ ученымъ. Такъ точно и вы можете наслаждаться музыкой, будьте только искренни, а затѣмъ все остальное придетъ само собой.

Никто, не исключая самой Цереры, не подозрѣвалъ, что она въ этотъ вечеръ вышла изъ концертной залы другою, чѣмъ была. Въ сердце ея упало сѣмя: кто знаетъ, что изъ него выростеть? Никогда нельзя опредѣлительно сказать, въ какую минуту и какое именно слово, запавъ человѣку въ душу, отзовется на его потребности. Церера ни о чемъ подобномъ не думала, но тѣмъ не менѣе ощущала какое-то бессознательное довольство, узнавъ, что можно, не будучи ученой, многимъ наслаждаться въ жизни и природѣ.

Мирное существованіе обитателей виллы было внезапно нарушено. Въ одинъ прекрасный день на дворѣ виллы, усыпанной крупнымъ пескомъ, раздался шумъ волесъ; немного спустя на лѣстницѣ послышался шелестъ длиннаго шелковаго платья, и въ комнату вошли Белла и ея мужъ.

ГЛАВА V.

ДВОЙНАЯ ИГРА.

Встрѣча съ добрыми друзьями, посреди новой обстановки, всегда возбуждаетъ самыя пріятныя ощущенія. Приѣздъ Клодвиги и Беллы доставилъ профессоршѣ большое удовольствіе. Белла обняла ее съ не совсѣмъ естественной горячностью, а Клодвигъ взялъ ее за обѣ руки.

— Но гдѣ же Эрихъ? не замедлила спросить Белла, и ерѣпко сжала руку тетюшки. Она казалось чувствовала потребность въ опорѣ.

Тревожно поглядывая, то на Клодвигу, то на Беллу, про-

фессорша объявила, что въ этомъ домѣ строго придерживаются правила, ни подъ какимъ предлогомъ не прерывать занятій Роланда, хотя бы то было ради такого пріятнаго семейнаго событія, какъ пріѣздъ столь дорогихъ гостей. Она сдѣлала особенное удареніе на словѣ: семейное событіе. Зонненкампъ, любезно кланяясь, замѣтилъ, что на этотъ разъ можно бы сдѣлать исключеніе, но Клодвигъ просилъ не нарушать заведеннаго порядка. Белла отпустила руку тетушки и стояла съ опущенными глазами. Профессорша пристально на нее смотрѣла. Графиня имѣла свѣжій и бодрый видъ. Ея нарядное платье прикрывалось большимъ шелковымъ голубымъ платкомъ, изъ-подъ котораго по временамъ выглядывали прекрасныя обнаженныя руки.

Общество отправилось въ паркъ, Зонненкампъ съ наслажденіемъ слушалъ, какъ профессорша выставляла на показъ его искусство въ дѣлѣ садоводства. Онъ вскорѣ раскланялся и пошелъ къ женѣ объявить ей о пріѣздѣ гостей, порѣшивъ, что она въ этотъ день не должна быть больна.

Клодвигъ шелъ съ тетушкой Клавдіей, Белла съ профессоршей. Между первыми вскорѣ завязался оживленный разговоръ. Тетушка не только отлично играла на фортепьяно, но и сама уподоблялась этому инструменту. Чутвость души ея была поразительна. Всякій, кто къ ней прикасался, будь онъ виртуозъ или ребенокъ, какъ бы извлекалъ изъ нея звуки, соотвѣтствующіе его вкусамъ и наклонностямъ.

Белла начала спрашивать профессоршу объ ея хозяйвахъ, но замѣтивъ, что та отвѣчала неохотно, сама начала безъ умолку говорить. Щеки ея горѣли, платокъ спустился съ плечъ и обнажилъ изящной формы руки.

— Жаль, сказала она вдругъ, что Клодвигъ раньше не зналъ вашей невѣстки.

— Графъ съ ней, какъ вамъ извѣстно, давно знакомъ, отвѣчала профессорша. Онъ находилъ въ ея обществѣ большое удовольствіе до тѣхъ поръ, пока при дворѣ не явилось другое свѣтило, которое всѣхъ затмило. Онъ зналъ ее прежде васъ.

Белла замолчала. Профессорша мелькомъ на нее взглянула. Что такое съ этой женщиной? думала она. Что означаетъ ея тревога и эти быстрые переходы отъ одного предмета въ другому?

Между тѣмъ пришли Эрихъ и Роландъ. Белла быстро надернула на плечи платокъ и протянула Эриху только кончики пальцевъ.

Роландъ былъ очень веселъ, а Эрихъ, напротивъ, серьезенъ. Всякій разъ, что онъ взглядывалъ на Беллу, взглядъ его быстро

по ней скользилъ и опускался въ землю. Она поздравила его съ прїѣздомъ матери и сказала:

— Мнѣ кажется, что если бы васъ кто-нибудь встрѣтилъ въ путешествіи, и тотъ, по одному вашему виду, догадался бы, что у васъ еще есть мать — и какая мать! Когда человѣкъ лишается такой матери, надъ нимъ точно надвигается мрачная туча.

Белла говорила задушевнымъ тономъ, но въ то же время съ странною улыбкой на губахъ, а взоръ ея какъ будто вызывалъ похвалы за то, что въ головѣ ея таились такія прекрасныя мысли.

Пришелъ Зонненкампъ и, поглаживая себѣ подбородокъ, пригласилъ дамъ къ женѣ, на здоровье которой, прибавилъ онъ, прїѣздъ дорогихъ гостей благотворно подѣйствовалъ. А мужчинамъ онъ предложилъ прогуляться въ крѣпость, взглянуть на успѣхи работъ и на вновь открытыя римскія древности. Белла мимоходомъ шутливо побранила Зонненкампа за то, что онъ отнялъ у нее профессоршу и тетущку Клавдію, а потомъ послѣдовала за другими дамами въ залу близъ оранжерей. Мужчины поѣхали въ крѣпость. Немного спустя, Церера была готова сопровождать гостей въ концертную залу, гдѣ тетущка Клавдія не заставила себя долго просить и сѣла за фортепьяно. Белла помѣстилась между профессоршей и Церерой, а фрейленъ Пэрини стала у рояля. Когда тетущка окончила первую пьесу, Белла спросила:

— Фрейленъ Дорнэ, часто вы акомпанируете пѣнію вашего племянника?

Тетущка отвѣчала отрицательно, прибавивъ, что Эрихъ никогда не поетъ въ обществѣ, ссылаясь на невозможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ.

Профессорша снова пристально посмотрѣла на Беллу. Графиня думала объ Эрихѣ и, казалось, не могла, да и не хотѣла, этого скрыть. Тетущка заиграла новую пьесу, а Белла сказала профессоршѣ:

— Вы непременно должны мнѣ что-нибудь отъ себя удѣлить. Пожалуйста, отпустите ко мнѣ въ Вольфсгартенъ вашу belle-soeur.

— Я не имѣю никакого права распоряжаться своей belle-soeur. Но прошу васъ, не будемъ разговаривать. Тетущка вообще очень невзыскательна, но не любитъ, когда говорить во время ея игры.

Въ залѣ водворилось молчаніе. Слушая блестящее исполненіе одного изъ произведеній Моцарта, обѣ женщины погрузились въ размышленіе. Трудно опредѣлить, о чемъ думала Белла.

Мысли ея носились туда и сюда, попеременно возбуждая въ ней радость и печаль и погружая ея то въ отчаяніе, то въ восторгъ. Профессорша между тѣмъ извлекала изъ своихъ наблюденій грустныя заключенія, которыя заставляли ея глубоко страдать.

Музыка прекратилась, а Белла воскликнула:

— Какъ счастливъ былъ Моцартъ и какое глубокое счастье доставляетъ онъ другимъ. Онъ, конечно, тоже много страдалъ, но его печаль и жалобы сложились въ такіе стройные, величавые звуки! А вашъ покойный мужъ любилъ музыку?

— О, да! Онъ часто говаривалъ: новѣйшее человѣчество выражаетъ въ музыкѣ самыя поэтическія стремленія своего духа и изливаетъ въ ней тотъ избытокъ энергіи, который въ былое время находилъ себѣ отголосокъ въ мнѣическихъ сказаніяхъ древности. Музыка поражаетъ ощущенія, которыя, унося насъ за предѣлы дѣйствительнаго, видимаго міра, поддерживаютъ въ насъ возвышенное настроеніе духа.

Затѣмъ дамы отправились на веранду и занялись попутаями. Белла обратилась къ одному изъ нихъ съ разговоромъ о его собратѣ, живущемъ въ Вольфсгартенѣ, въ роскошной влѣткѣ, изъ которой его часто выпускаютъ на волю. Онъ улетаетъ въ лѣсъ, но не долго тамъ остается. Онъ слишкомъ знатенъ для того, чтобы самому добывать себѣ пищу, и потому всегда добровольно возвращается въ свою позолоченную тюрьму.

Румянецъ на щекахъ Беллы все стумцался, губы ея дрожали, и она рѣшилась немедленно привести въ исполненіе свой планъ на счетъ тетушки Клавдіи. Она такъ горячо стала ея упрашивать, въ словахъ ея звучало такое дѣтское довѣріе и въ то же время настойчивость, что тетушка Клавдія наконецъ согласилась и дала обѣщаніе пріѣхать къ ней на нѣсколько дней.

— Вы увидите, съ торжествомъ замѣтила Белла профессоршѣ: фрейленъ Дорнэ отлично сойдется съ Клодвигомъ: они точно другъ для друга созданы.

Профессорша быстро на нее взглянула. Неужели дѣло зашло уже такъ далеко, и эта женщина теперь хлопочетъ о томъ, чтобы вознаграить мужа за нанесенное ему зло?

ГЛАВА VI.

ТОСКУЮЩАЯ, НО МУЖЕСТВЕННАЯ МАТЬ.

Передъ обѣдомъ дамы разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы немного пріодѣться.

Профессорша сидѣла у себя въ уборной, сложивъ руки на колѣняхъ и опустивъ глаза въ землю. Все, чему ей въ этотъ день привелось быть свидѣтельницей, ее сильно поразило. Ей былъ нанесенъ жестокий ударъ, сердце ея болѣзненно сжималось, а въ глазамъ подступали слезы, которымъ она однако не хотѣла дать воли. «Неужели, думала она, мы для того дѣлѣемъ и воспитываемъ нашихъ дѣтей, стараемся пробуждать въ нихъ мысли и чувство, чтобы они кончали..... или нѣтъ, чтобы они, лишь только станутъ на ноги, начинали злоупотреблять своими силами и волей? Къ чему развивать ихъ умъ и обогащать его познаніями, если все это должно служить только прикрытіемъ, маской для всякаго рода низкихъ поступковъ?»

«О Боже мой, Боже мой!» восклицала она, закрывъ лицо руками. Бѣдная мать мысленно представляла себѣ чистоту Эриха запятнанной, его честность, возвышенныя стремленія, благородство—навсегда погибшими, и ей казалось, будто она сама погибаетъ. Сынъ ея измѣнилъ правдѣ—какъ могла она послѣ этого радоваться его красотѣ, уму и краснорѣчію? Она вспомнила о мужѣ и не была въ силахъ долѣе удерживать слезы. Покойный профессоръ часто говаривалъ: «всякій человѣкъ считаетъ свѣтъ въ конецъ испорченнымъ и думаетъ про себя, зачѣмъ же я одинъ буду составлять исключеніе и чуждаться наслажденій, которымъ другіе такъ необузданно предаются? И вслѣдствіе этого число дурныхъ людей все увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число страждущихъ....» Великодушный Клодвигъ питаетъ въ немъ безграничную дружбу и довѣріе.... Они ему въ отвѣтъ улыбаются, пожимаютъ ему руки, а въ душѣ желаютъ его смерти.... И ко всему этому Эрихъ еще воспитываетъ другого, учитъ его самообладанію, честности.... а самъ!... страшно подумать! Чтò станетъ съ этой пылкой женщиной, которую гордость до сихъ поръ не допускала никому вполнѣ отдаться?... Чтò скажутъ Зонненкампъ, его жена, фрейленъ Пэрини, патерь? Смотрите, заговорятъ они въ одинъ голосъ: смотрите, вотъ онѣ, эти гордыя души, эти свободно-мыслящіе люди, которые то и дѣло толкуютъ о благѣ человѣчества, о добродѣтели, а въ тайнѣ

предаются разврату, не стыдятся ни лжи, ни измѣны, ни лицемерія.

Во дворѣ вѣхалъ экипажъ. Профессорша быстро вскочила съ мѣста и сильно дернула за звонокъ. Явился слуга, и она приказала ему, какъ можно скорѣе, позвать къ ней сына.

Эрихъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ казался взволнованнымъ и въ недоумѣннн смотрѣлъ на мать.

— Садись, сказала она ему. Эрихъ повиновался.

Профессорша приложила руку ко лбу. Она колебалась, высказать ли ей прямо всѣ свои сомнѣннн сыну, или только слегка предупредить его на счетъ угрожавшей ему опасности. Чтѣ можетъ мать, или чтѣ могутъ вообще родители, когда ихъ взрослый сынъ внезапно сворачиваетъ съ пути добродѣтели? Разъ совершивъ проступокъ, онъ по неволѣ продолжаетъ лгать: онъ долженъ ложью прикрывать и себя, и свою сообщницу.

— Милый сынъ, начала профессорша дрожащимъ отъ волненнн голосомъ, прости меня, если я, внезапно вызванная изъ уединеннн, не буду въ состояннн скоро свыкнуться съ здѣшнимъ образомъ жизни. Я удивляюсь твоей силѣ и мужеству.... Ну, хорошо, хорошо, мы объ этомъ больше не будемъ говорить.... Что же я хотѣла тебѣ сказать? Да, графиня Вольфсгартенъ, жена нашего друга.... она сдѣлала особенное удареннн на послѣднихъ словахъ, на мгновеннн остановилась, затѣмъ спокойно продолжала: желаетъ, чтобы тетущва Клавднн у ней поселилась.

— Ахъ, какъ это хорошо, какъ я этому радъ!

— Почему? Ты вѣрно забываешь, что я останусь совершенно одна въ чужомъ домѣ.

— Ахъ, милая матушка, ты не одна, а тетущку Клавднню ожидаетъ въ Вольфсгартенѣ серьезное дѣло. Графиня Белла, не смотря на то, что жизнь ея такъ полна, находится въ постоянной тревогѣ, терзается сомнѣнннми, бесплодными желанннми, и я полагаю, что ясная, твердая душа тетущки Клавднн на нее успокоительно подѣйствуетъ. Разстаться съ ней, конечно, большая для тебя жертва, но подумай, какъ многое отъ этого зависитъ.

Лицо матери приняло болѣе спокойное выраженнн, и она съ улыбкой сказала:

— Здѣсь, какъ видно, каждому изъ насъ предстоитъ свое особенное дѣло. Мы всѣ превратились въ воспитателей и наставницъ. Но скажи мнѣ, какаго ты мнѣннн о графинѣ Беллѣ, женѣ нашего друга?

Эриха точно кольнуло въ сердце. Онъ понялъ, какъ глубоко страдала его мать. Ужъ не проговорила ли какъ-нибудь Белла, не вырвалось ли у нея неосторожное слово о томъ, чтѣ не должно

быть, и вслѣдствіе чего мать теперь вправѣ подозрѣвать его въ обманѣ и измѣнѣ. Настало молчаніе. Лицо профессорши снова омрачилось, и она повторила вопросъ:

— Отъ чего ты мнѣ не отвѣчаешь? сказала она.

— Ахъ матушка, я считала себя гораздо болѣе готовымъ къ жизни, а на дѣлѣ выходитъ, что я безпрестанно ошибаюсь! Я съ нѣкоторыхъ поръ пересталъ довѣрять своему сужденію о людяхъ, убѣдившись, что, подъ впечатлѣніемъ минуты, не рѣдко произношу ошибочныя мнѣнія. Мое знаніе людей весьма ограничено, хотя покойный отецъ и увѣрялъ, будто я особенно силенъ въ физиогноміи. Можетъ быть и такъ. Я въ состояніи изслѣдовать въ его прошломъ и настоящемъ всякое явленіе нравственнаго міра, я могу съ точностью опредѣлить его послѣдствія, но тѣмъ не менѣе настоящаго знанія людей не имѣю.

Профессорша спокойно, съ опущеннымъ взоромъ выслушала это длинное вступленіе и, когда Эрихъ кончилъ, сказала:

— Со мной тебѣ нечего бояться. Мнѣ ты можешь безопасно сказать что-нибудь и не совсѣмъ зрѣлое.

— Хорошо. Дѣло въ томъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, что въ этой, щедро надѣленной отъ природы, впечатлительной женщинѣ еще не улеглась борьба между различными стремленіями къ добру и злу, между желаніемъ казаться и потребностью дѣйствительно быть чѣмъ-нибудь прекраснымъ. Развѣтїе ея нравственныхъ силъ, какъ будто, было до сихъ поръ чѣмъ-то стѣснено, и въ моихъ глазахъ она еще не достаточно подготовлена для выполненія той серьезной задачи, которая выпала ей на долю, а именно украшать собой закатъ жизни чело-вѣка, подобнаго Клодвигу.

— Да, графъ Клодвигъ дѣйствительно прекрасный человѣкъ и оскорбить его было бы все равно, что совершить кощунство, замѣтила профессорша.

Она какъ-то особенно рѣзко произнесла послѣднее слово и продолжала:

— Ты вѣрно угадалъ. Пранкены вообще отличаются смѣлымъ и предпріимчивымъ нравомъ. Жизнь Беллы, повидимому, прошла спокойно, но одно событіе имѣло на нее роковое вліаніе. Въ молодости, или лучше сказать въ возрастѣ, когда она еще могла считаться молодой, но еще не была замужемъ.... ей тогда минуло 23 года.... ей пришлось сопровождать въ вѣнцу ея младшую сестру. Она, повидимому, перенесла это съ большой покорностью, но съ тѣхъ поръ въ ней произошла какая-то странная перемѣна, она вдругъ состарѣлась и стала держать себя какъ-то ужъ чересчуръ скромно. Это было въ ней не искренно, и въ глу-

бинѣ ея души таилась горечь. Сестра ея вскорѣ умерла, не оставивъ дѣтей. Белла никогда ее не любила, а между тѣмъ постоянно притворялась, будто по ней сильно тоскуетъ. У Беллы не было матери... или нѣтъ, она имѣла мать, но величайшимъ торжествомъ этой женщины было слушать, какъ ей говорили: «ваша дочь прекрасна, но далеко не такъ хороша, какъ были вы въ молодости!» Красота въ глазахъ Пранкеновъ всегда играла главную роль. Белла, въ сожалѣнію, есть не что иное, какъ продуктъ несчастнаго положенія вещей, въ силу котораго извѣстный классъ общества стремится исключительно къ тому, чтобы блистать въ свѣтѣ. Они посѣщаютъ театры, съ цѣлю записаться тамъ остроуміемъ,—церкви, чтобы прослыть религіозными. Все значеніе женщины въ этомъ кругу заключается въ ея красотѣ, и съ приближеніемъ старости ей ничего больше не остается, какъ заниматься интригами, или ханжествомъ. Стоитъ ли жить для того, чтобы быть въ состояніи сказать: я въ теченіи моей жизни вышила шерстью и шелками отъ восьми сотъ до тысячи аршинъ канвы, изъ которой сдѣлала столько-то диванныхъ подушекъ. У Беллы нѣтъ дѣтей, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ обязанностей...

— Поэтому-то же самому, перебилъ Эрихъ свою мать, я и желаю, чтобы тетушка Клавдія на время поселилась въ Вольфсгартенѣ. Нѣтъ надобности сообщать ей нашихъ соображеній. Спокойствіе составляетъ отличительную черту ея характера. Она никогда ни съ чѣмъ не боролась, потому что никогда не желала ничего такого, что бы противорѣчило законамъ чести и здраваго смысла. Вслѣдствіе этого, уже одно ея присутствіе должно успокоительно дѣйствовать на окружающихъ. Высоко цѣня графиню Беллу, жену нашего друга, я въ тоже время желалъ бы исполнить долгъ въ отношеніи великодушнаго Клодвига и сохранить ему во всей чистотѣ и прелести главное счастье его жизни.

— Хорошо, пусть тетушка Клавдія ѣдетъ въ Вольфсгартенъ. А теперь, сынъ мой, оставь меня.... ахъ, нѣтъ, погоди: я хочу тебѣ еще что-то сказать. Выслушай меня терпѣливо, хотя бы мои слова и показались тебѣ ребяческими. Когда я сегодня видѣла, какъ ты проворно бѣжалъ по саду, я вспомнила, съ какимъ удовольствіемъ твой отецъ рассказывалъ о своемъ странствіи съ тобой по швейцарскимъ горамъ. Тебѣ было тогда всего одиннадцать лѣтъ, но отецъ твой не могъ налюбоваться на проворство и ловкость, съ какими ты взбирался на крутизны и снова спускался въ долины. Твой младшій братъ то и дѣло спотыкался, получалъ ушибы и царапины — ты же никогда не падалъ.

Она съ особеннымъ выраженіемъ посмотрѣла на сына, и провела ему рукой по лицу.

— Но довольно болтать, иди, мнѣ пора одѣваться къ обѣду.

Она поцѣловала его въ лобъ, онъ ушелъ, но за дверью остановился и сложивъ руки, воскликнуть:

— Благодареніе Вѣчной Силѣ, за то, что она мнѣ сохранила мать! Мать всѣхъ насъ спасаетъ!

ГЛАВА VII.

СТАТИСТИКА ЛЮБВИ.

Когда все общество снова собралось въ столовой, къ нему какъ будто случайно присоединился докторъ. Но дѣйствительно ли онъ случайно пріѣхалъ и не руководило ли имъ желаніе поближе взглянуть на отношенія Эриха къ Беллѣ?

Онъ съ большимъ уваженіемъ поклонился профессоршѣ, но та принуждена была сознаться, что никогда не слышала отъ своего покойнаго мужа имени доктора Рихарда. Это ее тѣмъ болѣе удивляло, что профессоръ никогда не забывалъ своихъ отсутствующихъ друзей и часто съ любовью о нихъ вспоминалъ.

— Но, тѣмъ не менѣе, я былъ его другомъ! громко воскликнулъ докторъ, а вслѣдъ за тѣмъ тихонько замѣтилъ:— передъ вами я не намѣренъ даже самымъ невиннымъ образомъ лгать: вашъ мужъ меня очень мало зналъ, но я былъ ученикомъ его отца. Это мнѣ не помѣшало отрекомендоваться вашему сыну другомъ покойнаго профессора, потому что я могъ такимъ образомъ скорѣе всего быть ему полезенъ. Опъ здѣсь окруженъ многими опасностями.

Профессорша ласково его поблагодарила, но въ душѣ ея снова возникли сомнѣнія. Этотъ человекъ тоже явно намекалъ на Беллу.

Въ числѣ гостей находился художникъ, дѣлавшій портретъ «виннаго графа». Патеръ, котораго ожидали, тоже не замедлил явиться. Всѣ сожалѣли объ отсутствіи маіора, уѣхавшаго куда-то праздновать Ивановъ-день. Маіоръ всегда съ точностью исполнялъ предписанія масонскаго братства, уважая ихъ наравнѣ съ военными законами.

За обѣдомъ шелъ оживленный разговоръ. Докторъ освѣдомился у художника, скоро ли онъ окончитъ свою картину, изображающую Пентефріеву жену, а тотъ воспользовался случаемъ и пригласилъ все общество взглянуть на мастерскую, которую ему на гѣто устроилъ въ своемъ домѣ баронъ фонъ-Эндлихъ.

— Странно! воскликнулъ докторъ, всё такъ много толкуютъ о Пентефриевой женѣ, а между тѣмъ никто не знаетъ, какъ ее звали. Она вообще извѣстна только подъ именемъ своего мужа, и всякій разъ, что вы, господа художники, желаете изобразить роскошное тѣло, вы рисуете ее въ болѣе или менѣ скромномъ видѣ.

— Этотъ разсказъ изъ Ветхаго Завѣта, замѣтилъ патеръ, соответствуетъ разсказу о грѣшницѣ въ Новомъ Завѣтѣ. Въ нихъ обоихъ еще разъ проявляется та таинственная, нравственная связь, соединяющая все человѣчество въ одну семью, которая въ теченіи вѣковъ казалась какъ бы порванною и безслѣдно-пропавшею. Чтò въ Ветхомъ Завѣтѣ представляется въ видѣ возбуждающаго тревожнаго сомнѣнія вопроса, то въ Новомъ разъясняется самымъ удовлетворительнымъ, успокоивающимъ душу образомъ.

Клодвигъ былъ очень доволенъ оборотомъ, какой принималъ разговоръ. Онъ всегда бывалъ счастливъ, когда передъ нимъ открывалось новое поле для размышлений, и ему представлялась возможность чему-нибудь научиться.

— Достопочтенный патеръ и вы, многоуважаемая госпожа Дорнэ, снова началъ докторъ, который въ этотъ день казался еще разговорчивѣе обыкновеннаго: вы оба много видали на своемъ вѣку и могли бы оказать большую услугу одному изъ моихъ друзей.

— Я? спросилъ патеръ.

— И я? повторила профессорша.

— Да, вы. Нашъ вѣкъ вступилъ въ совершенно новый фазисъ изслѣдованія мировыхъ законовъ. Всякая вещь, положеніе и даже чувствованіе, которые прежде казались недоступными анализу, теперь подводятся подъ извѣстныя правила и покорно укладываются въ сѣть статистическихъ соображеній и выводовъ. Ужъ чего свободнѣе, неподатливѣе на изслѣдованіе, неувимѣе любви и брака, а между тѣмъ и къ нимъ успѣли примѣнить цифры и извлечь изъ жизненнаго опыта законъ, среднимъ числомъ опредѣляющій, сколько ежегодно совершается разводовъ. Но мой другъ, о которомъ я говорю, идетъ еще далѣе. Онъ изъ ряда наблюденій выводитъ правило и подтверждаетъ его статистическими данными, что между браками, гдѣ мужчина гораздо старѣе женщины, среднимъ числомъ оказывается больше счастливыхъ, чѣмъ между тѣми, которые заключаются по, такъ-называемой, страстной любви. Теперь обращаюсь къ вамъ достопочтенный патеръ, и къ вамъ, госпожа Дорнэ, и прошу васъ, скажите

откровенно, вашъ собственный опытъ подтверждаетъ это заключеніе, или нѣтъ?

Профессорша молчала, но патеръ замѣтилъ, что одна религія освящаетъ бракъ и даетъ людямъ необходимыя силы для выполненія обязанностей, которыя онъ на нихъ возлагаетъ. Затѣмъ патеръ поспѣшилъ дать другое направленіе разговору.

Зонненкампъ объявилъ о намѣреніи маіора, лишь только въ крѣпости будетъ вполнѣ восстановлена рыцарская зала, устроить тамъ большой праздникъ для каменщиковъ. Потомъ онъ, обратясь въ Клодвигу, спросилъ, какъ смотритъ нынѣшній герцогъ на масонскія общества. Клодвигъ слышалъ, что герцогъ въ молодости самъ былъ членомъ этого братства, и теперь сильно ему покровительствовалъ.

Разговоръ пересталъ быть общимъ. По окончаніи обѣда всѣ весело встали изъ-за стола, а докторъ раскланялся и уѣхалъ.

Наконецъ было окончательно рѣшено, что тетушка Клавдія поѣдетъ въ Вольфсгартенъ, но такъ какъ она не могла немедленно собраться, то графъ и графиня согласились переночевать на виллѣ и завтра уже вмѣстѣ съ нею отправиться къ себѣ.

Белла была очень весела. Зонненкампъ подарилъ ей одного изъ попугаевъ, и она выбрала самаго диваго и непокорнаго, говоря, что не замедлитъ сдѣлать его ручнымъ.

Насталъ вечеръ. Роландъ упросилъ Эриха покататься съ нимъ въ лодкѣ. Тетушка и Белла къ нимъ присоединились; Церера, въ сопровожденіи фрейленъ Пэрини, удалилась къ себѣ; Зонненкампъ извинился и ушелъ въ кабинетъ писать письма; профессорша осталась на-единѣ съ Клодвигомъ.

Съ лодки безпрестанно раздавались шутки и смѣхъ. Белла не отставала отъ другихъ, весело острила, и опустивъ руку въ воду, играла обручальнымъ вольцомъ.

— Понятенъ ли вамъ смыслъ рѣчей доктора? внезапно спросила она у Эриха.

— Еслибъ я захотѣлъ ихъ понять, отвѣчалъ онъ, то мнѣ бы за тѣмъ ничего болѣе не осталось, какъ обидѣться.

— Не можете ли вы мнѣ объяснить, почему меня, съ нѣкоторыхъ поръ, такъ сильно преслѣдуетъ тоска? опять спросила Белла.

— Возвышенныя натуры бываютъ часто этому подвержены — по крайней мѣрѣ такъ думалъ еще и Аристотель, возразилъ Эрихъ.

Белла глубоко вздохнула. Этотъ отвѣтъ показался ей слишкомъ педантическимъ и не удовлетворилъ ее.

Разговоръ у нихъ не вязался, но Белла вскорѣ снова обратилась къ Эриху и быстро проговорила:

— Присутствіе на виллѣ вашей матушки меня глубоко оскорбляетъ.

— Васъ оскорбляетъ?

— Да. Мнѣ невыносима мысль, что этотъ человѣкъ, съ помощью своихъ денегъ, можетъ по-произволу перемѣщать людей. Слова Беллы навели на Эриха раздумье.

Между тѣмъ профессорша сидѣла съ Клодвигомъ и говорила ему, какъ ей пріятно видѣть Эриха въ кругу такихъ просвѣщенныхъ друзей. Мнѣніе, что молодой человѣкъ получаетъ окончательное воспитаніе въ кругу женщинъ, можетъ быть прежде и было справедливо, но теперь ему необходимо общеніе съ умными зрѣлыми мужчинами.

Между профессоршей и Клодвигомъ вскорѣ завязалась одна изъ тѣхъ дружескихъ бесѣдъ, которыя свидѣтельствуютъ, что, хотя собесѣдники до сихъ поръ и существовали совершенно отдѣльно, по среди совсѣмъ различныхъ обстоятельствъ, они тѣмъ не менѣе жили одною духовною жизнью.

Профессорша хорошо знала первую жену Клодвига и теперь сказала о ней нѣсколько задушевныхъ словъ. Клодвигъ оглянулся, какъ бы желая удостовѣриться, что по близости не было Беллы. Онъ никогда въ ея присутствіи не говорилъ о своей покойной женѣ. Многіе увѣряли, будто Белла обязала его къ этому влчвой. Но то была чистая клевета. Клодвигъ никогда не снизошелъ бы на подобнаго рода требованіе, а Белла никогда и не подумала бы на этомъ настаивать.

Разговоръ продолжался въ полголоса. Клодвигъ и профессорша находили одинъ въ другомъ отголосокъ собственныхъ мыслей и чувствованій. Оба полагали, что величайшее счастье человѣка заключается въ томъ, что онъ быстро забываетъ всѣ трудности жизни и напротивъ долго удерживаетъ въ памяти все, что можетъ содѣйствовать къ украшенію его земного существованія.

— Да, замѣтила профессорша, мой мужъ всегда говорилъ: счастье людей, что имъ данъ этотъ даръ забвенія.

Профессорша и Клодвигъ предались воспоминаніямъ прошлаго, на которое взирали съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ люди, достигшіе высшей степени нравственнаго просвѣтленія. На высотѣ, гдѣ они стояли, умолкали всѣ личныя желанія и скорби, и жизнь ихъ сливалась съ жизнью всего человѣчества. Но Клодвигъ не могъ себѣ простить одного, а именно, что онъ такъ долго ограничивался въ жизни только ролью зрителя, въ увѣренности, что всякая идея, какая бы она ни была, сама собой развивается и слагается въ событіе. Онъ искренно радовался тому, что молодое

поколѣніе въ этомъ отношеніи на него не походить, и съ восторгомъ говорилъ объ Эрихѣ, какъ о представителѣ этого поколѣнія, осмотрительность, мужество, сдержанность и дѣятельность котораго возбуждали въ немъ самыя отрадныя надежды.

Они незамѣтно снова перешли на вопросъ о статистикѣ любви, когда въ комнату вошла Белла. Она была блѣдна, но Клодвигъ этого не замѣтилъ. Помѣстившись рядомъ съ мужемъ, она просила продолжать разговоръ, однако ни профессорша, ни Клодвигъ не возвращались болѣе къ прежнему предмету.

Графъ заговорилъ о тетускѣ Клавдіи, освѣдомился о ея вкусахъ и привычкахъ и сказалъ, что у него есть прекрасный телескопъ, который онъ отдаетъ въ ея полное распоряженіе.

Немного отдохнувъ, Белла снова ушла въ садъ.

ГЛАВА VIII.

БОРЬБА ДОЛГА СЪ ЛЮБОВЬЮ.

— Мнѣ необходимо сказать вамъ еще нѣсколько словъ. Приходите сегодня вечеромъ въ паркъ и ждите меня на скамьѣ подъ плаучей ивой, шепнулъ Эрихъ Беллѣ, выходя изъ лодки.

— Сегодня вечеромъ? переспросила она.

— Да.

— Въ паркѣ подъ плаучей ивой?

— Да.

Она подала ему руку, и они молча вернулись на виллу. Белла немедленно отправилась къ Клодвигу и профессоршѣ. Она сама не знала, зачѣмъ къ нимъ пошла, но почувствовала не малое облегченіе, увидя, какъ они дружески и спокойно бесѣдовали. Ему все равно, подумала она, съ кѣмъ бы ни говорить, лишь бы его внимательно слушали и время отъ времени давали ему толковые отвѣты. Она встала и пошла въ паркъ, гдѣ долго въ тревогѣ ходила взадъ и впередъ, стараясь умѣрить свое нетерпѣніе мыслями, что Эрихъ не можетъ такъ скоро оставить Роланда. Но она не подозрѣвала, какого это стоитъ ему труда, не потому, чтобы онъ не могъ совладать съ мальчигомъ, который всегда ему во всемъ охотно повиновался, а вслѣдствіе собственнаго возбужденнаго состоянія духа. Его упрекала совѣсть за то, что онъ усаживалъ мальчика за урокъ, единственно съ цѣлю отъ него отдѣлаться. Книгу, которую онъ передъ нимъ раскрылъ, мѣсто, которое онъ ему назначилъ для прочтенія въ свое отсутствіе, казались ему оскверненными. Но онъ видѣлъ себя въ тому вынужденнымъ

суровымъ долгомъ. Чего бы это ему ни стоило, онъ пойдетъ на это послѣднее свиданье и не измѣнитъ своей рѣшимости.

Наконецъ онъ отправился въ паркъ и засталъ Беллу на возвышеніи подъ плакучей ивой. На лицѣ ея были явные слѣды слезъ. Заслышавъ шаги Эриха, она отняла отъ лица платокъ, которымъ утирала глаза.

— Вы плакали? спросилъ онъ.

— Да, о вашей матери, о себѣ самой, о всѣхъ насъ! Сколько разъ приходилось мнѣ слышать, какъ смѣялись надъ профессоршей, какъ ее сожалѣли и порицали за то, что она послушалась меченія своего сердца и вышла замужъ за человѣка, безъ состоянія и положенія въ свѣтѣ. Доходъ въ восемьсотъ талеровъ и въ придачу любовь—были долго поговоркой при дворѣ. И что же? она оказалась всѣхъ насъ мудрѣе и счастливѣе. Ей отрадно вспоминать о своемъ прошломъ и мечтать о будущемъ, которое вы для нее олицетворяете. А мы всѣ не болѣе какъ куклы, вся задача которыхъ въ жизни пѣть, танцовать, играть на фортепіано и болтать вздоръ. Мы съ презрѣніемъ отворачиваемся отъ человѣка, который обогатился торговлей невольниками, и не замѣчаемъ, что наши знатные отцы торгуютъ собственными дѣтьми, а дѣти, въ свою очередь, продаютъ себя за лошадей, за экипажи, за наряды и за роскошныя жилища. На бѣдномъ дворянствѣ лежитъ проклятіе, наложенное на него гордостью и деспотизмомъ предковъ. Крестьянка, подбирающая въ полѣ забытые жнецами колосья, несравненно счастливѣе и свободнѣе знатной дамы, которая, отвинувшись на мягкія подушки роскошнаго экипажа, прогуливается по главнымъ улицамъ столицы.

— У меня есть до васъ просьба, началъ Эрихъ дрожащимъ голосомъ. Согласны ли вы мнѣ подарить часъ изъ вашей жизни?

— Одинъ часъ?

— Да. Хотите ли вы меня выслушать?

— Говорите, я васъ слушаю.

Она смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза, надъ которыми особенно рѣзко выдѣлялись брови; углы рта ея опустились, а полуоткрытыя губы слегка дрожали. Головъ ея, для полного сходства съ Медузой, не доставало только пары крыльевъ и двухъ змѣй, сходящихся подъ подбородкомъ. Эрихъ взглянулъ на нее и невольно вздрогнулъ. Но онъ успѣшилъ оправиться и съ внезапной рѣшимостью заговорилъ.

— Два вопроса терзаютъ мнѣ сердце. Неужели, думаю я, строгое пониманіе жизни и наука ставятъ мнѣ въ обязанность чуждаться любви? Неужели человѣкъ долженъ безпрекословно приносить себя въ жертву судьбѣ и не стараться отмѣнять ея же-

стокихъ рѣшеній? И оба эти вопроса сливаются въ одинъ и составляютъ чудовищный узелъ, подобный тому, какой образуютъ змѣи подъ подбородкомъ Медузы.

— Дальше, дальше! въ нетерпѣннн проговорила Белла.

— Знайте, что была минута, когда я едва удержался, чтобъ не броситься въ объятія къ сидѣвшей около меня прекрасной женщинѣ и не воскликнуть: люблю тебя! Эрихъ стиснулъ зубы и приложилъ руку къ сердцу.... Но вслѣдъ за тѣмъ я бы пустилъ себѣ въ лобъ пулю!

Белла опустила глаза въ землю, а Эрихъ продолжалъ:

— Эта минута лишила бы меня покоя, чести, гордости, всего на свѣтѣ. Онъ на минуту остановился, съ трудомъ перевелъ духъ и снова началъ:

— Но я не признаю за любовью права все разрушать на своемъ пути. Во мнѣ нѣтъ достаточно мужества, чтобы лгать, какъ то вообще принято въ свѣтѣ. Вы видите, на краю какой пропасти я стоялъ? Но я опомнися въ-время и сказалъ самому себѣ: Мы посланы въ мѣръ не для того, чтобы безславно и безслѣдно умирать. Знанія и воля даны намъ какъ орудія жизни, а не смерти. Какъ бы я могъ выносить солнечный свѣтъ, смотрѣть въ глаза честному человѣку, пользоваться любовью матери, толковать съ моимъ воспитанникомъ о правдѣ и добродѣтели и все время носить въ душѣ сознаніе своего проступка?

Эрихъ остановился и приложилъ руку ко лбу. Голосъ его внезапно оборвался, а на глазахъ у него навернулись слезы.

— Продолжайте, я васъ слушаю, шепотомъ проговорила Белла.

— Благодарю васъ. Я въ первый и въ послѣдній разъ такъ говорю съ вами. У васъ хватитъ мужества до конца выслушать слова правды. То, что насъ съ вами связываетъ, не есть любовь, не можетъ и не должно быть любовью. Любовь не порождаетъ ни смерти, ни лицемерія, ни измѣны. Я беру васъ за руку.... нѣтъ, я этого не сдѣлаю, потому что въ противномъ случаѣ не могъ бы съ вами разстаться. Я здѣсь стою.... говорю съ вами.... вы меня слушаете, а между тѣмъ, я далеко отъ васъ, какъ будто бы находился за много миль отсюда. Я для васъ умеръ, и то, что въ насъ до сихъ поръ таилось, пусть тоже умретъ въ самомъ зародышѣ.

— Чего вы отъ меня хотите? спросила Белла, и взглянула на Эриха, какъ бы ожидая увидѣть въ его рукѣ ножъ. Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— Я убѣжденъ, что человѣкъ, который созналъ свои заблужденія, можетъ снова выйти на истинный путь. Другъ мой, вы будете счастливы, лишь только сознаете, въ чемъ состоитъ

ваше благо. И хотя теперь сердце мое разрывается на части, я тѣмъ не менѣе знаю, что тоже буду счастливъ, какъ только научусь повиноваться долгу. Я до сихъ поръ былъ гордъ и надѣялся поборить весь міръ, — вы тоже самое думали о себѣ. Наша встрѣча съ вами должна не погубить насъ, но пробудить къ сознанию новой жизни. Я предвижу, что настанетъ день, когда мы протянемъ другъ другу руку и скажемъ.... или нѣтъ, не скажемъ, а въ глубинѣ души почувствуемъ, какъ счастливъ былъ тотъ часъ, въ который мы одержали надъ собою побѣду и возвысились въ собственныхъ глазахъ. Настоящая минута тяжела, но впереди насъ ожидаетъ спокойная и мирная будущность. Займемся серьезно выполнениемъ нашихъ обязанностей. Отецъ мой всегда говорилъ: разумный и честный человѣкъ также страстно желаетъ исполнять свой долгъ, какъ другіе стремятся наслаждаться. Другъ мой, надъ нами сверкаютъ звѣзды — вы для меня тоже звѣзда, чистоту которой я хочу сохранить незапятнанной.... Ахъ, я самъ не знаю, что говорю? Довольно. Теперь прощайте, и когда мы съ вами опять свидимся....

— Нѣтъ, останьтесь! воскликнула Белла и схватила его за руку, потомъ быстро ее отпустила, какъ будто коснулась змѣи. Отойдя отъ него на нѣсколько шаговъ и гордо закинувъ голову назадъ, она проговорила: благодарю васъ!

Эрихъ хотѣлъ отвѣчать, но остановился, думая, что ему лучше уйти, не произнося болѣе ни слова.

— Еще одинъ вопросъ, сказала Белла, правда ли, что вы прежде, чѣмъ сюда пріѣхать, видѣли Манну Зонненгампъ?

— Да.

— И вы любите ее, и пріѣхали сюда ради нее?

— Нѣтъ.

— Я вѣрю вамъ и благодарю васъ.

Ей было пріятно знать, что ее по крайней мѣрѣ не приносятъ въ жертву другой. Она дико оглянулась вокругъ, нетерпѣливо покачала головой, потомъ сказала:

— Вы правы, пусть будетъ такъ.

Она задумалась, какъ будто отыскивая въ памяти, что еще могла дать на прощанье Эриху. Затѣмъ, какъ будто пораженная новою мыслью, воскликнула:

— Будьте осторожны съ моимъ братомъ! Берегитесь его, онъ можетъ надѣлать вамъ много зла.

Эрихъ ушелъ. Ему тяжело было вернуться къ Роланду; и онъ нѣсколько времени сидѣлъ, рукой защищая глаза отъ свѣта, который, казалось, причинялъ имъ боль. Онъ, повидимому, не смѣлъ взглянуть на Роланда. Немного спустя, пришелъ слуга и доло-

жилъ, что графъ Клодвигъ и графиня Белла переимѣнили свои намѣреніе и сегодня же уѣзжаютъ домой. Они просятъ Эриха Роланда придти съ ними проститься.

Молодые люди немедленно сошли внизъ.

Тетушка Клавдія пока оставалась на виллѣ. За ней на слѣдующій день хотѣли прислать экипажъ.

Белла протянула Эриху руку, обтянутую перчаткой и тихо проговорила:

— Доброй ночи, капитанъ.

Карета уѣхала.

ГЛАВА IX.

ПОСЛѢ ВОРЪВН.

На возвратномъ пути въ Вольфсгартенъ, Белла и Клодвигъ долго молчали, погруженные каждый въ свои размышленія. Наконецъ, Клодвигъ проговорилъ:

— На сердцѣ у меня такъ отрадно! Какое счастье встрѣтить женщину, которая, доживъ до шестидесяти лѣтъ, не имѣетъ нужды раскисаться не только ни въ одномъ изъ своихъ поступковъ, но даже ни въ одной изъ мыслей.

Белла почти съ ужасомъ на него посмотрѣла. Что это? Уже не подозрѣваетъ ли онъ ее? Быть не можетъ, иначе онъ бы этого не сказалъ. Или великодушіе побуждаетъ его, намекомъ на чужую незапятнанную жизнь, пробудить въ ней сознание собственной слабости?

Она видѣла себя въ необходимости что-нибудь отвѣтить, но мысли ей не повиновались. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она быстро возразила:

— Эта женщина, не смотря на всю свою бѣдность, очень счастлива: у нея прекрасный, благородный сынъ.

Настала очередь Клодвига смутиться и въ недоумѣніи на нее посмотрѣть. Уже не проникла ли какъ-нибудь Белла въ глубину его души, гдѣ за минуту передъ тѣмъ мелькнула мысль: а что, если бы она, профессорша.... была твоей женой, а Эрихъ твой сынъ?

Клодвигъ оставилъ замѣчаніе Беллы безъ отвѣта, но въ глубинѣ души жестоко упрекалъ себя за эту, хотя и мимолетную, но дурную мысль.

Въ теченіи всей дороги они не обмѣнялись болѣе ни словомъ. Беллѣ казалось, что какая-то сверхъ-естественная сила влѣ-

зеть ее въ глубокую бездну, гдѣ ее ожидаетъ конечная погибель. Колеса издавали такой странный звукъ, а служанка и кучеръ на возлахъ казались при лунномъ свѣтѣ фантастическими существами. Карета быстро мчалась, а сердце Беллы разрывалось отъ гнѣва, стыда и гордости. Ей, повидимому, еще не скоро суждено было успокоиться.

Белла чувствовала себя жестоко оскорбленной въ собственномъ достоинствѣ. Она полагала, что уже повончила съ жизнью, а между тѣмъ сдѣлалась жертвой такого незрѣлаго, безумнаго чувства: она продолжала называть его незрѣлымъ и безумнымъ. Самолюбію ея былъ нанесенъ жестокой ударъ. Она въ первый разъ въ жизни протягивала руку и со стыдомъ видѣла, какъ ее отталкивали. Ей на минуту показалось, будто Эрихъ, изъ желанія пощадить ея самолюбіе, преувеличилъ свою любовь къ ней. Она замѣтила въ немъ что-то натянутое, какую-то фальшивую ноту. «Что съ нимъ? Гдѣ онъ? О чемъ думаетъ? Онъ, конечно, тоже глубоко страдаетъ.... Онъ меня испугался, внезапно шепнуло ей самолюбіе, и поспѣшилъ спастись отъ угрожавшей ему опасности.» Белла встрепенулась. Къ ней возвратилась ея обычная самоувѣренность. «Все это вздоръ, думала она, съ горькой улыбкой: то было легкое испытаніе, шутка, смѣлая игра. Она, Белла, сильная и неуязвимая, хотѣла только принудить молодого человека упасть къ ея ногамъ. И если бы ей это удалось, съ какимъ презрѣніемъ она бы его оттолкнула! Да, это было такъ.... Кому придетъ въ голову ей противорѣчить? Развѣ все ея прошлое не говоритъ за нее....» Но вдругъ Белла устыдилась своихъ услій самое себя втянуть въ обманъ. Что теперь будетъ? думала она. Ей оставалось только спокойно, равнодушно встрѣтиться съ Эрихомъ, котораго она все-таки успѣла предостеречь на счетъ любви къ Маннѣ. А, вотъ оно, гдѣ таилось жало, вотъ что было причиной ея пораженія! И Белла мысленно поклялась вырвать изъ своей души всякое нѣжное чувство. Природа не даромъ надѣлила ее такой энергіей и силой воли. Добродѣтель ея теперь закалилась въ пламени, и ничто болѣе не будетъ въ состояніи ее сломить.

Белла откинула вуаль, и взглянувъ на небо, какъ бы призывала звѣзды въ свидѣтельницы ея твердой рѣшимости, изгнать изъ своего сердца все слабое, малодушное, ребяческое, недостойное его. Она съ благодарностью вспомнила слова Эриха: «знаніе и сила воли даны намъ какъ орудіе жизни, а не смерти.» Съ помощью ихъ мы должны бороться со своими страстями и побѣждать ихъ.

Но пока карета медленно взбиралась на гору, Белла опять впала въ уныніе. Ей казалось, что она навсегда утратила свободу, и она быстро приподняла руки, какъ бы стараясь страхнуть

съ нихъ цѣни. Клодвигъ подумаль, что это движеніе относилось въ нему, быстро взялъ ее за руку и молча пожалъ.

Они такимъ образомъ пріѣхали въ Вольфсгартенъ. Войдя въ ярко освѣщенную залу, Клодвигъ сказалъ женѣ:

— Намъ позволено молчать, когда мы вмѣстѣ: это лучшее доказательство нашихъ дружескихъ отношеній.

Белла утвердительно кивнула головой. Она съ удивленіемъ озиралась вокругъ. Гдѣ она? Чье все это? Какая сила ее сюда перенесла? Откуда она вернулась? Какъ бы она могла теперь стоять рядомъ съ мужемъ, еслибъ....

Еще минута, и она упала бы передъ нимъ на колѣни, моля о прошеніи.

— Нѣтъ, подумала она, не надо — не для меня.... я готова на всякое униженіе.... но для него. Ему лучше ничего не знать.

Она наклонила голову, Клодвигъ поцѣловаль ее въ лобъ и замѣтилъ:

— Какой у тебя горячій лобъ.

Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Белла отослала свою горничную, говоря, что сама раздѣнется.

Между тѣмъ, какъ Белла и Клодвигъ катились по дорогѣ въ Вольфсгартенъ, профессорша съ Эрихомъ шла по направленію къ обвитому виноградникомъ домику. Она вела его за руку, какъ маленькаго ребенка, чувствовала, какъ сильно онъ взволнованъ, но ни слова не говорила. Взойдя на лѣстницу, она сказала:

— Эрихъ, поцѣлуй меня.

Эрихъ понялъ, что мать хотѣла его испытать, и не медя ни минуты, поцѣловаль ее. Ни онъ, ни она ни слова болѣе не произнесли.

Съ души Эриха точно свалилась тяжесть, но его еще тревожило одно сомнѣніе: ужъ не черезчуръ ли совѣстливо онъ поступилъ съ Беллой и нельзя ли назвать его педантомъ? Онъ оттолкнулъ отъ себя прекрасную женщину, которая была расположена любить его со всѣмъ пыломъ своей страстной природы. Эта мысль дѣлала его несчастнымъ. Сознаніе своей правоты, гордость, самоувѣренность, все это его покинуло, и онъ чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ. Онъ думаль возвыситься въ собственныхъ глазахъ, когда, говоря съ Беллой о своей любви, преувеличиваль ее съ цѣлью сильнѣе подѣйствовать на молодую женщину. Теперь отверженная имъ любовь жестоко за себя мстила, и онъ все болѣе и болѣе падалъ въ собственномъ мнѣніи.

Онъ въ этотъ вечеръ долго бродилъ по окрестностямъ. Не одни только физическія, но и нравственныя раны производять въ человѣкѣ лихорадку. Эрихъ, во имя добродѣтели, принесъ въ

жертву часть своего сердца и жестоко отъ этого страдалъ. Но подобно тому, какъ вечерняя роса, ложась на деревья и травы, ихъ освѣжала, такъ точно роса невѣдомой благодати, проникая въ душу Эриха, его ободряла и подерѣпляла. Слезы раскаянія омыли въ немъ послѣдніе слѣды преступныхъ желаній, онъ вспомнилъ дни своей юности и снова какъ бы превратился въ ребенка. Съ любовью глядя на обвитый виноградомъ домикъ, онъ думалъ: «Я и въ зрѣломъ возрастѣ постараюсь сохранить въ себѣ младенческую чистоту души». Мысли его шли далѣе. «Ты устоялъ противъ соблазна — шепталъ ему внутренней голосъ—потому что въ тебѣ было сильно сознание долга. Будь же снисходителенъ къ богатымъ и сильнымъ міра сего, которымъ такъ много дано, что въ нихъ невольно умолкаетъ голосъ совѣсти и слабѣетъ сознание долга.»

Онъ поздно вернулся домой, и ночью во снѣ ему все казалось, будто онъ борется съ волнами Рейна, которыя его одолеваютъ, несмотря на то, что онъ былъ такой искусный пловецъ. Онъ закричалъ, но голосъ его исчезъ въ пространствѣ. Мимо шылъ буйсирный пароходъ, у руля стояла лоцманша и смотрѣла на него съ злой усмѣшкой. Вдругъ она исчезла, и на ея мѣстѣ появилась фигура молодой дѣвушки съ крыльями и черными, блестящими глазами.

ГЛАВА X.

ПОМОЩНИЦА И СОВѢТНИЦА.

На слѣдующее утро, изъ Вольфсгартена пріѣхала карета за тетушкой Клавдией и за попугаемъ. Профессорша въ теченіи почти тридцати лѣтъ, что была замужемъ, ни разу не разставалась съ сестрой своего мужа. Имъ обѣимъ казалось невозможнымъ жить одной безъ другой, но отъѣздъ тетушки былъ рѣшенъ, и имъ ничего болѣе не оставалось, какъ покориться.

Зонненкампъ разсыпался въ любезностяхъ, просилъ тетушку считать его домъ за свой собственный и выразилъ надежду, что она пробудетъ въ Вольфсгартенѣ всего нѣсколько дней. Онъ вручилъ кучеру тщательно увязанную корзинку съ виноградомъ и бананами, а влѣтка съ попугаемъ была поставлена въ карету, рядомъ съ тетушкой. Попугай всю дорогу кричалъ и сердился. Онъ, повидимому, неохотно разставался съ виллой.

Зонненкампъ предложилъ профессоршѣ небольшую прогулку въ окрестности, говоря, что ей такимъ образомъ легче будетъ

перенести первую минуту разлуки. Профессорша отвѣчала, что не въ развлеченіи слѣдуетъ искать утѣшенія, а въ силахъ собственной души, и что одно только размышленіе можетъ закалить человѣка противъ всѣхъ непріятныхъ случайностей. Роландъ съ удивленіемъ на нее посмотрѣлъ: это были мысли и даже самыя слова Эриха.

Нѣсколько дней прошло въ невозмутимой тишинѣ. Обитатели виллы не предпринимали никакихъ прогулокъ и только изрѣдка посѣщали обвитый виноградомъ домикъ. Посѣщеніе Беллы повергло всѣхъ въ какое-то тревожное состояніе, отъ котораго никто еще не могъ оправиться, тѣмъ болѣе, что о немъ постоянно напоминало отсутствіе тетушки. Белла въ лицѣ фрейленъ Дорнэ увезла изъ дома Зонненкампа одинъ изъ наиболѣе оживлявшихъ его элементовъ, и роуль въ концертной залѣ снова погрузился въ безмолвіе.

Эрихъ и Роландъ были прилежнѣе, нежели когда-либо. Профессорша, подъ предлогомъ, что она вовсе незнакома съ способомъ преподаванія своего сына, просила позволенія присутствовать при ихъ урокахъ. Эрихъ понималъ, что мать хотѣла побудить его къ болѣеи сосредоточенности и самообладанію. Профессорша угадывала, что между нимъ и Беллой произошло что-то тяжелое, но ни слова объ этомъ не говорила, а только старалась оживить сына своимъ присутствіемъ и помочь ему выполнить его обязанности къ Роланду.

Она съ ранняго утра приходила въ комнату Эриха и Роланда и проводила тамъ большую часть дня. Отправляясь туда, она никогда не запасалась никакой работой, изъ боязни отвлекать вниманіе мальчика, и молча, притавивъ дыханіе, слѣдила за урокомъ. Ея присутствіе сильно возбуждало какъ ученика, такъ и наставника. Оба испытывали надъ собой вліяніе ея свободнаго духа, который такъ хорошо все понималъ и такъ вѣрно оцѣнивалъ все прекрасное.

Сначала Роландъ часто на нее взглядывалъ, но она всякій разъ неодобрительно качала ему головой. Эрихъ вздумалъ-было такъ расположить занятія мальчика, чтобъ и профессорша могла извлечь изъ нихъ кое-что новое. Но онъ вскорѣ примѣтилъ на себѣ ея пристальный взглядъ, который ясно говорилъ: «это не годится», — и поспѣшилъ вернуться къ своему обычному, простому изложенію.

Профессорша была очень довольна методическимъ способомъ преподаванія Эриха и тѣмъ, какъ онъ умѣлъ поддерживать въ мальчикѣ интересъ. Она съ удовольствіемъ слушала его толкованія насчетъ склонности людей безпечныхъ и лѣнивыхъ, ссы-

латься на то, что одинъ человѣкъ будто бы ничего не въ состояніи сдѣлать. Но вѣдь народъ и человѣчество, поясняя оныя, состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, ученикъ пріобрѣтаетъ познанія въ одиночку, плодъ зрѣетъ подъ вліяніемъ отдѣльныхъ лучей солнца,—все въ мірѣ единицы, но изъ этихъ отдѣльныхъ единицъ составляется громадное цѣлое. Эрихъ сопровождалъ свои толкованія цитатами изъ Цицерона, Ксенофонта и Сократа. Онъ хотѣлъ, чтобы Роландъ постоянно чувствовалъ себя въ общеніи съ величайшими умами древняго и новаго міра.

Оставшись наединѣ съ Эрихомъ, профессорша ему сказала:

— Я нахожу, что ты, стремясь какъ можно болѣе развивать и обогащать умъ твоего воспитанника, слишкомъ раскидываешься, черезчуръ вдаешься въ подробности и тѣмъ самымъ мѣшаешь ему сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и прочно усвоить себѣ основныя истины.

Эрихъ смутился. Онъ надѣялся, что мать безусловно его похвалитъ, а она вмѣсто того находила въ его преподаваніи существенные недостатки. Однако онъ успѣлъ оправиться, пова она съ улыбкой продолжала:

— Меня въ твоихъ занятіяхъ съ Роландомъ поразили двѣ особенности. Во-первыхъ, я считаю вреднымъ для мальчика, что ты ему даешь именно все то, чего онъ желаетъ. Ты слишкомъ снисходительно подчиняешься требованіямъ его юнаго, капризнаго ума. Впрочемъ, это—неудобство, какому подвергаются всѣ юноши, воспитывающіеся дома, а не въ общественномъ заведеніи. Молодой умъ балуется снисходительностью наставника и воспринимаетъ только то, что ему нравится, а не то, что слѣдуетъ. Воспитательная дисциплина въ томъ именно и заключается, чтобы пріучать мальчика къ послѣдовательному труду, останавливая его вниманіе исключительно на томъ, что стоитъ на очереди, хотя бы оно ему вовсе не нравилось. Это въ тоже время служить и подготовкой къ жизни, которая рѣдко даетъ человѣку именно то, къ чему онъ имѣетъ склонность, но гораздо чаще ставитъ его въ положеніе, вовсе не соответствующее его вусамъ.

— Продолжайте, матушка, въ чемъ же состоитъ моя вторая особенность? спросилъ Эрихъ.

— Я помню, какъ твой отецъ говорилъ, что первую и главную основу воспитанія составляютъ изрѣченія: «ты долженъ», или «ты не долженъ», безъ всякихъ дальнѣйшихъ изъясненій и комментариевъ. Теперь подумай самъ, не слишкомъ ли ты обременяешь Роланда разсужденіями? Не знаю, насколько они могутъ быть ему полезны въ борьбѣ и полагаю, что ему тогда гораздо бо-

лѣе пригодилось бы незатѣйливое: «ты долженъ», или «ты не долженъ». Говорю тебѣ все это для твоихъ соображеній. Другіе могутъ тебя хвалить, мое же дѣло тебя предостерегать. Но, тѣмъ не менѣе, я нахожу, что ты уже достигъ въ твоихъ занятіяхъ важнаго результата: мальчикъ проникся глубокимъ уваженіемъ ко всему, что носитъ на себѣ слѣды исторіи.

Эрихъ взялъ мать за руку и долго шелъ молча. Потомъ онъ началъ объяснять ей свое намѣреніе сдѣлать изъ Роланда не только человѣка образованнаго, но и такого, который бы имѣлъ точку опоры въ жизни и могъ бы во всемъ на самого себя полагаться.

— Сынъ мой, возразила профессорша, ты задался слишкомъ трудной задачей. Ты хочешь разомъ достигнуть трехъ цѣлей — это невозможно. Выслушай меня терпѣливо. Ты стремишься пополнить пробѣлы плохого воспитанія, дать мальчику лучшее направленіе, вооружить его нравственными началами, не прибѣгая для этого къ избитымъ средствамъ, — однимъ словомъ, ты желаешь сдѣлать изъ этого юноши, которому уже знакомы всѣ преимущества богатства, человѣка полезнаго, добраго, чуждаго всякаго личнаго эгоизма.... Но чего ты смѣешься?... Подожди, дай мнѣ окончить: ты хочешь въ мальчикѣ, безъ семьи и безъ отечества, пробудить любовь къ семьѣ и къ отечеству. Вотъ теперь скажи мнѣ, надъ чѣмъ ты смѣешься?

— Ахъ, матушка, извини меня, пожалуйста. Тебя не даромъ зовутъ профессоршей. Ты сейчасъ, точь-въ-точь профессоръ съ кафедръ, изложила свои мысли. Но позволь мнѣ замѣтить тебѣ, что моя двойная, или лучше сказать многосложная задача, въ сущности очень проста. Признаюсь тебѣ, я уже не разъ думалъ, не слѣдуетъ ли мнѣ легче смотрѣть на вещи? Но затѣмъ являлся вопросъ: не есть ли это внушеніе лѣни, которая, подъ благовиднымъ предлогомъ, совѣтуетъ мнѣ заботиться о собственномъ удобствѣ болѣе, нежели о чужомъ? Я долженъ сдѣлать этотъ опытъ и хочу все пустить въ ходъ, чтобы твердо поставить мальчика на почву свободнаго знанія.

— Знаніе! воскликнула профессорша. Оно можетъ дать спокойствіе, но не счастье. Къ тому же знаніе, — пища не всегда пригодная для молодой души. Мясо отличное кушанье, но новорожденный младенецъ не можетъ его ѣсть и питается исключительно молокомъ. Понимаешь ли ты, что я хочу сказать?

— Какъ нельзя лучше. Ты полагаешь, что религія есть именно та пища, то молоко, въ которомъ нуждается молодая душа.

— Такъ точно, съ торжествующимъ видомъ произнесла профессорша. Не даромъ говорилъ твой отецъ: человѣкъ, не вѣрующ-

щій въ Бога, никогда не можетъ создать ничего великаго. Богъ есть источникъ творческой фантазіи. Пока философія не вырабатываетъ прочныхъ нравственныхъ законовъ, которые, подобно десяти заповѣдямъ, могли бы быть начертаны на двухъ каменныхъ скрижаляхъ, — до тѣхъ поръ въ основаніи всякаго воспитанія должна лежать религія.

— Матушка, перебилъ ее Эрихъ, мы съ тобой гораздо болѣе вѣруемъ въ Бога, чѣмъ тѣ, которые поклоняются ему, подобно съ постановленіями той или другой церкви....

— Довольно, сынъ мой, перебила его профессорша, я для тебя не достаточно сильна. Твой отецъ, еслибъ онъ былъ живъ, одинъ могъ бы тебѣ помочь.

Разговоръ, коснувшись смерти отца, самъ собою принялъ другое направленіе.

ГЛАВА XI.

НЕОЖИДАННАЯ РЕВИЗИЯ.

Церера начала ревновать профессоршу ко всѣмъ домашнимъ, находя, что та слишкомъ мало посвящала ей своего времени. Она вдругъ всѣхъ изумила внезапною рѣшимостью также присутствовать при урокахъ сына, говоря, что ей болѣе нежели кому либо есть чему учиться. Немного спустя и Зонненкам্পъ послѣдовалъ за нею въ классную комнату. Но онъ ни минуты не могъ оставаться въ бездѣйствіи и, когда не курилъ, вырѣзалъ ножомъ изъ дерева разнаго рода фигуры. Онъ для этого преимущественно употреблялъ корень розоваго дерева, и ему особенно удавались комическія фигуры. Только занятый такимъ образомъ онъ могъ сидѣть спокойно.

Присутствіе столькихъ лицъ при его урокахъ смущало Эриха и мѣшало ему вполне отдаваться своему ученику. Мать поняла всю неловкость его положенія и начала держаться въ сторонѣ отъ классной комнаты. Вслѣдъ за ней, сначала Церера, а потомъ и Зонненкам্পъ, тоже перестали посѣщать уроки сына.

Между тѣмъ какъ Эрихъ строгимъ выполненіемъ своихъ обязанностей старался заглушить въ себѣ страданіе, причиненное ему Беллой, матерью его тоже овладѣла тревога, съ которой она напрасно боролась. Для нея вдругъ осуществилось желаніе всей ея жизни: она могла цѣлые дни проводить въ обширномъ саду и изучать самыя разнообразныя породы растений. Но это, столь любимое ею занятіе, далеко не удовлетворяло ее. Однажды рано утромъ, гуляя въ паркѣ съ Эрихомъ, она сказала:

— Я теперь на опытъ убѣдилась, что лишена способности быть гостьей.

Эрихъ воздержался отъ распросовъ, зная, что мать хотя и не вдругъ, но мало-по-малу выскажетъ все, что было у ней на душѣ. И дѣйствительно, она продолжала:

— Меня преслѣдуетъ желаніе быть здѣсь полезной и давать что-нибудь взамѣнъ того, что я получаю. Особенность богатыхъ людей заключается въ томъ, что они живутъ на свѣтѣ, какъ въ гостяхъ. Они сами ничѣмъ не занимаются, за нихъ все дѣлаютъ другіе. Но я, сынъ мой, не могу такъ жить. Мнѣ необходимо какое-нибудь дѣло. Вы, мужчины, можете творить, передъ вами раскрыты всѣ пути, и вы, вашей дѣятельностью, постоянно поддерживаете и возобновляете въ себѣ бодрость духа. Но мы, женщины, находимъ полноту жизни только въ любви.

Эрихъ отвѣчалъ, что вездѣ, гдѣ бы она ни была, уже одно ея присутствіе приноситъ пользу и отраду. Профессорша съ жаромъ на это возразила:

— Меня постоянно возмущаетъ одно изрѣченіе Шиллера, которое ему ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало бы произносить. «Посредственные натуры, говоритъ онъ, знаменуютъ свое существованіе тѣмъ, что онѣ дѣлаютъ, возвышенныя — тѣмъ, что онѣ есть.» Это какъ будто даетъ право ничего не дѣлать всѣмъ тунеядцамъ, будь они низкаго или благороднаго происхожденія.

Эрихъ замѣтилъ, что она могла бы имѣть благотворное вліяніе на Цереру. Профессорша ничего не отвѣчала, а только уныло покачала головой. Она прежде сама это имѣла въ виду, но ей приходилось имѣть дѣло съ такимъ страннымъ, загадочнымъ характеромъ, что она потеряла всякую надежду на успѣхъ. Она не хотѣла въ томъ сознаться сыну, но ей было неловко въ этомъ домѣ, гдѣ она какъ будто задыхалась отъ недостатка воздуха. Весь блескъ, вся гордость семьи Зонненкампа заключались во внѣшнемъ богатствѣ. Въ ней, повидимому, не было никакой внутренней поддержки, никакой силы, которая, исходя изъ нея самой, служила бы прочнымъ основаніемъ ея положенія въ свѣтѣ. Она, казалось, все заимствовала отъ другихъ и существовала только отраженіемъ посторонняго свѣта.

Фрейленъ Пэрини всегда говорила о Церерѣ съ состраданіемъ, какъ о бѣдной страдающей... но чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, страдала Церера?

Профессорша однажды замѣтила, что ей должна быть очень тяжела разлука съ дочерью. Церера вдругъ, съ сверкающими глазами, приподнялась на подушкахъ и уснула фрейленъ Пэрини въ садъ, а затѣмъ робко, озираясь вокругъ, сказала профессоршѣ:

— Она не виновата, я сама всему причиной... я хотѣла его наказать и открыла все дочери... но я этого не ожидала.

Профессорша стала убѣждать Цереру, чтобы она ей вполне довѣрилась, но та съ страннымъ смѣхомъ отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вторично я уже не проговорюсь и ничего вамъ не скажу.

Страхъ, какой профессорша испытала во время своего перваго свиданія съ Церерой, снова ее охватилъ. Ей казалось, что она отчасти угадала болѣзнь этой, то лѣнивой, то страстной женщины. Она явно страдала отъ какой-то тайной мысли, которую не рѣшалась никому довѣрить, но въ то же время и не могла вполне скрыть.

Церера очень любила слушать рассказы о придворныхъ балахъ и часто приставала къ профессоршѣ съ распросами о нихъ. Она жадно, какъ ребенокъ, которому рассказываютъ волшебную сказку, слѣдила за каждымъ словомъ, не пропуская ни малѣйшей подробности. Ей можно было нѣсколько разъ сряду повторять одно и то же, и вниманіе ея отъ этого нисколько не утомлялось. Профессорша однако сумѣла дать ей понятіе о трудностяхъ положенія герцогини, каждый часъ для которой имѣетъ свои особенныя обязанности. Она старалась также объяснить ей различныя отношенія между людьми, прибавляя, что все это, конечно, должно казаться страннымъ Церерѣ, родившейся въ республикѣ и выросшей среди совершенно другихъ условій. Это все равно, говорила профессорша, какъ еслибъ мы были внезапно перенесены въ другое столѣтіе.

— Васъ, замѣтила Церера, вашего сына, да еще маіора, я понимаю, а затѣмъ, слушая разговоры другихъ, я все какъ-то не разберу, чтѣ они хотятъ сказать. Но, представьте себѣ, я сначала васъ боялась.

— Въ самомъ дѣлѣ? Меня до сихъ поръ еще никто не боялся.

— Я вамъ послѣ расскажу, какъ это случилось, а теперь я больна. Ахъ, я никогда не бываю здорова!

Профессорша, какъ ни старалась, не могла произвести никакой перемѣны въ образѣ жизни Цереры, которая по прежнему только и дѣлала, что вставала, ложилась, спала, просыпалась и снова засыпала.

Обращеніе Зонненгампа съ профессоршей было въ высшей степени мягкое и почтительное. Онъ какъ будто упражнялся съ ней въ великосвѣтскихъ приѣмахъ и трудился надъ пріобрѣтеніемъ себѣ внѣшняго аристократическаго лоска. Встрѣтась однажды съ ней, когда она выходила отъ Цереры, онъ остановилъ

ее и заговорилъ съ ней вкрадчивымъ тономъ. Скромно обративъ ея вниманіе на то, какъ онъ до сихъ поръ строго выполнялъ свое обѣщаніе не вмѣшиваться въ ея сношенія съ его женой, онъ осмѣливался теперь просить ее объ одномъ, а именно, сказать ему, не упоминала ли когда-нибудь Церера въ своихъ бесѣдахъ съ ней о Маннѣ?

— Очень часто, но всегда коротко.

— А будетъ мнѣ позволено узнать именно чтò?

— Мнѣ самой трудно это сказать. Намеки вашей жены на Манну до сихъ поръ остаются для меня загадочными. Но, прошу васъ, оставимъ это и не принуждайте меня болѣе измѣнять оказанному мнѣ довѣрію.

— Оказанному вамъ довѣрію! рѣзко перебилъ ее Зонненкампъ. У него отъ страха даже побѣлѣли губы.

— Ахъ, я не такъ выразилась! вапа жена мнѣ, собственно говоря, ничего не повѣрала. Мнѣ самой показалось... пожалуйста не примите моихъ словъ въ дурную сторону... мнѣ показалось, будто она втайнѣ боится, или ненавидитъ фрейленъ Пэрини. Но поймите, прошу васъ, что я далека отъ всякаго желанія повредить этой особѣ и почти раскаяваюсь, зачѣмъ вамъ все это сказала.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Зонненкампъ. Жена моя готова нѣсколько разъ въ день удалять изъ своего дома фрейленъ Пэрини и снова призывать ее. Я не знаю никого, не исключая и васъ самихъ, кто бы ей былъ нужнѣе и полезнѣе фрейленъ Пэрини.

Профессорша томилась желаніемъ вырваться изъ этого дома, но не находила предлога, который могъ бы приличнымъ образомъ объяснить ея внезапный отъѣздъ. Кромѣ того, въ глубинѣ ея души таилось какое-то неопредѣленное чувство, которое почти вопреки ей самой удерживало ее на виллѣ. Она вообще не была любопытна и не имѣла ни малѣйшей склонности вмѣшиваться въ чужія дѣла, или проникать въ чужія тайны, но тѣмъ не менѣе ее неотступно преслѣдовала мысль о Маннѣ. Ей казалось необъяснимымъ, почему молодая дѣвушка, привыкшая къ нѣгѣ и роскоши, почти ребенокъ, вдругъ съ такой твердостью рѣшилась покинуть родительскій домъ. Профессорша собиралась спросить объ этомъ маіора, Кюдвига, Пранкена, но послѣдній уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не показывался на виллу. Разъ какъ-то она попросила Іозефа проводить ее въ комнату Манны. Оставаясь передъ каминомъ, она впала въ глубокое раздумье. Ей казалось, будто она слышитъ голосъ молодой дѣвушки,

которая призываетъ ее къ себѣ на помощь, и она мысленно дала себѣ слово сдѣлать все, что можетъ, для ея спасенія.

Профессорша въ тотъ же день написала настоятелюницѣ монастыря письмо, въ которомъ извѣщала о своемъ намѣреніи въ самомъ скоромъ времени ее навѣстить.

ГЛАВА XII.

ФРАУ ПЕТРА.

Прогуливаясь по саду и по оранжереямъ, или сидя въ кабинетѣ передъ шкапомъ съ отдѣленіями, гдѣ хранились сѣмена, Зонненкампъ всегда бывалъ въ отличномъ расположеніи духа. У него въ эти минуты не сходила съ лица торжествующая улыбка, которую вызывала мысль, что люди и обстоятельства ему одинаково повинуются, что онъ распоряжается ими по произволу и гнетъ ихъ въ какую сторону хочетъ, подобно фруктовымъ деревьямъ въ своемъ саду.

Лѣнь Цереры и упорство, съ какимъ она отказывалась выходить изъ своей комнаты, сначала много содѣйствовали тому, чтобъ поставить домъ Зонненкампа на аристократическую ногу. Чтобы выиграть въ глазахъ свѣта, надо смотрѣть на него свысока. Кто не заискиваетъ въ людяхъ, тотъ, подразумѣвается, въ нихъ не имѣетъ нужды, слѣдовательно довольствуется самимъ собою. Все, что является со стороны, въ такихъ случаяхъ, принимается милостиво, но безъ особенныхъ изъявленій радости, какъ нѣчто, въ чемъ не ощущается ни малѣйшей потребности. Зонненкампъ все это очень хорошо понималъ, но въ тоже время предвидѣлъ, что ему не на долго придется озадачить общество своей аристократической въ отношеніи къ нему сдержанностью. И дѣйствительно, его уединенный образъ жизни вскорѣ всѣмъ началъ казаться таинственнымъ и загадочнымъ, въ сосѣдяхъ пробудилось любопытство, пошли толки, но — и тутъ Зонненкампъ жестоко ошибся въ своемъ расчетѣ — къ сближенію съ нимъ никто не дѣлалъ шага. Это послѣднее обстоятельство его сильно тревожило и сердило. Ему стоило большихъ усилій не выказывать своего раздраженія передъ сосѣдами и дѣлать видъ, будто онъ не замѣчаетъ ихъ пренебреженія къ себѣ.

Конюшни и лошади послужили поводомъ къ первому знакомству Зонненкампа съ Отто фонъ-Пранкенемъ. Знакомство это не замедлило принять довольно интимный характеръ и даже общало превратиться въ родственную связь, но, не смотря на это,

домъ и паркъ Зонненкампа продолжали стоять по прежнему одному, а на него самого во всей окрестности смотрѣли какъ на чужеземное растеніе, которому врядъ ли суждено привиться на туземной почвѣ. Теперь же ему, съ помощью Эриха и его семьи, внезапно открывалась возможность окончательно пустить корни въ странѣ. Эрихъ сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать Пранкенъ, а именно сблизилъ Зонненкампа съ Клодвигомъ и съ Беллой. Профессоршѣ предстояло докончить начатое сыномъ и привлечь на виллу всѣхъ, сколько-нибудь значительныхъ сосѣдей. Для этого ей слѣдовало всѣмъ имъ сдѣлать визиты, а затѣмъ принимать ихъ у себя.

Зонненкампъ въ присутствіи профессорши жаловался на то, что его жена вовсе неспособна поддерживать сношеній съ окрестными семействами. Мать Эриха съ своей стороны выразила желаніе поближе познакомиться съ прирейнской жизнью и поблагодарить всѣхъ тѣхъ, которые оказали дружбу и вниманіе ея сыну. Во главѣ послѣднихъ она ставила доктора, а Зонненкампъ посовѣтовалъ ей между прочимъ навѣстить также и семью мирового судьи. Затѣмъ онъ съ любезной готовностью отдалъ въ ея распоряженіе весь домъ на случай, если бы она захотѣла пригласить къ себѣ гостей.

Въ одно воскресное утро позднимъ лѣтомъ профессорша снарядилась въ путь. Церера, сначала обѣщавшая сопровождать ее, въ минуту отъѣзда объявила, что это ей рѣшительно невозможно, и тутъ профессорша въ первый разъ замѣтила въ ней дѣйствительно какую-то злость. Церера первоначально согласилась на желаніе мужа, единственно съ цѣлью избавиться отъ неприятныхъ для нея толковъ, а въ рѣшительную минуту прибѣгла къ обычной своей уловкѣ и сказала больно. Фрейленъ Пэрини, само собою разумѣется, осталась съ ней.

Общество прежде всего отправилось на виллу барона фонъ-Эндлиха, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ съ семействомъ путешествовалъ. Но, тѣмъ не менѣе, визитъ ему былъ сдѣланъ, а потомъ Зонненкампъ, предоставивъ профессоршѣ, Эриху и Роланду ѣхать въ городокъ безъ него, самъ вернулся на виллу. Уходя, онъ закричалъ имъ вслѣдъ, чтобъ они были осторожны съ виномъ и не пили его безъ разбору вездѣ, гдѣ ихъ стануть угощать.

Въ головѣ профессорши вдругъ мелькнула догадка, что она дѣлаетъ визиты вовсе не отъ себя и не для себя, а повинуется при этомъ чьему-то постороннему плану. Но она была хорошо настроена и подумала, отчего бы ей и не оказать этой маленькой услуги своимъ гостепріимнымъ хозяевамъ.

Дорогой имъ попался на встрѣчу Клаусъ. Роландъ приказалъ вучеру остановиться, и представилъ ловчаго профессоршѣ. Та подала ему руку и ласково замѣтила, что собирается и его также навѣстить. Клаусъ весело на нее взглянулъ и, указывая на Роланда, сказалъ:

— Еслибъ отъ меня зависѣло дать ему бабушку, я выбралъ бы ему точь-въ-точь такую, какъ вы.

Всѣ засмѣялись и поѣхали далѣе.

При вѣздѣ въ городокъ, они были встрѣчены колокольнымъ звономъ, раздававшимся съ башни построенной на возвышеніи протестантской церкви. Профессорша вышла изъ экипажа и въ сопровожденіи Эриха и Роланда направилась къ паперти. Мальчикъ первый разъ въ жизни переступалъ за порогъ протестантскаго храма, въ которомъ происходило богослуженіе. Онъ сказалъ это профессоршѣ, и та посоветовала ему съ Эрихомъ немедленно отправиться въ городокъ, говоря, что сама не долго останется въ церкви и скоро ихъ догонитъ. Но Роландъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ и настоялъ на томъ, чтобъ съ ней не разставаться.

Они вошли въ церковь, отличавшуюся большой простотой. Въ ту минуту, какъ они переступили черезъ ея порогъ, раздававшееся тамъ пѣніе умолкло и его замѣнила проповѣдь, но такая напыщенная и преисполненная такихъ неумѣстныхъ обращеній къ паствѣ, что профессорша не на шутку смутилась и пожалѣла, зачѣмъ уступила просьбѣ Роланда и взяла его съ собой.

Они поспѣшили выйти на свѣжій воздухъ и долго любовались прелестнымъ ландшафтомъ, разстилавшимся съ холма, на которомъ стояла церковь. Профессорша, взявъ за руку Роланда, сказала:

— Когда ты вырастешь и умственно окрѣпнешь, я тебя познакомлю съ однимъ изъ твоихъ соотечественниковъ, высокія воззрѣнія на жизнь котораго пробудятъ въ тебѣ совсѣмъ особаго рода мысли и ощущенія.

— Это Веньяминъ Франклинъ: я его хорошо знаю.

— Нѣтъ, человекъ, о которомъ я говорю, духовнаго званія и умеръ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ отличался высокими качествами ума и сердца. Не могу выразить, какъ я счастлива тѣмъ, что лично его знала. Онъ посѣщалъ нашъ домъ, садился за нашъ столъ и былъ очень друженъ съ твоимъ отцемъ, Эрихъ.

— Ты, безъ сомнѣнія, говоришь о Теодорѣ Паркерѣ?

— Да, и меня несказанно утѣшаетъ мысль, что подобный человекъ нѣкогда жилъ съ нами.

— Отчего ты мнѣ до сихъ поръ никогда о немъ не говорилъ? спросилъ Роландъ Эриха.

— Я остерегался заводить съ тобой рѣчь о вѣроисповѣданіи, въ которому ты не принадлежишь по своему рожденію.

Хотя слова эти были сказаны безъ малѣйшаго упрека въ тонѣ, онѣ тѣмъ не менѣе смутили профессоршу. Она еще разъ повторила, что Роландъ долженъ познакомиться съ этимъ человекомъ не прежде, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда его разсудокъ вполне созрѣетъ и окрѣпнетъ. Но мальчикъ этимъ не удовлетворился. Ему показали что-то новое и вслѣдъ затѣмъ быстро спрятали. Онъ не привыкъ къ отказамъ, и мысль его упорно устремилась на предметъ, который отъ него пока желали скрыть.

Между тѣмъ богомольцы начали расходиться изъ церкви и многіе изъ нихъ, проходя мимо Эриха и Роланда, обмѣнивались съ ними поклонами. Эрихъ представилъ свой матери директора училища, лѣсничаго съ женой и свояченицей, и они всѣ вмѣстѣ пошли по главной улицѣ городка. Врядъ ли какое другое зрѣлище представляетъ столь оживленный видъ, какъ прилежащія къ церкви улицы, усыянные пестрыми группами богомольцевъ, возвращающихся домой въ мирномъ и благочестивомъ настроеніи духа.

— А докторши не было въ церкви? спросила профессорша.

Ей отвѣчали, что докторша никогда по воскресеньямъ не ходитъ въ церковь. Она остается дома и принимаетъ больныхъ, которые каждое праздничное утро стекаются къ доктору изъ сосѣднихъ деревень. Многіе изъ нихъ страдаютъ простыми, несложными болѣзнями, требующими для излеченія самыхъ обыкновенныхъ домашнихъ средствъ. Докторша въ такихъ случаяхъ сама отъ себя прописываетъ лекарства, а за тѣмъ назначаетъ порядокъ, въ которомъ больные допускаются къ доктору по возвращеніи его домой. Тутъ Эрихъ въ первый разъ услыхалъ, что докторшу звали фрау Пётра, потому что она, выслушивая и сортируя больныхъ, прежде чѣмъ открывались передъ ними двери докторскаго кабинета, какъ бы выполняла обязанности св. Петра, встрѣчающаго души людей въ предверіи рая.

Профессорша съ молодыми людьми вошла въ жилище доктора. Все въ немъ сіяло чистотой. На лѣстницѣ и въ комнатахъ всюду висѣли по стѣнамъ хорошія картины, съ консолей граціозными гирляндами спускались вьющіяся растенія. Комната съ швейной машиной у окна, на которомъ стояло дерево камелии въ цвѣту, имѣло особенно праздничный видъ. Сквозь затворенныя двери слышался голосъ докторши, говорившей: «Вы, ми-

для Трудненъ, постоянно толковали о религіи, да о поворности вогѣ Божіей, а теперь, когда съ вами приключилась бѣда, вы отчаиваетесь и вслѣдствіе нетерпѣнія дѣлаетесь ни на что не годной. Мой мужъ можетъ прописать вамъ лекарство, но вы сами должны запастись вротостью и терпѣніемъ... А вы, Анна, слышомъ много даете ѣсть вашему ребенку и всякій разъ, что онъ объѣтся, приходите за лекарствомъ, но вѣдь разсудка нельзя добыть въ аптекъ. А вы, Петръ, ступайте домой и дѣлайте себѣ примочки изъ теплаго уксуса.»

Голосъ вдругъ замолкъ. Безъ сомнѣнія, служанка доложила о прїѣздѣ гостей и прервала занятіе своей госпожи.

Дверь растворилась, и на порогѣ явилась докторша. Она прїѣжливо поздоровалась съ профессоршей и немедленно велѣла подать бутылку рейнвейна и три стакана. Напрасно гости отказывались, она настояла, чтобы они отвѣдали ея вина.

Профессорша съ большимъ уваженіемъ отозвалась о воскресномъ занятіи своей хозяйки и выразила свое удивленіе ея медицинскимъ познаніямъ.

— Въ теченіи сорока лѣтъ по неволѣ кое-чему научишься, отвѣчала докторша. Сначала такого рода занятіе меня пугало, затѣмъ невѣжество и упорство этихъ людей меня сердило, а теперь я научилась съ ними справляться, перенивъ отъ мужа нѣчто въ высшей степени полезное.

— Что такое?

— Нѣкоторую рѣзкость и даже грубость въ обращеніи. Вы не повѣрите, какъ она дѣйствительна съ людьми, которые только и думаютъ, что о себѣ... Но довольно обо мнѣ говорить!

Докторша выразила свое удовольствіе по случаю того, что ей, наконецъ, удалось познакомиться съ матерью Эриха. Обѣ женщины невольно улыбнулись, когда Роландъ вдругъ сказалъ:

— Мы сейчасъ были въ церкви, но я нахожу, что здѣсь гораздо лучше.

Между тѣмъ подали вино. Эрихъ и Роландъ выпили за здоровье хозяйки и отправились въ кабинетъ доктора, гдѣ оба погрузились въ разсматриваніе анатомическихъ таблицъ.

Профессорша, оставшись на-единѣ съ докторшей, пригласила ее на виллу, при чемъ замѣтила, что ея твердый и рѣшительный характеръ, безъ сомнѣнія, благотворно подѣйствуетъ на Цереру.

— Я боюсь, ужъ не слишкомъ ли я груба, сказала докторша, характеръ которой напротивъ отличался большой мягкостью, а обращеніе прїѣтливостью. Она составила профессоршѣ листъ семействъ, которыхъ совѣтовала ей навѣстить.

— Простите меня за нескромный вопросъ, снова заговорила докторша: правда ли, что Манна оставляетъ монастырь, а вы дѣлаетесь ея воспитательницей?

Профессорша изумилась. Мысль, которая едва успѣла промелькнуть въ ея умѣ, уже была на всѣхъ устахъ и служила предметомъ толковъ. Но кто распустилъ этотъ слухъ? Докторша не могла припомнить, какимъ путемъ онъ до нея дошелъ.

На распросы профессорши о Маннѣ докторша отвѣчала, что изъ всей семьи Зонненкампа знаетъ только Роланда. Но Лина, дочь мирового судьи, прибавила она, была дружна съ Манной и отъ нея можно собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ интересовавшей ихъ молодой дѣвушкѣ.

Вскорѣ пришелъ докторъ, выслушалъ отчетъ жены о больныиъ и немедленно къ нимъ отправился.

Профессорша тоже стала прощаться, и докторша ее не удерживала. Ей еще со многими надо было повидаться и переговорить о ихъ недугахъ и нуждахъ.

Общество вышло отъ доктора въ отличномъ расположеніи духа.

У мирового судьи гостямъ пришлось довольно долго ожидать появленія хозяекъ. Судейша и дочь ея дѣлали свой туалетъ и когда наконецъ вышли въ гостиную, извиненіямъ ихъ не было конца. У нихъ въ домѣ, говорили онѣ, все еще въ такомъ безпорядкѣ и сами онѣ едва-едва успѣли одѣться. А между тѣмъ все въ комнатахъ и на нихъ самихъ блистало чистотой и свѣжестью.

Судья отправился куда-то по сосѣдству выпить свою воскресную порцію рейнвейна. За нимъ послали слугу, а профессоршу усадили на диванъ, до такой степени заваленный шитыми и вязаными подушками, что на немъ едва оставалось мѣсто для гостя. Между хозяйками и гостями не замедлил завязаться довольно оживленный разговоръ. Судейша, конечно, не преминула упомянуть о своемъ отцѣ, и ко всеобщему удовольствію оказалось, что онъ былъ хорошо знакомъ профессоршѣ. Послѣдней наконецъ удалось втянуть Лину въ разговоръ о монастырѣ. Молодая дѣвушка, по обыкновенію, живо и весело рассказывала о своемъ пребываніи тамъ, и примѣта одобрительное вниманіе, съ какимъ ее слушала профессорша, до того увлеклась своей болтовней, что даже не замѣчала изумленныхъ и строгихъ взглядовъ матери.

Наконецъ явился судья, который какъ будто ужъ черезчуръ поспѣшилъ выпить свою обычную порцію вина. Лицо его, обыкновенно серьезное, на этотъ разъ сіяло весельемъ, и онъ, съ особеннымъ чувствомъ пожимая профессоршѣ руку, общалъ ей

свое судебское покровительство. Затѣмъ онъ разсказалъ Эриху и Роланду о бѣгствѣ изъ тюрьмы польскаго конюха. Его тщательно отыскивали, послали за нимъ въ разныя стороны опытныхъ сыщиковъ, и судья выразилъ надежду, что его не поймаютъ.

Судейша и Лина нарядились въ шляпки и не безъ нѣкотораго удовольствія, что показываются въ такомъ обществѣ, пошли проводить своихъ гостей къ директору училища, который жилъ въ домѣ за изгибомъ, образуемымъ Рейномъ. Эрихъ шелъ съ судейшей, судья съ Роландомъ, а Лина съ профессоршей.

Лина сама завела рѣчь о Маннѣ, говорила, что бѣдная дѣвушка, прежде такая живая и неукротимая, теперь сдѣлалась очень грустна и тиха. Она страстно любила своего отца, и всѣ полагали, что она никакъ не могла бы перенести съ нимъ разлуку. Въ заключеніе Лина стала просить профессоршу употребить все свое вліяніе на то, чтобъ возвратить Манну домой. Профессорша осторожно молчала и не рѣшалась болѣе распрашивать Лину. Ее поразила мысль, что визитъ, сдѣланный ею единственно изъ учтивости, вдругъ оказался для нея такимъ многозначительнымъ и какъ будто даже возлагалъ на нее новую обязанность. Еслибъ она могла знать, что сегодняшняя поѣздка въ городъ была устроена Зонненкампомъ, она бы еще болѣе подивилась странному стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ внезапно очутилась.

Семействъ директора и лѣсничаго не было дома, и профессорша не безъ чувства облегченія сѣла въ карету, чтобъ ѣхать обратно на виллу. Когда они проѣзжали мимо жилища доктора, на порогѣ его стояла фрау Пѣтра. Она сдѣлала знакъ кучеру, чтобъ тотъ остановился, и, подойдя къ экипажу, сказала профессоршѣ, что забыла предупредить ее на счетъ одного обстоятельства. Госпожа Дорнэ, говорила она, хорошо бы сдѣлала, еслибъ сегодня же навѣстила маіора и фрейленъ Милькъ. Маіоръ, во всемъ остальномъ такой снисходительный, былъ очень взыскателенъ на счетъ уваженія, оказываемаго фрейленъ Милькъ. Онъ нѣогда не прощалъ тому, кто провинялся противъ нея хоть въ малѣйшемъ невниманіи. А сама фрейленъ Милькъ, не смотря ни на что, была особа въ высшей степени почтенная и достойная.

Затѣмъ общество безпрепятственно вернулось на виллу.

На дворѣ ихъ встрѣтилъ не кто иной, какъ маіоръ. Онъ казался въ дурномъ расположеніи духа, но лицо его мгновенно просіяло, лишь только профессорша объявила о своемъ намѣреніи послѣ обѣда посѣтить фрейленъ Милькъ. Она, между прочимъ, просила замѣнить чашкой кофе обычное угощеніе виномъ, ко-

тораго не могла пить безразлично во всякое время дня. Маіоръ весело закивалъ головой и немного спустя послалъ мальчика, сына кастеляна, къ фрейленъ Милькѣ съ извѣстіемъ объ ожидавшемъ ее посѣщеніи. Профессорша была очень весела, и Эрихъ замѣтилъ, какъ ему пріятно видѣть, что и мать его наконецъ испытываетъ на себѣ ободряющее, живительное вліаніе прирейнскаго воздуха, который вообще такъ благотворно дѣйствуетъ на природу и на людей.

Садясь за столъ, Роландъ шепнулъ профессоршѣ:

— Сегодня двадцать-четвертое августа, день рожденія Теодора Паркера. Я это только-что вычиталъ въ энциклопедическомъ словарѣ.

Профессорша въ отвѣтъ посовѣтовала мальчику ни съ кѣмъ, кромѣ нея, объ этомъ не говорить.

ГЛАВА XIII.

КИСЛОЕ МОЛОКО ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ СЛАДКОЕ.

Еще никогда маіоръ не былъ такъ веселъ и разговорчивъ за обѣдомъ на виллѣ, какъ въ это воскресенье. Онъ даже позабылъ вторично спросить у Юзефа своего любимаго бургундскаго.

Церера съ смущенной улыбкой слушала рассказъ профессорши о ея утреннемъ посѣщеніи городка, гдѣ ей привелось видѣть столько хорошихъ людей. Пріятное зрѣлище, говорила Дорнэ, представляетъ видъ этой рѣки и тѣснящихся вдоль нея горы, но ничто не можетъ сравниться съ прелестью, таящейся въ глубинѣ честнаго, благороднаго сердца. По ея мнѣнію, ни одна страна въ мірѣ не представляетъ такой полноты и такого разнообразія жизненныхъ силъ, какъ Германія, и нигдѣ образованіе не проникло такъ глубоко въ массы, какъ у нѣмцевъ. Города и ссла, которые для путешественниковъ имѣютъ значеніе, сообразное только съ своими болѣе или менѣе звучными именами, хранятъ въ себѣ сокровища ума и сердца.

— Я убѣжденъ, что во всей окрестности сегодня не было произнесено лучшей проповѣди, сказалъ маіоръ Эриху. Потомъ онъ всталъ и предложилъ тостъ:

— За здоровье профессорши! громко произнесъ онъ: давайте всѣ за нее пить..... Многія лѣта профессоршѣ! Она не только живетъ, но и украшаетъ собой жизнь и указываетъ намъ на то, что въ ней есть высоваго и прекраснаго, и чего мы сами, можетъ

быть, въ ней и не примѣтили бы. Знждитель вселенной да благословить ее за то! Братья мои.... ахъ нѣтъ, я хотѣлъ сказать мои.... мои.... однимъ словомъ, да здравствуетъ профессорша!

Маіору еще никогда не случалось произносить такой длинной задравной рѣчи и никогда еще онъ не былъ такъ доволенъ собой, какъ сегодня. Онъ тотчасъ послѣ обѣда отправился домой и всю дорогу твердилъ про себя свою рѣчь, имѣя въ виду ее съ буквальной точностью повторить въ присутствіи фрейленъ Милькъ. Вся слава въ мірѣ ничего не значить въ сравненіи съ однимъ словомъ одобренія изъ ея устъ. Она все знаетъ и понимаетъ лучше всѣхъ.

Дѣма фрейленъ Милькъ встрѣтила его жалобой, что у ней скисли сливки, и что она нигдѣ не могла достать другихъ свѣжихъ. Во все время, что она говорила, маіоръ неистово махалъ руками, стараясь заставить ее замолчать. Онъ боялся позабыть свою рѣчь и, ставъ передъ фрейленъ Милькъ въ приличную позу, произнесъ:

— Вотъ чтѣ я сегодня говорилъ за обѣдомъ: слушайте!

Собачка Леди пристально смотрѣла на своего хозяина и повидному внимательно его слушала. Когда же онъ окончилъ свою рѣчь, она весело задаяла, какъ бы въ знакъ того, что вполне ее поняла. Маіоръ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ лгать, но теперешняя его рѣчь вышла гораздо красивѣе, и во всякомъ случаѣ гораздо длиннѣе той, которую онъ произнесъ за обѣдомъ. Когда онъ наконецъ замолчалъ, фрейленъ Милькъ сказала:

— Мнѣ пріятно думать, что ваши слова между прочимъ слышали и хорошіе люди.

Фрейленъ Милькъ сильно не долюбливала, какъ самого Зонвенкампа, такъ и его жену, а въ особенности фрейленъ Пэрини.

— Отъ чего вы не накрыли столъ нашей лучшей бѣлой скатертью? спросилъ маіоръ, увидя приготовленный въ саду кофейный приборъ.

— Отъ того, что на бѣлое больно смотрѣть при солнечномъ свѣтѣ.

— Правда... правда. Какъ вы думаете, не запереть ли мнѣ Леди? Она иногда бываетъ несносна своей навязчивостью?

— Нѣтъ, оставьте собаку на свободѣ.

Маіоръ былъ въ отчаяніи отъ того, что не могъ ничего придумать для лучшаго приѣма гостей.

Онъ на игновеніе куда-то скрылся, а затѣмъ вернулся съ торжествующимъ видомъ. Ему наконецъ удалось что-то совершить

и даже нѣчто такое, что составляло для него настоящую жертву. Маіоръ уговорилъ бухарку старшины уступить ему горшечекъ сливокъ. Онъ обыкновенно строго держался правила никогда ничего ни у кого не просить и не занимать, но для настоящаго случая можно было сдѣлать и исключеніе.

Онъ украдкой отъ фрейленъ Милькъ поставилъ сливки на столъ и зажалъ себѣ ротъ рукой, чтобъ не расхохотаться при мысли объ ея удивленіи, когда она увидитъ, какою онъ ей приготовилъ сюрпризъ. Затѣмъ онъ притащилъ въ садъ свое большое кожаное кресло, намѣреваясь усадить въ него профессоршу. Но явилась фрейленъ Милькъ, указала ему на недостатки кресла, которые особенно ярко выдавались при солнечномъ сіяніи, и они, уже вдвоемъ, его опять унесли обратно въ кабинетъ.

— Не пойти ли намъ къ нимъ на встрѣчу? спросилъ маіоръ, направляя на дорогу свою подзорную трубу. Посмотрите-ка и вы въ нее... Погодите, я ее только для васъ наведу... вотъ такъ! Мнѣ кажется, тамъ кто-то идетъ внизъ, у подножія горы.

Фрейленъ Милькъ просила его успокоиться, Вдругъ лицо маіора омрачилось, и онъ повидимому даже готовъ былъ проследиться. Положивъ руку на плечо фрейленъ Милькъ, онъ сказалъ:

— Это больно.... очень больно.... жестоко.... дурно.... очень дурно... очень жестоко съ вашей стороны! Что бы я далъ, чтобъ быть въ состояніи представить васъ профессоршѣ въ качествѣ маіорши, моей жены.

Фрейленъ Милькъ быстро на него оглянулась, лицо ея приняло суровое выраженіе и она строго проговорила:

— Ради Бога, что вы дѣлаете?

Собака жалобно залаяла, точно спрашивая: что случилось? Отчего это вы такъ сердито смотрите?

— Ну... ну, хорошо... Я ужъ успокоился. Молчи Леди! воскликнулъ маіоръ, стараясь заставить собаку молчать. Имъ вдругъ овладѣла такая усталость, что онъ принужденъ былъ сѣсть, и не смотря на всѣ свои усилія не могъ закурить трубку.

Немного спустя онъ вышелъ въ садъ и, стоя у забора, задумчиво барабанилъ пальцами по доскамъ. Онъ такъ былъ погруженъ въ себя, что даже не замѣтилъ приближенія гостей, которые вдругъ точно выросли передъ нимъ изъ земли.

Первая встрѣча профессорши съ фрейленъ Милькъ далеко не была такъ дружественна, какъ надѣялся маіоръ. Обѣ женщины съ недовѣріемъ смотрѣли одна на другую и зорко одна за другой наблюдали. Но маіоръ ничего не замѣчалъ и съ трудомъ

удерживался отъ смѣха, смотря, какъ серьезно та разливала по чашкамъ свѣжіе сливки, повидимому, ни мало не удивляясь ихъ появленію на столѣ. Впрочемъ онъ не замедлилъ ударить себя рукой по лбу, гдѣ у него внезапно мелькнула догадка.

— Да, это она только при постороннихъ не хочетъ показывать виду, будто произошло что-нибудь необыкновенное... Ахъ, какъ она умна! Ее не приходится ничему учить!

Маіору очень хотѣлось подѣлиться своими мыслями съ профессоршей, но онъ далъ себѣ слово вообще какъ можно менѣе говорить въ этотъ день и предоставить фрейленъ Милькъ вести разговоръ, какъ она найдетъ лучшимъ.

Но разговоръ долго не клеился, и только когда зашла рѣчь о докторшѣ, фрейленъ Милькъ немного оживилась и выразила свое уваженіе въ этой женщинѣ, которую считала за образецъ истиннаго достоинства.

— Чтó вы подразумѣваете подъ истиннымъ достоинствомъ?

— Сочетаніе честности съ умомъ и характеромъ, однимъ словомъ то, чтó наиболѣе заслуживаетъ уваженія.

— Всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ обладаетъ также и профессорша, сказалъ маіоръ. Ему показалось, что въ тонѣ фрейленъ Милькъ звучала какая-то холодность, не-то, недоброжелательство въ гостѣѣ, и онъ хотѣлъ смягчить впечатлѣніе, какое могли произвести ея слова.

Профессорша спросила у фрейленъ Милькъ, здѣшная ли она уроженка. Та очень коротко и даже сухо отвѣчала, что нѣтъ.

Маіоръ наконецъ нашелъ лучшее средство въ сближенію этихъ женщинъ, а именно, рѣшился оставить ихъ въ обществѣ одна другой. Двѣ незнакомыя лошади у одного стойла, думалъ онъ, можетъ быть слегка и полягаются, но въ концѣ концовъ все-таки сойдутся и даже подружатся. Онъ нарочно завелъ рѣчь о виноградникахъ, которые въ нынѣшнемъ году должны были дать первое, такъ-называемое «дѣвственное вино», и пригласилъ Эриха и Роланда пойти на нихъ посмотреть.

Женщины остались однѣ. Профессорша хотѣла-было начать разговоръ похвалой фрейленъ Милькъ, о которой она слышала столько хорошаго, но потомъ сочла за лучшее сказать нѣсколько словъ о себѣ самой и о своихъ нуждахъ и затрудненіяхъ. Она какъ разъ попала въ тонъ, на который была настроена и сама фрейленъ Милькъ. Добрая старушка никогда не являлась въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у нея требовали помощи и совѣта. Такъ и теперь она выразила изумительную по своей глубинѣ мысль, что только тотъ стоитъ твер-

дой ногой въ жизни и никогда не падаетъ, кто дѣйствуетъ всегда сознательно и ничего не предпринимаетъ, не уяснивъ себѣ сначала цѣли, которую можетъ и долженъ при этомъ имѣть въ виду. Профессорша была поражена скромной сдержанностью, но въ тоже время и опредѣлительной точностью, съ какими выражалась фрейленъ Мильеъ. Она ожидала найти нѣсколько ограниченную, болтливую, погруженную въ мелочныя хозяйственныя заботы старушку, и вмѣсто того видѣла передъ собою женщину съ просвѣщеннымъ образомъ мыслей, съ огромнымъ запасомъ здраваго смысла и опытности.

«Вы не то, чѣмъ кажется», хотѣла сказать профессорша, и опять завела рѣчь о красотѣ прирейнской природы и о нравственной и физической крѣпости тамошняго населенія. Здѣсь, говорила она, въ горахъ сокрыто много прелестныхъ тѣнистыхъ уголковъ, а въ людяхъ много прекрасныхъ качествъ ума и сердца, которыя они въ тиши и уединеніи тщательно въ себѣ развиваютъ.

Фрейленъ Мильеъ, помѣстившаяся - было со своей чашкой нѣсколько въ сторонѣ отъ стола, теперь къ нему приблизилась и съ большимъ тактомъ заговорила сначала объ Эрихѣ, а потомъ о Зонненкампѣ и его семействѣ. О фрейленъ Пэрини она впрочемъ ни слова не сказала, и между прочимъ пожалѣла, что Зонненкампъ, у котораго въ сущности было доброе сердце, ограничивался только мелкими благодѣяніями и не предпринималъ въ большихъ размѣрахъ ничего такого, что могло бы оказать дѣйствительную пользу и добро странѣ. Фрейленъ Мильеъ хорошо знала всѣхъ бѣдныхъ, разсыанныхъ по окрестностямъ, и яркими чертами изобразила ихъ нужды и страданія.

— Благодарю васъ, сказала профессорша, вы напоминаете мнѣ о главной причинѣ моего пріѣзда сюда, которую я было совсѣмъ упустила изъ виду. Но если мнѣ удастся склонить Зонненкампа на нашу сторону, вы не должны мнѣ отказывать въ вашемъ содѣйствіи.

Фрейленъ Мильеъ обѣщалась сдѣлать все, что будетъ отъ нея зависѣть, но въ тоже время замѣтила, что профессоршѣ всего лучше было бы заинтересовать въ пользу этого дѣла дочь Зонненкампа. Манна одарена твердымъ характеромъ и пылкой душой: какъ хорошо было бы вернуть ее изъ монастыря домой и поставить во главѣ замышляемыхъ добрыхъ дѣлъ. Богатство Зонненкампа, подкрѣпляемое авторитетомъ его дочери, могло бы сдѣлаться источникомъ благосостоянія цѣлой страны.

Профессорша съ изумленіемъ глядѣла на фрейленъ Мильеъ.

Тамъ докторша, здѣсь скромная ключница какъ бы указываютъ ей на ея призваніе, которое, по ихъ мнѣнію, заключается въ томъ, чтобъ вызвать Манну изъ монастыря и пробудить въ ней любовь къ полезной, общественной дѣятельности.

Профессорша обратилась-было къ фрейленъ Милькъ за дальнѣйшими свѣдѣніями объ окрестныхъ жителяхъ, но та отказалась ей отвѣчать подъ предлогомъ, что при своемъ уединенномъ образѣ жизни, не можетъ имѣть правильнаго на нихъ взгляда. Она видитъ людей только при солнечномъ свѣтѣ, въ праздничныхъ нарядахъ гуляющихъ по крутизнамъ, слышитъ ихъ пѣніе, смѣхъ, веселый говоръ, но ничего не знаетъ о ихъ внутренней жизни и будничной обстановкѣ, въ которой они ежедневно вращаются. Кто наблюдаетъ за людьми изъ окна своей комнаты, не выходя за предѣлы крошечнаго палисадника, тотъ не имѣетъ права произносить о нихъ своего сужденія. Зритель, непосвященный въ тайныя пружины дѣйствій и поступковъ людей, можетъ часто находить безсмысленнымъ то, что на дѣлѣ имѣетъ и смыслъ и значеніе. Это все равно, что слѣдить издали за движеніемъ танцующихъ, но не слышать звуковъ музыки, съ которою они сообразуютъ эти движенія.

Профессорша снова обратилась къ Маннѣ, и фрейленъ Милькъ, забывъ всю свою сдержанность, съ жаромъ начала о ней распространяться. Молодая дѣвушка, по ея мнѣнію, подверглась какому-нибудь сильному нравственному потрясенію: иначе ничѣмъ нельзя было объяснить ея внезапнаго перехода отъ крайней гордости къ безграничному смиренію.

О Пранкенѣ фрейленъ Милькъ не могла говорить равнодушно. Она призналась, что ненавидитъ его за высокомѣріе, съ какимъ онъ позволяетъ себѣ забавляться на счетъ маіора, котораго избралъ предметомъ своихъ остроумныхъ выходокъ. Его настоящее благочестивое настроеніе духа казалось ей очень подозрительнымъ. Она полагала, что онъ не спроста прикидывается религиознымъ, и опасалась для Манны какой-нибудь ловушки.

Въ разговорахъ такого рода объ женщины скоро поняли и отѣнили одна другую. Профессорша обладала большимъ запасомъ легко пріобрѣтенныхъ, такъ сказать доставшихся ей по наследству свѣдѣній. Сама она съ своей стороны давала много, но это не стоило ей ни малѣйшаго усилія. Знаніе фрейленъ Милькъ, напротивъ, не легко ей далось и было слѣдствіемъ многолѣтней опытности и терпѣливаго труда. Слушая плавную, изящную рѣчь профессорши, она многозначительно кивала головой и думала про себя: Не мудрено ей такъ говорить! Она вкушала духовную

пищу прямо, съ роскошно убраннаго стола уже готоваго образованія,—мнѣ же приходилось самой и стряпать и варить и собирать на столъ.

Маіоръ издали видѣлъ, какъ женщины подали и пожали одна другой руки. Онъ въ порывѣ радости обратился къ Леди съ ласковой рѣчью, которая явно предназначалась фрейленъ Милькь.

— Другого подобнаго тебѣ существа, говорилъ онъ, не найти въ цѣломъ мірѣ. Ты умнѣе и добрѣе всѣхъ... ты правдива, кротка, мужественна, постоянна... Не ты, не ты, Леди: ну, чего ты на меня тарачишь глаза?

У него было легко и весело на душѣ, когда онъ опять вступилъ въ свой маленькій садикъ. Эрихъ и Роландъ за нимъ слѣдовали.

Маіоръ непремѣнно хотѣлъ проводить профессоршу хоть часть дороги домой.

— Мнѣ вѣжется, сказалъ онъ ей между прочимъ, что я теперь знаю двухъ, не только лучшихъ, но и счастливѣйшихъ людей въ здѣшней мѣстности.

Маіоръ еще долго стоялъ на дорогѣ, провожая взоромъ удалявшихся гостей. Затѣмъ онъ поднялъ глаза къ небу и промолвилъ:

— Слава и благодареніе Зиждителю вселенной... Ему извѣстно, что я хочу этимъ сказать.

Б. АУЭРБАХЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

VIІ *).

Сеймъ въ 1790 году. Финансовыя затрудненія.—Политическій договоръ съ Пруссіею.—Толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Недоразумѣнія Пруссіи съ Австріею.—Письмо прусскаго короля къ польскому.—Гейхенбахская конференція.—Новыя толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Законъ о запрещеніи предлагать уступки.—Судьба Понияскаго.—Отозваніе Штакельберга.—Булгаковъ.—Виды Россіи.—Вопросъ о наследственности.—Обращеніе къ народу.—Временное закрытіе сейма ¹⁾).

8-го февраля 1790 года, сеймъ открылся снова. Маршаль Малаховскій проговорилъ восторженную рѣчь въ пользу Пруссіи и совѣтовалъ пользоваться поскорѣе расположеніемъ добраго соуды, чтобы заключить съ нимъ оборонительный договоръ и умножить войско. О стотысячной арміи перестали думать, ограничились комплектомъ 65,000, но на лицо могли собрать только 44,000; на содержаніе ихъ оказывалось нужнымъ 43,421,645 зл. да на амуницію 5,785,350 зл. Этихъ денегъ требовали отъ скарбовой комиссіи, но скарбовая комиссія препроводила въ войсковую только 13,000,000. «Дѣла идутъ плохо, полки отдалены отъ границы» говорилъ на сеймѣ Нѣмцевичъ, «отдѣлы ихъ стоятъ

---

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138—153 стр.

¹⁾ См. источн. №№ 21. 18. 81. 1. 53. 115. 104. 113. 78. 26. 25. 14. 36 47. 49. 118. 35. Проток. сейма хран. въ Лит. метричъ.

въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что при первомъ вторженіи непріятели должны будутъ разсыпаться. Войску нѣтъ жалованья, а въ казнѣ дефицитъ; о магазинахъ для продовольствія войска никто не думаетъ; между тѣмъ обыватели отправляютъ въ большомъ количествѣ за границу хлѣбъ изъ Польши.»

Обратились снова къ разсужденіямъ о предполагаемомъ займѣ. Безъ залога не давали Польшѣ нигдѣ денегъ; стали думать, какъ бы обезпечить заемъ. Думали поставить на ипотеку десятую часть стоимости королевщинъ, но этотъ проектъ возбудилъ противъ себя сильную оппозицію, потому что многіе изъ присутствовавшихъ имѣли въ рукахъ своихъ королевщины. Кублицкій предлагалъ умножить раздачу шляхетскихъ дипломовъ за деньги.

«Напрасно искать косвенныхъ источниковъ—сказалъ Станиславъ Потоцкій—ничего не будетъ, пока не устроится хорошо и пропорціонально сборъ податей. Мы установили сборъ десятого гроша со шляхетскихъ имѣній; и что же? Одинъ мой пріятель говорилъ, что съ имѣнія въ Руси ему приходится платить десять процентовъ, а съ имѣнія въ Мазовіи только два. Надобно уравнять подати.»

Волинскіе и Подольскіе послы поднялись противъ уравненія въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ; они желали взвалить всю тяжесть взносовъ на королевщины.

Патріоты стояли за всеобщее уравненіе. Чарторыйскій подалъ проектъ объ этомъ. Въ немъ предлагалось средство для достиженія вѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ: ввести опись и оцѣнку дворянскихъ имѣній, тогда какъ прежде, при взиманіи налоговъ или пожертвованій съ дворянскихъ имѣній, довольствовались показаніями владѣльцевъ подъ присягою.

«Я вижу, говорилъ Зелинскій, въ этомъ проектѣ нарушеніе шляхетской вольности, оскорбленіе религіи, попираніе присяги, которая до сихъ поръ считалась достаточною для рѣшенія споровъ; вижу уничтоженіе общественнаго довѣрія и подрывъ гражданскаго спокойствія.»

«Нѣтъ края въ мѣрѣ—возражалъ Вавржецкій—гдѣ бы при такомъ населеніи и пространствѣ, какъ въ нашей Польшѣ, были такіе ничтожные доходы, какіе показываются нашими обывателями. Если бы у насъ имѣнія въ самомъ дѣлѣ давали такіе скудные доходы, то невозможна была бы никакая торговля, и паны не могли бы держать у себя во дворахъ столько людей. Ясно, что большею частью доходы показываются фальшиво.»

Защитникъ правъ и чести шляхетскаго сословія, Сухоржевскій говорилъ: «Могутъ быть ошибки въ подачѣ сказокъ о доходахъ, но не умысленныя и не подъ фальшивой присягой. Если

бы у насъ было столько играющихъ присягою, сколько неправильно платящихъ подати, то Рѣчь-Посполитая была бы недостойна существованія и благословенія Божьяго.»

Послѣ споровъ о разныхъ подробностяхъ, принятъ былъ проектъ о назначеніи депутаціи для уравниенія податей въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ. Она должна была сдѣлать оцѣнку въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, руководствуясь собранными свѣдѣніями за шесть лѣтъ о всякаго рода отчужденіяхъ имуществъ (о продажахъ, залогахъ, контрактахъ и т. д.), вывести изъ нихъ доходъ и по этому доходу наложить подати, принявъ во вниманіе количество доходныхъ статей, указанныхъ самими владѣльцами въ поданныхъ сказкахъ.

«Все это прекрасно—сказалъ 26 февраля король—только законъ объ уравниеніи требуетъ времени, а войско нуждается въ жалованьи теперъ же. Пополнить казну можно только немедленными пожертвованіями; не хочу отставать отъ другихъ. У меня нѣтъ въ наличности денегъ, но есть на полмилліона украшеній и драгоценностей, все отдаю въ руки сеймоваго маршала.»

По примѣру короля, маршалъ Малаховскій предложилъ Рѣчи-Посполитой милліонъ золотыхъ безъ процентовъ. Въ томъ соображеніи, что сборъ вѣчнаго пожертвованія десятаго и двадцатаго гроша не можетъ состояться скоро, на предстоящую четверть года наложили въ Великой Польшѣ двойное подымное, въ Малой обыкновенное, а евреи должны были заплатить за цѣлый годъ поголовное не въ счетъ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда король на сеймѣ сдѣлалъ пожертвованіе, онъ былъ встрѣченъ въ театрѣ громкими рукоплесканіями публики. Это былъ важный день для него; патриоты, которые до сихъ поръ относились къ нему враждебно, или по крайней мѣрѣ косились на него, съ этого дня начали съ нимъ сближаться и переставали считать врагомъ отечества.

Люквезини, ѣздившій въ Берлинъ, по возвращеніи, въ концѣ февраля, привезъ отвѣтъ прусскаго короля на предложеніе заключить торговый и оборонительный союзъ съ Польшею. Пруссія предлагала сбавить два процента съ польскихъ продуктовъ, переходящихъ черезъ Силезію и Саксонію, и четыре процента съ тѣхъ товаровъ, которые идутъ по Вислѣ, и обѣщала въ случаѣ нужды, доставлять такое же количество пѣхотнаго войска, какое Польша будетъ доставлять конницею. За это Пруссія требовала уступить ей города Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, а въ вознагражденіе Польшѣ уступала влочекъ польской же земли около озера Гоцло въ Куявіи.

Долго не смѣла депутація предложить этого сейму, зная

раздраженіе, которое можетъ произвести всякая попытка къ уступкѣ земель. Депутація старалась войти въ соглашеніе съ Люквезини и прибѣгала къ такому извороту: она предложила отдѣлить союзнооборонительный трактатъ (alliance) отъ коммерческаго; такъ какъ уступка Польшею Гданска и Торуня предлагалась въ вознагражденіе торговыхъ выгодъ, предоставляемыхъ Пруссіею, то этотъ щекотливый вопросъ признавался сущностью коммерческаго договора, а не политическаго, слѣдовательно послѣдній могъ быть заключенъ независимо отъ всякихъ территориальныхъ уступокъ. Поляки думали, что они этимъ совершаютъ дѣло великой политической мудрости, но можно было предвидѣть, что въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находилась Польша съ Пруссіею, политическій договоръ безъ торговаго былъ бесплоденъ; такъ какъ отъ торговаго зависѣло благосостояніе Польши, то поляки неизбежно, вслѣдъ за политическимъ, должны были домогаться торговаго договора, на который Пруссія никакъ не согласилась бы иначе, какъ только получивши отъ Польши новыя владѣнія. Всей Польшѣ было очень тяжело отъ Пруссіи, потому что послѣдняя обложила польскіе товары чрезмѣрными пошлинами, но городу Гданску въ особенности; этотъ городъ, ради собственныхъ выгодъ и спокойствія, готовъ былъ отойти добровольно къ Пруссіи. Въ глазахъ многихъ поляковъ казалось, что уступка Гданска и Торуня скорѣе было приобрѣтеніе, чѣмъ потеря, если отъ этого выигрывала польская торговля. Люквезини объясняли имъ, что Пруссія должна же вознаградить себя за потери, которыя понесетъ, даровавши полякамъ торговыя льготы: прежде Пруссія брала съ товаровъ 12 процентовъ, теперь понижаетъ ихъ на четыре и на два, и черезъ то теряетъ около 200,000 талеровъ: естественно желать ей вознагражденія за эти утраты. Но при существованіи партіи, противной прусскому вліянію, при щекотливости патриотической чести, невозможно было склонить къ этимъ видамъ большинство на сеймѣ: депутацію иностранныхъ дѣлъ обвинили бы въ измѣнѣ. Потому единственнымъ средствомъ къ соглашенію съ Пруссіею казалось отдѣлить коммерческое дѣло отъ политическаго. Люквезини согласился, и по сношеніи со своимъ дворомъ сдѣлалъ замѣчаніе депутаціи, что предложеніе объ уступкѣ Гданска и Торуня дано было только въ видахъ вознагражденія Пруссіи за доставленіе Польшѣ новыхъ торговыхъ видовъ, а никакъ не въ видахъ политической необходимости. Уступая полякамъ, онъ въ тоже время надѣялся мало-по-малу склонить ихъ къ уступкѣ. Говорятъ, что Люквезини тогда интриговалъ между послами, нельзя ли устроить правительственнаго совѣта изъ небольшого числа членовъ, которымъ бы

дать власть въ родѣ той, какую имѣлъ недавно уничтоженный постоянный совѣтъ, помѣстить въ немъ благопріятелей Пруссіи и провести дѣло объ уступкѣ городовъ. Но маршалъ Малаховскій, хотя благопріятель Пруссіи, объяснилъ ему однако, что это невозможно, и даже далъ ему тонко замѣтить, что прусскому послу неумѣстно вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны.

Въ то же время Австрія дѣлала попытки отклонить Польшу отъ союза съ Пруссіей и привлечь къ себѣ. Главный министр Кауницъ говорилъ польскому уполномоченному при вѣнскомъ дворѣ Войнѣ, что было бы хорошо, если бы Польша заключила союзъ съ Австріею; въ такомъ случаѣ Австрія сбавила бы пошлины съ величковской соли ввозимой въ Польшу; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала освободить подданныхъ австрійской имперіи въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ отъ контрибуціи платимой ими тогда, когда они жительствоваши за предѣлами Австрійскаго государства. Депутація не поддавалась на австрійскія обѣщанія и болѣе довѣряла Пруссіи. За Пруссію было вліяніе другихъ иностранныхъ пословъ. Гэльсъ продолжалъ увѣрять поляковъ въ готовности помогать Польшѣ въ случаѣ враждебныхъ столкновеній съ Россіею и Австріею. Еще сильнѣе подстрекалъ тогда депутацію шведскій посланникъ Энгерстромъ, указывалъ ей на честолюбивыя виды русской императрицы, хотѣвшей господствовать на всемъ сѣверѣ, представлялъ, что Польшѣ, какъ слабѣйшей, достанется отъ Россіи прежде всѣхъ, и потому ей слѣдуетъ предупредить опасность и вступить въ оборонительный союзъ противъ Россіи съ Пруссіею, Англіею и Швеціею: только общими силами можно сломить опаснаго общаго врага.

15-го марта, депутація объявила сейму, что его величество король прусскій предлагаетъ заключить коммерческій трактатъ и въ видахъ вознагражденія за потери, неизбѣжныя для него при дарованіи Польшѣ торговыхъ выгодъ, желаетъ, чтобы Польша уступила ему Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, но узнавъ, что такое соображеніе уже начинаетъ толковаться поляками въ дурную сторону, устраняетъ заранѣе свое требованіе, для облегченія же польской торговли обѣщала сбавить 6 процентовъ на форданской тамождѣ; это произвело всеобщее одобреніе. Наканунѣ дня, когда сдѣлано было представленіе сейму, король имѣлъ свиданіе съ Люккезини въ Вилановѣ; прусскій посланникъ обворожилъ его; король въ то время боялся русскихъ козней, хотя въ то же время не довѣрялъ и Пруссіи. Изъ письма его къ посланнику польскому въ Лондонѣ Букатому видно, что въ то время распространилась вѣсть, будто Россія приказывала всѣмъ православнымъ священникамъ въ польскихъ владѣніяхъ прися-

гать уже не только на духовную зависимость отъ Россіи, но и на подданство императрицѣ. На короткое время опять возникъ было страхъ, подобный прошлогоднему. Такимъ образомъ, послѣ сейма въ это время, испугавшись Россіи, спѣшили предупредить опасность, ожидаемую отъ нея союзомъ съ прусскимъ королемъ. Въ то же время начали толковать какъ бы сойтись съ константинопольскимъ патриархомъ, подданнымъ Турціи, и поручить ему въ вѣдѣніе православную церковь, избавивъ ее отъ санктпетербургскаго синода. Самъ король, склоняясь къ прусской партіи, въ бесѣдахъ съ русскимъ посланникомъ увѣрялъ его, что желаетъ заключить съ Пруссіей только торговый договоръ и всѣми силами препятствуетъ политическому, который былъ бы негоденъ русской императрицѣ.

Подъ вліяніемъ страха русскихъ козней, а особенно возмущенія, хлоповъ по интригамъ Россіи, которое не переставало мерещиться полякамъ, договоръ съ Пруссіею пріобрѣталъ сторонниковъ. Противники его замѣчали, что не слѣдуетъ приступать къ союзнооборонительному трактату иначе, какъ напередъ обезпечивъ себя въ торговлѣ. Прусскіе сторонники возражали на это такъ: положимъ, что нашей торговлѣ не станетъ лучше послѣ союза; но оставаясь безъ союзника, мы все-таки не избавимся отъ прежнихъ тягостей, а еще скорѣе навлечемъ на себя бѣднѣя опасности и оскорбленія. Еслижъ мы войдемъ въ союзъ съ Пруссіею, то вмѣстѣ съ нею войдемъ въ союзъ съ Англіею, Голландіею, Швеціею, Турціею и почти со всею нѣмецкою имперіею, и это спасетъ насъ отъ захватовъ, отъ мести, отъ военныхъ переходовъ, отъ усиленія того вліянія, которое снова замышляетъ держать насъ въ зависимости. Въ такомъ союзѣ столько союзныхъ государствъ будутъ защищать наши владѣнія и независимость, и мы постепенно дойдемъ до того значенія въ Европѣ, котораго такъ желаемъ.

Сильнѣе всѣхъ за союзъ раздавался голосъ Игнатія Потоцкаго. «Заключая какой бы то ни было договоръ—говорилъ онъ—слѣдуетъ прежде всего себѣ уяснить: кто тотъ, съ кѣмъ договоръ заключается. Безъ предубѣжденія скажемъ: прусскій король держитъ въ своихъ рукахъ судьбу войны и равновѣсія всего сѣвера. Если мы, вопреки примѣру другихъ государствъ, станемъ медлить союзомъ съ нимъ, если, такимъ образомъ, станемъ отклонять средства, которыя этотъ монархъ готовитъ для своихъ высшихъ цѣлей, то не навлечемъ ли холодности и недовѣрія этого посредника народовъ? Не подадимъ ли тѣмъ, которымъ противно наше возрожденіе, наши труды, замыслы и стремленія, повода считать правительство наше непослѣдовательнымъ, край

нашъ годнымъ только для того, чтобъ чужіе могли вознаградить имъ себѣ понесенныя утраты? Сознаюсь, что мнѣ трудно спорить противъ тѣхъ, которые хотятъ торговыхъ выгодъ; но совѣсть говоритъ мнѣ, что я спасаю отечество. Я не желаю себѣ за то никакой награды, кромѣ его благополучія. Моя обязанность для меня выше всего на свѣтѣ. Намъ нельзя оставаться безъ союза, который бы обезпечивалъ существованіе имени и народа польскаго: иначе, это значило бы оставаться жертвою чуждаго могущества, чуждыхъ соображеній, подвергаться тягости приговора, изреченнаго въ св. писаніи словами: *vae soli!* (горе единому!)

Рѣчь Игнатія произвела энтузіазмъ. Напрасно противники пытались доказывать, что какими превосходными качествами ни обладалъ бы прусскій король, но договоръ заключается не съ лицомъ, а съ государствомъ; напрасно другіе представляли, что такого важнаго дѣла нельзя рѣшать опрометчиво, и требовали предварительнаго обсужденія (делибераціи): всякое возраженіе патриоты относили къ московскому внушенію и дѣлали на счетъ этого намеки. Проектъ договора былъ принятъ 15 марта.

Депутація иностранныхъ дѣлъ по порученію сейма заключила его 29 марта ¹⁾.

¹⁾ Его содержаніе таково:

1) Отсей да пребываетъ дружба и искреннее постоянное согласіе между его величествомъ королемъ прусскимъ и его наследниками съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ, его преемниками и всею наисвѣтѣшею польскою Рѣчью-Посполитою съ другой; въ силу чего высокія договаривающіяся стороны приложить всевозможнѣйшее стараніе, чтобы между ихъ государствами и ихъ подданными поддерживалось совершенное дружество и взаимныя добрыя сношенія, почему они обязываются всѣми возможными силами защищать другъ друга и сохранять обоюдно въ мирѣ и согласіи.

2) Вслѣдствіе обязательства указаннаго предъидущей статьею, обѣ высокія договаривающіяся стороны учинять всевозможное, дабы упрочить и сохранить ненарушимое обладаніе краями, провинціями, городами и всѣми землями, какими они владѣютъ во время заключенія настоящаго трактата. Эта гарантія существующихъ владѣній не должна однако мѣшать дружельбному разрѣшенію нѣкоторыхъ недоразумѣній, существовавшихъ прежде заключенія договора о рубежахъ, еще не приведенныхъ въ ясность.

3) Если бы случилось, что одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ была угрожаема неприятельскимъ нападениемъ отъ кого бы то ни было, то другая сторона безотлагательно употребитъ дѣятельнѣйшее стараніе, чтобы вредотаратить неприязненныя дѣйствія, доставить оскорбленной сторонѣ удовлетвореніе и привести мирное дѣло на путь примиренія; если же такое стараніе не произведетъ желаемаго успѣха и продолженія двухъ мѣсяцевъ, и если одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ въ это время неприятельно затронута, обезпокоиваема и оскорбляема въ своихъ краяхъ, правахъ и владѣніяхъ, и во всѣхъ своихъ выгодахъ, то другая обязывается безотлагательно помогать своей союзницѣ, чтобы поддержать взаимное обладаніе

Польскіе патриоты на первыхъ порахъ послѣ заключенія этого договора были въ восторгѣ; имъ казалось, что теперь Рѣчь-Посполитая вдругъ стала изъ слабой державы сильною, и смѣлѣе

всѣми краями, территориями, городами и мѣстами, принадлежавшими имъ до начала непріятельскихъ дѣйствій; почему, если польское королевство потерпитъ нападеніе, то его величество король прусскій доставитъ его величеству королю польскому помощь въ 14,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи съ артиллерійскимъ снарядами, соответствующимъ такому количеству войскъ; а если его величество король прусскій потерпитъ нападеніе, то его величество король польскій и наисвѣтлѣйшая Рѣчь-Посполитая доставитъ ему помощь въ 8,000 кавалеріи и 4,000 пѣхоты съ соразмѣрнымъ артиллерійскимъ снарядами: такая помощь должна быть доставлена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, считая со дня, когда будетъ заявлено требованіе отъ нуждающейся стороны, и это войско будетъ находиться въ распоряженіи послѣдней до окончанія войны. Эта военная сила должна получать жалованье и содержаніе на счетъ требовавшей ее стороны повсюду гдѣ союзница захочетъ съ нею дѣйствовать, и нуждающаяся въ ней сторона должна бесплатно доставлять ей хлѣбъ и фуражъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ обычно имѣютъ собственными войсками. Если же оскорбленная и нуждающаяся сторона предпочтетъ военной силѣ денежную помощь, то въ такомъ случаѣ эта денежная помощь должна имѣть стоимость 20,000 голландскихъ червонцевъ въ годъ на тысячу человекъ пѣхоты и 26,666 голл. червон. на тысячу человекъ конницы на годъ, или же по соразмѣрному расчету по-мѣсячно. Если польская Рѣчь-Посполитая предпочтетъ въ такомъ случаѣ оказать помощь доставкой въ продовольственные магазины хлѣбнаго зерна, то его величество прусскій король согласится на это, насколько его собственныя выгоды на то позволяютъ, и тогда хлѣбъ оцѣнивается по текущимъ въ Польшѣ цѣнамъ.

4) Въ случаѣ если установленная помощь будетъ недостаточною для защиты нуждающейся стороны, то союзная просимая сторона уможить ее сообразно необходимости, и такое умноженіе можетъ доходить со стороны е. в. прусскаго короля до 80,000, а со стороны его величества короля польскаго и наисвѣтлѣйшей Рѣчи-Посполитой до 20,000. Если же, кромѣ того, не смотря на указанное количество вспомогательнаго войска, одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ нуждаться въ помощи всѣхъ силъ другой, тогда обѣ стороны будутъ совѣщаться о такой чрезвычайной помощи.

5) Войска, доставленная просимою стороною, будутъ находиться подъ начальствомъ генерала командующаго арміею нуждающейся стороны, но должны оставаться въ сборѣ въ вѣдѣніи собственныхъ генераловъ и офицеровъ; они не должны быть выставлены на опасность болѣе собственныхъ войскъ и обращеніе съ ними должно быть въ равной степени внимательное, какъ съ собственными войсками нуждающейся стороны.

6) Если какое бы то ни было государство на основаніи какихъ бы то ни было актовъ и предшествовавшихъ договоровъ, будетъ присвоивать себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла польской Рѣчи-Посполитой и ея владѣній, въ какое бы то ни было время и какими бы то ни было образомъ, его величество прусскій король сначала употребитъ самое дѣятельное стараніе предупредить непріязненныя дѣйствія въ отношеніи къ такому рода притязаніямъ, но если его старанія останутся безъ успѣха, противъ Польши начнутся непріятельскія дѣйствія, то его величество прусскій король, признавая этотъ случай подходящимъ къ условіямъ союза, заступится за Рѣчь-Посполитую, сообразно содержанію четвертой статьи настоящаго договора.

7) Обѣ договаривающіяся стороны порѣшили, для обоюдныхъ выгодъ, заключить торговый договоръ, но такъ какъ такой договоръ, по своему существу, требуетъ вре-

стали отпускать на счетъ Россіи волкости и угрозы, даже самому Штапельбергу въ глаза, думая досадить ему. Штапельбергъ съ обычной своею сдержанностію и мягкостію въ обращеніи сказалъ: «Императрица далека отъ всякаго мщенія и никакъ не можетъ негодовать и досадовать, если Польша въ самомъ дѣлѣ усиливается и ея правительство укрѣпляется; напротивъ, дружественная Россія, заботясь о сохраненіи Польши, можетъ только радоваться мѣрамъ, ведущимъ къ ея прочности.» Въ своихъ дѣпешахъ къ Остерману Штапельбергъ выражался такъ: «Намъ нужно выигрывать время, пока окончится наша война съ Турціею; будемъ пока бросать кости на грызеніе патріотической жадности.» Что касается до Пруссіи, то заключая договоръ съ Польшею, Герцбергъ ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду на ту пору болѣе Австрію, чѣмъ Россію. Вѣрный политикъ Фридриха II, этотъ министръ держался той системы, что Пруссія при каждомъ удобномъ случаѣ должна не допускать Австрію до возвышенія. Обстоятельства для Австріи стали тогда неблагопріятны. Война съ Турціею шла не такъ удачно какъ предполагалось. Иосифъ II своими реформами возбудилъ противъ себя разнородныхъ подданныхъ своей имперіи. Бельгія была въ открытомъ возстаніи. Чехи и венгры волновались. Шляхетство въ новопріобрѣтенной Галиціи стремилось къ воссоединенію съ Польшею. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Пруссіи выгодно было наброситься на Австрію. Люквезини устраивалъ союзъ съ Польшею; прусскій посланникъ въ Константинополь, Діецъ, 31 января, послѣ долгой возни съ турецкою дипломатіею, устроилъ договоръ Пруссіи съ Турціею: по этому договору, слѣдовало принудить Россію уступить Турціи завоеванный Крымъ, а Австрію — Польшу Галицію. Герцбергъ былъ недоволенъ этимъ договоромъ; онъ обвинялъ Діеца, что тотъ превысилъ данное ему полномочіе. Герцбергу не хотѣлось выступать по-непріятельски противъ Россіи. Ему даже вообще не хотѣлось втягивать Пруссію въ дѣйствительную войну, онъ разсчитывалъ только застрашать Австрію и заставить ее понести потери, съ тѣмъ, чтобы

мѣни, то они не хотѣли, чтобы чрезъ то происходила задержка въ заключеніи оборонительнаго союзнаго договора, желаемаго равномѣрно обѣими сторонами, однако будутъ продолжать сношенія съ цѣлію открыть и исправить злоупотребленія, вкравшіяся въ послѣдній торговый трактатъ, а равнымъ образомъ для того, чтобы заключить новый договоръ, который долженъ наилучшимъ образомъ утвердить взаимныя торговныя выгоды для благосостоянія обѣихъ націй.

8) Настоящій союзнаоборонительный договоръ будетъ одобренъ и ратификованъ е. в. королемъ прусскимъ и е. в. королемъ польскимъ и наяснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою, а потомъ достоюжнымъ порядкомъ послѣдуетъ выдача и обмѣнъ ратификацій въ продолженіи четырехъ недѣль, или ранѣе, если возможно, считая со дня подписанія настоящаго трактата.

Пруссія при этомъ осталась въ выигрышѣ. За уступку Польшѣ Галиціи, отъ Австріи, прусскій министръ хотѣлъ пріобрѣсти для Пруссіи Гданскъ и Торунь; Герцбергъ сталъ умышленно тануть ратификацію договора съ Турціею. Между тѣмъ, дѣла стали измѣняться неожиданно.

Императоръ Іосифъ II умеръ 20 февраля; преемникъ его, бывшій тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, былъ человекъ совсѣмъ другихъ свойствъ и правилъ, чѣмъ его покойный братъ. Онъ полагалъ, что преждевременныя и крутыя реформы, упорно проводимыя Іосифомъ II, могутъ довести Австрію до разложенія, а потому, тотчасъ же по принятіи правленія, началъ дѣйствовать обратно: въ Венгріи и Чехіи возвратилъ большую часть отнятыхъ Іосифомъ II привилегій дворянству и духовенству, возстановилъ старинныя учрежденія, уничтоженныя Іосифомъ II, давалъ обѣщанія и надежды такимъ же образомъ успокоить Бельгію, показывалъ себя защитникомъ стараго феодализма и клерикальнаго порядка, хотя въ сущности былъ не таковъ по своимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ, и обратился къ прусскому королю съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что не желаетъ новыхъ пріобрѣтеній, довольствуясь тѣмъ, если Австрія, по отношенію къ Турціи, останется въ границахъ пожаровацкаго мира. Сначала Пруссія не довѣряла ему или показывала видъ, что не довѣряетъ: Герцбергу хотѣлось вовсе не того, чтобъ все утишилось на старинныхъ основаніяхъ, онъ домогался при всеобщемъ успокоеніи пріобрѣсти отъ Польши города. Но тутъ Англія вдругъ заговорила съ Пруссіею инымъ языкомъ и стала предлагать, чтобъ война прекратилась на основаніи *statu quo*. Англія была недовольна договоромъ, который устроилъ въ Константинополѣ Діецъ. Англія не противилась пріобрѣтенію Пруссіею Гданска и Торуня, но желала бы, чтобъ это произошло добровольною уступкою со стороны Польши, а вовсе не хотѣла раздувать войну на Востокѣ, въ которой она не могла получить прямыхъ выгодъ и должна была тратиться и трудиться на пользу Пруссіи, въ качествѣ ея союзницы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, Герцбергъ пытался склонить Австрію путемъ переговоровъ на уступку Польшѣ хоть части Галиціи, съ тѣмъ, чтобы за это Польша уступила Пруссіи Гданскъ и Торунь, или по крайней мѣрѣ хоть Гданскъ. Леопольдъ былъ непреклоненъ и стоялъ за *statu quo*. Старанія прусскаго посланника при австрійскомъ дворѣ, Якоби, остались напрасными. Австрійскій министръ Кауницъ былъ еще непреклоннѣе своего государя и изъяснялъ готовность воевать съ Пруссіею, если послѣдней угодно. «Мы вамъ не мѣшаемъ овладѣть Гданскомъ и

Торунемъ — говорилъ онъ прусскому посланнику — но зачѣмъ Австрія будетъ терять изъ-за этого?»

Послѣ напрасныхъ усилій достигъ желаемаго путемъ переговоровъ, Пруссія рѣшилась принять относительно Австріи угрожающее положеніе, съ цѣлю принудить ее уступить Польшѣ Галицію за Гдансь и Торунь. Въ концѣ мая, прусскій король отправилъ войска въ Силезію, а въ іюнѣ отправился туда и самъ лично. Корпусъ генерала Кальереута вступилъ въ Польшу для совмѣстнаго съ поляками вторженія въ Силезію.

Но Англія не допустила до непріятельскихъ дѣйствій. При ея посредствѣ, условились съѣхаться на конференцію въ Рейхенбахѣ.

Между тѣмъ поляки не оказывали желанія сдѣлать угодное своему союзнику мирнымъ путемъ, какъ хотѣла Англія. По заключеніи союзнооборонительнаго договора съ Пруссіею, сеймъ поручилъ королю Станиславу-Августу вести съ прусскимъ королемъ переговоры о торговомъ трактатѣ. Польскій король написалъ въ прусскому собственноручное письмо. Онъ разсыпался въ похвалахъ Фридриху-Вильгельму. «Много затрудненій — писалъ онъ между прочимъ — пришлось мнѣ преодолѣть въ день 15 марта. Однако, всѣ они исчезли отъ одной мысли, что мы имѣемъ дѣло съ вами, король. Я сказалъ моему народу, что самъ лично обращусь къ вашему величеству и представлю жалобы и желанія моего народа, и сеймъ единогласно воскликнулъ: поскорѣе станемъ союзниками этого короля, истинно великаго, истинно справедливаго: онъ не употребитъ во зло наше довѣріе къ нему. Онъ, конечно, приважетъ своимъ министрамъ поскорѣе удовлетворить справедливыя жалобы поляковъ; онъ скажетъ: желаю, чтобъ съ этихъ поръ поляки не испытывали напрасныхъ стѣсненій и лишеній; я желаю, чтобъ они были довольны, потому что они объявили себя моими союзниками».

Станиславъ-Августъ лгалъ, увѣряя Фридриха-Вильгельма, будто онъ убѣждалъ сеймъ согласиться на союзъ съ прусскимъ королемъ. Онъ, напротивъ, побаиваясь Россіи, вилялъ и держалъ себя такъ, чтобы, въ послѣдствіи, когда окажется нужно, можно было увѣрять всѣхъ, что онъ былъ противъ союза съ Пруссіею. Но прусскій король зналъ это хорошо и написалъ польскому такой отвѣтъ: *

«Вы просите меня быть справедливымъ, я готовъ, но прошу также ваше величество и весь польскій народъ быть съ своей стороны справедливымъ и ко мнѣ. Если вы припомните все, что происходило со времени уступки западной Пруссіи, то должны сознаться, что тягости и затрудненія, испытываемыя польскою

торговлю на Вислѣ и у Балтійскаго моря, имѣютъ свое начало и источникъ въ томъ, что города Гданскъ и Торунь были исключены изъ уступки, хотя и находятся посреди западной Пруссіи. Обстоятельства въ 1775 году вынудили такую конвенцію между Пруссіею и Польшею, по силѣ которой всѣ товары, отправляемые поляками въ Гданскъ и привозимые изъ Гданска, были облагаемы тою же пошлиною двѣнадцати процентовъ со ста, какая собиралась прежде, при польскомъ владѣніи западною Пруссіею. Если въ сборѣ пошлинъ таможенные чиновники допускали нѣкоторыя злоупотребленія, то я, какъ и король, мой предшественникъ, старался по возможности, исправить ихъ, въ случаѣ, когда возникали жалобы. Сверхъ того, я приказалъ понизить таксу съ польскихъ продуктовъ на пограничной таможенѣ и уменьшить три процента транзитной пошлины со всѣхъ товаровъ, которые поляки провозятъ изъ-за границы черезъ мои земли. Кромѣ того, я сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ ни одинъ государь, и чего даже самъ польскій народъ не могъ домогаться. Я снесъ сборъ пошлинъ и оплаты съ большей части продуктовъ и товаровъ, доставляемыхъ литвинами въ мои порты Кролевецъ и Мемель, уничтоживъ таможи, которыя издавна существовали между Пруссіею и Литвою. Я полагаю, что сдѣлалъ все, и даже болѣе того, сколько отъ меня можно было требовать для облегченія польской торговли въ моихъ владѣніяхъ. Торговля эта можетъ производиться беспошлинно до моихъ портовъ Кролевца и Мемля, и съ оплачиваніемъ восьми процентовъ со ста въ моихъ приморскихъ городахъ Эльблонгъ и Штетинъ. Если же поляки, желая вести торговлю со Гданскомъ, обязываются оплачивать свои товары двѣнадцатью процентами, то это естественное и неизбежное слѣдствіе существованія давнихъ польскихъ пошлинъ конвенціи 1775 г. и положенія города Гданска. Нельзя по справедливости требовать отъ меня, чтобъ я допустилъ къ такому же тарифу и къ такимъ же льготамъ, какими пользуются мои собственные города, таковъ городъ, который окруженъ моими владѣніями и не принадлежитъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что контрабанда его жителей и представленія объ этомъ магистрату мнѣ причиняютъ много хлопотъ. Я понимаю, что польскій народъ отъ этого терпитъ, но въ этомъ его собственная вина, а не короля прусскаго, и онъ долженъ былъ бы вспомнить, что не менѣе терпѣлъ и отъ монополіи города Гданска, который присвоивалъ ее еще при польскомъ владычествѣ надъ прусскимъ краемъ, съ ущербомъ прусскихъ городовъ. Это неудобство для торговли поляковъ по Вислѣ не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока города Гданскъ и Торунь останутся отдѣлен-

ными отъ моей территоріи, и въ особенности первый изъ этихъ городовъ. Для устраненія такихъ вредныхъ условій, не видя иного средства, я приказалъ предложить вашему величеству и почтенному сейму учинить со мною новую сдѣлку, по которой бы я могъ уменьшить установленный на Вислѣ двѣнадцати-процентный сборъ на такую цифру, которою народъ польскій могъ быть доволенъ, а потому желалъ, чтобы въ вознагражденіе большихъ убытковъ, долженствующихъ произойти отъ этого въ моихъ доходахъ на таможенныхъ, была мнѣ уступлена власть надъ городами Гданскомъ и Торунемъ, принадлежащими, по естественному положенію, къ территоріи западной Россіи и при уступкѣ послѣдней оставленными за Польшею по частнымъ и маловажнымъ причинамъ. Я полагалъ, что сдѣлавши такое предложеніе, я избѣгну несправедливаго обвиненія въ жадности и въ желаніи неправяго завладѣнія, потому что города Гданскъ и Торунь находятся посреди моей территоріи и власть надъ ними приличнѣе всего владѣтелю Западной Пруссіи, и союзнику Польши, который, увеличивая свои силы, сдѣлаетъ ихъ полезными какъ Пруссіи, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Польшѣ; притомъ же обладаніе этими городами не приноситъ никакой пользы, а напротивъ мѣшаетъ Польшѣ и отягощаетъ ея торговлю установленными пошлинами. Я же, безъ приобрѣтенія Гданска и Торуня, не могу уменьшить этихъ пошлинъ; иначе, я понесу убытка въ годовомъ доходѣ до двухсотъ тысячъ талеровъ. Если бы ваше величество понесли каіе-нибудь убытки въ своемъ годовомъ доходѣ, то, конечно, старались бы вознаградить ихъ для себя. Я не считалъ себя вправѣ надѣяться, чтобъ сеймъ, такимъ образомъ, принялъ мое предложеніе, еще менѣе могъ предвидѣть, чтобъ государь просвѣщенный и добрый патріотъ сталъ сопротивляться этому, какъ поступили ваше величество. Признаюсь, я ожидалъ другого пріема отъ сейма и потому, какъ скоро увидѣлъ, что предложеніе, въ сущности полезное для Польши, непріятно вашему величеству и сейму, тотчасъ приказалъ моему министру Люквезини ограничиться единственно заключеніемъ союзно-оборонительнаго договора; считаю себя обязаннымъ вашему величеству за то, что предложили своему народу заключеніе этого договора, и вмѣняю себѣ въ честь быть союзникомъ такого благороднаго и мужественнаго народа.

«Не сомнѣваюсь, что этотъ народъ пойметъ, что я для него сдѣлалъ, и что мнѣ еще остается сдѣлать для пользы и выгоды обѣихъ сторонъ. Если ваше величество желаете отъ меня дальнѣйшихъ соглашеній относительно торговли, я не замедлю содѣйствовать этому со всѣмъ моимъ доброжелательствомъ, но надѣюсь, что съ польской стороны будетъ такая же уступчивость и

отъ меня не стануть требовать того, что не умѣстно по самой природѣ вещей даже для самого польскаго народа. Я согласенъ на пересмотръ существующаго торговаго договора и на учиненіе новаго, съ увѣренностію, что скоро будетъ понято, что предложенное мною вознагражденіе мнѣ за уменьшеніе значительной пошлины остается и будетъ оставаться единственнымъ средствомъ въ возрожденію торговли польскаго народа, и что я требовалъ себѣ не уступки, а обмѣна, приносящаго Польшѣ выгоды. Этотъ обмѣнъ уменьшилъ бы мои доходы, но послужилъ бы мнѣ въ вознагражденію входа въ мои владѣнія и способствовалъ бы моему усиленію, а тѣмъ самымъ далъ бы мнѣ возможность сдѣлаться полезнѣйшимъ союзникомъ Польши. Я полагаю, что мнѣ слѣдовало войти въ эти подробности и предложить вашему величеству соображенія, которыя въ Варшавѣ не были приняты съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ бы слѣдовало.»

Фридрихъ Вильгельмъ, такимъ образомъ, давалъ знать полякамъ, что ему, во что бы то ни стало, хочется приобрѣсть Гданскъ и Торунь, и, безъ уступки этихъ городовъ для Польши, ничего не выйдетъ изъ заключеннаго союзно-оборонительнаго договора: англичане, подсмѣиваясь надъ нимъ, называли его договоромъ волка съ бараномъ.

Станиславъ - Августъ продолжалъ вліять: въ бесѣдахъ съ людьми нерасположенными къ Пруссіи, онъ говорилъ, что не слѣдуетъ дѣлать уступокъ Пруссіи, а въ своихъ интимныхъ письмахъ къ Булатому дѣлалъ соображенія, что Польшѣ придется уступить Пруссіи по крайней мѣрѣ одинъ Гданскъ безъ Торуня, но съ тѣмъ, чтобы король прусскій снялъ обременительныя пошлины и сверхъ того отдалъ Польшѣ часть торунской территоріи, захваченной покойнымъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, да сверхъ того, чтобы содѣйствовалъ Польшѣ въ приобрѣтеніи отъ Австріи Галиціи. Люквезини, освѣдомившись, что Станиславъ - Августъ однимъ говоритъ то, а другимъ иное, замѣтилъ ему въ глаза, что сестры королевскія имѣютъ надъ королемъ вліяніе. «Я глава и первый гражданинъ Рѣчи-Посполитой—сказалъ король—я обязанъ наблюдать какъ торговля, такъ и политическія выгоды моей націи. Не скрою отъ васъ: меня беспокоитъ то, что, не получивъ отъ васъ торговыхъ выгодъ, мы подвергаемся опасности отъ императорскихъ дворовъ». Этимъ онъ давалъ знать, что понимаетъ бесплодность политическаго договора Польши съ Пруссіею, потому что Пруссія не станетъ защищать Польши въ случаѣ опасности, не получивъ отъ нея желаемаго по торговому договору. Люквезини, утѣшая его, сва-

залъ: «У Пруссіи достаточно войска, чтобъ заступиться за Польшу и защитить ее отъ опасностей».

Польскіе обыватели продолжали испытывать тягость положенія, въ какомъ находилась Польша относительно Пруссіи. Литвины подали на сеймъ жалобу и изложили въ ней, что прусскій король своими распоряженіями въ Кромевцѣ стѣсняетъ ввозъ хлѣба, и отъ этого литовскіе землевладѣльцы несутъ потери доходовъ. Письмо прусскаго короля къ польскому, прочитанное въ Избѣ въ засѣданіи 7 іюля, возбудило неблагопріятныя для прусскаго короля замѣчанія. О пониженной имъ пошлинѣ съ транзитныхъ товаровъ говорили, что это совсѣмъ не благодѣяніе для поляковъ, что и полпроцента было бы достаточно. Вопреки обѣщаніямъ понизить пошлины на форданской таможенѣ, заявленнымъ Люккезини при заключеніи союзнно-оборонительнаго договора, тамъ явились такія распоряженія, которыя еще болѣе обременяли торговлю. Плывшимъ по Вислѣ польскимъ судамъ отказывали въ билетахъ для проплытія въ Гданскъ и направляли ихъ на Эльблонгъ (Эльбингентъ). Пруссій король въ своемъ письмѣ называлъ двѣнадцатипроцентную пошлину старинною, существовавшею еще при польскомъ обладаніи западною Пруссіею, а члены сейма замѣчали, что такой пошлины прежде не было. «Пруссій король — говорили послы — желаетъ Гданска и Торуня потому, что эти города принадлежать Западной Пруссіи, а Западная Пруссія его владѣніе. А что же это за владѣніе? Развѣ это древнее владѣніе? Это печальное слѣдствіе раздѣла, эпохи, о которой воспоминаніе тяжело и нестерпимо для Рѣчи-Посполитой.» Вся Изба, за исключеніемъ самыхъ отъявленныхъ обожателей Пруссіи, была тогда противъ отдачи городовъ.

Тогда патріоты приписывали неудачу заключенія торговаго договора съ Пруссіею русскимъ интригамъ и говорили, что для спойствія Рѣчи-Посполитой слѣдовало бы удалить изъ Варшавы русскаго посланника и не принимать его вовсе. Такимъ образомъ, ярые сторонники Пруссіи опять готовы были вызывать Россію на войну. Но въ то же время нѣкоторые изъ нихъ находились со Штакельбергомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ: маршалъ Потоцкій входилъ съ нимъ даже въ соображеніе о выгодахъ, какія извлечетъ Польша изъ союза съ Пруссіей. «Вотъ — говорилъ онъ — дѣло политической мудрости! Этотъ оборонительный союзъ съ Пруссіей навсегда пресѣетъ Пруссіи путь къ расширенію границъ ея на счетъ Польши, и Польша перестанетъ быть цѣлью ея политическихъ спекуляцій». — «Вы очень обманываетесь, — говорилъ Штакельбергъ: — какой пользы вы можете ожидать отъ Пруссіи, пока Висла въ ея рукахъ. Разрушенія вашей

торговли? Развѣ не видите, что ваше обещаніе будетъ обогащеніемъ Пруссіи. Сложная организація этого государства не можетъ себя поддерживать иначе, какъ уменьшая цѣнность польскихъ произведеній, съ цѣлью обогатить свои магазины дешевой цѣной, а потому она будетъ всегда поддерживать высокія пошлины, которыя вамъ будутъ приносить разореніе.» Штакельбергъ смѣялся надъ политическими соображеніями поляковъ и не давалъ вѣса никакимъ союзамъ Польши съ кѣмъ бы то ни было. Въ апрѣлѣ, когда, повидимому, близко подходило къ тому, что могла возникнуть вражда между Пруссіею и Австріею, Штакельбергъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «нужно только денегъ, да вступленія русскаго корпуса въ польскія владѣнія, и въ Польшѣ составится конфедерація противъ Пруссіи за Австрію».

Въ іюнѣ, прусскій король стоялъ въ воинственномъ стрѣ въ Шенвальдѣ, а между тѣмъ въ Рейхенбахѣ собрались прусскіе и австрійскіе дипломаты на совѣщанія при посредствѣ пословъ англійскаго и голландскаго. Тамъ на конференціи съ австрійскими уполномоченными, Шпильманомъ и графомъ Рейсомъ, Герцбергъ объявилъ, что Пруссія желаетъ приобрести Гданскъ и Торунь, съ ихъ округами и сверхъ того земли за рѣкою Оброю, отъ ея впаденія въ Варту до предѣловъ Силезіи, и округъ между Нотецою и Вартою до Оборника, а оттуда, по прямой линіи къ Торуню или до впаденія въ Вислу Древеницы; Герцбергъ считалъ на этомъ пространствѣ 120,000 жителей и до 600,000 талеровъ дохода. Отъ Австріи требовали уступки для Польши куска Галиціи, заключавшаго 300,000 жителей и приносившаго 343,000 гульденовъ дохода. Сверхъ того домогались возвращенія Бохни и Велички. Австрійскіе уполномоченные послали въ Вѣну спрашивать рѣшенія. Между тѣмъ пріѣхалъ Люккезини и сообщилъ королю, что поляки ни за что не хотятъ отдавать городовъ. Прусскій король сильно разсердился на поляковъ, упрекалъ ихъ въ неблагодарности, и рѣшился не требовать болѣе отъ Австріи никакихъ уступокъ и соглашался, чтобы все оставалось *in statu quo*, какъ было до войны съ Турціей. На этомъ, къ досадѣ Герцберга, окончились Рейхенбахскія конференціи. Прусское войско оказалось ненужнымъ въ Польшѣ, и генераль Калькрейтъ получилъ приказаніе воротиться въ Пруссію. Рейхенбахскій конгрессъ принесъ Польшѣ только ту временную выгоду, что съ тѣхъ поръ Россія принуждена была вести войну съ Турціею одна, безъ Австріи. Герцбергъ не терялъ однако надежды приобрести Гданскъ и Торунь. «Хотя бы — говорилъ онъ — эти города прикованы были къ облакамъ, все-таки они должны были оторваться и достаться Пруссіи». Маркизъ Люккезини

замѣчалъ, что если поляки не понимаютъ своего положенія и путемъ дружелюбнаго согласія отъ нихъ нельзя ничего выиграть, то удобнѣе будетъ доставить Пруссіи желаемое приобрѣтеніе посредствомъ соглашенія съ императорскими дворами. Такимъ образомъ, союзно-оборонительный договоръ съ Пруссіею не принесъ пока Польшѣ ничего: Польша, желая себѣ покровительства, помощи и выгодъ отъ Пруссіи, ровно ничего не хотѣла дать послѣдней. А Пруссія отъ союза съ Польшею, кромѣ приобрѣтенія территоріи, ничего и желать не могла.

Въ августѣ опять возникъ вопросъ объ отдачѣ городовъ. Пруссія все-таки снова давала знать, что Польшѣ необходима ея дружба, а эта дружба можетъ быть куплена только цѣною территоріальнаго пожертвованія. Гэльсъ уговаривалъ поляковъ уступить Пруссіи и доказывалъ, что Польша черезъ это не теряетъ, а выиграетъ. Во-первыхъ, Пруссія не даромъ возьметъ эти города, а за сбавку пошлинъ; во-вторыхъ, онъ отъ имени Англіи предлагалъ Польшѣ такія выгоды, которыя сами по себѣ покроютъ потерю городовъ: вся торговля Англіи съ Россіею перейдетъ къ Польшѣ. 10-го августа, Гэльсъ имѣлъ съ королемъ длинный разговоръ объ этомъ. «Вамъ извѣстно — сказалъ король — какъ назадъ тому тридцать лѣтъ ваши министры находили, что содержаніе Гибралтара сопряжено съ большими издержками, и готовы были уступить его. Испанія предлагала за него Англіи разныя выгоды, но никто изъ вашихъ министровъ не рѣшился представить этого предложенія на обсужденіе народа, зная, что народъ прочь отъ этого». — «Я понимаю ваше сравненіе — сказалъ Гэльсъ — только мое предложеніе происходитъ не по наущенію Пруссіи, но въ силу того убѣжденія, что, пока прусскій король не овладѣетъ Гданскомъ, до тѣхъ поръ мы, англичане, не въ силахъ склонить его даровать Польшѣ торговыя льготы, а намъ онѣ нужны также, какъ и Польшѣ». — «Я не принимаю предложенія — сказалъ король — не обѣщаю выхлопотать принятія его на сеймѣ, а только предположительно спрошу васъ, можете ли вы выхлопотать намъ, чтобъ и въ Кролевцѣ, какъ и въ Гданскѣ, были уничтожены стѣснительныя постановленія для нашей торговли? Будетъ ли Голландія за одно съ вами? Даруется ли намъ свобода торговли въ Силезіи и торговый транзитъ въ Саксоніи и во всей Германіи? Примутъ ли наконецъ Англія и Голландія на себя гарантію даже до того, чтобы объявить войну прусскому королю, если онъ будетъ стѣснять нашъ транзитъ до Гданска и обратно, и вообще устраивать намъ разныя затрудненія на Вислѣ». На второй и третій вопросы Гэльсъ отвѣчалъ утвердительно, но относительно перваго и четвертаго не могъ дать

рѣшительнаго отвѣта безъ предварительнаго соглашенія со своимъ дворомъ. «Англія—сказалъ онъ—дорожитъ торговлею съ Польшей, ей нужно получать дерево для судовъ и мачтъ, ленъ, коноплю, смолу, деготь и желѣзо, словомъ все, что нужно для мореходства по низшей цѣнѣ, чѣмъ эти продукты получаютъ изъ Россіи, съ которою Англія не хотѣла бы дружить; но торговля съ Польшею не состоится, пока прусскій король не уничтожитъ пошлинъ, пока не получитъ Гданска, вотъ почему Англія и совѣтуетъ вамъ потерять Гданскъ, который безъ того не приноситъ вамъ никакой пользы, а вы за то приобретете выгоды, какихъ не имѣли.» Король мало-по-малу склонялся въ мысли о необходимости отдать города, по крайней мѣрѣ Гданскъ. «Наша Рѣчь-Посполитая больна—говорилъ онъ на сеймѣ, и лучше ей сдѣлать ампутацію и приобрести за то дружбу сильнаго сосѣда, чѣмъ упорнымъ отказомъ возбудить въ немъ холодность, а можетъ быть и нажить въ немъ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что, по близости, онъ имѣетъ возможность вступить во владѣнія Рѣчи-Посполитой прежде, чѣмъ далекіе союзники могутъ прійти въ полякамъ на помощь. Намъ предстоитъ что-нибудь одно изъ двухъ, или допустить перемѣну въ судьбѣ Гданска и Торуня, или подвергать Рѣчь-Посполитую опасности разрушенія». Маршалъ Малаховскій былъ за отдачу. Игнатій Потоцкій кричалъ, что Польшѣ представляется великое счастье и надобно имъ пользоваться, пока можно уступкою двухъ городовъ купить расположеніе сильнаго сосѣда. Но большинству пословъ казалась противною и страшною одна мысль отдавать что-нибудь послѣ того, какъ Польшу насильно принудили къ уступкамъ по первому раздѣлу. Послы твердили, что у поляковъ есть только одинъ приморскій городъ, и какъ съ нимъ разстаться: тогда все море будетъ отъ нихъ отрѣзано. Прусская партія находила смѣшными и дѣтскими такіе доводы. «Странно думать—говорили люди этой партіи—о приморскомъ городѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго государства». Были и такіе, которые были во всемъ прочемъ за одно съ Игнатіемъ Потоцкимъ, но на отдачу Пруссіи городовъ ни за что не соглашались. Наконецъ, 5-го и 6-го сентября, на сеймѣ состоялся законъ, по которому впредь запрещалось дѣлать какія бы то ни было предложенія объ уступкахъ или обмѣнахъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Этому закону назначали ранѣе мѣсто въ числѣ коренныхъ законовъ будущей конституціи. Послѣ этого долго никто не смѣлъ заикнуться объ отдачѣ Гданска и Торуня. Изъ лицъ, составлявшихъ полный комплектъ Избы, большая половина отлынула отъ дѣлъ. Въ засѣданіи было не болѣе 130 человекъ, и тѣхъ большая часть слѣдовала за

нѣкоторыми крикунами: Прусской партіи не удалось на этотъ разъ перекричать противныхъ ей крикуновъ. Масса пословъ не хотѣла входить въ размышленія о выгодахъ или невыгодахъ таковой отдачи, а просто по чувству національнаго самолюбія волновалась при одной мысли уступить что-нибудь изъ польской территоріи.

Князь Понинскій сдѣлался тогда истиннымъ «возможъ отпущенія грѣховъ», тяготѣвшихъ на многихъ. Процессъ его тянулся до сентября 1790 года. Его выпустили изъ-подъ ареста и отдали на поруки инноврацлавскому послу Лещинскому. Когда, по поводу Гданска и Торуня, сеймъ вообще былъ раздраженъ противъ уступокъ въ чужія руки польскихъ земель, налегли на него, какъ на виновнаго въ подобномъ дѣлѣ въ былое время. Понинскій, предвидя, что ему не сдобровать, убѣжалъ снова изъ Варшавы на почтовыхъ лошадяхъ, но случилось, что тотъ самый офицеръ, который въ первый разъ упустилъ его, встрѣтился съ нимъ въ Гнѣвошевѣ, ѣдучи по дѣламъ службы, задержалъ и доставилъ въ Варшаву. Это второе покушеніе ускорило приговоръ надъ нимъ. Черезъ нѣсколько дней, Понинскаго приговорили къ лишенію всѣхъ титуловъ и шляхетскаго достоинства и къ изгнанію изъ отечества. Самое фамильное прозваніе у него было отнято. Для примѣра и назиданія современникамъ и потомкамъ, его хотѣли-было водить по варшавскимъ улицамъ при звукѣ трубъ, со всенародными возгласами: «вотъ измѣнникъ»! Но члены его семейства просили избавить ихъ фамилію отъ таковаго поношенія: ходатайство ихъ было уважено тѣмъ болѣе, что одна изъ сестеръ его была за братомъ бурляндскаго герцога. Преступника отправили за городъ въ каретѣ, подъ прикрытіемъ военнаго караула, съ тѣмъ, чтобъ черезъ четыре недѣли его уже не было въ границахъ Рѣчи-Посполитой. Но Понинскій, какъ бы въ насмѣшку надъ судомъ и надъ цѣлымъ сеймомъ, прибылъ въ свое имѣніе не далеко отъ Варшавы, и тамъ задалъ великолѣпный пиръ, надѣвши мундиръ русскаго генерала и навѣсивъ русскіе ордена. Его осужденіе не помѣшало многимъ съѣхаться къ нему по его приглашенію; онъ все-таки былъ вельможа, поврительствуемый Россією. Понинскій удалился въ Галицію, гдѣ у него были имѣнія.

Въ сентябрѣ, Штагельбергъ попрощался съ Польшею. Екатерина была недовольна этимъ старымъ и осторожнымъ слугою, въ особенности за совѣты примириться съ Турцією. Въмѣсто него прибылъ Яковъ Булгаковъ, бывшій посломъ въ Константинополь и при началѣ войны засаженный тамъ въ Семибашенный замокъ. Система дѣйствій, предписанная ему, была система выжиданія и

видимаго невмѣшательства. «Я мыслю—писала ему Екатерина— что въ ихъ дѣлѣ, по злобѣ націи польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ; развѣ откроется впередъ случай такой, гдѣ съ пристойностью къ тому приступить могу, котораго не уступлю конечно». Императрица приказывала приласкать поляковъ, замѣчать: «если они сходны къ реконфедерациіи и обнадеживать доброжелающихъ, но не ходить за ними и не показывать, что сіе нужно, либо на сердцѣ лежитъ». Екатерина считала поляковъ продажными, была увѣрена, что всегда можно будетъ подкупить вліятельныхъ лицъ, и оставляла рѣшеніе своихъ плановъ до будущаго времени. Наклонность къ Пруссіи она объясняла исключительно подкупомъ. «Пусть поляки поживутъ на счетъ короля прусскаго», писала она. Игнатія Потоцкаго она почитала вполне продажнымъ и выражалась о немъ въ письмѣ къ Булгакову такъ: «Понеже надворный маршалъ Потоцкій, несмотря на присягу свою, къ деньгамъ оказался лакомъ, гдѣ полезенъ быть можетъ, вы то къ случаю не оставьте сіе употребить въ нашу и друзей нашихъ пользу». Россіи непріятна была связь Польши съ Пруссіею, а равно и замыслы ввести наслѣдственное правленіе. Булгаковъ долженъ былъ мѣшать и тому и другому. Канцлеръ Остерманъ объ этомъ предметѣ такія писалъ наставленія Булгакову: «Надо стараться всѣми силами, чтобы выборъ не палъ ни на котораго изъ принцевъ прусскихъ, ниже на кого либо изъ преданныхъ двору тамошнему; сего-то событія отвращеніе ея императорское величество поручаетъ бдѣнію и попеченію вашему.... И потому остерегать благомыслящихъ поляковъ и умѣющихъ о пользѣ своей разсуждать отъ таково хитраго берлинскимъ дворомъ ихъ уловленія. Вы можете изяснить, что при выборѣ кандидата, надобнаго сему двору, Польша подвергнется тому жребію, каковый постигъ республику Голландскую, по принятіи королемъ прусскимъ въ дѣлахъ ея участія подъ предлогомъ свойства со статгальтеромъ, и надежнымъ пріятелямъ внушать словесно, коль не основательно удостовѣреніе соотчичей ихъ въ великодушіе и безкорыстіе двора берлинскаго, приводя имъ на память учиненное республикѣ о уступкѣ ему городовъ Торуня и Гданска предложеніе и всѣ происходившіе въ Рейхенбахѣ переговоры, гдѣ не столько настояло дѣло о выгодѣ его союзниковъ, сколько о распространеніи его собственныхъ областей, и хотя онъ объявилъ, что отъ требованія своего на тѣ города отрицается, однако извѣстно, что присвоеніе ихъ и нынѣ не упускаетъ изъ вида». При этомъ Остерманъ поручилъ Булгакову показать, кому нужно, письмо русскаго посланника Алопеуса въ Берлинѣ, дока-

зываютъ, что прусскій король такъ или иначе, а все-таки поминяеть о приобрѣтеніи Гданска и Торуня.

Булгаковъ, прѣхавъ въ Польшу, нашель, что тамъ въ публикѣ господствуетъ неблагопріятное расположеніе къ Россіи. «Всѣ почти чуждаются насъ — писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ; — быть врагомъ Россіи сдѣлалось модою; иной и не чувствуетъ къ ней вражды, а притворяется человѣкомъ прусской партіи». Враждебное настроеніе къ Россіи нѣсколько ослабѣло послѣ рейхенбахскаго конгресса, но осенью опять усилилось. «Причина та — писалъ Булгаковъ, — что Пруссія пожертвовала тогда 150,000 червонцевъ для раздачи посламъ, поручивъ раздавать ихъ Игнатію Потоцкому¹⁾. Оттого, по замѣчанію Булгакова, внезапно появилось въ Польшѣ множество прусской монеты. Поляковъ манили обѣщаніями, что Пруссія соединяется съ Австрією; другія европейскія страны пристанутъ къ союзу; всѣ пойдутъ на Россію за Польшу и отнимутъ у Россіи Бѣлую Русь, Кіевъ и пр. «Теперь — писалъ Булгаковъ — послы прожились и разорились, и многіе только и живутъ что прусскими деньгами; не безъ основанія можно думать, что всѣ падеи на деньги и продадутъ себя тому, кто дороже заплатитъ.»

Вопросъ о наслѣдственности престола долго не смѣлъ появляться въ сеймовой Избѣ, но давно уже кружился въ обществѣ; у маршала Малаховскаго и у Игнатія Потоцкаго часто совѣщались объ этомъ. Въ началѣ 1790 года, поляки, толкуя объ этомъ вопросѣ, сами недоумѣвали, откуда онъ явился; иные говорили, что мысль эта навѣяна отъ Россіи: ее считали плодомъ честолюбивыхъ замысловъ Потемкина, которому, какъ утверждали, хотѣлось быть государемъ или княжествомъ, составленнаго изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, или же Польши. Указывали на гетмана Браницкаго, что онъ, по свойству съ Потемкинымъ, распространялъ эту мысль. Браницкій, чтобъ снять съ себя это обвиненіе, тотчасъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ наслѣдственности. Сченский Потоцкій и Ржевускій показали себя яркими врагами этого замысла, и оба удалились изъ Варшавы. Ржевускій, проживая въ Дрезденѣ, напечаталъ брошюру, гдѣ порицалъ наслѣдственность и защищалъ избирательное правленіе. Браницкій распространялъ въ Польшѣ это сочиненіе въ тысячахъ экземпляровъ. Сторонники стараго порядка полагали, что мысль о наслѣдственности внушилъ Любкезини, въ надеждѣ, что поляки выберутъ на престолъ принца изъ прусскаго дома, и Прус-

¹⁾ Трудно рѣшить, въ какой степени справедливо это извѣстіе, не имѣвъ подругомъ секретныхъ прусскихъ дѣлъ.

сія такимъ образомъ современемъ, если не тотчасъ, овладѣеть Польшею. Король Станиславъ-Августъ старался уклоняться отъ этого вопроса, а когда его наводили на разговоръ объ этомъ, то онъ соображался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и прогрессистамъ онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, упадокъ Польши начался со введеніемъ избирательнаго правленія. Штапельбергъ при всякомъ случаѣ, сообразуясь со своими инструкціями, отклонялъ короля и пановъ отъ этой мысли. Главный аргументъ его состоялъ въ томъ, что Польша никакъ не можетъ избѣжать войны, которая будетъ для нея разрушительна. «Но ужь если поляки рѣшатся ввести у себя наслѣдственное правленіе—говорилъ онъ—то пусть вводятъ не иначе, какъ съ согласія императорскихъ дворовъ, и дадутъ ворону тому, на чей выборъ оба двора будутъ согласны. Штапельбергъ думалъ-было воспользоваться ссорой, которая произошла между Игнатіемъ Потоцкимъ и Казимиромъ-Несторомъ Сапѣгою и нѣсколько времени занимала весь городъ, но не успѣлъ ни въ чемъ. Люквезини такъ настроилъ пановъ-патріотовъ, что они, если и не ладили между собою, то все-таки не выходили изъ-подъ вліянія прусскаго посланника. Люквезини, однако, не давалъ имъ прямыхъ совѣтовъ ввести наслѣдственное правленіе и прямо говорилъ, что прусскій король не потерпитъ его, какъ только увидитъ въ немъ небезопасность для спокойствія Пруссіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настраивалъ ихъ на введеніе такихъ перемѣнъ, которыя шли въ разрѣзъ съ избирательнымъ правленіемъ. Въ Петербургѣ понимали дѣло такъ, что мысль о наслѣдственности считали внушеніемъ прусскаго двора, желавшаго посадить на польскій престолъ своего принца. Послѣ отъѣзда Штапельберга, Булгаковъ, сначала видя, что все настроено противъ Россіи, посыпалъ русскими полуимперіалами и тѣмъ открылъ себѣ путь къ дружескимъ бесѣдамъ съ послами. «Вѣдь прусскому королю—говорилъ онъ полякамъ—хочется обмануть васъ, вы отдадите ему города, онъ свое возьметъ и повинетъ васъ». Отвѣдавши русскихъ денегъ, нѣкоторые послы начали сильнѣе кричать противъ прусской жадности и двоедушія.

Работы по разсмотрѣнію конституціи шли чрезвычайно вяло, и для внутреннихъ улучшеній сеймъ не сдѣлалъ ничего. Финансы не поправлялись: обыватели не вносили исправно установленныхъ сеймомъ налоговъ. Налогъ на шкуры потерпѣлъ великое посрамленіе. По распоряженію правительства учрежденные для этого писаря брали шкуры отъ мясниковъ и доставляли въ нарочно устроенные по городамъ сараи: постройка сараевъ, жалованье чиновникамъ, перевозка шкуръ, ихъ размѣщеніе потребовали сразу значительныхъ затратъ. Отъ плохого присмотра шкуры портились

и наполняли воздухъ въ городахъ заразительнымъ смрадомъ. Отъ порчи множества шкуръ цѣны на кожевенные товары возвысились. Они вздорожали еще и оттого, что для удобства продажи изъ казны опредѣлено было продавать ихъ только тѣмъ, которые покупали не менѣе 60-ти шкуръ за-разъ. Большая часть ремесленниковъ, занимавшихся выдѣлкою шкуръ, были люди бѣдные и не могли дѣлать большихъ закупокъ; поэтому шкуры покупали въ казнѣ евреи и высылали ихъ за границу, или продавали по одиночкѣ очень дорого. Такимъ образомъ, дороговизна кожевенныхъ издѣлій дошла до того, что простые мужичьи сапоги стояли никакъ не менѣе 12 золотыхъ, что по тогдашнимъ цѣнамъ было неслыханно дорого. Казна сама почувствовала скоро неудобство своихъ операцій: войско нуждалось въ обуви, въ конской сбруѣ и вообще въ разныхъ принадлежностяхъ изъ кожи, и скарбовая комиссія понуждала ремесленниковъ доставлять въ войско необходимыя издѣлія; тогда ремесленники доставляли заказы изъ дурного матеріала и отговаривались тѣмъ, что изъ казны получаютъ испорченныя шкуры. Правительство нашло, что писаря, учрежденные для отбирания у мясниковъ шкуръ, дѣлаютъ злоупотребленія, а это еще болѣе умножило неудобство, потому что потребовалось содержаніе новыхъ чиновниковъ. Съ дороговизною на кожи возникла дороговизна на мясо: за фунтъ платили 10 гр., скоть, напротивъ, дешевѣлъ. Много мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ лишились средствъ пропитанія. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой по расчету прибыли десяти милліоновъ, казна не получила и трехъ; за то эта мѣра возбудила всеобщій ропотъ и негодованіе. Въ то время носилась молва, будто оставшіеся безъ куска хлѣба рабочіе производили пожары. Дѣйствительно, въ теченіи лѣта 1790 года, по всѣмъ областямъ Рѣчи-Посполитой было множество пожаровъ, но надобно принять во вниманіе, что лѣто было чрезвычайно сухое, горѣли лѣса и болота.

Установленная, 10-го сентября 1789 года, депутація для составленія проекта формы правленія подала часть своего проекта, о сеймикахъ; противъ нея поднялись голоса. Находили, что депутація не соблюдаетъ предписаній сейма. Ей предписано было изложить кардинальные законы Рѣчи-Посполитой, обязанности верховныхъ магистратуръ и ихъ отношенія между собою. Депутація умышленно проминула кардинальные законы. Это сдѣлано было потому, что въ число кардинальныхъ законовъ входило избирательное правленіе, а большинство членовъ депутаціи склонялось къ наслѣдственности. Тогда въ публикѣ болѣе и болѣе развивалась мысль о необходимости замѣнить избирательное пра-

вліеніе наслѣдственнымъ или, какъ говорилось, ввести избирательное правленіе по фамиліямъ, а не по лицамъ. Депутація думала, что, подавая проектъ по частямъ, она успѣетъ обратить въ законъ многое касающееся управленія, а кардинальные законы оставить на послѣдокъ, а между тѣмъ, умы болѣе подготовятся, и освоятся съ мыслию о наслѣдственности. Но этого ей не удалось. Сеймъ предписалъ ей изготovitъ проектъ начиная съ кардинальныхъ правъ. Въ іюнѣ, онъ постановилъ продолжать свою дѣятельность до 1-го марта 1791 года, въ тѣхъ видахъ, что много изъ старыхъ учрежденій уничтожено, новыя еще не установлены, или не приведены въ дѣйствіе, а чтобъ не стали говорить, что сеймъ самовольно захватываетъ въ свои руки верховную власть на многіе годы, безъ воли націи, то многіе тогда заявляли мысль просить собранные сеймики выбрать новыхъ пословъ и присоединить къ старымъ, такъ, чтобы сеймъ былъ въ двойномъ числѣ. Присутствіе старыхъ въ сеймовой Избѣ представлялось необходимымъ потому именно, что много важныхъ дѣлъ, ими начатыхъ, оставалось не оконченными; казалось благоразумнымъ, чтобъ ихъ кончали непременно прежніе, которые начали, хотя и вмѣстѣ съ новыми. Въ августѣ, депутація для составленія проекта формы правленія подала вновь свой проектъ и прибѣгла къ другому рода уверткѣ. Ей предписывали начать съ кардинальныхъ правъ, по сдѣлать такъ значило заранѣе объявить кардинальными правами такіе законы, которыхъ измѣненія они домогались, поэтому она представила конституціонныя права, обозначивъ въ рубрикѣ: права конституціонныя, въ число которыхъ входятъ и кардинальныя. Такимъ образомъ, депутація предоставляла сейму порѣшить, что признавать кардинальнымъ; между тѣмъ по дѣламъ, касающимся, такъ-называемыхъ, конституціонныхъ законовъ необходимо было двухъ третей голосовъ, для измѣненія же кардинальныхъ нужно было единогласіе. При извлеченіи кардинальныхъ законовъ изъ представленной массы конституціонныхъ, выступилъ наружу вопросъ объ избирательности и наслѣдственности престола, и сдѣлался предметомъ преній. Но потомъ оставили его и начали заниматься другими, составлявшими также сущность кардинальныхъ законовъ. Въ сентябрѣ коснулись религіи. Сперва сеймъ рѣшилъ принять господствующими три вѣроисповѣданія: римско-католическое, греко-уніатское и дизунитское (православное); но черезъ нѣсколько дней, 25 сентября, сеймъ сдѣлалъ измѣненіе, призналъ господствующею одну римско-католическую религію обоихъ обрядовъ: латинскаго и греко-славянскаго; православная религія наравнѣ съ протестантствомъ допускалась только въ качествѣ терпимой. Одинъ изъ

кардинальныхъ законовъ долженъ былъ опредѣлить, должна ли законодательная власть Рѣчи-Посполитой сосредоточиваться исключительно въ шляхетскомъ сословіи? Тогда отъ прогрессивной партіи послѣдовало новое домогательство даровать городамъ право посылать представителей, но еще разъ было отвергнуто. Такое неблагоприятное для городовъ настроеніе произошло также и оттого, что въ Варшавѣ въ это время случились беспорядки. Какой-то портной поймалъ на улицѣ шедшаго съ работой еврея, не записаннаго въ цехъ и слѣдовательно, не имѣвшаго права заниматься ремесломъ. Онъ потащилъ его въ цехъ. Евреи стали отбивать своего единовѣрца и прибили портного. Тогда толпа ремесленниковъ бросилась на евреевъ, грабила ихъ дома и бросала въ колодцы ихъ позитки. Городская маршалковская стража бросилась унимать свалку, мѣщане прогнали ее и кидали на нее камнями, это дало на сеймѣ поводъ указывать неодобрительно на мѣщанское сословіе вообще и находить, что мѣщане недостойны чести, какую имъ хочетъ дать прогрессивная партія.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ домѣ маршала Малаховскаго, а также и въ собраніяхъ, бывшихъ у разныхъ пословъ, членовъ сейма, разговоры и пренія всѣ сходились въ одному вопросу о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе? Сторонниковъ наслѣдственнаго становилось все болѣе и болѣе, но между ними еще не составлялось единогласія, относительно выбора лица, достойнаго открыть рядъ наслѣдственныхъ польскихъ королей. Игнатій Потоцкій расположенъ былъ отдать польскую корону прусскому принцу или даже самому прусскому королю. Однажды, находясь въ домѣ княгини Сангушковой, гдѣ часто собирались лица высшаго круга, Потоцкій проповѣдая свои идеи говорилъ: «Ахъ, если бы намъ убѣдить прусскаго короля принять польскую корону; это трудно, потому что онъ боится отважиться на войну, которая послѣдуетъ съ Россією и Австрією. Ахъ, если бы можно было успѣть въ этомъ! Вотъ былъ бы наилучшій для насъ исходъ. Польша соединилась бы съ Пруссією, какъ нѣкогда соединилась съ Литвою, съ равнымъ правомъ, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, покупать въ Польшѣ и Пруссіи имѣнія, занимать мѣста и должности, съ открытіемъ свободной торговли между обѣими соединенными странами. Можно, мнѣ кажется, усыпить Россію и Австрію, дозволя имъ расширить свои владѣнія насчетъ Турціи, а со временемъ, когда мы окрѣпнемъ, можно будетъ войной отнять тѣ земли, которыя отъ насъ отторгнули эти государства. Европа не будетъ препятствовать сое-

диненію Пруссіи съ Польшей. Напротивъ, царствующій въ Европѣ духъ свободы встрѣтитъ хорошо идею соединенія двухъ государствъ подъ конституціоннымъ правленіемъ». Ему замѣчали, что невозможно согласить на это польское дворянство. «Правда—отвѣчалъ Потоцкій—но въ крайнемъ случаѣ мы поднимемъ мѣщанъ и освободимъ крестьянъ». Но слова остались словами. Дѣло было черезъ-чуръ трудное, и самъ Потоцкій остановился бы, когда бы встрѣтился въ области дѣла съ тѣмъ, что льстило его воображенію. Надобно было, во-первыхъ, принять во вниманіе, что прусскій король былъ протестантъ и по отношеніямъ, привязывавшимъ его къ своей наслѣдственной странѣ, не могъ сдѣлаться католикомъ; этого уже было достаточно, чтобы поляки отвергли его кандидатуру; во-вторыхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ властвовалъ въ своемъ государствѣ неограниченно, и ужъ вѣчно былъ склоненъ скорѣе въ Польшѣ властвовать такимъ же образомъ, чѣмъ вводить въ свое государство что-нибудь новое, похожее на польское, какъ того хотѣлъ Потоцкій, выражаясь о соединеніи Польши и Пруссіи подъ однимъ конституціоннымъ правленіемъ. Что же касается до поднятія мѣщанъ и крестьянъ, то на это недоставало бы у Игнатія Потоцкаго дѣятелей; а если бы возможно было начать такое волненіе, то оно ничего не подѣлало бы противъ организованныхъ войскъ сосѣднихъ государствъ, которыя тотчасъ бы наводнили Польшу.

Другіе говорили, что Польшѣ лучше всего слѣдуетъ пріобрѣсть союзъ съ сильной Англіей, и выбрать въ наслѣдственные короли англійскаго принца. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это казалось самымъ здравымъ предположеніемъ, но оно не имѣло за собою популярности; не находилось охотниковъ взяться энергически за эту мысль. Притомъ было два препятствующихъ обстоятельства: во-первыхъ, англійскому принцу надобно было перемѣнять вѣру, во-вторыхъ, онъ былъ бездѣтенъ. Король Станиславъ-Августъ думалъ еще объ одномъ кандидатѣ—о внузѣ Екатерины; объ этомъ у него, какъ кажется, и было говорено съ государынею еще въ Каневѣ, но въ тѣ времена трудно было рѣшиться заговорить объ этомъ, да и король сталъ не тотъ, что былъ прежде. Большинство склонялось къ выбору въ преемники Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя, родственника покойнаго польскаго короля Августа III, католика по вѣрѣ, знавшаго даже по-польски. Этотъ принцъ болѣе чѣмъ всякій другой казался подходящимъ; притомъ поляки думали, хотя ошибочно, что берлинскій дворъ не будетъ препятствовать его выбору; даже тѣ, которые ни за что не хотѣли наслѣдственнаго правленія, готовы были признать его преемникомъ Станиславу-Августу, въ качествѣ

будущаго избирательнаго короля. Когда объ этихъ вопросахъ толковали у Малаховскаго, то казалось, дѣло о наслѣдственности браво верхъ. Подъ вліяніемъ хлѣбосольтва послы снова потакали рѣчь о преимуществѣ наслѣдственнаго правленія; другіе, поврайней мѣрѣ, уклонялись отъ рѣзкихъ возраженій, но какъ скоро начали говорить объ этомъ въ сеймовой Избѣ, тотчасъ оказывалось, что большинство стоитъ за сохраненіе старины. Какъ лучшій и законнѣйшій исходъ этого дѣла, предлагали обратиться къ народу съ вопросомъ о преимуществахъ и спросить на сеймикахъ все польское шляхетство, желаетъ ли оно назначить преемникомъ Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя Фридриха Августа. Противъ этого стали-было возражать, что такое обращеніе несообразно съ законами государства, недозволявшими открывать сеймики въ то время, когда сеймъ собранъ или находится въ дѣйствиіи. Брестскій посолъ Матушевичъ далъ такую мысль: надобно прекратить дѣятельность сейма на ту пору, когда соберутся сеймики, и въ такомъ случаѣ нужно считать сеймъ распущеннымъ. Предложили выбрать на сеймикахъ новыхъ пословъ и на сеймъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить на дальнѣйшій срокъ представительство за старыми такъ, чтобы сеймъ отправлялся двойнымъ числомъ голосовъ. Король согласился на это изъ первыхъ, и вообще старался въ то время заслужить расположеніе прогрессивной партіи, не объявляя впрочемъ себя рѣшительно за наслѣдство, и постоянно твердя, что онъ соображаетъ свои убѣжденія съ волею народа.

Кіевскій посолъ Трипольскій, говоря противъ намѣренія назначать польскому королю преемника при жизни царствующаго лица привелъ анекдотъ о каноникѣ, который заранѣе составилъ завѣщаніе въ пользу своихъ родныхъ и служителей, а они за это ускорили его кончину. «Я люблю отечество болѣе самого себя и потому не боюсь ничего подобнаго», сказалъ король, и заслужилъ одобреніе прогрессистовъ за хорошую фразу. Послѣ восьмидневныхъ споровъ и горячихъ криковъ, наконецъ, 20 сентября, порѣшили открыть сеймики для выбора новыхъ пословъ, которые бы составляли сеймовую Избу вмѣстѣ съ прежними, и предложить къ обсужденію и рѣшенію вопросъ въ такой формѣ: можно ли при жизни настоящаго короля избрать ему преемника въ особѣ князя-избирателя. Нѣкоторые прогрессисты долго боялись этого; они знали, что такое польскіе сеймики, какъ легко ими руководить богатымъ и ловкимъ панамъ, и какъ крѣпко укоренена была въ шляхетствѣ рутина старо-польской вольности, но потомъ на эту мѣру согласились съ большинствомъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, эта мѣра послужитъ въ пользу и имъ, какъ противникамъ: и они со своей стороны имѣли въ виду

разъѣхаться по воеводствамъ, и настраивать сеймики на свою сторону. Формула вопроса о преемникѣ составлена уклончиво: спрашивали только о преемничествѣ, а никакъ не о наслѣдственности; такимъ образомъ можно было въ нѣкоторыхъ воеводствахъ настроить сеймики до того, чтобы они сами, какъ будто по своему произволению, потребовали наслѣдственнаго правленія; въ другихъ же если не сважется объ этомъ ничего ни за, ни противъ, то потомъ можно будетъ на сеймѣ установить наслѣдство, опираясь на то, что нѣсколько сеймиковъ заявили желаніе, а другіе не заявили своего нежеланія. Такимъ образомъ, маршалъ сейма отъ 8 октября издалъ универсалъ о собраніи сеймиковъ на 16-е ноября, а сеймъ закрывался до 16 декабря, когда долженъ былъ открыться съ двойнымъ числомъ пословъ. Въ универсалѣ не только не было ничего о наслѣдствѣ, но ясно было заявлено, что избирательное правленіе останется ненарушимымъ.

Такое послѣднее рѣшеніе было противоположно совѣтамъ саксонскаго министра Эссена, который говорилъ полякамъ: «установите прежде твердый порядокъ правленія, потомъ уже выберите преемника, потому что вашимъ сосѣдямъ, особенно Россіи, въ вашихъ реформахъ непріятнѣе всего то, что вы пытаетесь вводить наслѣдственное правленіе; избѣгайте преждевременно раздражать сильныхъ, пока вы сами не усилились.» Но полякамъ казалось, что они достаточно сильны: уже они заручились союзомъ съ Пруссією, посланникъ польскій въ Константинополѣ, Петръ Потоцкій, заключилъ въ концѣ года договоръ съ Турцією. Въ немъ, кромѣ статей въ сущности не важныхъ, были три статьи такого содержанія: такъ какъ Россія захватила владѣнія Порты и Польши, и Порты ведетъ войну съ Россією, то Польша въ согласіи съ прусскимъ королемъ, который со своей стороны нападетъ на Россію, будетъ всѣми силами вести противъ Россіи войну. Ведущія взаимно войну государства будутъ сообщать другъ другу военныя операціи и направленія своихъ войскъ, какъ условились между собою Порты и Пруссія. Обѣ договаривающіяся стороны не будутъ заключать ни перемирія, ни мира безъ предварительнаго сообщенія прусскому королю и безъ участія этого государя, но будутъ продолжать войну неумолимо, пока оба государства, Порты и Польша, не получаютъ отъ Россіи полного удовлетворенія, и пока при участіи прусскаго короля не будетъ заключенъ постоянный и твердый миръ; если же послѣдній не состоится, то оба государства никакъ не перестанутъ вести войну противъ Россіи. Пруссійскій король, какъ союзникъ Польши и Порты, приглашается обѣими договаривающимися сторонами приступить

къ настоящимъ условіямъ, почему настоящій договоръ и сообщался прусскому министру, находящемуся въ Константинополѣ.

Понадѣявшись на заключенный прежде оборонительный союзъ Пруссіи съ Портою, Потоцкій впуталъ въ свой договоръ прусскаго короля; а между тѣмъ прусскій король уже измѣнилъ свои планы, прекратилъ недоразумѣнія съ Австріею и сближался съ Россіею: послѣдняя, будучи принуждена воевать противъ Турціи одна, соглашалась на примиреніе при посредствѣ Пруссіи. Прежній другъ Польши, Лювезини, отправился въ Турцію примирителемъ и хлопоталъ о томъ, что шло въ разрѣзъ съ желаніями и видами Польши. Онъ уговаривалъ турокъ уступить требованіямъ Россіи. Въ видахъ Пруссіи было устроить этотъ миръ для того, чтобы потомъ можно было вмѣстѣ съ Россіею пріобрѣсть на счетъ Польши тѣ выгоды, которыхъ Пруссія не могла получить добровольно по причинѣ упрямства поляковъ; не зная этого, поляки хлопотали о продолженіи войны, мечтали не только обезопасить отъ Россіи свое государство, но напомнить «москалямъ» былыя побѣды, унижить, наказать, потоптать враждебную Москву. Этотъ договоръ съ Портою сдѣлался впоследствии самымъ благовиднымъ предлогомъ для Россіи. Россія не показывала непріязненныхъ дѣйствій къ Польшѣ, вывела свои войска изъ польскихъ владѣній по требованію сейма, удерживалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Екатерина предвидѣла, что поляки сами объявятъ ей вражду. Ожидать пришлось недолго. Безсильная держава легкомысленно задирала сильную и, конечно, должна была ожидать себѣ за то возмездія.

VIII.

Варшавское общество и нравы во время сейма ¹⁾.

Характеръ сейма — медленность въ работахъ, широкіе замыслы и узкое пониманіе способовъ ихъ осуществленія, богатство затѣй и скудость средствъ, мало дѣла и много словъ, все — чѣмъ отличался тогдашній сеймъ, шло какъ нельзя болѣе въ уровнѣ съ образомъ жизни пословъ за предѣлами сеймовой Избы и съ характеромъ общества тогдашней польской столицы. Живой и легкій нравъ поляковъ располагалъ ихъ къ тому, чтобы начинать и не кончать, спѣшить къ цѣли и внезапно останавливаться на полдорогѣ, и, главное, убѣгать тяжелаго труда, когда послѣдній дол-

¹⁾ См. Источники: № 117, 118, 89, 80, 75, 47.

женъ былъ смѣнять краснорѣчіе. У поляковъ всегда, гдѣ только собиралось большое общество, являлись кутежи, пиры и битые въ баклуши. Никогда еще Варшава не видала въ стѣнахъ своихъ такого стеченія шляхетства, и никогда не предавалась съ такою забывчивостью широчинному разгулу. Въ прежнія времена Варшава не славилась шумнымъ обществомъ; паны не любили жить въ столицѣ, какъ и вообще польское дворянство не жаловало городовъ. Дѣдовскія привычки располагали пановъ предпочитать городамъ свои наслѣдственные палацы въ имѣніяхъ, гдѣ жило имъ такъ весело; если же кто чувствовалъ однообразіе такой жизни, тотъ ѣхалъ не въ польскій городъ и не въ польскую столицу, а куда-нибудь во Францію, или Италію, гдѣ поляки своею расточительностью и податливостью всякому надувательству произвели даже пословицу: «*far viaggio alla Polacca*» — странствовать по-польски. Только во время сеймовъ, въ продолженіи шести недѣль, Варшава оживлялась, когда съѣзжались туда послы, а за ними всякіе любопытные обыватели и евреи, которымъ только въ это время дозволялось торговать въ Варшавѣ; отовсюду привозились товары для прельщенія панскихъ глазъ. Неудивительно, что вообще Варшава, въ былыя времена, казалась скучнымъ и заброшеннымъ городомъ. Съ Августа III, она начала мало-по-малу оживляться, но блистательное ея положеніе наступило при Станиславѣ-Августѣ. Городъ расширялся, пролагались цѣлыя новыя улицы, воздвигались зданія за зданіями, обновлялись ветхія и пришедшія въ упадокъ отъ долгаго небреженія. Заброшенный дворецъ Яна-Казимира, на Краковскомъ предмѣстьи, былъ возобновленъ, украшенъ и отданъ подъ корпусъ кадетъ. Королевскій замокъ, на который мало обращали вниманіе при Августяхъ, жившихъ больше въ Дрезденѣ, былъ отдѣланъ, наряженъ и украшенъ картинами художниковъ, пользовавшихся покровительствомъ польскаго короля. Построены красивыя казармы для гвардіи и артиллеріи. Явилось нѣсколько новыхъ красивыхъ церквей: кармелитскій монастырь, двѣ протестантскія церкви и уніатскій монастырь на Медовой улицѣ; выстроено зданіе публичнаго театра на площади Красинскихъ; за городомъ распространенъ дворецъ въ Бѣлянахъ и построены великолѣпныя Лазенки съ прекраснымъ садомъ: король особенно объ нихъ заботился. Подражая ему, паны начали поправлять свои палацы и воздвигать новыя; сдѣлалось модою содержать ихъ въ столицѣ, щеголять ими и проживать въ нихъ отъ времени до времени, расточая свое гостепримство. Такой характеръ Варшавы дошелъ до своего апогея въ эпоху конституціоннаго сейма; какъ будто чувствуя, что надъ Польшей ви-

сеть роковой приговоръ судьбы, всё спѣшили пожить, какъ можно необузданнѣе и размахистѣе; всеувлекающее, всеопьяняющее веселье охватило польскую столицу.

Если мы перенесемъ воображеніемъ въ Варшаву конца XVIII вѣка, то не найдемъ въ ней того европейскаго образа, который дѣлаетъ ее теперь похожею на всё вообще столицы и большіе города Европы. Несмотря на важныя улучшенія во времена Станислава-Августа, она все еще усѣяна была бѣдными деревянными постройками съ гонтовою крышею, нерѣдко снабженною живописными щелями, обросшими травой, которыя хозяева отъ бѣдности и безпечности не могли починить. Такимъ образомъ, улица Новый-свѣтъ, составляющая продолженіе Кравовскаго предмѣстья, красивѣйшей части города, въ то время еще вся почти состояла изъ такихъ зданій. Такъ-называемое «Старое-Място» наполнено было каменными строеніями съ виду поразительно грязными, обыкновенно въ два этажа, но иногда и въ три; дома эти принадлежали торговому классу, внизу были погреба и лавки, вверху лишніе покровы отдавались въ наѣмъ, и здѣсь гнѣздилась бѣдность и нечистота. Всѣхъ улицъ, большихъ и малыхъ, считалось тогда 190, но изъ нихъ не болѣе десяти были порядочно вымощены; на остальныхъ, если и была мостовая, то въ такой степени дурно устроенная и плохо содержимая, что сворѣе препятствовала ѣздѣ, чѣмъ способствовала ея удобствамъ. Осенью и во время большихъ дождей, грязь была невылазная; — переходить улицы можно было не иначе, какъ въ большихъ сапогахъ. Впрочемъ, сколько-нибудь зажиточный полякъ не ходилъ по городу, а ѣздилъ въ экипажѣ, или верхомъ, стараясь при этомъ щегольнуть лошадьми. Отъ этого, во время конституціоннаго сейма; въ Варшавѣ была такая непрерывная ѣзда, что лошадей могло казаться на улицѣ больше, чѣмъ людей, въ особенности потому, что если какой-нибудь господинъ подумаетъ погарцовать по улицамъ столицы верхомъ, то за нимъ ѣхало три, четыре гайдука, а когда выѣзжала знатная дама въ каретѣ, то ее везли восемь и даже двѣнадцать лошадей. Варшавскіе модники, сверхъ того, любили щеголять гоньбою во весь духъ въ кабриолетахъ, запряженныхъ превосходными лошадьми, которыми они въ такомъ случаѣ управляли сами безъ кучера, представляя изъ себя подобіе древнихъ римскихъ авригъ; даже дамы отваживались прокатиться въ такихъ кабриолетахъ и сами управляли иногда шестью, а иногда и восемью лошадьми. Этимъ отличались особы высшаго круга; иногда барыни невысокаго полета, и даже мѣщанки, задумывали тоже дѣлать, но часто имъ это вовсе не удавалось, и лошади у нихъ были хуже, и сами онѣ

не имѣли таковой ловкости. Зимомъ такимъ образомъ катались по городу на саяхъ разнообразной конструкціи, съ яркими украшениями изъ серебра и даже золота, и съ малиновыми или голубыми сѣтками, закрывавшими господъ и госпожъ отъ снѣга, взбиваемаго конскими копытами. Упряжь также, какъ и сани, блистала серебромъ съ насѣчкою изъ золота. Между ними мелькали верхомъ кавалеры, выказывая богатство сѣделъ, сбруй и собственныхъ нарядовъ.

Франтовство одеждою доходило до страсти; старались одѣться какъ можно фигурнѣе и оригинальнѣе; прїѣзжій въ Варшаву европеецъ поражался разнообразіемъ и часто безвкусіемъ видѣнныхъ на улицѣ востюмовъ. Старый польскій нарядъ у знатныхъ пановъ въ XVIII вѣкѣ почти вышелъ изъ употребленія; только немногіе оригиналы, въ родѣ *Panie Kochanku*, не разставались съ нимъ. Большинство предпочло ему французскіе кафтаны и пудру. Теперь патріоты, которыхъ помышленія направлялись къ прошедшимъ временамъ отечества, стали показываться въ публикѣ въ тафтяныхъ и атласныхъ жупанахъ, застегнутыхъ частыми пуговками и подпоясанныхъ серебристымъ или золотистымъ поясомъ, въ накинутыхъ сверху кунтушахъ яркаго цвѣта, съ прорѣзными рукавами, откинутыми назадъ, въ четверугольной народной шапкѣ и со старо-польскою карабелею, оправленною въ золото и камни. Этотъ костюмъ составлялъ противоположность съ костюмомъ франта, одѣтаго въ цвѣтной фракъ, съ длинными до пятъ фалдами, въ расшитомъ золотомъ жилетѣ, на которомъ болтались толстыя золотыя часовыя цѣпи со множествомъ печатей, ключиковъ и побрякушекъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ треугольѣ на напудренной головѣ, съ толстымъ и высокимъ галстукомъ, завязаннымъ огромнымъ бантомъ въ видѣ розетки. Многіе надѣвали польскій костюмъ для временнаго щегольства и опять облевались въ европейскій; многимъ хотѣлось быть и поляками и европейцами въ полномъ смыслѣ; отъ этого можно было встрѣтить польскую четверугольную шапку на напудренномъ французскомъ произведеніи и, наоборотъ, треуголку на бритой головѣ; съ европейскимъ фраккомъ сочетались высокіе красные сапоги и польскіе усы, нафабранные до того, что стояли, какъ деревянные.

Среди блеска упряжи, экипажа и нарядовъ, сновали по Варшавѣ многочисленныя толпы бѣдняковъ: исхудалые, чахлые отъ плохой пищи и болѣзней; они были покрыты самыми пестрыми лохмотьями, какіе трудно было увидѣть въ другихъ мѣстахъ Европы, даромъ, что нищихъ, въ XVIII вѣкѣ, было вездѣ вдоволь, благодаря заботамъ тогдашнихъ правительствъ о благосостояніи

и воспитаніи народа. То были безобразнѣйшія сшивки различныхъ кусковъ всякихъ тканей, всякихъ цвѣтовъ; кусокъ истертаго малиноваго бархата пришивался къ куску грязнаго полотна или сѣраго сукна; иные бродили босикомъ, иные безъ штановъ. Между ними были женщины съ грудными младенцами, мальчишки и дѣвчонки босые, полунагіе, дрожащіе отъ холода, кисливымъ голосомъ просящіе хлѣба; жида въ длинныхъ черныхъ кафтаннахъ и ермолкахъ, изъ-подъ которыхъ торчали вьющіеся пейсы, жидовки въ пестрыхъ платьяхъ и черныхъ передникахъ, обшитыхъ галунами; солдаты въ мундирахъ своихъ полковъ и паразительное множество монаховъ и монахинь въ одеждахъ своихъ орденовъ.

Въ массѣ бѣдныхъ и грязныхъ лачугъ возвышались монастыри со своими тѣсно замѣнутыми каменными корпусами келій, и панскіе палацы съ широкими дворами и со множествомъ флигелей и пристроекъ. Наружность ихъ была очень разнообразна; ихъ хозяева хотѣли показать въ нихъ свой вкусъ и свои наклонности. Иной палаццо напоминалъ суровое аббатство, другой греческіе и римскіе портики. На Краковскомъ предмѣстьи ихъ было одиннадцать: между ними, по величинѣ и богатству, отличались палацы Браницкихъ, Малаховскаго, Тышневичей, Радзивилла, браковскаго епископства, примаса и др.; на Сенаторской улицѣ ихъ было тринадцать, и въ томъ числѣ великолѣпный дворецъ Любомирскихъ; на Медовой шесть, и между прочимъ дворецъ баньера Теппера и домъ русскаго посольства; на Долгой—пять; сверхъ того возвышались тамъ-и-сямъ палацы на другихъ улицахъ и, кромѣ того, было нѣсколько лѣтнихъ, загородныхъ; число всѣхъ панскихъ палаццовъ въ описываемое время доходило до 80.

Эти дворцы, снаружи разукрашенные лѣпною работою, внутри богато омеблированные, блиставшіе позолотою, зеркалами, люстрами, gobленовскими коврами, итальянскими и французскими картинами и статуями, имѣли въ то время громады обитателей. Польскій панъ переселялся въ столицу, какъ владѣтельный принцъ. Отправивъ впередъ громоздія вещи, значительную часть прислуги и даже цѣлый табувъ лошадей, панъ ѣхалъ въ Варшаву въ сопровожденіи пятнадцати и даже двадцати экипажей. На дорогѣ онъ не останавливался въ гостинницахъ, въ Польшѣ онъ былъ грязны до-нельзя, никто объ нихъ не заботился; когда нужно было отдохнуть, разбивали шатры, устраивали спальню, столовую, готовили кушанье, накрывали на столъ, однимъ словомъ, возникалъ походный домъ. По окончаніи отдыха или ночлега, все это убиралось, свертывалось, укладывалось, и панъ слѣдовалъ дальше. Съ нимъ поселялись въ Варшавѣ повара, кучера,

лакеи, истопники, музыканты, разные придворные чины, маршалки, подскарбии, вонюшіе, домашніе секретари, врачи, учителя, придворные поэты, резиденты и резидентки, не имѣвшіе никакого опредѣленнаго занятія — все люди шляхетнаго достоинства, потому что, кромѣ истопниковъ и водовозовъ, вся панская прислуга была изъ шляхты.

Пребываніе пановъ въ столицѣ на этотъ разъ было для нихъ истиннымъ разореніемъ. Издержки ихъ превышали безмѣрно не только то, что они могли прожить въ собственныхъ имѣніяхъ, но даже то, что они могли пропутешествовать за границую. Никогда еще они не были въ такомъ положеніи, какъ теперь; отъ каждаго требовалось показать себя, не только не скупѣе, но роскошнѣе и гостепріимнѣе другихъ. Средства имъ доставлялись изъ имѣній, но ихъ пленипотенты, дозорцы и экономы безжалостно ихъ обманывали, обирали. Въ XVIII столѣтіи въ Польшѣ считался бы пошлымъ дуракомъ тотъ, кто, управляя панскими имѣніями, не сумѣлъ нажить состоянія настолько, чтобы самому купить хорошее имѣнье. У главнаго управляющаго, завѣдывавшаго нѣсколькими селами, были субалтерны, экономы и дозорцы; изъ нихъ каждый въ своей населенной мѣстности старался обратить панское достояніе въ свою пользу, въ надеждѣ со временемъ купить имѣніе. У послѣднихъ были распорядители изъ панскихъ хлоповъ; и эти слѣдовали общимъ правамъ и выжимали изъ народа соевъ, такъ чтобы, передавая слѣдующее экономамъ и пленипотентамъ, что нибудь доставалось и для нихъ. Таковой хлопъ, облеченный отъ эконома довѣріемъ, обыкновенно былъ величайшимъ тираномъ надъ своею братіею. Такъ управлялись панскія имѣнія. Панъ старался, чтобы ихъ было много въ разныхъ воеводствахъ и хвастался тѣмъ, что у него по всей Польшѣ были разсѣяны имѣнія, отъ этого онъ имѣлъ право участія на сеймикахъ разныхъ воеводствъ, и вездѣ у него были кліенты изъ шляхты, подававшіе голоса по его волѣ. Во многихъ имѣніяхъ своихъ онъ не бывалъ никогда и зналъ ихъ только по представленнымъ отчетамъ, въ которыхъ была ложь. Владѣлецъ мало интересовался узнать, какъ идутъ у него дѣла; довольно было съ него и того, что ему присылались доходы, даромъ, что эти доходы составляли менѣе половины того, что въ дѣйствительности получалось. Если ему казались присылаемые доходы уже черезъ-чуръ малыми, то онъ дѣлалъ замѣчанія своимъ пленипотентамъ, и послѣ того ему начинали присылать больше, но писали, что для этого принуждены были наложить на крестьянъ болѣе прежняго тягостей; и въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ обременяли крестьянъ больше прежняго работами и приглашали евреевъ выдумывать новые ис-

точники пріобрѣтенія для пана; но это дѣлалось не для того, чтобы имѣть возможность прислать пану столько, сколько онъ требуетъ, а для того, чтобы, за отсылкою того, что онъ требовалъ, не уменьшались воровскіе доходы управлявшихъ и надзиравшихъ за имѣніями.

У польскаго пана, очень богатаго, часто былъ недостатокъ въ деньгахъ; въ Варшавѣ въ описываемое время это бывало почти со всѣми, потому что сколько ни посылалось пану денегъ изъ дохода имѣній, все оказывалось мало, всегда возникали новыя нужды; доставленныя суммы сейчасъ ускользали, и экономія панскаго дома терпѣла недостатокъ; всего было хуже, когда панъ проигрывалъ въ карты, а эту болѣзнью страдали очень многіе: тогда наличныя деньги требовались немедленно и панъ обращался къ банкиру; банкиръ ссужалъ его въ счетъ будущихъ доходовъ, но вычиталъ при этомъ большіе проценты за всю выданную сумму. Такимъ образомъ, кромѣ того, что плутовство управляющаго и эконома лишало пана значительной части слѣдуемыхъ ему доходовъ съ имѣній, онъ много тратился на платежъ процентовъ банкирамъ.

Отъ этого рядомъ съ панскими палацками въ Варшавѣ выросли пышные дома банкировъ; дѣла ихъ шли такъ хорошо, что они забыли прежнюю мѣщанскую бережливость и стали спорить съ панами въ гостепрѣимствѣ и мотовствѣ. Изъ нихъ особенно выступали по богатству и роскоши домъ Теппера, Бланка и Кобрита. Какъ всегда бываетъ съ выскочками, эти господа чванились своимъ богатствомъ, надувались изъ всѣхъ силъ, чтобы походить на родовитыхъ аристократовъ. Въ первое время дѣятельный, расчетливый, Тепперъ, разжившись, началъ корчить изъ себя знатнаго пана, пересталъ заниматься дѣлами, оставилъ ихъ на волю своимъ приващикамъ и дошелъ до того, что вовсе не слѣдилъ за ними, не повѣрялъ ихъ счетовъ, чтобы не навлечь на себя укора въ дурномъ тонѣ, самъ бралъ горстями изъ кассы червонцы и предоставлялъ конторщикамъ записывать сколько угодно; отъ этого его приващики, получая отъ него жалованья тысячи по двѣ червонцевъ, жили такъ, какъ можно только жить на десять тысячъ. Тепперъ купилъ себѣ за большія суммы дворянство, украсился за деньги мальтійскимъ орденомъ, меблировалъ великолѣпно свой домъ и задавалъ роскошнѣйшіе обѣды и блистательные балы. На обѣдахъ у него бывалъ самъ король. Знатныя паны, поневолѣ, должны были дѣлать ему честь потому, что были его должниками. Его дочери до такой степени изнѣжили себя и позволяли себѣ разныя прихоти, что говорили, будто не могутъ пить кофе на польскихъ угольяхъ, а нужно привозить имъ уг-

лей изъ Англіи. По примѣру пановъ, Тепперъ былъ любитель прекраснаго пола и содержалъ трехъ любовницъ, которыя ему очень дорого стоили, но его всего болѣе разорило то, что онъ, подражая родовитому панству, пустился въ карточную игру и потому окончилъ свою карьеру печальнѣйшимъ образомъ: его дворець, мебель, картины, лошади, все продано было за долги съ публичнаго торга, и онъ принужденъ былъ ходить по Варшавѣ пѣшкомъ, потому что не на что было нанять извозчика. Онъ умеръ въ бѣдности, посмѣшищемъ тѣхъ, которые его обыгрывали, и предметомъ ненависти тѣхъ, которые вѣрили ему свои капиталы и понесли черезъ то потери. Кобрить былъ, хотя и природный нѣмецъ, но также поддался обаянію польской жизни и промотался въ пухъ. Бланкъ былъ счастливѣе ихъ. Кромѣ главныхъ банкировъ, въ Варшавѣ было довольно мелкихъ изъ евреевъ; къ нимъ обращались обыватели не первой руки: съ ними было удобнѣе сладить и можно было больше получить подъ залогъ, за то они брали больше процентовъ, чѣмъ первоклассные банкиры, дававшіе займы только большія суммы. Проценты брались огромные, именно потому, что банкиръ плохо вѣрилъ въ честь польскаго дворянина и старался устроить дѣла такъ, чтобы, получивъ нѣсколько разъ проценты на выданный капиталъ, можно было воротить самый капиталъ, такъ, что если съ должника трудно было получить, то заимодавецъ не остался бы въ большихъ убыткахъ. Сверхъ процентовъ брали еще и за комиссію. Мелкіе ростовщики, какъ и большіе банкиры всѣ, не исключая и евреевъ, увлекались общимъ порывомъ мотовства и какъ только чувствовали, что въ ихъ руки приходитъ много денегъ, тотчасъ пускались жить весело.

Варшавское мѣщанство не отставало отъ шляхетства. Купцы расширили и разукрасили свои дома, задавали обѣды, балы, веселились въ своемъ кругу, приобрѣтали средства всякимъ образомомъ и неправдою и клонились къ упадку и разоренію.

Тогда въ Варшавѣ было много иностранцевъ, и они-то наживались на счетъ поляковъ. Всѣ предметы роскоши и комфорта приходили изъ-за границы. Мотовство и кутежи увеличили привозъ до чрезмѣрности; вездѣ нуженъ былъ пану иностранный товаръ; дѣлаетъ онъ обѣды—ему нужны иностранныя вина, иностранныя приправы, иностранные сервизы; для украшенія палатца онъ покупаетъ картины за границей; мебель выписываетъ изъ-за границы, или заказываетъ иностранцамъ; одежды—изъ иностраннаго товара, сшитыя иностранцами. Около дѣтей онъ держитъ иностранныхъ гувернёровъ и гувернантокъ, камердинеры у него иностранцы, у пани прислуга—иностранки; навонецъ, у знатныхъ

пановъ проживали иностранцы на правѣ резидентовъ, ради суетнаго желанія, чтобы, уѣхавши за границу, они ославляли радушіе, великодушіе, щедрость и великолѣпіе польскихъ пановъ. За все иностранное панъ платилъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ то же самое покупалось нѣмцами и французами; даже когда панъ заводилъ библіотеку, что нужно было для хорошаго тона, онъ и за книги платилъ дороже, чѣмъ они были въ продажѣ.

Когда для панскаго тщеславія нуженъ былъ орденъ — требовались особыя издержки, и панъ давалъ съ этой цѣлью нѣсколько почетныхъ обѣдовъ и баловъ. Въ управленіе своего дома въ Варшавѣ онъ не входилъ, его жена тѣмъ менѣе. Все лежало на маршалкѣ (дворецкомъ): онъ приказывалъ закупать все что нужно было для обѣдовъ, баловъ, освѣщенія, отопленія, содержаніе прислуги, и все это покупалось такъ, что въ карманахъ его субальтерновъ оставалась значительная часть той суммы, которая ставилась пану на счетъ. Прислуги, чѣмъ было больше, тѣмъ это считалось сообразнѣе съ хорошимъ тономъ. Панская челядь отличалась повальною лѣнью и всегда отбивалась отъ дѣла; всякъ, кто чувствовалъ возможность ничего не дѣлать, бѣжалъ въ трактиръ, гдѣ пьянствовалъ съ подобною себѣ челядью изъ другихъ дворовъ, и тамъ происходили безпрестанно буйства и драки.

Находясь на сеймѣ, вельможи заботились о томъ, чтобы поддержать свою партію, раздавали пенсіоны менѣе богатымъ посламъ, которые составляли въ Избѣ громаду, не имѣвшую собственныхъ твердыхъ убѣжденій, готовую пристать къ той или другой сторонѣ, смотря по выгодамъ. Исключая знатныхъ, богатыхъ пановъ и немногихъ пословъ съ извѣстными убѣжденіями, всѣ остальные послы составляли такого рода толпу. Съѣхавшись въ Варшаву, они прежде всего думали какъ бы хорошо пожить, повеселиться; имѣнья ихъ не доставляли для этого удовлетворительныхъ средствъ, и вотъ они пополняли этотъ недостатокъ жалованьемъ и подачками отъ знатныхъ пановъ и чужеземныхъ посланниковъ. За это имъ приходилось говорить и поддерживать такое мнѣніе, какового держались ихъ благодѣтели. Наслажденіе было для нихъ цѣлью жизни, какимъ бы образомъ оно ни покупалось, чего бы оно ни стоило впослѣдствіи. Многіе послы прибывали съ семьями; ихъ жены, дочери, сестры требовали денегъ на наряды, балы и спектакли. Еще болѣе требовали денегъ любовницы. Вдобавокъ, въ Варшаву съѣзжалось множество обывателей, не принадлежавшихъ къ сейму и составлявшихъ публику, цѣнившую дѣйствія сейма, такъ-называемые арбитры, посѣщавшіе сеймовыя засѣданія. Ими очень дорожили послы; они были для нихъ все равно, что публика для актеровъ въ театрѣ. Эти арбитры также жили весело, роскошно, при-

глашали въ себѣ пословъ и были угощаемы послами. Празднества шли за празднествами, обѣды за обѣдами, балы за балами, и съ этимъ всегда соединялись политическіе виды; тутъ составлялись и поддерживались партіи, составлялись замыслы проводить такою или иной проектъ, или не дать пройти противнымъ проектамъ.

Роскопнѣйшій и расточительнѣйшій, высокомѣрнѣйшій и необузданнѣйшій изъ магнатовъ Карлъ Радзивиллъ, Рапіе Кочанку, божокъ всей Литвы, преклонявшейся передъ его остроуміемъ, когда онъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ лазилъ по шнуру на небо и пилъ вофей съ богородицею, приводилъ полявовъ въ благоговѣнное изумленіе своимъ хлѣбосольствомъ; балъ и ужинъ, данная въ день св. Еватерины 1789 года, въ годовщину королевской коронаціи, сдѣлались у нихъ историческимъ событіемъ. Приглачительныхъ билетовъ роздано было четыре тысячи; король, сенаторы, послы, вся знать обоого пола тамъ участвовали. Балъ происходилъ въ огромной залѣ, гдѣ прежде устраивался театръ; король съ курляндской княгинею открылъ его. Въ боковыхъ покояхъ происходила игра. Ужинъ пригготовленъ былъ въ трехъ большихъ залахъ, расположенныхъ анфиладою: тамъ черезъ всѣ эти три комнаты поставленъ былъ столъ, оказавшійся до того длиннымъ, что съ одного конца нельзя было различить человѣка на другомъ; кромѣ того, четыре боковыя залы заставлены были столами, а пятая назначена была для короля и знатнѣйшихъ дамъ. Стѣны дворца были обиты богатою камеею съ золотыми позументами и кистями. На столахъ блистало множество серебра филигранной работы; кубки, блюда, тарелки припоминали, какъ говорили, времена Ольгерда; до двухъ тысячъ восковыхъ свѣчъ въ богатыхъ старинныхъ подсвѣчникахъ освѣщали залу. Несмотря на огромные столы, гостей набралось такъ много, что третья часть удостоивалась насыщать себя панскою трапезою не иначе, какъ стоя у боковыхъ столовъ, густо уставленныхъ кабаньими головами, всякаго рода дичиною, заливными рыбами и т. п., и всевозможнѣйшими напитками. «Невозможно было, — говоритъ Охотскій — сосчитать выпитыхъ бутылокъ одного шампанскаго, разносимаго слугами, одѣтыми въ желтые атласные жупаны, а сверхъ ихъ въ голубые кунтуши: всѣ они были съ саблями, потому что всѣ были изъ шляхты. Самъ Радзивиллъ безпрестанно ходилъ между гостями, одѣтый въ пунцовый жупанъ и сверхъ того въ гранатовый кунтушъ, рувоятка его карабелли блистала большими брилліантами, а за поясомъ у него были лосиные перчатки: издавна велось въ обычаѣ, что каждый шляхтичъ долженъ былъ носить такія перчатки. Подбритая чуприна и большіе висачіе усы придавали Радзивиллу сарматскую наружность, какъ выражались

тогдашніе риторы. Хлѣбосольный вельможа безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому: «Раніе kochankи ничего не кушаете, и не пьете, какіе вы недобрые!» Чтобы угодить гостепріимному бутылѣ, гости спѣшили въ глазахъ его осушать вубяи и кричали: «здоровье пана князя»!

Вожаки партій, наны-патріоты, блиставшіе на сеймѣ краснорѣчіемъ и вчинаніемъ дѣлъ: маршалъ Малаховскій, Казимиръ Сапѣга, братья Потоцкіе, Чарторыскіе, Огинскіе, дѣлали у себя постоянно шумныя собранія, чтобы расположить къ себѣ и привлечь пословъ и публику. У маршала Малаховскаго каждый вторникъ собирались послы и постороннія лица. На эти вторники не посылались приглашеній; двери гостепріимнаго палаца были отворены всѣмъ безъ разбора, лишь бы только входящій былъ въ приличномъ видѣ. Гостей занимали музыкой, устраивались танцы, производилась игра. Передъ ужиномъ незнакомые обыкновенно расходились; ужинать оставались только знакомые. Казимиръ-Несторъ Сапѣга каждую недѣлю давалъ у себя обѣдъ и балъ. У гетманши Огинской каждый день, съ полудня до ночи, домъ былъ отворенъ для всѣхъ: приходили званые и незваные, обѣдали, послѣ обѣда танцевали или играли въ карты; княгиня не различала кто къ ней входилъ, всѣхъ одинаково радушно принимала. Три знатныя дамы, Ляндсборонская, вдова княгиня Радзивиллъ и княгиня Сангушекова въ своихъ палацахъ давали балы для огромнаго числа публики, хотя не для всѣхъ безъ различія, какъ Огинская. Ляндсборонская славилась своимъ остроуміемъ и многостороннимъ воспитаніемъ; у ней всегда толпились иностранцы; здѣсь можно было услышать разомъ много языковъ, сюда приходили щеголять тѣ поляки, которые говорили со всякимъ иностранцемъ на его языкѣ также хорошо, какъ на природномъ. Домъ княгини Сангушековой, украшенный старинною красивою мебелью, персидскими коврами и рѣдкими картинами, славился превосходнымъ оркестромъ; здѣсь было сходбище молодыхъ людей обоего пола, мѣсто любовныхъ затѣй; свобода и непринужденность царствовали здѣсь вмѣстѣ съ изяществомъ обращенія. У вдовы Радзивиллъ собирались любители музыки. Ея двѣ дочери блистали красотой и любезностью и превосходно исполняли музыкальныя пьесы; имъ помогали братья и сама мать: все семейство было музыкальное. Княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора, въ своемъ дворцѣ на Новомъ-Мѣстѣ, давала великолѣпныя балы и домашніе спектакли. У примаса, королевскаго брата, каждую пятницу происходили собранія, называвшіяся *cozetta*, и всегда оканчивались роскошнымъ ужиномъ. У сестры короля, которая носила титулъ браковской госпожи (*M-me*

de Cracovie — Pani Krakowska) каждый понедѣльничъ давался обѣдъ, гдѣ былъ самъ король; послѣ обѣда начинались танцы, и домъ ея былъ открытъ для всѣхъ. Туда нарочно приходили всѣ тѣ, которые желали представиться королю или имѣть случай поговорить съ нимъ. Въ восемь часовъ всѣ разъѣзжались; гостямъ оставалось время поспѣть и на другія собранія. Виленскій епископъ Масальскій былъ одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ вельможъ, но въ его домѣ происходила отчаянная игра. Самъ король дѣлалъ часто обѣды для пословъ; лѣтомъ онъ устраивалъ въ Лазенкахъ собранія съ танцами; съѣзжались гости въ полдень, завтракали въ саду, потомъ танцевали, затѣмъ обѣдъ и снова танцы; иностранные послы также давали у себя обѣды, балы и праздники. При всей нѣмецкой экономіи, прусскій посланникъ принужденъ былъ собирать и угощать у себя гостей въ надеждѣ вернуть въ сто разъ затраченное; но всѣхъ гостепріимнѣе были русскіе посланники, особенно Булгаковъ, умѣвшій въ высшей степени обворозить поляковъ роскошью, веселостью и радушіемъ. Въ моменты сильнаго раздраженія противъ Россіи посѣщать русскіе балы и обѣды считалось предосудительнымъ для патриотической партіи, но Булгаковъ умѣлъ ладить съ самыми восторженными противниками Россіи. Онъ избѣгалъ разговоровъ о политикѣ и, повидимому, заботился только объ общемъ удовольствіи. Трудно было пересчитать тѣ дома, которые другъ передъ другомъ хотѣли отличиться гостепріимствомъ. Всякій сколько-нибудь видный членъ сейма, всякій состоятельный обыватель, проживавшій въ Варшавѣ въ числѣ арбитровъ, непременно давалъ въ теченіи года обѣды и балы и привлекалъ къ себѣ толпу гостей. Самый скромный праздникъ такого рода обходился не менѣе трехъ тысячъ червонцевъ. На любомъ панскомъ балѣ гостей бывало человѣкъ до восьми сотъ и болѣе. Изобиліе въ кушаньяхъ и питьяхъ, роскошь въ посудѣ, убранство покоевъ — доходили до крайнихъ предѣловъ; считалось нужнымъ, чтобъ не только всего доставало, но чтобъ какъ можно болѣе оставалось, такъ что дворецкіе и служители могли продавать остатки въ свою пользу.

Танцы у поляковъ слѣдовали непосредственно за обѣдомъ; такъ велось издавна и такъ еще соблюдалось въ это время; съ четырехъ часовъ начинался балъ и продолжался до десяти часовъ вечера, а иногда и до полуночи, и оканчивался ужиномъ. Въ огромныхъ серебряныхъ сосудахъ варились кофе и шеволадъ. Прислуга разносила это на серебряныхъ подносахъ, вмѣстѣ съ оржадомъ, лимонадомъ, плодами и всякими лакомствами; въ одной комнатѣ ставились батареи бутылокъ венгерскаго, шампанскаго

и другихъ винъ, и туда безпрестанно заглядывали охотники, и вино развязывало имъ языкъ для комплиментовъ или для политическихъ разговоровъ; хотя иностранные танцы и входили въ Польшу въ употребленіе, но полонезъ съ его величавостью и мазурка съ ея разнообразною прелестью господствовали въ пляшущемъ свѣтѣ. Иностранцы, видѣвшіе эти танцы, въ одинъ голосъ сознавались, что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего изящнѣе польскихъ танцевъ. Тогда въ модѣ было переодѣваться; каждый польскій танецъ требовалъ соотвѣтствующаго наряда, и потому знатные кавалеры и дамы являлись въ одномъ нарядѣ въ полонезѣ, въ другомъ въ мазуркѣ. Для полонеза мужчины надѣвали длинный бунтушъ съ отгидными рукавами, дамы длинныя платья съ хвостомъ; напротивъ, для мазурки мужчина надѣвалъ такъ-называемую куртку (вафтанъ съ полами до бедръ), а женщина узкій корсетъ и короткую юбку. Въ тогдашнемъ высшемъ кругу лучшимъ мазуристомъ считался племянникъ короля, Іосифъ Понатовскій. Онъ былъ замѣчательно хорошо сложенъ, въ самой цвѣтущей порѣ жизни, съ большими блестящими глазами, съ густыми усами, придававшими ему воинственный видъ; узкіе панталоны такъ ловко обхватывали его ноги, что нельзя было замѣтить ни одной складки. Его куртка была расшита узорами и застегнута напередѣ частыми золотыми пуговицами вплоть до горла. Славу первой мазуристки своего времени приобрѣла Юлія Потоцкая, жена Яна, извѣстнаго путешественника и археолога, писавшаго ученныя разысканія о скифахъ и сарматахъ. Въ то время, какъ супругъ плѣнялъ общество разсказами объ отдаленныхъ краяхъ земного шара, которые онъ посѣтилъ, жена плѣняла всѣхъ мазуркою. «Юлія — говоритъ одинъ очевидецъ — была воплощенная красота; когда въ мазуркѣ ея гибкое тѣло кружилось съ необычайной быстротой, едва прикасаясь землѣ; когда она изъ рукъ одного кавалера бросалась въ руки другого, вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько разъ оборачивалась, а потомъ возвращалась къ первому кавалеру, который обхватывалъ ее и съ быстротою молніи кружился съ нею въ вальсѣ; когда ея прелестная головка, какъ будто утомленная, лѣниво склонялась къ нему на плечо и дыша пыломъ наслажденія, слитаго съ легкою стыдливостью, опускалась на грудь, а глаза, встрѣчаясь съ глазами кавалера, какъ будто выражали одолѣвающую страсть..... зрители, сбившись въ кружокъ, затаивали дыханіе, жадно впивались въ нее глазами, и изъ стѣсненной груди невольно вырывалось восклицаніе: «Боже, какъ прекрасна Юлія!» Но не долго эта красавица очаровывала Варшаву. Ея жизнь кончилась вмѣстѣ съ польскими затѣями о возрожденіи отечества. Другая красавица плѣняла всѣхъ въ ме-

нуэтѣ съ Иосифомъ Бѣлинскимъ, какъ Юлія въ мазурѣхъ съ Иосифомъ Понятовскимъ: то была Христина, дочь Игнатія Потоцкаго, молоденькая дѣвушка, рѣдкой красоты, прелести и ума: и она недолго прожила на свѣтѣ, и умерла дѣвицей. Кокетство польскихъ свѣтскихъ дамъ въ то время доходило до крайности; въ высшемъ кругу вошло въ моду одѣваться въ греческій костюмъ, нарушавшій скромность. То была тонкая, чуть не прозрачная туника, обыкновенно бѣлаго цвѣта, надѣваемая прямо на тѣло; всѣ формы тѣла ясно обрисовывались; ноги оставались обнаженными въ сандаляхъ, а на пальцы ногъ надѣвались богатые перстни. Въ такомъ костюмѣ щеголихи являлись въ общество.

Изъ кавалеровъ славился также красотою и любезностью принцъ Виртембергскій, женатый на дочери Чарторыскаго, братъ великой княгини (будущей императрицы русской); онъ получилъ индигенатъ (право дворянства въ Польшѣ), всегда одѣвался по-польски, превосходно танцевалъ и ѣздилъ верхомъ; на балахъ и на улицахъ поляки, глядя на него, восклицали: «ахъ, какой молодецъ!»

Но всѣ эти лица прославились оттого только, что высоко были поставлены въ свѣтѣ; въ варшавскомъ обществѣ было много неуступавшихъ имъ мужчинъ и дамъ, когда приходилось отличиться въ танцахъ, верховой ѣздѣ и свѣтской любезности. Поляка и польку знатнаго круга воспитывали такъ, какъ будто танцы и веселость были главною цѣлью ихъ земной жизни. Французы и француженки, которымъ они были отданы подъ надзоръ, приучали ихъ къ суетной и празднои жизни. Дѣвочкамъ матери рано вбивали въ голову кокетство, заставляли ихъ обращать вниманіе, каковой нарядъ имъ больше къ лицу, какое положеніе тѣла красивѣе, какъ счумѣтъ понравиться мальчикамъ, ихъ ровесникамъ; въ десять или двѣнадцать лѣтъ онѣ уже перенимали всѣ приемы, нужные для того, чтобы блистать въ свѣтѣ. Школою для нихъ были дѣтскіе балы, которые давались съ такою же обстановкою, какъ и балы для взрослыхъ: съ блистательнымъ освѣщеніемъ, съ роскошью угощенія. Взрослые пріѣзжали на дѣтскіе балы не только для того, чтобы посмотреть на дѣтей, но чтобы и самимъ повеселиться; на этихъ дѣтскихъ балахъ франты потѣшали публику такими танцами, которые не принято было танцевать на обыкновенныхъ балахъ. Такъ, въ то время нѣкто панъ Стась Разважовскій прославился въ Варшавѣ умѣньемъ танцевать казачка на дѣтскихъ балахъ.

Сравнивая характеръ свѣтскаго обращенія этого времени съ прежнимъ, можно было сразу замѣтить большое измѣненіе, касавшееся впрочемъ больше наружности. Прежде паны держали

себя надменно; въ ихъ гостепріимствѣ всегда слышалось высоко-мѣріе къ низшимъ себя; теперь современные французскіе приемы начали входить въ общество; паны, побывавшіе не такъ давно за-границею и хотѣвшіе показать, что они не отстаютъ отъ вѣка, начали изгонять изъ своихъ домовъ старинную чопорность; въ особенности отличались этимъ тѣ, которые говорили съ голоса французовъ о равенствѣ правъ человѣческихъ. У такихъ всякій, кто умѣлъ прилично держать себя, какого бы происхожденія онъ ни былъ, допускался въ домъ господъ уже не въ качествѣ полу-лакея, какъ бывало прежде: съ нимъ обращались, какъ и со всякимъ другимъ гостемъ. Въ такихъ домахъ не важной породы шляхтичъ садился за столъ рядомъ съ княземъ и даже осмѣливался танцовать съ дочерью вельможи, если чувствовалъ, что не ударить лицомъ въ грязь передъ другими. Свобода обращенія въ разговорахъ казалась даже странно иноземцамъ; иногда подымались живые споры, и если кому случалось иногда выходить изъ-себя за свои убѣжденія послѣ хорошаго приема венгерскаго — все прощалось тому, особенно, если хозяинъ раздѣлялъ его убѣжденія. Панамъ нужны были партіи, поэтому, для того, чтобы привлечь къ себѣ пословъ и вліятельныхъ лицъ публики, они были снисходительны къ своимъ гостямъ. Иногда паны дѣлали обѣды не въ своемъ домѣ, а за-городомъ, особенно когда имѣли дѣло не съ лицами своей партіи. Нужно, напримѣръ, чтобы на слѣдующій день противные голоса не мѣшали проведенію какого-нибудь проекта; панъ пригласить человѣкъ двадцать или тридцать за-городъ на обѣдъ и нагрузить ихъ до того, что они на другой день дѣлаются неспособными и не являются въ засѣданіе; тутъ безъ нихъ подsunуть проектъ, и онъ обращается въ законъ за отсутствіемъ оппозиціи. Такъ поступлено было въ дѣлѣ о староствахъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Публичный театръ былъ явленіемъ недавнимъ въ Варшавѣ. Поляки, хотя и были охотники до театральныхъ представленій, но устраивали спектакли у себя въ домѣ. Это естественно мѣшало процвѣтанію публичнаго театра; тѣмъ не менѣе мало-помалу стало почитаться требованіемъ хорошаго тона, заглянуть, хотя разъ въ недѣлю, въ театръ; но это дѣлалось не столько ради любви къ искусству, сколько для показа нарядовъ. Самое зданіе, построенное на площади Красинскихъ, было красиво. Обстановка сцены по своему времени безуворизненна. Иностранцы находили, что во многихъ отношеніяхъ варшавскій театръ былъ выше другихъ европейскихъ, но сочувствія въ высшемъ обществѣ было такъ мало, что нерѣдко всѣ ложи были пусты. Кромѣ польскихъ пьесъ, въ которыхъ отличались талантливые ак-

теры, антрепренеръ Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Трускулавская, нѣсколько позже на варшавскомъ театрѣ давались итальянскія оперы. Но нельзя сказать, чтобы итальянская опера была очень хороша, притомъ же примадонны были не красивы, а это очень отталкивало публику въ такомъ царствѣ прекрасныхъ женщинъ, какимъ была Польша. Тизенгаузъ положилъ начало балету; онъ составилъ труппу изъ своихъ крѣпостныхъ, нанялъ французскаго балетмейстера Леду обучить ихъ, потомъ подарилъ королю, а король отпустилъ ихъ на волю; новая забава очень понравилась варшавской публикѣ. Но вообще знатное панство не очень горячо относилось къ публичнымъ представленіямъ, и предпочитало домашніе спектакли любителей. Юлія Потоцкая очаровывала всѣхъ также на сценѣ, какъ и въ мазурѣ; кромѣ того, двѣ знатныя дамы, жена Северина Потоцкаго и жена Тышкевича, племянница короля, приобрѣли славу своимъ драматическимъ талантомъ; но онѣ играли болѣе французскія пьесы. Достоинно замѣчанія, что превосходная комедія Бомарше, «Свадьба Фигаро», была сыграна первый разъ варшавскими любителями: ее досталъ у автора князь Нассау, вступившій въ бракъ съ Масальскою и, наравнѣ съ природными поляками, расточавшій гостепрѣимство въ своемъ богато-убранномъ дворцѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, лѣтомъ происходили шумныя и многочисленныя гулянья въ Саксонскомъ саду и за городомъ, между прочимъ въ Виляновѣ. Эти гулянья имѣли политическое значеніе. Окончивъ засѣданіе, послы собирались тамъ толковать о своихъ дѣлахъ, встрѣчались со знакомыми и направляли ихъ на свою сторону, распространяя такимъ образомъ свои убѣжденія. Зимой два раза въ недѣлю бывали такъ-называемыя редуты въ большой залѣ Радзивилловскаго палаца. Это были маскарады, открытые для всѣхъ съ платою нѣсколькихъ золотыхъ за входъ, и съ единственнымъ условіемъ оставлять при входѣ оружіе. Здѣсь царствовала чрезвычайная свобода. Знатныя дамы позволяли себѣ посѣщать эти собранія не иначе, какъ въ маскахъ, а безъ масокъ приходили туда только женщины сомнительной нравственности.

Самое распространенное послѣ танцевъ и самое гибельное по послѣдствіямъ удовольствіе въ Варшавѣ была карточная игра, и она-то чрезвычайно способствовала матеріальному разоренію и нравственному разстройству польскаго общества. Любимая игра того времени была такъ-называемый банкъ фараона. Играли вездѣ и въ частныхъ домахъ, и въ трактирахъ, и въ редутахъ, и знатныя паны, и средней руки обыватели, и епископы, и прелаты, и евреи, и убогая шляхта, бравшая во всемъ примѣръ со своихъ божьковъ; прекрасный полъ не отставать отъ мужчинъ и

часто побуждалъ къ игрѣ и заправлялъ ею. Десятки тысячъ червонцевъ переходили въ одно мгновеніе изъ рукъ въ руки; нерѣдко утромъ богатый, вечеромъ оставался безъ гроша и наоборотъ. Выигравшій не думалъ обогащаться, а спускалъ все на удовольствія также скоро, какъ и пріобрѣталъ; проигравшійся не унывалъ; если нельзя было ему угощать другихъ, то угощался самъ на чужой счетъ и не очень стѣснялся выборомъ средствъ поправить свое положеніе. Это была одна изъ причинъ, почему знатные паны и послы такъ легко могли быть подкупаемы иностранными министрами. Проигравшійся въ пухъ бѣжалъ къ Штапельбергу, Булгакову, Люкбезини и продавалъ имъ свое законодательное право, чтобъ можно было еще на нѣсколько времени пуститься въ вихрь наслажденій.

Среди этой лихорадочной страсти къ удовольствіямъ, семейная нравственность въ столицѣ упала также низко, какъ и гражданская. На супружескій союзъ смотрѣли только, какъ на сдѣлку для взаимныхъ видовъ. Въ знатныхъ домахъ обыкновенно мужъ жилъ на одной половинѣ, жена на другой; панъ содержалъ трехъ, четырехъ любовницъ, пани имѣла разомъ трехъ, четырехъ любовниковъ. Все это дѣлалось почти явно, никто этимъ не соблазнялся. Ревность была качествомъ наименѣе сроднымъ поляку; онъ склоненъ былъ выходить на поединокъ за малѣйшее слово, которымъ задѣнутъ его самолюбіе, но уважалъ женскую свободу, какъ свою, и рѣдко ополчался за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ. «Между нашими великими панами — говоритъ современникъ (Китовичъ)—почти нѣтъ настоящихъ поляковъ, такихъ, которые бы дѣйствительно принадлежали тѣмъ, которыхъ считаютъ отцами. Все это дѣти танцмейстеровъ, фехтмейстеровъ, гувернеровъ, нерѣдко дѣти камердинеровъ и гайдуковъ».

При многолюдствѣ и разгулѣ въ Варшавѣ во время конституціоннаго сейма господствовала большая дороговизна. Необходимость усилить расходы заставила пановъ сбыть въ большомъ количествѣ свои произведенія за-границу по дешевой цѣнѣ; отъ этого въ край сдѣлался недостатокъ, падавшій тяжелыми послѣдствіями на бѣдныхъ людей. Число нищихъ значительно увеличилось. Почти на всѣ потребности цѣны удвоились, а на инныя утроились. Даже дрова были дороги, несмотря на то, что Варшава окружена лѣсами. Обѣдъ въ рестораціи нельзя было имѣть менѣе шести злотыхъ, чтò составляло вдвое противъ прежнихъ цѣнъ и втрое противъ того, за сколько можно было имѣть обѣдъ въ Германіи. Наѣздъ пановъ изъ провинцій вздорожилъ квартиры до ужасающей степени. Лучшая отель въ то время была на Тлумаккой площади—гостинница «Бѣлаго Орла», чрезвычайно

дорогая; другая, уступавшая ей, но также приличная, считалась «Польская» на Сенаторской улицѣ. Всѣ прочія, кромѣ того, что были дороги, были еще и крайне грязны. Прислуга нанятая получала по червонцу въ день. Всѣ заграничные товары поднались на 30% выше прежняго. За бутылку обыкновеннаго краснаго вина платили отъ 4-хъ до 8-ми злотыхъ. Дороговизна винъ была очень чувствительна для поляковъ, привывшихъ потреблять ихъ въ нещадныхъ размѣрахъ. Это вздорожаніе произошло главнымъ образомъ оттого, что другъ и благодѣтель Польши — прусскій король налагалъ огромную пошлину на польскую торговлю.

Какъ скоро мы себѣ ясно представимъ образъ тогдашней варшавской жизни, гдѣ сеймовые послы играли тогда главную роль, станетъ понятно, отчего сеймовыя работы шли такъ вяло и поляки на каждомъ шагѣ оказывали неспособность подвигать великое дѣло спасенія и возрожденія отечества. Втянувшись въ пустоту забавъ, возненавидѣвъ трудъ, снявши съ себя строгость семейной чистоты, гоняясь за мимолетными удовольствіями и отдавая за нихъ совѣсть и честь, нельзя было вести дѣло иначе, какъ оно велось, нельзя было привести его къ иному концу, кромѣ таковаго, къ какому оно дошло. Послы не вникали въ дѣла, о которыхъ болтали; имъ приходилось составлять проекты безъ всякой подготовки и необходимыхъ знаній: не было времени ихъ обдумать и ясно изложить; другимъ приходилось читать эти проекты, имъ некогда было въ нихъ хорошенько вдуматься, оцѣнить и обсудить. Дѣлами законодательства и землестроенія приходилось заниматься за бутылками венгерскаго или на переѣздахъ съ обѣда на балъ, сидя въ коляскѣ и прерывая углубленіе въ государственныя дѣла мыслію о томъ, какъ бы сохранить свою фигуру поинтереснѣе для прохожихъ и профессорствующихъ, или же въ бесѣдахъ съ дамами: случалось, посоль, собиравшійся громить противный проектъ, прочтетъ свою демосееновскую филиппику дамѣ своего сердца; даму вовсе не занимаетъ такое не-дамское чтеніе; она ему говоритъ то, что ей въ голову взбредеть, а любезникъ дѣлаетъ поправку, сообразно дамскимъ замѣткамъ, и на другой день представляетъ это на сеймъ. Случалось и такъ, что посоль приготовить проектъ, а тутъ его позовутъ обѣдать и расточаютъ ему знаки вниманія, а между тѣмъ направляютъ его въ противоположному; голова патриота наполняется винными парами, сердце умягчается отъ фразъ и лести, и патриотъ выходитъ совсѣмъ съ иными намѣреніями и взглядами. Бывало и такъ, что посоль подаетъ голосъ, самъ не зная о чемъ идетъ дѣло; голова его не въ состояніи освободиться отъ похмѣлья; онъ смотритъ на другихъ и ему кажется,

что эти другіе за проектъ, тогда какъ эти другіе противъ проекта, и потомъ уже онъ разберетъ, что ошибался, и тутъ жѣ перемѣняетъ свое мнѣніе. Штапельбергъ, слѣдившій за ходомъ засѣданій, не разъ отзывался, что сеймовая Изба походитъ на домъ умалишенныхъ. Охота блистать риторствомъ была неудержимая, но такъ какъ нужно было все-таки время для того чтобъ составить рѣчь и обдумать ее, а у пословъ за пирами, танцами и картами времени не было, то нѣкоторые заказывали писать рѣчи другимъ, обыкновенно монахамъ, и читали ихъ на сеймѣ съ бумажкою въ рукѣ. Съ однимъ такимъ ораторомъ произошла смѣшная сцена: ему за два червонца написалъ рѣчь піаръ; въ надеждѣ блеснуть краснорѣчіемъ, посоль потребовалъ у маршала голоса, всталъ и произнесъ обращеніе: «Наияснѣйшій король и вы, почтенные чины Рѣчи-Посполитой», и вслѣдъ затѣмъ полѣзъ въ свой карманъ за рѣчью, — но рѣчи не оказалось; товарищъ, провѣдавши о его продѣлкѣ, утащилъ у него рѣчь изъ кармана. Цицеронъ сталъ втупикъ; поднялся всеобщій смѣхъ; но на счастье оратора вошли въ залу депутаты отъ городовъ и члены обратили на нихъ вниманіе; такимъ образомъ онъ избавился отъ дальнѣйшихъ насмѣшекъ.

Одною изъ особенностей сейма было безпрестанное учрежденіе комиссій и депутацій; чуть только подастся проектъ о какомъ-нибудь головоломномъ дѣлѣ, члены, чтобы избавить себя отъ труда, поболтавши о немъ нѣсколько времени, назначали комиссію для разсмотрѣнія его, и дѣло откладывалось въ долгій ящикъ. Такимъ образомъ въ то время наплодилось такое множество комиссій, что сама Изба потеряла имъ счетъ.

Всегда почти сеймовая Изба наполнена была арбитрами, которые шумѣли, аплодировали, шикали и вообще оказывали вліяніе на ходъ дѣла. Только тѣ засѣданія, гдѣ разсуждали о сношеніяхъ съ иностранными государями, отправлялись безъ арбитровъ; но и то, что говорилось тамъ, не составляло впослѣдствіи тайны для публики, которая слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣла сейма. Въ особенности вопросы о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наследственное правленіе, должна ли законодательная власть по прежнему находиться исключительно въ шляхетскомъ сословіи, — занимали умы. Появилось множество брошюръ и въ консервативномъ и прогрессивномъ духѣ. Образцомъ прогрессивной публицистики того времени могутъ служить сочиненія Сташица, того самаго, который въ 1785 г. написалъ «Размышленія о Замойскомъ». Это былъ писатель, чуть ли не единственный въ свое время, происходящій не изъ шляхетскаго, а изъ мѣщанскаго за-

ня и потому болѣе, чѣмъ всякій другой, способный выступить съ духомъ, противнымъ старо-шляхетской исключительности. Въ 1790 г. онъ напечаталъ «Предостереженіе Польшѣ» (Przestrogi dla Polski). Изложивъ ученіе о правахъ чловѣка и объ основахъ чловѣческихъ обществъ по Жанъ-Жаку Руссо, онъ, переходя къ Польшѣ, обращаетъ вниманіе преимущественно на экономическое состояніе страны, совѣтуетъ отдать въ потомственное пользованіе, за установленную годичную плату, староства, столовья королевскія имѣнія и имѣнія духовныхъ, замѣнивъ доходы короля и духовенства жалованьемъ изъ казны. Для правильной оцѣнки этихъ имѣній онъ предлагаетъ принимать количество производимаго хлѣба и думаетъ, что такимъ образомъ можно установить на вѣчныя времена правильный налогъ: авторъ забываетъ, что и самая земля отъ лучшей обработки можетъ давать болѣе, отъ худшей менѣе. Въ шляхетскихъ имѣніяхъ онъ совѣтуетъ уничтожить панщину, даровать крестьянамъ не только личную свободу, но и грунты ихъ, съ определеннымъ платежомъ панамъ, а тамъ, гдѣ найдутъ удобнымъ замѣнить платежъ работою, установить правила для такихъ работъ, съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ былъ огражденъ отъ произвольнаго принужденія къ работѣ. Онъ требуетъ также уничтоженія, такъ-называемыхъ, женскихъ имѣній, хочетъ совершеннаго равенства въ имущественныхъ правахъ между мужчинами и женщинами, называетъ неравнымъ раздѣлъ между братьями и сестрами варварскимъ обычаемъ, требуетъ также, чтобы жена владѣла своимъ имѣніемъ независимо отъ мужа. Сташицъ вовсе не сторонникъ монархическаго правленія, онъ считаетъ его зломъ, слѣдствіемъ чловѣческой неразвитости, но сознаетъ его необходимость до времени и потому требуетъ для Польши наслѣдственной монархіи, ограниченной прочной конституціей, съ тѣмъ, чтобы къ законодательству были допущены, вмѣстѣ съ шляхетствомъ, и мѣщане. Съ большимъ чувствомъ и жаромъ заступается онъ за польскаго крестьянина. «Предъ моими глазами—говоритъ онъ—пять частей польскаго народа; вижу миллионы несчастныхъ твореній, полунагіе, прикрытые шкурами и жесткими сермягами, высохшіе, обросшіе, корявые, закоптѣлые, со впалыми глазами, безпрестанно задыхающіеся, угрюмые, одурѣлые, оглупѣлые; они мало чувствуютъ, мало думаютъ—едва можно въ нихъ подмѣтить разумную душу. По наружному виду это болѣе животныя, чѣмъ люди. Хлѣбъ съ мякиной ихъ обыкновенная пища, а впродолженіе четверти года одно зелье; пьютъ они воду, да жгучую воду, живутъ въ землянкѣ, или въ хижинѣ, чуть-чуть не вравнѣ съ землею; солнце туда не проникаетъ; смрадъ и дымъ тамъ ду-

шать человѣка и нерѣдко убиваютъ его до смерти въ маломъ возрастѣ. Изнуренный дневнымъ трудомъ, хозяинъ вмѣстѣ съ своими нагими ребятишками спитъ на гнилой соломѣ, на томъ самомъ логовищѣ, на которомъ стоитъ его корова со своимъ теленкомъ и лежитъ свинья со своими поросятами. Вотъ, добрые поляки, какъ роскошествуетъ та часть вашего народа, отъ которой зависитъ судьба Рѣчи-Посполитой! Вотъ, что такое человѣкъ, который васъ кормитъ!... Привычка заглушила въ вашемъ сердцѣ врожденное чувство состраданія; воспитаніе сдѣлало васъ тиранами; вы отняли у равнаго вамъ человѣка землю и права, и не помышляете объ этомъ и не чувствуете этого. 5,200,000 рабовъ въ вашемъ краѣ: мнѣ стыдно становится, когда я подумаю, что я полякъ. И такая жестокость посреди христіанства, а вы вѣрите, что есть Богъ, и каждый день васъ убѣждаетъ въ томъ что придетъ смерть. Религія васъ учитъ, что вы предстанете на судъ божій. Вы продаете людей, какъ скотъ, промѣниваете, какъ коровъ. Тираны, богохульцы, вы не боитесь, что наконецъ переполняется мѣра беззаконій вашихъ! Долго терпѣло небо, разгнѣвается Богъ и повергнетъ васъ въ самое тяжкое рабство. И теперь уже, для приведенія васъ въ память, Онъ пустилъ суровой рукѣ деспотовъ налечь на васъ. Ни нравственное ученіе, ни религія уже не въ силахъ возбудить въ васъ любви къ ближнему, и потому онъ приводитъ васъ къ ней грозою иноземнаго могущества.» Касаясь польскаго духовенства, Сташиць говоритъ: «Нѣтъ, — поругатели, а не учителя вѣры Христовой, всѣ священники, которые говорятъ вамъ, что, будучи безчестными и жестокими, вы имѣете возможность соединиться съ Богомъ и содѣлаться участниками милостей Его, Бога, умершаго изъ любви къ человѣку. Искренно говорю вамъ: если Богъ справедливъ, то предъ очами Его не можетъ быть большей мерзости, какъ ваша мерзость!»

Н. Костомаровъ.

БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ

И

АКЦИОНЕРНАЯ МИФЛОГІЯ.

Histoire du Crédit Mobilier. 1852—1867. Par M. Aycard. Paris, 1867.

La spéculation devant les tribunaux. Pratique et théorie de l'agiotage. Par Georges Ducloux. Paris, 1867.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Вредъ биржевой игры возрастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, когда предметомъ ея становятся не бумаги, а дѣйствительныя промышленныя предпріятія, какъ напримѣръ, желѣзныя дороги. Тутъ биржевая игра, какъ мы уже замѣтили, является простымъ обманомъ, которому служить прикрытіемъ то или другое полезное общественное предпріятіе.

Для раскрытія этого обмана обратимся опять къ самой вершинѣ биржевого Олимпа, а именно къ Парижу. Тамъ это дѣлается по слѣдующему рецепту. Спекулянты, захвативъ мысль (иногда они же и авторы мысли, но рѣдко; это не ихъ специальность: они не сѣятели, а жнецы на чужомъ полѣ), начинаютъ въ смыслѣ ея агитацію въ своихъ газетахъ. Мы уже видѣли, что въ Парижѣ газеты, существующія на акціяхъ и живущія объявленіями, принадлежатъ денежной аристократіи. Спекулянты такъ сильны этими газетами, что могутъ убѣдить публику и въ нелѣпомъ предпріятіи. Но, положимъ, мысль въ са-

---

*) См. выше: янв. 209 — 243 стр.

момъ дѣлѣ хороша; напримѣръ, рѣчь идетъ о проведеніи желѣзной дороги въ мѣстности, которой этотъ путь такъ нуженъ, что постройка его легко вознаградится и общаетъ большой доходъ; или объ учрежденіи такого банка, который помогаль бы спеціально общественнымъ работамъ и вмѣстѣ представляль бы тавія удобства помѣщенія въ немъ временно капиталовъ, отлагаемыхъ для чего либо до срока, что его билеты могли бы замѣнить деньги, принося ежедневный доходъ, такъ что всѣ капиталы, лежащіе безъ употребленія мѣсяць или недѣлю, стекались бы въ этомъ банкѣ, получая въ немъ доходъ и принося ему барышъ. Понятно, что когда газеты, принадлежащія спекулянтамъ, начнутъ агитацію въ смыслѣ мысли дѣльной, то и вся пресса скоро пристанетъ къ нимъ.

Но этого мало; спекулянты ищутъ еще болѣе широкой гласности: они издають брошюры, наводняють страну афишами, такъ-называемыми prospectus, пишутъ о своемъ предпріятіи въ провинціи, даже обращаются съ циркулярами къ сельскимъ священникамъ, чтобы вспахать всю страну, до самой глуши, для принятія своей мысли.

Когда все это сдѣлано, спекулянты «основатели предпріятія» получаютъ концессию или привилегію, при чемъ они опираются передъ правительствомъ на сознанную обществомъ потребность, на важность самого дѣла, а общество прибирають въ свои руки посредствомъ возможности деспотическихъ условій, въ которыхъ они склоняють правительство чрезъ свои связи. Къ сожалѣнію, особой главы «о связяхъ спекулянтовъ и ихъ вліяніи», главы, для которой можно было бы найти интересные матерьялы въ промышленной исторіи не одной Франціи, но напр. хотя бы въ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ (Главное общество, коммерческое агентство и контрактъ съ американцами на николаевской дорогѣ)—мы написать не можемъ, по самой сущности этой матеріи, которая, даже при имѣніи на лицо матерьяльныхъ доказательствъ (что уже очень трудно), сама собою внушаетъ скромность.

Но читателямъ не безызвѣстно, какъ говорятъ рекламы, что связи у большихъ спекулянтовъ бываютъ большія. О роли, какую играетъ денежная феодальность во французскомъ обществѣ мы уже говорили.

Выгодная концессія или привилегія получена. Надо составить компанію на паяхъ или акціяхъ и затѣмъ приняться за дѣло. Но дѣло для спекулянтовъ, основателей предпріятія, вовсе не въ самомъ предпріятіи. Предпріятіе интересуеть ихъ только въ томъ смыслѣ, что они могутъ эксплуатировать его по-

становку. Затѣмъ, дѣло будутъ дѣлать другіе. Кто? Кто хочетъ? Кому есть охота работать по-муравьиному, а не летать по орлиному надъ презрѣннымъ челоуѣчествомъ, — этой же толпою, которая желаетъ быть вѣчно эксплуатируемою, биткою за тѣ тарелки, которыя она моетъ и на которыхъ ѣдятъ, которыя бьютъ другіе. Кто-нибудь да возьмется же за дѣло, когда оно будетъ высосано гениальными паразитами. Во всякомъ случаѣ, возьмутся за него тѣ, кого они втянули въ предпріятіе, кто въ конечномъ результатѣ останется владѣльцемъ акцій. Эти муравьи, эта толпа купила акціи съ огромною преміею, такъ что даже если предпріятіе и можетъ впослѣдствіи приносить большой доходъ, онъ будетъ все-таки умѣреннымъ, обыкновеннымъ процентомъ для нихъ. А премія осталась въ карманахъ спеулянтовъ, которые *поставили дѣло*, то-есть продали акціи, и нажились на поставкахъ, на подрядахъ по тому же дѣлу. Положимъ, вы купили акціи Сѣверной желѣзной дороги въ то время, когда вся Франція бросалась на нихъ, когда онѣ стоили до 1,000 франковъ. Допустимъ преувеличенный дивидендъ, дивидендъ въ 15%¹⁾. Но что для васъ дивидендъ въ 60 франковъ? На вашъ капиталъ это — 6%. А Ротшильдъ, Готтингеръ, Лафиттъ и Блоунтъ, основатели предпріятія, нажили на постановкѣ этого предпріятія миллионы и затѣмъ оставили его вамъ и вамъ подобнымъ.

Положимъ, вы заплатили за акціи Движимаго кредита четверную ихъ цѣну²⁾ и получали потомъ дивиденды по 100 франковъ, т. е. въ 20%³⁾. Но и это представляло все-таки не болѣе, какъ 5% на вашъ капиталъ; а Перейры нажили на Движимомъ кредитѣ десятки миллионовъ и ушли, оставивъ его вамъ и вамъ подобнымъ.

Дѣло въ томъ, что Ротшильды, Готтингеръ, Блоунтъ, Лафиттъ, Перейры вовсе и не думали навсегда остаться предпринимателями. Основатели Сѣверной дороги обязывались только составить компанію на акціяхъ для устройства и пользованія желѣзною дорогою, и вовсе не обязывались сами построить ее и управлять ею навсегда. Основатели Движимаго кредита вовсе не думали обратить свое предпріятіе въ солидный, вѣковой банкъ, который бы доставлялъ имъ умѣренный процентъ, какъ все солидное и добросовѣстное: положеніе дѣлъ этого общества во

¹⁾ Съ оплаченной 400 франковъ акцій.

²⁾ Онѣ доходили до 2,200 фр. Номинальная цѣна акцій, какъ Сѣверной дороги, такъ и Движимаго кредита, 500 фр.

³⁾ Это было въ хорошіе года; потомъ дивидендъ былъ и въ 5% и наконецъ дѣло мало, какъ будетъ рассказано ниже.

время его паденія, когда Перейры и другіе равные имъ бросили его, показываютъ, что они скорѣе напротивъ именно имѣли въ виду паденіе общества и дѣйствовали такъ, что оно не могло не пасть.

Итакъ, выгода основателей и администраторовъ не все-равно, что выгода акціонеровъ, по большей части — совсѣмъ наоборотъ. И когда г. Мартенъ или Дюпонъ, или Семеновъ съ Ивановымъ берутъ акціи, благодаря звучности именъ основателей предпріятія, а потомъ покорно молчатъ въ общихъ собраніяхъ, полагаясь на администраторовъ — «они-де самые крупные акціонеры, стало быть наши интересы и ихъ интересы одни и тѣже», — то гг. Мартенъ, Дюпонъ, Семеновъ и Ивановъ, ихъ же имя Легионъ, жестоко ошибаются. Основатели и администраторы такъ же солидарны съ ними, какъ солидаренъ поваръ съ курицей, которую онъ покупаетъ: интересъ его въ самомъ дѣлѣ требуетъ, чтобы она была жирна; но солидарность для курицы прекращается въ то время, когда ее кладутъ въ супъ.

Спекулянтъ-банкиръ видитъ въ промышленномъ предпріятіи только свой товаръ и относится къ нему такъ, чтобы проиъзвестъ ему какъ можно болѣе выгодный для себя *учетъ*. Онъ учитываетъ впередъ всѣ его благоприятные шансы. Вся будущность концессіи, которая дана на 40, на 90 лѣтъ, учитывается основателемъ банкиромъ-спекулянтомъ. Всю эту будущность онъ положить себѣ въ карманъ при самой постановкѣ дѣла, въ видѣ преміи на акціи и въ видѣ займовъ. Онъ возьметъ съ предпріятія лажъ, и затѣмъ оно останется въ рукахъ акціонеровъ, которые или лопнуть, или должны будутъ прибѣгнуть къ снисходительности правительства, просить отсрочки или добавочной гарантіи, или продленія концессіи. Эта премія, поглощающая впередъ выгоду десятковъ лѣтъ, этотъ учетъ будущности сдѣлали предпріятіе невыгоднымъ, поставили его въ условія невозможныя для тѣхъ, кому придется дѣлать самое дѣло. «Учетъ коммерческихъ цѣнностей» — говоритъ одинъ изъ нашихъ авторовъ, — «это барышъ добываемый отъ затрудненія настоящей минуты; но учетъ долговременныхъ работъ, это — гибель будущаго». И вотъ, правительство даетъ отсрочку, продляетъ концессію. Что же? Каждое такое снисхожденіе въ свою очередь обращается въ предметъ спекуляціи, учитывается впередъ тѣми администраторами, которымъ оно дается; а будущее остается все-таки гибельнымъ или по меньшей мѣрѣ стѣсненнымъ. Вся эта премія, эта громадная разность уносимая основателями и администраторами, не прибавляетъ ни на волосъ къ работамъ или къ матерьяльному обзаведенію предпріятія.

Итакъ, основатели-предприниматели вскипятать дѣло, сольютъ съ него «самый цвѣтъ», или «снимутъ съ него пѣнку», и потомъ оставляютъ расхлебывать его тѣмъ, кто купилъ вострюлю. Это и есть то, что называется *ажіотажемъ въ промышленности*; ажіотеры по этой части такъ и называются во Франціи «впятители» или «пѣньщики» (*écumeurs*). Ясно, что ажіотажемъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и общественныхъ работахъ еще гораздо вреднѣе, чѣмъ сама биржевая игра. Хуже всего, что оба эти ажіотажа соединяются, такъ что на биржѣ происходитъ игра на запродажу товаровъ, а акціи промышленныхъ обществъ и особенно желѣзныхъ дорогъ служатъ предметами для биржевой игры.

Настоящая характеристика составлена, конечно по французскимъ оригиналамъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ странахъ, гдѣ промышленность и духъ спекуляціи развиты менѣе чѣмъ во Франціи и гдѣ этотъ духъ не поддерживается самою политическою системою, — изложенныя черты не всѣ могутъ быть принимаемы за общія правила. Громадное развитіе собственно биржевой игры составляетъ спеціальность Парижа. Но нѣчто подобное промышленному ажіотажу есть вездѣ; и у насъ положено также не малое начало такому ажіотажу; достаточно вспомнить краткую исторію большинства нашихъ акціонерныхъ компаній и уяснить себѣ кое-что изъ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, — которыя у насъ, какъ и вездѣ, служатъ главною приманкою для спекуляціи и доставляютъ ажіотажу всякаго рода наиболѣе выгодныхъ случаевъ. У насъ только дѣла ведутся поглубѣе, по-патріархальнѣе; за то и дѣла нашихъ спекулянтовъ мельче.

Мы съ намѣреніемъ привели выше въ примѣръ акціи двухъ важныхъ, можно сказать самыхъ важныхъ промышленныхъ предпріятій во Франціи въ новѣйшее время: Сѣверной дороги и Движимаго кредита. Эти предпріятія разнородны, и каждое изъ нихъ представляетъ цѣлую группу тѣхъ дѣлъ, на которыя особенно винулся ажіотажемъ, которыя онъ, можно сказать, проѣлъ насквозь: предпріятія желѣзныхъ дорогъ и предпріятія кредитныя. Ихъ примѣры объясняютъ намъ на практикѣ весь механизмъ и результаты промышленнаго ажіотажа, смѣшаннаго съ биржевою игрою навѣрняка или почти навѣрняка.

Желѣзно-дорожное дѣло находится у насъ еще въ самомъ началѣ періода частной предпримчивости. Вотъ почему особенно поучительно изучить, во что грозитъ обратить это дѣло спекуляція. Исторію Движимаго кредита мы расскажем съ особенною подробностью, какъ потому, что оно представляетъ самый новѣйшій и вмѣстѣ самый краснорѣчивый примѣръ кредит-

ной спекуляціи въ Парижѣ, настоящій и спеціальный продуктъ второй имперіи, съ которой это общество было солидарно, — такъ потому, что и у насъ устройство частныхъ банковъ стоитъ на очереди.

Сѣверная линія (Chemin de fer du Nord) была уступлена банкирамъ, которыхъ мы назвали выше, въ 1845 году, на 38 лѣтъ ¹⁾. Общество обязывалось окончить начатія работы на свой счетъ, возратить казнѣ издержки, уже произведенныя государствомъ, наконецъ, поставить достаточное матерьяльное обзаведеніе для эксплуатаціи. Общество тотчасъ же составило компанію на акціяхъ, съ капиталомъ въ 200 милліоновъ, составленнымъ изъ 400 тысячъ акцій, по номинальной цѣнѣ — 500 франковъ. Основатели взяли:

Ротшильды	102,000	акцій
Лафиттъ, Блоунтъ и К ^о	78,000	—
Готтингеръ	22,485	—

Всего . 202,485 акцій.

Компанія получила въ дѣйствительности готовую дорогу, которой постройка обошлась казнѣ въ 142 милліона фр. Потребовалось три года, чтобы привести ее въ готовность для эксплуатаціи. Для пользованія ею оставалось всего 35 лѣтъ. Въ теченіи этого времени прежде всего слѣдовало погасить капиталъ въ 142 милліона съ процентами. Итакъ, съ самаго начала дѣло было поставлено въ условія невозможныя. Почему же это было сдѣлано? А потому именно, что учредителямъ вовсе не было дѣла до того, какъ пойдетъ эта дорога и что доставитъ ея эксплуатація: имъ нужно было только вырвать концессию для себя, хотя бы посредствомъ крайней, невозможной уступки, воспользоваться популярностью, которую именно тогда начинали приобрѣтать желѣзныя дороги во Франціи, продать акціи съ премією — и потомъ быть въ сторонѣ отъ хода самаго дѣла.

Учредители, разумѣется, сбывли свои акціи. Они внесли за акціи только по 400 франковъ ²⁾, а акціи эти разошлись, т. е. были куплены по столь высокимъ курсамъ, что вмѣсто 160 милліоновъ дѣйствительно внесенныхъ учредителями, онѣ

¹⁾ Три побочныя вѣтви были отданы особымъ компаніямъ, которыя потомъ слились съ главною, съ компанією дороги.

²⁾ Номинальная цѣна была 500 р. Но акціи были оплачены не вдругъ, а декретъ 1852 года, выговоривъ уступки въ пользу правительства, призналъ достаточнымъ внесеніе 400 фр. всего, для полной оплаты акцій.

доставили учредителямъ 340 милл. франковъ. Итакъ, съ предпріятія, которое еще не сдѣлало ни шагу впередъ, была взята въ пользу банкировъ, безъ всякой пользы для самаго дѣла, чистая премія въ 180 милліоновъ франковъ. Сверхъ того; на немъ лежало погашеніе капитала затраченнаго казною. Вотъ эти 180 милліоновъ, взятые съ предпріятія учредителями даромъ, и составляютъ тотъ лажъ, который разоряетъ промышленность, обогащая банкировъ - спекулянтовъ. Такъ - то желѣзно-дорожное дѣло уже очень скоро послѣ своего начала во Франціи, именно въ 1847 году ¹⁾, было испорчено и потеряло популярность. Такимъ образомъ, произошелъ тотъ странный фактъ, что по мѣрѣ того, какъ на Сѣверной дорогѣ эксплуатація линіи развивалась, и стало быть приближался моментъ поступленія дѣйствительнаго дохода, дохода съ самаго предпріятія, — акціи его падали. Онѣ стояли 860 фр. въ 1845 году, а въ 1847 году уже только 497 фр. Онѣ значительно поднялись только въ 1851 году, вслѣдствіе ожиданія слитія побочныхъ линій съ главною.

Декреты 1852 года составили новую эпоху въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ во Франціи. Они продлили привилегіи, которымъ первоначальный срокъ былъ 38—45 лѣтъ, еще на 99 лѣтъ, считая для Сѣверной дороги съ 1848 года, т. е. до 1947 года. Вслѣдствіе такой мѣры, составлявшей добровольное отреченіе государства отъ права пользованія дорогою еще почти на двѣ трети первоначальнаго срока, акціи Сѣверной дороги, стоявшія въ концѣ 1852 года, уже подъ влияніемъ благоприятныхъ ожиданій, по 575 фр., вдругъ поднялись, въ первые мѣсяцы 1853 года, до 975 фр. Итакъ, публика, въ лицѣ новыхъ покупателей акцій переплачивала компаниі новую премію въ 280 милл. франковъ. Въ 1854 году, когда будущность такимъ образомъ подверглась новому учету, акціи Сѣверной дороги упали опять до 680 фр.

Но взиманіе такого лажа, или премій еще не составляетъ всей поживы, какою спекуляція пользуется съ желѣзно-дорожнаго дѣла. Затѣмъ, идутъ покупка земель подъ линію, подряды чрезъ нѣсколько руевъ по устройству полотна, по подвижному составу и т. д. Далѣе, спекуляція хватается за слитіе линій, выпускъ облигацій, удвоеніе капитала, присоединеніемъ въ каждой ста-

¹⁾ Начало можно считать съ декрета 1842 года. Въ 1846 году, во Франціи было готово всего 986 километровъ готовыхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Германіи въ то время было 3,250; въ Англіи 3,400; въ Соедин. Штатахъ 8,500 километровъ (километръ = 0,987 версты). Въ январѣ 1867 года во Франціи было въ эксплуатаціи 14,506 километровъ (*Annuaire de l'Escon. pol.* 1867).

рой акціи одной новой, за раздачу преувеличенныхъ дивидендовъ насчетъ капитала, для того, чтобы искусственно поднять курсъ акцій и потомъ сбыть ихъ, а когда онѣ спадутъ, купить ихъ снова, для новой спекуляціи. Наконецъ, подвергается учету всякая помощь, всякая гарантія или снисхожденіе, какое компаніи удастся выхлопотать у правительства: все это служить предметомъ игры навѣрняка, ажіотажа, все это ложится тяжкимъ бременемъ на самое предприятие.

На огромномъ протяженіи производятся тяжелыя земляныя работы; вырастаютъ насыпи, пробиваются тоннели; цѣлые лѣса дубовъ тащатъ къ насыпямъ и бросаютъ ихъ въ видѣ безконечной горизонтальной лѣстницы поперечинъ; владутъ два пути рельсовъ; наконецъ готовъ подвижной составъ, и дорога приходитъ въ дѣйствіе.

Смотрите: поѣзды снуютъ въ обоихъ направленіяхъ, смотрите, съ какой заботливостью вѣсятъ на вѣсахъ всѣхъ этихъ станцій грузы товаровъ; съ какой хлопотливой тщательностью у каждаго вагона кондукторъ отбираетъ билеты, оберъ-кондукторъ повѣряетъ кондукторовъ, кассиръ повѣряетъ начальника поѣзда, контролеры повѣряютъ кассировъ: какъ бы одинъ человѣкъ не проскользнулъ даромъ, какъ бы лишній пудъ товара не проѣхалъ неоплаченный въ пользу предприятия.

Для чего работаютъ всѣ эти массы людей, для чего ходятъ эти поѣзды? Для самаго дѣла? Для того, чтобы оно развивалось, улучшалось, удешевляло свои тарифы, приносило пользу странѣ? Нѣтъ; для того, чтобы все это служило предлогомъ, кулиссою для спекуляціи, которая сама не производитъ ничего. Для тѣхъ, кто наживетъ наиболѣе денегъ со всего этого—желѣзная дорога хоть бы и не существовала; пусть бы вмѣсто нея была просто столь искусно поддѣланная колода картъ, что ею бы можно играть съ полной безопасностью. Контролируйте каждый билетъ въ четвертакъ, съ котораго и доходу-то всего одна копейка. А спекулянты возьмутъ разъ 45 милліоновъ рублей, да другой разъ 70 милліоновъ рублей, съ тѣхъ, кто рассчитываетъ на эти копейки, да еще возьмутъ съ тѣхъ полоторную или двойную цѣну за всѣ поставки, да навалятъ на нихъ неоплаченный долгъ. А тамъ, пусть акціонеры дѣлаютъ, что знаютъ. Отчего и имъ не попросить снисхожденія у правительства въ свою очередь?

Да, но какъ же акціонеры позволяютъ обирать себя такимъ образомомъ? Зачѣмъ, во-первыхъ, они покупаютъ акціи по безумному курсу; во-вторыхъ — зачѣмъ терпятъ такое высасываніе своего дѣла тѣми господами, которые какъ только увидятъ, что въ предпріятіи явился шансъ, которымъ можно воспользоваться, — тот-

часъ явятся въ немъ, высосутъ этотъ шансъ и убѣгутъ, до новаго подобнаго свиданія?

Зачѣмъ покупаютъ по безумнымъ цѣнамъ? На это отвѣчать легко: большинство покупаетъ акціи не для того, чтобы держать ихъ, а чтобы взять на нихъ премію; акціи повышаются — надо купить сегодня и продать завтра съ выгодой. Остаются же акціи, при паденіи, въ рукахъ тѣхъ, кто поограниченнѣе, или неопытнѣе. Ловкіе въ игрѣ обдѣлываютъ неловкихъ; вотъ и все.

Такимъ образомъ, большинство акціонеровъ остаются акціонерами противъ своей воли и остаются только временно. Вотъ этимъ и объясняется отчасти та апатія акціонеровъ къ отчетамъ и предложеніямъ администраторовъ, которая представляетъ дѣйствительно монументальныя свидѣтельства о глупости девятнадцатаго вѣка. Акціонеры сами — сообщники игры; любую мѣру, если только она соединена съ выдачею высокаго дивиденда или съ шансомъ повышенія акцій, они вотируютъ съ восторгомъ, потому что намѣреваются сами учсть этотъ шансъ въ свою пользу, продавъ акціи. Но игроки мелкіе, не знающіе подтасовки картъ, они, конечно, и проигрываютъ игрокамъ крупнымъ, тѣмъ, кто карты тасуетъ.

Кромѣ естественной апатіи игроковъ къ ходу самаго предпріятія, на которомъ они играютъ, крупные игроки, администраторы пользуются еще и особою тактикою для узавоженія своихъ дѣйствій общими собраніями акціонеровъ. Они не только подтасовываютъ карты предпріятія, они подтасовываютъ и общія собранія.

Право голоса въ собраніяхъ акціонеровъ, какъ извѣстно, обусловливается опредѣленнымъ количествомъ акцій. Больше число акцій даетъ право на нѣсколько голосовъ, хотя и не пропорціонально цензу. Администраторы, желающіе прикрыть планы положенія дѣла и вредныя свои дѣйствія, раздадутъ требуемое цензомъ количество акцій своимъ пріятелямъ и служащимъ въ конторахъ управленія. Подтасованному такимъ образомъ собранію читаютъ отчетъ, составленный въ самыхъ общихъ и темныхъ выраженіяхъ ¹⁾. За тѣмъ, малѣйшее возраженіе со стороны серьезнаго акціонера принимается администраторами какъ личная для нихъ обида, какъ оскорбительное подозрѣніе. Приващики показываютъ видъ, что они обижаются, когда хозяева хотятъ приняться за счеты. Это — самый употребительный пріемъ. За нимъ вся масса мнимыхъ акціонеровъ, вся эта челядь, приведенная

¹⁾ Этотъ, какъ увидимъ далѣе, особенно отличался «Движимый кредитъ».

администраторами-кулаками, начинает шумѣть и заглушаетъ неслышимое требованіе.

Когда все прочтено и предложено, тогда эта челядь начинаетъ вотировать, машинальнымъ способомъ, все: и утвержденіе счетовъ, и избраніе своихъ же, или постороннихъ, но идиотовъ¹⁾, въ наблюдательный комитетъ, и благодарность, и вторичное избраніе въ директоры, и выпускъ новыхъ облигацій и даже иногда — не выдачу дивиденда.

Между тѣмъ, рѣшенія принятыя большинствомъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, рѣшаютъ судьбу капитала не только тѣхъ акціонеровъ, у которыхъ нѣтъ голоса, т. е. 20 — 40 акцій, но и тѣхъ, которые, съ правомъ голоса, не явились, и тѣхъ, которые явились и подали голосъ *противъ* предложеній совѣта управленія. Стало быть, поддѣланнымъ большинствомъ, директоры просто захватываютъ въ произвольное распоряженіе и пользованіе чужіе капиталы.

Замѣчательно, что въ сорововыхъ годахъ, во Франціи, еще не рѣдки были протесты и жалобы акціонеровъ, какъ не рѣдки они были и у насъ; это доказываетъ, что въ то патріархальное время еще было много акціонеровъ серьезныхъ, которые въ самомъ дѣлѣ считали себя участниками предпріятія. По мѣрѣ того, какъ ажіотажъ охватывалъ болѣе и болѣе все французское общество, число такихъ жалобъ все уменьшалось, такъ какъ акціонеры болѣе и болѣе превращались въ игроковъ.

При такомъ либерализмѣ собраній акціонеровъ, директоры могутъ отдѣлываться какими угодно объясненіями. Такъ, напримѣръ, отчетъ Сѣверной дороги за 1856 годъ, сообщая акціонерамъ объ издержкѣ слишкомъ въ 4 милліона фр. для поддержанія подвижного состава «въ видѣ новаго», увѣрялъ ихъ, «что издержки производимыя съ этой цѣлью доставляютъ обществу богатство, которое возрастаетъ пропорціонально самымъ этимъ издержкамъ», т. е., что если много разъ чинить, то починенное будетъ возрастать въ цѣнности на всю сумму истраченную на починку.

Издержки по исправленію пути представляются столь же правильно. Въ 1856 году, на Сѣверной дорогѣ было уже починено около 500 верстъ одиночнаго пути²⁾. Но администраторы не за-

¹⁾ Какъ мы видѣли выше въ дѣлѣ общества Lignéenne.

²⁾ Онъ продержался стало быть всего около 10 лѣтъ. Считаютъ, что рельсы могутъ держаться 20 лѣтъ, но поперечины служатъ не болѣе 10 — 12 лѣтъ (здѣсь разумѣются дубовыя). Одинъ изъ авторитетныхъ инженеровъ во Франціи, Жюльенъ полагаетъ, что на поддержаніе пути необходимо разсчитывать по 4,000 фр. въ годъ на километръ двойного пути. Интересно бы узнать, надерживали-ли на нашей Нико-

хотѣли сдѣлать такого признанія. Они увѣряли, что рельсы были еще не испорчены, что пришлось ихъ перемѣнить только болѣе сильными, которыхъ метръ вѣситъ 30—37 килограммовъ, и которыя будутъ прочнѣе. Но администраторы умалчивали, что въ тоже время они увеличили грузъ вагоновъ съ 6 тоннъ до 10, а вѣсъ локомотивовъ съ 20 тоннъ до 64, такъ, что новымъ рельсамъ очевидно предстояло прослужить еще менѣе, чѣмъ старымъ.

Вопросъ объ издержкахъ на ремонтъ пути и подвижного состава желѣзныхъ дорогъ — имѣетъ огромную важность. Всѣ французскія компании рѣшаютъ его неправильно именно потому, что имѣютъ въ виду гораздо болѣе спекуляцію, чѣмъ самое дѣло. вмѣсто того, чтобы отдѣлать резервный фондъ для этой цѣли, онѣ ждутъ когда наступитъ крайняя нужда поправки и тогда дѣлаютъ для нихъ заемъ. Затѣмъ еще, относятъ половину издержки на общій счетъ первоначальныхъ работъ, то-есть на стоимость постройки (*compte d'établissement*) вмѣсто того, чтобы отнести ее на счетъ текущей эксплуатаціи; такимъ образомъ эта издержка оказывается какъ бы произведенною на самое обзаведеніе, и ее, вмѣстѣ со всѣмъ основнымъ расходомъ, приходится оплачивать (платить проценты и погашать капиталъ) втеченіи всего времени пользованія концессіею. Другую половину той же издержки покрываютъ особою раскладкою на нѣсколько лѣтъ, относя ее на доходъ. Такимъ образомъ, вся такая временная издержка относится не на настоящее, когда она потребовалась, а на будущее. А вѣдь въ будущемъ опять потребуются такія издержки, и ихъ опять относить на будущее?

Все это — не что иное какъ учетъ будущихъ выгодъ, высасываніе впередъ соковъ предпріятія. Ясно, что счетъ основного расхода, употребленнаго на постройку дороги, слѣдовало бы закрыть окончательно, когда дорога готова. Причислять *поправки въ постройки* — нелѣпо; это можно дѣлать только на основаніи вышеприведенной теоріи управленія Сѣверной дороги, что «чѣмъ болѣе чинили вещь, тѣмъ сама она сдѣлалась цѣннѣе». Почему же дѣлается эта фальсификація счетовъ, эта расточительность будущаго? А потому, что надо назначить акціонерамъ преувеличенный дивидендъ. Разумѣя желѣзнодорожное дѣло какъ акціонную, гораздо выгоднѣе поднимать акціи дороги высокимъ дивидендомъ, хотя бы въ ущербъ будущему, и дѣлать дѣла на этихъ

лаевской желѣзной дорогѣ на поддержаніе пути по 1,000 рублей въ годъ, наши инженеры, такъ какъ ремонтъ на этой дорогѣ производился хозяйственнымъ образомъ? Должно быть, издерживали; у насъ не отстають отъ науки, особенно *въ такомъ случаѣ*. А дорога пришла въ полную ветхость.

акціяхъ, чѣмъ оплачивать сегодняшнюю потребность изъ сегодняшнихъ же доходовъ, чтобы сохранить предпріятію силы на будущее время.

Такъ, та починка на Сѣверной дорогѣ, о которой мы говорили выше, обошлась въ $12\frac{1}{2}$ милліоновъ франковъ. На что отвесли ее? Вотъ на что: 1) 1.800.000 фр. на пять лѣтъ, на счетъ эксплуатаціи; 2) 4.600.000 фр. на прежній резервный фондъ погашенія; и 3) остальные шесть милліоновъ — на счетъ первоначальной постройки дороги. Значить: изъ доходовъ настоящаго не дали ничего, изъ доходовъ ближайшихъ пяти лѣтъ предоставили только седьмую часть издержки, и затѣмъ остальнымъ — вмѣстѣ, и ослабили погашеніе, и увеличили капиталъ, который предстоитъ погасить къ концу концессіи.

Повтореніемъ такихъ приемовъ, управленія Сѣверной дороги способствовали достиженію того результата, что въ 1863 году въ *активъ* предпріятія былъ уже дефицитъ слишкомъ въ 143 милліона франковъ, т. е. 143 милліона, забранные впередъ! Зато дивиденды были хорошіе, и акціи Сѣверной дороги могли служить отличнымъ матерьяломъ для спекуляцій ея собственныхъ администраторовъ и знаменитаго Движимаго кредита.

Въ отчетѣ 1865 года, управленіе Сѣверной дороги высказало съ ясностью, которая наивно-дерзка, что «поднять былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли составлять резервнаго фонда для производства крупныхъ обновленій подвижнаго состава и пути»; что «спеціальная коммиссія старательно изучила этотъ вопросъ, справляясь съ мнѣніями специалистовъ, и въ результатѣ специалисты отвѣчали коммиссіи, что подобный резервный фондъ не имѣетъ причинъ быть, ибо нельзя предвидѣть, на что онъ былъ бы нуженъ; вся матерьяльная часть содержится такъ, что ее можно считать *постоянно новою*.... что стало быть *никогда* не придется возобновлять вполнѣ или частями какъ матерьяльную часть, такъ и пути.» (!) ¹⁾

¹⁾ Приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ расходовъ на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Стоимость постройки километра двойного пути составляетъ:

Въ Англіи	530.000 фр.
— Франціи	391.000 —
— Бельгіи	270.000 —
— Германіи	201.000 —
— Америкѣ	96.500 — (одиночный путь)

Впрочемъ, постройка главныхъ линій во Франціи обошлась дороже, именно въ 463.000 фр. километръ. Интересно раздѣленіе этой суммы по статьямъ. При постройкѣ обошлась на километръ:

Управленіе и общія издержки . .	17.000 фр.
Покупка земель	65.000 —

Таковы-то желѣзнодорожныя компаніи ведутъ свои дѣла. Государство оказало имъ огромную помощь, въ видѣ ссудъ, субсидій, гарантій и уступки произведенныхъ имъ земляныхъ работъ и мостовъ, наконецъ, самую монополію, которая имъ предоставлена.

Компаніи всѣ вмѣстѣ взятыя издержали на постройку дорогъ (по 1 января 1867 г.) . . . . . 6,173,195,000 фр.

Помощь, оказанная имъ государствомъ ссудами и субсидіями составляетъ за все время . . . . . 1,444,831,260 фр.

Вычтя всѣ возвраты суммъ, уже произведенные компаніями, мы получимъ чистой издержки, произведенной государствомъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ (на работы и субсидіи), и еще не возвращенной компаніями—978,753,377 фр., т. е. почти миллиардъ.

Вотъ какими суммами воспользовалась спекуляція на желѣзныя дороги; матерьяломъ для ажіотажа здѣсь представлялась вся сумма произведенныхъ издержекъ, т. е. около *восьми миллиардовъ франковъ*, или двухъ *слишкомъ миллиардовъ рублей* ¹⁾! Здѣсь спекуляція, ажіотажъ, производились преимущественно и именно на средства государства, въ видѣ премій взятыхъ съ повышенія акцій при каждой помощи, при каждомъ снисхожденіи отъ правительства. Акціонеры играли на монополію и на субсидіи, какія государство предоставляло компаніямъ. Они унесли громадную премию съ предпріятія, которое безъ нихъ обошлось бы дешевле государству и было бы выгоднѣе для общества, такъ какъ возвышенность тарифовъ и затруднительность ихъ пониженія зависятъ именно отъ громаднаго барыша унесеннаго съ желѣзнодорожнаго дѣла спекуляціею.

Самое положеніе дѣла, за всѣмъ тѣмъ, таково, что оно, только благодаря правительственнымъ субсидіямъ, и можетъ приносить по 10—15% на акцію ²⁾. Въ сущности, т. е. если отстранить эту правительственную, бюджетную помощь, то желѣзныя дороги во Франціи, на затраченный на нихъ капиталъ приносятъ 6—7%. Правительству еще приходится приплачивать по инымъ линіямъ недоимку гарантированнаго дохода ³⁾. Въ настоящее время, когда всѣ компаніи уже эксплуатируютъ главныя, наиболѣе выгодныя

Земляныя и искусственныя работы 150.000 фр.

Строенія . . . . . 48.000 —

Двойной рельсовый путь . . . 123.000 —

Подвижной и механической составъ 61.000 —

¹⁾ Annuaire d'Es. Pol. 1867., p. 179 et suiv.

²⁾ Что еще не значить: 10—15% акціонеру, такъ какъ вышніе акціонеры купили свои акціи не по номинальной цѣнѣ.

³⁾ Въ послѣдніе годы на эту гарантію казна издержала впрочемъ только около 80 мил. франковъ. Annuaire, 180.

вѣтви своихъ линій, и когда имъ остается уже только достроить вѣтви менѣе выгодныя, для полнаго окончанія предположенной сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ — можно ожидать только уменьшенія дохода. Итакъ, не слѣдуетъ видѣть въ дивидендахъ 10—15⁰/₀, выдаваемыхъ компаніями на акцію, дѣйствительнаго дохода съ желѣзныхъ дорогъ. Очень можетъ быть, что онѣ приносили бы таковой и даже высшій доходъ, если бы ихъ не разорило то гибельное начало, изученію котораго посвященъ этотъ очеркъ — спекуляція, ажіотажъ.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на изученіи дѣйствій этого начала въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ именно потому, что Россіи, можно сказать, еще только предстоитъ значительная инициатива частной предприимчивости въ этомъ дѣлѣ. Теперь мы возвратимся къ болѣе общей характеристикѣ ажіотажа въ промышленныхъ предпріятіяхъ, характеристикѣ, которую мы должны дополнить еще нѣкоторыми чертами.

Извѣстно, что промышленныя компаніи, кромѣ акцій, составляющихъ капиталъ предпріятія, предлагаютъ публикѣ еще облигаціи. Облигаціи это — ихъ заемныя письма; акція — доля въ предпріятіи, поэтому на нее получается дохода болѣе или менѣе, смотря по результатамъ эксплуатаціи, — этотъ неопредѣленный доходъ и есть дивидендъ. Облигація есть просто — участіе въ займѣ, сдѣланномъ для предпріятія; доходъ съ облигаціи, опредѣленный при выпускѣ ея — обязательный процентъ. Заключение такихъ займовъ, само по себѣ, естественно, но при немъ являются иногда странные феномены, принадлежащіе къ самой сущности спекуляціи. Напримѣръ, когда компанія на акціяхъ, составляющихъ 100 милліоновъ, выпускаетъ, положимъ, облигацій на 50 милліоновъ — то это естественно: капиталъ въ 100 милл. служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ 50-ти милліонамъ. Но спекуляція идетъ дальше. Черезъ нѣкоторое время, та же компанія дѣлаетъ еще заемъ, выпускаетъ новыя облигаціи уже на 100 милл. Желѣзнодорожныя компаніи во Франціи всѣ выпустили облигацій на суммы большія, чѣмъ тѣ, какія представляются ихъ капиталомъ въ акціяхъ. Странно тутъ то, что владѣльцы перваго выпуска облигацій не могутъ ничего возразить, да и не возражаютъ противъ этого втораго выпуска; между тѣмъ, ихъ же обезпеченіе представляется вѣдь въ равной степени и въ обезпеченіе новыхъ займовъ. Одинъ и тотъ же капиталъ служитъ обезпеченіемъ двумъ займамъ, которые, вмѣстѣ взятые, превышаютъ его цѣнность. Это уже странно.

Не менѣе странно и то, что облигаціи обыкновенно выдаются предпочтительно тѣмъ же акціонерамъ, и тѣ охотно берутъ ихъ, видя въ этомъ предоставляемую имъ выгоду. На самомъ же дѣлѣ, можно допустить только одно изъ двухъ: 1) или облигаціи выпускаются вмѣсто увеличенія капитала новымъ количествомъ акцій потому, что выпускать облигаціи, на которыя придется платить только опредѣленный процентъ, а не долю всего дохода отъ предпріятія — выгодно для компаніи, которая такимъ образомъ, на счетъ владѣльцевъ облигацій, наживетъ бѣльшій дивидендъ на акцію; — въ такомъ случаѣ непонятно, зачѣмъ тѣ же акціонеры берутъ облигаціи? Стало быть, они хотятъ наживаться на свой же счетъ, брать барышъ съ самихъ себя; 2) или облигаціи, получающія опредѣленный процентъ, выгоднѣе самихъ акцій, имѣющихъ право на дивидендъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же акціонеры отнимаютъ у своего же предпріятія выгоду въ свою пользу?

Возьмемъ примѣры изъ того же желѣзнодорожнаго дѣла. Компанія Орлеанской желѣзной дороги имѣетъ капиталъ 60 милл. фр. Но этотъ капиталъ составилъ не 120 тысячами акцій, въ 500 фр. каждая, а изъ 80 тысячъ акцій и 20 милліоновъ полученныхъ выпускомъ облигацій. Теперь возьмемъ чистый доходъ полученный компаніею — 6.295,865 франковъ. Если бы его раздѣлить въ видѣ дивиденда на 120 т. акцій, то каждая изъ нихъ получила бы только по 52 фр. 46 сант. Но такъ какъ на 20 милліоновъ, занятыхъ посредствомъ выпуска облигацій, платится опредѣленнаго дохода всего 1.217,450 фр., то владѣльцамъ 80 тысячъ акцій приходится дѣлить между собою уже 5.078,415 франковъ, то-есть получить на каждую акцію не 52½ франка, а 63½ франка. Барышъ на каждую акцію — 11 фр. 64 сант.

Выпишемъ еще примѣръ для практическаго ознакомленія съ дѣломъ: компанія Лионской желѣзной дороги, въ 1852 году, выпустила 80 тысячъ 5% облигацій, которыя должны быть уплачены въ теченіи концессионнаго времени по цѣнѣ 1,250 франковъ каждая. Выпустили ихъ по цѣнѣ 1,050 франковъ. Поэтому случаю, отчетъ компаніи объяснилъ: «Если бы мы допустили къ подпискѣ на эти облигаціи постороннихъ лицъ, то сумма нашего займа въ 80 милліоновъ была бы значительно превзойдена. Продано 68,160 облигацій акціонерамъ. Оставшіяся непроданными имъ 11,840 облигацій мы рѣшили не продавать до 1 мая 1863 года (на сторону), иначе, какъ по цѣнѣ 1,125 фр.» Итакъ, компанія предоставляетъ выгоду своимъ акціонерамъ; имъ она даетъ облигаціи за 1,050 фр., а постороннимъ не уступаетъ дешевле 1,125 франковъ. На взятые акціонерами 68,160 облигацій это

составляеть выгоды (по 75 фр.) въ ихъ пользу 5,112,000 франковъ.

Повидимому, какая же тутъ выгода? Вѣдь акціонеры все-таки будутъ получать за свои 1,050 франковъ только 50 франковъ въ годъ и больше ничего, т. е. нѣсколько менѣе 5%. Эти 5 милліоновъ насчитываемой выгоды, которою будто-бы пользуются акціонеры — мечта. Они бы и остались мечтою, еслибы акціонеры удержали облигаціи въ своихъ рукахъ. Но въ томъ и дѣло, что все это рассчитано на ажіотажъ: акціонеры завтра же продали свои облигаціи на сторону, пользуясь тѣмъ, что подписка приостановлена, продали съ премією, быть можетъ именно по 1,125 фр., стало быть — дѣйствительно получили барыша 5 слишкомъ милліоновъ.

Выпускъ облигацій предпочитается даже требованію полной оплаты акцій. Напримѣръ, акціонеры при подпискѣ на акціи внесли 750 фр. Съ нихъ остается получить, когда понадобится то компаніи, по 250 фр. Но вмѣсто того, чтобы потребовать этой доплаты, выпускають облигаціи, которыя предоставляютъ тѣмъ же акціонерамъ. При этомъ тѣже деньги стало быть берутъ съ нихъ же; но разница большая, съ точки зрѣнія ажіотажа: акціи уже котированы давно, на нихъ не подѣлаешь новыхъ дѣлъ; а облигаціи — это новая бумага, которая тотчасъ будетъ съ премією, и этою-то премією воспользуются акціонеры, продавъ ихъ. И дѣйствительно, приведенный примѣръ взятъ изъ дѣятельности компаніи парижско-страсбургской дороги: когда она объявила подписку на 125,000 облигацій, то поступило требованій на 237,521, почти на двойное количество.

Кто же платитъ всѣ эти разницы, на кого онѣ падаютъ, въ вѣчномъ результатѣ. На менѣе ловкихъ, на менѣе опытныхъ, которые не успѣвають сбыть ихъ въ время. Все это — игра.

Спекуляція на промышленныхъ предпріятіяхъ развита во всѣхъ странахъ, гдѣ развита сама промышленность. Въ игрѣ биржевой, Парижъ занимаетъ первое мѣсто; это, такъ сказать, столица биржевой игры; но въ спекуляціи на промышленныхъ предпріятіяхъ Англія и Америка навѣрное превосходятъ Францію, потому именно, что въ двухъ первыхъ изъ названныхъ странъ, масса промышленныхъ дѣлъ значительнѣе и духъ предпріимчивости болѣе развитъ. Въ одномъ изъ сочиненій, которыя служатъ намъ источниками, приведенъ такой отзывъ «Edinburgh-Review» объ англійскихъ желѣзно-дорожныхъ компаніяхъ:

Большинство публики, — говоритъ этотъ журналъ — которая никогда не заглядываетъ въ спеціальныя газеты желѣзныхъ дорогъ и, читая газеты политическія, пропускаеть отчеты о собраніяхъ акціонеровъ, воображаетъ, что всѣ про-

дѣлки, порой получающіе широкую гласность, — не что иное, какъ исключенія, относящіяся къ фантастическимъ спекуляціямъ лихорадочной эпохи, переходной, какъ всѣ кризисы.

Общественное мнѣніе не хочетъ вѣрить, что крупныя капиталисты и вліятельныя лица, управляющіе дѣлами компаній, способны наживаться косвеннымъ образомъ насчетъ своихъ довѣрителей. Но изложеніе тайной исторіи компаній скоро разувѣрило бы простодушныхъ. Оно повазало бы имъ, какъ директора въ одной компаніи раздѣлили между собою 15 тысячъ новыхъ акцій, продававшихся съ премією, уплативъ первые взносы по этимъ акціямъ изъ наличныхъ суммъ этой же компаніи, при чемъ одинъ директоръ забралъ, такимъ образомъ, въ кассѣ общества болѣе 80,000 фунтовъ. Исторія эта рассказала бы, какъ въ другомъ обществѣ акцій на полмилліона фунтовъ были записаны подъ вымышленными именами; какъ въ третьемъ обществѣ директора имѣли болѣе акцій, чѣмъ было выпущено; какъ во многихъ компаніяхъ, директора выкупали свои собственные акціи для компаніи, расплачиваясь съ самими собою деньгами акціонеровъ. Оказалось бы, что директора компаній производятъ займы по низкому проценту на резервы текущихъ счетовъ, находящіеся въ банкахъ, и пускаютъ деньги въ оборотъ, когда курсъ высокъ; другіе производятъ себѣ содержаніе больше противу назначеннаго, относя разность на счетъ и подъ наименованіе «разныхъ издержекъ»; оказалось бы, что иногда, для полученія полномочій на мѣры сомнительныя, они представляютъ невѣрные доклады; что они употребляютъ формальную довѣренность данную имъ на одно дѣло — на дѣло совсѣмъ иное.... Директора компаній были бы уличены въ томъ, что нѣкоторые рѣшенія они исторгали посредствомъ раздачи акцій подставнымъ лицамъ, станціоннымъ начальникамъ и т. д.

Итакъ, и въ Англіи практикуется тоже, что во Франціи. Разница только въ томъ, что такъ какъ въ Англіи и Америкѣ учрежденіе компаній связано гораздо меньшими условіями, чѣмъ во Франціи, и контроль правительства надъ дѣйствіями ихъ управленій не полагается, то мало развитая масса относится къ нимъ осторожнѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ всякая компанія, разрѣшенная правительствомъ, слыветъ за *утвержденную*, то-есть какъ будто одобренную правительствомъ (какъ и у насъ). Англійское законодательство принимаетъ общую предосторожность по отношенію къ компаніямъ на акціяхъ, требуя, чтобы къ названію такихъ компаній непременно присоединялось слово «limited» (ограниченный кредитъ). Этимъ публика предупреждается, что въ такой компаніи отвѣтственность за положеніе дѣлъ падаетъ только на капиталы внесенные въ эту компанію, не касаясь прочаго имущества ея членовъ; прежде, чѣмъ имѣть съ нею дѣло — смотрите что тамъ есть, ибо это — просто сундукъ, а не торговый домъ.

Этотъ очеркъ ажіотажа, примѣнимаго къ промышленнымъ предпріятіямъ, мы заключимъ однимъ итогомъ и анекдотомъ. Итогъ этотъ краспорѣчивъ, какъ примѣръ бремени, налагаемаго на эти предпріятія эксплуатацією ихъ компаніями. Анекдотъ ха-

рактеризуетъ нравы, установившіеся въ современномъ французскомъ обществѣ подѣ влияніемъ безпощадной игры.

Въ 1866 году, шесть главныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ уплатили своимъ акціонерамъ, въ сложности, сумму 160 милліоновъ фр. ¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что предоставленіе желѣзнодорожнаго дѣла частнымъ компаніямъ, каковъ бы ни былъ вредъ нанесенный дѣлу ихъ ажіотажемъ, сильно способствовало развитію желѣзныхъ дорогъ во Франціи. Примѣры Америки и Австріи подтверждаютъ, что только частная предприимчивость и можетъ быть достаточно могущественнымъ рычагомъ для произведенія столь великихъ результатовъ. Но, при обсужденіи этого вопроса, не надо терять изъ виду и другой его стороны: эти 40 милліоновъ рублей, взимаемыхъ компаніями въ теченіи одного года съ одной изъ главныхъ, можно сказать первыхъ потребностей общества—потребности въ быстромъ, дешевомъ и удобномъ сообщеніи, не представляютъ ли явленія аномальнаго? Если бы доходъ съ затраченнаго акціонерами на желѣзныя дороги капитала въ 1.477 милліоновъ франковъ имѣлъ размѣры простой ренты (потому что онъ и есть главнымъ образомъ *только рента*, взимаемая на капиталъ при помощи монополіи и правительственныхъ субсидій), напр. 5⁰/₀, то акціонеры, т. е. капиталисты, получили бы 70 милл., а 90 милл. франковъ остались бы въ рукахъ пассажировъ и торговцевъ, за одинъ 1865 годъ, можно было бы понизить тарифы на цѣлую половину. Общество имѣло бы тогда предъ собою такое положеніе дѣлъ: 1) тарифы дешевые, на половину низшіе противъ нынѣшнихъ,—явленіе въ высшей степени благотворное; и 2) вознагражденіе капитала, помѣщеннаго въ желѣзныя дороги по 5⁰/₀, — вознагражденіе справедливое, такъ какъ, повторяемъ, доходъ акціонеровъ въ сущности также рента, преувеличиваемая только при помощи тѣхъ долгосрочныхъ концессій и тѣхъ дополнительныхъ, стѣснительныхъ для государства и общества правъ и пособій, какія предоставлены компаніямъ.

Одно можно сказать навѣрное, именно, что чрезмѣрное промедленіе сроковъ концессій—было большою ошибкою и большою несправедливостью; это были дѣла второй имперіи, которая вообще преувеличила во Франціи всѣ аномаліи современнаго экономиче-

1) Лионская	48.000,000 фр.
Сѣверная	37.500,000 >
Орлеанская	33.600,000 >
Западная	11.250,000 >
Южная	10.000,000 >
Восточная	19.160,840 >

Итого . . . . 159.410,840 фр.

скаго положенія обществъ, покровительствовала монополистамъ, создавала съ политической цѣлью преданную себѣ аристократію— аристократію денежную, и разоряла Францію.

Теперь анекдотъ ¹⁾. Одинъ ученый, совсѣмъ не свѣдущій въ «дѣлахъ», получилъ изъ провинціи отъ пріятели 8,000 фр. для выгоднѣйшаго помѣщенія. Онъ обратился за совѣтомъ къ своимъ знакомымъ и натолкнулся именно на такихъ, которые задумывали въ то время свое предпріятіе. Они взяли у него деньги и выбрали его же въ число членовъ наблюдательнаго совѣта. Дѣла компаніи оставались для него тайною; повѣрка счетовъ производилась по запискамъ доставленнымъ кассою. Итоги были всегда вѣрны. Когда ученый вздумалъ возразить противъ такого способа контроля, то друзья сказали ему: «Да это вездѣ такъ дѣлается. Развѣ ты намъ не довѣряешь?» Но вотъ прошло нѣкоторое время, и друзья говорятъ ему:

— Теперь мы съ премією; скорѣе продавай.

— Зачѣмъ я стану продавать, разсуждалъ ученый и добродушный человекъ, вы мнѣ говорили, что дѣло—вѣрное, и переимѣны курсы, происходящія по два раза въ мѣсяцъ, до меня не касаются.

— Не умничай, а дѣлай что тебѣ говорятъ.

На слѣдующемъ засѣданіи, ему запросъ:

— Ну что, продалъ? Мы всѣ ликвидировали.

— Нѣтъ, я остаюсь вѣрнымъ предпріятію.

— Ахъ, ты неосторожный человекъ! Да вѣдь акціи сошли ниже парка, онѣ падаютъ и не останавливаются въ паденіи.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Предпріятіе вѣрно или нѣтъ?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! Дѣло—пустое. Пользуйся остаткомъ тумана, который прикрываетъ его пока, и продавай во что бы то ни стало, а то все потеряешь.

Бѣдный ученый былъ пораженъ. Но такъ какъ онъ былъ въ дѣлахъ не свѣдущъ, то произнесъ такую рѣчь:

— Вы завлекли меня въ ловушку. Я виновенъ передъ акціонерами въ томъ, что довѣрился вашей честности и не исполнялъ лучше своего назначенія—наблюдателя. Совѣсть не позволяетъ мнѣ продать другимъ клочки бумаги, о которыхъ я знаю, что они не представляютъ никакой цѣнности. Я потеряю все, и возвращу своему другу деньги изъ моихъ собственныхъ средствъ. Прощайте.

«Дѣльцы — заключаетъ цитруемый нами авторъ — были сами поражены. Имъ и въ голову не пришло, что они сдѣлали просто мошенническую продѣлку; и къ геройской честности ученаго они отнеслись приговоромъ: *дуракъ!*»

У насъ въ настоящую минуту всего важнѣе имѣть полную сѣть желѣзныхъ дорогъ, для излеченія главной немощи Россіи—

¹⁾ У Дюшена.

тромаднаго пространства; для этого, конечно, мы должны обратиться къ тому могущественному рычагу, который представляется частною предприимчивостью, компаниями на акціяхъ. Но, какъ мы ни заняты теперъ исключительно мыслью о томъ, чтобы желѣзныя дороги *были*, во что бы то ни стало, — намъ не слѣдуетъ пренебрегать чужимъ опытомъ и терять изъ виду тѣхъ аномальныхъ результатовъ, къ которымъ привелъ способъ построения и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ другихъ странахъ.

Спекулятивная аристократія, какъ мы уже видѣли, и какъ увидимъ еще яснѣе на исторіи разныхъ промышленныхъ и кредитныхъ предприятий, эксплуатируетъ массу; это — настоящая феодальность, для которой работаетъ народъ, съ тѣмъ только различіемъ, что феодальный баронъ эксплуатировалъ народъ силою, а бароны финансовые ловятъ народъ на удочку спекуляціи. Въ этомъ, какъ и въ томъ случаѣ, въ спекулятивной эксплуатаціи, какъ и въ феодальномъ игѣ, дѣйствуетъ социальное недоразумѣніе, непросвѣщенность массы, отсутствіе въ ней сознанія или знанія, ощущаемый ею слѣпой страхъ, повергавшій ее къ ногамъ феодальнаго сюзерена, или еще болѣе слѣпая алчность, которая влечетъ ее подъ тотъ прессъ, которымъ спекулянтъ выжимаетъ изъ нея соки.

Какая сила разсѣяла мракъ и свергла политическое иго? Печать! Посмотримъ, что же дѣлаетъ печать во Франціи для разсѣянія тумановъ, напускаемыхъ спекулянтами, для ознакомленія общества съ механизмомъ уловокъ, ложностью счетоводства спекулянтовъ, для уясненія нелѣпности отчетовъ, представляемыхъ компаниямъ, для внушенія обществу здравыхъ экономическихъ стремленій?

За послѣдніе лѣтъ пятнадцать можно насчитать во французской литературѣ до десятка сочиненій, разоблачающихъ эту тьму и обличающихъ творцовъ этой тьмы; но не болѣе десяти.

Что же касается печати періодической, которая одна имѣетъ вліяніе на массу и одна имѣетъ возможность дѣйствовать въ этомъ отношеніи не теоретически, а практически, во-время обличая злоупотребленія и подвергая критикѣ ходъ предприятий, то она не только не исполняетъ этого назначенія, но служитъ прямо противоположной цѣли. Она — главный проводникъ обмана, она — реклама, сулящая золотыя горы, она — шутъ, бьющій въ барабанъ на повозкѣ шарлатана, который обѣщаетъ дать даромъ два леденца, если вы купите у него за десять копѣекъ мыло, которое стоитъ грошъ. Дѣло въ томъ, что газеты во Франціи принадлежать капиталистамъ-спекулянтамъ.

Этотъ фактъ обусловился прежде всего законодательствомъ,

существовавшемъ до сихъ поръ, а отчасти и теперь еще оставшимся для печати. Самое внесеніе огромнаго залога, 50,000 фр., за право издавать политическую газету, дѣлаетъ предпріятіе болѣе зависящимъ отъ капитала, чѣмъ бы было естественно. Но сверхъ того, законъ во Франціи окружилъ печатаніе газетъ и даже книгъ такими условіями, которыя дѣлали полную независимость и полную гласность совершенно немислимыми. Говорить всю правду о предпріятіяхъ, въ которыхъ участвуютъ лица вліятельныя, нельзя было; за намекомъ на что либо щекотливое въ таковыхъ дѣлахъ, слѣдовало или приглашеніе отвѣтственнаго редактора въ комитетъ по дѣламъ печати, гдѣ ему внушалось молчаніе, или даже просто записка отъ комитета съ конфиденціальнымъ сообщеніемъ: «правительство не желало бы, чтобы было говорено о спекуляціи, сдѣланной такимъ-то, или о процессѣ такого-то.» Вслѣдствіе подобнаго приглашенія газеты всѣ молчали о запрещенномъ предметѣ. Иногда, объ этомъ высказывался намекъ въ какой-нибудь газетѣ. Такъ, въ *Siècle*, 1 апрѣля 1864 года, помѣщена была статья о *пактѣ молчанія*, заключенномъ газетами съ большими компаніями подъ вліяніемъ свыше. Вліятельныя лица бѣгали куда слѣдуетъ и жаловались, или требовали наложенія молчанія на печать, подъ разными предлогами. Такъ Миресь, въ то время, когда онъ спекулировалъ на римскія желѣзныя дороги, бѣгалъ къ папскому нунцію и просилъ его исходатайствовать запретъ гласности по его процессамъ, подъ предлогомъ, что разглашеніе ихъ можетъ повредить дѣлу римскихъ дорогъ.

Иногда въ печати вдругъ появлялось опроверженіе дурныхъ слуховъ со стороны самыхъ спекулянтовъ, и тогда публика впервые находила въ газетахъ свѣдѣніе о такомъ фактѣ, который искусственнымъ путемъ избѣгнулъ гласности. Такъ, осенью 1858 года, тотъ же Миресь напечаталъ въ *Siècle* опроверженіе отъ своего имени слуховъ по его процессу съ гг. Робленомъ и Планти, и такимъ образомъ подтвердилъ существованіе такого процесса, о которомъ газета рѣшилась упомянуть только въ видѣ слуха.

Но и независимо отъ административнаго «давленія», которое теперь во Франціи утратило главное свое орудіе—предостереженія, — полной гласности не можетъ быть тамъ, гдѣ дѣйствуетъ монополія. Кружокъ можно подкупить, или если подкупить не всѣхъ его членовъ, то стальныхъ поставить въ невозможность говорить, по разнымъ отношеніямъ. А періодическая печать во Франціи, при прежнемъ законодательствѣ второй имперіи, да и при нынѣшнемъ, которое требуетъ высокихъ залоговъ, хотя и отмѣнило

«предварительное разрѣшеніе», находилась, отчасти и доселѣ находится въ положеніи монополіи. Спекулянты сами закупили себѣ газеты, такъ какъ газеты — тоже предпріятія на акціяхъ, или же скупили у нихъ финансовый отдѣлъ, или, наконецъ, задобряютъ газеты не купленные ими — присылкою издателямъ акцій въ своихъ предпріятіяхъ. Это не исключеніе, а *общее правило* во Франціи. Благодаря ему, спекулянты ту самую силу, которая должна была бы, по самому своему назначенію, держать ихъ подъ своимъ контролемъ и открывать глаза обществу, обратили въ новое, могущественное орудіе для эксплуатаціи этого общества, посредствомъ *рекламы*, т. е. обмана въ большей или меньшей степени.

Вотъ что значить стѣсненіе печати! Буржуа, который радовался, что вторая имперія «спасла общество», который побѣдоу Кавеньяка и государственнымъ переворотомъ 2 декабря окончательно успокоился насчетъ общественныхъ вопросовъ, ни во что не ставитъ унижительнаго, сдавленнаго положенія печати, а думаетъ только, какъ бы сорвать гдѣ-нибудь барышъ, — вотъ онъ-то, этотъ самый благонамѣренный гражданинъ, буржуа-приобрѣтатель, буржуа-столбъ общества, онъ-то и идетъ на удочку. Барасю не пристало жаловаться на свою судьбу, когда онъ самъ подписывалъ адреса о запрещеніи ловли щуки.

Когда Эмиль Жирарденъ вышелъ изъ газеты «Presse»¹⁾, то долю и мѣсто свое въ этой газетѣ онъ уступилъ нѣкому Милльб. Милльб — одинъ изъ самыхъ безцеремонныхъ спекулянтовъ, бывший товарищъ по дѣламъ пресловутаго Миреса, сдѣлалъ тотчасъ «Presse» органомъ и показнымъ столбомъ своихъ спекуляцій. На первой же страницѣ стали появляться объявленія въ самой шарлатанской формѣ, напр. «Achetez du Midi!» (покупайте акціи Южной дороги), которыя вошли въ поговорку во Франціи, какъ рекламы нѣкоторыхъ, болѣе мелкихъ спекулянтовъ у насъ. Официальный редакторъ Руи не стерпѣлъ наконецъ такого униженія для газеты и пересталъ помѣщать велегрѣчивые зазывы главнаго владѣльца. Возникъ процессъ, въ которомъ Милльб навивно утверждалъ, что такъ какъ онъ — главный акціонеръ, то газета должна служить ему; судъ, однако, рѣшилъ дѣло противъ него. Милльб новымъ процессомъ былъ принужденъ возвратить акціонерамъ нассаускихъ желѣзныхъ дорогъ внесенныя ими деньги, на томъ основаніи, что объявленія его по этому предпріятію судъ призналъ живыми. Тогда онъ продалъ «Presse» Солару. Впослѣдствіи ему была разрѣшена новая, еженедѣльная газета.

¹⁾ Въмѣсто которой онъ потомъ сталъ издавать «Liberté». Послѣ банкротства Миреса и Солара, «Presse» была куплена самимъ Миресомъ.

Процессы выставляютъ много примѣровъ купли газетъ спекулянтами, собственно съ цѣлью поддержки ихъ спекуляцій. Въ 1858 году, въ дѣлѣ Прѳ (Prost), который растратилъ въ два года до 8 милліоновъ денегъ, собранныхъ съ акціонеровъ, оказалось, что онъ поддерживалъ свои «дѣла» газетою «Journal du crédit public», а потомъ купилъ съ тою же цѣлью «Messager de Paris». Въ процессѣ общества наемныхъ экипажей (Petites voitures) оказалось, что администраторы Кромьё и д'Ориоль скрыли отъ акціонеровъ сумму въ 53,000 фр., на которую они купили «Courrier de Paris».

Но никто не умѣлъ такъ пользоваться печатью, какъ знаменитый Миресъ. Черезъ товарища своего, Солара, онъ господствовалъ надъ «Presse» — газетою оппозиціонною. Въ то же время, будучи главнымъ владѣльцемъ «Pays» и «Constitutionnel», онъ непосредственно господствовалъ надъ этими важными правительственными газетами. Сверхъ того, онъ самъ редактировалъ «Journal des chemins de fer», въ которомъ выхвалялъ предпріятія свои и своихъ союзниковъ и которымъ угрожалъ тѣмъ, кто думалъ обойтись безъ него. Мало того: залого демократической и — вначалѣ шестидесятыхъ годовъ — столь талантливо редактируемой Превѳ Парадолемъ, Ассоланомъ, Ганеско, газеты «Courrier du Dimanche» были поставлены банкирами Миресъ, Соларъ и К^о. Стало быть, и «Courrier du Dimanche» находился въ зависимости отъ нихъ, потому что съ ихъ стороны достаточно было бы одной угрозы взять залого обратно, для того, чтобы вынудить какую угодно уступку въ финансовыхъ статьяхъ.

Не правда-ли, назидательно? «Presse» громить вторую имперію, а «Pays» и «Constitutionnel» всѣми силами ее защищаютъ; «Courrier du Dimanche» призываетъ французовъ къ союзу со всемірною демократіею, а «Journal des Chemins de fer» громко вопіетъ противъ *нѣкоторыхъ* злоупотребленій спекуляціи. Читатели думаютъ, что эти органы принадлежатъ серьезнымъ, искреннимъ политическимъ партіямъ и ведутъ между собою войну за священные убѣжденія... Разочаруйтесь! Всѣ они принадлежатъ одному и тому же Миресу, который закупилъ нарочно органы пріятные для людей всѣхъ убѣжденій, чтобы всѣхъ ихъ сманить къ подпискѣ на его спекулятивные предпріятія. Вотъ до чего упала Франція при отсутствіи свободы: люди принциповъ, люди таланта: Превѳ-Парадолъ, Ассоланъ, Илья Реньѳ (въ «Presse»), наравнѣ съ Грангильѳомъ (Pays) и Лимейракомъ («Constitutionnel») работаютъ въ пользу настоящаго «кулака», каковъ Миресъ. Ихъ слово, ихъ совѣты народу, ихъ бойкая критика или горячее съ-

тованіе — все это въ дѣйствительности только *приманка* для покупки акцій у Миреса, рамка для его рекламы!

Послѣ банкротства, этотъ спекулянтъ долженъ былъ продать свои газеты; но когда онъ выступилъ снова съ проектомъ всемірнаго займа, газеты разныхъ мнѣній тотчасъ привѣтствовали его и запѣли ему прежніе гимны. Дюшенъ указываетъ на статьи «Constitutionnel», «Opinion Nationale» и «Siècle» въ пользу этого предпріятія, которое однакоже не разрѣшено правительствомъ.

Самихъ журналистовъ, которые видятъ лучше всѣхъ, что «вся политика — пустыя», что она бываетъ только для показа, а что настоящее дѣло — дѣло денежное, увлекаетъ спекуляція. Въ 1857 году, редакторы газеты «Union» — Спинелли и Фонтэнъ придумали основать при газетѣ банкирскую контору. «Union» — газета легитимистская, стало быть деньги ей привлечь было не трудно. Они объявили подписку на капиталъ сперва въ 200 тысячъ фр., потомъ до 600,000 фр., наконецъ довели сумму до милліона. Деньги эти Спинелли и Фонтэнъ разметали въ разныя стороны, большую часть проиграли, остальную издержали. Такъ, втеченіи всего двухъ недѣль, они проиграли на биржѣ 183,000 фр., а къ апрѣлю 1858 года потери ихъ простирались уже до 565,000 фр. Они успѣли заблаговременно бѣжать.

Но если журналисты не сами предпринимаютъ спекуляціи, то они продаютъ свой финансовый отдѣлъ спекулянту. Въ процессѣ Серра, бывшемъ въ 1862 году, открылось, что этотъ господинъ, тоже спекулировавшій на деньги дворянъ и епископовъ, купилъ финансовый отдѣлъ, столь уважаемой легитимистами и едва ли не старѣйшей во Франціи газеты: «Gazette de France», и тотъ же отдѣлъ въ газетахъ: «Ami de la Religion» ¹⁾ и «Journal des villes et des campagnes», или *смысл*

¹⁾ Представленные на судѣ контракты такъ любопытны, что мы помѣщаемъ ихъ текстъ:

1) Обязательство, подписанное издателемъ «Gazette de France» Лурдуэ: «Вслѣдствіе бывшихъ между нами переговоровъ, я соглашаюсь, чтобы положеніе, которое вамъ *присоединено* въ Gazette контрактомъ отъ... послужило вамъ для основанія банка, соглашавшись также рекомендовать непосредственно и лично этотъ, вами управляемый домъ, моимъ подписчикамъ и моимъ друзьямъ (1).

Между нами условлено, что вы и этотъ банкъ — обезпечиваете газетѣ: 1) 25% барыша въ предпріятіи (1); и 2) ежегодная плата ей въ 24,000 франковъ, которую вы обязываетесь платить помѣсячно, будетъ засчитываема въ эту долю барыша и представитъ минимш доли барыша въ пользу газеты. Въ какомъ бы положеніи ни находился дѣла означеннаго общества, уплата 24,000 фр. въ мѣсячныхъ взносахъ, впередъ остается обязательною» и т. д. Подм. Лурдуэ (Lourdoueix). Парижъ, 8 января 1858 года.

эти отдѣлы, съ платою первымъ двумъ газетамъ по 24,000 фр., а третьей по 10,000 фр. въ годъ. Итакъ, издатели этихъ газетъ (едва ли не всѣ такъ поступаютъ) не только ничего не платили за составленіе въ ихъ газетахъ статей по финансовымъ вопросамъ, положенію биржи и т. д., но еще получали за это отъ самого автора до 500 рублей въ мѣсяцъ, на одну газету! Это — одинъ изъ тѣхъ результатовъ прогресса, который конечно и въ другихъ странахъ нѣкоторыя газеты смѣкнутъ.

Итакъ, журналисты за деньги дѣлаются или прямыми участниками, или сообщниками спекуляцій. Продавшаяся газета нарекомендуетъ втеченіи года на сотни милліоновъ франковъ разорительныхъ для страны предпріятій, лишь бы воспользоваться нѣсколькими тысячами франковъ.

Но можно спросить: откуда происходитъ то трогательное единогласіе всѣхъ главныхъ газетъ, самыхъ различныхъ мнѣній и, повидимому, враждебныхъ лагерей, когда на сцену выступаетъ съ какимъ либо новымъ проектомъ каковой-нибудь Миресь? Почему вся печать до времени молчитъ о предпріятіяхъ братьевъ Перейровъ и начинаетъ говорить о нихъ только тогда, когда уже поздно предупреждать кого либо? Вѣдь не могли же эти люди приобрести всѣ газеты или формально купить во всѣхъ ихъ финансовые отдѣлы?

На этотъ вопросъ надо отвѣтить новыми примѣрами. Конечно, нельзя сдѣлаться собственникомъ всѣхъ газетъ, нельзя скупить по контракту финансовые отдѣлы всѣхъ ихъ, уже потому нельзя, что прежніе контрагенты ихъ не уступятъ. Но когда газета не предназначается специально служить такому-то предпріятію, а требуется только сочувствіе ея въ нему, или даже одно только *молчаніе* ея о его слабыхъ сторонахъ, въ такомъ случаѣ, подкупъ бываетъ дешевле и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ облекается не въ дѣловыя, а, такъ сказать, въ «граціозныя» формы. Журналистамъ разсылаются подачка въ видѣ великодушныхъ даровъ меценатовъ новѣйшаго времени. Въ этомъ отношеніи Миресь отличался особенною даровитостью и вмѣстѣ «граціозностью», съ какою онъ умѣлъ давать взятки газетчикамъ.

---

2) Контрактъ съ газетою «Ami de la Religion»: «Аббатъ Сиссанъ поручаетъ г. Серру, съ его согласіемъ, составленіе ежедневной финансовой хроникъ и ежедневнаго биржевого обозрѣнія. Сверхъ того, г. Серру предоставляется право печатать въ газетѣ разныя статьи по финансовымъ и инымъ общеполескимъ вопросамъ. Въ вознагражденіе *красотелной выгоды* (bénéfice moral) и гласности, такимъ образомъ ему предоставляемой, г. Серръ обязывается вносить въ кассу газеты ежемѣсячно, впередъ, сумму 2,000 фр., всего 24,000 фр. въ годъ. Контрактъ этотъ заключенъ на 6 лѣтъ, съ 1 марта 1860 г.»

Либеральный банкиръ Лаффиттъ, какъ извѣстно, славился покровительствомъ литературѣ тридцатыхъ годовъ. Ротшильдъ, Перейры, Миресъ и т. д. ухватились за таковой примѣръ и стали, въ свою очередь, меценатами. Была только небольшая разница. Лаффиттъ поддерживалъ свою партію или просто помогалъ несчастнымъ. Это былъ Фукэ, но Фукэ съ бѣльшимъ правомъ на такую роль относительно литературы, чѣмъ министръ Людовика XIV, потому именно, что Лаффиттъ въ людяхъ, которымъ онъ помогалъ, сочувствовалъ идеѣ и ее поддерживалъ. Новѣйшіе же меценаты сѣяли, чтобы жать, давали деньги, чтобы наживать бѣльшія деньги. Помощь, оказанная Лаффиттомъ, была просто помощью, — подарки Миреса и ему подобныхъ журналистамъ были настоящія взятки.

Сколько-нибудь вліятельнымъ журналистамъ почти всѣмъ случалось получать отъ Миреса письмо такого рода: «М. г., имѣю честь васъ увѣдомить, что я предоставилъ вамъ *столько-то* акцій *въ такомъ-то* *предпріятіи* и по вашему распоряженію (счастливецъ ровно ничего не зналъ) продалъ ихъ. Вслѣдствіе того, прошу васъ пожаловать въ мою кассу и получить вашу *разность*, которая составляетъ...»

До какой степени нравственнаго паденія дошла эта пресса, выросшая на полѣ, вспаханномъ насиліемъ, удобренномъ всѣмъ отребьемъ десятка революцій, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые «специмены» ея рѣшались открыто хвалить такое великодушіе г. Миреса и хвастаться полученіемъ отъ него даровъ, представляя самое молчаніе объ этомъ въ видѣ предразсудка, и заявленію своего продажничества придавая видъ подвига свободомыслія¹⁾.

¹⁾ Однѣмъ всю наглость, все безстыдство этихъ литературныхъ промышленниковъ можно по слѣдующей статьѣ молной (въ то время еще чисто-фельетонной) газеты «Figaro» Вильмессана. Приводимъ ее in extenso; въ ней каждое слово любо-дорого.

«Я радъ, что представляется случай поговорить со всею откровенностью о нашихъ богачахъ новѣйшаго времени и высказать отъ всего сердца все то хорошее, что я о нихъ думаю. Не слыжалъ я что-то, чтобы встарину банкиры ощущали непреодолимую потребность допускать къ участію въ новомъ барышѣ людей извѣстныхъ или только по имени (!). Но такой установился обычай тому всего нѣсколько лѣтъ. Систему распределенія милостей на литераторовъ и журналистовъ, — систему, которой держался бы Меценатъ, если бы въ его время существовали компаніи на паяхъ — любрълъ этотъ славный баронъ Ротшильдъ; къ счастью онъ на свое изобрѣтеніе не былъ привилегіи, такъ, что товарищи его по банкирству могутъ подражать ему, и за эту контрафакцію никто не будетъ въ претензіи.

«Когда было учреждено общество Сѣверной желѣзной дороги, баронъ Ротшильдъ не удовольствовался выпускомъ хорошихъ акцій, но еще пожелалъ дѣлать добрыя дѣла (bonnes actions); онъ внесъ въ свою подписную книгу писателей книжныхъ и газетныхъ, поэтовъ, авторовъ драматическихъ, всѣхъ людей остроумныхъ и талантли-

Эти «князья капитала» раздають подачки изъ денегъ обобранныхъ ими бѣдняковъ, и печать поетъ имъ хвалебные гимны. Кто былъ формально купленъ, законтрагованъ, тотъ захваливалъ предприятие и набрасывался съ бѣшенствомъ цѣпной собаки на всякаго, кому приходило въ голову заглянуть сквозь заборъ въ вертоградъ спекуляціи; остальные работали для своихъ *господъ*, но о чужихъ *господахъ* молчали потому, что и тѣ, мимоходомъ, бросали имъ по куску.

Вотъ причина единогласія прессы относительно предпріятій въ родѣ Движимаго кредита Перейровъ и общей кассы желѣзныхъ дорогъ Миреса.

Весь этотъ спертый воздухъ такъ зараженъ спекуляціею, что французское общество нашего времени въ значительной степени потеряло инстинктъ добра и зла въ отношеніи къ промышленнымъ продѣлкамъ. Когда судили Миреса, нашлось много людей, которые, не будучи заинтересованы, съ убѣжденіемъ утверждали, что къ человѣку съ такими огромными предпріятіями нельзя приѣнять тѣсной рамки обыкновенныхъ правъ добросовѣстности.

Въ комедіи «Question d'argent», одинъ изъ героевъ постоянно выдѣляетъ дѣла изъ подсудности общей морали: *les affaires sont les affaires*—вотъ отговорка безпрестанно употребляемая имъ—и едва ли отговорка эта не сдѣлалась общею *поговоркою*, выражающею духъ Франціи при второй имперіи.

ныхъ, всѣхъ тѣхъ, чьи сочиненія бросали блескъ на имена своихъ творцовъ. Дѣлалъ онъ это со всею граціозностью, всею деликатностью, тактомъ и рыцарствомъ (*gentil-homme*), какихъ слѣдовало ожидать отъ миллионщика, который, живя постоянно среди остроумнѣйшихъ людей своего времени, могъ опѣнить (!) ихъ по достоинству. Онъ раздавалъ по первоначальной цѣнѣ акціи, которыя можно было тотчасъ продать съ барышомъ; но можно было и оставить ихъ за собою и сдѣлаться такимъ образомъ компаньономъ барона; человѣкъ становился уже не только обязаннымъ барону, но и его акціонеромъ; самая ценительная гордости не могла обижаться щедростью, которая дѣйствовала съ такой вѣжливостью.

«Впоследствии, г. Миресь, когда онъ повелъ большія дѣла, сталъ подражать благородному примѣру г. Ротшильда, а гг. Перейры усвоили ту же привычку.

«И вотъ такъ-то, отъ времени до времени, на литературную стень спускается благодѣтельная манна, въ формѣ подарковъ, предлагаемыхъ деликатно, и вызванныхъ мыслью, которая ни по дѣлу, ни по приѣмамъ своимъ не можетъ обидѣть ничьей гордости.

«Что же слѣдуетъ изъ этихъ ободреній, даваемыхъ писателямъ миллионерами? А вотъ что: миллионерамъ прощаютъ ихъ миллионы за эти барскіе (*princières*) приѣмы, и зависть не смѣетъ кусать ихъ, когда ихъ охраняетъ благодарность». «Figaro», 16 décembre 1860.

И пресса не отвѣчала уничтожающимъ протестомъ на эту наивно-дерзкую апологию продажнаго писака, настоящій обвинительный актъ противъ всѣхъ лучшихъ писателей современной Франціи!

— Да что же это, наконецъ, такое — *les affaires*? спрашиваетъ другое лицо.

— «*Les affaires — c'est l'argent des autres*», отвѣчаетъ моралистъ пьесы.

Въ процессѣ Миреса, генеральный адвокатъ Сенаръ, на упомянутый доводъ въ его пользу, сказалъ: «А! вы были великодушны, говорятъ намъ; ваша рука была открыта для просителей. Да, вы рассыпали милости, но рассыпали вы деньги бѣдняковъ: деньги вотъ этого кучера, этой старой служанки, этого несчастнаго фактора, который сошелъ съ ума. Можно ли вмѣнить въ вашу пользу подобныя благодѣанія?»

Въ статьѣ, трагующей о развитіи въ современной Франціи спекуляціи и игры въ кредитныя и промышленныя цѣнности, должна занять видное мѣсто дѣятельность Общества Движимаго кредита. Дѣятельность этого Общества важна для насъ уже по тому, что это общество было однимъ изъ главныхъ спекулянтовъ и игроковъ на парижской биржѣ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ и имѣло огромное вліяніе на самыя условія игры для другихъ спекулянтовъ. Общество это «создало» нѣсколько десятковъ разныхъ цѣнностей, то-есть бумагъ, на сумму всего около *четырехъ миллиардовъ* франковъ, бумагъ, которыя были предметомъ самой отчаянной спекуляціи. Итакъ, уже сама по себѣ дѣятельность этой компаніи важна для насъ.

Но она важна для насъ еще преимущественно въ другомъ смыслѣ: она представляетъ крупнѣйшій примѣръ спекуляцій собственно-банковскихъ или кредитныхъ. О размѣрахъ, въ какихъ вращалась эта игра на бумаги, выпущенныя Движимымъ кредитомъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе уже изъ того факта, что на 21 главныхъ изъ этихъ бумагъ потеряно, по сравненію цѣнъ настоящихъ съ высшими цѣнами, до какихъ онѣ доходили въ разное время—до *1,740 милліоновъ* франковъ! Въ одни послѣдніе три года, эти цѣнности, вмѣстѣ взятая, упали на 650 милліоновъ. Вотъ, во чтѣ обоглась дѣятельность общества Движимаго кредита его участникамъ и имѣвшимъ съ нимъ дѣла.

Всѣ ли, участники общества понесли такой убытокъ, или были и такіе, которые, напротивъ, обдѣлали свои дѣла на счетъ остальныхъ—это мы увидимъ ниже, и это-то обнаружить одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ торговли кредитомъ вообще и спекуляціи въ акціонерныхъ компаніяхъ по преимуществу.

Весьма любопытно и поучительно было бы изслѣдовать, какими путями составляются громадныя личныя состоянія посред-

ствомъ спекуляціи; еслибы можно было прослѣдить, какъ образовались страшные капиталы Ротшильдовъ, Фульдовъ и другихъ князей биржи. Но предметъ этотъ такъ щекотливъ и вѣрныхъ данныхъ можетъ быть такъ мало относительно лицъ единичныхъ, сохраняющихъ дѣла свои втайнѣ, что сдѣлать подобное изслѣдованіе сколько-нибудь основательно нельзя. Другое дѣло—изслѣдовать дѣйствія администраторовъ акціонернаго общества; они все-таки принуждены къ нѣкоторой гласности, именно къ представленію годовичныхъ отчетовъ своимъ акціонерамъ.

Мы уже упоминали въ началѣ этого очерка имя братьевъ Перейровъ, имя громкое, и читателямъ, конечно, давно знакомое. Мы встрѣтили ихъ въ числѣ главныхъ денежныхъ феодаловъ современной Франціи, и видѣли, какъ они умѣютъ захватывать себѣ выгодныя и вліятельныя мѣста, монополизировать управленіе дѣлами всѣхъ главныхъ предпріятій. Мы видѣли также, какимъ почетомъ они пользуются въ официальномъ мірѣ Франціи. Теперь намъ нужно познакомиться съ двумя главными изъ этихъ пресловутыхъ братьевъ поближе, и узнать, какимъ образомъ приобрѣтаются эти скороспѣлыя, громадные капиталы, дающіе право на всѣ остальные блага.

Перейры — португальскіе евреи, давно уже поселившіеся во Франціи. Въ семействѣ ихъ прославился филологъ Хосе - Родригесъ Перейра, специалистъ въ дѣлѣ воспитанія глухонѣмыхъ.

Эмиль и Исаакъ Перейры — главные изъ знаменитыхъ братьевъ — приходятся внуками этому почтенному педагогу. Они родились въ Бордо и начали, какъ говорится, почти что съ ничѣмъ, но начали именно съ той профессіи, которая служитъ спеціальностью коммерческому генію ихъ племени: съ посредничества, малярства и куртажа по вексельной части. Еще помнать, какъ Эмиль Перейръ бѣгалъ по торговымъ кварталамъ Бордо, занимаясь учетомъ и продажей векселей. Братья Эмиль и Исаакъ переселились въ Парижъ и продолжали тамъ свое дѣло. Они — люди образованные и не оставались «внѣ движенія идей», хотя умѣли изъ всякаго движенія и обмѣна мыслей извлечь практическую пользу для себя. Такъ, они вступили въ сен-симонистскую секту, которой члены были тѣсно связаны другъ съ другомъ, и сблизились тамъ съ Мишелемъ Шевалье, Биксіо и другими извѣстными людьми, а посредствомъ ихъ и сами выдвинулись впередъ. Эмиль Перейръ сдѣлался сотрудникомъ газетъ «Globe» и «National» и сталъ вести въ нихъ финансовый отдѣлъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Участіе братьевъ Перейровъ въ основаніи первой французской желѣзной дороги ¹⁾ впервые поставило ихъ на ноги, вы-

¹⁾ Изъ Парижа въ Сен-Жерменъ; построена 1835—1837. Эта дорога, съ капита-

вело ихъ на путь финансоваго величія. Впослѣдствіи они же предприняли постройку Сѣверной дороги, затѣмъ стали принимать участіе въ разныхъ важныхъ предпріятіяхъ. Они славились какъ необыкновенно способные и изумительно-смѣлые спекулянты. Въ 1852 году, Эмиль былъ, между прочимъ, однимъ изъ директоровъ компаніи Сѣверной дороги, а Исаавъ — Ліонской.

Въ спекулятивной горячкѣ, которая проявилась съ возстановленіемъ имперіи, быстрота сдѣлокъ и расчетовъ, и многочисленность возникавшихъ предпріятій и спекуляцій—все это благопріятствовало и развитію кредита, и установленію такихъ кредитныхъ знаковъ, которые, принося постоянно, день за день, доходъ, могли бы удовлетворять потребности легкаго обращенія.

Въ это время братьямъ Перейрамъ пришла мысль основать такое общество, которое, служа банкомъ для промышленныхъ предпріятій и для биржевой спекуляціи, громадностью своихъ средствъ подчиняло бы себѣ парижскую биржу и затѣмъ могло бы произвольно распоряжаться самыми условіями биржевой спекуляціи, то-есть *играть на биржѣ навѣрняка* и въ огромныхъ размѣрахъ. Само собою разумѣется, что такой цѣли нельзя было заявить открыто. Оффиціально объявленныя цѣли Движимаго кредита были самыя благотворныя. Оно должно было служить банкомъ для промышленныхъ предпріятій, банкомъ вкладовъ, ссудъ и займовъ, финансовою компаніею, коммисіонерскимъ банкомъ для выпуска кредитныхъ цѣнностей. Вотъ какъ описывали основатели вѣрныя послѣдствія своего громаднаго дѣла: «содѣйствовать развитію національной промышленности, облегчать устройство и дѣятельность большихъ предпріятій, принимать участіе въ предпріятіяхъ уже существующихъ посредствомъ пріобрѣтенія въ нихъ акцій или подписки на ихъ облигаціи, отдавая предпочтеніе именно тѣмъ изъ предпріятій, которыя представляютъ большую общественную пользу. Во времена благосостоянія, общество должно служить руководителемъ для капиталовъ, ищущихъ производительнаго помѣщенія; въ эпохи затруднительныя — оно можетъ предоставить драгоцѣнныя средства для поддержанія труда и умѣренія кризисовъ, бывающихъ слѣдствіями внезапнаго исчезновенія съ рынка капиталовъ». Вотъ та блестящая программа, которая была заявлена публикѣ, но истинною цѣлью, какъ оказалось послѣ, было именно монополизированіе кредита и игра навѣрняка.

Понятно, что эти цѣли надо было заботливо скрыть; вотъ

ломъ въ 18½ милл. фр., была впослѣдствіи соединена съ большою сѣтью, причеиъ капиталъ ея былъ оцѣненъ уже въ 47½ милл.

почему въ уставъ общества былъ внесенъ параграфъ безусловно воспрещавшій ему *открытыя* продажи (*marchés à découvert*) и покупки на премію, т. е., какъ мы объяснили выше, именно тотъ родъ спекуляціи, который составляетъ самую сущность биржевой игры. Понятно также, что тайныхъ цѣлей, которыя мы только что назвали, основатели могли достигнуть только для себя самихъ, а не для акціонеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣли эти могли быть достигаемы только прямо въ противность уставу и тайными продѣлками, о которыхъ нельзя было даже упоминать въ отчетахъ. Общество Движимаго кредита было осуждено заранѣе на тотъ возмутительный лаконизмъ и ту дерзкую лживость отчетовъ, которыми оно въ послѣдствіи отличилось. Иначе быть не могло потому именно, что главною дѣятельностью компаніи должно было быть нѣчто постороннее дѣятельности его явной, официальной. Но при такихъ условіяхъ отсутствія гласности и тайнаго отклоненія отъ официальной задачи, съ какою же стати директора стали бы дѣлиться барышами съ акціонерами? Тотъ, кто втайнѣ отъ своего довѣрителя пускаетъ его деньги въ игру, не станетъ, да и не можетъ справедливо дѣлиться съ нимъ барышомъ. Мало того: понятно, что для достиженія своихъ тайныхъ цѣлей, основатели и директора Движимаго кредита должны были рисковать и даже жертвовать выгодами общества своимъ личнымъ, тайнымъ выгодамъ. Такъ это и случилось, и въ настоящемъ очеркѣ будетъ освѣщена преимущественно именно эта сторона дѣла, сторона, представляющая самый полный примѣръ *спекуляціи*, самое блистательное примѣненіе девиза: *les affaires—c'est l'argent des autres...*

Декретъ утверждавшій общество Движимаго кредита (*Société générale du Crédit mobilier*) былъ подписанъ 18 ноября 1852 года, по докладу бывшаго въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и торговли Персины. Въ этомъ декретѣ поставлено было обществу въ обязанность 1) каждые шесть мѣсяцовъ представлять министру, сенскому префекту, префекту полиціи, торговой парижской палатѣ и коммерческому суду по экземпляру своего балансоваго отчета (плачевные результаты дѣятельности Движимаго кредита служатъ, между прочимъ, доказательствомъ, какъ ничтожна гарантія обѣщаемая этимъ избыткомъ административнаго контроля); 2) представлять такіе же отчеты министру финансовъ, по его требованію, и періодически; 3) допускать въ свою отчетность и операціи ревизію уполномоченныхъ министра финансовъ; 4) не участвовать безъ разрѣшенія правительства въ подпискахъ на иностранныя государственныя фонды; и 5) представлять на утвержденіе правительства составъ своего правленія.

Какая роскошь бюрокративной предусмотрительности и осторожности! Но такъ какъ ясно, что вліятельными директорами должны были быть люди, одобренные правительствомъ, а въ дѣйствительности даже близкіе къ нему, то къ чему же вела вся эта роскошь контроля? Не къ тому ли, чтобы увѣрить публику въ благонадежности предпріятія.

Такъ какъ, несмотря на то, что вся Франція полнилась слухомъ о безстыдныхъ спекуляціяхъ, въ свою личную пользу, директоровъ Движимаго кредита, о спекуляціяхъ, при которыхъ они даже искусственно роняли сами курсъ акцій своего общества, а между тѣмъ администрація, несмотря на предоставленныя ей всевозможныя контрольныя права, нисколько не предупредила результатовъ дѣятельности членовъ правленія, — то нѣтъ ли основанія видѣть въ упомянутомъ декретѣ просто рекламу въ пользу компаніи близкой правительственнымъ лицамъ?

Въ уставѣ, въ числѣ основателей общества, кромѣ Перейровъ, названо было нѣсколько банкировъ, французскихъ и иностранныхъ, и нѣсколько знатныхъ лицъ. Цѣль въ уставѣ была опредѣлена въ слѣдующихъ словахъ: «содѣйствіе развитію промышленности, общественныхъ работъ и консолидація въ одинъ общій фондъ кредитныхъ цѣнностей разныхъ предпріятій.» Такимъ образомъ, движимый кредитъ долженъ былъ заниматься обширными операціями: приобрѣтать французскіе фонды, акціи и облигаціи всякихъ кредитныхъ и промышленныхъ компаній, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ, выпускать свои облигаціи на сумму равную своему активу, состоящему изъ приобрѣтенныхъ цѣнностей, продавать или закладывать эти цѣнности, принимать на комиссію и реализовать какъ правительственные займы, такъ и концессіи по общественнымъ работамъ, дѣлать ссуды подъ залогъ государственныхъ и частныхъ бумагъ и открывать текущіе счета по такимъ залогамъ или вкладамъ наличными деньгами, принимать на свою обязанность всю финансовую часть промышленныхъ компаній, то-есть получать за нихъ срочныя поступленія, уплачивать проценты или дивиденды по купонамъ ихъ обязательствъ, и принимать ихъ суммы на храненіе.

За то, кромѣ этихъ операцій, Движимому кредиту уставомъ прямо воспрещались всякія иныя, и изъ нихъ особо поименованы именно открытыя запродажи, т. е. обязательство поставить къ сроку по опредѣленной цѣнѣ такія цѣнности, которыми контрагентъ еще не владѣетъ въ минуту заключенія контракта.

Капиталь общества былъ опредѣленъ въ шестьдесятъ милліоновъ франковъ, и составлялся изъ 120 т. акцій въ 500 фр.

каждая; первоначально было выпущено только 40 т. акцій. По числу взятыхъ акцій, главные участники движимаго кредита представляются въ такомъ порядкѣ: домъ Бенуа Фульдъ и Фульдъ-Оппенгеймъ (11,445 акцій), Эмиль Перейръ (5,773 акціи), Исаакъ Перейръ (5,673 акціи), братья Маллэ (800), Биеста (750), Бенуа Фульдъ (730) ¹⁾. Для удобства спекуляціи, акціи Движимаго кредита были писаны просто на предъявителя, т. е. ихъ можно было передавать безъ всякихъ формальностей.

По уставу, изъ барышей отчислялось ежегодно: 5% со всего капитала акцій, и 5% чистаго барыша въ резервный фондъ. Остальное дѣлилось такъ, что *одна десятая* всего чистаго дохода предназначалась въ пользу директоровъ, а девять десятыхъ по акціямъ. Уставъ допускалъ возможность увеличенія компанейскаго капитала, составленнаго изъ акцій, т. е. выпускъ новыхъ акцій, сверхъ суммы 60 милліоновъ. Общество было учреждено на 99 лѣтъ.

Теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ чертахъ управленія опредѣленнаго уставомъ, чтобы показать, какъ легко было главнымъ участникамъ захватить въ свои руки безконтрольное распоряженіе громадными суммами, которыя довѣряла имъ спекуляція. Совѣтъ правленія составлялся изъ 15 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ. Но составъ перваго совѣта ²⁾, опредѣленный уже уставомъ, не могъ быть измѣняемъ ранѣе шестого года. Совѣтъ долженъ былъ назначить правленіе (*comité d'exécution*) изъ пяти членовъ, для веденія дѣлъ, подъ его руководствомъ. Общія собранія должны были состоять изъ двухъ сотъ значительнѣйшихъ акціонеровъ, которымъ списокъ составлялъ самъ совѣтъ правленія *за мѣсяцъ* до созванія собранія. Чтобы попасть въ этотъ списокъ надо было внести свои акціи въ кассу общества *за два мѣсяца* до составленія списка. Одинъ членъ собранія могъ имѣть до пяти голосовъ на свое имя и до десяти голосовъ съ довѣренностями. Смѣнять директоровъ, собранія могли только въ сроки.

Приведенныхъ нами положеній устава достаточно, чтобы по-

¹⁾ По 500 акцій взяли: римскій банкиръ Торлонія, гамбургскій банкиръ Саломонъ Гейне, кельнскій банкиръ Оппенгеймъ, герцогъ Муши, герцогъ Галліера, парижскіе банкиры баронъ Селльеръ, Эйхталь, Агирревенгоа, Миресъ и др. Въ числѣ первоначальныхъ подписчиковъ назовемъ знаменитыя имена: еще четырехъ Фульдовъ, Турнейссена, Пинаро, Лессенса.

²⁾ Въ уставѣ были поименованы, гг. Абароа, Андрэ, Биеста, Дез-Аръ, Эйхталь, В. Фульдъ, герцогъ Галліера, Гривингеръ, Маллэ, герцогъ Муши, И. Перейръ и бар. Селльеръ. Имъ было предоставлено пополнить узаконенное число членовъ, по ихъ выбору.

казать, какъ облегчено было установленіе среди Общества Движимаго кредита настоящей, безсмѣнной олигархіи, какъ удобно было искусственною раздачею акцій «обдѣлывать» составъ общихъ собраній, наконецъ, въ этихъ собраніяхъ захватывать, посредствомъ довѣренностей, большинство голосовъ, набирая ихъ по десяти для каждаго, вооружаемаго въ защиту совѣта члена.

Общество Движимаго кредита примѣнило къ своимъ дѣламъ весь запасъ искусственнаго «обдѣлыванія конституціонной востроули», какъ выражался Поль-Луи Курьё о реставраціи, запасъ значительно приумноженный во времена «отеческаго» правленія Людовика-Филиппа, — времена глубоко-развратныя, въ смыслѣ политическомъ. Въ первые годы существованія у насъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, оно преподало и намъ эти полезные уроки; и неудивительно, такъ какъ это Общество было дѣтищемъ того же самаго Движимаго кредита, выработавшаго въ себѣ образцовую парламентскую тактику, которой могъ только завидовать самъ Наполеонъ III.

Основаніе Движимаго кредита приписывали всегда не одному изобрѣтательному гению братьевъ Перейровъ. По общему мнѣнію, изъ *гораздо высшей сферы* истекла мысль основать такое финансовое предпріятіе, которое соперничало бы съ парижскимъ домомъ Ротшильдовъ, домомъ, сохранившимъ связи съ орлеанскою фамиліею. Перейры, какъ ловкіе дѣлцы, только подвернулись встать со своимъ проектомъ. Извѣстный докторъ Веронъ, въ своемъ сочиненіи «*Quatre ans de règne*» рассказываетъ, что объ утвержденіи Движимаго кредита хлопоталъ въ особенности Персинья, и что хотя всѣ министры, и во главѣ ихъ Ашиль Фульдъ, были рѣшительно противъ этого предпріятія, но императоръ согласился съ Персинья¹⁾. Что Персинья принималъ въ дѣлѣ горячее участіе, этого не оспариваетъ никто; но Айваръ замѣчаетъ, что едва ли свѣдѣнія Верона точны относительно Фульда, такъ какъ домъ Фульдовъ былъ въ числѣ главныхъ участниковъ Движимаго кредита. Но, какъ бы то ни было, для насъ важно собственно то показаніе, что совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ императора, обсуждалъ не только мысль, но весь планъ этого пред-

¹⁾ «Онъ выступилъ — говоритъ Веронъ, — горячимъ ходатаемъ за это учрежденіе, которое должно было разрушить монополію займовъ, родъ диктатуры на иностранныхъ рынкахъ и въ особенности на парижской биржѣ, принадлежавшіе одному перво-степенному, прочному, честному банкирскому дому, который однако, по мнѣнію, г. Персинья, имѣлъ тотъ недостатокъ, что сохранилъ дружбу съ однимъ изъ отъявленныхъ враговъ всенароднаго избранника. Въ Движимомъ кредитѣ, онъ видѣлъ опасную конкуренцію для этого дома.... однимъ словомъ, предполагалъ въ немъ большой *принципальскій* банкирскій домъ.»

пріятія прежде того, чѣмъ учредители его повели дѣло официальнымъ путемъ. Солидарность высшихъ сферъ съ Движимымъ кредитомъ, а стало быть и доля ихъ нравственной отвѣтственности за результаты его дѣятельности не могутъ подлежать сомнѣнію.

Акціи Движимаго кредита появились на парижской биржѣ съ самаго начала, какъ нѣкая буря или водоворотъ, которыхъ измѣненій нельзя предвидѣть и которыя обѣщали или почти мгновенное обогащеніе или гибель, такъ внезапны и сильны были измѣненія курса этихъ акцій въ каждый биржевой день. Еще до выпуска ихъ, самыя промессы на акціи Движимаго кредита продавались по 995 фр., 1,100 фр., возвышались или падали ежедневно на нѣсколько десятковъ и даже болѣе сотни франковъ, наконецъ достигли даже баснословной цѣны 2,110 франковъ. 2,110 франковъ за акцію, по которой было внесено всего 100 франковъ при подпискѣ!

При самомъ появленіи акцій Движимаго кредита на биржѣ, онѣ вызвали нѣчто въ родѣ той горячки, которою ознаменовалось время Лоу. Нѣсколько спекулянтовъ вдругъ нажили большіе капиталы, другіе потеряли милліоны, такъ сильны и внезапны были измѣненія въ курсѣ этихъ акцій. Въ биржевой бюллетенѣ онѣ были внесены въ первый разъ 23 ноября 1852 года, и первый курсъ ихъ былъ 1,100 фр. Затѣмъ, онѣ пошли возвышаться и падать такъ, что, напр., въ промежутковъ между двумя биржевыми днями, возвышеніе было на 315 франк. Съ конца ноября до 1 января 1853 года, цѣна акцій поднималась до 1,785 фр. и падала до 830 фр. Вотъ въ какихъ отдаленныхъ предѣлахъ происходила здѣсь игра: на ста акціяхъ можно было въ одинъ день потерять 100 тысячъ франковъ! Для массы спекулянтовъ это была настоящая игра, игра еще болѣе азартная, чѣмъ рулетка, потому именно, что ставка здѣсь была неопредѣленна, и проигрышъ или выигрышъ могли быть вдвое противъ нарицательной цѣны акцій.

Кто могъ предвидѣть эти ежедневныя, быстрыя и сильныя колебанія, кто могъ разсчитывать шансы хоть съ какою-нибудь увѣренностью? Никто, кромѣ самихъ участниковъ предпріятія. Они одни были посвящены въ ходъ дѣла, они одни предвидѣли измѣненія, могли даже *дѣлать* ихъ сами; однимъ словомъ, они играли навѣрняка.

Что касается до положенія дѣла самаго Общества при концѣ года, то надо замѣтить, что при курсѣ акціи въ 1,000 фр., оно на каждую было въ барышѣ на 500 фр. На весь акціонерный капиталъ это составило бы 60 милліоновъ фр. барыша; на курсъ

1,500 фр. (курсъ, какъ мы видѣли, бывалъ и выше), барышъ составилъ бы 120 милл.

Будущность Движимаго кредита, очевидно, была обречена на жестокую, многообразную спекуляцію, которая и составляла тайную цѣль его основателей. Но прежде, чѣмъ продолжать исторію этого учрежденія, мы должны различить въ самыхъ тѣхъ цѣляхъ предпріятія, которыя заявлялись отерты, двѣ главныя: во-первыхъ, оно должно было централизовать въ себѣ финансовыя обороты большихъ компаній, преимущественно же компаній желѣзныхъ дорогъ; во-вторыхъ — создать и ввести въ обращеніе новый обмѣнный кредитный знакъ, новую кредитную монету, которая, принося ежедневно доходъ, въ тоже время находилась бы постоянно въ обращеніи. Вотъ эта-то вторая цѣль наиболѣе занимала основателей Движимаго кредита; имъ хотѣлось прибрать къ рукамъ всѣ лежація временно безъ употребленія суммы компаній и частныхъ лицъ, всѣ даже мелкія сбереженія таеъ-называемыхъ «штатулочныхъ хозяевъ».

Итакъ, Движимый кредитъ долженъ былъ служить банкомъ съ кредитными, мѣновыми билетами, которые были бы обезпечены не векселями — какъ то существуетъ въ правительственныхъ и коммерческихъ банкахъ — а государственными фондами и бумагами акціонерныхъ обществъ. Чтобы усвоить этимъ билетамъ полное значеніе мѣновыхъ, предполагалось установить для нихъ размѣнную кассу, съ тѣмъ только, чтобы размѣнъ, т. е. уплата по нимъ звонкою монетою, производилась не по предъявленіи, а въ опредѣленные сроки. Какая заманчивая мысль: ассигнаціи, подлежація размѣну и приносяція доходъ ежедневный ¹⁾! Основатели Движимаго кредита чрезвычайно дорожили этой мыслью о «карманной сберегательной кассѣ».

Осуществленіе этой мысли привлекло бы въ распоряженіе директоровъ суммы волосальныя, сбереженія всей Франціи, Движимый кредитъ сдѣлался бы ассигнаціоннымъ банкомъ. Что основатели имѣли въ виду эту мысль съ самаго начала, и что правительство не имѣло ничего противъ осуществленія ея ими, — это доказывается громадною непропорціональною дозволеннымъ уставомъ выпуска облигацій общества, въ сравненіи съ его акціонернымъ капиталомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Обществу предоставлено было выпустить облигацій на сумму *въ десять разъ* болѣшую противъ его акціонернаго капитала. Такимъ образомъ, когда

¹⁾ Эта остроумная мысль принадлежитъ Эмилю Жирардену. Ею воспользовались основатели «Лионскаго кредита». Они выпустили билеты на предъявителя, и умлачаемые по предъявленіи, приносящіе 1 сантимъ дохода на 100 фр. въ день, тс-естъ 8 фр. 65 савт. процентовъ въ годъ.

былъ бы реализованъ весь акціонерный капиталъ 60 милл. фр., то облигацій Движимаго кредита могло быть выпущено на 600 милл. фр. Заемъ, въ десять разъ превышающій обезпеченіе!

Но въ 1853 году, капиталъ Движимаго кредита составлялъ еще только 30 милл. ¹⁾. Первая серія облигацій была уже выпущена, но такъ какъ по уставу итогъ облигацій вмѣстѣ съ итогомъ текущихъ счетовъ не могъ превышать двойной суммы реализованнаго акціонернаго капитала, а уже однихъ текущихъ счетовъ было въ это время открыто на 60 милл., то пришлось даже выкупить часть уже выпущенныхъ облигацій. Сверхъ того, акціонеры отнеслись неблагопріятно къ проекту «карманной сберегательной кассы», и основатели Движимаго кредита должны были отложить осуществленіе своей мысли, объясняя встрѣченное ими затрудненіе тѣмъ, что финансовое воспитаніе страны еще слишкомъ «незрѣло» ²⁾.

Въ теченіи 1853 года, Движимый кредитъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 90—95 милл. фр., для оборотовъ. Онъ оказалъ содѣйствіе учрежденію земельного кредита, принявъ сильное участіе въ подписаніи на выпущенныя имъ облигаціи, участвовалъ въ операціи слитія трехъ линій желѣзныхъ дорогъ, взялъ на себя заемъ центральной дороги (Grand central) и вступилъ въ сношенія съ разными другими желѣзнодорожными компаніями; южная и центральная дороги поручили ему свои кассы, уплату своихъ дивидендовъ, реализацію займовъ и т. д. Отъ компаній силезскихъ рудниковъ и другихъ Обществъ онъ получилъ также подобныя порученія, дѣлалъ ссуды, участвовалъ въ основаніи дармштадтскаго банка и проч.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ операцій, входившихъ въ официальную его программу, не занимался ли Движимый кредитъ спекуляціями иного рода? Въ отчетѣ за 1853 годъ, представленномъ въ 1854 году, есть такое разсужденіе: «когда средства Движимаго кредита получаютъ все то развитіе, которое опредѣлено въ уставѣ, то конечнымъ результатомъ нашихъ операцій будетъ, за исключеніемъ дохода съ капитала, — разность въ процентѣ платимомъ нами по нашимъ займамъ и полученномъ нами съ помещенія нашихъ капиталовъ. Тогда измѣненія курса не бу-

¹⁾ Въ теченіи 1853 г., акціи Движимаго кредита были еще оплачены только 250-ю фр. Дополнительный взносъ 250 фр. былъ потребованъ уже только въ концѣ декабря 1853 года.

²⁾ Уставъ опредѣлялъ, чтобы наименьшій срокъ облигацій былъ 40 дней; директоры предлагали ходатайствовать объ отиженіи этого пункта; они хотѣли выпустить оборотные билеты въ видѣ ликвидаціонныхъ облигацій, по которымъ сроки платежей были бы по 15 дней, т. е. соответствовали бы биржевымъ ликвидаціямъ.

дуть важны для насъ, такъ какъ наши выгоды будутъ составлятьсѣ изъ доходовъ, а не изъ колебаній въ цѣнности самого капитала. Но до того времени, мы не могли пренебрегать *разностями*, какія представлялись намъ по такимъ употребленіямъ капитала, которыя не имѣли еще характера окончательныхъ помѣщеній». Спрашивается, какія же назначенія капиталовъ директоры считали окончательными и какія только временными? Здѣсь уже открыто поле для предположеній, что окончательными записывались на Общество тѣ операціи, которыя не принесли выгоды, а тѣ, на которыхъ директоры наживались, считались временными... Сверхъ того, отчетъ не упоминалъ, какимъ образомъ *разности* были собираемы Обществомъ: не посредствомъ ли запрещенныхъ биржевыхъ сдѣлокъ? Наконецъ, въ отчетѣ не упоминалось и того, какъ распредѣлялись эти разности по разнымъ счетамъ Общества ¹⁾.

Отчетъ не упоминалъ и объ операціи съ дармштадскимъ банкомъ, не упоминалъ и о концессіи центральной желѣзной дороги, хотя акціи перваго изъ этихъ предпріятій продавались съ 100 фр. преміи, а втораго съ 93 фр. преміи. Должно быть, операціи съ ними Движимаго кредита, именно потому, что давали до 100 фр. преміи, и не были причтены къ числу «окончательныхъ» помѣщеній капиталовъ, по которымъ слѣдовало бы дѣлиться барышами съ акціонерами по уставу, а не по произволу.

Дѣла съ центральною желѣзною дорогою были поводомъ къ вступленію въ совѣтъ Движимаго кредита герцога Мори ²⁾.

Гласныя биржевыя операціи Движимаго кредита заключались въ ссудахъ на отсрочку (reports). Мы уже объяснили выше, что для большого капитала, это самое выгодное и самое вѣрное помѣщеніе. Движимый кредитъ употреблялъ на эту операцію громадныя суммы, получаемыя имъ по текущимъ счетамъ.

Такихъ суммъ, въ теченіи 1853 года, поступило въ общество болѣе 147 милліоновъ фр. и вотъ онѣ-то и доставляли громадныя барыши при отдачѣ на репортированіе, обстоятельство, ко-

¹⁾ «Но—замѣчаетъ по этому поводу Айкаръ — въ то время на такія мелочи не смотрѣли; акціонеровъ занимало только одно: количество дивиденда. Они читали въ концѣ отчета мѣсто, въ которомъ говорилось о количествѣ дивиденда и времени уплаты... и затѣмъ, успокоивались. Такъ ныне читатели прямо обращаются въ романахъ къ послѣднимъ страницамъ: они хотятъ знать только развязку.» Что во Франціи было, то у насъ есть.

²⁾ Президентомъ совѣта общества былъ Бенуа Фульдъ, но болѣзнь заставила его выйти, и 1858 году онъ умеръ; замѣненъ онъ не былъ втеченіи 1854 года; вице-президентами были Исаакъ Перейръ и Шарль Малле.

торое не осталось безъ вліянія на пониженіе самаго процента репортажа на биржѣ.

Результаты операцій Движимаго кредита въ 1853 г. были:

Выдано акціонерамъ . .	4.830,000	фр.
Отчислено въ резервъ .	179,708	—
Выдано директорамъ . .	341,445	—

Но цѣны акцій его уже были гораздо ниже существовавшихъ въ первые мѣсяцы выпуска ¹⁾. Это зависѣло не столько отъ реакціи собственно противъ первоначальныхъ преувеличеній достоинства акцій Движимаго кредита, сколько отъ реакціи курсовъ вообще. Со времени государственнаго переворота и до провозглашенія имперіи, курсы все повышались; биржа, такъ сказать, учитывала впередъ грядущіе годы спокойствія. Но по провозглашеніи имперіи учитывать уже было болѣе нечего; должна была естественно послѣдовать реакція по всѣмъ кредитнымъ цѣностямъ, которыя всѣ, начиная съ ренты, а въ особенности бумаги желѣзно-дорожныхъ компаній были доведены до крайнихъ предѣловъ дороговизны, пробудившеюся въ 1852 году горячкою спекуляціи. Паденію курсовъ содѣйствовали и политическія обстоятельства: крымская война 1853 и 1854 годовъ.

При заключеніи счетовъ за 1853 годъ, въ апрѣлѣ 1854 г., дивидендъ былъ опредѣленъ въ 25 фр. на акцію. Считая проценты на капиталъ и дивидендъ, акціонеры Движимаго кредита получили: 1-го іюля 1853 — 6 фр. 25 сент.; 1 января 1854 г.—9 фр., да 1 іюля 1854 года—25 фр., всего 40 фр. 25 сент. процентовъ и дивиденда. Такъ какъ, втеченіи года, взносы на акцію составили по 300 фр., то съ этого капитала, стало быть, было получено чистаго дохода 13,40%.

Новый періодъ повышенія дѣлъ Общества насталъ не ранѣе 1855 года, который, какъ мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ, былъ апогеемъ и для дѣятельности Движимаго кредита.

---

¹⁾ Въ теченіи 1853 года курсъ акцій не превзошелъ 1000 фр.; низшая цѣна была даже 640 фр. Разность 320 фр. Итакъ, сильныя колебанія оставались отличительною чертою бумагъ Движимаго кредита, и упорчивали за ними значеніе по преимуществу спекулятивнаго, рискованнаго помѣщенія капиталовъ. Айкаръ высчитываетъ, по намѣненіямъ курса, что еслибы какой либо спекулянтъ на акціи Движимаго кредита постоянно въ 1853 году покупалъ по низшимъ цѣнамъ, а продавалъ по высшимъ, то въ теченіи года, онъ выигралъ бы на 100 акціяхъ 162,250 фр., а на 1000 акціяхъ—1.622,500 фр.

С О Н Ъ

БАБУШКИ и ВНУЧКИ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Лѣтъ шесть тому назадъ, около центра Москвы, стоялъ небольшой каменный домъ Екатерининскихъ временъ между церковнымъ погостомъ и широко-раскинувшимся запущеннымъ садомъ. Домъ этотъ смотрѣлъ дряхло, почти угрюмо. Видно было съ перваго взгляда, что хозяйева, запуганные поправками, которыя не обошлись бы безъ большихъ издержекъ, не рѣшились въ немъ приступить, махнули рукой и успокоились на мысли, что «по ихъ вѣкъ станеть».

Въ ту пору, когда начинается мой разсказъ, наружная штукатурка дома мѣстами обвалилась; первобытный цвѣтъ крыши такъ поружѣлъ, что трудно было его опредѣлить; ржавчина пробила повсюду, а на каменныхъ ступеняхъ крыльца образовались трещины, которыя заросли травой въ лѣтнее время.

Полночь давно пробила и въ домѣ наступило сонное царство; — войдемъ. Изъ передней, обставленной по старинному обычаю, за лавками, ходъ въ залу или такъ-называемую столовую, освѣщенную рядомъ оконъ, обращенныхъ на дворъ. Напротивъ оконъ, посреди внутренней стѣны, отворена дверь въ гостиную. Здѣсь такъ темно, что лишь съ трудомъ можно разглядѣть портретъ Екатерины II, испещренный тѣнью голыхъ, покрытыхъ инеемъ и освѣщенныхъ мѣсячными лучами, садовыхъ деревь. На право

другая, непритворенная дверь выходитъ въ слабо освѣщенную спальню. Въ спальнѣ горитъ лампада, зажженная передъ угольнымъ кіотомъ. Черные либы угодниковъ, ихъ длинныя и сухія руки рѣзко отдѣляются отъ золотыхъ ризъ и вѣнчиковъ, украшенныхъ драгоценными каменьями и тщательно вычищенныхъ въ празднику.

Глубокій смыслъ сокрытъ въ этихъ суровыхъ изображеніяхъ, умышленно отбросившихъ яркіе тоны и всѣ линіи, ласкающія глазъ. Въ вѣка апостольскіе достоинство иконописца обуславливалось не мастерствомъ его, а степенью его просвѣтленія. Древнѣйшія изображенія, оставленныя въ катакомбахъ, начерчены не художниками, а мучениками аскетами, которымъ не было дѣла до совершенства линій. Живопись была не цѣлью ихъ жизни, а выраженіемъ ея праведности; они жертвовали красотой, даже естественностью земныхъ формъ для того, чтобы въ несложныхъ линіяхъ, со всевозможной абстрактностью передать прочувствованный ими идеалъ неземного величія, простоты и кротости.

Написать икону считалось у насъ въ старину подвигомъ благочестія. Задумавъ дѣло, мастеръ шелъ за благословеніемъ къ своему духовному отцу, который, въ знакъ непосредственнаго участія церкви въ благомъ предпріятіи, самъ веолачивалъ гвоздь въ заготовленную доску; тогда мастеръ оставлялъ всякое мірское занятіе, налагалъ на себя постъ и молитву для освященія мысли, и принимался за работу. Такимъ образомъ, понятія о святости соединились не только съ предметомъ изображенія, но и съ условными формами письма и съ самымъ происхожденіемъ древней иконы. Она оставалась въ церкви или становилась семейнымъ достояніемъ, и обруженная трогательными легендами, переходила въ дальнія поколѣнія...

Много такихъ легендъ переданныхъ изустно бабушками и дѣдами знала Маргарита Борисовна Полибина, хозяйка стариннаго дома. Давно повинула она свѣтъ, и по долгимъ часамъ утромъ и вечеромъ молилась своимъ чудотворнымъ иконамъ. На утро Рождества Христова, Маргарита Борисовна засвѣтила передъ образами лампаду, которая слабо освѣщаетъ комнату. Можно однако разглядѣть довольно грубыя фрески, изображающія болотистый тростникъ, въ которомъ стоитъ охотникъ съ ружьемъ на плечѣ. Взглядъ невольно останавливался на каждомъ предметѣ, потому что каждый предметъ довершалъ собой незатѣйливое убранство горницы; но любопытство было въ особенности возбуждено портретомъ мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ.

Этотъ портретъ, написанный пастелемъ и обрамленный золотымъ медальономъ, висѣлъ противъ кіота, и свѣтъ лампы раз-

ливался янтарнымъ отливомъ на вызолоченной рамѣ. Должно быть ее недавно поновили, но видно, что живопись осталась нетронута. На лицѣ поблекли краски какъ на комнатномъ цвѣтѣ, и одинъ только очеркъ необыкновенно благородныхъ линий не пострадалъ отъ времени.

Въ наши дни портретъ утратилъ свою цѣнность. Дорого то, что добывается съ трудомъ, и будущія поколѣнія будутъ холодно разсматривать мертвыя и болѣею частью изуродованныя фотографическія изображенія предковъ. Не даромъ же старинный портретъ намъ представляется связанный съ поэтическимъ преданіемъ; не разъ передъ нимъ —

Утѣшилась безмолвная печаль
И рѣзвая задумалась радость...

Кровать Маргариты Борисовны упиралась въ жарко натопленную лежанку, а вдоль другой стѣны стоялъ диванъ современнаго фасона, и на немъ спала молодая дѣвушка. Около дивана лежали на столикѣ ея кольца и возвышалось восковое, неопредѣленной формы изображеніе. Съ вечера она топила воскъ, и по ея словамъ онъ изображалъ брачный вѣнецъ надъ прихотливыми фигурами, застывшими въ водѣ.

Бабушка и внучка долго и дружелюбно бесѣдовали, ложась спать. Еля (такъ звали внучку) спрашивала, какъ это въ старину, по родительскому приказанію, сватали невѣсту за незнакомца? А Маргарита Борисовна рассказала какъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, ее самою нарядили въ новое платье, причесали, нарумянили, и велѣли ждать Полибина, котораго она видала мелькомъ и даже съ нимъ не говорила. Онъ явился уже нареченнымъ женихомъ; она заплакала и прикинулась дурочкой, чтобъ ему не понравиться; — но, не смотря на то, понравилась и вышла за него. За то тяжело и сказалась ей супружеская жизнь.

— Бабушка, я бы на вашемъ мѣстѣ другого полюбила, замѣтила Еля.

— Что ты это говоришь?! Спаси тебя Богъ отъ такого грѣха! возразила бабушка. Развѣ ты думаешь легко полюбить другого?...

— Легко не легко, — а можетъ случиться, если выйдешь замужъ безъ любви. Вы, конечно, дѣло другое... вы святая.

— Святая?... Святая?... повторила Маргарита Борисовна. А кто это тебѣ сказалъ?... Съ чего ты это взяла, что я святая?.. Не повторяй ты мнѣ этого слова, ради самого Бога, не повторяй. А сама не наклеивай на себя бѣду. Вотъ выйдешь замужъ — поймешь, легко ли полюбить другого! Ну, ложись-ка, ложись, пора спать.

Еля раздѣлась и легла.

«Я-то за святую прослыла?.. Господи! согрѣшила я передъ тобой и передъ своей совѣстью, но ее спаси отъ грѣха», прошептала Маргарита Борисовна, перебирая четки, составленныя изъ богородицыныхъ слезокъ. Она закрыла глаза и задремала съ четками въ руку.

Но въ ея головѣ все еще бродили послѣднія слова Ели. «Оборони ее, Боже, отъ грѣха, думалось Маргаритѣ Борисовнѣ. А долго ли до грѣха?..»

Вотъ ей въ дремотѣ приснился монахъ; онъ подаль ей просфору, а она узнала въ немъ своего духовника, хотя онъ даже на ея духовника и не былъ похожъ. Приснилась ей и Еля, но и монахъ и Еля исчезли какъ тѣни, оставляя по себѣ двѣ черныя точки. Маргарита Борисовна открыла на минуту глаза и опять заснула.

И слышитъ она, что Еля ей говоритъ: «бабушка, къ вамъ гость идетъ». Маргарита Борисовна заторопилась, хотѣла сойти съ постели, чтобъ принять гостя, — а между тѣмъ гость уже вошелъ въ ея горницу...

Онъ былъ блѣденъ, блѣденъ какъ постель, висѣвшій на стѣнѣ, и одежда на немъ вся истлѣла.

— Ты меня не ожидала? спросилъ онъ. Я къ тебѣ и во снѣ не приходилъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ.

Онъ оглянулся и прибавилъ: «Здѣсь ничто неизмѣнилось... Боже мой! эта комната сохранила свой прежній видъ!»

Маргарита Борисовна всплеснула руками и проговорила:

— Голубчикъ мой! какъ ты это изъ гроба вышелъ?

— Я ужъ въ гробъ не возвращусь, отвѣчалъ онъ. Ты замолила и мои, и свои грѣхи. Богъ слезки считаетъ, богородицыны слезки... Завтра я тебѣ просвиру пришлю... А самъ за тобой скоро приду, и мы уже не разстанемся...

Онъ протянулъ къ ней руки... Маргарита Борисовна хотѣла за нихъ ухватиться, но онѣ были прозрачны какъ воздухъ.

Она проснулась и не скоро могла придти въ себя. «Завтра я тебѣ просвиру пришлю, повторяла она, озираясь кругомъ. Богъ слезки считаетъ... я скоро за тобой приду»...

И ей казалось, что прозрачныя руки простираются къ ней; эти руки она точно видитъ, ужъ не во снѣ, а на яву, и неопредѣленный, блѣдный обликъ, какъ мерцающая звѣзда, еще не успѣлъ исчезнуть...

Вдругъ Еля вскрикнула.

Ей приснилось, что она зашла въ незнакомый домъ, раздѣ-

ленный на безчисленное множество пустыхъ комнатъ, въ которыхъ она бродила какъ въ лабиринтъ.

«Какъ же я отсюда выйду?» думаетъ со страхомъ Еля; — и вдругъ у окна показывается лицо съ широкой бородой и огромными сѣрыми глазами, и во всю ширину этихъ глазъ смотритъ на Елю. Еля вспоминаетъ, что она полуодѣта, и бросается въ другую комнату, — но бородатая голова ее преслѣдуетъ и показывается, то у одного окна, то у другого. Она дрожить всѣмъ тѣломъ и ищетъ глазами диванъ, ширмы, шкафъ, за который могла бы укрыться, но передъ ней однѣ голыя стѣны.

Въ домѣ все пусто и засорено, словно постояльцы только-что выѣхали. Еля начинаетъ рыдать, обернувшись спиной къ окнамъ... Но вотъ чей-то голосъ вдали окликнулъ ее по имени: она встрепетулась и, не смѣя оглянуться, бросилась въ ту сторону, гдѣ раздался голосъ; вдругъ передъ ней, словно изъ земли вырастаетъ, огромная лѣстница: надъ ней мелькаетъ синее небо и на верхней ступенькѣ, отдѣляясь на воздушномъ фонѣ, обрисовывается во весь ростъ фигура молодого человѣка. Увидавъ Елю, онъ простираетъ къ ней свои объятія. «Еля!» повторяетъ онъ.

Еля къ нему рванулась, но ноги подъ ней подкосились, и она упала со страшной высоты на-земь и вскрикнула.

— Еля, Еля! что съ тобой? спросила Маргарита Борисовна, подходя къ ея постели.

— Бабушка, я васъ испугала? отвѣчала Еля, сбрасывая съ себя одѣяло... Ахъ, бабушка, я видѣла, что я упала... я зажгу свѣчу... такъ жарко!

Она отыскала спички, комната мигомъ освѣтилась. Еля опустила голову на подушку; но долго ей грезились простертые къ ней объятія и долго тревожный сонъ не смыкалъ ея глазъ.

А Маргаритѣ Борисовнѣ и заснуть не хотѣлось. Она думала о чудномъ снѣ и давнымъ-давно не испытывала такого успокоительнаго чувства. Взоръ ея съ неописанно-яснымъ выраженіемъ благодарности останавливался на портретѣ и переносился на образа.

«Одинъ Богъ могъ прислать такого гостя и съ такою вѣстью», думала она. «Милосердый Боже! ты простилъ грѣхъ моей юности и скоро насъ соединишь!.....» и слезы радости выступали на ея глазахъ....

II.

Утромъ Маргарита Борисовна вернулась отъ обѣдни въ одиннадцатомъ часу и устроилась съ Елей въ гостиной за чайнымъ столомъ. Она надѣла праздничную блузу синяго цвѣта и чепчикъ съ бѣлыми лентами, который придавалъ ея лицу восковую бѣлизну. Ей было подъ, шестьдесятъ лѣтъ, но миниатюрный станъ ея не сгорбился, каштановые волосы не совсѣмъ посѣдѣли; черты лица, измѣнившись съ годами, сохранили прежнее прекрасное выраженіе. Не года, а свойства человѣка измѣняютъ выраженіе его лица. Голубые глаза Маргариты Борисовны глядѣли также бархатно, какъ въ молодости, и всякое мимолетное впечатлѣніе отражалось на ея подвижной физиономіи. Житейскія испытанія, пощадившія наружность Маргариты Борисовны, не состарили ее и нравственно. Ей довелось оплакивать разомъ и любимаго человѣка, и грѣшную свою любовь, оставшуюся тайной для свѣта. Какъ большая часть своихъ сверстницъ, она получила воспитаніе полу - боярское, полу-европейское; ее убаюкивали пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ, сказки няни, а между тѣмъ французскому языку и свѣтлости ее обучала чопорная французенка - эмигрантка. Эти разнородные элементы выработали однако прекрасную личность, въ которой соединялась патриархальность съ женской граціей; но воспитаніе и обстоятельства удалили ее съ ранней молодости отъ всего житейскаго, практическаго: до самой старости Маргарита Борисовна плохо знала людей, а въ хозяйки и вовсе не годилась. При жизни мужа она не только не входила въ дѣла, но едва ли могла опредѣлить сумму своихъ доходовъ; овдовѣвъ, она ввѣрилась управляющимъ, которые безбожно пользовались ея невѣжествомъ въ хозяйствѣ и вели ее прямымъ путемъ къ разоренію, чего она и не подозрѣвала. Правда, носились слухи, что у ней лежатъ деньги въ опекуномъ совѣтѣ, но объ этихъ деньгахъ Маргарита Борисовна никогда не говорила и молчаніемъ своимъ опровергала догадки людей, привыкшихъ судить вкривь и ввошь о чужихъ дѣлахъ. Лишнихъ расходовъ она себѣ не позволяла—въ этомъ свидѣтельствовалъ приходившій въ упадокъ старинный ея домъ. Въ ненастные осенніе и зимніе дни безпощадно несло въ поли и въ окна; штофъ на мебели и занавѣсахъ не только слинялъ, но мѣстами истлѣлъ, а потолоки истрескались. Несмотря на эти признаки разрушенія, комнаты не наводили унынія; онѣ были оживлены предметами, уцѣлѣвшими отъ прежней роскоши и уцѣлѣвшими должно быть отъ того, что Маргарита Борисовна не подозрѣвала ихъ цѣнности. Тамъ, портретъ Екатерины, напи-

санный Боровиковскимъ, и по обѣимъ сторонамъ параллельныхъ дверей огромныя японскія вазы на пьедесталахъ стоили нѣсколькихъ тысячъ; зеркала, висѣвшія надъ диванами въ старинныхъ, превосходной рѣзбы, рамахъ, на глазъ знатока стоили также большихъ денегъ; — но рядомъ съ этими остатками роскоши стояла мебель разрозненная, а ковры, разостланные около дивановъ для защиты отъ простуды, были куплены въ рядахъ и къ тому же порядкомъ протерлись.

Ровесники стариннаго дома, садовыя деревья такъ густо разрослись возлѣ оконъ, что въ самый полдень солнечные лучи скупо проникали въ комнаты; это отсутствіе свѣта придавало всему дому нѣкоторую мрачность, но зато въ лѣтнюю ночь, когда деревья шумѣли своими безчисленными листьями около открытыхъ рамъ и такія же безчисленныя звѣзды мелькали между листьевъ, — воображеніе невольно увлекалось и вамъ вспоминался стихъ:

«Qu'avez-vous vu, Sylvain, quand vous étiez heureux?»

У Маргариты Борисовны не было дѣтей, но она взяла на свое попеченіе Елю, внучку своей единственной и давно умершей сестры, неприютную круглую сироту, на шестнадцатомъ году попавшую въ домъ своей бабушки.

— Бабушка, какой сонъ я видѣла! сказала Еля, разливая чай. Будто меня преслѣдуетъ незнакомый челоуѣкъ, и такой страшный. Глаза на выкатъ и съ огромной бородой. Чтѣбъ это значило?

— Мало ли чтѣ иногда приснится! отвѣчала Маргарита Борисовна. Молодое воображеніе и во снѣ играетъ. Но зато иные сны Богъ посылаетъ. Иной сонъ такъ утѣшить, что имѣ, кажется, проживешь до конца жизни!

— Ахъ нѣтъ, бабушка, сномъ не проживешь, возразила Еля, вздохнувъ.

Маргарита Борисовна улыбнулась. Она въ этотъ день смотрѣла особенно спокойно и свѣтло — ей хотѣлось всякому улыбнуться.

— Ты — дѣло другое, сказала она. Можетъ быть, Господь Богъ и тебя обрадуетъ сегодня, и Глѣбъ пріѣдетъ съ хорошей вѣстью.

Еля покачала головой.

— Еслибъ хорошая вѣсть, мнѣ вѣжется, онъ уже былъ бы здѣсь.... или по крайней мѣрѣ написалъ бы.

— Мы еще не знаемъ, переговорилъ ли онъ вчера съ матерью. Но несмотря на эти слова, сказанныя чтѣбъ ободрить Елю,

Маргарита Борисовна сама не могла отдѣлаться отъ глухого безпокойства. Обѣ замолкли; въ передней раздался звонокъ.

«Любовь Ивановна», доложилъ лакей. Кто такая была Любовь Ивановна? Право, не знаю. Звали ее Любовь Ивановной, а о фамилии не спрашивали. Изъ ея разказовъ. — а она была словоохотлива — люди, встрѣчавшіе ее въ первый разъ, узнавали всю ея жизнь. У нея былъ когда-то небольшой капиталъ, но онъ пропалъ въ чужихъ рукахъ; она была замужемъ, и замужество ей не удалось; содержала маленькій пансіонъ, и тотъ не удался; наконецъ, она была смолоду хороша собой, утратила красоту и состарѣлась — и хоть бы насколько-нибудь измѣнилъ ей веселый нравъ! Хоть бы она поменьше надоѣдала своими вѣчными, невинными и неудачными путевыми! Въ пятьдесятъ лѣтъ она процвѣтала какъ въ двадцать-пять, и жила скромно, пробавляясь то уроками музыки, то работой.

— Пришла *вась* поздравить съ праздникомъ, сказала она, цѣлуя въ плечо Маргариту Борисовну; а *вась*, моя красавица, съ праздникомъ души, обратилась она къ Елѣ. Слышите? бабушку я поздравляю *просто* съ праздникомъ, а *вась* съ душевнымъ праздникомъ..... И Любовь Ивановна разсмѣялась своимъ собственнымъ словамъ.

— Еля, чаю Любовь Ивановнѣ — или кофею не хотите-ли? Сядьте на диванъ, вамъ будетъ покойнѣе, сказала Маргарита Борисовна, которая, какъ всѣ пожилые люди высшаго круга, была утонченно-учтива со всѣмъ и каждымъ, безъ разбора званія или общественнаго положенія. Спасибо вамъ, что вы не забыли сегоднешняго дня.

— Когда же я его забывала?... отвѣчала съ упрекомъ Любовь Ивановна, покачала головой и значительно посмотрѣла на Маргариту Борисовну. Ну, а вы что мнѣ скажете, *charmante rose du Bengale*?

— Почему я *rose du Bengale*! спросила Еля.

— Такъ! мнѣ кажется, что вы похожи на бенгальскую розу. Любовь Ивановна опять разсмѣялась. — Похожи, похожи, угадайте почему!

— Я не угадаю, сказала Еля, и покраснѣла.

— А?... покраснѣли?... Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. — Любовь Ивановна залилась смѣхомъ. — Я все, все узнала. Вчера вечеромъ была у одной дамы.... у одной дамы.... — растанула Любовь Ивановна — и сынъ этой дамы сказалъ, что цвѣтъ вашего лица можно сравнить съ бенгальской розой. Да-съ! все, все узнала!

— Вы были у Матвѣевыхъ? спросила Маргарита Борисовна.

— Вы всевидящее око, отвѣчала съ неистощимой игривостью Любовь Ивановна. Анна Алексѣевна ничего не возразила своему сыну, но вдругъ обратилась ко мнѣ—слышите? ко мнѣ—и говорить: «Бѣдность, говорить, большой недостатокъ!» и сама вздохнула. А я, славу Богу, баба не промахъ—положила передъ ней театральную афишку, на которой была объявлена комедія Островскаго: «Бѣдность не порокъ». Что, бенгальская роза, вы скажете, я не догадлива?

Еля слушала съ напряженнымъ вниманіемъ болтовню Любовь Ивановны и переглянула съ бабушкой.

— А что Глѣбъ на это сказалъ? спросила Маргарита Борисовна.

— О! онъ хитеръ! замѣтила Любовь Ивановна. Онъ ничего не сказалъ, а нахмурился, и вышелъ вонъ изъ комнаты. А я думаю: ты со мной не финти; я все, все знаю!

За этими словами Любовь Ивановны послѣдовало молчаніе. Еля захлопотала около самовара, а Маргарита Борисовна задумалась.

— Анна Алексѣевна настойчива, женщина съ характеромъ, промолвила она наконецъ.

— Ну ужъ извините меня, Маргарита Борисовна, возразила Любовь Ивановна, выраженіе къ ней не идетъ. Съ характеромъ?.. скажите настоящая Баба-Яга! Помилуйте! вчера у нихъ всѣ ходили какъ въ воду опущенные. Думаю—это не даромъ, была вспышка. Спрашиваю у Варвары Александровны: что у васъ такое было? «Братъ, говорить, сражался съ маменькой цѣлый день». А у самой слезы на глазахъ. Я говорю: Баба-Яга!

Еля взглянула на бабушку и поблѣднѣла. Богъ знаетъ, кому было тяжелѣе въ эту минуту, бабушкѣ или внучкѣ. Въ первый разъ Маргаритѣ Борисовнѣ страшна стала отвѣтственность за будущность дѣвочки, которая до той минуты была для нея предметомъ однихъ радостей и тихихъ заботъ. «Состоянія у нея нѣтъ, разсуждала иногда сама съ собой Маргарита Борисовна; но Богъ милостивъ: хорошій человѣкъ ее полюбилъ за чистую душу и за доброту.»

— И какъ не совѣстно Аннѣ Алексѣевнѣ, заговорила Любовь Ивановна. Она живетъ хорошо, а при жизни дѣтей не раздѣлитъ. «Я, говорить, дочерей своихъ награжу, если онѣ выйдутъ замужъ—а сыновей, говорить, не даромъ учила и образовала; сами себѣ дорожку пробьютъ, да богатыхъ невѣсть возьмутъ. Я, говорить....»

— Ну, полноте, Любовь Ивановна, она можетъ быть грознѣе на словахъ чѣмъ на дѣлѣ, перебила Маргарита Борисовна. Она

сама не вѣрила въ истину своихъ словъ: ясно было, что Анна Алексѣевна на отрѣзъ отказала въ своемъ согласіи на женитьбу сына, но Маргаритѣ Борисовнѣ было слишкомъ больно сразу разрушить надежды Ели; особенно въ этотъ день, когда какой-то голосъ ей самой посулилъ вѣчное счастье, ей такъ хотѣлось, чтобъ и кругомъ ея всѣ были счастливы. Она задумалась и тоскливо сложила руки..... Но судьба рѣшилась ее побаловать.

Пожилая женщина въ кисейномъ чепцѣ и въ тафтяномъ праздничномъ платьѣ вошла въ гостиную. Она родилась крѣпостной Маргариты Борисовны, ходила за ней уже лѣтъ сорокъ — и ее привыкли считать членомъ семейства.

— Вотъ вамъ, матушка-барыня, Богъ прислалъ, сказала она, подавая ей вынутую просфору.

— Отъ кого это? кто это принесъ? тревожно спросила Маргарита Борисовна.

— Юродивый принесъ, моя родная. «Отдай, молъ, говорить, просвиру своей барынѣ». Я его чайкомъ напоила.

Маргарита Борисовна обомлѣла.

— Гдѣ онъ? я хочу его видѣть! Приведи его сюда, поскорѣ приведи, сказала она, поспѣшно вставая.

Глафира Матвѣевна отправилась за юродивымъ, но онъ уже успѣлъ уйти. Побѣждали его догонять на улицу, но напрасно.

Маргарита Борисовна расспрашивала, не приходилъ ли онъ когда-нибудь прежде? Не зналъ ли его кто изъ домашнихъ? Ея отвѣчали, что никто его не зналъ и что онъ приходилъ въ первый разъ.

— Ахъ, Глафира, какъ же ты его во мнѣ не привела! говорила съ горемъ Маргарита Борисовна. Она смотрѣла на просфору, не вѣря своимъ собственнымъ глазамъ, и поставила ее передъ кіотомъ. Взглядъ ея, устремленный на образа, сіялъ неземнымъ счастьемъ.

Она упала на колѣни и проговорила:

«Сдержалъ слово, мой голубчикъ, обѣщаль мнѣ прислать просвиру—и прислалъ! И заслужила ли я, чтобъ Господь Богъ совершилъ для меня такое чудо!»

Помолясь, Маргарита Борисовна заглянула въ гостиную и позвала Любовь Ивадовну, а Еля пошла на верхъ въ свою комнату.

III.

Въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ Любовь Ивановна въ праздникъ Рождества Христова являлась къ Маргаритѣ Борисовнѣ и оставалась съ ней наединѣ; во всемъ домѣ одна Глафира Матвѣевна была посвящена въ тайну этихъ свиданій. Затворивъ двери, Маргарита Борисовна отперла небольшую шкатулку краснаго дерева и вынула изъ нея пачку ассигнацій, лежавшихъ въ особенномъ пакетѣ.

— Вотъ, сказала она, подавая пакетъ Любовь Ивановнѣ, мнѣ удалось удѣлить нынѣшній годъ пятьсотъ рублей для благого дѣла. Перечтите, моя милая.

Любовь Ивановна сочла деньги.

— Ровно пятьсотъ рублей, очень хорошо-сь. Исправно ихъ доставлю въ опекуновскій совѣтъ.

— Никогда еще я не отдавала этихъ денегъ съ такимъ усердіемъ, съ такою радостью, продолжала Маргарита Борисовна. А вамъ, моя милая, вотъ — мой подарокъ на праздникъ.

Она достала изъ комода кусокъ шелковой матеріи и положила его на колѣни Любовь Ивановны. Любовь Ивановна сконфузилась, покраснѣла, а глаза разбѣжались на дорогой подарокъ!

— Маргарита Борисовна, что это, право.... Мнѣ до смерти совѣстно, пробормотала она.

— Полноте! ужъ отъ меня-то вамъ совѣстно принять бездѣлицу! А я такъ рада, что могла кому-нибудь сегодня сдѣлать хоть маленькое удовольствіе. Не совѣстно же мнѣ обязываться вамъ. Вы мой неизмѣнный повѣренный.

Кому же назначались эти таинственныя деньги?

Маргарита Борисовна была еще молода, когда лишилась человѣка, котораго любила такъ страстно, что пожертвовала ему и обязанностями и спокойствіемъ совѣсти. Она впала въ отчаяніе, а отъ отчаянія перешла къ еще болѣе страшному унынію: и домъ, и люди, и свѣтъ Божій, и даже молитва — все ей опостыло.

Рѣдко когда ее видали въ церкви, а если, бывало, и придетъ къ обѣдни, то стоитъ, смотреть на образа, — ни молитвы не скажетъ, ни слезы не проронитъ. Съ самаго утра вплоть до ночи сидѣла она подгорюнившись, не бралась ни за книгу, ни за работу, а когда ее навѣщали родные и знакомые: «Смотрѣть на меня пріѣхали, думала она съ ожесточеніемъ. Слава Богу, рѣдкостью стала. Адъ въ душѣ и говорить разучилась».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Маргарита Борисовна ис-

худала, состарѣлась на десять лѣтъ, а доктора, на ея счастье, объясняли ея состояніе небывальми болѣзнями. Весной мужъ ея отправился въ деревню по дѣламъ, а она, оставшись въ Москвѣ, вдругъ рѣшилась исполнить замысль, который съ той поры казался ей несбыточнымъ: она собралась посѣтить то мѣсто, гдѣ лежалъ священный для нея прахъ.

Малѣйшая неосторожность могла возбудить подозрѣнія и погубить ее въ общественномъ мнѣніи. Но въ отсутствіи мужа представлялась возможность, прибѣгнувъ къ хитрости, обмануть свѣтъ — и возможность эта точно воскресила Маргариту Борисовну: задушевное ея желаніе проснулось съ новой силой и она принялась устривать свое путешествіе.

Всѣмъ знакомымъ было объявлено, что она ѣдетъ на богомолье въ Ростовъ; лошадей она велѣла нанять (тогда еще всѣ ѣздили на своихъ) и взяла съ собой одну Глафиру Матвѣвну. Выѣхали чѣмъ свѣтъ. Монастырь, который былъ цѣлью поѣздки, находился въ 80-и верстахъ отъ Москвы, по проселочной, т. е. адской дорогѣ. Маргаритой Борисовной овладѣло страшное безпокойство; въ первый разъ отъ роду она путешествовала, не сопровождаемая цѣлой свитой горничныхъ и лакеевъ. Она боялась всего, что могло задержать ее на пути, или выдать свѣту ея завѣтную тайну. Ей чудились и встрѣча съ московскимъ знакомымъ, и сломаная карета, и даже нападеніе разбойниковъ въ лѣсу или въ широкомъ полѣ, гдѣ такъ легко сбиться съ дороги; а между тѣмъ нетерпѣніе добраться до монастыря — все усиливалось, и она, то и дѣло, торопила ямщиковъ. Давно въ ней не обнаруживалось столько жизни....

Весенній дождь шель ливнемъ цѣлый день; но къ вечеру тучи разошлись, и заходящее солнце беспредѣльными лучами обняло горизонтъ. Облитая золотомъ, монастырская колокольня вдругъ засіяла надъ рощей; крутой поворотъ дороги — и она близко, близко мелькнула сквозь нахучія, отягощенные каплями дождя, березовыя вѣтви... Маргарита Борисовна, задыхаясь, крикнула: «стой!» Дрожь всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, она выскочила изъ кареты, бросилась къ церковной оградѣ и, громко рыдая, упала на могилу. Часа два, она, не помня себя, плакала: ея скрытое, безутѣшное горе рвалось наружу; она бы и не замѣтила, что наступила ночь, еслибъ Глафира Матвѣевна, слѣдившая за нею издали, не рѣшилась подойти, умоляя ее не возбуждать любопытства монастырскихъ жителей. Нѣсколько монаховъ уже успѣли освѣдомиться, какъ она доводится покойнику, и цѣлая стая ребятишекъ, столпившись у ограды кладбища, розиня рты, глазѣли на Маргариту Борисовну. Волей-неволей она должна

была отправиться на постоянный дворъ. Она была разбита нравственно и физически — и несмотря на то, ей какъ будто стало легче. Ее даже поразила необыкновенная красота вечера и, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось ея несчастіе, она заснула крѣпкимъ сномъ. На слѣдующій день она начала говорить.

Монахъ, который ее исповѣдывалъ, былъ кроткій и мягкій сердцемъ старикъ. Онъ увѣщевалъ ее не предаваться унынію и совѣтовалъ наложить на себя обѣтъ, чтобъ облегчить душу отъ грѣха передъ Богомъ и мужемъ. Маргарита Борисовна ухватилась за эту мысль и долго думала о томъ, какой наложить она на себя обѣтъ во искупленіе грѣха? Наканунѣ своего отъѣзда, тихо проливая слезы надъ могилой, успокоенная тишиной лѣтняго вечера и надеждой на свиданіе въ другомъ мірѣ — она обѣщала выстроить богатую церковь въ честь Воздвиженія Креста, праздника, ознаменованнаго для нея незамѣнимой утратой.

Цѣль жизни была найдена и исполненіе даннаго Богу обѣта стало тайнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій и помышленій Маргариты Борисовны. Съ лихорадочной поспѣшностью приступила она къ дѣлу, тотчасъ по возвращеніи въ Москву продала нѣсколько брилліантовъ, полученныхъ ею въ приданое, и деньги положила въ опекунскій совѣтъ. Случай ей помогъ: родная тетка, умирая, подарила ей ломбардный билетъ, и совѣтовала не сообщать объ этомъ мужу, который распорядился бы имъ по-своему. Этотъ совѣтъ пришлось какъ нельзя болѣе по сердцу племянницѣ; у ней составилаь разомъ значительная сумма, но Маргарита Борисовна ею не довольствовалась и дала себѣ слово добавлять эту сумму до конца жизни, предоставляя своему душеприкащику обязанность выстроить церковь по готовому уже плану.

Со смертью мужа доходы Маргариты Борисовны значительно уменьшились: его состояніе законнымъ порядкомъ отошло въ его родъ, а собственное ея имѣніе стало оскудѣвать за недостаткомъ присмотра. Непрактическое воспитаніе и природныя свойства удаляли ее отъ занятій требующихъ разсчета, соображеній и въ особенности неприятныхъ объясненій съ управляющимъ, которому она слѣпо вѣрилась. Главной заботой она себѣ поставила, удѣлять отъ годового дохода тысячи ли, сотни ли рублей, и присоединять ихъ къ завѣтной суммѣ; а какими средствами добывался доходъ — въ это она не входила.

Съ тѣхъ поръ, какъ она начала копить капиталъ, она перестала давать деньги взаймы или дарить ихъ, какъ бывало прежде, и во избѣжаніе нескромныхъ просьбъ тщательно скрывала отъ всѣхъ свое совровище. «Узнають, что деньги есть, бѣда будетъ:

отъ просителей не уйдешь», думала она, и жаловалась вслухъ на недостатокъ средствъ.

Ей самой не малыми жертвами отзывалось исполненіе обѣта. Привычки комфорта перевелись мало-по-малу въ ея всеневной жизни. Хорошаго повара замѣнила кухарка, горничныя и лакеи были отпущены на волю, а экипажъ отиѣненъ. Маргарита Борисовна ходила пѣшкомъ въ обѣднѣ и только въ случаѣ необходимости выѣзжала въ наемной каретѣ.

Такъ прошли годы и годы, и незамѣтно подкралась старость, а Маргарита Борисовна, съ рвеніемъ, обратившимся въ привычку, все копила деньги для постройки церкви.

Судьба ея двоюродной внучки, Ели, иногда ее беспокоила. Дѣвочка росла въ провинціи, на глазахъ записного игрока отца, вдали отъ родныхъ своей бѣдной и рано умершей матери. Маргарита Борисовна посылала ей гостинцы, за что и получала благодарственныя письма. Одно изъ такихъ писемъ пришло съ черной печатью: Еля извѣщала бабушку о кончинѣ отца и послала ей нѣсколько строкъ, найденныхъ ею въ бумагахъ матери и явно начерченныхъ умирающей рукой. Мать умоляла Маргариту Борисовну не оставлять ея маленькой Ели.

На другой же день Глафира Матвѣвна была отправлена за сироткой и въ скоромъ времени привезла ее въ Москву. Права, завѣщанная Маргаритѣ Борисовнѣ матерью Ели, сдѣлали переворотъ въ жизни старушки. Ея любящее, но давно безучастное къ земнымъ заботамъ сердце наполнилось жалостью и сочувствіемъ къ безпріютной дѣвочкѣ. Заключивъ Елю въ свои объятія, она сказала:

— Живи у меня на правахъ дочери, а я постараюсь, насколько возможно, замѣнить тебѣ мать.

Елѣ жилось хорошо въ новомъ гнѣздѣ: лелѣянная, береженная, задаренная, она замѣтно расцвѣтала, и Маргарита Борисовна радовалась совершавшейся въ ней перемѣнѣ. Но ей и въ умъ не приходило позаботиться о главномъ: о незавидной долѣ, ожидающей безпріданную невѣсту. «Боже мой! съ ужасомъ сказала она сама себѣ, когда наконецъ эта мысль мелькнула въ ея головѣ,—неужели же ей придется отказаться отъ любви и выйти замужъ по расчету?»—слово, такъ благозвучно переведенное въ свѣтѣ словомъ: «по рассудку».

IV.

Бѣлое платье, которое Еля собиралась обновить въ этотъ день, лежало на креслахъ, только что принесенное изъ магазина, и еще пахло воздухомъ. Еля на него взглянула и тихо заплакала. Должно быть не на радость ей приходилось его обновить.

Еля не скоро привязалась къ Глѣбу Александровичу Матвѣеву, но привязалась всей душой, на жизнь и смерть. Онъ любилъ ее также глубоко, и казалось все ей улыбалось съ тѣхъ поръ, какъ она жила у Маргариты Борисовны. Самая красота ея разцвѣла: высокій станъ выпрямился, коса погустѣла, отъ маленькаго личика дышало свѣжестью. Она была слишкомъ счастлива, настала и черная день.

— Пора одѣваться, барышня, гости прѣхали, сказала горничная.

Еля только успѣла сбросить блузу, какъ на лѣстницѣ, ведущей вверхъ, уже зашелестило шелковое платье; полный, но прїятный, женскій голосъ спросилъ:

— Гдѣ Елена Васильевна? и женщина лѣтъ тридцати шести шумно вошла къ Елѣ. Она считалась родствомъ съ Маргаритой Борисовной; ее звали Катерина Павловна Немирова.

— Ты еще neodѣта? сказала она, скидывая перчатку съ своей маленькой, правильной руки, и прибавила по-французски:

— Поспѣши; внизу я застала гостя. Онъ говорить съ тетуськой.... Заперлись.

Еля дрожащей рукой принялась застегивать свой корсажъ.

— Мы видѣлись вчера, и разумѣется, все говорили о тебѣ. Я ему совѣтовала все рассказать Маргаритѣ Борисовнѣ.

— Онъ хотѣлъ вчера переговорить съ своей матерью, промовила Еля.

— То-то и есть что переговорилъ.

Еля вопросительно взглянула на Катерину Павловну.

— У ней свои виды.... Она требуетъ приданого. Глѣбъ вышелъ изъ себя; дѣло дошло до ссоры. Анна Алексѣевна, хоть она удавилась со злости, не заставитъ его жениться на другой.... Но, зная тебя, я предвижу, что ваша свадьба не легко устроится. Она тебя сокрушитъ.

— Меня-то — ничего, а его?... отвѣчала Еля едва слышно.

— Ну что она съ нимъ сдѣлаетъ? Все, видишь ли, зависитъ отъ личнаго характера. Я бы вышла замужъ на зло старой вѣдьмѣ.

— Полно, тетя Катя, перебила Еля тономъ, которому по-

виновалась Катерина Павловна. Онъ знаетъ, что нашей свадьбѣ не бывать безъ согласія его матери.

Хотя родства между ними не было, Еля привыкла ее звать ласкающимъ именемъ *тети*, въ память горячей дружбы, завязавшейся еще въ дѣтствѣ между ея матерью и Катериной Павловной. Онѣ вмѣстѣ воспитывались, вышли замужъ въ одно время, и тогда только разстались.

Въ эту минуту симпатичное лицо Катерины Павловны дышало той почти страстной привязанностью, которую съ умершей своей подруги она перенесла на Елю. Ей хотѣлось сказать утѣшительное слово, но такого слова она не находила, понимая, что положеніе было почти безвыходное. Къ тому же она хорошо знала, что у Ели, не смотря на ея восемнадцать лѣтъ, былъ свой взглядъ на вещи, и что она умѣла отстаивать свое убѣжденіе молча, но за то упорно.

— Чтò онъ скажетъ бабушкѣ? спросила Еля, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Онъ ей передаетъ все свое объясненіе съ матерью.

— На что? Чтò можетъ сдѣлать бабушка?

— Не знаю... я вовсе не знаю, чтò она можетъ сдѣлать, но Маргарита Борисовна такого рода женщина, что кажется, звѣри укротить своей добротой.

Еля грустно покачала головой. Не доброты требовала Аня Алексѣевна — а денегъ.

— Катерина Павловна, барыня васъ просить въ себѣ, доложила Глафира Матвѣевна.

— Сейчасъ, отвѣчала Катерина Павловна, и мигомъ спустилась внизъ.

Еля въ нерѣшительности простояла нѣсколько минутъ у дверей. Она ощущала агонію ожиданія чего-то недобраго; наконецъ, она не устояла противъ желанія взглянуть на Глѣба, и медленно сошла.

Любовь Ивановна расхаживала взадъ и впередъ по залѣ; дверь въ гостиную была затворена, и въ запертой комнатѣ возвышался по временамъ мужской голосъ. Во всемъ домѣ было такъ тихо, что казалось, будто всѣ понимали важность вопроса, рѣшающаго судьбу Ели. Гостямъ велѣно было отказываться, а богадѣленокъ, сиротъ, бѣдныхъ мѣщанокъ, которыя пользовались щедротами Маргариты Борисовны и приходили ее поздравить съ праздникомъ, Глафира Матвѣевна не допускала къ барынѣ и угощала чаемъ въ дѣвичьей.

Даже Любовь Ивановна притихла и долго вертѣлась около Ели, не зная, какъ съ ней заговорить. Смѣнувъ, что посторонній разговоръ ее не займетъ, она рѣшилась затронуть обиняками

вопросъ о Матвѣевѣ, и начала съ того, что обняла Елю и поцѣловала. Молодая дѣвушка ей внушала искреннее участіе, да кромѣ того она была очень рада, что случай привелъ ее быть свидѣтельницей семейной драмы. Любовь Ивановнѣ до смерти хотѣлось играть въ ней какую бы то ни было роль, а за отсутствіемъ болѣе серьезной довольствовалась ролью зрителя.

— Позвольте это поправить, — начала она, осторожно снимая шелковинку, приставшую къ платью Ели. Посмотришь—какъ все къ вамъ идетъ!— Повѣрьте, моя красавица, что бѣдность не то что порокъ, а даже добродѣтель въ глазахъ *иныхъ людей*. Онъ такой примѣрный сынъ, что будетъ и примѣрнымъ мужемъ. Вы знаете ли, что его отецъ свончался на моихъ глазахъ?... Вы этого не знаете?... Я какъ теперь гляжу на эту сцену. Анна Алексѣевна стоитъ у изголовья блѣдная, словно полотно, а я стою въ двухъ шагахъ отъ нея и держу пузырькъ съ уесусомъ,— а Глѣбъ Александровичъ на колѣняхъ у кровати. Покойникъ-то ему сказалъ: «Глѣбъ, говорить, я всѣмъ, говорить, пожертвовалъ для семейнаго спокойствія, я надѣюсь на тебя, иди по моимъ стопамъ». Потомъ обернулся въ Аннѣ Алексѣевнѣ: — «а ты, говорить, береги дѣтей и всѣмъ жертвуй для ихъ счастья....» и ужъ больше ничего не сказалъ, Богу душу отдалъ. А ужъ какъ Глѣбъ Александровичъ отца-то любилъ! тосковалъ, тосковалъ о покойникѣ, даже опасались что занеможетъ. Бывало примешься его утѣшать. «Ахъ! говорить, Любовь Ивановна, отступитесь, голубушка. Предоставь, молъ, меня моей несчастной участи». Ну ужъ изъ всѣхъ дѣтей онъ любимецъ Анны Алексѣевны, и вы не сомнѣвайтесь, что она дастъ свое согласіе.

Еля тихимъ движеніемъ облокотилась на окно и, отвернувшись отъ Любовь Ивановны, оперлась подбородкомъ на ладонь. Ея воображенію представлялись неопредѣленное и грозное лицо Анны Алексѣевны и предсмертная сцена описанная Любовь Ивановной, и та сцена, которая въ настоящую минуту происходила въ запертой комнатѣ..... и между тѣмъ, Еля бессмысленно глядѣла на стаю галокъ, которыя съ дикимъ крикомъ собирались на сосѣднюю крышу, подымались вверхъ и опять принимались кричать и усаживаться.

Вдругъ въ головѣ Ели мелькнула мысль, которая разогнала всѣ другія. Маргарита Борисовна не разъ называла внучку своей наслѣдницей. «Все, что у меня есть, будетъ твое», говорила она. Эти слова вспомнились Елѣ и въ первый разъ наполнили ея сердце неожиданной радостью. Въ ея понятіяхъ Маргарита Борисовна была очень богата. Она слыхала много рассказовъ о селѣ Вознесенскомъ, единственномъ, правда, имѣніи Маргариты

Борисовны, но имѣни въ пятьсотъ душъ, съ большимъ количествомъ лѣса на берегахъ Оки, съ богато-обстроенной господской усадьбой, съ стариннымъ садомъ, прудами и сажеными рощами. Елѣ еще не довелось видѣть эти чудеса, но она часто объ нихъ мечтала, и лѣто проведенное съ Глѣбомъ, въ Вознесенскомъ, представлялось ей земнымъ раемъ. Тайное предчувствіе вдругъ связало ей, что Маргарита Борисовна не захочетъ обусловить своей смертью ея счастье, и въ Елѣ совершился такой мгновенный переходъ отъ горя къ радости, что она закрыла лицо руками, и вся погруженная въ сладкую думу, ожидала трепетно конца разговора Глѣба съ бабушкой.

Наконецъ, дверь изъ гостиной отворилась. Маргарита Борисовна въ vaporѣ и большой турецкой шали вышла въ залу.

— Еля, сказала она вполголоса, я ѣду къ Аннѣ Алексѣевнѣ; я сама переговорю съ ней о предложеніи Глѣба, и скажу ей, что ты у меня.... не бѣдная невѣста.

Еля бросилась ей на шею.

— А мы пока останемся съ тобой, шепнула Катерина Павловна.

Она велѣла подать свою карету Маргаритѣ Борисовнѣ и вернулась въ гостиную, гдѣ Любовь Ивановна уже успѣла завязать разговоръ съ Матвѣевымъ.

Иныя женщины не могли понять, чѣмъ оправдывалась глубокая привязанность Ели къ ея нареченному жениху. Чтѣ она въ немъ нашла особеннаго? спрашивали онѣ. На это имъ могъ быть одинъ только отвѣтъ: «Вѣдь онъ васъ не любилъ». Любимая женщина всегда умѣетъ найти чтѣ-нибудь особенное въ человѣкѣ, самомъ безцвѣтномъ для другой. Она силой собственнаго чувства и воображенія надѣлать его совершенствами, въ которыхъ ему отказала природа. Но любовью Матвѣева точно можно было гордиться. Онъ не только былъ славный малый, но до щепетильности доходившая честность и рѣдкія свойства характера и сердца съ избыткомъ замѣняли въ немъ не слишкомъ блестящія способности ума.

Анна Алексѣевна прочла его въ министры или въ посланники, но онъ не увлекался невозможной будущностью, и готовился въ адвокаты съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи заговорили о гласномъ судопроизводствѣ.

Любовь Ивановна устроилась у стола и принялась за вязанье, не замѣчая отчаяннаго взгляда, который Глѣбъ бросилъ на Елю; но Еля только покачала головой и указала ему глазами мѣсто возлѣ себя. Катерина Павловна не садилась, выжидая удобнаго предлога, чтобъ избавить молодыхъ людей отъ присутствія Любови

Ивановны, которая, запустивъ руку въ карманъ за клубкомъ шерсти, обратилась шуточно къ молодой женщинѣ:

— А вы, милостивая государыня, всегда веселы и нарядны? и всѣ мужчины отъ васъ безъ ума. Да! да! Это вещь извѣстная, они васъ предпочитаютъ любой красавицѣ. А вы имъ все-таки наклеиваете носъ.

Любовь Ивановна вдругъ прервала свою рѣчь; любезное выраженіе ея лица исчезло, и она воскликнула:

— Господи! что это значить? Куда *они* дѣвались?

Какъ растерянная, она оглядывалась во всѣ стороны, — вывертывала карманъ на изнанку, шарила на диванѣ, на столѣ и подъ столомъ.

— Что вы потеряли? Что вы ищете? нетерпѣливо допрашивала Катерина Павловна. Вы видите, здѣсь ничего нѣтъ.... Но Любовь Ивановна продолжала съ отчаяніемъ передвигать и перевертывать книги и вещи, попадавшіяся ей подъ руку.

Катеринѣ Павловнѣ не безъ труда удалось положить конецъ этимъ розыскамъ, убѣдивъ Любовь Ивановну, что надо искать пропажу въ другихъ комнатахъ.

V.

Глѣбъ былъ любимецъ своей матери и единственное существо, для котораго она иногда смягчала свой крутой нравъ; но любя сына по-своему, она рѣшила, что этому браку не бывать. «Послѣ самъ скажетъ спасибо», думала она. Глѣбу, дожившему до двадцати-пяти лѣтъ, въ первый еще разъ предстоялъ случай доказать, что какъ онъ ни уступчивъ въ бездѣлицахъ, но въ важныхъ жизненныхъ вопросахъ онъ способенъ отстоять свои права. Онъ рѣшился жениться безъ согласія матери, т. е. шелъ на разрывъ съ матерью, — но предвидѣлъ, какъ трудно будетъ склонить на это Елю, и боялся борьбы, разрушительной для нѣжной природы молодой дѣвушки. Ему хотѣлось заранѣе придать ей бодрости. Анна Алексѣевна принадлежала въ числу тѣхъ неугомонныхъ и настойчивыхъ женщинъ, которыя привыкли брать верхъ надъ всѣми, и тяжело приходилось тому, кто пересѣкалъ ей дорогу.

Маргарита Борисовна, уѣзжая, не сказала Глѣбу, на чемъ она основала свои надежды, и онъ рассчитывалъ лишь на Елю и на свои собственные силы.

Какъ только молодые люди остались наединѣ, ихъ руки соединились.

— Глѣбъ, Глѣбъ, другъ мой! сказала Еля.

Ея маленькое, миленькое личико озарилось радостью.

— Вы не веселы, Глѣбъ? начала она опять. Вы все думаете о вчерашнемъ днѣ. Забудьте о немъ. Все устроится.

— Маргарита Борисовна и мнѣ сказала, что она надѣется все устроить; но на что она рассчитываетъ?

— На что бы ни рассчитывала, лишь бы устроила. Вѣрьте мнѣ, Глѣбъ. Да не смотрите такъ грустно. Я васъ люблю. Слышите, я вамъ говорю, что я васъ люблю!

Глѣбъ осыпалъ поцѣлуями ея руки.

— Никто насъ не разлучить? Не правда ли, Еля, спросилъ онъ.

— Никто, никто! Вы этому вѣрите? Вы счастливы?

— Я счастливъ, Еля, я знаю, что вы меня любите. Однако, допустимъ, что Маргарита Борисовна не успѣетъ....

Еля его перебила:

— Стало быть вы мнѣ не повѣрили?

Глѣбъ взялъ ее за руки и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Послушайте, Еля, началъ онъ, я не могу быть счастливъ, пока вы не отвѣчали на одинъ вопросъ.

— Ну, на какой вопросъ?

— Если Маргарита Борисовна устроить дѣло — все сказано, но я знаю мою мать: ее переубѣдить трудно. Еля, если она не согласится, вы не забудете, что сказали сейчасъ? Насъ никто не разлучить. Даже мать не разлучить?

— Не говорите такъ, Глѣбъ, возразила Еля, стараясь придать своему лицу строгое выраженіе. Еслибъ я могла думать, что наше счастье васъ поссорить съ матерью — оно для меня было бы испорчено. Но вѣрьте мнѣ, когда я вамъ говорю, что бабушка все устроить.... Мы будемъ счастливы! заключила она съ такой увѣренностью и съ такой улыбкой, что Глѣбъ началъ догадываться въ чемъ дѣло. Онъ не рѣшился, однако, коснуться вопроса столь щекотливаго; гордость его страдала за мать, не за собственное чувство. Онъ любилъ Елю слишкомъ искренно, чтобъ отказаться отъ нея съ приданымъ или безъ приданого.

Какъ бы то ни было, но тяжелый камень свалился съ его сердца; послѣ нѣкотораго молчанія, онъ ясно взглянулъ на Елю и протянулъ ей обѣ руки....

Пусть же они живутъ этими минутами, единственными, можетъ быть, которыя дастъ имъ судьба, — а мы возвратимся къ Любови Ивановнѣ.

Выходя изъ гостиной, она бросилась въ корридоръ, оттуда

въ спальню, а вслѣдъ за ней спѣшила и Катерина Павловна, допрашивая, что она такое потеряла.

— Деньги, деньги! пятьсотъ рублей, да не мои, тѣтушки вашей деньги, почти простонала Любовь Ивановна, напрасно обшаривъ всѣ углы спальни. Господи! да это не просто! Маргарита Борисовна вынула изъ шкатулки, вотъ здѣсь у кровати, а я ихъ положила въ карманъ.... Параша, спросила она у вошедшей дѣвочки, ты не видала здѣсь павета, перевязаннаго черной ленточкой?... Что ты на меня смотришь? Слышишь, спрашиваю, не видала ли павета?... Ты убирала комнату?...

— Я убирала, ничего не видала, отвѣчала дѣвочка.

— Господи! грѣхъ какой! проговорила съ отчаяніемъ Любовь Ивановна.

— На что-жъ это вамъ тѣтушка дала столько денегъ? спросила Катерина Ивановна.

— Да, Господи, чтобъ ихъ свезти въ опекунскій совѣтъ. Развѣ мнѣ въ первый разъ, и никогда таковой бѣды не случилось. Слава Богу, двадцать слишкомъ лѣтъ Маргарита Борисовна никому, кромѣ меня, не поручаетъ этихъ денегъ. Какъ нарочно, сегодня отдаетъ мнѣ ихъ да говорить: «Любовь Ивановна, еще никогда я не дополняла своего сокровища съ такимъ удовольствіемъ.»

«Что это значить?—подумала Катерина Павловна—неужели правда, что у Маргариты Борисовны водятся капиталы?»

— Параша! куда ты дѣвалась, пострѣленоевъ? продолжала Любовь Ивановна, забывая тонкое общежитіе, которымъ она любила щеголять. Глафира Матвѣевна ввѣрилась въ эту дѣвчонку...

— Да успокойтесь, Любовь Ивановна, перебила ее Катерина Павловна; деньги отыщутся — свои не возьмутъ, а чужіе сюда не входили....

— Какъ не входили! возразила Любовь Ивановна. Я, чай, человекъ десять перебивало и богадѣленоевъ, и бѣдныхъ дворянокъ и всякой всячины. За всѣхъ не поручишься. Ну, если, оборони Боже, я не найду этихъ денегъ, что мнѣ дѣлать?...

И Любовь Ивановна всплеснула руками.

— Тѣтушка такъ добра.... вы же сами знаете, что денегъ много, впушительно сказала Катерина Павловна.

— То-то и больно, что она добра, отвѣчала Любовь Ивановна, вторая отъ природы не была лишена деликатности. Другая бы оборвала, изъ дому бы выгнала—а она, можетъ, ничего не скажетъ, а горько ей будетъ, моей голубушкѣ! Денегъ много! Вѣдь она нужду терпитъ, чтобъ только въ опекунскій совѣтъ отложить. Кажется, Успенскій соборъ на такую сумму можно вы-

строить, а ей все кажется мало!... Легко-ль, пятьсотъ рублей!... Матушки! хоть узелочекъ на платкѣ завязать!... ужъ не обронила ли я ихъ подъ лѣстницей, когда юбку подвязывала...

И Любовь Ивановна бросилась подъ лѣстницу, а Катерина Павловна въ себя не приходила ото всего, что слышала. Она угадывала, что Маргарита Борисовна могла копить деньги только для пожертвованія въ церковь или для раздачи бѣднымъ. Катерина Павловна слыхала о существованіи капитала, о которомъ, въ минуту отчаянія, проговорила Любовь Ивановна, но она не придавала значенія темнымъ слухамъ, считая ихъ сущими сплетнями. Ее смущала тайна, хранимая насчетъ этихъ денегъ: въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ она не позволила бы себѣ нарушить ее нескромнымъ вмѣшательствомъ, но теперь отъ щедрости Маргариты Борисовны зависѣло счастье Ели, и оно было ей слишкомъ дорого.

— Нашлись! воскликнула, врываясь въ спальню, Любовь Ивановна, уже успѣвшая перейти отъ отчаянія къ шумной радости. Я пакетъ-то положила на шелковую матерію, что мнѣ подарила Маргарита Борисовна, да въ нее и завернула. Вотъ ужъ грѣхъ попуталъ! Вѣдь чуть-было съ ума не сошла! Появлялась бы, что пакетъ у меня въ карманѣ. Катерина Павловна, голубушка, а вы, ради Бога, не выдавайте. Себя не вспомнила—проболталась. Чтобъ до Маргариты Борисовны какъ-нибудь не дошло, что я... насчетъ денегъ-то.... вѣдь она объ нихъ никому на свѣтѣ, кромѣ меня да Глафиры Матвѣевны....

— Вы не проболтались; я давно знала о существованіи этихъ денегъ, перебила Катерина Павловна.

— Знали? Ну и слава Богу! душу мою развязали! Что же, Маргарита Борисовна сама вамъ сказала?

— Нѣтъ! но объ этомъ многіе знаютъ. Говорятъ, у нее тысячъ на сорокъ ломбардныхъ билетовъ.

— Ужъ полно не больше ли?... А я согрѣшила, заподозрила богадѣленку Мавру Савишну.... она съ виду водой не замутить, а сама тонкая штука....

— Вотъ вы человекъ дѣльный и дальновидный, перебила Катерина Павловна, объясните мнѣ, съ какой цѣлью тетушка срываетъ, что у ней капиталъ, назначенный для добраго дѣла?

— Какъ этого не понять? отвѣчала съ улыбкой самодовольствія Любовь Ивановна. Узнаютъ, что у ней есть деньги—просить будутъ, а отказывать непріятно. Вы знаете, Маргарита Борисовна высокая христіанка: не только чужимъ, родной племянницѣ отказала, Елиной-то матери. Покойница за годъ до своей кончины писала къ Маргаритѣ Борисовнѣ: просила три тысячи

рублей займа. Маргарита Борисовна и покушалась ей дать денегъ, совѣмъ-было рѣшила...

— И не дала? спросила Катерина Павловна, едва переводя духъ.

— Вдругъ раздумала. Ужъ и меня выписала и отправила-было въ опекунскій совѣтъ, да и раздумала. «Что, говорить, дѣлать, Любовь Ивановна, ей дамъ и другому нельзя будетъ отказать; а вѣдь это не мои деньги, я ихъ Богу пожертвовала». И сама плачетъ—послала ей сто цѣлковыхъ въ именины. Ну, ужъ за то церковь выстроимъ на славу: одинъ планъ стоилъ пятьсотъ рублей!

«Церковь собирается строить, подумала Катерина Павловна, а бѣдной моей Сонѣ не дала денегъ на поѣздку за границу.... она была бы жива теперь! А какъ ей жить хотѣлось....»

Звонокъ, раздавшійся въ передней прекратилъ разговоръ.

VI.

Маргарита Борисовна давнымъ давно знала Анну Алексѣевну Матвѣеву, но ихъ отношенія ограничивались утренними визитами, и двумя-тремя официальными вечерами за карточнымъ столомъ. Онѣ не сблизились потому, что между ними не было ничего общаго, но оставались въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ первый разъ имъ приходилось имѣть дѣло другъ съ другомъ, и хотя Маргарита Борисовна крѣпко рассчитывала на дѣйствіе, даже на эффектъ своего объясненія съ Анной Алексѣевной, она испытала непріятное смущеніе, когда лакей, доложившій объ ея приѣздѣ, громко сказалъ: «приказали просить».

Въ домѣ Матвѣевыхъ поражалъ съ перваго взгляда порядокъ, доходящій до сухости; казалось, что кресла никогда не сдвигались съ мѣста; все смотрѣло официально, и зеркала, развѣшанныя между оконъ въ рамахъ орѣховаго дерева съ перекладинкой по срединѣ, и овальный столъ противъ дивана, и у двери трельяжъ съ плющемъ. На столѣ не было ни книги, ни руководѣлья, ни журнала; одна только возвышалась на немъ огромная лампа. Симпатичной фізіономіи не доставало у этого дома: отъ него вѣяло холодомъ.

Три дѣвушки, очень обрадованныя, удивленныя неожиданнымъ повидимому посѣщеніемъ Маргариты Борисовны, вышли къ ней на встрѣчу.

— Матан нездорова и просить васъ въ свою комнату, сказала старшая, которой было уже лѣтъ тридцать.

— Она нездорова? повторила Маргарита Борисовна.

— Матап больше разстроена и не принимает сегодня; только васъ пожелала видѣть, только васъ...

Ей хотѣлось еще что-то сказать, но она не рѣшилась и робко смотрѣла на Маргариту Борисовну.

Вторая сестра молчала, опустивъ глаза.

— Милочки мои, Богъ дастъ, мы сговоримся и все устроимъ къ лучшему, сказала Маргарита Борисовна.

— У насъ и такъ, слава Богу, все устроено, подхватила младшая, черноглазая восемнадцати-лѣтняя дѣвочка, которая смотрѣла отчаяннымъ бойцомъ: — Варенька и Даша проплакали всю ночь, Глѣбъ на себя не похожъ, словомъ, все какъ слѣдуетъ!

— Маша! перебили старшія, и сконфузились.

Маргарита Борисовна покачала головой и погрозилась, но Маша схватила ее руку и поцѣловала.

— Пожалуйста сюда, сказала Варенька, и отворивъ дверь въ спальню матери — удалилась.

Анна Алексѣевна была однихъ лѣтъ съ Маргаритой Борисовной, но казалась несравненно старше: ее типическая наружность бросалась въ глаза. Черты ее сморщенного и словно тронутаго копотью лица, были крупны и правильны, но высохли какъ руки ее и станъ. Она держалась прямо, слѣсиво. Ежедневный ее нарядъ состоялъ изъ шелковой блузы и горностаевой душегрѣйки, которую даже и лѣтомъ она снимала рѣдко. Сверхъ чепца она носила шелковую косынку.

— А!... Маргарита Борисовна! сказала она, приподнимаясь съ своихъ кресель. Вотъ ужъ не ждала васъ сегодня! Видно, сердце сердцу вѣсть подаетъ; вѣдь я сама собиралась къ вамъ.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ объ этомъ, но я желала отстранить Елю отъ нашихъ переговоровъ, и предупредила васъ, отвѣчала Маргарита Борисовна. Мы потолкуемъ мирно и на единѣ.

— Очень, очень рада. Садитесь-ка сюда, задомъ къ свѣту, а то тяжело глазамъ на свѣгъ смотрѣть. Глѣбъ у васъ былъ сегодня?

— Былъ, отвѣчала Маргарита Борисовна, которой понравилось это радушное вступленіе въ разговоръ. Я давно подозрѣвала, что онъ къ Елѣ неравнодушенъ, но признаюсь, думала, что это простое воловитство, а не серьезное чувство.

Анна Алексѣевна съ аффектаціей разсмѣялась, и смѣялась довольно долго.

— Нѣтъ молодого человѣка, который бы не испытывалъ мно-

гое множество серьезныхъ чувствъ, голубушка моя, Маргарита Борисовна, сказала она, продолжая смѣяться и слегка ударяя по волѣнямъ свою гостью. А мой серьезникъ и подавно всюду суется съ серьезными чувствами. Пройдетъ кринолинъ, повоетничаетъ, вотъ и серьезное чувство. Въ немъ серьезныхъ чувствъ не обещаться. Да и пусть его серьезничаетъ! Богъ съ нимъ, благо ему забавно! а вотъ намъ, старухамъ, слѣдуетъ во-время положить конецъ серьезнымъ-то чувствамъ, чтобъ онѣ не повели къ большимъ непріятностямъ.

Маргарита Борисовна слыхала о крутомъ нравѣ Анны Алексѣвны и приготовилась заранѣе перенести смиренно первую вспышку; но вспышки не было, и этотъ аффектированный смѣхъ, это подтруниванье подѣйствовали на нее чрезвычайно непріятно.

— Оставьте пожалуйста этотъ тонъ, сказала она прямо и серьезно. Мы принимаемъ въ этомъ дѣлѣ одинаковое участіе, и я хочу говорить о немъ просто, безъ намековъ. Мнѣ очень непріятно, что вашъ сынъ посватался за мою внучку противъ вашего желанія; но вѣдь мы пережили тотъ вѣкъ, когда молодые люди женились по волѣ родителей...

— Они прекрасно дѣлали, перебила Анна Алексѣвна. Гм! ну — да это въ сторону. Я нисколько не запрещаю моему сыну жениться, но я не даромъ дожила до пятидесяти восьми лѣтъ, надо подумать и о будущемъ. У Глѣба нѣтъ состоянія.

— А кромѣ недостатка состоянія, въ чемъ Еля не невѣста вашему сыну? Она, кажется, и вамъ всегда нравилась.

— Она очень хорошая дѣвушка, довольно кротко замѣтила Анна Алексѣвна.

— Вотъ это главное. А что касается до приданого, то съ завтрашняго дня я ей законнымъ актомъ передамъ все свое состояніе. Довольны ли вы?

— Позвольте, возразила Анна Алексѣвна, ужъ коли говорить о дѣлахъ, надо говорить дѣльно. Въ чемъ состоитъ ваше состояніе?

— А Вознесенское? Вы его знаете? имѣніе хорошее, полторы тысячи десятинъ земли, и лѣсу двѣсти десятинъ. Оно немного разстроено; но если Глѣбъ въ немъ проживетъ годика два, онъ легко приведетъ имѣніе въ порядокъ; а я буду рада-раде-хонька, если онъ мнѣ удѣлитъ въ своемъ домѣ теплый уголокъ...

Сморщенные щеки Анны Алексѣвны слегка раскраснѣлись.

— Милая моя Маргарита Борисовна, начала она, повачивая головой, кто же кромѣ васъ не знаетъ, что ваше именитое Вознесенское не стоитъ третьей доли того, что оно стоило при жизни вашего мужа?... Какъ мнѣ не знать Вознесенскаго и ва-

шего хозяйства? Мы—сосѣди. Лучшая часть лѣса вырублена вашимъ управляющимъ; онъ на вашъ счетъ выстроилъ себѣ домъ хоть куда на Покровскѣ; а хорошая земля при раздѣлѣ досталась мужикамъ. Вы, слава Богу, и не заглянули въ уставныя грамоты? Вотъ вамъ и ваше Вознесенское!

На хозяйственныя свѣдѣнія Анны Алексѣевны можно было положиться; Маргарита Борисовна это знала, и пораженная ея словами, вспыхнула въ свою очередь.

— Преувеличенія! промолвила она, преувеличенія! я знаю, что мое хозяйство запущено...

Она растерялась. Тонъ Анны Алексѣевны оскорблялъ ее, тѣмъ болѣе, что возраженія были невозможны и могли только обличить ея полное незнаніе практической стороны жизни. Маргарита Борисовна стыдилась отсутствія положительности, зная, что оно во многихъ возбуждаетъ насмѣшку и даже нѣкотораго рода презрѣніе.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать, если ужъ дѣло пошло на правду, продолжала Анна Алексѣевна, что вы ничего не знаете и не смыслите въ хозяйствѣ. Ужъ въ этомъ случаѣ положитесь на мою опытность. Мужъ мой предоставилъ мнѣ одной управленіе имѣніемъ, и я надѣюсь, что онъ не раскаялся въ своемъ довѣрїи ко мнѣ. А вы? вы при жизни вашего покойника привыкли жить какъ у Христа за пазухой и послѣ него такъ запустили дѣла, что вамъ, пожалуй и до разоренія не далеко. Вы думаете, что Глѣбу достаточно прожить два года въ Вознесенскомъ, чтобъ привести имѣніе въ порядокъ? Нѣтъ, милая моя Маргарита Борисовна, такъ судятъ малыя дѣти, позвольте вамъ сказать. Чтобъ ваше имѣніе привести въ порядокъ, надо положить на него цѣлый капиталъ — у меня денегъ нѣтъ, какъ я и сказала Глѣбу. Я васъ очень уважаю, Маргарита Борисовна, но вѣдь вы съ молодю жили такъ себѣ — dans les nuages, и до сихъ поръ не имѣете понятія о томъ, что дѣлается у насъ грѣшныхъ. Что бы вамъ подумать заранѣе о будущности вашей внучки? Она у васъ одна осталась и давно осиротѣла. Вамъ извѣстно, что ея отецъ былъ игрокъ и негодяй...

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я не за наставленіями къ вамъ прїѣхала, перебила Маргарита Борисовна, и выслушивать ихъ не намѣрена.

— Я не хотѣла сказать вамъ ничего обиднаго, продолжала, не смущаясь, Анна Алексѣевна; я только вамъ замѣтила, что мы, люди практическіе, обязаны считать и разсчитывать, а вы?... Ядовитая старуха подняла руку и сдѣлавъ движеніе пальцами прибавила: «выспреннія». То-то вы и потеряли изъ виду, что

еслибъ Глѣбъ женился на вашей ввучкѣ, то ему пришлось бы работать, чтобъ достать кусокъ хлѣба для своего семейства; а мнѣ сдается, что Матвѣеву не съ руки работать какъ какому-нибудь чиновнику — изъ куска хлѣба... Позвольте, Маргарита Борисовна, еще одно слово: ваша ввучка была причиной раздора между мной и моимъ сыномъ; я желаю, чтобъ такія столкновения не повторялись, и потому прошу васъ, какъ честную женщину, не принимать его къ себѣ...

— Будьте вполне увѣрены, перебила Маргарита Борисовна, что моя ввучка не разстроитъ спокойствія вашей завидной семейной жизни. Въ невѣстахъ она не засидѣлась, и не я буду ее навязывать кому бы то ни было на свѣтѣ. Она встала и сухо поклонилась; но Анна Алексѣевна осталась такъ довольна ея общаніемъ, что попыталась загладить свои дерзости примирительными словами.

— Вы на меня сердитесь, сказала она, но я надѣюсь, что со временемъ мы встрѣтимся пріятельницами. Вы поймете, что я не корыстолюбива, а желаю счастья моего сына.

— Въ этомъ я и теперь не имѣю права сомнѣваться, не безъ усмѣшки отвѣчала Маргарита Борисовна. Прощайте.

Анна Алексѣевна поднялась съ мѣста, чтобъ ее проводить. Сестры Глѣба, со страхомъ ожидавшія рѣшенія его участи, угадали ее въ строгомъ взглядѣ, который бросила на нихъ мать, когда онѣ поспѣшно подошли проститься съ Маргаритой Борисовной...

VII.

Маргарита Борисовна была внѣ себя. Она такъ привыкла къ общему уваженію, къ общему баловству; ея жизнь текла такъ мирно и ровно, что столкновение съ Анной Алексѣвной ее привело въ неописанное раздраженіе. И вѣсть о потерѣ состоянія, и разбитое счастье Ели, которую она сама только-что обнадѣжила, и глупая роль не то надувательницы, не то школьницы, неволью ею разыгранная — все это возбуждало въ ней досаду на самое себя и злобу на Анну Алексѣвну, злобу отчасти несправедливую: Анна Алексѣевна говорила правду, хотя и выражала ее грубо.

Когда Маргарита Борисовна вернулась домой и все семейство вышло къ ней на встрѣчу, сдержанный гнѣвъ ея разразился, несмотря на присутствіе Глѣба.

— Я ничего не сдѣлала, ничего не устроила, другъ мой, сказала она Елѣ; я говорю тебѣ въ присутствіи Глѣба, что

если ты себя насколько-нибудь уважаешь, ты должна отъ него отказаться. Ваша мать, обратилась она къ Глѣбу, слышать не хочетъ о вашей женитьбѣ.

— Я женюсь для себя, а не для матери, возразилъ — было Глѣбъ...

— Она испортитъ жизнь и вамъ и несчастной дѣвушкѣ, которая станетъ между вами и ею, перебила Маргарита Борисовна — вы должны пощадить Елю, вы, какъ честный человѣкъ, должны избѣгать случая ее видѣть... Я обѣщала вашей матери, что не буду васъ принимать.

Никто не видывалъ Маргариты Борисовны въ такомъ раздраженномъ состояніи.

— Ma tante, заговорила Катерина Павловна, мнѣ кажется, что вы сгоряча принимаете такіа мѣры... Еще нечего отчаяваться...

— Молчи, пожалуйста, перебила Маргарита Борисовна; тебѣ бы слѣдовало меня поддержать. Анна Алексѣевна не измѣнится въ шестьдесятъ лѣтъ. Рассказывай побасенки, а вотъ кто за нихъ поплатится...

Она указала на Елю; та встала и шатаясь вышла. Глѣбъ бросился за ней.

— Куда онъ, сказала Маргарита Борисовна, вставая вслѣдъ за Глѣбомъ.

— Оставьте ихъ, остановила ее Катерина Павловна. Дайте имъ проститься, можетъ быть навсегда. Расскажите-ка мнѣ лучше, что васъ такъ сильно разстроило?

Маргарита Борисовна только успѣла передать ей подробности своего свиданія съ Анной Алексѣевной, какъ Глѣбъ вернулся. Онъ былъ очень блѣденъ.

— Пойдите къ ней пожалуйста, не надо оставлять ее одну, сказалъ онъ Катеринѣ Павловнѣ.

— Что вамъ говорила матушка? спросилъ онъ у Маргариты Борисовны. Ей стало жаль Глѣба, и отвѣтъ ея былъ кротокъ.

— Голубчикъ мой, она меня очень оскорбила и я вамъ повторяю, поберегите Елю; мы должны съ вами разстаться. Но не ссорьтесь съ матерью — любите и почитайте ее по прежнему.

— Почтителенъ къ ней я буду, но любить мать послѣ нашего вчерашняго объясненія — я не властенъ: оно уничтожило ту слабую тѣнь привязанности, которую я всѣми силами старался въ себѣ поддержать. А избѣгать Елю я вамъ обѣщать не могу: я слова не сдержу.

— Какъ не сдержите? строго повторила Маргарита Борисовна.

— Нѣтъ! я напротивъ буду искать случая съ ней видѣться или писать къ ней, отвѣчалъ Глѣбъ.

— Такъ вы хотите ее погубить!— Анна Алексѣевна не смолкнетъ, она и въ свѣтѣ ее не пощадитъ.

— Ручаюсь вамъ, что никто, какъ я, не дорожитъ ея добрымъ именемъ, возразилъ Глѣбъ. Что же касается ея сповѣствія, то оно уже нарушено — только не мною. И на какомъ же я у васъ счету, Маргарита Борисовна, что вы мнѣ совѣтуете оставить ее теперь?

— Голубчикъ мой, да на что же вы надѣтесъ? Между вами все кончено.

— Я надѣюсь современемъ приучить Елю къ мысли, что я въ правѣ жениться помимо воли моей матери.

— Ни Еля, ни я, на это не согласимся.

— Этотъ вопросъ рѣшить время. Маргарита Борисовна, вы слишкомъ умны и слишкомъ добры, чтобъ стать за одно съ моей матерью противъ меня.

— Охъ! перестаньте, Глѣбъ, дайте мнѣ опомниться, сказала Маргарита Борисовна. Вы не знаете, какъ мнѣ тяжело обойдется сегодняшний день!

Протившись съ Глѣбомъ, который спѣшилъ домой, чтобъ объявить матери свое окончательное рѣшеніе, и оставшись одна, Маргарита Борисовна задумалась не на шутку. Въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ, она была отвлечена отъ самой себя и съ невольнымъ страхомъ сознавала, что на ней лежитъ отвѣтственность чужой судьбы, чужой жизни. Въ ея ушахъ раздавались жѣсткія, но справедливыя слова Анны Алексѣевны: «что бы вамъ подумать заранѣе о будущности вашей внучки? она у васъ одна осталась.»

«Легко сказать, съ горькой усмѣшкой думала Маргарита Борисовна, какъ бы въ защиту самой себѣ; я не рождена управляющимъ, какъ Анна Алексѣевна. И рада бы, да не могу. Я не виновата, что меня разорили. Но неужели же правда, что я разорена? Господи помилуй — разорена!...»

VIII.

Въ гостиную, только-что не на цыпочкахъ, вошла Любовь Ивановна и сѣла въ уголокъ.

— Уѣхалъ Глѣбъ Александровичъ? спросила Маргарита Борисовна.

— Уѣхалъ, отвѣчала Любовь Ивановна. Былъ наверху, про-

щался съ Елей, а теперь съ ней осталась Катерина Павловна.

— Ну, что Еля?

— Послѣ отъѣзда Глѣба Александровича съ ней сдѣлалась дурнота; такъ и повалилась... ничего, теперь ей лучше.

Маргарита Борисовна уже встала, чтобъ идти къ Елѣ — но вдругъ остановилась. Ей было слишкомъ тяжело быть свидѣтельницей горя, отъ котораго она могла бы спасти молодую дѣвушку. Маргаритѣ Борисовнѣ казались несправедливыми упреки Анны Алексѣевны, но тѣмъ не менѣе они возбуждали въ ней безотчетное угрызение совѣсти. Да! ей было бы слишкомъ тяжело видѣть Елю, и чувство, не лишенное эгоизма, остановило ее на мѣстѣ.

— Любовь Ивановна, сказала она, позовите ко мнѣ Катерину Павловну... Пойдите... нѣтъ... вы ее не зовите, а посмотрите, что Еля?

Маргарита Борисовна возвратилась на свое мѣсто, подождала нѣсколько минутъ; потомъ, встревоженная продолжительнымъ отсутствіемъ Любови Ивановны, вышла въ залу, къ которой примывалъ ходъ на верхъ. Она стала прислушиваться, не спускается ли Любовь Ивановна съ лѣстницы; но вездѣ было тихо, такъ тихо, что Маргаритѣ Борисовнѣ стало страшно: эта тишина поддѣйствовала болѣзненно на ея раздраженные нервы. Сердце старушки билось тоскливо и замирало отъ какого-то неопредѣленнаго предчувствія. Ей все казалось, что вотъ-вотъ отворятся двери, и ей принесутъ недобрую вѣсть...

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Онѣ дились для Маргариты Борисовны какъ цѣлый часъ. Наконецъ Любовь Ивановна вошла осторожно и сказала вполголоса:

— Я помогала Катеринѣ Павловнѣ ее раздѣть.

— Ну, что?.. промолвила едва слышно Маргарита Борисовна.

— Ну — раздѣли. Она какъ будто успокоилась.

Маргарита Борисовна вздохнула свободнѣй.

— Бога вы не боитесь! я васъ заждаюсь, сказала она, и скорымъ шагомъ пошла на верхъ.

Еля сидѣла на диванѣ, поджавши ноги подъ себя; руки ея были скрещены надъ грудью, а глаза смотрѣли сухо и неподвижно. Она была очень блѣдна послѣ обморока. Увидавъ бабушку, она хотѣла встать.

— Сиди, сиди, душенька, сказала Маргарита Борисовна, взяла ее за голову и со слезами прижала къ груди. Но Еля не отвѣчала на ея ласки и не промолвила ни одного слова.

— Уйдемте, ma tante, сказала Катерина Павловна. Ей хо-

чется остаться одной. Онѣ сошли. Столъ уже былъ накрытъ, и доложили, что кушанье готово.

За обѣдомъ всѣ молчали; одна Любовь Ивановна кушала на здоровье и осторожно клала вилку и ножикъ на тарелку, какъ будто боялась кого-нибудь разбудить. Она сильно желала доказать свое сочувствіе въ семейному горю, но тѣмъ не менѣе, вставъ изъ за стола отправилась на верхъ, чтобъ заснуть; а Маргарита Борисовна ушла въ себѣ въ спальню, сказавъ:

— Пожалуйста, Катя, не уѣзжай, не оставляй насъ. Дай мнѣ подушку, да сходи въ Елѣ.

Въ домѣ опять все успокоилось, затихло. Прислуга собралась около самовара, разсуждая по-своему о неудавшемся сватовствѣ Глѣба Александровича. Набѣгали зимніе сумерки. Маргарита Борисовна прилегла на диванѣ. Блуждающіе ея глаза остановились наконецъ на просфорѣ, принесенной юродивымъ и стоящей на образномъ шеацѣ. Радость, возбужденная въ ней чуднымъ сновидѣніемъ и появленіемъ юродиваго была подавлена въ ея сердцѣ всѣми тревогами дня. Однако воспоминанія о протекшей ночи ее оторвали отъ новыхъ заботъ и наполнили ея душу ласкающимъ и успокоительнымъ чувствомъ.

«Завтра я тебѣ просвирку пришлю», повторяла она мысленно, и старалась припомнить всѣ подробности своего сна. Ей вздумалось вписать въ молитвенникъ и самый сонъ, и исторію принесенной просфоры.

— Глафира, спросила она у Глафиры Матвѣвны, которая вошла провѣдать барыню; какою онъ лицомъ, этотъ юродивый, что приходилъ сегодня?

— И-и-и-и! худой такой, испитой, отвѣчала Глафира Матвѣвна, волосы длинные, а кафтанъ весь въ лохмотьяхъ. Другой бы, кажется, какъ вышелъ на такой морозъ, такъ бы и замерзъ.

— Почему же ты знаешь, что онъ юродивый?

— Ужъ какъ не узнать, матушка-барыня? Я ему говорю: подожди, барыня тебѣ что-нибудь вышлетъ. А онъ только тепленькаго чайку хлѣбнулъ, да и скрылся — какъ же не юродивый!

— Диво, просто диво! промолвила Маргарита Борисовна.

Глафира Матвѣвна одѣла душегрѣйкой ноги барыни, и сказала:

— Мнѣ жаль, что я не успѣла у него о барышнѣ спросить.

Что бы онъ объ ней-то сказалъ?

— Да, вотъ ужъ намъ горе-то Богъ послалъ, Глафирушка!

— Просто горе, барыня. Женишевъ-то хоть куда. Ну, только

что мать бѣдовая — а барышня наша смиренная, ее и извести не долго...

Долго еще разсуждала Глафира Матвѣвна, но Маргарита Борисовна не отвѣчала и едва ее слушала. Подъ однообразнымъ говоромъ старушки она впала въ полудремоту и рада была хоть на минуту успокоиться, забыться. Глафира зажгла лампу и блѣдный ликъ, нарисованный пастелемъ, озарился матовымъ свѣтомъ.

Дверь спальни отворилась подъ рукою Катерины Павловны.

IX.

Катерина Павловна была чрезвычайно счастлива два-три первые года своего замужества, но ея жизнь измѣнилась вдругъ. У Немирова была связь, о которой узнала случайно его жена. Ударъ былъ страшный. Она страстно любила мужа и ослѣплялась въ немъ; за разочарованьемъ послѣдовало ожесточеніе, которое развило въ Катеринѣ Павловнѣ невыносимую сухость. Она принялась кокетничать со всѣми мужчинами безъ разбора и вмѣняла себѣ въ особенное наслажденіе смѣяться надъ ихъ любовью. Одинъ изъ ея обожателей, доведенный до отчаянія, сказалъ ей, что онъ рѣшился покончить съ жизнью. Катерина Павловна засмѣялась и послала ему заряженный пистолетъ. Онъ приложилъ дуло пистолета ко лбу и спустил курокъ... Къ счастью, выстрѣлъ не убилъ его, а только сильно ранилъ. Узнавъ о послѣдствіяхъ своей шутки, Катерина Павловна бросилась къ молодому человѣку и дала ему право располагать ея судьбой. Но онъ не воспользовался счастьемъ, которымъ былъ обязанъ не искреннему чувству, а порыву раскаянія и самопожертвованія... со временемъ онъ сдѣлался лучшимъ другомъ Катерины Павловны. Что до нея касается — то она совершенно измѣнилась, отстала отъ кокетства, составила себѣ довольно обширный пріятельскій кружокъ и была, повидимому, довольна своей судьбой.

Она нравилась очень многимъ, хотя и не была хороша собой. Чтò именно въ ней нравилось? Этотъ вопросъ женщинѣ рѣшить трудно, но вѣрно то, что когда Катерина Павловна являлась на вечеръ, шурша своимъ длиннымъ шелковымъ платьемъ, молодые люди прекращали разговоръ съ другими женщинами, въ тысячу разъ ее красивѣе, и образовывали кружокъ около нея. Грудь ея впала, но талія поражала своею гибкостью. Продолговатые глаза съ поволокою выдавали тайну горячей природы; ротъ ея былъ немного великъ, но зубы замѣчательной красоты блестя сквозь улыбку, то нѣжную, то насмѣшливую.

Душевная теплота Катерины Павловны обнаруживалась преимущественно въ привязанности къ Елиной матери. Соня принадлежала къ числу тѣхъ ангельскихъ душъ, которыя страдаютъ и умираютъ безропотно. А какъ не хотѣлось ей умирать! Когда докторъ объявили ей о необходимости ѣхать на воды и оттуда въ теплый климатъ, она попыталась обратиться за помощью къ Маргаритѣ Борисовнѣ, но скрыла отъ дочери и отъ Катерины Павловны свои надежды на щедрость тѣтки и отказъ, разрушившій ихъ.

Катерина Павловна была съ мужемъ за-границей, когда получила послѣднее письмо умирающей и вслѣдъ за нимъ, тотчасъ извѣстіе о ея кончинѣ.

«Не пеняй на меня за то, что я скрыла отъ тебя опасность моего положенія, писала Соня; ты измучилась бы напрасну. Другое дѣло, еслибъ ты была богата... Видно мнѣ было суждено умереть!»... Катерина Павловна на первыхъ порахъ съ горя чуть не сошла съ ума; она спѣшила возвратиться въ Россію, чтобъ повидаться съ Елей и горькими намеками дала почувствовать ея отцу, что считаетъ его виновникомъ смерти Сони. Съ тѣхъ поръ онъ не допускалъ Катерину Павловну до Ели, но онѣ переписывались тайно. Понятно, какое страстное участіе принимала Катерина Павловна въ судьбѣ молодой дѣвушки. Зная чуткость, сосредоточенность ея природы, она была убѣждена, что Еля не въ силахъ будетъ пережить разрыва съ Матвѣевымъ или вынести супружество, отравленное преслѣдованіемъ злой тѣщи. Она рѣшилась во что бы то ни стало устроить Елино счастье—не будь этой задушевной мысли, она бы дала волю негодованію, которое пробудили въ ней слова Любовь Ивановны: неосторожно выданная тайна о просьбѣ Сони и о полученномъ ею отказѣ, вѣроятно, навсегда поссорила бы ее съ Маргаритой Борисовной.

— Ну, что, она заснула? спросила Маргарита Борисовна, когда Катерина Павловна вошла въ спальню.

— Куда заснула! ни на минуту не заснула. По моему, она не хороша, отвѣчала Катерина Павловна, и покачала головой.

— Не послать ли за докторомъ?

— Къ чему? докторъ не поможетъ. Теперь она не больна, а вотъ увидимъ что будетъ. — *Ma tante*, прибавила она помолчавъ, я надѣюсь, что Анна Алексѣевна не позволила себѣ сказать что-нибудь оскорбительное для Ели?

— Нѣтъ, вся ея грубость оборвалась на мнѣ. Она говоритъ прямо, съ цинической откровенностью, что не позволитъ сыну жениться на бѣдной невѣстѣ. Я съ своей стороны сдѣлала все,

что могла: предлагала отдать Елѣ Вознесенское. Ну, такъ извольшь видѣть, Вознесенское нигуда не годится!.. и разорено, и лѣсъ вырубленъ, и безъ капитала имѣнія не поправишь, и во всемъ я виновата. Однѣ придирики! Ей бы только разстроить свадьбу сына, да меня оскорбить.

— Нѣтъ, она пожалуй что и правду сказала, задумчиво проговорила Катерина Павловна. Вашъ управляющій мошенникъ...

— А ты почему это знаешь?..

— Братъ мой купилъ имѣніе возлѣ Вознесенскаго въ прошломъ году и не разъ могъ убѣдиться, что васъ дѣйствительно обираютъ кругомъ.

— А если такъ, почему ты мнѣ этого давно не сказала? съ сердцемъ спросила Маргарита Борисовна.

— Во-первыхъ, я сама недавно узнала... да и къ чему бы это привело? Вы бы не повѣрили и разсердились... Вотъ вы и теперь сердитесь на меня.

Маргарита Борисовна не скоро отвѣчала.

— Развѣ я на тебя сержусь? Я страдаю. Что я теперь сдѣлаю для Ели? Не могу же я мигомъ поправить дѣла. Могла ли я предвидѣть, что отецъ ея промотаетъ до послѣдняго вуска хлѣба и что она останется на моихъ рукахъ?

Маргарита Борисовна говорила дрожащимъ голосомъ, съ трудомъ удерживая слезы; когда она замолчала, онѣ покатались по ея щекамъ.

«Не попытаться ли теперь? подумала Катерина Павловна; но какъ рѣшится нарушить тайну, хранимую столько лѣтъ?..» Она молча стояла у кушетки, на которой отдыхала Маргарита Борисовна, и боролась съ мучительнымъ недоумѣніемъ.

— Вы говорили, сказала она наконецъ, что не будете уважать Елю, если она войдетъ въ семейство...

— Въ семейство, гдѣ ее уже ненавидятъ, гдѣ ее ожидаютъ всякія униженія, перебила Маргарита Борисовна. Да! я не буду ее уважать! А если она рѣшится, то я этого не допущу!

«И прекрасно! подумала Катерина Павловна. Мать уморили—теперь очередь за дочерью».

— Это легко говорится, сказала она съ горечью... Чего легче сказать: не выходи замужъ, разбей себѣ сердце и прибавила:—Ma tante, нѣтъ! это невозможно. Надо устроить счастье Ели. Боже мой! И подумать, что у меня нѣтъ своего гроша!

Она прошла по комнатамъ, не зная какъ приступить къ щекотливому вопросу.

— Въ жизни моей, начала она, были двѣ драмы: разрывъ

съ мужемъ и смерть Сони... Но я не знаю, право не знаю, что для меня было тяжело. Въ измѣнѣ мужа я утѣшилась—а Соню я никогда, никогда не забуду!

— Едва ли ты утѣшилась въ невѣрности мужа, отвѣчала Маргарита Борисовна, которой хотѣлось прекратить разговоръ объ Елѣ.

— Вполнѣ утѣшилась. Когда прошла первая пора отчаянія, онъ мнѣ сталъ чужой. Я ему сказала, что буду хозяйкой въ его домѣ и имени его не запятнаю—я сдержала слово и совершенно сжилась съ своей судьбой.

— Гмъ! то-ли дѣло сестра! продолжала она нетерпѣливо. Соня была мнѣ сестрой... Отъ васъ, отъ васъ одной зависить судьба ея дочери, заключила Катерина Павловна, и остановилась противъ Маргариты Борисовны.

— Отъ меня? развѣ я не все сдѣлала, что отъ меня зависить?

— Еслибъ я не была увѣрена, что вы на все готовы для Ели... что вы безгранично добры... я бы не рѣшилась, не осмѣлилась вамъ сказать... проговорила, запинаясь и заминаясь, Катерина Павловна.

— Что такое?.. спросила со смущеніемъ Маргарита Борисовна и привстала, не спуская глазъ съ Катерины Павловны.

Катерина Павловна вдругъ собралась съ духомъ.

— У васъ есть деньги... сказала она.

— У меня?.. деньги? Какія деньги?

— Вы ихъ бережете не для себя, я это знаю. Еслибъ вы ихъ берегли для себя, я бы не рѣшилась о нихъ заговорить. Но вы ихъ назначили для постройки церкви... Еслибъ вы ихъ пожертвовали этой сиротѣ...

Она не договорила. Маргарита Борисовна мѣнялась въ лицѣ, и красныя пятна выступали на ея щекахъ.

— Отдать эти деньги? сказала она задыхаясь, эти деньги?.. Ты съ ума сошла. Развѣ онѣ мои! Онѣ принадлежать Богу. Да еслибъ Еля была моя родная, единственная дочь, я бы и тогда гроша не тронула!

— Какъ! собственная дочь погибла бы въ вашихъ глазахъ, и вы бы ей не отдали вашихъ денегъ?

— Ни за что!

— О! какія ужасныя деньги! воскликнула Катерина Павловна, схвативъ себя за голову.

— Не отдала бы, не отдала бы! повторяла съ жаромъ Маргарита Борисовна.

Настало молчаніе.

— Скажи пожалуйста, какъ ты узнала, что у меня есть деньги?

— Не помню... я давно объ нихъ слышала... Но онѣ васъ на недоброе наставили, сказала Катерина Павловна.

— На недоброе?

— Да, на недоброе; какой тяжелый грѣхъ вы на душу взяли изъ-за этихъ денегъ! Соня передъ смертью просила у васъ три тысячи рублей, чтобъ ѣхать за границу; вы ей отказали—а она могла бы жить! заключила Катерина Павловна, и зарыдала.

Маргарита Борисовна была такъ поражена, что въ первую минуту не нашлась отвѣчать. Катерина Павловна испугалась дѣйствию своихъ словъ и хотѣла взять ее за руку, но Маргарита Борисовна ее оттолкнула.

— Такихъ вещей не говорить! ты только-что не назвала меня убійцей.

— Вы сами не знали, чѣмъ вы жертвовали, возразила Катерина Павловна. Но теперь... вы можете искупить ошибку...

— Замолчи! я тебѣ приказываю замолчать! громко и грозно перебила Маргарита Борисовна, и опустила судорожно голову на подушку.

Она лежала безъ движенія нѣсколько минутъ. Катеринѣ Павловнѣ опять стало страшно. Она опустилась на колѣни передъ Маргаритой Борисовной, которую любила за то именно, за что другіе ее осуждали: за непрактичный складъ ея природы. Катерина Павловна давно разгадала много недоговореннаго въ ея словахъ и много неразгаданнаго другими въ ея прошедшемъ.

— Вы мнѣ не простите моей смѣлости? сказала она.

— Ты меня страшно смутила, страшно смутила, отвѣчала Маргарита Борисовна. Я бы измучилась отъ твоихъ словъ, еслибъ я была виновата передъ Соней. Оставь меня пожалуйста... Уйди ради самого Бога, дай мнѣ опомниться.

— Вы приказываете мнѣ уѣхать? спросила Катерина Павловна.

— Да! да! пожалуйста оставь меня... Ты говорила объ этомъ Елѣ?

— Объ этихъ деньгахъ? нѣтъ, ни слова.

— Ни слова?.. Ну, и впередъ прошу не говорить. Слышишь? я это положительно требую.

— Слышу, отвѣчала Катерина Павловна; и вышла сильно взволнованная. Но въ сосѣдней комнатѣ она остановилась. Ей казалось невозможнымъ разстаться съ Маргаритой Борисовной ничего не добившись, и разстаться, можетъ быть, врагами. По-

дождавъ немного, она вернулась въ спальню подъ предлогомъ, что забыла свою шаль.

— Извините, ma tante, не отыщу своей шали, сказала она, оглядываясь во всѣ стороны; извините, пожалуйста... Признаюсь, я не думала, что вы когда-нибудь выгоните меня изъ своего дома.

— А я не думала, что услышу отъ тебя такія слова. Я преступница, злодѣйка!—ты меня убила, безъ ножа зарѣзала!

Катерина Павловна схватила ея руку и насильно подѣлывала.

— Я всегда на васъ смотрѣла какъ на олицетворенную доброту, и умоляю васъ не забывать нашего разговора. Приметь ли Богъ ваши деньги?.. Они могутъ спасти Елю..

Она вышла съ такою поспѣшностью, что Маргарита Борисовна не успѣла сказать слова, и долго не могла опомниться.

Смерть Сони, которой она была отчасти невольной причиной, судьба Ели, находившаяся въ ея рукахъ, возможность утратить сокровище накопленное годами, — эти мысли путались въ ея головѣ, сокрушали ее, бросали въ жаръ и въ холодъ. Довольно долго лежала она до такой степени запуганная, что ей было страшно пошевелиться, оглянуться, какъ будто она боялась встрѣтиться лицомъ къ лицу съ привидѣніемъ. Наконецъ она рѣшилась позвонить, вошла Любовь Ивановна.

— Дайте мнѣ капель, проговорила Маргарита Борисовна.

— Что это съ вами? спросила Любовь Ивановна; вы на себя не похожи.

— Я очень разстроена... Катерина Павловна мнѣ того говорила...

— Охота же вамъ разстраиваться словами Катерины Павловны! Она, конечно, хорошая дама, но горяча! ужъ какъ горяча! Я ей всегда говорю: вы просто горячка, примите-ка капель... А дѣвочка-то наша, героиня-то, успокоилась; кажется, заснула. Вѣдь это должно быть все изъ-за нее? Катерина Павловна въ ней души не знаетъ. Помилуйте! у кого не было такихъ непріятностей? Такъ всѣмъ на стѣны и дѣзтъ?

Успокоительныя вапли произвели желанное дѣйствіе; нервы Маргариты Борисовны отдохнули, и на сердцѣ вдругъ стало легче; ей показалось въ первый разъ отъ роду, что Любовь Ивановна умѣетъ здраво судить; она даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слушала ея болтовню.

— Если свадьба и разстроится, на то воля Божія, говорила между прочимъ Любовь Ивановна, а вы не обращайте вниманія

на толки. Говорятъ: чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.

— Ужь подлинно такъ! отозвалась Маргарита Борисовна.

— Да еще бы! Вотъ и самоваръ подали, и героиня наша сошла чай разливать... бенгальская роза-то. Пожалуйста чай кушать.

Еля сидѣла за самоваромъ; выраженіе ея лица было грустно и серьезно, она изъ приличія сказала нѣсколько словъ; Маргарита Борисовна поглядывала на нее съ безповойствомъ и невольнымъ чувствомъ неприязни; а Еля, невольная причина страха и смущенія, которыя наполняли сердце бабушки, и не подозрѣвала зародившагося въ ней недобраго чувства. Когда, напившись чаю, Любовь Ивановна уѣхала, она стала на колѣни передъ Маргаритой Борисовной и прижала губы къ ея рукамъ.

— Merci, grand'maman, сказала она тихо.

Маргарита Борисовна была тронута.

— За что ты меня благодарить? Что я для тебя сдѣлала? я ничего не сдѣлала, сказала она торопливо.

— Вы хотѣли мнѣ отдать все свое состояніе: больше вы бы не могли сдѣлать для родной дочери.

— Встань, садись... я хочу съ тобой поговорить, сказала Маргарита Борисовна.

Еля сѣла возлѣ нея. Маргарита Борисовна не знала съ чего начать, и не скоро спросила:

— Скажи мнѣ, душенька, что ты думаешь объ этой несчастной развязкѣ? Т. е., я хочу сказать, какъ ты намѣрена поступить?

— Я ничего не думаю, бабушка. У меня здѣсь таковой хаосъ. Она показала на голову.

— Однако, если Глѣбъ будетъ настаивать, чтобъ ты вышла за него безъ согласія его матери?

— Ахъ, бабушка, нѣтъ! Я не рѣшусь. Развѣ возможно безъ согласія матери?...

— Я знала, что ты на это не пойдешь, душа моя, радостно отозвалась Маргарита Борисовна. Безъ материнскаго благословенія нельзя ему жениться. И что же васъ ожидаетъ? Скандаль, семейная вражда, которой ты будешь причиной.

— Вотъ этого-то я и боюсь и за него, и за себя. Въ особенности за него.

И помолчавъ нѣсколько минутъ, она продолжала:

— А опять... если онъ будетъ настаивать, требовать, просить?... Какъ я ему откажу?... оттолкну его?... Вотъ голова моя и идетъ кругомъ.

— Это на первыхъ порахъ, моя милочка... разумѣется, голова идетъ вкругомъ. Богъ дастъ, успокоишься. Признаюсь тебѣ, я одного боюсь... тебя собьютъ съ толку... Хоть Катерина Павловна: она необдуманно судить объ этомъ дѣлѣ.

— Никто меня съ толку не собьетъ... Я знаю, что противъ судьбы не пойдешь.

— Сегодня я обо всемъ передумала, тихо продолжала Еля; все прошедшее мнѣ вспомнилось. Мало ли я уже видѣла горя? Мать моя умирала на моихъ глазахъ, да и умирать-то ей не давали. Съ охоты, бывало, приѣдутъ: крикъ, шумъ подымутъ. А она мечется, мечется на постели, все сердце изноетъ на нее глядя. Разъ она положила руку мнѣ на голову и сказала: за то, можетъ быть, Богъ тебѣ счастье пошлетъ!

Маргарита Борисовна измѣнилась въ лицѣ, когда Еля заговорила о своей матери.

— Зачѣмъ думать о прошедшемъ, другъ мой, замѣтила она. Право, довольно и настоящаго горя.

— Зачѣмъ?... потому что всему одна причина, воскликнула Еля. Деньги, все деньги. Вѣдь какъ она рвалась изъ деревни! Чтѣ ей помѣшало уѣхать? Почему она промучилась столько лѣтъ на моихъ глазахъ? Денегъ не было. Будь у насъ деньги — мы бы съ ней уѣхали куда-нибудь подальше, и она бы еще была жива. Чтѣ меня разлучить съ Глѣбомъ? Опять деньги, и все деньги. Безъ нихъ нѣтъ спасенія. Однимъ богатымъ счастье, любовь, житье на землѣ! А намъ, бѣднягамъ — одна участь, — ложись да умирай.

Еля сказала эти слова съ отчаяніемъ, не подозрѣвая, какъ тяжело онѣ ложились на сердце Маргариты Борисовны. О, еслибъ ее не связывалъ священный обѣтъ, съ какою радостью она осыпала бы Елю золотомъ! Маргарита Борисовна такъ страстно умѣла любить когда-то, что не могла не сочувствовать молодой дѣвушкѣ; но понимая ее всей душой, она все-таки не допускала возможности пожертвовать ей своимъ сокровищемъ.

Пробило полночь. Еля сѣла на постель.

— Еля, замѣтила Маргарита Борисовна, ты сегодня не молилась.

Еля встала и машинально прошептала молитву.

— Еля, заговорила опять Маргарита Борисовна, ты не думаешь о молитвѣ.

— Нѣтъ, бабушка, я не могу молиться сегодня.

— Принуди себя, другъ мой. Вѣдь и святые не всегда были расположены къ молитвѣ.

— Ахъ, бабушка! Мнѣ вмѣнится въ молитву сегодняшній день, отвѣчала Еля. Вы никогда не разставались съ любимымъ человѣкомъ.

Маргарита Борисовна не возражала: она стала на колѣни передъ семейными иконами, умоляя ихъ послать спокойствіе скорбящимъ; но молитва не разсѣяла смущенія, которое наполняло ея душу.

XI.

Еля во всю ночь не сомнула глазъ и до разсвѣта вышла на цыпочкахъ изъ спальни.

Она взяла перо и написала въ Катеринѣ Павловнѣ:

«Тѣтя Катя, я вспомнила, что черезъ два дня разыгрывается лотерея; выиграшь въ пятьдесятъ тысячъ. Сегодня еще можно достать билетъ. Умоляю тебя, какъ ты получишь мою записку, отправляйся, не теряя ни минуты въ Юнкеру и возьми для меня билетовъ. Къ счастью, я не истратила сорока цѣлювыхъ, которые вы съ бабушкой мнѣ подарили на именины. Посылаю ихъ тебѣ.

«Представь себѣ, что всю ночь меня преслѣдовала лотерея, и какой-то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что я должна взять билетъ. Кто знаетъ?... Ахъ! еслибъ я выиграла».

Еля не дождалась, чтобъ всѣ встали въ домѣ; она разбудила горничную и немедленно отправила ее съ запиской въ Катеринѣ Павловнѣ.

А между тѣмъ благодатный сонъ овладѣлъ Маргаритой Борисовной. Когда она проснулась, ей показалось, что всѣ тревожныя чувства протекшаго дня мучили ее во снѣ, и она пришла въ ужасъ отъ одной мысли, что кто-нибудь могъ попытаться отнять у нея завѣтное сокровище. За то слова Анны Алексѣевны она должна была признать горькой дѣйствительностью. Собравшись съ духомъ, она написала въ управляющему приказаніе немедленно явиться въ Москву и пожалѣла въ душѣ, что вчерашняя размова съ Катериной Павловной лишить ее помощи Немирова, въ трудномъ дѣлѣ многолѣтняго учета. Но просить у ней услуги Маргарита Борисовна не согласилась бы ни за что на свѣтъ—разговоръ съ Катериной Павловной залегъ ей въ душу.

Еля, съ нетерпѣніемъ ожидавшая пробужденія бабушки, сообщила ей свои предчувствія и надежды; Маргарита Борисовна ухватилась за нихъ съ юношескимъ увлеченіемъ, и сама взяла еще лотерейныхъ билетовъ.

До розыгрыша оставалось два дня; Еля въ эти дни бродила какъ тѣнь по дому, нигдѣ не находя себѣ мѣста. То она молилась, то гадала въ карты, то садилась къ ногамъ Маргариты Борисовны и спрашивала въ сотый разъ: какъ она думаетъ, достанутся ли ей пятьдесятъ тысячъ?... Потомъ она вставала, принималась ходить, и ходила до упада. Ея разстроенное воображеніе довело ее до полной увѣренности, что ей, непременно ей, достанется выигрышный билетъ. Свое лихорадочное нетерпѣніе она сообщила и Маргаритѣ Борисовнѣ. Онѣ вдругъ зажили одной жизнью; никогда еще онѣ не были такъ близки другъ къ другу.

Еля получила письмо отъ Глѣба и отвѣчала загадками, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, кромѣ того, что она ждетъ отъ судьбы чего-то необыкновеннаго. Отсутствіе Катерины Павловны было для Ели необъяснимо, и она собралась идти къ ней.

— Ступай, душа моя, сказала Маргарита Борисовна. Но я тебѣ скажу, что Катя меня очень оскорбила: она упрекнула меня въ холодности къ тебѣ.... ожидала ли я этого?

— Я съ ней поссорюсь за такую выходку, отвѣчала Еля; я скажу ей, что вы были для меня всегда и въ особенности теперь.

У Катерины Павловны ее ждалъ Глѣбъ. Съ чувствомъ, свойственной всѣмъ влюбленнымъ, онъ пришелъ къ Немировымъ, увѣренный, что встрѣтитъ Елю и получить объясненіе ея загадочнаго письма. Но ни онъ, ни Катерина Павловна не раздѣляли ея надеждъ, и когда она вернулась домой, замѣтно было, что ея увѣренность значительно поколебалась.

Тяжело показалось Катеринѣ Павловнѣ явиться къ ней съ лотерей и объяснить, что выигрышъ достался купцу миллионеру.

Извѣстіе это такъ сильно потрясло Елю, что подѣйствовало на весь ея организмъ. Тоска ее преслѣдовала, и ея умомъ овладѣла *idée fixe*: лотерея, деньги, выигрышъ и проигрышъ. Эта мысль сдѣлалась фокусомъ соединенія всѣхъ ея чувствъ и дѣйствій.

— Возьму непременно билетъ на будущую лотерею, думала или говорила Еля, и тетя Катя мнѣ привезетъ двѣсти тысячъ. Кто-то сказалъ, что не въ деньгахъ счастье. Видно, много было денегъ у того, кто это сказалъ!... Какъ мнѣ привезетъ тетя Катя 200 тысячъ, тотчасъ напишу Глѣбу: мы счастливы! мы богаты! Съ вѣмъ же я пошлю записку?... Ее пожалуй перехватитъ Анна Алексѣевна! Тетя Катя отвезетъ. Остановится у подѣзда, велитъ вызвать Глѣба и отдастъ ему записку. Я буду ихъ ждать въ столовой, у окна, и выбѣгу на крыльцо.... брошусь къ нему на

шею... Тогда, во снѣ.... онъ стоялъ на верху высокой лѣстницы....

И съ сладко-потрясающимъ смущеніемъ Еля видѣла около себя сіяющія радостью лица Глѣба, Катерины Павловны и бабушки. Въ ея воображеніи рисовался тяжелый сундукъ, обитый желѣзомъ и весь набитый грудами золота и серебра. Она отсчитывала нѣсколько тысячъ для раздачи бѣднымъ и улыбалась радости, которую вызывала. Иногда радужныя мечты смѣнялись тревожными. Ей казалось, что у ней украдутъ сундукъ; она требовала со слезами, чтобъ приняли мѣры для сбереженія ея клада, и увѣряла, что его возьметъ юродивый, который принесъ просфору Маргаритѣ Борисовнѣ.

— Бабушка, голубушка, говорила она цѣлуя ея руки, ради Бога не пускайте сюда юродиваго, онъ унесетъ мои деньги. Онъ въ заговорѣ противъ меня и Глѣба. Вы тогда посылали Глафиру Матвѣвну его догнать, а она не пошла. И она въ заговорѣ противъ насъ; Анна Алексѣевна всѣхъ подкупила. Всю душу мою бѣдную истерзала, бабушка!

По долгимъ часамъ заглядывалась она на высокую липу, которая росла въ саду, и почти отъ самаго корня обросла вѣтвями. Елѣ казалось, что голыя вѣтви липы покрываются молодыми весенними листочками, а листочки обращаются въ червонцы и горятъ сплошной, золотой массой подъ солнечными лучами. То они шевелются подъ взрывомъ сильнаго вѣтра, и сотнями, тысячами сыплются на землю, сыплются съ металлическимъ шумомъ, который вдругъ переходитъ въ оглушающій громъ.... Иногда Еля хватала себя за голову и говорила съ ужасомъ:

— Ужъ не сошла ли я съ ума?

Маргарита Борисовна была сильно поражена ея состояніемъ, и слова Катерины Павловны воскресли въ ея памяти.

По ночамъ ей являлся образъ умирающей Сони, просящей свободы, здоровья, теплаго воздуха; Маргарита Борисовна металась въ постели, стараясь забыться; но отъ Сони мысли ея переносились на Елю, которой угрожала участь хуже смерти, и глаза ея съ невольнымъ страхомъ останавливались на молодой дѣвушкѣ: Еля сидѣла на постели и бредила о лотерейномъ выигрышѣ, а къ утру засыпала горячечнымъ сномъ и опять бредила.

Ея состояніе утаили отъ всѣхъ, преимущественно отъ Глѣба, и гостепріимный домъ Маргариты Борисовны закрылся для посѣтителей, за исключеніемъ Катерины Павловны: личная неприятность была забыта передъ общей заботой о больной. Катерина

Павловна приѣзжала съ ранняго утра и перѣдео сидѣла до поздней ночи; она ни разу не упомянула о разговорѣ, который измѣнилъ ея отношенія къ Маргаритѣ Борисовнѣ, но каждое ея слово, каждый взглядъ были нѣмымъ укоромъ старушкѣ. Нѣсколько разъ Маргарита Борисовна принималась говорить о тяжеломъ бремени, лежавшемъ на ея душѣ — Катерина Павловна умышленно молчала и выраженіе ея лица ясно говорило:

— Я не умѣю сочувствовать безплодному горю.

Обѣ женщины съ одинаковымъ рвеніемъ ухаживали за Елей, но ихъ усилія были напрасны: мысли молодой дѣвушки путались все больше и больше. Наконецъ Катерина Павловна съѣздила за докторомъ умалишенныхъ, и со всѣми возможными предосторожностями привезла его къ Елѣ.

Докторъ распросилъ подробно о причинахъ нервнаго расстройства, и переговоривъ съ больной, объявилъ, что она на волосъ отъ полного помѣшательства.

Когда онъ уѣхалъ, Катерина Павловна заплакала, а Маргарита Борисовна съ громкимъ воплемъ упала на постель.

— Господи! сказала она вслухъ, внуши мнѣ, что мнѣ дѣлать! Не въ силахъ я выдержать такую пытку.

Она встала вдругъ, и какъ растерянная остановилась посреди комнаты. Катерина Павловна на нее смотрѣла съ мучительнымъ замираніемъ сердца, понимая, что борьба, давно начавшаяся въ ней, разрѣшается въ эту минуту.

— Поѣду я къ своему духовнику, сказала Маргарита Борисовна, какъ будто рассуждая сама съ собой. Пусть онъ рѣшитъ что дѣлать.

— А если онъ не рѣшитъ въ ея пользу? замѣтила Катерина Павловна.

— И то! сказала Маргарита Борисовна.

Она одумалась и остановилась передъ старинными иконами.

— Что мнѣ дѣлать? мысленно вопрошала она ихъ.

Но ни одного слова не отвѣтили ихъ постные, равнодушные, безучастные лики; а Маргарита Борисовна ждала чего-то, ждала живого слова, которое бы отозвалось на внутренней голось, говорившій въ пользу Ели. — Она взглянула на просфору, чудеснымъ случаемъ принесенную юродивымъ, и воспоминаніе того кто говорилъ во снѣ: «Богъ слезки считаетъ», охватило все ея существо. И вспомнила она не горькія свои слезы, а радостныя, пролитыя въ неправедныя ночи.... «Законное и тихое счастье Ели не скорѣе ли молитвы и поста искупить ея грѣшное счастье?...»

Маргарита Борисовна открыла дрожащей рукой Евангеліе, лежавшее возлѣ образовъ, и прочла первую строчку попавшуюся ей на глаза:

«Милости хочу, а не жертвы».

— Катя! Катя! кривнула она, приведи сюда Елю.

Катерина Павловна бросилась на шею Маргаритѣ Борисовнѣ, потомъ побѣжала на верхъ. Нѣсколько приготовивъ Елю, она сказала ей, что бабушка желаетъ сообщить ей хорошую вѣсть.

— Бабушка, что такое?... мой билетъ выигралъ?... спросила Еля поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, — а юродивый тебѣ принесъ шестьдесятъ тысячъ, отвѣчала Маргарита Борисовна.

— Еля вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Къ вечеру у ней открылась горячка, которая спасла ее отъ помѣшательства, — и, Боже мой! какъ хорошо было выздоровленіе!

Анна Алексѣевна узнавъ, что Маргарита Борисовна накопила шестьдесятъ тысячъ, пріѣхала къ ней извиниться въ своей горячности, и сама сдѣлала предложеніе для Глѣба.

— Не ожидала я отъ нее такого подвига! говорила Анна Алексѣевна; — не ожидала! Кто-жь ее пойметъ? Домъ въ упадкѣ, имѣніе разорено, а какъ и путная, деньги откладывала въ опежунскій совѣтъ.

Ольга Н.

ТУРКЕСТАНЪ

и

ЕГО РЕФОРМЫ.

Изъ записокъ очевидца.

Въ концѣ 1867 года, изъ части бывшей Семипалатинской области и вновь приобрѣтенныхъ владѣній нашихъ въ Средней Азiи, учреждено Туркестанское генераль-губернаторство, и тогда наступили въ этомъ краѣ преобразованiя. Такъ составились двѣ области Сыръ-Дарьинская и Семирѣченская, въ-которой укр. Вѣрное, какъ резиденцiя военнаго губернатора, обращается въ областную городъ. Области раздѣлились на уѣзды, вмѣсто прежнихъ округовъ и другихъ административныхъ дѣленiй, далеко не одинабовыхъ по пространству и населенiю, и еще болѣе различныхъ по устройству въ нихъ управленiй, не соотвѣтствовавшихъ времени, нуждамъ края и видамъ правительства. Наконецъ, предстояло ввести новое управленiе киргизами въ уѣздахъ, провѣрить число юртъ, переписать юртовладѣльцевъ, составить вновь волости и аулы, избрать волостныхъ, аульныхъ старшинъ и бiевъ (народныхъ судей), распредѣлить между волостями и аулами мѣста зимнихъ стойбищъ, чего прежде не бывало, установить на новыхъ началахъ сборъ подати, прежде не равномерной въ разныхъ частяхъ края и, словомъ, реорганизовать все согласно правиламъ «Проекта положенiя объ управленiи въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ». Для выполненiя послѣдней задачи, были командированы въ каждый уѣздъ особыя комиссiи на нихъ возложили дѣло реорганизацiи въ кочевомъ населенiи.

«Но всё эти права — выразился Туркестанскій генералъ-губернаторъ въ предписаніи своемъ, данномъ по этому случаю комиссіямъ — не принесутъ надлежащей пользы, если члены комиссій не сумѣютъ пріобрѣсти у туземцевъ уваженія къ себѣ и довѣрія къ своимъ намѣреніямъ. Того и другого можно достигнуть только безукоризненною честностію, терпѣливымъ и мягкимъ обращеніемъ съ киргизами и искреннимъ желаніемъ, опираясь на новые законы, улучшить ихъ положеніе. Я требую, чтобы члены комиссіи, понявъ всю важность настоящаго порученія, вложили бы душу въ дѣло, за которое берутся, и работали честно, энергично и сознательно».

Реорганизація должна была окончиться въ продолженіе зимы потому, что киргизы, съ наступленіемъ весны, оставляютъ зимнія стойбища и расходятся по всему пространству извѣстнаго района, перемѣшиваясь между собою и мѣняя мѣста кочевоекъ.

Между прочими свѣдѣніями, какія комиссіи обязаны были представить по окончаніи порученія своего, имъ предложено было пріобщить къ донесенію и всякаго рода собранныя ими свѣдѣнія, имѣющія административный или научный интересъ. Мнѣ пришлось быть участникомъ одной изъ подобныхъ комиссій, а именно Вѣрненскаго уѣзда.

Наша комиссія, въ составѣ двухъ членовъ, переводчика и 5 казаковъ, съ тяжестями на 8-и верблюдахъ, не считая вьючныхъ лошадей, прислуги и проводниковъ, отправилась изъ Вѣрнаго въ степь 6-го декабря 1867 года. Казачья станица Надежинская, въ 50-ти верстахъ отъ города къ востоку, есть послѣдній пунктъ русской осѣдлости. Выѣзжая отсюда, и минуя кладбища съ полунаклонившимися надъ сыпучими сугробами скромными крестами, вы вступаете въ пустыню. До ближайшаго китайскаго города Кульджи, разореннаго дунгенами, какъ и прочіе города западной части Небесной имперіи, этой Сибири Китая, не ближе 400 верстъ, съ переправами чрезъ высочія каменистыя горы и частію безводныя пространства. Да еще развѣ при озерѣ Иссыкъ-Куль (300 верстъ слишкомъ отъ Вѣрнаго) стоитъ уединенно, далеко вправо отъ этой дороги, подъ хребтомъ горъ, русскій отрядъ, имѣющій деревянную казарму, магазины, два-три домика, построенные офицерами... и весьма достаточную долю скуки.

До дня нашего выступленія изъ станицы Надежинской (въ декабрѣ) было еще сухо, какъ лѣтомъ, и такъ тепло, что мы ходили въ кителяхъ, но 8-го декабря вдругъ настала зима. —

Не мало и перенесла эта комиссія, проведя зиму и весну

въ степи: многіе изъ членовъ подобныхъ комиссій, бывшихъ во всѣхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, заплатились здоровьемъ, а одинъ изъ нихъ и жизнью за дѣло преобразованія. Пишущій эти строки также не забудетъ роковой для него рѣчки Тарганъ, журчащей между снѣгами гористой пустыни, гдѣ, въ бреду начинающейся горячки, напрасно отъ жажды онъ протягивалъ руку къ стакану, наполненному сплошнымъ до дна кускомъ льда, замѣнившимъ воду въ холодной куртѣ...

Итакъ, Вѣрненская комиссія тронулась въ путь. Снѣгъ, закрѣпленный послѣ бурана морозомъ, уже покрывалъ безграничное пространство ослѣпительнымъ однообразнымъ колоритомъ; по сторонамъ тянулись каменистые края горъ, мерцающіе тѣмъ же яркимъ бѣлымъ блескомъ, а въ ущельяхъ, по которымъ въ другое время года проходятъ тропинки, для проѣзда верхомъ по берегамъ потоковъ, теперь замерзшія массы выпуклаго льда, нависшія неподвижными каскадами, упирались въ оба каменистые берега, дѣлая проѣздъ не только крайне затруднительнымъ, но иногда и рискованнымъ. Только сапоги съ подковками на шипахъ и палка съ желѣзнымъ остриемъ на концѣ могли предохранять непривычнаго отъ безпрестанныхъ паденій. Эта картина зимы въ степи, гдѣ, вмѣсто привѣтливаго огонька изъ теплой избы, перезябшаго путника ожидаетъ остановка на снѣгу, нерѣдко безъ дровъ, хотя и разнообразилась иногда волнистою мѣстностію и прекрасными видами среди самыхъ горъ, но, можно сказать, никогда не сбрасывала съ себя общаго характера дикости и безлюдности, представлявшихъ весьма мало данныхъ для преодоленія невольнаго чувства унынія, усиленнаго ощущеніями постоянного неудовлетворенія организма, стынувшаго день-о-то-дня все болѣе, днемъ на конѣ, а ночью въ куртѣ, гдѣ морозъ вступалъ въ свои права тотчасъ по прекращеніи огня изъ вѣточекъ карагайника или тезека (визьяка), тутъ же собираемаго по степи.

Такъ комиссія провела всю зиму, занимаясь организаціею кочеваго населенія, которую, несмотря на неизбѣжную медленность небывалой здѣсь прежде переписи всѣхъ кротовладѣльцевъ по именамъ и отчествамъ (киргизскимъ) и другія непредвидѣнныя сначала затрудненія, слѣдовало окончить въ три мѣсяца. Предстояло объѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, верхомъ, съ верблюдами, чтобы побывать хотя разъ на всемъ пространствѣ уѣзда; но требовалось повторить объѣздъ и даже думали о пользѣ третьяго объѣзда. Поэтому комиссія, имѣя въ виду всю важность возложеннаго на нее порученія, громадность пространства и относительную краткость времени, дорожила каждымъ днемъ и часомъ, рассчитывая ихъ единственно для окончанія, по возможности, въ срокъ хотя

перваго своего объѣзда, съ которымъ сопряжено было также удовлетвореніе любопытства народа, возбужденнаго толками о реформѣ, и успокоеніе умовъ безотлагательнымъ введеніемъ повсюду администраціи и суда, временно парализованныхъ періодомъ между одряхлѣвшимъ старымъ порядкомъ и установленіемъ новаго преобразованія.

При такихъ условіяхъ, можно ли было ожидать отъ комиссіи, чтобы она, въ столь неблагоприятное время года для экскурсій — еслибъ она имѣла возможность ими заниматься, — наблюденій и даже письменныхъ занятій (богда не только руки зябли, но и чернила мерзли), могла собрать обильный запасъ свѣдѣній, добросовѣстно провѣрить ихъ и, по строгому критическому обсужденію, составить записки съ серьезнымъ значеніемъ въ смыслѣ интереса научнаго, или административнаго?

Но если и немногія замѣтки, схваченныя комиссіею налету и частію возникшія отъ прежнихъ впечатлѣній, могутъ принести хотя малую пользу администраціи, или пополнить свѣдѣнія о краѣ, столь недостаточно еще извѣданномъ и описанномъ, то уже одна надежда на такой утѣшительный исходъ труда ободряетъ на предпріятіе его.

Дѣйствительно, комиссія такъ близко была сопоставлена съ бытомъ народа, его нравами, желаніями, что отзывы ея не лишены интереса. На долю ея выпало: посреди сборищъ, нерѣдко въ 1,000 человекъ и болѣе, въ долгихъ и терпѣливыхъ бесѣдахъ съ народомъ, внушать ему довѣріе не только къ могуществу, но и къ справедливости, превосходству умственнаго и нравственнаго развитія поборителей, требующихъ прежде всего уваженія къ гражданственности, общечеловѣческимъ правамъ, пробужденія умственной и промышленной дѣятельности, — для подготовленія къ переходу отъ вочевого порядка жизни къ осѣдлому, къ группировкѣ, какъ первому условію зачатковъ общества и цивилизаціи, невозможной — какъ это доказано и опытомъ — при разсѣянномъ размѣщеніи населенія, хотя бы даже и не вочевого. Зимнія же стойбища киргизовъ представляли именно это разсѣяніе на огромномъ пространствѣ, по 2, по 3 юрты, отдаленныя отъ другихъ какъ значительнымъ разстояніемъ, такъ и трудностію сообщеній зимою, при истощеніи скота отъ скуднаго подножнаго, или лучше, подснежнаго корма; а изъ киргизовъ развѣ самый несчастный бѣднякъ ходитъ пѣшекомъ.

Кажется, многими киргизами были поняты наши убѣжденія строить бурганы¹⁾ на зимнихъ стойбищахъ, по примѣру болѣе

¹⁾ Огороженные склады хлѣба, сѣна и проч., при чемъ возникаютъ землянки и дома.

уже обрусѣвшихъ ихъ соплеменниковъ въ Средней ордѣ, съ затонами хотя сначала для мелкаго скота и съ запасами сѣна на случай бурановъ или «джута»¹⁾. Подобные курганы построены уже, въ числѣ нѣсколькихъ десятеговъ, нѣкоторыми киргизами, но преимущественно сартами, по р. Чилику и по направленію караванной дороги изъ Кульджи въ гор. Вѣрный, а также и вблизи послѣдняго. Къ курганамъ пристають проходящіе караваны, покупая сѣно, дрова зимою, провизію и проч. Недавно показались въ степи 3, 4 деревянные дома, частью уже отстроенные, а частью неоконченные, и принадлежащіе киргизамъ; но убѣжденіе послѣднихъ въ удобствѣ дома еще не глубоко уворенилось. Едва ли построенные дома вблизи Вѣрнаго не представляютъ явленія азіятскаго тщеславія; по крайней мѣрѣ ни одинъ еще изъ нихъ не обитаемъ.

Вблизи вепальской дороги виднѣется пиветь Терсаганскій, упраздненный вслѣдствіе перенесенія дороги на другое мѣсто. Это зданіе было подарено одному изъ вліятельнѣйшихъ и богатыхъ киргизовъ, лицу, которое давно уже хвалится передъ русскими, что скоро будетъ строить себѣ домъ. Однако пиветь обращенъ въ помѣщеніе для скота, а потомокъ знаменитаго Аблая предпочитаетъ оставаться въ куртѣ, въ виду подареннаго ему дома. И не удивительно. Съ 1853 года, когда появились едва ли не первыя землянки русскаго отряда на урочищѣ Алматы — будущіе домики гор. Вѣрнаго — прошло слишкомъ немного времени, чтобы вочевники могли оцѣнить выгоды осѣдлой жизни и хотя отчасти усвоить ихъ себѣ.

Киргизы Большой орды болѣе магометане, чѣмъ многіе русскіе это думаютъ. Они, правда, не читаютъ корана, потому что почти всѣ безграмотны, но чтутъ праздники и посты, въ которыхъ, случалось намъ видѣть не разъ при захожденіи солнца, они цѣлыми группами становятся на колѣни и читаютъ молитвы, поглаживая лица и бороды и дѣлая земные поклоны. Цѣлый мѣсяцъ поста (ураза) почти всѣ киргизы — исключенія были очень рѣдки — оставались по цѣлымъ днямъ, до вечера, безъ всякой пищи, даже безъ глотка воды. Коранъ разрѣшаетъ въ дорогѣ не держать носта, но киргизы, которые были съ нами, несмотря на холодъ, постились постоянно до заката солнца. Нерѣдко бѣдняки, созданные комиссіею за 15-ть верстъ изъ окрестныхъ ауловъ, возвращались вечеромъ домой, по обыкновенію шагомъ

¹⁾ Бѣдствіе въ степи, когда, послѣ оттепели, земля покрывается ледяною корою и скотъ не можетъ копытомъ добывать себѣ корма, отъ чего и гибнетъ иногда десятками тысячъ.

(да и лошади зимою тощи и слабы) и, по расчету времени, могли прибывать на мѣсто далеко послѣ захода солнца. А въ юртахъ, зимою, развѣ только самые богатые имѣютъ базы¹⁾ и копченую баранину, чтобы положить въ казанъ, гдѣ кипитъ кузь, т. е. вода съ ишенною крупкою, приготовляемою чрезъ поджариваніе проса и толченіе его потомъ въ ступеѣ. Съ наступленіемъ лишь весны стало появляться молоко, которое будучи влито въ кузь, съ прибавкою соли, превращаетъ это скудное, повидимому, блюдо въ весьма вкусное и довольно питательное. Только гдѣ-то голодающая, можно сказать, степь поправляетъ свою отщадность: скоть—сочною травкою, а люди—благодѣтельными кумысомъ, почти замѣняющимъ въ степи всѣ кушанья, даже и для европейца, привыкающаго въ этому здоровому и питательному напитку.

Когда комиссія объясняла народу, какъ важны для блага страны новые законы, то нерѣдко толпа, съ восклицаніями неподдѣльнаго чувства, молилась за падишаха, какъ они называютъ государя, по-мусульмански. Это же случалось и при напутствованіи отъѣзжающей комиссіи, возвѣстившей народу о новыхъ милостяхъ. То же поглаживание бородъ и всѣ приемы правобѣрныхъ.

Къ счастью, въ Большой ордѣ не были введены правительствомъ указные муллы, за исключеніемъ одного, безвыѣдно живущаго въ Вѣрномъ и наставляющаго законамъ Магомета преимущественно татаръ особой слободы и сартовъ. Мечетей также вовсе нѣтъ на пространствѣ отъ Копала до Токамака, за исключеніемъ одной въ Вѣрномъ. За тѣмъ, можно сказать, что религіознаго фанатизма между киргизами уѣзда не замѣчается.

Киргизъ чрезвычайно переносливъ; ему не въ диковинку, напримѣръ, нѣсколько дней оставаться безъ пищи. Не говоря о бѣдныхъ, даже зажиточные, собираясь въ дорогу, хотя бы и за 300 верстъ, никогда почти не берутъ съ собою съѣстныхъ припасовъ; рѣдко у какого-нибудь джигита замѣтишь привязанную къ сѣдлу баранью копченую ногу, а ѣдетъ компанія челоуѣвъ въ 7 и болѣе. Они заѣзжаютъ обыкновенно въ первый попавшійся аулъ и пользуются тѣмъ угощеніемъ, какое имъ предложить хозяинъ, изъ гостепримства, иногда и очень бѣдный.

При мнѣ изъ Борохудзирскаго отряда послались за границу, въ разѣздъ, за 20 и болѣе верстъ, два охотника-киргиза; имъ поручено было пробраться въ китайскій городъ Аккентъ, гдѣ, по слухамъ, появилось сборище таранчей, и привезти свѣ-

¹⁾ Колбаса изъ лошаднаго мяса съ жиромъ.

дѣнія въ отрядъ. На тощихъ маленькихъ лошаденкахъ, одинъ съ пивой, другой съ заржавленной саблею, стариннаго образца, собрались молодцы, передъ вечеромъ, въ опасный путь, и когда я замѣтилъ, что у нихъ нѣтъ ничего съ собою съѣстнаго — а между тѣмъ всѣ почти западные китайскіе города и селенія разорены и обращены въ пустынные развалины, среди которыхъ истлѣваютъ только трупы людскіе, жертвы жестокости дунгеней и таранчей — то они весело отвѣчали, что *уже пообѣдали*. Черезъ сутки удальцы вернулись. Ночью они подползли къ непріятельскому посту и, воспользовавшись безпечной бесѣдой таранчей у огня, похитили у нихъ двѣ лошади съ сѣдлами и прибыли въ отряды съ требуемыми свѣдѣніями и добычей, которую имъ же и подарили. Одинъ изъ старшихъ султановъ Большой орды рассказывалъ мнѣ, что ему случалось въ молодости, на барантѣ, быть безъ пищи по 8 дней. Кстати о барантѣ. Въ прежнія времена, до прибытія сюда русскихъ, баранты были непрерывны, какъ единственное развлеченіе, дающее исходъ празднымъ силамъ и духу удальства джигитовъ, а также какъ потребность мщенія, не говоря о приманкѣ легкаго обогащенія насчетъ оплошнаго врага. Въ одинъ изъ скучныхъ переѣздовъ нашихъ по тающему снѣгу, среди глубокой тишины степи, отражающей сверкающими алмазами блѣстки снѣга и мѣстами обнаженной уже отъ полуденныхъ лучей весенняго солнца, мы заставили проводника киргиза, порядочно говорящаго по-русски (что здѣсь рѣдко встрѣчается), рассказать что-нибудь о своей прежней жизни, бывалъ ли онъ на барантахъ и проч. Здоровый дѣтина, лѣтъ 33-хъ, показавъ сначала свои какъ слоновая кость зубы, при улыбкѣ вызванной, вѣроятно, воспоминаніемъ, дѣйствительно рассказалъ одно изъ своихъ походовъ. Содержаніе его, вкратцѣ, слѣдующее.

Еще далеко до прибытія сюда русскихъ, онъ, съ партіею товарищей изъ рода чапраштовъ, былъ на барантѣ у сарыбагической, за р. Чу, но неудачно: попался въ плѣнъ. Посадили молодца, по обыкновенію, совершенно нагого въ яму, вырытую въ юртѣ, и накрыли. Тамъ онъ сидѣлъ нѣсколько сутокъ, довольствуясь молокомъ съ водою, что ему давалъ хозяинъ. Ночью, на керегахъ¹⁾, застилавшихъ юрту, ложились спать хозяева, позволяя себѣ, предъ тѣмъ, всякія безчинства съ плѣнникомъ въ ямѣ. Но вотъ, въ одно утро, во время отсутствія родителей, семилѣтняя дочка ихъ, сжалившись надъ страдальцемъ, освободила его, и онъ побѣжалъ въ степь безъ оглядки, въ томъ же

¹⁾ Деревянная рѣшетка, составляющая стѣнки юрты.

видѣ, какъ сидѣлъ въ ямѣ, т. е. безъ всякой одежды, и такъ наткнулся онъ на двухъ женщинъ; старая схватила его, чтобы выдать, но молодая, поглядѣвъ на джигита, засмѣялась и упростила старую не задерживать его. Она же принесла ему еще и халатъ на дорогу. Продолжая за тѣмъ бѣжать, раскащикъ къ вечеру увидаль вдали табунъ, дождался ночи и, подкравшись къ спящему пастуху съ чумбуромъ¹⁾ въ рукѣ отъ пасущейся возлѣ лошади, перегрызъ чумбуръ и былъ таковъ—на украденной лошади. Этотъ рассказъ даетъ нѣкоторое понятіе о бытѣ киргизовъ до водворенія здѣсь русской власти. Съ тѣхъ поръ баранты стали несравненно рѣже. Въ послѣднюю осень — а въ это время, при темныхъ ночахъ, они наиболѣе бывали часты—баранты случались лишь изрѣдка, и то вблизи китайской границы, какъ слѣдствіе неурядицы въ западномъ Китаѣ отъ инсurreкціи и частью по враждѣ нашихъ киргизовъ съ откочевавшими туда родовичами; въ другихъ же мѣстахъ воевоковъ Большой орды баранта становится рѣдкимъ исключеніемъ.

Между киргизами, особенно сарыбагишами изъ рода Бѣгу, мнѣ случалось слышать музыку на духовомъ инструментѣ, въ родѣ свирѣли, съ мѣднымъ раструбомъ на концѣ. Музыкантъ выдѣлывалъ съ большою легкостью затѣйливые пассажи, далеко нелишенные блеска и пріятности. Между прочимъ онъ мнѣ сыгралъ условный вызовъ на баранту — небольшая мелодія очень бойкаго, суетливаго характера. Вообще музыка этого удалого виртуоза, въ киргизскомъ войлочномъ колпакѣ, на тощей лошади, переливами своими и длинными нотами, какъ эхо, напоминала швейцарскія аріи, и какъ это случилось между высокими живописными горами, но дорогѣ на Иссыкъ-Куль, то очарованіе казалось еще полнѣе. По сигналу къ барантѣ, обыкновенно въ глухую ночь, раздавались крики «Атанъ Аблай²⁾» — и все воскресало: всадники вооружались длинными пиками, соколами, айбалтами³⁾, а кто и длиннымъ ружьемъ, снабженнымъ виллообразною подстановкою и фитильнымъ замкомъ, и дружина отправлялась за сотни верстъ отгонять табуны враждебнаго племени, пробираясь опасными горными тропинками и скрываясь днемъ въ тущобахъ болѣе пустынной мѣстности.

Но баранты собираются и безъ сигналовъ на сказанномъ

¹⁾ Чумбуръ—длинная шерстяная веревка, для привязыванія лошади.

²⁾ Атанъ—оконайся. Аблай былъ знаменитый ханъ Большой орды. Потомки его Аблайхановы были старшими султанами.

³⁾ Сокола—здоровая палка съ утолщеніемъ на концѣ; айбалта—топорикъ на длинной древкѣ.

музыкальномъ инструментѣ, который встрѣчается въ степи довольно рѣдко. Вообще нельзя сказать, чтобы киргизы имѣли большую склонность къ музыкѣ. Соскучившійся въ обратномъ пути почтарь бывшаго Алатовскаго управленія, болѣе или мене расторопный джигитъ, котораго вся степь знаетъ, затынетъ бывало громкую пѣсню, сочиняя текстъ экспромтомъ и почти всегда на извѣстный уже киргизскій мотивъ, протяжный, но не унылый; мальчикъ-пастухъ, въ теплую лѣтнюю ночь, карауля барановъ, пасущихся на зеленыхъ холмахъ вокругъ аула, залетается своимъ звонкимъ, младенческимъ голосомъ—все на тотъ же мотивъ — чтобы отогнать слипающій его вѣки неотступный сонъ, да записной киргизскій пѣвецъ, настроивъ свою трехструнную гитару, или лучше, балалайку, сочиняетъ вамъ куплеты — опять на тотъ же мотивъ — съ припѣвами и прелюдіями своего изобрѣтенія... вотъ и вся музыка, какую мнѣ удавалось слышать въ Большой ордѣ. Въ куплетахъ импровизаторъ воспѣваетъ какое-нибудь приключеніе романтическое, или удалое изъ жизни степной, или комическое, со вставленіемъ иногда смѣшно произносимыхъ русскихъ словъ, а въ присутствіи начальника считаетъ долгомъ любезно сочинить ему похвалы, воспѣвая его достоинства и могущество власти. Комиссіи удалось слышать пѣсни и по поводу преобразования; въ нихъ повторялись наиболѣе поразившія публику слова, сказанныя ей комиссіею по-киргизски. Напримѣръ: «ага-султанъ джокъ! улау джокъ! тюз джокъ! кой джокъ, канча джокъ!» т. е. старшихъ султановъ не будетъ, не будетъ сбора подводныхъ лошадей, верблюдовъ, барановъ! не будетъ нагайки!...

Совершенно другого рода музыку удалось мнѣ слышать въ той же степи, на равнинѣ, окружающей великолѣпное озеро Иссыкъ-Куль, но это было въ походной молельнѣ китайскихъ эмигрантовъ, разсѣявшихся въ послѣдніе годы весьма значительными массами на пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ Вѣрненскаго, Иссыкъ-кульскаго и Копальскаго. Молельня состояла изъ длинной зеленой палатки, къ которой, въ видѣ алтаря, приставлена была юрта, завѣшанная внутри рисованными на матеріяхъ образами, со множествомъ свѣчъ предъ маленькимъ мѣднымъ раскрашеннымъ и благообразнымъ бурханчикомъ, по сторонамъ котораго были еще два, уродливые, въ позахъ, какъ бы угрожающихъ варюю неба. Предъ входомъ въ палатку курились фиміамъ на нѣсколькихъ треножныхъ мѣдныхъ вурилкахъ. Подлинѣ молельни, въ два ряда, расположилось на полу духовенство, преимущественно въ желтыхъ одеждахъ, безъ косъ и съ бритыми усами и бородами. Всѣ эти ламы, челоуѣкъ до 20,

имѣли въ рукахъ либо колокольчичи, на подобіе тѣхъ, какіе употребляются въ католическихъ костелахъ, либо мѣдныя тарелки—очень звонкія, либо другіе музыкальные инструменты въ родѣ кларнетовъ и трубъ; были и раковины, широкое отверстие которыхъ распространяло особый глухой звукъ, производимый надуваніемъ въ продѣланное отверстие съ противоположнаго конца. Наконецъ по обѣ стороны сидящихъ ламъ протягивались двѣ испанскія мѣдныя трубы, поддерживаемыя на подставкахъ, и производили, при надуваніи ихъ двумя здоровыми молодцами, со всей силы, одинъ и тотъ же звукъ, весьма почтенный по числу сотрясеній, производимыхъ имъ въ воздухѣ, а при входѣ возвышались, на подставкахъ, два огромныхъ размѣровъ барабана, въ которые мѣрно колотили особою палочкою, съ утолщеніемъ на концѣ, обтянутымъ мягкою оболочкою. При приближеніи къ моельнѣ, доносился оттуда очень странный шумъ, похожій на тотъ, какой издаетъ паровая машина, до начала поѣзда по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Этотъ эффектъ производили допотопныя трубы, раковины и сверхъ всего этого десятки тарелокъ своими мѣрными ударами. Богослуженіе состояло изъ пѣнья какъ бы речитативныхъ псалмовъ, важнымъ, набожнымъ напѣвомъ, при чемъ всѣ инструменты, съ тарелками, отбивали тихо тактъ. По временамъ старшіе ламы звонили въ колокольчичи, а музыка дѣлала forte, которое, съ освобожденными отъ нажатія рукою тарелками и возвышеніемъ голосовъ, становилось очень разительно; потомъ опять все стихало на прежній мягкій тонъ, и это, при дикости и разнообразіи инструментовъ, хотя и не давало правильного аккорда, но не было противно уху. Пѣніе же, унисономъ, было правильно и выражало осмысленную мелодію своеобразнаго характера. Послѣ пѣнія, продолжавшагося непрерывно съ полчаса, ко мнѣ подошли калмыки съ вопросомъ, не будетъ ли довольно? Потомъ объяснили, что богослуженіе было за царя и Россію, приютившую ихъ, разоренныхъ и обиженныхъ дунгянами. Въ алтарѣ приличіе требовало положить нѣсколько денегъ въ маленькія блюда, разставленныя предъ образами и бурханомъ, а потомъ принять угощеніе отъ духовенства. Въ особой юртѣ, зажаренный цѣливомъ баранъ, съ рогатою головою, красовался среди стола, уставленнаго яствами и лакомствами на блюдечкахъ. При этомъ пришлось намъ попробовать чаю, чуть ли не съ бараньимъ саломъ и безъ сахару.

Описанная моельня теперь находится между станицами Софійскою и Надежинскою, въ горахъ.

Киргизы Большой орды, такъ недавно начавшіе осваиваться съ русскою властію (можно сказать, съ 1847 года), до сихъ

поръ если и терпѣли нерѣдко отъ своеволія безцеремонныхъ съ ними казаковъ, въ отрядахъ, при передвиженіяхъ войскъ и, въ особенности, при посылкахъ за верблюдами и юртами (почему казаковъ и боятся), то, съ другой стороны, русскіе начальники, желая приблизить къ себѣ киргизовъ вротостью, постоянно ласкали ихъ, особенно же людей вліятельныхъ, щедро осыпая ихъ наградами и даже офицерскими чинами, до полковника включительно. При этомъ киргизы переняли отъ русскихъ и обычай рукопожатія, съ примѣненіемъ его къ обращенію съ начальниками. Теперь, кажется, киргизы не боятся уже русскаго чиновника и, если послушны строгому привязанію прямого начальства, то, по-немногу, становятся иногда несомнѣнно уважительными къ проѣзжающимъ по степи офицерамъ, затрудняя ихъ въ наймѣ перевозочныхъ средствъ за приличную плату. Въ послѣднее время даже въ казну нанимались верблюды съ большимъ затрудненіемъ, несмотря на утроенную противъ прежнихъ годовъ плату. По понятіямъ орды, русская власть, лишенная права давать, по прежнему, свое рѣшеніе по тяжбамъ и жалобамъ, съ которыми все еще они пробуютъ обращаться ко всякому начальнику, а также, не требующая ни верблюдовъ и ничего съ киргиза бесплатно, какъ бы потеряла въ ихъ глазахъ прежнее обаяніе полнаго патріархальнаго господства, и это же обаяніе еще болѣе и быстрѣе потеряли теперь старшіе султаны и другія лица, пользовавшіеся прежде вліаніемъ на народъ. Такая внезапная переменна естественно произвела въ умахъ кочевниковъ, давно запуганныхъ и раболѣпныхъ предъ всякою властію, впечатлѣніе какъ бы нравственнаго опьяненія. Личныя качества русскаго начальника и прежняя еще привычка народа уважать въ немъ силу могутъ, конечно, сглаживать эти впечатлѣнія, а развитіе понятій эмансипированной орды докончить дѣло.

Нельзя не замѣтить еще одной черты киргизскихъ нравовъ. Болѣе лукавые изъ нихъ, особенно съ отличіями, нерѣдко выражаютъ наружно слишкомъ ужъ большую преданность къ русскому начальнику, безпрестанно являются къ нему съ пожеланіемъ здоровья, протягивая безцеремонно неопрятную руку свою, пристроиваются къ свитѣ его въ пути, и для неопытнаго чиновника могутъ показаться дѣйствительно усердными и полезными. Но, болшею частію, эти люди съ испорченною нравственностію, которые, показывая предъ народомъ, что они въ милости, эксплуатируютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ, нерѣдко даже во время самаго слѣдованія съ начальникомъ. Честный, умный киргизъ держитъ себя солидно, почтителенъ и остороженъ, онъ и руки не протянетъ; вліаніе этихъ-то скромныхъ

людей на орду, кажется, болѣе всего важно и можетъ послужить видамъ правительства, если соприкасающіеся съ народомъ русскія власти приобрѣтутъ къ себѣ довѣріе ихъ и искреннее уваженіе. Но слѣдуетъ замѣтить, что искренность чувствъ киргиза иногда трудно отличить отъ ловой лести, которая составляетъ почти общую принадлежность киргизскихъ нравовъ.

Много могутъ принести пользы кочевому населенію, въ отношеніи его развитія умственного и нравственного, просвѣщенные уѣздные врачи, если отнесутся къ своимъ обязанностямъ сочувственно, и оказывая пользу безпомощнымъ больнымъ, съ выдачею лекарствъ безмездно и научая гигиеническимъ правиламъ жизни, не будутъ устранять себя отъ бесѣдъ съ компаніей киргизской, которая, по всей вѣроятности, будетъ постоянно окружать ихъ, жадно вслушиваясь въ каждую новую мысль, въ умное разсужденіе, схватывая доступное для нихъ свѣдѣніе. Кажется, эти сыны природы, какъ и малыя дѣти, съ первобытнымъ инстинктивнымъ чувствомъ, очень чутко отличаютъ малѣйшую неискренность въ рѣчи, съ которою обращается къ нимъ русскій чиновникъ, и потому было бы предпочтительнѣе избѣгать мистификаціи и говорить всегда только прямую истину. Притомъ успѣху рѣчи съ киргизами часто много содѣйствуетъ облеченіе мысли въ образность, украшеніе ея «цвѣтами воображенія», примѣрами, съ спокойною твердостью тона, или сарказмомъ. Такія рѣчи болѣе нравятся и, оставляя по себѣ глубже впечатлѣнія, вѣрнѣе могутъ убѣдить киргиза. Было бы весьма полезно изданіе для народа книжекъ на его языкѣ, приспособленныхъ къ его понятіямъ и нравамъ. Интересъ этихъ изданій, побуждалъ бы къ грамотности, которая въ Большой ордѣ крайне мало распространена, а между тѣмъ любопытство составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ нравовъ этого народа. Но почти необходимо раздать въ волости достаточное количество печатныхъ экземпляровъ новаго положенія, насколько оно ихъ касается, — на татарскомъ языкѣ.

Въ 1867 году, мнѣ случилось быть зимою въ Борохузирскомъ пограничномъ отрядѣ. При возвращеніи оттуда, въ концѣ февраля, прямымъ путемъ, по степи, въ гор. Вѣрный, я долженъ былъ или рискнуть переправиться, гдѣ пришлось, чрезъ р. Илю, ледъ на которой уже готовъ былъ тронуться, или слѣдовать далеко по берегу до Илійскаго выселка, чтобы перебраться на паромѣ. Ледъ отъ берега отошелъ, по рѣкѣ блестяли полыньи, а противоположный берегъ былъ на разстояніи развѣ только голоса ¹⁾.

¹⁾ Киргизы нашихъ верстъ не понимаютъ, а версту называютъ «чакрымъ» — зовъ, какъ достигнетъ голосъ.

Подумавъ, посмотрѣвъ, храбрый джигитъ Чуюмбай съѣхалъ въ воду, съ трудомъ поднялся на ледъ и пробрался на ту сторону, за нимъ послѣдовалъ его родственникъ Чаготай, котораго лошадь едва уже вскарабкалась некованными копытами на гладкій ледъ, обломленный далѣе отъ берега первымъ смѣльчакомъ; за ними бросился офицеръ, меня сопровождавшій и такъ мы переправились всѣ. Но непріятно было первому испробовать крѣпость льда, чтобы указать другимъ путь, тѣмъ болѣе, что наканунѣ провалился уже киргизъ-почтарь, отдѣлавшійся потерей лошади, но не сумевъ съ казенными бумагами. Притомъ мы переправлялись рано поутру и морозъ еще не уступалъ лучамъ солнца, но джигиты не задумались снять съ себя обувь и проч., чтобы легче было и менѣе скользко на льду; каждый, взявъ по аркану ¹⁾ съ петлею, слѣдовалъ около меня съ готовностію, въ случаѣ бѣды, захватить меня веревкой. Промокшіе, они долго возились еще съ переправою верблюдовъ, не помышляя о собственной простудѣ и еще менѣе объ опасности. Я позволилъ себѣ упомянуть эти два почтенныя имени изъ особаго уваженія къ ихъ постоянной отвагѣ и рѣдкому усердію. Въ несчастію, первый изъ нихъ уже поплатился жизнію за свое рвеніе во что бы ни стало исполнить данное ему порученіе. Красивый атлетъ, съ добродушнымъ, умнымъ лицомъ, онъ былъ два раза посылаемъ въ прошломъ году изъ Вѣрнаго въ Нарынскій отрядъ къ полковнику П. съ деньгами серебряною монетою. Хотя сумма не превышала каждый разъ 150 рублей, но бѣдный джигитъ скорѣе бы разстался съ жизнію, чѣмъ съ завѣтною суммою. Въ первый разъ съѣздивъ онъ благополучно, но только замѣтно похудѣлъ, а во второй, при возвращеніи, уже на немъ лица не было: въ самый зной, объѣзжая подальше сомнительные аулы дивокаменныхъ киргизовъ, Чуюмбай, голодный, какъ и лошадь его, блуждалъ 18 дней по каменистымъ пустынямъ, пока отыскалъ отрядъ. Тронутый этимъ усердіемъ полковникъ П. подарилъ молодцу лошадей и два хорошіе халата, но батырь, послѣ того, таялъ какъ свѣча и чрезъ полгода умеръ отъ чахотки. Племянникъ же его, Чаготай, оба раза сопровождавшій перваго на Нарынъ, отличался еще недавно удалію при комиссіи; но и этотъ жалуется на боль въ груди, вслѣдствіе поѣздовъ съ бумагами на Нарынъ. На возвратномъ пути отъ витайской границы, чрезъ уроч. Сартъ-тогой, комиссія должна была переправиться чрезъ глубоко-връзанную въ берега, быструю, какъ всѣ горныя рѣчки, и довольно глубокую р. Чарынъ, берега которой, до полуверсты

¹⁾ Веревка изъ шерсти.

въ ширину, съ обѣихъ сторонъ, по всей длинѣ ея, покрыты весьма порядочнымъ лѣсомъ, представлявшимъ тогда дикую и грандіозную картину подъ покрываломъ густого тумана, засѣвашаго надъ влоочущею рѣкою и лѣсистыми берегами. Переправа въ бродъ представлялась незаманчивою. Знающій хорошо эту мѣстность, мой спутникъ и сотрудникъ капитанъ Б. предупредилъ меня, что придется намъ, спустившись въ рѣку, гдѣ берегъ поотложе, слѣдовать по самой рѣвѣ, стороною, съ $\frac{1}{2}$ версты до того мѣста, гдѣ можно перерѣзать теченіе и подняться на противоположный берегъ. Какъ дѣйствуетъ на голову быстрота теченія, мерцаніе и шумъ воды въ подобныхъ рѣчкахъ, хотя бы и въ нѣсколько саженой ширины, мнѣ уже по опыту было извѣстно. Поэтому, казавшееся невѣроятнымъ извѣстіе, полученное неожиданно чрезъ проводника, что вблизи есть *киризскій мостъ*, по которому можно пробѣхать верхомъ, было принято съ понятнымъ удовольствіемъ. Переночевавъ подъ сѣнію огромныхъ ясеней, валежникомъ отъ которыхъ мы согрѣвали свою юрту, любясь красивыми узорами дерева въ расколотыхъ кускахъ его, мы рано утромъ приблизились къ самой рѣвѣ, третья часть которой, по ширинѣ, была покрыта отъ берега льдомъ, а чрезъ остальное пространство, гдѣ мчались шумныя волны, былъ дѣйствительно устроенъ мостикъ изъ набросанныхъ кое-какъ и покрытыхъ землею вѣтвей, которыя сплелись между собою, какъ лучше не могъ бы этого придумать американскій механикъ, и хотя живой мостъ этотъ качался подъ ногами лошади, но выдержалъ весь поѣздъ нашъ и бѣольшую часть верблюдовъ съ тяжестями. Верблюды всегда затрудняютъ переправу чрезъ воду. Переводъ ихъ чрезъ рѣку и теперь продолжался не менѣе двухъ часовъ и стоилъ джигитамъ не только хлопотъ и трудовъ до изнуренія, но и холодной ванны. Одинъ изъ этихъ сухопутныхъ кораблей, сдѣлавъ шагъ на мостикъ и поглядывая пристально своими умными глазами на быстроту рѣки, глубину которой можетъ быть почувствовалъ, рѣшительно отказывался послѣдовать за товарищами, которыхъ нарочно держали у самого мостика, на другой сторонѣ, чтобы приманить нерѣшительнаго; тянули его арканами за переднія ноги — безуспѣшно; завязали глаза — тоже; развѣючили, били, кричали, пихали общими силами впередъ — кричить, ложится и, притомъ обламывая ледъ, еще болѣе дѣлаетъ дальнѣйшія попытки безнадежными. Тогда обливающійся потомъ Чаготай снимаетъ съ себя всю одежду и въ видѣ Адама садится верхомъ на свою смѣлую лошадку, держа въ рукѣ конецъ аркана, а другой джигитъ, у котораго на рукѣ огромный

вередь, причиняющій ему боль до стонувъ, въ такомъ же полномъ неглиже, садится на верблюда, съ арканомъ на шеѣ. Затѣмъ, при общемъ крикѣ энергическихъ понуканій, лошадь Чаготая соскакиваетъ со льда въ воду и плыветъ, скрываясь до головы, а верблюда сталкиваютъ въ пучину и перетаскиваютъ на другой берегъ пѣшкомъ, причемъ оба киргиза принимаютъ весьма холодную ванну. Къ счастью, стабачникъ воды и огонь, разведенный на берегу, обогрѣли джигитовъ, которые остались однакожъ совершенно здоровыми.

По такимъ мостикамъ киргизы, пользуясь меньшею глубиною рѣчекъ во время зимы, прогоняютъ барановъ, когда имъ нужны свѣжія мѣста для корма, а къ веснѣ эти мостики уносятся поднявшеюся водою и затѣмъ только отважный и привычный ордынецъ можетъ переправиться раздѣтый, вплавъ, чрезъ такую рѣчку, хотя и случалось это и нашимъ офицерамъ, но только не зимою.

Останавливаясь на ночлегъ нерѣдко среди самаго аула, случалось намъ видѣть, какъ мать-киргизка обмываетъ на морозѣ холодною водою свое дитя, не обращая никакого вниманія на крикливые протесты будущаго батыря. Полунагія, необутыя дѣти зачастую весело играютъ передъ юртами, пренебрегая стужей и снѣгомъ. Немудрено, что киргизы такъ крѣпки здоровьемъ и переносливы. Оригинально киргизское леченіе головной боли: сначала страждущій проситъ кого либо изъ сильныхъ товарищей полечить его; силачъ со всей мочи жметъ ему голову руками по разнымъ направленіямъ и потомъ пациентъ стягиваетъ ее московскимъ бумажнымъ платочкомъ, обыкновенно краснымъ. Но если и это не помогаетъ, то онъ начинаетъ щипать себѣ кожу надъ бровями до крови, такъ что слѣды этой операціи долго остаются на лбу въ видѣ багровыхъ возвышеній. Видѣть киргизовъ больныхъ, или слышать даже о нихъ, намъ доводилось рѣдко, а потому и о способѣ леченія другихъ болѣзней намъ основательно неизвѣстно. Утомленный дорогою, изможенный и проголодавшійся киргизъ, нашъ спутникъ, однажды, по прибытіи на ночлегъ, отказывался отъ всякой пищи *до утра*, говоря, что онъ «присталъ». Извѣстно, что лошадямъ и верблюдамъ они не даютъ послѣ перехода никакого корма всю ночь и даже часто до утра не разсѣдываютъ коней, оставляя ихъ привязанными къ юртамъ, несмотря ни на какую погоду; это убѣжденіе въ необходимости столь продолжительной выстойки для приставшихъ лошадей сыны степи примѣняютъ и къ себѣ.

Замѣчательная, по протяженію своему, рѣка, называемая *Чарыномъ* отъ мѣста впаденія въ нее трехъ Мерке до соединенія

съ р. Или, — выше *Кегеномъ*, а еще выше *Чамадысу* — нигдѣ не имѣеть постоянныхъ мостовъ, что много затрудняетъ необходимые пути сообщенія. Такъ наши отряды ежегодно двигаются по дорогѣ, пересѣкающей эту рѣку, при уроч. Аетогой, гдѣ ширина ея, и лѣтомъ значительная глубина, при быстротѣ теченія, часто не даютъ возможности переправиться даже въ бродъ, при которомъ обозъ можетъ пройти чуть не подъ водою. Поэтому роты и артиллерія предпочитаютъ дальнѣйшій путь, черезъ три Мерке, о которыхъ уже одно воспоминаніе производитъ неприятное содроганіе у лицъ, знакомыхъ съ этими Мерке, особенно же проходившихъ съ обозами и артиллерією; столько затрудненій испытывается по этой мнимо-телѣжной дорогѣ. Всѣ три Мерке протекають въ такихъ глубочайшихъ и обширныхъ рывинахъ, образованныхъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ тысячелѣтіями, что берега рѣкъ пріобрѣли видъ и характеръ высочайшихъ каменистыхъ горъ, съ чрезвычайно крутыми и длинными спусками и подъемами, а рѣчки серебрятся внизу, какъ въ далекихъ пропастяхъ. Спускъ въ нижнюю Мерке, со стороны Иссыкъ-Куля, такъ крутъ, что послѣ дождя, по скользкой глинистой дорогѣ, невозможно даже идти пѣшкомъ, безъ явной опасности покатиться внизъ безостановочно на весьма почтенную глубину. Каково же спускаться здѣсь повозкамъ и полевой артиллеріи ¹⁾! Конечно, ихъ спускають люди на своихъ рукахъ. Впрочемъ мостъ на Аетогоѣ проектированъ еще въ прошломъ году и, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ въ послѣднее время особенную заботу высшей мѣстной администраціи, какъ и устройство моста чрезъ р. Чиликъ, оглушительный шумъ котораго и особенно бурное стремленіе по огромнымъ камнямъ такъ дѣйствуетъ на непривычнаго, что имъ овладѣваетъ головокруженіе, при чемъ люди, берега и самъ всадникъ кажется мчатся въ обратную сторону, а ложное стараніе удержаться на сѣдлѣ въ равновѣсіи можетъ быть причиною серьезнаго несчастія: упавшаго человѣка съ трудомъ спасаютъ, преслѣдуя его въ скачъ по берегамъ. Упущенное однажды солдатское ружье въ одной изъ подобныхъ рѣчекъ, отыскалось зимою изогнутымъ, какъ желѣзный прутьикъ.

Многіе влючи, особенно въ восточной части Вѣрненскаго уѣзда, изобилуютъ солью. Случалось, что поѣздъ нашъ, съ нетерпѣніемъ ожидая необходимаго, по времени и разстоянію своего дневного перехода, отдыха, достигалъ обильнаго водою ручья, но, начавъ рас-

¹⁾ Такія дороги встрѣчаются здѣсь повсемѣстно. Нужна ли въ Вѣрномъ конная артиллерія? Нужна ли полевая? Не естественнѣ ли бы было имѣть при отрядахъ одни горныя орудія и тѣмъ сдѣлать не малое сбереженіе для казны?....

полагаться на ночлегъ, встрѣчалъ горькое разочарованіе, потому что вода оказывалась до того соленою и горькою, что даже безъ отвращенія нельзя было убѣдиться въ ея негодномъ вкусѣ, что и заставляло двигаться впередъ для отысканія чистой воды. Но въ особенности снабжаетъ окрестныхъ киргизовъ солью рѣчка Джель-Каркара, впадающая въ Большую Каркару; при этомъ ея впаденіи, по берегамъ видны бѣловатая массы нагромоздившейся соли. Для выварки ея, обыкновенно на мѣстѣ, посылаются не рѣдко команды изъ пограничныхъ нашихъ отрядовъ, если они располагаются недалеко. Соль эта, годная для употребленія въ пищу, менѣе солена, чѣмъ собираемая на р. Караталѣ и нѣсколько горьковата.

Подѣзжая къ развалинамъ бывшаго китайскаго пикета Чунджи, взоры и чувства путника, утомленные однообразіемъ пустынныхъ равнинъ или каменистыхъ горъ, пріятно поражаются пейзажемъ, вдаль, сада, разбросаннаго на пространствѣ, приблизительно, до версты въ окружности. Между деревьями, впрочемъ рѣдко растущими, возвышаются во многихъ мѣстахъ развалины глинобитныхъ построекъ. Видны еще раздѣленія небольшихъ зданій на комнаты, огороженные дворы для скота, мѣстами возвышаются отдѣльныя стѣнки, какъ щиты передъ воротами дворовъ, но ничего въ этихъ развалинахъ замѣчательнаго не осталось. Можно полагать, что кромѣ стоянки китайскаго отряда, здѣсь зарождалось и поселеніе, которое, по сказанію туземцевъ, было китайцами основано въ 1864 году, а можетъ быть и ранѣе, какъ слишкомъ удаленное отъ китайскихъ городовъ и подверженное нападеніямъ киргизовъ китайской протекціи и, вѣроятно, также нашихъ. Въ послѣднее время этотъ пограничный пунктъ былъ занимаемъ нашимъ отрядомъ, какъ удобный для наблюденія за путями, идущими изъ Кульджи въ наши предѣлы и представляющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе благопріятныя для расположенія отряда условія въ хозяйственномъ отношеніи.

Мѣстность Чунджи (или вѣрнѣе Джунджи, по имени китайскаго подданнаго, изъ племени таранчи, когда-то проживавшаго здѣсь) орошена изобильно арыками и, слѣдовательно, удобна для поддержанія на ней растительности. — Къ сожалѣнію, много уже деревьевъ уничтожено киргизами на топливо, между тѣмъ еще нѣкоторые помнятъ большія и вкусныя груши и яблоки, привозимыя киргизами изъ Чунджи. Теперь еще сохранилось нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ, частью также съ обломанными вѣтвями; къ счастью, у киргизовъ нѣтъ топоровъ, сломить же цѣлое дерево трудно. — Коммиссія приняла нѣкоторые мѣры для охраненія этой рощи отъ окончательнаго истре-

бленія. Волостной управитель, умный и хорошій человекъ, обязался помѣстить здѣсь надежное семейство киргизовъ, которое, оберегая деревья, будетъ имѣть право продавать плоды, сѣять табакъ и заводить огороды. При этомъ всѣ деревья приковано сосчитать и записать, а кочевникамъ строго запрещено ломать деревья, о чемъ комиссія неоднократно внушала киргизамъ, напоминая имъ, что и одно отдѣльное деревцо въ степи нерѣдко набожными людьми считается священнымъ, какъ особый даръ неба, посылающаго истомленному зноемъ путнику и его животному прохладный отдыхъ въ тѣни, которая такъ отрадна среди степи. Выгоднѣе было бы поселить на Чунджи кого-либо изъ желающихъ сартовъ, любящихъ вообще садоводство и огородничество, но пока охотниковъ на это еще не оказалось: слишкомъ близко сосѣдство неурядицы, еще не прекратившейся въ западномъ Китаѣ.

По берегамъ р. Или также не мало лѣса. Мы его видѣли зимою.—Это небольшія искривленныя деревья, которыхъ стволы и вѣтви какъ бы перекручены; они состоятъ изъ продольныхъ, идущихъ спирально слоевъ, какъ веревки.—Нельзя предположить, по жалкому виду этихъ деревъ, чтобы онѣ имѣли листья; говорить, будто нѣкоторыя имѣютъ ихъ лѣтомъ, но большая часть сухія, выросшія при лучшихъ условіяхъ мѣстности, вѣроятно прежде шире орошенной рѣкою, хотя въ весенній разливъ, теперь представляются скелетами, обреченными уже природою на гибель безъ потомства. Почва же береговъ большею частію песчаная.—Это дерево, называемое киргизами «саксаулъ», доставляетъ имъ лучшее топливо. Дѣйствительно, въ юртѣ даже зимою, жаръ отъ костра изъ саксаула невыносимъ. Куски дерева очень тяжелы. Оно впрочемъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ степи, но не имѣетъ такой вышины и ближе подходит къ разряду кустарниковъ.—Видъ такой рощи, сопровождающей р. Или, наводитъ уныніе своею безжизненностію и ненатуральною кривизною торчащихъ во всѣ стороны рогулекъ.

Не то встрѣчаетъ взоръ въ живописныхъ ущельяхъ алатавскаго хребта, особенно лѣтомъ. По покатосямъ, обращеннымъ на сѣверъ, вообще не мало виднѣтся лѣса, особенно еловаго, но его трудно добыть; по сторонѣ же южной, или солнечной, («Кунчей» по-киргизски) хребетъ лишенъ растительности, за исключеніемъ развѣ береговъ извилистыхъ потоковъ. Въ ущельяхъ обращенныхъ къ Вѣрному, оглашаемыхъ весело и шумно несущимися рѣчками, то въ видѣ каскадовъ по круто-наклоненному и сжатому скалами руслу, то волнистыми серебряными лентами, пробивающимися сквозь роскошную зелень, отражаемую

прозрачною влагою, — въ этихъ ущельяхъ, кромѣ ели, осины и тополя, встрѣчается много фруктовыхъ деревьевъ, въ особенности урюка (дикій абрикосъ) и яблони. Плоды перваго, величиною съ небольшую сливу, довольно вкусны и напоминаютъ запахомъ садовые абрикосы. — Есть рябина и изрѣдка попадаетъ ясень и береза, недостатокъ которой, впрочемъ, очень ощущается въ Вѣрномъ. Для исправленія экипажей и для мебели береза вывозится не ближе, какъ за 70 верстъ, добываемая съ трудомъ въ ущельи р. Тургеня. — Недавно однимъ изъ жителей найдена въ горахъ дикая слива, и пересаженная въ Вѣрный, говорятъ, вполне уже принялась.

Въ ущельяхъ множество малины и облѣпихи, которая растетъ иногда на огромныхъ кустарникахъ, облѣпляя своими желтыми сладкими ягодами (на подобіе смородины) всякую вѣточку съ необыкновенною щедростью. Изъ этой ягоды приготавливаютъ довольно ароматныя наливки, уподобляемыя охотниками сотерну.

Почва Вѣренскаго уѣзда, особенно полосы ближайшей къ горамъ, вообще достаточно влажной отъ рѣчекъ и подземныхъ ключей, если еще при этомъ орошается искусственною ирригаціею, т. е., по здѣшнему, «арыками», необходимыми для избѣжанія крайней сухости верхнихъ слоевъ земли въ долгое и знойное лѣто, — вѣроятно способна къ разведенію многихъ сортовъ лѣса.

Хлѣбъ здѣсь растетъ и разводятся сады не иначе, какъ при условіяхъ существованія арыковъ, которые издавна проведены киргизами, очень искусными въ дѣлѣ ирригаціи полей и проведенія этихъ каналовъ, стоящихъ громаднаго, терпѣливаго труда.

Въ настоящее время, при новомъ, несравненно лучшемъ устройствѣ организаціи края и съ подчиненіемъ сословія казаковъ одной власти военнаго губернатора, представляется гораздо болѣе возможности озаботиться объ увеличеніи садовъ въ городѣ и станицахъ и разведеніи мѣстами искусственныхъ рощъ, что и не упущено изъ виду мѣстной администраціею Семирѣченской области: сады и рощи возникаютъ теперь, какъ по волшебному мановенію и, кажется, сочувствіе къ этому благому дѣлу пробудилось не только у болѣе образованныхъ классовъ жителей, но и между казаками; а киргизы, можно сказать, пока еще озадачены выполненіемъ требованій начальства о разведеніи рощей на своихъ пашняхъ. Можно надѣяться, однако, что съ приведеніемъ къ окончательному устройству волостей и освоеніемъ степи съ новымъ порядкомъ, распредѣляющимъ земли разъ навсегда между киргизами, не знавшими до сихъ поръ

безспорныхъ правъ на это владѣніе, начнутся и у нихъ заботы объ улучшеніи своего быта, не ради одного лишь выполненія приказаній русскихъ начальниковъ.

Коммиссія заключила всѣ свои занятія въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 г., и кажется не безъ успѣха. Юртовладѣльцы (болѣе 23,000) переписаны во всемъ уѣздѣ, организовано 111 ауловъ, и изъ нихъ 17 волостей, избраны всюду лица киргизской администраціи и суда, объявлено объ увеличеніи ясака, съ 1 р. 70 к. до 3 рублей, введено, кромѣ того, денежное содержаніе волостнымъ и аульнымъ старшинамъ отъ народа, по общественнымъ приговорамъ, вмѣсто прежняго порядка неравномѣрныхъ сборовъ ими съ народа, и въ неопредѣленномъ количествѣ, просомъ, баранами и проч. Увеличеніе ясака принято безъ всякаго ропота; за тѣмъ распределены зимовки между волостями и аулами съ точнымъ опредѣленіемъ границъ и, словомъ, введенъ повсюду новый порядокъ; а къ бывшему, по свѣдѣніямъ 1867 года, числу юртъ въ уѣздѣ, 10,943, добавлено коммиссіею еще 12,815 юртъ, скрываемыхъ прежде.

Обращаясь, въ заключеніе, къ дѣлу реорганизаціи края вообще и не касаясь подробностей проекта новаго положенія, которыя могутъ частію измѣниться при дальнѣйшемъ развитіи основныхъ идей, по примѣненіи ихъ къ дѣлу на практикѣ, нельзя не отозваться съ глубокимъ сочувствіемъ, во-первыхъ, о введеніи, на болѣе правильныхъ началахъ, въ странѣ самоуправленія между киргизами, и особенно народнаго суда. Предоставленное суду бievъ право рѣшать дѣла даже по барантѣ и убійствамъ спасетъ многія жертвы, быть можетъ иногда и невинныя, отъ преждевременной смерти, такъ часто постигавшей киргизовъ при продолжительномъ заточеніи ихъ на гауптвахтахъ во время производства слѣдствія и суда. Въ послѣднее время, напримѣръ, изъ числа 5 киргизовъ, захваченныхъ лѣтомъ 1867 года нашимъ отрядомъ, и ожидавшихъ суда за откочеваніе въ китайскіе предѣлы, одинъ умеръ подъ арестомъ, другой также, спустя нѣкоторое время по освобожденіи его, а третій жалуется на злобѣщую боль въ груди... Излишне распространяться о томъ, что судъ народный будетъ быстръ, разслѣдованіе, производимое бiами, несравненно успѣшнѣе, виновный понесетъ заслуженную и чувствительную кару, а обиженный всегда получитъ вознагражденіе въ видѣ «куна», т. е. штрафа, если не съ отвѣтчика, то, по шариату, съ родственниковъ его; самая администрація менѣе будетъ обременена дѣлами и, главное, менѣе возьметъ на свою

совѣсть отвѣтственности за ошибки, медленность и неправосудіе, хотя бы и неумышленное, но такъ вредно дѣйствующее на умы, на кредитъ русской власти!

Затѣмъ, отряднымъ, святымъ дѣломъ преобразованія представляется отмѣна насильственнаго сбора съ киргизъ верблюдовъ, лошадей, юрть... Тотъ лучше можетъ оцѣнить все значеніе и пользу этой милости, кто видѣлъ самъ кровавыя сцены собственной защиты киргизовъ отъ этого насилія, кто былъ свидѣтелемъ плача женщинъ, обнимавшихъ съ отчаяннымъ воплемъ своихъ верблюдовъ, кому, вмѣсто полученія казенной прежде платы, по 5 рублей за жиръ верблюда на мѣсяць, престарѣлый родоначальникъ, увѣшанный русскимъ золотомъ, серебромъ и брилліантами, вынужденный стенаніями народа, хотя и съ боязнію, и чрезъ другихъ, но рѣшался предлагать, по секрету, готовность народа заплатить по 10 рублей съ верблюда, для найма ихъ на сторонѣ, на предметъ перевозки тяжестей въ пограничныя отряды!! Факты эти, не придуманные, не преувеличенные, быть можетъ будутъ взвѣшены и при допущенныхъ положеніемъ исключеніяхъ, когда дозволяется прибѣгать къ нарядамъ верблюдовъ, не по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами, а способомъ какъ бы реквизиционнымъ.

Въ прежніе годы дѣйствительно торговые люди находили между киргизами охотниковъ давать «подъ жиръ» верблюдовъ, съ платою 5 руб. за cadaго въ мѣсяць, и безъ всякихъ условій вознагражденія за павшихъ животныхъ. Въ этомъ же году казна наняла, и то съ большимъ трудомъ, верблюдовъ по 15 руб. за cadaго въ мѣсяць, кромѣ жалованья лаучамъ (проводникамъ) по 5 р., сухарей имъ и приварочныхъ денегъ; да, сверхъ того, обязалась уплатить за cadaго павшаго верблюда по 45 рублей. Такая, сравнительно съ прежнею, высокая условная плата съ казною указываетъ на то, что верблюды въ частныхъ караванахъ сберегаются, а отданные на попеченіе казны, если не падаютъ въ пути, то возвращаются къ хозяевамъ до того изнуренными и на половину больными отъ дурного присмотра и обращенія съ ними, что ихъ и поправить трудно, и значительная часть ихъ зимою падетъ на мѣстѣ. Старожиламъ извѣстно, какой громадной цифры этихъ неоцѣненныхъ въ здѣшней мѣстности кораблей пустыни стоили Большой ордѣ всѣ наши экспедиціи со времени занятія края. Коммисіи случилось нагнать транспортъ съ провіантомъ, перевозимымъ чрезъ подрядчива, богатаго татарина, который самъ слѣдовалъ съ караваномъ. Спускаясь къ вечеру съ горъ на желаемую для ночлега долину, мы предположили остановиться съ караваномъ вмѣстѣ и раскинули

у рѣчки наши юрты; но люди подрядчика и самъ онъ, сойдя съ лошадей, стали руками разгребать снѣгъ и разсматривать землю, суха ли она, или слишкомъ влажна, и въ разныхъ мѣстахъ долго повторяли это изслѣдованіе, пока не избрали, наконецъ, удобной площади, гдѣ бы положить верблюдовъ. На другой день комиссія разсталась съ караваномъ потому, что въ немъ производился тщательный осмотръ всѣхъ верблюдовъ, причемъ снимались чомы ¹⁾, и если спина животнаго оказывалась потертою, то принимались мѣры къ излеченію, а лекарства были съ собою; кромѣ того, при караванѣ имѣлись и запасные верблюды, а для ослабѣвшихъ силами везлась при караванѣ, въ кускахъ, особая пища, составленная изъ выжимогъ конопля, послѣ приготовления изъ нея масла.

Но такова ли заботливость о верблюдахъ въ нашихъ отрядахъ? Въ комиссіи ихъ было только восемь, но и за тѣми невозможно было добиться должнаго присмотра: лаучи ²⁾ попались нерадивые, казакъ неопытный, а хозяина нѣтъ; верблюдовъ укладывали гдѣ пришлось, чомы никогда не снимались — хорошо, что была еще зима — и не только не было заботы о лекарствахъ, но и часто выжили дурно, обременяя одну сторону животнаго грузомъ несравненно тяжелѣйшимъ, чѣмъ съ другой стороны, или нагромождали кладь непомерно высоко, отчего она качается, мѣшаетъ ходу верблюда и сбиваетъ ему спину.

Если только можно изыскать средства къ должному уходу за верблюдами при здѣшнихъ войскахъ, то несравненно разсчетливѣе было бы для казны содержать ихъ постоянно въ извѣстномъ числѣ, чѣмъ ежегодно нанимать за столь высокую цѣну и, притомъ, въ случаѣ экстренномъ, не имѣть подъ рукою въ готовности перевозочныхъ средствъ. Бываютъ періоды времени, когда табуны верблюдовъ угоняются киргизами очень далеко отъ мѣстъ квартированія войскъ, или расположенія отряда; тогда способъ найма сопряженъ съ крайнею медленностію, которая можетъ случиться очень нестати... А переносливаго, не требующаго теплѣги и шагающаго по всякимъ горамъ верблюда, лошадьми здѣсь замѣнить нельзя.

Н. Фридрихсъ.

¹⁾ Родъ сѣдла для выюковъ.

²⁾ Проводники, погонщики верблюдовъ.

Н Е Р О Н Ъ

ТРАГИКОМЕДІЯ

(*К. Гуцкова.*)

КАРТИНА ШЕСТАЯ *).

У Цезаря.

Большая галерея Золотого дворца съ нѣсколькими боковыми выходами и одною главною дверью на заднемъ планѣ. Въ срединѣ трибуна.

Выходятъ КАПИТАНЪ съ солдатами.

КАПИТАНЪ.

Команду слушай! лѣвой, правой, маршъ!
Шагай разъ въ разъ, не выступай изъ ряда
И грудь на вытяжкѣ держи впередъ!

Солдаты маршируютъ.

Стой! Молодцы! — Да, нечего сказать,
Нашъ полкъ воспитанъ въ послушаньи палкѣ,
И, право, только онъ одинъ и держитъ
Шатающійся въ стороны порядокъ! —
Гдѣ каждый можетъ дѣлать все, что́ хочетъ,
Какъ государству тамъ существовать?
Гм... вотъ у насъ опять мятежъ затѣянъ;
Какъ вѣдется Пизонъ, мошенникъ, былъ

---

*) См. выше: мартъ, 804; май, 194 и слѣд.
Томъ III. — Іюнь, 1869.

Зачинщикомъ въ проклятомъ этомъ дѣлѣ;
 Да заговоръ открылся, и въ судѣ
 Измѣнники попляшутъ на допросѣ:
 Запрется кто — тому придется плохо,
 Признается — такъ все одинъ конецъ!
 Однакоже болтать теперъ не время.
 Солдаты, слушайте приказъ: сюда
 Придетъ сейчасъ великій цезарь; онъ
 Займется здѣсь — чѣмъ онъ займется — я
 Не знаю этого, да и не надо знать мнѣ —
 Вы стойте тутъ за этими дверями
 Въ готовности на случай нападенья.
 Вамъ цезарь раздаетъ награды; и онъ
 Васъ кормитъ хлѣбомъ и солдатской кашей:
 Усердствуйте-же въ вѣрной службѣ вашей...
 Маршъ! Поворачивай направо батальонъ!

Солдаты расходятся по боковымъ комнатамъ.

Входятъ ПОЭТЫ.

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

Мы — пѣвцы настоящіе,
 Вѣрность власти хранящіе,
 Отъ измѣны ей огражденные,
 Высочайше въ славѣ утвержденные!
 Мы поэты придворные,
 Этикету покорные,
 Лести душу предавшіе,
 И безсмертіе этимъ стяжавшіе!
 Порицать наше пѣніе
 Это есть преступленіе
 Противъ власти, всѣмъ правящей,
 На вершину величья насъ ставящей!
 Храмъ нашъ тѣмъ отворяется,
 Кто въ извѣстности утверждается
 Документомъ съ печатью казеннымъ, —
 А для прочихъ стоитъ затвореннымъ!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Совершенно справедливо, милостивые государи, совершенно
 справедливо! Намъ, издателямъ, пріятнѣе всего слышать, что
 поэты довольствуются славой и орденами.

ПЕРВЫЙ ПОЭТЪ.

Да, это такая умѣренность, которая, конечно, вамъ обойдется дешево.

ВТОРОЙ ПОЭТЪ.

Я думаю, что если бы вы вздумали когда-нибудь воздвигнуть золотую колонну, отливъ ее изъ гонорарія, выплаченнаго вами искусству поэзіи, то она вышла бы не особенно колоссальна?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

О, конечно, конечно! Не толще и не выше чубука! Вы правы, вы совершенно правы. Однако же, сознайтесь, вѣдь вы не стали бы писать стихи хуже, если бы вамъ платили менѣе приличный гонорарій? Гомеръ, милостивѣйшіе государи, не сдѣлался бы болѣе гениальнымъ поэтомъ, если бы онъ получалъ лишній лундоръ за листъ.

ТРЕТІЙ ПОЭТЪ.

Что пользы въ храмѣ славы, если полъ его не вымоцены бронталерами.

ЮМОРИСТЪ — многозначительно проталкиваясь.

Въ какомъ стилѣ, по вашему мнѣнію, построенъ храмъ славы? Въ дорическомъ или въ іоническомъ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Вотъ это юмористическое замѣчаніе, истинно юмористическое! И, я долженъ сказать, оно забавляетъ публику. Да, да! обращаться съ фигуральными предметами, какъ съ дѣйствительными — это премило! Позвольте предложить вамъ что-нибудь еще для остроумія. Напримѣръ: что можно сказать о красотѣ, когда она бросается въ глаза?

ЮМОРИСТЪ.

Что она очень неловка.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прелестно! Вы именно человекъ въ моемъ вкусѣ — вы соединяете пріятное съ полезнымъ. А со стихами только рисуетъ одинъ. Когда я издаю стихи, то строю на воздухѣ...

ЮМОРИСТЪ — прежнимъ тономъ.

Опять! Какими основными правилами вы руководствуетесь, когда строите на воздухъ? Что можно сказать вообще объ архитектурѣ воздушныхъ замковъ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Пожалуйста, скажите еще что-нибудь, пожалуйста! — Вынимаетъ изъ кармана дощечку и скрытно записываетъ слова юмориста.

ЮМОРИСТЪ — отказывается и начинаетъ.

Кромѣ видимаго міра, существуетъ еще обширнѣйшій невидимый, весьма часто смѣшивающійся съ нашимъ. Говорятъ же иногда о царствѣ свободы, о царствѣ правды — о двухъ царствахъ, которыя въ нашемъ земномъ царствѣ положительно неизвѣстны. Вотъ вы сейчасъ упоминали о воздушныхъ замкахъ. Ихъ обыкновенно предполагаютъ въ Испаніи, какъ будто Испанія — мѣсяць, на которомъ какой-нибудь дворянинъ имѣетъ помѣстья. Но дѣло не въ этомъ. Я васъ спрашиваю: какъ вы представляете себѣ настоящій воздушный замокъ? Имѣетъ онъ боковыя крылья? Безъ сомнѣнія — крылья надежды. Имѣетъ онъ высокую кровлю? Безъ сомнѣнія, потому что многіе съ высоты воздушныхъ замковъ падаютъ на землю. Всего замѣчательнѣе, что блестящее великолѣпіе воздушныхъ замковъ преобладаетъ тамъ, гдѣ северно живется — въ хижинахъ бѣдняковъ, или воздвигается тѣми, кто наклоненъ скорѣе разрушать, чѣмъ строить — именно юношами.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ — продолжая писать.

Преинтересно! Увлекательно!

ЮМОРИСТЪ.

Откуда беретъ свой волшебный матеріалъ это искусство, которое, какъ бобръ, созидаетъ не учась, для котораго не нужно ни патента, ни разрѣшенія и въ которомъ каждый невѣжда есть геніальнѣйшій мастеръ? Оно беретъ его изъ невидимыхъ нитей полунадежды, изъ взгляда любимой дѣвушки, изъ фразы покровителя, сказавшаго, что онъ желаетъ намъ добра, изъ лотерейнаго билета, изъ кашля стараго завѣщателя, — короче, изъ тысячи шелковыхъ ниточекъ судьбы, на которыя мы навѣшиваемъ свинцовый грузъ нашихъ надеждъ, нашихъ ночныхъ сновидѣній. Въ

воздушныхъ замкахъ царствуютъ музыка и танцы; прелестнѣйшія дѣвы мелькаютъ, вальсируя съ туго набитыми мѣшками денегъ; малѣйшему желанію удовлетворяютъ тысячи слугъ; и въ заключеніе, кромѣ всего этого, каждый можетъ украшать воздушный замокъ по своему соображенію, и можетъ населить его какими угодно существами, заставить и ихъ, и себя разыгрывать какія угодно роли.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Безподобно! Вы просто — перлъ, сафиръ и притомъ необыкновенный человѣкъ. Ваше остроуміе бьетъ ключемъ и увлекаетъ. Вы мой, и я съ ужасомъ слышу, какъ эти признанные, увѣнчанные лаврами, юбилейно-казенные лирики острятъ на васъ свои клювы за то, что ваша проза сильнѣй ихъ поэзіи, и затягиваютъ свою, всѣмъ надоѣвшую пѣсню о неуваженіи въ наши дни въ чистому искусству, котораго представителями считаютъ они себя.

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

О, измѣнникъ Музѣ,
Съ прозою въ союзѣ
Хочешь ты поэзію уничтожить въ мірѣ;
Хочешь, чтобъ мы пѣли
Для полезной цѣли,
Хочешь, чтобъ не звуки — мысль скрывалась въ лирѣ.
Нѣтъ, досель творивъ, мы
На однѣ лишь риемы
Обращали наше строгое вниманье,
Воспѣвали розы,
Свѣтъ луны и грѣзы,
Ручейковъ сверканье, страстныя лобзанья.
Наше вдохновенье,
Точно такъ, какъ пѣнье
Соловья свободно, не имѣетъ цѣли;
Мы въ искусствѣ видимъ
Цѣль — и ненавидимъ
Всѣхъ, кто говоритъ намъ о трудѣ и дѣлѣ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ — ТИХО КНИГОПРОДАВЦУ.

Милостивый государь! Одно слово по секрету! Я сегодня здѣсь въ первый разъ, но.... но — я чувствую, что и я родился въ Аркадіи.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Я не спрашиваю у васъ свидѣтельство о крещеніи. Что вы хотите сказать своею родословной?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ничего, милостивый государь, кромѣ одного простого слова: я также тутъ! Дѣйствительно, я вылетѣлъ изъ гнѣзда еще очень молодымъ, но могу уже летать весьма высоко и поэтому желать бы примѣннуть къ классическимъ умамъ націи.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Милостивый государь, вы —

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Поэтъ! Да; но только, пожалуйста, не говорите объ этомъ. Моя поэзія касается совершенно новыхъ сюжетовъ; на примѣръ, я воспѣваю звѣзды и сдѣлалъ чрезвычайное открытіе, что слова: «неба» и «Феба», «любовь» и «кровь», «розы» и «грѣзы» очень хорошо приегаютъ между собою. Я вообще на приемы обращаю тщательное вниманіе. Отыщите въ моихъ стихахъ хоть одну пьесу, гдѣ я бы приеменовалъ «лопухъ» и «недугъ», «чудесно» и «неизвѣстный». Я воспѣваю еще никѣмъ не воспѣтые предметы: мою возлюбленную, предчувствіе весны, лазурь небесъ, томный блескъ луны...

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Да, да, мой любезнѣйшій. Я вижу, что вы еще только грѣшили стихами.... Однако, слышите ли, тамъ отворяются двери: можетъ быть, сюда идетъ его величество.

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

Онъ идетъ! онъ идетъ!
 Заводите пѣсню хоромъ,
 Завивайте хороводъ,
 Чтобы слухомъ, чтобы взоромъ
 Былъ властитель упоенъ,
 Чтобъ съ улыбкой видѣлъ онъ,
 Какъ любовь въ насъ неизмѣнна,
 Какъ стремимся мы къ нему,

Будто къ солнцу своему.
 Упадете на колѣна
 И, припавъ къ землѣ челомъ,
 Кликъ привѣта вознесемъ:
 Ты, богамъ въ величьи равный,
 Переполниль славой свѣтъ,
 О, живи во вѣкъ, державный
 Нашъ властитель и поэтъ!

Становятся на колѣни.

ИЕРОНЪ — выходитъ задумчивый, съ скрещенными
 на груди руками.

Тиранъ! Такъ всѣ зовутъ меня. О, еслибъ
 Я былъ тираномъ, то за мной бы слѣдомъ
 Носились тѣни, вѣстники изъ ада
 И одиночество средь этихъ залъ росеошныхъ
 Не открывало зѣвъ свой на меня!
 На бой съ богами выйду я безъ страха!
 Но этого безмолвія покой —
 Меня онъ убиваетъ. Выходи
 Страшнѣйшая изъ фурій предо мною,
 Но говори, о говори, чтобъ это
 Горячее, взволнованное сердце
 Не вѣчно слышало свое волненье!
 Да, говори такъ громко, будто мѣдь
 Звенящая подъ пѣсни корибантовъ!
 Лишь только въ суматохѣ нахожу
 Довольство я. Толкуютъ, что повсюду,
 Гдѣ я пройду, ложится слѣдъ кровавый,
 Что волны красныя покрыли землю
 Съ тѣхъ поръ, какъ я судьбой на тронъ поставленъ. —
 Я ничего не вижу; гдѣ они,
 Гдѣ эти тѣни, дышущія мщеньемъ,
 Въ сіяньи блѣдныхъ мѣсяца лучей,
 Пересѣкающія путь мой страшно?

ХОРЪ ПОЭТОВЪ — tremulando.

О, дивный,
 Всесовершенный,
 Объективный
 Жрецъ вселенной!

НЕРОНЪ.

Что́ это? Кажется мнѣ, будто здѣсь
 Лежатъ людскія существа, свернувшись
 Подобно гадамъ? Но они недвижны,
 Они молчатъ — о, какъ ужасно это!

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

Рабы твои покорные,
 Поэты мы придворные,
 При лирахъ состоящіе!
 Отвѣтъ намъ сладкимъ пѣніемъ:
 Почти благоволеніемъ
 Хвалы, тебѣ звучація!

НЕРОНЪ.

Такъ это вы? Примите мой привѣтъ.
 Скажите, принесли-ль вы мнѣ оттуда,
 Изъ-за ограды этихъ душныхъ стѣнъ,
 Поэзіи чарующія грезы?
 Скажите мнѣ, какъ соловей поетъ,
 Что шепчетъ роза? При сіяньи лунномъ
 Подслушали-ль вы тихій лепетъ мирта?
 По прежнему-ли царствуетъ природа,
 По прежнему-ль она любовью дышетъ?
 Я долго съ вами не видался — да;
 Я чувствую, какъ вдругъ изъ-за рѣшотокъ
 Тюрьмы души моей вспорхнули мысли
 И, отряхая смрадъ темницы, быстро
 Летятъ на волю, на весенній воздухъ,
 Сіяньемъ солнца ярею озаренный,
 И къ небесамъ меня уносятъ яснымъ!
 О подойдите; будемъ грезить: вотъ
 Вокругъ насъ холмы, гдѣ такъ часто мы
 На мягкую траву склонялись; станьте
 Здѣсь, около меня; струей воздушной
 Грудь освѣжите, локоны развѣйте
 По вѣтру и начнемъ, какъ въ дни былые,
 Подъ сѣнію азацій золотистыхъ,
 Шептаться о природѣ, о невинныхъ
 Волненіяхъ, о дружбѣ, о любви!

ПЕРВЫЙ ВЪСТНИКЪ — входитъ.

Рабы въ злодѣйскомъ умыслѣ Пизона
Не признаются.

НЕРОНЪ.

Разорвите пыткой
Суставы имъ, огнемъ подошвы жгите!
Зачѣмъ еще вамъ спрашивать меня?

Вѣстникъ уходитъ. Неронъ говоритъ, какъ во снѣ. Поэты приходятъ въ ужасъ отъ двойной природы своего повелителя и отступаютъ. Онъ продолжаетъ не смущаясь, съ наивнымъ выраженіемъ, свои фантазіи.

Созданья лучшія поэзіи моеи
Я написалъ въ великолѣпномъ томѣ,
Украшенномъ обрѣзомъ золотымъ,
Затѣмъ, что съ головы до ногъ поэтъ,
Тщеславлюсь я любимыми стихами!
Я написалъ ихъ для нея, моеи
Красавицы застѣнчивой и робкой
Къ призыву страсти, и прочесть ей далъ
Листы завѣтные. Въ нихъ сердца тайну
Я рассказалъ волшебными словами,
Въ нихъ озарилъ ея прекрасный образъ
Сіяньемъ грезъ чарующихъ любви!
Она прочла и отдала мнѣ книгу
И не сказала ничего.... Но тамъ
Между листовъ пергамента нашель я
Ея кудрей роскошныхъ прядь и понялъ,
Все понялъ я! Она мнѣ говорила:
Со мной ты связанъ тонкимъ волоскомъ,
Но скоро, скоро вся твоя я буду!

ВТОРОЙ ВЪСТНИКЪ.

Признался Сублий; онъ открылъ, что много
Товарищей у нихъ средь легионовъ,
Что заговоръ и тамъ распространенъ.

НЕРОНЪ.

О вѣчные бунтовщики! Друзья,
Позвольте приговоръ ему назначить:
Пусть онъ умретъ отъ собственной руки,

Коль имена сообщниковъ откроетъ;
А не откроетъ — пусть ему палачъ
Отрубить голову!

Поэты убѣгаютъ все дальше и дальше отъ Цезаря; Неронъ этого не замѣчаетъ.

Любовь! Любовь! Царить надъ міромъ ты
Тысячелѣтія и всѣ твои страданья
И радости для міра драгоценны!
Какъ море ты бездонна! Никогда
Твоихъ чарующихъ волненій сладость
Вполнѣ постигнуть невозможно; каждый,
Къ нимъ возвращаясь, вновь находитъ въ нихъ
Ему еще невѣдомую прелесть!
О, дайте снова мнѣ былыя грезы,
Игру желанья страстнаго съ надеждой,
О, дайте снова безпредѣльнымъ счастьемъ
Упитъся сладко на груди у милой!

ТРЕТІЙ ВѢСТНИКЪ — ВХОДЯТЪ.

Воздай богамъ благодаренье Цезарь:
Сцевинъ тебя убить намѣревался —
И умертвилъ отъ страха самъ себя,
И Виндеса на тибрскихъ берегахъ,
Въ отчаянны смотрящаго на волны,
Недавно видѣли. Еще одно, властитель:
Учитель твой Сенека безъ сомнѣнья
Замѣшанъ въ заговоръ.

НЕРОНЪ.

Бунтовщики!

Смерть мудрецу коварному! Послать
Ножъ въ домъ его: пускай онъ сядетъ въ ванну
И выпуститъ изъ жилъ усохшихъ кровь!

Неронъ остается уже одинъ; поэты, дрожа, удалились отъ него; онъ этого не замѣчаетъ.

Я одного боюсь, одною скорбью
Томлюся я: все въ этомъ мірѣ быстро
Идетъ — не къ рубежу могилы — нѣтъ,
Но къ старости мучительной и скучной!
Подумать страшно, что когда-нибудь
Грудь, полная еще желаній страстныхъ,
Не розами любви вѣнчаться будетъ,
А только дряхло кашлять и стонать!

Нѣтъ, старости не вынесу я! боги,
 Молю я васъ послать мнѣ смерть, когда
 Забудусь я восторгомъ упоенья!
 Пускай въ вѣнкѣ изъ розъ, въ объятяхъ милой,
 Съ улыбкой наслажденья на устахъ,
 Подъ звуки поцѣлуевъ сладострастныхъ
 На вѣчный сонъ закрою я глаза!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВѢСТНИКЪ — входитъ.

Признались заговорщики во всемъ:
 Ихъ умыселъ подробно обнаружень.
 О, Цезарь, приговоръ произнеси.

НЕРОНЪ.

Смерть, смерть Пизону, смерть его друзьямъ!
 Пусть ужасъ и убійство поражаютъ
 Всѣхъ, кто запутанъ въ замыслѣ злодѣйскомъ!
 Промойте всѣ клоаки, отворите
 Всѣ шлюзы, чтобы крови дать проходъ!
 Сегодня кровью можете наполнить
 Вы цѣлый Тибръ! Мнѣ солнце давить грудь,
 И я хочу въ крови людской купаться!

Вѣстникъ уходитъ. Поэты, ожидая прыжка тигра, жмутся къ стѣнамъ и становятся
 отъ ужаса бѣгле иль мрамора.

НЕРОНЪ — проводя въ задумчивости рукою по
 лбу и отбрасывая волосы назадъ.

Что, что такое? Что случилось здѣсь?
 Не говорилъ-ли я сейчасъ о смерти?
 О крови? Нѣтъ. О розахъ? Или это
 Я голосъ фурии ужасной слышалъ?
 Я не одинъ здѣсь? Вижу, тамъ стоитъ
 Сонмъ блѣдныхъ призраковъ, къ стѣнѣ прижавшись.
 Я чувствую, съ души моей слетаетъ
 Туманъ, ее давившій тяжело.
 Когда сюда вошелъ, я видѣлъ ихъ?
 Да, такъ — нѣтъ — нѣтъ — не такъ —
 Не ихъ я видѣлъ предъ собой. Вотъ люди,
 Что вздоромъ занимаются, сплетая
 Пустыя риемы о цвѣтахъ, о солнцѣ,
 О мотылькахъ. Безмолвный ужасъ ихъ
 Смугилъ мою фантазію. Я слышу,

Вновь что-то злое крадется ко мнѣ,
 Чтобъ сердца моего подслушать шопотъ!
 Собраться надо съ мыслями мнѣ.... Да,
 Коль пѣснь моя звучала только страхомъ
 Для этихъ жалкихъ и пустыхъ людей,
 Такъ уведите-жъ ихъ, ничтожныхъ шельмъ!
 Пять жребіевъ изъ шлема смерти выньте
 Для переѣзда на челнѣ Харона;
 Но лишь съ зарею объявите имъ
 Судьбы рѣшенье: пусть они стенаютъ
 Въ отчаяньи до утра, ожидая
 Кого изъ нихъ постигнетъ черный ровъ!

Уходить.

Входятъ солдаты и уводятъ плачущихъ повозы. Послѣдній солдатъ остается; это Дий Виндексъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Завербовался въ легіоны я!
 Имперіи наслѣдство въ ихъ рукахъ,
 Они лишь только страшны для тиранства
 Своею силой, и, придетъ пора,
 Ихъ грозный судъ надъ Римомъ разразится!...
 Мой легіонъ съ зарей уходитъ къ Альпамъ,
 И я за нимъ послѣдую. Когда
 Я спрошенъ былъ объ имени и предвахъ,
 То далъ отвѣтъ: «ихъ отыскать себѣ
 Хочу въ Германіи!» Рукою сильной
 Копьё я бросилъ, мечъ извлекъ изъ ноженъ
 Стремительно — и вотъ теперь стою
 Въ рядахъ солдатъ. Хоть римскіе орлы
 Предводятъ нами, но въ строю у насъ
 Все больше галлы, бритты да испанцы.
 Я возмущу ихъ дикія толпы
 На Цезаря — и послѣ будь что будетъ!..
 Да, срокъ насталь: на дѣло мщенья я
 Рвусь, будто конь, летящій въ поле битвы!
 Моя душа развила мощно врылья
 И мечъ мой занесенъ уже надъ тѣмъ,
 Кто отнялъ у меня: свѣтъ, воздухъ, землю,
 Все, чѣмъ я жилъ, что я любилъ на ней!
 Прощайте-же вы, пышные чертоги,
 Гдѣ въ мраморѣ высокихъ стѣнъ живеть

Ужасныхъ преступленій отголосокъ
 И пробуждается при каждомъ звуѣ!
 Я покидаю васъ; я ухожу
 Отъ васъ туда на Альпы ледяныя,
 Гдѣ вѣетъ холодъ, но сердца людей
 Согрѣты пламенемъ любви къ свободѣ!
 Среди лѣсовъ Германіи дремучихъ
 Найду я скоро золотыхъ орловъ,
 Надъ легионами парящихъ шумно,
 И сталь мечей, какъ будто солнца лучъ,
 Засвѣтится во тьмѣ печальныхъ дебрей!
 Я не замолену звать къ отмщенью братьевъ,
 Покуда бони наши не истопчутъ
 Италію копытами своими!
 Покуда мечъ мой не пронзитъ Нерона,
 Покуда я не рушу въ прахъ величье
 Чертоговъ этихъ—пусть на мнѣ лежитъ
 Позоръ, чума, проказы отверженье!
 Коль не достанетъ воиновъ мнѣ, я
 Сзову звѣрей изъ дебрей, изъ пустынь,
 И дикій зубръ, склонивъ рога, пойдетъ
 Бойцомъ за насъ, и среди стогновъ Рима
 Рычаніе медвѣдей разнесетъ,
 Мѣшаясь съ крикомъ страшнымъ легионовъ,
 Принесшихъ казнь пролятому тиранству!
 Знамена вѣютъ! Розовый закатъ
 На высяхъ Альпъ уже ложится—
 Въ Германію! Затѣмъ, чтобы назадъ
 Съ мечемъ отмщенья воротиться!

Уходить.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Въ домъ Сенеки.

СЕНЕКА входитъ съ лѣстницею, которую отставляетъ.

СЕНЕКА.

Это не лѣстница понятій, нѣтъ. Это просто обыкновенная лѣстница къ курятнику, которую я долженъ носить за моимъ всемилостивѣйшимъ Цезаремъ, когда онъ влѣзаетъ въ окна своихъ красавицъ. Вотъ въ томъ-то и состоитъ провлятіе рѣдчайшей философіи, что она должна служить всѣмъ, чего отъ нея потребуютъ. Я не знаю, возможно-ли было бы выносить этотъ деспотизмъ, если не смотрѣть на него съ точки зрѣнія оригинальности, а всѣ его жестокости объяснять забавою. Жена, ты спишь?

ГОЛОСЪ за сценою.

Это, ты Энній? Вѣрно опять долженъ былъ ждать такъ долго? Твое вино стоитъ на столѣ.

СЕНЕКА.

Ну хорошо, хорошо. Спи себѣ, добрая женщина. Я не рискну лечь въ твою чистую постель пропитаннымъ нечѣломудренными испареніями. Въ какія трущобы пришлось мнѣ нынче странствовать за цезаремъ! Сладострастные вздохи Нерона долженъ, какъ часовой, стеречь Сенека! Предъ порокомъ должна склоняться съ почтеніемъ добродѣтель! Честность должна держать лѣстницу вору, лѣзущему въ чужое окно! Жена, ты бажеться что-то сказала?

ГОЛОСЪ за сценою.

Ты что-то ворчишь, милый Энній. Я чувствую, тебя измучили ночью.

СЕНЕКА.

Я по возможности стараюсь удержать въ своихъ рукахъ узду нравственнаго вліянія на моего воспитанника? Не жалка-ли эта философія приспособленія учителя къ ученику? Будь постоянно игрушкой высочайшаго остроумія, вѣчно шути, разыгрывай роль скорѣй придворнаго дурака, чѣмъ придворнаго совѣтника — ва-

ково все это выдерживать? Я начинаю думать, не пора ли мнѣ, наконецъ, взглянуть на все это съ другой стороны. Но, вѣчные боги, зачѣмъ ты оставила свою постель, жена?

ЖЕНА СЕПЕКИ входитъ со свѣтильникомъ, въ ночной одеждѣ.

Ахъ, какъ ты блѣденъ Энній! Этотъ ночной воздухъ вреденъ для тебя. Гдѣ это вы сегодня опять пропадали?

СЕНЕКА.

Во всевозможныхъ пріютахъ, гдѣ любовь похожа на стертую монету, прошедшую чрезъ столько страстныхъ рукъ, что на ней осталась одна ржавчина.

ЖЕНА СЕНЕКИ.

И ты ходилъ туда, Энній.

СЕНЕКА.

Нѣтъ, ты посмотрѣла бы на молодого, полного надеждъ, Цезаря! Вѣчно украшенъ рогами въ своихъ привязанностяхъ! Въ такіе дома, куда можно войти во всякое время ночи чрезъ дворъ, онъ пробирается въ окошко!

ЖЕНА СЕНЕКИ—боязливо.

Энній, помнишь-ли, ты оказывалъ участіе къ бывшему консулу Пизону? Не выговаривалъ-ли тебѣ его величество за это?

СЕНЕКА.

Мнѣ выговаривать за Пизона? Ну, его величество любить больше приговаривать, чѣмъ выговаривать. Нѣкоторыхъ приверженцевъ Пизона онъ навѣрно приговорилъ къ растерзанію дикими звѣрями. Однако, передъ сномъ не наводи меня на такія мрачныя мысли. Моя система — система притворства. Я такъ пріучилъ себя притворяться, что даже самого себя считаю толстякомъ, хотя я худощавъ, и бѣднякомъ, хотя я богатъ. Да, богатъ всѣмъ, но только не отвращеніемъ отъ жизни. Вотъ поэтому-то я и соглашаюсь во всемъ съ Нерономъ. Я знаю, что уступчивостью можно помѣшать разврату и въ случаѣ нужды маленькими преступленіями предупредить большія. Однако, ты что-то встревожена?

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Я видѣла нынче дурной сонъ. Милый Эннй, я думаю, что дѣло идетъ о нашей жизни. Твоя дружба съ Пизономъ...

СЕНЕКА.

Успокойся. Мы совершенно безопасны. Неронъ — благороднѣйшая и въ сущности наивнѣйшая натура — не дальше какъ въ эту ночь прощаясь обнималъ меня, цѣловалъ и даже далъ мнѣ обѣщаніе назначить на болѣе высокой постъ.

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Постой: чтó это за шумъ?

ГОЛОСЪ СНАРУЖИ.

Проснитесь! Проснитесь! Вашъ домъ
Отмѣченъ знакомъ смерти, и съ зарею
Вамъ суждено оставить этотъ міръ.

СЕНЕКА.

Что тамъ кричатъ? я не могу слышать?

ЖЕНА СЕНЕКИ.

А я слышала, но не могу понять.

ГОЛОСЪ СНАРУЖИ.

Надъ вашей кровлей саванъ распростертъ,
Могильный вригъ прокаркалъ мрачно воронъ,
И ласточка гнѣздо свое бросаетъ.

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Какія предвѣщанія!

СЕНЕКА.

• Запри
Скорѣй окно — невыносимо это!

ГОЛОСЪ СНАРУЖИ.

Иль вы не слышите — стучатся къ вамъ,
Вашъ срокъ пришелъ — приготовляйтесь къ смерти.

СЕНЕКА.

Смотри, какая тамъ толпа внизу!

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Они о смерти говорятъ — о чьей же?
Ужель о нашей?

ОВА.

О, смотри, смотри!

Къ намъ гробъ несутъ!

Входятъ друзья и сосѣди Сенеки. Палачъ съ гробомъ. Плачь. СЕНЕКА, убѣдившись, какъ трудно обращаться съ остроумнымъ властителемъ, переходитъ отъ смѣшного къ высокому. Ему вручаютъ свертокъ бумаги: онъ развертываетъ — выпадаетъ кинжалъ.

СЕНЕКА.

Ну, старый дуралей,

Что выигралъ ты шутовствомъ своимъ?
Пучина вынесла тебя высоко —
Теперь ты вновь волнами будешь залить!
Уложится на эти вотъ носилки
То, чѣмъ я былъ и что я нынѣ есть!
О смерть, ты не ждала меня: въ могилу
Схожу я въ маскѣ вздорнаго фиглярства,
Которую всю жизнь носилъ изъ страха,
Съ румянами на сморщенномъ лицѣ,
Съ вѣнкомъ изъ розъ на волосахъ сѣдыхъ,
Со взоромъ лести, ждущей одобренья!
На самого себя я удивляюсь:
Такъ стало быть исчезло все теперь,
Чему училъ ты и во что ты вѣрилъ?
Нравоученья гордыя твои
Разбиты въ прахъ! Прекраснѣйшій вѣнецъ
Изъ всѣхъ вѣнцовъ — сознанье, что ты жилъ
Согласно съ истиной твоихъ глаголовъ —
Самимъ тобой въ безуми растоптанъ!
Позоръ тебѣ! свое существованье
Карриатурой книгъ своихъ ты сдѣлалъ,
И среди бездны общаго разврата
Дно твердое тогда лишь отыскалъ,
Когда пришлось волною захлебнуться!

ЖЕНА СЕНЕКИ.

О мой супругъ, прими сповойно смерть
Со мною вмѣстѣ.

СЕНЕКА.

Нѣтъ, ты оставайся,
Ты жить должна... но что такое жизнь,
Когда дышать не можемъ мы свободно?
Не надо слезъ. Носилки эти также
Удобны будутъ намъ, какъ брачный одръ.
Не плачьте: кто къ богамъ отходитъ вѣчнымъ,
Тотъ счастливъ. Другъ мой, мы съ тобою снова
Сойдемся вмѣстѣ, но не въ этомъ мѣрѣ;
Пусть слезъ твоихъ потокъ пролетѣтъ нынѣ
Въ честь радости грядущаго свиданья!

Оба входятъ въ ванну и открываютъ себѣ жилы.

Прощанье окружающихъ:

Прощайте! прощайте! отжившимъ
Снесите нашъ сворбный привѣтъ!
Какъ знать, можетъ быть уже скоро
И мы отойдемъ вамъ во слѣдъ!

СЕНЕКА.

О сердце, истекающее кровью,
Не ужасайся — эта жизнь была
Приготовленьемъ лишь для новой жизни!
Мы во хмѣлю земного бытія
Живемъ затѣмъ, чтобы познать себя;
Мы струны, на которыхъ божество
Мелодіи свои поетъ случайно.
О, милая, съ моихъ очей спадаетъ
Повязка лжи, и правды свѣтъ я вижу!

ЖЕНА СЕНЕКИ.

И мнѣ онъ блещетъ, дорогой мой Эпній!
Слабѣю я... Скажи мнѣ: умираемъ
Для жизни мы, или живемъ для смерти?

СЕНЕКА.

Дай руку мнѣ: быть можетъ я согрѣю
Тебя своей рукою, если смерть
Къ тебѣ воснется раньше, чѣмъ ко мнѣ;
Дай руку мнѣ и въ трепетѣ одномъ
Овончимъ мы свое существованье!

А вы, друзья, не сѣтуйте о насъ:
 Съ послѣднимъ мигомъ улетѣвшей жизни
 Для насъ начнется вѣчность бытія!
 Что чувствуешь ты милая?

ЖЕНА СЕНЕБИ.

Темнѣеть

Въ моихъ глазахъ... На половину въ смерть
 На половину въ жизнь я прозрѣваю...
 Лишь ты одинъ, мой Энній, предо мною
 И въ этотъ мигъ послѣдній — ты одинъ...
 И тамъ, за рubeжомъ могилы, я
 Тебя такимъ же вижу, какъ въ тотъ день,
 Когда съ тобой мы встрѣтились впервые...

СЕНЕБА.

Смѣняются теперь два міра: тотъ,
 Въ которомъ пепломъ скоро будемъ мы,
 И тотъ, который съ божескою силой
 Не разъ стучался тихо въ наше сердце!
 Изъ чувствъ, въ насъ исчезающихъ, всѣхъ прежде
 Въ насъ потухаетъ зрѣніе, потомъ
 Языкъ нѣмѣеть, осязанье мретъ,
 Дыханіе стѣсняется въ груди;
 Лишь слухъ одинъ послѣднимъ остается,
 Чтобъ каждый могъ передъ концемъ услышать,
 Кто слезы льетъ по немъ, какъ вѣрный другъ,
 И кто молчитъ съ враждебнымъ равнодушьемъ!...
 Что чувствуешь ты, милая? молчитъ
 Она — поникла головою,
 Какъ бы во снѣ. Предсмертный тихій сонъ!
 Ты будто кормицѣй путника приводишь
 Изъ жизненной рѣки въ ту пристань смерти,
 Гдѣ ждетъ его Харона мрачный челнъ!
 И я — я также холодѣю... кровь
 Ушла изъ жилъ; какъ будто отнять я
 Самъ у себя... я умираю... да...
 Друзья, прощайте! Нѣбогда опять
 Увидимся мы въ царствѣ правды вѣчной!

Ложь убѣгаетъ; гевій Истины принимаетъ его въ свои объятія.

В. Буренинъ.

РУССКІЕ ЗАКОНЫ

0

ПЕЧАТИ.

II *).

Предварительное административное разрѣшеніе, какъ условіе для основанія новаго періодическаго изданія и для перемѣны редактора. — Періодическія изданія, подчиненныя предварительной цензурѣ. — Провинціальная періодическая пресса. — Залогн. — Розничная продажа періодическихъ изданій.

Мы разсмотрѣли одну сторону административной власти надъ періодическою печатью — систему административныхъ взысканій; другая сторона ея — это предварительное административное разрѣшеніе, какъ непремѣнное условіе для основанія журнала или газеты. Соединеніе въ однихъ рукахъ двухъ орудій власти, до такой степени сильныхъ, кажется намъ прежде всего, если можно такъ выразиться, *политическимъ плеоназмомъ*. Если отъ администраціи зависитъ остановить, во всякое время, выходъ въ свѣтъ журнала или газеты, то къ чему затруднять основаніе новыхъ періодическихъ изданій? И на оборотъ, если изданіе журнала разрѣшается только лицамъ, представившимъ достаточныя доказательства своей благонадежности, то къ чему подвергать такихъ благонадежныхъ людей всей строгости системы административныхъ взысканій? Даже допустивъ на минуту оспариваемую нами необходимость чрезвычайной гарантіи противъ злоупотребленій

---

*) См. выше: апр. 794 стр. и слѣд.

печатнаго слова, мы все-таки должны будемъ признать, что нѣтъ причины подрѣплять одну мѣру предосторожности другою, что избытокъ гарантій ничуть не менѣе вреденъ, чѣмъ полное ихъ отсутствіе. Правда, французы говорятъ, что «abondance de biens ne nuit pas»; но вѣдь въ стѣсненіяхъ печатнаго слова даже защитники ихъ видятъ скорѣе неизбежное зло, чѣмъ абсолютное благо, — а неизбежное зло законно только подъ условіемъ доведенія его до возможно-меньшихъ размѣровъ. Повторяемъ, логическая послѣдовательность требовала бы полной свободы въ основаніи журналовъ, если они подчинены системѣ административныхъ взысканій, или уничтоженія системы административныхъ взысканій, если для основанія журнала необходимо предварительное согласіе администраціи. Почему же мы видимъ на практикѣ явленіе совершенно противоположное? Почему, напримѣръ, во Франціи система предварительнаго разрѣшенія была и установлена, и отмѣнена одновременно съ системой административныхъ взысканій? Откуда эта тѣсная связь между мѣрами, взаимно исключаящими одна другую? Дѣло въ томъ, что онѣ обѣ—произведеніе одного и того же духа, духа недовѣрія и нерасположенія къ печати. Когда, напримѣръ, во Франціи законодатель, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ причинъ, боится печати и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы идти на-переворотъ потребности общества въ свободномъ печатномъ словѣ, онъ не останавливается на пол-дорогѣ и налагаетъ на печать столько оковъ, сколько она въ состояніи вынести въ данную минуту. Ему мало одного средства вліянія на печать; его можетъ успокоить только полная зависимость ея отъ администраціи. Такова была цѣль Наполеона III при изданіи февральскаго декрета 1852 года. Наше законодательство пришло къ тому же результату нѣсколько другимъ путемъ. Опасаться печати, какъ опасалось ея французское правительство послѣ декабрьскаго переворота, оно не имѣло никакихъ основаній; но оно не довѣряло ей, не довѣряло ни ея зрѣлости, ни ея направленію, и потому рѣшилось предоставить ей только minimum свободы, которой она до тѣхъ поръ была (de jure) лишена совершенно. Во Франціи одновременная отмѣна обѣихъ главныхъ опоръ административнаго полновластія надъ печатью была уступкой требованіямъ измѣнившагося общественнаго мнѣнія; въ Россіи — такова наша твердая надежда — онѣ должны исчезнуть вмѣстѣ съ предубѣжденіемъ противъ печати, достаточно опровергнутымъ ея исторіею послѣ 1 сентября 1865 года. Примѣръ современной французской прессы доказываетъ съ полною ясностью, что правительство, отказавшееся и отъ системы предварительнаго раз-

рѣшенія, и отъ системы административныхъ взысканій, сохраняетъ еще весьма обширную власть надъ періодическою печатью. Къ тому же заключенію ведетъ примѣръ Пруссіи, въ которой администрація лишена, съ 1848 года, чрезвычайной власти надъ печатью, — что не помѣшало однако ни полному господству реакціи съ 1850 до 1858 года, ни новому торжеству ея при министерствѣ Бисмарка.

Что система предварительнаго административнаго разрѣшенія несправедлива и обременительна для печати — объ этомъ не можетъ быть никакого спора. Въ дѣлахъ печати, какъ и во всѣхъ другихъ, не должно быть осужденій, основанныхъ только на подозрѣніи, не должно быть стѣснительныхъ мѣръ, оправдываемыхъ только отдаленною возможностью вреда. Выборъ занятія или ремесла долженъ быть свободенъ для каждаго; запрещеніе заниматься извѣстнымъ дѣломъ есть важное ограниченіе гражданскихъ правъ, — а для ограниченія правъ необходимъ судебный приговоръ, въ основаніи котораго долженъ въ свою очередь лежать опредѣленный, признанный судомъ проступокъ. Не странно ли, что судъ, по нашимъ законамъ, имѣетъ право запретить лицу, обвиненному за проступокъ печати, исправленіе обязанностей издателя или редактора на срокъ не свыше пяти лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 1,046 пун. 2), а администрація можетъ подвергнуть лицо, ни въ чемъ еще не оказавшееся виновнымъ, такому же запрещенію на неопредѣленное время, т. е. хоть навсегда? Съ перваго взгляда можетъ даже показаться, что система предварительнаго административнаго разрѣшенія еще болѣе неблагоприятна для правильнаго развитія періодической печати, нежели система административныхъ взысканій. Вооруженная правомъ предварительнаго разрѣшенія, администрація можетъ сдѣлать немислимою всякую сколько-нибудь независимую прессу, уничтожить въ самомъ корнѣ все сколько-нибудь похожее на оппозицію, создать и поддержать въ журнальномъ хорѣ полный униссонъ, не знающій диссонансовъ. Въ теоріи все это не подлежитъ сомнѣнію; но въ дѣйствительности, въ счастію, теорія осуществляется далеко не вполне. Администрація — за исключеніемъ только самыхъ тяжелыхъ, мрачныхъ моментовъ народной жизни — пользуется своимъ правомъ съ большою или меньшею умѣренностью; враговъ своихъ — или лучше сказать, тѣхъ, кого она считаетъ своими врагами — она конечно не допускаетъ въ журнальную сферу, но не ограничиваетъ ее и одними признанными своими друзьями, не требуетъ безусловно отъ своихъ избранниковъ оффиціального или оффиціознаго взгляда на вещи. Она понимаетъ, что если пресса, обращенная въ одинъ казенный цвѣтъ, безсильна какъ

орудіе оппозиціи, то столь же напрасно было бы ожидать отъ нея содѣйствія правительственнымъ цѣлямъ; она понимаетъ, что безъ извѣстной свободы мнѣній смѣшны и странны изліянія самаго благонамѣреннаго консерватизма. Съ другой стороны, соображенія, которыми руководствуется администрація при разрѣшеніи журнала, могутъ оказаться — и часто оказываются — отчасти ошибочными. Редакторъ, сегодня совершенно благонадежный, завтра можетъ измѣнить свой образъ мыслей или по крайней мѣрѣ свой образъ дѣйствій, подпасть подъ чье-нибудь постороннее вліяніе, или просто расчитать, что выгоднѣе окружить себя сотрудниками изъ среды другой литературной партіи. Благодаря этимъ различнымъ причинамъ, система предварительнаго административнаго разрѣшенія не препятствуетъ, на практикѣ, довольно большому разнообразію въ направленіи періодическихъ изданій. При дѣйствіи этой системы, во Франціи появились вновь такія газеты какъ «Temps», «Avenir National», «Courrier du Dimanche», «Courrier Français»; «Liberté», основанная лицемъ угоднымъ администраціи (К. Мюллеромъ), перешла въ руки Э. Жирардена, въ самый разгаръ его нападеній на правительство. Тоже самое мы видимъ и у насъ въ Россіи; мы не хотимъ называть ничьихъ именъ, но стоятъ только бросить бѣглый взглядъ на періодическую прессу послѣднихъ 3 — 4 лѣтъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что при дѣйствіи закона 6 апрѣля основано нѣсколько вполне независимыхъ изданій, а нѣкоторыя другія сдѣлались независимыми, хотя редакторъ у нихъ остался прежній. Это приводитъ насъ къ убѣжденію, что система предварительнаго разрѣшенія — меньшее изъ двухъ золъ, сравнительно съ системой административныхъ взысканій, и что отмѣнить первую, не уничтоживъ послѣдней, не значило бы прозвѣсти существенную перемену къ лучшему въ положеніи русско-русской печати.

Само собою разумѣется, что все связанное нами о необходимости административнаго разрѣшенія для основанія журнала примѣняется, можетъ быть съ бѣльшей еще силой, и къ необходимости административнаго разрѣшенія для замѣны одного отвѣтственнаго редактора другимъ (законъ 6 апрѣля гл. II ст. 11). Съ помощью этого послѣдняго права, администрація можетъ остановить на неопредѣленное время изданіе любого журнала, если онъ имѣлъ несчастье потерять своего редактора; ей стоить только отказывать въ своемъ утвержденіи всѣмъ тѣмъ, кто изъявитъ желаніе занять вакантное мѣсто. А между тѣмъ, остановка изданія уже существующаго, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи гораздо вреднѣе, чѣмъ противудѣйствіе основа-

нію новаго журнала. Что опасность, указанная нами, не можетъ быть названа мнимой — это доказывается примѣромъ оппозиціонной французской газеты «Courrier du Dimanche», изданіе которой было, если мы не ошибаемся, приостановлено на время именно вслѣдствіе невозможности найти новаго редактора, угоднаго администраціи. Въ частомъ злоупотребленіи своимъ правомъ администрацію обвинять нельзя, благодаря тѣмъ же причинамъ, по которымъ она разрѣшаетъ иногда основаніе независимыхъ журналовъ; но для осужденія системы достаточно и того, что изъ нея проистекаетъ *возможность злоупотребленій*. Что касается до неудобствъ, соединенныхъ съ необходимостью административнаго согласія на всякую переимѣну въ лицѣ редактора, даже временную, то они слишкомъ хорошо извѣстны каждому редактору, которому случалось уѣзжать для отдыха изъ С. Петербурга. Мы знаемъ примѣры, въ которыхъ ни одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала не могъ получить дозволенія замѣнять редактора на время его отсутствія, такъ что приходилось обращаться для этого къ лицамъ совершенно постороннимъ.

Положеніе періодическихъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, не можетъ быть названо ни обезпеченнымъ, ни легкимъ, вслѣдствіе тяготѣющей надъ ними системы административныхъ взысканій; но еще менѣе завидно положеніе изданій, подчиненныхъ, на прежнемъ основаніи, предварительной цензурѣ. Если бы выборъ между тѣмъ и другимъ порядкомъ вещей зависѣлъ отъ самого издателя или редактора, если бы предварительная цензура служила только убѣжищемъ для тѣхъ, кто не можетъ внести залога или не хочетъ рисковать своею собственностью, — тогда существованіе цензуры, оставаясь конечно явленіемъ весьма не нормальнымъ, не нарушало бы по крайней мѣрѣ равноправности между журналами. Но освобожденіе или неосвобожденіе періодическаго изданія, вновь основываемаго, отъ предварительной цензуры предоставлено нашимъ закономъ усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, даже система административныхъ взысканій, облекающая администрацію правомъ жизни и смерти надъ повременными изданіями, оказывается орудіемъ недостаточно сильнымъ для обузданія прессы! Существуютъ изданія, которыя, еще до выхода ихъ въ свѣтъ, признаются настолько опасными для правительства, что чувствуется потребность установить контроль надъ каждымъ отдѣльнымъ ихъ словомъ! Порядокъ вещей, несвоевременность котораго послужила поводомъ къ изданію закона 6 апрѣля, остается въ силѣ для цѣлой категоріи журналовъ, причисленіе къ которой зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія администраціи. Если

это было сдѣлано въ видѣ опыта, если правительство не хотѣло окончательно разстаться съ прежней системой, пока не испытана новая, то испытаніе продолжается, кажется, уже довольно долго, и результатомъ его является скорѣе необходимость подвинуться впередъ, чѣмъ возвратиться назадъ, къ патріархальной опежѣ надъ печатью. Мы не можемъ представить себѣ ни одного случая, въ которомъ система административныхъ взысканій оставляла бы правительство безоружнымъ противъ журнала или газеты, въ которомъ былъ бы поводъ сожалѣть (съ административной точки зрѣнія) о несуществованіи предварительной цензуры. Не слѣдуетъ забывать, что господство системы административныхъ взысканій выражается не только въ формальныхъ предостереженіяхъ, со всѣми ихъ послѣдствіями, но и въ частныхъ внушеніяхъ, въ совѣтахъ, нерѣдко равносильныхъ приказанію. Отсюда возможность не только карать, но до извѣстной степени и предупреждать слишкомъ рѣзкое или слишкомъ откровенное отношеніе печати къ тѣмъ или другимъ щекотливымъ вопросамъ. Подчинять нѣкоторыя изданія предварительной цензурѣ, значить возбуждать сомнѣніе въ цѣлесообразности реформы, предпринятой самимъ правительствомъ — сомнѣніе, которое лишено всякаго основанія. Безспорно, освобожденіе отъ цензуры нѣкоторыхъ періодическихъ изданій не могло не имѣть вліянія и на положеніе остальныхъ, не могло не измѣнить приемовъ и взглядовъ самой цензуры; но общій характеръ учрежденія все-таки остался и останется прежній — и обвинять за это отдѣльныхъ цензоровъ конечно никто не станетъ. Кто отвѣчаетъ за каждое слово, сказанное въ журналѣ, тотъ по необходимости долженъ обращать вниманіе не только на мысль, но и на способъ выраженія ея, и за невозможностью провести опредѣленную черту между дозволеннымъ и недозволеннымъ, подвигать ее все ближе и ближе къ себѣ, въ видахъ личной безопасности. Въ отношеніяхъ читающей публики къ журналу, издаваемому подъ цензурой, неизбѣжно проявляется одно изъ двухъ: или неудовольствіе на сдержанность и неполноту журнала сравнительно съ другими, или особенный интересъ во всему тому, что остается въ журналѣ невысказаннымъ или недосказаннымъ. Въ первомъ случаѣ совершенно безвинно страдаетъ журналъ, во второмъ случаѣ происходитъ именно то, противъ чего былъ, между прочимъ, направленъ законъ 6 апрѣля: цензура не только не противудѣйствуетъ, но на оборотъ, способствуетъ распространенію нецензурнаго образа мыслей. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы въ настоящую минуту правительство было слабѣе, чѣмъ до введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля; а между тѣмъ всѣ главные органы печати освобождены

уже съ тѣхъ поръ отъ предварительной цензуры. Совершенная ея отмѣна пройдетъ, въ этомъ отношеніи, такъ же безслѣдно, какъ и первый опытъ ограничить ея господство.

Дѣйствіе закона 6 апрѣля распространяется, за немногими и неважными исключеніями, только на С. Петербургъ и Москву. Столичная литература, безъ того уже поставленная въ положеніе особенно выгодное, приобрѣла такимъ образомъ новое преимущество предъ провинціальной. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что преимущество это не имѣетъ правильнаго основанія. Для администраціи подчиненіе провинцій закону 6 апрѣля не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Въ губернскихъ городахъ у насъ еще почти немислима періодическая пресса, а въ губернскихъ городахъ есть всѣ необходимыя средства для установленія постоянного контроля надъ печатью. Каждый разъ, когда губернаторъ признаетъ нужнымъ принять противъ газеты какую-нибудь административную мѣру взысканія или возбудить судебное преслѣдованіе, разрѣшеніе центральной власти могло бы быть испрошено и получено, съ помощью телеграфа, въ два — три дня или еще скорѣе. Гдѣ еще не введена въ дѣйствіе судебная реформа, тамъ процессы по дѣламъ печати могли бы быть предоставлены разсмотрѣнію судебной палаты ближайшаго судебного округа. Что касается до интересовъ самой литературы, то для провинціальной прессы извѣстная доля свободы необходима, можетъ быть, еще больше, чѣмъ для столичной. Столичная пресса никогда не испытываетъ такой мелкой тираніи, какой слишкомъ легко можетъ подвергнуться провинціальная пресса. По характеру вопросовъ, обсужденіе которыхъ сосредоточивается въ столицахъ, по степени вліянія, которымъ пользуются нѣкоторые столичные журналы, по свойству организациі центральнаго управленія дѣлами печати, по самой многочисленности своихъ органовъ, столичная пресса не можетъ подпасть безусловно подъ власть одного лица, не можетъ быть принуждена ни къ молчанію о всѣхъ предметахъ, занимающихъ въ данную минуту общественное мнѣніе, ни къ постоянно-хвалебнымъ отзывамъ о каждомъ дѣйствіи начальства. Въ провинціи, напротивъ того, такая зависимость періодической прессы возможна, даже вѣроятна, пока существуетъ предварительная цензура. Полное умственное господство столицъ надъ провинціей — господство, вредное не только для послѣдней, но и для первыхъ — прекратится лишь тогда, когда провинціальная пресса приобрететъ, по крайней мѣрѣ *de jure*, равноправность съ столичною (фактическая ихъ равноправность долго еще останется мечтою). Только тогда сдѣлается возможнымъ такое знакомство съ бытомъ, съ потреб-

ностями провинцій, безъ котораго гадательны и шатеи бѣлая часть обобщеній столичной прессы. Мы знаемъ, что правильному развитію провинціальной прессы противодѣйствуетъ, независимо отъ закона, провинціальное общество, непривыкшее къ гласности и часто враждебное ея органамъ. Но эта привычка, эта вражда обусловливается именно жалкимъ положеніемъ, въ которомъ находилась и находится до сихъ поръ провинціальная періодическая пресса. Дайте ей окрѣпнуть, оживиться, приобрести значеніе для мѣстностей, среди которыхъ она существуетъ — и предубѣжденіе противъ нея исчезнетъ само собою.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ отдѣламъ литературы, намъ остается еще рассмотреть двѣ законодательныя мѣры, относящіяся спеціально къ повременнымъ изданіямъ: постановленіе о залогахъ и правила о розничной продажѣ газетъ на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Взносъ залога обязательенъ для повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры (за исключеніемъ изданій чисто ученыхъ, техническихъ и хозяйственныхъ). Размѣръ залога простирается для изданій ежедневныхъ или выходящихъ въ свѣтъ не менѣе шести разъ въ недѣлю — до пяти тысячъ, для всѣхъ остальныхъ — до двухъ тысячъ пятисотъ рублей. Залогъ отвѣтствуетъ за денежныя взысканія, налагаемыя на повременныя изданія; каждый разъ, когда часть его обращена на этотъ предметъ, онъ долженъ быть пополненъ въ опредѣленный срокъ (законъ 6 апрѣля, гл. II, ст. 15—19). Постановленія о залогахъ перешли къ намъ изъ западной Европы, гдѣ они, въ свою очередь, появились не раньше конца прошедшаго или начала нынѣшняго столѣтія; прежняя административная наука не знала такихъ замысловатыхъ учрежденій, да и не имѣла надобности въ нихъ. Назначеніе залога ограничивается, по видимому, пополненіемъ взысканій, могущихъ пасть на изданіе; но на самомъ дѣлѣ оно заключается въ томъ, чтобы затруднить основаніе новыхъ періодическихъ изданій. Убѣдиться въ этомъ нетрудно, стѣдуетъ только припомнить, что съ каждымъ почти ремесломъ, съ каждой почти профессіей сопряжена возможность денежныхъ взысканій—а представленіе залога требуется только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, отъ лицъ, которыя, по самому положенію своему, постоянно хранятъ или получаютъ и передаютъ чужія денежныя суммы (напр. нотаріусы, судебныя пристава). Издатели и редакторы повременныхъ изданій не находятся въ такомъ исключительномъ положеніи, и для обезпеченія взысканій, которыя могутъ быть на нихъ наложены, нѣтъ, кажется, никакой надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ случаѣ неплатежа наложеннаго судомъ штрафа, осуж-

денное лицо подвергается, по нашимъ законамъ, личному задержанію; неужели это недостаточно сильное побужденіе къ уплатѣ штрафа? Много ли найдется журналистовъ, которые предпочтутъ просидѣть подъ арестомъ три мѣсяца, нежели заплатить штрафъ въ триста рублей (Улож. о наказ. ст. 84)? Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому, что главное назначеніе залога — вовсе не пополненіе взысканій, можетъ служить слѣдующее простое соображеніе. По нашимъ законамъ maximum штрафа за проступокъ печати — пятьсотъ рублей. Въ случаѣ совокупности преступленій, наказанія, какъ извѣстно, не складываются, не присоединяются одно къ другому, а назначается только строжайшее изъ нихъ, въ высшей мѣрѣ. Отсюда слѣдуетъ, что сколько бы проступковъ печати ни совершилъ редакторъ журнала, онъ не можетъ быть приговоренъ за одинъ разъ къ денежному взысканію въ размѣрѣ болѣе пятисотъ рублей. Положимъ, что въ продолженіе срока предоставленнаго ему для пополненія залога, онъ успѣетъ совершить еще одинъ или нѣсколько проступковъ; и тогда оба штрафа, вмѣстѣ взятые, составятъ не болѣе тысячи рублей ¹⁾. Между тѣмъ, размѣръ залога для ежедневныхъ изданій составляетъ сумму впятеро болѣе, для остальныхъ — сумму болѣе въ два съ половиною раза. Очевидно, что для пополненія взысканій — еслибы законъ заботился только объ этомъ — можно было бы ограничиться залогомъ несравненно мѣньшимъ, не превышающимъ 1,000—1,500 рублей.

Установленіе высокаго залога можетъ быть оправдываемо аргументами другого рода. Можно утверждать, что оно служитъ гарантіею серьезности журнальнаго предпріятія, что оно предохраняетъ журнальный міръ отъ наплыва людей, ничего не имѣющихъ и потому ничѣмъ не дорожащихъ — однимъ словомъ, можно видѣть въ немъ нѣчто въ родѣ *имущественнаго ценза* для журналистовъ. Такой взглядъ на систему залоговъ, высказанный, между прочимъ, при введеніи этой системы въ Пруссіи, въ 1850 году, кажется намъ вполне ошибочнымъ и даже не вполне искреннимъ. Между имущественнымъ цензомъ и системой залоговъ нѣтъ ни-

¹⁾ Взысканіе болѣе значительное возможно только въ одномъ случаѣ, конечно, крайне рѣдкомъ — въ случаѣ ненапечатанія періодическимъ изданіемъ предостереженія, сообщенія, опроверженія или судебного опредѣленія, подлежащаго напечатанію въ назначенный закономъ срокъ (улож. о наказ. ст. 1,033): за каждый день просрочки взыскивается двадцать пять рублей, но просрочка не можетъ продолжаться долѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ какъ по истеченіи этого срока изданіе, неисполнившее законнаго требованія, прекращается; слѣдовательно сумма взысканія не можетъ превышать, даже для ежедневнаго изданія, 2300 рублей, т. е. не можетъ дойти и до половины требуемаго отъ него залога.

чего общаго уже потому, что внесеніе залога вовсе не доказываетъ личную состоятельность того, кѣмъ онъ внесенъ. Законъ не требуетъ и не можетъ требовать, чтобы вносимая въ качествѣ залога сумма принадлежала непременно самому издателю журнала. Онъ можетъ взять ее въ долгъ на какихъ угодно условіяхъ и приступить къ изданію журнала съ чужими средствами, не имѣя никакого собственнаго имущества, не питая, слѣдовательно, и тѣхъ чувствъ, которыя обыкновенно приписываются собственникамъ. Но пойдѣмъ далѣе; предположимъ, что внесенный залогъ составляетъ собственность самого издателя ¹⁾. Какъ человѣкъ преимущественно-коммерческій, издатель, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы журналъ его не подвергался запрещенію, но не менѣе заинтересованъ и въ томъ, чтобы у журнала было побольше подписчиковъ. Если для привлеченія подписчиковъ нужна извѣстная доза оппозиціи, то издатель, въ большей части случаевъ, не задумается отпустить эту дозу, хотя бы она и не была вполнѣ согласна съ тенденціями его, какъ приверженца охранительныхъ началъ. Еще чаще встрѣчается на практикѣ другой случай: издатель не принимаетъ никакого участія въ веденіи журнала, которое сосредоточено вполнѣ въ рукахъ редактора и его постоянныхъ сотрудниковъ. Здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то сдерживающемъ, умѣряющемъ вліяніи залога, внесеннаго издателемъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы брать залогъ и съ редактора, и съ сотрудниковъ журнала; а къ какимъ результатамъ привела бы такая система — это не требуетъ объясненій.

Все сказанное нами до сихъ поръ относится къ залогамъ вообще; но въ Россіи установленіе ихъ представляется съ одной стороны менѣе нужнымъ, съ другой — болѣе неудобнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Оно менѣе нужно, потому что зависимость нашей печати отъ администраціи поддерживается и усиливается всѣми особенностями нашего государственнаго строя; оно болѣе неудобно, потому что наша печать располагаетъ гораздо меньшими матеріальными средствами, чѣмъ западно-европейская пресса. Если смотрѣть на залогъ, какъ на способъ пополненія денежныхъ взысканій, то необходимость его обуславливается исключительно судебнымъ преслѣдованіемъ проступковъ печати; административныя карательныя мѣры съ денежными штрафами не сопряжены. Наша періодическая пресса можетъ подвергаться, по закону, и административнымъ мѣрамъ взысканія, и судебному

¹⁾ Обязанность внести залогъ возложена нашимъ закономъ именно на издателя, а не на редактора,—что, впрочемъ, и вполнѣ естественно.

преслѣдованію; но на практикѣ послѣднее случается чрезвычайно рѣдко. Если исключить изъ числа рѣшенныхъ до сихъ поръ процессовъ печати всѣ дѣла, начатыя по жалобамъ частныхъ лицъ или присутственныхъ мѣстъ, то останется только одно преслѣдованіе, возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати — преслѣдованіе «Современника» за статью г. Жуковскаго: «Вопросъ молодого поколѣнія»¹⁾, окончившееся присужденіемъ гг. Жуковскаго и Пыпина (какъ редактора) къ трехнедѣльному аресту. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, — какъ мы уже имѣли случай замѣтить, говоря о судьбѣ газеты «Москва», — администрація предпочитала давать предостереженія даже за такія статьи, въ которыхъ она находила прямое нарушеніе уголовныхъ законовъ о печати (неуважительные отзывы о законѣ, возбужденіе одного сословія противъ другого и т. п.). Къ чему же, спрашивается, существованіе залоговъ, если въ продолженіе трехъ лѣтъ не было ни одного случая присужденія журнала, за проступокъ *политическаго* свойства, къ денежному взысканію? Приписывать малочисленность процессовъ печати какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ — было бы, по нашему мнѣнію, явною ошибкой; мы видимъ въ ней неизбежный результатъ господства системы административныхъ взысканій. Пока администрація будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи двѣ формы преслѣдованія проступковъ печати, она всегда будетъ обращаться предпочтительно къ той изъ нихъ, которая вполне и безусловно отъ нея зависитъ и не требуетъ вмѣшательства посторонней власти.

Размѣръ залога, опредѣленный закономъ 6 апрѣля, заимствованъ, вѣроятно, изъ прусскаго законодательства о печати (у насъ maximum залога 5,000 руб., въ Пруссіи, 5,000 талеровъ). Но развѣ положеніе нашей печати выдерживаетъ какое-нибудь сравненіе съ положеніемъ прусской печати? У насъ шесть, семь тысячъ подписчиковъ составляютъ цифру, о которой напрасно мечтаютъ большинство даже самыхъ распространенныхъ журналовъ; въ Германіи нѣсколько десятковъ тысячъ подписчиковъ — явленіе весьма обыкновенное. «Gartenlaube», издаваемая въ Лейпцигѣ, расходится въ количествѣ слишкомъ двухсотъ тысячъ экземпляровъ. Количество объявленій, печатаемыхъ въ Германіи, достигаетъ волосальныхъ размѣровъ; въ «Кельнской Газетѣ» они часто наполняютъ собою четыре страницы и даже болѣе. Вознагражденіе за литературный трудъ въ Германіи ниже, чѣмъ у насъ. Изданіе журнала въ западной Европѣ общааетъ, слѣдова-

¹⁾ Мы говоримъ здѣсь только о *периодической* печати, а не о другихъ отдѣлахъ литературы, чаще вызывавшихъ судебное преслѣдованіе со стороны правительства.

тельно, гораздо больше выгодъ, чѣмъ въ Россіи, и сопряжено во всѣхъ отношеніяхъ съ гораздо меньшимъ рискомъ. Если прибавить къ этому изобиліе свободныхъ капиталовъ и сравнительную умѣренность процента, то легко понять, что для берлинскаго издателя внесеніе залога въ 5,000 талеровъ не представляетъ серьезныхъ затрудненій — чего никакъ нельзя сказать о залогѣ въ 5,000 рублей для нашихъ вновь основываемыхъ періодическихъ изданій. У насъ существуетъ сильное недовѣріе къ журнальнымъ предпріятіямъ — недовѣріе, поддерживаемое воспоминаніемъ о многихъ разнообразныхъ неудачахъ и катастрофахъ; достать деньги для такого предпріятія — задача трудная, часто невозможная. Всего грустнѣе то, что спекулянтъ, желающій примкнуть къ сонму органовъ такъ-называемой маленькой или мелкой прессы — прессы скандаловъ и сплетенъ — скорѣе найдетъ средства для основанія новаго журнала, чѣмъ добросовѣстный труженикъ, задумавшій серьезное политическое или литературное изданіе. Въ первомъ случаѣ больше шансовъ матеріальнаго успѣха, меньше шансовъ административной невзгоды — больше, слѣдовательно, гарантій и примановъ для капиталиста, пускающаго въ оборотъ свои деньги. Однихъ издателей невозможность представить требуемый залогъ заставляетъ совершенно отказаться отъ основанія журнала, другихъ — подчиняться предварительной цензурѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ остаются безъ употребленія или напрасно тратятся силы, въ дѣятельности которыхъ нуждается наше общество. Выводъ изъ всего сказаннаго нами тотъ, что при дѣйствіи системы административныхъ взысканій залоги по меньшей мѣрѣ совершенно излишни, и что размѣръ ихъ не соотвѣтствуетъ ни нашимъ уголовнымъ законамъ о печати, ни положенію и средствамъ нашей періодической прессы *).

Постановленіе о розничной продажѣ періодическихъ изданій, ставящее ее въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, состоялось лишь въ прошедшемъ году, въ дополненіе къ закону 6 апрѣля. Въ основаніи его, очевидно, лежитъ предположеніе, что печать все еще недостаточно подчинена администраціи, что власть администраціи надъ печатью должна быть не уменьшена, а увеличена, что необузданность печати требуетъ новыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ къ ея укрощенію. Откуда возникло такое предположеніе—этого мы объяснить не беремъ; въ нашихъ глазахъ оно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ, представляемымъ исторіею

*) О томъ, какой результатъ принесла система залоговъ во Франціи, см. выше, въ статьѣ: «Биржевой Олимпъ», на стр. 627 и слѣд. — *Ред.*

печати за послѣдніе три года. Правда, французская администрація также имѣетъ право запрещать розничную продажу періодическаго изданія; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что во Франціи уничтожена система административныхъ взысканій и что большинство французскихъ газетъ прямо враждебно правительству. Само собою разумѣется, что ни то, ни другое не оправдываетъ права, предоставленнаго французской администраціи относительно розничной продажи журналовъ; мы хотѣли только напомнить еще разъ, что примѣръ Франціи ничего не доказываетъ въ отношеніи къ Россіи. Всѣ соображенія, приведенныя нами противъ системы административныхъ взысканій, вполне приимчивы и въ праву администраціи запрещать, по своему усмотрѣнію, розничную продажу періодическаго изданія. И здѣсь администрація является судьей въ собственномъ дѣлѣ, судьей безапелляціоннымъ и безотчетнымъ; и здѣсь карательная мѣра падаетъ не только на виновнаго, но и на невинныхъ; и здѣсь суду и навазанію не предшествуетъ защита. По матеріальному вреду, имѣ приносимому, запрещеніе розничной продажи, конечно, должно быть названо мѣрою болѣе легкою, чѣмъ предостереженія, если за ними слѣдуетъ временная пріостановка журнала; но съ другой стороны, предостереженія имѣютъ передъ запрещеніемъ розничной продажи нѣкоторыя довольно важныя преимущества. Въ предостереженіи объясняются мотивы, которыми оно вызвано, или, по крайней мѣрѣ, указывается статья, противъ которой оно направлено. Отсюда возможность критики, конечно, весьма ограниченная, но все-таки существующая; отсюда, хоть иногда, возможность догадаться, о какихъ вопросахъ слѣдуетъ говорить съ особою осторожностью. Запрещеніе розничной продажи объявляется безъ указанія причинъ: ни періодическое изданіе, ему подвергшееся, ни другіе журналы, ни публика — не знаютъ, чему приписать строгость администраціи. Первое, даже второе предостереженіе, само по себѣ взятое, можетъ обойтись для журнала безъ особенно вредныхъ послѣдствій; запрещеніе розничной продажи не имѣетъ приготовительныхъ степеней, постигаетъ журналъ внезапно, неожиданно, и сразу наноситъ тяжелый ударъ его интересамъ. Розничная продажа газетъ появилась у насъ весьма недавно, но пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; запрещеніе ея, слѣдовательно, становится и будетъ становиться все болѣе и болѣе чувствительнымъ для журнала. Съ теченіемъ времени оно можетъ обратиться изъ карательной мѣры въ мѣру поощренія и поддержки *благонямренныхъ* періодическихъ изданій. Такою опасностью не угро-

жаетъ, или угрожаетъ въ гораздо меньшей степени, даже система административныхъ предостереженій.

Такова общая картина, представляемая современнымъ положеніемъ нашей періодической печати. Утѣшительныхъ сторонъ въ ней меньше, чѣмъ печальныхъ. Незавидна участь того, кто задумалъ основать періодическое изданіе. Кромѣ значительныхъ денежныхъ средствъ, которыхъ требуетъ всякое подобное предпріятіе, онъ долженъ добыть нѣсколько тысячъ рублей, для обращенія ихъ въ непроизводительный и никому не нужный залогъ, и платить за нихъ болѣе или менѣе обременительные проценты. Можетъ быть, всѣ его хлопоты останутся тщетными; можетъ быть, его просьба о разрѣшеніи журнала будетъ отклонена министерствомъ, и онъ не будетъ даже имѣть утѣшенія знать, что послужило основаніемъ отказа. Но положимъ, что первый фазисъ дѣла окончился для него благополучно: онъ получилъ разрѣшеніе издавать журналъ, и притомъ безъ предварительной цензуры. Здѣсь начинается рядъ нескончаемыхъ тревогъ и затрудненій, отъ которыхъ свободны только счастливыя, плывущіе по теченію, съ постояннымъ попутнымъ вѣтромъ. Не говоримъ уже о разныхъ скрытыхъ подводныхъ камняхъ, хотя обходъ ихъ требуетъ большаго искусства, и лицевая сторона дѣла далеко не розоваго цвѣта. Кто изъ редакторовъ, прочитавъ корректуру своей газеты, можетъ заснуть съ увѣренностью въ томъ, что завтрашнее утро не принесетъ ему грозной вѣсти о предостереженіи? Кто изъ нихъ, составляя смѣту своихъ доходовъ, можетъ ручаться за то, что изъ нея не исчезнетъ статья розничной продажи? При полной зависимости отъ администраціи, въ журнальномъ дѣлѣ нѣтъ вѣрныхъ расчетовъ, нѣтъ прочнаго будущаго; вездѣ и во всемъ неизвѣстность, столь вредная для всякаго предпріятія. «Служенье Музъ не терпитъ суеты», сказалъ поэтъ; служеніе обществу путемъ печатнаго слова не терпитъ постояннаго ожиданія какихъ-то непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ бѣдствій, постоянной заботы о формѣ, когда нужно думать о сущности дѣла.

III.

Непериодическая литература. — Сочиненія, освобожденныя отъ предварительной цензуры. — Специальныя цензуры: духовная, театральная и иностранная.

Непериодическая литература раздѣлена закономъ 6-го апрѣля на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ освобожденъ и отъ предварительной цензуры и отъ административныхъ взысканій, а другой безусловно подчиненъ предварительной цензурѣ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ издаваемые въ столицахъ оригинальныя сочиненія, объемъ которыхъ не менѣе десяти, и переводныя сочиненія, объемъ которыхъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ; ко второму отдѣлу — всѣ остальные сочиненія. Въ сравненіи съ прежнимъ, новый порядокъ вещей представляетъ огромныя достоинства и удобства: еслибы законъ 6-го апрѣля ограничился одною этою реформою, онъ все-таки послужилъ бы началомъ новой, болѣе счастливой эпохи въ исторіи нашей литературы. Множество сочиненій (въ особенности переводныхъ), составляющихъ драгоцѣнное приобрѣтеніе для нашего общества, могли появиться въ свѣтъ только благодаря закону 6-го апрѣля. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы новое положеніе дѣлъ, созданное этимъ закономъ для непериодической литературы, было вполне удовлетворительно и нормально. Разсмотримъ сначала самую характеристическую черту его — раздѣленіе литературы на два разряда, полноправный и (сравнительно) безправный. Въ основаніи этого раздѣленія лежитъ явное недовѣріе къ сочиненіямъ небольшого объема — недовѣріе, проявлявшееся и проявляющееся, впрочемъ, не въ одной Россіи. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й, въ первые годы своего царствованія (1842 годъ), задумалъ облегчить положеніе литературы, онъ освободилъ отъ предварительной цензуры только тѣ сочиненія, объемъ которыхъ превышалъ двадцать печатныхъ листовъ. Въ настоящее время эти сочиненія должны быть представляемы въ мѣстную полицію за 24 часа до выпуска ихъ въ свѣтъ, чего не требуется отъ сочиненій большаго объема (законъ 12 мая 1851 г., ст. 5). Во Франціи существуетъ до сихъ поръ другая мѣра предосторожности противъ сочиненій небольшого объема: они обложены штемпельнымъ сборомъ, подобно періодическимъ изданіямъ¹⁾. Чѣмъ меньше сочиненіе по объему, тѣмъ

¹⁾ До 1868 года, этотъ сборъ составлялъ 6 сантимовъ съ листа и распространялся на всѣ сочиненія, въ которыхъ менѣе десяти печатныхъ листовъ. Новый законъ о печати, изданный въ прошедшемъ году, понизилъ его до 4 сантимовъ и ограничилъ примѣненіе его сочиненіямъ, въ которыхъ менѣе 6 листовъ.

оно доступнѣе по цѣнѣ, въ большей части случаевъ—и по содержанию; чѣмъ доступнѣе сочиненіе, тѣмъ обширнѣе его вліяніе—а обширность вліянія, съ точки зрѣнія извѣстной политической доктрины, прямо пропорціональна опасности, которою угрожаетъ сочиненіе. Въ особенности опасными представляются, для послѣдователей этой доктрины, сочиненія, предназначенныя для народа. Кто считаетъ народъ, съ одной стороны, взрослымъ ребенкомъ, требующимъ строгой и бдительной опеки, съ другой стороны—громადной силой, одинаково легко подвигаемой къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ, тотъ конечно не можетъ помириться съ мыслью о сколько-нибудь независимой народной литературѣ.

Мы не раздѣляемъ этого взгляда; мы убѣждены, что для предупрежденія того вреда, который безспорно можетъ принести дурно направленная народная литература, вполне достаточно подчиненіе ея суду, на общемъ основаніи; мы думаемъ, что при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго сочиненія судъ можетъ обращать вниманіе, между прочимъ, и на то, для какой части общества оно предназначено, и сообразоваться съ этимъ при произнесеніи приговора. Подробно развивать эту мысль мы не будемъ, потому что въ настоящую минуту это было бы дѣломъ совершенно излишнимъ; мы остановимся на другой сторонѣ вопроса и попробуемъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ становится—если не необходимою, то по крайней мѣрѣ понятной удвоенная строгость надзора надъ печатью. Одинъ изъ аргументовъ въ пользу установленія такого надзора надъ всѣми сочиненіями небольшого объема заключается въ томъ, что они имѣютъ много общаго съ періодическою печатью, что они расходятся такъ же быстро, читаются такъ же легко и дѣйствуютъ также сильно, какъ и газеты. Противъ этого слѣдуетъ возразить, что главная сила газетъ коренится вовсе не въ небольшомъ ихъ объемѣ или дешевой цѣнѣ, а въ ихъ періодичности, въ постоянномъ возвращеніи къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, повтореніи однѣхъ и тѣхъ же мыслей, въ довѣріи, которое онѣ постепенно внушаютъ своимъ читателямъ, въ обаяніи привычки, которое онѣ надъ ними приобрѣтаютъ. Непериодическія изданія, даже самыя небольшія, не располагаютъ ни однимъ изъ этихъ средствъ вліянія; логично ли оставлять ихъ подъ цензурой, отъ которой освобождена большая часть періодической прессы? Правда, періодическая пресса подчинена системѣ административныхъ взысканій; но она подчинена ей только на время переходной эпохи, конецъ которой по всей вѣроятности уже близокъ. Другимъ и самымъ главнымъ аргументомъ противъ освобожденія отъ цензуры сочиненій небольшого объема служить сравнительно-дешевая цѣна ихъ. Намъ кажется, что этотъ

аргументъ грѣшитъ больше всего своею непримѣнимостью къ Россіи. Еслибы привычка и охота къ чтенію были у насъ распространены такъ же сильно, какъ въ Германіи или во Франціи, тогда можно было бы утверждать, что дешевыя книги найдутъ цѣлыя массы читателей, проникнуть въ низшіе слои народа и произведутъ тамъ дѣйствіе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ меньше развита въ народѣ критическая способность. Но народъ читаетъ у насъ очень мало, и читаетъ при томъ почти исключительно книги извѣстнаго содержанія — духовнаго, сказочнаго и т. д. Тратитъ онъ на покупку книгъ только самыя ничтожныя суммы. Можно сказать утвердительно, что книга въ 50, 40, даже 25 или 20 копѣекъ по цѣнѣ недоступна для народа. Изданія, расходящіяся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, продаются по 5 коп. или еще меньшей цѣнѣ; но такія изданія не входятъ, собственно говоря, въ сферу настоящей литературы. При тѣхъ цѣнахъ, которыя существуютъ въ нашей книжной торговлѣ, оригинальное сочиненіе въ 5 — 10 печатныхъ листовъ рѣдко стоитъ дешевле 50 коп. — 1 рубля; переводное сочиненіе въ двадцать листовъ конечно не менѣе 1 р. 25 коп. или 1 р. 50 коп. Можно ли послѣ того утверждать, что подобныя сочиненія издаются для народа и расходятся въ его средѣ? Мы увѣрены, что огромное большинство книгъ, стоящихъ болѣе 25 коп., печатается въ количествѣ не свыше двухъ-трехъ тысячъ экземпляровъ, т. е. въ такомъ количествѣ, которое указываетъ уже само по себѣ, что изданіе предназначается для круга читателей не слишкомъ обширнаго. Если наше предположеніе справедливо, то гдѣ же основанія въ принятію особенныхъ мѣръ предосторожности противъ всѣхъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ менѣе десяти печатныхъ листовъ? Неужели недостаточно было бы ограничить дѣйствіе этихъ мѣръ — если и признать въ принципѣ ихъ необходимость — сочиненіями, стоящими не болѣе 20 — 25 копѣекъ, или заключающими въ себѣ не болѣе двухъ — трехъ печатныхъ листовъ? При такомъ положеніи дѣлъ народная литература осталась бы въ тѣсной зависимости отъ администраціи, но изъ-за нея не приходилось бы, по крайней мѣрѣ, страдать другимъ отдѣламъ литературы, предназначаемымъ для другихъ классовъ общества. Сочинителю, желающему познакомить публику съ результатомъ своихъ изслѣдованій по какому-нибудь отдѣльному вопросу науки, незачѣмъ было бы наполнять свое разсужденіе бесполезными фразами, чтобы только растянуть его на желанное количество печатныхъ листовъ. Между иностранными сочиненіями объ одномъ и томъ же предметѣ можно было бы выбирать для перевода болѣе удовлетворительное, а не болѣе длинное. Замѣтимъ въ заключеніе, что

для насъ не совсѣмъ ясны причины различія, сдѣланнаго закономъ между сочиненіями оригинальными и переводными. Если оно было вызвано желаніемъ поощрить оригинальные ученые труды, то нельзя не сочувствовать цѣли законодателя; но вѣдь и переводная литература заслуживаетъ поощренія, въ виду сравнительной бѣдности нашей отечественной литературы по многимъ отдѣламъ науки. Если оно было вызвано убѣжденіемъ, что между иностранными сочиненіями больше сочиненій *опасныхъ*, то съ этой точки зрѣнія нѣтъ, кажется, существенной разницы между сочиненіемъ въ пятнадцать и сочиненіемъ въ двадцать пять листовъ; репрессивныя мѣры, которыми располагаетъ правительство, въ обоихъ случаяхъ одинаково легко могутъ привести въ желанной цѣли.

Сочиненіе, напечатанное безъ предварительной цензуры, можетъ быть выпущено въ свѣтъ не прежде, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки въ принятіи его цензурнымъ комитетомъ. Въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противузаконнаго сочиненія (или повременнаго изданія), наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебного о томъ приговора, совѣту Главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно остановить выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія, не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ тоже самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго (законъ 6 апрѣля гл. III. отд. I, ст. 13 и 14). Это право администраціи должно быть признано чрезвычайно важнымъ и исключительнымъ. По прусскому закону арестъ на изданіе можетъ быть наложенъ не прежде, какъ по выпускѣ его въ свѣтъ. Принятіе этой мѣры зависитъ отъ мѣстной полиціи, которая въ данномъ случаѣ считается органомъ обвинительной власти. Распоряженіе полиціи въ продолженіи 24 часовъ должно быть представлено на разсмотрѣніе государственной прокуратуры, которая или снимаетъ арестъ, или въ продолженіи 24 часовъ сообщаетъ дѣло суду, а судъ въ свою очередь обязанъ въ продолженіи 8 дней постановить опредѣленіе о снятіи ареста или оставленіи его въ силѣ до окончательнаго судебного рѣшенія (законъ 12 мая 1851 г., ст. 29 и 31). Въ нашемъ законѣ не установлено никакихъ правилъ этого рода. Арестъ, наложенный администраціей, можетъ быть снятъ только въ случаѣ прекращенія дѣла или при произнесеніи судомъ окончательнаго рѣшенія по существу процесса. Отсюда возможность предварительнаго ареста, продолжающагося годъ и даже больше. Объ этомъ ненормальномъ явленіи, мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе въ

главѣ о судопроизводствѣ по дѣламъ печати. Устранить подобную медленность могло бы только назначеніе сроковъ, въ продолженіе которыхъ вопросъ объ арестѣ долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе судебной власти и разрѣшенъ ею, не ожидая приговора по существу дѣла. Для администраціи такой порядокъ вещей не представлялъ бы никакихъ серьезныхъ затрудненій, а положеніе печати было бы имъ улучшено весьма существенно. Въ настоящее время наложеніе ареста не всегда совпадаетъ съ началомъ судебного преслѣдованія; между тѣмъ и другимъ проходитъ иногда промежутковъ времени довольно значительный, а иногда судебное преслѣдованіе и не начинается вовсе (арестъ, въ такихъ случаяхъ, конечно, снимается). И это уклоненіе отъ смысла закона сдѣлается невозможнымъ только тогда, когда будутъ установлены упомянутые нами сроки.

Законъ 6 апрѣля 1865 года, ограничивъ кругъ дѣйствій предварительной цензуры, оставилъ въ силѣ постановленія о духовной цензурѣ, сохранилъ театральную цензуру и вовсе не коснулся цензуры иностранной. Разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ по закону (уст. ценз. ст. 37) сочиненія и статьи собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованіе священнаго писанія, проповѣди и т. п. Книги, относящіяся къ нравственности вообще—сказано дальше въ цензурномъ уставѣ (ст. 38 и 39),—даже и тѣ, въ которыхъ разсужденія будутъ подкрѣпляемы ссылками на священное писаніе или приведеніемъ изъ него словъ, подлежатъ разсмотрѣнію свѣтской цензуры. Но если въ сочиненіи нравственномъ встрѣчаются мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ ихъ, отдѣльно отъ прочаго, на разсмотрѣніе духовной цензуры. Свѣтской цензурѣ предоставлено было входить въ сношеніе съ духовною цензурою всякій разъ, когда могло возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры.

Пока предварительная цензура распространялась на всѣ сочиненія безразлично, примѣненіе этого закона не могло возбуждать никакихъ серьезныхъ затрудненій; разрѣшеніе вопроса о томъ, что именно подлежитъ вѣдомству духовной цензуры, зависѣло отъ усмотрѣнія цензора, и малѣйшее сомнѣніе по этому предмету было достаточнымъ поводомъ къ отсылкѣ сомнительныхъ мѣстъ или книгъ въ духовную цензуру. Чтобы судить о томъ, какъ легко возникали подобныя сомнѣнія, достаточно припомнить, что значительная часть второго тома «Исторіи

цивилизациі въ Англіи», Бокля, — въ которой огромное большинство читателей конечно не замѣтило ни одного мѣста «совершенно духовнаго содержанія», — была разсмотрѣна духовною цензурою. Но съ изданіемъ закона 6-го апрѣля, въ этомъ положеніи дѣль неизбѣжно должна была произойти существенная перемѣна; неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ, на комъ же лежитъ обязанность выдѣлять изъ сочиненій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, мѣста сомнительныя, могущія подлежать духовной цензурѣ? Рѣшеніемъ с.-петербургскаго окружнаго суда, по дѣлу объ изданіи г. Гайдебуровымъ книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ», была сдѣлана попытка возложить эту обязанность на сочинителя или издателя книги; судебная палата пошла даже еще дальше и признала, что въ подобныхъ случаяхъ разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ не отдѣльныя мѣста книги, а вся книга, въ цѣломъ ея объемѣ. Но правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда, взглянулъ на дѣло совершенно иначе. «Съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры сочиненій и переводовъ извѣстнаго объема — сказано въ рѣшеніи сената по дѣлу г. Гайдебурова, одинаково образцовомъ и по содержанію, и по формѣ ¹⁾, — указъ 6 апрѣля 1865 г. возложилъ на отвѣтственность сочинителей и переводчиковъ представленіе ихъ изданій въ цензуру въ томъ случаѣ, когда книга, независимо отъ ея объема, подлежитъ по содержанію своему духовной цензурѣ, — и эта отвѣтственность понятна, когда книга заключаетъ въ себѣ мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся къ догматамъ христіанской вѣры или къ священной исторіи, такъ какъ въ опредѣленіи этого значенія книги не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Но нельзя подвергать сочинителя или переводчика отвѣтственности за непредставленіе въ цензуру такой книги, которая могла лишь возбудить сомнѣніе, на счетъ болѣе или менѣе прямого отношенія ея къ предметамъ, подлежащимъ духовной цензурѣ, такъ какъ сомнѣніе зависитъ отъ личнаго воззрѣнія на предметъ и внутренняго убѣжденія судящаго лица. Еслибы указъ 6 апрѣля 1865 года, опредѣляя сочиненія, переводы и мѣста *въ нихъ*, изъятыя изъ его дѣйствія, подразумевалъ похъ послѣдними словами не только мѣста совершенно духовнаго содержанія, подлежавшія и прежде безусловно духовной цензурѣ, но даже и такія мѣста, которыя, по болѣе или менѣе

¹⁾ Сборникъ рѣшеній уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената 1867 года, № 491 (Изданіе Я. И. Утияна т. I. стр. 383, похъ ст. 889 уст. угол. судопр.).

прямому отношенію ихъ къ предметамъ духовнымъ могли возбудить сомнѣніе на счетъ ихъ зависимости отъ духовной цензуры,—въ такомъ случаѣ тѣ облегченія и удобства, которыя дарованы отечественной печати общимъ правиломъ означеннаго указа, были бы парализованы изъятіемъ изъ этого правила. Нѣтъ почти научнаго сочиненія, которое не имѣло бы прямого или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ, а вслѣдствіе того ни одинъ сочинитель или переводчикъ не могъ бы имѣть полной увѣренности, что онъ не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности за непредставленіе его сочиненія или перевода въ цензуру. Поэтому, такое толкованіе закона привело бы неминуемо издателей научныхъ сочиненій къ представленію ихъ изданій на разсмотрѣніе предварительной цензуры, во избѣжаніе грозящей имъ отвѣтственности за нарушеніе обязанностей, нигдѣ съ точностью неопредѣленныхъ. Такимъ образомъ, указъ 6 апрѣля 1865 года какъ бы не существовалъ для научныхъ сочиненій, въ которыхъ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ цензура, свобода мысли подвергается обыкновенно наименьшимъ ограниченіямъ. Очевидно, что не таковъ истинный разумъ указа 6 апрѣля 1865 года... Одно изъ главныхъ правилъ толкованія закона, возбуждающаго какія-либо недоразумѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы не приписывать закону никакихъ неудобноисполнимыхъ требованій; а можно ли считать удобноисполнимымъ требованіе, чтобы сочинители и переводчики предугадывали цензурныя сомнѣнія, какія ихъ книга можетъ возбудить... При существованіи двойной гарантіи: 1) судебного преслѣдованія за дерзкія сужденія, заключающія въ себѣ преступленія противъ вѣры; и 2) отсылки каждаго сочиненія, напечатаннаго безъ предварительной цензуры, въ цензурный комитетъ, и удержанія его въ типографіи въ теченіи трехъ сутокъ, съ правомъ цензурнаго управленія остановить немедленно выпускъ въ свѣтъ вреднаго сочиненія и начать судебное преслѣдованіе,—законъ не имѣлъ никакой надобности прибѣгать къ неудобноисполнимому требованію, чтобы сочинители и переводчики предугадывали возможность сомнѣнія цензуры относительно дозволенности какихъ-либо сужденій по предметамъ вѣры. Слѣдовательно, при отсутствіи въ законѣ положительнаго указанія на такое требованіе, не представляется никакого основанія его предполагать». По всѣмъ этимъ соображеніямъ правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе уголовного департамента с.-петербургской судебной палаты, и передалъ дѣло на разсмотрѣніе другого департамента этой же палаты, рѣшеніемъ котораго г. Гайдебуровъ былъ оправданъ, и книга Вундта освобождена отъ наложеннаго на нее ареста.

Рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу г. Гайдебурова устранило одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій, къ которымъ могло привести одновременное дѣйствіе закона 6 апрѣля и постановленій о духовной цензурѣ; но оно не устранило и не могло устранить другихъ неудобствъ, неизбѣжныхъ при этой двойственной системѣ. При существованіи прежняго порядка, издателямъ незачѣмъ было заботиться о разграниченіи областей духовной и свѣтской цензуры: это было дѣло самой цензуры, разрѣшавшей всѣ вопросы, которые могли возникать относительно ея компетентности. Представленіе въ духовную цензуру книги, ей неподвѣдомственной, имѣло послѣдствіемъ только отсылку книги въ свѣтскую цензуру, и на оборотъ. Теперь обязанность опредѣлять, что именно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно признавать книгой или мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія, — лежитъ на самомъ издателѣ книги. Съ одной стороны, это совершенно естественно и даже выгодно для печати; предоставить сужденіе о характерѣ книги цензурному комитету, значило бы возстановить, косвенно, дѣйствіе предварительной цензуры, потому что комитетъ почти всегда могъ бы найти въ книгѣ что-нибудь подлежащее разсмотрѣнію духовной цензуры. Но съ другой стороны положеніе издателя, поставленнаго судьей надъ характеромъ издаваемой имъ книги, довольно затруднительно. Что слѣдуетъ понимать подъ книгой или мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія — это вопросъ далеко не простой и не легкій, и въ этомъ отношеніи мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ мнѣніемъ правительствующаго сената, признающаго, что въ опредѣленіи значенія книги (именно съ точки зрѣнія, о которой теперь идетъ рѣчь) не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Въ цензурномъ уставѣ (ст. 37), мы находимъ опредѣленіе сочиненій и статей *собственно* (или *совершенно*) *духовнаго содержанія*, но опредѣленіе весьма неполное и неточное (*изложеніе догматовъ вѣры, толкованія священнаго писанія, проповѣди*), не исчерпывающее предмета, а имѣющее скорѣе характеръ разъясненія, примѣра, на что указываютъ и прибавленныя къ нему слова: *и тому подобное*. Въ другой статьѣ цензурнаго устава (ст. 38), мѣстами совершенно духовнаго содержанія называются мѣста, относящіяся къ догматамъ вѣры или къ священной исторіи; и это опредѣленіе не точнѣе предъидущаго. Положимъ, что въ серьезномъ историческомъ сочиненіи обсуждается законодательство Моисея сравнительно съ другими, ему современными; считать такое разсужденіе мѣстомъ *совершенно духовнаго содержанія* конечно нѣтъ ни малѣйшаго

повода,—а между тѣмъ оно касается событій, о которыхъ повѣствуетъ священная исторія. Въ другомъ историческомъ сочиненіи излагается подробное ученіе Лютера о благодати, съ чисто-научной точки зрѣнія, т. е. съ цѣлью показать, какія обстоятельства способствовали его появленію и успѣху, какія опоры оно нашло для себя въ прошедшемъ Германіи, въ какой степени оно удовлетворяло потребностямъ нѣмецкаго общества; будетъ ли это изложеніе мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія, потому только, что въ немъ говорится о догматахъ, образующихъ часть ученія православной церкви? Какъ въ 37-ой, такъ и въ 38-ой статьѣ, говорится только о *догматахъ вѣры*; но осторожно ли поступилъ бы писатель, который, основываясь на этомъ, не представилъ бы въ духовную цензуру сочиненія о какомъ-либо изъ церковныхъ обрядовъ? Вотъ почему мы думаемъ, что постановленія о духовной цензурѣ — если не будетъ признано возможнымъ приступить къ совершенной ихъ отмінѣ, по примѣру всѣхъ западно-европейскихъ государствъ — требовали бы пересмотра и согласованія съ закономъ 6 апрѣля. Кругъ дѣйствій духовной цензуры слѣдовало бы опредѣлить точнѣе и ограничить болѣе тѣсными предѣлами. Проповѣди, молитвенники, богослужебныя книги, изложенія и парафразы св. писанія—вотъ *совершенно* духовная сфера, которой можетъ соответствовать и исключительно-духовное учрежденіе. Разрѣшеніе споровъ о духовномъ или свѣтскомъ характерѣ сочиненія должно было бы быть предоставлено судебной власти.

О театальной цензурѣ мы говорить не будемъ, потому что возможность ея отміны представляется намъ чѣмъ-то еще слишкомъ отдаленнымъ; она существуетъ еще почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Что касается до цензуры иностранной, то необходимость преобразования ея чувствуется всѣми и признана, кажется, самимъ правительствомъ. О мелкихъ неудобствахъ, съ нею сопряженныхъ, было въ послѣднее время много говорено въ нашихъ журналахъ и газетахъ. Мы уважемъ только на порядокъ, существующій въ Пруссіи — порядокъ, примѣненіе котораго, если не ко всѣмъ иностраннымъ изданіямъ, то по крайней мѣрѣ къ большей ихъ части, было бы вполне возможно и у насъ въ Россіи. По прусскому закону, иностранныя сочиненія, признаваемые вредными, подвергаются аресту на общемъ основаніи, и окончательное уничтоженіе ихъ можетъ воспослѣдовать только въ силу судебного приговора. Если судебный приговоръ состоялся противъ поврежденнаго изданія, то министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ запретить

дальнѣйшій ввозъ его въ Пруссію ¹⁾). Примѣру Пруссіи послѣдовали многія другія нѣмецкія государства.

IV.

Уголовные законы о печати. — Постановленія прежняго времени: преступленія противъ вѣры, преступленія государственныя. — Проступки печати въ тѣсномъ смыслѣ слова. — Нарушенія цензурныхъ и другихъ подобныхъ правилъ. — Запрещеніе повременнаго изданія по судебному приговору. — Понятія о приготовленіи и покушеніи въ примѣненіи къ проступкамъ печати. — Лица, отвѣтственныя за проступки печати.

До 1865 года, при господствѣ предварительной цензуры, у насъ почти вовсе не существовало уголовныхъ законовъ о печати. Преступленіе печати представлялось чѣмъ-то исключительнымъ, возможнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и наказуемымъ наравнѣ со всякимъ другимъ проявленіемъ противузаконной мысли. За всѣ нарушенія цензурнаго устава долженъ былъ отвѣчать цензоръ, а не издатель или авторъ (хотя на практикѣ и случались отступленія отъ этого правила: достаточно припомнить запрещеніе «Современника» и «Русскаго Слова» въ 1862 году, «Времени» въ 1863 г., «Телескопа» и «Европейца» — еще въ тридцатыхъ годахъ). Послѣдніе привлекались къ отвѣтственности только за сочиненія, направленные противъ основныхъ началъ государственнаго и церковнаго устройства — сочиненія, напечатанныя тайно, безъ цензуры; намъ неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ, ни одинъ случай формальнаго суда, при старомъ порядкѣ вещей, надъ сочиненіемъ или повременнымъ изданіемъ, вышедшимъ въ свѣтъ съ разрѣшенія цензуры, хотя законъ и предвидѣлъ возможность такого случая (улож. о наказ. изд. 1866 г. ст. 1,004, изд. 1857 г. ст. 1,361). Отсюда крайняя строгость уголовныхъ законовъ о преступленіяхъ печати, вошедшихъ въ составъ уложенія 1845 г. и сохранившихъ свою силу до настоящаго времени. За богохуленіе, поношеніе святыхъ господнихъ, порицаніе христіанской вѣры или православной церкви, ругательства надъ св. писаніемъ и св. таинствами, назначена закономъ ссылка на поселеніе въ Сибири (улож. о наказ. ст. 181); за попытку совратить православныхъ въ другое вѣроисповѣданіе, еретическую секту или раскольническій толкъ —

¹⁾ См. Прусскій законъ о печати, законъ 12 мая 1851 г. ст. 52 и комментарий къ нему Тило (Das preussische gesetz über die Presse, herausgegeben von G. Thilo. Berlin, 1867), стр. 157 и слѣд.

заключеніе въ смирительномъ домѣ, съ потерей нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 189); за составленіе и распространеніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить неуваженіе въ верховной власти, или же въ личнымъ качествамъ государя, или въ управленію его государствомъ, а также сочиненій, оскорбительныхъ для членовъ императорскаго дома — ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ (ст. 245 и 248); за составленіе и распространеніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить бунтъ или явное неповиновеніе верховной власти—ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на время отъ восьми до десяти лѣтъ (ст. 251); за составленіе и распространеніе сочиненій, подвергающихъ сомнѣнію или спору неприкосновенность правъ верховной власти, или дерзко порицающихъ установленный образъ правленія или порядоки наслѣдія престола—ссылка въ каторжную работу на заводахъ, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ (ст. 252); за составленіе и распространеніе сочиненій, возбуждающихъ въ противодѣйствію или сопротивленію властямъ—ссылка въ Сибирь на поселеніе (ст. 274). Чтобы судить о строгости этихъ законовъ, достаточно сличить ихъ съ постановленіями французскаго и прусскаго законодательства, также далеко не снисходительныхъ къ преступленіямъ печати. Во Франціи законъ 17-го мая 1819 года назначилъ за оскорбленіе величества заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и денежный штрафъ отъ 500 до 10,000 франковъ. Законъ 9-го сентября 1835 года, изданный вслѣдствіе покушенія Фіески на жизнь Людовика-Филиппа, увеличилъ это наказаніе до заключенія въ крѣпости, на время отъ 5 до 20 лѣтъ и денежнаго штрафа отъ 10 до 50 тысячъ франковъ, если оскорбленіе имѣло цѣлью возбудить ненависть или презрѣніе къ лицу короля или къ его конституціонной власти. На томъ же основаніи наказываются и нападенія противъ принципа или формы правленія, если они имѣютъ цѣлью низверженіе правительства; въ противномъ случаѣ, наказаніе за эти нападенія ограничивается заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, и денежнымъ штрафомъ отъ 300 до 6,000 франковъ. За оскорбленіе членовъ царствующаго дома назначено заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ, въ соединеніи съ денежнымъ штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ. Преступленіемъ противъ вѣры законъ 25 марта 1822 года, изданный во время господства клерикальной партіи, признавалъ только поруганіе (outrage) или осмѣяніе (dérision) вѣры, и назначалъ за это заключеніе въ тюрьмѣ, на время отъ трехъ мѣсяцевъ до

пяти лѣтъ и денежный штрафъ отъ 300 до 6,000 франковъ. По прусскому уголовному кодексу, изданному 14 апрѣля 1851 года, т. е. во время торжества реакціи—оскорбленіе величества наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ, на время отъ двухъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ; оскорбленіе членовъ царствующаго дома—заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ; возбужденіе къ неповиновенію законамъ, или распорядженіямъ правительства—заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ четырехъ недѣль до двухъ лѣтъ или денежнымъ штрафомъ до 200 талеровъ; возбужденіе къ предпріятію, признаваемому государственной измѣной (понятіе объ измѣнѣ—Hochverrath—въ прусскомъ законѣ обширнѣе, чѣмъ у насъ, и обнимаетъ собою бунтъ, возстаніе противъ существующаго образа правленія, посягательство на свободу и безопасность короля)—заключеніемъ въ смиренномъ домѣ (Zuchthaus) или вѣрности на время отъ двухъ до десяти лѣтъ; богохуленіе (Gotteslästerung), осмѣяніе одной изъ христіанскихъ церквей или возбужденіе противъ нея презрѣнія или ненависти—заключеніемъ въ тюрьмѣ на время не свыше трехъ лѣтъ (ст. 75, 77, 87, 65, 135). Нельзя не замѣтить, что совершеніе всѣхъ вышепоименованныхъ преступленій посредствомъ печатнаго слова во Франціи и въ Пруссіи встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ въ Россіи, и угрожаетъ несравненно болѣею опасностью общественному спокойствію и порядку. Мы надѣемся, поэтому, что пересмотръ законовъ о печати, когда онъ будетъ предпринятъ, не оставитъ въ сторонѣ и тѣхъ постановленій уложенія о наказаніяхъ, которыя были изданы въ другую эпоху, подъ вліяніемъ другихъ взглядовъ на литературу. Сліяніе этихъ постановленій въ одно гармоническое цѣлое съ остальными законами о печати необходимо еще по двумъ другимъ причинамъ. Установивъ правильную систему и постепенность карательныхъ мѣръ за преступленія печати, оно облегчитъ судебное преслѣдованіе, затрудняемое иногда именно чрезмѣрною и непропорціональною строгостью нѣкоторыхъ наказаній; оно сдѣлаетъ уголовные законы о печати болѣе доступными для большинства, уменьшивъ разбросанность ихъ по разнымъ отдѣламъ уложенія ¹⁾

¹⁾ Кромѣ главы пятой раздѣла VIII-го уложенія (ст. 1004—1048), посвященной специально нарушеніямъ постановленій о печати, уголовные законы о печати разбросаны по слѣдующимъ раздѣламъ и главамъ уложенія: разд. II гл. 1 и 2 (ст. 181, 189, 205), разд. III гл. 1 и 2 (ст. 245, 248, 251, 252), разд. IV гл. 1 и 2 (ст. 274, 275, 279, 280, 281), разд. VIII гл. 3 и 4 (ст. 983 и 1001) и разд. X гл. 6 (ст. 1,535 и 1,539); сверхъ того ихъ можно найти и въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 34 и 37).

Проступки печати въ тѣсномъ смыслѣ этого слова созданы, если можно такъ выразиться — закономъ 6 апрѣля 1865 г., и оттуда уже вошли въ составъ уложенія о наказаніяхъ. Мы раздѣлимъ эти проступки ¹⁾ на двѣ категоріи: проступки, направленные противъ государства или общества, и проступки, имѣющіе преимущественно частный характеръ. На первомъ планѣ между проступками первой категоріи стоитъ напечатаніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ или судебныхъ установленій, а также оспариваніе въ печати обязательной силы законовъ и одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе (улож. о наказ. ст. 1,035). За этотъ проступокъ назначается, по усмотрѣнію суда, или заключеніе въ тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или арестъ отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ, или денежное взысканіе не свыше 500 рублей. Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказанію обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей (примѣчаніе къ ст. 1,035-ой).

Приступая къ подробному разбору статьи 1,035 уложенія, мы должны прежде всего разграничить ее отъ постановленій, наиболѣе къ ней близкихъ. Мы видѣли уже, что законъ наказываетъ весьма строго составленіе и распространеніе сочиненій, возбуждающихъ къ противодѣйствію и сопротивленію установленнымъ властямъ (улож. ст. 274). Между этимъ закономъ и статьею 1,035 существуетъ нѣкоторое сходство; въ послѣдней говорится о возбужденіи неуваженія къ законамъ — изъ примѣчанія къ ней можно вывести даже, что она распространяется и на возбужденіе къ *неповиновенію* законамъ. Отъ неповиновенія закону уже весьма недалеко до сопротивленія или, по крайней мѣрѣ, противодѣйствія установленной власти, когда она является исполнительницею закона. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи отерывается однако и

---

¹⁾ Отъ *проступковъ печати* слѣдуетъ отличать *нарушенія цензурныхъ и другихъ подобныхъ правилъ* (contraventions, Uebertretungen). Разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что проступокъ печати предполагаетъ *противузаконное содержаніе* статьи или книги, а нарушеніе — простое несоблюденіе одного изъ вышнихъ, формальныхъ правилъ или требованій закона.

различіе между статьями 274 и 1,035, различіе далеко несоотвѣтствующее громадной разницѣ наказаній, опредѣляемыхъ этими статьями (ссылка на поселеніе, — заключеніе въ тюрьмѣ или кратковременный арестъ). Статья 274 имѣетъ въ виду возбужденіе къ *открытому, насильственному, активному* противодѣйствію власти, статья 1,035 — возбужденіе къ пассивному сопротивленію, къ неисполненію закона, къ отрицанію его обязательной силы. Очевидно, что статья 274 предусматриваетъ случай крайне рѣдкій, исключительный; какъ всякое специальное правило, она должна быть толкуема въ ограничительномъ смыслѣ, примѣняема въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. При малѣйшемъ сомнѣніи относительно намереній составителя статьи, при малѣйшей возможности предполагать, что онъ не имѣлъ цѣлью возбудить прямое сопротивление власти, примѣненіе статьи 274 было бы несправедливо и противно ея внутреннему смыслу. Другая статья уложенія подходит еще ближе къ ст. 1,035; это статья 281, опредѣляющая наказаніе (заключеніе въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ), за составленіе и распространеніе сочиненій, заключающихъ въ себѣ *недозволенные сужденія* о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства. Но къ статьѣ 281, — принадлежащей къ числу старыхъ постановленій о печати, — прибавлено, послѣ изданія закона 6 апрѣля, примѣчаніе, въ которомъ сказано, что наказанія за *напечатаніе* (курсивъ въ текстѣ закона) оскорбительныхъ отзывовъ о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій назначены въ ст. 1,035. Отсюда явствуетъ, что на проступки печати статья 281 не распространяется, и что дѣйствіе ея ограничивается сочиненіями непечатными. На чемъ основано такое различіе между однородными проступками, облеченными только въ различныя формы, почему непечатное слово наказывается, при равныхъ условіяхъ, строже чѣмъ печатное, — этого мы объяснить не беремся; всего вѣроятнѣе, что мы видимъ здѣсь одно изъ послѣдствій механическаго включенія въ уложеніе новыхъ законовъ о печати, безъ согласованія ихъ съ прежними. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, непоследовательность закона благоприятна для печати.

Значеніе 1,035 статьи можетъ быть понято вполнѣ только въ связи съ примѣчаніемъ къ ней; дозволеніе, заключающееся въ послѣднемъ, бросаетъ яркій свѣтъ на запрещеніе, заключающееся въ первой. Примѣчаніе къ ст. 1,035 доказываетъ съ полною ясностью, что она не исключаетъ возможность критики законовъ и правительственныхъ распоряженій, что она направлена только противъ критики опасной по содержанію или оскорбительной по формѣ. Опасною критикою признается та, которая возбуждаетъ къ не-

повиновенію законамъ или оспариваетъ обязательную ихъ силу. Этимъ еще не исчерпываются условія, необходимыя для примѣненія 1,035 статьи. Возбужденіе къ неповиновенію законамъ должно быть *намѣренное*, т. е. сознательное со стороны автора статьи; неповиновеніе законамъ должно быть не случайнымъ послѣдствіемъ статьи, а прямымъ, логическимъ выводомъ изъ всего содержанія ея. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Авторъ статьи, разбирая извѣстный законъ, доказываетъ его вредъ, его несостоятельность съ такою убѣдительною силою, что въ умахъ, легко поддающихся увлеченію, рождается сомнѣніе въ необходимости повиновенія такому закону; положимъ даже, что сомнѣніе это выражается въ осязательномъ, конкретномъ фактѣ. Отвѣчаетъ ли авторъ за такое впечатлѣніе, произведенное его статьею, если онъ вовсе не хотѣлъ произвести его, если онъ стремился только къ измѣненію закона путемъ исполнѣ легальнымъ, если онъ не сказалъ ни слова, изъ котораго можно было бы вывести намѣреніе поколебать авторитетъ дѣйствующаго закона? Конечно нѣтъ. Для суда важенъ не результатъ печатнаго слова, зависящій отъ причинъ чисто случайныхъ — таланта автора, его извѣстности и популярности, настроенія общества въ данную минуту, — а внутренній его смыслъ, всегда остающійся неизмѣннымъ. Если авторъ очевидно имѣлъ намѣреніе возбудить къ неповиновенію законамъ, то онъ подлежитъ отвѣтственности, хотя бы его намѣреніе и не исполнилось, хотя эти его нападки вызвали только смѣхъ или даже, по закону реакціи, укрѣпили законъ, который онъ хотѣлъ потрясти; и на-оборотъ, отвѣтственность автора немыслима, если его статья, написанная безъ всякой противузаконной цѣли вызвала, противъ его воли, неповиновеніе закону. На это указываютъ выраженія статьи 1,035: «*направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы*», «*съ цѣлью возбудить неуваженіе къ законамъ*»; они свидѣтельствуютъ о томъ, что для признанія вины и наказуемости необходимо не только противузаконное содержаніе статьи, но и *противузаконное намѣреніе автора*.

Въ примѣчаніи къ ст. 1,035 сказано, между прочимъ, что не вмѣняется въ преступленіе обсужденіе *распубликованныхъ* правительственныхъ распоряженій. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что обсужденіе правительственныхъ распоряженій *нераспубликованныхъ* составляетъ преступленіе, хотя бы форма его была совершенно приличная, и цѣль — не противузаконная? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Преступленіемъ можетъ быть признаваемо только то, что прямо запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія; а гдѣ же прямое запрещеніе обсуждать нераспубликованныя правительственныя распоряженія? Ст. 1,035 говоритъ о правительственныхъ

распоряженіяхъ вообще, не дѣлая никакого различія между опубликованными и неопубликованными, и угрожаетъ наказаніемъ только за такое ихъ обсужденіе, которое направлено къ колебанію общественнаго довѣрія и выражено въ оскорбительной формѣ. Запрещеніе касаться неопубликованныхъ правительственныхъ распоряженій было бы равносильно установленію полной безгласности для огромнаго большинства административныхъ мѣръ, которыя, относясь къ частнымъ случаямъ, по самому существу своему не подлежатъ обнародованію со стороны правительства. Между тѣмъ, въ числѣ такихъ мѣръ могутъ быть и дѣйствительно бывають мѣры незаконныя, обнаруженіе и обсужденіе которыхъ, полезное не только для общества, но и для правительства, составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей печати. Другое дѣло, если обсуждаемая мѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, съ государственной точки зрѣнія, должны быть хранимы въ тайнѣ (напр., приготовленія къ войнѣ и т. п.); обсужденіе или даже просто оглашеніе такой мѣры можетъ считаться проступкомъ, но и то только тогда, когда оно прямо запрещено закономъ — а въ нашихъ постановленіяхъ о печати подобнаго запрещенія не встрѣчается.

Выраженіе ст. 1,035: «оскорбительныя и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій» — требуетъ нѣкотораго разъясненія. Что колебаніе общественнаго довѣрія должно быть умышенное со стороны автора, — объ этомъ мы уже говорили; но при какихъ именно условіяхъ отзывъ о законѣ или правительственномъ распоряженіи можетъ быть признанъ колеблющимъ общественное довѣріе? Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса мы видимъ прежде всего въ соединеніи словъ: «оскорбительныя и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія». Оскорбленію могутъ подвергаться только лица физическія или юридическія; отзывъ о законѣ или административномъ распоряженіи можетъ быть, слѣдовательно, признанъ *оскорбительнымъ* только тогда, когда онъ направленъ прямо противъ той власти, отъ которой исходитъ законъ или распоряженіе, и когда, притомъ, нападеніе выражено въ крайне-рѣзкой или неприличной формѣ. Какъ бы сильна и рѣшительна ни была критика закона или административной мѣры, она не можетъ поколебать, сама по себѣ, общественнаго довѣрія къ законодательной или административной власти, потому что общественное довѣріе основано вовсе не на обсужденіи въ совершенствѣ всѣхъ законовъ и непогрѣшимости всѣхъ органовъ администраціи. Но если авторъ статьи приписываетъ

ваесть недостатки закона грубымъ ошибкамъ или недобросовѣстности его составителей, а неправильность административной мѣры—систематически-противузаконному образу дѣйствій администраціи, и если эти обвиненія облечены въ оскорбительную форму, тогда является возможность примѣненія ст. 1,035. Примѣненіе ея возможно и тогда, когда цѣль автора—возбудить неповиновеніе законамъ, потому что покорность закону—одна изъ необходимыхъ основъ общественнаго довѣрія. Замѣтимъ еще, что оскорбленіе или опозореніе отдѣльнаго должностнаго лица не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 1,035; оно предусматрѣно другими постановленіями закона (ст. 1,039 и 1,040). Статья 1,035 примѣнима только при болѣе общемъ характерѣ проступка, при направленіи его противъ власти вообще, или противъ цѣлаго правительственнаго установленія ¹⁾).

Одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ законами дѣйствій наказывается по ст. 1,035 только тогда, когда оно имѣетъ цѣлью возбужденіе неуваженія къ законамъ. Значеніе этой оговорки вполне понятно. Дѣйствіе, закономъ запрещенное, можетъ быть иногда позволительнымъ; даже похвальнымъ; это признается и нашими законами (улож. о нак. ст. 1,471, 1,495). Оправданіе или одобреніе такого дѣйствія не есть преступленіе, если оно основывается исключительно на особенныхъ обстоятельствахъ даннаго случая и не заключаетъ въ себѣ никакого нападенія на общее правило, выраженное въ законѣ. Оно становится преступнымъ только тогда, когда имѣетъ цѣлью доказать, что несправедливый законъ можетъ и долженъ быть нарушаемъ—другими словами, когда оно совпадаетъ съ возбужденіемъ къ неповиновенію законамъ, или оспариваніемъ обязательной ихъ силы.

Статья 1,036 уложенія опредѣляетъ наказаніе ²⁾ за учиненіе въ печати воззванія, возбуждающаго вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другого. Чтò слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ воззванія, о которомъ говорится въ этой статьѣ? Слѣдуетъ ли признавать воззваніемъ только прямое обращеніе къ извѣстному сословію, къ извѣстной части населенія, или же всякую вообще попытку возбудить взаимную вражду сословныхъ или національныхъ элементовъ? Мы думаемъ, что, говоря о воззваніи, законодатель разумѣлъ призывъ къ страстямъ, къ предубѣжденіямъ, къ предрасудкамъ, господ-

¹⁾ Это признано рѣшеніемъ с.-петербургской судебной палаты (20 декабря 1866 года), по дѣлу г. Суворина.

²⁾ Заключение въ смиренительномъ домѣ, на время отъ 2 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, или въ тюрьмѣ отъ 2 мѣсяцевъ до одного года и 4 мѣсяцевъ, или арестъ отъ 4 дней до 3 мѣсяцевъ, или денежное взыскаііе не свыше 500 руб.

ствующимъ въ разныхъ слояхъ населенія или общества; онъ хотѣлъ предупредить не спокойную, добросовѣстную полемику о спорныхъ вопросахъ національной и общественной жизни, а эксплуатацію этихъ вопросовъ, съ цѣлью разжечь не совсѣмъ угасшія или готовящіяся въ будущемъ распри. Главнымъ условіемъ для примѣненія статьи 1,036 является, слѣдовательно, *намѣреніе* возбудить вражду между отдѣльными частями населенія или общества, *намѣреніе*, выразившееся положительно и прямо, а не выводимое путемъ предположеній изъ возможныхъ послѣдствій статьи или книги. Представимъ себѣ, что на очереди стоитъ вопросъ о преимуществахъ, которыми пользуется одна мѣстность, одна часть населенія передъ другими. Появляется сочиненіе, авторъ котораго старается доказать, въ формѣ строго-приличной и серьезной, что дальнѣйшее существованіе этихъ преимуществъ не имѣетъ никакого законнаго основанія, что они лишены даже твердой исторической опоры, что они были скорѣе захвачены, чѣмъ дарованы, или дарованы въ совершенно другихъ размѣрахъ, что они во всякомъ случаѣ отжили свой вѣкъ и представляютъ вопіющую аномалію среди обновленнаго государственнаго устройства. Само собою разумѣется, что такое сочиненіе производитъ сильное волненіе въ той средѣ, противъ которой оно направлено, что ненависть къ сочинителю распространяется, въ бѣльшей или меньшей степени, и на ту часть населенія, отъ имени которой онъ говоритъ, что эта часть населенія, въ свою очередь, негодуетъ на привилегированный лагерь, взирающій на нее съ высоты своего мнимаго превосходства. Но развѣ здѣсь есть что-нибудь похожее на вражду, искусственно возбужденную? Это борьба, борьба вполне естественная, и потому законная, борьба необходимая и неизбѣжная во всякомъ государствѣ, переживающемъ одну изъ критическихъ эпохъ своей исторіи. Веденная открыто и честно, равнымъ оружіемъ и съ равною свободой, она можетъ только облегчить, а не затруднить разрѣшеніе спорнаго вопроса. Стѣснять и ограничивать ее, значитъ принимать мѣры не противъ зла, а противъ усилій общества найти лучшее средство къ его устраненію. Другое дѣло, если единственная, прямая цѣль автора — возбужденіе слѣпой вражды между національностями или сословіями, вражды, идущей прямо въ разрѣзъ съ главной задачей общества: сближеніемъ и объединеніемъ разнородныхъ его элементовъ. Статья, написанная съ такою цѣлью, можетъ быть подведена подъ дѣйствіе уголовного закона.

Въ статьѣ 1,037 уложенія предусмтрѣно оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы притомъ

не было возбужденія къ совершенію преступленія ¹⁾. И здѣсь, слѣдовательно, существенный признакъ проступка — *нампреніе* автора, цѣль, въ которой онъ стремится. Критика началъ собственности или семейнаго союза, направленная не въ колебанію, а къ утвержденію ихъ на другихъ, болѣе правильныхъ (по мнѣнію автора) основахъ, не содержитъ въ себѣ, такимъ образомъ, ничего противузаконнаго. Еще менѣе сомнѣній можетъ возбуждать указаніе тѣхъ или другихъ частныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ существующимъ устройствомъ семейнаго или общественнаго быта. Попытка устранить отдѣльные недостатки способствуетъ только укрѣпленію цѣлаго и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана для него опасной.

Если сравнить только-что разобранныя нами постановленія о проступкахъ печати съ соотвѣтствующими правилами прусскаго законодательства, то результатъ сравненія не будетъ слишкомъ неблагопріятенъ для нашихъ законовъ. Правда, въ прусскомъ уголовномъ кодексѣ нѣтъ правила, которое соотвѣтствовало бы статьѣ 1,037 нашего уложенія; но въ статьямъ 1,035 и 1,036 очень близко подходятъ статьи 100 и 101 прусскаго кодекса. Первая назначаетъ наказаніе за возбужденіе гражданъ къ ненависти или презрѣнію другъ противъ друга, вторая — за возбужденіе ненависти или презрѣнія противъ государственныхъ учрежденій или правительственныхъ распоряженій, посредствомъ распространенія вымышленныхъ или извращенныхъ фактовъ, или посредствомъ поруганія или насмѣшекъ (*Schmähungen oder Verhöhnungen*). Наказаніе въ обоихъ случаяхъ одно и тоже — денежный штрафъ не свыше 200 талеровъ или заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ не свыше двухъ лѣтъ. Наказаніе это ничуть не мягче того, которое опредѣлено нашимъ закономъ. Редакція ст. 100 и 101 прусскаго кодекса еще менѣе точна, еще болѣе эластична, чѣмъ редакція ст. 1,035 и 1,036 нашего уложенія; кругъ дѣйствія ихъ не ограниченъ рѣзкою чертою и можетъ быть распространяемъ весьма далеко. «Недостатокъ статей 100 и 101 — говоритъ прусскій юристъ Ионъ — заключается въ томъ, что законъ переходитъ здѣсь изъ области права въ область этики, не опредѣляя индивидуальности запрещаемаго дѣйствія. Пусть законъ избираетъ выраженія еще болѣе сильныя, чѣмъ *ненависть* и *презрѣніе*, — они во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ понятіямъ нравственнымъ и потому не могутъ имѣть мѣста въ карательныхъ

¹⁾ Наказаніе за этотъ проступокъ — денежный штрафъ, не свыше трехсотъ рублей, и арестъ не свыше шести недѣль, или, по усмотрѣнію суда, одна изъ этихъ мѣръ взамененія.

законахъ». Исходя изъ этой точки зрѣнія, прусскіе либералы, даже самыя умѣренныя, видятъ въ существованіи статей 100 и 101 постоянную опасность для печати, постоянное и весьма существенное стѣсненіе ея свободы. Это мнѣніе подтверждается исторіею прусской печати послѣ 1848 г.; почти три четверти всѣхъ процессовъ по дѣламъ печати—а во время реакціи 1862—1866 года, они считались десятками и сотнями—были начаты именно на основаніи ст. 100 и 101 ¹⁾. Но въ виду огромнаго различія между Пруссіей и Россіей, мы не рѣшаемся стѣбовать противъ ст. 1,035 и 1,036 нашего уложенія. Мы понимаемъ, что уничтоженіе системы административныхъ взысканій возможно, въ настоящую минуту, только подъ условіемъ сохраненія строгихъ уголовныхъ законовъ о печати. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что эта строгость будетъ предпочтена нашею печатью самому мягкому примѣненію административнаго произвола. Мы думаемъ, что свобода печати, ограниченная сама по себѣ, но обширная въ сравненіи съ прошедшимъ и настоящимъ, будетъ возможна и при дѣйствіи ст. 1,035—1,037 уложенія о наказаніяхъ, если только отвѣтственность за проступки, предусмотрѣнные этими статьями, будетъ опредѣляема исключительно судебною властью.

Въ статьяхъ 1,035—1,037 уложенія не трудно замѣтить одну отличительную черту, которая, въ сожалѣнію, встрѣчается еще слишкомъ рѣдко въ нашихъ уголовныхъ законахъ: это предоставленіе суду большаго простора въ выборѣ наказаній. Въ большинствѣ случаевъ законъ нашъ опредѣляетъ не только родъ, но и степень наказанія, такъ что суду остается только назначить его мѣру ²⁾. Новые законы о печати свободны отъ этого недостатка; разнообразіе наказаній, ими установленныхъ, соответствуетъ разнообразію проступковъ печати. Такъ, напримѣръ, за возбужденіе сословной или національной вражды можетъ быть назначено, какъ максимум, двухлѣтнее заключеніе въ смирительномъ домѣ, но съ другой стороны отвѣтственность виновнаго можетъ быть ограничена и денежнымъ штрафомъ въ десять или пять рублей. Статья 1,035 даетъ суду свободу выбора между *шестью*, статья 1,036 между *десятью* различными степенями лишенія свободы,

¹⁾ См. Корреспонденцію изъ Берлина: «Печать въ Пруссіи и ея судьба съ 1848 года», въ первомъ № «Вѣстника Европы», за текущій годъ, стр. 464 и слѣд.

²⁾ Подъ именемъ степеней разумются у насъ главныя подраздѣленія каждаго рода наказаній (напр., смыка въ каторжныя работы имѣетъ семь степеней, различныхъ по сроку и по мѣсту работъ), а мѣрой наказанія называется окончательное назначеніе его въ границахъ извѣстной степени (такъ напр., низшая степень каторжной работы—работа на заводахъ отъ четырехъ до шести лѣтъ; четырехлѣтняя работа есть явшая, шестилѣтняя—высшая мѣра наказанія въ этой степени).

не говоря уже о денежных штрафахъ, восходящихъ отъ рубля до пятисотъ рублей. Нельзя не пожалѣть только объ одномъ, — что въ число наказаній, установленныхъ статьею 1,036, включено заключеніе въ смирительномъ домѣ, которому общественное мнѣніе придаетъ характеръ несравненно болѣе серьезный и тяжелый, чѣмъ заключенію въ тюрьмѣ. Мы не видимъ причины, которая препятствовала бы принять и въ этомъ случаѣ за maximum наказанія заключеніе въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца, дальше котораго не идетъ статья 1,035. Проступокъ, предусмотрѣнный въ ст. 1,035, ничуть не менѣе важенъ, чѣмъ проступокъ, предусмотрѣнный въ ст. 1,036. Ограниченіе правъ и преимуществъ, сопряженное обыкновенно съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ на продолжительные сроки (свыше восьми мѣсяцевъ), въ статьѣ 1,036 не опредѣляется. Это объясняется тѣмъ, что проступки, влекушіе за собою ограниченіе правъ, подсудны суду присяжныхъ (Уст. угол. судопр. ст. 201), изъ вѣдѣнія котораго наше законодательство хотѣло по возможности изъять проступки печати.

Въ уложеніи о наказаніяхъ есть глава (4-я, восьмого раздѣла) о преступленіяхъ противъ общественной нравственности и нарушеніи оградяющихъ ее постановленій. Первое отдѣленіе этой главы трактуетъ о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи, второе — о *противныхъ нравственности и благопристойности сочиненіяхъ, изображеніяхъ, представленіяхъ и рѣчахъ*. Въ этомъ отдѣленіи есть статья (1,001) слѣдующаго содержанія: «если кто либо будетъ тайно отъ цензуры печатать или инымъ образомъ издавать, или же распространять подлежація цензурному разсмотрѣнію сочиненія, имѣющія цѣлью развращеніе нравовъ или явно противныя нравственности и благопристойности, или клонящіяся къ тому соблазнительныя изображенія, тотъ подвергается за это денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей или аресту на время отъ семи дней до четырехъ мѣсяцевъ». Смыслъ этой статьи, повидимому, совершенно ясенъ: она относится къ сочиненіямъ безнравственнымъ, соблазнительнымъ, т. е. направленнымъ къ искусственному возбужденію чувственности или нарушающимъ приличіе, съ которымъ слѣдуетъ говорить о предметахъ и отношеніяхъ извѣстнаго рода. На это указываетъ и текстъ статьи, и мѣсто, занимаемое ею въ системѣ уложенія. Для примѣненія статьи 1,001 необходимо, собственно говоря, еще одно условіе: изданіе безъ цензуры сочиненія, подлежавшаго цензурному разсмотрѣнію. Это подтверждается въ особенности тѣмъ, что слова: «*подлежація цензурному разсмотрѣнію*» не находятся въ статьѣ 1,356 уложенія о наказаніяхъ изданія 1857 г., а прибавлены

лишь въ изданіи 1866 г., въ которомъ прежняя статья 1,356 сдѣлалась статьей 1,001. Но такъ какъ въ уложеніи нѣтъ особой степени, въ которой опредѣлялось бы наказаніе за изданіе въ свѣтъ соблазнительныхъ сочиненій, цензурѣ не подлежащихъ, то мы вполне допускаемъ примѣненіе ст. 1001, по аналогіи (улож. ст. 151), и къ этимъ сочиненіямъ. Къ сожалѣнію, аналогическое толкованіе статьи 1,001 на этомъ не останавливается. Мы встрѣчаемъ въ нашей судебной практикѣ нѣсколько попытокъ примѣнить ее къ сочиненіямъ, далекимъ отъ безнравственности и неблагопристойности, но нарушающимъ, будто бы, условныя понятія о приличіяхъ совершенно другого рода. Она была приведена, вскользь и мимоходомъ, въ рѣшеніяхъ с.-петербургской судебной палаты по дѣламъ г. Суворина и гг. Жуковского и Пыпина; но обвиненіе, построенное исключительно на статьѣ 1,001, мы видимъ въ первый разъ по дѣлу г. Павленкова, преданнаго суду за изданіе второй части сочиненій покойнаго Писарева. Въ двухъ статьяхъ этой части: «Русскій Донъ-Кихоть» и «Бѣдная русская мысль», обвинительная власть усмотрѣла мысли оскорбительныя для религіознаго чувства каждаго православно-вѣрующаго и для нравственнаго и гражданскаго чувства каждаго вѣроподданнаго. Распространеніе подобныхъ мыслей кажется обвинительной власти дѣломъ по меньшей мѣрѣ *непристойнымъ*, и потому противнымъ закону. По мнѣнію г. прокурора с.-петербургской судебной палаты, «авторомъ въ настоящемъ случаѣ было забыто то приличіе, какое требуется отъ печатнаго слова, ибо нельзя предавать публичной печати все то, что человѣкъ думаетъ, *точно также, какъ непристойно въ публичномъ мѣстѣ говорить и дѣлать многое изъ того, что каждый безпрепятственно говоритъ и дѣлаетъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ*. Итакъ—продолжаетъ г. прокуроръ—въ напечатаніи означенныхъ статей мы видимъ явное нарушеніе общественной *благопристойности*; онѣ непристойны по нѣкоторымъ содержащимся въ нихъ сужденіямъ, оскорбляющимъ религіозное чувство вѣрующаго и нравственное чувство гражданина. Закономъ воспрещается всякая вообще публичная неблагопристойность, хотя всѣхъ видовъ ея законъ, разумѣется, не предусматриваетъ и не въ состояніи предусмотрѣть. Такъ и въ отношеніи печати законъ возбраняетъ, подъ угрозой взысканія, сочиненія вообще противныя благопристойности. Законъ этотъ изображенъ въ статьѣ 1,001 уложенія о наказаніяхъ.» Судебная палата оправдала г. Павленкова по существу взведеннаго на него обвиненія, признавъ, что въ статьяхъ «Русскій Донъ-Кихоть» и «Бѣдная русская мысль» нѣтъ ничего противузаконнаго и неблагопристойнаго; вопросъ о

примѣнимости статьи 1,001 къ подобнымъ случаямъ остается, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ. Въ нашихъ глазахъ, отрицательное разрѣшеніе этого вопроса не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Легкомысленное отношеніе къ тому или другому серьезному предмету не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ нарушеніемъ нравственности и благопристойности. Рѣзкое выраженіе, если въ немъ нѣтъ ничего соблазнительнаго или грязнаго, можетъ быть названо неприличнымъ, но никто въ обществѣ не назоветъ его непристойнымъ. Понятіе о неблагопристойности имѣетъ точно-опредѣленные границы и относится къ понятію с неприличіи, какъ часть къ своему цѣлому. Неприличныя выраженія о предметахъ вѣры могутъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, подведены подъ дѣйствіе статьи о такъ - называемомъ вощунствѣ (улож. ст. 182), неприличныя выраженія о предметахъ государственнаго устройства или управленія—подъ дѣйствіе статьи 1,035, которую мы уже разобрали; но ставить ихъ на одну доску съ сочиненіями, развращающими нравы, или съ соблазнительными изображеніями, примѣнять къ нимъ ст. 1,001 уложенія, значитъ идти наперекоръ прямому разуму этой статьи, наперекоръ общежитейскому смыслу словъ, въ ней употребленныхъ. Оскорбляются ли той или другой фразой чувства вѣрующаго или гражданина—это совершенно безразлично для уголовного суда; для обвинительнаго приговора необходимы основанія менѣе шаткія, менѣе субъективныя, необходимо ясно выразившееся намѣреніе поколебать учрежденія, охраняемыя закономъ, или по крайней мѣрѣ непозволительно-рѣзкіе, оскорбительныя, а не только легкомысленныя отзвѣвы объ этихъ учрежденіяхъ. вмѣстѣ съ 1,001 статьею цитруется иногда и статья 1,003, назначающая наказаніе за произнесеніе въ торжественномъ и многочисленномъ собраніи выраженій, явно оскорбительныхъ для добрыхъ нравовъ или противныхъ благопристойности. О примѣненіи этой статьи къ проступкамъ печати не можетъ, кажется, быть и рѣчи, какъ по тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены нами относительно статьи 1,001, такъ и потому, что она касается лишь выраженій, произнесенныхъ въ многочисленномъ собраніи, а не употребленныхъ на письмѣ или въ печати.

Чтобы повончить съ проступками печати, причисленными нами къ первой категоріи, укажемъ еще на слѣдующія постановленія, относящіяся не исключительно къ проступкамъ печати, но примѣнимыя и къ нимъ, по своему общему смыслу. Это ст. 933 уложенія, назначающая наказаніе за разглашеніе, ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды, о законѣ-либо будто бы случившемся чудѣ, и ст. 37 уст. о наказ., налаг. мировыми судьями, назначающая

наказаніе за распространеніе ложныхъ слуховъ, хотя не имѣющихъ политической цѣли¹⁾, но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ.

Ко второй категоріи проступковъ печати принадлежать: оскорбительное злословіе или брань, диффамация и клевета. Статья 1,040 уложенія назначаетъ наказаніе (денежное взысканіе не свыше 300 рублей и арестъ отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ) за всякій оскорбительный отзывъ въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, выражающій или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства. По буквальному смыслу этой статьи для примѣненія ея необходимы два условія: напечатаніе отзыва, заключающаго въ себѣ злословіе или брань, и оскорбительность этого отзыва для извѣстнаго лица, физическаго или юридическаго. Бранныя, ругательныя выраженія, ни въ кому непосредственно не относящіяся, ни для кого не оскорбительны и потому не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе ст. 1,040. Наша судебная практика смотритъ на этотъ вопросъ нѣсколько иначе: она признаетъ возможнымъ распространять дѣйствіе ст. 1,040 не по буквальному ея смыслу, а по аналогіи, и на брань, ни въ кому прямо не относящуюся, если она оскорбляетъ чувство общественнаго приличія²⁾. Это аналогическое толкованіе статьи 1,040 кажется намъ столь же произвольнымъ, какъ и разобранное выше аналогическое толкованіе статьи 1,001. Аналогическое толкованіе уголовного закона въ распространительномъ смыслѣ должно быть допускаемо только въ случаѣ крайней необходимости, когда за дѣяніе, *несомнѣнно преступное*, не назначено въ законѣ опредѣленнаго наказанія (напримѣръ, убійство безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но и не въ запальчивости или раздраженіи). Между тѣмъ, самая преступность печатной брани, ни въ кому непосредственно неотносящейся (если въ ней нѣтъ ничего циническаго, непристойнаго въ указанномъ нами смыслѣ), подлежитъ еще весьма большому сомнѣнію. Другой вопросъ, возникающій по поводу статьи 1,040, заключается въ томъ, что слѣдуетъ понимать подъ употребленными въ ней словами *общество* и *установленіе*. Относятся ли они исключительно къ такимъ учрежденіямъ, которыя имѣютъ отдѣльное, самостоятельное существованіе, которыя могутъ дѣйствовать, черезъ своихъ

¹⁾ Распространеніе съ умысломъ слуховъ, имѣющихъ политическую зловредную цѣль или явно оскорбительныхъ для верховнаго правительства, наказывается по ст. 932 Уложенія, на основаніи извѣстныхъ уже намъ ст. 252 и 274.

²⁾ См. рѣшенія с.-петербургской судебной палаты 4-го октября 1866 года по дѣлу гг. Жуковскаго и Пыпина и 20-го декабря 1866 г. по дѣлу г. Суворина.

представителей, какъ одно цѣлое, а слѣдовательно и отвѣчать за свои дѣйствія и привлекать къ отвѣтственности другихъ, однимъ словомъ, къ такъ-называемымъ *юридическимъ лицамъ*? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ нами при защитѣ гг. Жуовскаго и Пыпина, преданныхъ суду за оскорбленіе дворянства и за оглашеніе позорящихъ его обстоятельствъ. Мы старались доказать, что дворянство, какъ сословіе, не имѣетъ у насъ корпоративнаго (общаго для всей имперіи) устройства, не можетъ дѣйствовать коллективно, не составляетъ юридическаго лица, и не можетъ быть предметомъ оскорбленія или опозоренія. Въ отношеніи къ опозоренію (диффамациі) эта мысль была принята с.-петербургскою судебною палатою¹⁾; въ отношеніи къ оскорбленію она была оставлена безъ разсмотрѣнія, такъ какъ палата признала возможнымъ примѣнить ст. 1,040 и къ брани, ни для кого непосредственно не оскорбительной. Повторять аргументы, которые были приведены нами въ защиту нашего взгляда, мы считаемъ излишнимъ и отсылаемъ читателей, интересующихся этимъ вопросомъ, къ газетамъ за августъ, октябрь и декабрь 1866 г. или къ сборнику г. Любавскаго: «Новые русскіе уголовные процессы» (Т. I, Спб. 1868), гдѣ изложенъ *in extenso* процессъ гг. Жуковскаго и Пыпина.

Статья 1,039 назначаетъ наказаніе за диффамацию, т. е. за всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени; статья 1,535 угрожаетъ наказаніемъ тому, кто дозволитъ себѣ (въ официальной бумагѣ, *печатномъ сочиненіи* или получившемъ гласность письмѣ) олеветать кого-либо несправедливо, обвиняя его, или жену его, или членовъ его семейства въ дѣяніи противномъ правиламъ чести. Последняя изъ этихъ двухъ статей существуетъ безъ перемѣны съ самаго изданія (въ 1845 г.) уложенія о наказаніяхъ; первая принадлежитъ къ числу новыхъ постановленій о печати, перешедшихъ въ уложеніе изъ закона 6-го апрѣля 1865 г.²⁾ Главная разница между ними заклю-

¹⁾ «По смыслу закона — сказано по этому предмету въ рѣшеніи палаты — позорящимъ обстоятельствомъ можетъ быть признаваемо ничто иное, какъ извѣстное событіе, относящееся къ определенному времени и определенному мѣсту и касающееся частной, служебной или общественной дѣятельности *прямо и определенительно указаннаго физическаго или юридическаго лица*, чести и достоинству котораго оглашеніе этого событія можетъ повредить».

²⁾ Статья 2,098 уложенія о наказ. изд. 1857 г. представляетъ нѣкоторое сходство съ ст. 1,039 улож. изд. 1866 г., но отличается отъ нея нѣсколькими существенными чертами. Мы не входимъ въ подробный сравнительный разборъ этихъ статей, потому что пишемъ не монографію о диффамациі.

чается въ томъ, что понятіе о клеветѣ предполагает *ложное, несправедливое* обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, а для признанія диффамациі вполне достаточно самаго факта оглашенія позорящихъ обстоятельствъ, все равно, справедливы ли они или несправедливы. Обвиняемый въ клеветѣ можетъ быть осужденъ только въ такомъ случаѣ, если не докажетъ основательность и точность всего сказаннаго имъ объ обвинителѣ; обвиняемый въ диффамациі не имѣетъ права доказывать достовѣрность оглашенныхъ имъ обстоятельствъ. Исключеніе изъ этого правила установлено только одно: если подсудимый, *посредствомъ письменныхъ доказательствъ*, докажетъ справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то онъ освобождается отъ наказанія, налагаемаго ст. 1,039. Вопросъ о диффамациі и клеветѣ, по важности и сложности своей, не можетъ быть рассмотрѣнъ мимоходомъ. Мы оставляемъ его безъ подробнаго обсужденія, тѣмъ болѣе, что большинству читателей вѣроятно намятна еще полемика, происходившая по этому предмету въ «Голосѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1864—65 г.), между гг. Лохвицкимъ и Киршей Даниловымъ (псевдонимъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ криминалистовъ). Полновѣсная, блестящая аргументація Кирши Данилова не воспрепятствовала, къ сожалѣнію, введенію въ законъ 6-го апрѣля постановленія о диффамациі, содержаніе котораго изложено нами выше; но мы вполне убѣждены, что указанія судебной практикѣ докажутъ, рано или поздно, необходимость отміны этого постановленія. Кто сознаетъ свою правоту и не боится гласности для своихъ дѣйствій, тотъ избѣгаетъ и теперь обращенія къ ст. 1,039 и предпочитаетъ начать преслѣдованіе по статьѣ 1,535, хотя выигрышъ дѣла въ послѣднемъ случаѣ гораздо труднѣе. Возстановленіе чести, къ которому долженъ стремиться каждый несправедливо оскорбленный, возможно только при преслѣдованіи за клевету, такъ какъ осужденіе за диффамацию не доказываетъ, само по себѣ, несправедливость позорящаго слуха. Защитники закона о диффамациі ссылаются обыкновенно на необходимость оградить тайну частной, семейной жизни; но они забываютъ, что защищаемый ими законъ идетъ гораздо дальше и набрасываетъ покрывало даже на общественную дѣятельность частныхъ лицъ, которая, конечно, не имѣетъ никакого права на неприкосновенность. Эту сторону частной дѣятельности слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, поставить на одинъ уровень съ служебною дѣятельностію должностныхъ лицъ, въ отношеніи въ которой нашъ законъ допу-

скаеть такъ-называемое *доказательство истины* (Beweis der Wahrheit, excerptio veritatis). Справедливо ли предоставлять директору акціонерной компаніи, доктору, адвокату, журналисту такую привилегію, которою не пользуется чиновникъ? Первые служатъ обществу, какъ и послѣдній, и потому подлежатъ наравнѣ съ нимъ суду печати. Для того, чтобы право обвиняемаго доказывать справедливость приведенныхъ имъ фактовъ не оставалось, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мертвою буквой, необходимо присоединить къ письменнымъ доказательствамъ всѣ другія, которыя вообще допускаются закономъ, въ особенности свидѣтельскія показанія. Есть множество фактовъ, которые ничѣмъ другимъ, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, подтверждены быть не могутъ. Укажемъ, въ заключеніе, еще на одну несообразность, доказывающую необходимость пересмотра ст. 1,039 и 1,535. Maximum наказанія за клевету, т. е. за преступленіе, вообще говоря, болѣе тяжкое, нежели диффамачія, значительно меньше, чѣмъ maximum наказанія за диффамачію ¹⁾.

Нарушенія цензурныхъ и другихъ подобныхъ правилъ предусмотрѣны въ статьяхъ 1,008—1,034 и 1,038 уложенія о наказаніяхъ ²⁾; перечислять ихъ мы не станемъ, а остановимся только на одномъ изъ самыхъ важныхъ. По статьѣ 1,033 уложенія за непомѣщеніе въ повременномъ изданіи: ежедневномъ черезъ три дня, а еженедѣльномъ или мѣсячномъ — въ слѣдующемъ номерѣ, судебного опредѣленія или административнаго предостереженія, или сообщенныхъ какъ отъ правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ опроверженій или исправленій, издатель, пока сообщенное опредѣленіе, предостереженіе, опроверженіе или исправленіе не будетъ помѣщено, подвергается денежному взыскаію не свыше двадцати пяти рублей за каждый изданный послѣ указаннаго срока номеръ, когда изданіе выходитъ болѣе одного раза въ мѣсяцъ, и не свыше ста рублей, когда оно выходитъ разъ въ мѣсяцъ и рѣже. Если опредѣленіе, предостереженіе, опроверженіе или исправленіе не будетъ помѣщено по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, то изданіе прекращается, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати. Печатаніе правительственныхъ сообщеній безусловно обязательно для всякаго повременнаго изданія; но возраженія или поправки част-

¹⁾ Наказанія за диффамачію, по ст. 1,039 — денежное взысканіе не свыше пяти-
 сотъ рублей и заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2-хъ мѣсяцевъ до одного года и
 4-хъ мѣсяцевъ, или одно изъ этихъ наказаній; наказаніе за клевету, по ст. 1,535 —
 заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 8-ми мѣсяцевъ.

²⁾ Сюда же можно отнести ст. 84 уст. о наказ., налаг. миров. судьями.

ныхъ лицъ подлежатъ напечатанію только въ такомъ случаѣ, если занимаютъ мѣста не болѣе, какъ вдвое противъ статьи, на которую служатъ отвѣтомъ, и если они подписаны защищающимъ (законъ 6-го апрѣля 1865 года, гл. II, ст. 28). Намъ кажется, что въ этому ограниченію слѣдовало бы прибавить еще другое: слѣдовало бы постановить, что журналъ не обязанъ печатать опроверженіе, если въ немъ заключаются выраженія оскорбительныя для редакціи или для издателя журнала. Всякое сомнѣніе по этому предмету должно было бы подлежать разрѣшенію суда, въ ожиданіи котораго приостанавливалось бы теченіе срока, опредѣленнаго въ 1,033 статьѣ уложенія. При отсутствіи такого правила возможны злоупотребленія слѣдующаго рода: частное лице, раздраженное справедливымъ порицаніемъ, которому оно подверглось со стороны журнала, посылаетъ въ редакцію его опроверженіе, исполненное самыхъ грубыхъ и неприличныхъ выраженій; редакція отказывается напечатать это опроверженіе; частное лице выжидаетъ около трехъ мѣсяцевъ и потомъ обращается съ жалобой въ судъ, требуя взыскація штрафа по 1,033 статьѣ и запрещенія журнала. Мы не утверждаемъ, чтобы судъ былъ *обязанъ* удовлетворить такое требованіе; но вполнѣ оградить журналъ противъ вредныхъ его послѣдствій, можетъ только предлагаемое нами дополненіе закона.

Независимо отъ личныхъ наказаній и денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ за проступки печати, судъ имѣетъ право: 1) опредѣлить уничтоженіе сочиненія, или тѣхъ мѣстъ его, въ которыхъ заключается преступное обнаруженіе мысли, а также закрыть типографію, въ которой сочиненіе напечатано (улож. о наказ. ст. 1,045); 2) запретить повременное изданіе на срокъ или совершенно, и 3) запретить вмѣстѣ съ тѣмъ озававшимся виновными издателю и редактору, или одному изъ нихъ, принимать на себя въ теченіе извѣстнаго срока, не свыше однако пяти лѣтъ, — званіе издателя или редактора какова бы то ни было повременнаго изданія (ст. 1,046). Нельзя не сказать, что послѣднія два права несовмѣстны съ настоящей свободой печати. Во всякомъ другомъ европейскомъ государствѣ, предоставленіе суду подобныхъ правъ возбудило бы самую сильную оппозицію со стороны журналистики. Новый французскій законъ о печати, изданный въ прошедшемъ году, облекаетъ судъ правомъ несравненно меньшимъ — правомъ приостанавливать изданіе журнала на время отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ, въ случаѣ вторенія проступка прежде истеченія двухъ лѣтъ со дня перваго осужденія, и на время отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, въ случаѣ совершенія проступка въ третій разъ, въ продолженіе того же

двухлѣтняго промежутка времени ¹⁾. Это постановленіе закона было предметомъ горячаго спора въ законодательномъ корпусѣ; либеральная партія видѣла въ немъ чуть ли не возстановленіе конфискаціи, которой не допускаетъ французское законодательство. Съ теоретической точки зрѣнія это мнѣніе совершенно справедливо; тѣмъ не менѣе мы должны признаться, что статья 1,046 уложенія не внушаетъ намъ особенно сильныхъ опасеній за будущность русской журналистики. Мы думаемъ, во-первыхъ, что при существованіи ея правительство скорѣе рѣшится отмѣнить систему административныхъ взысканій и право администраціи пріостанавливать, по своему усмотрѣнію, изданіе журнала; мы надѣемся, во-вторыхъ, на мудрость и справедливость нашего суда, который, конечно, не станетъ употреблять во зло предоставленное ему право. Основаніемъ этой надежды служить, между прочимъ, примѣръ, уже встрѣтившійся въ судебной практикѣ. Трудно представить себѣ статью, которая больше заслуживала бы строгаго взысканія, чѣмъ статья г. Звенигородскаго о судебныхъ слѣдователяхъ и другихъ лицахъ судебного вѣдомства, помѣщенная въ «Петербургской Газетѣ» г. Ильи Арсеньева; между тѣмъ, опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты о временномъ запрещеніи этой газеты, за напечатаніе статьи г. Звенигородскаго, было отмѣнено уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ правительствующаго сената, присудившимъ гг. Звенигородскаго и И. Арсеньева только къ личному наказанію, — и то въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ та, которая была назначена палатой.

Административная власть, какъ мы уже знаемъ, имѣетъ право налагать арестъ на изданіе прежде выпуска его въ свѣтъ и затѣмъ начинать противъ него судебное преслѣдованіе. Отсюда возникаетъ слѣдующій весьма важный юридическій вопросъ: въ чемъ можетъ быть обвиненъ авторъ или издатель сочиненія такимъ образомъ арестованнаго — въ совершеніи ли преступленія, или въ попушеніи на преступленіе, или же только въ приготовленіи къ нему? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ первый разъ по дѣлу г. Суворина, и вызвалъ три различныя мнѣнія. Обвинительная власть, какъ въ окружномъ судѣ, такъ и въ судебной палатѣ, признавала г. Суворина виновнымъ въ преступленіи совершившемся, оконченномъ, хотя книга его («Всякіе». Очерки современной жизни) и не была выпущена въ свѣтъ; защита утверж-

¹⁾ Совершенному запрещенію журналъ, по французскому закону, подлежитъ только въ случаѣ осужденія его за преступленіе (crime), т. е., такое противузаконное дѣяніе, которое подлежитъ суду присяжныхъ и подвергаетъ виновнаго одному изъ тягчайшихъ уголовныхъ наказаній.

дала, что въ дѣйствіяхъ г. Суворина—если и допустить его виновность — заключается только приготовленіе къ преступленію; судебная палата избрала среднее мнѣніе и осудила г. Суворина за покушеніе на преступленіе, остановленное независимо отъ его воли ¹⁾. Въ дѣлѣ г. Соколова, преданнаго суду за напечатаніе книги «Отщепенцы» (также арестованной до выпуска въ свѣтъ), судебная палата (въ другомъ составѣ присутствія), пришла къ другому заключенію; она нашла, что *напечатаніе* книги преступнаго содержанія есть только приготовленіе къ преступленію, которое заключается собственно въ *распубликованіи* книги. До разсмотрѣнія кассационнаго суда, этотъ вопросъ еще не доходилъ и слѣдовательно остается открытымъ. Мы продолжаемъ держаться того мнѣнія, которое было высказано нами при защитѣ г. Суворина. Необходимая составная часть каждаго преступленія есть вредъ, имъ приносимый, или по крайней мѣрѣ возможность такого вреда. Вредное дѣйствіе журнала или книги можетъ начаться не раньше, какъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Пова известная мысль не пущена въ обращеніе, она не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому преслѣдованію, въ какой бы формѣ она ни была выражена — въ формѣ ли письма, или рисунка, или печатнаго сочиненія. Исключеніе изъ этого общаго правила можетъ быть допущено только тогда, когда оно прямо установлено закономъ. Если совершившимся преступленіемъ, въ дѣлахъ печати, можетъ считаться только *распубликованіе*, то покушеніемъ на преступленіе, очевидно, слѣдуетъ признавать только попытку распубликованія, дѣйствіе, непосредственно входящее въ составъ этого понятія ²⁾. Такъ, напримѣръ, книги посланы къ книгопродавцу, но ни одна еще не продана имъ; это будетъ покушеніе на преступленіе. Всѣ остальные, предшествовавшія дѣйствія могутъ быть признаваемы не болѣе, какъ приготовленіемъ къ преступленію. Защитники противнаго мнѣнія считаютъ покушеніемъ начало *печатанія* ³⁾; но именно этотъ выводъ доказываетъ всего лучше несостоятельность системы, изъ которой онъ исходитъ. Вставъ на эту точку зрѣнія, нужно будетъ признать, что административная власть имѣетъ право и даже обязана читать все печатаемое въ типографіи и останавливать печатаніе, какъ скоро замѣтитъ въ сочиненіи что-нибудь противузаконное. Это было бы равносильно возстановленію цензуры, съ прибавленіемъ къ ней личной отвѣт-

¹⁾ Окружной судъ принялъ мнѣніе обвинительной власти.

²⁾ Покушеніемъ на преступленіе признается, по нашему закону (улож. о наказ., ст. 9), всякое дѣйствіе, которымъ начинается или продолжается приведеніе злого намѣренія въ исполненіе.

³⁾ См. рѣчь г. прокурора судебной палаты по дѣлу г. Суворина.

ственности издателя или автора. Судить о характерѣ сочиненія можно только тогда, когда оно окончено; всякое преждевременное заключеніе слишкомъ легко можетъ подать поводъ къ ошибкѣ. Наконецъ, издатель или авторъ можетъ измѣнить свое намѣреніе, отказаться отъ выпуска въ свѣтъ печатаемаго или напечатаннаго уже сочиненія. Все это приводитъ къ убѣжденію, что проступокъ печати становится навазуемымъ лишь послѣ распубликованія или попытки распубликовать статью или сочиненіе. Напечатаніе, само по себѣ взятое, есть только приготовленіе къ преступленію¹⁾, — а за приготовленіе къ преступленію наказаніе опредѣляется лишь въ особыхъ, именно законами означенныхъ случаяхъ (улож. о наваз. ст. 112). Къ числу такихъ случаевъ принадлежатъ преступленія государственныя (улож. ст. 245, 248, 251, 252), а также возбужденіе къ противодѣйствию или сопротивленію установленнымъ властямъ (улож. ст. 274, 275). Составленіе сочиненій, содержащихъ въ себѣ преступленія этого рода, наказывается какъ самостоятельное противузаконное дѣяніе, хотя бы за нимъ и не слѣдовало распространеніе. Но различіе между наказаніями за распространеніе и за простое составленіе подобныхъ сочиненій установлено очень большое. Если за распространеніе назначена ссылка въ каторжную работу, то за простое составленіе опредѣляется лишь заключеніе въ крѣпости, на время отъ восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ; если за распространеніе назначена ссылка на поселеніе въ Сибиря, то за простое составленіе опредѣляется только заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Если принять теорію, опровергаемую нами, то произойдетъ слѣдующая несообразность: за напечатаніе сочиненія, содержащаго въ себѣ возбужденіе къ сопротивленію властямъ, — если оно было арестовано до выпуска въ свѣтъ и слѣдовательно не было распространяемо, — можетъ быть назначено только заключеніе въ тюрьмѣ не свыше четырехъ мѣсяцевъ; между тѣмъ, за напечатаніе, при такихъ же условіяхъ, возванія, возбуждающаго вражду между различными частями населенія — т. е., за преступленіе, признаваемое гораздо менѣе тяжкимъ, — можетъ быть назначено заключеніе въ смирительномъ домѣ на годъ и четыре мѣсяца, или даже на два года. Въ прусскомъ законѣ о печати (ст. 32, 33) мы находимъ слѣдующія постановленія: «наказуемость преступленія или проступка, совершеннаго посредствомъ печати, начинается съ распубликованіемъ (Veröffentlichung) печатнаго произведенія. Распублико-

¹⁾ Приготовленіемъ къ преступленію признается, по нашему закону (улож. ст. 8), приисканіе или приобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія.

ваніе считается состоявшимся, какъ только началась продажа, рассылка или распространіе печатнаго произведенія, или же оно выставлено въ мѣстахъ, доступныхъ публикѣ». Эти постановленія, вполне соответствующія и общимъ началамъ уголовного права, и специальному характеру проступковъ печати, устраняютъ возможность арестованія сочиненій прежде выпуска ихъ въ свѣтъ. У насъ эта возможность, къ сожалѣнію, существуетъ; но судебное преслѣдованіе сочиненій, такимъ образомъ арестованныхъ, должно имѣть только одинъ законный результатъ, — уничтоженіе (въ случаѣ произнесенія обвинительнаго приговора) всего сочиненія или отдѣльныхъ мѣстъ его, но отнюдь не личную отвѣтственность виновнаго ¹⁾.

Вопросъ о лицахъ, отвѣтствующихъ за проступки печати, разрѣшенъ нашимъ закономъ въ смыслѣ гораздо болѣе либеральномъ, чѣмъ нѣкоторыми другими законодательствами западной Европы. Во Франціи, напримѣръ, за каждый почти проступокъ печати предаются суду и отвѣчаютъ три лица: авторъ, издатель (или редакторъ) и типографщикъ. У насъ принято за общее правило преслѣдованіе только одного лица, при чемъ установлена слѣдующая постепенность. Сочинитель призывается къ суду во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не докажетъ, что публикація его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія; издатель — въ томъ случаѣ, если имя и мѣсто жительства сочинителя неизвѣстны, или послѣдній находится за границей; типографщикъ или литографщикъ — когда ни сочинитель, ни издатель неизвѣстны, или когда мѣстопребываніе ихъ не открыто, или когда они находятся за границей; книгопродавецъ — въ томъ случаѣ, если на продаваемомъ экземплярѣ сочиненія не выставлено имени и мѣста жительства типографщика или литографщика (улож. о наказ. ст. 1,042). Изъ общаго правила объ отвѣтственности одного лица сдѣлано два исключенія. Отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи статей обращается, во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновника, на редактора изданія (ст. 1,044). Издатели, типографщики и книгопродавцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не подлежатъ прямой отвѣтственности, могутъ быть, по обстоятельствамъ дѣла, преслѣдуемы какъ участники въ преступленіяхъ и проступкахъ печати, *если будетъ доказано, что они, зная преступный умыселъ главнаго*

¹⁾ Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ, какъ уже сказано выше, дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 245, 248, 251, 252 и 274 уложенія о наказаніяхъ.

виновника, заведомо содѣйствовали публикаціи и распространенію изданія (ст. 1,043).

Правило объ отвѣтственности одного лица, принятое нашимъ закономъ для большинства проступковъ печати, можетъ показаться, съ перваго взгляда, несогласнымъ съ общими началами уголовнаго права, по которымъ отвѣтственность за преступное дѣяніе распространяется на всѣхъ участниковъ его. Но къ проступкамъ печати общія понятія о преступленіи применимы далеко не вполне и не во всѣхъ отношеніяхъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь привести небольшую выписку изъ нашей статьи «о лицахъ, отвѣтствующихъ передъ судомъ за преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ», напечатанной лѣтъ шесть тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1863 г. № 1). «Преступленіе, совершаемое печатнымъ словомъ, не всегда содержитъ въ себѣ матеріальное зло; лицо, его совершающее, не всегда дѣйствуетъ съ злою волей, съ преступнымъ умысломъ. Наказуемость подобныхъ преступленій не можетъ быть выводима ни изъ теоріи возмездія, ни изъ теоріи исправленія, ни изъ соединенія этихъ теорій, на которыхъ обыкновенно зиждутся уголовные законы. Основываясь не столько на справедливости, сколько на государственной пользѣ, она имѣетъ характеръ преимущественно *предупредительный*, превентивный; главная, если не единственная цѣль ея — предупредить публичное (печатное) выраженіе мнѣній, которыя правительство почему-либо признаетъ для себя опасными и вредными. Для достиженія этой цѣли, вполне достаточно ограничить отвѣтственность за каждый проступокъ печати *однимъ лицомъ*. Наказаніе сообщниковъ, пособниковъ преступленія, неизбежное съ строго-юридической точки зрѣнія, становится излишнимъ и ненужнымъ, коль скоро идетъ рѣчь не объ удовлетвореніи требованіямъ правды, а о сохраненіи общественнаго порядка. Средства не должны превышать своей цѣли, предупрежденіе не должно переходить въ притѣсненіе; оно можетъ быть оправдано лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно необходимо. *Кто-нибудь* долженъ отвѣчать за каждую строку, появляющуюся въ печати; но одновременное привлеченіе къ суду автора, издателя (или редактора) и типографщика бесполезно, а слѣдовательно и несправедливо». Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы вполне сочувствуемъ общему правилу, выраженному въ ст. 1,042-й, но не можемъ не возразить противъ исключеній, установленныхъ въ ст. 1,043 и 1,044. При отвѣтственности автора, отвѣтственность издателя, типографщика и книгопродавца кажется намъ совершенно излишней, хотя бы они и знали о намѣреніи автора. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что это знаніе не предполагается само собою, а должно быть

доказано обвинительною властью ¹⁾. Что касается до отвѣтственности редактора вмѣстѣ съ авторомъ, то въ оправданіе ея приводятся обыкновенно слѣдующія соображенія: редакторъ не можетъ не знать содержанія статей, печатаемыхъ въ его журналахъ, не можетъ не понимать ихъ направленія и смысла; безъ согласія редактора, статья не могла бы появиться въ журналѣ, а слѣдовательно не могло бы и произойти вреда, ею принесеннаго; участіе автора въ *распубликованіи* статьи гораздо менѣе существенно, чѣмъ участіе редактора. Противъ двухъ послѣднихъ доводовъ нельзя не замѣтить, что они примѣняются и къ *издателю*, который, однако, по нашимъ законамъ не привлекается къ суду вмѣстѣ съ авторомъ. Первый доводъ справедливъ въ большей части случаевъ, но не всегда. Есть статьи, которыя редакторъ ежедневной газеты печатаетъ почти не читая, потому что онѣ написаны постоянными его сотрудниками, пользующимися полнымъ его довѣріемъ. Есть статьи, за фактическое содержаніе которыхъ редакторъ отвѣчать не можетъ, потому что у него нѣтъ средствъ повѣрить правильность сообщаемыхъ ими данныхъ: такова, напримѣръ, большая часть корреспонденцій изъ губерній. Отвѣтственность редактора имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, еще одно важное неудобство: она располагаетъ редактора къ излишней осторожности въ выборѣ статей, заставляетъ его иногда обращать вниманіе не столько на литературное ихъ достоинство и дѣльность, сколько на безопасность ихъ въ цензурномъ отношеніи. Мы понимаемъ, что для редактора, преданнаго своему дѣлу, безотвѣтственность передъ судомъ была бы часто тяжелѣе всякой отвѣтственности; но не слѣдуетъ забывать и того, какъ тяжело положеніе автора, статья котораго подвергается редактора судебному преслѣдованію. Вотъ почему мы желали бы, по меньшей мѣрѣ, установленія въ Россіи такого же порядка, который существуетъ въ Пруссіи. По прусскому закону о печати (ст. 37), редакторъ временнаго изданія, посредствомъ котораго совершено преступленіе (*Verbrechen*) или проступокъ (*Vergehen*) печати ²⁾, подвергается личному наказанію лишь тогда, когда признается главнымъ виновнымъ (*Urheber*) или участникомъ (*Theilneh-*

¹⁾ Случай преслѣдованія типографскаго вмѣстѣ съ авторомъ извѣстенъ намъ только одинъ (дѣло о книгѣ «Отщепенцы», по которому авторъ, г. Соколовъ, былъ преданъ суду вмѣстѣ съ типографщикомъ, г. Головинимъ); но и въ этомъ случаѣ типографщикъ былъ оправданъ.

²⁾ Различіе между *Verbrechen* и *Vergehen* по прусскому закону тоже самое, какъ по французскому — между *crime* и *délit*; нашъ законъ не дѣлаетъ такого различія между словами *преступленіе* и *проступокъ*, но въ литературѣ первое соотвѣтствуетъ слову *crime* или *Verbrechen*, второе — слову *délit* или *Vergehen*.

mer) преступленія или проступка, а въ противномъ случаѣ подвергается лишь денежному штрафу не свыше пятисотъ или тысячи талеровъ (смотря по тому, идетъ ли рѣчь о проступкѣ или о преступленіи). Какъ относится наша судебная практика по вопросу о мѣрѣ отвѣтственности редактора—объ этомъ нельзя еще сказать ничего положительнаго, такъ какъ до сихъ поръ было только два примѣра осужденія редактора вмѣстѣ съ авторомъ: въ дѣлѣ гг. Жуковского и Пыпина, и въ дѣлѣ гг. Стравинскаго и Сомова (временнаго редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), рѣшенномъ с.-петербургскою судебною палатою 2 апрѣля нынѣшняго года. Въ первомъ случаѣ редакторъ и авторъ были подвергнуты одинаковому наказанію, во второмъ авторъ былъ подвергнутъ денежному штрафу, вдвое меньшему, чѣмъ редакторъ; но это объясняется, можетъ быть, несовершенностью автора. Статья 1,044-ая не допускаетъ, въ сожалѣнію, наказанія редактора въ меньшей степени, сравнительно съ авторомъ; желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы оно не было опредѣляемо для перваго въ бѣльшей степени, чѣмъ для послѣдняго.

V.

Судопроизводство по дѣламъ печати. — Законъ 12 декабря 1866 г. — Медленность въ движеніи процессовъ печати; вредныя послѣдствія ея. — Гласность въ дѣлахъ печати. — Давность для проступковъ печати.

Въ западной Европѣ свобода печати считается установленною на прочныхъ основаніяхъ только тогда, когда всѣ проступки печати отнесены къ вѣдомству суда присяжныхъ. Исторія печати во Франціи и въ Пруссіи свидѣтельствуетъ въ пользу справедливости этого взгляда. Въ эпоху реставраціи былъ только одинъ короткій проблескъ либерализма, при министерствахъ Дессоля и Деказа (1818 — 1820) — и въ это именно время былъ изданъ законъ 26 мая 1819 г., подчинявшій проступки печати (за исключеніемъ опозоренія и оскорбленія частныхъ лицъ) вѣдомству суда присяжныхъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ реакціи двадцатыхъ годовъ была отмѣна этого закона и предоставленіе проступковъ печати вѣдомству судовъ исправительной полиціи, т. е. коронныхъ судей (законъ 25 марта 1822 г.). Вслѣдъ за июльской революціей проступки печати были вновь подчинены суду присяжныхъ (законъ 8 октября 1830 г.). Законъ 9 сентября 1835 г., изданный, какъ мы уже говорили, подъ вліяніемъ покушенія Фіески на жизнь Людовика-Филиппа — ограничилъ вругъ

дѣйствій суда присяжныхъ, образовавъ изъ палаты перовъ нѣчто въ родѣ верховнаго суда для всѣхъ важнѣйшихъ проступковъ печати. Декретомъ временнаго правительства 6 марта 1848 г. сентябрьскій законъ былъ отмѣненъ и проступки печати возвращены въ вѣдѣніе суда присяжныхъ, съ тѣмъ, что для обвинительнаго приговора требовалось большинство 9 голосовъ изъ 12. Февральскій декретъ 1852 г., создавшій систему административныхъ взысканій, подчинилъ проступки печати судамъ исправительной полиціи — и эта сторона его оставлена въ силѣ новымъ закономъ о печати, обнародованнымъ въ прошедшемъ году. Оппозиція предлагала возвратиться къ закону 1819 г., средняя партія предлагала установить для проступковъ печати особый, специальный судъ присяжныхъ; но всѣ эти предложенія были отвергнуты огромнымъ большинствомъ голосовъ. «Судъ присяжныхъ для дѣлъ печати» — таковъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы всѣхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ на нынѣшнихъ выборахъ въ законодательный корпусъ. Въ Пруссіи судъ присяжныхъ для дѣлъ печати былъ однимъ изъ результатовъ 1848 г.; но законы 1851, 1852 и 1854 гг., уничтожили порядокъ вещей, установленный первою прусскою конституціей, подчинивъ проступки печати — обыкновеннымъ короннымъ судьямъ, а преступленія печати, за немногими, ничтожными исключениями — верховному государственному суду (Staatsgerichtshof). Этотъ порядокъ вещей существуетъ и до настоящаго времени. Какъ во Франціи, такъ и въ Пруссіи, судъ относится къ проступкамъ печати чрезвычайно строго. Прошло то время, когда президентъ парижскаго апелляціоннаго суда Сегье говорилъ Карлу X-му: *la cour rend des arrêts, et non pas des services* (судъ постановляетъ рѣшенія, а не оказываетъ услуги), когда редакторъ «*Journal des Débats*», преданный суду за громовую статью противъ министерства Полиньяка ¹⁾, выходилъ изъ суда торжественно оправданнымъ. Въ промежутокъ времени между 1852 и 1868 г. не было во Франціи ни одного, сколько-нибудь политически-окрашеннаго процесса печати, который окончился бы оправдательнымъ приговоромъ. Послѣ изданія закона 1868 г., число процессовъ возрасло до баснословной цифры, среди которой безконечно мало оправданій — да и тѣ немногіе оправдательные приговоры, которые произносятся судомъ первой инстанціи, почти всегда отмѣняются судомъ апелляціоннымъ. И для Пруссіи прошло то время, когда мельникъ въ Санъ-Суси говорилъ съ справедливою гордостью:

¹⁾ Статья эта указывала на необходимость послѣдствій того пути, на который вступилъ Полиньякъ, и оканчивалась словами: «*malheureux roi! malheureuse France!*»

«Es giebt noch Richter in Berlin»! когда берлинскій апелляціонный судъ отстаивалъ свободу совѣсти противъ Фридриха-Вильгельма II, когда редакція 1849—50 г. находила отпоръ въ судьяхъ подобныхъ Таделю и достойнымъ товарищамъ его. Въ средѣ прусской магистратуры и теперь еще гораздо болѣе самостоятельности и непристрастія, чѣмъ въ средѣ магистратуры французской; но при тѣхъ средствахъ вліянія, которыми располагаетъ правительство въ отношеніи къ судьямъ, при постоянномъ, систематическомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, назначеніи въ верховный судъ (Ober-Tribunal) только людей ультраконсервативнаго образа мыслей, неудивительно, что огромное большинство процессовъ печати оканчивается осужденіемъ подсудимыхъ. Какъ только внутреннее движеніе, затихшее послѣ внѣшнихъ успѣховъ 1866 г., опять овладѣетъ Пруссіей, вопросъ о восстановленіи суда присяжныхъ для дѣлъ печати непременно будетъ поднятъ всѣми оттѣнками прусской или, лучше сказать, общегерманской либеральной партіи.

Переходя отъ западной Европы къ Россіи, мы не можемъ не остановиться прежде всего на слѣдующемъ фактѣ. Мысль о подчиненіи проступковъ печати суду присяжныхъ была заявлена у насъ еще до изданія закона 6 апрѣля 1865 г.,—но кѣмъ? Коммиссіей, приготовившей этотъ законъ — тою самой коммиссіей, которая внесла въ него систему административныхъ взимсканій. Коммиссія находила, что сословіе собственниковъ (изъ среды котораго—именно изъ числа гласныхъ городскихъ думъ—она предполагала избирать присяжныхъ для разрѣшенія дѣлъ печати) представляетъ болѣе гарантій консерватизма, чѣмъ вновь образуемая магистратура, что органы магистратуры будутъ принадлежать именно къ тому слою общества, въ которомъ у насъ почти исключительно сосредоточены прогрессивныя тенденціи. Мнѣніе коммиссіи не было принято; но оно должно предостеречь насъ противъ слишкомъ безусловнаго примѣненія взглядовъ, выработанныхъ на Западѣ, къ современному положенію дѣлъ у насъ въ Россіи. Съ теоретической точки зрѣнія судъ присяжныхъ имѣетъ, для дѣлъ печати, безспорное преимущество передъ судомъ коронныхъ судей. Общество, представителями котораго служатъ присяжные, конечно, лучшей судья проступковъ, находящихся въ самой тѣсной связи съ общественною жизнью, непосредственно изъ нея проистекающихъ и непосредственно на нее дѣйствующихъ. Двѣнадцать гражданъ, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, призванныхъ къ общественной дѣятельности на самое короткое время, не солидарныхъ между собою и ни передъ кѣмъ не отвѣтственныхъ, — легче, чѣмъ

кто бы то ни было, могутъ отрѣшиться отъ всякихъ постороннихъ соображеній и постановить приговоръ на основаніи однихъ только обстоятельствъ дѣла. Но, съ другой стороны, становясь на точку зрѣнія чисто практическую, едва ли возможно отвергать, что значеніе политической печати еще не сдѣлалось у насъ вполне понятнымъ для всѣхъ классовъ общества, и что при обсужденіи проступковъ печати присяжными засѣдателями вѣроятнѣе были бы, въ настоящее время, недоразумѣнія во вредъ, чѣмъ въ пользу печати. Въ обществѣ, давно волнуемомъ политической борьбою, въ обществѣ, въ которомъ существуютъ партіи прямо враждебныя правительству, органамъ судебной власти трудно сохранить нейтралитетъ между борющимися сторонами. Они становятся, мало-по-малу, солидарными съ одною изъ нихъ — конечно съ тою, къ которой они ближе и отъ которой они больше зависятъ, — вовлекаются въ общее движеніе, теряютъ въ немъ безпристрастное и спокойное отношеніе къ дѣлу, и оканчиваютъ тѣмъ, что въ каждомъ подсудимомъ видятъ чуть ли не личнаго противника своего. Мы знаемъ, что во Франціи такой взглядъ на подсудимыхъ проявляется, со стороны суда и обвинительной власти, не только въ дѣлахъ печати, но и въ обыкновенныхъ процессахъ. У насъ было бы напрасно опасаться чего-нибудь подобнаго. Безпристрастію нашихъ судей еще не угрожаютъ тѣ подводные камни, о которые разбилась прежняя слава французской и прусской магистратуры. Въ нашей спокойной средѣ возможенъ спокойный взглядъ на роль суда въ дѣлахъ печати — возможенъ и между самими судьями, и въ другихъ сферахъ, соприкасающихся съ судебной. Мы основываемъ наше мнѣніе не только на догадкахъ, но и на тѣхъ — правда, немногочисленныхъ — данныхъ, которыя представляетъ трехлѣтняя исторія нашего новаго суда по дѣламъ печати. Мы найдемъ въ ней не меньше оправданій или рѣшеній по возможности снисходительныхъ, чѣмъ строгихъ приговоровъ, на которые такъ щедры французскіе суды. Долго ли будетъ продолжаться такое положеніе дѣлъ — это вопросъ, на который никто не можетъ дать положительнаго отвѣта. Но мы говоримъ не о будущемъ, а о настоящемъ — и въ отношеніи къ настоящему считаемъ себя въ правѣ утверждать, что вопросъ объ отнесеніи проступковъ печати къ вѣдомству суда присяжныхъ не есть вопросъ первой важности для нашей литературы, что подсудность этихъ проступковъ, установленная дѣйствующимъ закономъ, не требуетъ немедленной перемѣны, и что свобода печати — конечно не въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — возможна у насъ и при подчиненіи печати суду коронныхъ судей.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. не устанавливали никакого specialнаго порядка судопроизводства для дѣлъ печати. Эти дѣла были подчинены, на общемъ основаніи, вѣдомству окружнаго суда, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда проступокъ печати имѣетъ характеръ государственнаго преступленія ¹⁾. Но не прошло и полугодя со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, какъ уже было признано нужнымъ измѣнить постановленія ихъ именно въ отношеніи къ проступкамъ печати ²⁾. Законъ 12 декабря 1866 г. подчинилъ проступки предусмотрѣнные въ ст. 181, 189, 274, 1,035 — 1,037 улож. о наказ., а также дѣла объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, присутственных мѣстъ и установленій, непосредственному разсмотрѣнію судебной палаты, на приговоры которой, когда они постановлены безъ участія присяжныхъ засѣдателей ³⁾, допускаются апелляціонные отзывы и протесты правительствующему сенату (по уголовному кассационному департаменту). Окружному суду остались подсудными только проступки печати, направленные противъ частныхъ лицъ, и важнѣйшія изъ нарушеній цензурныхъ и тому подобныхъ правилъ (нарушенія менѣе важныя отнесены къ вѣдомству мировыхъ судей). Обязанность возбуждать преслѣдованіе по преступленіямъ и проступкамъ печати возложена закономъ 12 декабря 1866 г. исключительно на главное управленіе по дѣламъ печати и на цензурные комитеты, кромѣ случаевъ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ. Въ этихъ случаяхъ преслѣдованіе возбуждается прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ или сообщеніямъ отъ потерпѣвшихъ оскорбленіе. По всѣмъ этимъ жалобамъ, объявленіямъ и сообщеніямъ, равно какъ и по сообщеніямъ главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ, *прокуроръ обязывается начать преслѣдованіе*; если же онъ въ сообщеніи главнаго управленія или цензурнаго комитета встрѣтитъ какія-либо затрудненія или сомнѣнія, то долженъ представить о

¹⁾ Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ подсудны особому присутствію судебной палаты (составляемому изъ уголовнаго департамента этой палаты, губернскаго предводителя дворянства, одного уѣзнаго предводителя, одного городского головы и одного волостнаго старшины).

²⁾ Окружной судъ (с. петербургскій) успѣлъ рѣшить по существу только два процесса о проступкахъ печати: процессъ г. Суворина и процессъ гг. Жуковскаго и Пилына. По первому былъ постановленъ обвинительный приговоръ, вполнѣдствіи смятенный, по второму — приговоръ оправдательный, вполнѣдствіи отмѣненный судебной палатой.

³⁾ Изъ числа вышеозначенныхъ дѣлъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей рѣшаются только дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 181, 189 и 274 (преступленія противъ вѣры и возбужденіе къ сопротивленію властямъ).

нихъ министру юстиціи, и потомъ въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла руководствоваться тѣмъ разрѣшеніемъ, какое имъ отъ министра получено будетъ.

Законъ 12 декабря 1866 г. создалъ для обвинительной власти, по дѣламъ печати, положеніе совершенно особаго рода, несходное съ тѣмъ, которое она занимаетъ вообще въ уголовномъ процессѣ. Она лишена принадлежащаго ей права инициативы, права возбуждать преслѣдованіе по непосредственно усмотрѣннымъ ею преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній (уст. угол. судопр. ст. 297 пун. 4, 311); она поставлена въ необходимость поддерживать обвиненіе даже и тогда, когда признаетъ его неосновательнымъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, лица прокурорскаго надзора должны дѣйствовать единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ (учр. суд. установл. ст. 130). Другими словами, въ дѣлахъ печати настоящею обвинительною властью является не прокурорскій надзоръ, а спеціальныя административныя учрежденія, наблюдающія за печатью; за прокурорскимъ надзоромъ осталась только судебная защита взглядовъ и мнѣній, выработанныхъ этими учрежденіями. Намъ кажется, что для такого существеннаго отступленія отъ общихъ началъ судопроизводства не представлялось достаточныхъ оснований, что организація нашего прокурорскаго надзора устраняла всякую возможность предполагать съ его стороны небрежное или слишкомъ снисходительное отношеніе къ проступкамъ печати. Успѣхъ обвиненія зависитъ, въ значительной степени, отъ силы убѣжденія, съ которою оно поддерживается; а вполне сильнымъ убѣжденіе можетъ быть только тогда, когда оно свободно. Какъ бы то ни было, монополія преслѣдованія проступковъ печати, за исключеніемъ дѣлъ о диффамаци и оскорбленіи, сосредоточена въ рукахъ главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ; мимо нихъ не можетъ быть начато преслѣдованіе, хотя бы прокурорскій надзоръ или другое вѣдомство и находили въ какой-либо статьѣ признаки преступленія или проступка. Отсюда слѣдуетъ заключить, между прочимъ, что статья, подавшая поводъ къ предостереженію, не можетъ быть предметомъ судебного преслѣдованія. Нельзя допустить, чтобы одно и то же вѣдомство могло налагать двойную кару за одинъ и тотъ же проступокъ; избирая, въ данномъ случаѣ, одну карательную мѣру, оно этимъ самымъ навсегда отказывается отъ другой, такъ какъ выборъ между ними зависѣлъ вполне и исключительно отъ его усмотрѣнія.

На основаніи закона 12 декабря 1866 г., сообщенія главнаго управленія по дѣламъ печати должны заключать въ себѣ

всѣ свѣдѣнія, необходимыя для составленія прокуроромъ обвинительнаго акта, а равнымъ образомъ и законъ, въ которомъ предусмотрѣно преслѣдуемое преступленіе, такъ чтобы судебной палатѣ можно было прямо приступить къ судебному слѣдствію. Предварительное слѣдствіе по дѣламъ печати вообще составляетъ рѣдкое исключеніе; оно необходимо только въ дѣлахъ о клеветѣ, когда жалующійся или обвиняемый просятъ о собраніи фактическихъ данныхъ, да развѣ еще въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ опредѣлить мѣру участія издателя или типографшика въ преступномъ умыслѣ автора. Черезъ обвинительную камеру дѣла печати также проходятъ весьма рѣдко (до сихъ поръ только одинъ разъ — дѣло г. Соколова), потому что проступки печати, какъ мы уже говорили, болѣею частью не влекутъ за собою ни лишенія, ни ограниченія правъ, а обвинительные акты по дѣламъ этого рода предлагаются непосредственно суду, рѣшающему дѣло по существу. Свидѣтелей по дѣламъ печати никогда не бываетъ много, подробныхъ и продолжительныхъ справокъ они не требуютъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляеть предполагать, что дѣла печати производятся и оканчиваются съ особенною быстротою, въ двѣ-три недѣли, въ рѣдкихъ случаяхъ — въ полтора-два мѣсяца, какъ мы это и видимъ за границей. Между тѣмъ наша судебная практика представляетъ картину совершенно другого рода: нѣтъ, можетъ быть, ни одной категоріи дѣлъ, по которой медленность производства была бы такъ замѣтна, какъ по дѣламъ печати. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Вторая часть сочиненій г. Писарева была подвергнута аресту 2 іюня 1866 г., цензурный комитетъ сообщилъ прокурорскому надзору о возбужденіи преслѣдованія противъ издателя книги, г. Павленкова, 4 іюля того же года — а рѣшеніе судебной палаты состоялось лишь 5 іюня 1868 года! Противъ двухъ передовыхъ статей, напечатанныхъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ іюль 1867 г., возбуждено судебное преслѣдованіе въ августѣ того же года — а рѣшеніе судебной палаты не состоялось до начала мая 1869 года. Если между возбужденіемъ процесса противъ гг. Сомова и Стравинскаго (за напечатаніе въ «Спб. Вѣдомостяхъ» корреспонденціи, оскорбительной для эстляндскаго губернскаго начальства) и рѣшеніемъ судебной палаты (2 апрѣля 1869 г.) прошло только мѣсяцевъ семь или восемь, то это можно назвать, сравнительно, исходомъ дѣла необыкновенно скорымъ. Съ другой стороны, бываютъ случаи прекращенія дѣла безъ судебного рѣшенія черезъ годъ или больше послѣ возбужденія преслѣдованія и наложенія на книгу предварительнаго ареста (дѣло о книгѣ г. Сѣченова «Рефлексы головного мозга», дѣло о со-

чиненіяхъ Герберта Спенсера). Дѣло о второмъ томѣ сборника «Лучъ», возникшее года два или болѣе тому назадъ, остается безъ разрѣшенія до настоящаго времени. Намъ извѣстно одно дѣло о клеветѣ, начатое въ декабрѣ 1867 г. и до сихъ поръ еще не назначенное къ слушанію окружнымъ судомъ. Между тѣмъ возможно - быстрое разрѣшеніе процессовъ печати — лишь бы только быстрота не переходила въ торопливость — необходимо въ интересахъ правительства, въ интересахъ частныхъ лицъ, и еще болѣе въ интересахъ литературы. Возбуждая судебное преслѣдованіе за проступки печати, правительство видитъ въ немъ не только средство наказать отдѣльное нарушеніе закона, но и предостереженіе для всей литературы, болѣе яснымъ указаніемъ черты, отдѣляющей въ данную минуту дозволенное отъ недозволеннаго. Этой цѣли судебное преслѣдованіе можетъ достигнуть только тогда, когда оно быстро приводитъ къ судебному приговору, когда въ моментъ постановленія приговора еще свѣжо воспоминаніе о преслѣдуемой статьѣ, когда разборъ ея передъ судомъ не представляется какимъ-то искусственнымъ возобновленіемъ давно поконченныхъ счетовъ. Съ другой стороны, медленность въ разрѣшеніи процессовъ печати можетъ служить, какъ мы уже замѣтили въ нашей первой статьѣ, аргументомъ противъ отміны административныхъ взысканій. Для частныхъ лицъ, подвергшихся клеветѣ, судебное изслѣдованіе представляется прежде всего средствомъ къ возстановленію истины, а вмѣстѣ съ нею и чести оскорбленнаго лица; но и это, въ свою очередь, возможно только подъ условіемъ быстрого хода процесса. Что пользы въ томъ, если клевета, распространенная въ 1867 г. и успѣвшая произвести впечатлѣніе на общество, а потомъ быть имъ забытой, будетъ опровергнута судомъ въ концѣ 1869 года? Очевидно, что изъ-за такого поздняго оправданія не стоило и начинать процесса.

Для самого автора, редактора или издателя тяжела неизвѣстность, тяготящая надъ нимъ во время процесса, но еще тяжелѣе тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою преждевременное арестованіе книги и нахожденіе ея подъ арестомъ въ продолженіе года или даже двухъ, трехъ лѣтъ. Мы видѣли уже, что по закону предварительный арестъ можетъ быть налагаемъ только въ *чрезвычайныхъ*, т. е. исключительныхъ случаяхъ; но на практикѣ онъ является — по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ изданіямъ не періодическимъ — не исключеніемъ, а общимъ правиломъ. Ему подвергаются и книги, впоследствии, съ согласія самой административной власти, признаваемыя неподлежащими преслѣдованію, и книги, издатель которыхъ, по мнѣ-

нію обвинительной власти, подлежить только денежному штрафу въ триста рублей (дѣло г. Павленкова). За исключеніемъ дѣла г. Бибинова, разсмотрѣннаго еще прежними судебными мѣстами, мы не помнимъ ни одного случая, въ которомъ возбужденіе судебного преслѣдованія противъ книги не сопровождалось бы наложеніемъ на нее ареста еще до выхода ея въ свѣтъ. Если бы судебное производство продолжалось не болѣе одного или двухъ мѣсяцевъ, то наложеніе ареста, вонечно, оставаясь чувствительнымъ для издателей, не имѣло бы для нихъ особенно вредныхъ результатовъ. Но нахожденіе книги подъ арестомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ можетъ привести къ совершенному разоренію издателя. Онъ теряетъ проценты съ затраченнаго имъ капитала, или, можетъ быть, самъ платитъ огромные проценты съ занятыхъ имъ для изданія денегъ; онъ теряетъ столь важную въ коммерческомъ быту возможность пустить свои деньги въ новый оборотъ, въ новое предпріятіе; онъ рискуетъ сохранить на своихъ рукахъ все изданіе, наконецъ освобожденное отъ ареста, если въ промежутокъ времени, истекшій между наложеніемъ и снятіемъ ареста, вкусы публики измѣнились или появилась другая книга, замѣняющая сочиненіе имъ изданное. Вотъ почему мы указываемъ еще разъ на необходимость измѣнить существующій у насъ порядокъ наложенія ареста на произведенія печати. Это измѣненіе тѣмъ легче, что законъ 12 декабря 1866 г. предоставилъ уже *суду* право налагать арестъ на изданіе прежде постановленія о немъ окончательнаго приговора.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что главныя причины медленности, съ которою производятся дѣла печати, заключаются не въ самомъ порядкѣ производства, и слѣдовательно могутъ быть устранены безъ измѣненія закона. Каждый процессъ печати (мы говоримъ о проступкахъ подсудныхъ судебной палатѣ) проходитъ черезъ три фазиса: онъ возбуждается учрежденіемъ на то уполномоченнымъ, разсматривается прокуроромъ судебной палаты и рѣшается судебною палатою. Иногда къ обычнымъ тремъ фазисамъ присоединяется еще одинъ: сношеніе прокурора съ министерствомъ юстиціи, министерства юстиціи — съ вѣдомствомъ возбудившимъ преслѣдованіе (по статьѣ 7-ой закона 12 декабря 1866 г.). Въ этомъ фазисѣ дѣла заключаются зародышъ медленности, почти неизбѣжный; но три остальные могутъ быть пройдены въ самое короткое время. На которомъ изъ нихъ дѣла до сихъ поръ останавливались и останавливаются всего долѣе — это вопросъ, обсужденіе котораго вѣжется намъ не совсѣмъ удобнымъ потому, что оно могло бы привести насъ къ разбору дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Средствомъ къ ускоренію дѣлъ о

печати могло бы служить назначеніе сроковъ для перехода процессовъ отъ цензурнаго вѣдомства къ прокурору, отъ прокурора — къ палатѣ. Намъ кажется, впрочемъ, что для прокурора этотъ срокъ уже установленъ закономъ. По ст. 517 уст. угол. судопр. прокуроръ обязанъ дать указанный въ законѣ ходъ всякому слѣдствію въ теченіи *недѣли* со времени его полученія. Такъ какъ по дѣламъ печати сообщеніе подлежащаго вѣдомства замѣняетъ собою предварительное слѣдствіе, то семидневный срокъ долженъ считаться со дня полученія прокуроромъ этого сообщенія. Составить обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи дѣла на основаніи предварительнаго слѣдствія, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе¹⁾, нежели составить обвинительный актъ по дѣлу печати, матеріалъ для котораго весь собранъ и разработанъ въ сообщеніи цензурнаго вѣдомства. Если соблюденіе семидневнаго срока признается возможнымъ въ первомъ случаѣ, то еще менѣе препятствій оно можетъ встрѣтить въ послѣднемъ.

Процессы печати производятся публично и подлежатъ обнародованію на тѣхъ же основаніяхъ и съ тѣми же ограниченіями, какъ и всѣ другія уголовныя дѣла. Изъ этого общаго правила законъ 12 декабря 1866 г. сдѣлалъ исключеніе: по дѣламъ объ оскорбленіяхъ (точнѣе объ диффамациі или объ опозореніи), въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не допускается до представленія доказательствъ справедливости позорящаго обстоятельства, пренія въ судѣ происходившія не могутъ быть печатаемы, хотя бы они производились въ присутствіи публики. По этимъ дѣламъ печатается одинъ только приговоръ суда, съ особаго при томъ его разрѣшенія; печатаніе же всѣхъ подробностей судебного засѣданія или одной первоначальной жалобы истца разрѣшается предсѣдателемъ суда въ такомъ только случаѣ, когда самъ обиженный будетъ о томъ просить. Мы полагаемъ, что подобная просьба обязательна для обиженнаго, когда онъ видитъ въ судебномъ преслѣдованіи средство возстановить истину, а не только наложить молчаніе на противника.

Срокъ для возбужденія судебного преслѣдованія по нарушеніямъ постановленій о печати полагается, со дня совершенія, годовой²⁾ (законъ 6 апрѣля 1865 г. гл. IV ст. 7, — Уложен. о наказ. примѣч. въ ст. 158). Этотъ срокъ втрое меньше того, который

¹⁾ Мы говоримъ объ общемъ правилѣ, а не объ исключеніяхъ, возможность которыхъ конечно не отвергаемъ.

²⁾ Подъ именемъ нарушенія постановленій о печати здѣсь слѣдуетъ понимать не нарушенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, о которыхъ мы говорили въ четвертой главѣ, а всѣ вообще проступки печати. Это видно изъ сравненія ст. 7 гл. IV закона 6 апрѣля съ ст. 5 и 8 той же главы этого закона.

существуетъ во Франціи, но вдвое больше того, который установленъ въ Пруссіи закономъ 12-го апрѣля 1851 года. Сравнительно со сроками давности, принятыми нашимъ общимъ уголовнымъ закономъ, срокъ для преслѣдованія проступковъ печати гораздо короче, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда наказаніе ограничивается арестомъ или денежнымъ штрафомъ. Въ пользу возможно-короткаго срока для преслѣдованія проступковъ печати говорятъ тѣже самыя соображенія, которыя были приведены нами въ пользу возможно-быстраго производства дѣлъ печати. Съ точки зрѣнія правительства, короткий срокъ давности не представлялъ бы никакихъ затрудненій, потому что проступки печати не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ ускользнуть отъ его вниманія.

Если система административныхъ взысканій не совмѣстна съ правильнымъ развитіемъ печати и не вызывается ни волненіемъ умовъ въ средѣ общества, ни опаснымъ направленіемъ литературы; если отдѣлы литературы, освобожденные отъ предварительной цензуры, дали поводъ, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, къ весьма немногимъ судебнымъ преслѣдованіямъ политическаго свойства; если уголовные законы о печати, неопредѣленные по редакціи, строгіе по установленнымъ въ нихъ наказаніямъ, угрожаютъ неминуемою и тяжкою отвѣтственностью всякому сколько-нибудь серьезному нарушенію постановленій о печати; если судопроизводство по дѣламъ печати представляетъ по крайней мѣрѣ столько же гарантій для правительства, какъ и для печати,—то не въ правѣ ли мы придти въ тому общему выводу, что полное освобожденіе печати отъ предварительной цензуры и отъ карательной власти администраціи¹⁾, подчиненіе ея исключительно суду, соответствуетъ одинаково интересамъ правительства, общества и литературы? Мы считали бы себя счастливыми, если бы наша статья устранила или поколебала хотя одно изъ предубѣжденій, препятствующихъ желанной, необходимой реформѣ.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

¹⁾ За исключеніемъ развѣ сочиненій самыхъ небольшихъ по объему, самыхъ дешевыхъ по цѣнѣ.

ТЕОФАНЪ

И

ЕГО ПРОТИВНИКИ.

Теофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Т. IV. Спб. 1868. Стр. 750.

Дѣйствительное значеніе Теофана Прокоповича въ исторіи нашего общества до сихъ поръ не находило себѣ достаточнаго объясненія, а біографія его — достаточной разработкѣ въ нашей литературѣ. Весьма встаетъ потому является теперь обширная монографія г. Чистовича, посвященная вполне изученію дѣятельности одного изъ замѣчательныхъ сподвижниковъ Петра Великаго. Трудъ (или «статья») г. Чистовича заняла собою весь томъ IV академическаго «Сборника» и напечатана тамъ послѣ двукратнаго представленія его въ Академію наукъ; представленное въ первый разъ на демидовскую премію, въ рукописи, это изслѣдованіе было рассмотрѣно акад. Пекарскимъ, и г. Чистовичу присуждена была половинная премія; затѣмъ, оно было вновь пересмотрѣно г. Чистовичемъ, значительно дополнено отчасти по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ академической рецензіи, и вновь представлено на уваровскую премію, которая также была ему присуждена.

Г. Чистовичъ уже давно занимался временами Теофана и напечаталъ нѣсколько отдѣльныхъ статей, которыя включены имъ и въ эту книгу. Онъ собралъ множество матеріала, въ которомъ найдутся чрезвычайно характеристическія черты времени, рас-

крывающія смутный и сложный процессъ общественнаго развитія, начатаго реформой. Мы знали и до сихъ поръ, сколько въ этомъ процессѣ было тягостнаго и мучительнаго, съ какимъ трудомъ нововведенія реформы пролагали себѣ путь въ жизнь, и съ какимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ встрѣчала ихъ старина, представителями которой было огромное большинство народа. Книга г. Чистовича представляетъ цѣлый длинный рядъ рассказовъ по подлиннымъ документамъ, рядъ, обнимающій цѣлую область общественной жизни, гдѣ также шла эта отчаянная борьба, именно область церковныхъ отношеній: документы, напечатанные и пересказанные г. Чистовичемъ, появляются отчасти впервые въ печати и рисуютъ картину, нерѣдко поражающую своими мрачными подробностями даже читателя, знакомаго съ нравами нашего XVIII-го вѣка. Исторія «времени», излагаемая г. Чистовичемъ, нерѣдко представляетъ собой только исторію застѣнка, дыбы и кнута; борьба общественныхъ элементовъ и направленій рѣшается въ тайной канцеляріи. Авторъ имѣлъ полное право сосредоточить исторію этого времени около Теофана, потому что Теофанъ дѣйствительно былъ центральнымъ лицомъ времени въ этихъ церковно-общественныхъ отношеніяхъ, какъ потому, что онъ былъ наиболѣе выдающеюся личностью по своимъ талантамъ и разнообразной дѣятельности, такъ еще и потому, что противъ него именно направлялась непримиримая вражда приверженцевъ старины, наполняющая эту исторію.

Теофанъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго. Петръ узналъ его въ первый разъ въ 1706 г., и тогда уже обратилъ на него вниманіе; Теофанъ сопровождалъ Петра въ прутскомъ походѣ; въ 1715—16 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и только послѣдніе семь-восемь лѣтъ онъ былъ непосредственно близокъ къ императору и могъ служить его предначертаніямъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ съ первыхъ шаговъ приобрѣлъ чрезвычайную довѣренность Петра — онъ тотчасъ вошелъ въ его планы и исполнялъ ихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. «Нужно ли государю оправдать передъ народомъ и передъ свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, онъ поручаетъ Теофану написать *Правду воли монаршей*. Нужно ли оправдать отгѣну патриаршества и учрежденіе, вмѣсто него, коллегіальнаго синодальнаго правленія, и онъ поручаетъ Теофану написать это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравится въ народѣ лицемѣріе, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Теофанъ пишетъ по его порученію книгу противъ лицемѣровъ, съ изъясне-

ніемъ духа истинной христіанской набожности. Государя занимають раскольничкія дѣла: и Оеофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія въ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставилъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной каедрѣ ихъ пользы и значенія. Въ послѣдніе годы жизни Петръ рѣшается преобразовать монашество русское и самъ составляетъ планъ этого преобразованія. Оеофанъ изъясняетъ законность этого преобразованія изъ самой исторіи монашества и церковныхъ правилъ», и пр. (стр. 119). Эти труды производились обыкновенно при самомъ близкомъ участіи самого Петра, такъ-что это было въ настоящемъ смыслѣ слова сотрудничествомъ; Оеофанъ вообще умѣлъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понимать намѣренія и цѣли Петра, и выполнялъ ихъ чрезвычайно удачно. Правда, «говоря о духѣ (этихъ трудовъ), надо признаться съ сожалѣніемъ — прибавляетъ г. Чистовичъ, — что Оеофанъ примѣнялся къ произволу монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истиною царегуодливости» (стр. 119). Но, во-первыхъ эта угодливость есть такое обыкновенное явленіе у людей того положенія, какое занималъ Оеофанъ, что обвиненіе этого рода падаетъ на него вмѣстѣ съ неисчислимымъ множествомъ другихъ извѣстныхъ людей, показавшихъ и въ то время и послѣ еще меньше безкорыстія и любви къ правдѣ; во-вторыхъ, Оеофанъ имѣетъ за-себя оправданіе, какого не имѣютъ другіе царегуодники: если онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своей ревности, то по крайней мѣрѣ онъ дѣлалъ это въ томъ самомъ направленіи, которому вообще принадлежало его сочувствіе. Потому-то искренность его сочувствія къ реформаторской дѣятельности Петра не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: съ этимъ соглашается и самъ г. Чистовичъ: «къ чести Оеофана надо сказать—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — что *при противныхъ обстоятельствахъ онъ не перемѣнялъ своихъ убѣжденій*. При Екатеринѣ, Петрѣ II, и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ и при Петрѣ I» (стр. 576). Этого, кажется, довольно для тѣхъ временъ, когда противиться обстоятельствамъ было очень не легко. И дѣйствительно, характеръ Оеофана остается тотъ же: всѣ его собственныя помышленія, всѣ его стремленія и понятія — съ тѣхъ поръ, какъ вообще началась его дѣятельность — были направлены въ ту же самую сторону, въ какую направлялись при Петрѣ, на борьбу съ наслѣдованнымъ отъ дѣдовъ и отцовъ суевѣріемъ и невѣжествомъ, съ лицемеріемъ или изувѣрствомъ, на распространеніе здравыхъ понятій и утвержденіе правильной школы.

Этотъ послѣдній характеръ Оеофана выказался съ самаго пер-

ваго вступленія его въ практическую дѣятельность, когда, вернувшись изъ своего заграничнаго путешествія, онъ принять былъ въ кievскую академію, гдѣ былъ сначала учителемъ поэзіи и реторики, а потомъ профессоромъ богословія. Теофанъ получилъ свое образованіе въ школахъ католической, особенно въ римской іезуитской академіи, гдѣ онъ воспользовался всѣмъ запасомъ тогдашней католической учености; но католицизмъ не только не оказалъ на него ни малѣйшаго вліянія, какъ это бывало въ различной степени съ большинствомъ южно-русскаго ученаго духовенства, получившаго образованіе въ школахъ католическаго устройства; но напротивъ того, католицизмъ возбудилъ въ Теофанѣ самую ожесточенную ненависть. Біографія не достаточно объясняетъ, какимъ образомъ сложились научныя и богословскія понятія Теофана къ тому времени, когда мы встрѣчаемъ его преподавателемъ въ кievской академіи. Если его вражда къ католицизму могла отчасти происходить изъ коренной православной основы его понятій; то этимъ однимъ все-таки нельзя объяснить его цѣлаго научнаго и богословскаго характера. Въ богословіи, его авторитетами являются, при самомъ началѣ его ученой карьеры, писатели протестантскіе; ему знакомы общія философскія задачи времени и труды такихъ писателей, которыхъ никакъ не могла рекомендовать ему ни католическая школа, ни православныя убѣжденія — таковы Декартъ и Бэконъ, которыхъ онъ еще во время кievской службы читалъ съ своимъ пріателемъ Марковичемъ, авторомъ извѣстныхъ записокъ. Однимъ изъ любимыхъ его писателей былъ извѣстный въ свое время протестантскій теологъ Буддей. Въ развитіи его понятій очевидно дѣйствовало протестантское вліяніе; но происхожденіе и ходъ этого вліянія, какъ мы замѣтили, весьма недостаточно указаны, и даже почти вовсе не указаны біографіей ¹⁾. Какъ бы то ни было, поступивъ въ кievскую академію профессоромъ, Теофанъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ рядомъ съ ненавистью къ католицизму и положительную наклонность къ протестантской теологической наукѣ. Это совершенно естественно поставило его въ враждебное отношеніе къ существовавшему школьному порядку, устроенному подъ католическими вліяніями, и къ людямъ, которые воспитались въ этомъ порядкѣ и поддерживали его.

Г. Чистовичъ, упомянувъ объ этомъ вліяніи католичества на

¹⁾ Напр. на стр. 368 г. Чистовичъ называетъ президента Берлинской академіи наукъ, Данила Эрнеста Яблонскаго, «хорошимъ знакомцемъ Теофановымъ», но мы не находимъ объясненія того, гдѣ произошло или могло произойти это хорошее знакомство.

православную школу, опредѣляетъ характеръ русскихъ ученыхъ, получившихъ свое образованіе въ польскихъ іезуитскихъ училищахъ, такимъ образомъ:

«Какъ ни велика была любовь ихъ къ православной церкви и какъ ни сильно было желаніе принести посильную жертву на пользу ея—признаемъ въ нихъ самыя чистыя и святыя побужденія, которыми они проникнуты были во время своего образованія: — тѣмъ не меньше должно сознаться, что не всѣ они сохранили чистоту своего ученія, что нѣкоторые изъ нихъ прониклись духомъ католичества, увлеклись его учрежденіями, обрядами, обычаями и даже усвоили понятія, не совсѣмъ согласныя съ православнымъ догматомъ.» Авторъ припоминаетъ церковные споры и смуты конца XVII вѣка, споры между Лихудами и ихъ противниками — Сидвестромъ Медвѣдевымъ и другими о евхаристіи, и продолжаетъ:

«Явленіе это весьма понятно и весьма естественно. Какъ ни велика была въ русскихъ преданность къ церкви, но при недостаткѣ ученаго богословскаго образованія и *яснаго знанія вѣствъ пунктовъ* православнаго ученія трудно было уберечься отъ вліянія неправославныхъ понятій, особливо въ такихъ пунктахъ, которые не выдавались въ рѣзкой противоположности съ православнымъ ученіемъ. Съ другой стороны, іезуиты увлекали русскихъ, указывая имъ на общаго врага въ протестантствѣ, и отвлекали ихъ вниманіе отъ собственнаго несогласія съ восточною церковью. — Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что люди, самыя благонамѣренныя и преданныя своей церкви, незамѣтно пропитавшись духомъ католичества, заносили его съ собою въ русскія училища и въ русскую церковь» (стр. 35).

Взусы и наклонности Теофана, напротивъ того, шли въ другую сторону:

«Теофану Прокоповичу — говорятъ г. Чистовичъ—не нравились ни іезуитская наука въ схоластическомъ богословіи, ни католическая обрядность въ церковномъ богослуженіи и церковной практикѣ. Сдѣлавшись профессоромъ богословія, онъ выбралъ себѣ образцомъ не схоластическія Суммы (Summa Theologiae), а лютеранскія догматики Герарда, Голлазія, Квенштедта и другихъ, и проложилъ новую тропу русскому богословію. Уроки его идутъ *свѣтлой полосой* въ продолженіе всего XVIII вѣка въ нашихъ высшихъ училищахъ — кievской и московской академіяхъ. Тамъ и здѣсь скрещиваются и борются два метода и два направленія — схоластическое и Теофаново, и послѣднее наконецъ беретъ перевѣсъ. Его система вошла въ общее употребленіе въ

школахъ, хотя, разумѣется, не могла совершенно подавить схоластики» (стр. 37).

Г. Чистовичъ, въ сожалѣнію не разъясняетъ достаточно всего смысла этого различія и ограничивается указаніемъ факта. Между тѣмъ на этомъ различіи именно слѣдовало остановиться, потому что здѣсь и заключается внутреннее основаніе той роли, которую пришлось Теофану занять въ смутной исторіи тогдашней іерархіи и общественныхъ понятій, и основаніе той борьбы Теофана съ его противниками, описаніе которой занимаетъ большую часть книги г. Чистовича. Разница двухъ сторонъ состояла не только въ выборѣ между двумя схоластическими системами и не въ предпочтеніи тѣхъ или другихъ обычаевъ и формальностей церковной практики, какъ можетъ показаться читателю г. Чистовича, а въ цѣломъ характерѣ образа мыслей. Эта противоположность католическаго и протестантскаго элементовъ, входившихъ теперь въ русскую церковную жизнь и вступившихъ въ естественную борьбу, была важнымъ историческимъ моментомъ въ судьбѣ тогдашняго образованія. Вліяніе католико-схоластической школы, начавшееся въ XVI—XVII столѣтіи, было однимъ изъ первыхъ значительныхъ фактовъ, гдѣ старая до-петровская Россія подвергалась дѣйствію западно-европейской образованности. Этотъ процессъ начался естественно на югозападѣ, гдѣ онъ всего легче могъ начаться и по близкому сосѣдству и по извѣстнымъ церковнымъ обстоятельствамъ: на русскомъ югозападѣ шла тогда борьба православной церковности съ католицизмомъ и унией; первой нужно было сравняться съ послѣдними въ самомъ родѣ оружія, на которомъ шла эта борьба, и отсюда явилась необходимость въ усвоеніи схоластической школы. Съ югозапада вліяніе схоластической школы проникло въ XVII столѣтіи и въ Москву. Люди, державшіеся традиціонной церковности, сначала встрѣтили схоластическую школу очень враждебно; такъ встрѣчали тогда и всякую необычную новизну, а эта приходила еще изъ католическаго источника, крайне ненавистнаго древней Руси; но съ теченіемъ времени схоластическая школа пустила корни и въ Москвѣ, и утвердилась тамъ очень крѣпко. Это было довольно понятно, потому что, какова бы ни была эта школа сама по себѣ, она все-таки была въ извѣстномъ смыслѣ правильной школой и тѣмъ самымъ получала перевѣсъ надъ московской книжной ученостью стараго вѣва: эти московскіе ученые, если можно ихъ такъ назвать, были не что иное, какъ простые начетчики, у которыхъ не было никакихъ методическихъ свѣдѣній, и свойства которыхъ достаточно обнаружались въ исторіи библейскаго исправленія. Югозападные пришельцы доставили Москвѣ въ пер-

вый разъ правильное систематическое обученіе: это была старая западная схоластика, державшаяся въ католической школѣ со среднихъ вѣковъ.

Съ Теофаномъ является новая ступень вліяній европейской образованности, гораздо болѣе сильная по внутреннему содержанию и происходившая изъ протестантскихъ идей. Но этотъ новый элементъ встрѣченъ былъ еще съ большей враждой.

«До XVIII-го столѣтія—замѣчаетъ г. Чистовичъ — русская церковь благопріятнѣе смотрѣла на лютеранство, нежели на католичество; но съ этого времени начинается поворотъ въ пользу католичества». Это справедливо, въ томъ смыслѣ, что на лютеранство въ тѣ времена (до водворенія схоластики) смотрѣли благопріятнѣе только по общей враждѣ къ католицизму, а не потому, чтобы за протестантской идеей дѣйствительно признавали больше истиннаго, чѣмъ за католической. Въ протестантствѣ нравилась рѣзкая аргументація противъ папства (ненавистнаго и для русской церкви), нравилось отверженіе католической обрядности (многое въ ней возбуждало въ православныхъ отвращеніе, напр. церковная музыка), но сами по себѣ протестантскія церкви, въ сущности, были еще недоступнѣе и антипатичнѣе для православныхъ того времени, чѣмъ католицизмъ: въ самомъ дѣлѣ, отрицательная протестантская критика, нравившаяся какъ оружіе противъ католицизма—была бы также отрицательной, если бы была примѣнена и къ православію, и какъ скоро православнымъ представился бы случай увидѣть на дѣлѣ этотъ дѣйствительный смыслъ протестантства, они должны были возненавидѣть его если не больше, то по крайней мѣрѣ столькоже, сколько и католицизмъ.

И дѣйствительно мы видимъ, что когда католичество, въ видѣ своей схоластической школы, встрѣтилось на дѣлѣ, практически, съ православной школой, то, не смотря на все отвращеніе православныхъ къ католичеству, православная школа весьма легко подчинилась католико-схоластическому вліянію, и въ самую церковность проникли въ большой степени католическіе элементы. Оказалось, что схоластика, приноровленная къ старой средневѣковой церковности, представляла вслѣдствіе того извѣстные пункты соприкосновенія и съ церковностью православной. Но когда такимъ же образомъ, на дѣлѣ, стали примѣняться идеи, воспріятыя изъ протестантской школы, то оказалось, что эти идеи были одинаково невыносимы и для людей стариннаго московскаго образованія, и для людей, воспитавшихся въ югозападной схоластической школѣ. Если, по объясненію г. Чистовича, причиной уступчивости предъ католическими

вляніями былъ «недостатокъ ученаго богословскаго образованія и яснаго знанія всѣхъ пунктовъ православнаго ученія», то теперь оказалось, что и прежде болѣе благопріятное отношеніе къ лютеранству происходило изъ таковаго же недостатка. Но разочарованіе на этотъ разъ было гораздо тягостнѣе.

Оеофанъ былъ знакомъ съ протестантизмомъ совсѣмъ иначе. Онъ владѣлъ такимъ умомъ, его такъ мало можно было упрекнуть въ недостаткѣ ученаго богословскаго образованія (онъ былъ, безъ сомнѣнія, ученѣйшій русскій человекъ того времени), что у него необходимо предположить весьма сознательное отношеніе къ дѣлу. Въ то же время онъ имѣлъ случай вполне изучить католицизмъ, который онъ наблюдалъ въ самомъ его средоточіи, и возмимѣлъ къ нему крайнюю антипатію, даже ненависть. Протестантизмъ очевидно казался ему гораздо болѣе разумнымъ; протестантская критика должна была нравиться его сильному уму, а католическая схоластика, увлекавшая другихъ его современниковъ, должна была казаться смѣшной и нелѣпой. Мы именно полагаемъ, что не одни только первыя православныя основанія его воспитанія произвели въ немъ эту ненависть къ католицизму, и что ей должно было сильно содѣйствовать вліяніе протестантской литературы. Противники Оеофана уже вскорѣ стали взводить на него обвиненія въ лютерской и кальвинской ереси, и хотя онъ умѣлъ отдѣлаться отъ нихъ вполне успѣшно, эти обвиненія показываютъ однако, что его противники поняли, въ какомъ направленіи шла его мысль. Впослѣдствіи, Оеофанъ сталъ осторожнѣе (хотя и въ первое время, конечно, остерегался высказываться вполне), но и потомъ, и въ сочиненіяхъ его, и въ дружескихъ его связяхъ, остается та же общая черта: въ то время, какъ его противники наклонны защищать букву и форму, потворствовать суевѣрію или религіозному легковѣрію, преувеличивать значеніе монашества, стремиться къ патріаршеской теократіи, отвергать научную свободу мысли, и при этомъ не безъ охоты пользуются католическими писателями и ведутъ дружбу съ такими католиками какъ Рибейра (покрывая все это «защитой православія»), Оеофанъ относится съ особенной суровостью къ народнымъ вѣрованіямъ, какъ только они едва переступаютъ степень, допускаемую извѣстными правилами, легко жертвуетъ прежними обычными правами и привилегіями духовенства, признаетъ свободныя права науки (настолько, по крайней мѣрѣ, насколько ее допускали ученые протестанты) и водитъ дружбу съ петербургскими нѣмецкими учеными и съ протестантскими богословами въ Германіи. Ясно, что всѣ симпатіи его шли въ эту сторону.

Человѣкъ этихъ понятій былъ находкой для Петра, потому что самъ Петръ—хотя и высказывалъ известную осторожность въ церковныхъ дѣлахъ, сравнительно со всѣми другими—тѣмъ не менѣе и здѣсь имѣлъ несомнѣнно тѣже реформаторскіе планы. И дѣйствительно, въ средѣ тогдашняго духовенства не было другого человѣка, который бы съ такимъ умомъ схватывалъ планы Петра, и съ такой ревностью и отсутствіемъ всякихъ сословныхъ пристрастій и предразсудковъ исполнялъ ихъ, какъ Оеофанъ.

Его противники, безъ сомнѣнія, впередъ чувствовали, какую силу пріобрѣтетъ Оеофанъ и сколько вреда нанесетъ онъ ихъ интересамъ, когда Петръ вызвалъ его въ Петербургъ для посвященія въ епископы, и потому они поспѣшили обвинить его въ неправославіи; при этомъ они были такъ заботливы, что приготовили даже форму отреченія отъ ересей, которую Оеофанъ долженъ былъ подписать. Доносъ подкрѣпленъ былъ сильнѣйшимъ авторитетомъ этой партіи, Стефаномъ Яворскимъ. Оеофанъ, какъ мы упоминали, успѣлъ благополучно отдѣлаться отъ доноса, составленнаго грубо и опрометчиво; онъ долженъ былъ возненавидѣть своихъ противниковъ и въ послѣдствіи страшно отомстилъ имъ.

Мы не будемъ останавливаться на трудахъ Оеофана, совершенныхъ имъ въ исполненіе плановъ Петра Великаго: они обстоятельно изложены г. Чистовичемъ. Достаточно упомянуть, что «Духовный Регламентъ», первое составленіе котораго принадлежитъ Оеофану, совершенно оправдалъ опасенія его противниковъ и приверженцевъ старины. Новые порядки, которымъ Оеофанъ усердно служилъ не по одному царегугодничеству, но и по собственному искреннему убѣжденію, и которые онъ дѣйствительно, сколько могъ, защищалъ до конца своей жизни, эти порядки возбуждали крайнее неудовольствіе и въ духовенствѣ и вообще во всѣхъ людяхъ стараго вѣка. Оеофанъ могъ быть спокоенъ при жизни Петра; но тотчасъ послѣ его смерти, Оеофану пришлось выдержать опасную борьбу съ противниками, употребившими всѣ усилія для его низверженія и гибели.

Большая часть обширнаго сочиненія г. Чистовича занята изложеніемъ этой борьбы. Это изложеніе, собранное имъ главнымъ образомъ изъ документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ и въ архивѣ св. синода, включаетъ въ себѣ множество данныхъ, чрезвычайно характеризующихъ описываемое время, т. е. время съ послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго до конца царствованія Анны. Это—цѣлый рядъ процессовъ, исполненный ужасающихъ подробностей слѣдственной и

судебной процедуры въ тайной канцеляріи; Теофанъ является здѣсь въ новой, неожиданной роли — роли страшнаго инквизитора, который пускаетъ въ ходъ всѣ усилія своего ума на то, чтобы затянуть въ страшную сѣть своихъ противниковъ, а иной разъ и на то, чтобы самому не попасть въ эту же сѣть. Два главные пункта были основаніемъ этихъ процессовъ — недовольство церковной реформой, предпринятой Петромъ, и личность Теофана, который былъ живымъ представителемъ этой реформы. По смерти Петра, когда перестала дѣйствовать энергическая воля, приводившая все къ одному знаменателю, стала обнаруживаться сильная реакція, которая выражалась различными протестами противъ новыхъ порядковъ и стремленіями къ восстановленію патріаршества: для этого патріаршества предполагались уже и кандидаты. Теофанъ чувствовалъ, что для него начиналась борьба на жизнь и смерть: при тогдашнихъ нравахъ нельзя было ожидать пощады отъ враговъ, если бы имъ удалось взять верхъ, и чувство самосохраненія внушало Теофану, что тотъ же способъ дѣйствій онъ самъ долженъ принять относительно своихъ противниковъ, — не меньше возбуждало его къ этому и сильное честолюбіе, желаніе властвовать, которое развивалось въ немъ тѣмъ сильнѣе, что онъ сознавалъ свое личное превосходство надъ соперниками.

Опасность для Теофана открылась уже вскорѣ по смерти Петра. Несмотря на услугу, оказанную Теофаномъ Екатеринѣ при вступленіи ея на престолъ, положеніе его не было благопріятно, — ему грозила вражда съ Меншиковымъ, тогда всемогущимъ, и съ собственнымъ товарищемъ Теофана по синоду, епископомъ Георгіемъ Дашковымъ, которому покровительствовалъ Меншиковъ. Дашковъ между прочимъ мечталъ о патріаршествѣ и для этого желалъ свергнуть Теофана. Поводъ къ процессу найти было нетрудно: отыскана была неисправность въ епархіальномъ управленіи, и одинъ изъ подчиненныхъ Теофана былъ преданъ суду синода. Этотъ подчиненный былъ архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, сначала приверженецъ Теофана, а вскорѣ одинъ изъ злѣйшихъ доносчиковъ на него, не дававшій ему покоя всю жизнь. Маркеллъ былъ человекъ не безъ учености, и противники Теофана переманили его на свою сторону, чтобы имѣть въ немъ доказчика и ученаго полемиста противъ Теофана. Когда Маркеллъ былъ вызванъ къ суду, Теофанъ, предвидя, что Маркелла изберутъ какъ орудіе противъ него самого, употребилъ ловкій маневръ: едва подсудимому успѣли сдѣлать въ синодѣ только одинъ предварительный допросъ, какъ Теофанъ перевелъ его дѣло въ тайную канцелярію, сдѣлавши на него

доносъ въ государевомъ дѣлѣ. Въ тайной канцеляріи дѣло принимало совсѣмъ другой ходъ; Теофанъ надѣялся, что этимъ путемъ онъ легче совладѣеть съ своими недругами и не ошибся. Маркеллъ, между тѣмъ перешедшій на сторону его враговъ, сталъ обвинять самаго Теофана въ «церковныхъ противностяхъ», — отъ самого Теофана требовали отвѣтовъ, и онъ давалъ замѣчательные отвѣты! Ловко выпутываясь изъ обвиненій, не разъ бросавшихъ, хотя очень небольшую, по по тогдашнимъ временамъ очень опасную тѣнь на его церковно-гражданскую чистоту, Теофанъ умѣлъ воспользоваться самымъ обвиненіемъ, чтобы представить доносчика злѣйшимъ врагомъ церкви и государства, а въ особенности врагомъ священной особы его или ея величества. Доносы Маркелла Родышевскаго, который сталъ теперь орудіемъ враговъ Теофана, дали ему богатую добычу. Перенесши процессъ на почву «государева дѣла», сдѣлавши его достояніемъ тайной канцеляріи, гдѣ Теофанъ успѣлъ приобрѣсти друзей, онъ началъ инквизиторское истребленіе своихъ враговъ, и они не нашли въ немъ никакой пощады.

«Теофанъ — говоритъ г. Чистовичъ — великій умъ, государственный мужъ, первенствующій членъ синода, превратился въ агента преображенской канцеляріи, являясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ, но всегда необходимымъ ея членомъ. Надобно удивляться, какъ онъ не погибъ въ этомъ водоворотѣ честолюбій, доносовъ, интригъ, — въ водоворотѣ, который увлекъ Долгорукихъ, Меньшикова, Дашкова, Теофилакта и многое множество не столь замѣтныхъ лицъ» (стр. 202).

Дѣйствительно, Теофанъ обнаружилъ въ этихъ безконечныхъ процессахъ замѣчательную степень ужаснаго инквизиторскаго искусства, которое иной разъ умѣетъ дѣлать мнимую защиту религіи и порядка орудіемъ чистаго злодѣяства. Г. Чистовичъ говоритъ, что Теофанъ не можетъ найти оправданія этой своей дѣятельности; она и дѣйствительно не можетъ быть оправдана, особенно въ пастырѣ церкви, обязанномъ проповѣдовать братскую любовь и прощеніе обидъ. Эта жестокость преслѣдованія можетъ быть объясняема только тѣмъ, что таже участь досталась бы самому Теофану, если бы онъ не употребилъ этихъ средствъ противъ своихъ враговъ. Въ этихъ процессахъ наглядно выражается страшный характеръ времени, когда буквально оправдывалась пословица: «близъ царя — близъ смерти», завѣщанная старымъ опытомъ, когда самое отдаленное отношеніе къ «государеву дѣлу», одно слово, сказанное въ дружескомъ разговорѣ, одно замѣчаніе, даже скромное, о правительственной мѣрѣ могло.

погубить человѣка, и не его одного, а также и его друзей и знакомыхъ за «недонесеніе о государевомъ дѣлѣ». Теофанъ понималъ отлично эту свирѣпую сторону государственной полиціи, въ кодексѣ которой старыя преданія московскаго приказа тайныхъ дѣлъ соединялись съ казуистическими изобрѣтеніями нѣмецкихъ придворныхъ канцелярій. Пользуясь приемами этой процедуры, Теофанъ смѣло взводилъ на своихъ противниковъ обвиненія въ оскорбленіи величества, въ заговорахъ и въ намѣреніяхъ провозвести государственную смуту или бунтъ. Свергнувъ, прежде всего, своего перваго соперника, нѣкогда пользовавшагося большимъ расположеніемъ Петра, архіепископа Θεодосія, послѣдній ударъ которому былъ нанесенъ его доносомъ, Теофанъ обратился теперь противъ другихъ своихъ непріятелей, и жестоко преслѣдовалъ ихъ, какъ только находилъ средство привязаться къ нимъ.

Общее недовольство духовенства и ненависть специальныхъ враговъ Теофана не находили себѣ исхода подъ террористическимъ управленіемъ, и наиболѣе озлобленные прибѣгали къ послѣднему средству — подметнымъ письмамъ. Эти подметныя письма — которыхъ напечатано было нѣсколько въ послѣднее время — единственный возможный тогда способъ публицистики, были въ тѣ времена довольно рѣдкой вещью. Въ нихъ высказывалась вся та горечь и озлобленіе, которыя накапливались въ обществѣ отъ несправедливостей и притѣсненія, и которыхъ общество не имѣло возможности высказать никакимъ инымъ способомъ. Литература въ смыслѣ выраженія общественнаго мнѣнія не существовала; книга была возможна только въ видѣ панегирика, правительственнаго наставленія или въ видѣ осужденія того, что не нравилось правительству, — книга, тогда вообще явленіе очень рѣдкое, считалась дѣломъ государственной важности и появлялась вообще только съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ правительственныхъ властей, — не мудрено поэтому, что подметное письмо становилось единственнымъ средствомъ, какимъ могла высказаться оппозиція и недовольство, и чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ, вынуждавшій прибѣгать къ этому способу, тѣмъ ожесточеннѣе были нападенія подметныхъ писемъ. Понятно, что такое письмо становилось государственнымъ преступленіемъ, а эти преступленія карались страшными казнями; но казни однако не устрашали, и подметныя письма возставали противъ могущественнѣйшихъ лицъ иногда съ необузданной яростью. Теперь есть напечатанныя письма подобнаго рода противъ Петра, Меньшикова, и проч. Цѣлью такихъ писемъ сталъ теперь и Теофанъ. Въ подметныхъ письмахъ и въ прямыхъ доносахъ его изображали врагомъ пра-

вославія, челоуѣвомъ вреднымъ для государственнаго благосостоянія, злымъ вольнодумцемъ и пр. Теофанъ зналъ, изъ какаго лагеря шли нападенія и съ замѣчательнымъ искусствомъ разыскивалъ скрывавшихся авторовъ: его замѣчанія на допросы, которые велись въ тайной канцеляріи и сообщались ему, нерѣдко поразительны по этой инквизиторской пронизательности. Разыскивая сочинителей, онъ отыскивалъ цѣлыя кружки, напр. цѣлыя монастыри, наполненные его недоброжелателями, и уничтожалъ ихъ безъ всякаго милосердія.

Съ другой стороны противъ него направлялась и печатная полемика, когда этой полемикѣ удавалось пріобрѣсти позволеніе властей. Въ 1728 г. изданъ былъ, по стараніямъ Теофилакта, съ разрѣшенія правительства «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго, капиталнѣйшій трудъ партіи, враждебной Теофану. «Камень Вѣры», наполненный рѣзкими нападеніями на лютеранство, вызвалъ полемику въ нѣмецкой богословской литературѣ; на эту полемику приверженцы Стефана хотѣли отвѣчать своими возраженіями. Имя Теофана съ самаго начала замѣшалось въ эту борьбу, потому что его считали авторомъ или участникомъ тѣхъ протестантскихъ нападеній на эту вѣпгу, какія печатались въ Германіи. Теофилактъ Лопатинскій, писавшій возраженіе, счелъ нужнымъ заpastись разрѣшеніемъ отъ двора на этотъ трудъ; но Теофанъ нашелъ нужнымъ остановить это разрѣшеніе, и полемика православнаго писателя противъ лютеранскаго теолога передѣлана была усердіемъ Теофана въ государственное преступленіе. Къ ней припутано было много другихъ лицъ, и богословскій вопросъ кончился въ тайной канцеляріи. Теофилактъ испыталъ жестокое гоненіе, которое кончилось уже въ другое царствованіе — только въ послѣдніе дни его жизни.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой исторіи и другихъ подобныхъ, которыя достаточно пересказаны въ книгѣ г. Чистовича. Достаточно сказать, что все это время было едва ли не самымъ ужаснымъ временемъ въ судьбахъ русской іерархіи по тѣмъ преслѣдованіямъ, какія пришлось испытать ея членамъ: лица, стоявшія на вершинѣ этой іерархіи, митрополиты, архіепископы и епископы, какъ Θεодосій, Георгій Дашковъ, Теофилактъ Лопатинскій, Платонъ Малиновскій, Игнатій Смола, множество архимандритовъ и іеромонаховъ, лишаемы были монашества, подвергаемы истязаніямъ въ тайной канцеляріи, ссылаемы въ Соловки, въ Нерчинскъ и Якутскъ, умирали въ страшныхъ тюрьмахъ...

Какой же былъ смыслъ этой непримиримой и безчеловѣчной

вражды относительно самого общества и его умственныхъ и религиозныхъ интересовъ?

Въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія авторъ касается этого предмета, говоря о «Камнѣ Вѣры» и полемикѣ вызванной имъ: съ одной стороны, явился «Молотокъ на Камень вѣры», обвинявшій Стефана въ католичество и иезуитствѣ, съ другой опроверженіе «Молотка», обвинявшее враговъ Стефана въ лютеранствѣ. Мы видѣли выше, что около этого вертятся всѣ церковныя споры, всѣ возраженія, доносы, подметныя письма и т. д., однимъ словомъ, рѣчь идетъ о капитальномъ пунктѣ религиозныхъ мнѣній того времени. Изложивъ содержаніе этой полемики по поводу «Камня Вѣры», г. Чистовичъ указываетъ въ ней большія крайности и преувеличенія и заключаетъ:

«Вообще, оба протѣвника вдалились въ крайности. Авторъ «Молотка» несправедливо укоряетъ Стефана и единомысленныхъ съ нимъ пастырей въ католичество и въ намѣреніи ввести католическіе элементы въ русскую церковь. Защитники Стефана столько же несправедливо укоряютъ протестантствомъ другихъ русскихъ пастырей, враждебно относившихся въ католичеству, католичесво-богословской наукѣ и *чрезмѣрному, доходившему до суевѣрія, уваженію къ внѣшней набожности, насчетъ живой вѣры и сообразной съ нею жизни.* Это взаимное *недоразумѣніе* длится *черезъ всю эпоху борьбы* двухъ направленій, начавшуюся съ реформами Петра и продолжавшуюся въ продолженіе *всей первой половины* прошлаго столѣтія. Но ни та, ни другая сторона не выражала, или *не была представительницею* собственно *народныхъ* стремленій. Мнѣнія автора Молотка раздѣлялись всѣми *знатными иностранцами* въ Россіи, съ Остерманомъ во главѣ. Возраженія протѣвника его, *находя себя поддержку* въ раздраженіи *народа* противъ реформы вообще и противъ преобладанія иностранцевъ въ особенности, не выражали собою убѣжденій и дѣятельно выработанныхъ понятій *цѣлаго народа*, а были возраженіемъ *возрѣній* только *той части* его, которая пассивно шла по избитой тропѣ жизни и возмущалась всякимъ нарушеніемъ ея покоя, какъ бы оно ни было законно въ виду дальнѣйшаго развитія народа» (стр. 407).

Эта страница, одна изъ немногихъ, посвященныхъ авторомъ собственно критико-историческому опредѣленію описываемой имъ эпохи,—эта страница, гдѣ онъ сводитъ всю ту ужасную борьбу, описаніе которой занимаетъ большую половину его книги, въ одному *недоразумѣнію* (это слово подчеркнута самимъ авторомъ), исполнена сама, по нашему мнѣнію, крайнихъ недоразумѣній.

Если эта борьба, продолжавшаяся цѣлое полу-столѣтіе, за-

нимавшая столько умовъ въ средѣ класса, болѣе или менѣе образованнаго, унесшая столько кровавыхъ жертвъ, была только однимъ недоразумѣніемъ, то надо было бы сильно опечалиться за исторію нашего общественнаго развитія, въ которомъ возможны такія *недоразумѣнія*. Но исторія даетъ здѣсь по крайней мѣрѣ то печальное утѣшеніе, что нивакого недоразумѣнія не было, потому что два направленія, боровшіяся одно противъ другого, имѣли свои опредѣленные пункты разнорѣчія, которые въ другихъ случаяхъ очень хорошо видитъ и самъ авторъ. Правда, ни одно изъ этихъ направленій не имѣло дѣйствительнаго плана вводить настоящее католичество или протестантство, и слѣдовательно ни то, ни другое не могло быть названо настоящимъ католичествомъ или настоящимъ протестантствомъ, — но, тѣмъ не менѣе характеристическія отличія этихъ направленій вовсе не безъ основанія опредѣлялись тогда этими названіями: названія были съ обѣихъ сторонъ преувеличенныя, но сущность дѣла была указываема вѣрно. Довольно указать на «чрезмѣрное, доходившее до суетвѣрія, уваженіе къ внѣшней набожности», противъ котораго вооружались пастыри, обвинявшіеся въ протестантствѣ, и которое гораздо больше поощрялось пастырями другого направленія. Мы приведемъ дальше изъ самой книги г. Чистовича рядъ фактовъ, которые весьма достаточно укажутъ смыслъ борьбы. Что касается до того, была или не была которая нибудь изъ двухъ сторонъ представительницей «собственно народныхъ стремленій», то авторъ, кажется намъ, и здѣсь впадаетъ въ значительное недоразумѣніе. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ намъ, въ чемъ собственно онъ считаетъ эти народныя стремленія, и въ чемъ съ ними расходились два, описываемыя имъ направленія, — такъ что мы лишены возможности ясно представить себѣ его мысль.

Намъ кажется, что въ этомъ и подобныхъ случаяхъ вообще довольно мудро искать, чтобы извѣстное направленіе могло представлять собой «собственно народныя стремленія».

Начать съ того, что если говорить о чисто-*богословской полемикѣ*, то она естественно стояла внѣ собственно народной жизни и степени умственнаго развитія: это была учено-богословская сфера, доступная только людямъ, прошедшимъ извѣстную шкolu. Число такихъ людей въ тѣ времена было весьма ограниченное, и если бы даже какая-нибудь категорія этихъ людей и была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ «народными стремленіями» и предана имъ, то вступая въ эту учено-теологическую борьбу, они все-таки должны были отдалиться отъ собственно народной массы въ сферу, для нея недоступную. Эта масса была

очень благочестива, но ея религиозныя понятія были развиты очень мало, и споръ двухъ направлений, его предметъ и способъ аргументаціи, превышалъ средства ея умственнаго развитія.

Довольно неожиданно и то положеніе автора, будто мнѣнія автора «Молотка» раздѣлялись (только?) *вѣстами знатными иностранцами* въ Россіи. Во-первыхъ, *всѣ* иностранцы, вѣроятно, очень мало интересовались русскими церковными дѣлами, и приписывая имъ такое участіе къ «Молотку», авторъ во всякомъ случаѣ этимъ ничего не объясняетъ. Во-вторыхъ, не знаемъ, почему авторъ забываетъ о самомъ Теофанѣ, который также долженъ былъ сочувствовать «Молотку», потому что похвалы Петру и его дѣйствіямъ по церковному управленію совершенно совпадаютъ съ мнѣніями Теофана. Да и Теофанъ былъ, конечно, не единственный человѣкъ въ русскомъ обществѣ, мнѣнія котораго склонялись въ эту сторону. По словамъ автора въ другомъ мѣстѣ, Теофанъ «былъ душою небольшого кружка лицъ, которыя вводили въ общество новыя образовательныя начала и прокладывали ему новые пути» (стр. 607). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что люди этого кружка (какъ Татищевъ, Кантемиръ и др.) должны были въ очень сильной степени раздѣлять мнѣнія, которыя называли тогда лютеранскими.

Наконецъ, если уже авторъ хочетъ говорить о «народѣ», и его стремленіяхъ, то народъ есть весьма сложное цѣлое, состоящее изъ группъ, очень не сходныхъ по своимъ стремленіямъ, особенно религиознымъ; такъ одна огромная группа увлечена своими стремленіями въ разнообразныя формы раскола, — формы эти, конечно, также «народныя». Такимъ же образомъ, въ царствованіе Петра, протестантскія идеи заходили и въ народную среду: мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ еретиковъ, набравшихся въ сильной степени «лютерскаго и кальвинскаго» духа, и хотя эти еретики были истреблены и распространеніе ереси остановлено, тѣмъ не менѣе они представляютъ очень любопытное (до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще мало изслѣдованное) явленіе, потому что ересь иногда сильно распространялась, увлекала даже людей духовнаго сословія, и худо ли, хорошо ли поступали эти еретики, они принадлежали къ народу. Сопоставляя эти факты — сочувствіе образованныхъ людей къ церковнымъ реформамъ Петра Великаго и появленіе протестантскихъ еретиковъ въ средѣ народа — мы точнѣе поймемъ тотъ объемъ, каковой имѣли въ обществѣ идеи направленія, враждебнаго «Камню Вѣры».

Наконецъ, обращаясь къ фактамъ, описаннымъ въ самой книгѣ г. Чистовича, и къ его собственнымъ разсужденіямъ, мы

увидимъ, что несогласіе Теофана съ его противниками и происшедшая отсюда озлобленная вражда, имѣли слишкомъ широкое общественно-религіозное основаніе, которое странно было счесть «недоразумѣніемъ», и которое именно имѣло большое «народное» значеніе, въ настоящемъ обширномъ смыслѣ этого слова. Старался объяснить безпокойный, неуживчивый характеръ своего героя, внушавшаго къ себѣ такую ненависть и нерѣдко отталкивавшаго даже самыхъ друзей, г. Чистовичъ указываетъ причины озлобленія противъ него, которыя и по нашему мнѣнію были настоящія причины этого озлобленія:

«Нѣтъ сомнѣнія — говоритъ онъ — что причину раздраженія, которое Теофанъ всюду возбуждалъ противъ себя, была *разность его принциповъ* съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался (именно!) — — Видншимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Теофана (т. е., для всѣхъ тѣхъ, чье раздраженіе не происходило отъ чисто-личныхъ столкновеній и неудовольствій) въ неудовольствію противъ него были тѣ *нововведенія*, въ которыхъ онъ былъ *главною дѣйствующею причиною* и которыя *стали наперекоръ* старому привычному теченію жизни».

Авторъ, конечно, не совсѣмъ точно назвалъ Теофана главною дѣйствующею причиною нововведеній, потому что главною причиною (въ этомъ тѣсномъ смыслѣ) все-таки былъ Петръ, — но затѣмъ остальное совершенно справедливо: Теофану все-таки принадлежитъ очень многое въ этихъ нововведеніяхъ, и онѣ дѣйствительно стали наперекоръ старому порядку вещей, — и этого было совершенно достаточно, чтобы сдѣлать Теофана предметомъ ненависти для приверженцевъ стараго порядка.

Г. Чистовичъ указываетъ дальше эти нововведенія.

«Самымъ важнымъ изъ нихъ была *замѣна патріаршества синодомъ*. Не Теофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи государя — организовалъ синодъ и составилъ для него уставъ. Съ канонической точки зрѣнія патріаршая и синодальная формы церковнаго правленія равно законны; но на сторонѣ народа и духовенства была *вѣковая привычка* къ одноличному управленію въ церкви. Казалось, что съ уничтоженіемъ патріаршества церковь теряла свое достоинство и лишалась представителя. — Въ частности уничтоженіе патріаршескаго званія неприятно было для монашествующихъ, изъ среды которыхъ избирался патріархъ. Какъ патріаршеское званіе давало почетъ всему монашескому сословію, такъ уничтоженіе его лишало цѣлое сословіе этого почета (и проч.).

«Сочиненный Теофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и сената, утвержденный государемъ уставъ духовной коллегіи, подъ названіемъ «Духовнаго Регламента», затрогивалъ *самыя чувствительныя и больныя стороны* въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житій святыхъ, чудесъ, акаѳистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія синода, закрытіе часовенъ, запрещеніе ходеній по домамъ съ иконами—все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ.

«Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Теофана — Но Теофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился въ прежнимъ формамъ церковной жизни съ *несдерживаемою ироніею, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ*, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ» (стр. 572—574).

Такимъ образомъ, если, по словамъ самого г. Чистовича, Теофанъ разнился въ принципахъ съ большинствомъ, если этими своими принципами и дѣйствіями онъ шелъ наперекоръ старому теченію жизни, нарушалъ вѣковую привычку, затрогивалъ самыя чувствительныя и больныя стороны въ жизни народа и духовенства, то едва ли можно сказать, что все его разногласіе съ традиціонной жизнью, и всѣ его ожесточенные споры съ ея представителями были однимъ недоразумѣніемъ. Напротивъ того, это было самое серьезное и существенное разногласіе.

Авторъ, повидимому, опасался, что, признавши всю обширность этого разногласія (вытекающую и изъ его собственныхъ выраженій), ему придется признать въ Теофанѣ тѣ лютеранскія наклонности, въ которыхъ обвиняли его противники. Вѣрный своему «недоразумѣнію», авторъ рѣшительно отвергаетъ всякую мысль объ этомъ.

«Недовольные этими нововведеніями — говоритъ онъ — взвели на Теофана обвиненіе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствій—совращеніемъ русской церкви въ лютеранство. Но самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православної церкви» (стр. 574).

Г. Чистовичъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ Теофанъ отвѣчалъ на обвиненія въ лютеранствѣ, и находитъ отвѣты удовлетворительными. Онъ усиленно утверждаетъ, наконецъ, что и въ мысляхъ Теофана не было чего-либо неправославнаго:

«Могутъ возразить — говорить онъ — что Теофанъ высказывалъ свои настоящія убѣжденія при разныхъ случаяхъ, въ разговорахъ съ разными лицами, которые и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ, но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденія, когда, по доносу Марвелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть такъ, но могло быть и не такъ. Когда кого обвиняютъ въ недостаткѣ или неисправности убѣждений *на какой-нибудь счетъ*, и когда обвинитель выдаетъ за вѣрное, что обвиняемое имъ лицо именно такъ думаетъ, какъ онъ доноситъ, а послѣднее говоритъ, что оно думаетъ совсѣмъ не такъ, и кромѣ открытаго выраженія своихъ убѣждений, указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ на всѣмъ видимые и всѣмъ извѣстные факты, то кому изъ нихъ вѣрить? Безпристрастіе должно расположить скорѣе въ пользу обвиняемаго, нежели въ пользу доносчика и обвинителя. Стоитъ прочесть заключеніе оправдательной записки Теофана, чтобы убѣдиться въ искренности его оправданій и чистотѣ его убѣждений. А если еще открывается, что побужденія у доносчика были несовсѣмъ чисты и что его доносы выходили не изъ ревности о вѣрѣ и благѣ церкви, а изъ угожденія врагамъ обвиняемаго лица: то по безпристрастному суду они лишаются всей своей силы» (стр. 575—576).

Эти разсужденія опять довольно странны. Авторъ какъ-будто полагаетъ, что ему нужно разбирать вопросъ о лютеранствѣ Теофана съ нынѣшней юридическо-богословской точки зрѣнія. Рубоводясь нынѣшними, болѣе просвѣщенными богословскими понятіями, авторъ защищаетъ Теофана отъ обвиненій въ лютеранствѣ; онъ забываетъ только, что этихъ понятій не было въ началѣ XVIII-го вѣка, и что въ тѣ времена большинство, изъ мнѣній котораго и составлялось представленіе о лютеранствѣ Теофана, это большинство думало совсѣмъ не такъ. Разсуждая о значеніи Теофана *въ его время*, мы именно и должны обратить вниманіе на это обстоятельство, потому что историческій вопросъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить значеніе идей Теофана относительно его эпохи: онѣ важны для насъ, какъ фактъ умственнаго развитія времени. Если, въ юридическомъ смыслѣ, мы не имѣемъ права — какъ полагаетъ авторъ — раскапывать внутреннія помышленія писателя или мыслителя и обвинять его за нихъ, то въ историческомъ для насъ именно важно понять ихъ во всемъ ихъ объемѣ и опредѣлить ихъ относительно къ господствовавшимъ понятіямъ большинства. Съ этой стороны дѣло можетъ представляться совсѣмъ иначе.

Что Теофану не одинъ разъ случалось замаскировывать свои

настоящія мысли, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. «Изворотливость» ума Теофанова, которую и самъ авторъ указываетъ, между прочимъ обращалась и на это маскированье. Въ дружескихъ разговорахъ ему случалось, конечно, высказывать свои настоящія мысли, но когда его слова переносились въ тайную канцелярію, и когда эта инквизиція требовала у него отвѣта, то понятно, что онъ всячески старался дать своимъ словамъ самое невинное толкованіе и ограничивать ихъ смыслъ. Этого невозможно не замѣтить въ нѣсколькихъ отвѣтахъ, которые ему пришлось писать по случаямъ подобнаго рода. Вопросъ шель здѣсь не вообще объ убѣжденіяхъ «на какойнибудь счетъ», а на такой счетъ, который въ то время былъ счетъ очень опасный, и когда доносчикъ ловилъ Теофана на словѣ, Теофанъ естественно долженъ былъ стараться умалить значеніе слова и свести его на чтонибудь совсѣмъ неважное. Такъ онъ усиленно разъясняетъ, что онъ только вообще говорилъ о «малконтентахъ» (людяхъ, недовольныхъ правительствомъ), когда его обвиняли въ томъ, что онъ высказывалъ недозволительныя мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ; или, когда его обвиняли, что онъ не вѣритъ чудесамъ святыхъ, — «мнѣ-де книга критика вѣритъ не велить», — онъ не отвергаетъ своихъ словъ, но замѣчаетъ, что-де «лицемѣры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть». Но едва ли можно сомнѣваться, что какъ въ первомъ случаѣ онъ немного проговорился, такъ и во второмъ онъ ссылался на «книгу критику» не въ такомъ только скромномъ смыслѣ, какъ говорилъ въ своемъ отвѣтѣ, — это заставляетъ думать самый выборъ выраженія. — Что касается до того, что у доносчика были нехорошія побужденія и не было ревности о вѣрѣ, то объ этомъ авторъ кажется совсѣмъ напрасно говорить, потому что это не измѣняетъ дѣла: если доносчикъ не былъ вполне правдивъ въ обвиненіи, то не былъ вполне правдивъ и Теофанъ въ отвѣтахъ; если доносчикъ не показалъ ревности къ вѣрѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, то странно было бы и въ Теофанѣ считать ревностью къ вѣрѣ его кровожадное истребленіе своихъ враговъ. Наконецъ, исторически несправедливо сказать, будто обвиненія въ лютеранствѣ на Теофана шли только отъ доносчиковъ, какъ Маркелль Родышевскій, дѣйствовавшихъ по нечистымъ побужденіямъ; авторъ забываетъ о людяхъ какъ Теофилактъ Лопатинскій, которыхъ онъ самъ не заподозривалъ и которые чувствовали къ мнѣніямъ и дѣйствіямъ Теофана такую же антипатію.

Мы останавливаемся на этихъ разсужденіяхъ автора потому, что изъ-за нихъ отъ него скрывается историческая сущность дѣла. Вопросъ о православіи или лютеранствѣ Теофана стоитъ

въ историческомъ смыслѣ совсѣмъ иначе. Г. Чистовичъ усиливается доказать его православіе съ *нынѣшней* точки зрѣнія, между тѣмъ какъ для исторической оцѣнки Теофана нужно вспомнить именно *тогдашнюю* точку зрѣнія, или иначе, вмѣсто отвлеченнаго понятія о православіи должна быть поставлена *историческая* форма его,— и тогда дѣло представится совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Отвлеченно говоря, мы можемъ принимать неизмѣнность православія, какъ постоянной традиціи извѣстныхъ основныхъ догматовъ, но историческое православіе въ различное время было весьма различно, смотря по различію общаго уровня умственнаго развитія, потому что въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ въ жизни оно неизбѣжно подчинялось вліянію господствующихъ вообще понятій. Въ этомъ смыслѣ оно имѣетъ такую же исторію, какъ всякая другая общественная идея или учрежденіе; съ каждымъ вѣкомъ характеръ его мѣнялся, оно подвергалось вліянію обстоятельствъ и лицъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Понятія XVII-го вѣка въ этой области въ эпоху Теофана отживали свое время; ихъ должны были смѣнить другія, болѣе сообразныя съ тѣмъ образованіемъ, которое начинало проникать въ русское общество съ реформой. Теофанъ былъ именно тѣмъ челоѣкомъ, который хотѣлъ положить конецъ одному періоду и начать другой; понятія его самого уже совершенно разошлись съ этимъ первымъ періодомъ, и отсюда объясняется ожесточенная вражда противъ него со стороны приверженцевъ старины.

Намъ нѣтъ нужды и совершенно бесполезно разбирать, до какой степени Теофанъ могъ подлежать прямымъ обвиненіямъ въ лютеранствѣ, какія на него ввозились; мы согласимся признать,—какъ настаиваетъ г. Чистовичъ,—что въ своихъ сочиненіяхъ онъ не написалъ ничего, противнаго позднѣйшему православному богословію,—но для насъ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что если это можно допустить по нынѣшнимъ понятіямъ, то по *тогдашнимъ* понятіямъ огромнаго большинства обвиненіе его въ лютеранствѣ было совершенно возможно. Современники хорошо чувствовали ту критическую силу, которая вмѣшивалась теперь въ ихъ «вѣковыя привычки», и относительно ея у нихъ не было ни малѣйшаго недоразумѣнія, потому что всякое прикосновеніе этой силы отзывалось въ нихъ болѣзненно, потому что нарушало простодушное, нерассуждающее, часто фанатическое вѣрованіе. Желая опредѣлить свойства и происхожденіе этой новой силы, противники Теофана вовсе не безъ основанія обозначали ее какъ лютеранство, потому что критика Теофана несомнѣнно имѣла научно-протестантское происхожденіе.

Итакъ, сводить все это на одно недоразумѣніе, значить не

понять историческаго смысла этихъ событій. Русской церкви конечно еще не грозило лютеранство (современники говорили объ этомъ или съ перепугу, или только для усиленія своихъ доносовъ); но въ церковномъ отношеніи происходила такая же реформа, какая шла въ другихъ отрасляхъ національной жизни. Петръ, исходя изъ своихъ преобразовательныхъ стремленій вообще, Теофанъ, исходя изъ понятій тогдашней науки и протестантской теологіи, самымъ рѣшительнымъ образомъ не сочувствовали многимъ формамъ старой церковной жизни, именно тѣмъ, которыя они считали способствующими религиозной исключительности, сословнымъ притязаніямъ духовенства, и обскурантизму и народному суевѣрію. Это совершенно ясно изъ всего того, что мы знаемъ о религиозныхъ мнѣніяхъ Петра и Теофана. Противъ нихъ возставали, во-первыхъ, люди, слѣпо привязанные къ старинѣ, православные стараго закала и раскольники; во-вторыхъ, люди съ католико-схоластическими вкусами, потому что, по самой сущности католической схоластики, которою они напитались, имъ столько же были неприяты упомянутыя стремленія Петра и Теофана.

Такимъ образомъ, это былъ полный интереса моментъ въ исторіи нашего общественнаго образованія. Это была встрѣча старыхъ традицій русской жизни съ европейскими вліяніями, вслѣдствіе петровской реформы и рядомъ съ ней; это было первое сильное столкновеніе, происшедшее въ умственной области, и здѣсь оно естественно завязалось на религиозныхъ вопросахъ, потому что до тѣхъ поръ въ этой именно религиозной сферѣ и совершалась умственная дѣятельность, каковую только знала старая русская жизнь. Теофанъ былъ вполне человекомъ петровской реформы, — онъ явился такимъ и въ церковныхъ вопросахъ, потому на него и направилась вся вражда людей, защищавшихъ старыя преданія. Длинная, тяжелая исторія доносовъ, преслѣдованій, истязаній, далеко не была слѣдствіемъ одного личнаго честолюбія Теофана и его противниковъ; въ основѣ ея лежалъ глубокой раздоръ двухъ различныхъ историческихъ періодовъ.

Наконецъ, мы упоминали и о томъ мнѣніи г. Чистовича, будто бы во всей этой борьбѣ «народныя стремленія» оставались совсѣмъ въ сторонѣ. Было бы очень жаль за дѣятельность Теофана, да и за дѣятельность самого Петра, если бы дѣйствительно ихъ труды не имѣли ничего общаго съ народными стремленіями, — но авторъ, утверждая это относительно Теофана, взводитъ на него совершенную напраслину, какъ было бы напраслиной сказать это и относительно всей реформы. Слово «народный», которое теперь такъ часто употребляется встать и

не встать, вверивъ и вкось, должно быть употребляемо съ нѣкоторой осмотрительностью. Если авторъ, говоря о народныхъ стремленіяхъ, разумѣлъ массу народа, такъ называемый простой народъ, и хотѣлъ сказать, что стремленія Оеофана не сходились съ стремленіями простого народа, — онъ сказалъ бы правду, потому что большинство простого народа не могло сочувствовать многимъ мѣрамъ Оеофана, — свидѣтельствуванію (т. е. заподозриванію подлинности чудесъ) мощей, запрещенію строить церкви безъ спросу, строгостямъ противъ монастырей и т. п. Но если авторъ хотѣлъ сказать, что стремленія Оеофана были чужды стремленіямъ народа въ обширномъ смыслѣ, образовательнымъ стремленіямъ цѣлой націи, — то онъ сказалъ совершенную неправду, и сдѣлалъ самую большую историческую ошибку, какую только могъ сдѣлать въ своемъ трудѣ. Дѣятельность Оеофана, какъ мы нѣсколько разъ говорили, была только одной струей въ общей преобразовательной дѣятельности Петра, и въ этомъ смыслѣ Оеофанъ долженъ подпадать тому же сужденію, какое мы сдѣлаемъ о Петрѣ. Если только мы признаемъ въ русскомъ народѣ прогрессивныя стремленія (а не признавать ихъ значить не видѣть будущаго для русскаго народа), то Оеофанъ, какъ сподвижникъ Петра, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей прогрессивныхъ народныхъ стремленій въ первой половинѣ XVIII-го вѣка.

Насколько изслѣдованіе г. Чистовича богато фактами для внѣшней исторіи Оеофана, въ особенности фактами относительно его борьбы съ своими противниками при посредствѣ тайной канцеляріи, настолько оно бѣдно дѣйствительнымъ историческимъ изслѣдованіемъ внутренняго смысла описываемыхъ событій. Трудъ автора по большей части былъ только трудъ собирателя: получивъ доступъ въ государственный архивъ, въ архивъ св. синода и т. д., онъ положилъ, безъ сомнѣнія, много тяжелой работы на чисто архивныя розыски и прилежно перечиталъ и списалъ найденные тамъ процессы, но затѣмъ весь этотъ матеріалъ такъ и остался сырымъ матеріаломъ. Свои выписки г. Чистовичъ приводитъ въ книгѣ весьма щедро, иногда только для связи вставляя нѣсколько словъ, наконецъ выписываетъ и документы, уже напечатанные. Эти выписки, конечно, любопытны почти всегда, но имъ принято отводить мѣсто въ приложеніяхъ, чтобы не отягощать читателя безпрестанными перерывами изложенія, и взамѣнъ того дать мѣсто для историческихъ изысканій и объясненій самого

автора; но именно этого послѣдняго авторъ даетъ всего меньше, или даетъ такія, которыя способны спутать историческое пониманіе описываемой эпохи.

Этотъ недостатокъ довольно впрочемъ понятенъ. Матеріалы, которые иногда становятся доступны въ настоящее время нашей исторической литературѣ, бывають нерѣдко столько интересны, что историку немудрено завлекаться ими и считать свое дѣло сдѣланнымъ, если онъ сообщитъ читателю эти матеріалы въ томъ же сыромъ видѣ, въ какомъ самъ ихъ нашелъ, и свяжетъ ихъ только внѣшнимъ, элементарнымъ сопоставленіемъ. Академическая рецензія замѣтила этотъ крупный недостатокъ въ сочиненіи г. Чистовича, но все-таки указала не довольно ясно и настоятельно, такъ-что когда г. Чистовичъ представилъ свое сочиненіе вторично на академическую критику, этотъ недостатокъ остался далеко не исправленнымъ. Во второй академической рецензіи на книгу г. Чистовича, мы читаемъ: «Въ настоящее время, по скудости подобнаго рода матеріаловъ, нельзя никакъ сѣтовать на то, что въ томъ или другомъ изслѣдованіи являются болѣе или менѣе обширныя выписки изъ рукописей. Эти выписки *всегда* *тѣрнѣе и лучше* даютъ понятіе о духѣ времени и настоящемъ характерѣ лицъ и событій, чѣмъ *соображенія и доводы* позднѣйшихъ изслѣдователей, не столько знакомыхъ съ *наукою исторіи*, сколько смѣлыхъ въ своихъ предположеніяхъ, отчего они и впадаютъ на каждомъ шагу въ ошибки и промахи», etc. Первая фраза совершенно справедлива; вторая подаетъ поводъ къ недоразумѣнію, будто «наука исторіи» состоитъ только въ накопленіи такихъ напр. выписокъ, какими преисполнена книга г. Чистовича. Выписки конечно важны, во-первыхъ, какъ первый матеріалъ, который вообще дѣлаетъ возможной какую нибудь исторію; во-вторыхъ, въ самомъ изложеніи они могутъ сообщать разсказу большую наглядность, колоритъ мѣста и времени,—но смѣшивать собраніе выписокъ съ «наукою исторіи» едва ли основательно. Выписки легко могутъ разрушать соображенія изслѣдователей о частныхъ фактахъ и подробностяхъ, если выписываемые матеріалы не были прежде извѣстны никакому изслѣдователю или не были для него доступны,—но наука исторіи не ограничивается же собраніемъ выписокъ, и самый громадный наборъ ихъ точно также не составитъ исторіи, какъ напр., куча брусевъ или кирпича, даже очень большая, не составитъ дома или даже избышки. Для исторіи факты необходимы какъ для статистики необходимы цифры; но исторія становится дѣйствительной исторіей только тогда, когда отыскиваетъ внутренній смыслъ въ цѣлыхъ рядахъ фактовъ, ихъ связь и соотношеніе; статистика становится дѣйствительной наукой,

когда старается опредѣлить значеніе своихъ цифръ, свести ихъ въ теоретическій законъ.

Обративъ все вниманіе на сборъ внѣшнихъ фактовъ и на анекдотическую сторону своей исторіи, г. Чистовичъ оставилъ совсѣмъ безъ изслѣдованія другую очень важную сторону предмета—разборъ самыхъ сочиненій Теофана. Онъ говоритъ о нѣкоторыхъ, когда въ этому представлялся поводъ въ его разсказѣ; но цѣлаго опредѣленія Теофана, какъ писателя, у него не находится. Это, конечно, капитальный пробѣлъ въ огромной монографіи, и этотъ пробѣлъ составляетъ тѣмъ болѣе недостатокъ книги, что разборъ сочиненій Теофана былъ бы именно важенъ для историческаго объясненія его роли. Если самъ авторъ указывалъ прежде великую заслугу Теофана въ томъ, что онъ, *по протестантскимъ образцамъ*, началъ у насъ новую богословскую школу, которая, хотя не могла вдругъ вытѣснить схоластики, но тѣмъ не менѣе проходитъ *свѣтлой полосой* въ нашихъ высшихъ духовныхъ заведеніяхъ въ продолженіе всего XVIII-го столѣтія, то изслѣдователю,—которому приходилось такъ много разсказывать о религіозныхъ спорахъ Теофана и страшномъ преслѣдованіи имъ своихъ враговъ, — всего ближе слѣдовало опредѣлить отношеніе богословскихъ понятій Теофана къ тѣмъ представленіямъ, какія существовали до него и какія принимались его противниками. Не говоримъ уже о томъ, что эти сочиненія могли бы доставить матеріалъ и не для однихъ только богословско-историческихъ выводовъ. Всего ближе было опредѣлить значеніе его трудовъ въ православномъ богословіи, которое до сихъ поръ не имѣетъ своей надлежащей исторіи.

О проповѣдническихъ трудахъ Теофана г. Чистовичъ нашелся сказать едва нѣсколько незначительныхъ словъ, на двухъ-трехъ страницахъ. При этомъ онъ ни разу не упомянулъ, что дѣятельность Теофана какъ проповѣдника была уже въ нашей литературѣ предметомъ исторической характеристики въ цѣлой особой монографіи, которую посвятилъ Теофану и Стефану Яворскому г. Самаринъ. Книга г. Самарина, между прочимъ могла бы послужить для г. Чистовича и образчикомъ того, какъ должно вести историческое изслѣдованіе. Эта книга писана двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда ученому почти нельзя было и думать пользоваться такими матеріалами, какіе въ таковой обильной массѣ были въ распоряженіи новѣйшаго изыскателя. Г. Самаринъ взялъ предметомъ своего изслѣдованія только проповѣдническую дѣятельность Стефана Яворскаго и Теофана. Задачу полнаго изслѣдованія объ этихъ историческихъ лицахъ г. Са-

маринъ опредѣляетъ такимъ образомъ: оно можетъ быть сдѣлано съ различныхъ точекъ зрѣнія: —

«Догматическое ученіе того и другого, изложенное въ ихъ ученыхъ богословскихъ сочиненіяхъ, представляетъ богатый предметъ для изслѣдованія (новѣйшій изыскатель почти совсѣмъ не удостоилъ его своего вниманія); ихъ дѣятельность какъ іерарховъ, ихъ участіе въ управленіи церковью, тѣсно связанныя съ нашею политическою исторіею, заслуживаютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія;—наконецъ, съ точки зрѣнія литературной, *отстранить вопросъ о содержаніи* ихъ сочиненій, можно обратить исключительное вниманіе на форму, на образъ изложенія, на слогъ, на языкъ. Въ этомъ отношеніи, всего важнѣе ихъ проповѣди и торжественныя слова.»

Г. Самаринъ выбралъ себѣ эту послѣднюю точку зрѣнія, «отстранивъ вопросъ о содержаніи ихъ сочиненій» и занявшись исключительно *слогомъ*. Мы вѣдемъ не ошибемся, предположивъ, что подобный выборъ задачи не столько опредѣлялся вкусомъ самого г. Самарина, сколько такъ-называемыми независимыми обстоятельствами. Такимъ образомъ положеніе историка двадцать пять лѣтъ тому назадъ было очень невыгодно въ сравненіи съ нынѣшнимъ, какъ по степени доступности историческихъ источниковъ (архивные источники были недоступны), такъ и по доступности самыхъ темъ. Но при всемъ томъ, сравнивъ двухъ историковъ по ихъ отношенію къ «наукѣ исторіи», по умѣнью отличать исторически важныя стороны предмета и должнымъ образомъ разъяснять значеніе фактовъ, мы не колеблясь отдадимъ преимущество прежнему историку. Г. Самаринъ не имѣлъ въ распоряженіи десятой доли того матеріала, какимъ пользовался г. Чистовичъ; онъ вѣроятно не зналъ и по имени множества лицъ, наполняющихъ у г. Чистовича біографію Теофана, не зналъ Самгиныхъ, Зварыкиныхъ, Федоровичей, — онъ довольствовался почти только данными, какія представлялись въ собственныхъ сочиненіяхъ Теофана, — но не смотря на то изъ своихъ скудныхъ данныхъ онъ извлекъ замѣчательно вѣрную характеристику Стефана Яворскаго и Теофана, съ которой полезно было бы справиться новѣйшему изыскателю. Академическая рецензія, намъ кажется, также напрасно не указала г. Чистовичу этого предшествовавшаго труда.

Г. Самаринъ указываетъ очень вѣрно состояніе церковныхъ дѣлъ и отношеніе Стефана Яворскаго къ новому порядку вещей (стр. 96 — 97), взглядъ Петра на религіозный вопросъ (стр. 120 — 121), характеръ богословскихъ понятій Теофана, его отношеніе къ совершавшемуся перевороту и народной жизни

(стр. 132, 146, 153, 154 и мн. друг.). Въ самомъ Петрѣ г. Самаринѣ указываетъ явную наклонность къ протестантскому взгляду на религію,—вслѣдствіе котораго «онъ понималъ религію только въ ея необходимости для государства, въ той очевидной пользѣ, которой онъ ожидалъ отъ нея, а не въ ея самобытности, какъ полный живой организмъ; и потому самая проповѣдь получила для него значеніе служенія не столько церкви, сколько государству,—въ этомъ отношеніи, требованія его были протестантскія, и направленіе, которое онъ давалъ проповѣди, отзывалось протестантскою односторонностью». Тотъ же характеръ г. Самаринѣ находятъ и въ Теофанѣ, который вообще такъ близко удовлетворяетъ требованіямъ Петра; онъ мимоходомъ отмѣчаетъ эту черту и въ догматическихъ воззрѣніяхъ Теофана, и въ его административныхъ мѣрахъ, и наконецъ въ особенности открываетъ ее въ проповѣди. Въ этой проповѣди онъ между прочимъ указываетъ особый новый характеръ обличенія (дѣятельность Теофана, во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ упрека, ироніи и самой язвительной сатиры), и намъ кажется очень мѣткимъ слѣдующее замѣчаніе г. Самарина:

«Можетъ быть, насъ упрекнуть въ натяжкѣ и въ желаніи выдержать насильно основную мысль этой характеристики; но нельзя не замѣтить, что иронія и сатирическое начало, проглядывающее въ проповѣдяхъ Теофана Прокоповича, напоминаетъ писателей первыхъ временъ реформаціи. Они также имѣли дѣло съ устарѣлыми понятіями, предразсудками, съ невѣжествомъ, упорнымъ въ отрицаніи всякаго совершенствованія, и также смотрѣли на все это съ чувствомъ своего превосходства, своей силы, ручавшейся за успѣхъ борьбы.

«Чувство соболѣзнованія къ противникамъ и вмѣстѣ досада на продолженіе ихъ неразумнаго сопротивленія—вотъ тѣ условія, въ которыхъ находились и Теофанъ Прокоповичъ и первые реформаторы западные.»

Какъ ни ужасна и отвратительна инквизиціонная дѣятельность Теофана, о которой мы выше упоминали, въ ней, кромѣ политическаго чувства самосохраненія, имѣла свою долю эта самая *досада* на продолженіе неразумнаго сопротивленія его противниковъ. Она безъ сомнѣнія содѣйствовала также усиленію того раздраженія, съ какимъ онъ ихъ преслѣдовалъ. Умственное превосходство его надъ противниками къ сожалѣнію высказалось и въ тайно-канцелярскихъ интригахъ.

Но оставляя въ сторонѣ эту печальную сторону его дѣятель-

ности и нравовъ эпохи, нельзя не признать, что заслуга Теофана состояла въ томъ, что онъ стремился поднять религіозное образованіе въ русской жизни на ту степень, на какой онъ видѣлъ его у образованныхъ народовъ Европы, покинувшихъ ребяческую средневѣковую схоластику. Понятно, что это былъ сильный скачокъ, даже отъ кievской схоластической учености, и онъ былъ еще больше отъ традиціонныхъ представленій старой Россіи. Если г. Чистовичъ, а съ нимъ, конечно, и многіе другіе критики тѣхъ же пріемовъ, не видятъ всей обширности этого глубокаго различія двухъ періодовъ, то не видятъ потому, что современное богословское образованіе восприняло до извѣстной степени эти стремленія Теофана; критикамъ кажется, какъ будто эти богословскія представленія и всегда были таковы, и потому въ Теофанѣ они не замѣчаютъ ничего особеннаго. Достаточно сколько-нибудь ближе приглядѣться въ предшествовавшему XVII-му вѣку, чтобы видѣть, какъ поверхностно такое сужденіе.

Со смертью Теофана въ духовенствѣ не осталось такого ревностнаго сторонника рациональнаго образованія, такого энергическаго послѣдователя и защитника петровскихъ идей; понятія, противъ которыхъ онъ боролся, стали пріобрѣтать свою прежнюю силу. Теофанъ въ свое время былъ несомнѣнно однимъ изъ первыхъ передовыхъ людей по характеру своего образованія, въ его лицѣ духовное образованіе было тогда впереди всякаго другаго; послѣ него, оно начинаетъ отставать, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. При Елизаветѣ, реакція, поднявшаяся съ кафедръ противъ всего нѣмецкаго и лютеранскаго, отразилась кажется и на предметахъ образованія: духовныя власти стали преслѣдовать тѣ книги Арндта, Фонтенеля и т. п., которыми интересовалось предыдущее поколѣніе. Ослабленіе просвѣтительныхъ стремленій въ духовенствѣ стало обнаруживаться еще сильнѣе, когда свѣтское образованіе усиливалось съ возникновеніемъ болѣе оживленной литературы и съ основаніемъ перваго университета. Духовное сословіе уже не отзывалось какъ прежде на умственные интересы общества, и его роль въ національномъ образованіи стала ограничиваться: оно нерѣдко заявляло себя исключительностью, нетерпимостью и обскурантизмомъ, и въ теченіи всего XVIII-го вѣка въ его средѣ уже не было кажется ни одного лица, которое бы въ такой степени, какъ Теофанъ, стояло на уровнѣ образованности своего времени.

А. Пшпигъ.

НОВЫЙ РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Victor Hugo. — L'homme qui rit. 4 vol. Paris. 1869.

Задолго до появленія своего, новый романъ Виктора Гюго возбудилъ уже толки въ европейской печати: — обыкновенная судьба произведеній этого великаго таланта, которому не мало въ этомъ случаѣ помогаетъ и то обстоятельство, что онъ французъ и изгнанникъ. Въ качествѣ француза, онъ имѣеть преимущество читаться во всѣхъ странахъ міра; въ качествѣ изгнанника — каждое его произведеніе, даже относительно слабое, даетъ возможность оппозиціонной печати дѣлать непріятности наполеоновскому правительству. Отъ новаго его романа почему-то ожидали особенно многого, какъ-будто Гюго послѣ таковаго романа, какъ «*Les travailleurs de la mer*», потерпѣвшаго полный неуспѣхъ, непременно долженъ былъ написать что-нибудь великое: у горячихъ поклонниковъ поэта не терялась надежда, что талантъ его нисколько не потерпѣлъ отъ лѣтъ, а можетъ быть еще укрѣпился. Эти поклонники не совсѣмъ ошиблись въ расчетѣ. Новый романъ Гюго: «*L'Homme qui rit*», гораздо выше предшествовавшаго романа, какъ по цѣли, такъ и по исполненію.

Задача новаго романа — изображеніе англійской жизни въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, той жизни, которая послѣдовала за революціей и республикой. Авторъ беретъ своими героями лица всѣхъ классовъ, начиная съ странствующихъ коме-

діантовъ и кончая королевою Анной. - Ловко избранная канва романа даетъ возможность поэту ярко сопоставлять между собою высшій и низшій классы общества, указывать на ту эксплуатацію, которой подвергался народъ со стороны англійской аристократіи, и выражать свои политическія мнѣнія то устами героевъ, то отъ себя самого. Его негодованіе, конечно, направлено на аристократію, хотя въ предисловіи къ роману онъ говоритъ, что «въ Англійи все велико, даже то, что не хорошо, даже олигархія». Но въ этой фразѣ, быть можетъ, и кроется основная мысль романа: изобразить лучшую аристократію въ мірѣ и, такимъ образомъ, показать, что и лучшая аристократія, всѣми своими заслугами, не выкупаетъ того униженнаго положенія народа, которое есть непремѣнное слѣдствіе имущественнаго преобладанія нѣсколькихъ надъ всѣми. Насколько достигнута такая цѣль поэтомъ, мы увидимъ впоследствии, но не можемъ не замѣтить, что онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей описываемую имъ эпоху и ловко выдвинулъ на первый планъ язвы ея, освѣтивъ ихъ широкимъ міросозерцаніемъ. Тѣневая сторона англійской аристократіи, закрываемая обыкновенно блескомъ ея, выступаетъ пошлой, но безпощадно давящей силой, и это, по всей вѣроятности, объясняетъ тѣ нападки, которымъ подвергается романъ со стороны литературныхъ пигмеевъ, безразсудно взявшихъ на себя Сизифову работу положить, въ той или въ другой странѣ, искусственныя основанія исключительному господству немногихъ надъ миллионами.

Слабыя стороны романа преимущественно заключаются въ обыкновенной вычурности, темнотѣ выраженій и въ растянутости. Великій талантъ даетъ себя чувствовать часто, но даетъ себя чувствовать и чрезмѣрное самолюбіе. Внимательно перечитывая романъ, можно понять самый процессъ работы Виктора Гюго. Крупныя, существенныя черты предмета онъ быстро схватываетъ и владетъ на бумагу; затѣмъ начинается анализъ подробностей, набѣгаетъ множество антитезъ, которыми романъ страшно изобилуетъ, ловятся на лету оттѣнки сказанной и достаточно уже развитой мысли, и надъ ними начинается новая работа, повтореніе стараго, только въ другихъ выраженіяхъ, повтореніе, загромождающее ясность предмета и объясняемое развѣ тѣмъ только, что романистъ каждое слово свое считаетъ неприкосновенною святыней. Гармонія цѣлаго теряется и въ силу этихъ повтореній, и въ силу тѣхъ постоянныхъ отступленій, которыя дѣлаетъ поэтъ для техническихъ описаній подробностей тогдашняго быта, быть можетъ, интересныхъ для англичанъ, для которыхъ Викторъ Гюго въ этомъ романѣ яв-

ляется сильнымъ соперникомъ Вальтеръ-Скотта, но иногда малозначущихъ для читателей другихъ странъ.

Если успѣетъ поэтъ, онъ приготовитъ еще два романа: «la Monarchie» и «Quatre-vingt-treize». Первый изъ этой трилогіи, уже оконченный, во всякомъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ замѣчательнымъ литературнымъ произведеніямъ, которыя вносятъ въ читающія массы извѣстную сумму идей, помимо эстетическаго наслажденія. Совершенно полный переводъ романа едва ли возможенъ, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ переводчиковъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, изъ трехъ переводовъ, уже явившихся на русскомъ языкѣ, ни одинъ не можетъ быть названъ полнымъ, даже и въ первой части романа, которая представляетъ гораздо меньше неудобствъ, нежели послѣдующія части.

I.

Въ Бискайи и Галиціи, испанскихъ провинціяхъ, матери до сихъ поръ пугаютъ дѣтей своими словами: «Смотри, вотъ я позвоу *комтрачикосовъ*.» *Comtragichos* или *comtragarequenos* — испанское слово, которое значитъ «дѣтопокупатели». Въ XVII в., существовало такое братство, состоявшее изъ бродягъ всѣхъ націй; дѣтопокупатели были бѣдны, но, по всей вѣроятности, были богаты начальничи шаекъ, предприниматели, производившіе эту торговлю въ широкихъ размѣрахъ; братство имѣло свои законы, свою присягу, свои формулы; подобно цыганамъ, дѣтопокупатели назначали другъ другу свиданія, ихъ начальничи обмѣнивались совѣтами и планами; были извѣстны четыре главныхъ мѣста свиданія — одно во Франціи, другое въ Англіи, третье въ Испаніи и четвертое въ Германіи.

Дѣтопокупатели не крали дѣтей, а покупали ихъ; покупали затѣмъ, чтобъ дѣлать изъ нихъ уродовъ, на потѣху толпѣ, вельможамъ и королямъ. Семнадцатый вѣкъ, вѣкъ развращенной наивности и утонченнаго, деликатнаго звѣрства, въ особенности много эксплуатировалъ дѣтей. Ребенокъ обыкновенный не забавенъ, но забавенъ горбатый; обыкновенный человекъ не забавенъ, но забавенъ карликъ и уродъ. Отсюда родилось цѣлое искусство для заготовленія уродовъ. Одинъ изъ анатомистовъ тогдашняго времени, докторъ Конквестъ, написалъ по-латыни цѣлое сочиненіе, въ которомъ преподавалъ разные приемы для той особенной хирургіи, которая брала человѣческій образъ и природу за канву и выводила на ней свои прихотливые узоры.

Придворный шутъ былъ попыткой приблизить человѣка къ обезьянѣ; въ тоже время обезьяною старались замѣнить человѣка: у англійскихъ герцогинь и графинь обезьяны служили въ качествѣ пажей, служанокъ и ливрейныхъ лакеевъ; возведенныя въ должности, обезьяны, такимъ образомъ, составляли противовѣсъ людямъ, низведеннымъ до степени животнаго и звѣря.

Приготовление уродовъ не ограничивалось поставкою феноменовъ для городскихъ площадей, шутовъ для дворцовъ — нѣчто въ родѣ дополненія къ придворнымъ, — евнуховъ для султанскихъ гаремовъ и сикстинской капеллы папы. Оно было очень разнообразно, и одно изъ торжествъ этого искусства составляло приготовленіе пѣтуха для короля англійскаго: было въ обычаѣ держать въ королевскихъ покояхъ человѣка, который пѣлъ пѣтухомъ. Онъ долженъ былъ бродить ночью по дворцовымъ корридорамъ и каждый часъ выкрикивать по-пѣтушину. Для этого, въ дѣтствѣ, предназначенному для этого человѣку дѣлали операцію въ устьѣ пищеварительнаго горла; но такъ какъ съ этою операціей было связано слюнотеченіе, то любовница Карла II, герцогиня Портсмутская, выразила отвращеніе къ такому неоправданному пѣтуху, и съ того времени специальное приготовленіе его было брошено, но самая должность оставалась, чтобъ не умалить олеска короны. Екатерина II рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что, когда прежде царь или царица были недовольны какимъ-нибудь русскимъ княземъ, то заставляли его сидѣть на ворточкахъ въ большой дворцовой передней опредѣленное число дней и мяукать кошкою или вудахтать насѣдкою, подбирая ртомъ, на манеръ куръ, пищу съ полу.

Итакъ, покупка дѣтей соединялась съ искусствомъ ихъ уродовать. Продавецъ было вволю, начиная съ несчастнаго отца, желавшаго отдѣлаться отъ своего семейства, и кончая господиномъ, извлекавшимъ пользу изъ своихъ рабовъ. Продажа людей считалась дѣломъ самымъ простымъ. Въ наши дни отстаивали это право войною, и не прошло ста лѣтъ еще, когда курфирстъ гессенскій продавалъ своихъ подданныхъ королю англійскому, который нуждался въ людяхъ для истребленія ихъ въ Америкѣ: курфирстъ гессенскій продавалъ «пушечное мясо», и къ нему являлись покупатели, какъ къ мяснику. Въ Англии Яковъ II, обезглавивъ множество вельможъ и дворянъ, подарилъ ихъ вдовъ и сиротъ супругѣ своей, королевѣ; супруга-королева продала ихъ Вильяму Пенну, нуждавшемуся въ женщинахъ для заселенія пустыни.

Этотъ же Яковъ II, ревностный католикъ, исполненный любви къ Богу, преслѣдовавшій жидовъ, терпѣлъ дѣтопокупателей. Они

нужны ему были ради государственныхъ цѣлей, состоявшихъ въ томъ, чтобы уничтожить строптивыя семейства, пресѣкать роды, стирать съ лица земли наслѣдниковъ, обирать одинъ родъ въ пользу другого, устраивать конфискацію и похищеннымъ одаривать фаворитовъ. Конечно, можно перерѣзать, какъ барановъ, тѣхъ, кто мѣшаетъ; но обезобразить еще лучше, по крайней мѣрѣ безопаснѣе: замаскировать челоуѣка не желѣзною маскою, средствомъ крайнимъ и хлопотливымъ, а собственнымъ же лицомъ его. Обдѣлать его, какъ витайцы обдѣлываютъ дерево, обдѣлать такъ, что родной отецъ не узнаетъ. Обладая этимъ искусствомъ, дѣтопокупатели не только отнимали у ребенка его собственную фізіономію, но отнимали и память, усыпляя ребенка передъ операціей. Яковъ II иногда доходилъ до того, что признавался въ своемъ соучастствѣ. Это одинъ изъ ужасовъ монархическаго терроризма. Обезображенный украшался королевскими лиліями: вмѣсто образа божія на него вляли образъ королевскій. Этотъ способъ употреблялся тогда, когда требовалось доказать, что новое положеніе для ребенка создано по благоизволенію королевскому. Обдѣлывая дѣла, дѣтопокупатели были народъ скромный, умѣвшій хранить тайны, и въ тому же народъ религіозный — все это было на руку набожному королю. Но въ 1688 г., Оранская династія смѣнила Стюартовъ: Яковъ II умеръ въ изгнаніи и въ то время, какъ на гробницѣ его творились даже такіа чудеса, что епископъ отѣнскій исцѣлился отъ фистулы, Вильгельмъ III и затѣмъ Марія издали противъ братства дѣтопокупателей чрезвычайно строгіе законы. Слѣдствіемъ ихъ было бѣгство изъ Англіи не только дѣтопокупателей, но и разныхъ бродягъ. Всякая бродячая шайка, имѣвшая при себѣ ребенка, заподозрѣвалась въ принадлежности къ отвратительному братству и преслѣдовалась. Простые нищія скрывались изъ Англіи, боясь прослыть за дѣтопокупателей. Бѣдняку опасно было имѣть собственнаго ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доказать, что ребенокъ посланъ Богомъ, а не купленъ? И дѣти бросались, гдѣ попало, въ лѣсу, на берегу рѣки, бросались дѣтопокупателями, бросались нищими и матерями; дѣтей находили въ володцахъ и водоемахъ. Дѣтопокупатели бѣжали въ Испанію: тамъ еще можно было имъ пріютиться, въ другихъ странахъ ихъ преслѣдовали также, какъ въ Англіи.

II.

Зима 1689—90 г. отличалась необыкновенною стужей и отмѣчена, какъ «памятная для бѣдныхъ». Много людей погибло тогда отъ холода и голода. 29 января 1690 г., вечеромъ, толпа людей вопошилась на берегу одной изъ бухтъ негостеприимнаго портлендскаго залива. Бухта эта была самая опасная и самая пустынная изъ всѣхъ, а потому самая надежная для такихъ судовъ, которыя хотѣли уѣхать никѣмъ незамѣченными. Сумерки сгущались надъ береговыми скалами. Къ одной изъ нихъ была причалена бискайская барка, очевидно дѣлавшая постоянные тайные рейсы между Испаніей и Англійей; на носу барки была выѣплена позолоченая Богоматерь съ младенцемъ; подъ ней золочеными буквами написано «Матутина», имя судна, и устроена вѣтвя для огня; огонь не былъ зажженъ, вѣроятно потому, что барка боялась обратить на себя вниманіе; въ морѣ эта вѣтвя съ огнемъ исправляла двѣ должности: освѣщала путь и служила свѣчой передъ Богоматерью. По доскѣ, переброшенной съ барки на плоскій выступъ скалы, постоянно ходили взадъ и впередъ люди, готовившіеся къ отплытію и переносившіе на барку багажъ. Лохмотья, въ которыя они были одѣты, показывали, что они принадлежали къ числу гражданъ, извѣстныхъ въ Англии подъ названіемъ «лохмотниковъ». Ихъ было восьмеро, между ними двѣ женщины; маленькая фигурка ребенка часто появлялась на доскѣ, обремененная ношею; по виду ему можно было дать отъ десяти до одиннадцати лѣтъ. Экипажъ судна состоялъ изъ хозяина и двухъ матросовъ. Когда все было готово, когда перенесены были на судно мѣшки съ сухарями, боченокъ трески, коробка сушеныхъ овощей, боченки съ прѣсной водой, съ солодомъ и смолой, бутылки пива, чемоданъ, тюкъ папки для факеловъ и сигналовъ, — начальникъ шайки, котораго можно было отличить по позументамъ на лохмотьяхъ, далъ сигналъ къ отплытію и первый бросился на барку ребенокъ; но его оттолкнули, и барка тотчасъ отчалила. Ребенокъ остался одинъ на утесѣ и устремилъ пристальный взглядъ на море.

Онъ не испустилъ ни звука, ни звука не раздалось и съ барки. Словно тѣни разставались на берегу Стикса. Нѣсколько минутъ спустя, барка вышла изъ бухты; ребенокъ проводилъ ее глазами, пока она совсѣмъ не скрылась. Онъ былъ изумленъ, но ни слѣда отчаянія на лицѣ: очевидно, ни онъ не любилъ тѣхъ, которые его оставили, ни они не любили его. Задумчиво сидѣлъ онъ и забывалъ холодъ. Вдругъ вода плеснула ему на ноги: начинался

приливъ, холодный вѣтеръ шевельнулъ волосы мальчика, и онъ вздрогнулъ, и словно пробудился къ жизни. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ себя одинокимъ; въ карманѣ у него не было ни денегъ, ни хлѣба; тѣло едва было прикрыто курткою со взрослога, ноги босы. Куда идти, что дѣлать? Онъ не зналъ, гдѣ онъ; онъ видѣлъ только, что съ одной стороны у него море, съ другой скалы, изрѣзанныя извилистыми, крутыми тропинками. Не въ море же бросаться? Рѣшительно повернувшись спиной въ бухтѣ, онъ сталъ карабкаться на утесъ, обнаруживая большую ловкость и цѣпкость; попадая на ледъ, онъ падалъ, но снова быстро вставалъ и лѣзъ дальше, хватаясь за кустарники, скользя въ пропасти, и наконецъ вышелъ на площадку. Съ одной стороны передъ нимъ холмистая равнина, покрытая снѣгомъ, съ другой тоже море; надъ нимъ висѣло небо, покрытое туманомъ, заслонявшимъ звѣзды. Ребенокъ взглянулъ на море. Портлендскій заливъ разстилался передъ нимъ, какъ на географической картѣ, бѣловатою площадью въ полукружїи холмовъ; но ни на землѣ, ни на морѣ ни единого огонька. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. Изъ-за мысовъ то и дѣло показывались суда, торопившіяся стать на якорь. На горизонтѣ, чернымъ треугольникомъ, виднѣлась «Матутина», быстро уходившая дальше и дальше. Вѣтеръ крѣпчалъ, обращаясь въ бурю: «Матутина» распустила паруса, словно желая воспользоваться для бѣгства даже ураганомъ. Все умалаясь и умалаясь со своимъ огонькомъ, наконецъ на ней показавшимся, она приковывала къ себѣ вниманіе ребенка до тѣхъ поръ пока не исчезъ и огонекъ. Ребенокъ перенесъ свои взгляды на долину, на холмы, туда, гдѣ можно было встрѣтить живое существо, и пошелъ.

Было около семи часовъ вечера. Ребенокъ находился на южной оконечности полуострова Портленда. Поверхность шла уступами; ночь становилась темнѣй. Иногда онъ умѣрлялъ шаги, какъ бы раздумывая самъ съ собой; потомъ остановился, насторожилъ уши, какъ олень, подумалъ съ минуту, и повернулъ вправо, къ небольшому холму, откуда слышался какой-то звукъ, не похожій ни на шумъ моря, ни на шумъ вѣтра. Нѣсколько шаговъ и онъ былъ у подошвы холма, на которомъ чернѣло что-то странное: нѣчто въ родѣ большой руки, прямо торчавшей изъ земли. На верхней оконечности этой руки что-то протягивалось горизонтально, въ родѣ указательнаго пальца, подпертаго снизу большимъ. Эта рука и эти пальцы рисовались на небѣ прямоугольникомъ. Изъ точки соединенія указательнаго пальца съ большимъ танулась веревка, на которой висѣло что-то черное и безформенное. Покачиваемая вѣтромъ, веревка издавала звукъ цѣпи, и

этотъ-то звукъ слышалъ ребенокъ. И въ самомъ дѣлѣ то была не веревка, а цѣпь. Масса, привязанная къ цѣпи, представляла сходство съ футляромъ. Она была спелената, какъ ребенокъ, и длинна, какъ взрослый человекъ. Вверху, за какую-то округлость футляра, цѣпь обвивалась однимъ концомъ. Въ нижней части своей футляръ разорвался и изъ трещинъ его торчали какіе-то ошметья.

Легкій вѣтеръ, покачивая цѣпь, покачивалъ и ту пассивную массу, которая висѣла на ней; въ этой массѣ было что-то паническое; ужасъ, отнимающій у предметовъ ихъ размѣры, оставлялъ ей только очертанія; это было скопленіе мрака въ образѣ; надъ ней была ночь и въ ней была ночь; сумерки, восходы луны, захожденіе созвѣздіи за скалы, облака, направленіе вѣтровъ, перемѣны въ воздухѣ — все вошло въ составъ этого видимаго ничтожества, этого человекъ, который сталъ останками природы и общества, который пересталъ уже существовать, но все еще явился надъ могилой, какъ нѣчто не подлежащее общимъ законамъ.

Преданный на произволъ стихіямъ, подвергаясь разложенію на открытомъ воздухѣ, лѣтомъ въ прахъ, осенью въ грязь, онъ словно свидѣтельствовалъ о безстыдствѣ смерти, которая нахально показывала свое дѣло, ничѣмъ не прикрываясь. Все пользовалось имъ и все его уничтожало: кровь его пили, кожу ѣли, мясо крали. Все что проходило мимо его, что-нибудь у него занимало. Зима завяла у него холоду, полночь — страху, желѣзо — ржавчины, чума — миазмовъ, цвѣты — запаху. Его медленное разложеніе было словно пошпиной трупа бурѣ, дождю, росѣ, гадамъ, птицамъ. Всѣ мрачныя руки ночи рылись въ этомъ мертвецѣ, въ этомъ странномъ жилищѣ ночи, въ этой тѣни, дополнявшей мракъ. Когда исчезалъ день, въ наступающей безмолвной тьмѣ, онъ мрачно согласовался со всѣмъ. Однимъ своимъ присутствіемъ онъ увеличивалъ ужасъ бури, страхи ночи и неподвижность свѣтилъ. Въ немъ соединялось все то, что было невыразимаго въ пустынѣ; возлѣ него чувствовалось уменьшеніе жизни, и само окружающее пространство внушало меньше довѣрія и мужества. Трепетъ кустарниковъ и травъ, безвыходная грусть, какое-то полусознательное безпокойство, трагически приравливали весь пейзажъ къ этой черной фигурѣ, висящей на цѣпи. Вѣчное содроганіе дѣлало его ужаснымъ. Онъ казался въ пространствѣ центромъ, и словно что-то необъятное опиралось на него. Кто знаетъ? Быть можетъ, это то, прозрѣваемое въ будущемъ, теперь поправное, правосудіе, которое выше насъ. Въ его существованіи внѣ могилы была и месть ему людей, и его месть людямъ. Онъ свидѣтельствовалъ въ этомъ мракѣ и въ этой пустынѣ о безповойной матеріи, потому что только та матерія смущаетъ насъ, въ которой жилъ духъ. Онъ приносилъ жалобу на здѣшній

законъ закону верховному. Оставленный здѣсь людьми, онъ ожидалъ Бога, и надъ нимъ носились въ туманныхъ очертаніяхъ мрачныя грезы мрака.

Ребенокъ, вперивъ въ этотъ трупъ взоры, безмолвно стоялъ передъ нимъ, словно пригвожденный къ мѣсту. Для взрослога это была висѣлица, для ребенка — привидѣніе; гдѣ взрослый видитъ трупъ, ребенокъ — призракъ. Его тянуло на вершину холма; онъ сдѣлалъ шагъ, другой, и взошелъ, желая сойти, приблизился, желая удалиться. Призракъ былъ осмоленъ и блестялъ тамъ и сямъ. Ребенокъ разглядѣлъ лицо, которое было обмазано смолой, и на которомъ, вмѣсто рта, носа и глазъ, зіяли отверстія. Тѣло было какъ бы запакковано въ толстую ткань, пропитанную нефтью; ткань мѣстами разорвалась и обнаруживала то колѣно, то бокъ, то мясо, то кости. Лицо было земляного цвѣта съ серебристыми полосками, которыя оставили бродившіе по немъ слизняки. Весь въ трещинахъ черепъ походилъ на отверстіе испорченнаго плода. Оставшіеся цѣлыми зубы выражали улыбку, а изъ открытаго рта казалось выходилъ еще крикъ. На щекахъ замѣтно было нѣсколько волосъ. Наклоненная голова была въ такомъ положеніи, что, казалось, внимательно къ чему-то прислушивалась; внизу изъ футлара торчали ноги, а подъ ними на землѣ стояли башмаки, упавшіе съ ногъ повѣшеннаго: босой ребенокъ пристально поглядѣлъ на нихъ. Видно было, что въ трупъ недавно произведены были поправки: лицо, колѣно и бокъ высмолили заново. Очевидно, что трупъ этотъ былъ драгоцененъ, если о немъ такъ заботились. Когда человѣкъ былъ живъ, о немъ не думали, но къ мертвецу приложили стараніе. Египтяне дорожили муміями царей; простой человѣкъ, вздернутый на висѣлицу, тоже на что нибудь годился: онъ служилъ пугаломъ для контрабандистовъ. Контрабанда не уменьшалась, но контрабандистовъ продолжали вѣшать и осмаливать вплоть до 1822 года. Впрочемъ, вѣшали и осмаливали не ихъ однихъ: этой почетной смерти удостоивались иногда и воры, и убійцы, и поджигатели.

Трудно сказать, что думалъ и чувствовалъ ребенокъ подъ висѣлицей; неодолимая сила пригвоздила его къ мѣсту, и онъ не могъ оторваться отъ этого лица, которое глядѣло на него тѣмъ пристальнѣе, что было лишено глазъ. То былъ взглядъ какъ бы разлитой въ пространство, то была пристальность невыразимая, въ которой чудились и свѣтъ, и мракъ, выходившіе изъ черепа, и изъ зубовъ, и изъ пустыхъ глазныхъ впадинъ. Смотрѣла вся голова мертвеца, взглядъ ея чувствовался, хотя глазъ не было въ этой головѣ, но это-то и поражаетъ насъ ужасомъ.

Мало-по-малу и самъ ребенокъ становился ужасенъ. Онъ цѣпенѣлъ, не двигался и терялъ сознаніе, засыпая тѣмъ сномъ,

который предшествуетъ смерти у замерзающихъ. Ребенокъ дѣйствительно замерзалъ. Вдругъ мертвецъ задвигался. Какъ всегда передъ бурей, вѣтеръ утихъ и мертвецъ висѣлъ неподвижно, когда ребенокъ его разсматривалъ; но буря приближалась: сильный порывъ вѣтра — и мертвецъ, словно кѣмъ подтапливаемый, зашатался съ такою силою, что цѣпь завизжала: это движеніе пробудило ребенка, и онъ довольно ясно почувствовалъ страхъ. Страхъ этотъ усилился и заставилъ ребенка вздрогнуть, когда налетѣла стая вороновъ и, разсѣвшись на висѣлицѣ, подняла страшное карканье. Черезъ минуту эти дивіе крики смолкли, и вороны, одинъ за другимъ, перелетѣли на мертвеца, который исчезъ подъ черными двигающимися точками. Бѣшеный взрывъ вѣтра подтолкнулъ его снова, и онъ вдругъ зашатался изъ стороны въ сторону, словно въ послѣдней борьбѣ съ жизнью, словно хотѣлъ онъ порвать цѣпь и освободиться отъ жадной стаи. Птицы испугались и вспорхнули, но, немного погодя, навинулись снова, хотя мертвецъ продолжалъ рваться; вороны бросались на него и отлетали, съ остервенѣніемъ нападали на свою добычу, которая отбивалась отъ нихъ съ ожесточеніемъ не меньшимъ: живой не могъ бы такъ бороться. Удары клювовъ и когтей, карканье, терзанье ключевъ, которые нельзя уже было назвать мясомъ, трескъ висѣлицы, содроганье скелета, бряцанье желѣза, вой вѣтра и отдаленный шумъ моря — эти звуки, эта картина поразила ребенка такимъ страхомъ, что онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, зашатался, едва не упалъ и опрометью бросился бѣжать прочь.

Бѣгство, вызванное страхомъ, согрѣло его. Выѣстъ съ усталостью проходилъ и страхъ; онъ остановился, оглянулся назадъ; воображаемой погони мертвеца не было, и ребенокъ по немногу успокоился и пошелъ тише. У дѣтей впечатлѣнія не задерживаются; отъ нихъ ускользаютъ отдаленныя очертанія, придающіе полноту печальнымъ предметамъ; самая слабость защищаетъ ребенка отъ впечатлѣній сложныхъ: онъ видитъ простой фактъ, а не все то, что группируется около факта; вслѣдствіе этого страхъ могъ скоро пройти, а побѣда надъ этимъ чувствомъ могла придать ему больше бодрости. Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя сильнѣе и шелъ самоувѣреннѣе, надѣясь найти пристанище, и утолить свой голодъ, начавшій его беспокоить: другихъ цѣлей онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Взобравшись на довольно высочій холмъ, ребенокъ оглядѣлся: къ востоку чернѣли клубы дыма. Гдѣ дымъ, тамъ жилье. Ребенокъ направился туда; но дорога становилась труднѣе; приходилось снова прыгать со скалы на скалу, спускаться въ пропасти и выбираться изъ нихъ. Время отъ времени

онъ останавливался и прислушивался, какъ олень. Издали, слѣва, доносился до него какой-то широкій и вмѣстѣ слабый шумъ, похожій на глубокіе звуки рожка. То былъ шумъ снѣжной бури, съ моря мчавшейся на землю. Вскорѣ ребенокъ почувствовалъ на лицѣ своемъ большія хлопья падающаго снѣга.

III.

Снѣжная буря на морѣ принадлежитъ къ явленіямъ пагубнымъ для судовъ, и такую бурю пришлось испытать судну «Матутина», на которомъ удалась изъ Англіи шайка дѣтопокупателей. Оно было легко на ходу, но грузъ, состоявшій изъ десяти человѣкъ и багажа, былъ ему не совсѣмъ подъ силу. Выйдя въ открытое море, пассажиры оживились и весело заговорили между собой: одна опасность оставлена назади, но впереди была другая, о которой однакожъ думали только хозяинъ судна и одинъ изъ пассажировъ, лысый, важный старикъ, похожій на нѣмца, хотя поблекшая наружность его принадлежала къ числу тѣхъ, по которымъ нельзя опредѣлить національность. Онъ всякій разъ набожно снималъ шляпу, когда проходилъ мимо статуи Богородицы, и вообще руки его постоянно складывались на молитву. Наблюдатель прочелъ бы на его фizioноміи смѣсь великихъ добрыхъ качествъ и столь же великихъ злыхъ: онъ могъ бы упасть ниже тигра и подняться выше человѣка. Его безстрастность, быть можетъ только напускная, носила на себѣ печать окаменѣлости сердца, свойственнаго палачу, и окаменѣлости ума, свойственнаго мандарину. Можно было утверждать, что ему все было доступно, даже нѣжность, потому что чудовищное также имѣетъ свою полноту. Каждый ученый до нѣкоторой степени—трупъ; старикъ былъ ученый, и это легко было замѣтить по его движеніямъ, по складкамъ его платья. Окаменѣлая наружность его носила выраженіе угрюмое, но безъ тѣни лицемѣрія и цинизма: задумчивымъ сдѣлало его преступленіе. Начальникъ шайки часто подбѣгалъ къ нему и что-то говорилъ ему шопотомъ; старикъ вивалъ, въ отвѣтъ, головою, и обращалъ взоры къ небу. Повидимому, онъ также внимательно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось или готовилось вверху, какъ хозяинъ барки за тѣмъ, что дѣлалось на морѣ. Послѣдній обратилъ вниманіе на фигуру старика и, подзававъ къ себѣ начальника шайки, спросилъ его, кто это, не начальникъ ли?

— Это и сумасшедшій, и мудрецъ, и душа шайки, но не начальство.

Передавъ матросу руль, хозяинъ судна подошелъ къ старику съ видомъ любопытства и ироніи. Между ними завязался разговоръ; старикъ сказалъ, чтобъ его звали докторомъ. Этотъ докторъ въ самомъ дѣлѣ обнаружилъ обширныя знанія въ морскомъ дѣлѣ и доказалъ, что онъ не даромъ смотрѣлъ на небо. Иронія хозяина судна обратилась въ уваженіе, и онъ принялъ въ руководствѣ нѣкоторые его совѣты, но отказывался вѣрить, что судну грозитъ большая опасность отъ свѣжной бури, предвѣстіе которой докторъ видѣлъ въ блѣдно-синемъ облакѣ, появившемся на горизонтѣ. Это облако испугало и самого доктора, но онъ проговорилъ:

— И по дѣломъ! Что до меня — я согласенъ.

Вѣтеръ вѣпчалъ; хозяинъ судна терялъ самоувѣренность, тѣмъ болѣе, что совѣты доктора были уклончивы и облечены въ какую-то таинственность. Онъ сказалъ:

— Если нынѣшнею ночью, когда мы будемъ среди моря, послышится звукъ колокола—судно погибло. Хозяинъ поглядѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: «Что вы хотите сказать?» Докторъ не отвѣчалъ: онъ погрузился въ задумчивость и машинально произнесъ:

— Наступила минута омыться чернымъ душамъ.

— Онъ скорѣе сумасшедшій, чѣмъ мудрецъ, проворчалъ хозяинъ и отошелъ къ рулю.

Блѣдно-синее облако становилось больше и больше, заволакивая небо. Поверхность моря приняла грязно-свинцовый цвѣтъ и бороздилась глубокими волнами. Небо не предвѣщало ничего хорошаго. Хозяинъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ докторъ, но тамъ его не было: онъ спустился въ каюту, сѣлъ на стулъ воалѣ печки, гдѣ поваръ варилъ уху, вынулъ изъ кармана кожаную чернильницу и сафьянный портфель, изъ котораго взялъ пожелтѣвшій пергаментъ, и сталъ писать на немъ. Качка усиливалась и писать было не совсѣмъ удобно, но докторъ писалъ и писалъ долго. Затѣмъ, замѣтивъ у повара бутылку, оплетенную прутьями, которую тотъ часто подносилъ къ губамъ, докторъ увидалъ на ней, выплетенное краснымъ на блѣдомъ фонѣ, имя «Гардewanнонъ».

— Эта бутылка фламандца Гардewanнона? спросилъ онъ.

— Да, его. Онъ мнѣ на память оставилъ ее, бѣдняжка, когда его посадили въ четемскую тюрьму.

Докторъ съ трудомъ вывелъ еще нѣсколько строкъ на пергаментѣ, высушилъ его у печки, вложилъ въ портфель и вмѣстѣ съ чернильницею опустилъ въ карманъ. Едва успѣлъ онъ это продѣлать, какъ могучій валъ налетѣлъ на судно и всѣ почув-

«Ствовали, что начался тотъ ужасающій танецъ, которымъ суда встрѣчаютъ бурю. Докторъ вышелъ на палубу. Барка бѣшено неслась съ волны на волну, среди страшной тьмы и снѣга, падавшего изъ нависшей надъ моремъ тучи; слѣдить за направлениемъ вѣтра становилось невозможнымъ; пассажиры неслись на удалую и страхъ закрадывался въ ихъ души.

Характеристическая черта снѣжной бури — мракъ. Природа измѣняетъ свой видъ: блѣдное небо становится чернымъ, темный океанъ — бѣлымъ. Тьма внизу, мракъ вверху; горизонтъ — сплошная стѣна дыма, зенитъ словно покрытъ крепомъ; буря походитъ на внутренность собора, обтянутую трауромъ, но безъ свѣтильниковъ. Кромѣ необъятной тьмы, на волнахъ ничего не видно: ни блуждающаго огонька, ни фосфорическаго свѣта. Среди этого мрака падаетъ пыль блѣдныхъ пятенъ, бороздящихъ пространство между небомъ и моремъ. То — скользящія, носящіяся и дрожащія въ воздухѣ хлопья снѣга, напоминающіе саванъ, получившій способность жить и двигаться. Снѣжное сѣяніе сопровождается порывистымъ сѣвернымъ вѣтромъ, рвущимъ океанъ и открывающимъ въ немъ невѣдомыя, угрожающія пучины. По временамъ громадная молнія, красномѣднаго цвѣта, прорѣзываетъ мрачныя тучи, озаряя ихъ; но не слышно ни одного удара грома. Молнія сѣверныхъ урагановъ безмолвна, словно нѣмая угроза зияющей неумолимой пасти. Снѣговая буря — буря слѣпая и молчаливая. Часто послѣ ея окончанія, корабли тоже становятся слѣпыми, а матросы нѣмыми. Выбраться цѣлымъ изъ подобной бездны трудно, но все-таки возможно.

«Матутина» встрѣтила этотъ ураганъ съ распущенными парусами, которые стремительно уносили ее, и брызги пѣны поднимались выше мачты. Вдругъ, среди мрака, раздались удары колокола. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ хохотомъ.

— Отлично, сказалъ онъ. Этотъ колоколъ догазываетъ, что берегъ близко.

— Неправда, произнесъ докторъ: берегъ далеко. Этотъ звонъ съ моря. Между Портлендомъ и Ламаншскимъ архипелагомъ, среди моря, прикрѣпленъ къ отмелямъ желѣзными цѣпами баканъ, на баканѣ утвержденъ колоколъ, который и звонитъ, когда море начнетъ вздывать волнами баканъ. Слышать этотъ звонъ — значитъ погибать; мы не услышали бы звона, еслибъ не сбились съ дороги: колоколъ предупреждаетъ насъ, что наша барка несется на подводные камни.

Въ то время, какъ докторъ говорилъ, вѣтеръ утихъ немного, и звонъ раздавался мѣрно; этотъ перемежающійся, похоронный звонъ бездны словно подтверждалъ слова доктора. Пассажиры,

затаивъ дыханіе, слушали съ невольнымъ ужасомъ то доктора, то колоколь. Но хозяинъ судна не унывалъ: онъ попробовалъ повернуть барку на западъ, въ открытое море; маневръ былъ исполненъ исправно, но волны вздымались выше и выше, и ураганъ, какъ усердный палачъ, четвертовалъ судно; черезъ минуту, не было на немъ ни стеньги, ни мачты, ни статуи богородицы; оставался одинъ руль. «Пока руль въ рукахъ, не все еще пропало», кричалъ хозяинъ, приказывая очищать палубу отъ всего лишняго. Подъ вліяніемъ грозившей опасности, экипажъ и пассажиры работали съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, и палуба быстро очистилась отъ всего лишняго.

— Теперь привяжите меня къ рулю, чтобъ не снесло вѣтромъ, сказалъ хозяинъ.

Его стали привязывать; онъ смѣялся и кричалъ волнѣ: «Ревн, старая, реви! видаль я и не такія бури!» Когда его привязали, онъ схватилъ руль съ тою странною радостью, которую внушаетъ опасность: «Все хорошо, товарищи! Да здравствуетъ бургосская богоматерь! Направимъ къ западу!» Набѣжавшій съ боку волоссальный валъ ударилъ судно въ заднюю часть; облако пѣны покрыло корму и раздался трескъ; когда пѣна разсѣялась—ни хозяина, ни руля не оказалось: все было сорвано и осталось въ морѣ.

— Бросимъ якорь! закричалъ начальникъ шайки, и спасемъ хозяина.

Бросили якорь, но канатъ разорвало, какъ нитку, и якорь остался на днѣ моря. Безъ якоря и руля судно сдѣлалось игрушкою волнъ и каждую минуту готово было повернуться килемъ вверхъ, какъ мертвая рыба. Колокольный звонъ становился слабѣе и слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ затихъ. Судно несло съ прежнею быстротою, среди ужасающаго мрака; вдругъ показалось красное пятно.

— Маякъ! закричали погибающіе.

Въ самомъ дѣлѣ, они неслись къ маяку, устроенному для предупрежденія мореплавателей отъ каскетскихъ рифовъ. Судно прямо направлялось къ нимъ; огонь, разведенный на желѣзной рѣшеткѣ судна, помогалъ различать издали безформенную массу подводныхъ камней; но вотъ они ближе и ближе, и камни предстали во всемъ своемъ грозномъ величій. Гибель казалась неизбежною, когда начальникъ шайки предложилъ отчаянное средство: оторвали бревно отъ обшивки судна, положили его на палубу, выдвинули однимъ концомъ за судно, а на другой конецъ налегли шестеро пассажировъ, сильно придавивъ его. Маневръ заключался въ томъ, чтобъ оттолкнуться, при помощи этого

бревна, отъ скалы. Онъ и удался: барку оттолкнуло и понесло куда-то опять, но бревно упало въ воду. Прошло не много времени и передъ судномъ снова показалось какое-то черное чудовище, новые рифы, нѣчто въ родѣ каменной мостовой среди океана. Это былъ рифъ Ортавъ, возвышающійся стѣною на восемьдесятъ футовъ надъ поверхностью воды; суда разбивались объ него въ дребезги, но лучъ надежды мелькалъ еще для «Матутины», потому что волны не разбивались о гладкую поверхность утеса, а равномерно прихлынуть и отхлынуть, какъ приливъ и отливъ; если судно попадетъ въ прихлынувшую волну, то гибель его неизбежна, если въ отхлынувшую, то его отнесетъ прочь. Всѣ ждали своей участи съ трепетомъ сердца; но судьбѣ угодно было пощадить барку и на этотъ разъ, и она снова понеслась по морю. Волны, вздуваясь выше и выше, становились короче; это значило, что судно попало въ проливъ; узкое мѣсто, по которому оно плыло, находилось между Каскетами и Ортакомъ съ одной стороны, и отмелью Ориньи съ другой; передъ этой отмелью разбросаны были утесы и вода влоботала, образуя опасные водовороты. «Матутина» все ближе и ближе подходила къ одному утесу; вдругъ ее оттолкнуло словно ударомъ кулака титана, и она бросилась въ противную сторону. Это чудо совершилъ вѣтеръ, мгновенно перемѣнившій направленіе: вмѣсто сѣвернаго, подулъ южный. Эта перемѣна началась вихремъ. Схватенная имъ за всѣ оставшіяся снасти, какъ мертвецъ за волосы, «Матутина» понеслась впередъ. Это было спасеніе, но спасеніе, походившее на помилованіа, которыя давалъ Тиберій цѣною изнасилованія: вѣтеръ бѣшено рвалъ и металл барку, разрушавшуюся все болѣе и болѣе; съ неба посыпался градъ; пассажиры сбивались въ кучу, схватывались другъ за друга, ежеминутно ожидая, что ихъ сброситъ въ пучину; вдругъ волненіе прекратилось; молніи исчезли; вмѣсто града повалилъ снѣгъ, и поверхность моря стала гладкою. Такія внезапныя перемѣны свойственны снѣговымъ бурямъ; электрическій токъ истощился и стихло все, даже волна, сохраняющая во время обыкновенныхъ бурь продолжительное движеніе. Такъ было и въ наши дни, когда 27-го іюля 1867 г., близъ Джерсея, вѣтеръ, бушевавшій въ теченіе четырнадцати часовъ, вдругъ перешелъ въ полнѣйшій штиль.

Погибающіе вздохнули свободно; имъ казалось, что судьба сжалилась надъ ними, что на утро ихъ замѣтитъ какой-нибудь корабль и спасетъ. Но въ то время, когда эта надежда блеснула имъ, матросъ, спускавшійся въ трюмъ за канатомъ, вышелъ оттуда и сказалъ, что трюмъ полонъ водою.

— Что же это значить? вскричалъ начальникъ шайки.

— Это значить, возразилъ матросъ, что черезъ полчаса мы пойдемъ во дну.

«Матугина» получила течь; гдѣ была трещина — отгадать невозможно; насоса не было; не было ни руля, ни запасной лодки, ни весель, ни паруса, ни вѣтра. Въ торжественной тишинѣ несчастные сознавали, что наступила рѣшительная минута, и ужасъ навелъ на нихъ оцѣпенѣніе. Барка погружалась. Попробовали облегчить ее: покидали въ море все, что можно было бросить; развинтили даже гайки отъ желѣзной печи, сняли замазку и самую печь бросили въ волны; это облегчило судно, но не предотвратило гибели: оно стало погружаться медленнѣе, — только. Начальникъ шайки, время отъ времени, посматривалъ на цифры дѣленія, обозначенныя на носу судна, чтобъ убѣдиться въ скорости погруженія судна.

— Нѣтъ ли еще чего выбросить? закричалъ онъ, увидѣвъ, что минута гибели близка.

Докторъ, о которомъ забыли всѣ въ этой суматохѣ, показавшись изъ-за темнаго угла каюты и произнесъ: «есть». — Что такое? спросилъ начальникъ.

— Наше преступленіе, отвѣчалъ докторъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу пассажировъ: «аминь,» сказали они почти въ одинъ голосъ. Поднявъ руку къ небу, блѣдный, докторъ проговорилъ: «на колѣни!» Всѣ зашевелились, приготавливаясь исполнить приказаніе.

— Бросимъ въ море наши преступленія, началъ онъ снова. Они тяготѣютъ надъ нами и влекутъ во дну наше судно. Нечего думать о спасеніи жизни, о томъ что спасти невозможно: позаботимся лучше о спасеніи души. Наше послѣднее преступленіе, только что совершенное, или лучше сказать, только что довершенное нами, давить насъ. Думать о спасеніи, когда за нами стоитъ покушеніе на убійство, — значить нечестиво испытывать бездны. Преступленіе противъ ребенка — преступленіе противъ Бога. Я знаю, что намъ необходимо было отправиться, но мы пустились на вѣрную гибель. Буря настгла насъ, и это хорошо, не жалѣйте о жизни. Недалеко отъ насъ берега Франціи: тамъ ждетъ насъ такая же висѣлица, какъ и въ Англіи. Единственное наше убѣжище, Испанія, далеко, и намъ предстояло два рода смерти: либо быть повѣшенными, либо утонуть въ морѣ. Богъ выбралъ за насъ: возблагодаримъ его. Онъ даруетъ намъ такую смерть, которая можетъ омыть наши грѣхи. Наша смерть неизбежна, братья. Вспомните, что мы недавно употребили всѣ усилія для того, чтобъ отправить на небо ребенка,

и что въ ту самую минуту, когда я говорю вамъ, быть можетъ надъ нашими головами душа его обвиняетъ насъ предъ вѣчнымъ судьей. Употребимъ же на раскаяніе послѣднія мгновенія, постараемся заглазить вину: быть можетъ это возможно еще. Если ребенокъ переживетъ насъ — станемъ молиться за него; если онъ умеръ — постараемся, чтобы онъ простилъ насъ. Снимемъ съ себя наше преступленіе, освободимъ отъ него нашу совѣсть. Постараемся избавиться отъ самой ужасной гибели: чтобъ души наши не погибли передъ Господомъ. Тѣла пойдутъ къ рыбакамъ, но души къ дьяволу. Пожалѣйте же самихъ себя. На колѣни, говорю вамъ. Раскаяніе — то судно, которое не тонетъ, а компасъ — молитва.

Волки превратились въ агнать. Въ минуты отчаянія, такія превращенія бывають. Случается, что тигры лижутъ распятіе. Когда открываются мрачныя врата вѣчности — вѣровать трудно, но совѣмъ не вѣровать — невозможно. Какъ бы ни были несовершенны религіи, основанныя человекомъ, въ послѣднія минуты душа содрогнется даже и въ томъ случаѣ, если религія не говоритъ о вѣчности. Чтò-то начинается послѣ смерти. Въ минуту агоніи чувствуешь надъ собою отвѣтственность. Прошлое усложняется будущимъ; извѣстное превращается въ такую же бездну, какъ и неизвѣстное, и эти двѣ бездны, одна, исполненная грѣховъ, другая — ожиданія, сливаются въ одно свои отраженія; это-то сляніе двухъ безднъ и ужасаетъ умирающаго.

Послѣдняя надежда на жизнь въ здѣшнемъ мірѣ исчезла; они понимали и сознавали это, и возложили свои упованія на жизнь будущую. Ужасъ обнималъ ихъ, и они обратились къ доктору, какъ къ яворю спасенія. «Кромѣ тебя, никого у насъ нѣтъ, говорили они. Мы исполнимъ все, чтò прикажешь. Приказывай же!»

— Сколько еще остается намъ времени? спросилъ докторъ у матроса.

— Немного болѣе четверти часа, отвѣчалъ тотъ, посмотрѣвъ на дѣленіе.

— Хорошо.

Онъ вынулъ изъ кармана чернильницу и пергаментъ, на которомъ писалъ въ каютѣ, приказалъ зажечь факель и сталъ читать. И среди моря, на этой палубѣ, медленно погружавшейся въ бездну, словно на колеблющейся поверхности могилы, началось чтеніе, къ которому, казалось, прислушивалась сама тьма. Осужденные на смерть опустили головы; свѣтъ факела увеличивалъ блѣдность ихъ лицъ. Докторъ читалъ по-англійски. Повременамъ, когда чей-нибудь жалобный взоръ, казалось, просилъ

объясненія, докторъ останавливался и повторялъ непонятое слово по-французски, по-испански, по-итальянски или по-басски. Слышались подавленные рыданія и глухіе удары въ грудь.

Окончивъ чтеніе, докторъ положилъ пергаментъ на крышку люка и подписавъ свое имя: *докторъ Герардусъ Гестемунде*, попросилъ подписаться другихъ. Когда всѣ это исполнили, онъ потребовалъ фляжку Гардеваннона, вложилъ въ нее пергаментъ, закупорилъ и осмолилъ.

— Кончено! сказалъ онъ и, повернувшись спиною къ несчастнымъ, подошелъ къ краю палубы, посмотрѣлъ въ пространство и сказалъ съ глубокимъ выраженіемъ: *Vist du bei mir?* Онъ обращался вѣроятно къ какому-нибудь призраку. Барка потопала. Несчастные погружались въ глубокую думу. Молитва— великая сила. Они не склонялись, но какъ-то гнулись, словно опадающій парусъ, когда вѣтеръ стихаетъ. Эта суровая толпа, сложивъ руки и опустивъ голову, мало по малу, принимала положеніе людей, возложившихъ послѣднее упованіе на Бога. Докторъ вернулся къ нимъ. Каково бы ни было его прошедшее, но при развязкѣ своей жизни этотъ старикъ былъ великъ. Роковая минута захватила его не въ располкъ, и переходъ въ вѣчность, наполняя его мысли, не смущалъ его. Спокойствіе ужаса и сознание величія Бога проглядывало въ чертахъ его. Этотъ престарѣлый, погруженный въ думу, разбойникъ былъ величавъ какъ первосвященникъ.

— Слушайте, сказалъ онъ, бросая факель въ море: мы умираемъ. Помолимся.

Всѣ преклонили колѣни. На палубѣ была уже вода. Докторъ одинъ стоялъ. Какъ бѣлыя капли слезъ, падали на него хлопья снѣга, замѣтно выдѣляя его среди тьмы, словно говорящую статую мрака.

— *Pater noster!* произнесъ онъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

И всѣ, каждый на своемъ языкѣ, стали повторять за докторомъ слова молитвы.

— Да будетъ воля твоя, шептали погибающіе.

— Какъ на небеси и на земли...

Никто ужъ не повторялъ этихъ словъ. Черезъ минуту море было гладко. Снѣгъ продолжалъ тихо падать. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была барка, что-то всплыло: то была оплетенная ивякомъ и засмоленная фляжка Гардеваннона.

IV.

На землѣ была такая же сильная буря, какъ и на морѣ, и шель такой же снѣгъ. Побѣждая тысячи трудностей, среди мрака и снѣга, ребенокъ продолжалъ идти. Встрѣтивъ слѣды на снѣгу, онъ нѣкоторое время шель туда, куда они вели, но слѣды вдругъ исчезли; ребенокъ нагнулся и сталъ искать, но ничего не было видно; поднимаясь, онъ услышалъ какой-то трогательный, жалобный и безсиленный крикъ; онъ слышался гдѣ-то вблизи, но гдѣ—ребенокъ долгое время не могъ найти; онъ было-пошелъ впередъ, но крикъ послышался явственнѣе, и онъ вернулся снова. Ему становилось и страшно отъ этого крика, такъ что онъ хотѣлъ бы убѣжать, и жалость проникала въ его сердце. Онъ снова началъ искать и увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, возвышеніе въ человѣческой ростъ, узкое и длинное, похожее на могилу на бѣломъ кладбищѣ. Изъ этого возвышенія послышался крикъ. Ребенокъ нагнулся и сталъ руками раскапывать снѣгъ. Показалось блѣдное лицо съ закрытыми глазами, съ открытымъ ртомъ, полнымъ снѣга; рассыпавшіеся волосы смѣшались со снѣгомъ; ребенокъ дотронулся до этого лица— оно было холодно какъ ледъ. То было неподвижное, мертвое лицо женщины. Ребенокъ сталъ разрывать далѣе и подъ руками его вдругъ что-то зашевелилось: у обнаруженной мертвой груди женщины, гдѣ оставалась еще застывшая капля молока, лежалъ маленькій, худенькій, блѣдный отъ холода ребенокъ. Это была дѣвочка, мѣсяцевъ шести. Ребенокъ ваялъ ее на руки, завернулъ въ свою куртку и пошелъ далѣе. Иногда дѣвочка вскрикивала, тогда онъ начиналъ ее пощипывать и она смолкала. Ноша эта, однако, сильно утомляла его, отнимая послѣднія силы. Къ счастью, онъ попалъ, наконецъ, въ жилие мѣсто. Передъ нимъ явилась вуча трубъ и крышъ, а съ ними надежда на ночлегъ, уживъ и отдыхъ. Эта надежда влила новыя силы въ мальчика, и онъ смѣло постучался у богатаго дома; отвѣта не было; онъ постучался у дома бѣднака—отвѣта не было. Въ Уэймутѣ, куда онъ вошелъ, очевидно всѣ спали и не хотѣли тревожиться для запоздалыхъ прохожихъ. Этотъ недостатокъ гостепріимства могъ быть объясненъ и тѣмъ, что въ январѣ 1690 года только что кончилась чума въ Лондонѣ и жители опасались принять въ домъ, пожалуй, больного бродягу. Пройдя Уэймутъ, который былъ въ то время пригородомъ Мелькомбъ-Реджиса (теперь послѣдній составляетъ приходъ Уэймута), мальчикъ перешелъ мостъ чрезъ рѣку и вступилъ въ Мелькомбъ-

Реджисъ. Тутъ онъ снова сталъ стучаться и снова не получалъ отвѣта: только въ одномъ домѣ отвѣчали ему часы — пробило три часа утра. Мальчикъ насилу волочилъ ноги: къ физической усталости прибавлялось нравственное страданіе отъ того, что люди такъ холодно относились къ нему. Пройдя улицу, онъ очутился на пустомъ пространствѣ. Начиналась снова снѣжная, безлюдная равнина. Отчаяніе овладѣвало имъ.

Въ это время какое-то странное и тревожное рычанье слышалось ему. Было отчего попятиться, но онъ подвинулся: это рычанье давало знать о присутствіи живого существа. Обогнувъ уголь стѣны, онъ увидѣлъ, что тутъ что-то пріютилось, не то телѣга, не то хижина. Судя по колесамъ, — телѣга, судя по крышѣ съ трубой, откуда выходилъ дымъ, — жилище. Сзади, выдающіяся петли указывали дверь, а въ серединѣ этой двери находилось четвероугольное отверстіе, откуда выходилъ свѣтъ. Мальчикъ подошелъ къ этому странному жилищу. Рычанье усилилось, обратилось въ вой и послышался сухой звукъ какъ бы отъ сильно натянувшейся цѣпи, а между заднихъ колесъ выставились два ряда бѣлыхъ и острыхъ зубовъ. Онъ не успѣлъ еще отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило, какъ изъ двернаго отверстія показалась голова и сказала: «Цыц!» Рычанье умолкло. — «Есть тутъ что ли кто?» спросила голова. — Да. — «Кто?» — Я. — «Ты? Кто ты? откуда?» — Я усталъ. — «Который часъ?» — Я озябъ. — «Что ты тутъ дѣлаешь?» — Ёсть хочу. — «Ну, не всякому же такъ счастливо жить, какъ лордамъ! Убирайся!» Голова скрылась и форточка захлопнулась. Ребенокъ опустилъ голову и приготовился идти далѣе.

Кто же были обитатели этого походнаго жилища?

Урсусъ и Гомо (Ursus и Homo, т. е. медвѣдь и человѣкъ). Они были связаны неразрывною дружбой. Урсусъ былъ человѣкъ, а Гомо — волкъ. Они сошлись характерами. Именемъ Гомо человѣкъ окрестилъ волка, а себѣ взялъ имя звѣря. Товариществомъ человѣка и волка услаждались ярмарки, приходскіе праздники, переулки, гдѣ толпится всякій людъ, любящій послушать розказни и купить разныхъ лекарственныхъ снадобій. Толпѣ пріятно было взглянуть на этого послушнаго вроткаго волка, да и всѣ мы не прочь отъ наслажденія поглядѣть на разнаго рода прирученія, чѣмъ объясняется, между прочимъ, почему такая толпа бываетъ на королевскихъ шествіяхъ.

Урсусъ и Гомо ходили изъ города въ городъ, изъ края въ край, съ базара на базаръ; Урсусъ ораторствовалъ, гадалъ и, обладая даромъ чревовѣщанія, подражалъ крикамъ птицъ и животныхъ и говору толпы, а Гомо, наученный своимъ хозяиномъ

нѣкоторымъ любезнымъ манерамъ, съ тарелочкой въ зубахъ обходилъ публику и собиралъ даянія. Урсусъ брался и предсказывать будущее; величая себя «торговцомъ суевѣрїями», онъ говорилъ: «между мной и епископомъ канторберійскимъ только одна разница: я не притворяюсь.» Архіепископу это передали: воспылавъ праведнымъ гнѣвомъ, онъ приказалъ, чтобъ Урсуса представили предъ его очи; но Урсусъ былъ ученъ и хитеръ: онъ обезоружилъ его святѣйшество, сказавъ ему проповѣдь собственнаго сочиненія на день Рождества Христова; архіепископу такъ понравилась проповѣдь, что онъ выучилъ ее наизусть, сказалъ въ церкви и затѣмъ напечаталъ, какъ собственное твореніе. Такимъ образомъ Урсусъ былъ помилованъ.

Онъ и лечилъ, зналъ свойства травъ и занимался химическими упражненіями. Вообще онъ обладалъ самыми разнообразными свѣдѣніями и надѣленъ былъ разнообразными способностями: не даромъ въ молодости жилъ онъ на жалованьи у одного лорда, въ качествѣ «философа». Исправляя ремесло Иппократа, онъ съ искусствомъ не меньшимъ бралъ на себя роль Пиндара и могъ сочинять іезуитскія трагедїи не хуже записного отца іезуита. Онъ сочинялъ даже и комедїи, а народъ, передъ которымъ онъ ихъ представлялъ, очень одобрялъ ихъ. Понятно, что такая бездна знаній могла привести только къ голоду. Салернская школа учить: «Ѣшь мало, но часто». Урсусъ ѣлъ мало и рѣдко, исполняя такимъ образомъ первую часть правила и отвергая послѣднюю; но тутъ была вина не его, а публики, которая не всегда собиралась на его представленія и не всегда покупала. Урсусъ говаривалъ: «Откашливанье сентенцій ублажаетъ. Волеъ утѣшается воемъ, баранъ — шерстью, дѣсь — малиновкою, женщина — любовью, а философъ — риторической фигурой правоучительнаго восклицанія». Быть можетъ отчасти поэтому, отчасти потому, что онъ былъ угрюмъ и избѣгалъ дѣлиться задушевною рѣчью съ другими, Урсусъ любилъ разговаривать съ самимъ собою. Кто жилъ уединенно, тотъ знаетъ, что монологъ свойственъ человѣческой природѣ. Говоря громко съ самимъ собою, кажется, что говоришь съ богомъ, котораго носишь въ себѣ. Извѣстно, что Сократъ имѣлъ эту привычку, Лютеръ также. Подражая этимъ великимъ людямъ, Урсусъ обладалъ способностью быть ораторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ слушателемъ. Онъ задавалъ себѣ вопросы и отвѣчалъ на нихъ, восхвалялъ себя и осыпалъ себя бранью. Встрѣтивъ волка, Урсусъ подружился съ нимъ; волеъ никогда не кусался и былъ добропорядочнымъ, настоящимъ волкомъ изъ породы волковъ-ракоѣдовъ. Урсусъ нашелъ, что для перевозки тяжестей онъ пригоднѣе осла:

на осла́ ему было противно ѣздить, потому что осла онъ слиш-комъ уважалъ. Онъ замѣтилъ, что осель, этотъ четвероногій мыслитель, мало понятый людьми, иногда безпокойно встрахивалъ ушами, когда философы начинали говорить глупости. Въ жизни, между нашей мыслью и нами, осель является такамъ образомъ третьимъ лицомъ, а это неудобно. Какъ друга, Урсусъ по тому предпочиталъ волка собакамъ, что волкъ несравненно менѣе податливъ на дружбу съ человѣкомъ. Англійскій законъ, не особенно вѣжнѣе къ волкамъ, терпѣлъ Гомо въ качествѣ «служителя», ибо въ законѣ было сказано: «всякій служитель, слѣдующій за своимъ господиномъ, можетъ ходить безпрепятственно». Кромѣ того, въ царствованіе послѣднихъ Стюартовъ, на волковъ была мода: придворныя дамы заводили себѣ собачекъ-волковъ, величиною съ кошку, которыхъ выписывали изъ Азіи за огромныя деньги. Заставляя волка тащить походную хижину, хозяинъ тоже навидывалъ себѣ хомуть и братски тянулъ рядомъ съ волкомъ, когда дорога была дурна или трудна. Эта хижина-телѣга была на столько велика, что Урсусъ могъ свободно въ ней растаянуться. Построена она была прочно, хотя изъ тонкихъ досокъ, была размалевана, но неизвѣстно какою краской. Спереди была стеклянная дверь съ маленькимъ балкончикомъ, откуда Урсусъ проповѣдывалъ толпѣ; сзади, для входа въ хижину, служила лѣсенка изъ трехъ складныхъ ступенекъ. Съвозъ отверстіе входной двери прохожіе могли прочесть надпись: «Урсусъ философъ», написанную углемъ на потолкѣ хижины. Кромѣ того, внутри хижины были еще двѣ надписи, чернилами. Одна озаглавлена такъ: «Единственно-необходимое для всякаго познанія». Тутъ подробно перечислялись всѣ привилегіи и титулы англійской аристократіи: «Лорды неприкосновенны. Перы — палата и судъ, concilium et curia, законодательство и юстиція. Лорды-перы считаются «лордами по праву», лорды не перы — «лордами изъ вѣжливости»; только лорды-перы настоящіе лорды. Лордъ не приноситъ присяги ни королю, ни въ судѣ. Достаточно его слова. Общины, т. е. народъ, вызванныя къ лордамъ, являются передъ ними, сидящими въ шляпахъ, смиренно, съ покрытыми головами. Съ биллями къ лордамъ общины отражаютъ сорокъ членовъ, которые представляютъ билль съ тремя глубокими поклонами. Лорды же посылаютъ билль общинамъ черезъ простого клерка. Въ случаѣ спора, обѣ палаты совѣщаются въ размалеванной залѣ, перы сидя и съ покрытыми головами, общины стоя и безъ шапокъ. По закону Эдуарда VI, лорды пользуются привилегіей совершить простое убійство. Лордъ, «просто» убившій человѣка, не преслѣдуется. Лордъ, позванный къ королю, имѣетъ право убить одну или двѣ

лани въ королевскомъ пареѣ. Недостойно лорда показываться на улицахъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ: его должна сопровождать свита изъ дворянъ-служителей. Лордъ можетъ быть присужденъ къ штрафу только лордами, но не болѣе, какъ въ пяти шиллингамъ, исключая герцога, который можетъ быть приговоренъ къ десяти. Только лордъ имѣетъ право не являться по повѣсткѣ шерифа. Лордъ не можетъ быть назначенъ въ милицію. Когда ему угодно, онъ снаряжаетъ полкъ и даетъ его королю. Онъ не можетъ быть подвергнутъ пытѣ даже за измѣну. Лорда не клеймятъ за преступленіе. Лордъ ученъ, даже не умѣя читать: это дается ему рожденіемъ. Обыкновенный смертный, ударившій лорда, наказывается отнятіемъ руки. Лордъ почти король. Король почти Богъ. Земля—лордство. Англичане называютъ Бога милордомъ (мой господинъ).

Противъ этой надписи была другая, съ такимъ заглавіемъ: «Чѣмъ должны довольствоваться тѣ, у кого ничего нѣтъ». Слѣдовало длинное перечисленіе англійскихъ лордовъ по именамъ, съ ихъ замками и богатствами, и въ концѣ слѣдующія строки: «Семьдесятъ два пѣра времени Якова II обладаютъ миллиономъ двумя стами семьдесятю двумя тысячами фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, что составляетъ одиннадцатую часть доходовъ всей Англии». Съ боку, противъ лорда Линнеуса Кленчарли, рукою Урсуса было написано: «Мятежникъ; въ изгнаніи; имѣнія, замки и помѣстья севестрованы. По дѣломъ.»

Урсусъ былъ мизантропъ; онъ часто говорилъ Гомо: «не вырждайся въ человекъ». Глухая злоба на міръ постоянно душила его и онъ облегчалъ себя ворчаньемъ. Онъ былъ въ природѣ представителемъ оппозиціи. Никѣмъ и ничѣмъ недовольный, онъ по всей вѣроятности критически относился къ самому Богу; за то одобрялъ онъ принцевъ и своеобразно возвеличивалъ ихъ. Разъ Яковъ II принесъ въ даръ Богородицѣ одной католической ирландской часовни массивную золотую лампаду; увидѣвъ это, Урсусъ разразился передъ народомъ восклицаніями восторга: «Конечно, пресвятая Богородица болѣе нуждается въ золотой лампадѣ, чѣмъ вотъ эти босня дѣти въ башмакахъ.» Такія доказательства почтенія къ установленнымъ властямъ по всей вѣроятности не мало способствовали тому, что эти власти оставляли въ покоѣ, какъ его, такъ и его товарища. Власти никогда не заподозрѣвали его въ принадлежности къ преслѣдуемымъ шайкамъ дѣтопокупателей, и резонно, потому что Урсусъ не принадлежалъ ни къ какой шайкѣ; онъ былъ самъ по себѣ, честолюбіе его стремилось къ тому, чтобъ быть карайбомъ; не сдѣлавшись карайбомъ, онъ сталъ пустыннымъ и мизантропомъ.

Считая человѣческую жизнь вообще чѣмъ-то ужаснымъ, замѣтивъ повсюду преобладаніе бичей, королей надъ народами, войны надъ королями, заразы надъ войною, голода надъ заразою, глупости надъ всѣмъ; убѣдившись, что въ самомъ фактѣ существованія есть уже извѣстная доля кары, признавъ, что смерть есть освобожденіе, онъ вылечивалъ больныхъ, давалъ крѣпительныя лекарства старикамъ, безногихъ ставилъ на ноги и саррастически замѣчалъ: «ну, теперь наслаждайтесь въ этой юдоли плача». Встрѣчая умирающаго съ голоду, онъ отдавалъ ему всѣ свои гроши, ворча: «живи, несчастный! жри! Ужъ не я, братъ, избавлю тебя отъ каторги жизни, нѣтъ!» И, потирая руки, онъ прибавлялъ: «Вотъ какъ! Я врежу людямъ изо всѣхъ силъ.»

V.

Неудивительно послѣ всего сказаннаго, что Урсусъ хотѣлъ повредить и мальчику, который пришелъ у него просить приюта. Когда мальчикъ собирался уходить, Урсусъ отворилъ дверь и грубовато приказалъ ему войти. Мальчикъ вошелъ. Въ жилищѣ не было огня, но она освѣщалась чугуною печью, въ которой горѣлъ торфъ. Вмѣсто мебели — сундукъ и скамья; по стѣнамъ разная рухлядь. Мальчикъ положилъ свою ношу бережно на сундукъ.

— Что это ты кладешь такъ бережно, точно мощи! Или боишься попортить свои лохмотья? Ахъ, мерзкій негодяй, въ такую пору шляется по улицамъ! Кто ты, говори? Нѣтъ, погоди, не смѣй отвѣчать, сначала согрѣйся. Однако, ты, братъ, ужъ и вымокъ, ужъ и иззябъ! Къ чорту эти лохмотья, каналья!

И Урсусъ, сорвавъ съ мальчика лохмотья, принялся передъ печью оттирать его тѣло.

— Каково! Ничего не отморозилъ. Одѣвайся и ѣшь! и онъ придвинулъ ему горшокъ съ саломъ и картофелемъ. Мальчикъ принялся уписывать.

— Господи, какъ онъ жретъ! Не знаетъ, шельма, никакого благородства. Посмотрѣлъ бы, какъ кушаютъ лорды: они больше пьютъ, чѣмъ ѣдятъ, и это возвышенно. Удостоился я видѣть, какъ изволялъ кушать король Яковъ II: ни до чего не дотронулся его величество, а этотъ лохмотникъ жретъ! И занесъ же меня чортъ въ этотъ Уэймутъ. Съ самаго утра гроша не добылъ, а тутъ еще корми нищихъ! Вотъ мерзкая сторонка! Ышь, ѣшь, чортовъ сынъ, жирѣй на мой счетъ, паразитъ проклятый. Каковъ аппетитъ-то! И знать не хочетъ, каналья, что мнѣ тоже

ѣсть хочется. Работалъ цѣлый день, вотъ, думаю, спарю себѣ картошекъ и славно поужинаю. Не тутъ-то было — эта щука, эта акула, этотъ волченочъ вползъ ко мнѣ и все опустошилъ. Впрочемъ, жри себѣ, жри: у меня еще молоко есть.

Въ это время раздался пискъ изъ лохмотьевъ, сложенныхъ на сундукѣ.

— Это еще что такое? вскричалъ Урсусъ, развертывая лохмотья. Другой ребенокъ! Откуда, разбойникъ, ты принесъ это, а? Ну, видно, и съ молокомъ разстаться придется.

Онъ одѣлъ дѣвочку въ сухія тряпки, устроилъ изъ стлянки соску, налилъ въ нее молока и взявъ дѣвочку на руки, сунулъ ей соску въ ротъ ворча: «ну, ѣшь, тварь, ѣшь. Вотъ и замолчала. И всѣ-то они на одинъ ладъ, поганцы: когда дашь имъ того, чего просятъ — сейчасъ замолчатъ». Между тѣмъ мальчикъ положилъ вилку, заглядѣвшись на кормившуюся дѣвочку, которая видимо оживала. Это окончательное воскрешеніе дѣвочки, начатое имъ, растрогало мальчика до слезъ, и онъ любовно обращалъ свои взоры на Урсуса.

— Ты чего не ѣшь?

— А вы? Вамъ ничего не останется.

— ѣшь все, исчадіе сатаны, а обо мнѣ не печалься, босоногій нищій. Говорятъ тебѣ, все ѣшь, иначе я выброшу тебя вонъ отсюда вмѣстѣ съ этой негодницей. Послѣ этой угрозы, мальчикъ снова принялся за ѣду. Урсусъ присѣлъ на сундукъ и продолжалъ кормить дѣвочку, которая съ наслажденіемъ тянула изъ соски.

— Вотъ и проповѣдуй воздержаніе, ворчалъ онъ. Вѣдь какъ пить! Даромъ что мала, а точно пьяница. Впрочемъ, пьянство съ пеленокъ и начинается... Печка такъ дымить, что задохнуться можно, а отъ дыму я никакъ не разглажу этой мордочки, злоупотребляющей моимъ гостепріимствомъ. Вообще комфорту у меня мало, а не худо бы попировать въ теплыхъ комнатахъ. Я рожденъ чувственнымъ, а вотъ, поди, не исполнилъ же своего призванія! Величайшій изъ мудрецовъ, Филоксенъ, желалъ имѣть шею журавля, чтобъ дольше наслаждаться удовольствіями обѣда, и я это понимаю. А тутъ какъ разъ никакой выручки! Въ этомъ проклятомъ городѣ никто даже не боленъ, никто лекарства не купилъ. Только у неба сдѣлалось разстройство желудка, и за то какъ оно хлещетъ снѣгомъ! Ураганъ тоже хорошъ. Ну-ка, други мореплаватели, какъ-то вы справитесь съ бурей! А я вотъ и съ собственной жизнью не справлюсь, а тутъ еще путешественники у меня останавливаются, точно я гостинницу содержу. Всеобщая беспомощность даже въ мою нищету забрасываетъ

удочку; даже въ мою хижину понадають отвратительныя капли человѣческой грязи, и я дѣлаюсь жертвою голодныхъ, обжоръ и бродягъ! Осмѣливаются гулять по улицамъ, когда всѣ добрые люди спятъ! Да еслибъ узналъ объ этомъ нашъ добрый король, онъ велѣлъ бы тебя посадить въ тюрьму и высѣкъ бы на площади. Да, а ты думаешь какъ? Въ просвѣщенномъ государствѣ, братъ, порядокъ прежде всего. На то есть и указы и приказы, чтобъ бродягъ не было. У меня вотъ домъ, а у тебя что? Я бы долженъ донести на тебя. И сколько онъ снѣгу натащилъ сюда, чертеновъ! Ну что, съѣлъ мой ужинъ, воришка? И эта тварь выпила все.

Онъ всталъ и, поддерживая малютку одной рукой, другою досталъ изъ сундука медвѣжью шкуру, которую называлъ онъ своей «настоящей» шкурой, и завернулъ въ нее ребенка. Уложивъ ее, онъ обратился къ мальчику съ вопросами, кто онъ, кто его родители, гдѣ онъ подобралъ дѣвочку. Мальчикъ отвѣчалъ, что не знаетъ кто онъ и не знаетъ своихъ родителей, а дѣвочку подобралъ на дорогѣ въ такомъ-то мѣстѣ. Уложивъ мальчика рядомъ съ дѣвочкой, Урсусъ ушелъ съ волкомъ отыскивать замерзшую женщину, надѣясь возвратить ее въ жизни, но было уже поздно. Только къ утру возвратился онъ изъ этого похода. Мальчикъ проснулся и со страхомъ поглядѣлъ на волка, который тихо подошелъ къ сундуку и нѣжно сталъ лизать руку дѣвочки, свѣсившуюся съ сундука.

— Хорошо, Гомо, сказалъ Урсусъ. Я буду отцомъ, а ты дядей. Усыновимъ ихъ. Такъ? и взгляды его упали на мальчика.

— Чего ты смѣешься? вскрикнулъ онъ.

— Я не смѣюсь, отвѣчалъ мальчикъ.

Урсусъ вздрогнулъ, внимательно посмотрѣлъ на мальчика въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и сказалъ: «ты ужасенъ». Онъ положилъ обѣ руки на плечи мальчика, снова разглядѣлъ его лицо и вскрикнулъ:

— Не смѣйся же!

— Я не смѣюсь, сказалъ мальчикъ.

— Я тебѣ говорю, что ты смѣешься, дрожа всѣмъ тѣломъ говорилъ Урсусъ, и схвативъ ребенка съ какою-то яростью, настойчиво спросилъ: «это это съ тобой сдѣлалъ?»

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Съ которыхъ поръ ты смѣешься такъ?

— Я всегда былъ такой.

Урсусъ отвернулся отъ мальчика и тихо проговорилъ: «я думалъ, что это занятіе уже вышло изъ употребленія... Посмотримъ, что говоритъ докторъ Конквестъ». Онъ вынулъ изъ-подъ

изголовья дѣвочки большую книгу, и перелистывая ее, остановился..... «*De denasatis..... Это самое, сказалъ онъ..... Bucca fisca usque ad aures, genzivi denudatis, nasoque turdridato, masca eris, et ridebis semper*»¹⁾). Происшествіе, въ которое углубляться нездорово. Останемся на поверхности. Смѣйся, мой милый.»

Въ это время дѣвочка проснулась и закричала. Урсусъ взялъ соску и вложилъ ее въ ротъ ребенка. Восходящее солнце, лучи котораго, проникая сквозь стекло, прямо падали на лицо дѣвочки, отразились въ зрачкахъ ребенка: зрачки оставались неподвижны, какъ и вѣки.

— А, сказалъ Урсусъ: она слѣпа!

VI.

Мы должны вернуться назадъ, во временаъ англійской республики.

Въ 1650 году, парламентъ декретировалъ слѣдующую присягу: «объщаюсь быть вѣрнымъ республикѣ, безъ короля, безъ государя, безъ господина». Такъ какъ республика одно время одержала верхъ надъ монархіей, то неудивительно, что англійскіе перы присягнули ей. Въ числѣ ихъ былъ и баронъ Линнеусъ Кленчарли. Но въ 1660 году положеніе дѣлъ измѣнилось. Англія освободилась отъ Кромвеля, который съ своей республикой совершилъ множество несообразностей, въ родѣ слѣдующихъ: пользуясь смутами въ Германіи и Франціи, онъ возвысилъ Англію, унизивъ Нидерланды и Португалію, основалъ морское могущество своей родины побѣдами на морѣ и торговлею, заставилъ континентъ бояться себя, предписывалъ миръ, возбуждалъ войну, воздвигъ англійскіе флаги тамъ, гдѣ прежде владычествовали континентальныя державы, и говорилъ: «я хочу, чтобъ англійскую республику уважали также, какъ и римскую». Ничего священнаго не стало: слово сдѣлалось свободно: на улицахъ можно было говорить, что хочешь, можно было печатать все безъ цензуры и контроля. И вотъ этотъ порядокъ исчезъ: Карлъ II, блестящій, роскошный, любезный, даровалъ Англіи забвеніе о томъ времени, когда сынъ гентингдонскаго пивовара клалъ ногу на голову Людовика XIV. Англія баялась, вздыхала и радовалась; ликованіе дополнялось висѣльями слишкомъ ярыхъ приверженцевъ рееспублики; безъ висѣлицъ торжество было бы не полное. Здравый смыслъ возвра-

¹⁾ Т. е. «Ротъ распоровъ до ушей, обнаруживъ десна и исковеркавъ носъ, обратишь лицо въ маску и всегда будешь смѣяться.»

щался во всѣмъ. Ко всѣмъ ли? Бъ сожалѣнію, нѣтъ. Лордъ Кленчарли какъ будто не могъ забыть своей присяги; онъ не могъ сообразить, что раскаяніе всегда съ удовольствіемъ принимается во время реставраціи, что Карль II былъ государь добрый для тѣхъ, кто къ нему возвращался, что такіа значительныя лица, какъ Монкъ, сдѣлавшись вѣрными слугами трона, были вознаграждены по-королевски. Лордъ Кленчарли какъ будто не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть ликованій, цѣлаго ряда великолѣпныхъ пиршествъ и праздниковъ, веселаго, блестящаго двора и т. п. Всему этому онъ предпочелъ изгнаніе и, удалившись въ Швейцарію, тихо и уединенно доживалъ вѣкъ свой на берегу Женевского озера. Понятно, что его всѣ осуждали: одни смѣясь, другіе негодуя. Развѣ это упрямство—добродѣтель? Развѣ это самопожертвованіе благородно? Истинная мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не преувеличивать. Будьте въ оппозиціи, браните, если угодно, но дѣлайте это прилично и продолжайте возглашать: да здравствуетъ король! То, что падаетъ, должно было упасть, то, что возвышается — должно было возвыситься. Таковъ законъ провидѣнія. Всего этого Кленчарли понять не могъ. Къ счастью, для бѣднаго лорда скоро открыто было одно смягчающее обстоятельство — онъ былъ глупъ; съ этимъ всѣ соглашались, но нѣкоторые прибавляли, что и глупость должна имѣть свои границы, которыя Кленчарли, очевидно, переступилъ.

Доброе старое время возвратилось при Карлѣ II; прекрасныя женщины царствовали и управляли. У Эвелина находимъ такіа строки: «Сладострастіе, оскверненіе святыни, презрѣніе Бога. Разъ, въ воскресенье, я видѣлъ короля съ его любовницами, Портсмуть, Клевеландъ, Мазарини и двумя или тремя другими; всѣ были почти голыя въ игорной галлерей». Эвелинъ не понималъ пользы порока, а польза была очевидна, не будетъ пороковъ, не будетъ и прекрасныхъ женщинъ. А вліяніе ихъ безъ сомнѣнія благотѣльно отражалось на свойствахъ короля. Но добродушію своему онъ не обратилъ почти никакого вниманія на странную и неприличную оппозицію Кленчарли. Но Яковъ II былъ внимательнѣе. Если Карль II управлялъ спустя рукава, то Яковъ II затянулъ возжи. Онъ имѣлъ похвальное честолюбіе—быть дѣйствительнымъ королемъ; въ его глазахъ царствованіе его предшественника было только легкимъ наброскомъ реставраціи; онъ же хотѣлъ нарисовать полную его картину. Еще въ 1660 г. онъ жаловался, что повѣсили только десять «царубійцъ», какъ называли приверженцевъ Кромвеля. Желая возстановить настоящее правосудіе, которое должно быть выше сантиментальныхъ разглагольствій и должно имѣть прежде всего въ виду ин-

тересы общества, онъ вручилъ правосудіе Джефрису, а мечъ Кирке. Полезный этотъ полковникъ однажды четыре раза сряду повѣсилъ одного республиканца, спрашивая его всякій разъ: «отрекаешься ли ты отъ республики?» Но злодѣй постоянно говорилъ: «нѣтъ», и его повончили. «Я его четыре раза повѣсилъ», хвастался Кирке. Подобные подвиги его многочисленны; казнили даже женщинъ, а одну сожгли живьемъ. Какъ мы уже знаемъ, Яковъ II былъ очень религіозный человекъ и умерщвлялъ свою плоть безобразіемъ своихъ любовницъ. По всей вѣроятности, этому именно онъ обязанъ тѣмъ достоинствомъ, съ которымъ держалъ себя въ изгнаніи, мирно бесѣдуя съ отцами іезуитами. Понятно, что такой король не могъ не заняться немножко такимъ мятежникомъ, какъ лордъ Кленчарли.

Лордъ Кленчарли имѣлъ незаконнаго сына, который родился какъ разъ въ то время, когда отецъ отправлялся въ Швейцарію. Дитя это воспиталось въ качествѣ пажа при дворѣ Карла II и затѣмъ получило дальнѣйшій ходъ. Милость эта объясняется тѣмъ, что любовница Кленчарли, мать этого сына, удостоилась королевской любви. Она принадлежала къ знати и оставила своему сыну, послѣ смерти своей, помѣстье Дирри-Мойръ, въ Шотландіи. Отъ имени этого помѣстья и сынъ получилъ отъ Якова II право называться лордомъ Дирри-Мойръ. Да, Давидъ Дирри-Мойръ и при Яковѣ продолжалъ процвѣтать и идти въ гору. Король признавалъ за этимъ роялистомъ право быть сыномъ республиканца: отверженный отецъ не вредитъ начинающейся придворной карьерѣ. Король сдѣлалъ лорда Давида своимъ спальникомъ, которыхъ всего было двѣнадцать. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобъ поочередно спать возлѣ короля, на особо приготовленной постели; кромѣ того лордъ Давидъ наблюдалъ за королевскими вучерами, лакеями, имѣлъ счастье стоять за королемъ въ тѣ дни, когда его величество жертвовалъ на церковь золотую монету, byzantium, въ дни ожерелья, когда король носилъ ожерелье своего ордена, и въ дни причастія, когда никто не причащался, кромѣ короля и принцевъ. Онъ же, въ великій четвергъ, приводилъ къ его величеству двѣнадцать бѣдныхъ, которымъ король раздавалъ по стольку серебряныхъ монетъ, сколько было ему лѣтъ жизни и по стольку шиллинговъ, сколько протекло лѣтъ его царствованія. На его же обязанности лежало, во время болѣзни короля, не допускать къ страждущему докторовъ безъ разрѣшенія государственнаго совѣта. Кромѣ того, онъ былъ полковникомъ шотландскаго полка королевской гвардіи и въ этомъ чинѣ совершилъ нѣсколько походовъ, гдѣ отличился мужествомъ. Милость къ нему короля была такъ велика, что онъ могъ бы

даже сдѣлаться *groom of the stole*, что давало бы ему привилегію надѣвать на короля рубашку, но для этого необходимо было сдѣлаться перомъ или принцемъ. И его величество желалъ только предлога, чтобъ лорда Дирри-Мойра сдѣлать «лордомъ по праву» изъ «лордовъ по учтивости».

Случай скоро представился. Изъ Швейцаріи пришло извѣстіе, что лордъ Кленчарли умеръ. Ходили темные слухи, что не долго до смерти, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ женился на дочери одного изъ «царубійцъ», Аннѣ Бредшау, которая тоже умерла, оставивъ сына, «прекраснаго какъ день», что говорится во всѣхъ сказкахъ. Слухи эти, по всей вѣроятности, принадлежали также къ области сказокъ, и король разомъ покончилъ съ ними, объявивъ, что, «за отсутствіемъ законнаго наслѣдства», всѣ титулы и имѣнія покойнаго лорда Кленчарли переходятъ къ лорду Давиду Дирри-Мойръ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ женился на нѣкоей герцогинѣ Джосіанѣ, бывшей въ то время еще ребенкомъ. Эта герцогиня въ пеленкахъ, обладательница наслѣдства Кленчарли, имѣла и свое огромное богатство, подаренное ей герцогомъ Йоркскимъ и Генриеттою англійскою, герцогиней орлеанской, первой женщиной во Франціи послѣ королевы.

Лордъ Давидъ продолжалъ процвѣтать и при Вильгельмѣ, разсудивъ, что неблагоразумно отправляться въ изгнаніе вмѣстѣ съ благодѣтелемъ своимъ, Яковомъ. Онъ продолжалъ быть совершеннѣйшимъ кавалеромъ: доводилъ пороки до необыкновенной утонченности, былъ немножко поэтомъ, добрымъ слугою государства, добрымъ лакеемъ короля, непремѣннымъ членомъ всѣхъ празднествъ, церемоній, выходовъ, храбрымъ воиномъ, по мановенію его величества готовымъ жертвовать жизнью, совершеннѣйшимъ придворнымъ, очень чваннымъ, всесильнымъ, но великодушнымъ, роскошнымъ, законодателемъ моды и молодымъ человѣкомъ въ сорокъ пять лѣтъ. Онъ былъ душою молодежи: *nobility* и *gentry* благоговѣло передъ нимъ. Упомянемъ объ одной необыкновенной заслугѣ лорда Давида: онъ осмѣлился носить собственные волосы. Начиналась реакція противъ париковъ. Какъ въ 1824 г. Эженъ Деверіа дерзнулъ первый отпустить бороду, такъ въ 1702 г. Прайсъ Деверью, лордъ Герефордъ и перъ Англіи, дерзнулъ показаться въ обществѣ въ прическѣ изъ собственныхъ волосъ. Негодованіе было общее, и когда дошло оно до своего апогея, лордъ Давидъ ему послѣдовалъ. Такія событія предвѣщаютъ обыкновенно конецъ міра. Лорда Давида проклинали еще больше, хотъ онъ былъ вторымъ; но иногда вторымъ быть труднѣе, чѣмъ первымъ, ибо тутъ хотя и меньше требуется изобрѣ-

тательности, за то больше мужества. Первый, увлекаемый мыслью о нововведеніи, могъ не предвидѣть опасности; второй видитъ бездну и, однако, въ нее устремляется. Впослѣдствіи общество стало подражать этимъ двумъ революціонерамъ, и пудра явилась какъ смягчающее обстоятельство.

Со времени реставраціи революціонные клубы были запрещены, зато развилось множество другихъ, гдѣ богатые люди скромно веселились. Лордъ Давидъ былъ «лидеромъ» многихъ клубовъ. Такъ, будучи красавцемъ, онъ принадлежалъ къ «Клубу Безобразныхъ», который принималъ на себя обязанность драться не за женщину, а за безобразнаго человѣка. Зала клуба была украшена портретами самыхъ безобразныхъ людей. Въ тотъ день, когда красавица Визаръ заболѣла оспою, клубъ провозгласилъ за нее тостъ; онъ послалъ дипломъ на почетнаго члена Мирабо и процвѣталъ еще въ началѣ XIX вѣка. Былъ «She goes Club», задача котораго заключалась въ слѣдующемъ: брали на улицѣ женщину, первую встрѣчную, но не старую и не дурную, конечно мѣщанку, и насильно влекли ее въ клубъ, гдѣ заставляли ходить на рукахъ, поднимая ноги къ верху, причемъ лицо покрывалось ниспадавшими юбками. Если она пробовала сопротивляться, то пускали въ дѣло хлысть. Былъ «Клубъ головныхъ ударовъ», получившій свое названіе отъ того, что члены упражнялись въ подобномъ занятіи. Высмотрѣвъ какого-нибудь дурака съ широкою грудью и глуповатымъ лицомъ, уговаривали или принуждали его, за бутылку портера, позволить дать себѣ четыре удара головою по груди. Члены клуба были такіе молодцы, что, случалось, съ двухъ ударовъ эта живая мишень испускала духъ. Былъ еще «Фенъ-Клубъ» (Fun-Club). Fun, какъ юморъ, слово непере译имое и занимаетъ такое же мѣсто относительно фарса, какъ перецъ относительно соли. Проникнуть въ домъ, разбить въ немъ дорогое зеркало, испортить фамиліные портреты, отравить собаку, посадить кошку въ голубятню, заставить ложнымъ извѣстіемъ какое-нибудь семейство надѣть трауръ—это fun. Въ царствованіе Якова II одинъ молодой миллионеръ, поджегши ночью хижину, заставилъ помирать со смѣху весь Лондонъ и былъ за это провозглашенъ «королемъ fun'a». Бѣдные обитатели хижины спаслись въ однѣхъ рубашкахъ. Члены Fun Club'a, всѣ изъ высшей аристократіи, бѣгали по бѣднымъ кварталамъ Лондона, когда мирные граждане предавались сну, и вырывали петли изъ ставень и дверей, портили трубы и цистерны, срывали вѣвѣски, опустошали огороды, гасили фонари, разбивали окна. Понятно, что богачамъ все это сходило съ рукъ. Еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великобританіи,

напр. на Гернсеѣ, время отъ времени милая молодежь занимается подобными шутками.

Самый значительный клубъ имѣлъ предсѣдателемъ «императора», который носилъ на лбу полумѣсяцъ и назывался «великимъ могокомъ». Могокъ превосходилъ fun. Цѣль этого клуба была грандіозная: дѣлать зло для зла, вредить во что бы то ни стало, не разбирая средствъ. Каждый членъ имѣлъ какую-нибудь специальность: одни заставляли прохожихъ плясать, шпигуя ихъ ляпки шпагою, другіе окружали какого-нибудь бездѣльника, съ рапирами въ рукахъ, человѣкъ восемь или девять вмѣстѣ; бездѣльнику, обруженному со всѣхъ сторонъ, конечно, нельзя было не обратиться къ какому-нибудь изъ господъ дворянъ спиною; тогда этотъ послѣдній наказывалъ его за то пыркомъ рапиры, и бездѣльникъ подпрыгивалъ, обращаясь спиной къ другому дворянину, который тоже пыралъ; проплавая такимъ образомъ достаточное количество времени и, весь окровавленный, онъ поступалъ въ распоряженіе лакеевъ, которые били его палками, чтобъ дать другой оборотъ его мыслямъ. Третьи, со смѣхомъ оставливая на улицахъ прохожихъ, разбивали имъ носы кулакомъ и запускали большіе пальцы въ ихъ глаза; если отъ этой шутки прохожій лишался глазъ, то получалъ за нихъ вознагражденіе.

Такъ веселились праздные лондонскіе богачи въ началѣ XVIII вѣка. Лордъ Давидъ принималъ участіе въ этихъ забавахъ, но всегда вознаграждалъ потерпѣвшихъ отъ него. Кромѣ того, онъ предавался съ большимъ наслажденіемъ воспитанію пѣтуховъ для боевъ и боксеровъ. Любо было смотрѣть на него, какъ онъ обрѣзывалъ ножницами хвостъ пѣтуху, заострялъ ему каждое перышко крыла, обчищалъ ножичкомъ лапы, заострялъ когти, надѣвалъ ему шпоры, плевалъ ему на голову, на шею, обливая его такимъ образомъ слюною, какъ древле натирали масломъ атлетовъ. Воспитаніе боксеровъ брало у него также не мало времени. Во-первыхъ, надо было выбрать самаго крѣпкаго и сильнаго дѣтину, во-вторыхъ, прилагать къ нему постоянныя заботы: ежедневно отмѣривать ему вино, отыѣшивать извѣстныя порціи мяса, наблюдать за его сномъ, отпуская для этого только извѣстное количество часовъ, не выпускать его изъ виду на улицѣ, отстраняя отъ него всякія опасности, въ томъ числѣ пьяныхъ солдатъ и хорошенькихъ женщинъ. Пользуясь славою въ средѣ аристократической молодежи, лордъ Давидъ пріобрѣлъ популярность и въ народѣ подъ именемъ Томъ-Джимъ-Джека. Народъ, впрочемъ, не зналъ, что подъ именемъ этимъ скрывается лордъ Давидъ: дѣло въ томъ, что послѣдній, страстно любя звѣрince, балаганы, паяцовъ, комедіантовъ, переодѣвался, чтобъ не ком-

прометировать свое званіе, въ простое платьѣ и вмѣшивался въ народную толпу. Такова была школа, въ которой готовился лордъ Давидъ къ политической дѣятельности, въ качествѣ наследника лорда Кленчарли и мужа прелестной герцогини Джосіаны.

VII.

Герцогинѣ Джосіанѣ было въ 1705 г. двадцать три года, а лорду Давиду сорокъ три, но ни она, ни онъ не обнаруживали непремѣннаго желанія соединиться брачными узами, ибо оба дорожили своей свободой и преимуществами холостой жизни. Они не любили другъ друга, но другъ другу нравились, и считали пока достаточною ту близость, которая устанавливается между женихомъ и невѣстою. Лордъ Давидъ держалъ пари, боксировалъ, дѣлалъ долги; Джосіана наслаждалась всѣми преимуществами роскоши. Это была дѣвушка неприступная и гордая, но прежде всего — тѣло, тѣло великолѣпное. Она была очень высока, чудесная грудь, быстрый и ясный взглядъ, волосы съ тѣмъ отѣнкомъ, который можно было бы назвать пурпурно-бѣлокурнымъ, жирная, свѣжая, румяная, крѣпкаго сложенія, дерзкая и умная. Любовника у ней не было, но не имѣлось и цѣломудрія; за гордостью она была какъ за каменною стѣной; мужчины — *fi donc!* — развѣ только богъ или чудовище были достойны ея. Если добродѣтель состоитъ въ неприступности, то Джосіана была сама добродѣтель, но безъ искры невинности. Она была слишкомъ высокомерна, чтобъ имѣть приключенія, но не разгнѣвалась бы, еслибъ ей приписали ихъ, для чего, однако, необходимо было, чтобъ приключенія носили на себѣ отпечатокъ диковинности и соответствовали ея сану. О своей репутаціи она заботилась мало, но много о своей извѣстности. Казаться податливой и быть неприступной — вотъ въ чемъ заключается совершенство. Джосіана чувствовала, что она сама величавость и сама матерія. Она не столько плѣняла своей красотой, сколько обхватывала ею и столько же удивилась бы, еслибъ въ груди ея указали ей душу, какъ за спиной крылья. Она не знала жалости, которая такъ легко у женщинъ обращается въ любовь, и не знала не по безчувственности. Древніе сравнивали тѣло съ мраморомъ рѣшительно ложно. Мраморъ — смерть и неподвижность; красота тѣла — жизнь и трепеть. Тѣло, на извѣстной степени красоты, почти имѣетъ право являться обнаженнымъ, ибо блескъ служить ему покрываломъ; кто увидѣлъ бы Джо-

сіану обнаженной, тому предстала бы она въ такомъ ослѣпительномъ, лучезарномъ блескѣ, что онъ не разсмотрѣлъ бы ея формъ, и она охотно показала бы въ такомъ видѣ сатиру или евнуху, потому что сдѣлать предметъ пытки изъ своей наготы—ее забавляло бы. Хотя ни одна страсть не приближалась къ ней, но она всѣ ихъ отвѣдала. Къ осуществленію желаній она чувствовала отвращеніе и въ то же время вкусъ. Еслибъ она поразила себя кинжаломъ, то, подобно Лукреціи, послѣ. Всѣ отѣнки разврата, путемъ видѣній и мечтаній, были отвѣданы этою дѣвственницею. Высокомѣрная по своему знатному происхожденію, она была бы не прочь устроить для самой себя паденіе. Одно время она восторгалась Буфлеромъ, который ломалъ руками подковы, и сожалѣла, что Геркулесъ умеръ. Она жила въ ожиданіи какаго-то высшаго, сладострастнаго идеала.

Она могла похвалиться ученостью, ибо разсуждала о Локкѣ, знала по-латыни, и вмѣстѣ съ тѣмъ была жеманна и причудлива, слѣдую въ этомъ случаѣ модѣ. Вспомните Елизавету, которая въ теченіе трехъ вѣковъ оставалась типомъ не только англичанки, но и англичанки. Она играла топоромъ и переводила Горація. Некрасивая собой, она повелѣла считать себя красавицей, любила четверостишія и акrostихи, привазывала, чтобы ключи городовъ подавали ей купидоны, закусывала губу по-италіански и вращала зрачкомъ по-испански, имѣла въ своемъ гардеробѣ три тысячи платьевъ и нарядовъ, изъ которыхъ многіе состояли изъ костюмовъ Минервы и Амфитриды, уважала ирландцевъ за ширину ихъ плечъ, обожала розы, ругалась, топала ногами, била своихъ фрейлинь кулаками, посылала къ чорту Дѣддея, била канцлера Берлейга, который плакалъ, плевала на Матью, хватала за шиворотъ Гаттона, дала пощечину Эссексу, показывала свою ляжку Бассомпьеру, и оставалась дѣвою. Но, что сдѣлала она для Бассомпьера, царица Савская сдѣлала для Соломона: что библейски, то можетъ быть англиканскимъ, и цинизмъ стоитъ притворства. Въ нравахъ того времени была еще одна особенность — вкусъ къ уродливому, и этотъ вкусъ былъ развитъ особенно у женщинъ и именно у красивыхъ. Марія Стюартъ была «благосклонна» къ Ричію, который былъ безобразенъ и горбатъ, Марія Терезія испанская была «немножко фамиллярна» съ негромъ, откуда и прозвище ея — «черная аббатисса»; вообще въ альковахъ великаго вѣка горбатымъ было привольно. Даже самимъ красавицамъ не мѣшало, если онѣ имѣли какіе-нибудь недостатки. Такъ, у Анны Болейнь одна грудь была больше другой, на одной рукѣ было шесть пальцевъ и одинъ зубъ двойной. Лавальеръ была криво-

нога. Въ нравственномъ отношеніи тѣже уклоненія. Днемъ—женщины, ночью — образецъ извращенности природы и разврата. Високорожденныя женщины ходили на площади цѣловать свѣжеотрубленныя головы, надѣтыя на желѣзныя колья. Маргарита Валуа носила на себѣ, въ жестяныхъ коробкахъ, сердца всѣхъ своихъ любовниковъ. Въ XVIII вѣкѣ, герцогиня Беррійская, дочь регента, всѣ эти созданія соединила въ себѣ, соединила въ царственномъ и непристойномъ типѣ.

Жеманность и причудливость были полезны въ томъ отношеніи, что они, такъ сказать, выгораживали васъ изъ рода человѣческаго, ставили его къ вамъ на приличную дистанцію; жеманница имѣла такой видъ, что будто ей противны извѣстныя вещи, а это защищаетъ: она уступить, но презираетъ, ждите и ухаживайте. Джосіана имѣла страшную склонность къ безстыдству и причудливости, и только гордость воздерживала ее отъ какой-нибудь выходки. Честолюбіе ея заключалось въ томъ, чтобъ совершить что-нибудь невозможное. Всѣ инстинкты ея клонились къ тому, чтобъ отдаться любовницею, а не мужу. Это гораздо пріятнѣе и увлекательнѣе. Бракъ разрушаетъ волю, отнимаетъ право выбора, вноситъ въ отношенія мужа и жены правильность, снимаетъ таинственные покровы съ нѣкоторыхъ роковыхъ и періодическихъ явленій, дѣлаетъ изъ женщины слугу, а изъ мужчины господина, между тѣмъ какъ, внѣ брака, царицей является женщина, а работою мужчина. Выйти замужъ за лорда Давида — было необходимо, но какъ это жаль! Оба они предпочитали желать другъ друга, но не обладать другъ другомъ; для обладанія—у него были другія женщины, а у ней—сны, и сны были почище дѣйствительности. Еще одна особенность: у Джосіаны одинъ глазъ былъ голубой, другой—черный. Зрачки ея, казалось, были сотканы изъ любви и ненависти, изъ счастья и несчастья. День и ночь соединялись въ ея взорѣ.

VIII.

Надъ этою парю стояла королева Анна, женщина самая обыкновенная. Она была весела, благосклонна, величественна, пожалуй. Ни одно изъ достоинствъ ея не возвышалось до добродѣтели, и ни одинъ изъ ея недостатковъ не унижался до порока. Дородность ея была рыхлая, злорѣчивость — тупая, доброта—глупая. Она была упряма и безхарактерна. Какъ супруга, она была и вѣрна и невѣрна своему мужу: сберегая для него одного ложе свое, она раздавала сердце свое фаворитамъ. Какъ

христіанка, она была ханжа. Единственная красота ея заключалась въ плотной шеи Ніобеи и въ бѣлой и нѣжной кожѣ, вслѣдствіе чего она любила показывать то и другое и ввела моду на ожерелья изъ крупнаго жемчуга. Все остальное въ ея особѣ не особенно удалось: узкій лобъ, чувствєнныя губы, мясистыя щеки, близорукіе глаза; близорукость простиралась на умъ ея. За исключеніемъ припадковъ веселости, она имѣла такой видъ, точно дулась на кого, и нагоняла на окружающихъ свуку. Иногда вырывались у нея такія слова, которыя приходилось отгадывать; иногда преглубокомысленно говорила она самыя пошлыя фразы, напр.: «Ни одинъ перъ не имѣетъ права стоять передъ королемъ съ покрытой головой, исключая Курси, барона Кинселя, пера Ирландіи»; или: «Тавъ какъ мой отецъ былъ лордомъ-адмираломъ, то было бы несправедливо, еслибъ мой мужъ не былъ лордомъ-адмираломъ», и она произвела его въ это званіе. Это была смѣсь доброй женщины и злой чертовки. Она любила неожиданности и далеко не прочь была выпить.

Тори по убѣжденіямъ, она управляла съ помощью виговъ, придерживаясь традицій, завѣщанныхъ Вильгельмомъ, но довольно сумасбродно. Англичане въ ея время имѣли какъ разъ столько свободы, сколько могло помѣститься между Лондонскою башней, куда сажали ораторовъ, и позорнымъ столбомъ, въ которому ставили писателей. Сходки были запрещены безъ позволенія двухъ мировыхъ людей. Двѣнадцать человѣкъ, собравшихся хоть для того, чтобъ ѣсть устрицы и пить портеръ, могли быть обвинены въ государственной измѣнѣ. Но, относительно говора, царствованіе ея было добродушно, и королева пользовалась популярностью, хотя въ сущности ничего не сдѣлала для этого. Это «ничего», впрочемъ, и требуется отъ англійскихъ королей, которые пользуются за это милліонами тридцатью годового содержанія. За то народъ дѣлаетъ много, и то, что дѣлаетъ самъ онъ, великодушно приписываетъ королямъ.

Королева Анна была нерасположена въ Джосіанѣ, во первыхъ потому, что Джосіана была красавицей, во вторыхъ потому, что красавцемъ былъ женихъ ея. Женщинѣ вообще достаточно двухъ причинъ для ревности, королевѣ — одной. Анна не любила, чтобъ женщины были красавицы, — находя это безнравственнымъ. Кромѣ того, Аннѣ непріятно было, что Джосіана ея сестра. Анна была дочерью Анны Гейде, простой леди, съ которою Яковъ II, будучи еще герцогомъ Йоркскимъ, сочетался законнымъ, но, очевидно, неравнымъ бракомъ. Имѣя эту низкую кровь въ своихъ жилахъ, Анна чувствовала, что она только на половину царственнаго происхожденія, а Джосіана,

происшедшая на свѣтъ совершенно незаконно, подчеркивала меньшую, но существенную неправильность рожденія королевы. Дочь отъ неравнаго брака съ неудовольствіемъ видѣла около себя дочь отъ незаконнаго брака, потому что тутъ было не-пріятное сходство. Джосіана имѣла право сказать Аннѣ: Моя мать стѣбитъ вашей. При дворѣ не говорили этого, но конечно думали, а это надоѣдало королевскому величеству. Зачѣмъ эта Джосіана? Къ чему она родилась? Впрочемъ, королева Анна не показывала своего неудовольствія Джосіанѣ и, быть можетъ, любила бы ее, не будь она ея сестрою.

Между этими тремя лицами сталъ Баркильфедро. Джосіана пользовалась имъ для того, чтобъ слѣдить за лордомъ Давидомъ, лордъ Давидъ пользовался для того, чтобъ тайно подсматривать за поведеніемъ Джосіаны, королева Анна употребляла его въ качествѣ шпиона и за своей незаконной сестрой, и за лордомъ Давидомъ, своимъ будущимъ шуриномъ въ незаконной линіи. Баркильфедро былъ прежній другъ герцога Йоркскаго. Онъ старался составить себѣ духовную карьеру, но это не удалось; тогда онъ сталъ прокладывать себѣ пути въ свѣтской службѣ около своего господина, ставшаго королемъ Яковомъ II; быть можетъ, онъ и добился бы чего-нибудь, но Яковъ II былъ изгнанъ, и Баркильфедро остался на мели, хотя не разомъ, потому что послѣ павшихъ властелиновъ остается еще что-то такое, что нѣкоторое время поддерживаетъ ихъ паразитовъ, не на долго, однако. Баркильфедро принужденъ былъ сдѣлаться литераторомъ и впалъ въ крайнюю нужду, но онъ боролся и, обладая даромъ термита протачивать дырку снизу на верхъ и, воспользовавшись именемъ Якова I, онъ пробрался къ Джосіанѣ, которая приняла участіе въ бѣднѣхъ, отличавшемся недюжиннымъ умомъ. Она говорила ему «ты», и этимъ «ты» Баркильфедро гордился. Тогда съ литераторами обращались такъ часто. Маркиза де-Мальи, лежа, принимала Руа, котораго прежде никогда не видывала, привѣтствовалъ его такъ: «Это ты написалъ «l'Année galante»? здравствуй.» Впослѣдствіи литераторы возвратили это «ты».

Баркильфедро сталъ вертѣться постоянно во внутреннихъ по-вояхъ герцогини, никому не мѣшая и стараясь быть какимъ-то невидимкою; Джосіана такъ привыкла къ нему, что чуть не мѣняла при немъ рубашку. Но этого было ему мало: онъ мѣтилъ выше и, воспользовавшись первымъ случаемъ, приступилъ къ герцогинѣ съ просьбой похлопотать ему о мѣстѣ «откупорщика бутылокъ океана»!

— Развѣ есть такое мѣсто? спросила она. Я знаю, что при

дворахъ все возможно, но вѣдь это мѣсто все равно, что мѣсто смотрителя за бронзовой лошадыю.

— Почти такъ.

— Ты вѣрно шутишь, хотя такое мѣсто было бы по тебѣ.

— Я не шучу, герцогина. Дѣло въ томъ, что въ морѣ есть вещи троякаго рода: находящіяся на днѣ — *Лагоны*, плавающія по водѣ — *Флотсоны*, изверженныя на землю изъ моря — *Джетсоны*. Всѣ эти вещи принадлежатъ лорду-адмиралу и въ адмиралтействѣ существуютъ три отдѣленія, которыя завѣдуютъ этими троякаго рода вещами. Судно, плавающее въ открытомъ морѣ, желаетъ подать о себѣ вѣсть, напр., что оно находится подъ такую-то широтою, что встрѣтило морское чудовище, что гибнетъ, что погибло, что такая-то держава завладѣла такою-то землею, и проч. Какъ оно поступаетъ? Начальникъ его беретъ бутылку, владеть въ нее пергаментъ съ написаннымъ извѣстіемъ, осмояетъ ее и бросаетъ въ море. Если бутылка пошла ко дну — это въ вѣдѣніи чиновника *Лагонса*, если плаваетъ по водѣ — это въ вѣдѣніи чиновника *Флотсона*, если выброшена на землю — чиновникъ *Джетсонъ* подбираетъ ее.

— Ты хочешь быть чиновникомъ *Джетсономъ*?

— Точно такъ.

— Отчего жъ ты предпочитаешь это мѣсто другимъ?

— Оно теперъ вакантное.

Баркильфедро немножко лгалъ, представляя ничтожной должность чиновника *Джетсона*. На самомъ дѣлѣ должность «откупорщика бутылокъ океана» была вовсе не такъ незначительна. Кораблекрушенія — одна изъ главныхъ заботъ Англій, такъ какъ мореплаваніе — ея жизнь, а гибель кораблей — ея горе. Засмоленные бутылки заключали въ себѣ иногда свѣдѣнія драгоценныя, государственной важности, и отъ чиновника нерѣдко зависѣло скрыть ихъ или сдѣлать извѣстными. Хотя бутылки вскрывались при двухъ присяжныхъ адмиралтейства, но эти присяжные должны были хранить въ тайнѣ полученныя извѣстія, а «откупорщикъ бутылокъ» становился довѣреннымъ лицомъ короля. Такова была воля Елисаветы, которая обращалась къ тогдашнему «откупорщику бутылокъ» обыкновенно на латинскомъ языкѣ: *Quid mihi scribit Neptunus?* Какъ часто мореплаватели прибѣгали къ сообщеніямъ такого рода, видно изъ того, что въ теченіи одного 1615 г. въ регистры адмиралтейства внесено 52 бутылки.

Такимъ образомъ, получивъ чрезъ *Джосіану* желанное мѣсто, Баркильфедро приблизился къ королевѣ Аннѣ, чего онъ страстно желалъ и желалъ для того, чтобъ вредить другимъ.

Въ немъ было развито до высокой степени чувство зависти, и это чувство подталкивало его на зло. Повредить кому-нибудь, подставить ногу, заставить себя бояться — составляло для него, одно изъ высшихъ наслажденій, приносило ему больше радости, чѣмъ деньги. Кетесби, сообщникъ Фаукса въ пороховомъ заговорѣ, говорилъ: «видѣть парламентъ взлетѣвшимъ на воздухъ — да за это я не взялъ бы милліона фунтовъ стерлинговъ!» Баркильфедро понималъ подобныя чувства. Злоба на людей росла въ немъ съ годами, съ униженіями, которымъ онъ подвергался, съ бѣдностью, которую онъ испыталъ; злоба разрасталась тѣмъ сильнѣе, что онъ принужденъ былъ таить ее и сглатывать ее внутренно. Первоначальный источникъ ея — зависть, сдѣлало изъ него хорошаго шпіона. Между завистью, этой естественной страстью, и шпіонствомъ, этимъ общественнымъ отравленіемъ, существуетъ глубокое сродство. Шпіонъ охотится для другого, какъ собака, завистникъ охотится для себя, какъ кошка. Кромѣ того, онъ былъ скрытенъ, скромнень, сосредоточенъ, почитателенъ, мягокъ въ обращеніи, вѣжливъ и цѣломудренъ. Нравился онъ тѣмъ, кого забавлялъ, другіе его ненавидѣли; но онъ чувствовалъ, что и любящіе презираютъ его, и это оскорбляло его, какъ будто негодяи имѣютъ право оскорбляться. Наружность его была такъ дурна, что еслибъ одѣтъ его поприличію, то онъ напомнилъ бы своею фигурой императора Домиціана.

Попавъ во дворъ, онъ довольно скоро приобрѣлъ довѣренность королевы. Извѣстно, что при дворѣ можно играть роль двояко: въ качествѣ человѣка дѣйствительно обладающаго крупными талантами и въ качествѣ пресмыкающейся гадины, въ качествѣ лица, котораго окружаетъ облако величія, и въ качествѣ лица, которое возится въ грязи и пользуется могуществомъ. При Людовикѣ XI великимъ былъ маршалъ Пьеръ де-Роганъ, а вліятельнымъ — брадобрѣй Оливье; при Людовикѣ XV великимъ былъ министръ Шуазель, а могущественнымъ лакей короля Лебель; при Людовикѣ XIV Бонтанъ, ставшій ему постель, пользовался большею властью, чѣмъ Лувуа, снаряжавшій ему армию, и Тюрень, прославлявшій его побѣдами! Да, быть червякомъ — значитъ пользоваться властью. Всѣ Нарваэцы и О'Доннели ничего не значили и въ наши дни въ сравненіи съ сестрою Патронинію. Низость — одна изъ пружинъ этого вліянія. Если хотите быть всегда сильнымъ, оставайтесь ничтожествомъ. Змѣя, свернувшаяся кольцомъ и предающаяся отдыху, представляетъ и безконечность и нуль. Одно изъ такихъ значеній приобрѣлъ и Баркильфедро при королевѣ Аннѣ, которой нравился его злой языкъ и тонкая лесть. Разъ умеръ придвор-

ный, котораго королева очень любила и который былъ очень глушь.

— Какъ жаль, что человекъ, обладавшій столькими добродѣтелями, былъ слабъ умомъ, сказала она.

— Dieu veuille avoir son âme! прошептала Баркильфедро по-французски.

Королева улыбнулась, а Баркильфедро наматалъ себѣ на уст, что, значить, кусать—можно. Съ этого дня онъ лѣзъ повсюду съ своимъ любопытствомъ и своею злостью, постоянно унижалъ лордовъ и принцевъ въ пользу ея величества, которая такимъ образомъ возвышалась. Понятно, что никто не смѣлъ его тронуть, ибо кто смѣшитъ короля—заставляетъ дрожать все остальное. Съ каждымъ днемъ подвигалась впередъ его подземная работа, и Баркильфедро понадобился всѣмъ. Многіе вельможи удостоивали его своимъ довѣріемъ, простирая его даже до той степени, что давали ему безчестныя порученія. Джосіана, употреблявшая его въ качествѣ шпіона за своимъ женихомъ, дарила его такимъ довѣріемъ, что вручила ему секретный ключъ отъ своихъ внутреннихъ покоевъ, съ помощью котораго онъ могъ входить къ ней во всякое время. Тогда было это въ обычаѣ и допускать въ свои спальни считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ, хотя и влекшимъ за собою не совсѣмъ пріятные случаи: такъ, Лаферте, быстро отдернувъ занавѣсы у постели дѣвицы Лафонъ, нашелъ съ нею мушкетера Сенсона, и т. д. Но Джосіана не подозрѣвала, что ея довѣренный — врагъ ея. Да, Баркильфедро именно въ ней нашелъ предметъ для своей ненависти. Ненавидѣть только для ненависти, какъ любить искусство для искусства—конечно, пріятно, но надо же, наконецъ, привѣять для нея предметъ осязательный и сосредоточить на немъ всю накипѣвшую злобу. Еслибъ Джосіана могла проникнуть въ душу Баркильфедро, еслибъ она могла узнать, что скрывается за его улыбкой, она бы испугалась, несмотря на всю свою гордость и безпечность. Баркильфедро не уничтожить ее хотѣлъ—онъ зналъ, что это ужъ слишкомъ было бы, онъ хотѣлъ ее унизить, пристыдить, поразить ее въ то чувство, которое считала она у себя самымъ сильнымъ, именно въ чувство гордости. Онъ охотно мечталъ о той операціи, которая называется теперь вивисекціей: трепещущую, всю въ судорогахъ, разложить ее на свой анатомическій столъ, вскрыть живую и разрѣзать по частямъ медленно, съ наслажденіемъ, подъ дикіе вопли ея. Измышляя ей мщеніе, онъ готовъ былъ подвергнуть опасности и свою особу, лишь бы Джосіана помучилась сильнѣе, чѣмъ онъ.

Откуда же эта ненависть въ женщинѣ, которая оказала ему благодаренія? Въ этомъ-то прежде всего онъ искалъ себѣ оправданія. Не должно думать, что негодяи не уважаютъ себя, что они не отдають себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ, они весьма высоко берутъ оправдательные мотивы.

«Какъ, думалъ Баркильфедро, эта Джосіана удостоила меня милостыней, бросила мнѣ нѣсколько крохъ изъ своего колоссальнаго богатства, мнѣ, человѣку ученому, умному, почти лицу духовному! Она заставила меня возиться съ какою-то дрянью, съ какими-то бутылками и портить глаза за чтеніемъ нелѣпныхъ извѣстій! Какъ, эта безпутная женщина, похотливая мечтательница, этотъ кусокъ мяса, этотъ выродокъ канальи короля, у котораго не хватило ума даже настолько, чтобъ удержаться на тронѣ, эта случайная герцогиня, разыгрывающая богиню, потому что богата, а еслибъ ничего не имѣла, то сдѣлалась бы публичной женщиной, эта воровка наслѣдства изгнанника, эта высокомѣрная дрянь, воображаетъ, что она для меня что-нибудь сдѣлала! Она воспользовалась моею бѣдностью, чтобъ накормить, моею безпріютностью, чтобъ дать мнѣ уголь... Услуга тогда только имѣетъ цѣну, когда она чего-нибудь стоитъ, а развѣ ей стоили чего-нибудь всѣ эти такъ-называемыя ея благодаренія? Развѣ она пожертвовала для нихъ хоть ложкой черепаховаго супа, развѣ она лишила себя чего-нибудь въ своемъ изобиліи? Нѣтъ. Она прибавила еще въ этому изобилію тщеславіе, предметъ роскоши, доброе дѣло, покровительство умному человѣку! Она, быть можетъ, хвастается этимъ: вотъ, молъ, я покровительствую литературѣ, искусствамъ, духовенству! Хороша покровительница! — Это что у васъ за уродъ? спросить ее пріятельница. «А это какой-то писака, котораго я кормлю». И за это надо быть благодарнымъ, надо лакействовать, строить веселыя рожи, когда на сердцѣ бошки скребуть, выхвалять благодѣтельницу, когда она достойна позора. Не чудовищно ли это, не ужасно ли? Что сдѣлала эта тварь для того, чтобъ пользоваться всѣмъ этимъ богатствомъ и раздавать свои обѣды бѣднымъ, потому что сама всего сожрать не можетъ? Какъ что? Она совершила необыкновенное дѣло: снизошла до того, что изволила родиться, доказавъ тѣмъ глупость своего отца и безчестіе своей матери; она дѣлаетъ намъ одолженіе, что живетъ; она, за свою снисходительность быть публичнымъ скандаломъ — получила милліоны, замки, лѣса, охоты, озера и мало ли что еще! И вотъ справедливость! Я учился и работалъ, читалъ ученныя книги, образовалъ свой умъ, могъ бы предводительствовать войсками, писать трагедіи, какъ Драйденъ, могъ бы управлять государствомъ и — ползаю въ грязи. А они, эти

проклятые богачи, выжимаютъ изъ насъ сокъ, воображая, что дѣлаютъ намъ благодѣянія. И что это за общество, въ которомъ такъ неровно распредѣлены богатства, имѣетъ ли оно право на существованіе? Не стоило ли бы взять за четыре угла и ска-терть, и столъ и бросить все это къ потолку, взять это пьянство, эти оргіи, этихъ гостей, взять и тѣхъ, кто сидитъ за столомъ, и тѣхъ, кто сидитъ подъ столомъ, и тѣхъ наглецовъ, которые даютъ пиршества, и тѣхъ идіотовъ, которые ихъ принимаютъ и все это бросить въ лицо создателю вмѣстѣ съ землей?.. А пока что, запустимъ когти въ Джосіану!»

Баркильфедро ждалъ случая терпѣливо и боялся только одного, что этотъ случай не представится. Онъ сдѣлалъ ужъ всѣ ходы для того, чтобъ обезпечить свое наступательное положеніе: изъ разныхъ намековъ и случаевъ онъ убѣдился, что королева не любитъ Джосіану, стало быть съ этой стороны опасности не предстояло,—это важно. Онъ ненавидѣлъ Джосіану какъ никогда еще ненавидѣлъ человѣкъ женщину: она была его безсонницей, его заботою, его мукою, его бѣшенствомъ. Быть можетъ, онъ любилъ ее.

IX.

Отмѣтимъ одну подробность: Джосіана имѣла «le tour». Это такъ по-французски и говорилось. «Avoir le tour» въ Англіи было почти тоже, что во Франціи «avoir le pour». Когда король путешествовалъ, то придворный квартирьеръ, при отводѣ квартиръ королевской свитѣ, ставилъ передъ именами принцевъ и фаворитовъ «pour», напр.: «Pour M. le prince de Soubise»; на квартирахъ людей менѣе знатныхъ ставилась просто ихъ фамилія. Король жаловалъ *pour*, какъ голубую ленту или перство. «Avoir le tour» въ Англіи было знакомъ особенной близости къ царствующему лицу. Удостоившійся по рожденію ли, или по особенной милости, непосредственныхъ сношеній съ ихъ величествами, имѣлъ въ стѣнѣ своей спальни туру, гдѣ придѣланъ былъ колокольчикъ. Колокольчикъ звонилъ, башенка растворялась, и являлось королевское посланіе на золотомъ блюдѣ или бархатной подушкѣ, потомъ закрывалась снова. Интимно и торжественно. Тайственное въ фамилярномъ. Посланія приносили обыкновенно пажъ короля или королевы, но его не было видно. При Елисаветѣ такой привилегіей пользовался Лейчестеръ, при Яковѣ I Букингамъ; Джосіана пользовалась этимъ при Аннѣ, хотя не была ею любима. То въ городѣ, то въ деревнѣ, смотря по времени года, Джосіана жила почти по-королевски и держала

при себѣ почти дворъ, гдѣ лордъ Давидъ игралъ роль придворнаго со многими другими. Лордъ Давидъ и леди Джосіана, хотя не женатые, могли однако вмѣстѣ выѣзжать, въ одной каретѣ, на спектакли, на скачки, чѣмъ они и пользовались охотно. Однажды зимою онъ предложилъ ей посмотреть на кулачный бой, происходившій между ирландцемъ Фелемъ-Ге-Мадонъ, и шотландцемъ, Гельмстаглемъ. Джосіана согласилась подъ условіемъ, что она одѣнется по-мужски, что тогда было въ общемъ употребленіи. Женщины иначе и не путешествовали, какъ въ мужскомъ платьѣ. На этотъ бой съѣхались представители аристократіи; пари простирались до нѣсколькихъ тысячъ гиней. Представители Ирландіи и Шотландіи бились жестоко, до крови, до безчувствія, возбуждая восторги въ посѣтителяхъ. По окончаніи боя, идя подъ руку съ лордомъ Давидомъ, Джосіана сказала:

— Это прекрасно, но... я думала, что это разгонитъ мою скуку, и напрасно думала.

Лордъ Давидъ остановился, посмотрѣлъ на Джосіану, и сказалъ: «Противъ скуки есть только одно лекарство». — Какое? — «Гуинплейнъ».

— Что такое Гуинплейнъ? спросила герцогиня.

Природа надѣлила своими дарами Гуинплейна. Она дала ему ротъ до ушей, уши надвинутыя до глазъ, безобразный носъ и лицо, на которое нельзя было смотрѣть безъ смѣху. Но природа не способна произвести такое безобразіе; по всей вѣроятности, надъ этимъ лицомъ работала особая наука, занимавшая въ отношеніи хирургіи такое же мѣсто, какъ алхімія относительно химіи. Эта наука съ умысломъ разсѣкла на этомъ лицѣ ротъ, разрѣзала губы, обнажила десны, вытнула уши, смѣстила хрящи, разрушила гармонію въ бровяхъ и щекахъ, расширила лицевые мускулы, потомъ загладила швы и рубцы, натянула кожу на раны и оставила вмѣсто рва зѣвъ. Какъ бы то ни было, лицо Гуинплейна удалось какъ нельзя лучше, словно само Провидѣніе произвело его для разсѣянія людской печали. Стоило взглянуть на Гуинплейна, чтобъ засмѣяться; начиналъ онъ говорить — зрители покатывались со смѣху. Но самъ Гуинплейнъ не смѣялся, смѣялось его лицо, а не мысль. Какія бы чувства ни волновали его — удивленіе, страданіе, гнѣвъ, боль — все это только способствовало увеличенію, если можно такъ выразиться, веселаго выраженія личныхъ его мускуловъ; еслибъ онъ заплакалъ — толпа и тогда увидѣла бы смѣхъ на его лицѣ. Это лицо походило на бронзовыя изваянія веселой маски, которою украшались фронтоны греческихъ театровъ. Эта бронза смѣялась и смѣшила, но была вмѣстѣ съ тѣмъ задумчива.

Съ помощью воли и напряженія всего вниманія, если притомъ никакое чувство не развлекало его, Гуинплейну удавалось согнать съ лица эту веселость и набросить на него какой-то трагическій покровъ: тогда не смѣялись передъ нимъ, но вздрагивали. Но въ усиліямъ этимъ онъ почти никогда не прибѣгалъ, потому что они стояли ему болѣзненного утомленія. Вся остальная его фигура была красива и ловка; члены крѣпки и подвижны, какъ у хорошаго гимнаста и клоуна: на эту сторону воспитатели его, очевидно, обратили тщательное вниманіе. Волоса его были окрашены въ цвѣтъ охры—разъ навсегда; секретъ этого прочнаго окрашиванья теперь извѣстенъ, и хорошенькія женщины пользуются имъ; волосы его были грубы и вурчавы и, какъ грива, покрывали глубокой черепъ, созданный для мысли. Операция, предѣлавшая его лицо, не коснулась костяной оболочки мозга, и личной уголь Гуинплейна былъ поразителенъ.

Гуинплейнъ — тотъ ребенокъ, который пришелъ въ одну бурную ночь въ Урсусу. Съ того времени прошло уже пятнадцать лѣтъ, и въ 1705 г. Гуинплейну шелъ двадцать пятый годъ. Урсусъ оставилъ у себя обоихъ дѣтей и продолжалъ странствовать съ ними. Урсусъ и Гомо постарѣли. Урсусъ сдѣлался совсѣмъ лысымъ, волкъ началъ сѣдѣть. Маленькая дѣвочка, найденная ночью на груди мертвой женщины, была теперь дѣвушкой шестнадцати лѣтъ и притомъ необыкновенной красавицей: блѣдная, съ темными волосами, стройная, тонкая, какъ бы даже хрупкая, внушавшая опасеніе какъ бы не разбить ее, съ очами полными блеска и слѣпая. Рововая зимняя ночь, повергнувъ въ снѣгъ нищую и ребенка, совершила двойной ударъ: она убила мать и ослѣпила дочь. Но эта слѣпота отличалась странностью: большіе и ясные глаза ея блестяли для другихъ и были мертвы для нея, что придавало ея взгляду какую-то небесную пристальность. Урсусъ, помѣшавшійся на латинскихъ именахъ, назвалъ ее Деей. Надъ именемъ мальчика онъ не трудился, потому мальчикъ сказалъ, что его звали Гуинплейномъ.—Ну, и будь Гуинплейнъ, замѣтилъ Урсусъ.

Если человѣческое несчастье можетъ быть представлено въ образахъ, то болѣе полныхъ, чѣмъ Гуинплейнъ и Дея, трудно найти. Казалось, существованіе ихъ было соткано изъ мрака различнаго рода, взятаго изъ двухъ страшныхъ сторонъ ночи, ужасной и черной. Этотъ мракъ былъ внутри Деи, и надъ Гуинплейномъ. Дея представляла какое-то легкое привидѣніе, Гуинплейнъ страшный призракъ; Дея—печальное, Гуинплейнъ—безобразное. Для зрячаго Гуинплейна существовала горькая возможность, не существовавшая для слѣпой Деи, сравнить себя съ

другими людьми. Допуская, что Гуинплейнъ старался дать себѣ отчетъ въ этомъ, онъ необходимо долженъ былъ придти къ убѣжденію, что сравнивать себя значило не понимать себя. Одна Дея изъ всѣхъ женщинъ видѣла Гуинплейна, хотя была слѣпая — она видѣла его душу, она знала, чѣмъ ему была обязана, она знала, что ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы, усталый, слабый, самъ полуживой, самъ борившійся съ голодомъ, холодомъ и ужасами ночи, взявъ другого ребенка, приютилъ его и согрѣлъ, сдѣлался его кормилицей и матерью. Она знала, что все это онъ сдѣлалъ для нея, будучи ребенкомъ; сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, онъ сталъ силою для нея, немощной, богатствомъ для нея, нищей, спасителемъ для нея, больной, и путеводителемъ для нея, невидящей. Она ясно сознавала эту преданность, это самоотверженіе, это могущество. Своими очами, полными мрака, она созерцала въ центрѣ своей темной бездны эту доброту, какъ глубокой лучъ свѣта. Въ идеальномъ представленіи, доброта — солнце, и Гуинплейнъ ослѣплялъ Дею.

Для толпы, у которой слишкомъ много головъ, чтобъ она могла проникнуться мыслью, и слишкомъ много глазъ, чтобъ могла она имѣть правильный взглядъ на вещи, для толпы, которая, будучи сама поверхностью, на поверхности и останавливается, Гуинплейнъ былъ клоуномъ, фигляромъ, фокусникомъ, страннымъ существомъ, не много болѣе, чѣмъ животное. Толпа знала только лицо. Для Дея, которая знала душу, Гуинплейнъ былъ всѣмъ — братомъ, другомъ, руководителемъ, опорой, крылатымъ и свѣтлымъ супругомъ, и тамъ, гдѣ толпа видѣла чудовище, она видѣла архангела.

Урсусъ понималъ это влеченіе молодыхъ людей: «слѣпая видитъ невидимое», говорилъ онъ и ворчалъ, глядя на Гуинплейна: «получудовище и полубогъ». Этотъ полубогъ боготворилъ Дею, онъ былъ не отвратителенъ, но ужасенъ. Женщины обыкновенно не могли смотрѣть на него и съ ужасомъ отворачивались. Онъ видѣлъ и зналъ это. Для его счастья необходимо было несчастье, и Провидѣніе послало ему слѣпую Дею. Они дополняли другъ друга тѣмъ, чего у cadaго изъ нихъ не доставало. Чѣмъ одинъ былъ бѣденъ, другая была богата. Еслибъ Дея была не слѣпа, развѣ она избрала бы Гуинплейна? Еслибъ Гуинплейнъ не былъ обезображенъ, развѣ онъ предпочелъ бы Дею? Изъ своего ада они устроили рай и боготворили другъ друга. Иногда, внѣ себя отъ любви, она становилась передъ нимъ на колѣни, какъ прекрасная жрица передъ гномомъ пагоды. И любовь ихъ была самая чистая. Дея не знала, что такое поцѣлуй, хотя быть

можетъ и желала его, потому что слѣпота, въ особенностяхъ у женщинъ, не исключаетъ грезъ и какихъ-то неясныхъ томлений. Молодость дѣлала Гуинплейна задумчивымъ; чѣмъ болѣе онъ любилъ, тѣмъ становился застѣнчивѣе; онъ могъ бы все сдѣлать съ этою всегдашнею своею подругой, съ этою слѣпой, которая видѣла только любовь свою къ нему; но онъ считалъ это за воровство, обрекалъ себя на цѣломудренную любовь, и чувство собственнаго безобразія разрѣшалось у него въ необыкновенную стыдливость.

Жили они всегда вмѣстѣ и другой жизни не знали. Дѣтство Дея совпало съ отрочествомъ Гуинплейна. Они выросли другъ возлѣ друга и долго спали на одной постели. Но разъ, когда Дея была еще не взрослой, Гуинплейнъ сказалъ отцу (такъ оба они называли Урсуса), что будетъ спать вмѣстѣ съ нимъ, на полу. Дея плакала и долго не могла утѣшиться. Когда ей было уже тринадцать лѣтъ, она часто, улегшись въ постель, звала къ себѣ Гуинплейна. Ставъ ужъ взрослой дѣвушкой, она расчесывала свои волосы на постелѣ, причемъ спустившаяся съ плечъ сорочка обнажала ея грудь, и звала къ себѣ Гуинплейна. Она не знала наготы, потому что не видала себя нагою; но Гуинплейнъ краснѣлъ, опускалъ голову, не зная что дѣлать передъ этою наивною дѣвушкой, бормоталъ что-то, отворачивался, прятался и уходилъ. Но разъ онъ не воздержался: увидѣвъ севозъ кисею руку Дея, онъ прижался губами къ прозрачной ткани. Дея почувствовала глубокое наслажденіе и, покраснѣвъ, какъ роза, подобрала рукавъ и, обнаживъ руку, сказала: «еще». Гуинплейнъ убѣжалъ, но на другой день эта игра началась снова, съ вариантами. Урсусъ замѣчалъ это и говаривалъ: «Я сыграю съ ними надняхъ штуку: женю ихъ»; иногда ему казалось, что они уже слишкомъ любятъ другъ друга, и онъ находилъ благоразумнымъ умѣрять ихъ любовь благоразумными наставленіями то Дея, то Гуинплейну; но онъ подливалъ только масла въ огонь и снова ворчалъ, что женить ихъ, потому что они надоѣли ему своею любовью.

«А если она вдругъ прозрѣетъ, какъ отскочить она отъ меня, какимъ ужасомъ поражу я ее!» думалъ иной разъ Гуинплейнъ. «Я чудовище и не имѣю права на любовь», рѣшилъ онъ и сказалъ ей однажды: «Я безобразенъ. Когда ты слышишь смѣхъ, это смѣются надо мной, потому что я ужасенъ». «Я люблю тебя, отвѣчала Дея. Когда я умирала, ты возвратилъ меня къ жизни. Когда ты возлѣ меня — возлѣ меня рай. Дай мнѣ свою руку!» и они, крѣпко жали другъ другу руки и умолкали отъ полноты счастья. «Ты говоришь, что ты безобразенъ», сказала немного

спустя Дея. «Что значитъ быть безобразнымъ? Дѣлать зло? Но ты не дѣлаешь зла. Ты прекрасенъ... Видѣть? Что вы называете этимъ словомъ? Я знаю, что не вижу, но мнѣ кажется, что зрѣніе многое скрываетъ». — Что хочешь ты сказать этимъ? спросилъ Гуинплейнъ. «Зрѣніе скрываетъ истину», отвѣчала она. — Нѣтъ, сказалъ, Гуинплейнъ. «Да, возразила Дея, потому что ты говоришь, что ты безобразенъ. Лгунъ!» прибавила она послѣ минутнаго молчанія, и Гуинплейнъ былъ счастливъ тѣмъ, что признался въ своемъ безобразіи и ему не повѣрили.

Хотя ласки ихъ не заходили далѣе рукопожатій и поцѣлуевъ, которыми молодой человѣкъ покрывалъ обнаженную руку дѣвушки, однако Урсусъ сказалъ имъ разъ: «На этихъ дняхъ вы выберете себѣ религію». — Зачѣмъ? спросилъ Гуинплейнъ. — «Я васъ женю». — Да мы ужъ женились, отвѣчала Дея, не понимавшая, что можно быть мужемъ и женой больше, чѣмъ были они. Гуинплейнъ страдалъ: сильная натура его предъявляла какія-то темныя желанія, которымъ онъ съ трудомъ противился; его отрезвленію помогало въ этомъ случаѣ то отвращеніе, съ какимъ на него смотрѣли всѣ женщины. Очевидно, что ни одна изъ нихъ любить его не можетъ.

Х.

Гуинплейнъ вездѣ имѣлъ необыкновенный успѣхъ, постоянно собирая толпу зрителей. Этотъ успѣхъ значительно поправилъ дѣла Урсуса. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ развѣзжалъ съ своимъ семействомъ въ огромной колымагѣ, извѣстной подъ именемъ Зеленой Коробки, запряженной двумя лошадьми. Кромѣ лошадей, онъ приобрѣлъ еще двухъ цыганокъ, молодыхъ, но дурныхъ собою, которыя исправляли должности служанокъ и богинь. Колымага была устроена также, какъ и прежняя его хижина, то - есть, это былъ подвижной домикъ, на колесахъ, съ трубою, о двухъ окнахъ, состоявшій изъ трехъ комнатокъ, безъ дверей, изъ которыхъ одну составляла прежняя хижина Урсуса, обращенная въ спальню для него и Гуинплейна. Другая комната была предназначена женщинамъ, а середина, отдѣлявшая другъ отъ друга оба пола, обращалась въ сцену. Внутренность колымаги отличалась всевозможными удобствами. Между передними и задними колесами, сбоку, среднія доски лѣвой стороны колымаги обращались на шарнирѣ при помощи цѣпей и блоковъ и могли быть откинута какъ подъемный мостъ. Когда Зеленая Коробка останавливалась для представленія, то эта открытая площадка

служила авансценою. Такіе подвижныя театры существуютъ въ Англіи еще до сихъ поръ. Публика окружаетъ полукругомъ та-кой театръ; иногда представленія даются на дворѣ трактира, и тогда каждое окно послѣдняго обращается въ ложу, и публика принуждена платить болѣе. Театръ Урсуса представлялъ пейзажъ, такъ плохо нарисованный, что походилъ болѣе на подземе-лье; но публика, посѣщавшая его, была нетребовательна и вос-хищалась *Побѣжденнымъ Хаосомъ*. Такъ называлось капитальное произведеніе Урсуса. Когда поднимался занавѣсъ, сцена пред-ставляла ночь, и на ней ворочались какія-то три неопредѣлен-ныя фигуры; то были — волкъ, медвѣдь и человѣкъ. Волкъ и медвѣдь, которыхъ изображали волкъ и Урсусъ, олицетворяли собою дикія силы природы и бросались на-человѣка, Гуинплейна, который покрытъ былъ саваномъ, такъ, что лица его зрители не видали. Это и былъ хаосъ, побѣждающій человѣка. Звѣри рычали, человѣкъ вричалъ; онъ лежалъ подъ ними и жалобно взывалъ о помощи. Вдругъ раздавался нѣжный гармоническій голосъ и среди мрака являлся лучъ свѣта, и въ немъ прекрасная, спокойная, въ бѣломъ одѣяніи, словно ангель, показывалась Дея. При этомъ появленіи человѣкъ подбивалъ подъ себя звѣрей, а Дея начи-нала пѣть по-испански: «Молись! плачь! Изъ слова рождается разумъ. Пѣсня создаетъ свѣтъ. Собройся ночь, заря поетъ ра-достную пѣсню». вмѣстѣ съ этою пѣсней, человѣкъ поднимался медленно и, воздвѣвъ руки къ свѣтлому видѣнію, становился ко-лѣнями на звѣрей, какъ будто пораженныхъ громомъ. Дея про-должала: «Надо идти на небо, смѣйся ты, плачущій! Сбрось пѣни, повинь, чудовище, свою черную оболочку», и она клала свои руки на голову человѣка, который взволнованнымъ голо-сомъ начиналъ: «О, приди, полюби! Ты—душа, я—сердце». Въ это время ясный свѣтъ разомъ упалъ на лицо Гуинплейна и публика, увидѣвъ это лицо, раздражалась бѣшеннымъ смѣхомъ. Пьеса имѣла успѣхъ колоссальный, и народъ смотрѣлъ съ чув-ствомъ глубокой симпатіи, какъ укрощаются дикія силы при-роды.

Человѣку присуще желаніе мстить за доставленное удоволь-ствіе. Откуда презрѣніе къ комедіанту. Это существо чаруетъ меня, развлекаетъ, поучаетъ, утѣшаетъ—это приятно и полезно. Какое бы зло ему сдѣлать? Унизить его. Презрѣніе—это поще-чина на извѣстномъ разстояніи — дадимъ ему пощечину. Онъ мнѣ нравится—значитъ, онъ подлѣ; онъ мнѣ служить,—значитъ, я долженъ ненавидѣть его. Дайте я брошу въ него камнемъ. Дай-ка мнѣ свой камышевъ, философъ. Боссоуетъ его прокли-наетъ, Руссо оскорбляетъ. «Браво» и «прочъ отъ меня, на бла-

городную дистанцію!» Насмѣмся надъ нимъ. Пусть онъ собираетъ публику, но пусть остается одинокимъ. Такимъ образомъ, богатые классы изобрѣли для комедіанта ту форму отчужденія, которая заключается въ руюплесканіяхъ. Толпа не такъ жестока. Она не ненавидѣла и не презирала Гуинплейна, но послѣдній канатчикъ считалъ себя выше его: лордъ стоялъ надъ канатчикомъ, канатчикъ надъ фигляромъ. Градаціи необходимы, и Гуинплейнъ оставался одинокимъ. Но это одиночество приносило ему счастье, а руюплесканія деньги. Онъ ничего не желалъ, не желалъ даже, чтобъ лицо его сдѣлалось прекраснымъ. Что сталъ бы онъ дѣлать тогда? Теперь онъ въ своемъ родѣ единственный комедіантъ, а тогда сдѣлался бы комедіантомъ самымъ обыкновеннымъ. Чѣмъ онъ сталъ бы кормить Дею, какъ онъ удовлетворилъ бы ея желанія и прихоти? Дея не видитъ его безобразія и любитъ. Стало бытъ, никакихъ неудобствъ не заключаетъ въ себѣ для него это безобразіе, а преимуществъ много. Онъ былъ такъ счастливъ, что жалѣлъ толпу, которая приходила его смотрѣть.

Въ самомъ дѣлѣ, что за лица его окружали! Какъ искажены они страданіемъ, гнѣвомъ, униженіемъ, отчаяніемъ, развратомъ. Даже на лицахъ дѣтей читалъ онъ слѣды голода и истощенія. У этой толпы были руки, но не было работы, было желаніе трудиться, но не надъ чѣмъ; на нѣкоторыхъ лицахъ онъ ясно замѣчалъ отпечатокъ чего-то не-человѣческаго, возвращеніе къ дикому состоянію, производимому давленіемъ темныхъ тяжестей счастья, которое было на верху. Онъ чувствовалъ надъ собою безсовѣстный топотъ могучихъ, роскошныхъ, великолѣпныхъ, великихъ, избранныхъ случая; внизу онъ различалъ кучу блѣдныхъ лицъ, обойденныхъ судьбою; а себя съ Деей, съ своимъ маленькимъ но необъятнымъ счастіемъ, между этими двумя мірами: вверху міръ веселыхъ, свободныхъ, пляшущихъ и попирающихъ ногами; вверху, міръ, который ходилъ; внизу — міръ, по которому ходили. Свѣтъ давилъ тьму: въ этой роковой необходимости лежало глубокое общественное зло, и Гуинплейнъ сознавалъ его. Онъ старался проникнуть въ эту мрачную бездну, гдѣ издыхало столько бесполезныхъ усилій, гдѣ боролось столько немощныхъ, гдѣ столько семействъ пожиралось обществомъ, гдѣ законъ мучилъ нравы, гдѣ его бары производили гангрену въ ранахъ, гдѣ налоги грызли неимущихъ виѣстѣ съ войною, и гдѣ слышались крики, скрежетъ и предсмертный хрипъ... Что за безуміе быть счастливымъ! думалъ онъ, поникнувъ головою, и мечты заслоняли отъ него дѣйствительность и онъ говаривалъ вслухъ: «Что можно бы сдѣлать для этого народа?» Урсусъ пожи-

малъ плечами и пристально взглядывалъ на своего пріемыша. «О, еслибъ я былъ силенъ и богатъ, какъ много сдѣлалъ бы я для несчастныхъ! продолжалъ онъ. Но что я? атомъ. Чтò могу я сдѣлать? ничего.» Онъ ошибался: заставляя бѣдняковъ смѣяться, онъ ужь дѣлалъ имъ кое-что.

Урсусъ разсудилъ, что надо отучить молодого человѣка отъ напрасныхъ думъ.

— Ты, вѣжета, любезный другъ, сказалъ онъ ему однажды, вздумалъ разсуждать. Берегись, это не твое дѣло. У тебя есть занятіе—любить Дею, и люби. Чего тебѣ еще надо? Ты счастливъ тѣмъ, что толпа видитъ твою морду, а Дея не видитъ, ну и довольствуйся этимъ. А разсуждать — глупо. Слушай, что я тебѣ посовѣтую: корми Дею хорошей говядиной и бараньими котлетами, въ шесть мѣсяцевъ она будетъ сильна какъ турокъ, и тогда женись на ней и нарожай дѣтей, нарожай сколько хочешь. Это, братъ, настоящая поэзія, и, кромѣ того, ты исполнишь заповѣдь божію: «роститесь и множитесь!» Множиться пріятно черезъ Дею, а потому не гляди дальше своего носа. Что ты хочешь разглядѣть тамъ, за горизонтомъ? Тамъ, братъ, смотрѣть нечего: тамъ живутъ счастливые по праву, а ты счастливъ случаемъ. Вѣдь если спросятъ тебя: по какому праву ты счастливъ? ты долженъ будешь смолчать, потому что никакого патента на счастье не имѣешь, а у нихъ патенты есть. Бойся ихъ и не мѣшайся въ ихъ дѣла, если не хочешь, чтобъ они въ твои замѣшались. Знаешь, кто эти счастливыцы по праву? Это лорды, это недосыгаемыя существа. Лордъ тотъ смертный, который въ молодости имѣетъ права старика, въ старости наслаждается любовными успѣхами юноши; будучи порочнымъ, пользуется уваженіемъ добродѣтельныхъ, будучи трусомъ, командуетъ надъ храбрыми, будучи бездѣльникомъ, пожираетъ плоды труда, невѣждою — получаетъ дипломы изъ Кембриджа и Оксфорда; будь онъ дуракъ—его восхваляютъ поэты, будь безобразенъ—женщины наградаютъ его улыбкою, будь онъ Терситомъ—къ нему пристанетъ шлемъ Ахилла, будь зайцемъ—пристанетъ лъвиная кожа. Впрочемъ, ты не злоупотребляй моими словами: я вовсе не хочу свазать, что лорды ужь непременно трусы, бездѣльники и дураки: я говорю только, что они могутъ быть трусами, бездѣльниками и дураками, и это нисколько не вредитъ имъ. Напротивъ. Лорды—государи. Самъ англійскій король есть не болѣе, какъ лордъ, первый господинъ между господами. Въ старину и короли назывались лордами. Лорды могущественны, потому что богаты. Кроликъ лорда значить болѣе, чѣмъ простой человѣкъ. Я видѣлъ, какъ вздергивали на висѣлицу отцовъ ше-

стерыхъ дѣтей за то, что тѣ осмѣливались застрѣлить дичь, принадлежащую лорду. Ты это помни и не возражай. Вѣдь если ты возразишь—лордамъ отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. Я разъ видѣлъ, какъ бегемотъ шель по кучкамъ земли, подъ которыми работали кроты. Онъ, братъ, все давилъ. Тоже разумѣй и о родѣ человѣческомъ. Давленіе — законъ. Ты думаешь кротъ нивого не давить? Давить, братъ. Не будемъ разсуждать, а примемъ фактъ, какъ онъ есть: существуютъ кареты: лорды въ каретахъ, народъ подъ колесами, а мудрецъ сторонися. Сторонися и ты, любезный, и не мѣшай имъ ѣхать. Я самъ когда-то служилъ у лорда, и знаю ихъ очень хорошо. Между ними тоже есть отѣнки и значительные. Баронъ, напр., не можетъ умываться вмѣстѣ съ виконтомъ безъ согласія на то сего послѣдняго. И это превосходно. Народъ долженъ считать себя счастливымъ, что у него двадцать пять герцоговъ, пять маркизовъ, семьдесятъ шесть графовъ, девять виконтовъ и шестьдесятъ одинъ баронъ — итого сто семьдесятъ шесть перовъ! Это наша слава, за которую можно терпѣть и лохмотья, и голодь, и холодъ. Сказать, что лорды бесполезны или вредны—значить все равно, что потрясать государство, значить признавать, что люди созданы не для того, чтобъ пастись какъ стадо овецъ, жевать траву и терпѣливо и молча сносить укушеніе собакъ. Лугъ стригутъ овцы, овецъ стрижетъ пастухъ. Что можетъ быть справедливѣе этого? Живи философомъ, какъ я, и не жалуйся. Согласись, что еслибъ всѣ стали жаловаться, то это былъ бы такой безконечный и ужасный вой, что не радъ былъ бы и жизни. Потому-то и мудро-то правило, которое повелѣваетъ молчать. Я убѣжденъ, что самъ Юпитеръ повелѣваетъ молчать грѣшникамъ, иначе ему самому не было бы покоя! Счастье Олимпа покупается молчаніемъ Коцита. А потому народъ—молчи! Я еще лучше дѣлаю: я одобряю и восхищаюсь. Сейчасъ я перечислил лордовъ, теперь долженъ прибавить, что есть еще два архіепископа и двадцать четыре епископа, которымъ тоже малую толику надо собрать съ народа, чтобъ имѣть досугъ молиться за него. Я даже умиляюсь, когда объ этомъ подумаю. Лорды изобрѣли геральдику и населили ее невѣдомыми животными: грифами, драконами, гиппогрифами, саламандрами, всѣмъ тѣмъ, что насъ пугаетъ, а имъ служить украшеніемъ. Тщеславіе ихъ полно привидѣніями, которыя разгуливаютъ въ величественной тогѣ, вооруженныя съ головы до ногъ, съ жезломъ имперіи въ рукахъ, и говорятъ торжественнымъ голосомъ: «Мы предки.» Жуки ѣдятъ корни, а лорды ѣдятъ народъ. Отчего бы имъ и не ѣсть его? Не измѣнять же законовъ? Кто ими не доволенъ, тотъ вредный человѣкъ.

— Да, тихо проговорилъ Гуинплейнъ: изъ ада бѣдныхъ богатые устраиваютъ себѣ рай.

Тутъ вошла Дея; онъ взглянулъ на нее и все забылъ. Приближалось время обѣда, когда Гуинплейнъ сидѣлъ возлѣ нея, служилъ ей, рѣзалъ ей куски, наливалъ пить. А тамъ представленіе, когда толпа нахлынетъ смотрѣть «Смѣющагося челоуѣка», какъ называли Гуинплейна и какъ самъ онъ называлъ себя на вывѣскѣ, прибитой въ Зеленой Коробѣѣ. До сихъ поръ Урсусъ рѣдко посѣщалъ города, но слава «Смѣющагося челоуѣка» росла и начала переходить изъ нижнихъ слоевъ въ верхніе. Урсусъ, наконецъ, рѣшился.

— Надо ѣхать въ Лондонъ, сказалъ онъ, и бродячая труппа туда отправилась.

Этимъ кончается второй томъ романа. Мы старались передать все самое существенное, старались передать даже тонъ и манеры автора, говорить его языкомъ, его образами. Викторъ Гюго—талантъ исключительный и въ высшей степени оригинальный, а потому только такая передача романа можетъ дать о немъ понятіе болѣе полное. Читатели, конечно, замѣтили въ этихъ двухъ томахъ недостатокъ движенія, манеру «описывать» характеры, а не изображать ихъ въ дѣйствіи, манеру, оставляемую лучшими европейскими романистами, у которыхъ романъ, сохраняя свои существенныя черты, приближается, по движенію, къ драмѣ. Но въ двухъ слѣдующихъ томахъ, движенія уже гораздо больше: познакомивъ читателя со всѣми главными дѣйствующими лицами романа, авторъ ставитъ ихъ наконецъ въ соприкосновеніе между собою. Изложеніе содержанія этихъ двухъ томовъ отлагаемъ до слѣдующей статьи.

А. С—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюня, 1869 г.

Взглядъ на полицію въ обществѣ. — Новѣйшія преобразованія по полиціи въ Петербургѣ. — Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867 годъ. — Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права. — Сущность послѣдней полицейской реформы, и ея недостаточность. — Наши города: ихъ происхождение и характеристика. — Проекты городского преобразованія. — Упадокъ вексельнаго курса, и наша финансовая политика. — Новое положеніе министерства путей сообщенія. — Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ дорогамъ. — Post-scriptum: циркуляръ министерства юстиціи.

Въ составѣ государственныхъ учрежденій есть одно, которое, по самой природѣ своей, осуждено, особенно въ континентальныхъ обществахъ, на нѣкоторую долю непопулярности; мы говоримъ о полиціи. Зависитъ это отъ того, что результаты дѣятельности этого учрежденія относительно благосостоянія гражданъ имѣютъ характеръ по преимуществу общій, между тѣмъ, какъ дѣйствія ея, непосредственныя отношенія ея къ частнымъ лицамъ представляются преимущественно въ разнаго рода личныхъ стѣсненіяхъ, хотя и направленныхъ къ общей пользѣ. Объяснимся примѣромъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бдительность полиціи отстраняетъ значительное число кражъ. Сознавая это, каждый житель, конечно, будетъ благодаренъ полиціи, но сознаніе это въ немъ не особенно живо потому, что результатъ слишкомъ общъ, а слѣдовательно, не слишкомъ осязателенъ и убѣдителенъ. Каждый даже склоненъ думать, что если у него въ теченіи года не украли ничего, то этимъ онъ обязанъ исключительно собственной осторожности. Между тѣмъ, всѣ тѣ стѣсненія, которымъ онъ неизбежно подвергается для осуществленія такого общаго результата полицейской дѣятельности, какъ-то: пріобрѣтеніе себѣ вида, прописка его, подчиненіе обыскамъ, и всѣмъ разнообразнымъ запрещеніямъ полиціи, — онъ чувствуетъ очень живо, сознаетъ ихъ непосредственно. Правда, бываютъ случаи, когда и польза, приносимая отдѣльной личности полиціею, принимаетъ непосредственный характеръ, на примѣръ: полиція вытаскала человека изъ воды или

возвратила ему украденную у него вещь, но такіе случаи чрезвычайно рѣдки сравнительно съ массою ограниченій, которымъ житель города долженъ подвергаться для того, чтобы полиція могла достигать своей цѣли, общаго результата своей дѣятельности.

Отсюда — неизбежная до нѣкоторой степени непопулярность этого учрежденія. У насъ когда говорятъ объ этомъ предметѣ, то обыкновенно ссылаются на примѣръ Англіи въ доказательство, что и полиція, если она устроена хорошо, можетъ быть популярна. Но оставляя въ сторонѣ очевидную истину, что чѣмъ лучше полиція, тѣмъ менѣе она будетъ возбуждать нерасположеніе, замѣтимъ, что популярность полиціи въ Англіи у насъ нѣсколько преувеличиваютъ. Это понятіе установилось на основаніи отзывовъ о полиціи классовъ богатыхъ, которые и въ Англіи, какъ вездѣ, менѣе подчинены полицейскимъ стѣсненіямъ. Но въ массѣ англійскаго населенія, полиція едва ли популярнѣе чѣмъ гдѣ-либо. Достаточно напомнить, что нигдѣ не бываетъ столь частыхъ и ожесточенныхъ дракъ между народомъ и полиціею, какъ именно въ Англіи. Богатые же и достаточные классы, которыхъ мнѣніе и высказывается печатью, въ этомъ отечествѣ контраста между богатствомъ и нищетою, смотрятъ на полицію, какъ на армию своихъ непосредственныхъ защитниковъ и, при сколько-нибудь значительныхъ безпорядкахъ, даже сами добровольно вступаютъ временно въ ряды жовстаблей, опасаясь прежде всего расхищенія своей собственности.

Непопулярность полиціи мы разумѣемъ не только въ томъ смыслѣ, что чины ея не пользуются въ обществѣ почетомъ, но и въ томъ, на практикѣ болѣе важномъ смыслѣ, что собственное ея мнѣніе объ огромной пользѣ, приносимой ею обществу, раздѣляется обществомъ не вполне, такъ-что общество очень неохотно соглашается на новыя жертвы въ пользу полиціи. Примѣръ тому мы видѣли въ концѣ 1866 года, когда петербургская городская дума обсуждала проектъ новыхъ штатовъ для полиціи. Хотя было слишкомъ очевидно, что прежнее содержаніе чиновъ полиціи не давало имъ возможности даже существовать какимъ бы то ни было образомъ, — такъ какъ, напр., у кварталныхъ надзирателей на одну канцелярію, необходимую при громадной ихъ перепискѣ, выходило болѣе денегъ, чѣмъ сколько они получали отъ казны содержанія, и на расходы по перепискѣ; хотя было всѣмъ извѣстно, что чины полиціи преимущественно существовали незаконными поборами, каковой фактъ общество, съ нимъ сжившееся, признавало вмѣстѣ и неизбежнымъ, и плачевнымъ, — однако дума рѣшительно отклонила предположеніе о новомъ ежегодномъ пожертвованіи для полиціи суммы, исчисленной въ то время около 350 тысячъ рублей.

Преобразование это, однако, было признано столь необходимымъ администраціею, что оно все-таки состоялось, и состоялось такимъ образомъ, что на средства города было возложено увеличеніе расхода

даже нѣсколько бѣльшее противъ того, которое было отвергнуто его представительствомъ. Останавливаться на этомъ фактѣ было бы излишне. Ниже намъ придется говорить о проектѣ новаго муниципальнаго устройства, который выработывается теперь администраціею. При преобразованіи городскихъ муниципалитетовъ въ Россіи, имѣется въ виду, между прочимъ, доставить всѣмъ имъ бѣльшую самостоятельность, приблизивъ ихъ въ этомъ отношеніи къ устройству столичныхъ муниципалитетовъ. По этому случаю, не мѣшаетъ напомнить аксіому, что никакое устройство городского управленія не дастъ самостоятельности, если города не будутъ хозяевами даже собственныхъ своихъ денегъ, да еще по отношенію къ собственной своей полиціи.

Обращаясь затѣмъ къ суммѣ, исчисленной по новому штату на содержаніе петербургской полиціи, нельзя не признать, что издержка въ 760 тысячъ рублей, на содержаніе полиціи, слишкомъ тяжела для городского бюджета. Прибавивъ къ этой суммѣ 150 т. р., отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства, получимъ около 910 т. р.—которые ежегодно стоить петербургская полиція городу и государству. Это составляетъ почти по 10 т. р. на околотокъ (ихъ—93), включая сюда и высшее начальство и спеціальныя полицейскія части.

Все это—цифры весьма почтенныя. Намъ скажутъ, пожалуй, что «большому кораблю большое и плаванье», и что городъ Парижъ издерживаетъ на свою полицію 12½ милл. франковъ въ годъ; но, во-первыхъ, Парижъ почти четверо населеннѣе Петербурга (по переписи 1866 г.—2 милл. 151 т. душъ); во-вторыхъ, городъ Парижъ имѣетъ доходовъ болѣе 241½ миллионъ франковъ. Однѣ ввозныя пошлины (octroi) даютъ Парижу почти 100 милл. фр. въ годъ.

Не станемъ сравнивать этихъ цифръ съ нашими; не станемъ распространяться и о томъ обстоятельствѣ, что въ Парижѣ полиція имѣетъ дѣло съ rendez-vous цѣлаго свѣта, между тѣмъ, какъ большинство наплывнаго населенія въ Петербургѣ состоитъ изъ скромныхъ тружениковъ, что обуславливаетъ для нашей полиціи, сравнительно, гораздо болѣе легкую задачу. Мы охотно согласимся даже, что издержка въ 900 слишкомъ тысячъ рублей на петербургскую полицію не слишкомъ велика, и ограничимся только сожалѣніемъ, что этотъ фактъ не былъ доведенъ до очевидности, что имѣло бы мѣсто, если бы бюджетъ городской полиціи былъ опредѣленъ городскимъ управленіемъ.

Преобразование петербургской полиціи началось съ 1866 года, и совершалось постепенно. Въ 1867 году былъ утвержденъ новый штатъ ея, въ видѣ опыта, на три года. Теперь передъ нами первый отчетъ о преобразованіи и дѣятельности полиціи. Онъ недавно опубликованъ въ извлеченіи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и обнимаетъ только 1867 годъ. Что преобразование прежней полиціи было въ самомъ дѣлѣ необходимо, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Что въ основаніе той реформы,

которая совершенна нынѣшнимъ оберъ-полиціймейстеромъ, генераломъ Треповымъ, положены мысли рациональныя—это усматривается и въ сужденіи отчета и даже въ указанныхъ въ немъ результатовъ. Но составители проекта, спеціалисты, имѣли, разумѣется, въ виду только свою спеціальность. Основнымъ началомъ, принятымъ при преобразованіи полиціи, была заботливость о томъ, какъ бы составъ полиціи былъ хорошъ, положеніе ея агентовъ обезпечено, труды между ними распределены правильно, отвѣтственность и обязанность каждаго въ общемъ механизмѣ достаточно выяснены, наконецъ, какъ бы у полиціи было достаточно средствъ для успѣшнаго исполненія того, что отъ нея требуется законами.

Но законы возлагаютъ на полицію такую громадно-сложную массу обязанностей, что она всѣ ихъ удовлетворить въ равной степени не можетъ, и никогда не будетъ въ состояніи, *пока самое полицейское право у насъ не будетъ подвергнуто коренному пересмотру*. Законъ возлагаетъ у насъ на полицію и пресѣченіе преступленій и проступковъ, и учетъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, и преслѣдованіе безпаспортныхъ, и участіе въ охраненіи казенныхъ лѣсовъ, и спасеніе грузовъ судовъ, и содѣйствіе вино-акцизному, табачно-акцизному и соляному вѣдомствамъ, и наблюденіе за звѣриными промыслами, и взысканіе податей, и производство описей и оцѣнокъ недвижимыхъ имуществъ, и содержаніе подъ стражею, и прописку видовъ, и наблюденіе за порядкомъ на улицахъ и публичныхъ мѣстахъ, и охраненіе общественнаго здоровья, и содержаніе въ исправности мостовыхъ, и наблюденіе за исполненіемъ постановленій объ акцизѣ съ сахарнаго песку (1), и содѣйствіе горному вѣдомству, и содѣйствіе вѣдомству судебному, и исправленія требованій всѣхъ властей, и т. д., и т. д. Можно сказать, что законъ возложилъ на полицію *все*, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что избытокъ содѣйствія, разносторонняго бюрократическаго содѣйствія и контроля никогда не мѣшаетъ.

При такой многосложности обязанностей, возлагаемыхъ на полицію закономъ, она очевидно не въ состояніи всѣ ихъ исполнять въ равной степени. Сверхъ того, по самому существу дѣла, въ указаніяхъ даваемыхъ полиціи закономъ многое имѣетъ смыслъ самый общій, неопредѣленный. Изъ такихъ условій вытекаетъ неизбѣжный результатъ, что въ дѣятельности полиціи несравненно болѣе, чѣмъ въ дѣятельности какого либо иного установленія, будетъ произвольнаго и что главное исправленіе ея дѣятельности, поставленіе ея на первомъ планѣ тѣхъ или другихъ задачъ будетъ зависеть отъ *взгляда* тѣхъ, кто ея завѣдуетъ. Будь это — городское представительство, оно болѣе всего будетъ заботиться о нуждахъ и средствахъ города: будь это независимый спеціальныи начальникъ—онъ станетъ заботиться болѣе всего о совершенствѣ самой своей спеціальности, менѣе соображаясь уже съ

размѣрами средствъ и съ постепенностью нуждъ города. При этомъ, само собою разумѣется, что чѣмъ талантливѣе и энергичнѣе будетъ спеціальный, независимый начальникъ, тѣмъ успѣшнѣе онъ достигнетъ цѣли, но преимущественно все-таки своей цѣли.

Такъ, въ своемъ отчетѣ о преобразованіи полиціи, генералъ Треповъ, описавъ ея составъ, который, какъ мы видѣли, обходится городу далеко не дешево, говоритъ, что нынѣшнее преобразование еще было до крайности стѣснено недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. «Новый составъ полиціи—сказано въ отчетѣ—разсчитанъ на полную мѣру *дѣятельности* каждаго лица и каждой части управленія, разсчитанъ, такъ сказать, на *равновѣсіе дѣйствующихъ силъ*. Всякое сокращеніе въ этомъ составѣ, нарушая такое равновѣсіе, повлекло бы за собою невозможность раздѣленія труда, отчего полицейское управленіе столицы пришло бы въ худшее, чѣмъ прежде, положеніе, по той простой причинѣ, что увеличеніе круга *дѣятельности каждаго* изъ чиновъ преобразованной полиціи поставило бы его уже въ рѣшительную невозможность *дѣлать свое дѣло*». Генералъ Треповъ говоритъ здѣсь такъ, какъ имѣющій въ виду исключительно исправное дѣйствіе его части, какъ начальникъ спеціальной части, и притомъ начальникъ близко принимающій къ сердцу ея устройство, начальникъ добросовѣстный и усердный, но все же начальникъ.

Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что полицейское управленіе находилось совершенно въ рукахъ города, — и въ этомъ предположеніи вѣтъ ничего неестественнаго, такъ какъ для цѣлей общегосударственныхъ есть цѣлое министерство внутреннихъ дѣлъ. Допустимъ, что городъ сдѣлалъ бы такое соображеніе: стоящихъ днемъ на Невскомъ проспектѣ и Большой Морской городовыхъ такъ много, а дѣйствительнаго дѣла имъ тутъ такъ мало, что изъ числа постовъ, находящихся на этихъ улицахъ, весьма удобно можно снять хоть пятнадцать. На постъ полагается по три человѣка, это стало бытъ составитъ содержаніе 45 чел. городовыхъ — въ экономію, положимъ 13½ тысячъ рублей. Съ другой стороны, напримѣръ, изъ дѣлъ видно (а сказано это въ отчетѣ), что развитіе въ Петербургѣ секретныхъ болѣзней «достигло такихъ размѣровъ и ходъ его столь быстръ, что оставлять дѣло въ настоящемъ его положеніи значило бы пренебречь общественною опасностью крайней важности»; видно, что съ 1861 до 1866 года число такихъ больныхъ въ Петербургѣ, по показанію однѣхъ больницъ, съ цифры 6,353 чел. возрасло до 12,902 чел. и что отсюда язва распространяется по всему государству. Наконецъ, изъ дѣлъ же видно, «что врачебно-полицейскій комитетъ, при нынѣшнемъ своемъ составѣ, устройствѣ и средствахъ, оказывается совершенно несостоятельнымъ къ пресѣченію этого зла. Итакъ, упомянутыми выше 13½ тысячами рублей усилимъ лучше средства врачебно-полицейскаго комитета».

Правда, безъ означенныхъ 15 лишнихъ городскихъ на Невскомъ и Морской, быть можетъ, на эти улицы и проскочать нѣсколько лишнихъ ломовыхъ извозчиковъ, и наблюдение за проѣзжающими нѣсколько ослабнетъ, но вѣдь это не такъ же важно, какъ возвышеніе числа большихъ секретными болѣзнями.

И не въ одномъ опредѣленіи бюджета полиціи и распредѣленіи между членами ея занятій, но и въ самомъ направленіи полицейскаго надзора произошла бы ощутительная разница, если бы всѣмъ дѣломъ завѣдывалъ городъ. Возьмемъ еще примѣръ: исправленіе мостовыхъ нынѣ обыкновенно начинается съ Невскаго проспекта; какъ только прибыли въ Петербургъ первые каменщики, ихъ сейчасъ разбравтъ для мощенія Невскаго. Между тѣмъ, есть улицы, какой-нибудь Финляндскій проспектъ, положимъ, по которымъ послѣ весны просто проѣзда нѣтъ, а ихъ будутъ мостить къ осени. Самостоятельная полиція, увлекааясь прежде всего главною своею цѣлью—благообразіемъ столицы, даетъ своимъ занятіямъ одну постепенность, а городское управленіе, имѣя въ виду прежде всего дѣйствительныя нужды города, во многомъ дало бы полицейскимъ занятіямъ постепенность въ совершенно-противоположномъ смыслѣ.

Приведенные примѣры имѣютъ только значеніе примѣровъ; они не составляютъ указаній, такъ какъ пришлось бы сдѣлать указанія божѣ полныя, если бы мы специально занялись критикою полицейскаго бюджета въ связи съ городскимъ управленіемъ.

Но если, оставивъ въ сторонѣ наше убѣжденіе, что преобразование полиціи можетъ быть вполне успѣшно только при подчиненіи ея городскому хозяйству, такъ какъ только тогда и дѣятельность ея самой можетъ быть направлена къ болѣе практической пользѣ, да и содѣйствіе ей жителей, которымъ такъ дорожить самъ нынѣшній обер-полиціймейстеръ, можетъ быть охотнѣе и живѣе,—если оставивъ, говоримъ, въ сторонѣ это убѣжденіе, мы обратимся къ отчету генерала Трепова только съ критикою безотносительною, то конечно въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что въ послѣднее время сдѣлано чрезвычайно много для улучшенія самой полиціи, очень много.

Преобразование въ подраздѣленіи полиціи состояло въ томъ, что городъ былъ подраздѣленъ, вмѣсто 13 прежнихъ обширныхъ частей, съ ихъ двойнымъ комплектомъ приставовъ, на 38 участковъ, а эти участки на околотки. Основною мыслью этого переустройства была та общая мысль, по которой преобразованъ, въ послѣднее десятилѣтіе, составъ большей части министерствъ: уменьшить число инстанцій, которыя съ одной стороны ставили дѣйствительныхъ работниковъ или дѣятелей въ подчиненное положеніе, и не позволяли усилить ихъ число сообразно съ потребностями дѣла, а съ другой — напрасно усложнили и замедляли дѣлопроизводство. Такъ, при прежней системѣ, дѣйстви-

щей на практикѣ, единицей былъ кварталный надзиратель, а надъ нимъ были двѣ инстанціи: приставъ исполнительныхъ дѣлъ и полиціймейстеръ. Двѣ эти посредствующія инстанціи, чрезъ которыя проходили дѣла, уничтожены. Начальникъ полицейскаго участка теперь самъ зависитъ только отъ оберъ-полиціймейстера, а полиціймейстеры хотя и сохранены, но не составляютъ уже одну изъ ступеней администраціи, а служатъ только инспекторами своихъ районовъ. Въ кварталѣ, главнымъ помощникомъ надзирателя былъ старшій городской, который считался нижнимъ чиномъ и получалъ ничтожное содержаніе. Эти старшіе городские, самые важные изъ агентовъ высшей полицейской администраціи, обращены теперь въ оковиточныхъ, которыхъ число увеличено, ихъ должность признается классною и имъ полагается достаточное содержаніе. Наконецъ, сами городские, благодаря значительному возвышенію окладовъ, теперь могутъ набираться изъ всѣхъ сословій, и отъ нихъ непремѣнно требуется, чтобы они были грамотные.

Такимъ образомъ, весь составъ полиціи измѣнился и въ основаніи этого измѣненія легла мысль вполне рациональная. Управление частными домами и содержащимися въ нихъ арестантами, завѣдываніе служительскою командою при частяхъ, наконецъ, приѣмъ и разсылку корреспонденціи—всѣ эти такъ сказать внутреннія отправленія полиціи поручены теперь особымъ смотрителямъ частныхъ (т. е. принадлежащихъ полицейскимъ частямъ) домовъ. Вполнѣ рациональнымъ учрежденіемъ слѣдуетъ признать также полицейскій резервъ, въ который первоначально зачисляются всѣ поступающіе въ высшіе агенты полиціи, и въ которомъ они подготавливаются къ полицейской службѣ. При резервѣ устроена специальная полицейская школа, въ которой, кромѣ элементовъ общеобразовательныхъ, преподаются полицейскія учрежденія и правила, а также топографическія и статистическія свѣдѣнія о Петербургѣ. Относительно пользы такой подготовительной полицейской школы отчетъ ссылается на примѣръ Лондона и Варшавы, но польза эта и безъ того очевидна. Желательно было бы даже, чтобы и другія техническія вѣдомства, какъ напр. почтовое, подражали въ этомъ отношеніи полиціи, и чтобы чиновники почтовыхъ бюро проходили предварительно практическую почтовую школу: только по выдержаніи въ ней экзамена слѣдовало бы давать мѣста въ эскадрильяхъ.

Сыскная полиція организована какъ часть отдѣльная отъ полиціи наружной, и дѣятельность ея, судя по отчету за 1867 годъ, уже произвела результаты въ самомъ дѣлѣ замѣчательные. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько интересныхъ цифръ. Въ теченіи 1867 года въ Петербургѣ было совершено 7 убійствъ; виновники *всѣхъ* ихъ обнаружены сыскою полиціею (отчетъ, разумѣется, признаетъ обнаружен-

ными и виновниковъ убійства въ Гусевомъ переулкѣ); изъ 10 бывшихъ грабежей обнаружены виновники 3-хъ; изъ 1,826 кражъ—1,018; изъ 62 разныхъ преступленій—40.

Необходимыми послѣдствіями судебной реформы было уничтоженіе должностей слѣдственныхъ приставовъ и второго департамента управы благочинія. Адресный столъ совершенно обновленъ въ томъ смыслѣ, что всѣ свѣдѣнія для него собраны вновь и измѣненъ самый порядокъ ихъ доставленія. Усиленъ нѣсколько врачебно-полицейскій комитетъ, увеличены помѣщенія для арестантовъ, при чемъ для срочныхъ арестантовъ устроена тюрьма по новой системѣ, съ работами (объ устройствѣ этой тюрьмы мы уже имѣли случай говорить по поводу книги г. Галкина), построены вновь пожарный обозъ, на что впрочемъ исходатайствована была особая сумма въ 50,000 р., изъ страхового капитала; наконецъ—приступлено къ составленію проекта о преобразованіи адресной экспедиціи, которую, по нашему мнѣнію, всего лучше было бы уничтожить, вмѣстѣ съ адресными билетами, совершенно напрасно и въ сильной степени стѣсняющими народъ и возлагающими сверхъ того на полицію обязанность прописывать ихъ. Не лучше ли было бы—если уже Петербургу необходимъ налогъ съ труда по найму, дающій въ годъ до 220 тысячъ рублей,—взыскивать его не въ видѣ адресныхъ пошлинъ, а просто—продажей жестянокъ, или ярлыковъ, или штемпельныхъ расчетныхъ книжекъ, или, наконецъ, просто штемпельныхъ марокъ разныхъ разрядовъ, которыя наклеивались бы на паспортахъ, при пропискѣ? Система адресныхъ билетовъ, съ оставленіемъ какъ бы подъ залогъ имъ паспортовъ, эта двойная паспортная система крайне стѣсняетъ народъ, не говоря уже о томъ, чего стоитъ содержаніе адресной экспедиціи, суммы которой можно было бы обратить хотя бы на врачебно-полицейскую часть.

Въ заключеніе этого краткаго перечня реформъ, произведенныхъ въ составѣ и устройствѣ полицейскаго управленія въ Петербургѣ, упомянемъ еще объ учрежденіи особой рѣчной полиціи. Замѣтимъ, при этомъ, что у насъ преобразование такого рода совершается легче, чѣмъ гдѣ либо. Мы хотимъ говорить не о самыхъ средствахъ, какія получила полиція и которыя сдѣлали преобразование ея возможнымъ, а о легкости подчинять частныя лица тому множеству деталей реформы, которыми достигается ея осуществленіе. Объяснимся опять примѣромъ. Полиція почему либо признаетъ удобнымъ перемѣнить названіе большинства улицъ; она перемѣняетъ ихъ, и хотя для частныхъ лицъ отсюда и истекаетъ сперва немалое замѣшательство, хотя частными лицами даже не уясняется цѣль такой пертурбаціи, однако, ничего, новыя названія устанавливаются, и частныя лица къ нимъ въ послѣдствіи привыкаютъ. Тоже самое съ нумераціею домовъ: полиція признаетъ нужною новую нумерацію и вводитъ ее простымъ пріемомъ: «обязать

домовладѣльцевъ къ извѣстному сроку» и т. д. Точно также съ освѣщеніемъ гвѣстницъ (здѣсь впрочемъ реформа встрѣтила совершенно-неожиданное судебное препятствіе). Въ прежнее время, квартальные надзиратели вели сами вторые экземпляры домовныхъ книгъ; на это, конечно, требовалось время; для облегченія полиціи былъ употребленъ тотъ же пріемъ: «обязать домовладѣльцевъ, дабы они доставляли мѣстной полиціи адресныя записки въ двухъ экземплярахъ», вмѣсто одного. Положимъ, что при этомъ облегчались мѣстныя полицейскія управленія и вмѣстѣ достигалась болѣшая правильность въ доставленіи свѣдѣній адресному столу. Но вѣдь это, въ дѣйствительности, составило новый налогъ: за бланкъ контрамарки вѣдь платится по копѣйкѣ, значитъ владѣлецъ большого дома, доставляя лишніихъ контрамарокъ 20 въ день, облагается налогомъ въ 72 рубля въ годъ.

Преобразование полиціи, несомнѣнно, достигло хорошихъ результатовъ и если на полицію смотрѣть какъ на часть совершенно самостоятельную, неподчиненную наличности средствъ и постепенности нуждъ городского хозяйства, то нельзя не признать, что это преобразование было ведено довольно рационально. Но признавая это, и отдавая справедливость энергіи и труду, какихъ оно потребовало, прибавимъ однако, что нигдѣ оно не могло быть совершенно легче, какъ именно у насъ, гдѣ начальникъ отдѣльной части мало стѣсненъ въ осуществленіи своихъ предположеній даже и соглашеніемъ съ другими частями той же администраціи.

Мы упомянули выше, что въ программу преподаванія въ спеціальной полицейской школѣ входятъ и инструкціи, изданныя для околоточныхъ надзирателей и городскихъ. Въ отчетѣ говорится именно объ инструкціяхъ «изданныхъ»; мы не знаемъ, значитъ ли это, что онѣ напечатаны. Но, во всякомъ случаѣ, если онѣ и напечатаны, то не опубликованы. А между тѣмъ, было бы крайне полезно опубликованіе полицейскихъ правилъ относительно порядка на улицахъ и отношеній между частными лицами и непосредственными агентами полиціи. Каждому частному лицу необходимо знать полицейскія правила, дабы не нарушать ихъ неволью. Наши постановленія о полиціи до того сложны, что предполагать подробное знакомство съ ними частныхъ лицъ совершенно невозможно. Въ этомъ отношеніи недавно вышедшая книга г. Леонтьева: «Сборникъ узаконеній, постановленій и распоряженій касающихся полиціи», составленная добросовѣстно и по очень практичному плану, составляетъ важную услугу, такъ какъ въ ней собрано то, что разсыяно по двадцати томамъ и множеству приказовъ. Но сюда могло войти только то, что опубликовано, а инструкціи околоточнымъ и городovýmъ, въ которыхъ заключается сущность всѣхъ правилъ наружнаго порядка, въ эту книгу не вошли.

За симъ, единственнымъ общественнымъ правиломъ относительно

взаимныхъ правъ и обязанностей между полиціею и публикою остается одно: «безпрекословное исполненіе всѣхъ законныхъ требованій полиціи». Но что такое «законныя» требованія, когда они основаны на негласныхъ инструкціяхъ, и въ какой мѣрѣ исполненіе негласныхъ распоряженій можетъ считаться обязательнымъ для публики? Мы знаемъ, напримѣръ, престо изъ примѣровъ, что человекъ въ гражданскомъ платьѣ, если городской пригласитъ его въ участокъ, хотя бы рѣшительно безъ всякаго повода, пойдетъ за городовымъ, а если не пойдетъ, то его поведутъ насильно. Знаемъ также, что человекъ, въ военномъ мундирѣ въ участокъ не пригласятъ, развѣ въ какомъ-нибудь чрезвычайномъ случаѣ. Мы знаемъ положительно, что въ инструкціи городовымъ предписано каждому, кто спроситъ ихъ о номерѣ бляхи, приглашать въ участокъ, и въ случаѣ отказа, городовые такихъ любопытныхъ забираютъ насильно. Дѣлается это съ тою забавною дѣлюю, что въ такомъ любопытномъ подозрѣвается человекъ, намѣревающійся принести на городского жалобу высшему полицейскому начальству; и вотъ для того, чтобы *мѣстное* полицейское начальство было уже заранѣе приготовлено отвѣчать на могущій быть сдѣланнымъ запросъ, частнаго человека тащить въ участокъ за одно любопытство узнать № бляхи, которая для того и сдѣлана, чтобы на нее смотрѣли. Это правило принадлежитъ именно къ числу тѣхъ «простыхъ пріемовъ», которыми полиція достигаетъ удобства для своихъ дѣйствій, невзирая на стѣсненіе частныхъ лицъ. Имѣетъ ли право частное лицо отказаться исполнить подобное требованіе городского, а если не имѣетъ, то почему же оно не предупреждено о томъ, почему не обнародовано то правило, которое непременно будетъ нарушаемо на каждомъ шагу и нарушаемо совершенно неволью? Опубликовать инструкціи полицейскимъ агентамъ ничего не стоить, такъ какъ эти инструкціи преподаются въ школахъ, стало бытъ онѣ не разсылаи въ приказахъ, но собраны въ сводъ. А пока полиція не обнародуетъ «правилъ уличнаго порядка», до тѣхъ поръ можно будетъ утверждать, что мы на улицахъ подчиняемся просто произволу полицейскихъ чиновъ, которые могутъ намъ что угодно запрещать, куда угодно «направлять» насъ и заставлять «слѣдовать».

Изъ статистическихъ отчетовъ о дѣятельности наружной полиціи, помещенныхъ въ отчетѣ, видно, что вообще дѣятельность ея имѣетъ еще характеръ самый элементарный, т. е. занимается болѣе запрещеніями всякаго рода, чѣмъ предупрежденіемъ и устройствомъ, или что полиція, какъ сказано въ первоначальномъ о ней постановленіи, болѣе «всякіе безпорядки отгоняетъ, чѣмъ всякій порядокъ чинитъ». Такъ, полиціею задержано въ 1867 году нищихъ 6,000 чел., а свидѣтельствъ о бѣдности выдано всего 40. Задержано пьяныхъ 26,646 тысячъ человекъ (1), а мошенниковъ — 203. Наконецъ, составлено протоколовъ

«по сопротивленію законнымъ требованіямъ полиціи»—687 (да еще по оскорбленію чиновъ полиціи—420), когда самыя правила, на которыхъ основывается законность требованій полиціи, далеко не всѣ, и именно наиболѣе легко нарушаемыя,—опубликованы!

Въ заключеніе, намъ остается повторить, что преобразование полиціи и результаты ея дѣятельности, какъ они изложены въ отчетѣ, дѣлаютъ большую честь неутомимой энергій главнаго ея начальника и что полиція могла бы сдѣлать для города еще гораздо больше, еслибы она не была обременена многосложностью требованій закона (такъ она произвела денежныхъ высканій слишкомъ на 2½ милл. рублей—что, очевидно, вовсе не дѣло полиціи, но возложено на нее закономъ). Но порядокъ наиболѣе соответствующій средствамъ и потребностямъ города можетъ быть именно тотъ, какой городъ самъ бы устроилъ. А потому desideranda въ отношеніи полиціи остаются: 1) пересмотръ узаконеній о ея обязанностяхъ, и 2) подчиненіе ея городскому управленію.

Мы уже упоминали, что въ настоящее время имѣется въ виду пересмотръ городскихъ положеній. Теперь мы узнаемъ, что въ виду правительства находятся проекты по вопросамъ въ высшей степени важнымъ, именно не только о преобразованіи городского хозяйства, но и избирательнаго права въ городахъ, состава городскихъ управленій и даже самаго состава городскихъ обществъ. Составленные по этимъ вопросамъ проекты, какъ то извѣстно, подверглись разнымъ измѣненіямъ; положено начать дѣло съ изданія проекта нормальнаго положенія о городскомъ управленіи, съ тѣмъ чтобы они вводились въ разныхъ городахъ не въ опредѣленные впередъ сроки, а по мѣрѣ ходатайства мѣстныхъ обществъ и начальствъ, затѣмъ издать уставъ о городскомъ хозяйствѣ временно на четыре года, начавъ введеніе его съ обѣихъ столицъ и города Одессы.

Итакъ, все это дѣло находится еще въ состояніи проектовъ. Вопросъ объ опредѣленіи состава и правъ городскихъ обществъ, устройствѣ ихъ управленія и хозяйства такъ важенъ, что необходимо посвятить ему подробное изслѣдованіе, что мы и не преминемъ сдѣлать, какъ только одинъ изъ проектовъ будетъ обнародованъ для введенія въ дѣйствіе. Въ настоящее время, мы ограничимся нѣсколькими указаніями о томъ, какъ необходимо пересмотръ нынѣшняго, такъ сказать хаотическаго положенія о нашихъ городахъ, и притомъ пересмотръ въ смыслѣ самомъ широкомъ, то-есть не изданіе какихъ либо отдѣльныхъ уставовъ объ управленіи и хозяйствѣ городовъ, а именно измѣненіе устарѣвшаго и непрактичнаго при самомъ своемъ первоначальномъ составленіи нашего городского положенія 1785 года.

Происхожденіе городовъ въ Россіи во многомъ было отлично отъ

происхожденія городовъ въ западной Европѣ. Хотя наша городская грамота и указываетъ главнымъ основаніемъ для официального существованія города условія экономическія, именно сосредоточеніе въ извѣстныхъ пунктахъ—«торговли, промысловъ, рукодѣлія и ремесла», возлагая вслѣдствіе того на городъ ту надежду, что онъ будетъ служить для умноженія государственныхъ доходовъ, и такимъ образомъ для признанія извѣстнаго пункта городами какъ бы требуетъ предварительнаго факта—существованія въ этомъ пунктѣ средоточія промышленныхъ силъ,—однако, въ дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вышло такъ, что городъ были созданы просто для удобства администраціи, и фактъ развитія въ нихъ силъ экономическихъ для «умноженія доходовъ государственныхъ» предполагался при этомъ какъ бы необходимымъ послѣдствіемъ учрежденія въ пунктѣ признанномъ за городъ административнаго центра. Такимъ образомъ, большинство городовъ имѣли происхожденіе искусственное, и дальнѣйшая жизнь ихъ вовсе не соответствовала тому значенію, которое имъ было придано администраціею, и не оправдало того ожиданія, которое при этомъ возлагалось на сосредоточеніе въ нихъ экономическихъ силъ.

Правда, въ западной Европѣ старѣйшіе города далеко не всѣ произошли какъ продуктъ чисто-экономическихъ, естественныхъ условій. Огромное число ихъ обязано своимъ происхожденіемъ внѣшней силѣ системы феодальной, какъ у насъ—системы административной. Замкъ ставился не всегда у слиянія рѣкъ, или на большой дорогѣ, въ виду торговыхъ выгодъ для поселенія, а просто—въ мѣстѣ удобнѣйшемъ для владѣльца, напримѣръ—въ отношеніи обороны. Отсюда на холмъ—*die Burg*, вокругъ котораго въ долину раскидывалось сперва селеніе, потомъ городъ. *Burg, borga, bourg, borough*, съ поселеніемъ, которое за извѣстныя повинности получало отъ владѣльца извѣстныя привилегіи. Затѣмъ, такіе города, если естественныя условія благоприятствовали ихъ развитію, переживали власть своего сюзерена или освобождались отъ нея и становились свободными, или, если естественныя условія имъ неблагоприятствовали, уничтожались вмѣстѣ съ истребленіемъ или разореніемъ замка. Такимъ образомъ, и въ западной Европѣ многіе городъ обязаны происхожденіемъ своимъ силѣ внѣшней, произволу власти, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшее существованіе ихъ зависѣло отъ естественныхъ условій болѣе, чѣмъ существованіе нашихъ городовъ, настолько, насколько власть феодальная была менѣе прочна, болѣе преходимая, чѣмъ власть административная, бюрократическая власть въ централизованномъ государствѣ.

Изъ такого, преимущественно-административнаго происхожденія нашихъ городовъ вышли явленія въ высшей степени странныя. Естественныя, экономическія условія не поддались подѣ официальными разграниченіями, и оказывается, что огромное большинство нашихъ горо-

довѣ—города только по имени; что жители ихъ, хотя и носятъ званіе городскихъ обывателей, занимаются преимущественно сельскимъ промыслами; что, подѣ влияніемъ законоположеній направленныхъ къ искусственному созданію городского сословія, тамъ гдѣ не было для него задатковъ, состояніе городскихъ обывателей явилось своего рода закрѣпощеніемъ, наконецъ, что рядомъ со всѣмъ этимъ, нѣкоторыя селенія, не имѣя званія городовъ и не будучи административными центрами, сдѣлались, благодаря естественнымъ причинамъ, а отчасти и крепостному праву, сильными и многолюдными центрами, которые хотя продолжаютъ называться селеніями, но съ сельскимъ, т. е. земледѣльческимъ промысломъ не имѣютъ ничего общаго.

Оказались такіе города, которые существуютъ только благодаря пособію, какое они получаютъ изъ земскихъ сборовъ. Оказались такіе— и ихъ не мало — города, въ которыхъ всѣ классы городского состоянія, такъ сказать, фальшивы, т. е. сами этимъ городамъ по своей дѣятельности вовсе не принадлежать, а только къ нимъ приписаны (купцы, торгующіе въ другихъ мѣстахъ въ качествѣ иногороднихъ гостей); мѣщане же составляютъ не ремесленное сословіе, а пролетаріатъ, кромѣ тѣхъ, которые занимаются земледѣліемъ и то не на своихъ, а на арендованныхъ земляхъ, а цеховыхъ — вовсе нѣтъ въ городѣ (такіе города, безъ цеховыхъ, составляютъ большинство въ цѣлыхъ 13 губерніяхъ).

Наконецъ, есть даже такіе города, которыхъ, такъ сказать, совсѣмъ нѣтъ. Въ «Современной Лѣтописи» былъ указанъ заштатный городъ Обвинскъ (Пермской губерніи), который значится и въ академическомъ календарѣ, а между тѣмъ вовсе не существуетъ, то-есть въ немъ никогда не было и нѣтъ ни одного дома. «Открытъ онъ былъ торжественно въ 1781 году, въ близлежащемъ селеніи Верхнеязвинскомъ, гдѣ шестнадцать лѣтъ находились и присутственныя мѣста обвинскаго уѣзда. Когда городъ Обвинскъ въ царствованіе императора Павла остался за штатомъ, въ немъ еще не было ни одного дома. Въ такомъ же видѣ остался онъ до сего дня». И вѣдь навѣрно получали же чиновники уѣзднаго обвинскаго управленія жалованье! Курьезнѣе этого факта трудно было бы придумать что-нибудь даже въ сатирическомъ очеркѣ преобладанія бюрократизма въ жизни государства.

Итакъ, есть города, въ которыхъ нѣтъ не только условій для городской жизни, а стало быть и хозяйства, но нѣтъ на лицо и большинства приписанныхъ къ нимъ обывателей; наконецъ, есть даже города, которыхъ самихъ нѣтъ, въ дѣйствительности, такъ что число всѣхъ городовъ Россіи неизвѣстно, и не можетъ быть опредѣлено никакимъ образомъ. А между тѣмъ, вся эта путаница и призрачность имѣетъ весьма серьезное значеніе въ смыслѣ стѣсненія, закрѣпощенія сословія, сдѣланнаго съ цѣлью искусственно создать городское сословіе

«для умноженія доходовъ государственныхъ». Такъ, въ законахъ о состояніяхъ (т. IX) есть статья, которая воспрещаетъ переходъ въ крестьянство «тѣмъ мѣщанамъ, кои не только сами, но и отцы ихъ некогда въ землешествѣ не упражнялись или вступили уже въ какую-нибудь промышленность, городскимъ жителямъ свойственную, и могутъ содержать себя по своему состоянію». Другая статья закона воспрещаетъ лицамъ сельскихъ сословій имѣть постоянное пребываніе въ городахъ и производить въ селеніяхъ городскіе промыслы.

Добавимъ къ этимъ законамъ, что тѣмъ не менѣе, почти четверть всего нашего городского населенія (со включеніемъ столицъ) составляетъ сословіе сельское; что на мѣщанахъ — этомъ ядрѣ городского населенія — тяготѣютъ неоплатныя недоимки; что города наши, не представляя, въ большинствѣ, промышленнаго развитія, крайне слабы и относительно цѣнности находящихся въ нихъ недвижимыхъ имуществъ; наконецъ, что есть много городовъ, которыхъ даже и официальное положеніе вовсе не опредѣлено. Возьмемъ близкіе примѣры: Сестрорѣцкѣ, Чесма, Колпино — признаются селеніями, но ихъ официальное значеніе, какъ городовъ, никогда не было отмѣнено.

Изъ этого бѣглого очерка видно то, что мы хотѣли показать, именно — положительную анархію, которая преобладаетъ въ положеніи нашихъ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что именно въ настоящее время, когда желѣзныя дороги ведутъ къ сосредоточенію торговли въ пунктахъ, на нихъ находящихся, и вообще обѣщаютъ большой переворотъ въ экономическихъ условіяхъ различныхъ мѣстностей, притомъ именно въ смыслѣ благопріятномъ сосредоточенію торговли, а также въ то время, когда и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ мѣстныхъ судахъ проведено начало всесословности, — необходимо взяться за городовую улаву и измѣнить его сообразно требованіямъ времени.

Изъ статьи напечатанной въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», мы узнали, что имѣется въ виду преобразовать не только городское управленіе и хозяйство, но и самый составъ городскихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи необходима — въ виду существующихъ стѣсненій и анархіи — реформа радикальная, и чѣмъ глубже она коснется низшаго положенія о городахъ, чѣмъ обширнѣе она будетъ — тѣмъ лучше. Мы узнаемъ, что предположено устранить изъ образованія городского представительства элементъ сословный — что будетъ соотвѣтствовать какъ смыслу земскихъ учреждений, такъ и условіямъ, въ которыхъ находятся наши города, и которыя — какъ мы изложили ихъ выше — сводятся къ необходимости признавать гражданами городовъ просто лица, дѣйствительно въ нихъ жительствующія, дѣйствительно въ нихъ торгующія, хотя бы только въ званіи прикащиковъ, и имѣющія въ городахъ недвижимыя имущества, безъ различія состояній. Предполагается дать право голоса въ избраніи уполномоченныхъ

именно лицамъ, которыхъ постоянное пребываніе въ городѣ удостоивлено сейчасъ изложенными условіями, безъ различія состояній. Это уже приблизить городское представительство къ дѣйствительности; но сверхъ того необходимо, чтобы преобразование пошло дальше и отиѣвилось тѣ стѣсненія, которыя нынѣ препятствуютъ лицамъ городского сословія въ переводѣ ихъ въ сословіе сельское и наоборотъ. Предполагается обезпечить самостоятельность городского управленія условіемъ, что должностныя лица его могутъ предаваться суду не иначе, какъ на основаніи постановленія городского собранія, утвержденного губернаторомъ, а городскіе головы не иначе, какъ по опредѣленію 1-го департамента сената, основанному на постановленіи городского собранія. Предполагается устранить губернскія правленія отъ всякаго вліянія на городскія управленія, ограничивъ такое вліяніе или отношеніе лично особою губернатора.

Однимъ словомъ, проекты направлены въ смыслѣ усиленія и обезпеченія городского самоуправленія. Замѣчательно, что при этомъ предполагается оставить въ силѣ нынѣ дѣйствующія ограниченія относительно участія евреевъ въ общественномъ управленіи. Мы можемъ только повторить, что относительно нашихъ городовъ законодательство сдѣлало уже слишкомъ много, создавъ города тамъ, гдѣ имъ вовсе не слѣдовало, и что поэтому преобразование должно быть направлено именно въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить полную свободу не только городскому управленію, но и самому существованію или несуществованію каждаго города, смотря по рѣшенію большинства его гласныхъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ всѣ были поражены неожиданнымъ паденіемъ нашего вексельнаго курса. Въ послѣдніе годы нашъ курсъ значительно улучшился, и мы совершенно успокоились въ этомъ отношеніи, такъ что сперва, когда въ нынѣшнемъ году курсъ сталъ падать, мы склонны были видѣть въ этомъ только случайное и кратковременное явленіе, забывая, что тамъ, гдѣ общія финансовыя условія шатки и ненормальны, гдѣ нѣтъ размѣна, гдѣ рынокъ задавленъ бумажными деньгами, гдѣ наконецъ, дефицитъ слѣдуетъ за дефицитомъ, никакое благоприятное экономическое явленіе не можетъ быть прочнымъ, а напротивъ, именно такое-то явленіе и можетъ быть только временнымъ, между тѣмъ какъ для прочности явленій неблагоприятныхъ есть всѣ задатки. Огромное развитіе нашего желѣзно-дорожнаго кредита, успѣхъ займовъ, необыкновенное возрастаніе спекуляціи на петербургской биржѣ — все это представляетъ въ сущности только живость оборотовъ и напряженіе экономическихъ силъ, но нисколько не измѣняетъ общаго положенія нашихъ финансовыхъ дѣлъ.

Главная черта этого положенія — громадность суммы безпроцентныхъ

и неподлежащихъ выкупу бумагъ — слишкомъ извѣстна. Министерство финансовъ приняло ли какія-нибудь мѣры для пресѣченія этого зла? Руководящими чертами нашей внутренней финансовой политики оставались: постепенное увеличеніе количества находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ и рядомъ съ нимъ — закупка банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ. Публика относилась къ этой системѣ совершенно спокойно, утѣшенная благопріятными наружными признаками, о которыхъ сказано выше.

Но вотъ, нашъ вексельный курсъ, державшійся, по сравненію съ прежними годами, высоко, начинаетъ падать. Въмѣсто курса въ 345, 344 сантима за рубль на Парижъ, оказываются курсы въ 325, 220, наконецъ въ 314 на здѣшней биржѣ. Между тѣмъ, банкъ довелъ свой запасъ металловъ до цѣнности свыше 140 милліоновъ рублей. Итакъ, оказывается, что накопленіе металла въ банкѣ не можетъ поддержать, обезопасить нашъ вексельный курсъ отъ паденія.

Дѣло въ томъ, что въ составъ вексельнаго курса входятъ два элемента. Онъ, во-первыхъ, выражаетъ собою балансъ ввѣшной торговли, то есть отношеніе между вывозомъ и привозомъ товаровъ, такъ что тѣмъ болѣе вывозъ относительно привоза, и тѣмъ болѣе намъ, стало быть, предстоитъ получить изъ-за границы металла на оплату нашихъ продуктовъ, тѣмъ курсъ стоитъ выгоднѣе. Но, во-вторыхъ, въ составъ вексельнаго курса входитъ еще и курсъ внутренней, то есть цѣна единицы обращенія или отношеніе между цѣною золота и бумажныхъ денегъ внутри государства.

Вотъ почему, когда за прошедшій годъ нашъ вывозъ превышалъ ввозъ, то вексельный курсъ нашъ, хотя и былъ благопріятенъ, по сравненію съ прежними временами, однако далеко еще не былъ *à pari*, между тѣмъ, какъ если бы вексельный курсъ выражалъ собою только торговый балансъ, то въ прошломъ году нашъ курсъ долженъ бы былъ стоять выше *à pari*, такъ какъ вывозъ превышалъ ввозъ.

То неблагопріятное условіе, которое, такимъ образомъ, не допустило нашъ курсъ до *à pari*, осталось въ полномъ дѣйствиіи, такъ какъ выпускъ бумажныхъ денегъ продолжался; а то благопріятное курсу обстоятельство, которое представлялось усиленіемъ нашего вывоза, сравнительно съ ввозомъ, стало ослабѣвать. Изъ официальной вѣдомости о товарахъ, отпущенныхъ за-границу и привезенныхъ, по европейской торговлѣ, съ 1 января по 1 марта нынѣшняго года, оказывается, что вывозъ уменьшился, а привозъ увеличился. Такъ, сравнительно съ тѣмъ же періодомъ прошлаго года, нынѣ вывезено хлѣба почти на 150 процентовъ менѣе, полотна на 81%, коноплянаго и льнянаго сѣмени на 144% менѣе, и т. д. Между тѣмъ, привозъ увеличился: бумажныхъ издѣлій на 289½%, хлопка на 109%, кофе 112% и т. д.

Когда благопріятное условіе, поддерживавшее нашъ курсъ, ослабѣ-

заетъ, то естественно, что онъ сталъ падать, и что паденіе его вовсе не кратковременное и не случайное, а что падаетъ онъ, подчиняясь другому составному своему элементу, именно — внутреннему отношенію между бумажною единицею обращенія и золотомъ. И такого паденія курса никакими искусственными мѣрами остановить нельзя. Самое вздорожаніе цѣнъ внутри государства ведетъ къ усиленію привоза и уменьшенію вывоза. Банкъ будетъ держать себѣ 140 милл. р. въ металлахъ бесплодно, а если попробуетъ открыть на нихъ размѣнъ, то эти милліоны утекутъ въ самое короткое время за-границу, курсъ затѣмъ опять падетъ и въ результатѣ для банка окажется только огромная потеря той преміи, которую онъ платилъ за приобрѣтеніе металловъ; однимъ словомъ, повторится случай уже однажды бывшій съ нами.

Что касается необыкновеннаго развитія на петербургской биржѣ спекуляціи за послѣднее время, то это обстоятельство, само по себѣ, представляетъ немного утѣшительнаго. Жизнь оборотовъ на биржѣ свидѣтельствуетъ о силѣ экономической жизни только тогда, когда обороты эти — дѣйствительныя коммерческія обороты. А спекуляція на бумаги и на товары (какъ нынѣ на хлѣбъ), имѣющая цѣлью только премію со сдѣлокъ, а не дѣйствительное приобрѣтеніе и продажу, похожа на жизнь также, какъ судороги похожи на движеніе. Такъ, на примѣръ, до сихъ поръ главнымъ результатомъ нашей биржевой спекуляціи было то, что наши процентныя бумаги, выпускаемыя за-границей, покупались нами же, такъ что мы платили по нимъ премію иностранцамъ. Вообще, если спекуляція разовьется въ странѣ несоответственно дѣйствительной потребности ея оборотовъ, то это можетъ повести только къ кризису.

Единственнымъ утѣшительнымъ результатомъ нашихъ финансовыхъ усилій, за послѣдніе годы, во всякомъ случаѣ представляются сильно разившіяся желѣзныя дороги. Но намъ уже неоднократно случалось намекать, что для всякаго успѣха нашей желѣзно-дорожной сѣти, даже для финансоваго, необходимо преобладаніе, при дарованіи концессій, строго установленной, на основаніи специальныхъ данныхъ, рациональной желѣзно-дорожной политики. Наше инженерное вѣдомство — мы говоримъ о вѣдомствѣ путей сообщенія, — никогда не было оцѣнено по заслугамъ. Не было вѣдомства, на которое падало бы столько нареканій, отчасти оправдывавшихся характеромъ высшаго имъ управленія, нерѣдко находившагося въ рукахъ не-специалистовъ. Нынѣ выказалось, съ достаточною ясностью, что наши инженеры не только стоятъ иностранныхъ, но положительно способнѣе и благодарнѣе тѣхъ чужеземцевъ, которые являлись просвѣщать насъ по этой части. Николаевская желѣзная дорога, за которую столько упрекали нашихъ инженеровъ, представляя ее и разорительною по стоимости сооруженія и мало-доходною,

оказалась нынѣ, по сведеніи всѣхъ счетовъ, стоившею поверстно не болѣе того, что правительство принимаетъ въ казну при гарантіи по концессіямъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Имена двухъ главныхъ строителей этой превосходной линіи: П. П. Мельникова, и Н. О. Крафта, останутся первыми на почетной страницѣ нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. Дорога эта, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывается относительно самою доходною изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы можемъ только привѣтствовать извѣстіе, что новому министру путей сообщенія будетъ предоставлено полное и самостоятельное рѣшеніе въ вопросахъ о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, что рѣшенія, входящія въ сферу желѣзно-дорожной политики, будутъ сосредоточены въ вѣдомствѣ техническомъ, наиболѣе компетентномъ. Нынѣшній министръ путей сообщенія происходитъ изъ фамиліи, которая всегда интересовалась развитіемъ промышленнаго дѣла въ Россіи, и покойный графъ Бобринскій, отецъ нынѣшняго министра, имѣлъ не малое вліяніе на осуществленіе первой нашей большой желѣзно-дорожной линіи — николаевской. Позвоительно надѣяться, что сынъ этого государственнаго человѣка поставитъ ввѣренъ? же ему вѣдомство въ положеніе, которое должно принадлежать ему по справедливости, и приметъ живое участіе въ рациональномъ окончаніи желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи.

Еще до вступленія его въ должность, по слухамъ, пришло разрѣшеніе о выдачѣ весьма значительной субсидіи тремъ линіямъ, которыя, пользуясь пропускомъ сдѣланнымъ въ нихъ концессіяхъ, отказывались проложить вторые рельсовые пути, несмотря на огромные барыши, которые ими получались. Объ ошибкахъ этой можно только пожалѣть, и притомъ нельзя не спросить: было ли въ концессіяхъ этихъ линій гарантировано имъ исключительное право на желѣзно-дорожное сообщеніе по извѣстнымъ мѣстностямъ, — или такой монополіи, равно какъ и обязательства о проложеніи вторыхъ путей при извѣстномъ процентѣ дохода, они по концессіямъ не имѣли? Въ послѣднемъ случаѣ, странно, что имъ выдается казенная субсидія для удовлетворенія этой послѣдней надобности, тогда какъ стоило только приступить къ выдачѣ другимъ лицамъ концессій, на линіи параллельныя тѣмъ, которыя находятся въ ихъ владѣніи, чтобы побудить эти компаніи, безъ всякой субсидіи, взяться за проложеніе вторыхъ путей, на что онѣ, по значительности получаемой ими чистой прибыли, имѣютъ всѣ средства.

Въ нашемъ журналѣ упоминалось объ исключительномъ отношеніи, въ которое у насъ поставлено почтовое дѣло къ управленію желѣзныхъ дорогъ. По поводу сдѣланной у насъ замѣтки, намъ указали лица, весьма компетентныя, на неточность того, что мы утверждали, а именно, что почтамтъ не озаботился выговорить для себя то, чѣмъ пользуются почтамты въ западныхъ государствахъ, т. е. даровой почтовый вагонъ.

Но мы и не утверждали прямо, что почтамы въ этомъ виновены, такъ какъ мы знаемъ, что почтамы, безъ согласія на то министерства финансовъ и путей сообщенія, не властены обязать къ упомянутой льготѣ желѣзныя дороги. А наконецъ, дѣло не въ томъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за такой просмотръ, а въ самомъ фактѣ, тормозящемъ почтовое дѣло; и мы были все-таки правы, утверждая, что желѣзныя дороги вездѣ содѣйствовали процвѣтанію почтамы, а у насъ онѣ поставили его даже въ затруднительное положеніе. Если мы не ошибаемся—въ Англии, почтамы даже имѣютъ вліяніе на программу движенія по желѣзнымъ дорогамъ, и перемѣны въ поѣздахъ не могутъ производиться безъ участія въ томъ главнаго почтоваго управленія. Это совершенно рационально и легко могло бы быть принято въ соображеніе и у насъ.

Post-scriptum. — Мы уже заключили нашу хронику, когда появилось въ газетахъ слѣдующее распоряженіе министерства юстиціи, обратившее на себя всеобщее вниманіе по важности предмета, котораго оно коснулось въ своемъ циркулярѣ:

«Значительная часть лицъ, слушающихъ юридическій курсъ въ университетахъ, поступаютъ въ вѣдомство министерства юстиціи и по преимуществу получаютъ назначеніе на должности судебныхъ слѣдователей.

«Имѣя въ виду тѣ безпорядки, какіе обнаружили за послѣднее время въ нѣкоторыхъ университетахъ, и озабочиваясь охраненіемъ судебного вѣдомства отъ вторженія въ него такихъ лицъ, которыя не сознаютъ должнаго уваженія къ закону, составляющаго непремѣнное условіе особенно для каждаго судебного дѣателя, министерство юстиціи впредь будетъ принимать на службу по судебному вѣдомству только тѣхъ окончившихъ курсъ студентовъ, которые представляютъ удостовѣреніе въ томъ, что въ бытность свою въ университетѣ они не принимали никакого участія въ противузаконныхъ проявленіяхъ, обнаруживающихъ неуваженіе къ закону или къ установленнымъ властямъ и правиламъ».

Мы до сихъ поръ вообще не говорили въ нашей хроникѣ о безпорядкахъ, которыя недавно происходили въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отчасти потому, что эти «безпорядки» и не были ни чѣмъ инымъ, какъ только безпорядками, а слѣдовательно, и лежали на отвѣтственности тѣхъ, кому слѣдовало заботиться о порядкахъ. Нѣкоторые органы печати пробовали навести на эти «безпорядки» увеличительное стекло, и даже самъ университетскій судъ былъ строгъ, но эта строгость, во всякомъ случаѣ, относилась къ прошедшему, а не къ будущему. Вышеприведенный циркуляръ возводитъ случай нынѣшняго года въ цѣлую систему на всѣ будущія времена и какъ бы ожидаетъ періодичности въ студентскихъ безпорядкахъ, потому что, «имѣя въ виду тѣ безпорядки, какіе обнаружили за послѣднее время въ нѣкоторыхъ (слѣдовательно не во всѣхъ) университетахъ», министерство юстиціи прибѣгнуло къ общей мѣрѣ, которая едва ли найдеть

себѣ защитниковъ между юристами. «Безпорядки» дѣлаются юношами отъ 17-ти до 22-хъ-лѣтняго возраста, а «вторгаться въ судебное вѣдомство» будутъ люди того возраста, который признается вполне совершеннолѣтнимъ. Почему министерство юстиціи считаетъ полезнымъ сдѣлать такое исключеніе изъ извѣстнаго общаго правила, и именно въ настоящемъ случаѣ возлагаетъ на совершеннолѣтняго отвѣтственность за его поступки, когда онъ былъ несовершеннолѣтнимъ? Кромѣ того, настоящій циркуляръ ограничиваетъ права и преимущества высочайше дарованныя лицамъ, удостоеннымъ степени кандидата для поступленія на службу,—считая кандидатскій дипломъ недостаточнымъ свидѣтельствомъ познаній и нравственнаго достоинства лица. Какимъ образомъ студентъ можетъ получить кандидатскій дипломъ, если онъ былъ виновникомъ безпорядковъ? Такой виновникъ будетъ исключенъ и, слѣдовательно, не получитъ диплома; если же кто не былъ исключенъ, то значить, его не признали виновнымъ, а полученный имъ въ заключеніе дипломъ свидѣтельствуется вполне, что само университетское начальство не вѣрило ему ни во что его проступокъ, увлеченіе, и притомъ убѣдилось, изъ послѣдующаго, что онъ оставался спокойнымъ слушателемъ лекцій. Для кого же изданъ этотъ циркуляръ? Виновники безпорядковъ исключаются изъ университета, и слѣдовательно, не «вторгнутся» въ министерство юстиціи; тотъ же, кто получилъ дипломъ, его ipso доказываетъ, что онъ никогда не былъ признанъ виновникомъ «безпорядковъ». Наконецъ, если мѣра, предпринятая министерствомъ юстиціи справедлива, то другія министерства дѣлаютъ упущеніе, не требуя подобнаго же для себя. Кандидатъ имѣетъ право поступать, наприм. въ военную службу, въ ученую, дипломатическую и т. д., но ни военное министерство, ни министерство иностранныхъ дѣлъ не сдѣлало подобнаго распоряженія. Внутри самого университета такая мѣра не можетъ принести желаемыхъ послѣдствій, потому что въ ея основѣ лежитъ принципъ, который всего менѣе можетъ быть одобренъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Мораль циркуляра та, что студентъ долженъ себя вести хорошо ради служебныхъ выгодъ, которыя обѣщаются ему въ министерствѣ юстиціи; между тѣмъ какъ министерство народнаго просвѣщенія должно поддерживать другую мораль, которая и выражена въ § 100 «Общаго устава университетовъ» 1864 года, гдѣ сказано просто, что «студенты обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами»—и все это требуется категорически, независимо отъ соображеній относительно будущей карьеры.

Такимъ образомъ, циркуляръ министерства юстиціи долженъ пропозвести особое впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія: общество никакъ не пойметъ 1) почему человекъ, въ

30, 40 лѣтъ, долженъ отвѣчать, и притомъ лишеніемъ карьеры, что иногда равносильно лишенію куска хлѣба, за свой проступокъ, совершенный имъ лѣтъ 17-ти или 18-ти? 2) Почему молодой человѣкъ, удостоенный ученой степени (замѣтите: ученой степени удостоиваютъ, т. е. считаютъ достойнымъ), какимъ образомъ онъ, не подвергавшій опасности университета до самаго дня окончанія курса, можетъ быть опаснымъ для министерства юстиціи, гдѣ, особенно въ настоящее время, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ контролируются и начальствомъ и гласностью? Съ другой стороны, министерство народнаго просвѣщенія не можетъ одобрить основной морали циркуляра, такъ какъ 1) циркуляръ предполагаетъ какую-то періодичность въ безпорядкахъ, и 2) предлагаетъ мѣрою противъ нихъ угрозы въ будущемъ. Впрочемъ, мы должны ограничиться въ настоящемъ случаѣ одною общою замѣткою: надобно думать, что совѣты университетовъ, какъ болѣе насъ заинтересованные въ настоящемъ случаѣ, съ своей стороны будутъ ходатайствовать объ отмѣненіи циркуляра, выражающаго такое недовѣріе къ ученому диплому, и объяснять, что выдать дипломъ и въ тоже время свидѣтельство о безнравственности удостоеннаго ученой степеніи нѣтъ никакой возможности: дипломъ говоритъ о замѣчательномъ развитіи духовныхъ силъ, совершенныхъ при томъ подѣ влияніемъ преподаванія, дипломъ рекомендуетъ человѣка обществу; какимъ же образомъ въ тоже время свидѣтельствовать, что отъ этого человѣка, удостоеннаго степени кандидата, можетъ приключиться опасность судебному вѣдомству, и притомъ одному судебному вѣдомству? Упомянутое ходатайство совѣтовъ было бы тѣмъ болѣе кстати, что, какъ мы читали въ газетахъ, «министръ народнаго просвѣщенія предложилъ университетамъ о выдачѣ соответствующихъ свидѣтельствъ и объ объявленіи о томъ студентамъ юридическихъ факультетовъ».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

1 (18) іюня 1869 г.

Французскіе выборы 1857, 1863 и 1869 годовъ.—Шартрская рѣчь.—Значеніе парижскихъ волненій.—Бансель и Оливье.—Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ.—Испанія и религиозный вопросъ.—Закрытіе австрійскаго рейхсрата.—Переимѣна итальянскаго министерства.—Англія и Американскіе Штаты.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, политика слуховъ, политика интригъ, политика личностей стерлась передъ единственною здоровою политикою — истинныхъ народныхъ интересовъ. Куда дѣвались толки о войнѣ и мирѣ, куда пропали подозрѣнія и обвиненія, каждый день находившія себѣ новое выраженіе и новый поводъ, бросаемаыя однимъ правительствомъ противъ другого и поддерживавшія только постоянныя опасенія о близкомъ будущемъ? Искусственно возбуждаемое недобѣріе націй другъ къ другу уступило мѣсто разумному участію и старанію прислушаться и узнать, въ какомъ положеніи находится народъ, чѣмъ и какими идеями воодушевляется онъ. Надолго ли произошло это превращеніе, сколько дней, недѣль или мѣсяцевъ продлится этотъ періодъ естественныхъ и разумныхъ отношеній среди европейской семьи, сколько времени будетъ тянуться это сосредоточенное вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ страны,—чтобы рѣшить подобный вопросъ, нужно обладать слишкомъ большимъ запасомъ смѣлости и самоувѣренности, неумѣстной при обсужденіи политическихъ дѣлъ Европы. Вѣрно одно, что безпокойные слухи о войнѣ, волновавшія такъ недавно Европу, были на время заглушены послѣдними выборами во Франціи.

Въ нашемъ послѣднемъ иностранномъ обзорѣннн мы говорили уже, какимъ образомъ эти выборы отозвались на умиравшемъ тогда законодательномъ собраніи, вышедшемъ изъ выборовъ 1863 года, и старались указать на тотъ итогъ, который былъ подведенъ въ палатѣ депутатами оппозиціи. Законодательное собраніе умерло, а между тѣмъ Франція успѣла уже пережить очень бурный періодъ—періодъ из-

бирательныхъ собраній, избирательной лихорадки. Глаза цѣлой Европы были обращены въ одну сторону, всѣ ожидали, одни съ радостною надеждою, другіе съ преувеличенными опасеніями, какъ пройдетъ избирательный періодъ во Франціи, какіе результаты онъ принесетъ съ собою. Періодъ этотъ уже окончился, не оправдавъ опасеній однихъ, ни надеждъ другихъ; не зная еще окончательныхъ результатовъ, впередъ можно было предсказать, что обѣ партіи, какъ правительственная, такъ и оппозиціонная, останутся недовольны. Одна найдетъ, что оппозиція выиграла слишкомъ много, другая, что правительство потеряло слишкомъ мало. Но изъ-за того, что надежды однихъ и опасенія другихъ нисколько не оправдаются, слѣдуетъ ли заключать, что французскіе выборы не имѣли важнаго значенія на ходъ европейской политики, можно ли утверждать, что общественное мнѣніе Европы, всѣ журналы, газеты, вся пресса, которая только и занимается, что Франціею и новыми выборами, были обмануты въ ихъ ожиданіи? Нисколько. Только потому, что избирательный періодъ не ознаменовался никакими особенно-важными волненіями по всей Франціи, значеніе его нисколько не умалилось. Новые выборы должны были доказать только одно, что не одинъ Парижъ, но цѣлая Франція возвратилась снова къ политической жизни, что она не желаетъ болѣе ходить на помочахъ, что она враждебна произволу, которымъ руководилась французская политика во внѣшнихъ дѣлахъ, и стѣсненіямъ, которыя она продолжала встрѣчать во внутренней жизни. Избирательная эпоха это доказала какъ нельзя лучше; на всѣхъ народныхъ собраніяхъ, митингахъ, во всѣхъ манифестахъ, циркулярахъ, это повторялось на тысячи ладовъ, и французское правительство выказало бы необыкновенную неадекватность, еслибы не вняло народнымъ требованіямъ.

Съ того самаго дня, когда появился декретъ о распущеніи законодательнаго корпуса и о созваніи новаго, физиономія Франціи получила моментально радикальное измѣненіе. Несмотря на то, что французы уже до избирательнаго періода успѣли снова попривыкнуть къ забытому праву народныхъ собраній въ тѣхъ безчисленныхъ конференціяхъ, которыя устраивались во всѣхъ углахъ Парижа и распространялись, хотя и не въ такомъ обиліи, по всей Франціи, конференціяхъ, носившихъ политической характеръ, — тѣмъ не менѣе, открытіе избирательнаго періода вызвало въ народѣ иную, давно небывалую жизнь. Право народныхъ собраній для обсужденія всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, предоставленное новыми законами, вышедшими изъ реформы 19 января 1867 года, и только на время выборовъ, въ первый разъ получало теперь примѣненіе въ политической жизни Франціи, и французы должны были накинуться на это право тѣмъ съ большею радостію, что въ продолженіи 17 лѣтъ они были лишены его. Законъ говорить, что политическія избирательныя собранія допускаются

съ минуты обнародованія декрета о созваніи гражданъ къ выборамъ и должны быть прекращены за пять дней до подачи голосовъ. Если правительство естественно заботится о томъ, чтобы время это, когда французы пользуются правомъ политическихъ собраній, какъ время большаго или меньшаго волненія, было какъ можно короче, то съ другой стороны, также естественно, избиратели и избираемые заботятся, чтобы ни одного дня, ни одного часа не было пропущено даромъ.

27 апрѣля, официальная газета напечатала два декрета, одинъ о распущеніи законодательнаго корпуса, другой о призваніи французовъ къ новымъ выборамъ. Съ этой минуты Франція была объята лихорадочнымъ жаромъ, обыденная жизнь прекратилась и борящіяся между собою силы вышли на поле сраженія. Сигналь къ политическому поединку былъ поднятъ и рѣшительный бой немедленно завязался. Если во всей Франціи враждебныя партіи боролись съ ожесточеніемъ, то поединокъ этотъ былъ особенно интересенъ въ Парижѣ, гдѣ масса рабочаго населенія воодушевлена самыми либеральными стремленіями. Парижское рабочее населеніе всегда славилось своимъ политическимъ развитіемъ, и оно прежде всѣхъ встрепенулось послѣ декабрьскаго переворота. Отсюда вышла группа «пяти» во время выборовъ 57 года, здѣсь правительство потерпѣло сильное пораженіе въ 63 году; здѣсь оно потерпѣло гоже и еще съ большимъ для себя униженіемъ въ 69 году. Разница между этими тремя періодами очень важна, и для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о возрожденіи свободы во Франціи, эту разницу нельзя упускать изъ виду.

Въ 1857 году, парижское рабочее населеніе еще нигдѣ не находило себѣ отголоска, ему никто не оказывалъ поддержки, оно стояло особнякомъ, и маленькая группа «пяти» была бы задавлена, уничтожена въ палатѣ, еслибы политическія способности оппозиціонныхъ депутатовъ не выдавались такъ рѣзко среди бездарности большинства. Тогда, еще молодая, имперія была сильна, она успѣла укрѣпиться послѣ 2 декабря, крымская кампанія покрыла значительнымъ блескомъ французское оружіе. Самолюбіе было удовлетворено, а стремленіе къ свободѣ не пробудилось еще съ достаточною силою. Вслѣдъ за выборами 1857 года, если политическій горизонтъ сдѣлался еще болѣе мраченъ, вслѣдствіе покушенія Орсини, если законъ объ общественной безопасности отдалъ жизнь и свободу cadaго гражданина еще подъ болѣею правительственный произволъ, — зато вспыхнувшая италянская война, самая популярная изъ войнъ второй имперіи, покрыла Францію такою военною славой, что часть ея, павшая на имя Наполеона III, была достаточно велика, чтобы примирить съ нимъ многихъ изъ его прежнихъ враговъ и окружить его имя такимъ ореоломъ, изъ-за котораго грозное «2-е декабря» было менѣе видно. Вслѣдъ за счастливою для правительства войною, оно рѣшилось на одинаково счастли-

жую для себя реформу 24-го ноября 1860 года, которая обѣщала въ будущемъ возвращеніе свободы, тотъ «вѣнецъ зданія», о которомъ до сихъ поръ не перестаютъ толковать. Въ эту минуту правительство Наполеона III достигло апогея своего величія, своего блеска. Двѣ славныя войны, полный успѣхъ какъ на полѣ брани, такъ и на дипломатическомъ полѣ, возвращеніе Франціи того политическаго первенства, которое было утрачено реставраціею и іюльскою монархіею, начало либеральныхъ реформъ, все это взятое вмѣстѣ должно было обаятельнымъ образомъ дѣйствовать на умы французовъ и шекотать легко поддающееся обаянію славы національное самолюбіе. Если въ первые годы своего царствованія Наполеонъ былъ силенъ распространеннымъ имъ терроромъ, то теперь онъ былъ еще болѣе силенъ своимъ успѣхомъ и лавровыми вѣнками, собранными имъ при возвращеніи въ Парижъ съ итальянскаго похода.

При такихъ благопріятныхъ для правительства условіяхъ произошли выборы 63 года, которые, если и усилили нѣсколько старую группу «пяти», доказывая этимъ, что пробужденіе дѣлало также успѣхъ, хотя и медленный, то тѣмъ не менѣе не настолько, чтобы обезпечить главу государства, напротивъ, онъ могъ быть какъ нельзя болѣе доволенъ, выборы прошли тихо, скромно, въ массѣ населенія нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшаго колебанія. Счастливая звѣзда Наполеона должна была однако скоро его покинуть. Жажда новыхъ успѣховъ и новыхъ лавровыхъ вѣнковъ, предприимчивый духъ его, если и не довелъ его до св. Елены, то оказалъ ему все-таки довольно плохую услугу. Зданіе, съ такимъ трудомъ возведенное при помощи всѣхъ чистыхъ и нечистыхъ средствъ, клятвопреступничества, гражданской войны, террора, путемъ убійствъ, тюремъ и ссылки, накопецъ, укрѣпленное блистательными войнами, побѣдами, разширеніемъ границъ Франціи, стало въ свою очередь получать удары и тѣми же самыми орудіями, которыя служили къ его украшенію. Послѣ ясныхъ дней наступили для правительства Наполеона и туманные. Вслѣдъ за успѣхами пошли неудачи, и какъ въ прежнее время успѣхъ сопровождался успѣхомъ, такъ теперь неудача неудачей. Роковою ошибкою французскаго правительства была безумная экспедиція въ Мексику, порожденная еще болѣе безумнымъ желаніемъ Наполеона основать монархію по ту сторону океана, и такимъ образомъ перебросить свое вліяніе и въ Америку. Наполеонъ забылъ, что одно только вліяніе можетъ доставить Франціи тѣсный союзъ съ Америкой, — вліяніе не силы, а дружбы, скрѣпленной еще Лафайетомъ, и которую такъ не трудно было поддерживать. Другого вліянія Франція не можетъ имѣть въ Американскіе Штаты, а для того, чтобы это вліяніе сдѣлать болѣе прочнымъ, нужно нѣчто другое, а не основаніе монархій на другой сторонѣ Атлантическаго океана. Истинная дружба, истинный союзъ

можетъ быть только между двумя свободными государствами; тѣсная связь между деспотією и республикою есть фальшь, терпимая иногда ради временныхъ выгодъ и политической пользы. Вслѣдъ за Мексикой, пошли другія неудачи, скоро ступшевавшія всѣ прежде добытыя выгоды. Одно поражение слѣдовало за другимъ на дипломатическомъ полѣ, но рѣшительнымъ ударомъ для политики Наполеона была война 66 года, битва при Садовѣ, которая превратила Пруссію въ могущественную военную державу. Франція почувствовала, что ея положеніе пошатнулось, и, разумѣется, обвинила правительство, что оно позволило себя провести и сдѣлать изъ себя какъ бы соучастника въ возвеличеніи самаго близкаго сосѣда. Правительство стало колебаться, оно желало удержать прежнюю силу и вмѣстѣ съ тѣмъ уступало, но уступки эти были какъ-то трусливы, вынужденны, никто не былъ за нихъ благодаренъ, обвиненія не прекращались. Оно бросалось то въ одну, то въ другую сторону; сегодня правительство рѣшалось на какія-то строгости, завтра имъ овладѣвала боязнь, и оно останавливалось въ нерѣшимости. Однимъ словомъ, правительство стало обнаруживать признаки разложенія. Такой характеръ колебанія носить и реформы, послѣдовавшія за письмомъ 19-го января, которыми Наполеонъ мечталъ «увѣнчать зданіе».

Безъ сомнѣнія, реформы 1867 года дали французамъ, можно сказать, очень много: свобода предоставленная имъ была такъ широка, что для многихъ другихъ народовъ она должна казаться какимъ-то недосыгаемымъ идеаломъ, такъ далеки они отъ нея, но для Франціи, принесшей столько тяжелыхъ жертвъ, она была недостаточна. Въ новыхъ законахъ, крайне либеральныхъ, о печати, о правѣ собранія, сдѣланы были ограниченія, стѣсненія, которыя не могли ничѣмъ служить правительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражали недовольныхъ. Правительство говорило, что оно сдѣлало слишкомъ много, противники его утверждали, что сдѣлано было наоборотъ, слишкомъ мало. Очевидно было только одно: правительство оказалось въ убыткѣ. Потерявъ въ силѣ, оно не выиграло и въ довѣріи. Въ это трудное время, когда оппозиція такъ гордо подняла свою голову, Наполеонъ III не упускалъ ни одного случая, чтобъ еще болѣе портить свое положеніе. Однимъ изъ такихъ случаевъ была вторая римская экспедиція, совершенная въ концѣ 67 года, и предпринятая, безъ сомнѣнія, для того, чтобы привязать къ себѣ клерикальную партію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать, что могущественная звѣзда Наполеоновъ еще не закатилась. Расчетъ оказался невѣренъ: клерикальная партія не была достаточно удовлетворена, другія же партіи были еще болѣе раздражены. Что же касается до военной чести, то она могла только пострадать; Ментана, при которой итальянскіе волонтеры были разбиты французскими солдатами въ союзѣ съ папскими, и при которой «Шаспо, сдѣлавъ чудо»,

покрылъ только позоромъ оружіе, добывшее себѣ славу на поляхъ Мадженты и Сольферино. Рядомъ съ этими внѣшними неудачами и промахами, во внутреннихъ дѣлахъ дѣлались точно также самыя непротительныя ошибки. Преслѣдованія по дѣламъ печати, преслѣдованія за такъ-называемые «манёвры» возбуждали какъ нельзя болѣе общественное мнѣніе. У страха глаза велики, говоритъ поговорка, и въ самомъ дѣлѣ только ею можно объяснить тѣ процессы, которые дѣлало правительство въ теченіи 68 года. Въ каждой незначительной демонстраціи правительство уже видѣло созрѣвшую революцію; сначала оно открываетъ тайныя общества, и само печатаетъ такого рода прокламаціи, которыя должны были, безъ сомнѣнія, сдѣлать больше вреда правительству, чѣмъ десятки подобныхъ обществъ; вслѣдъ за тѣмъ, оно открываетъ какой-то заговоръ, выражаясь словами императорскаго прокурора, въ посѣщеніи кладбища нѣсколькимистами чело-вѣкъ, собравшихся, чтобы почтить память патріота, потомъ ополчается въ различныхъ сторонахъ Франціи противъ тѣхъ газетъ и журналовъ, которые открываютъ у себя подписку на памятникъ Бодена, павшаго на декабрьскихъ баррикадахъ. Результатъ всѣхъ подобныхъ преслѣдованій былъ одинъ: они обратились противъ самого правительства, вызвавъ противъ него злобу, ожесточеніе, негодованіе, презрѣніе и наконецъ, самое ужасное изъ всѣхъ орудій—насмѣшку. Всѣ эти ошибки какъ нельзя болѣе послужили въ пользу независимой прессы и оппозиціи, имѣвшихъ такимъ образомъ случай нѣсколько разъ заявить себя положительными фактами, и выставить противъ правительства обвиненія, которыя должны были быть направлены противъ нея самой. Съ самаго перваго дня, открытія избирательнаго періода ярко обозначилась вся перемѣна, происшедшая во Франціи со времени выборовъ 63 года.

На другой день послѣ открытія избирательнаго турнира со всѣхъ сторонъ посыпались манифесты, profession de foi, циркуляры, письма кандидатовъ всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ партій. Цѣлые томы можно было бы наполнить однѣми выписками изъ произведеній будущихъ депутатовъ. Не говоря уже о манифестахъ радикальной партіи, представителей радикальной демократіи, какъ ее прозвали въ отличіе отъ старой оппозиціонной демократіи, дышавшихъ такою смѣлостью и рѣшительностью, которая во время выборовъ 63 г. была бы просто немислима, циркуляры такъ-называемыхъ друзей порядка, людей преданныхъ правительству, поражаютъ неволью своимъ либеральнымъ тономъ. Смѣло можно утверждать, что нѣтъ ни одного такого манифеста, изъ какой-бы партіи онъ ни вышелъ, въ которомъ нѣсколько разъ не было употреблено слово свобода, на всѣ тоны, на всѣ лады. Безъ сомнѣнія, для весьма многихъ кандидатовъ это слово есть только слово, пустой звукъ, бросаемый въ воздухъ. Для многихъ это слово представляется только удочкой, для привлеченія къ себѣ избирателя; но такъ или иначе, какъ бы слово это

ни употреблялось, искренно, или лукаво, присутствие его во всѣхъ избирательныхъ манифестахъ доказываетъ безспорно одно, что оно сдѣлалось орудіемъ выборовъ, что всѣ кандидаты, не исключая и правительственныхъ, чувствуютъ необходимость представиться избирателямъ какъ нельзя болѣе либеральнымъ. Рядомъ съ оппозиціонными депутатами 68 г., которые, по всей вѣроятности, всѣ почти удержатъ за собою свои мѣста, явились новые кандидаты, громко объявляющіе, что они представляютъ собою «непримиримую оппозицію», и они смѣло конкурируютъ противъ старыхъ депутатовъ оппозиціи, которыхъ обвиняютъ въ излишней мягкости и нерѣшительности. Къ этой партіи новыхъ людей нужно причислить Гамбетту, Лорье, выдвинутыхъ впередъ процессомъ по дѣлу Бодена, Ромфора, писавшаго впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ свой памфлетъ: «La Lanterne», и теперь редактирующаго, вмѣстѣ съ сыновьями Виктора Гюго, крайній органъ: «le Rappel», Жюль Ферри, молодого журналиста и еще нѣкоторыхъ другихъ. Помимо этихъ молодыхъ, не участвовавшихъ слѣдовательно въ старыхъ событіяхъ, людей, полныхъ ненависти, отваги и нетерпѣнія разрушить существующій порядокъ, на политическую сцену во время настоящихъ выборовъ выступили люди, сдѣлавшіе свои имена извѣстными во время революціи 48 года. Это, такъ сказать, третья категорія оппозиціи, самая ненавистная, можетъ быть, для правительства, потому что оно снова встрѣтилось съ врагами, которыхъ, думало, что уничтожило навсегда. Люди эти, о которыхъ, впродолженіи 17 лѣтъ, не было даже слышно, явились на политическую арену, еще можетъ быть съ болѣею ненавистью къ настоящему правительству, чѣмъ молодой народъ «непримиримой оппозиціи», потому что они представляютъ собою лагерь непосредственно побѣжденный, разбитый, уничтоженный въ злосчастный день 2 декабря. Народъ встрѣтилъ знакомыя ему имена Распайя, д'Альтона-Ша, Кантагрия, Вансея, который боролся въ 3-мъ парижскомъ округѣ съ полуофициальнымъ кандидатомъ, или вѣрнѣе «пріятнымъ» для правительства Эмилемъ Оливье. Они внесли въ борьбу старые споры, старыя ненависти, подняли тѣже вопросы, заговорили старымъ языкомъ, въ ихъ манифестахъ опять занялъ мѣсто рядомъ съ политическимъ и социальный вопросъ, о которомъ во время прежнихъ выборовъ никто, ни одинъ изъ оппозиціонныхъ кандидатовъ не смѣлъ заикнуться. Франція перестала дрожать передъ тѣмъ, что называется spectre rouge, и какъ въ старое правительство поселить снова прежнюю боязнь и прежній страхъ передъ крайнею партіею, но большинство теперь очень хорошо понимаетъ, что страхъ этотъ возбуждается правительствомъ умышленно, что оно желаетъ воспользоваться имъ только, чтобы запугать часть общества и заставить его вотировать въ свою пользу. Старый правительственный маневръ потерялъ свою силу. Общество пришло наконецъ къ убѣжденію, что какъ бы ни были радикальны мнѣнія, ихъ нечего

бояться: если въ нихъ скрывается истина, онѣ будутъ торжествовать, если въ нихъ нѣтъ ничего кромѣ фальши, онѣ падутъ сами собою, подъ ударами болѣе разумныхъ понятій.

Хотя разница между выборами 63 и 69 годовъ сказывается въ самыхъ кандидатурахъ, въ избирательныхъ манифестахъ, но еще гораздо болѣе въ той избирательной агитаціи, которая держитъ всю Францію въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Во время прежнихъ выборовъ вся агитація ограничивалась избирательными манифестами, усиленнымъ дѣйствіемъ прессы; что же касается публичныхъ собраній, то о нихъ не могло бы быть и рѣчи. Теперь другое дѣло. Въ продолженіи почти цѣлыхъ трехъ недѣль по всѣмъ угламъ Франціи происходили непрерывные митинги, на которыхъ являлись кандидаты, излагали свои мнѣнія, свои программы, высказывали свои убѣжденія, воззрѣнія на тотъ или на другой вопросъ. Избиратели сближались съ кандидатами, спрашивали, задавали имъ вопросы, требовали отъ нихъ, чтобы они излагали какъ они будутъ вести себя въ палатѣ, какъ будутъ вотировать и т. д. Общій лозунгъ всѣхъ либеральныхъ кандидатовъ, безъ различія направленій, заключался въ немногихъ словахъ: долой официальные кандидатуры, долой личный порядокъ правленія, — эти два требованія всегда вызвали въ собраніяхъ взрывъ громкихъ рукоплесканій, кандидаты самыхъ различныхъ темпераментовъ высказывали ихъ почти съ одинаковою силою и убѣдительною; въ этихъ требованіяхъ нѣтъ различія между Тьеромъ и его конкурентомъ, социалстомъ д'Альтонъ-Ше, между Гамбеттой и Жюль Фавромъ, между Жюль Симономъ и Распайлемъ, ихъ одинаково поддерживали какъ старые депутаты, такъ и новые кандидаты, между которыми особенно ярко выступали имена Прево-Парадоля, Лабуле, Ренана и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ въ литературѣ дѣятелей.

Много, конечно было, интереснаго во время послѣдней избирательной агитаціи, но мы можемъ остановиться только на главныхъ ея моментахъ, которые особенно выдѣлились впередъ по своему значенію. Къ самымъ крупнымъ фактамъ избирательнаго періода нельзя не отнести вмѣшательства въ общую свалку самого главы государства, который произнесъ рѣчь, какъ бы назначенную для того, чтобы произвести самое невыгодное для правительства впечатлѣніе. Она открыла, сколько безпокойства, тревоги кроется въ головѣ императора, съ какою безпокойною совѣстью смотритъ онъ на предстоящіе выборы. Въ этой рѣчи, произнесенной въ Шартрѣ, скрывается и какая-то робость и какая-то угроза, точно онъ чувствуетъ, что эти выборы будутъ играть рѣшительную роль въ судьбахъ его жизни. Безъ сомнѣнія, настоящіе выборы имѣютъ большое значеніе въ исторіи второй имперіи, потому, что они доказываютъ, какъ никогда еще, что Франція окончательно вышла изъ летаргическаго состоянія, что она

же помирилась съ имперіей, и что съ этого времени начнется рѣшительная противъ нея борьба,—но и только, другого они не доказываютъ; большинство, въ этомъ нельзя сомнѣваться, по-прежнему останется на сторонѣ правительства, потому что о правительственныхъ кандидатахъ попрежнему печется могущественная администрація. Зная въ этомъ отношеніи свою силу, не отказавшись отъ официальныхъ кандидатуръ, Наполеонъ совершенно увѣренъ, что онъ встрѣтитъ въ палатѣ по-прежнему покорное большинство, но онъ не увѣренъ, и это обличаетъ его рѣчь, что народъ снова по-прежнему будетъ спокойно, въ продолженіи новыхъ шести лѣтъ, смотрѣть на покорную палату, покорныхъ представителей и довольствоваться, правда, рѣзкими, но остающимися безъ прямого дѣйствія на правительство рѣчами оппозиціонныхъ кандидатовъ. Онъ опасается, чтобы «разрушительныя страсти» не разрушили созданной имъ имперіи, и потому торопится сдѣлать призывъ къ миру и порядку. Съ особенною любовью припоминая всегда давно минувшія событія, какъ будто бы время уничтожаетъ все, что въ нихъ есть порочнаго, онъ указываетъ на то обстоятельство, что изъ того же города, изъ котораго онъ, «спланный добрыми намѣреніями», сдѣлалъ первый призывъ къ согласію, убѣждая всѣхъ ради общаго блага забыть злобу и сѣтованія, онъ и теперь изъ того же самаго города обращается съ тѣмъ же призывомъ. Какая мысль шевелилась въ головѣ Наполеона, когда онъ припоминалъ старыя событія, тщательно избѣгая упомянуть о 2 декабря,—трудно рѣшить, но мы знаемъ, что на языкѣ виновника *coup d'état*, «сильный добрыми намѣреніями» означало не что иное, какъ «сильный армією и пушками». «И теперь, какъ въ 1848 году—говоритъ онъ—я обращаюсь еще разъ къ честнымъ людямъ всѣхъ партій, приглашая ихъ содѣйствовать правильному ходу моего правительства по той либеральной дорогѣ, которую оно себѣ предназначало, и противопоставить непреодолимое сопротивленіе разрушительнымъ страстямъ, которыя кажется слова пробудились, угрожая прочному зданію, воздвигнутому всеобщей подачею голосовъ». Знаменательныя слова, полныя всякаго рода откровеній! Они показываютъ какъ нельзя лучше, что всѣ добытыя реформы были ни болѣе ни менѣе какъ вынуждены, потому что основанія его политики остались тѣже. Онъ не хочетъ разстаться съ словами: мой, моего и т. д.; онъ не хочетъ понять другого участія народа въ управленіи страной какъ только въ «содѣйствіи ходу его правительства» и по дорогѣ «предначертанной» никѣмъ другимъ, какъ имъ самимъ. Несчастная слѣпота всѣхъ исчезнувшихъ династій во Франціи! «Я надѣюсь на васъ, обитатели Шартра, сказалъ Наполеонъ, потому что вы составляете часть тѣхъ восьми милліоновъ французовъ, которые три раза дали мнѣ свои голоса; потому что знаю, что вы воодушевлены горячимъ патріотизмомъ, а тамъ гдѣ господствуетъ истинная

любовь къ родинѣ, тамъ лежатъ лучшія гарантіи порядка, прогресса и свободы». Но увѣ! гдѣ эти 8 милліоновъ? Половина изъ нихъ, по сознанію самого государственнаго министра Руэра, лежатъ уже въ могилѣ, а тѣ избиратели, которые ихъ замѣнили, можетъ быть подадутъ голоса за тѣхъ, которые борятся противъ существующаго порядка. Если 8 милліоновъ французовъ имѣли несчастье бросить Францію въ руки Наполеона, то новыя поколѣнія имѣютъ возможность вырвать ее изъ этихъ рукъ, не прибѣгая къ такимъ отчаяннымъ средствамъ какъ революція. Чѣмъ большіимъ спокойствіемъ обладаетъ нація, и въ особенности чѣмъ больше ея политическое развитіе, тѣмъ менѣе представляется шансовъ личному правленію, и въ этомъ должно теперь убѣдиться французское правительство.

Какъ только вопросъ о личномъ правленіи рѣшенъ самою развитою частью французскихъ избирателей и рѣшенъ, конечно, не въ его пользу, на очередь выступаетъ другой вопросъ: сдѣлаетъ ли имперія отказаться отъ произвола, или другими словами, совмѣстима ли она съ свободою или нѣтъ? Этотъ второй вопросъ былъ поставленъ очень категорически въ Парижѣ въ 3-мъ округѣ, гдѣ шелъ споръ между Банселемъ и Эмилиемъ Оливье. Бансель прямо объявилъ себя принадлежащимъ къ непримиримой оппозиціи, т. е. онъ явился сторонникомъ того убѣжденія, что имперія и свобода несомѣстимы, и такъ какъ нація, убѣдившись опытомъ, какъ невыгодно отказываться отъ свободы, не хочетъ болѣе личнаго правленія, то единственный исходъ, таково логическое его заключеніе, это отказаться отъ имперіи. Что же касается Эмиля Оливье, о которомъ мы говорили уже въ нашемъ послѣднемъ обзорѣ, то онъ держится противоположнаго мнѣнія: онъ полагаетъ исполнѣ осуществимымъ союзъ между свободою и имперіей, несмотря на то, что вся исторія свидѣтельствуетъ невозможность такого положенія, которое опровергается и простымъ здравымъ смысломъ. Примирить имперію со свободою равнялось бы примиренію двухъ прямо противоположныхъ принциповъ. Парижскіе избиратели какъ нельзя лучше поняли поставленный между двумя кандидатами вопросъ и, къ отчаянію правительства, избрали своимъ депутатомъ непримиримаго съ имперіей радикала Банселя. Телеграфическая депеша сообщаетъ также объ избраніи Пикара, Жюль Симона, Пельтана и Гамбетты, этого молодого человѣка, страстнаго и одинаково непримиримаго врага имперіи. Избраніе двухъ самыхъ радикальныхъ кандидатовъ въ Парижѣ, Банселя и Гамбетты, болѣе всѣхъ ненавистныхъ правительству, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ оно показываетъ, какъ высоко поднялась политическая температура въ самомъ центрѣ Франціи. Если оппозиція старалась какъ можно болѣе ослабить значеніе парижскихъ демонстрацій, боясь, что они могутъ пагубно отозваться на консервативномъ сельскомъ населеніи и на трусливой буржуазіи, и побудятъ ихъ поддерживать официальныхъ

кандидатовъ, за то правительство старалось какъ можно болѣе раздуть ихъ, чтобы запугать провинціи и заставить ихъ броситься въ свои объятія, по крайней мѣрѣ, на время выборовъ. Но если даже провинціи и представляютъ полный контрастъ Парижу своими выборами, то и въ такомъ случаѣ парижская побѣда не останется безъ большого вліянія на дѣла, такъ какъ правительство сознаетъ очень хорошо, что «Парижу принадлежитъ главное и рѣшительное сраженіе», какъ выразился Жюль Симонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, которое онъ заканчивалъ словами: «Если бы Парижъ сдѣлалъ шагъ назадъ, шагъ назадъ сдѣланъ бы былъ демократію». Въ провинціяхъ оппозиція, нѣтъ никакого сомнѣнія, не одержитъ побѣды, но тѣмъ не менѣе можно надѣяться, что она и тутъ сдѣлаетъ нѣкоторый успѣхъ. Избирательная лихорадка не имѣла тутъ такой силы, какъ въ Парижѣ, но она была все-таки несравненно чувствительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе выборы. Публичныя собранія вездѣ почти были до-велью оживлены, вездѣ завязана была борьба между официальнымъ и независимымъ кандидатами, между тѣмъ какъ прежде официальный кандидатъ сплошь и рядомъ не встрѣчалъ себѣ вовсе конкуррента. Судя по тѣмъ лицамъ, которымъ предложены кандидатства, можно болѣе или менѣе надѣяться, что оппозиція получить и въ провинціяхъ довольно значительную поддержку. По полученнымъ до сихъ поръ извѣстіямъ, въ Лионѣ и Трояхъ прошли оппозиціонные кандидаты, что нѣкоторымъ образомъ служитъ уже ручательствомъ, что въ будущей палатѣ число оппозиціонныхъ депутатовъ значительно увеличится. Такое увеличеніе числа оппозиціонныхъ депутатовъ тѣмъ болѣе знаменательно, что администрація никогда еще не напрягала до такой степени своихъ силъ для доставленія побѣды официальнымъ кандидатамъ. Но, если бы даже, что очевидно невозможно, оппозиція не усилилась количественно, то тѣмъ не менѣе законодательный корпусъ будетъ вовсе не тотъ, какимъ онъ былъ прежде. Духъ палаты, несмотря на то, что большинство по прежнему останется за правительствомъ, долженъ совершенно измѣниться, такъ какъ даже правительственные депутаты вернутся въ Парижъ въ иномъ настроеніи, чѣмъ уѣхали. Они должны были убѣдиться, что на страну повѣяло другимъ воздухомъ. Ихъ манифесты, обращенные къ избирателямъ, доказываютъ, что они поняли совершившуюся въ странѣ перемѣну, они дошли до сознанія, что народъ выросъ изъ стараго платья, что его велья больше водить на помочахъ, что личное правленіе сдѣлалось неудобнымъ. То, что они поняли это, свидѣтельствуется также и тотъ фактъ, что многіе изъ официальныхъ кандидатовъ ввели въ свои циркуляры скромно выраженное обѣщаніе добиваться отвѣтственного министерства. Вопросъ весь заключается въ томъ, насколько само правительство въ настоящую, критическую для него минуту, сумѣетъ

понять измѣнившееся положеніе страны, выразившееся въ измѣнившейся представительной палатѣ. Отъ человѣка, прошедшаго черезъ огонь и воду, запасшагося такимъ богатымъ опытомъ, какъ Наполеонъ III, кажется, можно было бы ожидать, что онъ не сдѣлаетъ ошибки, свойственной всѣмъ лицамъ въ его положеніи, и не отвѣтитъ на возродившійся свободный духъ народа отчаянною реакціею. Такое поведеніе скорѣе всего способно было бы свергнуть его въ пропасть. Позволительнѣе, кажется, было бы предполагать, что онъ пойдетъ на уступки, рѣшится еще на нѣкоторыя либеральныя и всѣми требуемыя реформы, откажется отъ привилегій личнаго правленія.

На всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, происходившихъ во время избирательнаго періода, ничто, можетъ быть, не принималось съ такимъ восторгомъ, какъ общаніе кандидата всѣми средствами отстаивать миръ. Миръ, миръ! вотъ, можно сказать, единодушное желаніе, даже больше, требованіе Франціи, и ничто не было бы такъ безумно, какъ идти наперекоръ этому требованію. Разумность, правда, не входитъ въ число атрибутовъ личнаго правленія, и потому не было бы ничего удивительнаго, если бы французское правительство именно рѣшилось на подобную мѣру. Предположеніе войны, собственно говоря, даже довольно вѣроятно, если подумать, что французское правительство ничего не сдѣлало для обезоруженія, и что къ его услугамъ по прежнему стоитъ громадная армія и готовый врагъ—Пруссія. Но кто знаетъ, не предупредить-ли тогда внутренняя война внѣшнюю? не поддержать ли французскій народъ на дѣлѣ тѣ требованія, которыя онъ выражалъ на народныхъ собраніяхъ?

Мы съ большимъ вниманіемъ слѣдили за выборами во Франціи, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что ея внутреннія дѣла имѣютъ огромное вліяніе на ходъ европейскихъ событій, несмотря на то, что въ это же самое время всѣ западныя государства, больше чѣмъ обыкновенно, заняты своими внутренними дѣлами, и отъ нихъ съ трудомъ могутъ отрывать свое вниманіе. Испанія все еще не можетъ справиться съ этимъ несчастнымъ вопросомъ: кто займетъ ея конституціонный тронъ? Только надякъ окончательно рѣшенъ вопросъ о формѣ правленія, когда въ кортесахъ былъ принятъ 33-й параграфъ конституціи, устанавливающей монархическій наследственный образъ правленія. Параграфу этому предшествовалъ другой, еще разъ утверждающій верховную власть народа, такъ какъ въ немъ говорится, что вся власть исходитъ изъ народа. Послѣдній былъ принятъ единогласно, а первый большинствомъ 214 противъ 71. Если главный вопросъ уже рѣшенъ, то остается только желать, чтобы поскорѣе кортесы пришли къ соглашенію относительно второстепеннаго, и назначили, наконецъ, то или другое лицо. Тогда только Испанія выйдетъ изъ временнаго положенія и прекратятся скучные толки о будущемъ. Хотя, собственно говоря, Испанія и

могла убѣдиться восьмидесячнымъ опытомъ, что она не дурно можетъ сама справляться съ своими дѣлами, во всякомъ случаѣ то лучше любой Монпансье, чѣмъ эта неопредѣленность, заставляющая дѣлать многихъ самыя ирраціональныя предположенія о будущей судьбѣ этого государства. Покамѣстъ же изъ Мадрида только и приходятъ, что противорѣчащія извѣстия; сегодня утверждается, что назначено будетъ регентство, завтра, — что регентства не будетъ; одинъ день, что регентомъ будетъ назначенъ Серрано, другой, что Серрано не хочетъ и регента не будетъ. Нужно отдать справедливость Испаніи, что только въ этомъ вопросѣ и происходитъ у нихъ бесполезная проволочка и полная неурядица; во всемъ остальномъ кортесы поступали какъ нельзя болѣе рѣшительно и въ большинствѣ случаевъ сообразно съ духомъ новаго времени и свободы. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ вопросовъ, рѣшенныхъ наднахъ кортесами, представляется вопросъ о религіозной свободѣ. Цѣпи узкаго католицизма такъ долго тяготѣли надъ Испанією, что можно было опасаться, что онѣ вросли въ ея тѣло, и никакими силами не могутъ быть сброшены. На Испанію всѣ смотрѣли всегда, какъ на страну самую отсталую во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ, народъ представляли себѣ до такой степени погруженнымъ во всякаго рода суевѣрія и ханжество, и наконецъ ея духовенство считалось такимъ могущественнымъ и грознымъ, такъ близко стоявшимъ еще къ инквизиціи, что даже тѣ, которые, наперекоръ общему мнѣнію, вѣрили въ успѣхъ сентябрьской революціи, сильно опасались, чтобы въ этомъ вопросѣ Испанія не оказалась безсильною. Къ счастью, опасеніе и предположеніе, что религіозныя воззрѣнія окаменѣли, и что Испанія умерла въ этомъ отношеніи, оказались ложными, и одинъ изъ первыхъ криковъ торжествовавшей революціи былъ крикъ въ пользу религіозной свободы. Временное правительство предоставило кортесамъ рѣшеніе этого вопроса, которые, послѣ великолѣпной рѣчи одного изъ лучшихъ испанскихъ ораторовъ, Кастельяра, установили самую полную вѣротерпимость. Правда, они не пошли такъ далеко, какъ, можетъ быть, было бы желательно, они не рѣшились на тотъ шагъ, къ которому стремятся всѣ націи, и главнымъ образомъ католическія — на совершенное раздѣленіе церкви и государства, но и то, что уже сдѣлано — такъ много, составляетъ такой крупный прогрессъ относительно недавняго прошедшаго, что требовать больше было бы несправедливостью. Признавъ католическую религію господствующею, кортесы постановили, что не только иностранцы, но и всякій испанецъ можетъ исповѣдывать какую угодно религію, безъ всякаго стѣсненія его правъ. Еслибы, помимо этого, больше ничего не было сдѣлано сентябрьскою революцією, то и тогда Испанія должна была бы благословить ея память; но рядомъ съ этимъ вопросомъ, какой поразительный успѣхъ сдѣланъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ политической

жизни Испаніи! Введеніе общей подачи голосовъ, свобода печати, свобода собраній, наконецъ конституція, дѣлающая невозможнымъ деспотизмъ Бурбоновъ — вотъ что добыто послѣднею революціей. Эти богатые результаты должны были бы, кажется, обезоруживать всѣхъ тѣхъ, которые, въ припадкѣ пессимизма или ненависти ко всякому движенію впередъ, съ увѣренностью дѣлаютъ далеко не остроумный вопросъ: «ну что же выиграла Испанія отъ своей революціи»? Отвѣтъ пока можетъ быть только одинъ: возможность лучшаго! Разумѣется, нельзя отвѣчать за будущее, никто не можетъ ручаться, что свобода, добытая послѣднею революціею, гарантирована на вѣчныя времена; но изъ-за того, что въ будущемъ она снова можетъ подвергнуться опасности, развѣ слѣдуетъ, что нужно было оставлять неприкосновеннымъ деспотизмъ Бурбоновъ.

Ничто такъ не шатко, какъ увѣренія, предположенія, касающіяся области будущаго; сплошь и рядомъ, и особенно въ политикѣ, случается такъ, что то, что всѣ считаютъ почти вѣрнымъ, чего всѣ ожидаютъ, никогда не сбывается, и то, о чемъ никто даже не думаетъ и не считаетъ возможнымъ, падаетъ какъ снѣгъ на голову. Намъ не нужно выходить изъ Европы, чтобы найти тому не одинъ примѣръ. Кто не считалъ Австрію погибшимъ безвозвратно государствомъ, кто не вычислялъ дней и часовъ, которые ей осталось доживать, и между тѣмъ случилось совсѣмъ на оборотъ. Дѣйствительно, въ 1866 г., старая Австрія погибла, но на мѣсто ея явилась новая, возрожденная въ политическомъ отношеніи и бодро слѣдующая по пути преобразованій. Обновить страну, установить въ ней порядокъ, основанный на совершенно другихъ началахъ — задача, безъ сомнѣнія, трудная, для разрѣшенія ея требовалось побороть не одно затрудненіе, отклонить не одно препятствіе. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано, многое еще, можетъ быть, остается сдѣлать; зданіе, правда, не доведено еще до конца, но фундаментъ, кажется, такъ проченъ, что можно быть увѣреннымъ, что оно выдержитъ всякій напоръ, всякую тяжесть. Увѣренность эта поддерживается всѣми дѣйствіями и предпринимаемыми мѣрами австрійскаго правительства, которое, въ лицѣ Франца Юсифа, дало еще разъ обѣщаніе неуклонно слѣдовать по либеральной дорогѣ и согласоваться съ духомъ новаго времени. Въ рѣчи, произнесенной имъ при закрытіи австрійскаго рейхсрата, онъ обозрѣваетъ пройденный періодъ и не безъ нѣкоторой гордости указываетъ на совершенныя реформы. Введеніе суда присяжныхъ по дѣламъ печати и замѣна имъ административнаго произвола, при которомъ пресса лишается всякаго серьезнаго значенія, составляетъ завидный и огромный шагъ впередъ на пути къ свободному развитію народа. Не менѣе благотѣльны и другія реформы, заключающіяся въ самыхъ рѣшительныхъ побѣдахъ надъ католическою властью, которыя

выразились въ законахъ, допускающихъ свѣтскій бракъ и высвобождающихъ народное образованіе изъ когтей католическаго духовенства. Особенно тепло относится тронная рѣчь къ новому закону о школахъ, въ которыхъ Францъ Іосифъ видитъ «самый прочный залогъ силы и благоденствія государствъ и народовъ». Австрійское правительство тѣмъ болѣе заслуживаетъ сочувствія въ своемъ стремленіи упрочить порядокъ, основанный на свободѣ, что въ исполненіи своей программы оно встрѣчаетъ себѣ оппозицію тамъ, гдѣ оно не должно было бы ее встрѣчать. Безъ сомнѣнія, чешское населеніе право, когда оно желаетъ расширить свою автономію, но оно не право, когда съ презрѣніемъ и упрямствомъ отвергаетъ всѣ тѣ уступки, которыя дѣлаетъ австрійское правительство. Правительство желаетъ соглашенія, оно стремится къ нему, и лучшее, что можетъ сдѣлать чешское населеніе — это помочь установить прочно свободу во всемъ государствѣ, а тогда всѣ возможныя и законныя его требованія были бы выполнены въ силу этой же свободы. Что австрійское правительство желаетъ искренно этого соглашенія, въ этомъ нельзя пока сомнѣваться, и послѣдняя тронная рѣчь еще болѣе поддерживаетъ въ этой увѣренности. «Я надѣюсь и желаю — сказала правительство Франца Іосифа — что когда вы снова будете собраны, въ общихъ работахъ примутъ участіе и тѣ, которые въ настоящее время держатся въ сторонѣ», т. е. другими словами, онъ надѣется, что чешскіе депутаты, которые не хотятъ присутствовать въ засѣданіяхъ рейхсрата, вслѣдствіе соглашенія, снова займутъ въ палатѣ свои мѣста. «Австрія—продолжалъ онъ—должна быть большимъ отечествомъ, которое назначено обнять, съ одинаковою справедливостію, съ одинаковою любовью и заботливостію объ ихъ интересахъ, всѣ свои различные народы, на какомъ бы языкѣ они ни говорили». Тронная рѣчь выражаетъ полную надежду и увѣренность, что согласіе наконецъ установится, потому что Австрія представляетъ собой государство, которое «обеспечиваетъ всѣмъ своимъ народамъ покровительство, свободу и сохраненіе ихъ независимости и національнаго характера». Если эта надежда будетъ осуществлена, то Австрія можетъ гордиться, что она достигла общаго соглашенія между различными народностями гораздо прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ достигается соглашеніе между различными партіями одного и того же народа.

Сколько времени потратилось въ Италіи прежде, чѣмъ произошло наконецъ примиреніе непреклонной піемонтеской партіи съ правительственной, хотя между тою и другою никогда не было особенно рѣзкаго различія въ мнѣніяхъ. Соглашеніе это наконецъ состоялось и повлекло за собою перемѣну министерства, хотя главные личности стараго остались и въ новомъ кабинетѣ. Менабреа

сохранилъ президентство и портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, а Камбрэ-Диньи по прежнему остался при финансахъ. Новые члены, Феррарисъ, Мордини, Боргони и Мингети частью принадлежать къ разрушившейся піемонтезской партіи, частью къ *tièrs-parti*. Подобная перемѣна министерства нисколько не измѣнитъ политики итальянскаго правительства; единственный результатъ будетъ тотъ, что министерство будетъ располагать въ палатѣ болѣе дружнымъ большинствомъ. Нужно только желать, чтобы министерство не употребило свою силу во вредъ Италіи, какъ этого опасается крайняя лѣвая сторона. Присутствіе піемонтезской партіи въ новомъ кабинетѣ какъ бы говорить, что римскій вопросъ снова долженъ будетъ выступить на первый планъ, такъ какъ ненависть этой партіи къ Флоренціи-столицѣ, составляетъ ея отличительную черту. Конечно, римскій же вопросъ и его разрѣшеніе служатъ причиной того возбужденнаго вниманія, съ которымъ Италія слѣдитъ за французскими выборами. Она давно уже слышитъ, что французскія войска будутъ выведены изъ Италіи, какъ только окончатся выборы,—моментъ этотъ наступилъ, и она съ жадностью смотритъ, каковъ будетъ ихъ результатъ. Если участіемъ Италіи къ французскимъ выборамъ руководитъ прямой, непосредственный интересъ, то не менѣе заинтересованы и всѣ другія государства, такъ какъ новые выборы, вліяя на французскую политику, будутъ вліять и на общую европейскую политику.

Англія, нѣтъ сомнѣнія, слѣдила бы съ гораздо болѣшимъ любопытствомъ за избирательной борьбой своей старой соперницы, еслибы она не была выведена изъ своего обычнаго олимпійскаго спокойствія новымъ фазисомъ, въ который вступили ея отношенія къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Послѣ горячихъ преній въ американскомъ сенатѣ, трактатъ, заключенный Реверди Джонсономъ съ Англіей по нескончаемому вопросу объ «Алабамѣ» былъ отвергнутъ почти единогласно, и при этомъ сенаторомъ Сѣмнеромъ была произнесена рѣчь, которая оскорбительно отозвалась на англійскомъ берегу. «Исторія скажетъ—воскликнулъ ораторъ—что въ часъ не менѣе торжественный, чѣмъ часъ великой французской революціи, тогда, когда цивилизація и варварство боролись между собою, Англія оказывала помощь своимъ именемъ, своимъ вліяніемъ и своими громадными средствами неправому дѣлу! Исторія засвидѣтельствуетъ, что родина Вильберфорса, что та самая нація, которая первая провозгласила великія начала свободы и эманципаціи, сдѣлалась соучастницею тѣхъ, которые дрались для поддержанія рабства.» Сѣверо-Американскимъ Штатамъ мало простого вознагражденія, они требуютъ, чтобы Англія признала свою вину, чтобы она отвѣтила не только за тотъ вредъ, который нанесенъ былъ «Алабамой», но и за тотъ громадный ущербъ, который она нанесла Сѣвернымъ Штатамъ

своимъ поспѣшнымъ признаніемъ Южныхъ воюющей стороны и цѣлымъ своимъ поведеніемъ во время страшной гражданской войны. Нельзя предвидѣть даже всѣхъ бѣдствій, которыя повлекла бы за собою поддержка американскимъ правительствомъ грознаго обвинительнаго акта, произнесеннаго Сёмнеромъ противъ Англіи. Страшная война должна была бы разгорѣться между двумя родственными народами, такъ какъ Англія никогда не согласилась бы удовлетворить всѣ требованія, никогда бы не рѣшилась обречь себя на подобное униженіе. Будемъ же надѣяться, что мудрость двухъ самыхъ свободныхъ націй въ мірѣ не допуститъ ихъ до борьбы и избавитъ насъ отъ кроваваго зрѣлища.

МОСКОВСКІЕ „КОМПРАЧИКОСЫ.“

Урокъ «Современной Лѣтописи», прилагаемой къ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Описывая, въ отвѣтъ «Русскому Вѣстнику», въ майской книгѣ маневръ противниковъ нашей школьной реформы, а именно г. Каткова, ех-профессора московскаго университета, и г. Леонтьева, архи-профессора того же университета, мы не могли отказать имъ въ ловкости клоуна, съ которою они перебѣгаютъ изъ «Русскаго Вѣстника» въ «Московскія Вѣдомости» и обратно; но въ маѣ они повели свое искусство дальше и къ двумъ лошадамъ литературнаго цирка присоединили третью — «Современную Лѣтопись». 18-го мая, эти трехжурнальные редакторы выѣхали на третьей лошади, и помѣстивъ въ № 18 «Современной Лѣтописи» пасквиль подъ заглавіемъ: «Господинъ Стасюлевичъ и его діалектическіе и иные приемы». Подъ статьей подписался г. М. (ужъ не Магницкій-ли воскресъ?), вѣроятно, только для того, чтобы всѣ знали, что, когда гг. Катковъ и Леонтьевъ желаютъ помѣстить что-нибудь, доходящее до типа пошлаго и исполненное всякой грязи, то они обращаются въ такомъ случаѣ къ г-ну М.

Весь этотъ пасквиль перевить защитою классицизма, которая прерывается или какою-нибудь гнусною клеветою на лицо редактора «Вѣстника Европы», или намекомъ на его гражданскую неблагонадежность, или наконецъ, любимую, вѣроятно, пѣсню пасквильянта: «Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ; не выпить ли намъ водочки» (въ статьѣ г. М. эта пѣсенка помѣщена *in extenso*). Пусть г. М. клеветецъ, пусть онъ пьетъ водочку, а мы между тѣмъ займемся отвѣтомъ тѣмъ редакто-

рамъ, которые печатають произведенія его пера, руководимое выше-приведенною пѣсенкой пасквилянта.

Гг. Катковъ и Леонтьевъ — истинные «компрачкосы» нашего времени. Да простятъ они намъ это сравненіе: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» они назвали же редактора «Вѣстника Европа» Джойсомъ, героемъ романа Диккенса, печатаемаго въ «Современной Лѣтописи». Отчего же намъ не заимствовать названіе для нихъ въ новомъ романѣ Виктора Гюго: «L'homme, qui rit» — а сходство поразительное! Наши московскіе компрачкосы, т. е. дѣтопокупатели, подобно англійскимъ компрачкосамъ XVII ст., бродятъ между насъ съ книгою доктора Конквеста и читають оттуда во всеуслышаніе методъ образованія юншества: *Bucca fissa usque ad aures, genivis denudatis, masca eris et ridebis semper*; т. е.: распоровъ ротъ до ушей (въ настоящемъ случаѣ: латинскими и греческими склоненіями) и обнаживъ десна, получишь, вмѣсто человѣка, маску съ вѣчною улыбкою. Катковско-Леонтьевскій классицизмъ, какъ понимаютъ его авторы, не имѣетъ также другихъ цѣлей, какъ облеченіе всѣхъ фізіономій въ классическую маску съ мыслью, которая сохраняетъ этотъ мыслящій видъ даже тогда, когда голова ни о чемъ не мыслить. Московскіе компрачкосы хотятъ намъ, конечно, доставить со временемъ хорошій экземпляръ «L'homme qui pense», въ pendant къ роману Виктора Гюго «L'homme qui rit»; но мы уже предупреждены и знаемъ, что бѣдный человѣкъ у Гюго вовсе не смѣется, а человѣкъ фабрики Каткова и К^о вовсе не мыслить. Можетъ быть, г. Леонтьевъ будетъ извинять свое издѣліе тѣмъ, чѣмъ, увидимъ ниже, онъ извинилъ г. Иванова, классическаго учителя его лица, при снабженіи его мѣстомъ профессора и соответствующимъ жалованьемъ въ московскомъ университетѣ, а именно тѣмъ, что этотъ *по скромности* не держалъ экзамена на ученую степень и ничего не писалъ. Но г. Леонтьевъ забылъ классическій стихъ римскаго сатирика:

Scire tuum nihil est, nisi te scire hoc sciat alter!

Т. е. твое знаніе — пуль, если другимъ неизвѣстны твои познанія.

Впрочемъ, наши компрачкосы весьма ошибутся, если предположатъ въ насъ охоту вести съ ними дальнѣйшую полемику о классицизмѣ и реализмѣ, надобнѣйшую публикѣ «хуже горькой рѣдки». Компрачкосы московскіе дополняютъ нынѣ дѣятельность «дѣтопокупателей» дѣятельностью пасквилянтовъ: имъ мало обезобразить будущія поколѣнія, имъ нужно повозможности истреблять все честное и въ современномъ, а для того они обратились къ пасквилю. Вышеупомянутый нами пасквиль имѣетъ мало себѣ подобныхъ въ литературѣ, по крайней наглости и дерзости его сочинителя. Можно думать, что мы возвратились къ эпохѣ Булгарина, который первый изобрѣлъ полемическое средство, а именно, нападать не на мысль, не на журналъ, а на частное

лицо редактора; по рецепту Булгарина, гг. Катковъ и Леонтьевъ поставили въ оглавленіи своего пасквиля имя редактора «Вѣстника Европы». Остановимся на этомъ безобразномъ произведеніи сочинителя, пишущаго и распѣвающаго: «Вѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ» и т. д.

Сочинитель начинаетъ съ указаній, которыя по своему духу напоминаютъ доклады по начальству. Онъ доказываетъ, что «г. Стасюлевичъ, ex-профессоръ спб. университета, какъ извѣстно (?), ведетъ постоянную и самую ожесточенную агитацію (!) противъ той рациональной системы образованія (разумѣй: классической), которое нынѣшнее управленіе народнаго просвѣщенія, къ величайшей его чести, силится замѣнить невообразимый хаосъ, до сего существовавшій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе колебаній въ основаніяхъ ихъ организаціи ¹⁾. Постоянная «ожесточенная агитація» противъ какого-нибудь вѣдомства запрещена закономъ о печати; никогда главное управленіе по дѣламъ печати не пропустило бы преслѣдовать насъ за нарушеніе закона о печати, дозволяющаго одну критику министерскихъ распоряженій, но мы не получали ни одного замѣчанія по министерству народнаго просвѣщенія. Какое право имѣетъ г. М. усматривать «агитацію», которой не видать тѣ, до которыхъ дѣло касается? Критика можетъ быть неприятна, но и это пасквилянты могъ узнать только въ томъ случаѣ, если онъ состоитъ, напр., чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ и беретъ свое жалованье за составленіе пасквилей подобныхъ настоящему. Но пасквилянты, по своей привычкѣ, самъ не замѣтилъ, что онъ написалъ тутъ же пасквили и на министерство: министерство имѣетъ всю власть для проведенія той или другой системы, а онъ насъ извѣщаетъ, что нынѣшнее министерство «силится». Что это: насмѣшка, или привычка пасквилянта выразаться неприлично.

Затѣмъ сочинитель переходитъ къ разбору оружія, которымъ вооруженъ «передовой» редакторъ Вѣстника Европы.

На этотъ разъ г. М., не довольствуясь указаніемъ на всю грязь, помѣщенную по поводу такого же вопроса въ «Москов. Вѣд.» и «Русскомъ Вѣстникѣ», черпаетъ широкою рукою изъ другого пасквиля, помѣщеннаго въ томъ журналѣ, который сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ по крайнему безпристрастію этого органа: а именно, этотъ органъ печатаетъ въ акростихахъ и прозѣ пасквили какъ на самого себя, такъ и на другихъ. Пасквили, помѣщенный въ этомъ журналѣ на насъ носилъ заглавіе: «Юбилей С. Петербургскаго университета и Вѣстникъ Европы». По мнѣнію г. М., этотъ пасквили «изобличалъ до-нага ту степень добросовѣстности, съ какою г. Стасюлевичъ нашелъ возможнымъ отнестись

¹⁾ При этомъ онъ дерзко утверждаетъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости», какъ говорить, находятся въ личномъ владѣніи у г. Стасюлевича. Эта клевета опровергнута достаточно и въ своемъ мѣстѣ.

въ своемъ изданіи къ учрежденію, къ коему онъ нѣкогда принадлежалъ, а нынѣ *не принадлежитъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ*». Последняя клевета столь нагла и безстыдна, что достаточно назвать ее только по имени: г. М. забываетъ, что есть живые люди, которые могутъ ему сказать прямо въ лицо: вы лжете!

У своего союзника московскій сочинитель заимствуетъ «совѣтъ г. Стасюленичу *оставить путь доносовъ общественному мнѣнію*, которые нѣсколько не лучше другихъ доносовъ». Мы не имѣемъ понятія объ этихъ *другихъ* доносахъ, и потому не можемъ быть компетентными судьями, что лучше: доносъ ли общественному мнѣнію, или тѣ другіе доносъ. Предоставляемъ рѣшить этотъ вопросъ автору статейки, помѣщенной въ томъ «безпристрастномъ» журналѣ, совокупно съ г. М.; если имъ близко знакомы упоминаемые ими оба рода доносовъ, то они должны знать, который изъ нихъ лучше. Если же нашъ пасквилянтъ, какъ онъ говоритъ дальше, не понимаетъ, «какъ можетъ ввязаться понятіе, заключающееся въ выраженіи *доносъ*, съ понятіемъ о печатномъ словѣ», и упрекаетъ даже своего клеветника въ томъ, что онъ «обмолвился», назвавъ дѣятельность редакціи «Вѣстника Европы»—доносомъ общественному мнѣнію; то для просвѣщенія г. М. мы можемъ ему рекомендовать подписаться на «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» или, наконецъ, внимательнѣе прочесть свою статью въ № 18 «Современной Лѣтописи», и тогда онъ все пойметъ.

«Вѣстникъ Европы» не старался унижать с.-петербургскій университетъ, сознавая ясно, что унижить учрежденіе могутъ одни его собственные же органы. Если «Вѣстникъ Европы» дѣлаетъ доносъ *общественному мнѣнію*, какъ свидѣтельствуя о томъ сами его противники, то лучшей похвалы ему и нельзя было сказать: никакое кумовство, ни другія соображенія, не вынуждаютъ его скрывать то, что направлено къ униженію учрежденія. Мы понимаемъ удобство нѣкоторыхъ, чтобы «все было шито и крыто»; но наша обязанность расшить и раскрыть, и гробъ называть гробомъ, хотя бы онъ былъ и «позолоченъ».

«Я — говоритъ г. М. — одна изъ тѣхъ мелкихъ единицъ, изъ которыхъ составляется болѣе или менѣе тяжеловѣсная сумма общественнаго мнѣнія». Можно ли нанести общественному мнѣнію большее оскорбленіе, какое дѣлаетъ г. М., предполагая, что оно есть сумма пасквилянтовъ, выполняющихъ различныя порученія. Не для борьбы съ пасквилями предназначается журнальная дѣятельность, и если мы теперь торопимъ время сами и покушаемся на досугъ нашихъ читателей, то только потому, что «добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ», и узду на такихъ бѣгунчиковъ, какъ г. М., наложить необходимо, каковы бы порученія ему ни дѣлались, и на чью пріятную ему улыбку онъ ни рассчитывалъ бы, вооружаясь пасквилямъ.

Назвавъ дѣятельность бывшаго профессора Стасюлевича «ораторскимъ канканомъ», хотя всего вѣроятнѣе, что канканъ, и не ораторскій, а самый непосредственный, былъ однимъ изъ подвиговъ самого г. М., онъ переходитъ къ дѣятельности того же профессора, какъ члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія до 1866 года. При этомъ онъ подогрѣваетъ давно опровергнутую клевету относительно того, что г. Стасюлевичъ пропустилъ учебникъ г. Овсянникова, написанный будто бы à la Воссасіо, и учебникъ Даніеля, гдѣ будто бы Польша вводится въ границы 1772 года. Никакой Боккачіо не сравнится съ самимъ г. М. въ безстыдствѣ, если послѣдній рѣшается вновь опираться на клевету, давно опровергнутую. Но г-ну М. нужно было этими ссылками сказать вовсе не то, что онъ говоритъ; онъ очень хорошо знаетъ, что въ учебникѣ Даніеля нѣтъ и тѣни того, что онъ утверждаетъ, но ему нужно сказать, что именно г. Стасюлевичъ (обратите, молю, вниманіе на конецъ фамиліи) вводитъ Польшу въ предѣлы 1772 года.

Наконецъ, г-ну М. необходимо объяснить, почему г. Стасюлевичъ возстаетъ противъ классицизма. Тутъ нашъ герой превзошелъ самого себя, и превратился въ гимназиста. По его соображенію, «г. Стасюлевичъ припоминаетъ себѣ также свои неудачи на полѣ классицизма». Какія же неудачи? Онъ, видите, въ своей диссертациіи утверждаетъ, что олимпиада имѣетъ 5 лѣтъ, а не 4 года, и противное ему указали Прописи г. Леонтьева. Неужели нужно кончить курсъ въ университетѣ, чтобы основательно знать, сколько годовъ заключаетъ въ себѣ олимпиада? Да наконецъ, во всемъ этомъ было бы удивительно не то, что г. Стасюлевичъ не имѣлъ понятія, кончивъ курсъ въ университетѣ, объ олимпиадѣ, а то, что историко-филологическій факультетъ, рассматривающій диссертациіи въ рукописи, могъ пропустить какую-нибудь дичь, да еще послѣ диспута удостоить автора ученой степени. Гораздо бы лучше сдѣлалъ г. М., еслибы онъ намъ повѣствовалъ, какъ одинъ новопоставленный профессоръ исторіи въ московскомъ университетѣ написалъ краснорѣчивое изслѣдованіе о днѣ мареонскаго сраженія, и вычислилъ этотъ день по старому и по *новому стилю*.

Но г-ну М. показалось самому, что злоба г. Стасюлевича на классицизмъ, даже еслибы онъ и въ самомъ дѣлѣ ошибся, вмѣстѣ съ историко-филологическимъ факультетомъ, относительно олимпиады, не могла же основываться на одномъ этомъ. А потому вотъ и другая причина! Г. Стасюлевичъ не можетъ простить московскимъ компрачико-самъ того безкорыстія и безвозвратныхъ (!) пожертвованій деньгами и тяжкаго труда (печатать пасквили?), съ которыми они основали лицей. «Позорно-грошевыми цѣлями, восклицаетъ г. М., онъ хочетъ истолковать болѣе, чѣмъ понятное желаніе гг. Каткова и Леонтьева достолю-

безнымъ и незабвеннымъ въ Россіи именованъ Царственнаго Юноши, котораго кратковременная жизнь вся принадлежитъ порѣ приготовленія къ высокому служенію Россіи, — осѣнить заведеніе» и т. д.

Г. Стасюлевичъ имѣеть болѣе причинъ, чѣмъ г. Катковъ и Леонтьевъ и какой-нибудь г. М., дорожить именованъ Царственнаго Юноши и не поминать его все, и именно быть можетъ потому самому выразилъ только свои опасенія за будущность лица, выразившаго желаніе осѣнить себя его именованъ, не доказавъ ничѣмъ своихъ педагогическихъ заслугъ, ни даже финансовыхъ средствъ. Какъ бы мы ни были противъ лица, но если этотъ лицей удостоенъ величайшей чести, то мы, естественно, будемъ современемъ обязаны, несмотря ни на какія пожертванія со стороны казны, поддерживать этотъ лицей, если онъ придетъ въ упадокъ. Александровскій лицей можетъ намъ дать приблизительное понятіе о бюджетѣ лица г. Каткова; не потому ли г. М. счелъ позволительнымъ, съ цѣлью исказить нашу мысль, сдѣлать фальшивую цитату изъ нашей майской статьи? Вотъ наши слова: «Основатели этого пансіона, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать самой высокой чести, *которой удостоился Царскосельскій лицей, послѣ многихъ лѣтъ своего существованія, а именно названіе лица Цесаревича Николая Александровича.*» Г. М. цитуетъ наши слова такъ: «основатели его, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать высокой чести носить названіе» и т. д. Все, показанное у насъ курсивомъ, выпустилъ г. М., и понимаете ли, для чего? Ему нужно было дать почувствовать, что будто бы г. Стасюлевичъ *не понимаетъ* желанія г. Каткова назвать лицей именованъ Цесаревича; дѣйствительно, за пропускомъ того мѣста, оно такъ и выходитъ. Оказывается, что этотъ Стасюлевичъ мелкій либераль и человѣкъ вреднаго образа мыслей. Вотъ оно что! Но въ сущности оказывается, что г. М. занимается фальшью. Желаніе г. Каткова всякому понятно, но дѣло идетъ не о желаніи г. Каткова, а о сравненіи царскосельскаго лица съ его лицеемъ. А еще г. М. прикидывается въ началѣ своего пасквиля непонимающимъ, какъ можетъ вѣзаться понятіе, заключающееся въ выраженіи «донось», съ понятіемъ о печатномъ словѣ. Понимаетъ ли это г. М. теперь?!

Въ заключеніе своего пасквиля, г. М. цитуетъ изъ той же майской книги нашего журнала статью г. В.: «Спеціальное образованіе въ Россіи», гдѣ говорится между прочимъ: «У насъ совершенно не въ обычаѣ то, что у французовъ называютъ *de fortes études...*»

«Осмѣлюсь — восклицаетъ г. М. по этому случаю, предложить ученому редактору «Вѣстника Европы» небольшой рядъ вопросовъ: что именно понимаютъ французы подъ выраженіемъ: *des études fortes?*» Отвѣчаемъ: Г-нъ М.! французы подъ этимъ выраженіемъ не разу-

имѣютъ ни малѣйше ежедневнаго упражненія, съ раздраженіемъ рта до ушей, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ латинскихъ и греческихъ. Въ Политехнической школѣ въ Парижѣ, какъ и въ Сорбоннѣ, воспитанники этой школы, не будучи классиками, имѣютъ одинаковое притязаніе на *des études fortes*. А г. М. полагаетъ, что подь «крѣпкимъ ученіемъ» разумѣется зубреніе латинской и греческой грамматики. Онъ очень ошибается, и мы нѣсколько разъ приводили слова французскаго министра народнаго просвѣщенія Дюрюи: въ наше время, говорили онъ недавно, горе тѣмъ народамъ, которые останутся позади другихъ въ положительныхъ знаніяхъ! Кто же изъ насъ, мы или г. Катковъ и К^о заботится, «чтобы серьезный уровень образованія никогда не поднимался въ любезномъ отечествѣ» — этимъ вопросомъ, обращеннымъ къ намъ заключаетъ г. М. свой пресловутый пасквиль? Судя по словамъ г. Дюрюи, это не мы!

Sapienti sat! и можно было бы ограничиться сказаннымъ нами, если бы сегодня мы не встрѣтили въ здѣшнихъ газетахъ любопытную корреспонденцію изъ Москвы, которая обнаруживаетъ все благотворное вліяніе московскихъ компрачиковъ даже на самый университетъ.

Изъ Москвы пишутъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 18 мая:

«Московскій университетъ все болѣе и болѣе запутывается въ паутинѣ, которую обвиваетъ его какая-то *закумисная интрига*. На дняхъ всѣ истинные друзья университета были поражены извѣстіемъ что С. М. Соловьевъ, деканъ историко-филологическаго факультета, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ деканства до окончанія срока. Онъ занималъ эту должность въ теченіе 14-ти лѣтъ съ самой смерти Гравовскаго, и въ это продолжительное время, своею гуманностью и безпристрастіемъ въ отправленіи своей должности, снискалъ даже уваженіе тѣхъ людей, которые не были къ нему расположены. Имя С. М. Соловьева безспорно самое громкое и почетное въ московскомъ университетѣ, и если онъ считаетъ невозможнымъ для себя стоять во главѣ факультета, которому онъ служилъ лучшимъ украшеніемъ, то это очень дурной признакъ для состоянія московскаго университета.

«Въ послѣднее время совѣтомъ университета постоянно нарушаются не только права отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго факультета, какъ скоро это нужно *для чьихъ либо интересовъ*. Въ вашей газетѣ было въ свое время заявлено, что совѣтъ забаллотировалъ профессора всеобщей исторіи г. Герье, предложеннаго факультетомъ въ экстраординарные профессора. Читатели вашей газеты помнятъ также случившуюся недавно исторію съ г. Куторгой. Этотъ профессоръ петербургскаго университета пожелалъ перейти въ Москву, чтобъ занять кафедру всеобщей исторіи, для приготовленія къ которой г. Герье былъ отправленъ университетомъ за границу, и которую онъ

по возвращеніи оттуда занималъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Историко-филологическій факультетъ, желая сохранить своего прежняго преподавателя, забаллотировалъ г. Куторгу. Въ совѣтѣ профессоръ Куторга также былъ забаллотированъ, ибо не получилъ необходимыхъ двухъ третей голосовъ; но, не смотря на это, совѣтъ, по предложенію г. Леонтьева, ходатайствовалъ объ утвержденіи его на основаніи *будущаго* закона о баллотированіи профессоровъ простымъ большинствомъ. Еще до полученія отвѣта отъ министерства, совѣтъ устроилъ вторичные выборы для г. Куторги, и носятся слухи, что профессоръ Куторга на дняхъ будетъ баллотироваться въ третій разъ. Послѣднее дѣло, послужившее поводомъ къ отставкѣ С. М. Соловьева, еще страннѣе. На дняхъ профессоръ Леонтьевъ, одинъ изъ издателей «Московскихъ Вѣдомостей» и содержателей классическаго лицея, предложилъ въ совѣтѣ кандидата Иванова, состоящаго доцентомъ латинскаго языка въ университетѣ и преподавателемъ въ *лицей*, въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора. Это предложеніе было вдвойнѣ незаконно. Во-первыхъ, новый уставъ не допускаетъ повышеній профессоровъ безъ надлежащей степени. Г. Ивановъ не написалъ ни одной диссертаци, а экстраординарный профессоръ долженъ быть по уставу докторомъ; исправляющимъ же должность новый уставъ не призываетъ. Во-вторыхъ, предложеніе г. Леонтьева было сдѣлано безъ вѣдома и согласія факультета. Несмотря на это, совѣтъ принялъ предложеніе и поставилъ на очередь баллотировку г. Иванова.

«Чрезвычайно забавно объясненіе, которымъ г. Леонтьевъ оправдывалъ свое противузаконное предложеніе. Онъ заявлялъ, что г. Ивановъ не написалъ до-сихъ поръ ни одной диссертаци *по крайней добросовѣстности*. Мы представляемъ себѣ, съ какимъ сочувствіемъ были встрѣчены эти слова тѣми членами совѣта, которые, подобно г. Иванову, обременены крайней добросовѣстностью и потому лишили русскую публику столькихъ интересныхъ сочиненій. Но не совѣмъ легко, по нашему мнѣнію, будетъ при баллотировкѣ г. Иванова положеніе тѣхъ профессоровъ, которые получили свои должности естественнымъ путемъ; ибо имъ придется награждать своего товарища за добродѣтель, которой они лишены, и они должны будутъ устыдиться того, что огорчали русскую публику своими диссертациями и сочиненіями. Намъ становится теперь совершенно понятнымъ, почему такъ бесплодна латинская кафедра въ Москвѣ, несмотря на близкое сосѣдство съ очагомъ классицизма. Русская публика, узнавъ истинные мотивы, почему какъ самъ г. Леонтьевъ, такъ и его помощникъ, воздерживаются отъ всякихъ литературныхъ трудовъ по своему предмету, уже не будетъ болѣе удивляться этой бесплодности.

«Намъ понятно также, почему *содержатель лицея* счелъ себя въ

правѣ вознаградить одного изъ своихъ преподавателей повышеиеніемъ въ университетѣ. Вѣдь самъ г. Леонтьевъ получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторство и ординарную профессуру вовсе не за какое-либо сочиненіе по латинскому языку, а въ награду за его патриотическую дѣятельность. Многіе изъ москвичей полагали тогда, что университетъ, ради такого необыкновеннаго случая, создастъ и новую ученую степень: «докторство передовыхъ статей» или «двойной бухгалтеріи», но потомъ оказалось, что сотрудничествомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» можно добывать себѣ степень доктора римской словесности также удобно, какъ и писаніемъ латинскихъ сочиненій...

«Вопросъ, впрочемъ, слишкомъ серьезенъ, чтобъ имъ шутить. Въ московскомъ университетѣ полторы тысячи студентовъ и образованіе и развитіе ихъ въ значительной степени зависятъ отъ духа, господствующаго между профессорами. Московскій университетъ находится, сравнительно съ другими, въ худшемъ положеніи; въ немъ есть нарость, который портитъ здоровые соки и даетъ имъ ложное направленіе. *Одинъ изъ его членовъ пользуется чрезмѣрною силой*, потому что въ его рукахъ находится самое опасное орудіе нашего времени—газета; помимо этого случайнаго явленія, есть причины зла, которыя коренятся въ отсутствіи гласности.

«Перебирая миролюбивые протоколы, печатающіеся въ университетскихъ извѣстіяхъ, никакъ нельзя вообразить, что въ совѣтѣ происходятъ драмы. Можетъ быть, при существованіи бѣльшей гласности, поискуснѣ бы пряталась рука, высывающаяся иногда неосторожно изъ-за университетскихъ кулисъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ, лица, прославившіяся нѣкогда своимъ пристрастіемъ къ англійской конституціи и англійскому самоуправленію, правда, нѣсколько испугившія потомъ свою вину, постыдились бы быть виновниками незаконныхъ предложеній и нарушеній чужаго права».

Прочитавъ такую исповѣдь челоуѣка, очевидно, близкаго къ мѣсту описываемыхъ имъ событій, невольно воскликнешь: Quousque tandem, comgraciosi mosquenses! ?

А.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

М А Й.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Возвѣтъ изъ земства. Выпускъ I. *А. Кошелева*.
Издание въ пользу школъ Сапожковскаго уѣзда.
Москва. 1869.

Книга г. Кошелева встрѣчена весьма неблагоприятно въ печати; одни напали на автора также съ нѣкоторою яростью, другіе сперва отнеслись къ г. Кошелеву съ порицаніемъ, потомъ похвалили его; а органъ, извѣстный своими совершенно исключительными отношеніями къ реформамъ настоящаго царствованія, привѣтствовалъ его съ распростертыми объятіями, достигнувъ включить автора въ сонмъ тѣхъ хранителей, вѣрнымъ выразителемъ которыхъ могутъ служить «генералы», изображенные Гургуеневымъ въ романѣ «Дымъ». По всей вѣроятности, такое включеніе г. Кошелеву не можетъ нравиться, ибо, сколько извѣстно намъ, его общественная и литературная дѣятельность до сего времени носила на себѣ признаки партій такъ-называемыхъ славянофиловъ. И, однакожь, какъ тѣ органы, которые отнеслись къ г. Кошелеву враждебно, такъ и тотъ, который его привѣтствовалъ, были правы: г. Кошелевъ принадлежитъ, по своимъ убѣжденіямъ, не только ко всемъ партіямъ, онъ электикъ въ самомъ благонамѣренномъ значеніи этого слова, и, раскрывая книгу то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ мѣстѣ, находишь г. Кошелева

въ различной окраскѣ, причѣмъ фонъ остается постоянно благонамѣреннымъ. Мы думаемъ, что не безынтересно будетъ набросать характеристику того типа, представителемъ котораго является г. Кошелевъ.

Книга его состоитъ изъ нѣсколькихъ статей о земствѣ, о дворянствѣ, о крестьянствѣ, о пшанствѣ, о школахъ, о городахъ и горожаняхъ. Этотъ перечень показываетъ, что г. Кошелевъ коснулся всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ. Статьи написаны въ разное время, подъ разными впечатлѣніями, но для настоящаго изданія онѣ «пересмотрѣны, исправлены и расположены въ нѣкоторомъ порядкѣ.» Первая статья трактуетъ о земскихъ собраніяхъ, указываетъ на ихъ важность и обстоятельно критикуетъ законъ 21 ноября 1866 г., которымъ купечество поставлено, относительно земскихъ сборовъ, въ исключительное, привилегированное положеніе, и законъ 13 іюля 1867 г., которымъ опредѣленъ порядокъ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, а предсѣдателямъ ихъ даны такія права, что «собранія во всемъ должны имъ безпрекословно повиноваться.» Новаго противъ того, что говорено было въ нашей печати объ этихъ законахъ, г. Кошелевъ не сказалъ ничего, если не считать два, три случая въ массѣ заявленныхъ прежде него о крайнемъ произволѣ предсѣдателей земскихъ

собраній. Но заключеніе статьи любопытно для характеристики автора, который видитъ въ нападкахъ на земство, исходящихъ отъ извѣстной партіи, желаніе поставить дворянство особнякомъ, «въ званіи господствующаго сословія, и чтобы порядокъ и все устройство, при поддержкѣ со стороны правительства, исходили отъ этого высшаго въ государствѣ сословія.» Г. Кошелевъ является противникомъ этихъ затѣй, противникомъ «ограниченія выборнаго начала и включенія въ земскія собранія гласныхъ не по выбору, а по цензу;» онъ съ ироніей отзывается о «какихъ-то особенныхъ охранительныхъ началахъ», тающихся въ крупній собственности, находя, что «истинно охранительныя начала коренятся у насъ въ земствѣ, т. е. въ совокупности землевладѣльцевъ, крестьянъ и горожанъ»; онъ говоритъ, что революціи у насъ невозможны, что намъ нечего бояться революціонеровъ, что «опасны для насъ только люди, смущающіе другихъ пугаломъ революцій, выдающіе вездѣ и во всемъ заговоры, вредныя направленія, тайныя злоупотребленія, социализмъ, коммунизмъ, нигилизмъ и проч. и проч.» Далѣе, въ слѣдующей статьѣ, г. Кошелевъ прекрасно характеризуетъ настоящее положеніе дворянства, и вслѣдствіе того совѣтуетъ уничтожить это «названіе» или «собраніе» (въ законахъ оно нигдѣ не именуется «сословіемъ») и отрицаетъ всякую возможность образованія у насъ аристократіи. «Мы не аристократы»—говоритъ онъ—а корчимъ аристократовъ; мы не имѣемъ ни силы, ни знанія, которые даетъ аристократія, а между тѣмъ несемъ всѣ невгоды, всѣ тяжести, съ нею сопряженныя. Это извращаетъ наши понятія, даетъ ложное направленіе нашимъ дѣйствіямъ; это производитъ то странное явленіе, что каждый изъ насъ поодинокѣ лучше, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Замѣчательно, что мѣръ (крестьянскій) умнѣе и добрѣе крестьянина, взятаго отдѣльно, а у насъ наоборотъ... Сверхъ того, аристократія, въ самыхъ аристократическихъ государствахъ, теперь съ каждымъ днемъ утрачиваетъ все болѣе и болѣе своей силы; и тамъ, лишь жертвами, уступками, она искупаетъ право на дальнѣйшее существованіе.» Кто не подписался бы изъ нашихъ либераловъ подъ этими строками, кто не признавалъ бы новѣйшей системы за всѣмъ тѣмъ, что говоритъ г. Кошелевъ о значеніи земства, о той роли, которую оно

призвано играть въ судьбахъ родины на основаніи первоначальнаго положенія. и о томъ безсиліи его, которое достигнуто позднѣйшими уложеніями? Повторяемъ, новаго г. Кошелева не говоритъ ничего, но онъ усвоилъ себѣ и все это взгляды передовыхъ людей и изложилъ свои соображенія языкомъ столь яснымъ и вразумительнымъ, что даже для чтенія грамотнаго крестьянина книга его не представитъ никакихъ затрудненій.

Пойдемъ далѣе, будемъ продолжать отыскивать тѣ же черты передового чловека въ другихъ статьяхъ книги. Говоритъ онъ о приходахъ свѣтскихъ попечительствахъ, о сельскихъ школахъ, о народномъ образованіи; здравыя мысли расхваливаетъ и тутъ въ довольно значительномъ количествѣ, и выражены тѣмъ же популярнымъ языкомъ. Г. Кошелевъ сознаетъ крайнюю необходимость учить народъ: «развитіе просвѣщенія въ народѣ,—говоритъ онъ,—есть задача и отдаленнаго будущаго, а того, которое граничитъ съ настоящею минутою. Это было обязанностію нашею и правн. ъственною до 1861 года; оно сдѣлалось потомъ задачею однова правительства, до введенія земскихъ учрежденій; а съ этого времени, оно опять стало нашею задачею, и задачею самою неотложною.» Онъ сознаетъ, что учителя изъ духовенства въ большинствѣ случаевъ — не только плохіе, но даже вредные учителя, что «необходимо дѣлавать волю крестьянъ набирать учителей, по своему желанію, т. е. изъ духовенства или востороннихъ лицъ»; что «необходимо устроить, во крайней мѣрѣ въ губернскихъ городахъ, школы для образованія сельскихъ учителей»; что было бы желательнымъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія побольше вниманія къ постановленіямъ и заявленіямъ земства. Выразивъ эти здравыя мысли, много разъ высказанныя и другими, г. Кошелевъ рѣзкими и яркими словами характеризуетъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, полученный въ началѣ прошлаго года губернаторами, циркуляръ, кажется, пропущенный нашею журналисткой, а между тѣмъ чрезвычайно важной. Циркуляръ этотъ разосланъ вслѣдствіе отношенія председателя высочайше утвержденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, съ просьбою сдѣлать распоряженія: а) «объ устрaненіи неправильнаго вмѣшательства свѣтскихъ властей въ управленіе церковно-прѣ-

дскими школами, равно и въ занятія духовныхъ лицъ по преподаванію въ свѣтскихъ училищахъ; и б) объ оказаніи, со стороны другихъ ведомствъ, содѣйствія духовенству въ законныхъ его требованіяхъ по дѣламъ о народныхъ школахъ.» Неопредѣленность и словно намѣренная неясность этого циркуляра, дающія возможность толковать его въ смыслѣ устраненія мирянъ отъ подачи своего голоса по дѣламъ народнаго обученія; пререканія, выраженные въ немъ и прямо противорѣчація духу бывшій высочайше утвержденнаго положенія сельскихъ школахъ, даютъ г. Кошелеву полное право сказать: «Неужели мы, какъ нибудь чуждые, перенесены въ католическую Австрію временъ пресловутаго конкордата?... Такое устраненіе мирянъ отъ завѣдыванія сельскими школами, такое притязаніе духовенства на исключительное (въ нихъ) преподаваніе, такое противорѣчіе духу и правиламъ нашей православнои церкви — не могло быть обдуманнѣе мѣстоишемъ нашего духовенства. Скорѣе можно допустить, что какой нибудь католикъ во зло употребилъ минутное невниманіе нашихъ иерарховъ.» Все это прекрасно, все это продиктовано весьма честнымъ чувствомъ человѣка, который стремится къ тому, чтобы освободить народъ отъ опеки слишкомъ притязательной (не всегда благоразумной) администраціи. Но все это одна сторона дѣла, одна сторона лица электика.

Посмотримъ на г. Кошелева въ другой краскѣ, которая ярко выступаетъ въ двухъ статьяхъ: «О нынѣшнемъ положеніи крестьянъ и о мѣрахъ къ улучшенію ихъ быта» и «О мѣрахъ къ сокращенію пьянства въ народѣ.» Тутъ г. Кошелевъ является регламентаторомъ и простираетъ отеческую руку опекуна надъ народомъ, который будто бы получилъ (столько правъ, что они ему не подѣ силу. Крестьянство обратилось, крестьянство сплоско, крестьянство обидѣно, дѣлежи участились, нравственность ухудшилась, уваженіе къ старикамъ прошло, и проч. и проч. Такова картина! А доказательства, а статистическія данныя, а та величина, съ которою можно сравнивать теперешнее состояніе крестьянства, т. е. состояніе его до 19 февраля 1861 года? Зачѣмъ доказательства? Попробуемъ вѣрить на слово нашему электику, попробуемъ принять его слова за неопровержимые факты, и принять съ благо-

дарностью, какъ подобаетъ одному изъ смиренныхъ органовъ нашей журналистики, «страждущей вообще малокровіемъ и худосочиемъ» — такъ выражается г. Кошелевъ, чувствующій, по его собственнымъ словамъ, «потребность въ правдѣ, горячемъ стремленіи къ ней, тоски по ней». Тоскующему по правдѣ самое чувство жалости, присущее даже журналистамъ, обязываетъ вѣрить на слово. Мы только позволимъ себѣ мрачной картинѣ, начертанной перомъ человѣка, тоскующаго по правдѣ, противопоставить другую картину, начертанную тѣмъ же тоскующимъ перомъ. Вотъ чтѣ пишетъ это перо: «Въ прошломъ году, землевладѣльцы допускали крестьянамъ, по случаю неурожая, разныя снисхожденія и льготы, и крестьяне, стѣсненные нуждою, и работали хорошо, и исполняли порядочно заключенныя ими условія».... Выходитъ, что крестьяне тогда только хорошо работаютъ, когда стѣснены нуждою; въ прошломъ году былъ неурожай, обстоятельство независимое отъ крестьянъ, — они работали хорошо; въ другіе годы они работали дурно; почему? Потому, что не были стѣснены нуждою. А если не было нужды у крестьянъ, значитъ не было обидѣнія?! Такъ или нѣтъ? Мы, по крайней мѣрѣ, видимъ здѣсь непонятное противорѣчіе, которое можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что подѣ «разными снисхожденіями и льготами» должно разумѣть человѣческія условія, которыя были заключены на этотъ разъ между крестьянами и помѣщиками: послѣдніе, повидимому, отступили, на время неурожая, отъ того правила, о которомъ говоритъ немного выше самъ же электикъ: «хозяева налагаютъ на крестьянъ условія тѣмъ болѣе тяжелыя, чѣмъ менѣе они увѣрены въ ихъ исполненіи.» Наложили помѣщики менѣе тяжелыя условія, и крестьяне работаютъ хорошо. Не диво ли это? «Сельскій бытъ вообще находится въ исключенномъ положеніи!» восклицаетъ г. Кошелевъ. «Наше (т. е. помѣщиковъ) теперешнее положеніе въ деревнѣ, со дня на день, становится сноснѣе; благорасположеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ устанавливается!» говоритъ г. Кошелевъ. «Неисполнительность договоровъ доходитъ до того, что почти нѣтъ возможности ни нанимать людей на службу или въ работу, ни отдавать имъ землю въ наемъ!» восклицаетъ г. Кошелевъ. «Вольный трудъ сдѣлался не только неизбѣжнымъ орудіемъ въ хозяйствѣ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и *орудіемъ выоднымъ*“, говорить г. Кошелевъ. «Почти всѣ крестьяне живутъ теперь одиночками, *лишними возможностями идти въ рабочіе или на другіе промыслы!*» восклицаетъ г. Кошелевъ. „*Заработки видимо разсчитываются* и предпримчивость крестьянъ растетъ замѣтно», говорить г. Кошелевъ. «Нравственность крестьянъ значительно ухудшилась; пьянство сдѣлалось болѣзью почти общею; воровство усилилось въ размѣрахъ разительныхъ!» восклицаетъ г. Кошелевъ. „Въ послѣдніе восемь лѣтъ крестьяне значительно поднялись въ сознаниіи своихъ человѣческихъ правъ; они довольно исправно вносятъ подати; сельское населеніе—самая крѣпкая, *всего менѣ испорченная* часть нашего народа“, говорить г. Кошелевъ. Что это — насмѣшка ли надъ здравымъ смысломъ, или полное непониманіе ответственности за произносимыя сужденія, другъ другу взаимно противрѣчащія, или простое послѣдствіе того страннаго эклектизма, котораго г. Кошелевъ придерживается? Для чести г. Кошелева, для чести человѣка, тоскующаго по истинѣ, мы объясняемъ эти противорѣчія страннымъ эклектизмомъ.

Называемъ эклектизмъ г. Кошелева страннымъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Кошелевъ объясняетъ, что онъ „не столько сочинитель этой книги, сколько передатчикъ того, что внушили ему: жизнь общественная, дѣла общественныя, общественное мнѣніе“, къ которому онъ „прилежно прислушивался, стараясь отличить въ немъ случайное отъ существеннаго, и полагая долгомъ, по возможности, подчинять сему послѣднему свои личныя воззрѣнія». Ясно, что г. Кошелевъ эклектикъ не совсѣмъ свободный: прислушивался, выбирая, стараясь отличить существенное отъ случайнаго, онъ, мало того, что не всегда отличаетъ надлежащимъ образомъ существенное отъ случайнаго, но еще дѣлаетъ надъ собою маленькое усиліе для того, чтобы приобретенное опытомъ, чтеніемъ и размышленіемъ подогнать подъ извѣстную указку «искренно и глубоко уважаемаго» имъ общественнаго мнѣнія. Но что такое наше общественное мнѣніе, достаточно ли оно установилось и опредѣлилось? Вполнѣ утвердительно нельзя отвѣчать на подобный вопросъ, ибо всякому не предубѣжденному человѣку должно быть ясно, что въ нашемъ общественномъ мнѣніи еще достаточно броженія, что

оно часто зависитъ отъ сдѣленія случайныхъ обстоятельствъ, которыя поворачиваютъ его то въ одну, то въ другую сторону. Эклектикъ въ убѣжденіяхъ, вѣчно ищущій, вѣчно сомнѣвающийся, вѣчно тоскующій по истинѣ, г. Кошелевъ весьма естественно, при такомъ колеблющемся, осторожномъ, почти трусливомъ настроеніи своего ума, способенъ принимать за общественное мнѣніе голоса тѣхъ, которымъ удается перекричать другихъ. Не обладая умомъ инициативнымъ, способнымъ на инициативу, онъ можетъ быть уподобленъ тѣмъ популяризаторамъ г. Кошелева, которые, будучи незнакомы со всѣми тайнами ея, потому что не занимались ею специально, смѣло и отчетливо передаютъ только тѣ истины, которыя сдѣлались достояніемъ огромнаго большинства, и колеблющегося, несамостоятельной рѣчью говорить о фактахъ болѣе или менѣе спорныхъ. При этомъ, односторонніе популяризаторы подобнаго рода всегда хотятъ прослыть настолько же знающими, какъ настоящіе ученые-специалисты; въ гнѣвѣ и чьего желанія, они вдругъ начинаютъ говорить самоуверенно о какой-нибудь гипотезѣ, бросятъ нѣсколько общихъ мѣстъ, повторяютъ громкія фразы, но когда дѣло дойдетъ до доказательства, они ступенчатко, отступаютъ назадъ сказанное, противрѣчатъ самимъ себѣ, но все-таки храбрятся, рассчитывая на недалекую видимость читателя. Сравненіе г. Кошелева съ подобными популяризаторами тѣмъ спорѣе приходится на умъ, что онъ самъ не называетъ себя «сочинителемъ», «провозвѣстителемъ» какихъ либо истинъ, до него невѣдомыхъ, а передатчикомъ «того, что извѣстно», т. е. популяризаторомъ. Вопросы о дворянствѣ, о земствѣ, о школахъ настолько выяснены, что передать, тысячу разъ пережеванное, простымъ и толковымъ языкомъ, не можетъ представлять затрудненій даже для человѣка съ самыми лучшими убѣжденіями. Дѣло другое, когда приходится предлагать проекты для постановки на мѣсто отжившаго чего-нибудь новаго. Таки люди, какъ г. Кошелевъ, могутъ написать только quasi-мѣры, въ родѣ созданія вѣсто дворянства «класса землевладѣльцевъ», учрежденія всероссійскаго комитета для разсмотрѣнія положенія о дворянствѣ и проч., хотя въ то время они говорятъ: «во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, первое условіе, чтобы люди и состоянія не оставались одиночками, иду-

ними своего блага лишь въ личныхъ, или сословныхъ выгодахъ». Ужь такова участь этихъ нерѣшительныхъ людей, съ полусознанными вѣтнями, что имъ не приходятъ въ голову мѣры болѣе рѣшительныя, болѣе рациональныя, котыя и для этихъ мѣръ тоже не предостоятъ надобности особенно утруждать свой умъ, такъ какъ онъ испытанъ другими европейскими народами, причемъ получились результаты удивительныя и существовали въ намекахъ и въ нашей жизни, напр., въ 1766—7 году. Въ такомъ же неопредѣленномъ, шаткомъ положеніи находятся люди, подобныя г. Кошелеву, когда приходится имъ говорить о вопросахъ нѣсколько спорныхъ, напр., объ усилившемся будто бы народномъ пьянствѣ, о народномъ обѣдненіи и проч. Принявъ говоръ какой-нибудь кучки людей къ сердцу, подобныя люди слегка провѣряютъ его тѣмъ, что видятъ въ своемъ углу, и преспособно обобщаютъ свои наблюденія на всю Россію. Это пылкое обобщеніе нѣсколько не противорѣчитъ несмысленнымъ убѣжденіямъ эклектиковъ, ибо они менѣе всего способны къ точности, къ благоразумной опредѣлительности — качествамъ людей противоположнаго заката. Г. Кошелевъ вполнѣ соединяетъ въ себѣ черты для типа колеблющагося, носимаго вѣтромъ эклектика. То либераль, то консерваторъ, то славянофилъ, то западникъ, то поборникъ самоуправления, то поборникъ регламентаціи, то ненавистникъ людей, пугающихъ насъ революціей и нигилизмомъ, то самъ провозглашающій, что «современный русскій человекъ мало или вовсе невѣрующій, съ окраскою болѣе или менѣе густого нигилизма, и съ нимъ неразлучнаго матеріализма», то поборникъ реформъ, то сыплющій такими сентенціями: «Лучше было бы расширять права крестьянъ, по мѣрѣ развитія ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей», или: «неоспоримо (?), что освобожденіе крѣпостныхъ людей, въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, породило въ сельскихъ обществахъ неурядицу, которая, въ свою очередь, усилила въ нихъ пьянство». Понятно, что такіе люди на руку всѣмъ партіямъ, но мы осмѣливаемся вѣрить, что не за ними будущность, ибо будущность — не въ шатаваніи, не въ подсабливаніи и вытраиваніи того, что сдѣлано, и не въ полумѣрахъ сомнительнаго достоинства. Мы даже думаемъ, что «худосочіе и малокровіе», о кото-

рыхъ говорить г. Кошелевъ, именно въ шатаваніи и заключаются.

А. С.

Отъ Редакціи.—Наша майская хроника ввѣвала одно письменное возраженіе въ защиту г. Кошелева. Авторъ письма къ намъ не упомянулъ насъ напечатать письма и потому мы ограничиваемся короткими отвѣтомъ на предложенные имъ вопросы, тѣмъ болѣе, что помѣщаемый нами выше разборъ книги г. Кошелева служитъ также подтвержденіемъ того, что уже было высказано нами въ хроникѣ, или по крайней мѣрѣ объясненіемъ, почему мы могли отнестись къ «Голосу изъ земства» именно такъ, какъ мы отнеслись. «Скажите—спрашиваетъ авторъ письма—гдѣ г. Кошелевъ говоритъ въ пользу созданія привилегированнаго сословія изъ крупныхъ землевладѣльцевъ? гдѣ онъ говоритъ за исключеніе мелкихъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ—изъ землевладѣльческаго состоянія?» Г. Кошелевъ, какъ замѣчаетъ нашъ рецензентъ, тѣмъ и отличается отъ прочихъ публицистовъ, что онъ въ рѣдкихъ случаяхъ формулируетъ свои положенія съ опредѣленностью, и мы, говоря о мнѣніяхъ г. Кошелева, не цитировали его словъ буквально, но сдѣлали только выводъ изъ его разсужденій, разсѣянныхъ по всей книгѣ. На стр. 40, г. Кошелевъ задаетъ вопросъ: «Какъ же намъ (дворянамъ) соединиться съ народомъ?» и отвѣчаетъ на это предложеніемъ пригласить въ среду дворянъ всѣхъ *моущихъ* стать въ наши ряды; а нѣсколькими строчками ниже объясняется, что такими *моущими* могутъ быть «владѣющіе или приобретающіе известныя *минимум* земли». Что же значитъ этотъ *минимум*, какъ не исключеніе изъ проектируемаго г. Кошелевымъ сословія всѣхъ тѣхъ, кто окажется ниже этого *минимум*, т. е. будетъ не крупный землевладѣлецъ? Развѣ такое сословіе, по отношенію ко всѣмъ, не подошедшимъ подъ *минимум*, мы не имѣли право назвать привилегированнымъ сословіемъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ? На стр. 62, г. Кошелевъ, продолжая свои разсужденія 40-й страницы, самъ обмолвился и прямо назвалъ такихъ землевладѣльцевъ «болѣе или менѣе крупными.» Отсюда мы могли заключить, что г. Кошелевъ исключаетъ мелкопомѣстныхъ дворянъ изъ уѣздной единицы. Еще разъ повторяемъ, что въ «Голосѣ изъ земства» очень часто попа-

дается игра словъ, или иначе мы не въ состояніи себя объяснить, какъ могли помѣститься въ этой брошюрѣ рядомъ предложенія самыя широкія съ различными узкими ограниченіями. Вотъ образецъ: на той же стр. 40, мы читаемъ, что дворянство должно сдѣлаться съ земствомъ «откровенно, безъ всякаго притворства, не умаляясь, сохраняя то, что имѣеть..... не исключительно, не замкнуто привилегированно» и т. д. А на стр. 69, авторъ рассуждаетъ такъ: «Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній и нѣкоторыя другія права, воими пользуются дворяне, должны быть также распространены, *если не на все земство*, то по крайней мѣрѣ на все землевладѣльческое состояніе». Итакъ, когда дѣло дошло до тѣлесныхъ наказаній, то землевладѣльческое состояніе у г. Кошелева тотчасъ себя исключило изъ земства, оставивъ розги за земствомъ. Последнее очень понятно, но зачѣмъ было выше, на стр. 40, такъ либерально распинаться и говорить противъ всякой исключительности и замкнутыхъ привилегій? По указанному примѣру о розгахъ видно, что въ идеѣ г. Кошелева раздѣлены рѣзко другъ отъ друга землевладѣльческое состояніе, основанное на известномъ *minimum*, изъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, и какое-то земство: первое освобождается отъ тѣлесныхъ наказаній и пользуется «нѣкоторыми другими правами», а послѣднее подвергается тѣлесному наказанію и обходится безъ тѣхъ «нѣкоторыхъ правъ».

Исторія царствованія императора Александра I в Россіи въ его время. Сочиненіе автора Исторіи отечественной войны 1812 года. Четыре тома. Спб. 1869.

Литература нашей новѣйшей исторіи идетъ чрезвычайно неровно. Нельзя вовсе сказать, чтобы ей посвящалось мало трудовъ, или мало интереса со стороны читающей публики; напротивъ, трудовъ и интереса довольно, но тѣмъ не менѣе, самый составъ ея до сихъ поръ чрезвычайно случайный. За исключеніемъ двухъ, трехъ книгъ, въ ней совершенно нѣтъ цѣльныхъ трудовъ, которые обнимали бы значительные періоды времени или представляли бы попытки органическаго изложенія основныхъ фазисовъ русской исторіи. Разработка предмета обратилась почти исключительно на частности.

«Русскій Архивъ» служитъ лучшимъ предствителемъ этой разработки: это—сборъ всевозможнаго сырого матеріала, важнаго и весьма много, изъ котораго читатель можетъ воспользоваться со множествомъ отдѣльныхъ событій, узнать кучу анекдотическихкихъ свѣдѣній, часто самаго противорѣчиваго свойства, и потому оставаться все-таки съ самымъ смутнымъ понятіемъ о цѣлхъ историческихкихъ періодахъ. Во всей литературѣ по новѣйшей нашей исторіи господствуетъ такая же отрывочность и безсвязность: за исключеніемъ чисто политической и военной исторіи, которую до послѣдняго времени почти только и ограничивалась наша историографія, вса остальная историческая жизнь новѣйшей Россіи известна намъ только эпизодически, отдѣльными частями; въ этой послѣдней до сихъ поръ остается много явленій, еще не подвергавшихся вовсе историческому изслѣдованію, много событій, совершенно недоступныхъ для историка.

Это положеніе дѣла въ большой степени зависитъ отъ самаго состоянія источниковъ. До послѣднихъ лѣтъ новѣйшая исторія только въ исключительныхъ случаяхъ была возможна для литературы: не только времена Александра I, но даже времена Екатерины II, считались слишкомъ близкими и для нихъ еще не допускались историческая критика; значительное количество писемъ, мемуаровъ и т. п. изъ этого времени, напечатанныхъ, въ послѣдніе годы, еще недавно считались неудобными для печати. Матеріалы другого рода, хранящіеся въ правительственныхныхъ архивахъ, и вовсе не были доступны; теперь архивы раскрылись до нѣкоторой степени, но въ сущности остаются все еще доступны только для очень немногихъ, такъ что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, историкъ не можетъ и теперь расчитывать на нихъ. То, что было известно изъ нихъ до сихъ поръ, было также отрывочно, и извлекалось по случайному интересу тѣхъ, кому эти матеріалы бывали нѣсколько доступны.

При такомъ положеніи вещей, естественно, затрудняется всякій трудъ, который бы захотѣлъ обнять какой-либо обширный періодъ новѣйшей исторіи и рассмотреть его со всѣхъ сторонъ политической и внутренней національной жизни. Кромѣ отсутствія, во многихъ случаяхъ, достаточной разработки уже известнаго, историкъ можетъ встрѣтить и отсутствіе са-

наго первоначальнаго матеріала для тѣхъ или другихъ частей своего труда. Невозможно по-этому заявлять слишкомъ высокихъ требованій отъ подобнаго труда, обставленнаго въ настоящее время самыми неблагоприятными условіями. При всемъ томъ, труды подобнаго рода составляютъ насущную потребность для литературы, потому, что — при всей неполнотѣ отдѣльныхъ частей — они однако направляютъ историческій интересъ на цѣлый періодъ или на цѣлое обширное явленіе, и отвлекая вниманіе отъ чисто анекдотической исторіи, напоминаютъ изслѣдователямъ и читателю о внутреннемъ смыслѣ эпохи и ея историческомъ значеніи. Съ другой стороны, труды подобнаго рода обыкновенно собираютъ прежнія изслѣдованія, и завершая ихъ, даютъ точку опоры для послѣдующей разработки, и, если даже не разрѣшаютъ уже поставленныхъ историческихъ вопросовъ, то содѣйствуютъ болѣе опредѣленной ихъ постановкѣ. Наконецъ, они могутъ въ особенности служить для той большой части публики, которая не можетъ изучать исторіи въ ея источникахъ и естественно ищетъ общихъ обзоръ.

Книга М. И. Богдановича о царствованіи императора Александра принадлежитъ именно къ такимъ цѣльнымъ трудамъ, о важности которыхъ мы говорили, и въ этомъ смыслѣ критика признаетъ ея несомнѣнныя достоинства. Если можно указать въ сочиненіи г. Богдановича недостатки, то тѣмъ не менѣе мы должны будемъ допустить, что его первый опытъ цѣлой исторіи эпохи, до сихъ поръ мало изучаемой, съ успѣхомъ выполняетъ свою задачу. Въ своемъ полномъ составѣ, этотъ трудъ будетъ заключать до шести томовъ: въ первыхъ четырехъ, вышедшихъ теперь, описано время 1801 — 1814 г.; остальные обнимаютъ послѣдніе годы царствованія. Способъ изложенія, котораго держался авторъ, есть простое послѣдовательное изложеніе фактовъ, главнымъ образомъ фактовъ вышней государственной исторіи — правительственной дѣятельности въ администраціи, дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ. Авторъ начинаетъ прямо съ біографическихъ свѣдѣній объ императорѣ Александрѣ, рассказываетъ о его дѣтствѣ и воспитаніи, касаясь только въ общихъ чертахъ царствованій Екатерины и Павла, переходитъ затѣмъ къ царствованію Александра, и излагаетъ личную ис-

торію императора, и правительственную дѣятельность по разнымъ отраслямъ управленія внутренняго и вышняго, вводя при случаѣ характеристики лицъ, игравшихъ главныя роли въ правительственной сферѣ. Исторія officialной правительственной дѣятельности главнымъ образомъ привлекаетъ вниманіе г. Богдановича. Критика событій ограничивается ближайшимъ объясненіемъ ихъ, не вдаваясь въ болѣе обширныя историческія заключенія и выводы. Авторъ вообще удачно распределяетъ свой матеріалъ, и его изложеніе имѣетъ значительную наглядность; но можно желать, чтобы авторъ, не ограничиваясь чисто officialной исторіей, болѣе обращалъ вниманія на то, какъ officialная дѣятельность правительства отражалась на управляемыхъ, и какъ, обратно, характеръ и нравы общества воздѣйствовали на правительственныя дѣла. Г. Богдановичъ въ этомъ отношеніи остается еще вѣрнѣе прежнимъ требованіямъ, и за исторіей officialной обращаетъ недостаточно вниманія на движеніе самаго общества и народной жизни. Впрочемъ, наше сужденіе въ этомъ смыслѣ не можетъ быть окончательнымъ, такъ какъ автору еще предстоитъ рассказать время, очень важное и въ личной судьбѣ императора Александра, и въ судьбѣ нашего общественнаго развитія, въ которомъ тогда въ первый разъ пробуждался съ нѣкоторой силой новыя стремленія и нѣкоторое политическое самосознаніе, а именно, начиная съ 1815 года, на которомъ г. Богдановичъ остановился.

Источники, которыми пользовался авторъ, конечно, весьма разнообразны: они обнимаютъ весь главный, до сихъ поръ извѣстный матеріалъ, и кромѣ того авторъ вводитъ также много новыхъ свѣдѣній, заимствованныхъ имъ изъ государственныхъ архивовъ и частныхъ неизданныхъ источниковъ. Изъ числа послѣднихъ укажемъ напримѣръ: бумаги графа П. А. Строганова, который пользовался особеннымъ расположеніемъ императора и въ первые годы былъ однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ; письма Н. Н. Новосильцева; записки барона М. А. Корфа; историческія замѣтки, письма и мемуары П. А. Тучкова, генерала Раевского, Щербинина и др. Въ приложеніяхъ г. Богдановичъ приводитъ нѣкоторые подобныя матеріалы, также документы фінансовыя и военные. Весьма любопытны въ особенности

извлечения изъ «засѣданій неофициальнаго комитета», существовавшаго въ первые годы царствования и состоявшаго изъ довѣреннѣйшихъ друзей императора въ то время; протоколы этихъ засѣданій были ведены упомянутымъ П. А. Строгановымъ. Жаль только, что г. Богдановичъ не вполне передаетъ нѣкоторыя мѣста этихъ «засѣданій» (напр. тѣ, которыя были изложены въ его статьѣ въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., мартъ, стр. 172 и слѣд.); эти засѣданія чрезвычайно любопытны по свойству возникавшихъ въ нихъ вопросовъ и предлагавшихся рѣшеній, и дать о нихъ совершенно точное повѣдѣ значило бы указать одно изъ самыхъ характерныхъ проявленій той эпохи.

Въ библиографической статьѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на частностяхъ книги г. Богдановича. Намъ достаточно повторить въ заключеніе, что сочиненіе г. Богдановича составляетъ вообще весьма важный вкладъ въ нашу историческую литературу и восполняетъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ ея пробѣловъ. Авторъ собралъ много важныхъ свѣдѣній и полезныхъ указаній, которыя значительно облегчатъ дальнѣйшую разработку предмета. Читающая публика вѣроятно уже оцѣнитъ трудъ г. Богдановича, доставляющій ей занимательно написанную книгу объ историческомъ періодѣ, до сихъ поръ мало извѣстномъ.

А. П.

Столбы. Старая погулка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Слб. 1869. Стр. 208.

Разсказъ г. Крылова написанъ живо и горячо. Исторія, повѣствуемая авторомъ, далеко не весела и тѣмъ болѣе не весела, что она дышетъ такою правдою, въ ней такъ мало «измышленнаго», такъ много мелкихъ подробностей, придумать которыя отказалась бы, кажется, самая богатая фантазія, и ни на одну минуту нельзя сомнѣваться, чтобы разсказъ этотъ былъ простымъ вымысломъ, чтобы въ немъ не скрывалась горькая истина. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы авторъ непременно изобразилъ дѣйствительно случившееся дѣло; можетъ быть, книга эта является результатомъ многихъ наблюденій въ различныхъ мѣстностяхъ, важенъ тутъ не самый случившійся фактъ, не самое дѣло, подлежащее уголовному преслѣдованію, важно то, что подобныя дѣла могутъ случаться, важна тутъ кар-

тина, наглядно представляющая иногда беззащитное положеніе крестьянъ, силу ихъ бывшихъ владѣльцевъ, сдѣлавшихся посредниками, мировыми судьями и т. д., силу, направленную не въ торжество справедливости, а на служеніе личнымъ интересамъ. Такова, вѣроятно, была и мысль автора книги, который, обобщая известный фактъ и придавая ему повѣствовательную форму, какъ бы хотѣлъ этимъ сказать, что данный случай вовсе не представляется исключеніемъ, что подобный ему можетъ приключиться сплошь и рядомъ, потому что во многихъ еще мѣстахъ не пропали нравы, созданные крѣпостнымъ правомъ. Нравы эти безъ сомнѣнія и не могли исчезнуть такъ скоро; то, что создается вѣками, то не уничтожается въ два-три года. Если вводимыя уже въ народъ реформы не приносятъ тотчасъ всѣхъ ожидаемыхъ отъ нихъ благъ, то обвинять нужно, безъ сомнѣнія, не эти реформы, а самое общество, коснѣющее въ невѣжествѣ и не умѣющее отрѣшиться отъ привычекъ, возрѣвнѣй, созданныхъ вѣковымъ рабствомъ, внесшимъ въ общественныя отношенія крайнюю испорченность и извращенность. Для того, чтобы помочь дѣлу, чтобы одолѣть зло, нужно, безъ сомнѣнія, не урѣзывать реформы, не ограничивать не укорачивать ихъ, какъ многимъ бы, можетъ быть, этого хотѣлось, а напротивъ, прилагать ихъ со всею возможною шириною, безъ малой боязни, безъ ложнаго страха. Тогда только онѣ принесутъ зрѣлые плоды, тогда только сдѣлаются невозможны такіа вопіющія дѣла, какъ дѣло, разсказанное въ названной нами книгѣ.

Если разсказъ о «Столбахъ», оставившій самое тяжелое и грустное впечатлѣніе, интересенъ для всей вообще читающей публики, то чтеніе его было бы особенно назидательно для тѣхъ, которые заражены несчастною маніею чернить народъ и восхвалять исключительно какое-нибудь сословіе. Самъ авторъ вовсе не принадлежитъ къ подобному роду людей: онъ не писалъ свой разсказъ, чтобы очернить кого-нибудь и возвеличить другихъ, и прочитавъ его, нельзя не вѣрить словамъ, которыя онъ говоритъ въ предисловіи: «Я собственно и не думалъ о дворянствѣ, когда писалъ мой разсказъ; дѣйствующія лица его являлись мнѣ просто людьми, болѣе или менѣе хорошими или дурными, какъ встрѣчаешь ихъ

всегда и всюду, во всякой средѣ, во всякомъ сословіи». Если «Столбы» и выводить на сцену такихъ помѣщиковъ, какъ Фискели, Куличевы, то только какъ свидѣтельство, что такія личности не перевелись на русской землѣ; но, къ счастью, они не составляютъ общаго правила, какъ не составляютъ общаго правила и пьянство, лѣность, воровство, грабежъ и всѣ остальные пороки, въ которыхъ съ такимъ азартомъ обвиняютъ чуть не весь русскій народъ всѣ оплакивающіе крѣпостное право и видящіе въ его уничтоженіи корень всѣхъ золъ.

Мы не станемъ передавать самаго дѣла о столбахъ, отсылая читателей къ самой книгѣ, на которую мы хотѣли только обратить вниманіе читателей. Скажемъ только одно слово, чтобы пояснить это, на первый взглядъ странное названіе разсказа. Въ какомъ-то уѣздѣ, по прозванію Провалишенскомъ, созвали разъ крестьянъ одного имѣнія, принадлежащаго дворянину Фискелю, въ волостное правленіе. Когда они собрались, старшина обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «вы, говоритъ, мошенники, у васъ столбы не по мѣркѣ стоятъ!» — Какіе, отвѣчаютъ мужики, столбы? — «А между-ыме знаки, что на границѣ съ барниновой землей стоятъ. Вотъ, говоритъ, это землемѣръ съ мирового съѣзда присланъ—и берите вы цѣпь, и пойдемъ всѣ вмѣстѣ ваши границы повѣрять.» «Оказалось, что въ самомъ дѣлѣ столбы не на мѣстѣ: гдѣ не прикинемъ, все невѣрно, да не вѣрно! Надо быть между столбами двѣсти сажень—анъ больше, надо сто пятьдесятъ—анъ больше.» Немедленно столбы стали переставлять, а съ крестьянъ потребовали штрафъ за то, что столбы оказались у нихъ невѣрные. Виновниками впрочемъ оказались совсѣмъ не крестьяне. Староста, которому самому поручено было измѣрить свою землю, собралъ со-сѣдей и отправился измѣрять; оказалось, что и у него все не вѣрно. Сомнѣніе закралось въ его душу, потому что, какъ говоритъ онъ, „мою границу я допрежъ того самъ мѣрилъ и столбы самъ ставилъ, и доподлинно зналъ, что мои столбы вѣрно стоятъ, и сколько въ планѣ написано, столько у меня сажень вездѣ“. Староста не остановился на сомнѣніи, и напалъ на счастливую мысль измѣрить цѣпь, которою измѣряли границы. „Смѣрилъ—гляжу: въ цѣпи десяти сажень вѣтъ, поменьѣ будетъ маленько...

Сталъ считать сколько годомятъ (звенья)—на-считалъ шестьдесятъ девять голомятъ, а надо быть семьдесятъ. Выходитъ цѣпь-то незаконная“. Завязалось такимъ образомъ уголовное дѣло, всѣ очень хорошо знали, что виноватъ Фискель, управляющій, землемѣръ; но крестьяне народъ маленькій, а господа Фискели народъ сильный, и потому на сторонѣ послѣднихъ были и долго еще будутъ всѣ шансы, если не выиграть такое дѣло, то во всякомъ случаѣ и не уйти въ Сибирь за совершенное уголовное преступленіе. Подробному описанію этого дѣла, его хода, и посвящена книга, изданная г. Крыловымъ. Но мы еще разъ повторимъ, какъ ни интересно самое дѣло, но едва ли еще не интереснѣе представленная тутъ картина нравовъ и дѣйствій всевозможныхъ Фискелей, Куличевыхъ, всѣхъ ихъ интригъ и всего ихъ вліянія.

Во всякомъ случаѣ, мысль облечь судебное дѣло, любопытный процессъ въ повѣствовательную форму, придать ему до извѣстной степени художественное изображеніе, такая мысль принадлежать къ очень удачнымъ. Она не есть собственность автора „Столбовъ“ потому что въ заграничной литературѣ, и особенно во французской этотъ родъ разсказовъ занимаетъ давно почетное мѣсто. Разумѣется, мы далеки отъ мысли приравнять эту попытку къ произведеніямъ извѣстныхъ французскихъ писателей, но не будемъ также слишкомъ строги чуть ли не къ первому опыту подобнаго рода въ отечественной литературѣ. Безъ сомнѣнія, разсказъ этотъ могъ быть написанъ съ большею законченностью, съ большею отдѣлкою, съ большимъ, наконецъ, искусствомъ, но и въ настоящемъ видѣ онъ представляетъ много любопытнаго и, главное, назидательнаго.

в.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. — Томъ третій. *Евгеній Отчизнѣ* и драматическія произведенія. Изданіе второе, книгопродавца Я. А. Исакова. Спб. 1869.

Тридцать два года минуло съ тѣхъ поръ, какъ преждевременная смерть похитила у Россіи ея величайшаго поэта. Въ этотъ періодъ времени, русская литература пережила много, видѣла годы мрачныя, и годы ясныя, когда для творчества открывались горизонты довольно пространныя. Но *полнаго* Пушкина въ печати русская публика не знаетъ до сихъ поръ.

Первое изданіе его сочиненій, пропущенное сквозь очистительный огонь цензуры и друзей поэта, которые старались на раны наложить заплатки собственного сочиненія, было крайне неудовлетворительно. Это изданіе существовало до 1855 года, когда П. В. Анненков съ величайшею добросовѣстностью и умѣньемъ разобралъ бумаги поэта и привагъ его произведенія въ порядокъ. Подъ редакціей человѣка, такъ основательно и всесторонне изучившаго и жизнь поэта и его сочиненія, могло бы выйти изданіе образцовое. Въмѣстѣ съ дополнительнымъ томомъ, вышедшимъ немного позже остальныхъ, изданіе г. Анненкова дѣйствительно вышло образцовымъ, за исключеніемъ того, что совершенно не отъ него зависѣло. Затѣмъ сочиненія Пушкина перешли въ собственность г. Исакова, который и издалъ ихъ въ 1859 году несравненно хуже, какъ въ типографскомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Изданіе г. Анненкова сдѣлалось большою рѣдкостью и цѣнится въ настоящее время вдвое противъ прежней цѣны своей. Слустя десять лѣтъ, г. Исаковъ предпринимаетъ теперь новое, первое *безцензурное* изданіе. Извѣстно, что съ 1859 г. многое измѣнилось въ лучшему даже во взглядахъ официальныхъ блюстителей чистоты и нравственности въ нашей литературѣ, чему ясный примѣръ представляетъ, во-первыхъ, полное изданіе «Горе отъ ума» и, во вторыхъ, тоже почти полное изданіе сочиненій Лермонтова. Но г. Исаковъ ограничился однимъ перепечатаніемъ. Не знаемъ, что представлять слѣдующіе томы, которые печатаются, но напечатанный третій томъ вызываетъ противъ себя замѣчанія. Въ третьемъ томѣ второго изданія не только воспроизведены опечатки перваго изданія, но добавлена масса новыхъ, иногда искажающихъ смыслъ, иногда нарушающихъ стихотворную мѣру. Говоря «масса опечатокъ», мы нисколько не преувеличиваемъ дѣла: есть, конечно, страницы свободныя отъ нихъ, но есть и такія, гдѣ онѣ попадаются на всякомъ шагу. Мы не преувеличиваемъ также нисколько, говоря, что во второмъ изданіи воспроизведены самыя крупныя опечатки перваго. Вотъ два примѣра изъ множества другихъ. На стр. 35 перваго изданія, стр. LX, глава первая, напечатано:

И заслужи мнѣ *сдавы* дань.

На стр. 32, 2-го изданія, этотъ стихъ воспроиз-

веденъ во всей своей прелесть, то есть вмѣстѣ «сдавы»—стоитъ опять «сдавы». Въ пьесѣ «Моцартъ и Сальери», какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи, въ заключительныхъ словахъ Сальери напечатано:

... Неправда:

И Бонаротти? Иль это сказка, и проч.

Слѣдуетъ «А Бонаротти». Понятно, что маломальски грамотный человѣкъ, если бы такому лицу поручилъ г. Исаковъ наблюдение за изданіемъ, не допустилъ бы подобныхъ искаженій. Что касается опечатокъ новыхъ, то онѣ безчисленны и бросаются въ глаза даже при бѣгомъ просмотрѣ третьяго тома. Укажемъ на нѣкоторыя:

Я *бала*-бы до сихъ поръ любилъ...

О *челомѣтъ*, очень намъ знакомомъ...

Все за единый, благосклонный *взглядъ*...

Аль *юрьники* отъ пѣня пересошли...

Стр. 340 представляетъ особенно поразительный примѣръ:

Сальери.

Иль перечти *женитьбу Виетро.*

Моцартъ.

Да, Бомарте *вѣдъ* былъ тебѣ *пріятель*:

И для него Тарара сочинилъ,

Вещь славою. Тамъ есть одинъ *мотивъ*...

Я все *твержеду* его, когда я *счастливъ*...

Въ пяти строкахъ три опечатки, и этотъ примѣръ далеко не единственный. Не были ли бы мы правѣ сказать, что второе изданіе сочиненій Пушкина не просматривалъ даже грамотный корректоръ? Между тѣмъ мы хотѣли бы отъ г. Исакова ждать не только корректнаго, но и *полнаго* собранія сочиненій Пушкина: ему слѣдовало бы замѣнить цензурныя точки словами, а онѣ не рѣшился вставить въ новое изданіе даже самыхъ невинныхъ словъ, вычеркнутыхъ въ первомъ рукою цензуры. Вотъ одинъ изъ примѣровъ весьма наглядныхъ. Въ вариантѣ къ строфѣ XVII, гл. I «Евгенія Онѣгина», есть слѣдующія строки:

Уже раздался звонъ.....,

Среди разбросанныхъ колодъ

Дремалъ усталый банкومترъ,

А я все тотъ же бодръ и блѣденъ, и проч.

Прежняго времени цензоръ руководствовался, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что для праведнаго уха неприятно будетъ встрѣтить «звонъ»

обѣденъ, рядомъ съ «разбросанными колодами» или тѣмъ, что для русскаго человѣка невозможно даже самое занятіе игрою въ банкъ тогда раздастся «звонъ обѣденъ», и выпустилъ то послѣднее слово въ первомъ стихѣ. Во второмъ изданіи тотъ же выпустилъ!

А между тѣмъ, настоящее время вполне благопріятно для полнаго изданія сочиненій Пушкина. Издатель рѣшительно ничѣмъ бы не рисковалъ, еслибъ возстановилъ текстъ ихъ вполне; исключенію могли бы подвергнуться развѣ только двѣ-три пьесы, какъ напр. «Гавриліада», «Вольность» и двѣ-три эпиграммы, за что на издателя никто бы и не въ правѣ претендовать. Кромѣ того, съ 1859 г., когда появилось первое Исаковское изданіе Пушкина, обнаружено множество писемъ поэта къ разнымъ лицамъ, явилось въ печати много вариантовъ и цѣлыхъ стихотвореній, явилось много воспоминаній о немъ, въ которыхъ не мало можно было почерпнуть объясненій къ разнымъ пьесамъ, и проч. Всѣмъ этимъ можно бы воспользоваться, не затрачивая на то ни особеннаго капитала, ни особеннаго труда.

Жизнь насѣкомыхъ. Луи Фигье. Съ 602 рисунками. Изданіе редакціи журнала *Всемирный Путешественникъ*. Спб. 1869 г.

Луи Фигье принадлежитъ къ числу самыхъ неутомимыхъ французскихъ популяризаторовъ. Геологія, исторія, географія, ботаника, зоологія, механика, энтомологія—за все онъ брался, все старался облечь въ привлекательныя формы изложенія и иллюстрировать рисунками лучшихъ художниковъ. Въ большинствѣ многочисленныхъ сочиненій Фигье, художественная часть, то-есть рисунки, выходила лучше и привлекательнѣе текста. Оно и понятно: нельзя любить все одинаково, нельзя все одинаково хорошо знать и, слѣдовательно, передавать съ одинаковымъ талантомъ и интересомъ. Воображеніе бессильно въ предѣлахъ точной науки; цвѣтами краснорѣчія и внѣшними, рутинными приѣмами заинтересовать читателя—будетъ трудно. Популяризаторъ, не достаточный знакомый съ предметомъ, очень часто привужденъ довольствоваться простою выпискою изъ ученаго сочиненія или перифразомъ компетентнаго спеціалиста. Вслѣдствіе этого, несмотря на всѣ старанія популяризатора, компиляція его выходитъ довольно жидкою и без-

жизненною. Съ Луи Фигье случалось это не разъ: между его сочиненіями есть совершенно ничтожныя, какъ напр. «La terre et les mers», есть и такія, которыя исполнены грубѣйшихъ ошибокъ и не могли бы рассчитывать на хорошей приѣмъ публики, еслибъ не были украшены превосходными рисунками. «Жизнь насѣкомыхъ» принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ его компиляціямъ, хотя не можетъ выдержать сравненія съ превосходнымъ англійскимъ сочиненіемъ Керби и Спенса: «Общая естественная исторія насѣкомыхъ», существующимъ и на русскомъ языкѣ въ переводѣ г. Мина. Къ сожалѣнію, въ сочиненіи Керби и Спенса дано слѣпкомъ много развитія теологическому настроенію авторовъ и издано оно безъ рисунковъ, всегда такъ сильно способствующихъ запечатлѣнію известнаго предмета или факта въ памяти. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Жизнь насѣкомыхъ» Фигье удовлетворитъ самыхъ требовательныхъ читателей: рисунки, которыми оно украшено, передаютъ не только изображеніе насѣкомыхъ, но сцены изъ ихъ жизни, также сцены изъ жизни людей, когда насѣкомыя играютъ большую роль, и сцены изъ промышленной и фабричной дѣятельности, когда насѣкомыя или ихъ продукты служатъ орудіемъ производства. Кромѣ того, много портретовъ замѣчательныхъ энтомологовъ. Само изложеніе удовлетворительно и читается съ интересомъ, благодаря тому, что энтомологія вообще наука увлекательная: насѣкомыя разсѣяны повсюду, они, такъ сказать, у всякаго подъ рукою, съ ихъ непродолжительной, но полной тревоженіями жизнью, съ ихъ постоянной борьбой за существованіе, съ ихъ ухищреніями, заботой и тревогами.

Упомянувъ о важности рисунковъ въ популярныхъ книгахъ по естествознанію, скажемъ, что это изящное искусство вполне приложено къ естественной исторіи впервые женщиною, Сивиллою Меріанъ, родомъ изъ Базеля. Ея отецъ, братья и дѣти были замѣчательными граверами, сама она прекраснымъ живописцемъ по части цвѣтовъ. Пристрастившись къ естествознанію, она, будучи уже 54 лѣтъ отъ роду, отправилась въ экваторіальную Америку, чтобъ наблюдать тамъ природу во всемъ ея блескѣ и великолѣпіи. Тотчасъ по своемъ прибытіи, она отважно пустилась въ болотистыя равнины и жгучія долины Гвианы, въ сопровожденіи не-

многихъ проводниковъ. Пробывъ два года въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, она собрала обильную жатву для своихъ рисунковъ и картинъ и написала сочиненіе, которое было издано на трехъ языкахъ: «Превращеніе суринамскихъ насѣкомыхъ» — и которымъ она стажала себя

почетную извѣстность. Въ рисункахъ своихъ Сивилла Меріанъ изображала насѣкомыхъ со всей ихъ обстановкой: корни и растенія, служащія для пищи насѣкомаго, и животныя, какъ большія, такъ и малыя, ведущія войну съ этими насѣкомыми. А. С.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen“ (Изъ записокъ русскаго декабриста). Leipzig, bei S. Hirzel, 1869.

Таково заглавіе книги, вышедшей недавно въ Лейпцигѣ у книгопродавца Гирцеля, и представляющей, судя по отзывамъ, большой историческій интересъ для изученія временъ императора Александра. Не имѣя въ рукахъ самой книги, мы приведемъ пока отзывъ одной нѣмецкой газеты, дающей понятіе объ ея содержаніи и достоинствахъ:—судя по тону отзыва, онъ долженъ быть безпристрастенъ къ книгѣ неизвѣстнаго автора.

«Изъ числа неудавшихся революціонныхъ pronüciamento, относящихся къ 1820—1830 годамъ, всего меньше извѣстно русское, 14 декабря 1825 г. И однако же эта революціонная попытка, игравшая такую значительную роль въ исторіи внутренней политики императора Николая и имѣвшая сильное вліяніе на направление его взглядовъ, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, въ особенности въ томъ, что она была предпринята извѣстнымъ кружкомъ знатныхъ молодыхъ аристократовъ, которые съ такой силой одушевились идеями своего времени, что, безъ всякой надежды на успѣхъ прямо шли на свою гибель. Въ то время, какъ аристократія всей остальной Европы собралась вокругъ предводителей реставраціонной политики Меттерниха и его помощниковъ и прямо стремилась къ восстановленію средневѣковыхъ формъ и учрежденій, когда одушевленная преданность «престолу и алтарю» была главнымъ условіемъ принадлежности къ «хорошему обществу», въ то время въ самой неограниченной изъ европейскихъ монархій смыслъ высшего дворянства составили тайное общество, поставившее себя задачей примѣненіе самыхъ крайнихъ требованій западно-европейскаго ра-

дикализма и стремившееся къ тому «священному союзу народовъ» (sainte alliance des peuples), который въ другихъ мѣстахъ проповѣдывали въ массахъ самые передовые предводители третьяго сословія.»

«Изъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ заговоръ декабристовъ, собственно говоря, въ массѣ публики извѣстны только два (авторъ называетъ сочиненіе барона М. А. Корфа и книжку, изданную г. Герценомъ, находя, что обѣ книги выражаютъ мнѣнія партій). Тѣмъ притѣмъ встрѣтитъ новую публикацію объ этомъ предметѣ, только-что вышедшую изъ печати, и гдѣ одинъ изъ немногихъ, остающихся въ живыхъ участниковъ возстанія 1825 года, изображаетъ не только самое возстаніе, но и его предыдущую исторію, ходъ развитія тайныхъ политическихъ обществъ въ Россіи и наконецъ чрезвычайно замѣчательную участь людей, съ которыми онъ долженъ былъ искупить свое юношеское заблужденіе въ петербургскихъ казематахъ и въ пустыняхъ Сибири...»

«Неизвѣстный авторъ (рассказъ котораго съ перваго раза внушаетъ довѣріе своей простотой, достоинствомъ и скромностью, и производить впечатлѣніе самой добросовѣстной правдивости и достовѣрности) не былъ въ числѣ руководителей заговора. Приговоръ, постигшій участниковъ этого безумнаго предпріятія, причисляетъ его къ государственнымъ преступникамъ пятой категоріи — онъ не былъ даже на Сенатской площади, которая 14 декабря 1825 г. была сборнымъ мѣстомъ мятежниковъ, не хотѣвшихъ присягать императору Николаю; онъ игралъ, однако, роль въ исторіи этого памятнаго дня: онъ былъ поручикомъ (Oberlieutenant?) финляндскаго гвардейскаго полка и занималъ самый важный изъ мостовъ, который должны были проходить полки, оставшіеся вѣрными императору, и этимъ сдѣлалъ то, что звѣ-

чительная часть этихъ войскъ не явилась въ рѣшительную минуту на мѣсто. Онъ былъ арестованъ на другой день, и такъ какъ всѣ гауптвахты и военныя тюрьмы были полны, то онъ содержался, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ одномъ уголкѣ Зимняго дворца, пока, наконецъ, съ него снятъ былъ допросъ въ присутствіи и съ участіемъ императора, однимъ генералъ-адъютантомъ; послѣ чего онъ былъ отправленъ въ Петропавловскую крѣпость. Та часть мемуаровъ, гдѣ описывается пребываніе въ этой тюрьмѣ, допросы, судебный процессъ въ особомъ, тогда для этого назначенномъ составѣ суда, принадлежить къ самымъ интереснымъ мѣстамъ всей книги, и замѣчательна особенно потому, что въ процессѣ, чрезвычайно своеобразномъ, участвовали всѣ важнѣйшія доверенныя лица императора; имена Адлерберга, Бенкендорфа, военнаго министра Чернышева и извѣстнаго кодификатора Сперанскаго являются почти на каждой страницѣ. Далѣе, чрезвычайно поразительно изображена, по разслазамъ очевидцевъ, казнь пяти предводителей заговора. По объявленіи приговора, авторъ, въ ташкентскихъ кандалахъ, дѣлаетъ съ тремя спутниками путь почти въ 1,000 нѣмецкихъ миль, въ западную Сибирь, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ въ каторжной работѣ, съ 80-ю другими государственными преступниками, которые всѣ принадлежали къ самымъ богатымъ и знатымъ дворянскимъ фамиліямъ; за восемью изъ этихъ смѣльныхъ (въ числѣ ихъ былъ и авторъ) послѣдовали въ холодныя пустыни Сибири и ихъ жены, выросшія въ роскоши и благосостояніи, чтобы, преодолевъ почти невѣроятныя затрудненія разнаго рода, раздѣлить участь своихъ мужей въ петровскихъ тюрьмахъ: свое званіе, имущество, гражданскія права, надежду на возвращеніе, даже дѣтей, родившихся прежде, они оставили въ Европѣ. По истеченіи срока каторжной работы, назначаемой приговоромъ, за ней слѣдуетъ поселеніе въ маленькихъ сибирскихъ городкахъ; нашъ авторъ былъ назначенъ въ тотъ Курганъ, гдѣ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ Коцебу провелъ «замѣчательнѣйшій годъ своей жизни». Внезапное посѣщеніе Великаго Князя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Императора Александра, прерываетъ сумрачную, бездѣльную жизнь, которую вели въ пустыняхъ изгнанники съ своими выросшими семьями, и доставляетъ имъ помилованіе, т.-е.

они были посланы солдатами на Кавказъ; только послѣ продолжительнаго пребыванія въ горахъ Грузіи авторъ «Записокъ» получилъ позволеніе оставить военную службу и воротиться въ Европу — онъ былъ счастливецъ большинства своихъ товарищей, которые (т.-е. оставшіеся въ живыхъ) могли покинуть ссылку и возвратиться въ цивилизованный міръ только по восшествіи на престолъ Александра II.

«Такова вѣднѣйшая рамка разсказа, который, обстоятельно изображая сибирскую и кавказскую жизнь, эпизоды изъ жизни многихъ лицъ, важныхъ для исторіи Россіи и пр., съ настоящимъ романическимъ интересомъ соединяетъ полезныя свѣдѣнія о самыхъ разнообразныхъ областяхъ русской жизни, и по своей простотѣ и наглядности, и особенно по правдивости своихъ изображеній можетъ разсчитывать на очень обширный кругъ читателей. Но съ политической и исторической точки зрѣнія, главный интересъ этой книги заключается въ иномъ: это — живое свидѣтельство той непреодолимой силы, какую именно во времена реставраціи имѣли въ образованныхъ слояхъ русскаго общества либеральныя и космополитическія идеи, — вообще, это поучительный вкладъ въ исторію политическихъ нравовъ нашего столѣтія. Цѣля, къ которымъ стремились декабрьскіе заговорщики, были тѣже самыя, къ какимъ въ то же время стремились въ Италіи, Франціи, одной части Германіи и т. д.; въ нихъ не было никакой специфически-русской примѣси и онѣ дышутъ чисто западно-европейскимъ духомъ; революціонный духъ тогдашней русской молодежи приписываемъ былъ чтенію сочиненій Бенгтама и де-Траси даже старымъ военнымъ министромъ Татищевымъ, который хвалился, что никогда не имѣлъ въ рукахъ другой книги, кромѣ библии. Сила, дѣйствующая въ новѣйшей жизни народовъ, та національная идея, въ честь которой нынѣшняя Россія ведетъ истребительную войну противъ германскаго и польскаго элемента, противъ католичества и протестантства¹⁾, эта идея

¹⁾ Нѣмецкій рецензентъ, повято, намекаетъ на послѣднее возстаніе Польши и литературную войну съ газетами Остзейскаго края, издающимися на нѣмецкомъ языкѣ; но, собственнo говоря, и идея національности оная не есть «специфически-русская примѣса», такъ какъ борьба

неизвѣстна еще тогда и по имени; русскіе заговорщики ни на минуту не задумываются вести общее дѣло съ недовольными поляками. Несогласія между представителями обоихъ племенъ являются только потому, что у русскихъ преобладаютъ республиканскія, у поляковъ конституціонныя тенденціи; вопросъ о Литвѣ долженъ быть рѣшенъ просто волей мѣстнаго населенія и не представляетъ никакихъ затрудненій. Общество «соединенныхъ славянъ» даже поставило себя задачей связать оба народа братскимъ союзомъ федераціи, и эта мысль охотно принимается декабрьскими заговорщиками....

«Въ заключеніе замѣтимъ, что авторъ книги называетъ себя родомъ изъ Эстляндіи; при томъ безпристрастїи, съ какимъ различныя національности, живущія въ русскихъ предѣлахъ, относились тогда другъ къ другу, онъ также, какъ и различныя поляки, не усумнился ни мало принять участіе въ чисто русскомъ предпріятїи, — дѣло шло о проведеніи принциповъ, которые считались за общее достоинствѣ всѣхъ народовъ, за панацею противъ всѣхъ существующихъ золъ».

Такъ объясняетъ нѣмецкїй рецензентъ согласіе въ 20-хъ годахъ между авторомъ, уроженцемъ остзейскихъ провинцій, и русскими заговорщиками; хотя едва ли не проще было объяснить это явленіе тѣмъ, что авторъ находился въ военной службѣ и его личныя отношенія къ лицамъ русскаго происхожденія имѣли своимъ основаніемъ простое товарищество. По нашей догадкѣ, этотъ авторъ едва ли не то лицо, о которомъ другія воспоминанія тогдашнихъ людей говорятъ, что это былъ Р., «честнѣйшїй нѣмецъ».

Въ нашей литературѣ въ послѣднее время также начинаютъ появляться рассказы объ этихъ временахъ, которыя, безъ сомнѣнія, очень любопытны. Вѣроятно, и теперь еще не вполне наступило время для полной и вполне безпристрастной исторіи этой эпохи, но изученіе ея, во всякомъ случаѣ, было бы весьма важно для разъясненія понятій объ историческомъ движеніи русскаго общества. Мы согласны съ нѣмецкимъ критикомъ, что, какъ ни любопытна вышшая анекдотическая сторона этихъ рассказовъ, но ихъ главнѣйшїй ин-

тересъ заключается въ раскрытіи внутренняго процесса общественнаго развитія. Если представится возможность, мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ названными мемуарами, обративъ особенное вниманіе на эту послѣднюю историческую ихъ сторону.

А. Н.

Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten, von Theophil von Falken. Berlin 1869. (Изъ Дневника сосланнаго въ Сибирь. Т. Фалькена).

Образованный нѣмецъ, сосланный въ Сибирь, возвратившїйся оттуда на родину, и описывающїй свои испытанія, — это интересно, подумаетъ читатель, который догадывается, что г. фонъ-Фалькенъ былъ сосланъ въ Сибирь за преступленіе политическое и недоумѣваетъ, съ какой стати иностранецъ совершилъ въ Россіи политическое преступленіе. И, въ самомъ дѣлѣ, казусъ, случившїйся съ г. Фалькеномъ, интересенъ, но, кромѣ казуса, интереснаго въ книгѣ мало.

Казусъ же состоялъ вотъ въ чемъ. Г. Фалькенъ, природный нѣмецъ, изъ Берлина, въ 1862 году прїѣхалъ въ одну изъ губерній сѣверо-западнаго края, — какую именно, онъ не говоритъ, — управлять имѣніями нѣкотога графа, котораго онъ не называетъ. При возникновеніи скорѣ смутахъ онъ оставался, какъ говоритъ, совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ событїи и, между тѣмъ, попалъ, что называется, между двухъ огней. Революціонный комитетъ приговорилъ его къ смерти, а военное начальство арестовало его за то, что найка инсургентовъ, посѣтивъ замокъ, захватила тамъ нѣкія то свинцовыя доски. Какова была дальнѣйшая судьба его, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, отгадать не трудно. Пребываніе свое въ Вязкѣ онъ иллюстрируетъ нѣкоторыми не совсемъ вѣроятными подробностями. Такъ, онъ рассказываетъ, будто, когда онъ по-нѣмецки просилъ генерала Муравьева ускорить рѣшеніемъ по своему дѣлу, генералъ отвѣчалъ ему, что не желаетъ разговаривать на этомъ «телячьезычкѣ»; будто потомъ его посадили въ какой-то темный казематъ, въ которомъ полъ былъ усыпанъ и утыканъ осколками стекла и т. д. Однимъ словомъ, его отправили «по владышрѣ».

Описаніе этого путешествія и пребыванія на каторгѣ могутъ представлять интересъ для

Пруссїи съ Данїею представляетъ примѣръ такихъ же національныхъ тенденцій.

нѣмецкихъ читателей, хотя авторъ больше говоритъ о себѣ, чѣмъ о чемъ-либо другомъ, что объясняется и знакомствомъ его въ то время съ русскимъ языкомъ. Онъ говоритъ о «мертвомъ домѣ» (который такъ и называется) и при этомъ одна страница у него сильно напоминаетъ книгу Достоевскаго.

Само собою разумѣется, что еще до отправления въ ссылку онъ обращался въ прусское посольство съ просьбами о заступничествѣ, но безуспѣшно, то-есть непосредственнымъ результатомъ было только снабженіе его деньгами на дорогу. Стараніямъ прусскаго посольства онъ приписываетъ однако свое помилованіе, послѣдовавшее не ранѣе 1866 года. При этомъ, съ наивностью пруссака, влюбленнаго въ графа Бисмарка, онъ свидѣтельствуетъ о своей благодарности «высокоуважаемому министру, который человѣкъ, ему лично незнакомаго, въ глубокой Азии томившагося, спасъ» и т. д. Едва-ли прусскій министр-президентъ лично игралъ роль въ спасеніи г. Фалькена. Послѣдній, однако, видитъ въ своемъ помилованіи свидѣтельство о важномъ международномъ фактѣ: «Спасеніе мое—говоритъ онъ—доказываетъ, что влияние прусской дипломатіи, руководимой графомъ Бисмаркомъ, не такъ мало относительно Россіи, какъ полагали доселѣ». Странная притязательность! Вѣдь извѣстно же, что итальянскіе подданные, изъ отряда Нулло, сосланные въ Сибирь, были тоже помилованы впоследствии, хотя они взяты были съ оружіемъ въ рукахъ, а не по подозрѣнію, какъ г. фонъ-Фалькенъ. Примѣняя къ такому факту толкованіе автора, выходитъ, что влияние на Россію дипломатіи итальянской еще значительнѣе, чѣмъ дипломатіи прусской!

Разсказы г. Фалькена о разныхъ подробностяхъ его пребыванія въ Сибири нѣсколько подрываются въ кредитъ, когда онъ утверждаетъ, что ему показали повѣнчаніе объ освобожденіи его «за собственноручнымъ подписомъ Императора, и съ приложеніемъ государственной печати».

Страницъ двадцать въ книгѣ Фалькена, занимаетъ разсказъ объ извѣстномъ сбѣгствѣ изъ Сибири, пѣшкомъ до Архангельска, — Руфина Петровскаго. Разсказъ этотъ совершенно вѣренъ съ извѣстною книгою его, изданною въ Парижѣ. Мы не рѣшаемся впрочемъ сказать, что разсказъ этотъ просто заимствованъ

изъ книги Петровскаго, такъ какъ авторъ утверждаетъ, что слышалъ его отъ одного человека, которому самъ Петровскій передавалъ его, когда попалъ въ Сибирь во второй разъ, вслѣдствіе послѣдняго возстанія. Къ этому авторъ присоединяетъ извѣстіе, что Руфинъ Петровскій (котораго онъ, впрочемъ, по имени не называетъ, но о которомъ, очевидно, ведетъ рѣчь), авторъ упомянутой книги, во время второго слѣдованія въ Сибирь, недалеко отъ Томска умеръ.

То, что г. Фалькенъ, разсказываетъ о Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ побывалъ по возвращеніи изъ ссылки, едва ли представляетъ интересъ даже и для иностранцевъ: такъ элементарны сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Но мы должны признать, что грубыхъ ошибокъ въ нихъ нѣтъ.

Сочиненіе свое онъ заключаетъ повтореніемъ благодарности графу Бисмарку, «который, не смотря на свои многосложныя и важныя занятія», возвратилъ ему свободу, и такимъ увѣщаніемъ своимъ одноземцамъ: «Бойтесь пасть въ Россію, увѣщаніемъ, которое, на вѣрное можно сказать, желаемаго послѣдствія не возымѣетъ».

Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee. Zukünftiger Geschaht im Bilde der Vergangenheit und der Gegenwart. Von W. von Bock. Нѣмецко-русское столкновение на Балтійскомъ морѣ. Фонъ-Бокка).

Die Nordische Post im Lichte der Kollektiv-Erklärung der Ritzschaften Livland's, Esthland's, Kurland's und Oesel's. Von W. v. Bock. («Сѣверная Почта», и коллективное объясненіе бароновъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Фонъ-Бокка).

Первое изъ названныхъ сочиненій—книга, которая разсказываетъ, по-своему, нашъ «конфликтъ» съ балтійскими нѣмцами, начиная его, какъ слѣдуетъ—съ древнѣйшихъ временъ исторіи. Въ ней, послѣ вступленія, красуется эпиграфъ «неизвѣстнаго автора»:

Die Welt hat keinen Raum mehr für uns Beide!

Второе изъ сочиненій—брошюрка, написанная по поводу неправильной, будто-бы, передачи («Сѣвѣрною Почтою», въ сокращеніи, смисла извѣстнаго адреса балтійскаго дворянства. Такъ какъ въ этой брошюркѣ г. Боккъ го-

ворить, что онъ самъ съелъ бы за честь подписать адресъ, въ которомъ дворянство отвергало всякую мысль о существованіи въ балтійскихъ провинціяхъ стремленій къ отдѣленію отъ Россіи, и такъ какъ «Сѣверная Почта» свидѣтельствовала о тѣхъ же чувствахъ балтійскаго дворянства, то мы не знаемъ къ кому относится девизъ: Die Welt hat keinen Raum mehr für uns Beide! Во всякомъ случаѣ къ г. Бокку и «Сѣверной Почтѣ» онъ относится не можетъ.

Между тѣмъ, въ книгѣ г. Бокка соединено все, что онъ только могъ выкопать, вычитать изъ нѣкоторыхъ нашихъ же клеветъ на народъ, и наконецъ самъ придумать неблагопріятнаго о Россіи и русскомъ народѣ. Г. Боккъ сообщаетъ, что въ «конфликтѣ» мы побѣдить никакъ не можемъ, ибо у насъ нѣтъ достаточно культурныхъ силъ (ну, и успокойтесь!); что наша русская община по благосостоянію и благоустройству съ общиной ливляндской ни въ какое сравненіе идти не можетъ, оставаясь неизмѣримо позади послѣдней (къ переселенію, которое несмотря на то происходитъ изъ обтраванной земли въ пустыни, какъ извѣстно, подстрекають преступные агенты); что Россію даже невозможно обогатить въ Bauerreich, какъ о томъ будто «мечтаетъ Александръ Герценъ» именно на зло вѣщимъ, потому что русскій крестьянинъ неспособенъ быть хорошимъ земледѣльцемъ (ist kein Bauer), какъ сказалъ еще Гакстаузенъ; что наша община спилась съ кругу и представляетъ всѣ признаки гнилости или разложенія; что ливляндское сельское населеніе, напротивъ, благоденствуетъ, хотя, «не представляя въ себѣ всѣхъ социальныхъ формъ, тѣмъ самымъ (?) и не предназначено къ самостоятельной политической жизни»; что этотъ народъ «существенно Bauernvolk» (т. е. хорошіе хлѣбопашцы, въ отличіе отъ русскихъ, или—предназначенные самой природою служить крестьянами вѣмецкому дворянству? Двусмысленность не безпричинная!

Г. Боккъ сообщаетъ, что даже нынѣ дѣйствующее въ Лифляндіи положеніе о сельскомъ управленіи (Landgemeinde-Ordnung von 1866),

сперва возбудило-было тамъ, «между людьми самыхъ различныхъ политическихъ цѣлостей» (трудно объяснить такое трогательное единодушіе) опасеніе, не слишкомъ ли велика мѣра самостоятельности, предоставленная положеніемъ сельской общины въ Лифляндіи. Но къ чести эстонскаго и латышскаго народа — они повели себя такъ, что эти (можетъ быть, преувеличенныя?) опасенія оказались напрасными.

Узнаемъ мы изъ книги г. Бокка, что число лютеранскихъ церквей въ балтійскихъ провинціяхъ *удвоилось*, «съ тѣхъ поръ, какъ началась тамъ «наша насильственная религіозная пропаганда», хотя признаться несовсѣмъ понимаемъ, въ какой мѣрѣ «насилъственна» та пропаганда, при коей число иновѣрческихъ церквей удвоилась?

Въ заключеніе, г. Боккъ вдругъ въ одно время и остритъ, и сердится и пророчествуетъ: «русскому медвѣдю» онъ напоминаетъ о возможности того вольна, «которое Федоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ продѣли ему сквозь носъ», и сердясь, страждаетъ насъ еще какою-то цѣпью. Пророчествуетъ же онъ въ такомъ родѣ «а ливляндская сельская община, съ божьей помощью, вся останется крѣпко сидѣть на мѣстѣ (наша въ будущемъ году, какъ извѣстно, вся разбѣжится туда гдѣ лучше, т. е. надо волагать — преимущественно въ Лифляндію), и когда пробьетъ часъ суда—запоетъ, вѣстѣ со всею балтійскою страной ту старую пѣсню, которую пѣли въ Ригѣ во время ужасовъ Ивана Грознаго: «и отъ жестокой власти русскія, избавь твое царство и твою церковь!» О какомъ «часѣ суда» тутъ идетъ рѣчь—догадаться не трудно. Но что, если именно тогда-то ливляндская сельская община не запоетъ, и даже не останется сидѣть на мѣстѣ, а встанетъ и пожелаетъ быть въ самомъ дѣлѣ «земледѣльческою», то-есть владѣть землею?

Для чего все это пишетъ г. Боккъ? На пользу балтійскимъ вѣщимъ? Но никакой пользы эти раздраженія принести, очевидно, не могутъ. На погѣху имъ? Въ такомъ случаѣ, онъ наконецъ пошелъ даже далѣе предположеній цѣли, потѣшивъ и насъ.

Л. А.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ — ІЮНЬ, 1869.

Книга пятая. — Май.

	Стр.
Обрывъ. — Романъ въ пяти частяхъ. — Часть пятая и послѣдняя. — I-XXV. — И. А. ГОНЧАРОВА	5 ✓
Послѣдніе годы Рязи-Посполитой. — 1787-1795 гг. — V. Видъ Россіи; процессъ Понинскаго; его побѣгъ; конституціонная депутація; исканіе финансовыхъ средствъ; просьба городовъ. — VI. Маркизъ Люккенини; первыя основы будущей конституціи. — Н. И. КОСТОМАРОВА	138 ✓
Песня о трехъ повонцахъ. — Стих. гр. А. К. ТОЛСТАГО	154
Италія и Машины. — 1808-1868 — IX-XI. —	168 ✓
Неронъ. — Трагикомедія К. Гудцова. — Картина третья, четвертая и пятая. — В. П. БУРЕНИНА	194 ✓
Духовенство и школы въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. — III-VI. — А. А. КЛАУСА	235 ✓
Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. Часть вторая. — Книга шестая. — I-VIII. (Переводъ съ рукописи)	275 ✓
Современный вопросъ о правахъ женщины. — АНДРЭ ЛЕО	318
Государственные доходы и расходы въ Россіи хѳп-го столѣтія. — I. Царствованіе Петра Великаго. — II. Царствованіе Елисаветы Петровны. — III. Царствованіе Петра III. — А. Н. КУЛОМЗИНА	336 ✓
Провинціальное Земство. — Письмо въ Редакцію. — Б.	352
Внутреннее Овозрѣніе. — Ходатайство земствъ о реальнхъ гимназіяхъ и его судьба. — Туркестанская выставка, и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. — Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. — Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ сословіи. — «Всѣобщее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи	370
Иностранное Овозрѣніе. — Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. — Эмиль Оливье и его новая книга: «Деятнадцатое января». — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Италіею. — Послѣднія испанскія дѣла	393
Маневръ противниковъ нашей школьной реформы. — А.	411
Спеціальное образованіе въ Россіи. — По поводу «Записокъ объ Училищѣ Правовѣднѣя.» — В.	415
Т. Н. Грановскій, въ біографическомъ очеркѣ Л. Станкевича. — СЛ.	424 ✓
Почтовая Замѣтка. — Для многородныхъ подписчиковъ	440

- ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Сборникъ Русскаго Историческаго общества, т. III.—Духовныя жени, В. Диксона.—Русь и Русскіе 1812 году. С. М. Любецкаго. — Семейство Тарскихъ. Н. А. Вроцкаго. — А. С.—НѢ. 446

Книга шестая. — Июнь.

- ✓ Дача на Рейнъ.—Романъ В. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ.—Часть вторая.—Книга шестая.—IX-XIV.—Часть третья.—Книга седьмая.—I-XIII.—(Переводъ съ рукописи) 473
- ✓ Последние годы Рязи-Посполитой. — 1787-1795 гг. — VII. Сеймъ въ 1790 году; Политическій договоръ съ Пруссіею; Рейхенбахская конференція; отозваніе Штакельберга; Булгаковъ; виды Россіи; временное закрытіе сейма.—VIII. Варшавское общество и права во время сейма.—Н. И. КОСТОМАРОВА. 559
- Биржевой Олимпъ и акціонерная мнѣология. — Статья вторая. — 608
- ✓ Сонъ бабушки и внучки. — Разсказъ. — ОЛЬГИ Н. 647
- ✓ Туркестанъ и его реформы. — Изъ записокъ очевидца. — Н. ФРИДЕРИКСА. 691
- ✓ Неронъ.—Трагикомедія К. Гуцкова.—Картина шестая и седьмая.—В. П. БУРЕНИНА 713
- ✓ Русскіе законы о печати.—II-V.—К. К. АРСЕНЬЕВА. 732
- ✓ Критика.—Феофанъ Прокоповичъ и его противники.—Феофанъ Прокоповичъ и его время. Н. Чистовича.—А. Н. ПЫПИНА 791
- Иностранная Литература.—Новый романъ Виктора Гюго.—Victor Hugo: «L'homme qui rit». — I-X.—А. С.—НѢ. 817
- Внутреннее Овозрание. — Взглядъ на полицію въ обществѣ.—Новѣйшія преобразованія по полиціи въ Петербургѣ.—Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867 годъ.—Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права.—Сущность послѣдней полицейской реформы, и ея недостаточность.—Наши города: ихъ происхожденіе и характеристика. — Проекты городского преобразованія.—Уладокъ вексельнаго курса.—Наша финансовая политика.—Новое положеніе министерства путей сообщенія.—Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ дорогамъ.—Post-scriptum: циркуляръ министерства юстиціи 871
- Иностранное Овозрание. — Французскіе выборы 1867, 1868 и 1869 годовъ.—Шартрская рѣчь.—Значеніе парижскихъ волненій.—Бансель и Оливье.—Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ.—Испанія и религиозный вопросъ —Закрытіе австрійскаго рейхсрата.—Перемѣна итальянскаго министерства.—Англія и Американскіе Штаты 892
- Московскіе «Комрачкосы». — Урокъ «Современной Лѣтописи», предлагаемой къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». — А. 908
- ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Май.—I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Голосъ изъ земства. А. Кошелева. А. С.—Отъ Редакціи.—Исторія царствованія имп. Александра I и его время. М. Богдановича. А. II.—Столбы. В. Крылова. Е.—Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Т. III.—Жизнь наскомыхъ Луи Фигье. А. С.—Иностранная Литература: Aus den Memoiren ienes russischen Dekabristen. А. II.—Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten, v. Th. v. Falken.—Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee, v. W. v. Bock.—Die «Nordische Post» im Lichte der Collectiv-Erklärung der Ritterschaften Liv. Esth. Kurl. und Oesel's, von v. Bock. Л. А. 917

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ө. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи мая поступили вновь слѣдующія книги:

- ИСТОРИЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ.** Джона Вильяма Дрэпера. Пер. съ англійскаго А. Пыпина. 2 тома. Изданіе 2-е. Спб. 1869 г. Цѣна 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.
- ДНЕВНИКЪ ЛЮБЛИНСКАГО СЕЙМА 1569 года.** Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. Изд. Археографической комиссіи. 4 д. л. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 4 р.
- СПОСОБЫ ДОБЫЧИ И СТАТИСТИКА ЗОЛОТА И СЕРЕБРА.** Соч. Артура Филлиса. Пер. съ англійскаго В. Ковригина съ дополненіями, касающимися русскихъ золотаго и серебрянаго производствъ, И. Полегини. Изд. П. И. Кузнецова, съ приложеніемъ атласа картъ, рисунковъ и чертежей. Спб. 1869 г. Ц. 7 р. съ пер. 8 р.
- УРАЛЬСКОЕ ГОРНОЕ ХОЗЯЙСТВО** и вопросъ о продажѣ Казенныхъ Горныхъ Заводовъ. Изслѣдованіа В. П. Безобразова, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Спб. 1869 г. Цѣна 5 р. съ пер. 6 р.
- НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ,** сост. кандидатомъ правъ В. А. Желѣзниковымъ. Изд. 3-е. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.
- НАШИ КОЛОНИИ.** Опыты и матеріалы по Исторіи и Статистикѣ Иностранной Колонизаціи въ Россіи. А. Клауса. Выпускъ 1-й. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пер. 4 р.
- КАРТИНЫ ПРОШЕДШАГО.** Писать съ натуры А. Сухова-Кобылинъ. Содержаніе 1. Свадьба Кречинскаго, комедія въ 5 д. Дѣло, драма въ 5 д. Смерть Тарелкина, комедія-шутка въ 3 д. М. 1869 г. въ англійской пап. Цѣна 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.
- ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГРАНОВСКІЙ.** (Биографическій очеркъ) А. Станкевича. М. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- ДВИЖЕНІЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ РОССІИ.** Отдѣлы: 1, 2, 3 и 4. Д. С. С. Григорія Бланка. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 70 к. съ пер. 2 р.
- МЕКСИКА** или Республика и Имперія. Современный политико-бытовой романъ, Артура Штарка. Томъ 2-й. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.
- ИСТОРИЯ И МЕТОДЪ.** Соч. Александра Стронина. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 30 к.
- РОЛАНДЪ.** Древняя французская поэма. Вольный переводъ Бориса Алмазова. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.
- УЧЕНІЕ ОБЪ ОРГАНИЧЕСКИХЪ ФОРМАХЪ,** основанное на теоріи. Превращеніе видовъ. Составлено по сочиненію Э. Геккеля: подъ Редакцію Ил. Мечникова. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.
- ПРИРОДА И ИСТОРИЯ, К. Ридли.** М. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1. 20 к.
- ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.** Е. де-Роберти. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- ЛИТЕРАТУРНОЕ ПАДЕНІЕ Г. АНТОНОВИЧА И ЖУКОВСКАГО.** (Дополненіе къ матеріаламъ для Характеристики Современной Русской Литературы), Ив. Рождественскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.
- ИСТОРИЯ ДВУХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ШАЛУНОВЪ.** Пер. съ англійскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

- ОБЩЕПОЯТНЫЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЯ ГИГИЕНИЧЕСКІЯ И МЕДИЦИНСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.** Пер. съ нѣмецкаго подъ редакц. Д-ра М. С. Ловцова. Выпускъ 1-й. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- НОВѢЙШІЯ ПРАВИЛА САДОВОДСТВА и Огородничества,** С. Хмельницкаго. М. 1860 г. Цѣна 80 к. съ пер. 1 р.
- РУКОВОДСТВО КЪ УХОДУ ЗА БОЛЬНЫМИ, БЕРЕМЕННЫМИ, РОДИЛЬНИЦАМИ И НОВОРОЖДЕННЫМИ ДѢТЬМИ.** Составилъ М. Залуговскій. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- ЭЛЬДОРАДО.** Романъ Густава Эмара. Пер. Тронцаго. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.
- ВВЕДЕНІЕ ВЪ НОВОЗАВѢТНЫЯ КНИГИ Священнаго Писанія.** Пер. съ Нѣмецкаго подъ ред. Архимандрита Михаила. Первая половина. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.
- ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ К. РИТТЕРА.** Географія странъ Азіи находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россією. Восточный или Китайскій Туркестанъ. В. В. Григорьева. Выпускъ 1-й. Переводъ и примѣчанія. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 40 к.
- ПОСОБІЯ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.** Константина Тимофеева. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к. съ пер. 80 к.
- КУМЫСЪ.** Его физиологическое и терапевтическое дѣйствіе. Э. И. Штальберга. Спб. 1869 г. Ц. 60 к. съ пер. 80 к.
- ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА.** Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. К. Реклама. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.
- ТЕАТРАЛЬНЫЯ БОЛОТА.** Хроника-романъ въ 3 час. Книга 1-я. Жизнь и воспитаніе въ театральномъ училищѣ. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- АНОМАЛИ РЕФРАКЦИИ И АККОММОДАЦИИ ГЛАЗА.** Д-ра А. Нагеля. Рукон. для студентовъ и врачей. Передѣла Д-ра Влад. Добровольскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

Печатается и въ 1-му іюня поступить въ продажу:

СВОДЪ РѢШЕНІЙ КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

и разъясненныя ими законоположенія.

Часть I и II.

Второе изданіе, значительное измѣненное и дополненное рѣшеніями за 1868 годъ.

Изданіе Я. И. Утина.

Св. св. св.

592565

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕГОСЯ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-ая.

МАЙ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 25/610

Google

* ОСА

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1869.

- I. — ОБРЫВЪ. — Романъ въ пяти частяхъ. — Часть пятая и послѣдняя. — **И. А. Гончарова**.
- II. — ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — V. Бѣлыя горы, процессъ Понвискаго; его побѣгъ; конституціонная депутация; исکانіе французскихъ средствъ; просьба городовъ. — VI. Маркизъ Локкезени; перама будущей конституціи. — **И. П. Костомарова**.
- III. — ПЪСНЯ О ТРЕХЪ ПОВОИЩАХЪ. — Стих. гр. **А. К. Толстаго**.
- IV. — ИТАЛІЯ И МАЦЦИНИ. — 1808-1868. — IX-XI. —
V. — НЕРОНЪ. — Трагикомедія К. Гущкова. — Картина третья, четвертая и пятая. — **В. П. Буренина**.
- VI. — ДУХОВЕНСТВО И ШКОЛЫ ВЪ НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНИАХЪ. — III-VI. — **А. А. Клауса**.
- VII. — ДАЧА НА РЕЙНЪ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть первая. — Книга шестая. — I-VIII. (Переводъ съ рукописи).
- VIII. — СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ О ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ. — **Андрѣ Лео**.
- IX. — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ РОССІИ ХУДИ-ГО СТОЛѢТІЯ. — I. Царствованіе Петра Великаго. — II. Царствованіе Елизаветы Петровны. — III. Царствованіе Петра III. — **А. Н. Куломзина**.
- X. — ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО. — Письмо въ Редакцію. — **Б.**
- XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Ходатайство земствъ о реальныхъ тиманнахъ и о судьба. — Туркестанская выставка, и наши приобретенія въ средней Азіи. — Волненіе въ Оренбургскомъ граф. — Второй выпускъ облигацій Нижегородской желѣзной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ состояніи «Общее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи.
- XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Пренія французскаго законодательнаго собранія предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. — Эмиль Оливье и его новая книга: «Двадцатое января». — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Пруссіей. — Послѣднія испанскія дѣла.
- XIII. — МАНЕВРЪ ПРОТИВНИКОВЪ НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ. —
- XIV. — СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ. — По поводу «Записокъ объ образованіи Правовѣдствія». — **В.**
- XV. — Т. Н. ГРАНОВСКІЙ, въ біографическомъ очеркѣ Л. Станкевича. — **С. Л.**
- XVI. — ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА. — Для иногороднихъ подписчиковъ. —
- XVII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Апрель. — Русская литература: Сочиненія Русскаго Историческаго Общества, т. III. — Духовная жизнь, В. Дьяковъ. — Русь и русскіе въ 1812 году. С. М. Любецкаго. — Семейство Тарасиха. М. В. Бродскаго. — **А. С — нъ**.
- XVIII. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: **А. Θ. Базунова**.

ВѢД. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногороднихъ подписчиковъ на то, что подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія жалобъ и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журналу.

592565

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМОВЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ЮНЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-ая. — ЮНЬ, 1869.

- I. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга шестая. — IX-XIV. — Часть третья. — Книга седьмая. — I-XIII. (Переводъ съ рукописи).
- II. — ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — VII. Сейма въ 1790 году; политическій договоръ съ Пруссіею; рейхенбахская конференція; опозваніе Штакельберга; Булаковъ; виды Россіи; временное закрытіе сейма. — VIII. Варшавское общество и права во время сейма. — П. И. Костомарова
- III. — БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ И АКЦИОНЕРНАЯ МИФЛОЛОГІЯ. — Статьи вторая
- IV. — СОНЪ БАБУШКИ И ВНУЧКИ. — Разсказъ. — Ольги П.
- V. — ТУРКЕСТАНЪ И ЕГО РЕФОРМЫ. — Изъ записокъ очевидца. — П. Фридерикса
- VI. — НЕРОНЪ. — Трагедія К. Гудкова. — Картина шестая и седьмая. — В. П. Бу-
ренина
- VII. — РУССКІЕ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ. — II-V. — К. К. Арсеньева
- VIII. — КРИТИКА. — ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ И ЕГО ПРОТИВНИКИ. — Феофанъ
Прокоповичъ и его время. П. Чистовича. — А. И. Ильинна
- IX. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — НОВЫЙ РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО —
Victor Hugo: «L'homme qui rit». — I-X. — А. С-нъ
- X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Взглядъ на полицію въ обществѣ. — Новѣйшія пре-
образованія по полиціи въ Петербургѣ. — Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867
годъ. — Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права. — Сущ-
ность послѣдней полицейской реформы и ея недостаточность. — Наши города
ихъ происхождение и характеристика. — Проекты городского преобразованія. —
Упадокъ вексельнаго курса. — Наша финансовая политика. — Новое положеніе
министерства путей сообщенія. — Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ по-
рогамъ. — Post-scriptum: циркуляръ министерства юстиціи
- XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Французскіе выборы 1867, 1868 и 1869 годовъ. —
Шартрская рѣчь. — Значеніе парижскихъ волненій. — Бавель и Оливье. — Оппо-
зиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ. — Испанія и релігіозный вопросъ. —
Закрытіе австрійскаго рейхсрата. — Перемѣна итальянскаго министерства. — Англія
и Американскіе Штаты
- XII. — МОСКОВСКІЕ «КОМПРАЧИКОСЫ». — Урокъ «Современной Лѣтописи», прилагае-
мой къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». — А.
- XIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Май. — I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Гомо-
въ земства. А. Кошелева. А. С. — Отъ редакціи. — Исторія царствованія им-
ператора Александра I и его время. М. Богдановича. А. П. — Столбы. В. Крылова. К. —
Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Т. III. — Жизнь наѣздинокъ. Др.
Фигье. А. С. — II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА: Aus den Memoiren einfluss-
reichen Dekabristen. А. П. — Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten.
von Th. v. Falken. — Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee, in Die Nord-
deutsche Post im Lichte der Collectiv-Erklärung der Bitterschaften Liv, Esth, Kurl.
u. Oesel's Von W. v. Bock. Д. А.
- XIV. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ф. Базунова.

НБ. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на права
подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія взысканій
и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

зоошии. Опыты и материалы по исторіи и развитіи иностранной колонизаціи въ Россіи. Слѣд. 1. А. Клауса. Спб. 1869. Стр. 455, приложеніями и картою. Ц. 3 р. 50 к.

Множество статей изъ этого обширнаго труда помѣщены въ нашемъ журналѣ, и главныя изъ статей автора уже знакомы нашимъ читателямъ. Отдѣльному изданію авторъ присоединилъ значительное число новыхъ изслѣдованій о сѣверныхъ насѣдствіяхъ, о страхованіи и пожарной охотѣ волостныхъ бавкахъ и т. д., снабдивъ эти статьи обширными приложеніями. Предваренный А. А. Клаусомъ, столько же новѣйшей литературѣ, сколько важенъ и интересенъ крестьянской реформы пивъшняго положенія и введенія земскихъ учреждений. При этомъ положеніи вещей бытъ нашихъ экономъ, условія ихъ жизни могутъ приобрести огромное значеніе, и нельзя не отнести къ такому полнаго изслѣдованія о нашихъ отношеніяхъ къ числу важныхъ услугъ для нашей общественной жизни. Интересующіеся земскимъ бытомъ и вообще сельскимъ бытомъ найдутъ въ трудахъ А. А. Клауса драгоцѣнныя наблюденія и факты, которыя могутъ много содѣйствовать разрѣшенію насущныхъ вопросовъ, занимающихъ насъ преимущественно въ такой важной отрасли нашей жизни, какъ сельское хозяйство.

Множество статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Т. VI. Со снимками почерка Крылова. Спб. 1869. Стр. 286 и 360. Ц. 2 р.

Въ шестой томъ «Сборника» посвященъ нашъ баснописцу И. А. Крылову. Въ него вошли статьи на юбилей Крылова съ приложеніемъ неизданныхъ доселѣ сочиненій Крылова, а именно: двѣ комедіи «Пирогъ» и «Лѣнтяй», и комическая опера «Кофейница». Сверхъ того въ томъ «Сборникъ» вошли вторымъ изданіемъ замѣчанія г. Кеневича къ баснямъ Крылова, вполне разошедшіяся, и любопытныя повнепріимчивыя для біографіи баснописца. Юбилей Крылова обратилъ вниманіе и иностранцевъ на его басни. Г. Ральстонъ издалъ недавно въ Лондонѣ, прозаическою переводъ значительную часть изъ басенъ Крылова: «Kriloff and his fables», съ краткою біографіей, составленной на основаніи статей Гривера, Лобанова и изслѣдованій, явившихся въ последнее время.

Исторія Альбигойцевъ, до кончины папы Иннокентія III. Соч. Н. Осокина. Т. I. Казань, 1869. Стр. 592. Ц. 3 р.

Вшедшій нынѣ пространный томъ составляетъ цѣлою полшой «Исторіи Альбигойцевъ и ихъ вѣрованій», обвиняющаго XII и XIII столѣтія, извѣст-

ныя подъ именемъ эпохи крестовыхъ походовъ. Авторъ имѣлъ въ виду получить за свой трудъ ученую степень магистра, которой безъ сомнѣнія нельзя у него оспаривать, и вмѣстѣ «не хотѣлъ пренебрегать требованіями популярности и общедоступности изложенія», съ цѣлью дать публикѣ книгу для чтенія. Но чтобы быть популярнымъ и общедоступнымъ, для этого нуженъ, кромѣ основательнаго знанія, извѣстный талантъ, и потому едва ли авторъ былъ правъ, полагая, что популярность и общедоступность могутъ быть предметомъ его воли, хотѣнія. Дѣйствительно, настоящій его трудъ можно назвать ученымъ, по характеру, весьма пространнымъ и подробнымъ, но никакъ не популярнымъ. Чрезмѣрная обширность труда, сравнительно съ предметомъ, доказываетъ, что автору не доставало синтеза, и онъ явился предъ своими читателями со всеми подробностями, которыя осаждали его въ кабинетѣ и теперь точно также будутъ осажать всякаго, кто возьметъ въ руки его трудъ.

Осьмнадцатый выпускъ Историческаго сборника, издаваемый П. Бартевевымъ. Книга третья, Москва, 1869. Стр. 490.

Третій выпускъ, за исключеніемъ продолженія писемъ о Россіи въ Испанію Дука де-Ларія, состоитъ изъ мелкихъ актовъ весьма относительной важности, между которыми и на первомъ мѣстѣ помѣщена статья г. Андреева «Екатерина Первая»,—странная смѣсь анекдотовъ, заимствованныхъ отовсюду, безъ всякаго разбора, при чемъ многое вошло въ эту статью и изъ «Русскаго Архива», издаваемаго тѣмъ же г. Бартевевымъ, а рядомъ съ Берггольдомъ, Бассевичемъ, историкомъ Германовымъ, красуется нашъ «Энциклопедическій Лексиконъ», въ качествѣ источника.

Дневникъ Львлинскаго сейма 1569 года. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Спб. 1869. Стр. 786 въ 4-ю л. Ц. 3 руб.

Этотъ важный и интересный документъ, изданный въ 1856 г. Дзялыньскимъ, является у насъ на основаніи болѣе удовлетворительной редакціи по рукописи, хранящейся въ Публичной Библиотекѣ. Рядомъ съ текстомъ помѣщенъ русскій переводъ члена Арх. Ком. М. О. Коляновича. Дневникъ, во изданію Дзялыньскаго, былъ веденъ польскими составителями; рукопись же Публичной Библиотеки, изданная нынѣ, имѣла своимъ авторомъ лице изъ русскаго воеводства. Ни одинъ изъ документовъ той эпохи не даетъ намъ такого полнаго понятія о порядкѣ, въ которомъ происходили сеймовыя совѣщанія. Существенный недостатокъ «Дневника» составляетъ почти полное отсутствіе тѣхъ инструкцій, которыя были выданы избираемыми для руководства на сеймѣ.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года подписание прекращена съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугодіе удерживаютъ за собою право возобновить въ юнѣ подписку на второе полугодіе): 1) *безъ доставки*—14 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Сиб. по почтѣ, и въ Москву чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—15 руб.; 3) *съ пересылкою въ губернія и въ Москву по почтѣ*—17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Сиб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книги Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибки, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получить безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желая же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда, (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Сиб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Германія*—18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція и Данія*—20 руб.; *Англія, Швейцарія, Испанія и Португалія*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія и Римъ*—23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно свѣдѣться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи свѣдѣній послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книжками, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ началѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ плутокъ и ложкѣ; иностраннымъ—въ бандероляхъ съ адресами.

М. Утасюлевичъ

* Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для пересылки Почтамту.

